2955519 р
6124

2.955.519

Г. ЛЕВЕНФИШ В МОСКВЕ

МОСКВА, 16 мая. (ТАСС). 16 мая в Москву приехал победитель X Всесоюзного шахматного турнира в Тбилиси Г. Левенфиш. Чемпион СССР по шахматам спешит домой, в Ленинград, где под его редакцией скоро должен выйти в свет сборник шахматных партий, игранных на третьем международном турнире.

Через несколько дней Левенфиш вновь вернется в Москву и выступит перед московскими шахматистами.

нных в

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

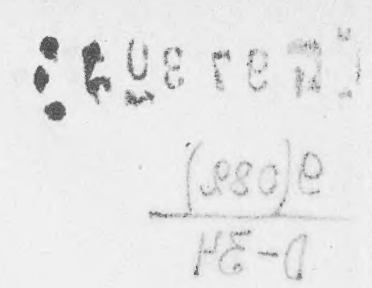
УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

КУРСЪ НОВОЙ ИСТОРІИ.

СОСТАВЛЕНА ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ ИСТОРІИ 1-Й ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ
А. ОВСЯННИКОВЫМЪ.

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. ОВСЯННИКОВА и П. СТЕПАНОВА.
1875.



Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 15.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Въ предисловіи къ первому тому я только вскользь намѣтилъ тѣ цѣли, которыми я задался при составленіи Хрестоматіи. Предполагая, что она можетъ быть не безполезною книгою для внѣкласснаго чтенія учащихся и служить пособіемъ при изученіи курса новой исторіи, я не давалъ при этомъ никакихъ методическихъ указаній, думая, что педагогическая опытность преподавателей исторіи дѣлаетъ, по меньшей мѣрѣ, эти указанія излишними. Смѣю надѣяться, что статьи, вошедшія въ составъ первыхъ двухъ томовъ, за немногими исключеніями, не превышаютъ уровня пониманія учащихся, что, при содѣйствіи преподавателя, учащимися могутъ быть прочтены и тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе выдаются своею серьезностью и сжатостью изложенія (какъ напр. въ I. т. № 5 III отд., №№ 12 и 13—IV и № 3 — VI отдѣла). Судить, впрочемъ, о моей книгѣ предоставляю критикѣ, которая уже съ должнымъ безпристрастіемъ отнеслась къ ней и поощрила лестными отзывами мой первый скромный трудъ. Я же надѣюсь, что два вышедшихъ тома Исторической Хрестоматіи будутъ далеко не лишними и какъ непосредственное пособіе и какъ матеріалъ для внѣкласснаго чтенія [1]).

С.-Петербургъ, 1875 г. Ноября 14 дня.

А. Овсянниковъ.

---

[1]) Слышались нареканія на неточность нѣкоторыхъ переводовъ. Къ моему огорченію, я былъ введенъ въ заблужденіе нѣкоторыми переводами, помѣщенными въ нашихъ журналахъ. Это была большая ошибка, откровенно въ ней сознаюсь. Прекрасныя статьи Мишле №№ 6 и 9 (Renaissance), взятыя изъ Библ. для чтенія 1860, № 11, оказались не совсѣмъ удовлетворительно переведенными, что нравственно меня обязываетъ вновь помѣстить ихъ въ видѣ приложенія къ III тому, выходъ котораго незамедлитъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV. Эпоха Стюартовъ.

V. Изъ эпохи тридцатилѣтней войны.

I.

ВОЗВЫШЕНІЕ НЕОГРАНИЧЕННОЙ МОНАРХІИ ВО ФРАНЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1) ГЕНРИХЪ IV БУРБОНЪ (1594—1610).

Генрихъ IV и Карлъ X—короли Франціи. — Сраженіе при Аркѣ. — Внезапное нападеніе на парижскія предмѣстія. — Генрихъ признается Венеціанами. — Затрудненія Майена. — Битва при Иври. — Осада Парижа. — Движеніе герцога Пармскаго. — Взятіе Ланьи. — Освобожденіе Парижа. — Разладъ среди роялистовъ. — Генрихъ IV получаетъ помощь Англіи, Голландіи и Германіи.—Разъединеніе лигистовъ.—Власть захватываетъ партія шестнадцати. — Майенъ ее разбиваетъ. — Осада Руана. — Сраженіе при Омаль.—Взятіе Кодбека.—Наступательное движеніе и отступленіе герцога Пармскаго. — Ученія о самодержавіи народа. — Могущество Филиппа II во Франціи.—Парижскіе штаты.—Совѣщанія въ Сюреннѣ.—Указъ парламента о соблюденіи салическаго закона. — Обращеніе Генриха IV. — Упадокъ Лиги. — Подчиненіе многихъ провинцій королю.— Стѣснительное положеніе Майена. — Подчиненіе Парижа. — Въѣздъ Генриха IV. — Возобновленіе войны.—Подчиненіе знатныхъ лигистовъ.—Непопулярность Генриха IV. — Покушеніе Жана Шатель. — Изгнаніе іезуитовъ. — Война съ Испаніею. — Снятіе съ Генриха IV церковнаго отлученія. — Подчиненіе Майена. — Утрата Калэ. — Разстройство финансовъ. — Собраніе потаблей. — Нантскій эдиктъ.

При вѣсти о смерти Генриха III Парижъ возликовалъ. Увлеченіе дошло до того, что убійцѣ воздали почести мученика. Всѣ церкви огласились похвалами Жаку Клеманъ; его портретъ стоялъ на алтаряхъ; испанскій посланникъ писалъ своему начальнику: «только рукѣ Всевышняго мы обязаны этимъ счастливымъ событіемъ,» а папа не устыдился уподобить смерть убійцы страстямъ Христа Спасителя.

Между тѣмъ пресѣченіе рода Валуа, выдвигая на сцену великій вопросъ о престолонаслѣдіи, ставило Лигу на совершенно новую почву. Генрихъ Бурбонъ былъ чуждъ Франціи вдвойнѣ: какъ король Наваррскій и какъ глава кальвинистовъ, казалось,

что нація вполнѣ вступитъ въ свои права избрать государя своей вѣры, своего языка и своихъ законовъ. Дому Гизовъ, столь популярному, столь вѣрному католицизму, представился случай взойти на престолъ, но Генриха Гиза (Balafré) не было въ живыхъ; его сынъ, не одаренный ни одною изъ доблестей своего отца, находился въ плѣну у Беарнца: его братъ, герцогъ Майенскій, сдѣлался главою Лиги скорѣе въ силу обстоятельствъ, чѣмъ по влеченію своего честолюбія. Это былъ человѣкъ съ умомъ, характера упорнаго, но умѣренный, равнодушный, безъ всякаго вдохновенія и отваги. Стараясь медлить, онъ употребилъ такую мѣру, при которой и престолъ былъ бы занятъ и поприще оставалось бы свободнымъ для его притязаній; онъ поспѣшилъ провозгласить кардинала Бурбона королемъ подъ именемъ Карла X (7 авг. 1589). Это была громадная ошибка, гибельная для плановъ дома Гизовъ; правда, новый король, плѣнникъ Беарнца, служилъ Майену только своимъ именемъ, но его возведеніе было формальнымъ признаніемъ правъ Бурбоновъ на престолъ и въ этомъ смыслѣ подготовляло путь Генриху Наваррскому, какъ того и желали Вильруа, Жаннэнъ и другіе политики, склонявшіе къ этой мѣрѣ. Карла X безпрепятственно признали всѣ города Союза и всѣ католическія державы; Майенъ удержалъ правленіе въ качествѣ намѣстника.

Въ лагерѣ Сен-Клу Беарнецъ принялъ титулъ короля Франціи и имя Генриха IV; но окружавшіе его были сильно разъединены. Протестантскіе вельможи усматривали, что если только ихъ предводителя возведутъ на престолъ, то вся партія останется безъ главы и будущности, такъ какъ не принять католичества онъ не могъ; вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ бы возстановлять монархическое единство и поборолъ бы аристократическія и феодальныя домогательства своихъ бывшихъ сподвижниковъ. Гасконское дворянство, послѣдовавшее за Генрихомъ, увлеклось, однако, славою дать Франціи короля изъ своей страны и надеждою, что чрезъ его возвышеніе удастся и имъ возвыситься.

Какъ бы то ни было, но, признавъ Генриха IV, протестантская партія нанесла себѣ смертельный ударъ.

Однако въ лагерѣ Сен-Клу насчитывали едва тысячи три—четыре кальвинистовъ на сорокъ тысячъ человѣкъ; все остальное были католики, которыхъ привели Генриху III герцоги: Лонгвилль, д'Епернонъ, д'Омонъ, Биронъ, д'О. и др. У всѣхъ ихъ было одно желаніе—не повиноваться королю-еретику. Случалось видѣть, какъ эти гордые сеньоры, собравшись въ присутствіи Генриха передъ трупомъ его предшественника, точно умалишенные, надвигали шляпы, бросали ихъ наземь, сжимали кулаки, сговаривались, били по рукамъ, высказывали желанія и давали обѣщанія, въ которыхъ слышались заключительныя

слова: «въ тысячу разъ лучше умереть». Разъ они всѣ собрались и торжественно объявили Генриху IV, что ему слѣдуетъ сдѣлать выборъ, или оставаться королемъ Наваррскимъ и протестантомъ, или сдѣлаться королемъ Франціи и католикомъ. Беарнецъ поблѣднѣлъ со страху, но выказалъ не мало твердости: «Какъ», вскричалъ онъ, «приставать мнѣ къ горлу съ перваго шага моего вступленія, въ минуту опасности. Король безбожникъ былъ бы для васъ лучше? Относительно же вашихъ сужденій, господа, взываю къ вамъ самимъ. Пусть тотъ, кто не можетъ принять болѣе зрѣлаго рѣшенія, поищетъ себѣ платы отъ дерзкаго начальника; я не держу. Среди католиковъ найдутся такіе, которымъ дорога Франція и честь!» Потомъ, обращаясь къ маршалу Бирону, который слылъ за самаго искуснаго изъ католическихъ полководцевъ, сказалъ: «въ этотъ часъ поддержите вашею рукою мою корону, будьте мнѣ отцомъ и другомъ противъ этихъ людей, которые не любятъ ни васъ, ни меня». Быть можетъ Генрихъ былъ расположенъ безразлично къ обоимъ вѣроисповѣданіямъ, но онъ чувствовалъ, что, сдѣлайся онъ католикомъ въ эту минуту, стали бы говорить, что онъ принесъ религію въ жертву честолюбію; чтобы его обращеніе имѣло всю свою цѣну, ему слѣдовало дать понять, что онъ могъ достичь престола и безъ этой уступки; слѣдовало быть не жалкимъ предводителемъ авантюристовъ, а могущественнымъ королемъ, котораго окружала бы сильная армія, слѣдовало, наконецъ, чтобы его право было бы санкціонировано побѣдами. Слѣдуя совѣту протестантскихъ вождей, онъ объявилъ въ отвѣтъ католическимъ вельможамъ, что обѣщаетъ принять наставленіе въ римской вѣрѣ и созвать генеральные штаты; до того же времени клятвенно обязуется поддерживать въ государствѣ исключительно католическую вѣру, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ по Бержеракскому эдикту была дарована протестантамъ свобода вѣроисповѣданія. Это объявленіе подписало большинство сеньоровъ, признавшихъ своимъ королемъ и законнымъ государемъ Генриха IV, короля Франціи и Наварры; его внесли въ списокъ парламентскихъ актовъ Тура и разослали во всѣ города королевства. Тѣмъ не менѣе д'Епернонъ и многіе католическіе вельможи оставили Генриха и удалились въ свои владѣнія; другіе съ большимъ числомъ солдатъ перешли даже въ лагерь Лиги; нѣкоторые, какъ Омонъ, Биронъ, Лонгвилль продали свою вѣрность за жалованныя помѣстья; наконецъ Тремуйль съ девятью батальонами протестантовъ отказался сражаться подъ знаменами короля, который принялъ на себя покровительствовать идолопоклонству. И передъ обширною могущественною Лигою осталось у бѣднаго Генриха не болѣе какъ тысячъ восемь—десять, преимущественно иностранцевъ; и тѣхъ онъ не

былъ въ состоянiи ни прокормить, ни содержать на жалованьи.

Такимъ образомъ Карлъ X и Генрихъ IV, религiи католическая и протестантская, парламенты турскiй и парижскiй, сѣверъ и югъ Францiи, народъ и дворяне, духъ единства и духъ феодализма предстали лицомъ къ лицу съ громаднымъ различiемъ средствъ и силъ. Право, могущество и будущность находились на сторонѣ Лиги, но Генрихъ Бурбонъ былъ не изъ числа обыкновенныхъ людей: какъ скоро онъ увидѣлъ, что сила безполезна, онъ отступилъ отъ той партiи, въ которой родился и бросился въ ту, которая давала право, могущество и будущность.

Тѣмъ не менѣе смерть Генриха III всецѣло возвратила Лигѣ увѣренность въ себѣ; по прибытiи помощи изъ Испанiи Майенъ сталъ работать надъ составленiемъ тридцатитысячнаго войска. Дѣло шло къ тому, чтобы Генриха IV изолировать, посрамить въ виду столицы; у него не было области, съ которой онъ могъ бы собрать подати или набрать людей; небольшой части страны, которая его признавала, было довольно дѣла съ ея собственной защитой: приходилось оставить окрестности Парижа немедленно, но онъ не зналъ, куда идти безъ провiанта и думалъ даже вернуться въ южныя провинцiи, когда д'Обинье сказалъ ему: «Кто повѣритъ, что вы король Францiи, видя ваши письма, помѣченныя изъ Лиможа?» Дѣйствительно, еслибы онъ послѣдовалъ внушенiю этой первой мысли, весьма вѣроятно, что онъ проходилъ бы въ приключенiяхъ всю свою жизнь, оставаясь по ту сторону Лоары и никогда-бы не вступилъ въ Парижъ. Тогда онъ рѣшилъ идти въ Нормандiю, «чтобы тамъ получить деньги поземельнаго сбора, прокормить армiю», и овладѣть какою-нибудь гаванью, откуда онъ могъ бы получить помощь отъ Англiи. Онъ послалъ д'Омона и Лонгвилля съ двумя небольшими отрядами въ Пикардiю и Шампань тревожить границы, самъ же съ семью тысячами человѣкъ голодныхъ, недовольныхъ, двинулся въ Нормандiю.

Майенъ бросился его преслѣдовать и такъ стѣснилъ его, что онъ могъ ускользнуть не иначе, какъ бросившись въ море, по собственному выраженiю Майена. Генрихъ пробовалъ напасть нечаянно на Руанъ, потомъ повернулъ къ Дiеппу, который ему передалъ комендантъ. Генрихъ не рискнулъ запереться въ этомъ городѣ, гдѣ жители и недостатокъ припасовъ въ скоромъ времени принудили бы его капитулировать; онъ отступилъ и укрѣпился въ твердой позицiи близь деревни и рѣки Аркъ. Его положенiе подавало такъ мало надеждъ, что парламентъ совѣтовалъ ему раздѣлить власть съ Карломъ X на тѣхъ условiяхъ, чтобы впослѣдствiи быть его наслѣдникомъ; самъ же онъ

думалъ искать убѣжища въ Англіи. Представленія Бирона возвратили мужество: съ рѣшимостью онъ сталъ ожидать въ своемъ лагерѣ армію Лиги, предварительно сдѣлавъ весьма искусныя распоряженія. Майенъ пытался овладѣть лагеремъ роялистовъ или захватить предмѣстья Діеппа. Впродолженіе пятнадцати дней онъ дѣлалъ все, что только могъ, употребляя и хитрость, и силу, однако былъ отбитъ во всѣхъ своихъ нападеніяхъ, а когда узналъ, что Лонгвилль и д'Омонъ спѣшили съ подкрѣпленіями, отступилъ въ Пикардію, чтобы соединиться съ приближавшимися испанскими вспомогательными войсками (28 сент.).

Сраженія при Аркѣ, гдѣ семь тысячъ человѣкъ блистательно устояли противъ тридцати тысячъ, были счастливымъ предзнаменованіемъ для Беарнца. Въ это время Лонгвилль и д'Омонъ привели ему дворянство Пикардіи и Шампани, Елисавета послала ему пять тысячъ англичанъ, и онъ очутился во главѣ двадцати тысячъ человѣкъ; при всемъ томъ у него не было ни одного экю заплатить имъ, и онъ задумалъ потревожить непріятеля отважнымъ нападеніемъ, давая такимъ образомъ добычу вмѣсто жалованья, и обратить наступательное движеніе въ центръ государства, гдѣ никто ему не повиновался. У Майена онъ выигралъ три марша и устремился на Парижъ, который никакъ не ожидалъ нападенія (31 окт.). Буржуа и монахи воодушевелись и мужественно бросились въ предмѣстья, но обширность окружности затрудняла защиту; южныя предмѣстья были взяты приступомъ послѣ упорной битвы, въ которой легли девятьсотъ парижанъ (1 ноября). Гугеноты вломились въ городъ, крича: «Святой Варѳоломей!» Три дня они предавались ужаснѣйшему грабежу. Обогативъ такимъ образомъ своихъ солдатъ, Генрихъ не старался овладѣть городомъ, «потому что его армія тамъ погибла бы;» къ тому же парижане готовили сильный отпоръ; прибылъ Майенъ (4 ноября). Снявъ лагерь, онъ раздѣлилъ свою армію на четыре корпуса, которые разослалъ по четыремъ провинціямъ, а самъ во главѣ дворянъ двинулся въ Туръ, столицу роялистской партіи (21 ноября).

Около этого времени генеральнымъ штатамъ надлежало собираться. Генрихъ не желалъ отдавать своихъ правъ на обсужденіе народнаго собранія и извинился передъ парламентомъ въ томъ, что не созвалъ ихъ по причинѣ затрудненій войны. Принужденный держаться средины между католиками, которые съ нетерпѣніемъ смотрѣли на то, что онъ не мѣняетъ вѣры, и протестантами, которые собирались выбрать вмѣсто него главу партіи, Генрихъ старался побороть трудности своего положенія веселостью, терпѣніемъ, остроуміемъ и храбростью. Онъ держалъ себя скорѣе какъ товарищъ, чѣмъ какъ государь; бѣдность средствъ замѣнялъ щедростью обѣщаній; со всѣми обходился

ласково; угождалъ поочередно то протестантамъ, какъ своимъ старымъ вѣрнымъ сподвижникамъ, то католикамъ, какъ своимъ будущимъ единовѣрцамъ; передъ буржуазіей извинялся въ бѣдствіяхъ войны, съ дворянами велъ дружбу и, обращая въ шутку свою бѣдность въ настоящемъ, увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что обязанъ имъ короною, за что не преминетъ вознаградить ихъ.

Тѣмъ не менѣе онъ преуспѣвалъ, если не во Франціи, гдѣ никакъ не думали, что онъ достигнетъ престола, то, по крайней мѣрѣ, внѣ ея, гдѣ имя его росло. Несмотря на бѣдность и заботы о войнѣ, онъ разослалъ агентовъ ко всѣмъ дворамъ, и его дипломатическія сношенія были весьма дѣятельны. Англія и Соединенныя Провинціи, его вѣрныя союзницы, признали его безпрепятственно; Швеція и Данія вступили съ нимъ въ дружественный союзъ; Турція обѣщала ему содѣйствіе противъ Испаніи; но ни одна католическая держава не осмѣлилась обращаться къ нему, какъ къ королю. Починъ принадлежитъ Венеціи, которая отправила къ нему полномочнаго посла; герцоги Мантуи и Феррары послѣдовали этому примѣру и даже доставили Генриху значительныя денежныя суммы. Это признаніе короля-еретика тремя католическими итальянскими державами наносило тяжелый ударъ папскому авторитету и испанскому преобладанію. По наущенію Филиппа, папа угрожалъ венеціанамъ отлученіемъ; однако затѣмъ внялъ замѣчаніямъ сената, который предъявилъ, что папа ступить не можетъ безъ позволенія Испаніи и что величіе французскаго короля составляетъ ручательство за независимость Италіи. Онъ смягчился, пожалѣлъ о томъ, что отлучилъ Генриха и благосклонно принялъ посольство католическихъ вельможъ, сторонниковъ Беарнца. Лига подняла ропотъ; священники Парижа поговаривали о Сикстѣ V, что онъ «плохой папа и политикъ»; посланникъ Филиппа II, преклонивъ предъ первосвященникомъ колѣни, убѣждалъ его «объявить отлученными всѣхъ приверженцевъ короля Наваррскаго, говоря, что въ противномъ случаѣ Филиппъ II выйдетъ изъ повиновенія папѣ и не потерпитъ, чтобы дѣло Христово рушилось». Сикстъ не соглашался. «Еслибы король Наваррскій былъ здѣсь,» говорилъ онъ, «я на колѣняхъ умолялъ бы его сдѣлаться католикомъ». И до конца жизни онъ оставался въ нерѣшимости между соблюденіемъ чистоты вѣры и независимостью своей власти, между влеченіемъ къ Генриху IV и страхомъ, который ему внушалъ Филиппъ.

Этотъ образъ дѣйствія папы внесъ въ Лигу разладъ: Майену повиновались плохо; ему приходилось защищаться отъ демократическаго духа парижанъ, честолюбія испанцевъ, заносчивости духовенства, измѣны политиковъ, и онъ сожалѣлъ, зачѣмъ не взялъ

короны, этой цѣли всѣхъ интригъ, причины всѣхъ раздѣленій. Филиппъ II провозглашалъ права своей дочери, какъ рожденной отъ сестры Генриха III; герцоги Лотарингскій и Савойскій обнаруживали подобныя же притязанія; [1]) герцоги Меркерскій, Неверскій, Немурскій и Омальскій стремились расчленить государство; часть парламента, большинство дворянства и высшей буржуазіи желали короля изъ французовъ и приняли бы Генриха Наваррскаго, еслибы онъ сдѣлался католикомъ; наконецъ партія Шестнадцати и члены совѣта Союза стремились сокрушить монархію и дворянство и обратить Францію въ республику. Противъ всѣхъ притязаній Майенъ ратовалъ твердо и прямодушно, упорно держась своей цѣли — сохранить монархическое единство устраненіемъ господства гугенотовъ и испанцевъ. Онъ отвергъ въ одно время предложенія Филиппа II и Генриха IV; сорбонискимъ декретомъ запретилъ входить въ сношенія съ еретиками; онъ ввелъ въ совѣтъ Союза сановниковъ и даже политиковъ, отмѣнилъ сопряженныя съ нимъ выгоды и, наконецъ, упразднилъ его совершенно; затѣмъ онъ обѣщалъ созвать генеральные штаты, чтобы представить народу располагать короною, самъ же всецѣло предался войнѣ.

Генрихъ продолжалъ свою жизнь, полную приключеній, какъ будто онъ хотѣлъ заслужить престолъ мечомъ; однако, несмотря на успѣхи, онъ не пріобрѣталъ приверженцевъ; почти всѣ города и села были противъ него; сеньоры были независимы; при немъ оставались только его сподвижники въ войнѣ; своимъ прямымъ и ласковымъ обращеніемъ, остротами, пылкимъ характеромъ, беззаботностью въ опасностяхъ, лишеніяхъ и трудностяхъ войны онъ давалъ своимъ сподвижникамъ высокое мнѣніе о себѣ и о нихъ самихъ. Савойскій посланникъ пишетъ: «Это былъ солдатъ храбрый, но безъ военно-дисциплинарной выправки, скорѣе предводитель изгнанныхъ и служакъ, чѣмъ глава арміи, либеральный, пріятный въ обращеніи, слегка шутливый и насмѣшливый, съ гордостью державшій себя, какъ истый французъ и большой поклонникъ дворянства».

Онъ овладѣлъ Вандомомъ, Ле-Маномъ и Фалезомъ, затѣмъ мало по малу приблизился къ Парижу. Никогда еще Парижъ не оказывалъ такого вліянія на Францію; это была душа монархіи, резиденція парламента, государственнаго контроля, Сорбонны, наконецъ всего того, что придавало Майену и его призрачному королю законную силу. Парижу, слѣдовательно, надлежитъ быть единственною цѣлью роялистовъ,

---

[1]) Первый для своего сына, рожденнаго отъ дочери Генриха II, второй для себя въ качествѣ внука дочери Франциска I.

и Генрихъ искалъ способа, какъ-бы его принудить сдаться голодомъ, предварительно овладѣвъ городами, доставлявшими ему припасы. Майенъ выступилъ въ походъ, взялъ Понтоазъ, осадилъ Меланъ и, видя приближеніе роялистовъ, направился въ Пикардію за испанскимъ подкрѣпленіемъ, которое велъ графъ Эгмонтъ. Тѣмъ временемъ Генрихъ осаждалъ Дре. Майенъ поспѣшно возвратился, ведя съ собою двѣнадцать тысячъ пѣхоты и три тысячи конницы и заставилъ его снять осаду. У Беарнца было всего восемь тысячъ пѣхоты и три тысячи конницы, но онъ не хотѣлъ отступать въ Нормандію, гдѣ могъ быть въ безопасности. «Нѣтъ иного убѣжища, какъ поле битвы!» сказалъ онъ и сталъ ждать враговъ въ равнинѣ Иври, на берегахъ Эры, въ превосходной позиціи (14 марта). Благодаря его храбрости и искуснымъ маневрамъ Бирона, сраженіе было выиграно въ два часа. Королевская артиллерія мѣтко попадала въ лигистовъ, сбила съ позиціи кавалерію и привела въ разстройство ихъ инфантерію; графъ Эгмонтъ былъ убитъ; Швейцарцы сдались безъ боя и перешли на сторону роялистовъ; нѣмцевъ не щадили, слѣдуя приказанію Генриха: «Чужихъ рубите, французовъ спасайте!» Армія Майена была почти совершенно уничтожена, шесть тысячъ человѣкъ погибли, остальные разбрелись.

Эта побѣда, самая блистательная, какую когда-либо одерживали во время гражданскихъ войнъ, покрыла Генриха большою славою; всюду его величали героемъ: изо всѣхъ протестантскихъ вождей онъ одинъ только никогда не былъ побѣжденъ; онъ выигралъ битвы при Кутра, Аркѣ и Иври. Съ этого времени онъ перестаетъ быть авантюристомъ и становится побѣдоноснымъ полководцемъ; его военная слава упрочиваетъ его шансы на успѣхъ. Но, по своему обыкновенію, онъ не съумѣлъ воспользоваться своею побѣдою; «еслибы онъ пошелъ на Парижъ, то Лига, уже и такъ устрашенная и сбитая со всѣхъ пунктовъ, отворила бы ему ворота;» онъ сложилъ всю вину на финансовыя затрудненія, на страсть своихъ солдатъ къ грабежу и, наконецъ, говоритъ Сюльи, «на коварство католиковъ своей арміи, которымъ побѣда Генриха была столь же непріятна и досадна, сколько и тѣмъ, кто ее проигралъ.» Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ онъ пробавлялся тѣмъ, что бралъ города окрестъ Парижа, и, когда дорога и рѣки были въ его рукахъ, тогда только онъ оцѣпилъ Парижъ, употребивъ на это всего пятнадцать тысячъ человѣкъ.

Майенъ не возвращался въ Парижъ; оставивъ герцогу Немурскому управленіе этимъ городомъ, онъ самъ пошелъ въ Нидерланды поторопить новую испанскую армію. Парижане были въ страшномъ волненіи; напрасно политики пробовали воспользоваться своимъ пораженіемъ при Иври, чтобы подготовить путь

Генриху IV, партія Шестнадцати и приходское духовенство сопротивлялись съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, а Сорбонна объявила, что Генриху, какъ еретику, отлученному отъ церкви, каждый французъ обязанъ по совѣсти препятствовать къ достиженію власти даже въ томъ случаѣ, еслибъ онъ обратился къ католичеству и выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе. Буржуа возобновили торжественно присягу Союзу, поклялись защищать городъ на-смерть и усердно приготовлялись выдерживать осаду; они рыли окопы, укрѣпляли валы, запасались провизіей, производили смотры, устраивали процессіи, упражнялись во владѣніи оружіемъ. Регулярнаго войска у нихъ было всего тысячъ пять—шесть, но въ ихъ распоряженіи была еще тридцатитысячная милиція и шестьдесятъ пять орудій. Обороною руководили легатъ Гаетано и испанскій посолъ Мендоза; во мнѣніи парижанъ они оба были оплотомъ истинныхъ католиковъ.

Въ это время Карлъ X умеръ. Его смерть, хотя и оживила притязанія лицъ, домогавшихся короны, но въ состояніи политики не измѣнила ничего; смятенія въ Лигу она не внесла; всѣ согласились остаться до собранія генеральныхъ штатовъ въ томъ временно переходномъ положеніи, въ которомъ находились еще при жизни этого короля. Затѣмъ занялись исключительно осадою.

Въ первые два мѣсяца частыя вылазки доставляли нѣсколько припасовъ; ходили жать подъ защитою пищалей; но Генрихъ получилъ подкрѣпленія и взялъ всѣ предмѣстья приступомъ; бой происходилъ ночью и былъ ужасенъ. «Парижъ, казалось, потонулъ въ морѣ пламени» (27 іюня). Тогда парижане очутились плѣнниками въ собственныхъ стѣнахъ; всѣ вылазки оставались безуспѣшными; открылся страшный голодъ, и политики пробовали было предать городъ измѣною. Но народные проповѣдники поддерживали воодушевленіе своимъ площаднымъ краснорѣчіемъ, пересыпаннымъ бранью и выраженіями ненависти; партія Шестнадцати разрушала интриги роялистовъ; герцогъ Немурскій, котораго по его желанію приняли въ число парижскихъ гражданъ, обнаруживалъ неутомимую дѣятельность, герцогини Немурская, Майенская и Монпансье безпрестанно были на улицахъ, воспламеняя народъ, раздавая пищу, подавляя возмущенія; монахи, вооруженные мечами и пищалями, совершали процессіи, сторожили валы, выдерживали приступы, дѣлали вылазки. Свинецъ церквей и колоколовъ перелили въ ядра и пушки; продали священные сосуды, чтобы купить муки. Нѣтъ ничего возвышеннѣе, величественнѣе, какъ чувство глубокой вѣры, одушевлявшее это двухсотъ-тысячное населеніе, которое роялисты тщетно подымали на-смѣхъ, которое съ геройскою твердостью выдержало жесточайшія лишенія; четырехмѣсячная агонія этого великаго города поистиннѣ ужасна: это, говорили протестанты,

рука Божія караетъ убійцъ Варѳоломеевской ночи. Дворянство, духовенство и магистратура старались превзойти другъ друга усердіемъ и самоотверженіемъ, легатъ и испанскій посланникъ исчерпали всѣ средства прокормить народъ; трава на улицахъ была поѣдена; животныя истреблены; муку приготовляли изъ костей умершихъ; одна женщина съѣла своего ребенка; въ три мѣсяца погибло отъ голода тридцать тысячъ человѣкъ.

Филиппъ II зналъ, что если возьмутъ Парижъ, то все будетъ потеряно; жертвуя Нидерландами, онъ приказалъ Александру Фарнезе идти на помощь Лигѣ. Тогда сѣверныя провинціи уже совершенно отложились отъ южныхъ; первыя находились въ весьма цвѣтущемъ состояніи; штатгальтеромъ былъ у нихъ Морицъ Нассаускій, сынъ Вильгельма, великій полководецъ, на котораго смотрѣли какъ на возстановителя военнаго искусства; онъ положилъ преграду успѣхамъ герцога Пармскаго; границами провинцій были Маасъ и Шельда, установленные множествомъ крѣпостей и защищенные военными отрядами изъ авантюристовъ; имъ почти нечего было бояться Филиппа, еще потрясеннаго потерею Армады; къ тому же Филиппъ былъ занятъ дѣлами Франціи, и, наконецъ, многообразныя и упорныя усилія впродолженіе тридцати лѣтъ поутомили его; провинціи переносили свою дѣятельность и за предѣлы своей территоріи: ихъ корабли вели обширную торговлю, обирали испанскія колоніи, полагали основанія голландскому могуществу въ восточной Индіи. Въ виду такихъ враговъ не хотѣлось герцогу Пармскому идти во Францію; войска у него было не много; помощь изъ Испаніи не приходила; небезъизвѣстно ему было, что Морицъ Нассаускій извлечетъ выгоду изъ его отсутствія. Однако непреложныя повелѣнія католическаго короля принудили герцога отправиться. Майенъ, зная его медлительность, поспѣшилъ добыть отъ него войска, потревожилъ блокаду и былъ разбитъ; тѣмъ не менѣе онъ успѣшно доставилъ въ городъ обозъ.

Голодъ дошелъ до крайней степени; болѣзни и смертность наводили ужасъ; но вѣсть о помощи удвоили храбрость и упорство въ этихъ людяхъ, блѣдныхъ, изможденныхъ, которые влачились по церквамъ и внимали обѣщаніямъ проповѣдниковъ. Съ одной стороны тронутый страданіями Парижа, съ другой — тревожимый мыслью о движеніи испанцевъ, Генрихъ вступилъ въ переговоры, но парижане отвергли всякую сдѣлку: ихъ мученія усилили ихъ ненависть. Королевская армія состояла тогда изъ тридцати пяти тысячъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе она не отважилась на приступъ, а строго поддерживала осаду; однако, сколько ни было запрещеній, все же нежелавшіе короля-гугенота, коменданты крѣпостей и полковые

вожди пропускали въ городъ припасы за деньги и разныя бездѣлушки; тогда какъ при безпрекословномъ повиновеніи королю, парижанамъ никакъ бы не дождаться герцога Пармскаго. «Самъ король за десять дней до того, какъ снять осаду (1590, 20 августа) выпустилъ тридцать лишнихъ ртовъ, прежде всего женщихъ и дѣтей, а затѣмъ и другихъ жителей, между которыми были его злѣйшіе враги. Сверхъ того вопреки всякимъ законамъ войны онъ дозволилъ, чтобы принцамъ и принцессамъ, находившимся въ городѣ, послали жизненныхъ припасовъ».

4-го августа Фарнезе выступилъ изъ Валансьена, имѣя съ собою четырнадцать тысячъ пѣхоты, три тысячи конницы и двадцать пушекъ. Его переходъ удивителенъ для того времени, когда не было правильно организованнаго снабженія провіантомъ и аммуниціей, когда арміи шли, все разрушая на пути, останавливаясь передъ рѣкой за неимѣніемъ понтоновъ, подвергаясь опасности быть застигнутыми врасплохъ по причинѣ неупотребительности пріемовъ рекогносцировки. На всемъ пути испанская армія сохранила образцовую дисциплину; задержки въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ не было; обозы были всегда готовы; лагери неприступны. 23-го числа она пришла въ Мо, соединилась съ арміей Майена, состоявшей изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ, переправилась черезъ Марну и остановилась прямо противъ Ланьи, а этотъ городъ запиралъ подвозъ припасовъ по рѣкѣ къ Парижу и имѣлъ сильный гарнизонъ изъ роялистовъ. Еще день пути и армія Фарнезе предстала бы предъ боевые ряды Беарнца. Однако Генрихъ упорно продолжалъ блокировать столицу, надѣясь, что твердость жителей пришла къ концу; истощенные до полусмерти, они не уступали ни на шагъ: тогда Генрихъ не рѣшился ожидать испанцевъ въ своемъ строю, снялъ осаду и вышелъ на Шелльскія поля дать сраженіе, пока парижане, едва влача ноги, бродили по окрестностямъ, подбирая жизненные припасы (1590, 30-е августа). Фарнезе желалъ сохранить свою армію для Нидерландовъ и остерегался подвергнуть случайностямъ сраженія то, что онъ уже держалъ въ своей рукѣ: его единственная цѣль была снабдить Парижъ продовольствіемъ. Впродолженіе четырехъ дней онъ предоставилъ обѣимъ арміямъ производить отдѣльныя стычки на Шелльскихъ поляхъ, напротивъ Ланьи; затѣмъ онъ сдѣлалъ видъ, что принимаетъ сраженіе (5-го сентября). Но, когда роялисты ринулись съ криками радости, они нашли испанцевъ въ страшно укрѣпленной позиціи: они прикрывали свою артиллерію, которая съ праваго берега громила Ланьи. Тогда Фарнезе отрядилъ нѣсколько батальоновъ на лѣвый берегъ; на глазахъ роялистовъ городъ былъ взятъ приступомъ. Гибель лодокъ устремилась по Марнѣ и снова внесла изобиліе въ Парижъ.

Для Генриха это было глубокимъ униженіемъ; героизмъ парижанъ и взятіе Ланьи затмили блескъ Иврійской побѣды; безъ боя онъ лишился плодовъ своего труда и впалъ въ прежнее жалкое состояніе; его слава умалились, а ненависть его враговъ возрасла. Въ гнѣвѣ и отчаяніи онъ два раза дѣлалъ нападеніе на Парижъ, но былъ легко отбитъ и видѣлъ, какъ въ этотъ городъ вступили арміи Фарнезе и Майена (18 сент.). Тогда Генрихъ сильно огорчился и совершенно растерялся, видя успѣхи своихъ враговъ; свою армію онъ разсѣялъ по Нормандіи, Турени, Бургундіи, Шампани, Пикардіи, самъ же удалился съ отрядомъ кавалеріи въ Компьень и рѣшился на партизанскую войну.

Выполнивъ свое назначеніе во Франціи, Фарнезе спѣшилъ въ Нидерланды, гдѣ голландцы дѣйствовали съ успѣхомъ; онъ очистилъ Сену взятіемъ Корбейль, оставилъ нѣсколько отрядовъ войска Майену, пошелъ во Фландрію и, несмотря на усилія преслѣдовавшаго его корпуса роялистовъ, достигъ границы.

Генрихъ такъ упалъ духомъ, что цѣлый годъ не предпринималъ ничего капитальнаго, а велъ партизанскую войну, которая, длись она сто лѣтъ, не доставила бы ему государства. Вся его партія была разъединена. Гугеноты, однако, перестали обольщаться и соединились съ политиками, чтобы дать Беарнцу восторжествовать, дѣлая это не изъ довѣрія или преданности къ Генриху, а въ надеждѣ на лучшія условія при немъ, чѣмъ при комъ-либо другомъ; они уже добились отъ него возстановленія эдиктовъ Бержеракскаго и Флейкскаго. Для политиковъ религія была дѣломъ второстепенной важности: одни, какъ Биронъ и его сынъ, Крильонъ, Орнано домогались лишь собственнаго возвышенія; другіе, какъ Ту, Паскье и почти всѣ сторонники парламента, смотрѣли на королевское достоинство, какъ на непремѣнное условіе возстановленія порядка и силы законовъ. Наконецъ «большинство католиковъ тяготилось этою войной и готово было отложиться отъ Генриха и составить особенную партію или примкнуть къ Лигѣ, расположенія къ которой предпочтительно передъ гугенотами они не скрывали».

Беарнецъ былъ въ большомъ затрудненіи среди всѣхъ этихъ людей, преслѣдовавшихъ эгоистическія цѣли, отталкивалъ друзей, ласкалъ враговъ, хлопоталъ примирить противныя партіи. Но, такъ какъ его военныя предпріятія зависѣли отъ ихъ доброй воли, онъ старался высвободиться изъ зависимости отъ ихъ корыстныхъ услугъ, для чего и призвалъ въ свою армію возможно большее число иностранцевъ. Виконтъ Тюреннъ, одинъ изъ наиболѣе искусныхъ протестантовъ, былъ посланъ въ Англію и съ большимъ трудомъ выхлопоталъ семь тысячъ англичанъ. Однако прямой интересъ Елисаветы требовалъ не допус-

тить расширенія державы, которая, простираясь отъ устьевъ Шельды до Гибралтара, угрожала бы горсти Британскихъ острововъ; не мало усилій приложила она къ тому, чтобы исторгнуть Францію изъ католицизма, изолируя такимъ образомъ Испанію и Нидерланды, и затѣмъ въ самое сердце поразить твердыню великаго короля; но всѣ эти безвозмездныя вспомоществованія начинали её тяготить; она предвидѣла обращеніе Генриха къ католицизму. Оттуда Тюреннь пошелъ къ голландцамъ, которые обѣщали ему двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, пятьдесятъ кораблей и сильную диверсію во Фландріи, въ томъ случаѣ, еслибы герцогъ Пармскій предпринялъ походъ во Францію. Наконецъ Тюреннь прошелъ въ Германію, гдѣ засталъ курфирстовъ и вольные города въ сильной тревогѣ въ виду честолюбія Австріи, которая искала присоединить корону Франціи къ прочимъ своимъ коронамъ и господствовать надъ имперіей. Въ этой странѣ Тюреннь завербовалъ восемь тысячъ пѣхотинцевъ, получилъ четыре тысячи лошадей и хорошую артиллерію; это подкрѣпленіе онъ доставилъ Генриху самъ. Изъ признательности къ услугамъ Тюренння, Генрихъ выдалъ за него наслѣдницу небольшаго владѣнія—Бульонъ и Седанъ, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ союзника на границѣ Шампани. Подкрѣпленія изъ иностранцевъ должны были увеличить королевскую армію до сорока тысячъ человѣкъ; пока они приближались, Генрихъ отважился еще внезапно напасть на Парижъ; затѣмъ онъ аттаковалъ Шартръ (1591), занимавшій второе мѣсто среди городовъ Лиги, и взялъ его; оттуда онъ обратился на Нойонъ и, несмотря на помощь Майена, овладѣлъ городомъ (18 августа). Эти удачи не вели, однако, ни къ чему; чего ему было нужно—такъ это Парижъ.

Когда прошло одушевленіе, охватившее парижанъ во время защиты города, они стали тяготиться этою нескончаемою войною; ихъ утомили непрерывныя страданія, отсутствіе всякой торговли, безчисленныя неудачи. Состоялось даже собраніе городскихъ начальниковъ, старшинъ, частныхъ приставовъ и другихъ горожанъ (октябрь), на которомъ предложили пригласить короля Наваррскаго принять католичество. Вожди Лиги встревожились, изгнали большинство членовъ этого собранія и рѣчами къ народу снова оживили ненависть къ Наваррцу. «Въ злобѣ своей этотъ отщепенецъ отмѣнитъ нашу святую мессу, наши прекрасные обряды, захватитъ мощи, обратитъ наши великолѣпныя церкви въ стойла своимъ лошадямъ, убьетъ нашихъ пастырей, а изъ священническихъ облаченій повыдѣлаетъ обувь и ливрейное платье своимъ лакеямъ и пажамъ». Наконецъ лигисты обратились за помощью къ римскому двору. Преемникъ Сикста V, Григорій XIV, душою былъ преданъ Испаніи и дѣлу

католицизма: онъ отправилъ во Францію небольшую армію съ значительными денежными суммами, возобновилъ отлученіе Генриха и грозными буллами громилъ всѣхъ его приверженцевъ (мартъ).

Эти мѣры смутили политиковъ; хотя они тщательно заботились о томъ, чтобъ эти буллы были осуждены турскимъ парлаламентомъ, тѣмъ не менѣе въ Лигѣ былъ безпорядокъ: прежняя государственная форма не появлялась; намѣстники провинцій дѣлались независимыми. «Филиппъ II объявилъ Майену, что нужно созвать Штаты для избранія короля изъ католиковъ» и «что, пока французы не признаютъ королевой и собственницей Франціи его дочь, до тѣхъ поръ онъ не даетъ ни солдатъ, ни денегъ». Герцогъ Савойскій овладѣлъ Провансомъ, гдѣ признали его власть Штаты, дворянство и парламентъ; онъ попробовалъ было захватить и Дофинэ, но былъ отбитъ Ледигьеромъ, который возстановилъ парламентъ въ Греноблѣ (22 декабря), поддержалъ католическое служеніе, привелъ жителей къ повиновенію королю или, вѣрнѣе сказать, себѣ. Ліоннэ и часть Бургундіи признавали господство герцога Немюрскаго, который съ Майеномъ и просилъ у Испаніи покровительства и денегъ. Въ Бретани герцогъ Меркерскій простеръ свое честолюбіе до того, что велѣлъ открыто признать себя наслѣдникомъ прежнихъ герцоговъ и воевалъ съ герцогомъ Домбъ и съ храбрымъ Лану, который палъ въ этой войнѣ. Подобное движеніе происходило въ Анжу и въ Менѣ, гдѣ признавали государемъ только Филиппа II на томъ основаніи, что «во Франціи, говорили они, не было никакого короля». Въ Лангедокѣ воевали Монморанси и Жоайезъ; это были какъ два независимые государя; одинъ дѣйствовалъ во имя Лиги, другой во имя Генриха IV; парламентъ и штаты перваго были въ Тулузѣ, втораго въ Каркассонѣ; опорою и Жоайеза были испанцы, Монморанси помогали гугеноты. Казалось, не будетъ конца этой страшной анархіи, охватившей все государство; такимъ образомъ Лига, учрежденная съ цѣлью охранять монархическое единство, стала причиною и предлогомъ раздробленія королевства. Майенъ и не прочь былъ соблюсти единство, но только въ свою пользу; [1]) и пришлось ему опасаться притязаній не только испанскаго короля, герцоговъ Савойскаго, Лотарингскаго, Меркерскаго и Немурскаго, но еще молодаго герцога Гиза, который бѣжалъ изъ тюрьмы и Лигою былъ принятъ съ восторгомъ (1591, 5 августа).

---

[1]) «Онъ никакъ не хотѣлъ пожаловать въ собственность своимъ привержанцамъ города и провинціи, которыми они управляли на условіи признать его королемъ, какъ это сдѣлалъ Гугонъ Капетъ.

Наконецъ, его самыми страшными врагами была партія Шестнадцати, которая тысячами препятствій затрудняла управленіе, то разоблачая переговоры съ Беарнцемъ, то вступая въ корреспонденцію съ Испаніей и съ папою; эта партія требовала возстановленія Союза, который былъ бы верховнымъ учрежденіемъ всей партіи и отъ распаденія котораго только и можно было ожидать, что разъединенія и разрушенія». «Не для удовлетворенія мелкаго честолюбія немногихъ вельможъ, говорили они, Генрихъ III былъ изгнанъ и столько французовъ пожертвовали имуществомъ и жизнью; слѣдовало бы освободить Лигу отъ этихъ частныхъ видовъ и привести ее къ ея истинной цѣли: соблюденію вѣры и національнаго единства». По ихъ мнѣнію для достиженія этого только и представлялось одно средство: ввести новый порядокъ правленія; королемъ избрать или великаго протектора Союза или сына герцога Генриха Лотарингскаго (le Balafré), предоставить новому королю почести его сана, отдавая верховную власть генеральнымъ Штатамъ, которые бы назначали министровъ, налагали подати, объявляли войну, заключали миръ и т. п. Нѣкоторые изъ принимавшихъ участіе въ избіеніи въ ночь Св. Варѳоломея, отчасти также потомки тѣхъ живодеровъ, которые ворочали всѣмъ въ Парижѣ въ 1413 г., не видѣли другаго пути къ осуществленію этого рѣшенія, какъ систему герцога Альбы, систему эшафотовъ и проскрипцій. Такого же мнѣнія было приходское духовенство, которое извергало противъ безбожнаго короля-узурпатора самыя ужасныя, самыя постыдныя оскорбленія и не переставало требовать новой Варѳоломеевской ночи противъ партіи политической реформы и противъ сторонниковъ парламента. Эти кровавыя воззванія находили отголосокъ среди черни; ей казалось, что правосудіе медлитъ съ измѣнниками; а парламентъ она обвиняла въ томъ, что онъ отказывался отъ казней.

Тогда партія Шестнадцати порѣшила овладѣть верховною властью; пользуясь отсутствіемъ Майена, который былъ въ походѣ противъ Беарнца, они собрались тайно и назначили комитетъ изъ десяти членовъ, съ тою цѣлью, чтобы онъ принялъ необходимыя для спасенія государства мѣры (1591, 8 ноября). «Господа», сказалъ одинъ священникъ, «нечего намъ ждать отъ парламентскаго правосудія, пора взяться за ножи». По повелѣнію этого комитета, комендантъ Бастиліи Бусси Леклеркъ набралъ отрядъ изъ горожанъ и преградилъ улицы, которыя вели къ судебной палатѣ; перваго президента Бриссона и членовъ Ларше и Тардифъ арестовали и повели въ Шателе, ввели въ низкую залу, гдѣ они нашли священника и палача (15 ноября). Имъ прочли смертный приговоръ, произнесенный совѣтомъ десяти, и они были повѣшены. Эта казнь навела ужасъ

на политиковъ и послужила сигналомъ революціи, при чемъ власть перешла въ руки черни. Шестнадцать конфисковали имущества тѣхъ гражданъ, которые казались имъ подозрительными, перемѣнили муниципальныя власти и начальниковъ кварталовъ, захватили финансы, составили списки политиковъ, съ цѣлью ихъ изгонять, рубить, вѣшать или топить и предложили испанскому королю корону. Наконецъ большимъ собраніемъ буржуазіи порѣшили отправить депутацію къ Майену и просить его придать народному перевороту законность посредствомъ слѣдующихъ учрежденій: 1) чрезвычайнаго судилища съ наименованіемъ «горящей палаты», для завѣдыванія дѣлами касательно еретиковъ, измѣнниковъ и заговорщиковъ противъ вѣры и государства; 2) военнаго совѣта съ членами, избираемыми Шестнадцатью; безъ его согласія не могло быть никакого сношенія съ врагами; 3) финансоваго комитета, члены котораго избирались бы народомъ.

Въ это время Генрихъ IV соединился со всѣми иноземными вспомогательными войсками и направлялся къ Руану осадить его (10 ноября). Майенъ не упускалъ Генриха изъ виду и просилъ герцога Пармскаго помочь этому городу; происшествія въ Парижѣ ужасали его, такъ какъ онъ чувствовалъ, что и самъ не избавится отъ этого тайнаго комитета, который, какъ какой нибудь властелинъ, распоряжался жизнью и смертью гражданъ: о Майенѣ онъ отзывался такъ: «Шестнадцать создали его, они же могутъ и погубить его, когда имъ вздумается». По убѣдительнымъ просьбамъ сторонниковъ парламента и богатыхъ горожанъ Майенъ рѣшился бросить все, чтобы сокрушить эту новую силу. Онъ хорошо принялъ депутацію отъ Шестнадцати, говорилъ, что пойдетъ въ Парижъ, чтобы судить о положеніи вещей; затѣмъ оставилъ въ Ланѣ свою армію подъ начальствомъ герцога Гиза, а съ тремя тысячами отборнаго войска вступилъ въ столицу. Тотчасъ же онъ набралъ отряды изъ горожанъ, смѣшалъ ихъ со своимъ войскомъ, занялъ главныя улицы, оцѣпилъ Бастилію, которая немедленно сдалась (28 ноября). Бусси Леклеркъ бѣжалъ въ Брюссель; четверыхъ изъ убійцъ Бриссона захватили и повѣсили; совѣтъ Союза былъ отмѣненъ окончательно; городскія должности поручили отъявленнымъ политикамъ (4 декабря). Напрасно приходское духовенство и Сорбонна кричали объ измѣнѣ, напрасно графъ Бриссакъ говорилъ Майену, что «покойный король не сдѣлалъ ничего худшаго»; напрасно испанскій посланникъ угрожалъ Майену гнѣвомъ своего господина, намѣстникъ не уступилъ; все, что учредили Шестнадцать, было низвергнуто и власть ихъ не возстановлялась болѣе. Ихъ паденіе повело не только къ паденію народной партіи, но и всей Лиги. Шестнадцать явили себя людьми жестокими, кро-

вожадными, но имъ же была Лига обязана геройскою защитою Парижа и незыблемою твердостью парижанъ; они были готовы все претерпѣть, все совершить для Союза. Съ ними пало увлеченіе и самоотверженіе народа: власть снова досталась буржуазіи, которая безо всякаго обольщенія покорно ожидала мира и заранѣе была расположена подчиниться третейскому рѣшенію. Свирѣпствуя противъ Шестнадцати, Майенъ погубилъ самъ себя: онъ передалъ выигрышъ дѣла умѣренной партіи, подготовилъ соглашеніе и явился провозвѣстникомъ реставраціи королевской власти.

Генрихъ продолжалъ осаду Руана своею сорокатысячною арміею, въ которой было едва восемь тысячъ французовъ (3 декабря). Вилларъ Бранка̀ былъ начальникомъ въ этомъ городѣ, всецѣло преданномъ Лигѣ, защищенномъ шеститысячнымъ гарнизономъ и въ изобиліи снабженномъ продовольствіемъ; онъ мужественно защищался въ ожиданіи помощи герцога Пармскаго, который шелъ съ четырьмя тысячами пѣхотинцевъ и шестью тысячами всадниковъ (1592, 16 января). Генрихъ, армія котораго сильно пострадала отъ холода и болѣзней, оставилъ Бирона вести осаду; самъ же съ шестью тысячами отборной кавалеріи пошелъ тревожить испанцевъ, которые, по своему обыкновенію, шли медленно и тогда только-что соединились съ войскомъ Майена и съ небольшою папскою арміей. Войну-то именно и любилъ Генрихъ: неустрашимый воинъ, онъ забывалъ свое происхожденіе и совершалъ безчисленные подвиги храбрости во многихъ стычкахъ, гдѣ онъ рисковалъ жизнью безъ всякой пользы для дѣла. Въ одной встрѣчѣ съ непріятелемъ близъ Омаль, онъ съ безумною отвагою ринулся въ средину испанцевъ; вся непріятельская кавалерія обхватила его и взяла бы въ плѣнъ, если бы дворяне не прикрыли его бѣгства своею самоотверженною смертью [1]). Затѣмъ его полководцамъ пришлось крѣпко держаться на Бресли и въ Нёшателѣ, чтобы остановить преслѣдованіе со стороны испанцевъ, которые иначе вмигъ очутились бы въ Руанѣ.

Между тѣмъ Вилларъ побилъ Бирона и занялъ его позицію (25 февр.). Генрихъ попытался возобновить осаду; но при появленіи Фарнезе принужденъ былъ удалиться (15 марта); онъ потерялъ еще болѣе людей, чѣмъ подъ Парижемъ, немало дво-

---

[1]) «Мнѣ казалось, что я имѣю дѣло съ полководцемъ», сказалъ герцогъ Пармскій, «а не съ карабинеромъ» (всадникъ, вооруженный карабиномъ). Когда Генриху передали эти слова, онъ сказалъ: «герцогу не трудно быть осторожнымъ; онъ рискуетъ только упустить завоеваніе, тогда какъ я ставлю на карту свою корону и жизнь».

рянъ разсѣялось; онъ самъ удалился въ Ко (10 апрѣля). Чтобы окончательно очистить Сену, герцогъ Пармскій осадилъ Кодебекъ и овладѣлъ имъ, но былъ опасно раненъ и оставилъ начальство Майену (25 апрѣля). Онъ считалъ себя обезпеченнымъ со стороны Генриха, армія котораго была разсѣяна. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Генрихъ въ нѣсколько дней набралъ двадцать пять тысячъ человѣкъ, овладѣлъ всѣми проходами между Руаномъ и Кодебекомъ и заперъ Майена въ треугольникѣ между Сеною, моремъ и цѣпью отрядовъ, которые шли отъ Кодебека черезъ Ивето до Діеппа (30 апрѣля). Скоро въ испанской арміи обнаружился недостатокъ продовольствія; королевская армія тѣснила ее все болѣе и болѣе, имѣя въ виду припереть къ Сенѣ, которая въ этой части имѣетъ четверть льё въ ширину; голландскій флотъ въ Кильбефѣ запиралъ рѣку; только и оставалось, что положить оружіе. Майенъ выручилъ Фарнезе; онъ велѣлъ приготовить въ Руанѣ лодки, которыя незамѣтно спустились до Кодебека, усѣялъ побережья многочисленными редутами и въ нихъ размѣстилъ всю свою армію (20 мая). Генрихъ приготовлялся на нее напасть; роялисты ничего и не подозрѣвали, какъ вдругъ въ одну ночь вся испанская армія переправилась черезъ рѣку по мосту изъ лодокъ, оставивъ въ редутахъ только арьергардъ, да и тотъ съумѣлъ выбраться послѣ упорной защиты. Усиленнымъ маршемъ герцогъ Пармскій прошелъ вдоль лѣваго берега рѣки до Сен-Клу, снова переправился чрезъ Сену, отрядилъ тысячу пятьсотъ человѣкъ въ Парижъ, поднялся по Марнѣ и черезъ десять дней пути былъ на нидерландской границѣ. Очнувшись отъ своего изумленія, Генрихъ думалъ устремиться на мостъ Арки и оспаривать у испанцевъ переправу черезъ Эру, но ему помѣшали англичане и голландцы, нѣмцы и швейцарцы; первые желали возвратиться на родину, вторые требовали денегъ. Генрихъ упустилъ время, разсѣялъ армію и, глубоко раздраженный вторичнымъ пораженіемъ безъ боя, пустился съ отрядомъ изъ трехъ тысячъ всадниковъ черезъ Пикардію и Шампань и видѣлъ издали, какъ испанцы переходили черезъ границу. Герцогъ Пармскій умеръ отъ своей раны (2 декабря).

Казалось, всѣмъ партіямъ стало ясно, что сила безсильна рѣшить вопросъ; брали города, наносили другъ другу вредъ, опустошали страну, но все это ни къ чему не вело; и вотъ въ умахъ стала брать перевѣсъ мысль о взаимосоглашеніи. Всѣ пустились въ переговоры, кто открыто, кто тайно. Самъ Майенъ предлагалъ Генриху непомѣрныя условія, которыя послѣдній старался разглашать. Разобрать весь этотъ хаосъ оставалось только одно средство—воззвать къ волѣ народа, собрать генеральные штаты.

Лига всюду распространила ученія о народномъ самодержавіи; писанія іезуитовъ и кардинала Беллярмина возвели ихъ въ систему съ цѣлью вознести церковь надъ государствомъ; съ каѳедръ не переставали говорить о правѣ давности, которое имѣютъ народы въ дѣлѣ устраненія отъ престола враговъ ихъ вѣры и законовъ. «Собранія штатовъ,» говорили проповѣдники, «облечены общественною властью, верховнымъ величіемъ, властью вязать и рѣшать, неотъемлемымъ самодержавіемъ; государь исходитъ отъ народа не по необходимости или насилію, но по свободному избранію» [1]). Этимъ широко демократическимъ доктринамъ, почерпнутымъ въ понятіяхъ средневѣковой іерархіи и стремившимся дать духовному элементу преобладаніе надъ свѣтскимъ, этимъ доктринамъ противопоставляли протестанты, а за ними и политики, божественное право царей, они нападали на чудовищный союзъ церковной и народной властей и напоминали, что власть церкви не отъ міра сего: «Одинъ Богъ даруетъ роду людскому царей,» говорили они, «слѣдуетъ принимать государя, Богомъ ниспосылаемаго, каковъ бы онъ ни былъ: еретикъ-ли, тиранъ-ли; никогда народъ не властенъ лишить государя его правъ».

Сообразно этому, созваніе генеральныхъ штатовъ отклонялось протестантами, сторонниками парламента и особенно Генрихомъ, всѣ домогательства котораго могъ уничтожить выборъ, сдѣланный народными представителями. Майенъ скорѣе боялся штатовъ, чѣмъ желалъ ихъ, такъ какъ со времени разгрома Шестнадцати народъ смотрѣлъ на него недоброжелательно; тѣмъ не менѣе послѣ нѣкоторыхъ проволочекъ онъ созвалъ ихъ. Это произошло 17-го января 1593-го года. Къ этой мѣрѣ его побудилъ Филиппъ II. Зная преданность Франціи своей вѣрѣ, онъ не сомнѣвался въ томъ, что большинство будетъ на его сторонѣ. Со времени освобожденія Парижа этотъ король оказывалъ на Францію такое вліяніе своими деньгами, солдатами и своимъ именемъ, что царилъ надъ нею точно повелитель, а не союзникъ. Власти, города, вельможи находились съ нимъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ; отовсюду взывали къ нему о помощи; безъ его повелѣнія ничего не дѣлали; его войска были въ Провансѣ, Лангедокѣ, Бретани и Пикардіи; его агенты дѣйствовали всюду; его дукаты раздавались всему, что только пользовалось кредитомъ,—въ томъ числѣ самому Майену, который прокармливалъ четыре тысячи парижанъ: имъ выдавали по осьминѣ хлѣба и по 45 су въ недѣлю. По окончаніи выборовъ во Францію прибыло чрезвычайное посольство, во главѣ котораго стоялъ гер-

---

[1]) Проповѣдь Жана Буше въ 1594 г.

цогъ Ферія; онъ переписывался съ депутатами, угождалъ имъ, подкупалъ ихъ; парижскимъ лигистамъ онъ возобновилъ свои обѣщанія и, несмотря на то, что войска, которыя были съ нимъ во Франціи, обходились ему по три тысячи экю въ мѣсяцъ, онъ по просьбѣ лигистовъ немедленно выслалъ имъ пять тысячъ пѣхоты и полторы тысячи конницы «для охраненія спокойствія и свободы во время пренія штатовъ».

Никогда болѣе трудной задачи не выпадало на долю собранія во Франціи: впервые приходилось примѣнять къ дѣлу народное самовластіе, назначить государя, снова устроить монархію. Но генеральные штаты были учрежденіемъ непопулярнымъ; ихъ характеръ, отмѣченный духомъ новѣйшаго времени, дѣлалъ ихъ непригодными для общества, носившаго еще сильный отпечатокъ феодализма. Это было крайнее средство, которое употребляли въ важныхъ случаяхъ, когда правительство и народъ не знали, что дѣлать; но всегда штаты обнаруживали или жалкое раболѣпство передъ властью, или безусловную неспособность къ реформамъ. Они составили замѣчательные акты по части гражданскаго законодательства и администраціи, но никогда не проявили политическаго генія; никогда они не могли ни сдержать королевскаго деспотизма, ни пресѣчь несправедливостей аристократовъ, ни сковать народной необузданности. Впрочемъ они встрѣтили соперника въ парижскомъ парламентѣ, который претендовалъ замѣнить собою народное представительство, вершить политическія дѣла, вручать регентство, отказывать въ податяхъ, словомъ, совершать всѣ акты законодательной власти. Штаты 1593 г. стояли ниже своего назначенія: выборы происходили подъ вліяніемъ Майена и его безцвѣтной партіи, ознаменовавшей себя эгоизмомъ и нерѣшительностью. Они дали людей, правда, очень преданныхъ католицизму, но не рѣшавшихся служить открыто ни политикамъ, ни Майену, ни Филиппу II, ни Генриху IV; наконецъ, таково было ничтожество этого собранія, что въ эпоху, когда печаталось столько памфлетовъ и ненужныхъ сочиненій, пренія и акты его не были изданы.

Штаты открылись 26 января, но до марта служили завѣсою для всѣхъ партій, тогда какъ вокругъ нихъ шевелились самыя противорѣчивыя интриги для избранія короля. Герцогъ Ферія обнародовалъ заявленіе Филиппа II, который требовалъ престолъ для своей дочери, причемъ объявлялъ, что думаетъ выдать ее за эрцгерцога Австрійскаго. Этотъ проектъ затронулъ чувство національности; за него были всѣ государи, которые могли претендовать на руку инфантины; Майенъ, который былъ женатъ, удвоилъ свои происки, съ цѣлью затянуть избраніе и одержать верхъ самому; герцоги: Немурскій, Гизъ, Савойскій, Лотарингскій, не уступали ему въ низкихъ, запутанныхъ интри-

гахъ, гдѣ на первомъ планѣ стояло выпрашиваніе денегъ у Филиппа II. Все это происходило внѣ штатовъ и велось настолько открыто, что могло возбудить въ народѣ отвращеніе къ своимъ корыстолюбивымъ вождямъ и къ попрошайничеству денегъ у иноземнаго государя. Умѣренные обѣихъ партій сблизились; очень остроумнымъ памфлетомъ, подъ заглавіемъ Мениппова сатира, они осмѣяли медлительные и робкіе штаты, алчныхъ, эгоистическихъ вождей Лиги, подвижное и воинственное духовенство и привлекли на свою сторону не малое число католиковъ, которые видѣли единствнное рѣшеніе столькихъ затрудненій въ Генрихѣ Наваррскомъ.

Генрихъ видѣлъ опасность, въ которую собраніе штатовъ его ставило. Онъ наскучилъ требованіями, упреками, неповиновеніемъ своихъ партизановъ; ему было хорошо извѣстно, что большинство трудилось только для себя и что исповѣдники обоихъ вѣроисповѣданій имѣли цѣлью, такъ сказать, униженіе королевской державы; [1]) его постигли нѣкоторыя испытанія: онъ лишился своего лучшаго полководца Бирона, убитаго при осадѣ Эперне (1592, 16 іюля); ему казалось, что не будетъ конца его приключеніямъ. Его побѣды лишь увеличили ненависть къ нему; было ясно, что Франція рѣшилась все претерпѣть, все предпринять для поддержанія своего вѣроисповѣданія и что она никогда отъ него не отступитъ; Генриху приходилось уступить, сдаться на капитуляцію, обратиться къ ея учрежденіямъ; ему, побѣдителю, слѣдовало принять сторону побѣжденныхъ и придать законность своему наслѣдственному праву посредствомъ удовлетворенія народной воли. Съ этого времени онъ сталъ думать о принятіи католичества и внушилъ своимъ друзьямъ шагъ, который долженъ былъ привести къ соглашенію (1593, 7 января).

Съ открытія штатовъ католики королевской арміи, побуждаемые несчастіями войны и благомъ намѣреній короля, предложили переговорить съ Майеномъ о средствахъ помочь злу. Это предложеніе возбудило сильные толки, но, несмотря на громкое негодованіе монаховъ, штаты рѣшили принять переговоры (4-е марта). Сюреннь назначили сборнымъ пунктомъ и заключили перемиріе для всѣхъ окрестностей Парижа (29 апрѣля). Сперва переговоры оставались безъ послѣдствій, такъ какъ роялисты брали за основаніе повиновеніе природному государю, лигисты—единство вѣры; но мало по малу первые привели вторыхъ къ той мысли, что только различіе вѣроисповѣданія препятствуетъ признать державу Генриха и затѣмъ объявили, что король уже

---

[1]) Сюльи I, II, ст. 86.

отправилъ посольство къ папѣ просить снять съ него отлученіе и созвать въ Нантѣ соборъ епископовъ и докторовъ богословія, чтобы наставить его въ католической вѣрѣ. Лигистамъ показалось это заявленіе очень подозрительнымъ; они говорили, что обращеніе Генриха скорѣе дѣло политическаго разсчета, чѣмъ религіи; они возвѣщали, что допустятъ обращаться съ собой не какъ съ побѣжденными или менѣе могущественными, но какъ съ равными, которые изъявляютъ согласіе признать короля; наконецъ они прочли свои положенія (17 мая): быть католицизму единственнымъ вѣроисповѣданіемъ въ государствѣ; терпѣть кальвинизмъ лишь до поры до времени; не допускать протестантовъ ни къ какимъ должностямъ; созывать штаты въ шесть лѣтъ разъ; управленіе провинціями предоставить вождямъ Лиги и т. д. Переговоры повели на этихъ основаніяхъ, которыя вели дѣло къ тому, чтобы охранить королевскую власть договоромъ и гарантировать народъ. Генрихъ видѣлъ опасность и рѣшилъ своимъ обращеніемъ покончить всѣ пренія разомъ.

Эти совѣщанія пробудили всю ревность лигистовъ и вызвали съ ихъ стороны торжественные протесты. Филиппъ II сильно встревожился и грозилъ отозвать свою помощь; проповѣдники возобновили свои нападки, говоря, что лучше имѣть королемъ католика иностранца, чѣмъ еретика француза. Штаты не съумѣли устремиться явно на средній, примирительный путь, хотя они подготовили соглашеніе тѣмъ, что допустили совѣщаніе. Такимъ образомъ они отступили отъ своего высокаго назначенія, которое и перешло въ область индивидуальныхъ интригъ. Въ торжественномъ засѣданіи герцогъ Феріа предложилъ формальное избраніе дочери Филиппа II, какъ внуки Генриха II и ближайшей наслѣдницы Генриха III (28 мая). Предложеніе это надѣлало много шуму: одинъ изъ самыхъ ярыхъ лигистовъ, епископъ Санли, разгромилъ испанцевъ съ ихъ служеніемъ не столько Богу, сколько корысти. «Никогда», говорилъ онъ, «не послѣдуетъ народнаго согласія на то, чтобы дать корону женщинамъ, а о подчиненіи чужеземному владычеству не можетъ быть и рѣчи» [1]). Эта выходка вызвала рукоплесканія со стороны депутатовъ, а посланника привела въ ужасъ. Майенъ вкрадчиво спросилъ, кого Филиппъ II предназначаетъ въ супруги своей дочери; посланникъ отвѣтилъ: «эрцгерцога Эрнеста.» Поднялся общій ропотъ. Тогда штаты объявили, что они не уполномочены ни отмѣнять коренной законъ государства, ни признать королемъ иноземнаго государя; но, что нѣтъ препятствій избрать французскаго принца, который и вступилъ бы въ супру-

---

[1]) Davilla, liv. XIII.

жество съ инфантиною (20 іюня). Рукоплесканіями народъ одобрялъ рѣшеніе штатовъ; испанскій посланникъ подвергся оскорбленіямъ черни. Онъ пытался было измѣнить общественное мнѣніе въ свою пользу, объявляя, что Филиппъ былъ расположенъ дать свою дочь французскому принцу; впослѣдствіи онъ даже возвѣстилъ, что выборъ короля остановился на герцогѣ Гизѣ (14 іюля). Если бы это объявленіе сдѣлали прямо при самомъ открытіи штатовъ, оно, быть можетъ, привело бы къ соглашенію, но было поздно: новый авторитетъ подалъ голосъ въ рѣшеніи вопроса: это былъ парламентъ. По наущенію Майена, онъ вышелъ изъ ничтожества, въ которомъ находился со времени убійства Бриссона. Послѣ торжественнаго засѣданія онъ представилъ указъ, которымъ вмѣнялось генеральному намѣстнику въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы не было попытокъ передать корону въ руки иноземныхъ принцевъ и принцессъ, такъ какъ всѣ дѣйствія, совершенныя и имѣющія совершиться для утвержденія ихъ на престолѣ, объявляются недѣйствительными, потому что идутъ въ разрѣзъ съ закономъ салическимъ и прочими основными законами государства (28 іюня).

Во всемъ королевствѣ распространился этотъ указъ. Майенъ поддержалъ его; штаты ухватились за него, чтобы отсрочить избраніе; такимъ образомъ Франція спаслась отъ Австрійскаго дома; вопросъ снова свели на выборъ между родомъ Гизовъ и родомъ Бурбоновъ. Генрихъ рѣшился, какъ онъ самъ писалъ своей фавориткѣ Габріэль д'Естрэ, «на опасный скачекъ». «Парижъ стоитъ обѣдни», говорилъ онъ.

Протестантскую партію тревожило предстоявшее отступничество ея главы; этотъ король неблагодарный, клятвопреступный, поклонникъ женщинъ, никогда не пользовался довѣріемъ своей партіи, которая и служила ему только во избѣжаніе собственнаго разрыва и паденія; теперь, когда она увидѣла, что ея опасенія оправдались, жалобы, упреки, угрозы не умолкали; составлялись тайныя собранія, предлагали избрать герцога Бульонскаго протекторомъ, поговаривали даже о войнѣ, «хотя большинство протестантовъ не просили ничего какъ только владѣть своею совѣстью въ мирѣ и проживать въ безопасности» [1]). Генрихъ объявилъ о своемъ рѣшеніи своимъ бывшимъ сподвижникамъ, но его выполненіемъ медлилъ. Нѣсколько придворныхъ честолюбцевъ, равнодушныхъ къ вѣрѣ, говорили ему, что для него невозможно мирное царствованіе, пока онъ будетъ внѣшнимъ образомъ исповѣдывать вѣру, столь ненавистную большинству знати и простонародья въ государствѣ [2]). Но это стѣсненіе со-

---

[1]) Duplessis Mornay, t. V. p. 535.
[2]) Sully, t. II, p. 91.

вѣсти сильно огорчало короля; «больно было для его гордости покинуть этихъ гугенотовъ, которые начали его поприще, которые были для него усердными, но злополучными слугами, «кровь которыхъ онъ пилъ въ нуждѣ», которые прожили съ нимъ двадцать лѣтъ, которые на своихъ плечахъ принесли его за Лоару». Однако католики его партіи были раздражены столькими промедленіями; они измучились жертвами государю, который не исполнялъ своего перваго обѣщанія, наскучили безконечной войной и рѣшились не слѣдовать болѣе за королемъ, который былъ воспитанъ въ гугенотскомъ духѣ, день и ночь проводилъ въ грабежахъ, жилъ тѣмъ, что попадалось ему въ хижинахъ несчастныхъ крестьянъ, грѣлся у ихъ горящихъ жилищъ, спалъ съ ихъ лошадьми въ конюшняхъ [1]). Ихъ угрозы, парламентскій указъ, совѣты Бирона и Сюльи, богословскія бесѣды Дюперрона, наконецъ просьбы Габріели д'Эстре положили конецъ его нерѣшимости. Восемь епископовъ, приверженныхъ его партіи, семь парижскихъ приходскихъ священниковъ, наконецъ много монаховъ и докторовъ богословія отправились въ Мантъ, гдѣ было созвано духовенство со всего государства; тамъ, послѣ пятичасоваго препирательства, онъ призналъ себя побѣжденнымъ (1593, 23 іюля). На слѣдующей день онъ подписалъ свое исповѣданіе вѣры. Затѣмъ ходилъ съ великою пышностью въ Сен-Дени, куда стеклись толпы парижанъ вопреки запрещеніямъ Майена (25 іюля). У церковныхъ вратъ Генрихъ отрекся отъ своихъ заблужденій и получилъ отъ архіепископа города Буржа временное разрѣшеніе; затѣмъ, привѣтствуемый солдатами и горожанами, вошелъ въ церковь и слушалъ обѣдню. Это обращеніе было не только результатомъ безусловной необходимости, но актомъ великой мудрости, обнаружившимъ въ Генрихѣ глубокое пониманіе своего времени и своей страны. Глава династіи Бурбоновъ признавалъ, что будущность Франціи и его дома была въ католицизмѣ; собою онъ разрѣшилъ сорокалѣтнюю войну; онъ явился представителемъ новой идеи—терпимости; онъ примирилъ оба основанія общества—религію и королевскую власть, уничтожилъ демократизмъ Лиги и аристократизмъ протестантовъ. Его высокопросвѣщенное честолюбіе явилось спасеніемъ національнаго единства.

Генрихъ извѣстилъ всю Францію о своемъ обращеніи, а въ Римъ отправилъ посольство просить разрѣшенія; затѣмъ онъ согласился распространить перемиріе на все государство съ цѣлью содѣйствовать сліянію партій и даровать народу предвкушеніе благъ мирнаго времени. Это перемиріе съ готовностью

---

[1]) Davila, liv. XIII.

приняли во всѣхъ провинціяхъ: Лига сознавала всю опасность этой мѣры, но при ея дезорганизаціи она только и могла, что проиграть отъ возобновленія враждебныхъ отношеній. Сколько легатъ ни объявлялъ торжественно, что обращеніе Беарнца было притворное, что его разрѣшеніе не имѣетъ никакой силы, потому что одинъ только папа властенъ снять отлученіе отъ церкви, сколько приходскіе священники ни возобновляли кровныхъ оскорбленій противъ преданнаго проклятію Наваррца, отступничество произвело свое дѣйствіе: страсти стихли по возвращеніи мира и изобилія; успокоенные граждане не требовали ничего, какъ тишины; оппозиція Генриху Бурбону изъ національной превратилась въ индивидуальную; Лига потеряла свое значеніе и возстановленіе монархической власти съ династіей Бурбоновъ стало явнымъ стремленіемъ буржуазіи.

На обращеніе Генриха штаты смотрѣли съ равнодушнымъ спокойствіемъ, быть можетъ съ затаенною радостью; послѣ того какъ отложили избраніе, они оказались безполезными, были устранены парламентомъ и разошлись, возобновивъ присягу Союзу и приказавъ обнародовать декреты Тридентскаго собора (8 августа). Майенъ и не пробовалъ опираться на это безцвѣтное собраніе, не пользовавшееся довѣріемъ; вся его надежда была на помощь тѣхъ, съ кѣмъ онъ прежде враждовалъ,—на испанцевъ и Шестнадцать; съ ними-то онъ и сблизился.

Однако, такъ какъ правленіе Лиги все еще сохраняло свое устройство, Генрихъ сперва попробовалъ пріобрѣсть свое государство разомъ, путемъ переговоровъ съ начальниками этого правленія; скоро, однако, ему выяснилась опасность этихъ переговоровъ: дѣло въ томъ, что Лига, дѣйствуя корпоративно во имя народа, налагала на него соблюденіе условій Сюреннскихъ совѣщаній. Тогда онъ задумалъ овладѣть престоломъ безъ всякихъ обязательствъ относительно народа, посредствомъ подкупа начальниковъ Союза однихъ за другими. Витри, комендантъ города Мо, покинувшій Генриха въ лагерѣ Сен-Клу, подчинился первый (25 декабря), и король съ готовностью оставилъ за нимъ управленіе, утвердилъ привилегіи города, осыпалъ жителей милостями. Подчиненіе этого важнаго пункта послужило сигналомъ разстройства Лиги: правители Перонны, Роа, Мондидье послѣдовали примѣру Витри, и вслѣдъ затѣмъ Ла Шартръ продалъ въ подданство Орлеанъ и Буржъ.

Реакція буржуазіи противъ фанатической, приверженной Лигѣ черни распространилась на Парижъ и всѣ большіе провинціальные города. Герцогъ Немурскій, такъ храбро защищавшій Парижъ противъ Беарнца, удалился во ввѣренную ему ліонскую область, изъ которой онъ хотѣлъ сдѣлать самодержавное владѣніе; онъ далъ власть черни, укрѣпилъ окрестные го-

рода, отказалъ послать представителей въ генеральные штаты, словомъ—сдѣлался независимымъ. Горожане возмутились, схватили его и заключили въ Пьеръ-Ансизъ. Напрасно Майенъ испрашивалъ свободу своему брату, напрасно парижскіе лигисты просили за своего «хорошаго согражданина г-на Немурскаго». Преслѣдуя начатую реакцію противъ Союза, ліонцы призвали въ свой городъ роялистовъ и подчинили городъ Генриху IV (1593, 19 августа).

Герцогъ д'Епернонъ управлялъ Провансомъ отъ имени короля; два года онъ велъ войну съ графомъ де Карсъ, который получилъ помощь отъ Испаніи; своимъ высокомѣрнымъ обращеніемъ и жестокостью герцогъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе лигистовъ, роялистовъ и гугенотовъ, такъ что самъ Генрихъ совѣтовалъ жителямъ сопротивляться. Всѣ партіи соединились противъ него, а графъ де Карсъ вышелъ изъ Лиги и содѣйствовалъ тому, чтобы парламентъ и вся провинція признали короля.

Такимъ образомъ Генриху подчинилась значительная часть государства; онъ не былъ болѣе предводителемъ авантюристовъ; свое обращеніе онъ запечатлѣлъ коронованіемъ въ Шартрѣ; это былъ религіозный знакъ его законнаго права. Ему недоставало только разрѣшенія отъ папы. Климентъ VIII былъ человѣкъ умный, благочестивый и кроткій; Испаніи онъ не любилъ и отлично зналъ, что сдѣлать Филиппа II главою Франціи значило бы открыть путь христіанской монархіи и низвести римскихъ первосвященниковъ просто на степень капеллановъ (домовыхъ священниковъ). Но разрѣшить Генриха, т. е. признать его права и какъ-бы дать ему инвеституру его государства, это значило подвести себя подъ гнѣвъ великаго короля, который грозилъ Клименту, что лишитъ его владѣній и его самого представитъ предъ соборъ. Да и была ли возможность положиться на искренность обращенія, вызваннаго необходимостью и честолюбіемъ? Наконецъ, Генриха признавала лишь часть его государства; Парижъ былъ не въ его рукахъ; его могли еще побѣдить. Герцогъ Неверскій былъ отправленъ посланникомъ въ Римъ; но ему могли оказать пріемъ только какъ итальянскому владѣтельному принцу, а не какъ посланнику французскаго короля.

Публично папа показалъ себя непреклоннымъ; тѣмъ не менѣе онъ допустилъ герцога войти въ сношенія съ кардиналами, которые подали ему нѣкоторыя надежды; герцогъ желалъ, чтобы собраніе кардиналовъ высказалось въ пользу Генриха, который утвердился бы въ своемъ государствѣ и могъ бы служить опорою папской власти противъ Испаніи.

Майенъ былъ въ отчаяніи; онъ видѣлъ, какъ Союзъ распадался часть за частью, какъ измѣна дѣйствовала со всѣхъ сто-

ронъ, какъ война грозила возобновиться и Генрихъ, во главѣ двадцати тысячъ человѣкъ, пріобрѣталъ все новыхъ приверженцевъ, тогда какъ у него не было ни денегъ, ни солдатъ. Онъ считалъ, что даже въ Парижѣ для него не безопасно, горожане склоняли его къ миру и составляли заговоры въ пользу Наваррца: «чтобы оказать сопротивленіе злоумышленнымъ намѣреніямъ Испанца и тѣхъ, кто желалъ бы ввести его во Францію,» парламентъ постановилъ, «впрочемъ безуспѣшно, чтобы иноземные гарнизоны выступили изъ города». Между тѣмъ источникомъ силы для Майена была армія, которую графъ Мансфельдъ набиралъ по приказанію Филиппа II въ Соассонѣ; но армія эта двигалась крайне медленно, и, хотя Майенъ сознавалъ опасность своего отлученія изъ Парижа, онъ рѣшился идти самъ поторопить ее. До отъѣзда онъ желалъ обезпечить спасеніе города и для этой цѣли сплотилъ остатки Шестнадцати, возстановилъ ихъ совѣтъ и общественныя собранія, снова оживилъ отвагу крупныхъ торговцевъ хлѣбомъ, примирился съ Феріа и Ибаррою, которые начальствовали испанскимъ гарнизонимъ; наконецъ, ввѣрилъ управленіе Парижемъ графу Бриссаку, который изо всѣхъ лигистовъ пользовался наиболѣе сомнительною репутаціей; онъ самый воздвигнулъ первыя баррикады противъ Генриха III.

Какъ только Майенъ уѣхалъ, Бриссакъ сталъ помышлять о томъ, какъ бы продать себя, пока онъ еще того стоилъ и вступилъ въ переговоры съ Генрихомъ IV; сообщниками его были: одинъ купеческій голова и трое старшинъ изъ мѣщанъ, всѣ отъявленные политики. Относительно условій сдѣлки Генрихъ оказался сговорчивымъ: онъ обѣщалъ безусловное всепрощеніе, утвержденіе привилегій, запрещеніе еретическаго богопочитанія, свободный выѣздъ для принцессъ Лотарингскихъ, легата, испанскаго посланника и безпрепятственное выступленіе иноземнымъ войскамъ. Бриссакъ получилъ маршальскій жезлъ, управленіе Мантомъ и Корбейлемъ, 200,000 экю, 2,000 ливровъ пенсіи и т. д.

Лигисты подозрѣвали измѣну; духовенство даже приготовило оружіе въ своихъ жилищахъ; Ибарра былъ постоянно на ногахъ, производя обходы и смотры; Феріа наполнилъ кварталъ Сент-Антоанъ, гдѣ онъ жилъ, своими лучшими войсками и отдалъ испанскимъ полководцамъ приказаніе убить Бриссака при первомъ волненіи. 21-го марта послѣдній условился со старшинами и съ вождями милиціи относительно хода предпріятія; два полка, которымъ не особенно довѣряли, были высланы на встрѣчу обозу; войска лигистовъ размѣстили въ университетскомъ кварталѣ; горожане-роялисты должны были собраться въ полномъ вооруженіи на площади Св. Михаила, чтобы изолировать

оба берега Сены. Ночью старшины отправились къ воротамъ Сен-Дени; съ ними были заговорщики; самъ Бриссакъ пошелъ къ Новымъ воротамъ; ихъ охраняли двѣсти человѣкъ нѣмцевъ и буржцевъ.

Королевская армія, состоявшая изъ четырехъ тысячъ отборнаго войска, выступила изъ Санлиса; была темная, дождливая ночь, которая скрыла, но и замедлила движеніе (1594, 21 марта); только въ четыре часа утра отрядъ подоспѣлъ къ Новымъ воротамъ. Это былъ именно тотъ самый путь, которымъ послѣдній Валуа вышелъ изъ Парижа! Войско, которому предварительно внушили строжайшую дисциплину, овладѣло воротами и предложило изумленнымъ нѣмцамъ выдать оружіе; послѣдовалъ отказъ, затѣмъ сшибка, вслѣдствіе которой нѣмцевъ столкнули въ рѣку. Ворота С.-Оноре и С.-Дени взяли безпрепятственно; продолжая подвигаться, роялисты пробрались безъ шуму по улицамъ, разсѣяли нѣсколько отрядовъ лигистовъ и добрались до моста Св. Михаила, гдѣ и нашли городскую милицію; она занимала улицы по оба берега Сены и встрѣтила роялистовъ восклицаніями: «Да здравствуетъ король и миръ!» Эти крики повторились въ гарнизонахъ Корбейля и Мелуна, которые водою прибыли къ арсеналу. Испанцы были ошеломлены, «когда нашли всѣ улицы и ворота занятыми, точно волшебствомъ какимъ», какъ они сами говорили. Ферiа былъ запертъ въ своемъ дворцѣ. Ибарра остался изолированнымъ отъ всѣхъ своихъ постовъ.

Наконецъ на разсвѣтѣ къ Новымъ воротамъ пріѣхалъ король. Комендантъ и городской голова встрѣтили его и поднесли ему ключи города. Онъ вошелъ въ полномъ вооруженіи; его сопровождали четыреста дворянъ и стрѣлки изъ его гвардіи. Напуганные жители выходили изъ своихъ домовъ молча среди радостныхъ криковъ солдатъ, которые ударами пикъ и пищалей разгоняли народъ. Это было воинственное вступленіе завоевателя въ захваченный городъ, а никакъ не мирный въѣздъ короля въ свою столицу. Тогда овладѣли Лувромъ, обоими Шателе, судебною палатою, разсѣяли послѣднія скопища лигистовъ, которые защищались въ латинскомъ кварталѣ; опубликовали прокламаціи, приказали открыть лавки; король отправился въ соборъ Богоматери возблагодарить Бога за счастливый исходъ столь рискованаго предпріятія. «Чувствую себя въ такомъ обаяніи, — говорилъ онъ, когда вижу, гдѣ я, что не знаю, ни что мнѣ говорятъ, ни что я говорю. Все совершившееся произошло не отъ рукъ человѣческихъ: это перстъ Божій» [1]).

---

[1]) L'Étoile, t. III, p. 7 et 10.

Однако Темпль, Бастилія, кварталы С. Мартенъ и С. Антоанъ еще держались; испанцы въ числѣ четырехъ тысячъ выстроились въ боевомъ порядкѣ и готовились дать сильный отпоръ, но согласились на переговоры, и по истеченіи двухъ часовъ иноземцы съ развѣвавшимися знаменами вышли изъ города подъ звуки барабаннаго боя; они удалились съ принцессами, легатомъ и самыми ярыми лигистами въ Ланъ. И наконецъ Генрихъ IV, сдѣлавшись обладателемъ Парижа, могъ назваться дѣйствительнымъ королемъ Франціи.

Первымъ актомъ королевскаго правленія было призваніе турскаго парламента и его сліяніе съ парижскимъ. Возстановленный такимъ образомъ, парламентъ занесъ въ списки актовъ указъ, подтверждавшій договоръ съ Бриссакомъ, уничтожилъ приговоры, указы и присяги, сдѣланные помимо короля, отнялъ власть, данную принцамъ Лотарингскимъ, отмѣнилъ рѣшенія штатовъ, вычеркнулъ изъ публичныхъ актовъ имя Карла X, приказалъ всѣмъ вельможамъ, городамъ и общинамъ отказаться отъ Союза (30-е марта). Сорбонна признала Генриха истинно-законнымъ государемъ и издала декретъ о томъ, что всѣ французы обязаны королю повиновеніемъ (22-е апрѣля); всѣ монашескіе ордена покорились, кромѣ іезуитовъ и францисканцевъ, ожидавшихъ для Генриха разрѣшенія отъ папы. Наконецъ составъ городскихъ властей измѣнился соотвѣтственно духу реставраціи; исчезли надписи, пасквили, изображенія временъ Лиги; проповѣдники и вожди милиціи были изгнаны; той же участи подверглись восемьдесятъ другихъ лицъ; многихъ убійцъ Бриссона повѣсили. Парижанамъ король объявилъ, что имъ не будетъ другаго правителя, какъ онъ самъ.

Всѣ эти распоряженія упрочили тронъ Генриха и привели новыя подчиненія. Вилларъ Бранка̀ передалъ Руанъ, Гавръ и верхнюю Нормандію; но это обошлось дорого: его утвердили въ управленіи областью и, сверхъ того, въ должности адмирала, предварительно лишивъ этихъ обязанностей Монпансье и Бирона [1]); деньгами дали 1.200,000 ливровъ на уплату долговъ, 60,000 ливровъ пенсіи, доходъ шести аббатствъ; всѣ эти суммы пришлось отнимать отъ слугъ короля. На подобныхъ условіяхъ, постоянно надѣляя враговъ въ ущербъ друзьямъ, Генрихъ долженъ былъ купить подчиненіе прочихъ вождей Лиги. «Но,» говорилъ онъ Рони, который велъ переговоры о капитуляціи Виллара, «ты, другъ мой, болванъ; какъ медлить дѣломъ столь важнымъ для утвержденія моего авторитета и улучшенія бла-

---

[1]) Это былъ сынъ Бирона, убитаго при Эпернэ, и Генриху оказалъ услугъ не менѣе отца своего, за что былъ произведенъ въ маршалы.

госостоянія моего народа? Развѣ вы забыли, что вы мнѣ совѣтовали, когда приводили въ примѣръ нѣкоего герцога Миланскаго, который, во время такъ-называемой войны Общественнаго Блага, совѣтовалъ Людовику XI разъединить частными интересами всѣхъ сплотившихся противъ него въ силу общихъ видовъ? Теперь я пробую сдѣлать тоже самое; лучше заплатить вдвое дороже, переговариваясь съ каждымъ въ отдѣльности, чѣмъ достигнуть тѣхъ же результатовъ однимъ общимъ договоромъ съ однимъ начальникомъ, который постоянно могъ бы поддерживать сложившуюся партію въ моемъ государствѣ.» Аббевиль подчинился помимо герцога Омальскаго; Троа и Санъ свергли лотарингское иго, а герцогъ Гизъ, чтобъ удержать въ повиновеніи Реймсъ, убилъ маршала Сен-Поль; Овернь и значительная часть Гіэнни признала короля; герцогъ Эльбефъ подчинилъ ему Пуату.

Майенъ, ошеломленный взятіемъ Парижа, не потерялъ однако мужества; онъ рѣшилъ продолжать войну, а центромъ Лиги избрать Ланъ, куда удалились его семейство и парижскіе изгнанники; но онъ зналъ, что Генрихъ направитъ на этотъ городъ всѣ свои силы, и пошелъ за помощью въ Брюссель. Онъ былъ въ открытой враждѣ со всѣми испанскими начальниками, которые честили его измѣнникомъ и хотѣли взять его подъ стражу. «Онъ оказался», пишетъ герцогъ Феріа, «подъ видомъ защитника религіи пагубнѣе для нея, чѣмъ иной, желавшій вредить ей.... Руки свои онъ запятналъ кровью тѣхъ, которые были самыми ревностными католиками Франціи... Онъ препятствовалъ избранію инфантины и предалъ Парижъ Беарнцу» [1]).

Впрочемъ взятіе столицы измѣнило политику Филиппа: уже онъ не льстился болѣе на французскую корону, а желалъ только присоединить Пикардію и Бургундію къ Нидерландамъ; на лигистовъ онъ смотрѣлъ уже не какъ на союзниковъ, нуждавшихся въ помощи, а какъ на мятежниковъ, которымъ слѣдовало откровенно отдаться интересамъ Испаніи и поступить къ нему въ наемники. По этой причинѣ Майенъ непосредственной помощи не получилъ; ему только обѣщали, что армія Мансфельда придетъ выручать Ланъ.

Этотъ городъ Генрихъ осадилъ съ двѣнадцатью тысячами пѣхоты и двумя тысячами конницы (1594, 25 мая), но онъ былъ укрѣпленъ и остатки Союза защищали его хорошо; всѣ окрестныя мѣста были еще во власти лигистовъ, и Мансфельдъ во главѣ восьми тысячъ человѣкъ далъ нѣсколько сраженій съ цѣлью высвободить городъ. Ни одна осада не стоила коро-

---

[1]) Capefigue, t. VII, p. 234.

левской арміи стольких усилій и стольких людей. Капитуляціей Генрихъ былъ обязанъ храбрости и искусству Бирона. Взятіе Лана повлекло за собою подчиненіе Амьена, Бове, Шато-Тьери и др. Баланьи отдалъ подъ покровительство французскаго короля Камбре [1]); испанская армія отошла на границу; Лига начала сходить съ театра событій; война стала мало по малу принимать характеръ національный; лотарингскіе принцы вступили съ королемъ въ переговоры.

Непріязненныя отношенія возобновлялись во всѣхъ провинціяхъ. Въ Бретани герцогъ д'Омонъ ратовалъ противъ короля собственными средствами; черезъ штаты онъ испрашивалъ помощи Англіи и Голландіи, которыя послали ему отъ шести до семи тысячъ человѣкъ. Съ своей стороны Меркёръ получилъ пять тысячъ испанцевъ, которые выстроили на брестскомъ рейдѣ крѣпость и думали сдѣлать изъ нея пунктъ переправы въ Англію. Въ Лангедокѣ Монморанси дѣйствовалъ противъ Жоайеза и тулузскаго парламента, но не какъ подданный короля, а скорѣе, какъ его союзникъ; король не нашелъ лучшаго средства привлечь его, какъ произвести его въ коннетабли. Въ Провансѣ Генрихъ примирился со всѣми лигистами и поддерживалъ ихъ противъ д'Епернонъ; эту, по преимуществу католическую провинцію, онъ хотѣлъ поручить самому выдающемуся вождю Лиги и вошелъ въ переговоры съ Гизами (1594, 29 ноября). Сынъ Генриха Гиза (Balafré) и нареченный женихъ инфантины продалъ себя безъ затрудненій: ему дали 400,000 экю, 24,000 ливровъ пенсіи и управленіе Провансомъ, взамѣнъ чего онъ долженъ былъ уступить свои владѣнія въ Шампани; его братъ получилъ въ управленіе Реймсъ, доходы съ аббатствъ и другія денежныя вспомоществованія; герцогъ Лотарингскій получилъ 900,000 экю и управленіе Тулемъ и Вердюномъ. Такимъ образомъ изъ этого гордаго дома только и остались что герцогъ Омальскій, защищавшій Пикардію, да герцогъ Майенъ, «который порѣшилъ удалиться въ свою Бургундію, выговорить ее себѣ отъ Испаніи и возвести на степень королевства» [2]).

Для Генриха великимъ завоеваніемъ было то, что онъ отнялъ у Лиги имя герцога Гиза, что превратилъ этого соперника въ подданнаго; подчиненіе Майена не заставило себя долго ждать.

---

[1]) Этотъ Баланьи былъ побочный сынъ Монлюка, епископа Валанса, которому поручили охранять Камбре, когда герцогъ Анжуйскій овладѣлъ этимъ городомъ въ 1581 г.; его онъ обратилъ въ нѣкоторомъ родѣ въ самодержавное владѣніе и управлялъ въ немъ тираннически.

[2]) Sully, t. II, p. 297.

Несмотря на всѣ эти удачи, ни одному королю Франціи не пришлось быть въ такомъ щекотливомъ положеніи, какъ Генриху, и нужны были вся его искуственная веселость, разсчитанная откровенность, твердость и гибкость воли, вкрадчивость и уживчивость характера, наконецъ всѣ неисчерпаемыя подспорья его развязнаго, изворотливаго и вкрадчиваго ума, чтобы выйти изъ этого положенія, не уронивъ своего достоинства. Партіи все-еще существовали; правда, онѣ были менѣе настроены прибѣгать къ оружію, однако недовѣріе ихъ не уменьшалось, и королю приходилось лавировать между крайностями и опираться все болѣе и болѣе на политиковъ. Протестанты обвиняли его въ неблагодарности и въ измѣнѣ; они удержали свое отдѣльное управленіе и хотѣли раздѣлить Францію на десять департаментовъ, которые управлялись бы таковымъ же числомъ избирательныхъ совѣтовъ; эти послѣдніе отдавали бы отчетъ верховному совѣту, который наблюдалъ бы за защитою партіи, за ея укрѣпленіями и управленіемъ финансовъ; затѣмъ они испрашивали январскій эдиктъ, смѣшанныя палаты и протектора; но король обошелся съ ними круто и обѣщалъ дать имъ понять, что во Франціи нѣтъ иного покровителя для тѣхъ и другихъ, какъ онъ самъ, а первый, кто только осмѣлится принять это имя, поплатится жизнью» [1]).

Съ другой стороны народъ еще не могъ опомниться отъ своей ненависти къ Генриху, его обвиняли въ томъ, что онъ остался гугенотомъ въ душѣ; съ негодованіемъ смотрѣли на то, что его сестра бывала у протестантской проповѣди въ Луврѣ; были раздражены нарушеніемъ своихъ городскихъ вольностей, цензурными мѣрами противъ проповѣдничества и прессы, тираніей, съ какою преслѣдовались бывшіе лигисты, фаворитками короля, его празднествами въ виду крайней нищеты государства. Не мало было покушеній на жизнь Генриха, и впродолженіе многихъ мѣсяцевъ парламентъ, желавшій загладить свой прошлый образъ дѣйствій особеннымъ усердіемъ, только и занимался тѣмъ, что судилъ и приговаривалъ къ наказаніямъ жалкихъ бѣднягъ, провинившихся обыкновенно только въ словахъ.

Самымъ замѣтнымъ изъ этихъ покушеній былъ поступокъ Жана Шатель; онъ промахнулся и ранилъ короля въ ротъ (1594, 27 декабря). Виновный былъ семнадцатилѣтній юноша, сынъ парижскаго суконнаго фабриканта, который учился, какъ говорятъ, у іезуитовъ. Парламенту представился, такимъ обра-

---

[1]) Катерина Бурбонъ; она была выдана въ 1599 г. за герцога Лотарингскаго.

зомъ, случай разгромить этотъ орденъ, который игралъ въ Лигѣ первую роль и возбудилъ сильную зависть университета и Сорбонны. Вслѣдствіе этого, два дня спустя послѣ покушенія, парламентъ издалъ декретъ о томъ, «чтобы въ три дня всѣ члены общества Іисуса вышли изъ Парижа и изъ всѣхъ городовъ, гдѣ у нихъ были коллегіи, а чрезъ пятнадцать дней, чтобы ихъ не оставалось въ государствѣ, такъ какъ они совращаютъ юношество, тревожатъ общественное спокойствіе и дѣйствуютъ въ духѣ, враждебномъ королю и государству.» Восемь дней спустя, повѣсили іезуита Гиньяра «въ воздаяніе за найденныя въ его кабинетѣ, имъ собственноручно составленныя и писанныя брошюры, оскорбительныя и позорныя для чести покойнаго и настоящаго королей (хотя онъ написалъ ихъ во время войны и считалъ себя подъ прикрытіемъ амнистіи» [1]) (1595, 7 янв.). Многихъ священниковъ подвергли пыткѣ, другихъ повѣсили въ изображеніи лица; отецъ и семейство Шатель подверглись изгнанію; покусившаго на убійство четвертовали. Таково было мщеніе этого правительства, враждебнаго католическому движенію, надъ самыми ревностными вдохновителями послѣдняго: многочисленное религіозное общество присуждалось къ позорному изгнанію массою впродолженіе сорока восьми часовъ безъ выслушанія оправданій, и все это за покушеніе на цареубійство, въ которомъ оно вовсе не участвовало; мало того, что юный преступникъ погибъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, наказаніе постигло и тѣхъ людей, которымъ простили-было ихъ прежнія оскорбленія [2]).

До сихъ поръ Генрихъ воевалъ противъ испанцевъ, какъ противъ помощниковъ Лиги; но Лиги болѣе не существовало: явилась потребность выйти изъ этого двусмысленнаго положенія, при которомъ Испанія подъ маскою союзницы возжигала раздоры и поддерживала раздробленіе государства; надлежало придать войнѣ чисто національный характеръ и принудить лигистовъ стать либо французами, либо испанцами. Король торжественно объявилъ войну Испаніи (1595, 17 января). На это объявленіе Филиппъ отвѣчалъ, что онъ не врагъ Франціи, но ея союзникъ, что онъ сражается только противъ беарнскаго короля и гугенотовъ и считаетъ своею обязанностью преслѣдовать ихъ до конца.

Объявляя войну, Генрихъ руководился болѣе гордостью, чѣмъ сознаніемъ своихъ силъ: неравенство могущества между его королевствомъ и испанскою монархіею было въ то время го-

---

[1]) L'Etoile, t. III, p. 188.
[2]) Sismondi, t. XXI, p. 323.

раздо значительнѣе, чѣмъ при Францискѣ I и Карлѣ V. Франція была истощена сорокалѣтнею междуусобною войною, а Испанія, хотя и была ослаблена самимъ Филиппомъ, однако своей дѣйствительной слабости еще не обнаруживала; ея воинская слава находилась даже въ своемъ апогеѣ. Съ Карла V испанцы сражались за всю Европу: со временъ римлянъ не существовало пѣхоты, которая была бы такъ тѣсно сплочена, такъ дисциплинарно выдержана, такъ упорна въ бою, такъ вынослива въ лишеніяхъ; уже болѣе столѣтія инфантерія играла первую роль въ битвахъ. Испанскіе пѣхотинцы не были людьми умными, пылкими, они представляли собою образецъ совершеннѣйшихъ военныхъ орудій, мелочно, точно выполнявшихъ все то, что имъ приказывалось; это были фанатики съ энергіею грозною и мрачною, но безъ порыва, безъ вдохновенія, орудія разрушенія, безгласныя, безстрастныя, безжалостныя послѣ побѣды, какъ и въ бою. Предводительствовали ими начальники, для которыхъ война составляла и науку, и храмъ науки; эти ветераны, посѣдѣвшіе въ лагерѣ, были также спокойны и холодны, какъ и ихъ солдаты, основывая все на умственномъ разсчетѣ и ставя отвагу ни во что, не требуя отъ своихъ полчищъ увлеченія, а только послушанія. Самими военачальниками руководилъ одинъ, который, казалось, наложилъ на свои войска печать своего спеціальнаго генія; это былъ Филиппъ II, который никогда не появлялся на полѣ битвы, но изъ глубины своего кабинета неустанно и безпрерывно диктовалъ малѣйшія движенія своихъ войскъ, причемъ его точность и бдительность достойны удивленія.

Въ виду этой страшной военной громады, во Франціи, собственно говоря, не было войска; сорокъ лѣтъ она не вела внѣшней войны и хотя Таваннь, Биронъ, Колиньи и Генрихъ IV и заявили себя въ междуусобныхъ войнахъ, какъ великіе предводители, но мѣсто военно-научной подготовки у нихъ обыкновенно замѣняло чувство. Пѣхота стояла ниже нетолько испанской, но и германской и швейцарской, къ помощи которой постоянно прибѣгала; нѣкогда столь страшная артиллерія являлась не болѣе какъ помѣхою во время междуусобныхъ войнъ, почему и была оставлена въ пренебреженіи. Только дворянство отличалось любовью къ войнѣ и инстиктомъ военнаго искусства, вслѣдствіе чего оно было тѣмъ, чѣмъ всегда бывало—самою блестящею и наиболѣе храброю кавалеріей въ Европѣ. Восторженная поклонница славы, она отличалась умомъ, вдохновеніемъ, но въ то же время была легкомысленна, дисциплинѣ подчинялась съ трудомъ и не выдерживала долгихъ усилій. Генрихъ, съ гордостью называвшій себя первымъ изъ этихъ дворянъ, сіявшихъ мужествомъ и веселіемъ, былъ вѣрнымъ типомъ своей кавалеріи, какъ Филиппъ—своихъ пѣхотинцевъ.

Испанскій король приказалъ Веласко, правителю герцогства Миланскаго, вступить въ Конте, чтобы соединиться съ Майеномъ въ Бургундіи. Генрихъ выслалъ впередъ маршала Бирона, который овладѣлъ Бономъ, Отюномъ и Дижономъ; но Веласко и Майенъ, переправившись черезъ Сону у Гре, уже подготовляли со своими десятью тысячами человѣкъ величайшую опасность для Бирона, какъ быстро подоспѣлъ король съ восмьюстами всадниковъ и, въ порывѣ отваги, хотѣлъ остановить испанцевъ у Фонтепь-Франсезъ. Это было предпріятіе безумное, подобное Омальскому дѣлу; и тутъ онъ подвергнулся тѣмъ же опасностямъ, но исходъ оказался счастливѣе. Веласко изумился отпору этой горсти дворянъ и сталъ побаиваться засады, вслѣдствіе чего и переправился черезъ Сону, предоставивъ Генриху овладѣть всею Бургундіей и даже опустошить Конте. Этотъ полководецъ, обратившій тылъ послѣ простой сшибки въ виду войска въ шесть разъ меньшей численности, раздражилъ Майена, и онъ удалился въ Шалонъ, заключивъ съ Генрихомъ миръ, которымъ обязался признать его послѣ разрѣшенія отъ папы (28 іюня).

Тѣмъ временемъ два небольшихъ отряда подъ начальствомъ герцога Бульонскаго и графа Нассаускаго вступили одинъ въ Люксембургъ, другой въ область Литтиха. Графъ Фуэнтесъ, преемникъ эрцгерцога Эрнеста въ управленіи Нидерландами, прогналъ Бульонскаго и Нассаускаго, пробрался въ Пикардію и вошелъ въ Гамъ, который ему предалъ герцогъ Омальскій; завязался страшный бой и обратилъ городъ въ груду развалинъ. Затѣмъ Фуэнтесъ овладѣлъ Кателе и предсталъ предъ Дуланомъ. Билларъ Бранка и войска изъ Нормандіи подоспѣли на помощь Бульонскому и онъ задумалъ пробиться сквозь непріятельскіе ряды, но былъ разбитъ и потерялъ болѣе двухъ тысячъ солдатъ; въ числѣ павшихъ находился Вилларъ и шестьсотъ дворянъ (24 іюля). Дуланъ былъ взятъ приступомъ и преданъ мечу и разграбленію. Оттуда Фуэнтесъ угрожалъ всѣмъ городамъ Пикардіи. Обманувъ касательно своихъ движеній герцога Неверскаго, преемника герцогу Бульонскому, графъ вдругъ ринулся на Камбре. Жители этого города возмутились противъ Баланьи, впустили испанцевъ и принудили цитадель сдаться на капитуляцію.

Генрихъ раскаявался въ томъ, что объявилъ войну, все его государство не было умиротворено; удачи испанцевъ могли воскресить Лигу. Вотъ почему онъ такъ настаивалъ на скорѣйшемъ окончаніи переговоровъ, касавшихся снятія съ него церковнаго отлученія; это было единственное средство отнять всякій поводъ къ неповиновенію лигистовъ и упрочить свое положеніе въ христіанскомъ мірѣ.

Климентъ VIII, казалось, внялъ прошеніямъ двухъ весьма искусныхъ пословъ, д'Осса и Дюперрона, и готовъ былъ на этотъ рѣшительный шагъ: онъ только поджидалъ, чтобы могущество Генриха достаточно окрѣпло и могло бы задерживать возраставшее преобладаніе Испаніи. Впрочемъ послѣ паденія Лиги католическая реакція утратила свою стойкую энергію и свое одушевленіе; самъ Филиппъ II утомился; римскій дворъ, казалось, желалъ роздыха и довольствовался тѣмъ, что во Франціи католическій принципъ восторжествовалъ. Возвращеніе французской королевской власти къ католичеству пополняло эту побѣду; оттолкнуть этотъ результатъ несвоевременною строгостью было бы неумѣстно; къ тому же партія, возстановившая Генриха IV, была партія парламента, партія вольностей галликанской церкви, постоянно поддерживавшая оппозицію папамъ, и еслибы Климентъ медлилъ послать разрѣшеніе Генриху, то слѣдовало опасаться раскола со стороны этой умѣренной партіи. Въ такомъ же смыслѣ подавалъ совѣтъ архіепископъ Буржскій, который уже преподалъ Генриху предварительное разрѣшеніе. Папа объявилъ, «что Климентъ VII потерялъ Англію отъ излишней поспѣшности, но Климентъ VIII не потеряетъ Франціи излишнею медлительностью», и прощеніе было рѣшено. Римскій дворъ обставилъ это величайшею торжественностью. Дюперронъ и д'Осса, стоя на колѣняхъ предъ первосвященникомъ, клятвенно отреклись ереси отъ имени короля, обѣщали возстановленіе католическаго служенія въ Беарнѣ, обнародованіе постановленій Тридентскаго собора, кромѣ тѣхъ, которыя могли повести къ смутамъ, соблюденіе конкордата, наконецъ, возвращеніе церковныхъ имуществъ (1595, 16 сент.). Великій разрѣшитель коснулся своимъ жезломъ головъ посланниковъ, и папа прознесъ отпущеніе среди восклицаній народа. Для Италіи это было весьма важное событіе: теперь она могла противопоставить Филиппу II католическаго государя: снова римскій дворъ обрѣталъ свою политическую независимость.

Это былъ послѣдній ударъ Лигѣ. Къ Генриху IV отправили легата, и переговоры съ вельможами, еще отказывавшими въ покорности, были скоро приведены къ концу. Майенъ хотѣлъ было, въ качествѣ главы партіи, вести переговоры за всю Лигу; но Генрихъ отказалъ въ этомъ наотрѣзъ и Майенъ принужденъ былъ довольствоваться частнымъ договоромъ, къ которому могли примкнуть и прочіе вожди (1596, янв.). Предисловіе этого договора заключало похвалы Майену за его привязанность къ вѣрѣ, откровенное служеніе цѣли, усердіе къ недопущенію распаденія государства. Ему возвратили богатства, должности, чины и дали управленіе Бургундіей, позволили удержать за собою въ видѣ залога три города на шесть лѣтъ и выдали 350,000 экю на

уплату долговъ; уничтожили приговоры противъ него и его приверженцевъ; принцевъ Лотарингскихъ объявили неповинными въ убіеніи покойнаго короля и освободили поимянно отъ преслѣдованіи; всѣ полномочныя дѣйствія Майена и прочихъ вельможъ были утверждены.

Жойезъ принялъ этотъ договоръ и получилъ маршальскій жезлъ и управленіе частью Лангедока [1]). Герцогъ Немурскій также принялъ этотъ договоръ. Д'Омаль и Меркёръ отвергли его: первый лишился всего и былъ приговоренъ къ смерти за то, что предалъ Гамъ; второй сдѣлался совершенно независимымъ въ Бретани. Оставался только д'Епернонъ, положеніе котораго было единственное въ своемъ родѣ: онъ сражался противъ короля, лигистовъ и гугенотовъ; въ его власти было болѣе сорока укрѣпленныхъ городовъ въ Провансѣ и въ Дофине, съ Метцомъ, Булонью, Амбоазомъ, Ангулемомъ и двадцатью двумя прочими городами; онъ твердо рѣшился сдѣлать изъ Прованса самостоятельное независимое владѣніе и заключилъ съ Филиппомъ II союзъ. Но народъ его ненавидѣлъ и во всемъ ему сопротивлялся, а, наконецъ, призналъ королевскую власть и принялъ герцога Гиза. Только Марсель не была еще подчинена; она управлялась двумя консулами—тиранами, ярыми лигистами и фанатическою черныю; они отдались Филиппу II и уже приняли его флотъ и войско, какъ нѣкоторые горожане открыли ворота герцогу Гизу, убили обоихъ консуловъ, изгнали испанцевъ и своимъ примѣромъ увлекли къ подчиненію и д'Епернона (27 февраля).

«Вотъ теперь такъ я король!» вскричалъ Генрихъ. И дѣйствительно, упрочивъ миръ внутри, онъ могъ обратить свои взоры внѣ. Бургундская граница охранялась нейтралитетомъ Франшъ-Конте и швейцарцами; лотарингская—мирнымъ договоромъ съ герцогомъ; Дофине защищалъ противъ герцога Савойскаго Ледигьеръ; испанскій король былъ не въ силахъ двинуть армію на Пиринеи; оставалось защищать только Пикардію и Шампань, но съ этой стороны можно было разсчитывать на помощь Голландіи и Англіи.

Хотя Елисавета измѣнила свои чувства къ Генриху IV, который не былъ уже главою гугенотовъ, а королемъ Франціи, но она продолжала посылать войска въ Бретань, откуда испанцы дѣлали высадки въ Англію, и просила даже поставить гарни

---

[1]) Трое Жойезъ предводительствовали католиками въ Лангедокѣ; первый былъ отцомъ любимца Генриха III; второй, сынъ перваго, былъ убитъ въ сраженіи при Вильмурѣ; третій, также сынъ перваго, былъ капуциномъ; при смерти своего брата онъ оставилъ монашество; онъ то и подчинился Генриху IV. Затѣмъ онъ опять вступилъ въ орденъ и былъ сдѣланъ кардиналомъ.

зонъ въ Калэ, которымъ Филиппъ II старался овладѣть, «чтобы», говорила она, «прервать нашу власть въ морскомъ проливѣ, въ которомъ мы не потерпимъ равноправнаго властелина [1])». Генрихъ отклонилъ эту просьбу и въ ожиданіи обѣщанной помощи своей союзницы принялся осаждать Ла-Феръ, главное депо испанцевъ (1595, 8 ноября). Правитель Нидерландовъ, эрцгерцогъ Альбертъ, приблизился съ двадцати-пятитысячною арміей, какъ будто городу на выручку, но это былъ обманъ; эрцгерцогъ поспѣшно свернулъ на слабо защищенный Калэ. Несмотря на усилія Генриха, который въ тотъ же день поспѣшилъ подать помощь этому важному пункту, городъ капитулировалъ; затѣмъ Альбертъ овладѣлъ городами Гинь и Ардръ и, не безпокоясь объ утратѣ Ла-Фера, который Генрихъ принудилъ сдаться, возвратился въ Нидерланды, гдѣ голландцы произвели диверсію въ пользу Франціи (22 мая). Затѣмъ война пошла тянуться; Филиппъ чувствовалъ, что онъ устарѣлъ и упалъ духомъ; Генрихъ былъ истощенъ: начали поговаривать о мирѣ, и въ виду этого обстоятельства папа прислалъ легата во Францію. Но Голландія и Англія были противъ переговоровъ и даже вступили съ Генрихомъ въ договоръ, которымъ обязались доставить ему каждая по четыре тысячи человѣкъ съ условіемъ, чтобы онъ безъ нихъ не заключалъ мира съ Испаніей.

Миръ былъ все-таки единственнымъ желаніемъ Генриха, который мечталъ объ иной славѣ, чѣмъ о славѣ бранной—«о введеніи порядка и возстановленіи государства во всей полнотѣ и въ блескѣ величія.» Онъ страдалъ при видѣ Франціи въ столь жалкомъ положеніи: всюду разореніе, администраціи нѣтъ, полиціи не существуетъ, поля не воздѣланы, города малолюдны, правительство безсильно облегчить для народа бремя столькихъ поборовъ, податей, стѣсненій; власть королевская не признается правителями провинцій; дворянство разорено гражданскою войной, духовенство еще распалено страстями Лиги; наконецъ, государство лишено всего своего внѣшняго вліянія. Первымъ источникомъ столькихъ золъ было страшное разстройство финансовъ. Эгоизмъ и деньги играли главную роль въ реставраціи королевской власти и Генрихъ чрезъ мѣру отяготилъ свой народъ, чтобы выкупить государство по частямъ; лигистамъ онъ далъ 37,000,000; союзникамъ выплатилъ или былъ долженъ 67,000,000; одно семейство Гизовъ обошлось ему въ 17,000,000; всякій ничтожный городишко нужно было купить; всякому жалкому начальнику платить; почти всѣ вельможи и многіе буржуа имѣли ассигнаціи на доходы. Наконецъ его фи-

[1]) Capefigue, t. VII, p. 268.

нансовый совѣтъ состоялъ изъ восьми человѣкъ страшно алчныхъ; они явно расхищали казну, скупали старые долги и требовали уплаты капитала и процентовъ сполна, продавали по низкой цѣнѣ налоги и аренды, закладывали земли, щеголяли возмутительною роскошью, тогда какъ король терпѣлъ недостатокъ во всемъ [1]). Впрочемъ и самъ Генрихъ, сколько его алчные придворные ни обвиняли въ скупости, былъ расточителенъ, небережливъ, не любилъ сводить счетовъ; онъ занималъ для предметовъ первой необходимости, для своихъ фавориткъ, игры, стола и не думалъ о возвращеніи денегъ. Убѣдительныя указанія Росни привели къ тому, что Генрихъ рѣшилъ положить предѣлъ хаотическому состоянію финансовъ.

Росни, человѣкъ трудолюбивый и очень ученый, съ большимъ честолюбіемъ, полный энергіи, снискалъ довѣріе Генриха своими услугами, планами управленія и политическими способностями. «Я знаю его съ двѣнадцати лѣтъ,» говорилъ Генрихъ, онъ ни разу не покидалъ меня и не отчаявался въ моей дружбѣ» [2]). На него возложили порученіе объѣхать многія провинціи съ цѣлью провѣрить счеты, и въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ собралъ 500,000 экю, хотя отнялъ несправедливо взятое только у мелкихъ воровъ (1596, май). Тогда онъ былъ допущенъ въ совѣтъ управленія финансовъ, занялъ мѣсто цензора своихъ сослуживцевъ и, несмотря на интриги придворныхъ, дѣятельно и неутомимо работалъ надъ уничтоженіемъ безпорядка.

Между тѣмъ война продолжалась; ощущалась настоятельная необходимость въ деньгахъ. Въ Руанѣ король созвалъ нотаблей. Собраніе состояло изъ десяти лицъ духовнаго званія, восемнадцати дворянъ и пятидесяти магистровъ (5 ноябр.). Со свойственнымъ ему умомъ и прямодушіемъ, которое онъ такъ хорошо умѣлъ принимать и которое такъ внушало къ нему довѣріе, Генрихъ объявилъ имъ, что онъ предоставляетъ собранію полнѣйшую свободу разсужденій и мнѣній, не даетъ никакого правила, никакого ограниченія и только проситъ имѣть въ виду главную цѣль — возстановленіе государства, королевскаго достоинства, мира, общественнаго спокойствія и облегченіе участи народа. «И хотя,» сказалъ онъ, «мои сѣдины, мои

---

[1]) Изъ лагеря подъ Ла-Феромъ Генрихъ писалъ Сюльи 15 апрѣля, 1596 г.: «У меня почти нѣтъ лошади, на которой я могъ бы сражаться; ни полнаго латнаго вооруженія, которое я могъ бы надѣть; всѣ мои рубашки разорваны; фуфайки протерлись на локтяхъ; часто мнѣ приходится голодать и вотъ уже два дня, какъ я обѣдаю и ужинаю то у того, то у другаго, такъ какъ мои поставщики отказываются отпускать столъ, тѣмъ болѣе потому, что уже за шесть мѣсяцевъ они не получили денегъ.

[2]) Сюльи, t. VI, p. 366.—Максимиліанъ де-Бютюнъ, маркизъ Росни, герцогъ Сюльи, родился въ 1559 г.

долгіе опыты, великіе труды, опасности, которыя я понесъ для спасенія государства, и заслуживаютъ исключенія изъ общихъ правилъ, тѣмъ не менѣе я хочу имъ подчиниться въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ другихъ, ибо я считаю несомнѣннымъ признакомъ паденія государства, когда короли презираютъ законы, или считаютъ себя въ правѣ отъ нихъ освободиться» [1]).

Записки этого собранія замѣчательны двумя прошеніями: [1]) объ утвержденіи совѣта Разума, который состоялъ бы изъ нотаблей и управлялъ финансами; о раздѣленіи доходовъ на двѣ расходныя статьи, изъ которыхъ одна предназначалась для короля и войны, другая для долга, чиновниковъ, работъ общественной пользы и т. п. Располагать этими суммами долженъ былъ вышеупомянутый совѣтъ. Подобныя перемѣны уничтожили бы королевскую власть, однако король далъ на нихъ свое согласіе, чтобы отбить у нотаблей охоту отъ государственныхъ занятій. Дѣйствительно, совѣтъ Разума обнаружилъ такую явную неспособность, что по прошествіи мѣсяца умолялъ короля сложить съ него возложенную обязанность и употреблять всѣ доходы по собственной совѣсти и личному усмотрѣнію.

Несмотря на свои благія намѣренія, Генрихъ со дня на день становился непопулярнѣе, особенно въ Парижѣ: онъ отмѣнилъ муниципальные выборы, отвергъ возраженія парламента, захватилъ доходы городской ратуши, создалъ новые налоги; ему ставили въ вину его жестокую полицію, его посѣщенія домовъ частныхъ лицъ, громадное число несчастныхъ, которыхъ казнили за заговоры противъ особы короля, наконецъ его разгульную жизнь; на него сочиняли памфлеты, осмѣивали его дворъ, его побочныхъ дѣтей и сожалѣли о Лигѣ и объ испанцахъ.

Страшное извѣстіе положило конецъ этимъ нареканіямъ и возвратило королю всю его энергію; это было взятіе Амьена испанцами (1597, 11 марта). Генрихъ сложилъ въ этомъ городѣ громадное количество оружія и особенно орудій для предстоявшей кампаніи, и все это пропало; непріятель стоялъ въ тридцати льё отъ столицы, которая готова была возмутиться. Генрихъ предоставилъ Росни позаботиться о присылкѣ ему денегъ и солдатъ, а самъ съ пятью тысячами человѣкъ устремился между Амьеномъ и Дуланомъ, чтобы воспрепятствовать новымъ войскамъ войти въ завоеванный городъ. Росни сдѣлалъ заемъ у духовенства, создалъ новыя должности, набралъ людей изъ центральныхъ провинцій; но все это подвигалось медленно, потому что парламентъ отказывалъ зачислять приказы о чрез-

---

[1]) Sully, t. III, p. 29.

вычайныхъ налогахъ. Генрихъ прискакалъ въ Парижъ, сдѣлалъ внушеніе магистратамъ, принудивъ ихъ зачислять акты и призвалъ противъ испанцевъ своихъ прежнихъ сподвижниковъ и враговъ. Майенъ честно привелъ свой контингентъ; выступили полки парижскихъ и руанскихъ лигистовъ; но протестантскіе вожди упрямились и дѣлали затрудненія, требуя исполненія своихъ условій. Генрихъ собралъ двадцать восемь тысячъ человѣкъ и осадилъ Амьенъ. Осада длилась пять мѣсяцевъ. Эрцгерцогъ Альбертъ во главѣ двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ неоднократно пробовалъ было заставить снять осаду; но не могъ перейти черезъ Сомму, и городъ сдался (25 сентября).

Это было послѣднее военное дѣйствіе. Филиппъ II чувствовалъ приближеніе смерти; двойная цѣль, которою онъ задался, возстановленіе католицизма и утвержденіе всеобщей монархіи, была выполнена, но не вся, именно: первая часть, возвышенная и великая, удалась, вторая, ложная и эгоистическая, не имѣла успѣха, но онъ затратилъ на это дѣло пятьсотъ девяносто милліоновъ дукатовъ, и, видя истощеніе своихъ владѣній, хотѣлъ по крайней мѣрѣ оставить ихъ своему сыну, предварительно поднявъ ихъ благосостояніе посредствомъ мира. Цѣлый годъ продолжались переговоры при посредничествѣ папы и привели къ Вервенскому конгрессу, на которомъ присутствовали только посланники Франціи, Испаніи и Савойи; Англія и Соединенныя Провинціи отказались отъ участія. Миръ заключили (1598, 2 мая). Испанія и Франція возвратили другъ другу свои завоеванія и вступили въ предѣлы, опредѣленные по договору въ Като-Камбрези. Изъ двухъ оставившихся у Филиппа союзниковъ одинъ, именно герцогъ Меркёръ, подчинился Генриху съ условіемъ получить 4.000,000 экю и выдать свою единственную дочь за герцога Вандомскаго, побочнаго сына короля; другой, герцогъ Савойскій, лишился крѣпости Фор-Барро, взятой Ледигьеромъ, и обѣщалъ возвратить маркизатъ Салуцци.

Упрочивая престолъ Генриха IV, этотъ договоръ полагалъ начало политическому праву, которое получило окончательную выработку на Вестфальскомъ договорѣ. Франція снова заняла свое прежнее мѣсто въ политическомъ мірѣ, выйдя изъ стольких изнурительныхъ междоусобій сильнѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ новая династія принесла съ собою Беарнъ и графство Фоа, а эти земли укрѣпили пиренейскую границу.

За двадцать дней до того, какъ этотъ договоръ былъ подписанъ, Генрихъ IV издалъ эдиктъ, которымъ оканчивались религіозныя междоусобія, возстановлялся внутренній миръ и окончательно опредѣлялось политическое положеніе протестантовъ, — это былъ Нантскій эдиктъ.

Со времени обращенія короля, гугеноты держались въ сторонѣ, обнаруживая недовѣріе, наклонность къ жалобамъ и отказывая въ безусловномъ повиновеніи, они чувствовали, что ихъ ненавидятъ парламенты, правители провинцій и придворные; со стороны своего бывшаго вождя они опасались неблагодарности и такимъ образомъ считали себя чужими для Франціи и стремились образовать отдѣльное государство; къ тому же они оправились отъ своихъ потерь и составляли семьсотъ шестьдесятъ церквей, могли вооружить двадцать пять тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ четыре тысячи дворянъ и имѣли въ своемъ владѣніи двѣсти укрѣпленныхъ мѣстъ и замковъ. Король лучше чѣмъ кто-нибудь зналъ подвижный нравъ реформаторовъ и присущій имъ духъ независимости и «сильно желалъ сломить эту партію, въ которой Бульонъ и Ла-Тремуль особенно старались поддержать единодушное стремленіе къ смутамъ» [1]. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до того Генрихъ даровалъ имъ на восьмилѣтнее владѣніе всѣ занятыя ими мѣста, въ которыхъ обѣщалъ содержать четыре тысячи солдатъ изъ гугенотовъ; еще онъ утвердилъ за ними равенство податей, почестей и чиновъ на одинаковой степени съ католиками, наконецъ, Нантскимъ эдиктомъ (1598, 13 апрѣля) онъ подтвердилъ предшествовавшія распоряженія, даровалъ полное всепрощеніе за всѣ акты войны, возстановилъ католическую вѣру по всему государству съ правомъ свободы совѣсти для гугенотовъ; позволилъ общественное отправленіе реформатскаго богослуженія для вельможъ и ихъ вассаловъ, для владѣльцевъ, облеченныхъ властью суда и расправы въ своихъ земляхъ, для городовъ, обозначенныхъ въ эдиктѣ 1577 г., наконецъ онъ учредилъ въ парижскомъ парламентѣ протестантскую палату представителей, а въ Кастрѣ, Бордо и Гренооблѣ смѣшанныя палаты.

Нантскій эдиктъ составлялъ мѣру переходную, необходимо вызванную взглядомъ того времени, когда считали кальвинистовъ не диссидентствующею сектою, а общиною съ ея законами, укрѣпленіями, арміей, податями, собраніями; по этой причинѣ духовенство признало его святотатствомъ, парламентъ видѣлъ въ немъ незаконный актъ, а среди ревностныхъ католиковъ поднялся ропотъ; однако тѣмъ дѣло и кончилось: всѣ были утомлены смутами и расположены къ снисхожденію; не желали ничего, какъ только спокойствія и порядка; большинство народа раздѣляло то мнѣніе, что этотъ эдиктъ, который двадцать лѣтъ тому назадъ возжегъ-бы гражданскую войну, былъ единственнымъ средствомъ, какъ говорилъ Генрихъ IV, «обручить Францію миру».

---

[1] Sully.

Вервенскій договоръ и Нантскій эдиктъ—это акты, заканчивающіе собою періодъ религіозныхъ междоусобій. Франція пользуется миромъ внѣшнимъ и внутреннимъ; новая эра открывается для нея; престолъ прочно занятъ династіей Бурбоновъ, которая въ лицѣ Генриха вступаетъ въ управленіе послѣ двадцати пяти лѣтъ войны.

Наконецъ, въ тотъ моментъ, какъ эти оба торжественные акта возвѣщаютъ, что терпимость получаетъ въ обществѣ право гражданства, что религіозная мысль уступаетъ мѣсто политической въ войнахъ, союзахъ, международныхъ сношеніяхъ, въ этотъ самый моментъ Филиппъ II, этотъ типъ неподвижнаго католичества, нисходитъ въ могилу. Начинается упадокъ Австрійскаго дома: его мѣсто занимаетъ домъ Бурбонскій, къ которому и переходитъ перевѣсъ въ Европѣ.

ГЛАВА II.

Общія мысли о третьемъ періодѣ феодализма. — Министры Генриха IV. — Распоряженія относительно земледѣлія, промышленности и торговли. — Финансовая реформа. — Непопулярность Сюльи и Генриха IV. — Бракъ Генриха IV. — Савойская война. — Заговоръ и судъ Бирона. — Заговоръ графа Овернскаго и герцога Бульонскаго. — Политическіе планы Генриха IV. — Клевское и Юлихское наслѣдство. — Приготовленія къ войнѣ. — Смерть Генриха IV.

Основаніями втораго періода феодализма были: Франція, какъ феодальная монархія съ генеральными штатами, королевская власть въ борьбѣ съ самовластіемъ вассаловъ, сначала въ лицѣ англійскихъ королей, затѣмъ въ представительствѣ бургундскихъ герцоговъ, народъ, проявляющій дѣятельность только въ гибельныхъ для его существованія междоусобныхъ войнахъ, наконецъ, вѣра, хотя потрясенная великимъ расколомъ, тѣмъ не менѣе пребывающая въ основаніи всего строя общества. Къ концу шестнадцатаго столѣтія ничего этого не остается. Королевская власть скорѣе самодержавна, чѣмъ феодальна; генеральные штаты появляются только разъ; ленные вассалы уничтожены и замѣнены правителями провинцій; начались внѣшнія войны, и въ Европѣ вырабатывается новая политическая система; наконецъ, духъ свободнаго изслѣдованія охватилъ все общество. Эти двѣ громадныя формы, страна и правительство, которыя казались въ началѣ четырнадцатаго вѣка чѣмъ-то неяснымъ, запутаннымъ, теперь обрисовались мѣтко и сильно:

правительство обнаружило въ итальянскихъ войнахъ совершенно новую жизнь; страна явила свою мощную личность въ гражданскихъ войнахъ. Шестнадцатый вѣкъ, столь полный величія и страданія, далъ Франціи пройти громадный путь: новый міръ прогрессивнаго движенія во всѣхъ родахъ открывается для нея съ династіей Бурбоновъ; это—время централизаціи націи и власти; время административнаго и интеллектуальнаго прогресса во внутренней жизни; время политическаго вліянія въ дѣлахъ внѣшнихъ. Эти внутреннія войны, которыя были жизнью феодализма, отъ которыхъ королевская власть избавилась посредствомъ итальянскихъ походовъ и которыя затѣмъ возникли опять съ такою силою подъ покровомъ религіи, эти войны цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ будутъ тревожить Францію, потому что кальвинизмъ еще утвержденъ, какъ политическая партія, а феодализмъ нѣкоторымъ образомъ переродился въ правителей провинцій; но все это не болѣе какъ пародія на прежнія междоусобія, послѣднее издыханіе феодализма. Королевская власть дѣлается самодержавною руками трехъ великихъ министровъ: Сюльи, Ришелье и Мазарини, олицетворится въ Людовикѣ XIV, доставитъ Франціи внутреннее процвѣтаніе и внѣшнее величіе и тѣмъ оправдаетъ законность своего авторитета.

Королевская власть Генриха IV, до того времени занятая возсозиданіемъ короны и государства, еще не управляла; теперь, когда государство установилось извнѣ и внутри, она могла обратиться къ своимъ заботамъ о порядкѣ и процвѣтаніи, подумать объ интересахъ общественныхъ, предпринять этотъ громадный трудъ администраціи, въ которомъ Бурбоны почти всегда заявятъ себя какъ сила разумная, прогрессивная, одушевленная желаніемъ блага.

Главными министрами Генриха были: Вильруа по военной части, Жанненъ по иностраннымъ дѣламъ, Белльеверъ, а затѣмъ Силлери по дѣламъ печатей, Сюльи по управленію финансами, внутренними дѣлами, артиллеріей, крѣпостями, судами. Все это были люди способные, ученые, трудолюбивые, но враги между собой; они стремились къ преобладанію другъ надъ другомъ. Особенно этимъ отличался Сюльи, человѣкъ обширнаго ума и неутомимо дѣятельный, но завистливый, жестокій и крайне гордый: онъ любилъ поглощать трудъ и сопряженныя съ нимъ выгоды своихъ сослуживцевъ; народъ и дворянство ненавидѣли его. Подъ вліяніемъ этого министра, пользовавшагося величайшимъ довѣріемъ Генриха, было издано множество административныхъ распоряженій, свидѣтельствовавшихъ не столько о просвѣщенной заботливости правительства залечить раны войны, сколько объ успѣхахъ самодержавной

власти, такъ какъ они тщательно устраняютъ народъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ, отвращаютъ его отъ всякой политической мысли, предоставляютъ ему исключительное занятіе матеріальными интересами; ихъ цѣль—не улучшеніе судьбы народа путемъ любви къ общественному благу, а осуществленіе отдаленныхъ плановъ политическаго честолюбія; обогащеніе короля, а не королевства; наконецъ они доказываютъ, что Генрихъ IV и его министры были скорѣе искусными государственными людьми, чѣмъ хорошими администраторами.

На земледѣліе власть направила свои главнѣйшія заботы, ставя его высшимъ источникомъ благосостоянія Франціи. Сюльи призналъ государство существенно земледѣльческою страною, треть которой была невоздѣлана и опустошена, а между тѣмъ въ нѣдрахъ ея необъятныя сокровища лежали сокрытыми; земледѣліе, по его мнѣнію, должно было поставлять торговлѣ всегда вѣрные и легко истекающіе предметы обмѣна. Онъ хотѣлъ, чтобы вельможи жили въ своихъ помѣстьяхъ и подняли цѣнность земли; онъ провозгласилъ великій принципъ свободнаго вывоза зерна; издалъ распоряженія объ осушеніи болотъ и сохраненіи лѣсовъ. «Хлѣбопашество и скотоводство», говорилъ онъ, это сосцы, питающіе Францію, ея перуанскіе рудники и сокровища [1])».

Но министръ-дворянинъ, занимаясь земледѣліемъ, только и помышлялъ о войнѣ; изъ-за плуга онъ хотѣлъ извлечь хорошихъ солдатъ; дѣйствительно, въ скоромъ времени Франція отвергла помощь германскихъ наемниковъ, потому что образовала среди себя армію въ истинно новѣйшемъ духѣ, сильную своею смѣтливою пѣхотою. Часть войскъ Генриха была распущена послѣ мира, другая оставалась на положенномъ жалованьи; для старыхъ увѣчныхъ солдатъ былъ учрежденъ гошпиталь; грабители большихъ дорогъ подверглись строгому преслѣдованію. Сюльи, занимаясь исправленіемъ укрѣпленій и пополненіемъ арсеналовъ, ненавидѣлъ все, что вредило военнымъ занятіямъ; онъ притѣснялъ купцовъ и ремесленниковъ, считая ихъ неспособными къ войнѣ, задерживалъ ихъ промышленность кучею постановленій; запретилъ вывозъ золота и серебра, наложилъ права на обращеніе товаровъ, изгонялъ роскошныя одежды, задерживалъ устроеніе шелковыхъ, ковровыхъ и зеркальныхъ фабрикъ. «Не дѣло Франціи забавляться этими побрякушками», говорилъ онъ; «замкнутая жизнь фабрикъ не можетъ дать хорошихъ солдатъ.»

Къ счастью, король, далекій отъ кропотливаго, узко-систематическаго ума своего министра, обладалъ болѣе широкими

---

[1]) Sully, t. III, p. 195.

воззрѣніями. Онъ воспротивился распоряженіямъ Сюльи, увеличилъ привилегіи ремеселъ, содѣйствовалъ выработкѣ промышленныхъ издѣлій, опредѣлилъ денежный ростъ, поддерживалъ горный промыселъ, покровительствовалъ внутренней торговлѣ проложеніемъ дорогъ и проектированіемъ каналовъ, изъ которыхъ одинъ, именно Лоаро-Сенскій, былъ выполненъ. Онъ насадилъ пятьдесятъ тысячъ тутовыхъ деревьевъ, поощрялъ разведеніе шелковичныхъ червей, привелъ въ цвѣтущее состояніе шелковыя фабрики въ Ліонѣ, Нимѣ и Турѣ, стеклянные и фарфоровые заводы въ Парижѣ и Неверѣ; наконецъ у себя дома устроилъ атласныя, дамасскія и гетелисовыя фабрики. Стараніями Жаннена и Вильруа были заключены торговые договоры съ Голландіей и Англіей, а съ Турціей возобновлены прежнія условія, по которымъ монополія торговли въ этой странѣ опять переходила къ Франціи, и ея вліяніе надъ христіанами получало на востокѣ прежнюю силу (1605 [1]). Наконецъ были основаны колоніи въ Америкѣ, гдѣ испанцы уничтожили попытки поселенія, предпринятыя французскими протестантами [2]). Нѣсколько авантюристовъ напали на слѣды Жака Карты, который впервые поднялся по рѣкѣ Св. Лаврентія, а Шампленъ въ 1608 году основалъ Квебекъ, который сдѣлался столицею Новой Франціи или Канады.

Въ основаніи всего этого прогресса лежала финансовая реформа. Государство было обременено 330 милліонами долгу, (около 800 милліоновъ на наши деньги) не считая другихъ суммъ, не возведенныхъ на степень государственнаго долга. Доходъ состоялъ изъ 50 милліоновъ [3]), но въ дѣйствительности народъ выплачивалъ болѣе 200, что вытекало изъ непригодной системы взиманія податей и бездѣйствія государственнаго контроля. Дѣйствительно, вѣтви дохода отдавались на откупъ чиновникамъ вѣдомства финансовъ за сумму тѣмъ меньшую, чѣмъ нужды казны были настоятельнѣе. Въ свою очередь эти чиновники распредѣляли подати между отдѣльными арендаторами, которые свои части дробили между откупщиками третьей руки; такимъ образомъ деньги, взятыя съ подлежащихъ податному сбору, убавлялись, переходя черезъ руки этой толпы прикащиковъ,

---

[1]) Смотри мой Essai historique sur les relations de la France avec l'Orient, въ Revue indépendante 25 ноября, 1843.

[2]) Къ 1592 г. относится начало поселеній во Флоридѣ, предпринятыхъ по внушенію Колиньи.

[3]) Подушной подати 20 милліоновъ, питейныхъ сборовъ—5 милліоновъ, пошлины за ввозъ и провозъ и таможенныхъ сборовъ—8 милліоновъ; десятины духовенства—4,500,000; съ продажи должностей и съ разныхъ оброчныхъ статей—12 милліоновъ.

агентовъ, сборщиковъ, гдѣ каждый старался нажиться, а государственный контроль провѣрялъ только счеты, всегда невѣрные и неполные. Сверхъ того правители провинцій, коменданты крѣпостей, полковые офицеры, «которые съ перваго до послѣдняго страшно злоупотребляли своимъ авторитетомъ надъ народомъ», сами взимали подати на уплату гарнизонамъ и въ этомъ не отдавали отчета никому. Наконецъ вельможамъ, у которыхъ король купилъ подданство и иностраннымъ принцамъ, помогавшимъ Генриху, было заплачено не чистыми деньгами, а ассигнаціями на доходы съ нѣкоторыхъ провинцій, что втрое, вчетверо увеличивало долгъ, а съ нимъ обѣднѣніе народа.

Генрихъ сосредоточилъ управленіе финансами, отдавъ его Сюльи со званіемъ главнаго начальника управленія финансовъ (surintendant) (1598). Послѣдній поручилъ объѣздить провинціи, нѣкоторыя же объѣздилъ самъ, чтобы удостовѣриться въ ихъ нуждахъ и источникахъ богатствъ, въ характерѣ доходовъ и способѣ ихъ собиранія; для сличенія онъ вытребовалъ отчеты изъ контроля, отъ казначеевъ и перламентовъ и началъ преобразованіе тѣмъ, что возвратилъ народу 20 милліоновъ за предъидущіе и два милліона за текущій годъ. Затѣмъ онъ постановилъ, что впредь ни одна подать не будетъ взиматься безъ распоряженія короля и зачисленія въ парламентскіе акты, запрещая вельможамъ, комендантамъ и намѣстникамъ распоряжаться доходами и откупами по праву кредиторовъ и вмѣняя имъ въ обязанность обращаться за пенсіями и жалованіемъ войскамъ въ казначейство непосредственно. По поводу этихъ перемѣнъ вельможи и откупщики разразились такими громкими жалобами, что король испугался, но министръ поставилъ на своемъ, сказавъ Генриху, что не слѣдуетъ допускать, чтобы кто-либо изъ его совѣта или изъ вѣдомства финансовъ былъ заинтересованъ въ какой-нибудь доходной статьѣ. «Затѣмъ онъ уменьшилъ число сборщиковъ, отмѣнилъ контракты откупщиковъ, а подати отдалъ на подряды, но, зная ихъ прибыль въ точности, онъ не иначе давалъ подряды, какъ съ обязательствомъ представить ему сумму раза въ четыре, въ пять превосходящую свою первоначальную цѣнность [1]. Весь частный приходъ контролировался въ его вѣдомствѣ, контролю оставалось только провѣрять общій приходъ по точно составленнымъ донесеніямъ. Наконецъ права кредиторовъ подверглись строжайшему пересмотру; коро-

---

[1]) Такъ, коннетабль Монморанси неоднократно жаловался королю на доходъ въ 9,000 экю, «жалкую, ничтожную сумму, ассигнованную изъ налога съ провинціи Лангедока, изъ котораго на вашу долю не достается ничего». Сюльи выплатилъ ему изъ казны 9000 экю, а ничтожную, жалкую ассигнацію отдалъ на откупъ за 50,000 экю.

левскими помѣстьями стали управлять съ большимъ стараніемъ; уменьшили множество граматъ дворянства, вслѣдствіе чего податное сословіе увеличилось. Короче сказать, финансы всѣ въ сложности были подчинены надзору одного лица; соблюденіе экономіи въ расходахъ привело къ тому, что общественныя должности были обезпечены, долги уплачены и менѣе, чѣмъ въ двадцать лѣтъ тридцать милліоновъ сбереженныхъ суммъ было отложено на запасъ въ подземелья Бастиліи.

Сюльи внесъ порядокъ и правильность въ управленіе финансами; но онъ преобразовалъ только форму взиманія и контроль; онъ не съумѣлъ принять новой, обширной системы налоговъ, а для пополненія казны былъ вынужденъ прибѣгать къ мелкимъ подспорьямъ, къ мѣрамъ изнурительнымъ, каковы, напримѣръ, увеличеніе таксы на съѣстные припасы, сличеніе заемныхъ документовъ съ цѣлью доказать ихъ подложность и самовольное уменьшеніе процентовъ, насильственный выкупъ земель, проданныхъ въ казну, конфискованіе имуществъ, созданіе должностей. Онъ узаконилъ на вѣчныя времена наслѣдственность должностей, установилъ непомѣрное число чиновниковъ по судебному и финансовому вѣдомствамъ, утвердилъ право павлеты (1604), въ силу котораго, занимающіе должность могли передать ее по наслѣдству, платя за это ежегодно «шестидесятую часть стоимости, въ какую вышеупомянутая должность была оцѣнена». Этотъ эдиктъ возбудилъ сильное волненіе. «Продавать правосудіе,» говоритъ Л'Етоаль, «это продавать общественное дѣло, продавать кровь подданныхъ, продавать законы [1])!» Другая финансовая мѣра вызвала ропотъ еще сильнѣе; это была переплавка монетъ. «Превосходное средство,» говоритъ тотъ же самый хроникеръ, «вытянуть» пятую часть имущества каждаго и въ конецъ раззорить народъ, и такъ уже притѣсненный и лишенный всѣхъ своихъ жизненныхъ соковъ, но и этого нашимъ государственнымъ людямъ было мало. Говоря о простомъ народѣ, даже о парижанахъ, они громко выражались такъ: «этихъ смердовъ нужно унизить и умалить до того, чтобы клещи могли безпрепятственно по нимъ сновать».

Дѣйствительно, при своемъ грубомъ, высокомѣрномъ, непреклонномъ характерѣ, при своемъ оскорбляющемъ презрѣніи къ буржуазіи, при желаніи угодить королю, Сюльи не обнаруживалъ ни малѣйшаго состраданія къ бѣдствіямъ и воплямъ на-

---

[1]) Петръ Л'Етоаль былъ парижскій мѣщанинъ, болтливый, любопытный, и довѣрчивый; онъ оставилъ мемуары, драгоцѣнные если не относительно фактовъ, но за то относительно нравовъ. Онъ принадлежалъ къ партіи католиковъ-политиковъ и, хотя не занималъ никакой должности, но участвовалъ въ возведеніи Генриха на престолъ.

рода. Онъ, правда, желалъ, чтобы государство процвѣтало и было богато, но только съ цѣлью удвоить доходы своего господина, доставить ему хорошую армію и сдѣлать его первымъ властелиномъ въ Европѣ. Онъ ревниво слѣдилъ за употребленіемъ общественныхъ денегъ, за соблюденіемъ при-этомъ строжайшей экономіи; покончилъ всѣ плутни придворныхъ, удерживалъ даже излишнюю щедрость короля [1]); но народъ видѣлъ только тягость и многочисленность налоговъ; онъ обвинялъ главнаго начальника управленія финансовъ въ тираніи; ставилъ въ упрекъ ему пріобрѣтенное имъ громадное состояніе, его 200,000 ливровъ пенсіи и 2.000,000 имущества; говорилъ, что онъ ни въ чемъ не отказываетъ Генриху, который издерживаетъ на игру и фаворитокъ по 1,200,000 экю въ годъ. И король получалъ свою долю народныхъ проклятій; разъ маршалъ д'Орнано сказалъ ему: «что онъ пользуется въ народѣ недоброй славою, что покойнаго короля никогда такъ не осуждали и не поносили всюду, какъ его; словомъ, что народъ его не любитъ и сильно жалуется на ежедневные сверхсмѣтные налоги, нестерпимые въ сравненіи съ тѣмъ, что они перенесли во время самыхъ сильныхъ религіозныхъ войнъ при покойномъ королѣ. Я опасаюсь, какъ-бы изъ всего этого не вышло отчаянія и возмущенія. «Чортъ возьми!» вскричалъ Генрихъ, «я знаю, что въ моемъ королевствѣ не мало забіякъ, которымъ бы только мутить; съумѣю съ ними расправиться, вѣдь я не то, что былъ покойный король; еще почувствуютъ моей руки.» «Этого я вамъ не посовѣтовалъ бы, отвѣчалъ маршалъ, и попросилъ бы считать, что ваша главная сила кроется въ благорасположеніи вашихъ подданныхъ. Сражался я на парижскихъ баррикадахъ, но и тогда жизнь моя не была въ такой опасности, какъ теперь. Покойный король родомъ стоялъ выше васъ, да и народъ былъ ему болѣе преданъ; а какъ принудили удалиться изъ Парижа, такъ пришлось повиноваться, а мы радешеньки были унести головы на плечахъ.»

Недостаточно было нѣсколькихъ распоряженій, чтобы изгладить слѣды сорокалѣтнихъ войнъ. Государство все еще было опустошено, земли — необработаны, города полные развалинъ, состояніе общества жалко; только и слышно было, что объ убійствахъ, кражахъ, самоубійствахъ; на дуэляхъ стрѣлялись такъ часто, что въ двадцать лѣтъ въ этихъ частныхъ битвахъ пало четыре тысячи дворянъ; семь тысячъ виновныхъ въ человѣко-

---

[1]) Все это было бы прекрасно, говорилъ онъ, еслибы король бралъ деньги въ свой кошелекъ; но обирать такъ ремесленниковъ, купцовъ и земледѣльцевъ не имѣетъ смысла, потому что эти-то люди и кормятъ короля и всѣхъ насъ. (t. V, p. 60).

убійствѣ было помиловано. Въ Парижѣ не проходило дня безъ казни; парламентъ то и дѣло приговаривалъ къ наказанію убійцъ, воровъ.

Судъ не зналъ жалости, король не миловалъ никого; дуэли запретилъ подъ смертной казнью.

Эти преступленія, жалкое состояніе общества, ропотъ народа печалили Генриха; онъ дѣлался угрюмымъ, вдался въ мелочное благочестіе, участвовалъ въ процессіяхъ, выполнялъ съ большою пышностью свои религіозныя обязанности, дозволялъ собранія духовенства, возвышалъ въ должности церковной іерархіи только добродѣтельныхъ людей и, «заявлялъ себя», по словамъ венеціанскаго посланника, «лично преданнымъ римской вѣрѣ.» Наконецъ, видя, что расширеніе королевской власти тѣсно связано съ успѣхами католицизма, а эти успѣхи въ рукахъ іезуитовъ, онъ призвалъ этотъ популярный орденъ, несмотря на сильную оппозицію парламента и Сорбонны (1603). Это былъ новый залогъ сочувствія бывшимъ лигистамъ и римскому двору: имъ уничтожались опасенія, возникшія по поводу обнародованія Нантскаго эдикта. Къ тому же онъ любилъ изворотливость и ловкость іезуитовъ и хотѣлъ сдѣлать ихъ своими помощниками, а не врагами непримиримыми; чтобы привязать ихъ еще сильнѣе, избралъ изъ среды ихъ себѣ духовника.

Тѣмъ не менѣе изо всѣхъ этихъ истинно-католическихъ актовъ ни одинъ не привлекалъ къ нему народа, который все считалъ Генриха гугенотомъ въ душѣ: его обвиняли въ колдовствѣ, въ нечестіи, въ разныхъ нелѣпостяхъ; говорили, что онъ запасалъ оружіе и деньги, чтобы уничтожить вельможъ и управлять остальными подданными по своему произволу [1]). Съ каѳедръ отзывались о немъ, какъ о врагѣ, печать выражалась очень рѣзко и, несмотря на смертную казнь за печатаніе книгъ безъ разрѣшенія короля, всюду расходились памфлеты на него и на его распутный дворъ; часто повторялись покушенія на его жизнь. Никто не цѣнилъ его намѣреній, трудовъ, жизни, которую онъ возвратилъ Франціи, даруя ей миръ. Съ горестью говаривалъ онъ, и то была глубокая истина: «Не то сегодня, не то завтра умру я; и когда вы меня потеряете, тогда оцѣните меня и познаете различіе между мною и людьми» [2]).

Дѣйствительно, у Генриха было вѣрное чутье народнаго блага: «Короли, мои родственники,» говорилъ онъ, «считали недостойнымъ себя знать стоимость тестона; я же хотѣлъ бы знать, что стоитъ ассарій и сколько труда нужно его заработать и

---

[1]) Sully, t. IV, p. 33.
[2]) Bassompierre, t. I, p. 434.

желалъ бы это знать, чтобы взимать посильные налоги.» Но послѣ анархіи, такъ глубоко охватившей общество, потребности правительства, призваннаго переработать все это, приняли громадные размѣры: тяжкіе поборы стали необходимы, и король, несмотря на врожденную ему доброту, оказывался столь же нечувствительнымъ къ народнымъ бѣдствіямъ, какъ и его министры [1]). Онъ сваливалъ на необходимость всѣ несправедливости, которыя былъ вынужденъ дѣлать, и говорилъ: «очень можетъ статься, что мнѣ придется за нихъ отвѣчать; но мои совѣтники дѣлаютъ хуже.» Его неблагодарный, забывчивый гасконскій характеръ помогалъ ему заглушить мысли о временныхъ бѣдствіяхъ въ виду преслѣдуемой цѣли: внутренняго мира, сліянія партій и поддержанія національнаго единства; это была задача неблагодарная, поглотившая первостепенные таланты, трудъ всей его жизни, который онъ запечатлѣлъ своею кровью и который купно съ его административными опытами и политическими планами составилъ всю его славу.

Чтобы упрочить престолъ и довершить уничтоженіе партій, Генриху недоставало наслѣдника династіи. Женщины составляли страсть Беарнца; среди двора Карла IX, въ шатрахъ кальвинистовъ, подъ стѣнами Парижа онѣ были ему необходимы и не разъ онъ упускалъ для нихъ собственное благосостояніе. Онъ былъ женатъ на Маргаритѣ, дѣтей не имѣлъ и жилъ съ ней въ разлукѣ пятнадцать лѣтъ, а избралъ себѣ какъ бы женою Габріель д'Эстре, которую любилъ предпочтительно передъ другими женщинами; отъ нея онъ имѣлъ троихъ дѣтей. Габріель мѣтила раздѣлить престолъ своего Генриха, чего достигла бы, еслибъ не совѣты Сюльи, который раскрылъ передъ королемъ бездну раздоровъ, изъ которой ему не удалось бы выбраться. Габріель искала свергнуть министра, но его поддержалъ Генрихъ, а ей сказалъ: «объявляю вамъ, что еслибы меня принудили выбрать между вами и ими, я скорѣе бы обошелся безъ десяти женщинъ, вамъ подобныхъ, чѣмъ безъ слуги такого какъ онъ.»

---

[1]) Нормандскія тюрьмы были переполнены заключенными за соляную пошлину: они такъ страшно бѣдствовали, что сто двадцать труповъ были оттуда вытащены за одинъ разъ. Руанскій парламентъ умолялъ короля сжалиться надъ своимъ народомъ... «Но короля надоумили, что эта пошлина очень обогатитъ его казну, и онъ выразилъ желаніе, чтобы пошлина была внесена, а дѣло обратилъ какъ-бы въ шутку.» (Протокольная книга руанскаго парламента.) Соляная пошлина была изъ всѣхъ самая тяжелая и самая несправедливая, тѣмъ болѣе потому, что заставляли народъ покупать этого продукта болѣе, чѣмъ сколько онъ хотѣлъ или могъ употребить; продавать излишекъ запрещалось.» (Sully, t. IV p. 94).

Габріель умерла (1599, 10 апрѣля) и тогда Генрихъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ парламента и министровъ, рѣшился повести переговоры о разводѣ съ Маргаритою и о бракѣ съ дочерью великаго герцога Тосканскаго, Маріей Медичи. Окруженная небольшимъ дворомъ музыкантовъ, поэтовъ и красавцевъ-пажей, Маргарита жила отдѣльно въ своихъ овернскихъ замкахъ, гдѣ предавалась расточительности и легкомысленному поведенію; она приняла разводъ, причемъ выговорила себѣ богатое содержаніе, позволеніе жить въ Парижѣ и нѣкоторую собственность. Папа подъ предлогомъ родства легко расторгнулъ этотъ союзъ, который уже потерялъ всю силу по причинѣ пороковъ супруги и для государства былъ совершенно безполезенъ; къ тому же будущая французская королева была его племянницей. Генрихъ женился на Маріи Медичи (1600, 9 декабря) и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей и трехъ дочерей.

Этотъ бракъ оживилъ связи Генриха IV въ Италіи, гдѣ онъ хотѣлъ воскресить французское вліяніе, а не господство; онъ былъ въ дружбѣ съ папой, герцогомъ Тосканскимъ, венеціанами и герцогомъ Мантуи; такимъ образомъ ему недоставало только союзничества Савойи, чтобы оцѣпить господство Испаніи на всемъ полуостровѣ.

Изъ бывшихъ большихъ вассаловъ бургундскаго королевства ускользнули отъ французскаго объединенія только герцоги савойскіе: владѣя обоими склонами Альповъ, они съ самаго начала соперничества Франціи и Австріи пользовались своимъ положеніемъ между этими державами и старались не только остаться независимыми, но еще усилиться, для чего продавались въ союзничество. Такимъ образомъ пріобрѣтенное ими значеніе превышало ихъ дѣйствительное могущество. При Карлѣ VIII и Людовикѣ XII они были союзниками Франціи, при Францискѣ I стали ея врагами, лишились своихъ владѣній и двадцать пять лѣтъ оставались безъ нихъ. Като-Камбрезійскій миръ возстановилъ ихъ права на владѣніе, и съ этого времени они оставались въ союзѣ съ Испаніей, помогали въ войнахъ Лиги и захватили у Генриха IV маркизатъ Салуцци. Генрихъ IV мечталъ переманить Савойю во французскій союзъ; но прежде ему хотѣлось возвратить Салуцци, возстановленіе котораго было уже постановлено Вервенскимъ договоромъ, но еще оставалось безъ выполненія; это былъ ключъ къ Альпамъ, который, находясь въ рукахъ Франціи, свидѣтельствовалъ о томъ, что она не отказалась отъ своихъ правъ охранять Италію. Послѣ долгихъ преній по этому предмету герцогъ Савойскій, Карлъ Эммануилъ, прибылъ въ Парижъ, чтобы легче было уладить дѣло (1599); въ дѣйствительности онъ не столько сговаривался, сколько раздувалъ искры Лиги; однако онъ пообѣщалъ дать взамѣнъ мар-

кизата Брессъ и Бюже. Возвратившись въ свои владѣнія, онъ взялъ свое слово обратно, надѣясь на поддержку Испаніи и на возмущенія, къ которымъ онъ подстрекалъ въ самой Франціи. Король поспѣшилъ двинуть противъ него два корпуса подъ начальствомъ Бирона и Ледигьера; всѣ укрѣпленія Бресса и Савойи достались ему. Эммануилъ просилъ мира и получилъ его (1601, 17 января), съ условіемъ уступить Брессъ и Бюже въ промѣнъ за маркизатъ. Для Франціи это было хорошее пріобрѣтеніе: взамѣнъ территоріи по ту сторону Альповъ она получала пограничныя земли вплоть до Роны, между Женевою и Ліономъ; но, оставляя Салуцци, она роняла себя въ мнѣніи итальянскихъ городовъ, которые съ того времени стали считать себя преданными въ руки Испаніи.

Не безъ причины герцогъ Савойскій разсчитывалъ на волненія во Франціи. Партіи, которыя Генрихъ IV укротилъ, были полны недовѣрія къ нему и, по своему обыкновенію, искали поддержки за границей. Гугеноты составляли тревожныя сходки, испрашивали новыхъ укрѣпленій себѣ въ обезпеченіе, поговаривали «о союзѣ ради взаимной защиты и охраны вождей партіи и о присягахъ, противныхъ королевской власти»; герцогъ Бульонскій хлопоталъ о томъ, «чтобы всѣ французскія церкви порѣшили обратиться въ какое-то народное республиканское государство въ-родѣ Нидерландовъ и избрали бы графа палатина протекторомъ». Съ другой стороны вельможи-роялисты, въ своей ненасытной жадности богатствъ и отличій, вообразили себѣ, что они возложили корону на голову бѣднаго Беарнца; они стали роптать, говоря, что за ихъ услуги онъ платитъ какой-нибудь гасконской выходкой или привѣтливымъ словомъ, тогда какъ самые отъявленные лигисты осыпаны милостями: «казалось», говорили они, «онъ цѣнилъ только тѣхъ, кто поносилъ его».

Испанія и Савойя поддерживали эти недовольства, особенно въ герцогѣ Биронѣ, который по собственнымъ заслугамъ, по заслугамъ отца, по отличіямъ, по своимъ помѣстьямъ на югѣ занималъ мѣсто во главѣ католическихъ вельможъ. Это былъ человѣкъ надутый; казалось, голова его не была въ порядкѣ; онъ постоянно жаловался на скупость и неблагодарность короля. Генрихъ его ненавидѣлъ: «Всего можно опасаться», говорилъ онъ, «отъ такого высокомѣрнаго ума, который радъ бы увѣрить весь свѣтъ, что онъ возложилъ корону мнѣ на голову». Биронъ вошелъ въ сношенія съ герцогомъ Савойскимъ. Въ глазахъ дворянства эти отношенія могли казаться законными на основаніи понятій феодальныхъ, обновленныхъ гражданскими войнами; но королевская власть подвергла ихъ строгому преслѣдованію, и во время савойской войны неизбѣжно явились подо-

зрѣнія, что Биронъ состоитъ въ союзѣ съ непріятелемъ; несмотря на то, что онъ съ обычною храбростью тѣснилъ враговъ, король заподозрилъ его въ интригахъ, имѣлъ съ нимъ объясненіе и обѣщалъ забыть прошлое; затѣмъ послалъ его къ Елисаветѣ. Она дала ему страшное предостереженіе, показавъ голову графа Эссексъ, своего любимаго вельможи, который лишился жизни за попытку къ возмущенію. «Еслибы мой братъ вѣрилъ мнѣ», говорила, «то въ Парижѣ точно также отрубали бы головы, какъ и въ Лондонѣ».

Маршалъ не послушался ни этого предостереженія, ни совѣта друзей, которые говорили ему, что нужно просить у короля помилованія. «Помилованія!?», воскликнулъ горделивый вельможа, «если Бирону помилованіе, то что же будетъ другимъ?». Онъ продолжалъ поддерживать свои сношенія съ недовольными, преимущественно съ герцогомъ Бульонскимъ, который чрезъ Седанъ могъ открыть врата Франціи иноземцамъ, и съ графомъ Овернскимъ, побочнымъ сыномъ Карла IX, который подстрекалъ къ возмущенію южныя провинціи. «Дѣло шло о томъ», говорили они, «чтобы съ помощью Испаніи и Савойи раздѣлить Францію на множество владѣній. Биронъ долженъ былъ жениться на дочери Эммануила и получить на свою долю Бургундію, Перигоръ и Лимузенъ: онъ былъ намѣстникомъ въ первой; его помѣстья и семейство находились въ двухъ остальныхъ. Дворянство Гіени, отличавшееся преданностью отцу его, должно было взяться за оружіе съ герцогами Ла-Форсъ, Вентадуръ, д'Епернонъ. Все это было не болѣе, какъ заговоръ въ проектѣ, изъ котораго не вышло никакой жертвы, какъ и сказалъ Бассонпьеръ: «много было шуму объ этомъ заговорѣ, а между тѣмъ не было набрано ни одного солдата, не взяли ни одного мѣстечка, не сдѣлали ни одного объявленія».

Смутныя вѣсти о томъ дошли до короля, и ему показалось, что дѣло не ладно; онъ счелъ нужнымъ объѣхать югъ (1602), облегчить налоги, обласкать депутатовъ отъ городовъ, дворянства и парламентовъ; даже сопровождалъ его герцогъ д'Епернонъ въ качествѣ заложника.

Генрихъ подозрѣвалъ, что зачинщикомъ этого броженія былъ герцогъ Биронъ, но никакихъ уликъ противъ него не предъявлялось. Дворянинъ Лафинъ былъ главнымъ агентомъ заговора; онъ подвинулъ маршала начать переговоры съ герцогомъ Савойскимъ; онъ же и открылъ все дѣло. Тогда король и его министръ задумали вызвать Бирона изъ Бургундіи и овладѣть имъ безъ огласки. Самыми ласковыми посланіями Генрихъ зазвалъ его въ Фонтенебло; тѣмъ временемъ Сюльи тайно уничтожалъ запасы въ бургундскихъ укрѣпленіяхъ. Обманутый дружелюбными увѣреніями Генриха и письмами его министра, маршалъ

пріѣхалъ ко двору. Генрихъ принялъ его какъ всегда, завелъ съ нимъ рѣчь о заговорѣ и вынуждалъ признаніе. «Я пріѣхалъ», говорилъ Биронъ, «не для оправданія, а чтобы знать, кто мои обвинители». Королю казалось отвратительнымъ погубить того, кто три раза спасалъ ему жизнь въ сраженіяхъ, того, кто былъ сыномъ полководца, поддержавшаго правою рукою корону; два дня онъ упрашивалъ его признаться во всемъ, продолжалъ обращаться дружелюбно и, наконецъ, раздраженный его упорствомъ, отдалъ приказаніе арестовать его.

Бирона отвели съ графомъ Овернскимъ въ Бастилію. Тщетно семейства обвиненныхъ слезно молили короля о милости; онъ далъ имъ отвѣтъ: «это касается моей жизни, жизни моихъ дѣтей, сохраненія королевства; пусть ведутъ дѣло судебнымъ порядкомъ». Видя погибель, маршалъ написалъ своему другу трогательное письмо, въ которомъ напоминалъ о тридцати двухъ ранахъ, полученныхъ на его службѣ и просилъ только жизни. Король оставался непреклоннымъ. Онъ перевелъ дѣло Бирона въ парламентъ и даже нарочными указами отмѣнилъ данное ему прежде прощеніе. Созвали надлежащимъ порядкомъ пэровъ, но они отказались отъ засѣданія, потому что отлично понимали, что этотъ чисто-политическій процессъ былъ затѣянъ противъ всего дворянства. Дѣло возбудило общее участіе даже въ чужихъ земляхъ; общее мнѣніе было, что Генрихъ не осмѣлится казнить смертью такого знатнаго вельможу.

Биронъ защищался съ достоинствомъ: «Правда, я писалъ, говорилъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, но мнѣ не показываютъ, чтобъ я худо поступалъ, а такихъ законовъ нѣтъ, которые наказывали бы смертью необдуманность простаго слова или движеніе мысли. Еслибы я чувствовалъ себя виновнымъ, я остался бы въ своемъ намѣстничествѣ, въ Бургундіи, гдѣ у меня были войска и военные запасы. Впрочемъ я былъ увѣренъ, что король меня простилъ и что я не оскорблялъ его послѣ моего прощенія». Съ горечью онъ выставилъ все, что было жестокаго и безчестнаго въ поведеніи Генриха и оканчивалъ такъ: «Я ожидаю себѣ спасенія не отъ его правосудія, но отъ вашего, господа; вы лучше помните, чѣмъ онъ, какимъ опасностямъ я подвергался для него и для государства во время сатурналій Лиги и не забудете, что безъ моихъ тогдашнихъ услугъ вы бы не были моими судьями въ настоящую минуту».

Его приговорили къ смерти (1602, 29 іюля). Вся милость Генриха къ своему сподвижнику въ войнѣ только и была въ томъ, что ему отрубили голову въ тюрьмѣ, а не на Гревской площади.

Идя на смерть, маршалъ неистово провозглашалъ свою невинность: «казнь моя», кричалъ онъ, «не болѣе, какъ ослабить

королевскую власть и подорветъ популярность короля, потому что католики не будутъ смотрѣть на неё спокойно». Тѣмъ не менѣе никто не шевельнулся. Такъ совершилась первая изъ казней знатныхъ вельможъ, число которыхъ умножилось въ послѣдующее царствованіе. Опять принялись за политическую систему Людовика XI, прерванную было итальянскими и религіозными войнами и довершенную Ришелье. Для возвращенія себѣ феодальнаго могущества дворянство было вынуждено прибѣгать уже не къ силѣ оружія, а къ заговорамъ; королевская власть преслѣдовала его не сраженіями, какъ бывало прежде, а эшафотами.

Графа Овернскаго помиловали, но черезъ два года онъ вступилъ въ другой заговоръ, душею котораго была его родная сестра, Генріетта д'Антрагъ; король обѣщалъ на ней жениться, а затѣмъ покинулъ ее. Въ этомъ безформенномъ проектѣ заговора участвовали герцоги Бульонъ, д'Епернонъ и часть дворянства южныхъ провинцій. Герцогъ Овернскій былъ арестованъ вмѣстѣ съ сестрой и мужемъ ея матери; начался процессъ. «Пусть мнѣ покажутъ», говорилъ онъ, «хоть строку договора съ Испаніей, въ которомъ меня упрекаютъ, и я готовъ подписать подъ нимъ свое осужденіе». Всѣ были убѣждены, что король затѣялъ этотъ скандалёзный процессъ съ досады, тѣмъ не менѣе судьи приговорили къ смерти (1605, 1 февраля) графовъ д'Овернъ и д'Антрагъ и къ пожизненному тюремному заключенію Генріетту. Генрихъ устыдился этой пародіи Бироновскаго процесса и отправилъ графа д'Антрагъ въ изгнаніе, д'Оверна содержалъ въ тюрьмѣ, а Генріетту помиловалъ. Герцогъ Бульонскій, виновный болѣе всѣхъ, бѣжалъ въ Германію.

Короля огорчали всѣ эти заговоры, увеличивавшіе ненависть къ нему. Дѣло Бирона причинило ему столько заботъ, сколько всѣ его войны. «Каждый разъ, какъ онъ мнѣ упоминалъ о немъ», говоритъ испанскій посланникъ, «онъ блѣднѣлъ и былъ точно приговоренный къ смерти». Дѣло д'Антрагъ, въ которомъ къ стыду замѣшались женскія интриги, дѣлало его посмѣшищемъ его подданныхъ и разоблачали все безобразіе его частной жизни. Оба дѣла состояли въ связи съ недовольствами на югѣ. Эта страна считала прежде его своимъ соотечественникомъ, теперь же отшатнулась отъ него, какъ отъ врага. Даже королева принимала участіе въ этихъ смутахъ: она покровительствовала недовольнымъ, частью по причинѣ расположенія къ Испаніи, частью изъ желанія отмстить за невѣрность мужа; во всѣхъ тревогахъ, которыя она причиняла Генриху, ею руководилъ искатель приключеній, флорентинецъ Кончини, женатый на камеръ-фрейлинѣ королевы, Леонорѣ Галигай. Носились самые дурные слухи о дружбѣ королевы съ этими двумя личностями,

которыя несомнѣнно продались Испаніи; король ихъ ненавидѣлъ, а все-таки прогнать ихъ у него не доставало духу. Среди всѣхъ этихъ затрудненій его пріободрялъ Сюльи. Онъ говорилъ: «что такъ печалиться безъ важной причины совершенно для короля напрасно, особенно, если онъ приметъ въ разсчетъ мѣсто, гдѣ онъ находится (король и его министръ прохаживались тогда въ арсеналѣ между рядами сотенъ пушекъ: надъ ними и подъ ними были галлереи оружія на пятнадцать тысячъ пѣхоты и три тысячи конницы; тамъ же хранилось два милліона фунтовъ пороху, сто тысячъ ядеръ и семь милліоновъ наличныхъ денегъ золотою монетою), всѣ эти снадобья и лекарства, говорилъ онъ королю, дѣйствительны для излеченія самыхъ трудныхъ государственныхъ недуговъ, когда требуется навести ужасъ на другихъ, дать увѣренность и довольство себѣ и, наконецъ, уничтожить всѣхъ этихъ мелкихъ забіякъ съ ихъ жалкими, плохо основанными замыслами».

Принужденый взяться за строгія мѣры, Генрихъ объѣхалъ съ небольшой арміей югъ. Въ Лимузенѣ созвали чрезвычайный судъ и человѣкъ десять-двѣнадцать сложили голову на плахѣ. Въ Лангедокѣ и Провансѣ подобныя же казни заглушили поводы къ смутамъ; вездѣ, гдѣ только прошелъ король, онъ приказалъ разрушать замки и крѣпости, эти притоны возмущеній, цѣну которымъ онъ отлично зналъ. Наконецъ онъ рѣшилъ поразить гугенотовъ въ герцогѣ Бульонскомъ, подобно тому, какъ роялисты были поражены въ Биронѣ. Онъ дружески написалъ своему старому товарищу войнъ и разгульной жизни, который, получивъ отъ Генриха Седанъ въ наслѣдственное владѣніе, зажилъ себѣ самодержавнымъ князькомъ: Генрихъ хотѣлъ уронить его со всей его партіей посредствомъ требованія отъ него письменнаго обязательства въ томъ, что онъ будетъ владѣть землею на правахъ вассаловъ. Но судьба Бирона проучила и его, и онъ отказался сдаться на приглашеніе своего благодушнаго начальника и друга. «Эти преслѣдованія встревожили гугенотовъ; король Англіи, германскіе князья, швейцарцы отправили посольства ходатайствовать въ пользу герцога Бульонскаго, «котораго», говорили они, «преслѣдуютъ за вѣру, а не за какіе проступки». Король разгнѣвался, когда увидѣлъ, что его подданные поддерживаютъ связи съ иноземцами, а герцога позвалъ въ парламентъ къ допросу, «такъ какъ онъ былъ замѣшанъ и поименованъ въ нѣкоторыхъ показательныхъ пунктахъ процесса покойнаго герцога Бирона». На этотъ призывъ герцогъ Бульонскій отвѣтилъ воззваніемъ къ землякамъ-кальвинистамъ на защиту вѣры, но никто не двинулся: слишкомъ опасались снова вдаться въ гражданскую войну. Тогда король пошелъ на Седанъ и овладѣлъ имъ; по вести далѣе

дѣло, которое могло поднять на ноги весь кальвинизмъ, онъ не осмѣлился и удовлетворился тѣмъ, что поставилъ въ Седанѣ свой гарнизонъ, а герцогу, который удалился искать убѣжища въ Германіи, послалъ свидѣтельство о помилованіи.

Душею этихъ заговоровъ была Испанія. Ослабленная продолжительными войнами, управляемая безпечнымъ Филиппомъ III, она сохраняла еще свое значеніе, благодаря своему имени, обширнымъ владѣніямъ, американскому золоту, тѣсной связи съ императорскимъ домомъ Австрійской династіи и не отрекалась отъ притязаній на господство надъ всѣмъ міромъ, для чего продожала интриговать по всей Европѣ. Генрихъ смотрѣлъ на неё, какъ на непримиримаго врага: онъ слѣдилъ за всѣми ея происками, не разъ угрожалъ ей разрывомъ, и только и думалъ, какъ бы её унизить. Дѣйствительно, казалось, наступала минута освободить западъ отъ господства Австрійскаго дома, такъ непомѣрно увеличившагося въ столѣтіе: религіозныя идеи, подъ сѣнію которыхъ такъ искусно совершилось это расширеніе, стушевывались передъ идеями политическими; къ тому же ослабленіе населенія и его промышленности подкапывали Испанію въ самое сердце [1]), а въ Германіи подымались волненія, которыя угрожали императорской вѣтви; наконецъ Франція вышла изъ бурнаго времени гражданскихъ войнъ и могла снова взяться за свою естественную политику, политику протестантскую, которую налагало на неё самое расширеніе Австрійскаго дома, и ни одинъ государь не былъ такъ хорошо созданъ, чтобы довести эту политику до удачнаго конца, какъ король Франціи. Это былъ славный трудъ, которымъ онъ хотѣлъ ознаменовать свое царствованіе, задача всей его жизни, завѣтная мечта, которую онъ не переставалъ лелѣять среди самыхъ сильныхъ бѣдствій: все совершонное до того было ничто, теперь онъ долженъ былъ начать жить. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ мечомъ въ рукѣ завоевалъ свое государство, «онъ любилъ строить съ Сюльи планы

---

[1]) Съ 1604 г. Генрихъ IV, черезъ посредство намѣстника беарнскаго Ла-Форса завязалъ сношенія съ испанскими маврами, которыхъ принуждали принять христіанство: онъ ихъ возбудилъ къ общему возстанію, тайно принималъ ихъ депутатовъ и обѣщалъ имъ оружіе, денегъ, полководцевъ. Заговоръ открыли; Филиппъ III изрекъ изгнаніе всей маврской націи подъ страхомъ смертной казни «на томъ основаніи, что они затѣваютъ смуты съ еретиками и другими государями, которымъ ненавистно величіе испанскаго имени (Мем. Ла-Форсъ т. 1.). 429,314 человѣкъ населенія вышло изъ Испаніи, унося съ собою все, что было промышленнаго, торговаго зажиточнаго въ странѣ. Тѣмъ изгнанникамъ, которые соглашались остаться вѣрными католической вѣрѣ, Генрихъ предложилъ земли въ своемъ королевствѣ; дѣйствительно, нѣсколько семействъ поселились въ Гаскони, однако большинство удалилось въ Африку.

высшей политики для того времени, когда ему придется быть мирнымъ властителемъ: его старая пріятельница Елисавета вполнѣ сочувствовала ему. Отмѣченные тою свѣтозарною мыслью, что минули времена феодальной политики, эти планы имѣли цѣлью измѣнить, сообразно духу времени, весь строй (политической жизни) Европы взамѣнъ основаннаго на католической вѣрѣ единства, которое хотѣлъ утвердить Австрійскій домъ и которое сковало бы Европу подъ однимъ владычествомъ, они вели къ образованію между христіанскими государствами союза на началахъ политики, безъ разбора различій въ вѣрованіяхъ и учрежденіяхъ; такой союзъ ставилъ на равную ногу великаго и малаго и составлялъ систему равновѣсія, при которой проэктъ универсальнаго господства становился неосуществимымъ.

По этимъ планамъ христіанство должно было составить одно цѣлое или одну федеративную республику, которая совмѣстила бы три христіанскія общины: католическую, лютеранскую и кальвинистскую и три формы политическаго устройства: наслѣдственную монархію, избирательную монархію и республику демократическую или аристократическую. Она должна была состоять изъ пятидесяти большихъ государствъ: папской области, имперіи, королевствъ: Франціи, Испаніи, Великобританіи, Венгріи, Богеміи, Польши, Даніи и Швеціи. Императорскій тронъ долженъ быть въ дѣйствительности избирательнымъ, такъ чтобы его не могли занимать одинъ за другимъ два государя того же самаго дома. Королевства Польша, Богемія и Венгрія также были бы избирательными, всѣ же остальныя наслѣдственными. Папѣ предполагали дать королевство Неаполитанское, Венецію, Сицилію; герцогу Савойскому—Ломбардію; всѣ мелкіе итальянскіе государи составили бы итальянскую федеративную республику; бельгійскія и голландскія провинціи образовали бы федеративную республику нидерландскую, къ швейцарской республикѣ присоединили бы Эльзасъ, Франшъ-Конте и Тироль. Еще, въ христіанской республикѣ учредили бы представительный сеймъ, который разбиралъ бы несогласія ея членовъ и опредѣлялъ бы контингентъ солдатъ и денежные фонды, потребные для войны съ турками и русскими и изгнанія ихъ изъ Европы.

Этотъ исполинскій планъ кажется намъ величественною утопіею, но только потому, что Генриху не достало времени приступить къ его выполненію; но онъ былъ осуществимъ; устранимъ все, что придаетъ ему фантастическій ореолъ и тогда увидимъ, что онъ сводится на слѣдующее: лишить Австрійскій домъ нравственнаго и территоріальнаго могущества, — таково было основаніе плана, его средства и цѣль. Къ этому Европа была расположена превосходно, въ протестантской политикѣ Генриха IV должны были принять участіе католическія дер-

жавы и даже папа; Францiя и Англiя заглушили свое старинное соперничество, чтобы сообща поработать надъ этимъ пересозданiемъ Европы; ни та, ни другая не думали воспользоваться добычею разрушаемой державы [1]); наконецъ король, который задумалъ этотъ планъ, министръ, подготовившiй его выполненiе, союзница, которая всѣми силами его поддерживала, — всѣ трое состарѣлись въ треволненiяхъ политической жизни, это были головы основательныя, положительныя, далеко не поклонники чудеснаго и идеею они занимались не день, не два, а двѣнадцать лѣтъ. Въ исторiи нѣтъ другаго плана равнаго по полнотѣ, дальновидности и тщательной выработкѣ (деталей). Онъ обнаруживаетъ въ Генрихѣ такой обширный умъ, такое тонкое познанiе судебъ Францiи; такое благородное, самоотверженное честолюбiе, что это грандiозное созданiе ума главнымъ образомъ и составляетъ его славу.

Такъ какъ этотъ планъ занималъ всѣ мысли короля, которыхъ не развлекали даже внутреннiя безпокойства, то и его дипломатическiя сношенiя носили характеръ современности, какъ по духу, такъ и по формѣ. Стремясь упрочить успѣшное осуществленiе своего плана, онъ основывалъ связи, но не на религiозномъ сочувствiи, а на интересахъ положительныхъ, на началахъ территорiи и нацiональности. «Европа», говорилъ Сюльи, «раздѣлена на двѣ политическiя партiи: протестантскую и римскую; послѣдняя, болѣе сильная, болѣе обширная, находилась подъ господствомъ Австрiйскаго дома; первая состояла изъ Францiи, Англiи, Соединенныхъ Провинцiй и мелкихъ германскихъ владѣнiй. Между послѣднею партiею слѣдовало заключить союзъ съ цѣлью уничтожить первую, ограничить владѣнiя Австрiйскаго дома Испанiей и въ особенности, чтобы исторгнуть отъ него наслѣдственность имперiи.

Англiя была та союзница, на которую Генрихъ разсчитывалъ болѣе всего, и великая Елисавета торопила его начать выполненiе его плановъ: протестантская политика была въ ея интересахъ и приходилась ей по сердцу. Забывая всѣ прежнiя притязанiя своего отца на континентъ, она устремила Англiю на естественный для нея путь прогресса на морѣ; тамъ она нашла только одну соперницу—Испанiю; противъ Испанiи слѣдовательно надлежало направить всѣ усилiя. Но она скончалась (1603).

---

[1]) Какъ кажется, дальнѣйшiй планъ Генриха IV былъ присоединить къ Соединеннымъ Провинцiямъ Люксенбургъ, Клеве, Юлихъ, Э и пр. и затѣмъ побудить ихъ отдаться въ руки Францiи. «Совершенно и нераздѣльно слить Францiю съ Соединенными Провинцiями», говоритъ Сюльи, «это единственное средство возвратить Францiи и ея прежнiй блескъ, и вознести ее надъ христiанскимъ мiромъ.

Наслѣдовалъ ей Іаковъ Стюартъ, король шотландскій, сынъ злополучной Маріи; онъ принялъ имя Іакова I. Война, которую Франція хотѣла затѣять, имѣла общеевропейскій политическій интересъ; но Англія по своему географическому положенію и исключительному характеру особенно ревностно отдается вопросамъ внутренней политики и мѣстнаго интереса; а эти вопросы зашевелились при Стюартахъ, которые были наслѣдниками и жертвами деспотизма, установленнаго Тюдорами. Впрочемъ Іаковъ I, робкій, миролюбивый, весь вдался въ теологическія пренія и въ защищеніе своихъ прерогативъ; страхъ, который ему внушили пуритане, придавалъ ему видъ склонности къ католичеству и, когда Сюльи былъ отправленъ къ нему въ посольствѣ, чтобы предложить ему вступить во французскую партію противъ австрійской, онъ отказалъ, а согласился только на союзный договоръ въ пользу Соединенныхъ Провинцій; на слѣдующій же годъ заключилъ съ Испаніей миръ. Опечаленный тѣмъ, что Англія отшатнулась отъ него, Генрихъ обратилъ свои виды на Соединенныя Провинціи и Германію. Филиппъ II отдалъ Нидерланды своей дочери Изабеллѣ, которая была замужемъ за эрцгерцогомъ Альбертомъ. Война продолжалась еще одиннадцать лѣтъ. Она ознаменована сраженіемъ при Ньепортѣ (1600), гдѣ Морицъ разбилъ эрцгерцога и нанесъ ему уронъ въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, и осадою Остенде, которая хотя и сдалась, но продержала испанцевъ три года передъ своими стѣнами и обошлась имъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ. Наконецъ переговоры открылись при посредничествѣ Франціи и, благодаря искусству Жанена, привели къ перемирію на двѣнадцать лѣтъ, по которому Испанія безусловно признала независимость Соединенныхъ провинцій.

Этотъ результатъ былъ весьма важенъ для «французской партіи», особенно въ ту эпоху, когда австрійская имперія получила въ Германіи угрожающій перевѣсъ, изъ чего можно было предвидѣть, что въ этой странѣ возобновится вражда во имя двухъ принциповъ.

Аугсбургскій миръ былъ не болѣе, какъ подштукатуркою германской конституціи, и сѣмена, брошенныя Шмалькаденскою лигою, должны были принести плоды. Одинъ изъ пунктовъ этого мира не переставалъ причинять раздоры; это было право «удержанія за духовенствомъ» (réserve ecclésiastique), которымъ поставлялось, что протестанты удержатъ за собою владѣнія церковными имуществами, секуляризованными до 1555 г., но что впредь каждый курфирстъ, епископъ или аббатъ, который перейдетъ въ протестантскую вѣру, лишится имуществъ, сопряженныхъ съ его званіемъ. Протестанты постоянно нарушали эту статью: почти вся Нижняя Германія секуляризовалась и, несмотря на

востребованія католиковъ, императоры Фердинандъ I и Максимиліанъ II смотрѣли сквозь пальцы на эти захваты. Другая причина разлада былъ кальвинизмъ, который лютеранскіе государи тщетно силились изгнать; разрушая политическое единство реформатовъ, онъ во многихъ государствахъ былъ причиною кровавыхъ распрей. Наконецъ, католическая реакція не переставала одерживать новыя побѣды. Баварія была центромъ, откуда по всей Германіи іезуиты распространяли своихъ миссіонеровъ, свои коллегіи, свои сочиненія. Курфиршества Майнцъ, Триръ и Кёльнъ и многія земли владѣтельныхъ епископовъ въ Нижней Германіи снова возвратились въ католичество. Эрцгерцогъ Штиріи Фердинандъ, племянникъ императора, запретилъ протестантизмъ въ своихъ владѣніяхъ подъ страхомъ смерти и преслѣдовалъ его вооруженною рукою. Императоръ Рудольфъ вышелъ изъ своего государственнаго бездѣйствія и занятій астрономіей, чтобы послѣдовать этому примѣру въ Австріи, Венгріи и Богеміи. Судебная палата и Императорскій надворный судъ подпали вліянію католичества и двора: безконечные приговоры были изречены касательно протестантовъ, затронули право самоуправленія вольныхъ городовъ; поговаривали о замыслахъ Австрійскаго дома сдѣлать императорскую власть самодержавною и наслѣдственною и удержать ее за собою; іезуиты во всеуслышаніе говорили, что миръ въ Пассау имѣлъ лишь силу временную, до поставленія общаго собора, и что декреты Тридентскаго собора уничтожаютъ постановленія этого мира. Повсюду въ Германіи реформѣ угрожала опасность и протестантскіе князья сблизились, чтобы противостоять всеохватывающему папизму, но, такъ какъ устройство имперіи не давало никакихъ средствъ противодѣйствовать потоку римскихъ мнѣній, эти князья, слѣдуя совѣту Генриха, позаботились о своей безопасности составленіемъ конфедераціи, главныя положенія которой были выработаны въ Гейльбронѣ въ 1594. Пятнадцать лѣтъ прошло въ преніяхъ, причемъ то и дѣло протестанты теряли почву. Наконецъ на сеймѣ въ Ратисбоннѣ (1608), собранномъ для обсужденія войны противъ турокъ, реформаты объявили, что не будутъ участвовать въ преніяхъ до тѣхъ поръ, пока имъ не обезпечатъ религіознаго мира и, на отказъ католиковъ, ушли съ сейма.

Немедленно курфистъ Палатинскій Фридрихъ IV, пфальцграфъ Нейбургскій, маркграфы Баденскій и Бранденбургскій, герцогъ Вюртембергскій собираются (2 мая) въ Агаузенъ во Франконіи и возобновляютъ Гейльбранскій Евангелическій Союзъ для поддержанія мира и конституціи имперіи. «Курфирстъ Бранденбургскій, ландграфъ Гессенскій, многіе другіе государи и имперскіе города примыкаютъ къ этому Союзу, ко-

торый вступаетъ въ переговоры съ Франціей, условливается на счетъ своихъ контингентовъ, объявляетъ, что союзъ — дѣло общее для кальвинистовъ и лютеранъ и испрашиваетъ у императора возстановленія религіознаго мира».

Рудольфъ не крѣпко держался въ своемъ наслѣдственномъ владѣніи, гдѣ почти все дворянство приняло реформу: его попытки къ возстановленію католицизма, предпріятія іезуитовъ и успѣхъ его племянника Фердинанда, который, какъ говорятъ, далъ обѣтъ истребить протестантизмъ, оказали то дѣйствіе, что въ Австріи и Моравіи начались волненія, а въ Венгріи вспыхнуло возстаніе; это была неспокойная страна, и сосѣдство турокъ благопріятствовало возмущеніямъ [1]). Матіаса, брата Рудольфа, послали въ Венгрію (май); инсургенты приняли его, какъ главу; онъ обѣщалъ возвратить имъ вольности и, рѣшивъ похитить у императора правленіе наслѣдственными землями, пошелъ на него съ двадцатью тысячами человѣкъ. Рудольфъ (іюнь) былъ вынужденъ уступить своему брату Венгрію, Австрію и Моравію и подтвердить въ нихъ свободу вѣры. Наконецъ этими смутами воспользовалось одно избирательное королевство, сильно преданное реформѣ—Богемія; она испросила себѣ такъ-называемую грамату Величества, по которой ей жаловались: свобода богопочитанія и право избирать дефенсоровъ для охраны этой свободы. Такимъ образомъ то, чего сорокъ лѣтъ борьбы не могли доставить реформатамъ во Франціи, пріобрѣталось безпрепятственно австрійскими государствами отъ слабости Рудольфа, и это произошло какъ разъ въ то время, когда Евангелическій Союзъ жаловался императору на понесенные убытки и угрожалъ ему войной.

Католики встревожились; изъ свѣтскихъ державъ одна только Баварія осталась чисто католическою; контръ-реформѣ угрожала опасность. Герцогъ Максимиліанъ, который основывалъ свое величіе на поддержаніи римской вѣры, созвалъ католиковъ въ Вюрцбургѣ и на этомъ собраніи три духовныхъ курфирства и католическія государства округовъ баварскаго, швабскаго и франконскаго образовали Святую Лигу (12 іюня) для противодѣйствія Евангелическому Союзу. Максимиліана провозгласили главою Лиги; папа принялъ ее подъ свое покровительство; Испанія примкнула къ ней и обѣщала свою помощь; однако эрцгерцоговъ Австрійскихъ не допустили до участія, потому что

---

[1]) Если вѣрить Сюльи, то народы Австріи, Богеміи, Венгріи съ 1607 г. находились въ сношеніяхъ съ Франціей: «давая понять, что они не будутъ долѣе терпѣть тяжкаго ига, которому были подчинены и отдадутся первому государю, который возстановитъ ихъ древнее право свободы избранія и свободы вѣры».

Максимиліанъ надѣялся достигнуть при помощи Генриха IV императорскаго сана.

Такимъ образомъ бездѣйствіе Рудольфа, подобно честолюбію Карла V, вызвало раздѣленіе Германіи на двѣ независимыя отъ императора лиги, равно страшныя для него. Зорко слѣдилъ за этими событіями Генрихъ IV; съ Евангелическимъ Союзомъ онъ былъ заодно и въ то же время располагалъ вождемъ Святой Лиги. Смерть Рудольфа должна была послужить сигналомъ для исполненія плановъ Генриха. Неожиданное событіе ускорило кризисъ.

Іоаннъ Вильгельмъ Ла-Маркъ, владѣтель герцогствъ Клеве, Юлиха и Бурга, умеръ бездѣтнымъ (1609). Явились четыре претендента, все протестанты, а Клеве и Юлихъ были государствами католическими. Императоръ отдалъ повелѣніе секвестровать эти три герцогства и отдать ихъ Леопольду, эрцгерцогу Австрійскому и епископу страсбургскому; въ этомъ онъ слѣдовалъ внушенію Испаніи, которая не могла терпѣть, чтобы какой-либо протестантскій государь утвердился по сосѣдству съ Нидерландами. Австрійскія войска немедленно овладѣли Юлихомъ. Тутъ уже дѣло пошло не о томъ, протестантская ли партія или католическая расширится полученіемъ вакантныхъ герцогствъ, а о томъ, какъ-бы Австрійскій домъ не увеличилъ своего господства въ ущербъ Германіи. Курфирстъ Бранденбургскій и пфальцграфъ Нейбургскій, претенденты на наслѣдство, сговариваются, овладѣваютъ тремя герцогствами и просятъ Союзъ имъ помогать. Епископъ страсбургскій обращается за помощью къ Святой Лигѣ. Обѣ конфедераціи обращаютъ взоры на Францію, которую живо интересуетъ судьба страны, «лежащей на ея границѣ и имѣющей право на Соединенныя Провинціи», и, несмотря на просьбы императора, не дѣлать ничего, что могло бы унизить императорскую власть, Генрихъ IV объявляетъ, что беретъ подъ свое покровительство владѣтелей Бранденбурга и Нейбурга. Союзъ держитъ большой совѣтъ въ Галлѣ въ Швабіи (1610, янв.); на немъ присутствуютъ посланники французскій, нидерландскій, венеціанскій и савойскій; Союзъ испрашиваетъ поддержки европейскихъ державъ, заключаетъ съ Франціей условія обороны и наступательныхъ дѣйствій и берется за оружіе. Въ отвѣтъ Святая Лига набираетъ двадцать тысячъ человѣкъ и даетъ начальство надъ ними Тилли, полководцу баварскаго герцога; завязываются враждебныя дѣйствія (апрѣль).

Генрихъ выставляетъ три арміи. Первая, числомъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ, подъ его личнымъ начальствомъ, должна была вступить черезъ Шампань въ герцогства Клеве и Юлихъ и тамъ соединиться съ Морицомъ Нассаускимъ, который велъ двадцать

тысячъ человѣкъ; вторая, въ пятнадцать тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Ледигьера, должна была въ Италіи соединиться съ герцогомъ Савойскимъ и съ венеціанами и завоевать миланское герцогство; третьей предназначалось сторожить Пиренеи. Война, которую готовились предпринять, была самая важная, какую только Европа видѣла со времени паденія римской имперіи; она возбуждала сильное волненіе и страшныя безпокойства; опасались какой-нибудь катастрофы. Всѣ недовольные пользовались случаемъ расходиться; дворъ былъ полонъ интригъ; королева и ея любимцы тайно переписывались съ Испаніей: религіозная ненависть усиливалась. Враги Генриха разразились гнѣвомъ противъ него, чернили его союзъ съ протестантами всѣхъ странъ, распространяли въ простонародьи, что онъ начинаетъ войну съ цѣлью свергнуть папу, сдѣлать первосвященникомъ гугенота и, возвратившись во Францію, уничтожить римскую вѣру. Наконецъ страсть Генриха къ чувственнымъ наслажденіямъ не унималась съ годами, а усиливалась и подавала поводъ къ самымъ скандалезнымъ толкамъ. Король влюбился до безумія въ Шарлотту Монморанси, когда она только что вышла за принца Конде. Послѣдній бѣжалъ съ женою и удалился въ Брюссель. Генрихъ послалъ вытребовать отъ испанцевъ этихъ бѣглецовъ, угрожая занять Нидерланды, если они дадутъ бѣжавшимъ пристанище. Крикъ негодованія раздавался всюду по поводу этой войны, причины которой скрыли отъ простонародья, почему и казалось, что война была предпринята съ цѣлью принудить перваго принца крови предоставить свою жену королю [1]). Генриху было стыдно передъ самимъ собою и больно видѣть такую ненависть; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ приготовляться. Чтобы на время своего отсутствія обезпечить миръ государства, онъ порѣшилъ оставить регентство своей женѣ и далъ ей совѣтъ изъ пятнадцати вельможъ и сановниковъ. Королева пожелала короноваться, чтобы внушать народу большее уваженіе, и эта церемонія задержала отъѣздъ короля; онъ сталъ угрюмъ и мраченъ. «Никогда не выбраться мнѣ изъ этого города, говорилъ онъ..... Они меня убьютъ! для нихъ одно спасеніе—это моя смерть».

На другой день коронованія и за два дня до отъѣзда въ армію (1610 г., 14 мая) Генрихъ ѣхалъ съ пятью вельможами

---

[1]) Въ довершеніе скандала поговаривали, что принцъ Конде былъ плодомъ любви Генриха съ Шарлоттою де Ла-Тремуль, вдовою Людовика II, которую обвиняли въ отравленіи мужа. Эта женщина, на которую падали самыя тяжкія обвиненія, оставалась въ тюрьмѣ до 1596 года, когда Генрихъ черезъ парламентъ объявилъ ее невинною; черезъ шесть мѣсяцевъ по смерти мужа у нея родился сынъ, котораго признали законнымъ и воспитывали со времени обращенія Генриха въ католической вѣрѣ.

къ Сюльи, который жилъ въ арсеналѣ; въ Желѣзномъ ряду (rue de la Ferronnerie) его остановилъ заторъ каретъ: тогда человѣкъ, по имени Равальякъ, всталъ на колесо его кареты и нанесъ ему два удара ножемъ въ сердце. Король тотчасъ умеръ. Ему было всего пятьдесятъ лѣтъ.

Въ его смерти обвиняли Австрійскій домъ, іезуитовъ, герцога д'Епернонъ, Генріетту д'Антрагъ, саму королеву; но хотя эта катастрофа такъ и осталась окруженной какою-то странною таинственностью, несомнѣнно то, что у убійцы соумышленниковъ не было; это былъ слѣпой носитель идеи; онъ переложилъ народныя оскорбленія въ дѣйствіе. Если онъ рѣшился на это преступленіе, объявилъ онъ, то сдѣлалъ это лишь въ той увѣренности, что Генрихъ гугенотъ и намѣренъ вести съ папою войну; слыша повсемѣстныя жалобы, онъ проникся тѣмъ убѣжденіемъ, что для Франціи Генрихъ — бѣдствіе; избавляя же королевство отъ такого монарха, онъ оказываетъ большую услугу.

Ничто не высказало лучше цѣны Генриху IV, ничто не обнаружило яснѣе, насколько онъ былъ залогомъ порядка и прочности, какъ глубокій ужасъ, который его смерть навела на всѣхъ. Думали, что это какой-то громадный заговоръ; уже чудилось оружіе враждующихъ партій, малолѣтній король, гражданская война; всѣ бросились поддерживать миръ. Извнѣ смерть Генриха была совершеннымъ переворотомъ и сущимъ бѣдствіемъ для Европы: Австрійскій домъ несомнѣнно спасся отъ своего низложенія; война, которая готовилась противъ него, была отложена и возобновилась впослѣдствіи на тридцать лѣтъ; но вмѣсто того, чтобы идти по плану издавна задуманному и приготовленному съ цѣлью пересоздать Европу, она была сперва не болѣе, какъ гражданскою войною изъ за мѣстныхъ интересовъ Германіи; чѣмъ быть кроткой и рѣшительной, она была длительна, опустошительна и удалась только отчасти.

Генрихъ IV закончилъ религіозныя войны и хотѣлъ пересоздать Европу; вотъ его права на славу. И такъ, онъ сдѣлалъ менѣе, чѣмъ хотѣлъ, и его дѣянія кажутся ниже его талантовъ. Его вѣкъ не призналъ и возненавидѣлъ его; послѣдующій вѣкъ, простертый предъ Людовикомъ XIV, забылъ Генриха IV, и только со времени Вольтера его превознесли до поклоненія; стали видѣть въ немъ великаго человѣка и лучшаго изъ королей; наконецъ реставрація 1814 года руководствовалась его славою, когда рекомендовали династію Бурбоновъ революціонной Франціи (Франціи во время революціи). Это именно и сдѣлало столь ненавистнаго въ свое время Генриха столь популярнымъ въ настоящіе дни и переродило путемъ преданія характеръ этого государя, столь тонкаго, глубокомысленнаго, эгоистическаго, въ

которомъ все, до остротъ и душевныхъ изліяній, было поддѣльно и котораго преобразили же въ человѣка вполнѣ откровеннаго, прямаго и великодушнаго. Все взвѣшивающая и обдумывающая исторія причисляетъ Генриха къ королямъ наиболѣе достойнымъ любви и къ великимъ политикамъ; она ставитъ ему въ заслугу: великій трудъ сліянія двухъ вѣрованій послѣ столѣтней борьбы, трудъ, подъ бременемъ котораго онъ палъ, высоту его политическихъ идей, продолженныхъ его преемниками, толчекъ, данный имъ королевскому единодержавію, его намѣренія относительно славы и благоденствія Франціи; если онъ не былъ въ точномъ смыслѣ слова ни великимъ человѣкомъ, ни хорошимъ королемъ, все же онъ стоитъ по уму и сердцу безконечно выше Валуа.

Lavalée, hist. des Français, 3me volume, sixième édition, Paris, 1847 года.

2. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ РЕФОРМЫ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ. СЮЛЬИ.

Положеніе Франціи вначалѣ XVII вѣка. — Великія намѣренія Генриха IV. — Министерство Сюльи. — Возстановленіе финансовъ, военныхъ силъ, земледѣлія, промышленности, торговли, образованія. — Средства къ жизни; проэктъ общей системы канализаціи; разработка рудниковъ; осушеніе болотъ. — Оливье де-Серръ. — Лаффема. — Шелковое производство. — Торговая компанія 1604 года. — Колоніи въ Акадіи и Канадѣ. — Постановленіе о дуэляхъ. — Учрежденіе полиціи и благотворительности. — Постройки.

Великій XVI вѣкъ, который оставилъ такой глубокій слѣдъ въ лѣтописяхъ человѣческаго рода, приходилъ къ концу. Онъ начался среди блеска искусствъ въ періодъ открытій, которыя обновляли міръ умственный и физическій, и скоро его блестящій горизонтъ омрачился; три четверти его прошли среди религіозныхъ бурь. XVI вѣкъ былъ наполненъ борьбой новаго духа, духа прогресса и свободы, обнаруживавшагося подъ самыми разнообразными видами, противъ духа смерти, этого *южнаго демона*, этого выродка среднихъ вѣковъ и монархическаго преданія, который хотѣлъ подавить самостоятельность народовъ и движеніе ума, подражая въ первомъ случаѣ римской имперіи, а во второмъ — Григорію VII.

Новый духъ взялъ перевѣсъ такимъ образомъ, что хотя ему и пришлось бороться, но онъ могъ существовать, развиваться и завоевать себѣ мѣсто въ поднебесной. Открылась современная эра или, вѣрнѣе — эра возрожденія и реформы, которую пытались отодвинуть назадъ въ прошедшее; она продолжала идти

побѣдоносно и неуклонно; человѣчество не выходило впродолженіе трехъ и даже болѣе вѣковъ изъ этой великой эпохи перехода отъ міра среднихъ вѣковъ къ міру неизвѣстному, который и теперь еще скрывается за облаками будущаго. Самая выдающаяся черта періода, въ который насъ вводитъ Генрихъ IV, это замѣна войнъ религіозныхъ войнами чисто политическими [1]), имѣющими цѣль привести въ равновѣсіе государства и противодѣйствовать примѣрному преобладанію одного изъ нихъ, тогда какъ цѣлью религіозныхъ войнъ было господство одной секты надъ другою и истребленіе диссидентовъ. Политическія войны возвратили Франціи первенствующее значеніе и вліяніе въ Европѣ, которое отняли у нея религіозныя войны.

Два человѣка въ 1598 году уже предчувствовали такую будущность Франціи, которая думала только объ отдыхѣ послѣ сорокалѣтнихъ волненій. Страдая отъ своихъ ранъ, она ужасалась, чувствуя, что внутри ея то здѣсь, то тамъ закипаютъ страсти, которыя заставили ее терзать саму себя.

Все еще раздавался глухой ропотъ религіозной ненависти. Ревнители католичества не могли свыкнуться съ мыслью о возмутительномъ Нантскомъ эдиктѣ, и королевской власти нужна была вся ея бдительность и рѣшимость, чтобъ принудить ихъ уважать новое вѣроисповѣдываніе. Гугеноты съ своей стороны, надѣясь на крѣпости, удержанныя ими, составляли, если не государство въ государствѣ, то по крайней мѣрѣ организованное и замкнутое общество и переносили не безъ труда возстановленіе римско-католической церкви въ городахъ и кантонахъ, гдѣ они составляли господствующее населеніе. Верховный совѣтъ въ Беарнѣ и городское начальство ла-Рошеля высказали королю свое неудовольствіе противъ папскаго владычества; подобно тому и духовенство, парламенты и университетъ выражали свое негодованіе противъ ереси. Обѣ партіи были всегда на сторожѣ противъ короля и не довѣряли ему. Одна съ большимъ трудомъ прощала ему его прежній протестантизмъ, а другая—его настоящее католичество.

Препятствіе, еще болѣе замедляющее возстановленіе порядка, состояло въ соединеніи эгоистическихъ стремленій съ незаконными доходами, которые осаждали престолъ и которые, установившись во время анархіи, вошли въ обычай губернаторовъ, военачальниковъ и чиновниковъ министерства финансовъ.

Между народомъ и правительствомъ становились враги правительства и народа. Села были разорены, а земледѣліе унич-

---

[1]) Тридцатилѣтняя война, какъ, можетъ быть, возразятъ, — война религіозная; она была религіозной войной дѣйствительно по происхожденію, но Ришелье сдѣлалъ изъ нея войну политическую.

тожено, скорѣе отъ страшныхъ злоупотребленій при сборѣ податей и ихъ неравномѣрнаго распредѣленія, чѣмъ отъ самыхъ податей. Народъ былъ подавленъ податями, соляными, дорожными и всякаго другаго рода пошлинами; на правительствѣ же тяготѣлъ долгъ, простиравшійся до 43½ мил. въ 1560 г. и до 101 мил.—въ 1576 г. Онъ сдѣлался подобенъ морю, глубины и предѣловъ котораго никто не зналъ, по исчисленіямъ Сюльи онъ простирался до 300 мил., не считая доходовъ, назначенныхъ на долю парижской ратуши, доходившихъ въ общемъ до 41 мил., а дѣйствительный доходъ не доходилъ до 25 мил., изъ которыхъ нужно было вычесть 16 мил. получаемыхъ съ налоговъ, еслибъ захотѣли исполнить всѣ обязательства, налагаемыя государствомъ. Почти всѣ владѣнія и часть другихъ доходовъ были уступлены и большая часть получившихъ переданныя помѣстья, французы и иностранцы, брали ихъ въ уплату долга. Что касается до доходовъ парижской ратуши, то большая ихъ часть состояла въ недоимкѣ впродолженіе двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ.

Такое положеніе дѣлъ нисколько не испугало Генриха IV. Выйдя невредимымъ изъ самой глубокой пропасти, Генрихъ ввѣрился своему счастію, которое, конечно, не покинуло бы его на полупути, и еще болѣе ввѣрился онъ своему мужеству и своей настойчивости. Онъ думалъ, что зло еще не такъ укоренилось и что исправленіе его пойдетъ быстрѣе, чѣмъ то казалось по внѣшности. Онъ понялъ все, что могло способствовать учрежденію новаго правленія для страны, жаждущей порядка и спокойствія, онъ съ твердостью сдерживалъ гугенотовъ и папистовъ и началъ преобразованіе королевства съ убѣжденіемъ, что будетъ достаточно нѣсколько лѣтъ мира, съ пользою употребленныхъ, чтобъ поставить Францію въ возможность идти на какое угодно предпріятіе. Онъ не колебался въ выборѣ себѣ помощника: онъ рѣшительно убѣдился въ способностяхъ и энергіи Росни. Санси напрасно упорно оспаривалъ каждое мнѣніе Росни въ совѣтѣ финансовъ, онъ даже отступался отъ протестантства, думая найдти для себя поддержку въ католикахъ, окружающихъ короля, но всѣ его уловки не имѣли успѣха. Совѣтъ финансовъ былъ уничтоженъ. Росни, который пріобрѣлъ перевѣсъ на совѣтѣ съ 1597 г., былъ сдѣланъ министромъ финансовъ, затѣмъ въ 1599 г. суперъ-интендантомъ надъ дорогами во Франціи, въ 1600 г. — генералъ-фельдцейхмейстеромъ, завѣдывающимъ постройками и укрѣпленіями, наконецъ въ 1606 г.—герцогомъ Сюльи и пэромъ Франціи. Какъ первому министру на дѣлѣ, если не по имени, исключительно завѣдывающему финансами и внутреннимъ управленіемъ и имѣющему главную власть въ войскѣ и во флотѣ, Генрихъ IV далъ ему

всѣ средства къ осуществленію того проэкта реформъ, который былъ имъ представленъ въ 1593 г.

Этотъ проэктъ былъ изложенъ въ восьми параграфахъ 1) привести всѣхъ мятежниковъ къ должному, но добровольному послушанію; 2) прекратить религіозную ненависть (эти два параграфа были исполнены настолько, насколько это зависѣло отъ Генриха IV); 3) точно изслѣдовать всѣ доходы королевства и сдѣлать возможныя улучшенія; 4) составить отчетъ о долгахъ всякаго рода, отъискать средства къ приведенію ихъ въ порядокъ, уменьшить и выплатить мало по малу; 5) составить списокъ всѣхъ королевскихъ чиновниковъ, съ означеніемъ тѣхъ, безъ которыхъ можно обойтись, для того чтобы уменьшить ихъ численность, ихъ права и жалованье; 6) составить отчетъ о всѣхъ королевскихъ и частныхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ были бы означены тѣ, которыя нужно будетъ мало по малу уничтожать, когда провинціи будутъ свободны или «когда то позволитъ достоинство лицъ, оскорблять которыхъ теперь не умѣстно»; 7) сдѣлать всеобщій осмотръ границъ, съ необходимыми изслѣдованіями, особенно морскихъ границъ, для того, чтобъ составить точныя карты, гдѣ были бы главнымъ образомъ означены мѣста, въ которыхъ есть или можно устроить гавани и порты для входа, стоянки и сбереженія большихъ военныхъ судовъ, чтобъ попытаться дать Франціи такое же могущество на морѣ, какимъ она пользуется на сушѣ; 8) расплатиться, какъ можно скорѣе, съ союзниками, помогавшими Франціи, наградить ихъ и попытаться вступить въ союзъ со всѣми государями, которые ненавидятъ господство Испаніи и Австріи и боятся его.

Духъ, которымъ проникнутъ этотъ проэктъ, тотъ же, какой замѣтенъ въ большей части предпріятій Росни: отсутствіе крупныхъ нововведеній, здравый смыслъ, твердый и быстрый взглядъ, необыкновенная ясность и точность, удивительная способность разъяснять самыя запутанныя дѣла; если это не творчество, то во всякомъ случаѣ полезная распорядительность. Нужно замѣтить, что онъ отлично понималъ характерныя черты настоящей природы Франціи, видѣлъ ея могущество какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Эту-то способность пониманія можно бы было назвать пробнымъ камнемъ нашихъ государственныхъ людей. Двойственнаго характера Франціи не умѣли разгадать только въ тѣ эпохи, когда наше отечество принуждено было уклониться отъ своего прямаго назначенія.

Проэктъ Росни развился мало по малу, какъ онъ самъ говорилъ, безъ торопливости, но безъ задержки, безъ отдыха, съ неизмѣннымъ постоянствомъ. Интендантъ началъ тѣмъ, что прекратилъ обычные захваты суммъ, препятствовалъ тому, чтобъ каждому отдѣленію казначейства приписывали болѣе расходовъ,

чѣмъ оно могло имѣть, и приписалъ каждую часть расхода извѣстному отдѣленію казначейства. Примѣненіе этихъ началъ, которыя намъ кажутся такъ просты и такъ элементарны, было уже цѣлой революціей. Первый полученный результатъ было утвержденіе суммъ, назначенныхъ на общественныя нужды прежде перемѣшанныхъ съ капиталомъ, употребляемымъ на уплату процентовъ долга. Росни прекратилъ на время расходы, которые уменьшали государственные доходы, обезпечилъ общественныя должности, потомъ учредилъ особую кассу для избытка доходовъ, назначенную для уплаты процентовъ государственнаго долга и на погашеніе его.

Росни занялся затѣмъ улучшеніемъ сборовъ податей. Подати, отдаваемыя на откупъ, приносили мало дохода государству, но зато много—откупщикамъ; откупщики уступали свои контракты съ большимъ барышомъ съемщикамъ; нужно было же и послѣднимъ наживаться въ свою очередь. Росни принудилъ съемщиковъ представлять переданный имъ откупъ и вносить плату прямо въ казначейство. Такимъ образомъ сталъ извѣстенъ дѣйствительный доходъ съ откуповъ, которые съ этихъ поръ отдавались съ аукціона и приносили государству почти вдвое болѣе.

Относительно сбора податей и другихъ налоговъ Росни далъ подробное указаніе главнымъ сборщикамъ и казначеямъ Франціи, которые должны были каждый годъ представлять удостовѣрительныя свидѣтельства. Такимъ образомъ были уничтожены главные источники незаконныхъ доходовъ. Росни хотѣлъ не только обезпечить будущее, но и извлечь пользу, наказывая прошедшее. Въ 1601 г. была учреждена судебная палата для разсмотрѣнія взяточничества откупщиковъ казенныхъ доходовъ; Росни желалъ, чтобы судили «крупныхъ воровъ и грабителей», но фаворитки короля и его товарищи въ удовольствіяхъ, подкупленные капиталистами, возстали противъ этого. Самъ Генрихъ IV, бывшій въ дружбѣ съ *Замет'омъ, Гонди, Пюжэ, Поле* и др. не могъ рѣшиться нѣсколько стѣснить своихъ богатыхъ приверженцевъ, которые открывали ему свои кошельки и скрывали въ своихъ пышныхъ домахъ его любовныя интриги. Однимъ словомъ, по обыкновенію, все кончилось мировой сдѣлкой, въ которой «воришки заплатили за крупныхъ воровъ».

Очень важное улучшеніе было сдѣлано еще прежде относительно государственнаго долга; на государственномъ доходѣ лежали нетолько громадные долги, но большая часть кредиторовъ и между ними многіе иностранные государи получили въ залогъ какую-либо подать, или какой нибудь сборъ и имъ уплачивали эти деньги агенты, которые собирали втрое болѣе, чѣмъ получали ихъ довѣрители. Росни прекратилъ подобный ходъ дѣлъ, соединивъ въ рукахъ короля всѣ проданные налоги и тѣ,

которые собирались уполномоченными. Послѣдніе не имѣли права жаловаться; имъ съ этихъ поръ платили изъ казначейства, не принимая въ этомъ случаѣ въ разсчетъ контрактовъ, заключенныхъ на переданныя имъ права. Государство пріобрѣло отъ этой мѣры 1.800,000 ливровъ ежегоднаго дохода (1598).

Росни положилъ конецъ воровству управляющихъ финансами; онъ прекратилъ незаконные поборы губернаторовъ. Король часто запрещалъ губернаторамъ собирать деньги по ихъ собственному произволу: это запрещеніе, безсильное во все время внутреннихъ войнъ, было теперь возобновлено съ новой силой и строгостью, протестъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ былъ безполезенъ; герцогъ д'Эпернонъ, который такимъ образомъ лишался дохода въ 60,000 экю, напрасно старался испугать интенданта; на высокомѣріе Росни отвѣчалъ высокомѣріемъ бывшему любимцу Генриха III и не сдѣлалъ никакихъ уступокъ ни ему, ни другимъ.

Росни продолжалъ исполненіе своего плана. Въ 1601 году, когда хаосъ нѣсколько прояснился, интендантъ предложилъ королю сдѣлать подробный списокъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію его министерства, раздѣленнаго на пять вѣдомствъ: 1) общее вѣдомство финансовъ каждой провинціи, съ различными родами налоговъ мѣстныхъ произведеній; отчетъ того, что расходуется на мѣстѣ и того, что поступаетъ къ королю; 2) общее вѣдомство казны, содержащее всѣ ежегодные доходы и ихъ употребленіе; 3) отчетъ о приходахъ и расходахъ артиллеріи и о всемъ, принадлежащемъ этому вѣдомству; 4) отчетъ о состояніи всѣхъ дорогъ; 5) вѣдомство о поправкахъ и укрѣпленіи городовъ, замковъ и пограничныхъ крѣпостей.

Здѣсь финансовое управленіе совпадаетъ съ военнымъ управленіемъ и веденіемъ общественныхъ работъ. Мы еще будемъ говорить о путяхъ сообщенія. Что касается арміи, то можно сказать, что военное искусство упало въ междоусобной борьбѣ, хотя воинская доблесть не разъ выказалась во всемъ блескѣ. Всѣ были военными, но не было настоящихъ солдатъ. По словамъ нашихъ военныхъ писателей того времени, сражались во Франціи, но воевали въ Голландіи. Генрихъ IV и Сюльи рѣшились поднять военное искусство образованіемъ военнаго сословія и вооружить Францію надлежащимъ образомъ для нападенія и защиты; экономія, полученная отъ сокращенія арміи въ мирное время, была употреблена на увеличеніе жалованья, на артиллерійскіе снаряды и на инженерныя работы; управленіе матеріальной частью и укрѣпленіями было скорѣе создано, чѣмъ преобразовано; все было направлено, чтобъ сдѣлать образованнымъ военное сословіе и чтобъ дать французскимъ инженерамъ такую же извѣстность, какою пользовались въ старину италь-

янцы, а во время Сюльи — голландцы. Человѣкъ необыкновенно умный, Эрраръ-де-Баръ ле-Дюкъ, усовершенствовалъ фортификацію, ввелъ употребленіе гласисовъ, подчинилъ точнымъ правиламъ расположеніе бастіоновъ и повелъ на всѣхъ границахъ обширныя работы, которыя должны были сдѣлать изъ Франціи какъ бы одно вооруженное укрѣпленіе. Эти работы подвигались уже къ концу, а Франція была готова выдти изъ мирнаго положенія и встать на военную ногу въ 1609 г., когда Генрихъ приказалъ своимъ министрамъ сдѣлать сборникъ всего, что касается военнаго искусства и военной дисциплины,—настоящую военную энциклопедію.

Возвратимся къ экономическимъ вопросамъ. Въ 1601 и 1602 году были изданы два замѣчательныхъ постановленія о монетѣ. Смѣсь монетъ французскихъ и иностранныхъ, которыя были низшей стоимости сравнительно съ нашими, причиняла большіе безпорядки; иностранцы вывозили французское золото и серебро въ большомъ количествѣ. Постановленіе 1601 г. запретило обращеніе иностранныхъ монетъ, исключая испанскихъ, и также подъ страхомъ смерти вывозъ золота и серебра. Это сильное, но вмѣстѣ съ тѣмъ недѣйствительное средство доказывало только полное невѣдѣніе дѣйствительной причины зла, которое происходило, по крайней мѣрѣ относительно золота, оттого, что отношеніе между золотомъ и серебромъ было установлено во Франціи на непрочномъ основаніи: золотая марка стоила во Франціи немного менѣе одиннадцати серебряныхъ, и иностранцы находили большую выгоду въ вывозѣ французскаго золота, потому что у нихъ такая марка ходила за двѣнадцать или тринадцать серебряныхъ марокъ. Запрещеніе оборота иностранныхъ монетъ много повредило торговлѣ. Второе постановленіе 1602 г., увеличивая стоимость французскихъ монетъ, прекратило вывозъ серебра, но не золота, потому что повышеніе цѣны не было достаточно.

Росни, около этого же времени, предложилъ королю мѣру, которая въ существѣ имѣла цѣлью увеличить такъ-называемые случайные государственные доходы [1]), но которая въ другихъ отношеніяхъ имѣла важныя послѣдствія. *Продажа должностей*, вопреки частымъ обѣщаніямъ короля, продолжала существовать со времени Франциска I, иногда съ выгодой для государства, если создавались новыя должности, какъ при осадѣ Амьена, иногда, и чаще, съ выгодой для придворныхъ, которые продавали кандидатамъ свое покровительство у короля. Чиновники

---

[1]) Онъ дѣйствительно увеличилъ на 3 милл. ежегодный доходъ съ налоговъ и случайные доходы.

естественно пришли къ тому, что продавали купленныя ими должности, и вошло въ обычай, что занимающій извѣстную должность могъ уступить ее другому, лишь бы онъ не умеръ раньше сорока дней послѣ сдѣланной уступки.

Если служащій умиралъ, не передавъ своей должности, и если до его смерти со дня передачи не прошло сорока дней, то должность переходила въ руки короля. Такое положеніе дѣлъ было непрочно и невыгодно никому; нужно было во чтобы то ни стало искоренить продажность или же открыто признать ее законной. Л'Опиталь, моралистъ, философъ и законодатель, склонялся на первое; Сюлли, администраторъ и финансистъ, прежде всего остановился на второмъ. Онъ уговорилъ короля даровать всѣмъ чиновникамъ по судебной и финансовой части ихъ должности, какъ наслѣдственную собственность, посредствомъ ежегодной подати, равняющейся шестидесятой долѣ стоимости каждой должности. Ежегодная подать была названа *paulette*, отъ имени откупщика Полэта (Paulet), который первый внушилъ Росни мысль о ней и первый получилъ ее на откупъ. Подать съ чиновниковъ вначалѣ была назначена только на девять лѣтъ; но не замедлили возобновить ее на неопредѣленное время. Чиновники, придерживаясь парламентскихъ преданій, встрѣтили криками негодованія это нововведеніе, которое было выгоднымъ для ихъ матеріальнаго благосостоянія, въ ущербъ ихъ достоинству, и которое, такъ сказать, дѣлало ихъ податнымъ сословіемъ. Подать чиновниковъ не посмѣли представить въ парламентъ въ видѣ указа, и эта важная мѣра была обнародована въ формѣ, вовсе не употребительной въ канцеляріи, къ присутствіи рекетмейстеровъ и королевскихъ секретарей. Оппозиція парламента мало по малу успокоилась: частные интересы, интересы семьи, подавили голосъ принципа, и чиновники привыкли безъ особеннаго труда смотрѣть на свои должности, какъ на родовое имѣніе. Во время малолѣтства Людовика XIV они возстаютъ противъ интенданта, который захотѣлъ уничтожить подать чиновниковъ. Люди, свѣдующіе въ судопроизводствѣ, страдали отъ этой наслѣдственности должностей менѣе, чѣмъ при существованіи продажности; людямъ бѣднымъ былъ закрытъ всякій исходъ, великій Кужа теперь не могъ бы, можетъ быть, сдѣлаться совѣтникомъ въ парламентѣ. Всякое дальнѣйше ограниченіе излишняго числа офицеровъ сдѣлалось невозможнымъ, и Сюльи долженъ былъ въ этомъ пунктѣ отклониться отъ своей программы. Правительство и въ этомъ ничего не выиграло въ политическомъ отношеніи: духъ сословій дѣлался все несговорчивѣе и задорнѣе; наслѣдственность образовала высшее судейское сословіе, замкнутое, неуступчивое и иногда грозящее самому престолу: это особенно хорошо было видно во время Фронды.

Но все же многія неудобства нѣсколько искупались. Чиновники болѣе не зависѣли отъ придворныхъ и ихъ собственное достоинство, ихъ нравственная сила въ этомъ отношеніи выигрывала то, что теряла въ другихъ; пока общество жило привилегіями, то было полезно, чтобы судейское сословіе уравновѣшивало военное.

Можно осуждать наравнѣ съ податью чиновниковъ подать съ вольныхъ удѣловъ, для которой каждые 20 лѣтъ вычитался годовой доходъ съ удѣловъ простолюдиновъ. Подобнаго рода подать уменьшала стоимость земель и дѣлала трудъ еще тяжелѣе; духъ аристократизма, имѣвшій большое значеніе при Генрихѣ IV и его министрѣ, хотѣлъ остановить движеніе, стремящееся передать земли дворянъ въ руки средняго сословія. Дворяне пытались сдѣлать болѣе глубокое разграниченіе между ними и низшимъ классомъ. Имъ удалось пріобрѣсти предписаніе, въ силу котораго простолюдинъ, пріобрѣтавшій землю дворянина, не получалъ привилегій дворянства при исполненіи военной службы, требуемой его леномъ.

Рѣдко случалось, что Росни въ своихъ финансовыхъ разсчетахъ имѣлъ другую цѣль, кромѣ прямыхъ результатовъ. Ничто не уклоняло его отъ его цѣли.

Въ 1606 г. Генрихъ IV издалъ, по просьбѣ духовенства, эдиктъ, имѣвшій большую важность въ отношеніи нравственности духовенства и точнаго соблюденія церковныхъ правилъ; духовенство согласилось на девять лѣтъ продолжить взносъ 1,300,000 ливровъ, которые оно платило сверхъ десятиннаго сбора.

Послѣ повѣрки рентъ Росни, сдѣлавшись герцогомъ Сюльи, предпринялъ общій обзоръ счетовъ, жалованья и средствъ къ наживѣ финансовыхъ чиновниковъ. Послѣ участниковъ въ откупахъ начали разбирать дѣйствія сборщиковъ податей, самихъ казначеевъ, даже членовъ счетной экспедиціи, которые большею частью пользовались взятками за одно съ управляющими финансами. Точныя правила, по которымъ все проходило черезъ руки интенданта, замѣнили собою необузданный произволъ, который представлялъ этимъ хищникамъ удобныя средства для наживы. Государство пріобрѣло ежегодныхъ 200,000 экю отъ суммъ, удерживаемыхъ счетной экспедиціей: главные сборщики откупились отъ грозившаго имъ преслѣдованія 600,000 ливровъ (1607—1608).

Время отъ времени интендантъ останавливался, какъ будто для того, чтобы перевести духъ и указать своему главѣ пройденный имъ путь преобразованія и тотъ, который ему нужно было пройдти. Въ началѣ 1607 года Сюльи представилъ королю отчетъ уплаченныхъ долговъ и непредвидѣнныхъ расходовъ,

доходившихъ до 98 милліоновъ. Было уплачено 29 милліоновъ, изъ 87 милліон. долга союзникамъ: около 14 милліоновъ изъ 32-хъ за договоры съ Лигой. На 12 милліоновъ было куплено артиллерійскихъ снарядовъ, около 6 милліоновъ истрачено на укрѣпленіе городовъ, около 5 милліоновъ на мосты и шоссе.

Государственный долгъ не могъ, всецѣло поглотить его неутомимую дѣятельность: онъ провѣрялъ, ограничивалъ, уничтожалъ, на сколько могъ, долги провинцій, городовъ, общинъ и заставлялъ отражаться на границахъ государства порядокъ и просвѣщеніе его центра.

Въ 1609 г. Генрихъ IV потребовалъ общаго отчета о положеніи королевства. Сюльи не нужно было возвышать полученные результаты: цифры говорили краснорѣчиво сами за себя. Въ началѣ 1610 г. правительство выплатило 100 милліон. долга, располагало отъ 30 до 35 милл. для выкупа владѣній и рентъ, арсеналы изобиловали оружіемъ; довольно значительное число галеръ было вооружено въ портахъ Средиземнаго моря. Наконецъ, вмѣсто 9 милл., какъ то было въ 1596 г., доходъ, получаемый съ податей, при уплатѣ долговъ, доходилъ до 16 милл., не считая 4 милл. дохода съ государственныхъ имуществъ и другихъ источниковъ кромѣ податей Генрихъ IV имѣлъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи, при опредѣленіи обыкновенныхъ расходовъ, запасныхъ отъ 20 до 22 милл., изъ которыхъ 16 или 17 милл. серебра лежали въ Бастиліи подъ вѣдѣніемъ Сюльи, а остальные въ кредитѣ у казначеевъ, откупщиковъ, духовенства и пр.

Какая перемѣна въ двѣнадцать лѣтъ! Чего не можетъ сдѣлать сильная воля въ странѣ такой непокорной слабымъ государямъ и готовой понять и поддерживать въ своихъ правителяхъ умъ, энергію и благія намѣренія!

Чисто механическіе финансовые процессы не были бы достаточны для обновленія государства, еслибъ къ умѣнью располагать пріобрѣтенными богатствами, Генрихъ IV и его министръ не присоединили въ извѣстной степени знаній, помогающихъ созданію богатствъ, доискиваясь источниковъ для того, чтобъ увеличить ихъ производительность. Въ этомъ и заключается дѣйствительная заслуга министерства Сюльи. Государь и его министръ нашли дѣйствительное основаніе общественнаго богатства, они не только поняли, что Франція со своимъ разнообразнымъ, умѣреннымъ климатомъ, со своей почвой, способной къ различнымъ произведеніямъ, исключая произведеній тропическаго пояса, можетъ и должна быть первымъ земледѣльческимъ государствомъ въ Европѣ, что здѣсь лежитъ ея первое и величайшее благо; они поняли необходимыя условія для процвѣтанія земледѣлія. Каждый знаетъ аксіому Сюльи: *«Земледѣліе и*

скотоводство—два источника, питающіе Францію»; но не всѣ понимаютъ ея глубокій смыслъ. Сама Франція уже давно забыла её, и упадокъ нашего земледѣлія начинается съ того дня, какъ было нарушено равновѣсіе между двумя основными началами сельскаго хозяйства.

Сюльи понималъ важность разведенія кормовыхъ травъ и скота, начала плодородія земли; онъ зналъ, сколько эта часть земледѣльческаго труда нуждается въ покровительствѣ и безопасности, какъ скоро она можетъ погибнуть или отъ насилій во время анархіи, или отъ притѣсненій безпорядочной финансовой системы, и потому онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ избавить селенія отъ этихъ двухъ бичей.

Съ 1595 г. до вступленія Сюльи въ министерство, было возобновлено старинное запрещеніе подвергать аресту за общественные и частные долги земледѣльцевъ или отнимать у нихъ земледѣльческія орудія и рабочій скотъ: эдиктомъ февраля 1597 года приказывалось королевскимъ чиновникамъ судить военныхъ, которые пользуются фуражемъ безъ разрѣшенія короля и разоряютъ крестьянъ своими грабежами. Апрѣльскій эдиктъ 1598 г., запрещавшій носить огнестрѣльное оружіе всѣмъ, исключая военныхъ, находящихся на дѣйствительной службѣ, и помѣщиковъ въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ, былъ дополненіемъ перваго. Крестьянамъ было дано право бить въ набатъ противъ нарушителей эдикта, которые подлежатъ казни при вторичномъ проступкѣ. Сюльи, сдѣлавъ въ 1596 году такой полезный объѣздъ провинціи, предпринялъ 1598 г. второе путешествіе, чтобъ собственными глазами убѣдиться въ положеніи сельскихъ жителей. Это путешествіе повело за собою великое постановленіе марта 1600 г. Народъ былъ подавленъ податными недоимками, накоплявшимися каждый годъ: король уничтожилъ всѣ недоимки, существовавшія въ 1594, 1595 и 1596 годахъ для того, чтобъ можно было выплатить недоимки 1597 г., 1598 и 1599 год. Пополненіе податей было уменьшено на 1,800,000 ливровъ въ 1600 г.; это ограниченіе дошло потомъ до двухъ милліоновъ. Сильное уменьшеніе злоупотребленій при раскладкѣ податей облегчило сельскихъ жителей болѣе, чѣмъ уменьшеніе поземельной подати. «Выборные налагали подати на нѣкоторые участки и освобождали отъ нихъ другіе совершенно произвольно; раскладчики, распредѣляя извѣстную часть подати съ участка между его жителями, обременяли или освобождали частныхъ лицъ, руководясь своими личными чувствами и интересами, дѣлали несправедливости, которыя вели за собою безчисленныя тяжбы, медленность которыхъ и издержки по нимъ совершенно истощали несчастнаго крестьянина. Кромѣ того разореніе земледѣльцевъ довершали незаконные поборы приставовъ, употреб-

ляемыхъ для сбора податей. Но сильная рука Сюльи тяготѣла и надъ этими общественными кровопійцами. Были назначены коммиссары для розысканія и наказанія виновныхъ. Было обнародовано постановленіе, по которому всѣ дѣла объ обременительныхъ податяхъ и неправильной ихъ раскладкѣ должны быть разбираемы скорымъ судомъ, безъ издержекъ на адвокатовъ и повѣренныхъ, выборными, съ участіемъ трехъ или четырехъ главныхъ лицъ сельскаго населенія того или сосѣдняго участка по выбору тяжущихся; это было въ родѣ суда присяжныхъ. Истцы не должны были уплачивать расходы по иску. Были назначены строгія наказанія вѣроломнымъ выборнымъ и раскладчикамъ. Всякій достаточный человѣкъ долженъ былъ въ свою очередь быть раскладчикомъ и сборщикомъ. Были сдѣланы превосходныя предписанія, чтобъ обезпечить правильность и сохраненіе росписей и облегчить ихъ провѣрку въ томъ, что касается раскладки, освобожденія и т. д. Постановленіемъ 1600 года объявляется, что помѣщики, которые будутъ вмѣшиваться незаконныхъ образомъ въ раскладку податей, лишаются своихъ помѣстій. Были приняты мѣры, чтобъ круговая порука, установленная между жителями прихода, простиралась на богатыхъ, а не на бѣдныхъ, какъ то обыкновенно случалось вслѣдствіе потачки раскладчиковъ богатымъ. Запрещается, подъ страхомъ смерти, приставамъ, назначеннымъ для собиранія подати, требовать себѣ отъ податнаго сословія вознагражденія, которое должно имъ выдаваться королевскими сборщиками. Приходамъ дано право выкупать общины, переданныя во время внутреннихъ войнъ; эта статья наибольшей важности.

Противъ другихъ статей постановленія протестовали и дворянство и крестьяне; подобное согласіе не было дѣломъ обыкновеннымъ. Въ январѣ 1598 г. были отмѣнены всѣ вольности и привилегіи дворянъ, которыми они пользовались въ теченіе двадцати лѣтъ. Каждая отмѣна привилегій была выгодна для податнаго сословія. Эдиктъ 1600 дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Многіе присвоивали себѣ званіе и права дворянъ, опираясь на то, что были въ военной службѣ во время смутъ; было всякому запрещено принимать званіе дворянина и кавалера, если только онъ не происходилъ изъ фамиліи, бывшей въ военной службѣ или занимавшей почетныя общественныя должности, или которая по законамъ и обычаямъ королевства можетъ передать дворянство своимъ потомкамъ. Незаконнорожденныя дѣти дворянъ не могутъ быть дворянами безъ особенныхъ дворянскихъ грамотъ. Военные недворяне, находящіеся въ дѣйствительной службѣ, будутъ освобождены отъ податей только по прошествіи десяти лѣтъ. Недворяне, набранные для отдѣльныхъ ротъ, и пѣхотные офицеры не будутъ освобождены иначе

послѣ отставки, какъ прослуживъ двадцать пять лѣтъ и получивъ особыя на то граматы, провѣренныя въ судѣ о сборахъ и налогахъ. Увольненіе множества незначительныхъ королевскихъ чиновниковъ уничтожено.

За указомъ о податяхъ слѣдовало постановленіе января 1601 г., которое дозволяло повсюду вывозъ зерноваго хлѣба, по большей части запрещенный въ правленіе послѣднихъ Валуа и до сихъ поръ дозволяемый только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Генрихомъ IV; это было энергическое поощреніе промышленности: король твердо поддерживалъ свободную торговлю хлѣбомъ и отмѣнилъ указъ Тулузскаго парламента, который запретилъ вывозъ его изъ Лангедока. Вывозъ вина и водки сдѣлался также свободенъ.

Различные стѣснительные налоги были уменьшены на половину; но Сюльи, котораго останавливали нужды государства и необходимость собраться съ силами и приготовить всѣ средства, необходимыя для осуществленія великихъ политическихъ предпріятій, не могъ тотчасъ же измѣнить пошлину съ соли; между тѣмъ онъ понималъ несправедливость и гибельное дѣйствіе налога, который обременялъ бѣдныхъ и доводилъ до необыкновенно высокой цѣны продуктъ первой необходимости и такъ изобильно расточаемый природой. Онъ задумалъ вмѣстѣ съ королемъ купить соловарни на западѣ, чтобъ сдѣлать ихъ государственнымъ имуществомъ и продавать соль какъ товаръ, вмѣсто того, чтобъ брать за нее пошлины. Онъ ограничился на время предписаніемъ сборщикамъ податей и коммиссарамъ большей умѣренности при раскладкѣ соляной пошлины, въ разсмотрѣніи нарушеній и назначеніи штрафа. У короля и министра не достало времени сдѣлать больше.

Всѣ отрасли сельскаго хозяйства одинаково привлекали вниманіе короля и министра. Въ маѣ 1597 г. былъ изданъ эдиктъ о сбереженіи водъ, лѣсовъ и дорогъ и запрещалось опустошеніе лѣсовъ, рѣкъ и прудовъ, которому они подвергались во время внутреннихъ войнъ [1]. *Въ апрѣлѣ 1599 г. появился новый указъ о повсемѣстномъ осушеніи болотъ.* Такъ какъ никто не хотѣлъ попытаться въ этомъ предпріятіи, Брабансону Гумфрею Брадлей (Brabançon Hunphrey Bradley) по происхожденію вѣроятно англичанину, была на это дана привилегія на пятнадцать лѣтъ съ званіемъ «мастера плотинъ» (maître des digues). Брадлею должна была принадлежать половина болотъ, которыя онъ осушитъ. Вторымъ эдиктомъ января 1607 года осушенныя болота признавались свободными землями; кромѣ того онъ освобождалъ

---

[1]) Нужно замѣтить въ этомъ эдиктѣ разумное постановленіе, запрещающее рыбную ловлю во время метанія икры.

на долгій срокъ отъ податей и десятинъ рабочихъ, употребляемыхъ на работы по осушенію и поощрялъ Брадлея и его помощниковъ по работамъ къ открытію судоходныхъ каналовъ, обѣщая имъ уступку дорожной пошлины и монополію на продажу торфа въ теченіе 20-ти лѣтъ. [1]) Названіе «Малой Фландріи», которое до сихъ поръ сохранилось за кантономъ Медока, напоминаетъ о работахъ Фламандцевъ и Голландцевъ, выписанныхъ во Францію «мастеромъ плотинъ».

Правительство, затѣвая такія предпріятія, употребляло значительную часть общественныхъ доходовъ на дороги, мосты и на съемки плановъ: здѣсь и тамъ на холмахъ видны уединенные вязы, которые служили для Кассини вѣхами при черченіи карты Франціи; это остатки вязовъ, посаженныхъ великимъ министромъ; народъ еще до сихъ поръ называетъ ихъ вязами Росни. Поправки дорогъ, открытіе новыхъ путей сообщенія явилось необходимымъ дополненіемъ того, что было сдѣлано для земледѣлія. Переѣзды съ одного мѣста на другое были облегчены устройствомъ многочисленныхъ станцій на большихъ дорогахъ, на проселкахъ и вдоль рѣкъ, чтобъ можно было нанимать перемѣнныхъ лошадей для перевозки путешественниковъ, для бичевы и даже для паханія [2]). *Было также сдѣлано много для судоходности рѣкъ.*

---

[1]) Isambert, t. XV, p. 222—316. Первый эдиктъ постановляетъ, чтобъ владѣтели болотъ не противились осушенію, производимому Брадлеемъ, если только они сами не осушатъ къ назначенному сроку. Они имѣютъ право купить половину, уступленную предпринимателю. Эдиктъ освобождаетъ отъ осушенія солончаки, пруды и рыболовныя тони и болота, необходимыя для сохраненія воды въ крѣпостныхъ рвахъ, гаваняхъ и рѣкахъ. Рудники также были соединены подъ однимъ общимъ управленіемъ и много новыхъ было открыто въ различныхъ мѣстахъ Франціи: золотые и серебряные въ Пиренеяхъ и въ Брессѣ были давно заброшены, потому что не покрывали расходовъ на ихъ разработку, свинцовые, оловянные, желѣзные и мѣдные рудники продолжали частью разработываться. — Poirson, t. II, p. 33—37. Въ этихъ эдиктахъ замѣчаются филантропическія распоряженія въ пользу работниковъ; тридцатая часть чистаго продукта должна быть употребляема на помощь раненымъ и больнымъ работникамъ. Работникамъ плата должна выдаваться раньше, чѣмъ другимъ. (Isambert, t. XV, p. 290). Грустно видѣть, что въ этомъ отношеніи цивилизація остановилась, вмѣсто того, чтобъ идти впередъ.

[2]) На лошадяхъ было королевское клеймо. Полагалась смертная казнь тому, кто ихъ украдетъ (Isambert, t. XV, p. 131). Этотъ эдиктъ относится къ марту 1597 г. Эти станціи, созданныя подъ именемъ особенныхъ службъ, были присоединены въ 1302 г. къ королевской почтѣ. Содержатели почты пріобрѣли монополію отдавать лошадей въ наемъ (Isambert, t. XV, p. 267). Кромѣ того существовали почтовыя кибитки или общественныя кареты, которыя вошли въ употребленіе при Карлѣ IX. Эдиктъ Генриха III 1575 г. представлялъ частнымъ лицамъ привилегіи поручать, кому они найдутъ

У Генриха IV и Сюльи были болѣе обширные планы: они задумали соединить Сѣверное море съ Средиземнымъ посредствомъ обширной системы каналовъ; мысль эта была высказана за полвѣка раньше талантливымъ человѣкомъ, которому потомство не отдало справедливости, Адамомъ де-Крапонъ. Сюльи представилъ королю, что, соединивъ Сену съ Луарой, Луару съ Соной, Сону съ Мозелемъ, можно соединить океанъ, Ла-Маншъ и Сѣверное море съ Средиземнымъ и что Франція чрезъ это соединеніе пріобрѣтаетъ 2 мил. насчетъ Испаніи за провозъ товаровъ, кромѣ неисчислимыхъ выгодъ, которыя чрезъ это пріобрѣтетъ внутреннее сообщеніе. Эта работа, которая окончилась только черезъ два вѣка слишкомъ, была начата въ 1604 г. открытіемъ канала, который, начинаясь отъ Луары у Бріара, теперь прямо соединяется съ Сеной у Морэ за двѣ мили отъ Фонтенебло, но по первоначальному плану соединялся съ Сеной посредствомъ Луано. Употребили около одного милліона на работы, которыя были исполнены путемъ налоговъ, а не путемъ ненавистной барщины; половина рабочихъ была взята изъ войска.

Въ 1604 году королю представили, послѣ многихъ лѣтъ занятій, новый планъ соединенія Средиземнаго моря съ Океаномъ посредствомъ Оды и Гаронны; смѣнилось два поколѣнія, прежде чѣмъ Рикэ со славой осуществилъ этотъ проэктъ, первоначальная идея котораго восходитъ до временъ Франциска I и за которую взялся Крапонъ при Генрихѣ II.

На эдиктъ іюля 1601 г., запрещающій установленіе ренты на процентахъ выше шестнадцати денье, можно смотрѣть какъ на косвенную поддержку сельскаго хозяйства, точно также какъ и другихъ промысловъ и торговли. Та же самая мѣра была принята въ министерство канцлера Бирагъ въ 1572 г., но оно было принуждено отмѣнить ее: правительства могутъ помогать и утверждать, но не насиловать успѣховъ общественныхъ отношеній. Попытка, рушившаяся среди бурь внутреннихъ войнъ, удалась въ царствованіе, которое возвратило безопасность, движеніе и бодрость земледѣльческому классу.

Несмотря на тяжесть податей, помѣстныхъ налоговъ, десятинъ, которая постоянно лежала на сельскихъ жителяхъ, достаточно было покровительства правительства и разумнаго на-

---

удобнымъ, отправку почтовыхъ каретъ изъ Парижа въ Орлеанъ, Труа, Руанъ и Бовэ. Въ апрѣлѣ 1594 г. Генрихъ IV назначилъ особаго коммиссара и управляющаго почтовыми и общественными каретами. Парламентъ записалъ эдиктъ, которымъ создавались эти должности, обложилъ эти мѣста таксой одного съ четвертью экю отъ Парижа до Орлеана, Руана и Амьена и пропорціонально до другихъ городовъ (мая 1595). Isambert, t. XV, p. 88.

правленія, которому слѣдовала сельская экономія, чтобъ сообщить земледѣлію движеніе, которое не останавливалось до половины царствованія Людовика XIV.

Въ этомъ отношеніи Франція пріобрѣла превосходство, о которомъ свидѣтельствовало возраставшее количество хлѣба, вывозимаго въ большую часть Европы. Земледѣліе сдѣлалось великимъ народнымъ дѣломъ. Часть дворянства предалось ему съ большой дѣятельностью и успѣхомъ. Дворянинъ, протестантъ изъ Лангедока, Оливье де Серръ (братъ министра, историка Жана де Серръ) далъ земледѣльцамъ образецъ наилучшаго хозяйства въ своемъ помѣстьѣ Прадель (около Вильнева де Берга, въ Виверэ) и теорію земледѣлія въ своемъ «Музеѣ Земледѣлія и Сельскаго хозяйства», изданномъ въ 1600 г. Имя этого знаменитаго человѣка заслуживаетъ быть присоединеннымъ къ именамъ Генриха IV и Сюльи, которымъ Оливье такъ много помогалъ и которые принимали такое участіе въ его трудахъ. Послѣ того какъ Оливье де Серръ представилъ королю свою книгу, посвященную ему, Генрихъ IV впродолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ велѣлъ подавать себѣ каждый день послѣ обѣда «Музей Земледѣлія» и читалъ его со вниманіемъ по получасу. Народъ не менѣе благосклонно, чѣмъ король, принялъ эту агрономическую энциклопедію, плодъ сорокалѣтняго опыта и размышленія. Изданія «Музея Земледѣлія» быстро смѣнялись одно другимъ отъ 1600 до 1675 г., но послѣ этого періода это сочиненіе перестало перепечатываться и имя его автора мало по малу забылось. По замѣчательному совпаденію обстоятельствъ земледѣліе не замедлило придти въ упадокъ. Но какъ только оно пытается подняться подъ вліяніемъ экономистовъ при приближеніи революціи, слава «отца французскаго земледѣлія» начинаетъ сіять новымъ блескомъ.

Замѣчательно, что великій агрономъ въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ покровителей мануфактурной промышленности Франціи. Въ этомъ отношеніи Оливье де Серръ былъ на сторонѣ Генриха IV, противъ Сюльи. Мануфактурная промышленность была однимъ изъ рѣдкихъ вопросовъ, на которомъ не соглашались король и министръ. Генрихъ, видя въ мануфактурахъ одинъ изъ главныхъ способовъ возстановить королевство, хотѣлъ не только возобновить учрежденія, которыя пришли въ упадокъ во время внутреннихъ войнъ, но и дать Франціи много новыхъ промысловъ и въ особенности дать широкое развитіе шелковому производству. Оливье де-Серръ и раньше его Бартелеми де-Лаффема, авторъ проэктовъ о возрожденіи французской промышленности, представили королю, что ежегодно Франція тратитъ огромную сумму на покупку шелка, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и выдѣланнаго, и вещей золотыхъ и

серебряныхъ; на шелкъ шло около двухъ третей вывоза серебра, которое главнымъ образомъ шло въ Италію. Съ 1596 г. Лаффема, во время собранія въ Руанѣ, побуждалъ короля запретить привозъ изъ-за границы драгоцѣнныхъ матерій для того, чтобъ поощрять фабрики Ліона и Тура; онъ предложилъ развести тутовыя деревья для шелковичныхъ червей и такимъ образомъ доставить Франціи сырой матерьялъ. Король по его совѣту велѣлъ развести тутовыя деревья въ Тюильри. Оливье де-Серръ настаивалъ на этой мысли, опираясь на авторитетъ своей опытности, и утверждалъ, что тутовое дерево, привезенное во Францію при Карлѣ VIII и разведенное мало по малу въ Провансѣ, Лангедокѣ, Дофинэ и въ окрестностяхъ Тура, можетъ расти всюду, гдѣ растетъ виноградъ, и даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ винограда или гдѣ его больше не разводятъ.

Сюльи съ увлеченіемъ боролся со сторонниками произведеній, удовлетворяющихъ роскоши. Онъ хотѣлъ, чтобъ Франція ограничилась настоящими произведеніями своей почвы и дѣйствительно необходимымъ производствомъ, какъ напр. суконъ и полотна. Онъ говорилъ: «такъ какъ существуютъ различные климаты, поясы и страны, то, кажется, Богъ распредѣлилъ, чтобъ они имѣли каждый свою особенность, свои удобства, особые съѣстные припасы, продукты, особенныя искусства и ремесла, которыя не общи всѣмъ странамъ или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ для извѣстной страны свои извѣстныя достоинства, и чтобъ торговля этими произведеніями, въ которыхъ въ иныхъ странахъ чувствуется недостатокъ, а въ другихъ изобиліе, поддерживала сношенія человѣческихъ обществъ у различныхъ народовъ, какъ бы ни были они далеко другъ отъ друга.» Отсюда онъ заключалъ, что ни тутовое дерево, ни шелковичный червь не созданы для Франціи. Его понятіе о человѣческомъ обществѣ и о необходимости обмѣна между народами было настолько же возвышенно, насколько справедливо; но примѣненіе этой мысли было ложно, такъ какъ природа не представляла никакого затрудненія для разведенія драгоцѣнныхъ насѣкомыхъ въ нашей странѣ. Сюльи дѣлалъ болѣе важное возраженіе: что сидячая, замкнутая жизнь на фабрикахъ отъучитъ французовъ отъ дѣятельной, подвижной жизни на открытомъ воздухѣ, которая дѣлаетъ поселянъ хорошими солдатами.

Чтобы онъ сказалъ, еслибъ могъ предвидѣть, какія безцвѣтныя поколѣнія прозябаютъ въ разслабляющей атмосферѣ нашихъ мастерскихъ!

Онъ не хотѣлъ, впрочемъ, примѣнить къ шелковымъ тканямъ свою систему международнаго обмѣна, но желалъ запретить ихъ привозъ, точно также какъ и другихъ товаровъ роскоши, и хо-

тѣлъ законами противъ роскоши остановить вывозъ французскаго золота въ Италію.

Генрихъ IV вовсе не убѣдился доводами своего министра: этотъ государь понималъ, что всѣ законы противъ роскоши отвергались нравами общества; что каковы бы ни были въ отдаленномъ будущемъ неудобства и злоупотребленія промышленности, въ ней заключался неистощимый источникъ могущества націй, которыя съумѣютъ взяться за это; вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы узнать, будетъ ли Франція получать отъ иностранцевъ тѣ богатства, которыя она можетъ создать сама.

Въ 1599 г. король потребовалъ у Оливье де Серръ отчета въ средствахъ сдѣлать болѣе общимъ разведеніе шелковицы; въ слѣдующемъ году Генрихъ поручилъ знаменитому агроному доставить въ Парижъ отъ 15 до 20 тысячъ экземпляровъ этого дерева; ими наполнили сады Тюильри и были основаны заводы для разведенія шелковицы въ Тюильри, въ Мадридскомъ дворцѣ и на пустопорожнихъ мѣстахъ въ Турнеллѣ, гдѣ тогда начали строить La-Place-Royale. Въ апрѣлѣ 1601 г. была учреждена коммиссія или торговая камера для того, чтобъ заняться возстановленіемъ торговли и мануфактуръ. Въ 1602 г. эта коммиссія снеслась съ подрядчиками, которые обязались развести въ королевствѣ шелковицу и ввести искусство дѣлать шелкъ.

Эдиктъ декабря 1602 г. поручилъ Лаффема, сдѣланному главнымъ контролёромъ по торговлѣ, смотрѣть за распредѣленіемъ шелковицы и шелковичнаго червя по приходамъ. Въ каждомъ округѣ долженъ былъ быть шелковичный разсадникъ; начали съ округовъ Парижа, Орлеана и Тура. Были произведены успѣшные опыты въ Нормандіи. Сюльи рѣшился поддерживать желанія короля: онъ велѣлъ развести плантаціи шелковицы въ Монтѣ, въ Росни и въ своемъ округѣ Пуату и покровительствовалъ устройству мануфактуры тонкаго Болонскаго крепа въ замкѣ Монтѣ. Промышленныя учрежденія быстро слѣдовали одно за другимъ.

Въ 1597 году былъ основанъ хрустальный и стеклянный заводъ въ Мелёнѣ тремя дворянами, которые давно занимались этимъ производствомъ въ Ліонѣ и Неверѣ: король даровалъ имъ исключительную привилегію на Парижъ и на тридцать льё въ окрестностяхъ. Въ августѣ 1603 г. по королевскому указу въ Парижѣ были устроены фабрики суконная, золотыхъ, серебряныхъ и шелковыхъ тканей.

Вывозить такія ткани изъ-за границы было запрещено. Король даровалъ предпріимчивымъ людямъ дворянство, званіе королевскихъ чиновниковъ и исключительную привилегію въ Парижѣ на двѣнадцать лѣтъ. Мануфактурныя произведенія были освобождены отъ всякихъ пошлинъ какъ внутри государ-

ства, такъ и на границѣ. Иностраннымъ работникамъ предоставлялись тѣ же права, что и туземнымъ: компаньоны, послѣ шестилѣтней работы, могли открыть лавку; ученики точно также, но проработавъ двумя годами больше. Король далъ предпринимателямъ 180,000 ливровъ на двѣнадцать лѣтъ безъ процентовъ.

Другой очень важной фабрикой была фабрика золотой проволоки, на манеръ Миланской, которая сберегала Франціи ежегодно болѣе 1.200,000 экю, введя у насъ миланское производство. Король далъ также денежное и другія поощренія фабрикамъ Фландрскихъ ковровыхъ издѣлій, тонкихъ Голландскихъ полотенъ, шелковыхъ чулокъ, сафьяна и другихъ кожъ, бѣлилъ, настоящей стали и т. д. Съ этого времени ведутъ свое начало фабрики Гобелена и де-ла-Саваннера, которыя заставили позабыть о фабрикахъ Арраса, столь знаменитыхъ въ 16-мъ вѣкѣ.

Коммерческое собраніе, родъ промышленныхъ генеральныхъ штатовъ, которое было созвано въ Парижѣ въ 1604 г. королевскими коммиссарами, засвидѣтельствовало о сдѣланныхъ успѣхахъ и желаніи умовъ устремиться на тотъ путь, который имъ былъ открытъ. Въ это собраніе представили множество проэктовъ учрежденія новыхъ фабрикъ, посредствомъ различныхъ секретовъ, пріобрѣтенныхъ отъ итальянской, англійской и фламандской промышленности, устройства новыхъ конскихъ заводовъ, назначенныхъ для избавленія Франціи отъ необходимости покупать лошадей для арміи въ Германіи, Испаніи, Турціи и Англіи; объ общей реформѣ цеховыхъ обществъ; канализаціи Франціи, судоходности рѣкъ и т. д. Предложили разнаго рода изобрѣтенія (между прочимъ устройство мельницъ въ стоячей водѣ); требовали мѣръ, которыя препятствовали бы подмѣшиванію винъ; предложили ввести разведеніе риса; изложили средства поднять многія отрасли нашей прежней промышленности, какъ напр. производства: суконное, шерстяное, кожаное и желѣзное. Суконныя фабрики въ Провансѣ, въ которыхъ было прежде 1,800 станковъ, были совершенно разорены.

Прежде въ Парижѣ окрашивали въ одинъ годъ до 600,000 штукъ сукна, чего теперь не было въ шесть и восемь лѣтъ. Причина этого упадка была не только въ бѣдствіяхъ внутреннихъ войнъ, но въ неисполненіи тѣхъ правилъ, которыя упрочивали хорошую, честную фабрикацію.

Было необходимо возстановить, заставить строго соблюдать эти правила и обезпечить промышленниковъ противъ заблужденій ихъ собственнаго корыстолюбія.

Вслѣдъ за собраніемъ король поручилъ епископамъ приказать духовнымъ владѣтелямъ развести бѣлую шелковицу и купить коконовъ шелковичнаго червя у главныхъ подрядчиковъ.

Духовенство показало при-этомъ мало усердія. Король въ ноябрѣ 1605 г. приказалъ устроить разсадникъ въ 50,000 шелковицъ въ каждой епархіи.

Не одна только фабричная промышленность упала съ половины XVI вѣка. Транзитная торговля была почти уничтожена, не столько по винѣ промышленниковъ, сколько по винѣ правительства. При Францискѣ I ввозная пошлина была довольно умѣренна на заграничныя драгоцѣнныя и шелковыя матеріи; она равнялась 5 % съ товаровъ, назначаемыхъ для Франціи, и только 2 % съ товаровъ для провоза. Ліонъ былъ назначенъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ этихъ привозныхъ товаровъ. Въ 1554 г. пошлина была увеличена до $7^1/_2$ и $4^1/_2$ %. Пошлина вывоза, дѣло нелѣпаго желанія обогатить казну, была наложена на французскіе товары. Въ 1585 г., указомъ Генриха III, Ліонъ былъ сдѣланъ складочнымъ мѣстомъ уже не только золотыхъ, серебряныхъ и шелковыхъ тканей, но пряностей и овощей всѣхъ произведеній Востока и Сѣвера, были ли они провозные или назначены для внутренняго потребленія, сырой ли матерьялъ или выдѣланный; все было обложено одинаковой пошлиной. Слѣдствіемъ этой несчастной мѣры и притѣсненій, которыя дѣлали ее еще тяжелѣе, было то, что товары изъ Нидерландовъ, Англіи, Нижней Германіи перестали провозить чрезъ Францію, чтобъ достигнуть Средиземнаго моря.

Ошибка Генриха III не была исправлена Генрихомъ IV и Сюльи; кажущаяся выгода казны и частная выгода Ліона еще болѣе увеличивали зло; указомъ 1603 г. велѣно, чтобы Провансъ, Лангедокъ и Дофинэ отправляли въ Ліонъ свои товары, предназначенные для вывоза, для того, чтобъ тамъ уплатить пошлину: пошлина уменьшена до $2^1/_2$ % на произведенія, назначаемыя для Испаніи. Оскорбленныя провинціи напрасно протестовали. Правда, Ліонъ, съ своей стороны, напрасно требовалъ уничтоженія дорожной пошлины по Ронѣ и таможенной пошлины въ Віеннѣ, — этихъ неудачныхъ нововведеній, сдѣланныхъ во время внутреннихъ войнъ, которыя долго были бичемъ торговли. Дофинэ защищалъ свою таможню, какъ Ліонъ защищалъ свои склады. Настоящія торговыя начала были одинаково неизвѣстны,. какъ правительству, слишкомъ занятому государственной казной, такъ и жителямъ, глубоко проникнутымъ своимъ муниципальнымъ и провинціальнымъ соперничествомъ.

Можно сказать, что торговля была одной изъ слабыхъ сторонъ администраціи Сюльи. Этотъ министръ, покровительствовавшій промышленности противъ желанія, конечно не имѣлъ такого отвращенія въ морской торговлѣ; но онъ не оказалъ ей должной поддержки. Онъ понялъ необходимость для Франціи

быть на сушѣ такой же могущественной державою, какъ и на морѣ; но онъ хорошо не понялъ условій, при которыхъ пріобрѣтается это могущество; такъ по его совѣту Генрихъ IV издалъ необходимый указъ, вслѣдствіе котораго иностранныя суда облагались такими же пошлинами, какъ и французскія въ иностранныхъ портахъ, и такимъ образомъ было прекращено гибельное для Франціи неравенство (1601). Пошлины съ судовъ были однимъ только выраженіемъ общаго неравенства, существовавшаго въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей послѣ договора 1572 г. между Елисаветой и Карломъ IX, договора, который далъ Англичанамъ всякаго рода гарантіи и вольности въ торговлѣ съ Франціей и ничего подобнаго не обезпечилъ за французами въ Англіи. Вся торговля между этими двумя народами производилась англійскими купцами и на англійскихъ судахъ: Англія совершенно вытѣсняла наши мануфактурныя произведенія, но наводнила Францію своими. Англичане дѣлали еще хуже, отъ 1598 до 1600 г. они мѣшали пиратствомъ возрождавшейся морской торговлѣ Франціи съ Испаніей и Бельгіей. Франція оттого лишилась трехъ милліоновъ. Генрихъ IV отвѣчалъ на это воспретительными граматами и конфискаціей англійскихъ товаровъ, постройкой кораблей и галеръ, для преслѣдованія пиратовъ. Такимъ образомъ тянулись отношенія этихъ двухъ правительствъ впродолженіе многихъ лѣтъ, ни та, ни другая сторона не хотѣла и не могла покончить все разомъ, и наконецъ переговоры привели къ новому договору, заключенному на болѣе справедливыхъ основаніяхъ, который установилъ взаимную свободу торговли посредствомъ тарифа и таможенной пошлины, и который поставилъ обѣ націи въ полнѣйшее равенство (26 мая 1606).

Сюльи хотя и сопротивлялся пошлинѣ на иностранныя суда, но по крайней мѣрѣ подготовилъ для нашей торговли договоръ 1606 г., во время своего посольства въ Англію (1603 г.); но всѣ его предубѣжденія высказываются снова въ другомъ важномъ вопросѣ: онъ былъ враждебенъ колоніямъ и всѣмъ учрежденіямъ вдали отъ Франціи, которыя онъ считалъ противными національному генію и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ, какъ король возобновляетъ попытки колонизаціи Новой Франціи, которыя неудались при Францискѣ I. Хотя колонія, основанная на Капъ-Бретонѣ Робервалемъ и Жакомъ Кортье въ 1540 г., и не существовала болѣе, французскіе корабли, начиная съ этого времени, не переставали заниматься рыбной ловлей на Нью-Фаундлендѣ, посѣщать заливъ св. Лаврентія и поддерживать пушную торговлю съ дикарями Канады и Акадіи. Мысль о колоніальномъ устройствѣ овладѣла умомъ многихъ предпріимчивыхъ людей сейчасъ же послѣ окончанія внутреннихъ войнъ; въ это время

англійскіе и голландскіе мореплаватели старались открыть проходъ въ Китайское море, одни на сѣверѣ Америки, другіе на сѣверѣ Азіи. Англичане сдѣлали уже первый опытъ — основать въ Сѣверной Америкѣ колонію, которой они дали названіе Виргиніи, въ честь Елисаветы, и въ 1608 г. они возобновили эту попытку съ рѣшительнымъ успѣхомъ. Правительство Генриха III не протестовало, хотя Виргинія составляла часть Новой Франціи, которой номинально завладѣли наши моряки при Францискѣ I; Генрихъ IV точно также не потребовалъ Виргиніи обратно; но французскіе моряки, зараженные соревнованіемъ, хотѣли въ свою очередь утвердиться въ странахъ, открытыхъ Верацдано и Кортье, одни для того, чтобъ отсюда на досугѣ искать прохода въ восточныя моря, другіе, — чтобъ утвердиться въ странѣ и находить въ ней болѣе производительныя богатства, чѣмъ тѣ, которыя Испанія добывала изъ нѣдръ земли потомъ и кровью несчастныхъ туземцевъ. Они ждали благосостоянія своихъ учрежденій отъ земледѣлія, рыбной ловли, охоты и пользованія лѣсомъ. Сюльи долженъ былъ понять, а Генрихъ IV и понялъ, какой поддержки заслуживали такія благія намѣренія. Генрихъ IV наконецъ рѣшился утвердить за Франціей часть пріобрѣтеній въ Новомъ свѣтѣ, такъ распространенныхъ среди европейскихъ народовъ; чтобъ избѣжать ссоръ съ Испаніей и Англіей, онъ рѣшилъ сосредоточить всѣ попытки Французовъ въ сѣверной Америкѣ къ сѣверу отъ 40° и въ 1598 г. далъ Бретанскому дворянину, маркизу де ла-Рошъ, назначеніе намѣстника короля въ Новой Франціи и военный корабль, чтобъ предпринять первую экспедицію. Корабль потерпѣлъ крушеніе. Тогда король измѣнилъ планъ и даровалъ одному частному лицу, Нормандцу Шовену, привилегію пушной торговли, подъ условіемъ, чтобъ онъ основалъ въ Канадѣ колонію изъ пятисотъ человѣкъ (1599 г.). Шовенъ не исполнилъ своихъ обязательствъ. Привилегія была передана на 10 лѣтъ обществу дворянъ и негоціантовъ, подъ управленіемъ уважаемаго градоначальника Діеппа, вице-адмирала де Шастъ (1602 г.), потомъ г. де-Монъ (1603 г.). Де-Монъ, назначенный намѣстникомъ короля и вице-адмираломъ съ властью распредѣлять земли для владѣнія ими какъ леномъ или какъ поселеніемъ, отправился изъ Гавра въ 1604 г. съ четырьмя кораблями, въ сопровожденіи Шамплена, дворянина изъ Сентъ-Онжъ, и Малуэна изъ Понъ-Граве; онъ основалъ на берегу Норемберга (теперь Новаго Брауншвейга и Мэна) колонію, которую онъ перевелъ въ слѣдующемъ году въ одинъ изъ заливовъ полуострова Акадіи. Онъ назвалъ ее Поръ-Руяль (Port-Royal), нынѣшній Аннаполисъ. Къ 1606 и 1607 г. Шампленъ, человѣкъ замѣчательный по своимъ достоинствамъ, и Путрэнкуръ (Poutrincourt), второй лейтенантъ вице-адмирала

де-Монъ, изслѣдовали берега къ югу до 40°, что обнимаетъ собою мѣстность, гдѣ впослѣдствіи были основаны города или заложены порты: Портландъ, Бостонъ, Провидѣнія, Нью-Іоркъ. Въ 1608 г. Шампленъ, согласно предписаніямъ французскаго правительства, вышелъ въ рѣку Св. Лаврентія, которую онъ уже изслѣдовалъ до теперешняго Монреаля, и основалъ вторую, прекрасно расположенную, колонію Квебекъ, портъ, доступный для самыхъ большихъ судовъ на сто двадцать льё отъ моря. Французская нація не должна была оставлять Канады. Шампленъ доставилъ Франціи между племенами краснокожихъ союзниковъ, которые остались всегда вѣрными намъ; во время войны, которую онъ началъ, чтобъ защитить своихъ новыхъ друзей Алгонкиновъ отъ Ирокезовъ, онъ открылъ озеро, которое удержало за собой его имя. Основатель Канады продолжалъ свое дѣло; но основаніе форта Сенъ-Луи и Монреаля, на шестьдесятъ верстъ выше Квебека, открытіе огромныхъ прѣсноводныхъ озеръ, изъ которыхъ вытекаетъ рѣка Св. Лаврентія, не принадлежатъ уже царствованію Генриха IV. Генрихъ не могъ нарадоваться упроченному существованію нашихъ колоній. Его осаждали приморскіе города жалобами и протестами противъ монополіи компаніи, которая сама справлялась съ контрабандой, и онъ долго колебался въ выборѣ системы, которой онъ долженъ былъ слѣдовать, что совершенно извинительно въ подобномъ совершенно новомъ дѣлѣ; онъ отмѣнилъ, потомъ вдругъ возобновилъ привилегію и еще до катастрофы, похитившей его у Франціи, онъ пришелъ къ счастливой мысли, сдѣлать эту компанію открытой для всѣхъ, давая этому товариществу монополію; но у него не было времени осуществить свое намѣреніе.

Эту мысль Генрихъ IV пробовалъ уже примѣнить къ торговлѣ въ другихъ странахъ. Въ то время, какъ люди дѣятельные и мужественные работали надъ созданіемъ французской Америки, Генрихъ IV думалъ основать компанію для торговли съ Восточной Индіей, по примѣру Индійскихъ компаній Голландіи и Англіи, чтобъ оспаривать у Испанцевъ ихъ господство въ тропическихъ моряхъ, господство уже сильно оспариваемое Голландцами въ странахъ крайняго востока: жалованныя граматы іюля 1604 г. утвердили основаніе компаніи, которая должна была имѣть привилегію плаванія въ Восточную Индію на пятнадцать лѣтъ, но въ которую могъ вступить только тотъ, кто вносилъ по меньшей мѣрѣ три тысячи ливровъ. Духъ національной предпріимчивости не былъ на одномъ уровнѣ съ желаніями государя, и компанія не состоялась.

Характеръ послѣдовательности, правильности и логики, который сообщили правленію Генрихъ IV и Сюльи, сдѣлалъ необходимымъ очертить сразу все, что въ это царствованіе содѣй-

ствовало соблюденію экономическихъ интересовъ Франціи. Нужно было показать, что такое была Франція въ 1598 г. и чѣмъ она сдѣлалась въ 1609, когда Генрихъ IV, какъ уже было сказано, желая бросить взглядъ на свое правленіе, потребовалъ у своего министра общаго отчета о томъ, что Франція была и чѣмъ она должна быть, о томъ, что было сдѣлано и что оставалось сдѣлать, о нуждахъ и средствахъ страны [1]). Планъ этого отчета показываетъ обширность намѣреній этого великаго государя.

Почти вся исторія законодательства Генриха IV заключается въ исторіи экономическихъ мѣръ, къ которымъ нужно прибавить превосходныя распоряженія относительно полиціи, очищенія воздуха въ городахъ и основаніе значительныхъ благотворительныхъ заведеній [2]). Экономическія реформы служатъ отпечаткомъ правленія Генриха IV и Сюльи, какъ судебныя реформы — министерства Л'Опиталя [3]).

---

[1]) Économies royales, t. II, p. 290. Между многочисленными проэктами, высказанными королемъ въ этой интересной статьѣ, нужно замѣтить проэктъ ботаническаго сада, который былъ бы въ то время практической школой земледѣлія и лекарственной ботаники. Эта идея была осуществлена, только относительно втораго пункта, въ слѣдующемъ царствованіи. Король говоритъ также о томъ, чтобъ соединить въ Луврѣ образцы машинъ и изобрѣтеній по всѣмъ искусствамъ и ремесламъ. Это начало нашей консерваторіи искусствъ и ремеслъ. Для того, чтобъ поселить по близости цѣлую толпу художниковъ и искусныхъ ремесленниковъ, которыхъ онъ освобождалъ отъ корпоративнаго устройства, чтобы привести ихъ въ столкновеніе другъ съ другомъ при дворѣ, для возбужденія и усовершенствованія ихъ вкуса, Генрихъ IV окончилъ Луврскую галлерею. Катастрофа 14 мая 1610 г. помѣшала Сюльи окончить отчетъ, требуемый Генрихомъ IV, и популярныя намѣренія короля были оставлены. Между проэктами Генриха IV находимъ проэктъ помѣстить бѣдныхъ офицеровъ и инвалидовъ въ обширной богадѣльнѣ; по этому поводу былъ изданъ указъ въ 1604 г.; страннопріимный домъ въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо, въ улицѣ де-л'Урсинъ, былъ началомъ осуществленія этой идеи, въ небольшихъ размѣрахъ, вслѣдствіе недостатка капитала. Въ 1606 былъ изданъ другой эдиктъ, для поддержанія существованія бѣдныхъ дворянъ и военныхъ. Вдовы и сироты солдатъ, убитыхъ во время войнъ короля, были освобождены отъ податей.

[2]) Была установлена правильная служба для чистки улицъ Парижа; были устроены многочисленные водометы; Hôtel-Dieu былъ увеличенъ; основали госпиталь Сенъ-Марсель и Сенъ-Луи, одно изъ лучшихъ заведеній въ этомъ родѣ, какое когда-либо существовало; была назначена коммиссія для преобразованія королевскихъ госпиталей. См. подробности у Poirson, t. II, p. 388—397.

[3]) Генрихъ IV задумалъ реформу необыкновенно важную для земледѣлія и промышленности; онъ хотѣлъ уничтожить чрезмѣрное число праздниковъ, которые такъ долго поддерживали лѣнь и препятствовали труду въ католическихъ странахъ. Протестанты ограничивались однимъ праздникомъ въ недѣлю, католики отдыхали полгода. Но недоброжелательство римскаго двора разрушило планъ Генриха IV. Папа не хотѣлъ согласиться на всеобщее постановленіе, но позволилъ епископамъ дѣлать исключенія въ случаѣ необхо-

Но все же стоитъ упомянуть о нѣсколькихъ законодательныхъ распоряженіяхъ, какъ наприм., *объ эдиктѣ противъ дуэлей.*

Страсть къ дуэлямъ не переставала усиливаться между дворянами, начиная съ легкомысленнаго и жестокаго правленія Генриха III, который, любя лихорадочныя возбужденія, оказывалъ особенное расположеніе дуэлистамъ. Поединокъ сдѣлался чѣмъ-то въ-родѣ эпидемическаго умопомѣшательства. Дрались по самому пустячному поводу или даже совсѣмъ безъ повода, только для того, чтобъ показать свое мужество и ловкость. Когда война уже перестала занимать всѣ эти горячія головы, число дуэлей увеличилось въ неслыханныхъ размѣрахъ. Единодушный голосъ церкви и магистрата заставилъ вмѣшаться сюда королевскую власть: эдиктъ (апрѣля 1602 г.) объявлялъ преступникомъ въ оскорбленіи королевскаго величества и слѣдовательно подлежащимъ смертной казни того, кто приметъ вызовъ или будетъ свидѣтелемъ. Это былъ переходъ изъ одной крайности въ другую. Генрихъ IV, желая прекратить манію, отнимавшую у государства столько храбрыхъ воиновъ, не могъ ни негодовать на нравы, посреди которыхъ онъ выросъ, ни рѣшиться отправить на плаху людей, объ удальствѣ которыхъ онъ слушалъ съ удовольствіемъ. Эдиктъ оставался мертвой буквой и отъ 1601 до 1609 г. на дуэляхъ было *убито до двухъ тысячъ дворянъ.* Чтобы сдѣлать запрещеніе дѣйствительнымъ, нужно было его смягчить. Эдиктъ іюня 1609 г. постановилъ, чтобъ лица, сильно оскорбленныя, обращались къ королю прямо или черезъ коннетабля, маршаловъ, губернаторовъ и ихъ помощниковъ. Король долженъ былъ рѣшить, можно ли позволить поединокъ въ томъ случаѣ, если примиреніе будетъ невозможно. Оскорбитель, уличенный въ своей виновности, во всякомъ случаѣ будетъ лишенъ своей должности или долженъ будетъ заплатить штрафъ, равняющійся трети его дохода, пока онъ не удовлетворитъ оскорбленнаго. Кто сдѣлаетъ или приметъ вызовъ, будетъ навсегда лишенъ всѣхъ правъ, должности и званія. Кто убьетъ въ недозволенномъ поединкѣ, будетъ казненъ и лишенъ погребенія; его дѣти будутъ причислены къ податному сословію на десять лѣтъ, если онъ былъ дворяниномъ, и лишены права получить дворянство, если были простолюдинами. Свидѣтели

димости. Каноническія правила допускали исключеніе, необходимое для поощренія земледѣлія и даже другихъ занятій, но здѣсь дѣло шло не объ исключеніяхъ: злоупотребленія дошли до того, что нѣкоторые прелаты рѣшились положить имъ конецъ, но дѣйствовали слишкомъ слабо для достиженія серьезныхъ результатовъ. Въ 1666 г. Перефиксъ, парижскій архіепископъ, отмѣнилъ семнадцать праздниковъ въ своей епархіи. См les lettres d'Ossat, t. II, p. 254 et suiv. et les notes.

осуждаются на смерть, если примутъ участіе въ поединкѣ: въ противномъ случаѣ они будутъ лишены права носить оружіе и занимать какую-либо должность.

Этотъ эдиктъ, ограничивая на сколько возможно дуэль, не уничтожая ея совершенно, кажется наиболѣе разумнымъ; по крайней мѣрѣ при сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлали прежнія правительства по этому предмету, онъ затрогиваетъ столько щекотливыхъ и глубокихъ вопросовъ нравственныхъ, политическихъ и религіозныхъ, касающихся личнаго права.

Въ іюлѣ 1607 г. указъ, такъ долго требуемый парламентомъ, присоединилъ къ королевскимъ владѣніямъ всѣ родовыя имѣнія Генриха IV, которыя составляли часть Франціи, считая богатое наслѣдство дома Бурбоновъ—Вандомъ, Альберта и Фуа; владѣнія короля въ Наваррѣ оставались еще нѣкоторое время неприкосновенными къ владѣніямъ Франціи.

Другіе эдикты представляютъ непріятный контрастъ съ покровительственными мѣрами Генриха IV сельскимъ жителямъ: *указы объ охотѣ оставили на памяти много упрековъ.* Генрихъ IV возобновилъ жестокіе указы Франциска I и если онъ улучшилъ ихъ въ отношеніи расправы, предоставляя надзоръ за преступленіями браконьеровъ уже не лѣсничимъ, а намѣстникамъ, если онъ предоставилъ судьямъ право осуждать на смерть неисправимыхъ браконьеровъ, которые оставятъ безъ вниманія свое изгнаніе изъ королевства за повтореніе проступка, то онъ въ другихъ отношеніяхъ сдѣлалъ болѣе стѣснительными указы, которымъ онъ давалъ прежнюю силу: онъ положительно запретилъ охоту простолюдинамъ, предоставляя себѣ наслаждаться этимъ удовольствіемъ, своимъ приближеннымъ, принцамъ и дворянамъ. Распоряженіе возмутительно безнравственное повелѣвало, чтобъ каждый крестьянинъ былъ доносчикомъ на своего сосѣда, обѣщая доносчику треть штрафа и конфискованнаго имущества провинившагося (января 1600; іюня 1601). Эдиктъ августа 1603 г. запрещалъ употреблять огнестрѣльное оружіе на охотѣ, подъ страхомъ смерти для простолюдиновъ и произвольнаго штрафа съ дворянъ; дворянинъ, уличенный во второй разъ въ нарушеніи указа, также подлежалъ смерти. Однако, дворяне такъ громко протестовали, что въ слѣдующемъ году новымъ указомъ отмѣнено все, касавшееся ихъ.

На этотъ указъ можно смотрѣть, какъ на дополненіе того, который запрещалъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія. Браконьерство нерѣдко вело къ грабежамъ. Но несмотря на это, нельзя сомнѣваться, чтобъ сохраненіе дичи играло здѣсь такую же роль, какъ и общественная безопасность. Охота была одной изъ страстей Генриха IV и, должно быть, была достаточно сильна, чтобы заставить его позабыть свою гуманность. Лю-

бовь къ охотѣ была наслѣдственной въ королевской фамиліи до конца монархіи; въ короляхъ эпохъ наиболѣе изнѣженныхъ и утонченныхъ нравовъ проявлялось нѣчто похожее на дикую пылкость меровинговъ, когда они гнались за краснымъ звѣремъ въ тѣни нашихъ старыхъ лѣсовъ.

Охота была одной изъ наиболѣе разорительныхъ склонностей Генриха IV, которыя были препятствіемъ во всѣхъ экономическихъ планахъ Сюльи. У Генриха IV были всѣ страсти, служащія къ разоренію частнаго лица и вводящія въ долги даже государя: женщины, игра и постройки. Суровый министръ вздыхалъ, видя, что король тратитъ ежегодно на свои удовольствія 1,200,000 экю, сумму, достаточную на содержаніе пятнадцати тысячъ пѣхоты. Эти необыкновенные расходы заставляютъ еще болѣе удивляться финансовымъ результатамъ, полученнымъ Сюльи, и объясняютъ, почему интендантъ не могъ болѣе уменьшить подати.

Огромныя суммы, которыя шли на удовольствія короля, не были, однако, совершенно утрачены для страны и для потомства: празднества и любовь проходятъ, но зданія остаются. Значительная часть издержекъ Генриха IV, по крайней мѣрѣ шесть мил., была употреблена на продолженіе зданій, начатыхъ въ предыдущія царствованія, или же на основаніе новыхъ. Если искусство въ его время не заявило себя со славою въ лѣтописяхъ исторіи, то нельзя сдѣлать его отвѣтственнымъ за это; онъ давалъ артистамъ всѣ пособія, которыя были въ его власти.

(Histoire de France. Henri Martin, т. X, изданіе 4-е, стр. 432—471.)

3. НАНТСКІЙ ЭДИКТЪ.

Тяжкимъ ударомъ для гугенотовъ было извѣстіе, что король, котораго они поддерживали въ несчастіи, права и притязанія котораго отстаивали кровью своею, достигши своей цѣли, перешелъ къ противной партіи.

У воротъ С. Дени потеряли они своего покровителя, а съ этимъ вмѣстѣ порвалась связь, которою они держались.

Нѣкоторые изъ наиболѣе близкихъ къ королю, какъ напр. Дю-Плесси, священникъ Бенуа и проповѣдникъ Люрлосъ, сильно хлопотали о соединеніи, еслибы только осуществилось первенство Галліи, котораго ожидали.

Въ другихъ, напротивъ, ожиданіе это возбуждало глубокое отвращеніе; они (протестанты) вооружались противъ него не ме-

нѣе самыхъ ревностныхъ католиковъ; о расторженіи брака чрезъ епископа не хотѣли и думать; не только не хотѣли содѣйствовать, но и допустить не хотѣли, чтобы фаворитка короля вступила на престолъ Франціи; даже отъ самого короля упорно отдалялись. Дю-Плесси напр., которому Генрихъ, въ воспоминаніе его заслугъ при Наваррѣ, предложилъ высшую должность въ министерствѣ финансовъ, отказался служить ему подъ тѣмъ предлогомъ, что у него уже слишкомъ много враговъ для того, чтобы пріобрѣтать себѣ новыхъ. Какого мнѣнія онъ былъ о религіи, исповѣдуемой его королемъ, видно изъ его позднѣйшаго сочиненія объ «Исторіи Папства». Предсказаніе Св. Писанія о человѣкѣ, разъѣзжающемъ на покрытомъ пурпурѣ конѣ и опьяняющемъ королей, видитъ онъ осуществившимся въ папствѣ. Настроеніе протестантовъ выражается въ своеобразномъ изложеніи ихъ сочиненій и писемъ; о стилѣ гугенотовъ можно выразиться такъ: онъ хотя и лишенъ привлекательности и разнообразія, но зато онъ глубокомысленъ, силенъ, убѣдителенъ и язвителенъ. Наиболѣе обработаннымъ является онъ у Обинье, «Исторія» котораго по формѣ напоминаетъ современный испанскій языкъ, по чувству, выражающемуся въ содержаніи, имѣетъ нѣчто германское, а по силѣ языка и выраженій совершенно удовлетворяетъ требованіямъ французскаго языка. Такіе люди не могли сочувственно принимать участіе въ запутанныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ вступилъ на престолъ ихъ король, они, хотя иногда лично и приближались къ нему, но потомъ всегда отдалялись. Были между ними нѣкоторые представители древнѣйшихъ аристократическихъ фамилій, напр. Bouillon, La-Tremouille, которые хотѣли въ главѣ недовольныхъ, чувствовавшихъ себя обиженными, возстать противъ короля.

Генрихъ не могъ этого допустить; онъ чувствовалъ и не разъ высказывалъ, что имѣетъ обязательства въ отношеніи своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, и желалъ бы выполнить ихъ. Винить его одного за то, что онъ этого не исполнилъ, было бы несправедливо. Вѣдь извѣстны условія, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ. Безъ согласія совѣта, которое отъ него не зависѣло, онъ не могъ сдѣлать шагу; составленные совѣтомъ эдикты ничего не значили, если они не были приняты и провѣрены парламентомъ; но здѣсь онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Протестанты наконецъ убѣдились, что королю будетъ даже пріятно, если они настоятельно будутъ требовать своихъ правъ. Съ этою-то потребностью и для этой цѣли образовались политическія собранія протестантовъ; сначала они только терпѣлись, а потомъ все болѣе и болѣе развивались. Они составлялись изъ депутатовъ отъ всѣхъ провинцій, избиравшихся изъ трехъ сословій, такъ что изъ десяти представителей, четверо

было отъ дворянъ, четверо отъ средняго сословія и двое отъ духовенства. Подобнымъ образомъ учреждали и въ провинціяхъ собранія, сношенія которыхъ между собою и съ общимъ собраніемъ, или депутатами, находящимися при дворѣ, дали мало по малу всей партіи прочную и твердую организацію.

Первое изъ этихъ собраній въ С. Фуа, въ 1594 г., было причиною недоразумѣній. Совѣтъ короля, бывшій того мнѣнія, что новаго ничего не вводится, но что только возстановляется законный порядокъ, существовавшій при прежнихъ короляхъ, дозволилъ протестантамъ возобновленіе Милостиваго эдикта отъ 1577 г. вмѣстѣ съ дополненіями, данными въ Неракѣ и Ормпрѣ, къ которымъ присоединились еще нѣкоторыя, данныя за годъ до Манта. Объ этомъ былъ составленъ эдиктъ и представленъ на разсмотрѣніе парламентамъ.

Парламенты большею частію отказывались отъ этого, тѣ же немногіе, которые на это согласились, дѣлали это съ очень существенными ограниченіями.

Кромѣ того, прежнія постановленія были непримѣняемы съ тѣхъ поръ, какъ Генрихъ IV заключилъ договоръ съ городами, исключившими протестантовъ изъ своихъ владѣній. Протестанты тяготились какъ старымъ, такъ и новымъ порядкомъ вещей; на всѣ свои обращенія къ двору они получали только ничего незначащіе отвѣты.

Въ большомъ волненіи собрались они по этому поводу въ Лаудонѣ, въ 1596 году, и рѣшили по прежнему стать самостоятельными, имѣть свои крѣпости, распоряжаться по своему усмотрѣнію финансами и отказаться отъ всѣхъ милостивыхъ эдиктовъ. Тогда собрались знатнѣйшіе представители и коменданты крѣпостей, и союзъ былъ возобновленъ. Дю-Плесси первый подписалъ договоръ, всѣ послѣдовали его примѣру. Рѣшено было, что собраніе не разойдется до тѣхъ поръ, пока не будетъ данъ и дѣйствительно утвержденъ желаемый эдиктъ. Противники ихъ при дворѣ должны были понять, что продолженіемъ они ничего не выиграютъ.

Настоятельность этихъ требованій и увѣщанія, съ которыми обращались къ королю, сдѣлали наконецъ, что отъ двора назначена была коммисія для серьозныхъ переговоровъ съ протестантами. Члены этой коммисіи, канцлеръ Наваррскій, Колиньонъ и Де-Викъ, членъ совѣта, убѣдившись, что при дворѣ не имѣли понятія о настоящемъ ходѣ дѣлъ, взяли туда съ собою депутатовъ отъ протестантовъ и по ихъ желанію нѣсколькихъ знатнѣйшихъ представителей, извѣстныхъ за людей благонамѣренныхъ, какъ напр. президента Де-Ту и Шомберга.

Обѣ стороны еще далеко не были согласны, когда осадили Аміенъ. Дю-Плесси, воодушевляемый протестантско-роялистскими

чувствами, предложилъ друзьямъ присоединиться къ войску короля со всѣми военными силами, бывшими въ ихъ распоряженіи. По его мнѣнію, они должны были нести предъ собою требуемый эдиктъ, который будетъ ихъ воодушевлять.

Но время такого довѣрчиваго увлеченія прошло. Присутствіе генерала францинсканскаго ордена и папскаго легата и ихъ переговоры съ королемъ возбуждали въ собравшихся опасеніе, что этотъ послѣдній склонился на сторону ихъ преслѣдователей, и побѣда, одержанная хотя и при ихъ содѣйствіи, можетъ послужить имъ ко вреду. Переговоры однако продолжались, но ничего хорошаго не могли отъ нихъ ждать протестанты при такомъ перевѣсѣ католической партіи.

А осада Амьена была между тѣмъ причиною сближенія. Казни египетскія, какъ говоритъ Дю-Плесси, смягчили жестокосердіе противниковъ; въ минуту опасности, въ совѣтѣ всѣ единодушно желали примиренія съ недовольными и ихъ удовлетворенія; въ реформатахъ тоже проснулось сознаніе, что и они французы, что потеря при Амьенѣ касается и ихъ. Во время осады обѣ партіи рѣшились сдѣлать уступки. Въ началѣ августа согласились на счетъ главныхъ пунктовъ, и король надѣялся, что этимъ дѣло и кончится, что гугеноты снова присоединятся къ его лагерю, чего очень хотѣлось и ему, и преданнымъ друзьямъ его.

Но гдѣ рѣшеніе зависитъ отъ двухъ партій различныхъ мнѣній, тамъ не можетъ быть скораго соглашенія. Амьенъ былъ покоренъ безъ участія гугенотовъ, и у нихъ уже возникло опасеніе, что теперь они не скоро достигнутъ своей цѣли.

Но король и послѣ этого милостиво принималъ депутатовъ реформатскаго собранія и благосклонно выслушивалъ ихъ.

Протестанты просили во 1-хъ, — чтобъ имъ еще на нѣкоторое время оставили принадлежащія имъ крѣпости; вовторыхъ, — не быть исключенными отъ занятія общественныхъ государственныхъ должностей, и въ третьихъ, — принимать участіе во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, до нихъ касающихся. Потому что невыносимѣе всего была для нихъ вражда парламентовъ, и гугеноты не хотѣли постоянно терпѣть отъ нея.

На счетъ крѣпостей, король считалъ для себя въ правѣ дать самъ согласіе, и потому, въ началѣ ноября, объявлялъ, что согласенъ въ главныхъ пунктахъ, юридическіе же вопросы предоставлены были на рѣшеніе совѣта, который тотчасъ и занялся ихъ разсмотрѣніемъ. Нѣкоторые члены совѣта возставали противъ этого, боясь, чтобы уступки, которыя имъ придется сдѣлать, не подвергли ихъ отвѣтственности духовной власти; но король настаивалъ; онъ послалъ сказать совѣту, что не пріѣдетъ въ Парижъ до тѣхъ поръ, пока все не будетъ кончено. Проте-

стантамъ же онъ сказалъ, что для нихъ онъ всегда будетъ королемъ Наваррскимъ, только теперь онъ имѣетъ могущество короля Франціи и всегда готовъ исполнить все обѣщанное.

Миръ съ Испаніей еще не былъ заключенъ, Меркуръ былъ еще осажденъ; королю было бы очень непріятно, еслибы къ этому присоединились еще религіозные споры съ гугенотами, а это было очень возможно.

Но и протестантское собраніе, находившееся недалеко отъ Меркура, должно было подумать о послѣдствіяхъ, которыхъ можно было ожидать, если этотъ городъ будетъ покоренъ и миръ съ Испаніей заключенъ: легко могло бы случиться что партія, желавшая ихъ погибели, получитъ перевѣсъ въ совѣтѣ и направитъ противъ нихъ всѣ силы государства. Имѣя въ виду все это, они уже не обращали большаго вниманія на нѣкоторыя разногласія и когда Генрихъ по дорогѣ въ Меркуръ ѣхалъ въ Блоа, его встрѣтили депутаты протестантскіе съ готовымъ планомъ эдикта; но король отложилъ утвержденіе его до тѣхъ поръ, пока не завладѣетъ Меркуромъ.

Покореніе этого города Генрихъ ознаменовалъ дарованіемъ протестантамъ обширнѣйшаго милостиваго эдикта, который они когда-либо получали.

Въ Нантѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1598 г. былъ онъ составленъ. По данному въ Римѣ обѣщанію и прежнему договору съ духовенствомъ, католическое богослуженіе было вездѣ возстановлено, духовенство снова введено во владѣніе своими имѣніями, десятинными церковными сборами и доходами; за то король, или, лучше сказать государство, приняло на себя значительную долю въ дѣлахъ протестантовъ; король оставилъ имъ ихъ крѣпости, необходимыя имъ при многочисленности ихъ враговъ, еще на 8 лѣтъ, и обязался содержать въ нихъ гарнизонъ.

Отправленіе богослуженія хотя и было запрещено въ тѣхъ странахъ, изъ которыхъ протестанты были исключены, какъ напр. въ Парижѣ и большей части большихъ городовъ, но жить самимъ имъ тамъ позволялось, а службу они совершали за городомъ. Тѣмъ, которые, по занимаемымъ ими должностямъ, имѣли сношеніе съ дворомъ, позволено было совершать службу въ тѣхъ городахъ, гдѣ находился дворъ, но только въ своихъ домахъ. Католичество по прежнему оставалось господствующею религіею въ государствѣ, но это не мѣшало верховной власти дать всевозможныя льготы протестантамъ.

Во второй статьѣ эдикта король обѣщалъ протестантамъ допустить ихъ къ занятію должностей въ государствѣ, безъ предпочтенія имъ католиковъ, смотря по личному достоинству каждаго. Но самымъ важнымъ постановленіемъ эдикта было, безъ сомнѣнія, учрежденіе въ парламентѣ соединенной палаты

изъ приверженцевъ обоихъ исповѣданій для разсмотрѣнія спорныхъ дѣлъ между католиками и протестантами, и предоставленіе этимъ послѣднимъ нѣкоторыхъ вновь учрежденныхъ въ Парижѣ должностей. Это было для нихъ важнымъ пріобрѣтеніемъ. Больше всего терпѣли гугеноты отъ враждебности парламентовъ, и вдругъ теперь они не только были изъяты изъ ихъ власти, но всѣ приговоры, составлявшіеся во время самыхъ ярыхъ преслѣдованій, были отмѣнены и признаны не имѣющими политическаго значенія, сами гугеноты приняли участіе въ судебныхъ дѣлахъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, и получили доступъ въ эту могущественную корпорацію, бывшую для нихъ прежде столь страшною. Но чѣмъ большія права давалъ этотъ эдиктъ протестантамъ, тѣмъ упорнѣе отказывались отъ его утвержденія ихъ противники.

Только по отъѣздѣ папскаго легата, которому, несмотря на его кажущееся равнодушіе, переговоры эти не могли быть пріятны, представилъ «совѣтъ Генриха IV» эдиктъ въ Парижскій парламентъ. Въ городѣ поднялось страшное волненіе; въ народѣ говорили, что это проклятый старый эдиктъ, отвергнутый 37 лѣтъ тому назадъ, который король, бывшій гугенотъ, хочетъ силою утвердить и въ случаѣ нужды призвать на помощь швейцарцевъ. Тутъ и тамъ устраивались процессіи, чтобы молить Бога объ отвращеніи этого несчастія, въ церквахъ проповѣдывали съ такимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, что протестанты ожидали второй варѳоломеевской ночи, а въ народѣ ходилъ слухъ, что гугеноты хотятъ отомстить за прежнюю кровавую баню. Одинъ за другимъ схвачены были трое людей, которые думали убійствомъ короля отвратить грядущее бѣдствіе.

Во время этого волненія парламентъ выжидалъ; члены его опасались, что въ Римѣ произнесутъ отлученіе отъ церкви противъ тѣхъ, которые согласятся подписать эдиктъ. Безъ новаго личнаго участія короля дѣло опять не подвинулось бы впередъ, и потому онъ рѣшился говорить самъ съ знатнѣйшими членами парламента.

Король принялъ ихъ въ своемъ обыкновенномъ домашнемъ платьѣ, потому что, говорилъ онъ, желаетъ бесѣдовать съ ними дружески. Онъ напомнилъ имъ всѣ ужасы междоусобной войны и прибавилъ, что если они хотятъ ихъ возобновленія, то пусть приготовляются къ ней, какъ капуцины Лиги, которые носили мечь сверхъ рясы; что до него касается, онъ желаетъ быть мирнымъ королемъ, королемъ-пастыремъ, а не проливать кровь своихъ подданныхъ. Возстанія въ городѣ онъ не боится; онъ уничтожитъ баррикады Парижа, какъ разрушалъ стѣны многихъ другихъ городовъ. Да будетъ имъ извѣстно, что ревностью къ религіи не оправдается неповиновеніе, и что неумѣстная ревность

будетъ строго наказана. Королю хорошо извѣстно, что безъ католичества не можетъ существовать государство; но точно также ясно и то, что безъ короля, который самимъ Богомъ помазанъ на царство, не можетъ быть ни государства, ни католичества. И менѣе всего должны сопротивляться ему они, члены парламента; всѣ они своимъ настоящимъ положеніемъ обязаны ему: однимъ онъ помогалъ въ ихъ частныхъ дѣлахъ, другимъ — въ свободѣ исповѣданія вѣры. Вѣдь силою нельзя убѣдить человѣка, а несогласія между католиками и протестантами должны же наконецъ прекратиться; они всѣ должны быть добрыми французами. Давно уже родилась у него мысль, и онъ постоянно думалъ объ ея осуществленіи, это—реформація церкви. Мысль короля была не новая: что устраненіемъ нѣкоторыхъ злоупотребленій въ ученіи и жизни можно несказанно облегчить возсоединеніе протестантовъ.

Генриха въ это время любили и боялись, авторитетъ его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивался, а потому убѣжденія его достигли наконецъ того, что всѣ возраженія смолкли.

Наконецъ въ присутствіи короля въ судѣ утвержденъ былъ эдиктъ, хотя не безъ новыхъ измѣненій нѣкоторыхъ статей его. Дю-Плесси удивляется уму и непоколебимости, которые король выказалъ въ этомъ дѣлѣ. Теперь нельзя уже было сказать, что протестантамъ дали права льготы, для того, чтобы прекратить волненія и безпорядки; нѣтъ, это былъ справедливый и необходимый законъ, данный по зрѣломъ размышленіи и съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Примѣръ Парижскаго парламента подѣйствовалъ и на другіе. Три реформатскіе члена приняты были въ Руанскій парламентъ. Когда позже прибыли туда католическіе члены, и имъ нужно было утверждать правила вѣры, предписанныя Сорбонною въ 1543 году, реформаты въ это время удалялись, чтобъ не слышать проклятія своей вѣры.

Изъ Бордо, гдѣ не могли избавиться отъ іезуитовъ, прибыла депутація съ сильными увѣщаніями противъ эдикта. Король слушалъ эти возраженія во всей ихъ подробности впродолженіе часа съ четвертью; нашелъ ихъ удивительными по формѣ, но неудобопримѣняемыми по содержанію, потому что онъ, король, желаетъ сохранить наконецъ водворившееся спокойствіе и въ случаѣ надобности напомнить, что онъ глава государства и всѣ обязаны ему повиноваться.

Наиболѣе рѣзко обошелся онъ съ депутатами города Тулузы, потому что подозрѣвалъ ихъ въ особенной пріязни къ Испаніи. «Неужели, говорилъ онъ, государственныя должности должны быть занимаемы только тѣми, которые все сдѣлали, чтобы

раззорить это государство, а тѣ, которые жертвовали для него жизнію, должны быть отстраняемы? Реформатамъ дозволяю я занимать всѣ должности за всѣ тѣ услуги, которыя они оказали мнѣ, королю Франціи».

Такъ рѣшительно и настойчиво долженъ былъ стоять король за своихъ бывшихъ единовѣрцевъ и товарищей по оружію, если хотѣлъ доставить имъ положеніе, въ которомъ они были бы безопасны отъ насилій, отъ которыхъ уже столько терпѣли. Теперь увидѣли протестанты, какую пользу принесла имъ ихъ прежняя приверженность королю. Это былъ человѣкъ, который однимъ только присутствіемъ своимъ давалъ верховной власти такую силу, что передъ ней должны были умолкнуть всѣ противорѣчія. Французы реформатскаго исповѣданія могли нанаконецъ успокоиться.

Во Франціи считалось всего около 750 церквей; въ верхней и нижней Лотарингіи болѣе 200, въ Пуату и Сентонжѣ болѣе 100, въ Гіенни — 89, въ Провансѣ и Дофинэ — 94, всѣ на югѣ, а на сѣверѣ гораздо менѣе. Въ Нормандіи насчитывали до 59 церквей; Иль-де-Франсъ, Пикардія и Шампань составляли тогда одну провинцію. По нѣкоторымъ извѣстіямъ во всемъ государствѣ было 274,000 протестантскихъ семействъ; неизвѣстно, до какой степени оно справедливо.

У протестантовъ было не мало крѣпостей; нѣкоторыя изъ нихъ составляли собственность нѣсколькихъ значительнѣйшихъ представителей партіи, напр. Рогана, Лаваля, Буйлоня; другія такія, которыхъ не дали отнять у себя храбрые защитники, — напр. Ледигье; нѣкоторые укрѣпленные города въ Лангедокѣ, Дофинэ и Пуату, кромѣ того до 70 такихъ, въ которыхъ гарнизонъ содержался на счетъ короля; самая сильная изъ всѣхъ крѣпостей — Сомюръ, въ которой было около 450 человѣкъ гарнизона.

Король платилъ жалованье 4,000 чел., что вмѣстѣ съ церковными расходами, которые онъ тоже принялъ на себя, составляли сумму около 150,000 экю [1]).

Въ 1601 году поступили наконецъ всѣ депутаты на свои мѣста. Отъ времени до времени король созывалъ политическія собранія для устраненія затрудненій которыя были неизбѣжны по самому существу дѣла. Остались протоколы отъ тѣхъ и дру-

---

[1]) Отдѣльныя церкви собирались для исключительно церковныхъ совѣщаній о дисциплинѣ, ученіи, политическія въ провинціяхъ; каждая провинція имѣла свой синодъ, въ національный собирались всѣ, здѣсь преобладалъ элементъ духовный; политическія собранія, которыя были также во всѣхъ провинціяхъ, должны были теперь назначить депутатовъ, которые бы при королевскомъ дворѣ защищали интересы реформатовъ.

гихъ; спокойствію и осмотрительности, съ которыми они дѣйствовали, нужно удивляться тѣмъ болѣе, что при этомъ они нисколько не отступали отъ своихъ правъ.

Спросятъ, можетъ быть, неужели не произвело непріятнаго впечатлѣнія въ Римѣ утвержденіе во Франціи не католической вѣры?

Получивъ извѣстіе объ утвержденіи эдикта, папа Климентъ VIII очень огорчился. Онъ говорилъ, что эдиктъ самый безбожный; еретикамъ данъ доступъ ко всѣмъ должностямъ, доступъ въ парламенты, теперь имъ будетъ легко распространять вездѣ свои мнѣнія. Папа надѣялся, что король, ссылаясь на отказъ духовенства и парламента, никогда не согласится на утвержденіе эдикта, а онъ между тѣмъ личнымъ своимъ авторитетомъ помогалъ протестантамъ, тогда какъ онъ никогда не подавалъ голоса за исполненіе обѣщаній, данныхъ римскому престолу. Онъ, папа, котораго давно предупреждали, что его обманываютъ, сдѣлался теперь баснею для всего свѣта.

Королю были хорошо извѣстны эти вспышки гнѣва у папы Климента; онъ говорилъ, что это только облака, отъ которыхъ не будетъ ни молніи, ни грома.

Папа былъ съ нимъ въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ для того, чтобъ можно было ожидать отъ него непріязненныхъ дѣйствій. Уже отъ одного возвышенія Франціи папа много выигралъ: сталъ менѣе зависѣть отъ Испаніи, получилъ большее значеніе во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ, какъ это видно изъ послѣднихъ мирныхъ договоровъ. При вступленіи въ Феррару папѣ болѣе всего помогли рѣшительныя дѣйствія короля Франціи.

Если папа, по желанію Генриха, и рѣшился на расторженіе его брака съ Маріею Валуа, съ согласія этой принцессы, на томъ основаніи, что она дала свое согласіе на бракъ съ Генрихомъ только по принужденію, зато католичество много выигрывало отъ новаго брака Генриха съ принцессою итальянскою католическаго дома, Маріею Медичи, дочерью великаго герцога Тосканскаго Франца и эрцгерцогини австрійской Іоанны. Еще дѣло въ Савойѣ не было рѣшено, когда новая королева пріѣхала во Францію.

Для утвержденія бурбонской монархіи весьма важно было то, что у короля вскорѣ послѣ того родился наслѣдникъ; иностранцы удивлялись, съ какимъ всеобщимъ восторгомъ привѣтствовали его во Франціи; но это событіе было новымъ залогомъ соединенія съ католическою церковью и ея духовною главою.

Вообще Генрихъ желалъ удовлетворить папу на столько, на сколько это ему позволяло его положеніе и корона.

Онъ даже былъ не прочь исполнить требованія римскаго престола касательно примѣненія во Франціи постановленій Тридентскаго собора. Это служило даже предметомъ обсужденія въ королевскомъ совѣтѣ, но тутъ Генрихъ услышалъ столько о

непріятныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ отъ этого произойти, что отказался отъ своей мысли.

Гораздо менѣе возраженій встрѣтило второе требованіе римскаго престола — возстановленіе ордена іезуитовъ во Франціи. Папа Климентъ постоянно твердилъ королю, что іезуиты оказали ему большія услуги, что теперь ихъ уже нельзя обвинять въ приверженности Испаніи; если въ ихъ сочиненіяхъ и высказываются противо-роялистскія идеи, то это общее требованіе ордена, а не личныя мнѣнія, что въ отношеніи Франціи они готовы даже отъ него и отступить. Іезуиты приблизились къ королю умно и осторожно, и король мало по малу сталъ относиться къ нимъ благосклоннѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ дѣлалъ это, сообразуясь съ желаніемъ папы. Папскіе нунціи не дѣлали попытокъ въ свою пользу, они знали, что этимъ скорѣе повредятъ себѣ, чѣмъ принесутъ пользу; они предоставили все вліянію ордена и самого короля, который хотѣлъ привлечь іезуитовъ къ себѣ и своему семейству. Король хотѣлъ имѣть свою партію въ этомъ могущественномъ, склонномъ къ волненіямъ и оппозиціямъ, мирѣ.

Когда іезуиты возвратились во Францію послѣ столькихъ гоненій, то встрѣчены были весьма благосклонно; съ помощію короля, папы и прежнихъ своихъ учениковъ, они скоро пріобрѣли большое вліяніе; одинъ изъ нихъ, патеръ Каштонъ, назначенъ былъ сперва вторымъ, а впослѣдствіи первымъ духовникомъ короля.

Гугеноты очень встревожились; они предостерегали короля, но онъ не обращалъ на это вниманія. Ему нужна была партія въ самой католической корпораціи. Точно также и между гугенотами были у него друзья и приверженцы, которыхъ онъ пріобрѣталъ тайными и явными милостями, а эти въ свою очередь предупреждали могущія возникнуть непріятности.

Съ одной стороны реформаты созывали свои политическія собранія, съ другой — духовенство свои. Стремленія и цѣль этихъ собраній были совершенно противоположны, но король не мѣшалъ имъ. Ему достаточно было того, что онъ и тѣхъ и другихъ держалъ въ повиновеніи. Онъ, король, хотѣлъ обо всѣхъ заботиться, но всѣ обязаны ему повиноваться. Сознаніе собственнаго достоинства было сильнымъ двигателемъ въ этомъ случаѣ.

Во всемъ, что говорилъ Генрихъ IV, онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ того, что на политической власти, пріобрѣтенной правомъ и силой, основано все.

Въ мемуарахъ, приписываемыхъ одному изъ его дѣятельнѣйшихъ и въ то же время ревностнѣйшихъ католическихъ министровъ, Виллеруа, взглядъ этотъ развивается подробнѣе.

(Ranke, französische Geschichte, siebentes Buch. Zweite Auflage, 1857, стр. 42—64.)

4. ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ ВЪ УПРАВЛЕНІЕ ГОСУДАРСТВОМЪ (1624 г.).

Когда Ваше Величество рѣшились допустить меня въ Совѣтъ и удостоить въ то же время своего довѣрія въ области веденія дѣлъ, я могу сказать поистинѣ, что гугеноты отнимали тогда у Вашего Величества часть вашего государства, что вельможи вели себя не какъ ваши подданные, а какъ могущественнѣйшіе правители, какъ монархи своихъ провинцій. Я могу сказать, что дурной примѣръ и тѣхъ и другихъ былъ такъ вреденъ, что самыя благоустроенныя общества слѣдовали ему, уменьшая въ нѣкорыхъ случаяхъ Вашу законную власть, на сколько это было возможно, и возвышая свою собственную власть выше разумныхъ предѣловъ. Я могу сказать, что въ то время достоинство человѣка измѣрялось его смѣлостью; что, не сознавая благодѣяній Вашего Величества, ихъ цѣнили лишь на столько, на сколько они соотвѣтствовали тогдашней распущенности Франціи, что самые предпріимчивые считались мудрѣйшими и бывали нерѣдко счастливѣйшими. Я могу еще сказать, что внѣшніе союзы были презираемы, что частные интересы ставились выше общественныхъ; однимъ словомъ, достоинство Вашего Величества было такъ унижено и, благодаря Вашимъ главнымъ управителямъ, такъ отличалось отъ того, чѣмъ бы оно должно было быть, что этому трудно было повѣрить. Безъ окончательной гибели невозможно было сносить долѣе поведенія тѣхъ, кому Ваше Величество довѣрили управленіе государствомъ; съ другой стороны, нельзя было ихъ вдругъ смѣнить, не нарушивъ законовъ осторожности, которая не позволяетъ переходить разомъ отъ одной крайности къ другой.

Дурное положеніе дѣлъ заставляло Васъ произносить рѣшенія на-скоро, не выбирая ни времени, ни средствъ, для ихъ исполненія; а между тѣмъ подобный выборъ былъ необходимъ, чтобы извлечь возможную выгоду изъ перемѣны, которую требовала отъ Васъ необходимость.

Лучшіе умы того времени не думали, чтобы можно было миновать безъ крушенія всѣ подводные камни, появившіеся въ это опасное время; дворъ былъ наполненъ людьми, нападавшими на смѣльчаковъ, которые хотѣли что-нибудь предпринять; всѣмъ было извѣстно, что короли приписываютъ часто своимъ совѣтникамъ дурныя послѣдствія ихъ совѣтовъ, а такъ какъ только нѣкоторые вѣрили въ хорошія послѣдствія предпринимаемой мною, по словамъ всѣхъ, реформы, то многіе и считали

мое паденіе вѣрнымъ, прежде даже, чѣмъ я былъ возвышенъ Вашимъ Величествомъ.

Несмотря на всѣ затрудненія, представленныя мною Вашему Величеству, зная, что могутъ сдѣлать короли, если они воспользуются своимъ могуществомъ, я осмѣлился Вамъ обѣщать—и это обѣщаніе не было слишкомъ дерзко, по моему мнѣнію,—что Вы найдете средство уничтожить безпорядки въ Вашемъ государствѣ, что вскорѣ Ваша осторожность, Ваше могущество и Божіе благословеніе придадутъ королевству обновленный видъ.

Я Вамъ обѣщалъ употребить все мое искусство и всю власть, которую Вы соблаговолили мнѣ дать на ослабленіе партіи гугенотовъ, на униженіе гордыхъ вельможъ, на приведеніе Вашихъ подданныхъ къ исполненію ихъ долга и на достойное возвышеніе Вашего имени между иностранными націями. Я Вамъ представилъ, что для достиженія этого счастливаго конца мнѣ необходимо Ваше полное довѣріе и что хотя въ прошедшемъ всѣ Ваши слуги считали удаленіе королевы-матери лучшимъ средствомъ для пріобрѣтенія и охраненія Вашего довѣрія, я, однако, пойду совершенно противнымъ путемъ: я сдѣлаю все, что только будетъ отъ меня зависѣть, для упроченія между Вашими Величествами тѣсной связи, необходимой для ихъ доброй славы и полезной для блага королевства. Также какъ успѣхъ, который въ управленіи государствомъ послѣдовалъ за добрыми намѣреніями, внушаемыми мнѣ Богомъ, объяснитъ будущимъ вѣкамъ мое постоянство въ слѣдованіи этимъ намѣреніямъ, точно также Ваше Величество будете вѣрнымъ свидѣтелемъ моихъ усилій сдѣлать все возможное, чтобы помѣшать козням недоброжелателей, цѣль которыхъ была разъединеніе того, что связанное природой должно было быть связано и благодатью. Если, послѣ удачнаго сопротивленія имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, хитрость взяла, наконецъ, верхъ, то все же для меня остается великое утѣшеніе въ Вашихъ, часто повторяемыхъ, словахъ: что въ то время, когда я болѣе всего думалъ о величіи королевы-матери, она трудилась на мою погибель.

Richelieu. — (Succincte narration des grandes actions du roi.) см. Lectures d'Histoire moderne, par Raffy (deuxième édition). Paris, 1862. Стр. 433.

5. ПАРЛАМЕНТЪ ВО ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XIII, МИНИСТЕРСТВО РИШЕЛЬЕ. ФРОНДА.

Новое значеніе парламента. — Его популярность и участіе въ государственныхъ дѣлахъ. — Предостереженія 22 мая 1615 г., возстаніе высшаго дворянства. — Министерство кардинала Ришелье; его внутренняя политика. — Собраніе нотаблей въ 1626 г. — Разрушеніе укрѣпленныхъ замковъ. — Указъ января 1629 г. — Внѣшняя политика Ришелье. — Непопулярность перваго министра. — Противодѣйствіе третьяго сословія министерской диктатурѣ. — Союзъ высшаго судейскаго сословія. — Фронда. — Политическій актъ, изданный четырьмя верховными судилищами. — День баррикадъ. — Диктаторская власть парламента. — Онъ примиряется съ Дворомъ. — Фронда принцевъ, ея характеръ. — Торжество неограниченной монархіи. — Умственное развитіе французовъ. — Успѣхи просвѣщенія и смягченіе нравовъ. — Вліяніе ученой буржуазіи.

Здѣсь начинается новая фаза исторіи третьяго сословія; пробѣлъ, который оставляетъ въ исторіи исчезновеніе генеральныхъ штатовъ, пополняется попытками Парижскаго парламента принять прямое участіе въ дѣлахъ королевства. Этотъ судебный корпусъ, призываемый въ извѣстныхъ случаяхъ королевской властью играть политическую роль, пользовался съ XVI вѣка этимъ обычаемъ, чтобъ утверждать, что онъ представляетъ штаты, что онъ имѣетъ въ ихъ отсутствіи такую же власть, какъ они [1]); и когда исходъ ихъ послѣдняго собранія обманулъ всѣ надежды реформъ, общественное ожиданіе обратилось къ нему и не покидало его до того дня, когда должна была окончиться прежняя администрація. Набираемый болѣе трехъ столѣтій изъ лучшихъ представителей простаго класса, поставленный на ряду съ сановниками королевства, давая образецъ прямодушія и всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, уважаемый за свой патріотизмъ, свой блескъ, свое богатство, даже за свою гордость, парламентъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобъ привлечь къ себѣ расположеніе и довѣріе третьяго сословія. Не разбирая того, были-ли его притязанія на роль посредника въ законодательствѣ и руководителя королевской власти основаны на дѣйствительныхъ правахъ [2]), его любили за его духъ сопротивленія коро-

---

[1]) Парламентъ говорилъ о самомъ себѣ, что «онъ—генеральные штаты въ маломъ видѣ».

[2]) Въ своихъ увѣщаніяхъ Людовику XIII (1615 г.) парламентъ хвалится тѣмъ, что онъ заступаетъ мѣсто «совѣта принцевъ и бароновъ, которые были издавна близки къ особѣ королей, и даже государство» и прибавляетъ: «Въ знакъ чего принцы и пэры Франціи всегда имѣли право засѣдать въ немъ и подавать голоса, и тамъ всегда повѣрялись законы, указы и постановле-

левскимъ любимцамъ и министрамъ, за его постоянную непріязнь къ дворянству, за его усердіе поддержать народныя преданія, предохранить государство отъ чуждаго вліянія и сохранить неприкосновенной свободу галликанской церкви. Ему давали названія священнаго сената, опоры королей, отца государства и его права и власть считали такими же неоспоримыми, какъ права и власть короны.

Все, что было аристократическаго въ положеніи, данномъ судебнымъ палатамъ наслѣдственностью должностей, не уменьшало довѣрія къ нему среднихъ и нижнихъ классовъ народа, а напротивъ того, служило въ ихъ глазахъ новой лигой для защиты правъ и интересовъ всѣхъ. Эта дѣйствительная и постоянная власть, переходящая отъ отца къ сыну, сохраняемая неприкосновенно сословнымъ и семейнымъ духомъ, казалась болѣе надежной опорой въ дѣлѣ бѣдныхъ и притѣсненныхъ, чѣмъ ненадежныя и временныя права генеральныхъ штатовъ. Въ дѣйствительности политическій духъ судебныхъ учрежденій былъ менѣе обширенъ и безкорыстенъ, чѣмъ тотъ, который одушевлялъ избранныхъ представителей третьяго сословія въ пользованіи своею властью. [1]). Еслибъ парламентъ въ нѣко-

---

нія, производство въ должности, мирные договоры и другія болѣе важныя государственныя дѣла, туда отсылались жалованныя граматы для того, чтобы на свободѣ обсудить ихъ, разобрать ихъ достоинство, сдѣлать въ нихъ должныя измѣненія, даже то, что представлено нашими генеральными штатами, должно быть повѣрено въ вашей палатѣ, гдѣ находится вашъ королевскій престолъ и гдѣ ваше верховное судилище». (Des états généraux, etc. T. XVII, II partie, p. 142).

[1]) Этому былъ примѣръ въ 1615 г. по поводу ежегодной пошлины, изъ которой проистекала наслѣдственность должностей. Палата третьяго сословія требовала ея уничтоженія, несмотря на то, что большая часть ея членовъ были судейскіе чиновники. Парламентъ, какъ только инструкціи были переданы королю, началъ протестовать противъ этой реформы и въ то же время указывалъ на заблужденія въ администраціи, мѣшая страннымъ образомъ общественные интересы съ своими частными интересами. Въ понедѣльникъ, 9-го марта, въ парламентѣ было большое несогласіе по поводу подати чиновниковъ (paulette) и многихъ другихъ важныхъ дѣлъ, о которыхъ должно было позаботиться это величественное собраніе. Они дали такой отвѣтъ: они заняли свои мѣста, чтобъ подумать о дѣлахъ, не только по поводу подати чиновниковъ и о дѣлахъ всего королевства, которое управляется волею двухъ или трехъ министровъ, ниспровергающихъ правила и законы монархіи... Они пришли къ такимъ мнѣніямъ, которыя не касаются въ особенности общаго блага государства (хотя все сказанное наканунѣ, казалось, обѣщало это); болѣе ревностные члены стремились къ общественному благу, другіе все свое вниманіе и стараніе обращали на частные интересы чиновниковъ, чтобъ воспрепятствовать уничтоженію ежегодной пошлины, подъ прикрытіемъ которой они могли кичиться тѣмъ, что они въ своихъ должностяхъ такіе же полные господа, какъ въ родовой и наслѣдственной собственности. (Relation de Flor. Rapine, III partie, p. 130, 131 et 137).

торыхъ отношеніяхъ держался мнѣній послѣднихъ, то все же въ другихъ отношеніяхъ онъ расходился бы съ нами; но самое торжественное сопротивленіе было иногда эгоистично, у него были недостатки, общіе дворянству, съ которымъ онъ приходилъ въ соприкосновеніе. Но несмотря на его слабости и странности, тѣ, которые страдали отъ злоупотребленій, не переставали вѣрить ему и надѣятся на него. Казалось, что въ глубинѣ общественнаго сознанія слышался голосъ, который говорилъ: «Это наши, они желаютъ только народнаго блага».

Поступки парламента во всякомъ случаѣ далеко не оправдали надеждъ на него; иначе и быть не могло. Еслибъ верховныя судилища заговорили повелительно, то ихъ постановленія не получили бы утвержденія. Учрежденныя королями для оказанія правосудія, они не имѣли и тѣни того народнаго полномочія, которое, данное или ожидаемое, даетъ въ той или другой мѣрѣ право дѣйствовать противъ монаршей воли. Какъ только наступило время замѣнить предостереженія дѣйствіями, противопоставить принудительныя средства упорству власти, парламентъ оказался бы безъ правъ и силъ на то; онъ долженъ былъ остановиться или прибѣгнуть къ болѣе сильной помощи, чѣмъ онъ самъ, къ принцамъ крови, къ возмутившимся противъ двора, къ недовольной аристократіи. Когда онъ отказалъ, во имя общественныхъ интересовъ, внести въ протоколъ одинъ указъ или уничтоженіе рѣшенія и сохранилъ свое независимое и гордое положеніе, несмотря на изгнаніе и арестъ своихъ членовъ, его роль окончена, если только онъ не соединилъ постороннихъ стремленій съ дѣломъ народнымъ и благомъ королевства. Такъ, самыя торжественныя изъявленія патріотизма и независимости приводили къ безконечнымъ процедурамъ или къ междоусобіямъ за интересы и стремленія великихъ. Благородныя начинанія и худыя и скудныя послѣдствія, гражданское мужество, заставленное чувствомъ своего безсилія служить дворянскимъ интригамъ и заговорамъ, — вотъ въ сущности исторія политическихъ попытокъ парламента. Первая изъ всѣхъ, которая была если не самой блестящей, то по крайней мѣрѣ одной изъ самыхъ смѣлыхъ, представляла тотъ характеръ, который повторяется въ большихъ размѣрахъ и съ большей сложностью въ возстаніи Фронды.

28 марта 1615 г., четыре дня спустя послѣ распущенія генеральныхъ штатовъ, когда собрались всѣ палаты, парламентъ издалъ указъ, приглашавшій всѣхъ принцевъ, герцоговъ, пэровъ и королевскихъ чиновниковъ, которые имѣютъ право засѣданія и подачи голосовъ въ палатѣ, прибыть туда, для совѣщанія о вещахъ, которыя будутъ предложены для службы королю, блага государства и облегченія народа. Это созваніе, сдѣланное безъ

королевскаго приказанія, было до сихъ поръ неслыханнымъ дѣломъ; оно возбудило въ обществѣ большія ожиданія, надежды, что наконецъ будетъ исполнено верховнымъ учрежденіемъ то, чего напрасно ожидали отъ собранія штатовъ [1]). Королевскій совѣтъ былъ пораженъ этимъ, какъ угрожающей новостью, и уничтожая опредѣленіе парламента опредѣленіемъ противоположнымъ, онъ запретилъ ему идти далѣе, а принцамъ и пэрамъ слѣдовать этому приглашенію. Парламентъ повиновался, но сейчасъ же началъ издавать предостереженія; новый указъ совѣта приказалъ ему прекратить ихъ, но на этотъ разъ онъ не повиновался и продолжалъ начатое изданіе. Когда предостереженія были готовы, парламентъ потребовалъ аудіенціи, чтобъ они были прочтены королю, и его неуступчивость, поддерживаемая общественнымъ мнѣніемъ, смутила министровъ; въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца велись переговоры, чтобъ не было этихъ чтеній; но парламентъ былъ непоколебимъ, и его настойчивость взяла верхъ. 22-го мая онъ имѣлъ аудіенцію въ Луврѣ и прочелъ въ совѣтѣ королю предостереженія, и вотъ отрывокъ изъ нихъ.

«Ваше Величество, это собраніе знатныхъ людей Вашего королевства въ палатѣ парламента было предложено съ разрѣшенія Вашего Величества, чтобъ представить Вамъ въ настоящемъ видѣ, по совѣту тѣхъ, которые должны знать объ этомъ больше,— безпорядки, которые съ каждымъ днемъ растутъ и усложняются, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ это обязанность королевскихъ чиновниковъ изложить Вамъ зло, чтобъ достигнуть его исцѣленія Вашимъ благоразуміемъ и королевской властью, чему, Ваше Величество, есть уже примѣръ и основаніе. Тѣ, которые хотятъ ослабить и унизить власть этого учрежденія, стараются отнять у него свободу, дарованную ему Вашими предшественниками,

---

[1]) Господа, члены парламента собрались, чтобъ оставить въ сторонѣ прочія свои дѣла и рѣшить что нибудь о томъ, что должно быть сдѣлано и постановлено ими. Франція устремила всѣ взоры на этотъ великій ареопагъ и шпіонила, чтобъ съ рукоплесканіемъ узнать о томъ, что произвелъ этотъ конклавъ перваго сената въ Европѣ, въ такое отчаянное и испорченное время, когда думали, что онъ исправитъ погрѣшности слабыхъ и малодушныхъ штатовъ, которые говорили через переводчика, по приказанію и сообразно волѣ тѣхъ, которые хотѣли отъ депутатовъ одобренія и утвержденія всего хода дѣлъ и управленія государствомъ со смерти покойнаго короля... Я молю Бога, чтобъ Онъ просвѣтилъ ихъ разумъ, ниспославъ имъ Духа Св., воспламенилъ и укрѣпилъ ихъ мужество, чтобъ сдѣлать для народа больше блага, чѣмъ то сдѣлали штаты (Relation de Flor. Rapine, III partie, p. 141 et 143). Эти слова, написанныя по случаю собранія всѣхъ палатъ позже 28 марта, могутъ быть всего болѣе примѣнены къ опредѣленію этого дня.

указывать Вамъ на то, что оно считаетъ полезнымъ для блага Вашего государства. Мы осмѣливаемся сказать Вашему Величеству, что ему даютъ дурной совѣтъ—начинать годъ своего совершеннолѣтія столькими повелѣніями, показывающими неограниченную власть, и привыкать къ такимъ дѣйствіямъ, къ которымъ добрые короли, какъ Вы, Ваше Величество, прибѣгаютъ очень рѣдко».

Представивъ по-своему факты изъ своей исторіи, сказавъ, что онъ заступаетъ мѣсто совѣта знатныхъ бароновъ Франціи и что въ этомъ настоящемъ званіи онъ вмѣшивался въ общественныя дѣла, парламентъ предложилъ цѣлый списокъ реформъ по образцу инструкцій генеральныхъ штатовъ. Онъ просилъ короля продолжать и внѣшнюю и внутреннюю политику своего отца, поддерживать тѣ же самые союзы и въ отношеніи правленія слѣдовать прежнимъ правиламъ, заботиться объ обезпеченіи своего королевскаго достоинства отъ ультрамонтанскаго ученія и чтобъ чуждое вліяніе никакимъ путемъ не проникло въ управленіе государственными дѣлами. Онъ сдѣлалъ обзоръ всѣмъ безпорядкамъ администраціи: разореніе финансовъ, расточительность, чрезмѣрные дары и пенсіи, препятствія въ судопроизводствѣ отъ двора и высшаго дворянства, соумышленность королевскихъ чиновниковъ и откупщиковъ и ненасытная алчность министровъ. Онъ указывалъ въ будущемъ на возстаніе народа, доведеннаго до отчаянія, и заключилъ словами: «Ваше Величество, мы Васъ покорнѣйше просимъ дозволить столь необходимое исполненіе постановленія послѣдняго мѣсяца марта... Въ случаѣ, если эти предостереженія не будутъ дѣйствительны и если постановленіе не можетъ быть приведено въ исполненіе, по наущеніямъ и проискамъ тѣхъ, которые въ немъ затронуты, Ваше Величество одобритъ, чтобъ члены парламента сдѣлали торжественное обѣщаніе,—для очищенія своей совѣсти предъ Богомъ и людьми, для блага Вашего и спокойствія государства,—назвать во всеуслышаніе виновниковъ этихъ безпорядковъ и раскрыть народу ихъ поведеніе [1]).

На слѣдующій день, 23 мая, указъ изъ совѣта приказалъ вычеркнуть эти предостереженія изъ книгъ парламента и запретилъ ему вмѣшиваться въ государственныя дѣла безъ приказанія короля. Парламентъ просилъ новой аудіенціи, въ чемъ ему было отказано, и вторичнымъ приказаніемъ предписано исполнить указъ совѣта. Онъ сопротивлялся, искусно употребляя всѣ замедляющія средства, которыя представлялъ ему ходъ дѣла; но пока онъ мало по малу поддерживалъ законную

---

[1]) Des états généraux, etc., t. XVII, 2e partie, p. 172 et suiv.

борьбу, тѣ, которые были призваны на совѣщаніе, покидали Парижъ и приготовляли все къ возстанію. Принцъ Конде, герцогъ Вандомъ, герцоги Бульонскій, Маенскій, Лонгвиль и другіе вельможи возмутили провинціи, которыми они управляли, издали манифестъ противъ двора и набрали солдатъ отъ имени молодаго короля, котораго, какъ они говорили, принуждаютъ министры. Пользуясь безпокойствомъ, произведеннымъ угодливостью правительства въ отношеніи Римскаго двора и сношеніями съ Испаніей, они привлекли на свою сторону начальниковъ кальвинистовъ [1]) и дѣло реформатской церкви, присоединившись къ мятежу аристократовъ, было поставлено въ непріятное положеніе. Такимъ образомъ начался для протестантовъ рядъ несчастій, который окончился возмущеніемъ и осадой Ла-Рошеля и заставилъ ихъ потерять всякую политическую и военную защиту, которую имъ обезпечилъ Нантскій эдиктъ. [2]).

Междоусобная война, поводомъ къ которой были предостереженія парламента, окончилась только походомъ войскъ и сильными грабежами солдатъ возмутившихся принцевъ. Въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ Луденѣ (Loudun) [3]) и изданномъ въ формѣ эдикта, было постановлено, что указъ объ уничтоженіи предостереженій останется безъ послѣдствій; что права верховнаго суда будутъ установлены по соглашенію между королевскимъ совѣтомъ и парламентомъ; что король въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отвѣтитъ на инструкціи генеральныхъ штатовъ и въ то же самое время на знаменитую статью третьяго сословія о независимости короны. Но всѣ эти постановленія объ общественномъ благѣ остались только на словахъ; были исполнены лишь

---

[1]) Герцоговъ Рогана, Субиза и де-ла-Тремуль и даже герцога Сюльи.

[2]) Желая дать возможное удовлетвореніе своимъ подданнымъ реформатамъ на сдѣланныя съ ихъ стороны просьбы о томъ, что имъ казалось необходимымъ для свободы ихъ совѣсти и для безопасности личности, состоянія и имущества..., Его Величество, кромѣ того, что заключается въ эдиктѣ, который недавно утвержденъ, обѣщалъ, что всѣ крѣпости, города и замки, которые имъ принадлежали до конца прошлаго августа и въ которыхъ будетъ стоять гарнизонъ по положенію, составленному и подписанному Его Величествомъ, останутся въ ихъ рукахъ подъ условіемъ повиновенія и начальства Его Величества, впродолженіе восьми лѣтъ, считая со дня обнародованія эдикта. А относительно другихъ городовъ, которыми они владѣютъ и гдѣ нѣтъ гарнизона, ничего не будетъ измѣнено и введено вновь. И по истеченіи вышеуказаннаго срока восьми лѣтъ, когда даже Его Величество будетъ свободенъ отъ обѣщаній относительно этихъ городовъ и они будутъ обязаны возвратить ихъ ему, онъ имъ обѣщалъ, если въ этихъ городахъ послѣ вышеозначеннаго срока останется гарнизонъ и комендантъ, не отставлять того, кто замѣститъ его (Articles annexés à l'édit de Nantes. Dumont, Corps diplomatique, t. V, Ire partie, p. 557 et 558).

[3]) 6-го мая 1616 года.

статьи, которыя предоставляли начальникамъ возмущенія крѣпости въ залогъ, разныя почести и шесть милліоновъ для раздѣла между ними. Такимъ образомъ удовлетворенные, недовольные примирились съ своими врагами, и дѣла приняли прежній ходъ безпорядка и анархіи. Власть, раздѣленная и уничтоженная заговорщиками, которые оспаривали ее другъ у друга; родъ заговора, чтобъ повести Францію назадъ, во времена, предшествовавшія правленію Генриха IV; попытки, которыя однихъ заставляли говорить съ безумной радостью, а другихъ съ глубокой печалью, что время королей прошло, а наступило время знати; положеніе, постоянно угрожающее разрушеніемъ правленія и расчлененіемъ государства, вслѣдствіе интригъ честолюбцевъ и иностранцевъ:—вотъ картина, которую представляло, среди этихъ перемѣнъ, правленіе Людовика XIII до того дня, когда государственный мужъ, замѣчательный въ судьбахъ Франціи тѣмъ, что взялся и окончилъ политику Генриха Великаго, добившись власти, вслѣдствіе покровительства, завладѣлъ силою ходомъ дѣлъ на правахъ генія (1624 г.).

Кардиналъ Ришелье былъ скорѣе уполномоченный королевской властью во всѣхъ дѣлахъ, чѣмъ министръ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Его мнѣніе, получившее перевѣсъ на совѣтѣ, уничтожило значеніе королевской власти, а монархія не перестала существовать, и, казалось, это было сдѣлано для того, чтобъ общественный прогрессъ, остановленный со времени послѣдняго царствованія, возобновилъ свой ходъ, возбужденный диктаторомъ, духъ котораго былъ свободенъ отъ вліяній, которымъ подвергаются царскія особы со стороны интересовъ своей семьи и династіи. По странному стеченію обстоятельствъ оказалось, что слабый государь, участь котораго была дать свое имя правленію министра, былъ по своему характеру, своимъ влеченіямъ, своимъ дурнымъ и хорошимъ качествамъ человѣкомъ, отвѣчавшимъ на всѣ условія подобной роли. Людовикъ XIII, слабохарактерный, но не глупый, не могъ обойтись безъ наставника, приблизивъ къ себѣ многихъ и отказавъ имъ, онъ удержалъ при себѣ того, котораго признавалъ способнымъ вести Францію къ цѣли, имъ самимъ предусмотрѣнной, и къ которой онъ самъ стремился неопредѣленно въ своихъ меланхолическихъ грезахъ. Казалось, осаждаемый мыслью о великихъ дѣлахъ своего отца, которыя тотъ совершилъ или хотѣлъ совершить, онъ чувствовалъ себя подъ гнетомъ обязанностей, которыя онъ могъ исполнить, только жертвуя своей свободой человѣка и короля. Страдая иногда подъ этимъ ярмомъ, онъ пробовалъ освободиться отъ него, но сейчасъ же снова надѣвалъ его, побѣжденный сознаніемъ, что онъ владѣетъ народнымъ имуществомъ, и своимъ благоговѣніемъ передъ геніемъ, великолѣпные планы котораго

обѣщаютъ внутренній порядокъ, процвѣтаніе и внѣшнюю силу и славу.

Въ своихъ попыткахъ къ нововведеніямъ, Ришелье, въ роли министра, превзошелъ смѣлостью великаго короля, своего предшественника. Онъ началъ ускорять движеніе къ гражданскому единству такъ сильно и занесъ его такъ далеко, что не было возможности отступить. Послѣ царствованія Филиппа Краснваго королевская власть отступила назадъ въ своей революціонной задачѣ и склонилась передъ реакціей феодальной аристократіи; послѣ Карла V также было отступленіе; дѣянія Людовика XI чуть не погибли въ волненіяхъ XVI вѣка, а дѣлу Генриха IV повредили 15 лѣтъ безпорядковъ и слабости. Для того, чтобъ оно не погибло, нужно было, чтобъ высшее дворянство было окончательно приведено въ повиновеніе королю и закону; чтобъ протестанты не составляли вооруженной партіи въ государствѣ; чтобъ Франція могла свободно избирать себѣ союзниковъ въ видахъ собственнаго интереса и интересахъ европейской независимости. Для этой тройной цѣли министръ-король употребилъ всю силу своего ума, свою неусыпную дѣятельность, пламенныя страсти и геройскую силу души. Его повседневная жизнь представляетъ ожесточенную борьбу противъ знати королевскаго дома, верховныхъ судилищъ, противъ всего, что имѣло въ странѣ высокое положеніе и устройство. Чтобъ подвести все подъ одинъ уровень подчиненія и порядка, онъ возвысилъ королевскую власть надъ узами семейными и надъ связью съ прошедшимъ; онъ изолировалъ и въ ея сферѣ, какъ идею, живую идею общественнаго блага и народнаго интереса [1]).

Изъ глубины этого принципа онъ ввелъ въ исполненіе верховной власти безстрастную логику и немилосердную суровость. Онъ былъ настолько же чуждъ милосердію, насколько и боязни; онъ попиралъ ногами уваженіе къ судебнымъ формамъ и преданіямъ, онъ заставлялъ произносить смертные приговоры коммиссаровъ, избранныхъ имъ самимъ, даже на ступеняхъ престола поражалъ враговъ общественнаго блага, враговъ его возвышенія и смѣшивалъ личныя непріязни съ государственными пре-

---

[1]) Народные интересы должны быть единственной цѣлью государя и его совѣтниковъ (Ibid. 2e partie p. 222). Думать, что будучи сыномъ или братомъ короля и принцемъ крови, можно безнаказанно волновать королевство— значитъ ошибаться. Благоразумнѣе укрѣплять королевство и королевскую власть, чѣмъ разсуждать о ихъ панствахъ. Сыновья, братья и другіе родственники королей подчинены законамъ наравнѣ съ другими, и главнымъ образомъ, когда рѣчь идетъ о преступленіи въ оскорбленіи величества. (Mém. du cardinal de Richelieu, collect. Michaud, 2e série, t. VIII, p. 407.)

ступленіями. Никто не можетъ сказать, было ли притворно или нѣтъ спокойствіе совѣсти, которое онъ показывалъ въ послѣднія минуты [1]); одинъ Богъ знаетъ его сокровенныя мысли. Мы, которые собрали плодъ его трудовъ и патріотической преданности, мы можемъ только преклоняться передъ этимъ человѣкомъ, которымъ былъ приготовленъ путь новому обществу. Но что-то печальное связано съ его славой; онъ пожертвовалъ всѣмъ успѣху своего предпріятія; онъ подавилъ въ себѣ самомъ и отодвинулъ на задній планъ въ благородныхъ сердцахъ неизмѣнные принципы нравственности и человѣколюбія [2]). Но при видѣ его великихъ дѣяній, на него смотрятъ съ признательностью, его хотѣли бы, но не умѣютъ, любить.

Самые смѣлые нововводители хорошо чувствуютъ, что необходимо постороннее мнѣніе; прежде чѣмъ исполнить свои политическіе планы, Ришелье хотѣлъ ихъ подвергнуть торжественному обсужденію, чтобъ они возвратились къ нему утвержденными народнымъ согласіемъ. Онъ не могъ думать о генеральныхъ штатахъ; какъ членъ ихъ въ 1614 г., онъ видѣлъ ихъ дѣятельность и кромѣ того, его повелительный духъ всегда противился этимъ большимъ собраніямъ; желаемой имъ нравственной свободы онъ искалъ въ собраніи нотаблей. Въ ноябрѣ 1626 г. онъ созвалъ 55 лицъ по своему выбору: 12 членовъ изъ духовенства, 14 изъ дворянъ и 27 членовъ верховныхъ судилищъ вмѣстѣ съ казначеемъ Франціи и съ головой парижскаго купечества. Гастонъ, братъ короля, былъ президентомъ, а маршалъ де-ла-Форсъ и де-Бассомпьеръ — вице-президентами собранія; но дворяне, засѣдавшіе тамъ, были большею частію государственные совѣтники и принадлежали скорѣе администраціи, чѣмъ двору; тамъ не было ни одного герцога или пэра, ни одного правителя провинціи.

Передъ этимъ собраніемъ избранныхъ, болѣе половины которыхъ составляли лица третьяго сословія, Ришелье самъ развилъ

---

[1]) Когда священникъ спросилъ его, прощаетъ ли онъ своимъ врагамъ, онъ отвѣчалъ, что у него не было враговъ, кромѣ враговъ государства (Mém. Montglat, collect. Michaud, 3e série, t. V, p. 133). Смотри также: Mém. de Monchol, Rotterdam, 1718, p. 268.

[2]) Кардиналъ Ришелье вмѣнялъ въ преступленіе то, что составляло въ прошломъ столѣтіи добродѣтели Мироновъ, Гарлеевъ, Марильяковъ, Пибраковъ и Фэйевъ. Эти мученики за государство, которые своими хорошими и святыми правилами разрушили болѣе заговоровъ, чѣмъ породило золото Испаніи и Англіи, были защитниками ученія, для сохраненія котораго кардиналъ Ришелье заключилъ г. президента Барилльона въ Амбуазъ; онъ началъ наказывать судей за нарушеніе тѣхъ истинъ, за которыя ихъ присяга обязываетъ полагать собственную жизнь. (Mém. du cardinal de Retz, collect. Michaud et Poujoulat, p. 50.)

планъ своей внутренней политики. Инціатива предложеній была отъ правительства, а не отъ собранія; одна и та же мысль проникала все, какъ предложенія, такъ и отвѣты, и въ работахъ, результатомъ которыхъ были записки мнѣній, нельзя отличить, что было со стороны министра и что со стороны нотаблей. Принципы администраціи, соотвѣтствующіе общественному духу и будущности Франціи, были установлены съ общаго согласія: раскладка податей должна быть такова, чтобъ бѣдные и промышленные классы не были ими обременены; въ промышленности и торговлѣ, источникѣ народнаго благосостоянія, нужно стараться, чтобъ это поприще дѣятельности было болѣе и болѣе уважаемо и почитаемо; нужно, чтобъ могущество государства имѣло своимъ основаніемъ постоянное войско, гдѣ чины были бы доступны всѣмъ и которое распространило бы военный духъ во всѣхъ недворянскихъ классахъ народа. Что касается до разныхъ мѣръ, обѣщанныхъ или требуемыхъ, главныя изъ нихъ имѣли своимъ предметомъ пониженіе государственныхъ расходовъ до уровня приходовъ и уничтоженіе непроизводительныхъ расходовъ въ пользу болѣе производительныхъ; прибавленіе морскихъ силъ вслѣдствіе отдаленной торговли; учрежденіе торговыхъ обществъ и возобновленіе обширныхъ проэктовъ канализаціи; обезпеченіе спокойствія рабочаго класса отъ недостатка дисциплины между военными, строгостью полиціи и регулярностью платы; наконецъ, уничтоженіе во всѣхъ провинціяхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ замковъ, безполезныхъ для защиты королевства.

Собраніе нотаблей было распущено 24 февраля 1627 г. и сейчасъ же была назначена коммисія для того, чтобъ къ прежнему собранію законовъ присоединить только что предложенныя реформы и тѣ, которыя должны быть отвѣтомъ на инструкціи штатовъ 1614 г. Въ то же самое время начала приводиться въ въ исполненіе болѣе матеріальная, чѣмъ популярная реформа,— именно разрушеніе крѣпостей и выселеніе мятежныхъ дворянъ и солдатъ, участвовавшихъ въ междоусобіи. Въ каждую рѣшительную эпоху успѣха въ дѣлѣ народнаго единства, такой родъ разрушенія производился во имя короля. Карлъ V, Людовикъ XI и Генрихъ IV употребляли заключеніе въ подземныхъ тюрьмахъ для ослабленія феодальнаго духа; здѣсь, какъ и во всемъ, Ришелье заставилъ сдѣлать громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ своихъ предшественниковъ. Мѣры, которыя нужно было предпринять въ томъ, что можно назвать политическимъ выравниваніемъ французской почвы, были ввѣрены старанію провинцій и городскихъ общинъ, и съ одного конца королевства до другаго поднялись толпы простаго народа, чтобъ собственными руками разломать зубчатыя стѣны, притоны тираніи и грабитель-

ства, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе проклинали даже дѣти. По живому выраженію одного замѣчательнаго историка: «города бѣжали къ цитаделямъ, деревни къ замкамъ, каждый къ предмету своей ненависти». При этой великой казни, которую сама страна производила надъ собой, царствовалъ полный порядокъ, который часто означаетъ глубину народнаго чувства; не было сдѣлано ни одного безполезнаго опустошенія; наполняли рвы, срывали форты и бастіоны, все, что было средствомъ военнаго сопротивленія; оставили неразрушеннымъ только то, что могло быть памятникомъ прошедшаго.

Въ это время коммисія законодательныхъ реформъ продолжала свои работы подъ предсѣдательствомъ (хранителя печатей) министра юстиціи, Марильяка. Слѣдствіемъ этого былъ указъ, января 1629 года, по достоинству равный, но превосходящій по объему указы XVI вѣка. Это новое уложеніе имѣло не менѣе четырехъ сотъ шестидесяти одного параграфа. Онъ затрогиваетъ всѣ части законодательства: гражданское право, уголовное право, главную полицію, церковныя дѣла, общественное образованіе, судопроизводство, финансы, торговлю, войско, флотъ. Проникнутый вмѣстѣ народнымъ благомъ и идеями Ришелье, онъ носитъ на себѣ сильный отпечатокъ этихъ идей, хотя первый министръ и отвергалъ малѣйшее участіе съ своей стороны и оппозиція парламента, возмущенная этимъ произведеніемъ великаго ума, въ насмѣшкѣ надъ нимъ присвоила ему другое имя. Указъ или, вѣрнѣе, уложеніе 1629 г. имѣло цѣлью отвѣчать разомъ на требованія послѣднихъ генеральныхъ штатовъ и двухъ собраній нотаблей. Распоряженія, сдѣланныя на основаніи инструкціи 1615 г., были большею частью почерпнуты изъ инструкцій 3-го сословія; я не буду разбирать ихъ, но замѣчу только, что во многихъ случаяхъ данный отвѣтъ не соотвѣтствовалъ вовсе требованію, или же нѣсколько отступалъ отъ него. Видно, что законодатель старается согласить разнородные интересы сословій и хочетъ ограничить реформы извѣстными предѣлами. Если третьему сословію дозволяется уничтожить помѣщичье право и противозаконную барщину, то все же не отвѣчаютъ на его желаніе освобожденія крѣпостныхъ. Время свободныхъ обществъ не наступило еще, а время свободныхъ городовъ уже прошло. Указъ отвѣчаетъ на просьбу о свободѣ городскаго управленія въ очень уклончивыхъ выраженіяхъ и произвольно предписываетъ однообразіе этого управленія; онъ хочетъ, чтобъ всѣ городскія учрежденія были какъ можно ближе къ образцу Парижа. Къ этимъ стремленіямъ къ единству онъ присоединяетъ еще и другія, не менѣе полезныя для народнаго развитія. Онъ вводитъ въ войско демократическое начало, давая всѣмъ возможность получать всѣ чины; онъ разрываетъ для

дворянства узы, которыя подъ страхомъ лишенія правъ привязывали его исключительно къ военной службѣ; онъ привлекаетъ высшую буржуазію отъ стремленія къ должностямъ къ торговлѣ; онъ приглашаетъ всю націю обратиться къ промышленной дѣятельности. Вотъ текстъ трехъ изъ его параграфовъ:

«Солдатъ за свои заслуги можетъ возвыситься до должностей и службы въ ротахъ и переходить изъ чина въ чинъ, до капитанскаго и даже выше, если окажется достойнымъ этого.

«Чтобъ пригласить нашихъ поданныхъ, какого-бы званія и состоянія они ни были, заняться торговлей сухопутной и морской и чтобъ объявить, что наше намѣреніе состоитъ въ возвышеніи и доставленіи уваженія тѣмъ, которые будутъ заниматься ею, мы приказываемъ, чтобъ всѣ дворяне, которые сами по себѣ или по посредничеству войдутъ въ долю и товарищество корабля, торгующаго колоніальными и другими товарами, не потеряютъ правъ дворянства... Что недворяне, сохраняя подъ своимъ вѣдѣніемъ впродолженіе пяти лѣтъ судно отъ двухъ до трехъ сотъ тоннъ, будутъ пользоваться привилегіями дворянства до тѣхъ поръ, пока будутъ вести торговлю на этомъ суднѣ, лишь бы только оно было построено въ нашемъ королевствѣ, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; въ случаѣ ихъ смерти во время торговли, которую они вели пятнадцать лѣтъ, мы поставляемъ, чтобъ ихъ жены пользовались тѣми же привилегіями во время ихъ вдовства, также какъ и ихъ дѣти, подъ условіемъ, чтобъ одинъ изъ нихъ продолжалъ торговыя дѣла и содержаніе корабля десять лѣтъ. Кромѣ того приказываемъ, чтобъ оптовые торговцы, которые содержатъ магазины, но безъ розничной торговли, или другіе купцы, которые были старшинами, консулами или торговыми приставами, могли принимать дворянское званіе и имѣть право присутствовать во всѣхъ публичныхъ и частныхъ засѣданіяхъ сейчасъ же послѣ нашихъ начальниковъ провинцій, членовъ уѣздныхъ судовъ и прокуроровъ этихъ судовъ и другихъ королевскихъ судей, которые будутъ находиться въ той мѣстности.

«Мы убѣждаемъ нашихъ подданныхъ, которые имѣютъ къ тому средства, соединиться для образованія прочныхъ товариществъ и обществъ промысловъ, морской и сухопутной торговли такимъ образомъ, какимъ они найдутъ это удобнѣе. Мы обѣщаемъ покровительствовать имъ и защищать ихъ, даровать имъ привилегіи и другія особенныя милости и поддерживать ихъ какимъ угодно способомъ для хорошаго веденія и успѣха ихъ торговли».

Все, что было возможно въ дѣлѣ общественнаго улучшенія во времена Ришелье, все было исполнено этимъ человѣкомъ, умъ котораго проникалъ во все, практическій геній котораго

не упускалъ ничего, который шелъ отъ цѣлаго къ подробностямъ, отъ идеи къ дѣйствію съ удивительной ловкостью. Управляя серьезными и мелочными дѣлами въ одно и то же время и съ одинаковымъ усердіемъ, всюду присутствуя или лично, или своими мыслями, онъ обладалъ въ одинаковой степени всеобщностью и свободой духа. Какъ католическій епископъ (кардиналъ), онъ хотѣлъ, чтобъ все духовенство было національное; побѣдитель кальвинистовъ, онъ наказывалъ только мятежъ и почиталъ свободу совѣсти [1]); дитя дворянства и пропитанный честолюбіемъ, онъ дѣйствововалъ такъ, какъ будто ему дано было порученіе приготовить владычество третьяго сословія. Конечною цѣлью его политики было то, что заставляло возвышать и вмѣстѣ съ тѣмъ стремилось смѣшать буржуазію съ другими классами. Это былъ успѣхъ торговли и литературы, работа умственная или физическая. Ришелье помимо престола зналъ только одно положеніе, равное своему,—это положеніе писателя и мыслителя; онъ требовалъ, чтобы такіе люди какъ Шапеленъ (Chapelain) или Гомбò (Gombauld), говорили съ нимъ съ покрытой головой [2]). Но въ то время, какъ онъ торговыми мѣрами и великимъ литературнымъ учрежденіемъ увеличивалъ для простаго народа, внѣ должностей, почетныя мѣста въ государствѣ, онъ подавлялъ неограниченной властью старыя вольности городовъ и провинцій. Частныя положенія, городскія учрежденія, все, что было постановлено какъ право землями, принадлежащими королю, все, что было создано буржуазіей во время ея процвѣтанія, все было отодвинуто имъ дальше, чѣмъ когда-нибудь. Было много страданій для народа, страданій, къ несчастію необходимыхъ, но которыя не становились легче отъ этой необходимости и которыя сопровождали шагъ за шагомъ созданіе современной централизаціи.

Что касается внѣшней политики перваго министра, эта часть его дѣяній, не менѣе достойная удивленія, чѣмъ первая, имѣетъ передъ той то преимущество, что не перестала быть для насъ подъ вліяніемъ времени и волненій въ Европѣ, черезъ два столѣтія, такой же живой, такой же сообразной съ духомъ народа, какою была въ дни своего появленія. Эта политика, со времени паденія имперіи и воскресенія конституціонной Франціи, не переставала, такъ сказать, составлять часть народнаго сознанія. Поддержаніе независимыхъ національностей, освобожденіе національностей угнетенныхъ, уваженіе узъ естествен-

---

[1]) При окончаніи срока договора въ Алэ (Alais), 28 іюня 1629 г. Нантскій эдиктъ былъ утвержденъ торжественной присягой короля.

[2]) Шапеленъ и Гомбо, члены французской академіи и ея основатели.

ныхъ, что составляетъ общность расы и языка, дружба и миръ со слабыми, война противъ притѣснителей всеобщей свободы и цивилизаціи, всѣ эти обязанности, которыя налагаетъ на себя нашъ демократическій либерализмъ, были въ видѣ намека заключены въ планъ внѣшняго поведенія, который предписывался королю государственнымъ человѣкомъ, внѣшній идеалъ котораго была неограниченная власть [1]).

На вопросъ о правахъ Франціи на расширеніе, которое обозначило бы окончательно ея границы, вопросъ, часто прелагавшійся въ теченіе трехъ столѣтій и до сихъ поръ еще подлежащій разбирательству, Генрихъ IV говорилъ: «Пусть испанскій языкъ остается въ Испаніи, нѣмецкій въ Германіи, но я хочу, чтобъ всѣ, говорящіе по французски, принадлежали мнѣ». Современникъ Ришелье, можетъ быть одинъ изъ его совѣтниковъ, говоритъ какъ-бы отъ него: «Цѣль моего министерства была слѣдующая: возстановить естественныя границы Галліи, слить въ одно Галлію и Францію и повсюду, гдѣ была старая Галлія, установить новую». Изъ этихъ двухъ началъ, соединенныхъ вмѣстѣ и умѣряющихъ одно другое, произойдетъ, когда настанетъ время, послѣднее опредѣленіе французской территоріи, которой мы владѣемъ по законному и неизмѣнному праву, во имя двойнаго права—природы и исторіи.

Мысль о новой политической системѣ Европы, основанной на равновѣсіи противныхъ силъ, и гдѣ Франція пользовалась властью, похищенной у Испаніи не для своихъ выгодъ, но для сохраненія общей самостоятельности, эта мысль Генриха Великаго, разсѣявшаяся съ его смертью какъ сонъ, была приведена въ исполненіе Ришелье посредствомъ переговоровъ и побѣдъ. Когда министръ Людовика XIII умеръ, изнуренный трудами для отечества, дѣло было уже кончено; искусная настойчивость, соединенная съ блестящими военными дѣлами, произвела менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ основное преобразованіе Европы — знаменитый Вестфальскій миръ. Эта часть творенія великаго государственнаго человѣка, его внѣшняя политика, вотъ что было всего

---

[1]) Любопытно посмотрѣть, въ какихъ выраженіяхъ преданности дѣлу освобожденія Европы онъ говоритъ о своемъ вмѣшательствѣ въ дѣла Италіи, Германіи и Нидерландовъ. Во всякомъ дипломатическомъ или военномъ событіи дѣло идетъ объ освобожденіи или государя или народа «отъ притѣсненій испанцевъ, отъ тираніи Австрійскаго дома, отъ ужаса, наведеннаго ненасытной алчностью этого дома, врага спокойствія христіанскаго міра, остановить его захваты земель, заставить его возвратить тѣ земли, которыя онъ захватилъ въ Швейцаріи и Италіи, обезпечить всю Италію отъ его неправаго притѣсненія, заботиться о благѣ всей Италіи, спасти и утвердить противъ Австріи права государей Имперіи». (Testament politique du cardinal de Richelieu, 1re partie, chap. 1, p. 9, 10, 14, 15, 18, 24, 25, 26.)

лучше понято въ его время, что казалось людямъ образованнымъ прекраснымъ, совершеннымъ, на остальное смотрѣли или съ сомнѣніемъ, или съ отвращеніемъ. Такъ же, какъ и послѣ царствованія Людовика XI, общественное мнѣніе противодѣйствовало революціонному дѣйствію власти. Классы, которымъ уравненіе положенія дворянъ и порядокъ, предписанный всѣмъ, должны были послужить въ пользу, были менѣе поражены будущностью, приготовленной для нихъ, менѣе чувствовали превосходство цѣли, чѣмъ были раздражены жестокостью мѣръ и оскорблены чрезмѣрнымъ произволомъ.

Это противодѣйствіе третьяго сословія министрской диктатурѣ, т. е. противъ того, что было болѣе дерзкимъ нововведеніемъ въ королевской власти, было началомъ и постоянной поддержкой междоусобныхъ войнъ Фронды. Я касаюсь здѣсь одного изъ самыхъ любопытныхъ и болѣе извѣстныхъ событій XVII вѣка, эпизодъ, живо описанный въ мемуарахъ, которые читались всѣми, и въ наше время глубоко изученный замѣчательными писателями; я не сдѣлаю даже его краткаго разсказа, цѣль этого опыта состоитъ въ томъ, чтобъ бросить бѣглый взглядъ на то, что сообщаетъ намъ исторія и остановиться на томъ, о чемъ она умалчиваетъ. Въ четырехъ годахъ, которые обнимаетъ собой волненіе Фронды, ясно различаются двѣ эпохи: одна представляетъ, хотя по наружности, характеры, свойственные современнымъ конституціоннымъ революціямъ; другая воспроизводитъ характеръ волненій царствованія Людовика XIII и нѣкоторыя изгладившіяся черты волненій Лиги. Только первая входитъ всецѣло и должна занимать важное мѣсто въ исторіи третьяго сословія; только ею я ограничу мои замѣчанія. Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ, въ іюнѣ 1648 г., четыре верховныхъ судилища, т. е. парламентъ, счетная экспедиція, судъ, рѣшавшій дѣла о сборахъ и налогахъ, и государственный совѣтъ, соединились, чтобъ противостать королевской власти, которая во время малолѣтія Людовика XIV была въ рукахъ его матери и кардинала Мазарини. Извѣстно, что этотъ союзъ, сдѣланный во имя ихъ частныхъ интересовъ, для неосновательнаго поддержанія ежегодной пошлины, скоро обратился на защиту общественныхъ интересовъ и реформъ государства. Сигналъ къ возстанію, поданный высшимъ судейскимъ сословіемъ, издѣвался надъ всѣмъ окружающимъ, что страдало отъ диктаторскаго управленія, введеннаго во Франціи Ришелье и сохранившагося послѣ него, но безъ его твердости, души и генія [1].

---

[1]) Со смерти блаженной памяти короля Людовика XIII, хотя принцы, вельможи и чиновники, припомнивъ величайшія несправедливости и ужасныя бѣдствія, которыя были принесены имъ и всему королевству тѣми, которые

Не только возстали оскорбленные интересы, но даже мнѣнія, сознанія и страсти,—все возмутилось; масса разнообразныхъ элементовъ, остатки прошедшаго и зародыши будущаго, все содѣйствовало этому броженію умовъ. Справедливыя неудовольствія народа, обремененнаго налогами и злопамятство дворянства, привилегіи котораго были сокращены, преданія о свободѣ или генеральныхъ штатовъ или провинцій и городовъ и идея высшей свободы, проистекавшая изъ изученія классиковъ и успѣха современныхъ понятій; болѣе или менѣе смутная потребность законнаго обезпеченія и правильности учрежденій, наконецъ работа фантазіи, разгоряченной примѣромъ Англіи, вотъ собраніе тѣхъ причинъ, по которымъ во всѣхъ событіяхъ первой Фронды замѣчается характеръ могущества и новизны, вотъ, однимъ словомъ, что породило возобновленіе возмущеній, такъ часто поднимавшихся противъ двора и противъ лицъ, занимающихъ судейскія должности.

Что касается знаменитаго акта, о которомъ разсуждали шестьдесятъ депутатовъ верховныхъ судилищъ и бывшимъ какъ-бы граматой правъ, которая была навязана королевской власти въ формѣ указа парламента, нельзя, съ какой-бы стороны его ни разсматривали, не признать его важности. По формѣ это было похищеніе законной власти, сдѣланное съ помощью, переходившей по преданію, привилегіи предостереженій; но содержаніе—это родъ основнаго закона, который согласовался съ современными граматами, давая именно гарантіи противъ произвольныхъ налоговъ и завладѣній. Его текстъ говоритъ такъ: «Никакія таксы и налоги не будутъ распредѣляемы иначе, какъ въ силу эдиктовъ и объявленій, надлежащимъ образомъ провѣренныхъ въ верховныхъ судилищахъ, съ правомъ свободной подачи голосовъ. Ни одного изъ подданныхъ короля, какого бы онъ ни былъ званія и состоянія, нельзя держать арестантомъ болѣе двадцати четырехъ часовъ безъ допроса, какъ говоритъ указъ, и долженъ быть преданъ своему естественному судьѣ. Кромѣ несогласія въ финансовыхъ вопросахъ верховныя судилища присвоивали себѣ тоже право въ созданіи новыхъ должностей и такимъ образомъ вооруженныя противъ всякаго закона, который могъ-бы измѣнить ихъ составъ, они дѣйствительно сдѣлались первой властью въ государствѣ.

завладѣли неограниченной властью у короля подъ новымъ именемъ перваго государственнаго министра, возставали гордо противъ того, чтобъ такимъ образомъ возвысилось частное лицо надъ королемъ и для притѣсненія людей; случилось такъ, что иностранецъ, по имени Юлій Мазарини, утвердился въ этой верховной должности. (La Requête des trois états, présentée à MM. du parlement, en 1648 (pamphlet du temps). Mémoires d'Omer Jalon, collect. Michaud, 3e série. T. VI, p. 316).

Если бы, что невозможно, королевская власть, побѣжденная тогда, покорилась бы такимъ условіямъ, правленіе Франціи сдѣлалось бы монархіей съ властью, ограниченной законнымъ вмѣшательствомъ судебныхъ учрежденій, возведенныхъ въ политическую власть. Что подобное учрежденіе, болѣе правильное, чѣмъ неограниченная монархія, имѣло бы болѣе значенія для будущности страны, въ этомъ теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія. Симпатичная сторона этого очерка революціи заключается въ вдохновеніи, появившемся въ ней на одинъ мигъ, и въ демократизмѣ, которое обнаруживаютъ нѣкоторые памфлеты того времени и проглядываетъ въ рѣчахъ оратора парламента. У одного изъ самыхъ умѣренныхъ между ними встрѣчаются слѣдующія положенія: короли—равны другимъ людямъ по общему принципу природы; одна власть различаетъ насъ. Власть, которою пользуются государи, зависитъ отъ подчиненія ихъ подданныхъ, — короли обязаны своей участью и своимъ могуществомъ разнымъ классамъ людей, которые имъ повинуются и меньшую часть которыхъ составляетъ знать. Отправленія судейскаго сословія, искусство ремесленниковъ, терпѣніе солдатъ, всѣ тѣ, что работаютъ, способствуютъ утвержденію и сохраненію королевской власти. Безъ народа не существовало бы государство и монархія была бы только идеей.

Судя по постоянному ходу революцій, во Фрондѣ былъ моментъ кризиса, когда власть, ослабленная своимъ сопротивленіемъ, сдѣлала уступки, но не полныя, и когда грозный голосъ, голосъ народа, отвѣчалъ: «Слишкомъ поздно!» тогда законную борьбу смѣнило насиліе и когда послѣ государственнаго переворота, произведеннаго дворомъ въ Парижѣ, наступилъ день мятежа, который, возобновляя собою одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ дней Лиги, былъ названъ по его имени «Днемъ Баррикадъ». Подобное имя вызываетъ на той страницѣ исторіи, гдѣ оно является, болѣе чѣмъ простое любопытство, потому что съ нимъ связаны для насъ воспоминанія томительныя и прискорбныя. Читая происшествія 27 августа 1648 г., переданныя мемуарами того времени, задумываешься надъ такими подробностями: «Всѣ безъ исключенія взялись за оружіе; пяти и шестилѣтнія дѣти ходили съ кинжалами въ рукахъ, сами матери давали ихъ имъ. Въ Парижѣ, менѣе чѣмъ въ два часа, поставили болѣе тысячи двухсотъ баррикадъ, окруженныхъ всѣми знаменами и оружіемъ, которыя уцѣлѣли послѣ Лиги. Въ улицѣ Neuve-Nostre-Dame я увидѣлъ, что восьми или десятилѣтній мальчикъ несъ или скорѣе тащилъ копье временъ давно прошедшей войны съ Англіей.

Если старое оружіе приверженцевъ Лиги оказалось тогда въ рукахъ жителей Парижа, то это произошло по призыву но-

выхъ стремленій, новыхъ принциповъ, духъ общества 1648 г. менѣе принадлежалъ прошедшему, чѣмъ будущему. Сила чисто народная и политическая вдругъ возстала передъ королевской властью, на этотъ разъ не для того, чтобы сломить ее, но чтобъ снова успокоиться и еще болѣе увеличиться разработкой идей и вновь появиться съ непреодолимымъ могуществомъ въ 1789 году.

Декларація короля 24 октября 1642 г. отмѣтила для Фронды второй критическій моментъ, соотвѣтствующій тому пункту, котораго достигаютъ революціи, когда власть примиряется, вынужденная къ этому необходимостью, но безъ уступокъ и чистосердечности. Остановка, полная сомнѣній и тревогъ, привела къ періоду самаго сильнаго революціоннаго движенія, къ завладѣнію всею властью въ Парижѣ парламентомъ, союзниками котораго были городскіе чиновники; мѣры, предпринятыя тогда во имя общественнаго блага, собираніе податей и наборъ регулярныхъ войскъ, учрежденіе защиты и полиціи въ городѣ, воззваніе федеративнаго союза, обращенное ко всѣмъ парламентамъ и городамъ королевства, доказываютъ, что у союза судейскаго сословія не было недостатка въ смѣлости и энергіи [1]). Она шла впередъ, и чтобъ продолжаться, ей нужны были только возбужденныя симпатіи буржуазіи и народа; ея опасность была — союзъ, въ который, въ силу обстоятельствъ, она должна была вступить съ интересами и стремленіями высшаго дворянства. Эта помощь, болѣе чѣмъ опасная, должна была совратить ее съ пути истины и патріотизма; какъ только она это замѣтила, то отступила назадъ. Парламенту принесло славу то, что онъ отвѣчалъ неудовольствіемъ и презрѣніемъ тѣмъ, которые предлагали искать поддержки народнаго дѣла во врагахъ Франціи. Принужденный выбирать между неопредѣленнымъ сопротивленіемъ и долгомъ каждаго честнаго гражданина, онъ не колебался; онъ примирился съ дворомъ вмѣсто того, чтобъ соединиться съ Испаніей [2]).

Что было странно и замѣчательно въ исторіи Фронды — это презрительная встрѣча, которую сдѣлали классы простолюдиновъ созванію генеральныхъ штатовъ, назначенныхъ на 15-ое марта 1649 г. Это воззваніе королевской власти къ народной власти трехъ сословій, которыя были посредниками въ ея ссорѣ съ парламентомъ, было принято дворянствомъ, но не третьимъ сословіемъ; ни буржуазія, ни сельскіе жители не принимались за

---

[1]) Затѣмъ дворъ разсуждалъ о средствахъ общественнаго спокойствія и, чтобъ достигнуть его, рѣшили выпустить милліонъ ливровъ. (Mémoires d'Omer Talon, collect. Michaud, 3e série.)

[2]) 11-го марта 1649 года.

избранія; ихъ политическія убѣжденія были далеки отъ этого; выведенные изъ заблужденія относительно силы этихъ собраній, гдѣ привелегированные классы имѣли два голоса противъ одного, они предпочли слѣдовать новому опыту подъ руководствомъ судей изъ ихъ сословія. Всѣ муниципальныя учрежденія признали верховную власть парламента. Парижскій парламентъ со своимъ главой купечества, своими старшинами, совѣтниками, синдиками промышленныхъ корпорацій, своими квартальными надзирателями, своими полковниками и начальниками земскаго ополченія, былъ исполнительной властью законовъ, составленныхъ верховнымъ судомъ. Не безъинтересно прослѣдить, въ оффиціальныхъ протоколахъ, дѣятельность этой власти, которая въ многомъ заимствовалась у знаменитой парижской общины.

Днемъ гордости для парижской буржуазіи былъ тотъ день, когда принцъ крови явился передъ городскими чиновниками и сказалъ имъ, что, принявъ ихъ сторону, сторону парламента, онъ приходитъ къ нимъ заниматься общественными дѣлами, когда вельможи присягнули, какъ начальники войскъ Фронды, и когда прекрасныя знатныя женщины поселились въ ратушѣ, какъ залогъ вѣрности своихъ мужей, но въ этотъ день народное предпріятіе противъ неограниченной власти потеряло свой характеръ новизны и достоинства; оно начало быть подражаніемъ того, что было во время регентства Маріи Медичи. Все, что было въ этомъ возмущеніи искренности въ духѣ и важности въ поступкахъ, все исчезло, когда присоединились къ нему мятежные придворные со своими нравами и интересами.

Миръ, заключенный въ Сенъ-Жерменѣ 30-го марта 1649 г. между дворомъ и парламентомъ, окончилъ то, что можно назвать логическимъ періодомъ Фронды, т. е. тотъ періодъ, когда движеніе понятій и революціонныя дѣйствія проистекали изъ одного принципа необходимости точныхъ законовъ, чтобъ идти къ цѣли общественныхъ интересовъ, установленію обезпеченій противъ произвола. Окончательный актъ этого мира утвердилъ снова уже сдѣланную большую уступку,—вмѣшательство парижскаго парламента въ общія дѣла, особенно въ вопросы о налогахъ Итакъ, неограниченное правленіе уступило мѣсто правленію съ судебнымъ контролемъ; но это перемѣна, которая разслабляла всю административную систему, не произвела лучшаго порядка и не успокоила Франціи; изъ нея вышла только анархія. Въ послѣднія два столѣтія участью парламента было возбуждать въ націи желаніе законной свободы и быть неспособнымъ удовлетворить его чѣмъ-нибудь серьезнымъ и дѣйствительнымъ. Въ первый годъ Фронды его роль была довольно значительна, но оказалось, что онъ пошатнулся въ своемъ по-

ложеніи господства, онъ болѣе не управлялъ другими, едва управляя самимъ собой, по-перемѣнно, то сильный, то робкій, соумышленникъ, противъ своей воли, знати въ ея честолюбіи, соединенномъ съ стремленіями массы. Три года междоусобной войны за чисто личные вопросы, неурядица вслѣдствіе заговоровъ аристократовъ и народныхъ возстаній, скандалы безстыднаго волокитства, вмѣстѣ съ возмущеніями изъ эгоизма и воззванія къ иностранцамъ, славныя имена, вдругъ оскверненныя преступленіемъ измѣны Франціи, наконецъ рѣзня, заумышленная противъ высшей буржуазіи демагогами на жалованьи принцевъ, таковы сцены, которыя наполняютъ исторію Фронды отъ апрѣля 1649 года до сентября 1652 г. Какъ грустно читать и тѣмъ болѣе разсказывать, такъ онѣ безумны и отвратительны!

Послѣ волненія, которое, сравнительно съ своей продолжительностью, неглубоко пустило корни, французское общество утвердилось на новыхъ основаніяхъ, на единствѣ и полной независимости власти. Принципъ неограниченной монархіи былъ объявленъ болѣе сурово, чѣмъ когда-нибудь, посреди всеобщей тишины, и твореніе Ришелье, сохраненное министромъ, стоящимъ ниже его, могло перейти нетронутымъ изъ рукъ послѣдняго въ руки короля. Въ день, когда Людовикъ XIV объявилъ совѣту, что хочетъ управлять самостоятельно, исполнился пятьдесятъ одинъ годъ со смерти Генриха IV, и въ этотъ промежутокъ, благодаря порядку, хорошо созданному и искусно поддерживаемому министрской диктатурой, общественное и нравственное состояніе Франціи сдѣлало большіе успѣхи. Въ концѣ междоусобныхъ войнъ XVI столѣтія, нація, освобожденная отнынѣ отъ двойнаго потока религіозныхъ стремленій, который увлекъ ее въ противную сторону отъ великихъ европейскихъ споровъ, обратила свои мысли на саму себя и стала искать своего настоящаго мѣста въ политическомъ и умственномъ строю. Отсюда произошло въ XVII вѣкѣ два одновременныхъ стремленія, которыя состояли: одно въ томъ, чтобъ сдѣлать свободными и личными внѣшнія дѣйствія Франціи, а другое—чтобъ развить духъ французовъ въ его индивидуальности и его природный характеръ. Въ предшествующемъ вѣкѣ возрожденіе литературы было движеніемъ умовъ, общимъ всей образованной Европѣ; оно погрузило насъ, также какъ и сосѣдніе народы, въ изученіе и подражаніе древности, но оно не создало національной литературы; этотъ періодъ долженъ былъ явиться позже. Онъ начался съ того времени, когда страна начинала свою роль какъ европейское могущество; нашъ языкъ устанавливался въ то же время, какъ основывалась наша политика, и реформа Малерба была современна проэктамъ Генриха IV. Въ то время, какъ

эти проэкты выполнялись Ришелье и Мазарини, умъ французовъ нашелъ себѣ истинный путь и шелъ по немъ исполинскими шагами, достигъ высокихъ философскихъ системъ, величія въ поэзіи и совершенства въ прозѣ; онъ доставилъ удивленію людей вѣчное величіе трехъ именъ: Декарта, Корнеля и Паскаля.

Къ перевороту идей, который положилъ во Франціи отпечатокъ національности на философію, литературу и искусство, присоединилась еще перемѣна нравовъ. Высшее просвѣщенное общество стало устанавливаться по новому въ самый разгаръ этого новаго умственнаго движенія. Умъ сталъ отнынѣ въ этомъ обществѣ паравнѣ съ другими отличіями; въ ихъ кругъ вошли литераторы не знатнаго происхожденія, уже не какъ слуги или любимцы принцевъ или вельможъ, но по личному достоинству. Разговоры между обоими полами, касавшіеся по тогдашней модѣ предметовъ самыхъ возвышенныхъ и важныхъ, положили основаніе вліянію высшаго общества, которое должно было явиться у насъ вмѣстѣ съ властью книгъ. Однимъ словомъ, ученая буржуазія пріобрѣла въ области досуга такое же вліяніе, какимъ она пользовалась въ области дѣлъ; она вмѣшивалась всюду и занимала вездѣ передовое мѣсто.

Черезъ нея произошли разомъ въ XVII вѣкѣ, политическое волненіе Фронды и религіозное волненіе янсенизма, попытки внутренняго измѣненія догматовъ и католическаго благочинія, ученія болѣе строгаго къ вѣрованіямъ и болѣе свободнаго къ власти, который былъ однимъ изъ нравственныхъ двигателей въ возстаніи судейскаго сословія противъ неограниченной власти. Это ученіе, не имѣя политической важности, но замѣчательное характерами и великими умами, которые его поддерживали, занимаетъ хотя значительное, но неопредѣленное мѣсто въ исторіи третьяго сословія. Соединенное съ непрерывными усиліями оппозиціи парламента, оно служило пищей споровъ до половины XVIII вѣка, пока эти споры не были перенесены съ неслыханной силой и смѣлостью въ сферы философіи, гдѣ начали искать, оставляя въ сторонѣ преданія, — вѣчные принципы разума, правды и человѣчности, для того, чтобъ примѣнить ихъ къ законамъ.

(Histoire du tiers état. A. Thierry. Стр. 169—198. Bruxelles, 1853 г.)

6. ТРІУМФЪ И СМЕРТЬ РИШЕЛЬЕ. — ЕГО ПОЛИТИКА ПЕРЕЖИВАЕТЪ ЕГО. — СМЕРТЬ ЛЮДОВИКА XIII.

Бурный 1642 годъ кончался при безмѣрномъ блескѣ: счастье, долгое время колебавшееся, склонялось на сторону Франціи;

Австрія смирялась, а Франція возвышалась. Генрихъ IV нѣкогда утвердилъ за ней независимость, Ришелье далъ ей политическій перевѣсъ. Навсегда покончено было дѣло Карла V и Филиппа II! Французская нація снова получила надъ другими націями то первенство, которое она имѣла въ средніе вѣка, руководя въ Европѣ крестовыми походами.

Эта великая симфонія побѣдъ раздавалась около постели умирающаго, всѣ завоеванныя знамена склонялись на его чело. Эпопея, впродолженіе 18-ти лѣтъ удивлявшая собою міръ, не должна была имѣть недостатка въ величественности развязки: герой ея умиралъ въ славѣ, которую Провидѣніе не давало ему увеличить еще болѣе.

Побѣда, одержанная надъ Сенъ-Марсомъ, и въ особенности всеобщіе успѣхи французской политики на нѣсколько мѣсяцевъ снова призвали Ришелье къ той жизни, которая его покидала; но истощенный организмъ все же продолжалъ медленно разрушаться. Вечеромъ 28 ноября, Ришелье, возвратившійся изъ Рюэля въ Пале-Кардиналь, почувствовалъ сильную лихорадку, которая сопровождалась колотьемъ въ боку и кровохарканьемъ; 4 раза пускали кровь, но лихорадка не уменьшалась. 2 декабря во всѣхъ парижскихъ церквахъ совершено было публичное молебствіе за больнаго, и самъ король прибылъ изъ Сенъ-Жермена, чтобы навѣстить его. Ришелье говорилъ съ Людовикомъ какъ человѣкъ, приготовившійся къ смерти: онъ просилъ короля въ память его заслугъ помогать его родственникамъ, рекомендовалъ ему министровъ де Нуайе (de Noyers) и Шавиньи и въ особенности Мазарини, на котораго Ришелье, говорятъ, указалъ, какъ на лице, наиболѣе способное занять его мѣсто; затѣмъ онъ вручилъ королю декларацію, которую только что приготовилъ противъ герцога Орлеанскаго, съ цѣлію лишить этого принца всякаго права на регенство или управленіе королевствомъ въ случаѣ смерти короля. Эта была со стороны Ришелье послѣдняя услуга Франціи.

Послѣ посѣщенія короля, Ришелье, почувствовавъ себя хуже, спросилъ у докторовъ, сколько времени ему еще жить. Тѣ, желая льстить этому человѣку до конца его жизни, отвѣтили, что еще не отчаяваются; «что Богъ, видя его столь необходимымъ для блага Франціи, вѣроятно совершитъ что-нибудь для сохраненія его жизни». Кардиналъ покачалъ головой и, снова подозвавъ одного изъ королевскихъ докторовъ, сказалъ ему: «Говорите мнѣ откровенно, не какъ лѣкарь, а какъ другъ. — Monseigneur, чрезъ 24 часа вы или умрете, или выздоровѣете.— Вотъ это такъ»! отвѣчалъ Ришелье: «я понимаю васъ»! И онъ послалъ за священникомъ отъ Св. Евстафія, своей приходской церкви. «Вотъ мой судья», сказалъ онъ, когда ему предложили

Св. Дары, судья, который скоро произнесетъ мой приговоръ; прошу Его, пусть Онъ меня судитъ, если я во время моей дѣятельности дѣйствовалъ не ко благу религіи государства.—Прощаете ли вы своимъ врагамъ? спросилъ священникъ. «*У меня никогда не было другихъ враговъ, кромѣ враговъ государства*».

Большая часть присутствующихъ смотрѣла на умирающаго съ удивленіемъ, нѣкоторые же со страхомъ. «Вотъ, говорилъ тихо епископъ изъ Лизьё (de Lisieux) Коспеанъ (Cospéan), увѣренность, которая меня ужасаетъ!» — «Я былъ суровъ для нѣкоторыхъ, говорилъ Ришелье, чтобъ быть добрымъ для всѣхъ!... Я любилъ правосудіе, а не месть!» Былъ ли онъ хорошо увѣренъ въ этомъ?... «Я хотѣлъ возвратить Галліи ея естественныя границы.... понятіе о Галліи неразрывно слить съ понятіемъ о Франціи и на мѣстѣ древней Галліи возстановить новую»...

3-го декабря, послѣ полудня, король пришелъ послѣдній разъ навѣстить кардинала. Потерявъ какую-бы то ни было надежду, доктора оставили больнаго на произволъ шарлатановъ и тѣ доставили ему нѣкоторое облегченіе, но слабость однако же все увеличивалась; 4-го декабря утромъ, почувствовавъ приближеніе смерти, онъ приказалъ удалить свою племянницу, герцогиню д'Эгильонъ, особу, которую любилъ больше всѣхъ, судя по его собственнымъ словамъ; это былъ единственный моментъ, не то что слабости, но сожалѣнія; непоколебимая твердость этого человѣка не уменьшилась во время его долгихъ страданій; всѣ присутствующіе: министры, генералы, родственники и домашніе заливались слезами, такъ какъ этотъ страшный человѣкъ былъ, по мнѣнію далеко не благосклонныхъ къ нему современниковъ, «лучшимъ господиномъ, родственникомъ и другомъ, какой только когда-либо существовалъ». Около полудня онъ вздохнулъ глубоко, потомъ слабѣе, а потомъ его тѣло опустилось и осталось неподвижнымъ: великая душа улетѣла!

Онъ жилъ пятьдесятъ семь лѣтъ и три мѣсяца, столько же времени, сколько Генихъ IV.

Только одному Богу извѣстна тайна того довѣрія, съ которымъ этотъ мало милосердый человѣкъ ожидалъ милосердія верховнаго Судіи; нельзя вывѣдать тайнъ божескихъ приговоровъ; приговоры людскіе были и еще есть очень различны въ отношеніи къ министру, который стоялъ за необходимость строгихъ мѣръ къ пахарю, котораго обвиняютъ въ томъ, что онъ могучей рукой вырвалъ изъ нашихъ бороздъ вмѣстѣ съ сорной травой и хорошее зерно; самыя противоположныя мнѣнія сложились за и противъ его памяти. До 1789 г. порицаютъ его феодалы и сторонники парламента, съ 1789 г. ультрамонтаны и большая часть либераловъ. Ретцъ утверждаетъ, что «кардиналъ Ришелье воспользовался всѣми дурными намѣреніями, всѣмъ невѣже-

ствомъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, чтобы въ самую справедливую монархію внести самую соблазнительную и самую опасную тиранію», Монтескьё считаетъ самыми злыми гражданами Франціи, «Ришелье и Лувуа». Недавно еще сильные люди повторяли подобныя проклятія. Но если посмотрѣть съ другой стороны, то замѣтимъ, что на защиту великаго человѣка возстаютъ приверженцы единства и сильной и дѣятельной власти, монархисты или демократы, и всѣ тѣ, которые любовь къ отечеству полагаютъ прежде всякаго другаго соціальнаго или политическаго чувства. «Мониторъ» 1789 г., стоя во главѣ этой партіи, гремитъ, какъ голосъ самой революціи: «оставимъ аристократовъ ожесточаться противъ памяти этого смѣлаго министра, который поразилъ ихъ гордость и отомстилъ знатнымъ за угнетеніе народа!... Жертвуя многимъ для спокойствія государства, онъ сдѣлался возстановителемъ этого спокойствія: онъ первый употребилъ настоящія средства для искоренненія зла... смиряя второстепенныя власти, которыя впродолженіе почти 9-ти столѣтій порабощали націю... Отъ его неутомимой дѣятельности не ускользнуло ничего, что только можетъ способствовать могуществу и славѣ обширнаго королевства».

Народный инстиктъ порѣшилъ однако же съ Ришелье не такъ, какъ порѣшилъ съ Генрихомъ IV; отвлеченное и какъ-бы скрытое величіе этого больнаго, который со своей постели разрушалъ царства, не подѣйствовало ни на сердца, ни на воображеніе необразованныхъ массъ и не запечатлѣло въ нихъ неизгладимыми чертами блѣднаго и таинственнаго лица Ришелье. Человѣкъ, который болѣе всего сдѣлалъ для величія Франціи, мало знакомъ французскому народу; можетъ быть это наказаніе за его суровость къ страждущей толпѣ и за его жесткія правила? «Если-бы народы пользовались излишнимъ спокойствіемъ, то невозможно было-бы сдержать ихъ въ предѣлахъ ихъ долга».

Попытаемся совмѣстить въ нѣсколькихъ строкахъ элементы великаго дѣла Ришелье, о которомъ судятъ такъ различно. Во внутреннихъ дѣлахъ государства дѣйствія Ришелье были очень сложны относительно каждаго изъ трехъ сословій, составлявшихъ французское общество; въ своихъ сношеніяхъ съ духовенствомъ онъ съ одной стороны уничтожилъ, измѣнилъ или унизилъ монастырскія корпораціи иноземнаго происхожденія; съ другой— возстановилъ старинныхъ бенедиктинцевъ и свѣтское духовенство посредствомъ реформъ и учрежденій, которыя осуществили желанія послѣднихъ генеральныхъ штатовъ и приготовили то духовное поколѣніе, главою котораго былъ Боссюэтъ. Что касается до дворянскаго сословія, то онъ подавилъ значительныхъ вельможъ и покровительствовалъ мелкому дворянству, а среди буржуазіи дѣйствовалъ такимъ образомъ: унизилъ, смирилъ бюро-

кратію, ободрилъ, почтилъ и возвысилъ классъ промышленныхъ и торговыхъ людей и оказалъ покровительство литераторамъ, основавъ французскую академію съ цѣлью очистить и установить языкъ, который долженъ былъ служить орудіемъ для нашего первенства въ умственномъ отношеніи, а также горячо содѣйствовавъ созданію театра, гдѣ это первенство должно было обнаружиться самымъ блестящимъ образомъ. Въ великомъ вопросѣ о протестантизмѣ онъ съумѣлъ почтить свободу совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить партію гугенотовъ. Въ цѣломъ своего управленія менѣе систематическомъ и непоколебимомъ, чѣмъ относительно городскихъ и провинціальныхъ правъ, онъ стремился однако къ тому, чтобы все подчинить центральной власти и создалъ страшныя орудія деспотизма. Но справедливо-ли было бы слагать на него одного полную отвѣтственность 150-лѣтняго самовластнаго единодержавія, слѣдовавшаго за его управленіемъ, какъ будто-бы онъ правленію умѣренному противопоставилъ правленіе деспотическое? — Ничего не бывало. Съ того дня, какъ генеральные штаты 1439 г. установили постоянную армію, королевство шло по пути къ деспотизму, и религіозныя войны только на время пріостановили его въ этомъ стремленіи; Францискъ I царствовалъ вполнѣ самовластно, а Генрихъ IV снова установилъ дѣйствительную монархію настолько, насколько это ему было возможно; его правленіе было гораздо разумнѣе правленія Франциска I и гораздо умѣреннѣе правленія Ришелье (обстоятельства дѣлали для него умѣренность болѣе необходимой и менѣе трудной), но оно не было болѣе представительнымъ. Всѣ трое равнымъ образомъ жили налогами, не допускаемыми генеральными штатами. Зло, которое приписывается Ришелье, состоитъ въ рѣшительномъ возведеніи единичнаго факта въ правило и въ отрицаніи, во имя мнимаго права, нераздѣльно принадлежащаго коронѣ — права народнаго, состоящаго въ свободѣ голоса относительно податей, права, постоянно нарушаемаго, но никогда не изгладимаго изъ сердецъ. Это зло достаточно велико, чтобы его еще не преувеличили вслѣдствіе неумѣнья объяснить его.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Ришелье осуществилъ планы Генриха IV, насколько ему позволили обстоятельства, сдѣлавшіяся менѣе благопріятными; онъ пріобрѣлъ Франціи перевѣсъ, спасительный для Европы, при-этомъ Франція не старалась, подобно Австрійскому дому, добиться всемірнаго господства. Естественныя границы, тожество языка и происхожденія опредѣляли для нея предѣлы территоріальнаго протяженія; не стало больше возможности внезапнаго завоеванія, неправильнаго и необузданнаго расширенія государства. Ришелье по слѣдамъ Генриха IV установилъ систему истинной французской политики въ отношеніи Италіи, спасъ сѣверную Германію — отечество Лютера, и вмѣстѣ

съ ней истинный тевтонскій духъ и за эту безконечную услугу вознаградилъ себя взятіемъ обратно нѣсколькихъ провинцій, захваченныхъ германцами отъ Галліи. Голосъ безумной реакціи назвалъ политику Ришелье «политикой безбожной», потому что она побѣдила бога Филиппа II, бога мрака и смерти: политика равновѣсія, такъ какъ ее Генрихъ IV понялъ, а Ришелье привелъ въ дѣйствіе, служила приготовленіемъ и какъ-бы первоначальной формой политики народностей, политики будущаго, которая теперь господствуетъ пока въ умахъ, въ ожиданіи своего полнаго господства на дѣлѣ.

Повторимъ вкратцѣ то, что мы уже сказали: Ришелье нарушилъ или чрезмѣрно ослабилъ драгоцѣнные остатки мѣстныхъ правъ; онъ уничтожилъ или сильно измѣнилъ привычки къ сопротивленію и къ личной защитѣ, что дѣлало француза до нѣкоторой степени свободнымъ, если не по законамъ, то по нравамъ, но нельзя однако же клеймить Ришелье такимъ же проклятіемъ, какимъ клеймятъ разрушителей свободныхъ правительствъ; нельзя разрушить то, что не существуетъ; какое національное учрежденіе разстроилъ онъ? Есть всѣ признаки того, что деспотизмъ установился безъ него: безъ него развѣ бы спаслись Франція и Европа? Пусть кто-нибудь представитъ себѣ германскій союзъ преобразованнымъ въ абсолютную монархію подъ покровительствомъ іезуитовъ и Германію, Испанію, Италію, Венгрію, Польшу и Бельгію соединенными подъ управленіемъ Фердинанда II, который былъ новымъ Филиппомъ II, отличался такою же жестокостью, но только еще превосходилъ его способностями и силой. Пусть представятъ себѣ Францію при Маріи Медичи и Марильякахъ, какъ спутника, вовлеченнаго въ орбиту этого свѣтила смерти, которымъ стала-бы цивилизація?

Разумъ, долго находившійся въ нерѣшимости, прощаетъ Ришелье, который такъ часто призывалъ его противъ обычаевъ. Просвѣщенный патріотизмъ склоняется предъ памятью этого человѣка, сильно любившаго свое отечество, и думается намъ, что когда народъ посредствомъ ученія будетъ посвященъ въ знаніе прошедшаго, то и онъ произнесетъ ему такой же приговоръ.

Къ концу управленія Ришелье его ненавидѣли цѣлыя массы и ненавидѣли не по собственному убѣжденію, но вслѣдствіе чрезмѣрныхъ страданій. Когда узнали, что страшный кардиналъ умеръ, то электрическая радость пронеслась при дворѣ, прошла черезъ провинціи и проникла за границу. Горько признаться, что при той новости, которая воздвигла изъ праха враговъ Франціи, во многихъ пунктахъ Франціи горѣли потѣшные огни! Политика героизма и пожертвованій не понятна лю-

дямъ, стремящимся къ благосостоянію. Каждый дышалъ свободнѣе, когда видѣлъ, что желѣзная рука, долгое время увлекавшая Францію впередъ, была недвижима.

Радость придворныхъ и всѣхъ враговъ національнаго правленія продолжалась недолго: холодность и почти довольство, съ которыми Людовикъ XIII встрѣтилъ кончину своего министра и властелина, обманывали дворъ; тутъ король являлся не королемъ, а просто человѣкомъ, довольнымъ тѣмъ, что ему удалось освободиться отъ тяготѣвшаго надъ нимъ ига. Король исполнилъ все, что обѣщалъ умирающему министру. Въ самый день его смерти Людовикъ объявилъ государственнымъ военнымъ секретарямъ и секретарямъ иностранныхъ дѣлъ, де-Нуайе и Шавиньи, канцлеру Сегюіе и суперъ-интенданту Бутилье, что сохранитъ къ нимъ то довѣріе, которымъ они пользовались у покойнаго кардинала. Мазарини былъ призванъ въ совѣтъ, король принялъ подъ свое покровительство всѣхъ родственниковъ Ришелье и не только оставилъ за ними тѣ должности и почести, которыми они пользовались, но еще раздѣлилъ между ними главныя должности и бенефиціи покойнаго; управленіе Бретанью ввѣрено было маршалу Ла-Мейльере; суперинтендантство навигаціи вмѣстѣ съ управленіемъ Бруажемъ и островами досталось маркизу де-Брезе, начальство надъ галерами, равно какъ и управленіе Гавромъ, — старшему изъ двоюродныхъ внуковъ кардинала, перемѣнившему свое имя Понкурле на имя герцога Ришелье. 5-го декабря король извѣстилъ парламенты и губернаторовъ провинцій о томъ, что онъ рѣшился «сохранить всѣ учрежденія, бывшія при покойномъ кардиналѣ и слѣдовать всѣмъ его планамъ касательно внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ государства». Людовикъ объявлялъ, что къ прежнимъ министрамъ онъ призвалъ въ свои совѣты еще и кардинала Мазарини, въ которомъ былъ «такъ увѣренъ, какъ будто бы тотъ родился среди его подданныхъ». 6-го числа посланы были другія письма, которыя извѣстили посланниковъ о томъ, что король сохранитъ хорошее отношеніе къ своимъ союзникамъ и будетъ вести войну съ прежнимъ усердіемъ и прежними усиліями до тѣхъ поръ, пока ему, вмѣстѣ со всѣми его союзниками, не удастся установить всеобщаго спокойствія среди христіанскаго міра. 9-го декабря была отнесена въ парламентъ и внесена въ протоколъ та декларація, которая лишала Гастона всякаго политическаго значенія. Никогда почти не признавалась послѣдняя воля даже самыхъ могущественныхъ монарховъ, а Ришелье повелѣвалъ и изъ мрака своей могилы.

Однако королю не пришлось, какъ онъ говорилъ, «продолжать недоконченные планы его министра.» Немного недѣль спустя послѣ похоронъ Ришелье, Людовикъ XIII снова впалъ въ

ту слабость, изъ которой на минуту вышелъ, и медленно приближался къ могилѣ. Тогда-то система Ришелье начала испытывать нѣкоторое ослабленіе. Тотчасъ же послѣ смерти кардинала стало обнаруживаться въ совѣтѣ два противоположныхъ направленія. Де-Нуайе желалъ поддерживать не только вообще политику Ришелье, но и всѣ суровости въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, кромѣ королевы; онъ понималъ необходимость заручиться на ближайшее будущее извѣстной точкой опоры и, пріобрѣвши признательность Анны Австрійской, надѣялся пріобрѣсти себѣ и титулы. Мазарини и Шавиньи считали, напротивъ, благоразумнымъ ослабить нѣсколько ту пружину, которую единственно только рука Ришелье могла держать натянутою съ такою силою. Шавиньи зналъ, что королева питала сильную злобу къ его отцу, суперинтенданту, и къ нему самому, и попробовалъ поэтому поискать помощи въ другомъ мѣстѣ: онъ побудилъ Мазарини ходатайствовать вмѣстѣ съ нимъ предъ королемъ за Гастона, и Людовикъ согласился на то, чтобы декларація, внесенная въ протоколъ парламента, не была обнародована, а потомъ позволилъ Гастону снова явиться при дворѣ (13-го января 1643 г.). Маршалы Бассомпіерръ и Витри, сидѣвшіе въ крѣпости одинъ 6 лѣтъ, а другой 12, получили свободу, равно какъ и нѣкоторые другіе заключенные (19 января). Герцогъ Вандомъ получилъ дозволеніе возвратиться во Францію, а его сыновья — ко двору.

Вторичная болѣзнь короля (21-го февраля) ускорила это движеніе въ пользу удовлетворенія и прощенія. Государственныя тюрьмы мало по малу освобождались: заключенные и ссыльные, въ ожиданіи лучшаго, втихомолку возвращали себѣ свои замки. Каждый приготовлялся и строилъ различные планы касательно приближавшагося новаго переворота. Скрытная борьба въ совѣтѣ обнаружилась весною немилостью, которой подвергся Сюбле де-Нуайе. Этотъ государственный секретарь нравился королю своей мелочной набожностью, аккуратностью и трудолюбіемъ, ненавистью къ блеску и пышности и даже своей некрасивой осанкой и неизящными манерами. Это вскружило ему голову, онъ вообразилъ себя уже первымъ министромъ и въ отношеніи къ королю представлялъ изъ себя Ришелье. Людовикъ, который считалъ его не болѣе какъ годнымъ повѣреннымъ, разсердился и далъ ему отставку (10 апрѣля); его мѣсто въ военномъ министерствѣ занято было Ле-Теллье, интендантомъ итальянской арміи, личностью, предназначенной долгое время играть роль на политическомъ горизонтѣ.

Паденіе Сюбле де-Нуайе рѣшено было, какъ говорятъ, вслѣдствіе несчастной попытки его дѣйствовать передъ Людовикомъ въ пользу королевы. Де-Нуайе старался склонить короля сдѣ-

лать по своему завѣщанію безусловною регентшею свою супругу, тогда какъ король былъ далекъ отъ этого. Рожденіе двухъ сыновей не примирило его съ ихъ матерью, и Людовикъ продолжалъ питать къ Аннѣ такое же недовѣріе и отвращеніе, какъ и къ самому Гастону. До послѣдней минуты своей жизни онъ не забылъ ни дѣла Шантильи, ни дѣла Шале. Послѣ долгихъ разсужденій съ Мазарини и Шавиньи, которые только и оставались его интимными совѣтниками, король, сознавая всю невозможность устранить отъ господства послѣ себя разомъ жену и брата, остановился на слѣдующей мысли: уравновѣшивать ихъ одну другимъ и уничтожать на дѣлѣ тѣми ограниченіями, которымъ онъ думалъ подвергнуть ихъ власть. 20 апрѣля король потребовалъ къ себѣ въ комнату, въ Шато-нёфъ де-Сенъ-Жерменъ королеву съ дѣтьми, герцога Орлеанскаго, принца Конде, герцоговъ и пэровъ, маршаловъ, великихъ служителей престола, присутствовавшихъ при дворѣ, и заставилъ государственнаго секретаря прочесть имъ декларацію, которая касалась регенства и управленія королевствомъ послѣ его смерти. Людовикъ приказывалъ, чтобы въ случаѣ, если Богъ призоветъ его къ себѣ, королева, его супруга, была регентшей, а ея братъ, герцогъ Орлеанскій при ней главнымъ намѣстникомъ королевства; это являлось скорѣе видимымъ, нежели дѣйствительнымъ нарушеніемъ плана Ришелье, потому что королевская декларація противоставляла королевѣ совѣтъ, въ которомъ на основаніи его мнѣній и по большинству голосовъ должны были рѣшаться всѣ важныя дѣла государства. Этотъ совѣтъ, состоявшій изъ принца Конде, кардинала Мазарини, канцлера, суперъ-интенданта Бутилье и его сына Шавиньи, ни подъ какимъ предлогомъ не могъ быть ни увеличенъ, ни уменьшенъ королевой; въ случаѣ ваканціи, королева могла замѣстить вакантное мѣсто съ согласія большинства голосовъ. Равнымъ образомъ королева должна была спрашивать мнѣнія совѣта, если дѣло шло или о назначеніи въ высшія должности, или о дозволеніи «отсутствующимъ личностямъ» снова возвратиться въ королевство. Герцогиня де-Шеврёзъ должна была оставаться въ ссылкѣ, а бывшій хранитель печати—въ тюрьмѣ до заключенія мира. Эти двѣ особы считались Людовикомъ за самыхъ опасныхъ. Королева и герцогъ Орлеанскій подписали за королемъ эту декларацію, которая выражала «точную и послѣднюю волю Людовика XIII», и поклялись соблюдать ее и «хранить»; но въ ту минуту, когда Анна давала эту торжественную клятву, она собиралась подписать, или уже написала протестъ противъ того, что она называла нарушеніемъ ея правъ; нарушеніе клятвы, какъ извѣстно, ей ни чего не стоило.

На другой день декларація была внесена въ протоколъ парламента, въ присутствіи принцевъ и пэровъ. 23-го апрѣля три

другія деклараціи призвали сосланныхъ членовъ парламента и возстановили отмѣненныя должности; уничтожили по праву декларацію, декабря 1642 г., изданную противъ Гастона, такъ какъ она уничтожена была на дѣлѣ чрезъ назначеніе этого принца главнымъ начальникомъ, наконецъ отмѣнили навсегда должности коннетабля, главнаго начальника отъ инфантеріи, какъ опасныя для государства. 21-го дофинъ получилъ крещеніе въ капеллѣ Вьё-Шато де Сенъ-Жерменъ; Мазарини и прицесса Конде были, по выбору короля, его воспріемниками. Говорятъ, что когда послѣ церемоніи ребенка отвели къ отцу и тотъ спросилъ, какъ его теперь зовутъ, предполагаемый наслѣдный принцъ отвѣчалъ: «меня зовутъ Людовикомъ XIV»! «Нѣтъ еще»! кротко возразилъ король.

Чувствуя близость кончины, Людовикъ выказывалъ чрезвычайную кротость, необыкновенную безропотность и даже спокойствіе; онъ мало сожалѣлъ о жизни, которая, по его собственнымъ словамъ, не имѣла ничего, чтобы ему казалось достойнымъ любви; онъ только и помышлялъ объ истинно христіанской кончинѣ, онъ выразилъ сожалѣніе о своихъ суровостяхъ въ отношеніи къ матери и желаніе даровать народамъ миръ; онъ говорилъ, что «прощаетъ всѣхъ и проситъ прощенія у тѣхъ, съ кѣмъ онъ дурно поступалъ», повсюду посланы были отъ него письма, въ которыхъ онъ давалъ пощаду и амнистію. Ко двору толпами возвращались тѣ вельможи, которыхъ покарало или правосудіе, или недовѣрчивость со стороны прошедшаго правительства, именно Вандомы, Эльбёфы, Бассомпьерры, Витри и наконецъ Гизы. Но если король прощалъ, то они не прощали. Они возвращались, надругаясь надъ тѣми, которые чтили память покойнаго кардинала, и шумно требуя тѣхъ должностей и почестей, которыхъ ихъ лишили въ пользу приверженцевъ Ришелье. 23-го апрѣля надъ королемъ совершено было соборованіе, и всѣ думали, что онъ умретъ. Немногаго недоставало, чтобы партіи не подрались вокругъ постели больнаго; такъ какъ между герцогомъ Вандомомъ и маршаломъ Ла-Мейльере поднялась ссора изъ-за управленія Бретанью, которую герцогъ требовалъ обратно по истеченіи 17 лѣтъ, то дворъ раздѣлился на два лагеря; принцъ Конде поддерживалъ Ла-Мейльере и въ замкѣ была такая тревога, что испуганная королева отдала своихъ дѣтей подъ защиту старшаго сына Вандома, герцога Бофора, молодаго безумца, который компрометировалъ Анну, хвастаясь своею преданностью ей и ея благосклонностью.

Къ счастью, регенство не началось при подобныхъ обстоятельствахъ: король промучился еще нѣсколько времени къ великому неудовольствію даже тѣхъ, на кого простиралась его милость и которые ежедневно толпились позади его кровати, любопытнымъ

взоромъ наблюдая за успѣхами долгой агоніи короля. Кротость Людовика измѣнила себѣ при видѣ ихъ нетерпѣнія; «эти люди», сказалъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, «приходятъ понавѣдаться, скоро ли я умру. Если я поправлюсь, то заставлю ихъ дорого заплатить за желаніе моей смерти».

Въ послѣднія минуты характеръ снова бралъ верхъ, воинственныя наклонности пробуждались въ одно время съ суровыми мыслями и обнаруживались у Людовика страннымъ и достопамятнымъ образомъ. 10-го мая король увидѣлъ во снѣ, что будто бы молодой герцогъ д'Энгіенъ, отправившійся недавно принимать начальство надъ сѣверной арміей, одержалъ рѣшительную, хотя и упорно оспариваемую побѣду. Мнѣніе древнихъ о томъ, что умирающіе обладаютъ даромъ пророчества, было на этотъ разъ подтверждено фактомъ; но Людовикъ не увидѣлъ осуществленія своего сна; битва при Рокруа рѣшена была 19-го мая, а Людовикъ умеръ 14-го, тридцать три года спустя, день въ день, послѣ убійства Генриха IV. Онъ не жилъ и 42 лѣтъ.

Каковы бы ни были недостатки этого государя и что бы ни думали о его слабомъ характерѣ, все же Франція до нѣкоторой степени обязана ему. Онъ умѣлъ жертвовать своей гордостью для исполненія своего долга по отношенію къ государству: онъ имѣлъ самую рѣдкую добродѣтель посредственныхъ людей, именно подчиняться господству ума; законы человѣческіе сдѣлали его государемъ, онъ понялъ, что Богъ создалъ его подданнымъ; царь случайный, онъ свято чтилъ царя Провидѣнія.

Такой контрастъ между королемъ-подданнымъ и министромъ-королемъ долженъ быть существовать и за гробомъ; идеямъ Ришелье слѣдовали и послѣ его смерти, Людовика XIII — нѣтъ. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вздохнуть въ послѣдній разъ, какъ послѣднія его желанія, возвѣщенныя и принятыя съ такою торжественностью, были всѣми забыты.

(Histoire de France, Henri Martin, XI v., quatrième édition, livre LXXI, стр. 574.)

7. ХАРАКТЕРИСТИКА РИШЕЛЬЕ.

Въ послѣднія 18 лѣтъ царствованія Людовика XIII, Франціею безгранично управлялъ Ришелье, одинъ изъ весьма немногихъ государственныхъ людей, которымъ суждено было запечатлѣть своимъ личнымъ характеромъ судьбы страны. Этого великаго правителя, быть можетъ, никто не превосходилъ въ политическомъ искусствѣ, за исключеніемъ развѣ поразительнаго генія, который въ наше время властвовалъ надъ Европой. Но въ

одномъ важномъ отношенiи Ришелье былъ выше Наполеона. Жизнь Наполеона была постояннымъ усилiемъ задавить свободу рода человѣческаго, и несравненныя способности этого человѣка истощились въ борьбѣ съ стремленiями великаго вѣка. Ришелье былъ тоже деспотъ; но его деспотизмъ принялъ болѣе благородное направленiе. Онъ выказалъ то, чѣмъ никогда не владѣлъ Наполеонъ, — вѣрное пониманiе духа своего времени. Въ одномъ важномъ вопросѣ онъ потерпѣлъ, правда, неудачу. Его попытки уничтожить силу французскаго дворянства оказались совершенно тщетными; ибо, вслѣдствiе длиннаго ряда событiй, власть этого надменнаго сословiя такъ глубоко укоренилась въ духѣ народа, что нужны были усилiя цѣлаго столѣтiя для того, чтобы изгладить его старое влiянiе. Но, хотя Ришелье не могъ уменьшить общественной и нравственной силы французскаго дворянства, онъ обрѣзалъ его политическiя привилегiи и наказывалъ преступленiя дворянъ такъ строго, что на время остановилъ ихъ прежнее своеволiе. Но самый талантливый государственный человѣкъ такъ мало можетъ сдѣлать одинъ, если не находитъ опоры въ общемъ настроенiи вѣка, въ которомъ живетъ,—что эти стѣсненiя, какъ суровы они ни были, не произвели прочныхъ послѣдствiй. Послѣ его смерти французское дворянство скоро поправилось и въ войнахъ Фронды обратило великую борьбу въ простой споръ враждебныхъ родовъ. И до исхода XVIII в. Францiя не могла окончательно освободиться отъ горделиваго влiянiя могущественнаго сословiя, своимъ эгоизмомъ долго замедлявшаго успѣхи цивилизацiи, удерживая народъ въ рабствѣ, отдаленные результаты котораго и теперь еще не совсѣмъ изгладились.

Если въ этомъ отношенiи Ришелье потерпѣлъ неудачу, то въ другихъ вопросахъ онъ имѣлъ полный успѣхъ. Этимъ онъ обязанъ тому факту, что широкiе и многообъемлющiе взгляды согласовались съ скептическимъ направленiемъ, о которомъ я старался дать нѣкоторое понятiе. Этотъ замѣчательный человѣкъ, хотя и былъ епископъ и кардиналъ, никогда ни на минуту не допускалъ притязанiямъ своего сословiя заслонить высшiе интересы страны. Онъ зналъ — а это слишкомъ часто забываютъ — что правитель народа долженъ мѣрить дѣла только политическимъ мѣриломъ и не долженъ обращать вниманiя на притязанiя какой-нибудь секты или распространенiе какого-либо мнѣнiя, не относящагося къ настоящему и практическому благосостоянiю людей. Вслѣдствiе того, его правленiе представляетъ изумительное зрѣлище: верховная власть находится въ рукахъ священника, который нисколько не заботится объ усиленiи духовенства. Дѣйствительно, онъ не только былъ далекъ отъ этого, но еще часто обходился съ духовными лицами со строгостью, казавшеюся тогда безпримѣрною. Королевскiе духовники, по важности

своихъ обязанностей, всегда возбуждали нѣкоторое уваженіе; ихъ считали людьми безукоризненнаго благочестія; вслѣдствіе того они пользовались огромнымъ вліяніемъ, и даже самые могущественные государственные люди считали полезнымъ оказывать имъ уваженіе, подобающее ихъ высокому сану. Ришелье же былъ слишкомъ близко знакомъ съ тайнами своего сословія, и потому не могъ чувствовать слишкомъ большаго почтенія къ стражамъ королевской совѣсти. Коссенъ, духовникъ Людовика XIII, слѣдовалъ, кажется, примѣру своихъ предшественниковъ и старался вперить собственные политическіе взгляды въ умъ своего царственнаго духовнаго сына. Но Ришелье, какъ только узналъ это, немедленно лишилъ его мѣста и отправилъ въ ссылку, ибо «маленькій отецъ Коссенъ», какъ онъ презрительно называлъ его, не долженъ вмѣшиваться въ политическія дѣла: онъ одинъ изъ людей, «воспитанныхъ въ невинности монашеской жизни». Коссену наслѣдовалъ знаменитый Сирмонъ; но Ришелье не позволялъ новому духовнику вступать въ отправленіе его обязанностей, пока онъ не далъ торжественнаго обѣщанія никогда не мѣшаться въ государственныя дѣла.

Въ другомъ, гораздо болѣе важномъ, случаѣ, Ришелье высказалъ точно такой же духъ. Французское духовенство владѣло огромными богатствами и, пользуясь привилегіей облагать себя податями по собственному усмотрѣнію, тщательно избѣгало того, что считало безполезнымъ пожертвованіемъ на покрытіе государственныхъ расходовъ. Оно охотно давало деньги на войну съ протестантами, ибо считало своею обязанностью способствовать искорененію ереси; но оно не видѣло причины, почему бы его доходы тратились на достиженіе чисто-свѣтскихъ благъ; оно считало себя хранителемъ суммъ, отложенныхъ на духовныя нужды, и потому передать въ грѣховныя руки свѣтскихъ государственныхъ людей деньги, освященныя вѣрою предковъ, ему казалось нечестіемъ. Ришелье, считавшій эти сомнѣнія просто увертками заинтересованныхъ людей, совершенно иначе смотрѣлъ на отношенія, въ которыхъ духовенство стояло къ странѣ. Далекій отъ мысли, будто интересы церкви выше интересовъ государства, онъ положилъ въ основаніе своей политики то начало, что «слава государства должна быть высшимъ соображеніемъ». Онъ проводилъ это начало съ такимъ безстрашіемъ, что, созвавъ въ Мантѣ собраніе духовенства, принудилъ его дать правительству чрезвычайное пособіе въ 6 мил. фр. Потомъ увидѣвъ, что нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ выразили свое неудовольствіе на столь необычный образъ дѣйствій, онъ не оставилъ ихъ въ покоѣ и, къ ужасу всего духовенства, отправилъ въ ссылку не только четырехъ епископовъ, но и двухъ архіепископовъ — тулузскаго и санскаго.

Такой образъ дѣйствій за 50 лѣтъ ранѣе былъ бы роковымъ для министра, отважившагося на него. Но Ришелье какъ въ этой, такъ и въ другихъ мѣрахъ находилъ содѣйствіе въ духѣ вѣка, начинавшаго презирать своихъ прежнихъ господъ. Такое стремленіе становилось тогда замѣтнымъ не только въ политикѣ и литературѣ, но и въ дѣйствіяхъ обыкновенныхъ судовъ. Нунцій съ негодованіемъ жаловался на враждебность къ духовенству, выказываемую французскими судьями; между разными позорными явленіями онъ указывалъ на то, что нѣсколько духовныхъ лицъ было повѣшено безъ предварительнаго лишенія сана. Въ другихъ случаяхъ, возраставшее презрѣніе выразилось способомъ, соотвѣтствовавшимъ грубости тогдашнихъ нравовъ. Сурди, архіепископъ бордосскій, былъ два раза позорно битъ: первый разъ—герцогомъ Эпернономъ, а послѣ—маршаломъ Витри. Ришелье, который обыкновенно строго обходился съ аристократіей, нисколько, казалось, не былъ расположенъ наказать это грубое оскорбленіе. Дѣйствительно, архіепископъ не только не вызвалъ никакого сочувствія, но черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ положительное приказаніе Ришелье удалиться въ свою епархію; онъ былъ такъ испуганъ оборотомъ дѣла, что бѣжалъ въ Карпентрасъ и отдался подъ покровительство папы. Это случилось въ 1641 г., а за девять лѣтъ передъ тѣмъ церковь подверглась еще большему соблазну. Когда, въ 1632 г. возникли важныя волненія въ Лангедокѣ, Ришелье, для уничтоженія ихъ, не побоялся отрѣшить нѣсколькихъ епископовъ и захватить имѣнія остальныхъ.

Легко представить себѣ негодованіе духовенства. Такія неоднократныя оскорбленія трудно было бы перенести и отъ свѣтскаго человѣка; но они становились вдвое тяжелѣе, когда наносились своимъ же братомъ, вскормленнымъ въ томъ званіи, противъ котораго онъ теперь дѣйствовалъ. Это обстоятельство отягчало виновность, ибо, казалось, прибавляло къ оскорбленію предательство. То была не внѣшняя война, а домашняя измѣна. Здѣсь епископъ унижалъ епископство, кардиналъ оскорблялъ церковь. Но таково было общее пастроеніе, что духовенство не рѣшалось на явное нападеніе, но черезъ своихъ приверженцевъ распускало самые позорные пасквили на великаго министра. Говорили, что онъ не цѣломудренъ, и живетъ въ непозволительныхъ отношеніяхъ съ своей племянницей. Говорили, что у него нѣтъ религіи, что онъ только по имени католикъ, а въ сущности — первосвященникъ гугенотовъ, патріархъ атеистовъ и что всего хуже — намѣренъ ввести расколъ во французскую церковь. Къ счастью, прошло то время, когда умы народа могли волноваться подобными выдумками. Тѣмъ не менѣе клеветы эти заслуживаютъ вниманіе, ибо поясняютъ на-

правленіе общественныхъ дѣлъ и ту горечь, съ которою духовенство смотрѣло, какъ бразды власти выпадали изъ его рукъ. Дѣйствительно, все это было такъ ясно, что въ послѣднюю междоусобную войну, начатую противъ Ришелье за два года до его смерти, инсургенты объявляли въ своей прокламаціи, что одною изъ ихъ цѣлей было возродить уваженіе, съ которымъ прежде относились къ духовенству и аристократіи.

Чѣмъ болѣе мы изучаемъ дѣятельность Ришелье, тѣмъ яснѣе становится для насъ этотъ антагонизмъ. Все показываетъ, что Ришелье сознавалъ борьбу между старымъ, церковнымъ правленіемъ и новымъ, свѣтскимъ, и что онъ рѣшился низвергнуть старый порядокъ и утвердить новый: ибо не только во внутреннихъ дѣлахъ, но и во внѣшней его политикѣ мы видимъ одинаковое безпримѣрное неуваженіе къ теологическимъ интересамъ. Австрійскій домъ, въ особенности испанская его вѣтвь, давно считался всѣми благочестивыми людьми за вѣрнѣйшаго союзника церкви, на него смотрѣли, какъ на бичъ ереси, и его образъ дѣйствій противъ еретиковъ заслужилъ громкую извѣстность въ церковной исторіи. Поэтому, когда французское правительство, въ царствованіе Карла IX, сдѣлало рѣшительную попытку уничтожить протестантовъ, Франція естественно вступила въ связь какъ съ Испаніей, такъ и съ Римомъ, и эти три великія державы тѣсно соединились между собою, не по общности свѣтскихъ интересовъ, но въ силу религіознаго побужденія. Эта теологическая конфедерація была разрушена личнымъ характеромъ Генриха IV и возраставшимъ индифферентизмомъ вѣка; но въ малолѣтство Людовика XIII королева-правительница до нѣкоторой степени возобновила конфедерацію и старалась оживить тѣ предразсудки, на которыхъ она была основана. По своимъ чувствамъ она была ревностною католичкою, глубоко преданною Испаніи; ей удалось женить своего сына, молодаго короля, на испанской принцессѣ, и выдать свою дочь за испанскаго принца.

Можно было ожидать, что Ришелье, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ римской церкви, будучи поставленъ во главѣ правленія, возстановитъ союзъ, столь ревностно желаемый сословіемъ, къ которому принадлежалъ самъ Ришелье. Но его образъ дѣйствій не подчинялся подобнымъ взглядамъ. Его цѣль была — не благопріятствовать мнѣніямъ какой-либо секты, а развивать интересы народа. Его трактаты, его дипломація, планы его внѣшнихъ союзовъ — все было направлено не противъ враговъ церкви, а противъ враговъ Франціи. Поставивъ это новое начало дѣйствія, Ришелье сдѣлалъ важный шагъ къ секуляризаціи всей системы европейской политики: онъ подчинилъ теоретическіе интересы людей ихъ практическимъ интересамъ. До его време-

ни, правители Франціи для усмиренія своихъ подданныхъ протестантовъ не колебались требовать помощи католическихъ войскъ Испаніи; поступая такимъ образомъ, они подчинялись старому мнѣнію, будто главная обязанность правительства — уничтоженіе ересей. Это пагубное ученіе было въ первый разъ открыто кардиналомъ Ришелье. Еще въ 1617 г., не укрѣпивъ вполнѣ своей власти, онъ, въ инструкціи къ одному изъ французскихъ посланниковъ, до сихъ поръ сохранившейся, выразилъ ту мысль, что въ государственныхъ дѣлахъ ни одинъ католикъ не долженъ предпочитать испанца французу-протестанту. Для насъ, при настоящемъ общественномъ развитіи, подобное предпочтеніе интересовъ нашей страны интересамъ нашей религіи стало дѣломъ обыкновеннымъ; но въ то время оно было поразительною новостью. Ришелье, однако, не побоялся довести это мнѣніе, казавшееся парадоксомъ, до его крайнихъ послѣдствій. Католическая церковь основательно полагала, что ея интересы тѣсно связаны съ интересами Австрійскаго дома; но Ришелье, лишь только былъ призванъ въ совѣтъ, рѣшился унизить этотъ домъ въ обѣихъ его вѣтвяхъ. Для достиженія этой цѣли онъ открыто поддерживалъ жесточайшихъ враговъ своей религіи. Онъ помогалъ лютеранамъ противъ германскаго императора, кальвинистамъ противъ испанскаго короля. Впродолженіе 18-ти лѣтъ своего управленія, онъ ревностно и неуклонно слѣдовалъ этой политикѣ. Когда Филиппъ попытался угнетать нидерландскихъ протестантовъ, Ришелье соединился съ ними, сначала онъ давалъ имъ большія суммы денегъ, а потомъ убѣдилъ французскаго короля подписать трактатъ о тѣсномъ союзѣ съ тѣми, которыхъ, по мнѣнію церкви, слѣдовало наказать, какъ мятежныхъ еретиковъ. Точно также, когда вспыхнула великая война, которою императоръ пытался подчинить истинной вѣрѣ совѣсть германскихъ протестантовъ, Ришелье явился ихъ защитникомъ; сначала онъ старался спасти курфирста Пфальцскаго и, послѣ неудачи въ этомъ, заключилъ въ ихъ пользу союзъ съ Густавомъ Адольфомъ, самымъ искуснымъ изъ тогдашнихъ протестантскихъ полководцевъ. Но и на этомъ онъ не остановился. По смерти Густава, видя, что протестанты лишились своего великаго вождя, онъ сдѣлалъ еще болѣе энергическія усилія въ ихъ пользу. Онъ интриговалъ за нихъ при иностранныхъ дворахъ, велъ переговоры и даже организовалъ съ этою цѣлью открытый союзъ, въ которомъ отбросилъ всѣ церковныя соображенія. Этотъ союзъ, представляющій важное нововведеніе въ международной европейской политикѣ, не только былъ заключенъ съ двумя самыми могущественными врагами католической церкви, но и по сущности своей былъ «протестантскимъ союзомъ»,—на это особенно тщательно напираетъ Сисмонди.

Одно это сдѣлало бы управленіе Ришелье великой эпохой въ исторіи европейской цивилизаціи; ибо представляетъ первый примѣръ замѣчательнаго католическаго государственнаго человѣка, систематически пренебрегавшаго церковными интересами и выказывавшаго это пренебреженіе во всей своей внѣшней и внутренней политикѣ. Правда, что нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ можно встрѣтить и ранѣе, между правителями мелкихъ итальянскихъ государствъ, но подобныя попытки были неудачны; онѣ никогда не были продолжительны, никогда не дѣлались въ довольно широкихъ размѣрахъ, чтобы служить прецендентомъ въ международныхъ сношеніяхъ. Особенную славу Ришелье составляетъ то обстоятельство, что его внѣшняя политика не случайно, а постоянно руководствовалась свѣтскими побужденіями; не думаю, чтобы за все продолжительное время его управленія можно было найти хоть малѣйшее доказательство его вниманія къ теологическимъ интересамъ, удовлетвореніе которыхъ прежде считалось дѣломъ первой важности. Такимъ образомъ, подчинивъ церковь государству, утвердивъ искусно, въ широкихъ размѣрахъ и съ неуклоннымъ успѣхомъ, начало этого подчиненія, онъ положилъ основаніе той чисто свѣтской политикѣ, упроченіе которой, со времени его смерти, составляетъ главную цѣль лучшихъ европейскихъ дипломатовъ. Слѣдствіемъ этого было самое благодѣтельное преобразованіе, которое готовилось давно, но совершилось только при немъ: введеніемъ этой системы положенъ былъ конецъ религіознымъ войнамъ и увеличены шансы сохраненія мира, устраненіемъ одной изъ причинъ, которыя часто вели къ его нарушенію. Въ то же время подготовленъ былъ путь къ окончательному отдѣленію теологіи отъ политики, отдѣленію, завершить которое—дѣло будущихъ поколѣній. Какъ великъ былъ шагъ, сдѣланный въ этомъ направленіи — доказывается тою легкостью, съ которою дѣло Ришелье продолжали люди, стоящіе во всѣхъ отношеніяхъ ниже его. Менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ его смерти собрался вестфальскій конгрессъ, члены котораго заключили знаменитый миръ, представляющій первый широкій опытъ соглашенія враждебныхъ интересовъ главныхъ странъ Европы. Въ этомъ важномъ трактатѣ церковные интересы оставлены совершенно безъ вниманія, и договаривающіяся стороны, вмѣсто того чтобы, какъ прежде, отнимать другъ у друга владѣнія, приняли болѣе смѣлое рѣшеніе—вознаградить себя насчетъ церкви, не колеблясь, захватили ея доходы и секуляризировали нѣсколько епископствъ. Духовная власть никогда не оправлялась послѣ этого тяжкаго удара, имѣвшаго огромное значеніе въ международномъ правѣ Европы. Одинъ очень компетентный писатель замѣтилъ, что съ этого времени дипломаты, въ своихъ оффи-

ціальныхъ актахъ, перестали обращать вниманіе на религіозные интересы и предпочли отстаивать все, что касается торговли и колоній своихъ странъ. Истина этого замѣчанія подтверждается тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что Тридцатилѣтняя война, окончившаяся этимъ трактатомъ, была послѣднею изъ религіозныхъ войнъ: ни одинъ цивилизованный народъ, впродолженіе двухъ сотъ лѣтъ, не считалъ нужнымъ подвергать опасности свое благосостояніе только для того, чтобы измѣнить вѣрованіе своихъ сосѣдей. Въ сущности, это только часть того обширнаго свѣтскаго движенія, которымъ было ослаблено суевѣріе и обезпечена цивилизація Европы. Впрочемъ, не вступая въ обсужденіе этого вопроса, я постараюсь показать теперь, какъ политика Ришелье относительно французской протестантской церкви, соотвѣтствовала его политикѣ относительно французской католической церкви и какъ въ отношеніи той и другой этотъ великій государственный человѣкъ, вспомоществуемый развитіемъ знаній, отличавшимъ его время, имѣлъ возможность бороться съ предразсудками, отъ которыхъ люди пытались освободиться только медленно и съ безконечнымъ трудомъ.

Отношенія Ришелье къ французскимъ протестантамъ составляютъ, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ почтенныхъ сторонъ его системы; въ этой, какъ и въ другихъ либеральныхъ мѣрахъ, его поддерживали предшествовавшія событія. Его управленіе, въ связи съ управленіемъ Генриха IV и королевы-правительницы, представляетъ прекрасное зрѣлище терпимости, болѣе полной, чѣмъ когда-либо до того встрѣчавшейся въ католической Европѣ. Тогда, какъ въ другихъ христіанскихъ земляхъ безустанно преслѣдовали людей только за то, что ихъ мнѣнія не сходились съ мнѣніями, исповѣдуемыми господствующимъ духовенствомъ,—Франція отказалась слѣдовать общему примѣру и покровительствовала еретикамъ, которыхъ церковь охотно бы наказала. Дѣйствительно, они не только находили защиту, но если у нихъ были способности, то — и поощреніе. Имъ давали гражданскія должности и даже поручали высшія военныя мѣста; Европа съ удивленіемъ видѣла, что арміями французскаго короля начальствуютъ генералы-еретики. Роганъ, Ледигьеръ, Шатильйонъ, Ла-Форсъ, Бернгардъ Веймарскій принадлежали къ числу знаменитѣйшихъ полководцевъ временъ Людовика XIII; всѣ они были протестанты, равно какъ и болѣе молодые, но уже прославившіеся офицеры, каковы: Гассіонъ, Ранцау, Шомбергъ и Тюрень. Теперь все стало доступно людямъ, которыхъ за полстолѣтія передъ тѣмъ преслѣдовали бы до смерти. Незадолго до вступленія на престолъ Людовика XIII, Ледигьеръ, самый искусный генералъ между французскими протестантами, былъ сдѣланъ маршаломъ Франціи. Черезъ 14 лѣтъ, тотъ же высокій

санъ былъ пожалованъ двумъ другимъ протестантамъ — Шатильйону и Ла-Форсу; первый изъ нихъ, какъ говорятъ, былъ самымъ вліятельнымъ изъ еретиковъ. Оба назначенія были сдѣланы въ 1622 г.; а въ 1634 г. поразило еще болѣе назначеніе Сюльи, который, несмотря на всѣмъ извѣстную ересь свою, также получилъ маршальскій жезлъ. Это было дѣломъ Ришелье и серьезно оскорбило друзей церкви; но великій государственный человѣкъ такъ мало обращалъ вниманія на ихъ возгласы, что, по окончаніи междоусобной войны, сдѣлалъ другой, столь же поразительный шагъ. Герцогъ Роганъ былъ самымъ дѣятельнымъ врагомъ господствующей церкви и считался протестантами главнѣйшею опорой ихъ партіи. Онъ поднялъ оружіе въ защиту ихъ дѣла и, отказавшись перемѣнить религію, былъ принужденъ ходомъ войны оставить Францію. Но кардиналу, знавшему его способности, было мало дѣла до его убѣжденій. Вотъ почему онъ вызвалъ его изъ изгнанія, употребилъ для переговоровъ со Швейцаріей и послалъ за границу начальствовать одной изъ армій французскаго короля.

(Бокль. Т. I, ч. I. Стр. 396—409).

8. ЛИЧНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ.

Всѣ враждебныя дѣйствія во Франціи, внѣшнія и внутреннія, направлялись лишь противъ кардинала Ришелье, и такое его положеніе, выходившее за предѣлы частной жизни, въ особенности возвышало его надъ другими государственными людьми. Первоначальныя столкновенія Франціи съ Англіею, какъ онъ по крайней мѣрѣ самъ былъ убѣжденъ, были возбуждены его врагами, съ цѣлью ниспровергнуть этого опаснаго соперника; позднѣйшіе раздоры происходили подъ вліяніемъ личной ненависти королевы къ кардиналу. Съ первой же минуты всѣ старанія испанцевъ направлены были къ его паденію; они находились въ сношеніяхъ съ королевою-матерью, съ Монморанси и герцогомъ Орлеанскимъ, наконецъ съ Суассономъ и д'Эффа. Но такія мѣры понудили и кардинала съ своей стороны вовлечь въ эти распри всю Европу. Желая удержаться во Франціи, онъ заключилъ союзъ съ Швеціею; а для уничтоженія, при продолжавшейся для него опасности, вреднаго вліянія враговъ его надъ меланхолическимъ характеромъ короля Людовика, онъ объявилъ испанцамъ открытую войну. Всякая неудача французскаго оружія внушала ему опасеніе, всякій успѣхъ успокоивалъ его. Мы знаемъ, что осада Гездина была причиною безсонныхъ ночей

племянницы кардинала, герцогини д'Эгильонъ: неудача осады угрожала опасностью ея дядѣ. Въ награду за взятіе Перпиньяна король долженъ былъ бы удалить Сенъ-Марса, еслибы и безъ этого не удалили его, по полученіи извѣщенія о заговорѣ. Взаимная вражда партій внутри Франціи охватила собою и сосѣдей ея, испанцевъ, старавшихся воспользоваться этою неурядицей, и погубила ихъ. Есть люди, въ которыхъ возбуждаемая къ нимъ ненависть, представлялась бы чѣмъ-то почти величественнымъ, еслибы она не была подавлена ихъ сопротивленіемъ.

Ришелье былъ обходителенъ въ обращеніи; онъ казался непреклоннымъ, когда хотѣлъ того: но этотъ образованный и тонкій умъ былъ въ то же время язвителенъ, одностороненъ и притомъ до того суровъ и ѣдокъ, что въ этихъ качествахъ онъ не уступилъ бы самому великому инквизитору. Ни одинъ министръ не зналъ лучше его о тайныхъ дѣлахъ. Папскій нунцій хотѣлъ однажды сообщить кардиналу объ извѣстныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ герцогомъ Орлеанскимъ вице-легатамъ въ Авиньонѣ; Ришелье съ своей стороны выразилъ нунцію довѣріе тѣмъ, что показалъ ему отвѣтъ, данный вице-легатами. Когда одинъ изъ вельможъ явился къ Ришелье, для извѣщенія его о сообщенныхъ ему опасныхъ для государства предположеніяхъ, кардиналъ показалъ ему бумагу, содержавшую отдѣльные ихъ пункты. Говорили, что духовники разныхъ лицъ служили его цѣлямъ; но это доказываетъ только, какимъ изумленіемъ поражало всѣхъ его политическое всевѣдѣніе; добытыми имъ такимъ способамъ тайными извѣщеніями онъ предупреждалъ и разрушалъ враждебные ему замыслы. Подобно охотнику, преслѣдующему дичь, Ришелье съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ враги его сами попадались въ разставленныя ему сѣти, запутываясь въ нихъ. Онъ записывалъ ихъ скрытныя слова и выраженія и безпощадно сводилъ итогъ ихъ проступкамъ.

Смутные политическіе процессы, составлявшіе во всѣ времена особенный элементъ французской исторіи, никогда не возбуждались такъ часто и такъ неожиданно, не рѣшались такъ вѣрно, какъ при Ришелье. Онъ пользовался своимъ общественнымъ положеніемъ для доведенія ихъ до желаннаго конца. Однажды видѣли, какъ графъ Крамайль (Cramail) подъѣхалъ къ дому кардинала для аудіенціи; когда тотъ возвращался домой, какой-то незнакомецъ сѣлъ на козлы и повезъ его въ Бастилію. Крамайль былъ одинъ изъ любимѣйшихъ придворныхъ кавалеровъ; но его упрекали въ томъ, что во время послѣдняго похода онъ безъ всякой надобности ввелъ короля въ сомнѣніе на счетъ военныхъ силъ Франціи. У кардинала достало духу съ маркизомъ Фаржи сперва пообѣдать, а потомъ арестовать его. Во время разговора кардинала съ Пьюлорансомъ были дѣланы приготовленія къ его

тюремному заключенію. Марильякъ былъ осужденъ у себя дома, въ Рюэлѣ. Съ этимъ жилищемъ его связаны воспоминанія о совершенныхъ надъ нимъ жестокостяхъ, преувеличенныхъ народнымъ сказаніемъ, но охотно повторяемыхъ историками. При вопросѣ, что для государства важнѣе, награда или наказаніе, Ришелье предпочиталъ послѣднее; тотъ противъ общественнаго блага совершаетъ преступленіе, полагалъ онъ, кто щадитъ его нарушителей; добросовѣстный долженъ быть смѣлымъ; боязливая совѣсть только поощряетъ зло. Онъ слѣдовалъ системѣ устрашенія, по которой съ государственными преступниками слѣдуетъ начинать съ экзекуціи; такая мѣра, по его мнѣнію, не опасна, если состоитъ въ тюремномъ заключеніи или въ ссылкѣ. О предохраненіи отдѣльныхъ лицъ отъ несправедливостей не было здѣсь и рѣчи. Мысль о недоступности государственной власти висѣла какъ дамокловъ мечъ надъ головами враговъ его. Сколько лицъ погибло тогда; одни, какъ напримѣръ маршалы Басомпіерръ, Витри, заточены были въ Бастилію; другіе бѣжали, какъ напримѣръ Вандомъ, укрывшійся наконецъ въ Англію; они ожидали перемѣнъ отъ времени. Большая часть главныхъ правителей областей лишены были мѣстъ; Эпернонъ, который долго держался, былъ наконецъ сосланъ въ одинъ изъ своихъ замковъ. Этотъ древній республиканскій обычай, назначать недовольнымъ противною стороною отдаленныя мѣста пребыванія, былъ въ полномъ ходу. Во всѣхъ сферахъ общества, вращавшихся вокругъ высочайшей власти, которая могла оказывать вліяніе на провинившихся, должна была исключительно преобладать идея этой власти.

Напрасно думаютъ, что Ришелье имѣлъ намѣреніе унижать одинаково всѣ сословія въ государствѣ. Напротивъ, уже одно личное честолюбіе побуждало его, подъ эгидою монаршей милости, возводить родъ свой на высшія ступени, наравнѣ съ первыми сановниками королевства. Сколько онъ ни боролся съ сильными губернаторами за право королевской власти, смѣнять по ея усмотрѣнію областныхъ правителей, онъ не допускалъ однако, чтобы такія лица, согласно народному желанію, были постоянно замѣняемы одни другими; а напротивъ того, ставилъ во главѣ провинцій знатнѣйшихъ людей, именно такихъ, которые, какъ мѣстные владѣльцы, имѣли на эти области личное вліяніе: даже начальствованіе войсками онъ охотнѣе всего ввѣрялъ лицамъ *высокаго рода*. Ему казалось почти, что королевская власть не была еще достаточно сильна, чтобы дѣйствовать на подчиненныхъ однимъ убѣжденіемъ ихъ въ необходимости служебной дисциплины. Новый порядокъ веденія войнъ лишалъ низшее дворянство какъ того страшнаго произвола въ войскахъ, на которое столь часто жаловался еще Генрихъ IV, такъ и многихъ

другихъ феодальныхъ правъ; понятно, что оно съ жаромъ устремилось на правильную постоянную службу, согласно требованію вѣка; ему открывалось новое назначеніе, его манила новая жизнь; и не подлежитъ сомнѣнію, что отъ такой перемѣны, именно въ первое время, самая служба получала какой-то особый блескъ. Мы видѣли часто, какъ настойчиво отклонялъ и устранялъ Ришелье политическія притязанія парламента; въ прерканіяхъ этой корпораціи съ клиромъ, онъ больше стоялъ на сторонѣ послѣдняго; но бывъ далекъ отъ мысли умалять тогдашнее значеніе парламента, онъ скорѣе способствовалъ его усиленію. Послѣ долгихъ колебаній, Ришелье своими распоряженіями возстановилъ наслѣдственность должностей, идея о «noblesse de robe» пробивалась рѣшительнѣе.

Ришелье старался главнымъ образомъ управлять государствомъ совокупно съ своими друзьями, съ своими родственниками и сторонниками, со всѣми тѣми, которые составляли его такъ называемый союзъ.

Большую роль играло его семейство, какъ въ государственномъ управленіи, такъ и на войнѣ. Маркизъ Понкурлей, сынъ его старшей сестры, дѣти котораго продолжали родъ Ришелье, былъ начальникомъ галеръ. Это тотъ самый Понкурлей, который въ виду Генуи побѣдилъ испанцевъ. Зять Ришелье, мужъ его младшей сестры, маркизъ Урбанъ Брезе, не безъ отличія предводительствовалъ сухопутными войсками; мы находимъ его вице-королемъ въ Каталоніи; уже сынъ его, Фронсакъ, прославилъ себя на морѣ. Двоюроднымъ братомъ кардинала былъ герцогъ Мельере, командовавшій при осадѣ Перпиньяна и занимавшій очень выгодную должность гроссмейстера артиллеріи. Мы уже давно находимъ швейцарцевъ во французской службѣ, а въ 1635 году было завербовано еще четыре полка швейцарской пѣхоты. Другой родственникъ Ришелье, Цезарь Камбу, получилъ мѣсто полковника этихъ войскъ; съ этимъ званіемъ соединялось право выдавать офицерамъ патенты. Гаркуръ, который снова завоевалъ Савойю, былъ женатъ на сестрѣ Камбу. Но самый блистательный бракъ устроилъ Ришелье для своей племянницы, дочери Брезе, выдавъ ее за старшаго сына Конде, Энгьена, впослѣдствіи «великаго Конде». Храбрѣйшіе потомки обоихъ великихъ домовъ, Лотаринговъ и Бурбоновъ, вступили въ тѣснѣйшую связь съ кардиналомъ, — какая слава для него, особенно по понятіямъ того времени!

Вообще всего полезнѣе для кардинала были его хорошія отношенія къ Конде, который вмѣстѣ съ знатностью вносилъ въ этотъ союзъ свою глубокую преданность. Кардиналъ считалъ величайшею милостію для каждаго, съ кѣмъ вступалъ въ родственныя связи. Какъ много было и такихъ, которые, занимая

по превратностямъ судьбы то высшія, то низшія служебныя мѣста, примыкали къ нему съ полною преданностію.

Къ числу лицъ, находившихся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ кардиналу, принадлежалъ Франсуа Леклеркъ де Трамбле, извѣстный въ орденѣ капуциновъ подъ именемъ отца Жозефа. Онъ поступилъ въ этотъ орденъ послѣ военной службы; потомъ былъ необыкновенно дѣятеленъ, какъ проповѣдникъ, миссіонеръ и профессоръ; ревностно преслѣдуя малѣйшее уклоненіе какъ внутри, такъ и внѣ католицизма, онъ пользовался громаднымъ духовнымъ уваженіемъ, а своей ловкостью, соединенною съ строгою наружностью, снискалъ себѣ также вліяніе на придворныхъ сановниковъ. Ему отчасти обязанъ былъ Ришелье своимъ вторичнымъ возвышеніемъ. Сначала они узнали другъ друга во время общихъ ихъ занятій по духовнымъ дѣламъ, впослѣдствіи патеръ сталъ помогать кардиналу и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Онъ получилъ разрѣшеніе на это отъ генерала ордена и отъ папы. Вмѣстѣ съ другими четырьмя капуцинами, получавшими содержаніе отъ короля, онъ образовалъ родъ министерскаго бюро для секретныхъ дѣлъ дипломатическаго, духовнаго и даже военнаго характера, откуда дѣла эти поступали на разсмотрѣніе и рѣшеніе кардинала. Часто работалъ отецъ Жозефъ съ кардиналомъ; для него было готовое помѣщеніе въ Рюэлѣ, а также и въ королевскихъ дворцахъ въ Сенъ-Жерменѣ, Фонтенебло и даже въ Луврѣ. Принадлежа къ партіи кардинала, онъ употреблялъ свое вліяніе на короля совершенно въ интересахъ перваго. «Мы должны» сказалъ онъ однажды, говоря о герцогѣ Бернгардѣ, своемъ лучшемъ и полезнѣйшемъ другѣ, «мы должны помогать иностранцамъ; они-то насъ и поддерживаютъ». Въ прежнее время отецъ Жозефъ, бѣдный монахъ, странствовалъ съ сумою на спинѣ по большимъ дорогамъ; теперь разъѣзжалъ онъ въ королевской каретѣ отъ одного дворца къ другому. Посланники иностранныхъ державъ ухаживали за нимъ и были несчастны, когда часто не заставали его дома. Патеръ былъ неистощимъ въ изысканіи средствъ къ выходу изъ затруднительныхъ положеній, но не обладалъ быстротою соображенія, необходимою въ данную минуту, тѣмъ вѣрнымъ чутьемъ, которое характеризуетъ великаго государственнаго человѣка и которымъ въ особенности отличался кардиналъ Ришелье [1]); въ совокупныхъ же занятіяхъ оба высказывали необыкновенную смѣтливость и находчивость въ политическихъ дѣлахъ. При всемъ этомъ

---

[1]) Изъ римскихъ бумагъ оказывается, что разсказъ о томъ, будто Ришелье, предлагая отца Жозефа въ кардиналы, тайно дѣйствовалъ противъ него, не болѣе какъ вымыселъ; Ришелье былъ разсерженъ отказомъ римскаго двора.

ничто не лишало отца Жозефа спокойствія духа; для всего онъ находилъ оправданіе; готовъ былъ на самыя гнусныя дѣла. Онъ обнаруживалъ потаенныя пружины самой безстрашной политики и мрачнаго насилія. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе кардинала. Ни небесное, ни земное, ничто не отвлекало Жозефа отъ политики минуты. Во время разговора съ однимъ тайнымъ испанскимъ агентомъ, онъ былъ постигнутъ параличемъ, сведшимъ его въ могилу. Уже на смертномъ одрѣ онъ предвидѣлъ паденіе Брейзаха, но не по вдохновенію свыше, какъ полагали, а потому, что, всю жизнь отдаваясь всецѣло одной политикѣ, онъ зналъ, что въ Брейзахѣ все дошло до крайности и сообщилъ папскому нунцію о паденіи этого города, какъ о совершившемся фактѣ, который долженъ былъ ускорить заключеніе мира. Объ отцѣ Жозефѣ кардиналъ говорилъ, что въ немъ онъ лишается человѣка, на котораго болѣе всего полагался и который болѣе всего умѣлъ угождать ему. Въ семействѣ кардинала носили трауръ по отцѣ Жозефѣ.

Въ министерствѣ происходили иногда тревожныя волненія. Такъ мы находимъ, что однажды Бульонъ и Шавиньи соединились, чтобы вытѣснить изъ министерства Сервьена, который не соглашался съ ними; кардиналъ оставался равнодушенъ. И Де-Ройе, принявшій на себя послѣ смерти патера Жозефа обязанности послѣдняго и цѣлые дни и ночи просиживавшій надъ актами, казался кардиналу болѣе полезнымъ сотрудникомъ проницательнаго ума, чѣмъ человѣкомъ, который умѣлъ руководить другими. Министры эти, передаетъ итальянскій посланникъ, занимались дѣлами подъ непосредственнымъ надзоромъ Ришелье; онъ имъ сообщалъ свои взгляды и намѣренія; они были въ его рукахъ простыми орудіями.

Чтобы знать, какъ Ришелье обращался съ ними, стоитъ взглянуть на инструкцію, полученную Бульономъ въ то время, когда онъ принялъ на себя завѣдываніе финансами. Въ этой инструкціи кардиналъ напоминаетъ ему, чтобы онъ охранялъ общественные интересы съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ заботился объ увеличеніи своихъ собственныхъ средствъ; чтобы онъ отнынѣ довольствовался тѣмъ доходомъ, который назначитъ ему король, и чтобы онъ все свое вниманіе обратилъ на преобразованіе финансовъ и на облегченіе народа; приказываетъ ему, отказавшись отъ всякихъ личныхъ побужденій, рѣшать дѣла на разумныхъ основаніяхъ. Бульонъ далъ ему честное слово слѣдовать во всей точности этому предписанію, по всѣмъ статьямъ его. Архіепископу Сурди кардиналъ поставилъ на видъ, чтобы онъ снялъ съ себя нареканіе о его сварливости и неуживчивости и доказалъ свѣту, что онъ человѣкъ не только слова, но и дѣла;

кардиналу достаточно было одного несчастнаго случая, происшедшаго по винѣ Сурди, для удаленія его. Понкурлей, котораго справедливо упрекали въ излишней расточительности, превышавшей его состояніе, не хотѣлъ измѣнить своего образа жизни и за то лишился мѣста, несмотря на одержанную имъ въ прежнее время блестящую побѣду. Ришелье находилъ справедливымъ, если кто-либо, служа государству, заботился и о себѣ. Однажды онъ напомнилъ королю словами одного изъ древнихъ государей, что онъ не долженъ пренебрегать матеріальнымъ положеніемъ тѣхъ, которые завѣдуютъ его дѣлами. Но кто захотѣлъ бы, прибавилъ онъ, эксплуатировать общественныя дѣла въ пользу своихъ личныхъ интересовъ, тотъ былъ бы язвой для государства. Ошибокъ, вредящихъ дѣлу, онъ не терпѣлъ даже отъ своихъ приближенныхъ.

Ришелье былъ какъ-бы вторымъ королемъ въ странѣ. Уже около 1629 года описываютъ, какъ толпа просителей и ревностныхъ слугъ наполняетъ его домъ, осаждаетъ двери его покоевъ; далѣе, какъ его благоговѣйно привѣтствуютъ, когда его выносятъ въ портшезѣ, одинъ преклоняетъ колѣна, другой подаетъ просьбу, третій ищетъ поцѣловать его платье. Каждый, удостоенный милостиваго его взгляда, считаетъ себя счастливымъ. Всѣ дѣла уже тогда находились въ его рукахъ; онъ уже тогда занималъ всѣ высшія званія, какія только доступны подданному, но онъ возвысился еще болѣе, когда сверхъ того облекся въ кардинальскую пурпурную мантію; знатнѣйшій принцъ крови, Конде, долженъ былъ уступить ему первенство. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ еще могущественнѣе и, въ особенности, еще страшнѣе для всѣхъ. Въ глубокомъ уединеніи жилъ онъ въ Рюэлѣ, въ паркѣ, защищенномъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, гдѣ и послѣ революціоннаго разоренія можно было, однако, замѣтить слѣды человѣческаго искусства, остатки фонтановъ, перенесенныхъ сюда вѣроятно изъ Италіи. Мало доступный даже для иностранныхъ пословъ, которые принимались имъ только въ необходимыхъ, чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, — кардиналъ былъ средоточіемъ государственныхъ дѣлъ; король самъ пріѣзжалъ къ нему изъ Сенъ-Жерменскаго дворца для нужныхъ совѣщаній. Когда же онъ самъ отправлялся къ королю, его окружали тѣлохранители, присягнувшіе ему въ вѣрности и получавшіе отъ него содержаніе; онъ хотѣлъ даже и въ королевскомъ дворцѣ охранить себя отъ враговъ. Цѣлая толпа преданныхъ ему молодыхъ дворянъ изъ знатнѣйшихъ фамилій находилась въ числѣ его личной прислуги; онъ учредилъ для нихъ особое училище. Кардиналъ держалъ великолѣпныхъ лошадей, блестящую прислугу, превосходный столъ; онъ жилъ лучше короля. Въ Парижѣ ему принадлежалъ

Малый Люксамбургъ; онъ построилъ также Пале-Рояль, на которомъ большими буквами красовалась надпись: Palais Cardinal, и сверхъ того ему принадлежалъ отель Ришелье. Здѣсь у него была золотая капелла, въ которой церковная утварь была сдѣлана изъ дорогихъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней; кромѣ того у него было великолѣпное собраніе избранныхъ художественныхъ произведеній, библіотека и собственный театръ. Онъ приглашалъ въ свой загородный домъ знаменитую итальянскую пѣвицу, синьору Леонору. Къ развивавшемуся тогда французскому театру онъ питалъ сильную страсть. Кто ему доставлялъ этого рода удовольствіе, какъ напр. Маленькая Жакелина Паскаль, могъ смѣло обращаться къ нему съ просьбою. Даже друзьямъ казалось, что онъ посвящалъ слишкомъ много напряженнаго вниманія просмотру пьесъ, назначаемыхъ къ представленію. Бесѣда съ высоко-развитыми и пріятными людьми была для него необходимостью; а разговоръ съ однимъ изъ нихъ, былъ ему даже предписанъ докторомъ, какъ цѣлебное средство. У него, кромѣ того, была любовь и расположеніе къ литературѣ. Вмѣстѣ съ монархическою властью получили начало и литературныя тенденціи, которыя должны были прославить её. Ближайшимъ намѣреніемъ Ришелье было очищеніе французскаго языка. Въ его сочиненіяхъ, предназначавшихся для публики, видна еще прежняя форма изложенія; но слогъ его писемъ простъ и вѣренъ, слова удачны и мѣтки, въ расположеніи фразъ отражается его душевное настроеніе. При основаніи французской академіи, главною мыслью Ришелье было — очистить французскій языкъ отъ всѣхъ искаженій, происшедшихъ отъ произвольнаго и неправильнаго употребленія, и поднять его разъ навсегда изъ ряда варварскихъ языковъ; французскій языкъ долженъ былъ, по его мнѣнію, занять такое мѣсто, какое занимали прежде греческій, а потомъ латинскій языкъ: онъ долженъ былъ стать въ ихъ ряду третьимъ языкомъ. Понятіе о новомъ классицизмѣ, которому Ришелье сознательно покровительствовалъ, имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ и политическое значеніе, подобно тому, какъ газета, выходившая по его повелѣнію впервые, какъ періодическое изданіе, была органомъ правительства. Ришелье, не отдѣляя литературы отъ дѣйствительной жизни, всегда имѣлъ въ виду судъ потомковъ. По его приказанію извлечены были изъ оффиціальныхъ бумагъ въ видѣ опыта разныя статьи; изъ нихъ самая важная, приложенная къ предпринятому имъ самимъ труду, является исторіею того времени; статью эту онъ повидимому самъ просматривалъ, хотя недовольно тщательно. Здѣсь находятся безспорно лучшія произведенія Ришелье: множество совѣтовъ и мнѣній, которыя онъ подавалъ королю въ важныхъ дѣлахъ. По глубинѣ они могутъ быть сравнены съ сочиненіями

Макіавелли, по предусмотрительному, ясному и обстоятельному изложенію — съ мотивированными мнѣніями испанскаго государственнаго совѣта; по смѣлости же, по глубокости взглядовъ и наглядности цѣлей, а также по историческому значенію, имъ нѣтъ ничего равнаго. Сужденія Ришелье безъ сомнѣнія односторонни; онъ не признавалъ ничьего права выше своего и преслѣдовалъ враговъ Франціи съ такою же ненавистью, какъ своихъ собственныхъ; кромѣ этого они не проявляютъ свободнаго душевнаго стремленія къ высшимъ человѣческимъ цѣлямъ, они заключены всецѣло въ рамкѣ государственныхъ интересовъ; но они свидѣтельствуютъ о его проницательномъ, всеобъемлющемъ взорѣ, который умѣетъ избирать и опредѣлять одни осуществимыя и притомъ лучшія цѣли. Самолюбивый Ришелье руководилъ короля такъ, что онъ какъ-бы слѣдовалъ ему по собственному своему убѣжденію, а не въ силу авторитета. Обстоятельностью изложенія и строгою послѣдовательностью выводовъ онъ старается укрѣпить въ королѣ данный ему совѣтъ. Всѣ эти мнѣнія проникнуты одною мыслію, расширявшеюся постепенно во взглядахъ и цѣляхъ: возвышеніе монархической власти надъ частною волею и распространеніе авторитета Франціи надъ Европою. Никогда ни одна политика не ознаменовалась болѣе блистательными послѣдствіями. Ришелье поборолъ всѣхъ своихъ враговъ. Гдѣ остался графъ Оливаресъ съ его угрозами, гдѣ его личная и національная вражда? Испанская монархія была отброшена къ своимъ предѣламъ и истерзана внутри. Гдѣ то сопротивленіе, которое оказывали кардиналу Ришелье король и королева Англіи, не упоминая уже о Букингамѣ? Карлъ I бѣжалъ въ Іоркъ, супруга его оставила страну. Союзъ съ Испаніей, возвысившій въ послѣднее десятилѣтіе могущество имперіи, обратился въ ея погибель; въ Европѣ и въ Германіи была у Ришелье партія, которая Фердинанда III не признавала императоромъ.

Гдѣ бывшіе руководители внутреннихъ козней противъ кардинала? Марія Медичи, со времени удаленія ея изъ Франціи, не имѣла для себя ни одной довольной и спокойной минуты. Она переѣзжала изъ страны въ страну, нигдѣ не находя радушнаго пріема. Однажды она рѣшилась было просить позволенія возвратиться; но просьба ея не была уважена. Въ то время, когда принцъ, которому она даровала жизнь, покорялъ новыя провинціи, она умерла въ частномъ домѣ. Въ этомъ домѣ, (въ Кёльнѣ) говорятъ, родился Рубенсъ, тотъ великій Рубенсъ, который когда-то, въ счастливые дни королевы, изобразилъ на полотнѣ ея, славную превратностями, судьбу, или какъ гласитъ надпись: «эпопею ея жизни въ великолѣпныхъ картинахъ». Художникъ представилъ королеву одолѣвающею демоновъ; но

съ тѣхъ поръ эти демоны, одинъ за другимъ, обратились противъ нея. Человѣкъ, къ которому она наиболѣе благоволила, возвеличенію котораго наиболѣе содѣйствовала, былъ ея опаснѣйшій врагъ; она не устояла противъ его власти.

Герцогъ Орлеанскій, вторично замѣшанный въ заговорѣ Сенъ-Марса, удалился въ Савойю. Чтобы получить возможность возвратиться во Францію, онъ согласился вести съ этихъ поръ, въ полномъ распоряженіи короля, жизнь частнаго человѣка, не занимая никакой военной или административной должности, окруженный лицами, назначенными королемъ.

Ришелье вмѣшивался даже въ домашнюю жизнь короля; его распоряженія не нравились послѣднему, но онъ не имѣлъ смѣлости сопротивляться кардиналу.

Таковъ былъ характеръ этого человѣка. Каждый шагъ его носилъ на себѣ слѣды безпощаднаго насилія, счастье ему благопріятствовало такъ, какъ никому изъ смертныхъ. Или всѣмъ этимъ онъ скорѣе обязанъ былъ своимъ глубокимъ познаніямъ, вѣрному, безошибочному разсчету? Его поклонники увѣряли, что онъ и самое счастье завоевалъ у судьбы.

Въ то время, когда Ришелье силою своей воли господствовалъ надъ такой большой частью свѣта, онъ уже чувствовалъ разслабленіе въ организмѣ и страдалъ мучительнѣйшей и опасной болѣзнью; онъ не могъ даже подписывать бумагъ; не въ силахъ былъ сѣсть въ карету. Ему устроили носилки съ кроватью, столомъ и стуломъ, предназначенными для того, съ кѣмъ онъ хотѣлъ говорить. Въ этомъ портшезѣ его переносили изъ Нарбонны въ Парижъ тѣлохранители, никому не уступавшіе этой чести; они шли всегда въ числѣ восемнадцати человѣкъ, по-перемѣнно, съ обнаженными головами. Для большаго удобства въ пути, вездѣ разбирались стѣны городовъ, черезъ рвы перекидывали мосты.

Еще стоялъ онъ, какъ казалось ему, не на рубежѣ своихъ стремленій, какъ личныхъ, такъ и государственныхъ, въ управленіи міромъ или Франціею; еще правилъ онъ рулемъ корабля съ далеко проницающимъ взоромъ, ничего не опасаясь, когда въ декабрѣ 1642 года новый припадокъ бросилъ его на болѣзненный одръ. Умирая, онъ высказалъ, что у него никогда не было иныхъ враговъ, кромѣ враговъ Франціи.

Тождественность его личныхъ интересовъ съ интересами государственными, составлявшая всю силу его жизни, была его постоянною мыслію.

«Умеръ великій политикъ», сказалъ Людовикъ XIII, при извѣстіи о его смерти; выраженія личнаго сожалѣнія отъ него не слыхали. Въ этомъ словѣ заключается объясненіе или оправданіе всей жизни Ришелье.

Какъ бы ни судили о Ришелье его современники и потомки, питая къ нему то удивленіе и ужасъ, то отвращеніе и уваженіе — это былъ человѣкъ, который напечатлѣлъ свой духъ на челѣ столѣтія. Онъ далъ Бурбонской монархіи ея всемірно-историческое значеніе. Пора Испаніи миновала, наступила эпоха Франціи.

(Französische Geschichte, Leopold Ranke. II. Band, zehntes Buch, siebentes Kapitel.)

9. РЕГЕНТСТВО АННЫ АВСТРІЙСКОЙ.

Послѣ смерти своего отца, Людовикъ XIV остался пяти лѣтъ. Мать его, Анна Австрійская, поспѣшила уничтожить завѣщаніе покойнаго короля при содѣйствіи парламента, которому она въ то же время дала право указаній. Парламентъ объявилъ ее регентшей. Именно этого случая давно съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ удаленные отъ двора кардиналомъ Ришелье. Теперь они стали требовать себѣ всевозможныхъ милостей и денежныхъ пособій; нужно было умѣть обороняться отъ такъ-называемыхъ «Importants», поэтому съ этихъ поръ всѣми дѣлами сталъ завѣдывать Мазарини.

Партія «Importants». — Положеніе дѣлъ въ 1643 году.

Въ составъ партіи, организованной при дворѣ де-Бофоромъ, входили четверо или пятеро какихъ-то меланхолическихъ личностей, старавшихся какъ можно болѣе прикрываться видомъ глубокомыслія; этотъ видъ, можетъ быть, дѣйствительно устрашилъ Мазарини, быть можетъ только далъ ему возможность и причину казаться устрашеннымъ. Принцы Орлеанскіе и Конде, будучи соединены общими интересами, нашли смѣшную сторону въ неприступномъ видѣ членовъ этой партіи, поэтому приверженцы партіи де Бофора получили названіе «Importants» (важныхъ въ иронич. смыслѣ). Де Бофоръ и его приверженцы, какъ люди, одаренные тщеславіемъ въ ущербъ смыслу, не пропускали при всякомъ удобномъ случаѣ, придавать всякой бездѣлицѣ самый торжественный характеръ. Они устраивали неумѣстныя совѣщанія и назначали засѣданія безъ всякой причины; даже на самое обыденное занятіе — охоту члены этой партіи съумѣли наложить печать таинственности. Наконецъ они довели себя до того, что были арестованы въ самомъ Луврѣ капитаномъ королевскихъ гвардейцевъ Гито. Всѣ, принадлежащіе къ партіи

«Importants», были изгнаны, послѣ чего союзъ между ними долженъ былъ самъ собою рушиться; правительство же объявило по всему королевству, что приверженцы партіи де Бофора виновны въ покушеніи на жизнь кардинала. Собственно эта мѣра и заставила меня не придавать никакой вѣры этимъ слухамъ, тѣмъ болѣе, что никто не давалъ никакого свидѣтельства или показанія на подобное покушеніе, хотя большая часть прислуги Вандомскаго дома долго содержалась въ тюрьмѣ: Воморенъ (Vaumorin), капитанъ гвардіи и Ганзевилль (Ganseville), шталмейстеръ де Бофора, съ которыми мнѣ такъ часто приходилось бесѣдовать во время Фронды, клялись мнѣ, что всѣ эти слухи о зоговорѣ, угрожающемъ жизни кардинала Ришелье, были совершенно ложны. Маркизу де Нанжи, полковнику Наваррскаго или Пикардійскаго полка, не помню навѣрное, какого именно, возстановленному противъ королевы происшествіемъ, о которомъ я не замедлю сообщить, сильно хотѣлось присоединиться къ партіи «Importants», за пять или за шесть дней до ареста де Бофора. Мнѣ удалось отговорить его отъ этой мысли, доказавъ ему, что мода, простирающая на все свое владычество, простираетъ его также и на человѣка, для котораго много значитъ, какъ на него смотрятъ при дворѣ. Бываютъ времена, когда опала и немилость являются какъ-бы очистительнымъ огнемъ для дурныхъ сторонъ жизни, но бываютъ и такіе дни, когда порядочному, честному человѣку не слѣдуетъ быть въ немилости. Мнѣ удалось убѣдить де Нанжи, вслѣдствіе всего мною сказаннаго, не присоединяться къ партіи «Importants». Я указываю на это обстоятельство для того, чтобы яснѣе набросать планъ общественнаго состоянія послѣ смерти покойнаго Людовика XIII.

Нужно отдать справедливость кардиналу Ришелье, положившему начало двумъ громаднымъ предпріятіямъ, которыя я считаю не менѣе обширными, чѣмъ предпріятія самого Цезаря и Адександра Македонскаго; первое изъ нихъ было—стремленіе сложить религіозную партію, что намѣревался сдѣлать дядя мой, кардиналъ де-Рецъ, второе, никѣмъ не предполагаемое, было стремленіе кардинала начать борьбу съ Австрійскимъ домомъ. Первое изъ этихъ двухъ стремленій кардинала было доведено до конца имъ же самимъ; второе же было далеко подвинуто передъ его смертью. Доблесть и заслуги принца Конде (Великаго Конде), который былъ въ это время уже герцогомъ, было причиною того, что смерть короля нисколько не измѣнила положенія вещей. Знаменитая побѣда при Рокруа дала не только надежду, но даже и увѣренность королевству въ томъ, что она принесетъ ему вмѣстѣ съ собою, и славу; такимъ образомъ король, будучи еще въ колыбели, былъ украшенъ лаврами. Ко-

роль, отецъ его, не только не любившій, но и не уважавшій королеву, свою жену, далъ ей необходимыхъ совѣтниковъ, чтобы по возможности ограничить ея власть какъ регентши. Эти совѣтники были: кардиналъ Мазарини, государственный канцлеръ, Бутелье и Шавиньи. Всѣ поименованныя лица были какъ-то особенно ненавистны народу, будучи креатурами кардинала Ришелье; потому, какъ только король испустилъ послѣдній вздохъ, ихъ встрѣтили насмѣшки всѣхъ служащихъ при Сенъ-Жерменскомъ дворѣ. Еслибы Бофоръ имѣлъ поболѣе смысла, или еслибы де Бове (de Beauvais) не былъ бы такъ глупъ, и притомъ еслибы моему отцу явилась фантазія вмѣшаться въ политическія дѣла,—то всѣ эти побочные члены регентства были бы непремѣнно съ позоромъ изгнаны; и парламентъ, вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ, осудилъ бы кардинала Ришелье.

Немилость, въ которой находилась всегда королева, заставляла гораздо болѣе сочувствовать ея страданіямъ, чѣмъ уважать за ея личныя достоинства. Ее не представляли себѣ иначе, какъ преслѣдуемой и страдающей; страданіе же особамъ высокопоставленнымъ вмѣняется часто въ добродѣтель. Непремѣнно хотѣли себѣ вообразить, что королева обладаетъ необыкновеннымъ терпѣніемъ, которое, однако же, очень часто есть только слѣдствіе большой безпечности. Но тѣмъ не менѣе достовѣрно то, что всѣ ожидали отъ нея всего лучшаго.

Герцогъ Орлеанскій выразилъ было свое желаніе оспаривать регентство; поэтому поводу Ла-Фреттъ (La-Frette), человѣкъ вполнѣ ему преданный, возбудилъ подозрѣніе, прибывъ, часъ спустя послѣ кончины короля, въ Сенъ-Жерменъ съ двумя стами дворянъ, приведенныхъ имъ изъ герцогства. Я заставилъ де Нанжи предложить въ этотъ самый моментъ къ услугамъ королевы полкъ, которымъ онъ командовалъ и который находился въ это время въ Мантѣ. Де Нанжи отправилъ его въ Сенъ-Жерменъ: весь гвардейскій полкъ явился туда, а короля привезли въ Парижъ. Гастонъ Орлеанскій, братъ Людовика XIII, довольствовался титуломъ намѣстника государства; главою же совѣта былъ назначенъ принцъ. Парламентъ утвердилъ регентство королевы, не сдѣлавъ при этомъ никакихъ ограниченій. Всѣ, находящіеся въ изгнаніи, были возвращены на родину, всѣмъ заключеннымъ была дарована свобода, всѣ преступники были прощены; въ это время никто не получалъ отказа въ просимомъ, и г-жа де-Бове, между прочимъ, вмѣстѣ съ другими, получила разрѣшеніе построить домъ на Королевской площади. Не могу теперь припомнить имени того лица, которому была выхлопотана привилегія налога на обѣдни. Казалось, что благоденствіе отдѣльныхъ лицъ было подтверждаемо общественнымъ благосостояніемъ. Необыкновенное единство членовъ королевскаго

дома служило доказательствомъ внутренняго спокойствія. Сраженіе при Рокруа смирило на многіе годы гордый духъ испанской войны; кавалерія же ихъ не могла быть и сопоставляема съ Веймарской; она состояла изъ солдатъ Бернарда, герцога Саксенъ-Веймарскаго, купленныхъ Франціею въ 1639 году. Каждый видѣлъ на ступеняхъ трона, съ котораго нѣкогда управлялъ суровый Ришелье, кроткаго и добродушнаго преемника, человѣка, который ровно ничего не требовалъ и который былъ даже въ отчаяніи, что его кардинальское званіе не позволяетъ ему показать передъ свѣтомъ свое смиреніе на столько, на сколько ему самому этого хотѣлось; даже проѣзжая по городу, онъ держалъ только двухъ лакеевъ сзади своей кареты. Видите, я не безъ основанія говорилъ, что въ это время честному человѣку не было удобно быть въ немилости. И развѣ я не былъ правъ, совѣтуя де Нанжи не ссориться съ дворомъ, хотя ему, не взирая на оказанную въ Сенъ-Жерменѣ услугу, первому изъ всѣхъ отказали въ ничтожномъ вознагражденіи, о которомъ онъ просилъ. Я постарался ему его доставить.

Вы конечно поймете, какъ всѣ были изумлены, узнавъ о заключеніи де Бофора въ тюрьму въ то время, когда всѣмъ возвращали свободу; но не менѣе удивитъ и то, что никто не думалъ о послѣдствіяхъ этого заключенія, хотя подобная строгая мѣра казалась немыслимой при правительствѣ, отличающемся такою мягкостью и снисходительностью. Однако дѣло было весьма просто: арестъ де Бофора, нанесшій ударъ его могуществу, былъ удачнымъ дѣйствіемъ правительства, и, какъ всякая удача, внушалъ къ себѣ уваженіе. Часто случается, что самыя полезныя дѣйствія министровъ не оцѣниваются по достоинству; но это происходитъ отъ того, что они принуждены почти всегда для достиженія своихъ цѣлей преодолѣвать различныя препятствія, и великое торжество ихъ влечетъ за собою зависть и ненависть. Когда же этимъ лицамъ приходится дѣйствовать, но при этомъ не представляется необходимости бороться и впослѣдствіи торжествовать, то эти лица какъ-бы окружаются какимъ-то ореоломъ чистоты и свѣта, какимъ-то обаяніемъ, которое упрочивается за ними навсегда и заставляетъ находить безупречнымъ все то, что они создаютъ, и приписываетъ имъ то, чего они и не касаются.

Когда узнали, что кардиналъ арестовалъ того, кто пять или шесть недѣль предъ этимъ привезъ съ необыкновенною пышностью короля въ Парижъ, воображеніе всѣхъ было охвачено благоговѣйнымъ удивленіемъ. Мнѣ невольно припоминается Шапелэнъ (Chapelain), человѣкъ весьма неглупый, который не переставалъ удивляться этому происшествію. Всѣ считали себя обязанными министру за то, что онъ не отправлялъ каждую

недѣлю, какъ бывало прежде, кого-нибудь въ тюрьму; это приписывали мягкости его характера, а не тому, что не представлялось случая для подобныхъ строгихъ мѣръ. Нужно сознаться, что онъ весьма легко способствовалъ своему счастію. Онъ сдѣлалъ все необходимое, чтобы показать видъ, что арестъ де Бофора былъ у него вынужденъ окружающими, и что совѣты Гастона Орлеанскаго и принца Конде взяли верхъ надъ его мнѣніемъ въ глазахъ королевы. На другой день послѣ этого событія онъ казался еще болѣе умѣреннымъ, общительнымъ и прямодушнымъ. Доступъ къ нему былъ совершенно свободенъ, получить аудіенціи—было весьма легко. Съ нимъ обѣдали какъ съ частнымъ лицемъ. Онъ былъ проще въ обхожденіи и доступнѣе самыхъ незначительныхъ кардиналовъ. Наконецъ онъ дѣйствовалъ такъ ловко, что сталъ во главѣ всѣхъ въ то время, когда никто не ожидалъ этого.

Мазарини, достигнувъ полновластія, вслѣдствіе паденія «Importants», не замедлилъ сдѣлаться непопулярнымъ; причина этого заключается отчасти въ немъ самомъ, отчасти въ «эдиктахъ о чрезвычайныхъ податяхъ», изданныхъ Эмери, которому Мазарини предоставилъ финансовыя дѣла; но парламентъ воспротивился, и мнѣніе его раздѣляли другіе европейскіе дворы. Министръ сначала не смѣлъ употребить строгихъ мѣръ, но блестящій успѣхъ Конде придалъ ему увѣренности, и въ день благодарственнаго молебствія, по случаю побѣды при Лансѣ (Lens), издалъ указъ объ арестованіи троихъ совѣтниковъ парламента. Это послужило причиной для Дня Баррикадъ.

Retz (Vie du cardinal de Retz, 2e partie, 1643. Изъ сборника *Раффи*: Lectures d'Histoire moderne. Paris. 1862, deuxième édition).

10. ДЕНЬ БАРРИКАДЪ (1648 г.).

26-го августа 1648 г. король отправился слушать благодарственный молебенъ. Отъ Пале-Рояля до самой церкви Парижской Богоматери всѣ улицы были заставлены солдатами гвардейскаго полка. Какъ только король возвратился въ Пале-Рояль, изъ этихъ солдатъ было сформировано три батальона, которые были поставлены на площади Дофина. Комменжъ (Comminges), поручикъ гвардіи королевы, посадилъ силою въ закрытый экипажъ старика Брусселя (Broussel), королевскаго совѣтника, и привезъ его въ Сенъ-Жерменъ; въ то же самое время и Бланмениль (Blancménil) былъ схваченъ у себя на дому и привезенъ въ Венсенскій лѣсъ. Васъ конечно удивляетъ выборъ этого послѣдняго; но еслибы вамъ былъ знакомъ Бруссель, то

васъ не менѣе удивило бы и его похищеніе. Въ свое время я объясню вамъ нѣкоторыя, относящіяся сюда, подробности; признаюсь, я не въ состояніи объяснить вамъ изумленія жителей Парижа въ первую четверть часа похищенія Брусселя, а также и того движенія, которое стало господствующимъ во вторую четверть. Печаль, или, вѣрнѣе сказать, уныніе охватило всѣхъ; всѣ съ изумленіемъ, но ни говоря ни слова, поглядывали другъ на друга. Общее настроеніе вдругъ сразу измѣнилось: всюду началось движеніе, бѣготня, крикъ, стали запирать лавки. Я былъ предупрежденъ объ этомъ; несмотря на то, что не могъ равнодушно относиться къ тому пріему, который я получилъ наканунѣ въ Пале-Роялѣ, гдѣ меня даже просили дать знать тѣмъ изъ моихъ друзей, кто принадлежитъ парламенту, что битва при Лансѣ имѣла вліяніе только въ смыслѣ умѣренности и тишины, несмотря на то, что я былъ обиженъ, я безъ всякаго колебанія отправился къ королевѣ, внутренно рѣшилъ исполнять исключительно только мой долгъ. Въ этихъ самыхъ выраженіяхъ сообщилъ я о моемъ намѣреніи обѣдавшимъ въ этотъ день у меня: Шапелену (Chapelain), Гомбервиллю (Gomberville) и Пло (Plot)—канонику при церкви Парижской Богоматери, который въ настоящее время былъ монахомъ картезіанскаго ордена. Я вышелъ въ стихарѣ и въ мантіи, но едва успѣлъ дойти до Марше-Нёфъ, какъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ толпою, крики которой походили на какой-то вой; я старался освободиться отъ нея, говоря, что королева разсудитъ всѣхъ по законамъ. На Понъ-Нёфъ я увидѣлъ во главѣ гвардіи маршала де Ла-Мельере (de la Meilleraye), который, несмотря на то, что имѣлъ въ лицѣ своихъ противниковъ чуть-ли не дѣтей, которые позволяли себѣ ругаться и бросать каменьями въ солдатъ, былъ уже въ сильномъ смущеніи, все болѣе и болѣе возраставшемъ, при видѣ собравшейся массы народа. Увидѣвъ меня, маршалъ очень обрадовался и началъ убѣждать меня пойти передать королевѣ всю истину. Въ свою очередь, я также былъ очень доволенъ этою встрѣчей, и мы отправились въ Пале-Рояль, въ сопровожденіи толпы народа, кричавшей: «Брюссель, Брюссель!».

Мы застали королеву въ большомъ кабинетѣ, въ обществѣ герцога Орлеанскаго, маршала де-Виллеруа, аббата де Ла-Ривьера, Ботрю, Гито — капитана гвардіи королевы, и Ножана. Она приняла меня ни хорошо, ни дурно. Она была слишкомъ горда, чтобы стыдиться того, что было сказано ею вчера, и кардиналъ не былъ на столько честнымъ человѣкомъ, чтобы въ немъ пробудилась совѣсть. Онъ казался нѣсколько смущеннымъ и въ своей нескладной рѣчи далъ мнѣ понять, что онъ былъ бы очень доволенъ, если бы я согласился повѣрить существованію

новыхъ причинъ, заставившихъ королеву придти къ принятому ею теперь рѣшенію. Я сдѣлалъ видъ, что нахожу прекраснымъ все то, что онъ говоритъ мнѣ, и заявилъ совершенно просто, что пришелъ сюда ради исполненія своего долга и для полученія приказаній отъ королевы; кромѣ того я выразилъ свою полную готовность способствовать тишинѣ и спокойствію, сколько это будетъ въ моей власти. Королева, въ знакъ благодарности, слегка кивнула мнѣ головой, но я потомъ узналъ, что она приняла въ дурную сторону мои послѣднія слова, хотя они были сказаны безъ всякой задней мысли и притомъ были весьма обыкновенны въ устахъ парижскаго коадьютора. Волею неволею приходится сознаться, что при дворѣ одинаково опасно какъ желаніе сдѣлать зло, такъ и возможность совершить добро. Маршалъ де Ла-Мельере видя, что Ла-Ривьеръ, Ботрю и Ножанъ считали недостойнымъ вниманія и не придавали серьезнаго значенія народному движенію, былъ очень взволнованъ, онъ говорилъ съ увлеченіемъ и ссылался на мое свидѣтельство. Я безъ стѣсненія подтвердилъ все имъ высказанное какъ о настоящемъ, такъ и о предстоящемъ народномъ волненіи. Кардиналъ злобно улыбнулся, а королева, разсердившись, произнесла своимъ рѣзкимъ и звонкимъ голосомъ слѣдующія слова: «предположеніе, что возмущеніе возможно, есть уже само возмущеніе, и все это ничто иное—какъ нелѣпыя сказки тѣхъ, кто этого желаетъ. Королевская власть съумѣетъ возстановить во всемъ должный порядокъ»! Кардиналъ, замѣтившій по моему лицу, что рѣчь эта взволновала меня, обратился къ королевѣ и сказалъ болѣе мягкимъ тономъ: «Дай Богъ, Ваше Величество, чтобы каждый говорилъ съ такою искренностью, какъ нашъ коадьюторъ. Онъ опасается за свою паству и за городъ, онъ опасается также и за власть Вашего Величества. Съ своей стороны, я увѣренъ, что опасность не такъ велика, какъ онъ себѣ её представляетъ; но его сомнѣніе въ этомъ случаѣ есть въ то же время выраженіе преданности, достойное похвалы». Королева, слушавшая со вниманіемъ рѣчь кардинала, вдругъ сразу перемѣнила тонъ; она выразила мнѣ свою благосклонность, на которую я отвѣчалъ съ глубокимъ почтеніемъ; выраженіе же моего лица при этомъ было до того простовато, что Ла-Ривьеръ не могъ удержаться, чтобы не сказать Ботрю, сообщившему мнѣ объ этомъ четыре дня спустя: «Посмотрите, что значитъ у насъ рѣдко бывать при дворѣ! Коадьюторъ человѣкъ свѣтскій и неглупый, а принимаетъ за чистую монету то, что ему говоритъ королева». Дѣло въ томъ, что всѣ присутствующіе въ кабинетѣ разыгрывали комедію; я старался казаться ничего непонимающимъ, чего не было на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ. Кардиналъ при-

нялъ видъ человѣка нисколько не встревоженнаго. Были минуты, когда королева желала придать себѣ какъ можно болѣе мягкости, но въ то же время она никогда не была такъ рѣзка, какъ тогда. Де-Лоневилль принялъ на себя печальный видъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ чувствовалъ немалое удовольствіе, будучи однимъ изъ тѣхъ свѣтскихъ людей, которымъ чрезвычайно нравится начало всякаго дѣла. Герцогъ Орлеанскій въ разговорѣ съ королевой старался казаться особенно внимательнымъ и ревностнымъ къ дѣлу, хотя самъ, полчаса назадъ, безпечно посвистывалъ. Маршалъ Виллеруа, разговаривая съ Герши (Guerchi) въ сосѣдней комнатѣ, съ цѣлью понравиться министру, силился казаться веселымъ; но самъ признался мнѣ наединѣ, со слезами на глазахъ, что по его мнѣнію—государство находится на краю пропасти. Ботрю и Ножанъ дурачились изъ желанія угодить королевѣ и передразнивали кормилицу Брусселя (замѣтьте, пожалуйста, что Брусселю было въ это время 80 лѣтъ), которая подстрекала народъ къ возмущенію. Оба эти господина не стѣснялись все это продѣлывать, хотя не могли не понимать, что кровавая драма могла легко послѣдовать за всѣми этими фарсами. Аббатъ де Ла-Ривьеръ былъ единственнымъ человѣкомъ, вполнѣ убѣжденнымъ, что народное волненіе также легко разсѣется, какъ дымъ. Онъ поддерживалъ свое мнѣніе предъ королевой, вполнѣ готовой вѣрить ему, если бы даже она была убѣждена въ совершенно противномъ. Я обратилъ вниманіе въ этотъ моментъ на расположеніе духа королевы, женщины въ высшей степени смѣлой, и на настроеніе де Ла-Ривьера, извѣстнаго своею трусливостью, и пришелъ къ заключенію, что слѣпая отвага и чрезмѣрный страхъ производятъ одни и тѣ же явленія, когда опасность еще не обнаружилась. Чтобы никого не пропустить изъ дѣйствующихъ лицъ, упомяну о маршалѣ де Ла-Мельере, который до сихъ поръ поддерживалъ мое мнѣніе о послѣдствіяхъ возмущенія, и который вдругъ началъ явно выказывать свою самонадѣянность. Онъ сразу перемѣнилъ и тонъ, и взглядъ, вслѣдствіе заявленія Ваннома (Vennes), подполковника гвардіи, о томъ, что граждане угрожали силою гвардейцамъ. Онъ былъ весь пропитанъ желчью и противорѣчіемъ, и гнѣвъ его положительно перешелъ въ ярость. Онъ кричалъ, что лучше погибнуть, нежели переносить подобную наглость; настаивалъ, чтобы ему позволили взять гвардейцевъ и офицеровъ и находящихся во дворцѣ придворныхъ, утверждая при этомъ, что онъ съумѣетъ укротить чернь. Королева съ жаромъ стояла за него; но никто не раздѣлялъ этого мнѣнія, и вы увидите по самому ходу событія, что подобное мнѣніе было совершенно несостоятельно и достойно осужденія. Въ этотъ моментъ въ кабинетъ вошелъ канцлеръ. Онъ принадлежалъ къ такимъ слабымъ натурамъ, что до на-

стоящаго дня ему не удалось сказать кому-нибудь и слова правды; теперь же его обыкновенная любезность уступила мѣсто страху: онъ говорилъ только о томъ, что происходило на его глазахъ на улицахъ. Я замѣтилъ, что кардиналъ былъ очень изумленъ присутствіемъ свободомыслія именно въ томъ человѣкѣ, въ которомъ онъ не могъ никогда его подозрѣвать. Впечатлѣніе, произведенное всѣмъ что было сказано канцлеромъ, было сразу уничтожено словами пришедшаго Сеннетерра (Sennеterre), который увѣрялъ, что пылъ черни начинаетъ утихать, что солдатамъ не приходилось браться за оружіе и что если будутъ дѣйствовать спокойно и осторожно, то все снова пойдетъ своимъ чередомъ.

Нѣтъ ничего опаснѣе лести въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда тотъ, къ кому она относится, чего-нибудь страшится; тогда желаніе не поддаваться ей заставляетъ его вѣрить всему тому, что мѣшаетъ устранить её. Совѣты, являющіеся каждое мгновеніе, заставляли позабывать о тѣхъ, въ которыхъ въ настоящее время и заключалось спасеніе государства. Старикъ Гито, человѣкъ не особенно умный, но очень усердный, выражалъ сильнѣе прочихъ свое нетерпѣніе; онъ сказалъ болѣе обыкновеннаго хриплымъ голосомъ, что онъ не понимаетъ, какъ можно дремать, когда дѣла находятся въ подобномъ положеніи. Онъ прибавилъ еще что-то сквозь зубы, чего я не разслышалъ, но понялъ, что это было что-то такое, что оскорбило кардинала, который, нужно замѣтить, не любилъ его, и который обратился къ Гито съ вопросомъ: «Какое ваше мнѣніе?» — «Мое мнѣніе, милостивый государь», рѣзко отвѣчалъ тотъ, «выдать, живымъ или мертвымъ, этого стараго плута Брусселя!». Тогда пришла моя очередь говорить, и я сказалъ: «Первое—не можетъ быть допущено, какъ не согласное съ благоразуміемъ королевы; второе же — можетъ прекратить волненіе». Услыхавъ мои слова, королева покраснѣла: «Я понимаю, господинъ коадьюторъ, — сказала она, — вамъ бы хотѣлось, чтобы я возвратила свободу Брусселю, я же вамъ объявляю, что я скорѣе задушу его собственными руками, чѣмъ сдѣлаю это!» Произнося послѣднія слова, она приблизила свои руки почти къ самому моему лицу, прибавивъ: «А тѣхъ, кто ...». Здѣсь кардиналъ, увѣренный въ томъ, что она готова была наговорить все, что подскажетъ ей гнѣвъ, подошелъ къ ней и сказалъ что-то на ухо. Она овладѣла собою и мгновенно перемѣнила манеру; еслибы я не зналъ ее такъ хорошо, я навѣрное подумалъ бы, что она смягчилась.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ гражданскій судья, лице котораго было покрыто смертельной блѣдностью; мнѣ не приходилось видѣть, даже въ итальянскихъ комедіяхъ, болѣе наивнаго и смѣшнаго страха, какъ тотъ, который выказывалъ вновь

пришедшій, разсказывая королевѣ о своихъ пустыхъ приключеніяхъ по дорогѣ отъ дома до Пале-Рояля. Полюбуйтесь, умоляю васъ, на симпатію боязливыхъ душъ. Кардиналъ Мазарини, который до сихъ поръ былъ затронутъ только тѣмъ, о чемъ говорили такъ энергично де-Ла-Мелльере и я; Ла-Ривьеръ же нисколько не былъ этимъ взволнованъ. Страхъ гражданскаго судьи, вѣроятно вслѣдствіе своей заразительности, проскользнулъ въ ихъ умы, сердца и воображеніе. Они казались какъ-бы сразу переродившимися: перестали смотрѣть на меня, какъ на страннаго и даже смѣшнаго человѣка и признали наконецъ, что дѣло требовало размышленія: потолковавъ немного, они выразили крайнее сожалѣніе о своемъ несогласіи съ основательными доводами канцлера Лонгвилля, маршала Виллеруа, также какъ и маршала де-Ла-Мелльера и коадьютора о томъ, что народу, угрожающему взяться за оружіе, слѣдовало выдать Брусселя раньше, чѣмъ онъ дѣйствительно это сдѣлаетъ. При этомъ оборотѣ дѣла, мы невольно почувствовали, что тѣмъ, кто находится подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ страха, гораздо полезнѣе размышлять и совѣщаться, чѣмъ издавать рѣшенія. Кардиналъ, высказавши дюжину несообразностей, противорѣчащихъ одна другой, пришелъ къ заключенію, что можно еще обо всемъ переговорить завтра, а пока нужно сообщить народу, что королева даруетъ свободу Брусселю, но съ тѣмъ, чтобы послѣдній отдѣлился отъ толпы и не заставлялъ бы народъ дѣйствовать за него; послѣ чего кардиналъ прибавилъ, что никто изъ присутствующихъ, кромѣ меня, не съумѣлъ бы говорить съ народомъ съ большимъ убѣжденіемъ и краснорѣчіемъ. Несмотря на то, что я ясно видѣлъ ловушку въ этой похвалѣ, я ничего не могъ сдѣлать въ защиту себѣ, тѣмъ болѣе, что маршалъ де Мелльере, человѣкъ не особенно дальновидный, поддался тоже этой ловушкѣ со всею своею пылкостью и тѣмъ, такъ сказать, повлекъ и меня за собою. Онъ объявилъ королевѣ, что мы вмѣстѣ пойдемъ на улицу и устроимъ все какъ нельзя лучше. «Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, отвѣчалъ я ему, если Ея Величеству будетъ угодно, чтобы мы передали народу, въ надлежащей формѣ, ея обѣщаніе освободить находящагося въ тюрьмѣ Брусселя и другихъ; я это говорю оттого, что самъ по себѣ не пользуюсь достаточнымъ довѣріемъ народа для того, чтобы мнѣ могли повѣрить безъ этого». Меня похвалили за мою скромность. Маршалъ ни въ чемъ не сомнѣвался, онъ думалъ, что слова королевы выше письменныхъ документовъ. Было ясно, что надо мной смѣялись, и я очутился въ роковой необходимости разыгрывать самую глупую роль въ этой комедіи. Я хотѣлъ было возражать, но королева быстро встала и прошла въ свою сѣрую комнату. Герцогъ Орлеанскій схватилъ меня

обѣими руками, говоря со всею своею мягкостью: «Возвратите спокойствіе государству!» Маршалъ потащилъ меня за собою, а тѣлохранители королевы, въ доказательство своей любви, понесли меня на рукахъ при крикахъ: «Только вы можете помочь бѣдѣ!» Такимъ образомъ я вышелъ въ стихарѣ и мантіи, благословляя направо и налѣво; вы конечно понимаете, что это занятіе нисколько не отвлекало меня отъ моихъ размышленій, особенно необходимыхъ въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ я находился. Я пришелъ къ рѣшенію обратиться раньше всего къ самому точному исполненію моего долга: проповѣдывать послушаніе и смиреніе и употребить всѣ мои силы, чтобы усмирить бунтъ. Единственная мѣра, которой я рѣшился держаться, это ничего не обѣщать народу отъ своего имени, а просто объявить, что королева увѣрила меня, что она освободитъ Брусселя, но съ тѣмъ, чтобы это волненіе было прекращено.

Этого результата дѣйствительно достигли, но скорѣе благодаря уму и ловкости коадъютора, чѣмъ вслѣдствіе неумѣстной храбрости де-Ла-Мелльере. Когда же оба они возвратились въ Пале-Рояль для полученія поздравленій и благодарности за услугу, оказанную государству, въ ихъ дѣйствіяхъ нашли смѣшную сторону. Рецъ, возмущенный этимъ, сговорившись съ Мирономъ (Miron), полковникомъ квартала Сенъ-Жерменъ д'Оксеруа, выбралъ себѣ другую роль въ возмущеніи, которое уже готово было возобновиться.

Нѣсколько времени спустя, я былъ извѣщенъ Мирономъ о томъ, что канцлеръ, со всею пышностью, подобающей его званію, отправился прямо во дворецъ. Аржантель (Argenteuil) прислалъ мнѣ сказать, что два отряда швейцарскихъ гвардейцевъ приближаются со стороны предмѣстья къ Нельскимъ воротамъ. Это былъ роковой моментъ; я отдалъ въ двухъ словахъ приказаніе, которое было исполнено въ двѣ минуты. Миронъ велѣлъ взяться за оружіе. Аржантель, переодѣтый каменьщикомъ, съ линейкою въ рукахъ, напалъ съ своими солдатами на швейцарцевъ съ флангу, убилъ около двадцати или тридцати человѣкъ, отбилъ одно изъ знаменъ и заставилъ разбѣжаться остальныхъ швейцарцевъ. Канцлеру, стѣсненному со всѣхъ сторонъ, удалось съ большимъ трудомъ спастись въ отель д'О, которымъ оканчивалась Августинская набережная со стороны моста Сенъ-Мишель. Народъ, разломавъ ворота, съ яростью вошелъ туда; одинъ только Богъ могъ спасти канцлера и его брата, епископа города Мо, у котораго онъ исповѣдывался.

Какъ бы внезапнымъ и сильнымъ пожаромъ былъ охваченъ волненіемъ весь городъ. Рѣшительно всѣ безъ исключенія взялись за оружіе; можно было видѣть даже дѣтей отъ пяти до шести лѣтъ съ кинжаломъ въ рукахъ, а также и матерей, приносившихъ имъ эти кинжалы. Менѣе чѣмъ въ какихъ-нибудь два часа въ Парижѣ появилось болѣе двухсотъ баррикадъ, окруженныхъ знаменами и всевозможными оружіями, сохраненными еще со временъ Лиги. Будучи принужденъ выйти на минуту, чтобы хотя нѣсколько успокоить возмущеніе, происшедшее вслѣдствіе недоразумѣнія двухъ офицеровъ и отряда, расположеннаго въ улицѣ Невъ-Нотръ-Дамъ (Neuve-Notre-Dame), я встрѣтилъ на улицѣ, между прочимъ, мальчика лѣтъ восьми или десяти, который скорѣй волочилъ за собою, чѣмъ несъ, копье, оставшееся вѣроятно отъ давнишней войны съ англичанами. Но мнѣ пришлось увидать нѣчто еще болѣе любопытное: де Бризакъ указалъ мнѣ на вызолоченный офицерскій значекъ, на которомъ была начерчена голова якобинца, убившаго Генриха III, съ надписью: *Сенъ-Жакъ-Клеманъ*. Я сдѣлалъ замѣчаніе несшему его офицеру и приказалъ ему разбить этотъ значекъ публично молоткомъ на наковальнѣ кузнеца. Народъ кричалъ: «Да здравствуетъ король!» на что эхо отвѣчало: «Долой Мазарини!».

Минуту спустя послѣ моего прибытія, ко мнѣ явился казначей королевы, который не только началъ просить меня, но даже заклиналъ отъ имени Ея Величества употребить все мое вліяніе для усмиренія волненія, которое дворъ уже не считалъ болѣе пустяками. Я скромно, но въ то же время холодно, отвѣчалъ, что усилія, употребленныя мною для этого вечера, сдѣлали меня на столько ненавистнымъ для народа, что я рисковалъ своею жизнію уже за одно желаніе показаться на улицу и что это заставило меня очень быстро возвратиться домой. Направляясь ко мнѣ, казначей былъ еще на концѣ улицы, когда отвсюду раздавались возгласы: «Да здравствуетъ король!» при этомъ онъ не могъ не замѣтить, что къ нимъ присоединились и восклицанія: «Да здравствуетъ коадьюторъ!» Поэтому онъ сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы увѣрить меня въ моей силѣ и вліяніи, и хотя въ душѣ мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ сомнѣвался въ моемъ вліяніи, однако я старался всѣми силами убѣдить его въ своемъ безсиліи и ничтожности. Любимцы, принадлежащіе къ послѣднимъ двумъ вѣкамъ, сами не знали, что они творили, возведя въ правило свой личный взглядъ на отношеніе короля къ своимъ подданнымъ; бываютъ же и такіе случаи, когда, вслѣдствіе необходимости, возводятъ въ правило должное повиновеніе государю.

Парламентъ, собравшійся въ этотъ день очень рано утромъ, даже раньше, чѣмъ чернь успѣла взяться за оружіе, замѣтилъ

общее движеніе громадной толпы, которая, ворвавшись въ залу дворца, кричала: «Бруссель, Бруссель!» Парламентъ тутъ же рѣшилъ немедленно отправиться въ Пале-Рояль, чтобы снова требовать у королевы возвращенія свободы заключеннымъ въ тюрьмахъ и установить приговоръ противъ Комменжа, начальника королевской гвардіи; при этомъ было объявлено военнымъ запрещеніе, подъ страхомъ смерти, брать на себя подобныя порученія, и обѣщаніе разъискать имена тѣхъ, кто давалъ этотъ совѣтъ, какъ лицъ, возмущающихъ общественное спокойствіе. Тутъ же послѣдовало исполненіе этого приказа: парламентъ выступилъ въ числѣ 160 человѣкъ. На всѣхъ улицахъ ихъ принимали съ сочувствіемъ и провожали съ восторженными восклицаніями и аплодисментами; всѣ баррикады были разрушены на его пути.

Первый президентъ парламента началъ говорить съ королевой съ полной свободой, которую онъ могъ себѣ позволить при тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Онъ высказалъ, что нельзя не видѣть, какъ играютъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, королевскимъ словомъ; онъ указалъ, на сколько были опасны и постыдны ухищренія, которыя употреблялись для того, чтобы увернуться отъ рѣшеній, не только полезныхъ, но и необходимыхъ для государства; онъ нѣсколько преувеличилъ ту опасность, которой всѣ подвергались вслѣдствіе того, что взбунтовавшіеся взялись за оружіе. Королеву, которая ничего не боялась вслѣдствіе полнаго невѣдѣнія дѣлъ, слова эти вывели изъ себя и она, не только съ гнѣвомъ, но съ яростью отвѣтила президенту: «Я отлично знаю о волненіи, происходящемъ въ городѣ, но вы, господа члены парламента, отвѣтите мнѣ за это какъ вашими собственными головами, такъ и вашими женами и дѣтьми». Выговоривъ послѣднее слово, она прошла въ свою маленькую сѣрую комнату, сильно хлопнувъ дверью.

Члены парламента, возвращаясь изъ дворца, были уже на крыльцѣ, какъ президентъ де Месмъ (Mesme), человѣкъ чрезвычайно застѣнчивый, размышляя объ опасности, которой подвергались со стороны народа его сотоварищи, предложилъ снова подняться къ королевѣ и сдѣлать еще одно усиліе уговорить ее. Они встрѣтили въ большомъ кабинетѣ герцога Орлеанскаго, котораго имъ удалось уговорить ввести ихъ въ сѣрую комнату въ числѣ двадцати человѣкъ. Первый президентъ сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы представить королевѣ весь ужасъ разсвирѣпѣвшихъ вооруженныхъ жителей Парижа; но королева, не желавшая ничего слушать, выбѣжала въ сосѣднюю маленькую галерею.

Вошедшій въ эту минуту кардиналъ предложилъ возвратить свободу заключеннымъ, съ условіемъ, чтобы парламентъ далъ обѣщаніе прекратить свои засѣданія. Президентъ отвѣчалъ, что

они должны подумать объ этомъ предложенiи. Нашлись лица, желавшiя принять его теперь же, но большинство членовъ рѣшило собраться послѣ обѣда въ Пале-Роялѣ, причемъ просили присутствовать и герцога Орлеанскаго; такъ слѣдовало поступить въ виду того, чтобы народъ, видя, что соглашенiе произошло въ самомъ дворцѣ, не подумалъ бы, что оно было вынуждено у его депутатовъ.

Оставивъ Пале-Рояль, члены парламента сначала не сообщали народу о дарованiи свободы Брусселю, почему и были встрѣчены самымъ угрюмымъ молчанiемъ, вмѣсто прежнихъ радостныхъ восклицанiй. Подойдя къ заставѣ Сержантовъ, гдѣ находилась первая баррикада, члены парламента встрѣчены были здѣсь ропотомъ, который однако же имъ удалось смирить, объявивъ, что королева обѣщала дать удовлетворенiе. Подобное же обстоятельство произошло около второй баррикады. Третья баррикада, находившаяся близъ Круа-де-Тируаръ, дѣйствовала энергичнѣе: здѣсь выступили имъ на встрѣчу двѣсти человѣкъ подъ предводительствамъ одного молодаго повара, который, подойдя къ предсѣдателю, приставилъ къ его груди свою аллебарду и сказалъ: «Отправляйся назадъ измѣнникъ! Если тебѣ сколько нибудь дорога твоя жизнь, то приведи намъ Брусселя или же Мазарини вмѣстѣ съ канцлеромъ, какъ заложниковъ». Вы легко можете себѣ представить весь ужасъ, овладѣвшiй всѣми присутствующими: пять парламентскихъ президентовъ и болѣе двадцати совѣтниковъ поспѣшили скрыться. Только первый президентъ парламента, человѣкъ самый неустрашимый, какой только могъ встрѣтиться въ его время, остался непоколебимъ; онъ даже принудилъ себя подсмѣяться надъ бѣжавшими товарищами. Во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ онъ съумѣлъ сохранить достоинство своего званiя; затѣмъ онъ направился медленнымъ шагомъ по направленiю къ Пале-Роялю, при перекрестномъ огнѣ ругательствъ, угрозъ и проклятiй,

Этотъ человѣкъ обладалъ совершенно особеннымъ краснорѣчiемъ. Онъ никогда не употреблялъ восклицанiй, и языкъ его не всегда былъ правиленъ; но сила его убѣжденiй выкупала все и онъ былъ отъ природы такъ неустрашимъ, что теперь, находясь въ такой опасности, онъ говорилъ какъ-то особенно хорошо и его рѣчь трогала всѣхъ, за исключенiемъ одной королевы, оставшейся непреклонной.

Гастонъ Орлеанскiй сдѣлалъ видъ, что желаетъ броситься передъ ней на колѣни; присутствующiя здѣсь четыре принцессы, дрожавшiя отъ страха, на самомъ дѣлѣ упали на колѣни передъ королевой. Въ это же время одинъ молодой совѣтникъ выразилъ, шутя, кардиналу свое мнѣнiе, что было бы очень кстати ему самому отправиться на улицу, чтобы лично увидѣть, каково

положеніе дѣлъ. Тогда кардиналъ примкнулъ къ большинству. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, удалось заставить королеву сказать слѣдующее: «Ну, господа члены парламента, скажите, что же нужно теперь предпринять». Въ это время начали собираться въ большой галереѣ для совѣщаній, слѣдствіемъ которыхъ было рѣшеніе выразить королевѣ благодарность за освобожденіе заключенныхъ.

Тотчасъ же по утвержденіи этого рѣшенія были обнародованы слова королевы, сказанныя парламенту, и президентъ парламента представилъ народу копіи, но народъ, тѣмъ не менѣе, не хотѣлъ еще оставлять оружіе, предполагая, что вслѣдстіе этого уменьшится его собственное значеніе. Парламентъ, не видя исполненія даннаго ему обѣщанія, относительно Брусселя, не издавалъ приказа сложить оружіе. На другой день Брусселя выпустили; его встрѣтили съ восторгомъ и принесли на рукахъ домой. Тотчасъ же послѣ его освобожденія баррикады были разрушены, лавки открыты и, два часа спустя, въ Парижѣ водворилось спокойствіе, какое мнѣ не приходилось видѣть даже въ великую пятницу.

(Рецъ. Vie du cardinal de Retz; 1648.) (См. Раффи, стр. 7—16.)

11. ФРОНДА.

Дворъ сдѣлалъ уступку съ намѣреніемъ снова возратить себѣ потерянное. Видя поддержку со стороны Конде, дворъ оставилъ Парижъ и рѣшился начать съ парламентомъ войну, извѣстную подъ названіемъ Фронды. Вотъ какимъ образомъ началась эта война и какимъ характеромъ отличалась она, по крайней мѣрѣ при своемъ началѣ или, какъ выражаются, въ періодѣ Старой Фронды.

Арестъ Принцевъ (1650).

Утромъ 16-го января, принцъ Конде, отправившись навѣстить кардинала, засталъ его занятымъ разговоромъ съ Пріоло, камердинеромъ герцога Лонгвилля, которому кардиналъ говорилъ одну любезность за другой относительно его господина, которому просилъ передать его просьбу придти въ совѣтъ послѣ полудня. Входя въ комнату, принцъ Конде обратился къ министру съ просьбою не стѣсняться его присутствіемъ и продолжать начатый разговоръ; вскорѣ онъ замѣтилъ стоявшаго возлѣ камина де-Ліонна, секретаря кардинала, писавшаго на маленькомъ столикѣ приказы объ исполненіи различныхъ распоряженій. Замѣ-

тивъ присутствіе принца, де-Ліоннъ бережно спряталъ бумаги подъ сукно, предварительно придавъ своему лицу самое любезное выраженіе. Покончивъ съ этимъ визитомъ, принцъ отправился обѣдать къ своей матери. Она уже предчувствовала опалу принца и потому, послѣ своего обѣда, вызвала его въ отдѣльную комнату и стала совѣтовать ему быть какъ можно осторожнѣе, потому что дворъ по-видимому уже не былъ такъ къ нему благосклоненъ, какъ прежде. На это принцъ отвѣчалъ, что королева недавно еще увѣряла его въ своей дружбѣ, что кардиналъ съ нимъ въ отличныхъ отношеніяхъ, но что все зло, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ Ла-Ривьера, который измѣнялъ ему и старался склонить своего патрона на сторону недовольныхъ; потомъ Конде сказалъ своему брату, принцу Конти, что онъ хочетъ въ его присутствіи сдѣлать выговоръ де Ла-Ривьеру, такъ какъ онъ этого заслуживаетъ. Принцъ Марсильякъ, по свойственной ему проницательности и ловкости, часто упоминалъ о неблагопріятномъ ходѣ ихъ партіи, а въ этотъ день онъ совѣтывалъ не отправляться всѣмъ троимъ разомъ въ совѣтъ; но вѣрно Богу было угодно, чтобы его предупрежденіе было оставлено безъ вниманія. Принцъ Конде первый отправился къ королевѣ, двое другихъ вскорѣ послѣдовали за нимъ. Войдя въ комнату королевы, Конде встрѣтилъ тамъ свою мать; это заставило его остаться; но вслѣдствіе тяжелаго состоянія духа и недостатка времени, принцъ Конде вышелъ изъ комнаты королевы послѣ непродолжительнаго обыкновеннаго разговора, тогда какъ мать его продолжала оставаться тамъ. Это было послѣднее свиданіе принца съ королевой, послѣ котораго они разошлись навсегда.

Принцъ Конде прошелъ въ маленькій кабинетъ, изъ котораго былъ выходъ въ галерею, гдѣ обыкновенно собирался совѣтъ. Изъ этого же кабинета также можно было пройти и въ помѣщеніе кардинала. Принцъ хотѣлъ было пройти туда, но тутъ же встрѣтилъ кардинала, направляющагося къ королевѣ. Они оба остановились здѣсь; принцъ очень долго говорилъ о дѣлахъ, наиболѣе волновавшихъ его въ эту минуту: онъ говорилъ, что ясно видитъ покровительство, оказываемое парламентомъ его врагамъ, а также не можетъ не замѣтить и охлажденія герцога Орлеанскаго. Затѣмъ Конде жаловался на аббата де Ла-Ривьера за то, что послѣдній старался выставить въ благопріятномъ свѣтѣ дѣйствія Фронды передъ кардиналомъ. Онъ выразилъ свое пламенное желаніе переговорить въ присутствіи Мазарини съ де Ла-Ривьеромъ; имъ обоимъ было извѣстно, что аббатъ находится у больнаго маршала Виллеруа, воспитателя короля, и они послали за нимъ. Аббатъ де-Ла-Ривьеръ, узнавъ, кто именно его зоветъ, поспѣшилъ придти; но для того, чтобы пройти на половину королевы, онъ встрѣтилъ такія большія пре-

пятствія около двери залы гвардейцевъ, что испугался, думая, не къ нему ли относится эта строгость, хотя и не видѣлъ къ тому никакой причины; аббатъ не могъ однако же не замѣтить, что происходило что-то выходящее изъ ряду вонъ; къ тому же еще онъ чувствовалъ, что его отношенія къ его принципалу не такъ хороши, какъ обыкновенно. Комменжъ, бывшій тогда поручикомъ королевскихъ гвардейцевъ, получилъ вмѣстѣ съ Гито, своимъ дядей, приказъ объ арестованіи; видя, что солдаты, согласно приказанію, вслѣдъ за Ривьеромъ не пропускаютъ дворянъ, которые входили, Комменжъ сталъ опасаться, чтобы ихъ безпрекословное повиновеніе не возбудило въ аббатѣ какихъ-нибудь подозрѣній, поэтому, извинившись предъ нимъ, онъ приказалъ пропустить какъ его, такъ и его людей. Дѣйствительно эта мѣра мягкости успокоила Ла-Ривьера. Какъ только онъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ находились принцъ и министръ, за нимъ заперли на-глухо двери; тутъ принцъ Конде началъ противъ него свои обвиненія, объявивъ ему о его предательствѣ, въ которомъ, по его мнѣнію, заключалась причина того, что онъ теперь всѣми оставленъ; принцъ сказалъ, обращаясь къ Ла-Ривьеру, что онъ долженъ помнить обо всѣхъ тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя давалъ ему герцогъ Орлеанскій и онъ самъ, при-этомъ онъ указалъ на то, что враги его, тѣмъ не менѣе, пользуются большими милостями, чѣмъ онъ самъ; наконецъ онъ заявилъ, что знаетъ себѣ цѣну и съумѣетъ отомстить за себя тѣмъ, кто къ нему несправедливъ. Говоря обо всемъ этомъ, Конде, забывшись, началъ кричать такъ громко, что королева, внимательная ко всему происходящему вокругъ нея, нѣсколько испугалась этого шума, полагая, что принцъ жалуется на какую-нибудь болѣе серіозную непріятность. Въ то время какъ названныя три лица разговаривали съ такимъ жаромъ, къ двери кабинета подошелъ графъ де-Сервіенъ, который, вслѣдствіе особаго къ нему уваженія кардинала, зналъ тайны двора; но и ему не позволяли войти въ комнату, какъ человѣку лишнему въ настоящемъ дѣлѣ, и разговоръ продолжался до тѣхъ поръ, пока не пришелъ герцогъ Лонгвилль. Тогда принцъ Конде обратился къ кардиналу и аббату де-Ла-Ривьеру съ просьбою прекратить разговоръ. Герцогъ не могъ допустить мысли, чтобы Конде рѣшился на обвиненіе коадютора, принадлежавшаго къ числу его же друзей; онъ объявилъ принцу, что онъ никогда не желаетъ отъ него отстраняться, не видя съ его стороны какой-нибудь вины. Это двусмысленное заявленіе непріятно подѣйствовало на принца. Разговоръ ихъ былъ прерванъ на нѣсколько времени, и это заставило ихъ разговаривать о самыхъ обыденныхъ вещахъ, что продолжалось только до прихода принца Конти. Министръ, находя, что минута была самая удобная для приведенія въ испол-

неніе королевскаго приказанія, послалъ сказать королевѣ, что все готово и что она теперь можетъ придти въ совѣтъ; это означало, что она можетъ объявить свое послѣднее повелѣніе. Королева сейчасъ же распростилась съ принцессой, объяснивъ ей причину своего ухода; это было послѣднее свиданіе королевы съ принцессой. Послѣдняя, несмотря на свои прежнія сомнѣнія, вышла изъ дворца безъ всякаго предчувствія о горѣ, которое ее ожидало. Королева же послала сказать ожидавшимъ ее принцамъ, что они могутъ идти въ галерею, и что она не замедлитъ присоединиться къ нимъ.

Первымъ пошелъ принцъ Конде, за нимъ братъ его, принцъ Конти, далѣе герцогъ Лонгвилль, за которымъ слѣдовали остальные министры. Въ ожиданіи королевы, принцъ Конде разговорился съ графомъ д'Аво (d'Avaux) о финансовыхъ операціяхъ; онъ спорилъ съ нимъ по поводу одного дѣла, въ которомъ были замѣшаны интересы одного изъ его друзей. Кардиналъ, остававшійся въ маленькой сосѣдней комнатѣ, видя, что всѣ принцы уже вошли въ галерею, вмѣсто того чтобы послѣдовать за ними, взялъ за руку аббата де Ла-Ривьера и тихо сказалъ ему: «Пойдемте въ мой кабинетъ, мнѣ нужно сообщить вамъ объ одномъ важномъ дѣлѣ». Они вмѣстѣ вышли: первый—вполнѣ погруженный въ размышленія, второй — какъ онъ самъ мнѣ говорилъ— до крайности заинтересованный этимъ удаленіемъ кардинала, которое, по его мнѣнію, должно было предвѣщать какое-нибудь необыкновенное событіе.

Что касается королевы, то она встала съ постели, на которой лежала совершенно одѣтая, и дала необходимыя приказанія капитану гвардіи — Гито; затѣмъ она позвала къ себѣ короля, который до сихъ поръ ничего не зналъ объ ея рѣшеніи, и заперлась съ нимъ въ своей молельнѣ. Королева, не будучи руководима въ этомъ случаѣ чувствомъ мщенія, поставила молодаго монарха на колѣни и сообщила ему о томъ, что должно было быть исполнено въ эту минуту; она приказала ему вмѣстѣ съ собою молиться Богу, чтобы испросить у Него успѣха на это предпріятіе, окончанія котораго она ждала съ большимъ волненіемъ и замираніемъ сердца.

Вмѣсто ожидаемой королевы въ галерею вошелъ Гито. Принцъ Конде, разговаривавшій въ это время, увидавъ Гито, подумалъ, что онъ пришелъ къ нему по обыкновенію съ какой-нибудь просьбой; поэтому онъ самъ пошелъ къ нему на встрѣчу и спросилъ его, чего онъ желаетъ. Гито отвѣчалъ ему: «принцъ, я долженъ объявить вамъ, что имѣю приказаніе арестовать васъ, принца Конти, вашего брата, и герцога Лонгвилля». На эти слова принцъ рѣзко отвѣчалъ: «Меня, господинъ Гито? Вы меня арестуете?!» Потомъ, подумавъ немного, онъ продолжалъ: «Ради

Бога, ступайте къ королевѣ и скажите ей отъ меня, что я умоляю ее позволить мнѣ переговорить съ ней». Гито согласился на его просьбу, хотя и прибавилъ, что это по всей вѣроятности ни къ чему не поведетъ. Такъ какъ принцъ отдѣлился отъ остальныхъ для того, чтобы разговаривать съ Гито, который, нужно замѣтить, говорилъ очень тихо, поэтому никто изъ всего общества не могъ слышать приговора объ арестованіи этихъ трехъ принцевъ; такимъ образомъ, когда Гито отправился къ королевѣ передать ей порученіе принца, послѣдній, съ нѣсколько смущеннымъ лицемъ, подошелъ ко всему обществу и объявилъ: «Господа, королева меня арестуетъ», и обращаясь къ принцу Конти и герцогу Лонгвиллю, передалъ имъ: «И васъ также, братъ мой, и васъ Лонгвилль!» Потомъ онъ снова обратился ко всему обществу со словами: «Признаюсь, что это меня удивляетъ, какъ человѣка, всегда усердно служившаго своему королю и увѣреннаго въ расположеніи кардинала!» Обратившись къ канцлеру, принцъ просилъ его сходить къ королевѣ и попросить ее, отъ его имени, дать ему аудіенцію; въ то же время онъ просилъ и графа де-Сервіена сходить съ подобнымъ же порученіемъ къ кардиналу.

Канцлеръ пошелъ къ королевѣ, но болѣе не возвращался въ общество своихъ сотоварищей; то же самое произошло и съ Сервіеномъ. Между тѣмъ явился Гито и объявилъ принцу, что королева не можетъ его принять и что онъ получилъ приказаніе исполнить ея волю. Принцъ Конде отвѣтилъ ему на это самимъ кроткимъ тономъ: «Въ такомъ случаѣ я соглашаюсь и повинуюсь. Но скажите, пожалуйста, куда вы насъ отведете. Покорнѣйше прошу васъ, чтобы тамъ было потеплѣе». Гито отвѣчалъ, что ему приказано отвезти ихъ въ Венсенскій лѣсъ; на это принцъ сказалъ ему: «Ну и прекрасно, пойдемте». Тутъ Конде направилъ свои шаги къ концу галереи, гдѣ находилась дверь, ведущая въ помѣщеніе кардинала; онъ пошелъ туда, конечно разсчитывая найти тамъ выходъ, но какъ только онъ обнаружилъ свое желаніе отворить эту дверь, Гито обратился къ нему со словами: «Милостивый государь, вамъ нельзя будетъ выйти чрезъ эту дверь, потому что здѣсь стоитъ Комменжъ съ двадцатью гвардейцами.» Конде направился къ присутствующимъ; лицо его не только не имѣло отпечатка неудовольствія, но даже отличалось чрезвычайно свѣтлымъ и спокойнымъ выраженіемъ. Сдѣлавъ общій поклонъ и простившись со всѣми, онъ просилъ не забывать о немъ и прибавилъ, что онъ увѣренъ, что они, какъ честные люди, засвидѣтельствуютъ, при случаѣ, объ его вѣрной службѣ королю, которую онъ доказалъ всею своею жизнію, а что онъ, съ своей стороны, всегда готовъ служить своимъ товарищамъ. Онъ обнялъ и поцѣловалъ

графа де Бріенна, государственнаго секретаря, который былъ его родственникъ. Въ это время Гито ввелъ своего племянника, Комменжа съ его гвардейцами, чрезъ дверь на концѣ галереи, за которой тотъ находился въ ожиданіи приказаній. Онъ привелъ ихъ сюда для того, чтобы отворить маленькую дверь, выходящую въ садъ, чрезъ которую можно было спуститься по потаенной лѣстницѣ вмѣстѣ съ арестованными. Принцъ Конде, видя, что ему нужно было идти подъ этимъ конвоемъ, прежде чѣмъ выдти на лѣстницу, сказалъ Комменжу: «Комменжъ, вы честный и благородный человѣкъ: нужно ли мнѣ чего-нибудь опасаться?» При-этомъ онъ напомнилъ ему все для него имъ сдѣланное, а также и дружбу, которую онъ всегда питалъ къ его двоюродному брату—молодому Гито, и представилъ ему возможность выразить ему теперь свою признательность. Комменжъ, сообщившій мнѣ всѣ эти подробности, былъ изумленъ присутствіемъ духа принца и тою живостью, съ которой онъ напоминалъ ему о своей постоянной благодарности къ нему. Онъ догадался, что принцъ опасается о покушеніи на его жизнь, и отвѣчалъ ему, что онъ можетъ положиться на его слово, какъ на слово честнаго человѣка, и что единственное приказаніе полученное имъ—это приказаніе отвезти арестованныхъ въ Венсенскій лѣсъ. Услышавъ это увѣреніе, принцъ послѣдовалъ за нимъ, не выражая болѣе ни малѣйшаго безпокойства и не говоря ни слова противъ своихъ враговъ. Принцъ Конти ровно ничего не говорилъ: онъ продолжалъ сидѣть на диванѣ въ галереѣ, не выказывая ни страха, ни сожалѣнія и потомъ безъ всякаго сопротивленія позволилъ вести себя всюду, куда бы его ни повели. Герцогъ де Лонгвиль, у котораго болѣла нога, не находилъ удобнымъ, на этотъ разъ, пользоваться ею безъ всякой посторонней помощи, вслѣдствіе чего онъ шелъ очень медленно и не особенно охотно. Гито долженъ былъ приказать двоимъ гвардейцамъ помочь герцогу идти. Извѣстно, что всякое горе переносится гораздо тяжелѣе въ зрѣлыхъ годахъ, когда человѣкъ обладаетъ меньшею пылкостью, подтвержденіе этой истины можно было видѣть въ лицѣ герцога де Лонгвилля. Гито разсказывалъ мнѣ въ этотъ же день, что онъ нашелъ герцога совершенно пораженнымъ печалью, такъ что, судя по его лицу, можно было предположить, что онъ смотритъ на свою опалу, какъ на обстоятельство, которое непремѣнно сведетъ его въ могилу.

Принцъ Конде, шедшій впереди всѣхъ, раньше другихъ пришелъ къ той двери, чрезъ которую имъ слѣдовало выйти; но для того, чтобы отворить ее и сѣсть въ коляску, нужно было подождать остальныхъ двухъ арестованныхъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ ѣхать въ Венсенскій лѣсъ. Въ этотъ промежутокъ времени

принцу удалось спросить Гито: извѣстна ли ему причина всего этого происшествія, причемъ онъ также выразилъ свое крайнее удивленіе, какимъ образомъ онъ, Гито, зная объ его къ нему расположеніи, взялъ на себя подобное порученіе. Гито умолялъ его вспомнить о томъ, что каждый, состоящій на государственной службѣ, обязанъ безпрекословно исполнять все то, что повелѣваетъ ему государь. Гито высказалъ принцу всю непріятность своего положенія, будучи принужденъ идти въ разрѣзъ между чувствомъ и долгомъ. Казалось, что принцъ былъ удовлетворенъ высказанными Гито словами. Двое остальныхъ арестованныхъ явились вмѣстѣ. Когда Гито отворилъ дверь, то за нею стояла уже карета, готовая вести ихъ подъ конвоемъ Комменжа и нѣсколькихъ гвардейцевъ. Для того, чтобы не ѣхать чрезъ весь Парижъ, они выѣхали изъ воротъ Ришелье и сдѣлали большой кругъ, проѣзжая по самымъ дурнымъ дорогамъ.

(Г-жа де-Мотевилль. Mémoires, 1650.) (Изъ сборника Раффи — Lectures d'histoire moderne — изд. II, Парижъ, 1862 г).

12. СЕНТЪ-АНТУАНСКОЕ СРАЖЕНІЕ И УБІЙСТВО ВЪ ОТЕЛЬ-ДЕ-ВИЛЛЬ (1652).

Принцъ Конде, будучи принужденъ отказаться отъ своего намѣренія достигнуть Шарантона, остановился въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, ожидая здѣсь нападенія. Онъ сдѣлалъ на скоро прекрасныя распоряженія, но для возведенія укрѣпленій у него не доставало времени; къ счастію предмѣстье было заранѣе укрѣплено, потому что за мѣсяцъ передъ тѣмъ парижане прорыли здѣсь рвы и построили баррикады для того, чтобы остановить нападеніе мошенническихъ шаекъ, приверженцевъ герцога Лотарингскаго. Конде велѣлъ устроить бойницы въ стѣнахъ домовъ, сосѣднихъ съ баррикадами, размѣстилъ свои войска и выставилъ восемь пушекъ при началѣ трехъ главныхъ улицъ, оканчивающихся Сентъ-Антуанскими воротами (нынѣшняя площадь Бастиліи), а также и на поперечныхъ соединительныхъ улицахъ; самъ же онъ избралъ для себя мѣсто въ точкѣ соединенія трехъ названныхъ улицъ для того, чтобы быть всегда готовымъ идти всюду, куда не призоветъ его опасность.

При видѣ этихъ приготовленій, Тюреннь нашелъ необходимымъ дождаться своей артиллеріи, которая оставалась на островѣ Сенъ-Дени, передъ Эпине, и корпуса генерала Ла-Ферте, который получилъ приказаніе перейти Сену; но король вмѣстѣ съ

кардиналомъ и со всѣмъ дворомъ отправился на Шароннскія высоты для того, чтобы смотрѣть оттуда «какъ съ амфитеатра» на приготовляющееся кровавое зрѣлище. Порывистая нетерпѣливость молодаго Людовика, подозрительность Мазарини, всегда готоваго видѣть вездѣ дурныя намѣренія и измѣну, заставили Тюренния дать немедленно сигналъ для начала дѣйствій.

Колебанія разсудительнаго генерала были вполнѣ основательны, и яростное сопротивленіе арміи фрондеровъ оправдало ихъ какъ нельзя болѣе: старые солдаты и извѣстные своею храбростію дворяне, предводительствуемые однимъ изъ первыхъ полководцевъ въ мірѣ, стѣсненные съ одной стороны городскими стѣнами, съ другой — непріятелемъ, сражались такъ, какъ могутъ сражаться только люди, которые имѣютъ одинъ исходъ: или побѣду или смерть. Тюреннь сдѣлалъ тройное нападеніе на Шароннскую улицу, на Шарантонскую и на главную улицу предмѣстья; раньше всего была снесена баррикада на Шароннской улицѣ, и вступившая инфантерія начала уже выгонять мятежниковъ изъ сосѣднихъ домовъ, въ то время какъ Сенъ-Мэгренъ, командующій правымъ крыломъ роялистовъ, человѣкъ отличавшійся смѣлостью, повелъ свою кавалерію впередъ и чрезъ одну поперечную улицу вышелъ къ Сентъ-Антуанскому аббатству, которое составляло центръ предмѣстья. Здѣсь онъ встрѣтился съ Конде, который, совершенно неожиданно, напалъ на него. Корпусъ Сенъ-Мэгрена былъ опрокинутъ, а самъ онъ убитъ, вмѣстѣ съ многими офицерами, въ числѣ которыхъ былъ молодой Манчини, племянникъ Мазарини; кавалерія Сенъ-Мэгрена была надвинута на пѣхоту, которая должна была все болѣе и болѣе подаваться назадъ по направленію къ баррикадѣ. Эта баррикада могла бы быть легко отбита, еслибы сюда не подоспѣлъ Тюреннь; однако пораженіе праваго крыла остановило нападеніе, которое предположено было сдѣлать на главную улицу предмѣстья, т. е. на центръ его. Баррикада Шарантонской улицы была взята лѣвымъ крыломъ, но нѣсколько дальше роялисты были остановлены. Около каждаго дома, около каждаго сада происходили небольшія, но кровопролитныя стычки. Отчаяніе вдесятеро увеличило силу и храбрость Конде; казалось, что онъ въ одно и то же время былъ всюду. «Я видѣлъ не одного Конде, — сказалъ Тюреннь, — я ихъ видѣлъ болѣе двѣнадцати».

Шестью пушками, привезенными на подкрѣпленіе войску Тюренния, начали бомбардировать баррикаду главной улицы и защищавшіе дома; но мятежники геройски себя отстаивали. Тюреннь снова предпринялъ наступательныя дѣйствія со стороны Шарантонской улицы. Въ это время сюда прибылъ герцогъ де Бофоръ съ горстью волонтеровъ; все утро онъ объѣзжалъ улицы

Парижа, напрасно стараясь воспламенить народъ къ возстанію; но Парижъ, казалось, рѣшился не вмѣшиваться въ междоусобіе. Конде сдѣлалъ нападеніе на баррикаду, занятую лѣвымъ крыломъ роялистовъ, чему отчасти способствовалъ герцогъ де Бофоръ. Фрондеры видѣли бездну падающихъ ядеръ у подножія баррикады и не имѣли возможности отбить ее. Между тѣмъ Тюреннь спѣшилъ нападеніемъ на главную улицу; въ это время прибылъ съ войскомъ маршалъ Ла-Ферте.

Все это время стояли невыносимые жары, которые истомили до изнеможенія обѣ враждующія стороны; это заставило заключить родъ перемирія, впродолженіе котораго Тюреннь и Ла-Ферте готовились сдѣлать новое рѣшительное нападеніе. Двѣ кавалерійскія колонны, подъ предводительствомъ Попенкура и Ла-Рапе, были выстроены для нападенія на непріятеля и съ флангу, и съ тылу, въ то время какъ третій корпусъ долженъ былъ наппрать съ фронта чрезъ главную улицу. Казалось, что все потеряно для войскъ фрондеровъ, и маршалы могли смѣло разсчитывать на вѣрную побѣду, какъ вдругъ они замѣтили, что враждебныя войска что-то предпринимаютъ, отступая къ Сентъ-Антуанскимъ воротамъ. Раздавшійся пушечный залпъ съ башенъ Бастиліи свалилъ первые ряды королевской кавалеріи. Сентъ-Антуанскія ворота были закрыты, и банды вооруженныхъ парижанъ окружали укрѣпленія и охраняли мятежниковъ при вступленіи ихъ въ Парижъ.

Эта неожиданная развязка была дѣломъ рукъ г-жи де-Монпансье. Герцогъ Орлеанскій, оставшійся въ Люксембургѣ скорѣе по трусости, чѣмъ вслѣдствіе интригъ кардинала де Реца, сказался больнымъ для того, чтобы имѣть возможность избавиться отъ необходимости сидѣть на лошади; впродолженіе очень долгаго времени ни дочь его, ни друзья Конде не могли добиться отъ него ни одного приказа, ни одного слова для того, чтобы спасти какъ войска Конде, такъ и его собственныя; наконецъ послѣ долгихъ усилій, онъ далъ бумагу съ своею подписью къ городскому управленію на имя г-жи де Монпансье. Она немедленно отправилась въ Отель-де-Вилль, возбуждая по дорогѣ народъ къ возстанію съ бо̀льшимъ успѣхомъ, нежели Бофоръ.

Кардиналъ де Рецъ распространилъ слухъ о примиреніи принца Конде и герцога Лотаринскаго съ Мазарини; это возбудило сомнѣніе въ народѣ, который сталъ было предполагать, что не было ли сраженіе предлогомъ, нужнымъ для ихъ цѣлей; но это сомнѣніе очевидно должно было разсѣяться при видѣ раненыхъ и умирающихъ, которыхъ пропускали въ городъ сторожевые Сентъ-Антуанскихъ воротъ. Многіе видѣли, какъ привели окровавленнаго Ла-Рошефуко, Немура и многихъ другихъ,

принадлежавшихъ къ фрондерскимъ войскамъ. Сочувствіе къ побѣжденнымъ, воображеніе, разгоряченное отдаленнымъ жаромъ битвы, старая ненависть,—все это, разжигаемое предстоящимъ тріумфомъ Мазарини, имѣло сильное вліяніе на толпу. Губернаторъ и другія городскія власти, спачала сопротивлявшіеся требованіямъ госпожи де-Монпасье, должны были уступить угрозамъ пылкой и настойчивой принцессы, которая опиралась на вопль и крики собравшагося на Гревской площади народа. Она принудила ихъ издать приказъ о снаряженіи двухъ тысячъ человѣкъ гражданъ для поданія помощи принцу Конде, и получила разрѣшеніе открыть Сентъ-Антуанскія ворота; когда она прибыла туда, то находящіеся тамъ гвардейцы по-неволѣ должны были слушать ея приказанія (нужно прибавить, что въ этотъ день какъ нарочно дежурными были люди, враждебные принцамъ). Принцесса поднялась въ Бастилію и приказала направить пушки на королевскія войска. Разсказываютъ даже, будто бы она сама первая собственноручно приложила фитиль къ первой пушкѣ.

Остатки арміи принцевъ прошли чрезъ Парижъ и размѣстились въ предмѣстьяхъ: Сенъ-Викторъ и Сенъ-Марсъ; королевская же армія и дворъ возвратились въ Сенъ-Дени. Можно себѣ представить гнѣвъ и отчаяніе Мазарини и Анны Австрійской, предполагавшихъ, что наступилъ предѣлъ ихъ борьбы и усилій, и снова увидѣвшихъ себя брошенными въ бездну затрудненій и опасностей.

За кровавымъ днемъ 2 іюня послѣдовалъ другой, не менѣе знаменитый день въ лѣтописяхъ Парижа.

Получить позднее и дорого купленное сочувствіе и покровительство народа—составляло далеко не все необходимое для принца Конде: ему необходимъ былъ для возстановленія арміи оффиціальный, наступательный союзъ всего города и такая помощь людьми и деньгами, какую получилъ парламентъ въ 1649 году. Случай самъ собою къ этому представился: послѣ возмущенія 25 Іюля, было созвано парламентомъ чрезвычайное городское собраніе; нужно было только или склонить убѣжденіями или испугать собраніе. Говорятъ, что герцогъ де Роганъ, одинъ изъ друзей Конде, совѣтовалъ этому послѣднему воспользоваться своимъ авторитетомъ и, явившись въ собраніе съ приличнымъ конвоемъ, объявить о вопіющей необходимости союза между городомъ и принцами и предложить при этомъ губернатору Парижа подать въ отставку. Этотъ совѣтъ не былъ принятъ: Конде желалъ, чтобы насильственныя мѣры явились со стороны народа, но никакъ не съ его стороны.

Съ самаго утра 7 іюля по всему городу появились толпы народа, стремящіяся на Гревскую площадь; онѣ оскорбляли

проходящихъ, не имѣющихъ на своихъ шляпахъ букетиковъ соломы—значка партіи принцевъ. Многія лица, обязанныя явиться въ собраніе, были предупреждены не ходить туда или же пойти какъ можно раньше. Съ самаго ранняго утра всѣ проходы въ Отель-де-Вилль были загорожены партіями людей, съ самыми мрачными лицами. Четыре отряда, организованныхъ изъ горожанъ, были поставлены на Гревской площади; но большинство этихъ милиціонеровъ находилось въ не менѣе возбужденномъ состояніи, чѣмъ толпа:—«Идите, кричали они шедшимъ въ собраніе депутатамъ, но если вы не сдѣлаете того, что *должно быть сдѣлано*, мы убьемъ васъ на возвратномъ пути»! Они узнали о предполагаемомъ союзѣ съ принцами.

Несмотря на всѣ зловѣщія предзнаменованія, собраніе было многочисленно: къ двумъ часамъ въ большой залѣ Отель-де-Вилль собралось болѣе трехъ сотъ человѣкъ. Здѣсь былъ губернаторъ Парижа, городской голова, мѣстные старосты и совѣтники, представители отъ иностранныхъ дворовъ и церковныхъ общинъ, священники, полицейскіе и по двѣнадцати депутатовъ отъ каждаго изъ шестнадцати кварталовъ, выбранныхъ частью изъ среды королевскихъ чиновниковъ, частью изъ среды гражданъ и значительныхъ купцовъ. Герцогъ Орлеанскій и принцъ Конде дали знать заранѣе о своемъ прибытіи; ихъ ждали почти четыре часа. Герцогъ Орлеанскій не могъ рѣшиться выйти изъ Люксембурга не по своей застѣнчивости, а просто изъ боязни. Въ это же самое время городское управленіе получило отъ короля письмо съ приказаніемъ отложить на недѣлю исполненіе рѣшенія собранія, каково бы оно ни было. Королевская депеша вызвала насмѣшки со стороны большинства членовъ собранія, хотя и не было еще принято никакого рѣшенія, относящагося къ ея содержанію. Пренія начались обсужденіемъ причины настоящаго собранія, причемъ королевскій прокуроръ, исправлявшій должность судьи при городскомъ управленіи, выразилъ мнѣніе упросить короля возвратиться въ Парижъ, но безъ кардинала Мазарини.

Между тѣмъ принцы явились, и какъ они, такъ и приверженцы ихъ, выставляли на показъ свои соломенные букеты. Гастонъ объявилъ, что онъ пришелъ поблагодарить городъ за то, что онъ позволилъ пройти войскамъ, и предложить ему въ распоряженіе всю свою власть. Въ подобномъ же духѣ говорилъ и Конде. Губернаторъ и городской голова указали имъ на предметъ спора. Судя по настроенію собранія, принцы могли предположить, что оно теперь займется или обсужденіемъ мнѣнія, высказаннаго прокуроромъ, что заставитъ оставить въ сторонѣ вопросъ объ ихъ союзѣ съ городомъ,—или, по крайней мѣрѣ, отложитъ рѣшеніе, по причинѣ поздняго времени; поэтому принцы, вставъ со своихъ мѣстъ, многозначи-

12

тельно указали на солому на своихъ шляпахъ; при-этомъ наружность ихъ не предвѣщала ничего добраго. Они вышли со всѣми своими приверженцами, явно выражавшими свой ропотъ и угрозы. Гастонъ и Конде возвратились въ Люксенбургъ, а герцогъ де-Бофоръ устроился въ одной лавочкѣ на углу Гревской площади и улицы де-ла-Ваннери для того, чтобы быть свидѣтелемъ всего, что здѣсь будетъ происходить.

Люди, преданные принцамъ, расхаживали въ толпѣ, наполнявшей Гревскую площадь, раздавали деньги и увѣряли, что весь Отель де Вилль переполненъ приверженцами Мазарини. Только что принцы успѣли удалиться, какъ раздалась ружейная пальба, соединенная съ криками: «союзъ, союзъ!» Эта пальба была направлена отъ Гревской площади и отъ окружающихъ ее домовъ на окна Ратуши. Нѣсколько сотенъ переодѣтыхъ солдатъ предводительствовали раздраженной толпой, состоящей изъ перевозчиковъ и поденщиковъ, которымъ было выдано жалованье и вооруженіе. Отряды горожанъ, находившихся на этой площади, частью разошлись, частью присоединились къ возставшимъ. Стрѣлки изъ королевскихъ гвардейцевъ, заперевъ всѣ двери Ратуши, отвѣчали также стрѣльбой. Мятежники послали за дровами на барки на Сенѣ и, соорудивъ передъ дверями собранія костры, зажгли ихъ. Все собраніе было объято ужасомъ; оно поспѣшило изготовить акты о союзѣ съ принцами, копіи котораго были брошены въ народъ изъ оконъ. Ничто не могло ослабить ярости толпы: большинство было не въ состояніи что-либо слушать, проведя все время отъ полдня до момента дѣйствій въ пьянствѣ. Довольно долго ихъ останавливало еще отчаянное сопротивленіе стрѣлковъ, которые соорудили баррикаду за обгорѣвшей главной дверью и стрѣляли по всѣмъ, кто только показывался на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы. Въ то время какъ происходила эта перестрѣлка, члены собранія старались или найти удобное мѣсто спрятаться, или искали выхода изъ Ратуши; но всѣ выходы были оберегаемы чернью, неистово жаждущей рѣзни. Болѣе 30-ти человѣкъ значительныхъ гражданъ, въ числѣ которыхъ, оказалось, были и лица, принадлежащія къ иностраннымъ дворамъ, были задушены на площади разсвирѣпѣвшей чернью, которая уже не разбирала, были-ли они сторонниками фрондеровъ или Мазарини; множество людей было изранено, ограблено и такъ безчеловѣчно избито, что не оставалось никакой надежды на ихъ выздоровленіе. Казалось, неминуемая смерть грозила всѣмъ спрятавшимся въ Отель-де-Вилль, какъ только туда войдутъ мятежники. Къ счастію, жажда золота взяла перевѣсъ надъ жаждой крови, и большинству изъ найденныхъ тамъ членовъ собранія удалось выкупить себѣ жизнь.

Подобныя варварскія сцены продолжались около трехъ или четырехъ часовъ, въ теченіи которыхъ собраніе не получало ни малѣйшей помощи изъ-внѣ. Родные и друзья депутатовъ напрасно старались собрать и вооружить партію гражданъ,—они получали отказъ отъ большинства: одни это дѣлали вслѣдствіе ненависти, другіе—вслѣдствіе какого-то оцѣпенѣнія. Весь кварталъ Отель-де-Вилль былъ окруженъ цѣпью людей, стерегущихъ, чтобы сюда не явилась откуда-нибудь помощь. Обо всемъ происходившемъ было послано извѣщеніе къ принцамъ; Гастонъ и Конде отказались пріѣхать въ Отель-де-Вилль, но послали сказать нѣсколько позднѣе де-Бофору, чтобы онъ позаботился о возстановленіи порядка. Госпожа де Монпансье, всегда готовая явиться и дѣйствовать, предложила свои услуги де-Бофору; но уже все почти было покончено, когда принцесса и герцогъ хотѣли начать дѣйствовать. Имъ удалось потушить огонь, который достигъ уже сводовъ Отель-де-Вилль, и выпустить цѣлыми и невредимыми нѣсколькихъ депутатовъ, которые не были найдены во время вторженія черни; между ними находился городской голова Лефебръ, который былъ очень доволенъ, что могъ отдѣлаться только одной отставкой. Маршалу де Л'Опиталь, губернатору Парижа, удалось бѣжать еще ранѣе. Казалось, что цѣль Конде была достигнута. Впечатлѣніе ужаса подавило всякое сопротивленіе.

(Histoire de France, Henri Martin.)

II.

КОНТРЪ-РЕФОРМАЦІЯ И ІЕЗУИТЫ.

Разладъ между католиками и лютеранами.—Цвингли и Швейцарская война.—Шмалькальденскій союзъ и война въ Виртембергѣ.—Перекрещеніе.—Герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій.—Реформатскія движенія въ средѣ католицизма: Испанія, Италія.—Павелъ III.—Театинцы, Караффа и Каэтанъ Сіенскій.—Венеція и окрестности.—Контарини.—Палеаріо.—Религіозный диспутъ въ Регенсбургѣ.—Безусловный разрывъ.—Реакція.—Политическія событія въ Германіи.—Карлъ V и Морицъ Саксонскій.—Битва при Мюльбергѣ.—Вѣроломство императора.—Интеримъ.—Перемѣна въ Морицѣ и побѣда.—Миръ въ Пассау и Регенсбургѣ.—Удаленіе Карла V.—Инквизиція и цензура.—Караффа папой Павломъ IV.—Соборъ.—Іезуиты.—Игнатій Лойола, экстатикъ.—Утвержденіе ордена.—Лютеръ и Лойола.—Діего Лайнецъ, политикъ.—Система іезуитизма съ внутренней и внѣшней стороны.—Іезуитское воспитаніе.—Іезуитизмъ общества.—Іезуиты и отдѣльные некатолическіе ордена.—Іезуиты въ Азіи.—Беллярминъ и «Непогрѣшимость».—Постановленія Тридентскаго собора.—Германія.—Доктринерство.—Положеніе народа.—Вліяніе іезуитовъ.—Очищенная Италія.—Баварія.—Король Фердинандъ I и Максимиліанъ II.—Ошибка Максимиліана.—Императоръ Рудольфъ II.—Фердинандъ Штирійскій.—Полная и сознательная реакція.—Послѣдній проблескъ ума въ Италіи: Джіордано Бруно и Паоло Сарпи.—Лазаретъ искусства Рудольфа въ Вѣнскомъ Бельведерѣ.—Іоаннъ Фишартъ.

Нѣмецкая церковная реформа въ *Аугсбургскомъ исповѣданіи* достигла своихъ конечныхъ предѣловъ. Сторонники Цвингли уже болѣе не допускались въ Виттенбергскую общину; напротивъ, скорѣе отцы новой церкви направляли все свое оружіе противъ швейцарскаго ученія о пресуществленіи. Тщетно протестовали съ черезъ-чуръ уже скрытымъ смиреніемъ реформатскіе имперскіе города, Страсбургъ, Ульмъ и Линдау, противъ лютеранской суровости. Въ своемъ *confessio tetrapolitana* (исповѣданіе 4-хъ городовъ) они говорили о святомъ таинствѣ тѣла и духа Христова, допускали символизмъ, что «Господь и до сихъ поръ въ этомъ таинствѣ дѣйствительно даетъ вкушать вѣрующимъ чадамъ истинное тѣло и истинную кровь», прибавляя при этомъ, что «масса народная выказываетъ особенное усердіе ко всякимъ

раздорамъ и безплоднымъ спорамъ о томъ, что только полезно». Лютеране отвергли все папское; реформатскіе города присоединялись къ Шмалькальденскому союзу съ февраля 1531 года, удерживая однако §, касающійся духовенства. Швейцарцы оставались исключенными.

Ульрихъ Цвингли въ это время уже осудилъ догматъ служенія Пресвятой Дѣвы, въ 1519 году онъ сдѣлался проповѣдникомъ въ Цюрихскомъ монастырѣ, откуда громилъ извѣстнаго агента отпустительныхъ граматъ, Самсона. Въ 1523 г. онъ вмѣстѣ съ главнымъ совѣтомъ, законодательнымъ собраніемъ, занимался преобразованіемъ богослуженія въ своемъ кантонѣ. Сильный Бернъ принялъ новое ученіе, къ которому присоединилась также болѣе или менѣе остальная Швейцарія, за исключеніемъ лѣсныхъ кантоновъ и Цуга. Но швейцарскіе реформаты были въ то же время политиками; они направляли свои нападенія противъ продажи швейцарской крови нанятымъ господамъ. Вотъ почему они разошлись теперь съ корыстолюбивымъ дворянствомъ и городскимъ патриціатомъ, которые успѣли заключить союзъ съ папствомъ. Такимъ-то образомъ изъ-за ничтожныхъ матеріальныхъ интересовъ открылась междоусобная война. Первые изъ кантоновъ начали ее: Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Люцернъ и Цугъ въ союзѣ съ Австріей. Въ 1529 г. еще разъ, совсѣмъ вопреки желанію Цвингли, казался возможнымъ непрочный миръ. 5 лѣсныхъ кантоновъ оставили союзъ съ Австріей, обѣщая не препятствовать свободѣ проповѣди и отказаться отъ клеветы и инсинуацій противъ реформаторовъ. Но противоположные интересы должны были постоянно сталкиваться между собой по поводу такъ-называемыхъ «общихъ надѣловъ», т. е. участковъ, одинаково принадлежавшихъ всѣмъ кантонамъ. Въ 1531 г. поднялась война, упомянутые кантоны напали на Цюрихъ. Жители Берна, завидуя возраставшему значенію Цюриха, медлили помощью; Цюрихъ принужденъ былъ бороться одинъ съ своими 2,000 человѣкъ противъ 8,000 противниковъ. При Каппелѣ произошла битва, лѣсные кантоны окончательно побѣдили. Цвингли палъ вмѣстѣ съ знаменемъ. Католики сожгли трупъ его, пепелъ же развѣяли по вѣтру. Такимъ образомъ реформація швейцарцевъ уже въ 1531 г. пришла къ тому, до чего Германія дошла только въ 1547 году. Малочисленная униженная партія увидѣла себя противъ гордой, дѣлавшейся все болѣе могущественной.

Въ томъ же году былъ заключенъ *Шмалькальденскій союзъ*. Турки, межъ тѣмъ, пока еще мѣшали прекращенію вражды, Нюренбергская сдѣлка 1532 г. воспрепятствовала столкновенію. Въ курфиршествѣ Саксоніи умеръ Фридрихъ Мудрый въ 1525 г.; Іоаннъ Постоянный успѣлъ защитить себя разгромомъ кресть-

янъ и основать протестантскій союзъ. Но и этотъ Іоаннъ уже умеръ въ 1532 г.; за нимъ слѣдовалъ Іоаннъ Фридрихъ Дородный.

Вооруженный протестантизмъ теперь съ трехъ сторонъ высказывалъ свою силу. Прежде всего противъ Фердинанда Австрійскаго, брата императора. Послѣдній въ 1530 г. въ Кельнѣ былъ избранъ римскимъ королемъ и въ январѣ слѣдующаго года короновался въ Ахенѣ. Сначала онъ не предпринималъ ни одного римскаго похода, фактически признавая такимъ образомъ независимость страны. О, если бы онъ только не отступалъ отъ этого! Къ сожалѣнію, онъ воспитался въ *Испаніи* и говорилъ лучше по испански, чѣмъ по нѣмецки и даже по латыни. Братъ его, Карлъ, уступилъ ему пять австрійскихъ герцогствъ, Тироль и, секвестрованное въ 1519 г., герцогство Швабію навсегда, признавъ его въ то же время пожизненнымъ фогтомъ въ Эльзасѣ.

Но въ Швабіи, которая представляла собой спорное владѣніе Австрійскаго дома, преобладалъ протестантизмъ, такъ что здѣсь скорѣе предпочли бы неистовствовавшаго Ульриха, чѣмъ обратиться въ католичество. Евангелическіе князья, съ Филиппомъ Гессенскимъ во главѣ, сильно протестовали противъ передачи страны Фердинанду. Христофоръ, сынъ Ульриха, даровитый человѣкъ, «возвышенный» Карломъ V Испанскимъ, отправившись изъ плѣна въ Граубюнденъ, присоединился къ Швабскому союзу. На собраніи союза въ Аугсбургѣ въ 1533 г. рѣшено возвращеніе Ульриха. Въ 1534 г. Филиппъ Гессенскій вторгся въ Виртембергъ (Фердинандъ находился въ то время въ Венгріи) и напалъ на австрійцевъ при Лауффенѣ на Некарѣ. Въ Каданѣ заключили миръ, Виртембергъ сдѣлался реформатскимъ. Церковное имущество обратили на пользу школъ и страны.

Второй актъ разыгрался въ *Мюнстерѣ*. Здѣсь съ 1533 г. туземцы, въ союзѣ съ легкомысленными нидерландцами, затѣяли траги-комедію перекрещенія, эту смѣсь эксцентрично-религіознаго и грубо-чувственнаго направленія. Въ 1535 г. былъ положенъ ужасный конецъ сумасшествію «короля отъ Сіона». Мы проходимъ здѣсь мимо этихъ эксцессовъ короля-портнаго съ его гаремомъ и бургомистерскаго палача Книппердоллинга; перекрещеніе представляется намъ только вреднымъ наростомъ на деревѣ XVI столѣтія. Въ числѣ князей, оказавшихъ энергическую поддержку мюнстерскому епископу, снова выступилъ Филиппъ Гессенскій.

Съ этого времени Шмалькальденскій союзъ значительно усилился. Въ одномъ изъ засѣданій (1537 г.), на которомъ присутствовали Лютеръ и Меланхтонъ, присутствовалъ даже отъ имени императора канцлеръ Гельдъ, явившійся сюда съ цѣлью добиться соглашенія. Императоръ не приготовился и не вѣрилъ грозѣ.

Сторонники католицизма также не вѣрили въ возможность послѣдней и съ своей стороны составили священную лигу, въ которой приняли участіе герцогъ Баварскій, архіепископъ Майнцскій и Зальцбургскій, герцогъ Георгъ Саксонскій и Генрихъ Брауншвейгскій. Въ 1539 г. умеръ герцогъ Георгъ Саксонскій и братъ его, Генрихъ, ввелъ реформацію въ своихъ владѣніяхъ, такъ что Лютеръ могъ теперь проповѣдывать и въ Лейпцигѣ. Курфирстъ же Майнцскій даже и не замѣтилъ, какъ Магдебургъ и Гальберштадтъ приняли реформацію. Курфиршество Саксонія послало простаго пастора въ епископство Наумбургъ.

Третій актъ. Особеннымъ бѣльмомъ на глазу у Шмалькальденцевъ являлся герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій. Переписка между нимъ и курфирстомъ Саксонскимъ превосходитъ все, что только дошло до насъ отъ этого, поистинѣ не стѣснявшагося вѣка. Іоаннъ Фридрихъ выпустилъ «правдивый, основательный, христіанскій и точный отвѣтъ испорченному, безбожному, проклятому, безстыдному, злодѣйствующему Варравѣ и Олоферну, называющему себя Генрихомъ Брауншвейгскимъ, на его безчестную книгу постыдной и наглой лжи». Герцогъ Генрихъ вслѣдъ за этимъ еще сильнѣе высказался: «возвышенное, основательное, правдивое, божественное, христіанское возраженіе противъ лживой и безстыдной книги безбожнаго, испорченнаго отступника, кощунствующаго, проклятаго и злодѣйствующаго Антіоха, Новаціана, Северія и владѣтеля Саксоніи, именующаго себя Ганзомъ Фридрихомъ Саксонскимъ». Въ текстѣ встрѣчается: «неотесанная, грубая и невѣжественная саксонская дубина».

Лютеръ вмѣшался въ это и въ сочиненія «противъ Ганза Вурста» высказался съ такой рѣзкостью, какая когда либо выливалась изъ подъ его сильнаго пера. «Да», писалъ онъ: «такъ какъ твой Гейнцъ и ты на столько неотесанные олухи, что думаете повредить мнѣ въ этомъ дѣлѣ своими безсмысленными площадными ругательствами, то вы оба оказываетесь настоящими арлекинами, болванами и олухами, изолгавшимися и безстыдными злодѣями». Послѣ этой прелюдіи оба шмалькальденца, Іоаннъ Фридрихъ и Филиппъ, вступили въ Брауншвейгъ и реформировали страну. Все это не имѣло вида ни угрозы протестантизма, ни реакціи. И, однако же, то и другое созрѣло на лонѣ времени. Чтобы понять такое рѣзкое измѣненіе дѣла, мы должны остановиться на этомъ нѣсколько подробнѣе. Внутри прежней церкви не разъ случалось что то, что въ началѣ, казалось, имѣло всѣ шансы на благопріятный исходъ, въ результатѣ же выходило совсѣмъ иначе.

Послѣ смерти Климента VII въ 1534 г. папой былъ единогласно избранъ кардиналъ Фарнезе, называвшійся Павломъ III. Онъ былъ искуснымъ первосвященникомъ. Получивъ въ Римѣ

классическое образованіе, онъ довершилъ его во Флоренціи, въ Академіи Козимо Медичи. Павелъ количествомъ своихъ кардиналовъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ: изъ Франціи онъ возвелъ въ этотъ санъ дю-Белло, изъ англичанъ— Фишера и Регинальда Поля, въ Италіи—Садолето, Бембо, Мороне, Контарини, Караффа, изъ нѣмцевъ — Шёнберга, всего 71, почти полное число святѣйшей коллегіи. Онъ взошелъ на папскій престолъ съ твердымъ намѣреніемъ произвести радикальную реформу въ церкви. Въ самомъ началѣ своего вступленія на престолъ онъ уже хотѣлъ созвать вселенскій соборъ, въ 1537 г. онъ, дѣйствительно, посѣтилъ Мантую.

«Со дня на день, говоритъ современникъ, ожидали великихъ реформъ. Въ 1537 г. Павелъ собралъ избранныхъ кардиналовъ, которые должны были представить ему свои предположенія касательно реформы. Въ числѣ девяти изъ нихъ находился и кардиналъ Караффа. Въ 1538 г. они подали папѣ заявленіе подъ названіемъ: *Consilium delectorum Cardinalium de emendanda Ecclesia.* (Проэктъ улучшенія церкви, составленный избранными кардиналами.) Здѣсь папѣ пришлось услышать много непріятныхъ вещей: «Папы избирали себѣ дурныхъ служителей, которые старались только о томъ, чтобы замаскировать ихъ корыстолюбіе. Власть папы должна быть основана не на произволѣ, а на *разумѣ* и на Божескомъ соизволеніи». Затѣмъ появились реформаторскія буллы, касавшіяся папскаго управленія. Кардиналу Мороне вручены либеральныя инструкціи относительно Германіи.

Папа же все-таки остался папой. Соборъ не состоялся; напротивъ, при свиданіи съ императоромъ въ Ниццѣ, онъ усердно хлопоталъ за своихъ родственниковъ. Сынъ его, Петръ Людвигъ, получилъ Новару, племянникъ Октавіанъ обручился съ незаконною дочерью Карла, вдовою Александра Медичи, знаменитой Маргаритой. Отъ этого брака произошелъ Александръ Фарнезе, принцъ Пармскій. Затѣмъ слѣдовали послѣднія попытки къ объясненію: *религіозные диспуты*, менѣе продолжительные въ Гагенау (1540) и Вормсѣ (1541), *рѣшительный* въ Регенсбургѣ, гдѣ Контарини замѣнялъ папу. На этомъ и окончилось все.

Если вникнуть глубже, то сходство въ догматахъ обѣихъ церквей кажется не совсѣмъ химерическимъ. Не нужно только упускать изъ виду вліяніе въ этомъ случаѣ лучшихъ людей въ Италіи, даже въ Испаніи. Утверждаютъ, что францисканецъ Глапіо, духовникъ самого императора, склонялся къ лютеранской вѣрѣ. Въ Вормсѣ, по крайней мѣрѣ, онъ добивался свиданія съ реформаторомъ, который, однако, недовѣрчиво отнесся къ нему. Капелланъ и исторіографъ Карла, *Жуанъ де Сепульведа*,

всегда очень хорошо отзывался о Лютерѣ и говорилъ «о разумѣ, какъ единственномъ руководителѣ человѣческими поступками»! Также многіе изъ испанцевъ, жившихъ въ Германіи, по возвращеніи въ свою католическую монархію par excellence проповѣдывали «оправданіе посредствомъ одной только вѣры». *Вальдецъ,* секретарь испанскаго вице-короля въ Неаполѣ, весьма сочувствовалъ новому ученію. Еще въ 1521 г., послѣ Вормскаго сейма, онъ писалъ: «здѣсь не конецъ, а только начало». Въ высшихъ кругахъ Неаполя образовался кружокъ сочувствующихъ лютеранскому ученію. Не меньшей симпатіей пользовалось послѣднее и въ остальной Италіи. При папѣ эпохи Renaissance, Львѣ X, здѣсь еще сохранилось множество приближенныхъ знатнаго рода. Изъ нихъ 60, большею частью церковные сановники, основали въ Трастеверѣ при церкви Св. Сильвестра и Доротеи *Oratorio del divino amore,* братство божественной любви, которое имѣло своей задачей, препятствуя открытому паденію церкви, возвратиться къ истинѣ первобытнаго христіанства. Здѣсь сошлись весьма замѣчательные люди: изъ нихъ четыре предназначали сами себя къ особой миссіи. Двое заслуживаютъ особеннаго вниманія, это—*Петръ Караффа и Каэтанъ изъ Сіены.*

Караффа былъ неаполитанецъ, котораго отецъ почти еще ребенкомъ насильно взялъ изъ доминиканскаго монастыря. При папѣ Юліѣ II онъ былъ Театскимъ епископомъ въ Абруццо, гдѣ онъ былъ окруженъ совершенно испорченнымъ духовенствомъ, «какъ будто наступили прежнія времена христіанства». При Львѣ X онъ въ теченіе трехъ лѣтъ находился въ Англіи въ качествѣ нунція, затѣмъ съ Карломъ V отправился въ Испанію, откуда принужденъ былъ удалиться вслѣдствіе ненависти къ нему иноземцевъ. Адріанъ Утрехтскій взялъ его въ Римъ, позволилъ ему жить въ самомъ Ватиканѣ, чтобы онъ неотлучно находился при папѣ, мечтавшемъ о реформахъ. Караффа былъ однимъ изъ основателей Oratorio въ Трастеверѣ. Онъ постоянно чувствовалъ склонность къ уединенію, хотя для самосозерцанія, такъ какъ по натурѣ своей онъ былъ страстный холерикъ-неаполитанецъ.

Въ Трастеверѣ онъ сошелся съ мирнымъ, молчаливымъ, сгорбленнымъ *Каэтаномъ* изъ Сіены, котораго церковь впослѣдствіи причислила къ лику святыхъ. Они дополняли другъ друга, какъ Лютеръ и Меланхтонъ. Оба они еще съ двумя заключили тѣсной союзъ; Караффа, Театскій епископъ, отказался отъ сана и мѣста, назвавъ новый кружокъ *Театинскимъ.* Здѣсь установлены были суровыя правила, причемъ не дозволялась даже милостыня; братья обязывались жить лишь добровольнымъ подаяніемъ. Курія сначала не соглашалась утвердить ихъ, при-

знавъ такія правила невыполнимыми; но Каррафа и Каэтанъ оставались непреклонными, и Климентъ VII уступилъ. 14 сентября 1524 г. четыре союзника наложили на себя свои обѣты передъ алтаремъ церкви Петра. Прежде всего они поселились на Марсовомъ полѣ, затѣмъ перешли въ Монте-Пинчіо, регулярно спускаясь отсюда въ городъ *для проповѣди.* Клерикъ на каѳедрѣ, это было тогда новостью. Подобно нѣмецкимъ реформаторамъ, здѣсь они пробуждали раскаяніе въ грѣхахъ, хотя и всячески боролись противъ распространенія новаго трамонтанскаго ученія. Здѣсь же они подвизались въ христіанскомъ милосердіи, ухаживая за больными и умиравшими и набирая себѣ партизановъ. Такимъ образомъ на Монте-Пинчіо образовался институтъ строгихъ проповѣдниковъ.

Въ 1527 г. Римъ подвергся нападенію бурбонскаго коннетабля. Это время было временемъ искуса для Театинцевъ. Они явились теперь истинными утѣшителями и помощниками при осадномъ опустошеніи, не избѣжавъ, однако, сами грубости испорченной солдатчины. Ихъ самихъ грабили и оскорбляли. Вынужденные спастись бѣгствомъ, они направились къ устьямъ Средиземнаго моря, а отсюда на кораблѣ въ Венецію, гдѣ избрали своимъ мѣстопребываніемъ монастырь Св. Николая Толентинскаго. Восточная чума дала имъ поводъ къ новымъ подвигамъ и новой славѣ. Въ 1530 г. Караффа былъ избранъ главою общины. Игнатій Лойола жилъ здѣсь нѣкоторое время у Театинцевъ, служа при госпиталѣ. Вдругъ въ 1530 г. Павелъ III предложилъ Караффѣ *кардинальскую шапку*; Караффа колебался; когда онъ согласился принять ее, мнѣнія о немъ раздѣлились. Въ 1527 г. онъ сдѣлался архіепископомъ въ своемъ прежнемъ мѣстопребываніи, Театѣ; затѣмъ, годъ спустя, онъ участвовалъ въ составленіи упомянутаго Consilium de emendenda ecclesia».

Въ числѣ знаменитыхъ личностей, примыкавшихъ къ направленію Театинцевъ и отчасти превзошедшихъ ихъ въ этомъ, слѣдуетъ упомянуть: кардинала Регинальда Поля, англичанина, родственника Тюдоровъ, который спасся бѣгствомъ въ Венецію отъ гнѣва Генриха VIII; просвѣщенныхъ кардиналовъ Бембо и Садолета, также—кардинала Мороне. Гораздо рѣшительнѣе были: историкъ Нарди, по смѣлости образа мыслей не уступавшій Савонаролѣ; Луиджи Прюли, на виллѣ котораго при Требіи происходили дебаты о догматѣ «оправданія посредствомъ одной только вѣры».

Гаспаръ Контарини происходилъ изъ древнѣйшей венеціанской фамиліи, которая доставила республикѣ не менѣе восьми дожей. Вмѣстѣ съ Карломъ V онъ ѣздилъ на Вормскій сеймъ, пять разъ выполнялъ посольскія порученія въ чужихъ странахъ и оставилъ республикѣ одно изъ неоцѣнимыхъ извѣстій

объ эпохѣ нѣмецкой реформаціи, о первомъ кругосвѣтномъ плаваніи, прибытіи Франсуа I въ Мадридъ, насколько они (извѣстія) сохранились у однихъ только венеціанъ. Контарини никогда не былъ духовнымъ лицомъ, а, слѣдовательно, и не могъ быть знакомъ съ теологіей; онъ былъ венеціанцемъ и государственнымъ человѣкомъ. И, однако же, Павелъ III сдѣлалъ его кардиналомъ. Находясь въ этой должности, онъ безпощадно тревожилъ папу все новыми реформами. Въ Римѣ онъ вмѣстѣ съ Караффой, Садолето, Полемъ составилъ нѣсколько разъ уже упомянутую общину. Въ 1541 г. онъ съ самыми лучшими намѣреніями ѣздилъ въ Регенсбургъ на религіозный диспутъ.

Главнѣйшимъ же поклонникомъ ученія объ оправданіи, о которое разбивалась каждая папская реформа и всякая попытка къ примиренію обѣихъ церквей, былъ *Палеаріо*. Антоніо, или какъ онъ самъ себя называлъ въ память «Аонійскихъ сестеръ» греческаго Парнасса — *Аоніо Палеаріо*, родомъ изъ римской Кампаніи, страстно предался изученію классическаго міра, жилъ въ Перуджіи, Сіенѣ и Падуѣ, гдѣ онъ познакомился съ венеціанцемъ Бембо, удалившимся сюда отъ занятій государственными дѣлами. Въ Падуѣ же онъ опубликовалъ свою огромную поэму въ трехъ книгахъ «О безсмертіи души». Исходя изъ одинаковой точки зрѣнія съ Бембо, Садолето и другими театинскими друзьями, онъ дошелъ до еще болѣе строгаго воззрѣнія на ученіе объ искупленіи. Образцомъ ему въ этомъ случаѣ служилъ испанецъ *Вальдецъ*. Палеаріо въ 1542 г.,—годъ спустя *послѣ* Регенсбургскаго диспута, — написалъ свою знаменитую книгу «О благодѣяніи Христа» (Beneficio di Cristo crucifisso). Дважды обвиненный передъ инквизиціей, онъ оба раза избѣжалъ ея рукъ. Когда собрался, наконецъ, соборъ въ Тріентѣ, Палеаріо, не признававшій его всеобщимъ и свободнымъ, составилъ свое *Actio* или «обвиненіе» противъ папы, которое и внесъ на обсужденіе церковнаго собранія. Это были собственно 20 тезисовъ почти сплошь въ духѣ протестантизма, только бракъ оставался у него таинствомъ, и онъ отвергалъ присягу. Здѣсь же въ истинно гуманистическомъ направленіи нравственнымъ отношеніямъ отводилось не послѣднее мѣсто, какъ у нѣмецкихъ реформаторовъ. Бембо и Садолето, тщетно предостерегавшіе смѣлаго борца, теперь умерли; Пій V, вообще не любившій шутить, инквизиція котораго не брезгала никакимъ подозрѣніемъ, велѣлъ въ 1570 г. посадить Палеаріо въ тюрьму, составить надъ нимъ приговоръ и сжечь его. Его книга, по приговору инквизиціи, «слишкомъ лестно отзывалась «объ оправданіи», напротивъ, умаляла значеніе поступковъ и заслугъ и все возлагала на вѣру». Наканунѣ смерти, ночью, онъ писалъ своей женѣ: «Съ точно такой же радостью я вступаю на этотъ

путь, какъ будто приглашенъ на свадьбу великаго короля. Я молилъ Господа о ниспосланіи мнѣ такой радости, и въ своей безконечной благости Онъ не отказалъ мнѣ въ этомъ. Ты теперь и отецъ, и мать нашихъ дѣтей. Я былъ бы совершенно безполезенъ имъ уже какъ 66-лѣтній старикъ».

Въ низшихъ слояхъ клира вполнѣ понимали значеніе догмата объ оправданіи; послѣдній пустилъ свои корни и въ монастыряхъ. Бенедиктинцы, даже преобразованные францисканцы и самые доминиканцы открыто исповѣдывали это ученіе. Но потокъ сверху былъ слишкомъ силенъ, части склонились передъ могучимъ словомъ куріи, и цѣлое было нарушено. Возвратимся теперь къ Регенсбургскому сейму.

Павелъ III вполнѣ вѣрно взглянулъ на дѣло, не давъ своему легату Контарини никакихъ безусловныхъ полномочій. «Прежде всего, говорилъ онъ, намъ нужно убѣдиться, согласны-ли протестанты съ нами въ принципѣ о *главенствѣ* римскаго престола и относительно *таинствъ*». Религіозный диспутъ оффиціально происходилъ между Меланхтономъ, Мартиномъ Буцеромъ и Іоанномъ Писторіей съ одной стороны и докторомъ Экомъ, Юліемъ Пфлугомъ и Іоанномъ Гропперомъ — съ другой. Программой принята была составленная курфюрстомъ Бранденбургскимъ подъ названіемъ «Regensburger Interim». Относительно главныхъ догматовъ было совершенно согласились; оказалось, что обѣ стороны одинаково думали о человѣческой природѣ, наслѣдственномъ грѣхѣ, искупленіи и оправданіи. Но въ Римѣ не обращали вниманія на глубокое значеніе оправданія и тѣмъ охотнѣе сосредоточились на толкованіи *ученія о таинствахъ*. На противной сторонѣ Лютеръ и его курфирстъ относились недовѣрчиво къ слишкомъ ужъ большой уступчивости; межъ тѣмъ курфирстъ Майнцскій и герцогъ Баварскій, старавшіеся въ пользу католицизма, перешли всякія границы нейтралитета, выказавъ особенный страхъ къ преобладанію нѣмецкой національности на соборѣ, гдѣ приходилось уже слишкомъ много уступать. Опасность примиренія оказалась призрачной; таинства сдѣлали свое дѣло, снова выдвинувъ прежнія неровности. Католики ничего не хотѣли уступать изъ священнаго числа семь, такъ какъ это «7» служило основаніемъ всей іерархіи. Съ Меланхтономъ, который всегда наполовину оставался пелагіанцемъ, еще можно было бы поладить, только никакъ не съ Лютеромъ, который стоялъ позади Меланхтона грознымъ призракомъ.

Вскорѣ обнаружилось, что въ борьбѣ совѣсти съ силой дипломатія неумѣстна. У Контарини и его отличнаго совѣтника и соотечественника, Морино Джустиніано, не хватило всего ихъ умѣнья и добрыхъ желаній. Ихъ дальнѣйшія уступки теперь намъ кажутся поистинѣ изумительными: папа болѣе не *намѣст-*

никъ Христа, но лишь *первый епископъ;* необходима радикальная реформа относительно епископскаго сана; богослуженіе не должно быть предметомъ торговли; причащеніе допускается подъ *обоими* видами; *духовенству дозволяется вступать въ бракъ.* Притомъ нѣмцы должны только допустить *обѣдню* и *исповѣдь* и признать поступки человѣка плодомъ вѣры.

Если-бы нѣмцы и приняли подобныя условія, то на какой бы изъ двухъ сторонъ они были бы признаны не условленными: въ Римѣ ихъ-бы отвергли, такъ какъ Павелъ III хорошо обдумалъ свое рѣшеніе и І. Петръ Караффа, самый вліятельный совѣтникъ куріи, надолго выдвинулъ Каэтана, чтобы снова сдѣлаться прежнимъ Караффой. Онъ виновникъ новой инквизиціи!

Какъ только религіозный диспутъ сѣлъ на мель, тотчасъ же всѣ мосты были сломаны. Ни уступки, ни примиренія! Старая церковь перестала защищаться и сдѣлалась противовѣсомъ реформаціи, *контръ-реформаціей.* Три великихъ событія ознаменовываютъ этотъ періодъ времени: окончательное созваніе вселенскаго *собора въ Тріентѣ,* введеніе новой *инквизиціи* и учрежденіе *ордена іезуитовъ.* Ударъ за ударомъ Римъ наносилъ своими великими мѣропріятіями,—неслыханное судилище надъ душами—*инквизиція* и *цензура* надъ каждой новой и старой книгой (1540 г.); сильное ополченіе вѣры противъ свободы совѣсти; совершенное установленіе папскаго ордена іезуитовъ (1543 г.); изготовленіе новаго церковнаго закона, Confessio Tridentina; открытіе собора (1545 г.). Павелъ обстоятельно развѣдалъ чрезъ своихъ легатовъ, какъ въ Германіи смотрятъ на то, что онъ для не соединенныхъ протестантовъ хотѣлъ установить одну ненарушимую католическую норму, что онъ хотѣлъ употребить насиліе и съумѣетъ это сдѣлать. Его только что навербованная армія поборниковъ вѣры была теперь найдена. Въ 1540 г. еще онъ дозволилъ Лойолѣ имѣть всего 60 такихъ солдатъ, въ 1543 же году онъ уже объявилъ число послѣднихъ неограниченнымъ.

Въ это время Карлъ V освободился отъ своихъ войнъ. Въ 1544 г. онъ заключилъ въ Крепи съ Франсуа I миръ; теперь онъ могъ успокоиться отъ турокъ и французовъ, но тайная оговорка мирнаго договора взывала къ «искорененію ереси».

Въ 1541 г. умеръ также герцогъ Саксонскій и ему наслѣдовалъ сынъ его Морицъ. Какъ только открылся Тридентскій соборъ, императоръ съ этимъ Морицомъ, зятемъ ландграфа Филиппа Гессенскаго, заключилъ тайный союзъ противъ курфирста Іоанна Фридриха. Теперь императоръ считалъ себя обезпеченнымъ; но при всей своей дипломатической ловкости, онъ не чуялъ, что протягиваетъ руку хитрецу, кладетъ самъ себѣ на грудь ехидну. До такой степени легкомысленнымъ казался Мо-

рпцъ, оставивъ шмалькальденцевъ и выговоривъ себѣ «оправданіе посредствомъ вѣры», чашу и бракъ духовенства. Исполнить эти пункты для императора, естественно, ничего не составляло.

Въ 1546 г. началась Шмалькальденская война. Вначалѣ всѣ шансы казались на сторонѣ евангелической партіи. Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій и Филиппъ Гессенскій продолжали неладить между собой; совѣтъ предводителя союзнаго войска, храбраго Шертлина, — немедленно захватить императора на югѣ, былъ отвергнутъ. Сѣверо-германское войско было немедленно разбито имперцами; Аугсбургъ вдругъ заговорилъ по испански. Императоръ теперь могъ свободно идти въ Саксонію на помощь стѣсненному герцогу Морицу. 24-го апрѣля 1547 г. онъ, разбивъ курфирста Іоанна Фридриха при Магдебургѣ на Эльбѣ, взялъ его въ плѣнъ. Морицъ получилъ достоинство курфюрста и половину земель побѣжденнаго.

На одной изъ попоекъ въ Галлѣ императоръ проклиналъ курфирста Морица и курфирста Бранденбургскаго, выдавшихъ ему даже ландграфа Гессенскаго.

Замѣтивъ опьянѣніе императора, канцлеръ Гранвелла ручался за то, что Филиппъ «не навсегда посаженъ подъ арестъ». Послѣ болѣе сильнаго охмѣлѣнія арестъ ограничивалъ «нѣкоторымъ временемъ» вмѣсто «вѣчно». Что вынудило ландграфа отдаться въ плѣнъ? И почему оба курфирста не выставили заложниками, какъ обѣщали, сыновей ландграфа? Ландграфъ наскочилъ на случай; онъ и Іоаннъ Фридрихъ, который едва остался въ живыхъ, ѣхали теперь въ качествѣ плѣнныхъ съ гордымъ тріумфаторомъ.

Въ Тріентъ не явился ни одинъ изъ протестантовъ. Для господъ куріи это было удобно. 15-го апрѣля 1546 г. папа произнесъ отлученіе надъ архіепископомъ Германномъ Виде въ Кельнѣ, который вступилъ въ бракъ, а его земли секуляризировалъ. Въ самомъ Римѣ заключенъ союзъ между императоромъ и папой; папа обязывался помогать деньгами и войскомъ противъ еретиковъ, папская булла повелѣвала молиться о ниспосланіи побѣды императору и папѣ.

Такимъ образомъ послѣ побѣды при Мюльбергѣ онъ не могъ уже оставаться совершенно слѣпъ въ угоду папѣ. Нѣкоторыя уступки императоръ считалъ неизбѣжными. Такія уступки онъ формировалъ въ «Interim»: безбрачіе должно быть отвергнуто, относительно церковныхъ имуществъ дѣло остается въ томъ же положеніи, дозволяется духовенству вступать въ бракъ. Павелъ III удержался самъ вслѣдствіе протеста Франціи. Папа перенесъ соборъ въ Мантую, но императоръ въ 1548 г. внесъ на обсужденіе свой «Interim» въ Аугсбургѣ и осуществилъ его въ

Лейпцигѣ, гдѣ Меланхтонъ прибавилъ къ нему «Adiaphora», рубрику, касавшуюся предметовъ, не существенныхъ для вѣры. Работа была сдѣлана на половину, курія протестовала, а общій голосъ народа въ Германіи признавалъ, что «за Interim'омъ находится плутъ». Плѣнные же князья держали себя смѣло; Іоаннъ Фридрихъ, сидя въ заключеніи, во весь голосъ распѣвалъ новыя протестантскія церковныя пѣсни.

Въ 1549 г. умеръ Павелъ III отъ легочнаго катарра, доживши до 80 лѣтъ. Несмотря на свое классическое воспитаніе, онъ всю свою жизнь вѣровалъ въ звѣздочетовъ и маговъ, которые въ то время были сильно распространены. Одного изъ такихъ Каліостро, Людвига Гварико, Павелъ сдѣлалъ даже епископомъ. Императорскій посолъ въ Римѣ, Мендоца, свидѣтельствуетъ даже, что папа угрожалъ отдать дьяволу душу императора. Фаустъ, слѣдовательно, вездѣ былъ въ XVI вѣкѣ.

Юлій III, новый папа, снова перенесъ соборъ въ Тридентъ въ 1551 г. Филиппъ Гессенскій все еще пребывалъ въ заключеніи. Морицъ составлялъ себѣ огромные планы. Еще съ прошлаго года онъ задумалъ уничтожить Магдебургъ, который всячески глумился надъ «Interim'омъ», отдавая вакантныя мѣста изгнанному духовенству. Магдебургъ былъ тогда хорошо защищеннымъ городомъ, и граждане его обладали такимъ мужествомъ, какого именно недоставало аугсбургцамъ. Не долженъ ли былъ Морицъ уже по одному этому необходимо приготовиться?

Къ сожалѣнію, онъ обезпечилъ себя съ другой стороны, заключивъ съ Генрихомъ II Французскимъ вспомогательный договоръ, въ силу котораго Франція должна занять *Мецъ*, *Тулъ* и *Вердюнъ*, съ городомъ *Камбрэ* въ обезпеченіе «сословной свободы» въ Германіи, однако же съ условіемъ — «сохранить права имперіи». 20-го марта 1552 года Морицъ издалъ *манифестъ къ націи*, отправился на Тироль, гдѣ лежалъ больной ревматизмомъ Карлъ, 18-го мая разбилъ императорское войско и обратилъ въ бѣгство императора. Послѣдній nolens volens выпустилъ изъ рукъ курфирста Саксонскаго и на носилкахъ переправился черезъ снѣговыя Альпы изъ Инсбрука въ Виллахъ.

Кажется, императору измѣнили болѣе чѣмъ съ одной стороны. Весьма возможно, что его братъ, король Фердинандъ, посвященный во вторичную измѣну Морица Саксонскаго, по всей вѣроятности сочувствовалъ послѣднему. И такого брата Карлъ призналъ возстановителемъ мира. Фердинандъ, не долго думая, заключилъ въ Пассау въ 1852 году съ герцогомъ Морицомъ договоръ, благопріятный для протестантовъ и, три года спустя, въ 1555 г. въ Аугсбургѣ не согласился даже ни на одну изъ религіозныхъ оговорокъ, предъявленныхъ ему императоромъ. Кромѣ

того сынъ Фердинанда, впослѣдствіи императоръ Максимиліанъ II, въ то же время еще имѣлъ сильное вліяніе на отца.

Условія мира были слѣдующія:

Заключенный въ замкѣ Мехельнъ, ландграфъ Филиппъ тотчасъ долженъ быть освобожденъ. Протестантамъ возстановляются ихъ прежнія права и привилегіи; затѣмъ между религіями долженъ существовать миръ. Право реформаціи признается и за средними сословіями, рыцарскимъ, городскимъ и за общинами; однако же этотъ пунктъ стоялъ на второмъ планѣ. Двѣ дальнѣйшія оговорки чувствительно нарушали миръ и разсчеты въ будущемъ. Разъ были обезпечены только лютеране, въ другой разъ уже угрожалъ непоправимымъ разладомъ Reservatum ecclesiasticum, церковное предостереженіе. Католики за собой удерживали собственно, чтобы прелатъ, отпавшій отъ старой вѣры, не имѣлъ права владѣть своей землей. Такимъ образомъ или наступало перемиріе для реформаціи, или все дѣло должно было рѣшиться силой.

Аугсбургскій религіозный миръ въ результатѣ не далъ ничего опредѣленнаго; здѣсь снова открывался просторъ различнымъ льготамъ съ одной стороны и висѣлицамъ — съ другой. Но Карлъ V стоялъ на своемъ; онъ отвергъ всѣ дальнѣйшія попытки къ регулированію вѣры и всемірнаго господства. Въ Брюсселѣ въ 1555 г. онъ отказался отъ власти въ Нидерландахъ въ пользу своего сына Филиппа; ему онъ въ 1556 году передалъ Испанію, Италію и владѣнія въ Новомъ свѣтѣ, сложивъ съ себя императорское достоинство. Самъ же отправился въ монастырь св. Юста въ Эстремадурѣ, гдѣ, посреди комфорта, занимаясь политикой, прожилъ еще два года. Басня о монашеской жизни Карла въ монастырѣ долго пользовалась довѣріемъ. Но онъ жилъ тамъ какъ Наполеонъ III въ Числьгёрстѣ. Ни монашеская ряса, ни постриженіе не шли къ нему. Его гардеробъ состоялъ изъ шестнадцати одеждъ изъ бархата и шелка, подбитыхъ горностаемъ и гагачьимъ пухомъ. Несмотря на свою болѣзнь, онъ имѣлъ изящный и жирный столъ. Торсильскія сосиски приводили его въ восторгъ. Можетъ быть онъ доставлялъ себѣ зрѣлище своего погребальнаго шествія — погребеніе его политики уже миновало еще въ Инсбрукѣ. Для него, по крайней мѣрѣ, просто непонятно было, что двое часовъ никогда не могутъ сойтись; несмотря на это онъ долго узнавалъ, что часы испанскаго господства не гармонировали съ часами аристократической республики Германіи и, по крайней мѣрѣ, съ стрѣлкой новаго сознанія въ нѣмецкомъ народѣ. Если же Испанія, Италія и пустынный Новый свѣтъ счастливо регулировались однимъ и тѣмъ механизмомъ, то въ Германіи пробуждалось стремленіе къ династическому господству, которое (стремленіе) вышибло его изъ сѣдла.

Сосредоточимъ теперь все наше вниманіе на ударахъ куріи, которые составляютъ тріединство контръ-реформаціи.

Прежде чѣмъ собрался соборъ въ Тридентѣ, сдѣланы были необходимыя приготовленія къ нему; когда объявлена была міру Confessio Tridentina, новый аппаратъ управленія дѣйствовалъ уже въ полной силѣ. Сконцентрировавшаяся власть папы могла дать новымъ установленіямъ желанную прочность.

Заботы объ инквизиціи взялъ на себя всецѣло Караффа; на собственныя средства онъ устроилъ въ Римѣ домъ для священнаго судилища, приготовилъ необходимыя орудія для мученій и назначилъ особые комитеты для различныхъ земель. Онъ установилъ основы, которымъ должны слѣдовать эти учрежденія: не обращать вниманія ни на князей, ни на прелатовъ, ни на какую либо сильную защиту; напротивъ, только сознательное раскаяніе найдетъ себѣ помилованіе; безпощадная строгость должна быть употребляема противъ неисправимыхъ еретиковъ, особенно противъ цвингліанцевъ и сходныхъ съ ними по направленію. Джанъ Піетро Караффа безусловно спасъ католицизмъ въ Италіи.

Что же такое была эта инквизиція и можно ли ее назвать «новой»? *Инквизиція, какъ дисциплинарный судъ* надъ духовенствомъ, принадлежитъ раннему времени. Иннокентій III примѣнялъ ее въ 1215 г. къ мірянамъ и изъ *слѣдственнаго процесса* сдѣлалъ *выпытывающій.* Жестокость этого заключалась въ томъ, что сознаніе вины вымучивалось у подозрѣваемаго. Только для вида виновнаго отдавали въ руки свѣтской власти; горе тому, кто не расправился бы здѣсь попросту! Эта епископская инквизиція не привилась въ Германіи; Конрадъ Магдебургскій, пробовавшій ввести ее сюда, былъ убитъ въ Майнцѣ въ 1235 г. Въ 1536 г. учрежденіе это получило кодифицированный видъ при испанскомъ генералѣ отъ инквизиціи, *Николаѣ Евмерикѣ*, авторѣ «Directorium Inquisitorum». Уже съ 1483 г. испанская инквизиція дѣлается *національнымъ институтомъ* и главнымъ орудіемъ въ рукахъ viejos cristianos противъ мавровъ и евреевъ. Въ такомъ положеніи она приведена была въ дѣйствіе Торквемадой въ день рожденія Лютера; кардиналъ Хименецъ ретиво продолжалъ дѣло. Въ основаніи его лежало ничто иное, какъ древнее римское учрежденіе, дѣйствовавшее въ Испаніи лишь систематически въ интересахъ limpieza de la sangre. Никакой папа не могъ уничтожить его. По Лоренту, инквизиція въ Испаніи сожгла 31,912 человѣкъ, 17,659 сдѣлала изгнанниками, да еще замучила 291,450 человѣкъ. И эту-то инквизицію Павелъ III вводилъ во всемъ христіанствѣ.

«Новой инквизиціи» была подчинена цензура всѣхъ *старыхъ* и новыхъ книгъ и сочиненій, и такъ почти столѣтіе въ литера-

турѣ было уничтожено. Первый каталогъ явился въ Венеціи съ 70 нумерами. Болѣе подробный былъ изданъ уже во Флоренціи въ 1552 г., годъ Пассаускаго мира. Въ 1554 г. появился каталогъ въ Миланѣ. Первый обстоятельный указатель вышелъ въ Римѣ въ 1559 г. Принципъ оставался непреложнымъ, никого не щадили, ни одинъ кардиналъ не былъ обезпеченъ, каждый старался донести на другаго, у котораго было запрещенное сочиненіе. Знаменитое «Благодѣяніе Христа» сожжено было въ Римѣ почти все, впослѣдствіи стоило большаго труда достать одинъ экземпляръ.

Трудная задача предстояла теперь новой монархіи единой церкви, такъ какъ ереси были распространены всюду. Инквизиціи и цензурѣ приходилось свирѣпствовать противъ своей же плоти. Одинъ наблюдательный современникъ говоритъ, что «не только въ числѣ епископовъ, викаріевъ, священниковъ и монаховъ находились еретики, но и въ средѣ самой инквизиціи весьма многіе изъ ея членовъ считались таковыми». Италія, однако же, какъ слѣдуетъ, защищалась отъ нихъ, папы здѣсь высказали себя сильнѣе самого Ѳеодосія, который, впрочемъ, слѣдовалъ потоку времени, насильственно искореняя язычество. Какъ, напримѣръ, расправлялись въ просвѣщенной Феррарѣ!

Какъ нѣкогда греки уходили изъ Константинополя въ Италію, такъ теперь свободомыслящіе итальянцы двинулись на сѣверъ: Петръ Павелъ Вергеріо, Петръ Мартиръ, Вермильо, Оккино и множество другихъ. Вергеріо былъ нѣкогда депутатомъ отъ Клемента VII къ Лютеру, папа Павелъ III воспользовался имъ еще разъ для религіозной миссіи. Онъ былъ заподозрѣнъ и соборъ отослалъ его къ папѣ, тогда онъ сдѣлался протестантомъ и эмигрировалъ. Аббатъ Петръ Мартиръ и генералъ капуциновъ Оккино отправились въ Страсбургъ въ качествѣ профессоровъ, отсюда же въ Оксфордъ и Кэмбриджъ. Оккино былъ *унитаристъ*, какъ оба Социна, fratres poloni, поэтому въ Германіи его преслѣдовали одинаково лютеране и реформаты. Даже изъ Польши его выгналъ папа; онъ умеръ на пути въ Моравію, изможденный усталостью.

Въ центрѣ этой реакціонной ткани, подобно крестовику, засѣлъ, нѣкогда такой благочестивый театинецъ, Караффа. На соборѣ онъ показалъ себя неумолимымъ противникомъ всякаго нововведенія, какъ и упорнымъ защитникомъ папскаго всемогущества. Его характеръ все болѣе и болѣе измѣнялся. Въ 1549 г. онъ сдѣлался неаполитанскимъ архіепископомъ и этотъ человѣкъ, который прежде аскетически отвергалъ всякую мірскую выгоду, теперь съ удовольствіемъ клалъ въ свой карманъ ежегодный окладъ въ 16,000 дукатовъ.

Юлій III умеръ въ 1555 г., за нимъ вступилъ на святѣйшій престолъ Марцеллъ II, который въ томъ же году сошелъ въ могилу. Теперь пришло время для Гильдебранда. 22-го апрѣля онъ, подъ именемъ Павла IV, сдѣлался папой. Ему было тогда 79 лѣтъ. Когда его спрашивали, какъ онъ думаетъ жить съ своими родными, онъ отвѣчалъ: «великолѣпно, какъ подобаетъ первому владыкѣ христіанства». По виду онъ былъ высокаго роста, худощавъ, съ рѣдкой бородой, глубокомысленными, темными глазами и курносый. Въ Ватиканѣ онъ ходилъ подобно меланхолической угрозѣ. «Безусловное господство старой вѣры!» служило ему лозунгомъ. Сдѣлавшись папой противъ ожиданій всѣхъ и собственнаго, онъ тѣмъ сильнѣе вѣровалъ въ свою особенную миссію, «приготовленную самимъ Богомъ».

Прежде всего онъ подвергъ гоненію евреевъ, приказавъ имъ носить желтыя шапки. Пьера Луиджи изъ Палестрины, который болѣе чѣмъ кто-либо другой сдѣлалъ для проповѣди старой вѣры, онъ изгналъ изъ Ватиканской капеллы за то, что Пьеръ женился. Въ жалкой бѣдности Палестрина составилъ на Монте Челіо общину Improperji, послѣдователей богослуженія Марцелла.

Императора Карла Павелъ ненавидѣлъ на слѣдующихъ основаніяхъ: какъ Караффа, неаполитанецъ, итальянецъ, католикъ и папа. Самъ Филиппъ II былъ обвиняемъ въ ереси; въ 1556 г. Павелъ оспаривалъ у него въ качествѣ сюзерена Неаполитанское королевство. Франція на помощь къ нему противъ герцога Альбы прислала Франсуа Гиза, который долженъ былъ удалиться для битвы при Сенъ-Кентэнѣ. Альба подошелъ къ Риму. Павелъ негодовалъ, Альба долженъ былъ у него смиренно просить прощенія за то, что онъ его побѣдилъ.

Восьмидесятилѣтній старецъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ просиживалъ за Мангіагверрой, густымъ виномъ, добываемымъ у подножія Везувія, скрежеща зубами противъ «отступниковъ и еретиковъ, проклятаго Богомъ сѣмени Евреевъ и Мавровъ, этого подонья міра»! И вмѣстѣ съ этимъ *испанцы* представлялись самымъ лицемѣрнымъ народомъ, который сдѣлалъ индійцевъ рабами и вѣчнымъ скотомъ христіанъ, во имя креста уничтожилъ Мехику, завоевалъ Перу и Чили!

Павелъ IV умеръ въ 1559 г. Пій IV въ третій разъ открылъ соборъ, межъ тѣмъ Франція съ Испаніей заключили миръ въ замкѣ Камбрези. Итальянцамъ стоило большаго труда согласить испанцевъ и французовъ viritim. Въ 1563 г. закрылся соборъ. Попытка установить конституціонную церковную монархію давно уже была разбита въ Констанцѣ и Базелѣ. Папство накинулось на цезаризмъ. Его преторіанцы уже понемногу собрались. Къ каждому постановленію собора они прибавляли: «съ условіемъ

повиновенія папѣ». Пію IV досталось истолковывать эти постановленія.

Въ рѣшительныхъ засѣданіяхъ Тридентскаго собора главными дѣятелями были три человѣка: кардиналъ *Гизъ*, кардиналъ *Караффа* до избранія его на папскій престолъ и патеръ *Лайнецъ*, съ 1556 г. генералъ ордена *Іезуитовъ*. Оба кардинала хлопотали за власть церкви и папы, которые находили себѣ свѣжее оружіе въ новой инквизиціи и указателѣ, патеръ же Лайнецъ явился представителемъ совершенно другаго (считать ли его нравственнымъ) элемента, новаго направленія человѣческаго мышленія и чувства, душою неокатолицизма. При одномъ только деспотизмѣ церковь не ушла бы далеко, человѣческій умъ долженъ былъ пріобрѣсть для этого нѣкоторый *лоскъ*. Подобная выдѣлка и была дѣломъ іезуитовъ.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ новѣйшей исторіи, безъ сомнѣнія, представляетъ собою *Инниго Лопецъ де Рекальде*, самый младшій сынъ изъ дома *Лойола* и Виноска. Онъ родился въ 1491 г. и росъ пажемъ при дворѣ Фердинанда Католика совершенно подъ вліяніемъ того монашествовавшаго рыцарства, элементами котораго служили: благочестивая національная ненависть, рыцарская ловкость въ состязаніяхъ и чувственная любовь. За Святую Дѣву, противъ мавровъ и морисковъ! Въ такихъ склонностяхъ уже самъ собою заключался антитезъ. Инниго чувствовалъ склонность къ оружію, поединкамъ, лошадямъ и дамамъ. Уже рано правой рукой онъ писалъ похвальное слово апостолу Петру, въ лѣвой держа «Amadis von Gallien».

Въ Пампелунѣ Инниго въ 1521 г. командовалъ гарнизономъ противъ французовъ, былъ раненъ въ ноги и затѣмъ лежалъ больнымъ въ отцовскомъ замкѣ. Здѣсь онъ располагалъ досугомъ подумать о себѣ. Пора было заглянуть во внутрь себя. Лютеръ стоялъ въ то время передъ Вормскимъ сеймомъ, Театинцы собирались въ Трастеверѣ. На одрѣ больнаго Инниго зачитывался *Acta Sanctorum*, жизнеописаній святыхъ. Въ экстазѣ онъ рѣшилъ «путемъ земныхъ страданій заслужить славу на небѣ». Не самодовольство, а страданіе въ награду! Не теософія блаженнаго Августина ввела его въ свой кругъ. онъ желалъ сдѣлаться подобнымъ Францу Ассизи, святому Доминику. Его сумасбродное сердце влекло его въ Іерусалимъ; тамъ онъ желалъ поклясться Христу въ вѣрности противъ сатанинскаго двора въ Вавилонѣ. Высоко на Монтсерра въ Каталоніи, 4000′ надъ уровнемъ моря, находился монастырь, состоявшій изъ скитовъ съ кельями, отдѣленными одна отъ другой скалистыми уступами. Сюда-то Лойола поступилъ въ монахи, чтобы подготовить изъ себя христіанскаго брамина. Передъ часовней Бого-

родицы онъ повѣсилъ свой мечъ и щитъ въ знакъ своего посвященія. Затѣмъ онъ ходилъ въ монастырь Марнезе, къ Доминиканцамъ, подвергалъ себя самому строгому посту, цѣлыя ночи молился, стоялъ по семи часовъ на колѣняхъ, ежедневно бичевалъ себя трижды до крови. Но ничто не помогало, миръ не касался его души — кому не вспоминается при этомъ августинскій монахъ въ Эрфуртѣ? Наконецъ онъ открылъ причину своихъ страданій, это—*искушенія злаго духа.* Опасность заключается не въ нихъ самихъ, она приходитъ извнѣ. Вскорѣ ему были видѣнія: Христосъ являлся ему лично, онъ видѣлъ въ гостіи единеніе Бога и человѣка. Въ его лихорадочныхъ видѣніяхъ представлялся также и пылающій адъ. Все это убѣдило его, что онъ — избранное орудіе, пользующееся особенной милостью Божіей.

Аналогія между Лойолой и Лютеромъ у всякаго напрашивается сама собой; различіе между ними выступаетъ постепенно.

Среди всевозможныхъ лишеній, бичеваній и подвиговъ въ 1523 г. Лойола отправляется къ гробу Господню, чтобы тамъ возложить на себя свой обѣтъ. Возвратившись, онъ разсказывалъ странныя вещи; инквизиція обратила на него вниманіе и допустила его къ молитвѣ въ качествѣ гностика. Не владѣя никакимъ критическимъ оружіемъ, находясь въ зависимости отъ видѣній, онъ принужденъ былъ всему подчиняться безпрекословно, рѣшивъ, что прежде чѣмъ учить другихъ, нужно самому научиться. Полиція неотступно преслѣдовала его въ Алькалѣ, Саламанкѣ, Парижѣ и Венеціи; не разъ сажала его въ свои темницы, снова, однако, выпуская его, хотя и съ предостереженіемъ на будущее время. Въ Парижѣ, гдѣ онъ пробылъ съ 1528—1535 г., онъ усердно доносилъ на лютеранъ и занимался схоластикой. Результатомъ его занятій были четырехнедѣльныя «*Духовныя экзерциціи*».

Въ Парижѣ же онъ напалъ на мысль основать особую духовную общину для «дисциплины душъ». Первыми сторонниками въ этомъ были Петръ *Фаберъ* изъ Савойи и Францъ *Ксаверъ* изъ Пампелуны, его учитель философіи. Оба они владѣли средствомъ облечь въ ученую форму идею самообузданія и *направленіе* душъ другихъ. Въ теченіе трехъ дней онъ заставилъ ихъ поститься и молиться на трескучемъ морозѣ. Къ тріумвирату присоединились вскорѣ еще четверо: *Сальмеронъ*, впослѣдствіи возбудившій въ Шотландіи кальвинистическую реакцію; *Лайнецъ*, второй генералъ ордена; *Бобадилла*, разстроившій вмѣстѣ съ Фаберомъ и Ле Жайемъ диспутъ въ Вормсѣ и Регенсбургѣ, наконецъ *Родригецъ*. Въ день Успенія Богородицы 1534 г. они всѣ вмѣстѣ отправились въ церковь на Монмартрѣ, наложить на себя обѣтъ.

До сихъ поръ безспорно чисто внутренніе, религіозные мотивы руководили основателями, насколько здѣсь давалось мѣста критикѣ. Для церковной реакціи, возникшей въ Римѣ къ концу 30-хъ годовъ, конечно, слишкомъ недоступна была религіозная строгость и значительная самостоятельность въ Монмартрскихъ экстатикахъ.

Четверо изъ нихъ согласились еще разъ отправиться въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Когда они прибыли въ Венецію, началась война и они не могли сѣсть на корабль. Лойола помѣстился у Театинцевъ, которыми, впрочемъ, остался недоволенъ и былъ замѣченъ тогдашнимъ главою ихъ, Караффой. Въ Вичендѣ «солдаты Іисуса», какъ они сами себя называли, всходили на камни и проповѣдывали, одѣтые въ лохмотья. Караффа, сдѣлавшись между тѣмъ кардиналомъ, не преминулъ обратить вниманіе, что̀ можно было бы сдѣлать изъ этого безусловнаго отреченія отъ всего, коль скоро папство успѣло завербовать его въ свою пользу. Какъ только Лойолѣ пришла подобная мысль, онъ вмѣстѣ со всѣми своими сторонниками не задумался прибавить къ тремъ обычнымъ обѣтамъ— *бѣдности, цѣломудрія* и *послушанія* и четвертый: *безусловное подчиненіе папѣ, безпрекословное исполненіе его повелѣній!* Этого могъ достигнуть только склонный къ видѣніямъ темпераментъ Лойолы.

Благодаря такому превращенію, которое рѣзко противорѣчило своему началу, іезуиты обратились въ преторіанцевъ реакціонной церкви и папскаго цезаризма. Но какъ преторіанцы опирались на римскаго цезаря, чтобъ ниспровергнуть его, такъ и «отцы общины Іисуса» сдѣлались тиранами римскаго деспотизма. Такая перемѣна вовсе не была дѣломъ Лойолы. На него лично только возлагаютъ вину; онъ не виноватъ, что его послѣдователи терроризировали церковь, продиктовавъ папѣ Пію IX кровавую реакцію. А въ 1539 г. только такъ говорилось: «обѣщаю слѣдовать во всемъ повелѣніямъ святаго отца, намѣстника Божія на землѣ, и повиноваться ему, какъ самому Богу». Въ 1540 г. «солдаты Іисуса» возобновили свои четыре обѣта въ церкви Св. Петра; они клялись теперь: «по приказанію папы идти противъ турокъ, язычниковъ и еретиковъ безпрекословно, безусловно и безъ вознагражденія». Въ это время Павелъ III утвердилъ «общину Іисуса» и дозволилъ увеличить число ея членовъ до 60. Въ 1543 г. и это ограниченіе было оставлено, число ихъ могло увеличиваться подобно песку въ морѣ. Шесть братьевъ ордена избрали Лойолу своимъ первымъ представителемъ; «почтеніемъ къ нему должно выражаться почтеніе къ Богу». Такимъ образомъ ясновидящій самъ для другихъ обратился въ *видѣніе*. Орденъ, принадлежавшій къ *Chierici regolari*, поставилъ своей за-

дачей проповѣдь, попеченіе о больныхъ и обращеніе другихъ; они не должны заботиться о развитіи благочестія въ обществѣ; хоровое пѣніе также не ихъ дѣло. Лойола умеръ первымъ генераломъ ордена въ 1556 г., десять лѣтъ спустя послѣ Лютера. Павелъ IV за годъ передъ этимъ сдѣлался папой. Царство іезуитовъ въ это время состояло изъ 13 провинцій: 7 — въ Испаніи и колоніяхъ, 3 — въ Италіи, 1 — во Франціи, гдѣ кальвинизмъ достигъ своего высшаго развитія; въ Германіи — 2, въ Вѣнѣ и Нидерландахъ. Въ Бразиліи дѣйствовало уже 28 отцевъ, отъ Гоа до Японіи старалось ихъ 100.

Посмотримъ теперь назадъ. Лойола, какъ и Лютеръ, ставилъ религію высоко, вначалѣ не признавалъ никакого авторитета, ища спасенія внутри самого себя. Только одинъ изъ нихъ былъ мыслящій нѣмецъ, другой — фантазирующій испанецъ. Лютеръ обладалъ глубокой душой, Лойола — пылкимъ воображеніемъ. До чего Лютеръ доходилъ путемъ сознанія, въ томъ убѣждался Лойола лишь видѣніемъ. Чудомъ для Лютера служила вѣра, которая дѣлаетъ блаженнымъ; для Лойолы же — галлюцинація. Проповѣдь Лютера указывала способъ достигнуть идеала, Лойола говорилъ только о «повиновеніи и служеніи», о необходимости страданій для полученія славы небесной. Оба они боролись съ господами церкви, Лютеръ — съ монахами, богословами, кардиналами, папой и императоромъ; Лойола — съ Театинцами, являвшимися піонерами реакціи и инквизиціей. Лютеръ требовалъ опроверженій доказательныхъ и разрывалъ стѣснительныя узы общины; Лойола подчинялся смиренно, позволялъ посылать себя въ темницы и школы и въ концѣ концовъ поклялся въ слѣпомъ повиновеніи папѣ. Одинъ настаивалъ на разумѣ, на пониманіи св. Писанія, на совѣсти; другой блуждалъ въ сферѣ фантазіи, напередъ освящая всѣ помыслы, возникавшіе въ душѣ. Лютеръ сдѣлался исходнымъ пунктомъ всякаго изслѣдованія и философіи, Лойола — мостомъ къ самоуниженію и позорному угнетенію разума, какому когда-либо подвергался европейскій міръ.

Орудіе всякой силы заключается въ ея организаціи. Послѣдняя же не можетъ быть дѣломъ энтузіастовъ; отсюда и лишь слабый зародышъ ея виденъ во время управленія орденомъ перваго генерала. *Іезуитъ не долженъ возлагать на себя никакого священнаго сана.* Естественно, сдѣлаться господами господъ — Архимедова точка. Необходимо привлекать въ орденъ *знатныхъ и опытныхъ* людей. Родригецъ, одинъ изъ первыхъ семи, былъ знатнымъ, даровитымъ джентльменомъ. Лойола успѣлъ подыскать основаніе этому: кто пользуется наилучшимъ положеніемъ въ этомъ мірѣ, наиполезнѣйшій слуга Господа. «Благоразуміе составляетъ добродѣтель господствующихъ, а не подчиненныхъ». — Послушаніе — главнѣйшая обязанность подчиненныхъ:

Vollo et nolo non habitant in hac domo, «хочу и не хочу не допускается въ этой обители», сказалъ Лойола одному изъ неофитовъ.

Все это были инстинкты основателя. Устройство всей системы легло на другаго. *Діего Лайнецъ,* второй генералъ ордена, явился законодателемъ; законы назывались «Constitutiones», необходимое дополненіе «Exercitien». Діего Лайнецъ былъ для іезуитскаго государства своего рода Маккіавеллемъ, демоническимъ геніемъ въ устройствѣ администраціи. Какъ іерархія ордена, такъ и его отношенія къ внѣшнему міру являются дѣломъ его тонкаго чутья. Внѣшнимъ образомъ орденъ раздѣлялся такъ: во главѣ ордена стоялъ *генералъ,* затѣмъ шли *провинціальные управители, суперіоры, ректоры.* Внутренная іерархія формулирована съ замѣчательнымъ знаніемъ жизни: *исповѣдники* или духовники выходятъ изъ *самыхъ испытанныхъ; схоластики и коадьюторы,* духовные и свѣтскіе, берутся изъ коллегіи; *неофитами* признаются тѣ, которые въ теченіе 24-хъ часовъ въ темной комнатѣ, безъ пищи, основательно обдумаютъ каждый пунктъ исповѣди; наконецъ «Affiliirte» или «іезуиты въ короткомъ сюртукѣ» должны вращаться въ высшемъ свѣтскомъ кругу.

При вступленіи въ орденъ, каждый неофитъ долженъ отказать въ пользу общины все свое настоящее и будущее состояніе. Схоластикъ и коадьюторъ живутъ «преподаваніемъ»; духовники — «подаяніемъ»; всякая религіозная функція исполняется даромъ «для вящаго богопочтенія». Завѣщанія и даренія облегчаютъ «бѣдность», доказательствомъ чему служатъ извѣстные скандальные процессы. Самая свѣтская торговля дополняетъ невоздержность; когда орденъ въ прошломъ столѣтіи прекратилъ свое существованіе во Франціи, парламентъ открылъ у него болѣе ста милліоновъ состоянія. Вниманію благочестивыхъ отцовъ и ихъ помощникамъ особенно рекомендуются: *дамы, князья* и *доктора.*

Насколько орденъ закрѣпощенъ былъ папой, настолько же ненарушимой заповѣдью внутри его признавалось терпѣливое, слѣпое повиновеніе. Неофиты, коадьюторы, духовные, даже уже испытанные, получали только приказанія; слово «почему» было вычеркнуто въ лексиконѣ іезуитовъ. Духовникъ думалъ о короткой веревкѣ, дѣло генерала — направить её. Вотъ дословный текстъ § 1, VI «Constitutiones»:

«Каждый долженъ быть убѣжденъ, что съ тѣми, которымъ суждено жить и выносить все безпрекословно, высшіе надъ ними распоряжаются какъ съ *трупами».* Подчиненный уподобляется «посоху въ рукѣ старика, трупу»: на этомъ построенъ былъ самый прочный и опасный союзъ, какой только знаетъ исторія; и если католическая церковь можетъ быть названа

величественнѣйшей архитектурой вѣковъ, то, съ другой стороны, нигдѣ не могъ организоваться другой гарнизонъ, подобный лойолитамъ. Безъ родины, чуждые всякаго патріотизма, повсюду распространяли они свою власть надъ кошелькомъ и совѣстью, надъ государствами и людьми, надъ знатнымъ и ничтожнымъ, старымъ и малымъ. Измѣнниковъ не было между ними уже потому, что большинству не чему было измѣнять; двое изъ нихъ не могли гулять внѣ присутствія 3-го шпіона. Но кто узнавалъ что-нибудь, тотъ уже участвовалъ въ чашѣ господства. Они завладѣвали всѣмъ: *проповѣдью, исповѣдью, попеченіемъ о больныхъ, смертнымъ одромъ, начальнымъ и высшимъ обученіемъ, а чрезъ это — и подроставшими поколѣніями.*

Чтобы удержать господство надъ человѣчествомъ надолго, необходимо было воспитать подроставшее поколѣніе, а чтобы воспитать изъ него раболѣпныхъ слугъ себѣ, нужно было его дрессировать. Такую-то дрессировку и выполняла прежде всего іезуитская система. Изъ школы народъ идетъ въ церковь, здѣсь и гимназія и университетъ для массы. Такую систему проводилъ въ жизнь четвертый генералъ ордена, *Аквавива.*

Іезуиты превосходно знали слабыя стороны человѣческаго существа; въ этомъ весь успѣхъ ихъ обученія. Всѣ ихъ требованія направлены были къ развитію фантазіи и отупѣнію; первой можно плѣнить большую часть людей, въ оковахъ другаго они способны дѣйствовать только по командѣ. *Краткость* и *очевидность* служили имъ руководящими основаніями; ничего о самомъ предметѣ, — только названіе, только лоскъ; особенно — полное отсутствіе наглядности, которая восходитъ до представленій и понятій. Всячески избѣгать, какъ labor improbus, *гимнастики ума, внутренняго воспитанія человѣка. Ловкость* въ обращеніи *съ грузомъ, обременяющимъ память,* составляетъ самое главное. Фантазія также должна быть приведена въ дѣйствіе, но не та, которая углубляется въ человѣческій и историческій идеалъ, «безсмертная богиня», дающая крылья характеру, а именно мелочная, самоусыпляющая, наркотическая. Вставлять факты въ самый узкій горизонтъ, возбуждать въ ограниченномъ выводы, широты которыхъ онъ не могъ бы обнять, — то увѣнчиваетъ цѣлое.

Multa, non multum — многое, но не сразу. De omnibus aliquid — обо всемъ что-нибудь, въ цѣломъ — ничего. Или, какъ Наполеонъ I любилъ говорить: un peu de latin, un peu de mathématiques — немного латыни, столько же изъ математики! Притомъ же математика безвредна, она отвлеченна, безсодержательна; можно обойтись и безъ примѣненія ея. Протестанты, отступивъ отъ живительнаго духа, относились враждебно къ наукѣ, особенно къ природовѣдѣнію. «Мы обучаемъ», говорили іезуиты, «нашу

молодежь естественнымъ наукамъ!» И они сообщали пикантныя частности, забавные курьозы, тамъ — немножко по физикѣ, здѣсь — столько же по ботаникѣ, только для тѣла никакого представленія о *постоянныхъ* законахъ, о *единствѣ всего существующаго!*

По исторіи они читали изъ того, что не касалось ихъ, представляли въ ложномъ свѣтѣ все, что сколько-нибудь имъ не нравилось. Всего лучше Chronique intéressante, да еще scandaleuse; при этомъ можно посмѣяться. Великая французская революція излагалась напр. такъ: «Послѣ смерти Людовика XVI произошли нѣкоторые безпорядки въ управленіи, вслѣдствіе которыхъ Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ своего отца».

Такая система не допускаетъ никакой философіи, самостоятельное мышленіе является сдѣсь запрещеннымъ плодомъ рая.

Іезуиты превосходно оцѣнили положеніе и потребности новаго католицизма въ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ потокъ протестантизма вышелъ изъ лона церкви, новые источники должны были прорывать для себя собственную почву. Явились различные копатели. Фельетинцы зашли ужъ слишкомъ далеко, они занимались самообузданіемъ до такой степени, что въ одну недѣлю 14 изъ нихъ осталось на мѣстѣ. Въ Португаліи день и ночь стояли на колѣняхъ передъ Евхаристіей. Бернардинцы Ла-Траппе самоумерщвленіе доводили до прекращенія жизни. Это однако-же не совсѣмъ шло къ тому времени, когда были открыты Мехика и Перу, а вся Индія и Молуккскіе острова присылали въ Европу свои пряности!

Какимъ образомъ католическій міръ нашелся, мы уже отчасти видѣли: въ 1542 г. возникли *театинцы*. Въ 1528 г., когда Лойола ѣздилъ въ Парижъ, Матѳей Басси положилъ начало *францисканцамъ*, т.-наз. *капуцинамъ*. Во Франціи изъ нихъ образовались Récollets, въ Испаніи — «Босоногіе». Въ 1540 г. Филиппо Нери основалъ свой Oratorio или молитвенный домъ. Образцомъ неокатолическаго благочестія былъ благодѣтель и чудотворецъ *Карло Борромео*, умершій въ 1587 г. и считающійся святымъ. Св. *Тереза* буквально взлетала на небо; она преобразовала кармелитокъ, заставляла ихъ работать, хотя послѣднее не должно было быть слишкомъ тяжкимъ и утонченнымъ, чтобы не слишкомъ обременять душу. «Душа должна забываться, чтобы слышать гласъ небеснаго учителя». Также Францъ Салійскій, при жизни епископъ Женевскій, былъ снисходителенъ къ тѣмъ изъ отшельниковъ, которые не могли выносить трудныхъ болѣзней.

Общей чертой, проходившей черезъ церковь 16 и 17 столѣтій, было удержать fervor, дабы не изнемогло «слабое тѣло». Наконецъ явился простолюдинъ *Викентій изъ Пауло*, миссіонеръ въ средѣ бѣдныхъ, основатель общины «милосердыхъ братій»,

за которыми послѣдовали «сестры милосердія». Эти корпораціи доставили безконечныя гражданскія услуги, онѣ выказали неизмѣримую способность самопожертвованія. Подобно ангеламъ появлялись эти «сестры» до настоящихъ дней при одрѣ больнаго, во время холеры, въ солдатскихъ лазаретахъ. Но на заднемъ планѣ постоянно выжидали худощавые отцы, съ довольствомъ смотрѣвшіе на увеличеніе матеріала для своего господства. Только лучшему, благороднѣйшему назначено было въ ихъ рукахъ обратиться въ perinde ac cadaver. Они образовали внутри христіанства, какъ выразился Мельхіоръ Инхгоффъ въ періодъ расцвѣта ихъ силы, Monarchia Solipsorum «монархію самоуединенныхъ».

Къ дѣятельности благочестивыхъ отцевъ въ Германіи, Нидерландахъ, Франціи и Англіи мы обратимся дальше. Здѣсь же мы скажемъ нѣсколько словъ о ихъ вступленіи въ Азію. Какъ только они увеличились числомъ, тотчасъ же организовали миссіи въ Индію и Японію. *Францъ Ксаверъ*, который представлялся чудотворцемъ и получилъ святое сіяніе, пробрался въ Индію при помощи португальскихъ пушекъ, гдѣ проливалъ рѣки крови за честь вѣры; въ Японіи онъ открылъ родившагося въ пурпурѣ Христа, допустилъ нѣкоторыя изъ таинствъ смотря по надобности, тѣмъ строже соблюдая мірскіе интересы. Въ Китай его не пустили. Другіе монашескіе ордена усердно доносили о всякомъ шагѣ іезуитовъ; но даже приказанія папы ни къ чему не послужили. Урбанъ VIII наконецъ запретилъ имъ всякую торговлю; они не обратили вниманія на это. Въ 1638 г. они были изгнаны изъ Японіи.

Счастливѣе Ксавера былъ патеръ Риччи, проникшій въ Китай. Въ Пекинѣ онъ представилъ императору карту, которая Китай обозначала въ срединѣ обитаемой земли, а въ пустыхъ мѣстахъ переполнена христіанскими символами и изреченіями. Его катехизисъ подходилъ къ міровоззрѣнію китайцевъ; папскія предписанія и буллы были осмѣяны. Для прозаической натуры дѣтей Срединнаго царства Риччи, начавши съ математики, окончилъ догмой. Длинные обѣды китайцевъ довели до смерти патера въ 1610 г.

Только Парагвай, между Урагваемъ и Параной, въ Южной Америкѣ, совершенно подчинялся имъ и физически и нравственно. Ввозъ чая въ Перу ежегодно приносилъ имъ 700,000 фр. Здѣсь господствовала ихъ система безпредѣльно, по ней они устроили государство, церковь, общество, трудъ, пока война, веденная всецѣло на основахъ іезуитизма, уже въ наше время не положила конецъ ихъ господству.

Какъ они умѣли подводить всему итоги и насколько они цѣнили человѣческую жизнь, это наглядно показываетъ ихъ отчетъ изъ Японіи о 1622 годѣ: «Число славныхъ героевъ вѣры, умер-

шихъ въ этомъ году, доходитъ до 121; взрослыхъ, принявшихъ святое крещеніе, благодаря трудамъ отцевъ общины, несмотря на столь ужасающія преслѣдованія, было 2,236». Слѣдовательно на одного пожертвовавшаго собой отца не приходилось и 19 крещеныхъ!

Въ наше время здравый человѣческій смыслъ возмущается при объявленіи догмата *непогрѣшимости папы*. Только въ одномъ онъ правъ, находя это безобразіе столь неслыханнымъ. Въ основѣ ордена, какъ въ орѣхѣ, заключена та же «непогрѣшимость». Заключенія Тридентскаго собора папа принималъ «подъ условіемъ». Въ концѣ столѣтія кардиналъ *Беллярминъ* обнародовалъ все, что принято послѣднимъ соборомъ 1870 г. вмѣстѣ съ энцикликой 1864 г.

Главный поборникъ іезуитскаго церковнаго права, противникъ храбраго Паоло Сарпи, говоритъ въ своемъ сочиненіи «о папской власти надъ свѣтскими предметами»: «Верховный жрецъ *безусловно выше* всей церкви и *выше* вселенскаго собора, такъ что онъ не признаетъ на землѣ никакого приговора надъ собой». То же самое и не болѣе было принято въ Ватиканѣ въ 1870 г. Чтобы предупредить тѣхъ, которые неправильно могутъ истолковать разницу между *свѣтскими и духовными* предметами и думаютъ найти помощь противъ папскаго произвола въ государственной власти, мы читаемъ далѣе у іезуитскаго кардинала:

«Папа во всякомъ случаѣ не употребляетъ никакой свѣтской силы противъ королей и князей (ср. французскую осаду); онъ вліяетъ на нихъ лишь *косвенно*, «какъ душа на тѣло». Вѣдь «духъ руководитъ и управляетъ тѣломъ, а не наоборотъ; поэтому-то и свѣтская сила не въ состояніи возвыситься надъ духовной, руководить ею, владѣть или наказывать». — «*Проповѣднику* нужно направлять *императора*, а не наоборотъ; было бы странно, еслибы *овцы* начали учить *пастыря*». Итакъ, значитъ, вмѣсто *папы пастырь*, а на мѣстѣ императора — овца!

«Впрочемъ (предосторожность!) папа не можетъ отлучать князей въ обыкновенныхъ (ordinaire) случаяхъ, не имѣя на то справедливаго основанія; но онъ въ правѣ это сдѣлать, какъ *верховный духовный князь* (ex cathedra) въ случаѣ надобности для душевнаго спасенія». Вотъ настоящій человѣкъ «хотя» и «но», который для всей своей изворотливости представляетъ основательную причину. Точь въ точь и соборъ 1870 г.

А кардиналъ Беллярминъ былъ настоящій іезуитъ, ибо онъ обладалъ разсудительностью. Однажды его спросили: почему такъ мало кардиналовъ дѣлаются святыми (santi)? Онъ отвѣчалъ на это: потому что они желаютъ быть *всесвятѣйшими* (perchè vogliono esser santissimi), т. е. папами.

Іезуитство было уже въ полномъ ходу, когда неокатолическое исповѣданіе вѣры, Confessio Tridentina, получило оконча-

тельную силу. Знаменитый соборъ, открытый въ 1545 г. Павломъ III, затѣмъ дважды отсрочиваемый, наконецъ въ третій разъ снова открытый Піемъ IV, былъ окончательно закрытъ въ концѣ 1563 года. Мы уже сказали, что вмѣстѣ съ Караффой, пока онъ былъ еще кардиналомъ и дядей Маріи Стюартъ, кардиналомъ Гизомъ, здѣсь обратилъ на себя особенное вниманіе іезуитъ *Діего Лайнецъ*. При каждомъ заключеніи этотъ будущій генералъ ордена вставлялъ формулу: «*Подъ условіемъ повиновенія папѣ*».

Пію IV досталось толковать эти заключенія. Средневѣковые догматы, особенно не евангелическіе 14-го столѣтія, въ Тридентѣ вновь были установлены, хотя и толковались съ дипломатической осторожностью; что касается нравственныхъ ученій, то старались согласоваться съ требованіями времени. Такая уступка являлась тѣмъ несомнѣннѣе, что на заднемъ планѣ уже ожидала совершенно новая мораль — іезуитская казуистика. Обязанности клира къ міру были обстоятельно изложены, тайные крючкотворы старались даже помочь и облегчить, чтобы отправленіе службы представлялось не слишкомъ обременительнымъ.

Наконецъ подписали 255 отцевъ — ни одного протестанта — изъ нихъ ²/₃ итальянцевъ! Новое исповѣданіе вѣры той церкви, которая основывалась на «религіи любви», вышло въ свѣтъ сопровождаемое 135 проклятіями. — Тщетно добивались *брака для духовенства и чаши* для мірянъ нѣмецкій король Фердинандъ, Франція и Баварія—до чего дошли времена! — Церковь, побуждаемая іезуитизмомъ, отвѣчала: *все или ничего*. Италія, Португалія и императоръ подчинились заключеніямъ собора безпрекословно. Филиппъ II (!) за Испанію, Неаполь и Италія, даже католическіе кантоны Швейцаріи присоединили ограниченіе въ силу *правъ государства*. Франція и Венгрія согласились принять только пункты, касавшіеся вѣры.

Когда еще католическая церковь не покончила со своими догматами въ Тридентѣ, одинъ изъ наиболѣе искреннихъ князей церкви, ученый и гуманный епископъ Вессенбергъ въ Констанцѣ, объявилъ, что главное зло церкви заключается въ «Tridentinum». Вначалѣ нашего столѣтія также изъ среды самой церкви сильный голосъ объявилъ господствовавшій тогда католицизмъ реакціоннымъ, совсѣмъ не ожидая двухъ новѣйшихъ догматовъ. Вотъ слова Вессенберга:

«Корни, основныя причины многихъ злоупотребленій въ римскомъ дворѣ пощажены, и вездѣ, гдѣ только сила папства должна была потерпѣть фіаско, оно съумѣло повести свою политику такъ, что реформа пришлась какъ разъ въ угоду ему. Главное стремленіе Тридентскаго собора достигло того, что установленіемъ строго соблюдаемаго единообразія, какъ въ дѣлѣ

дисциплины, такъ и въ опредѣленіяхъ вѣры во всѣхъ спорныхъ пунктахъ, силы католической церкви значительно увеличились въ ущербъ всякимъ нововведеніямъ. Рубежъ между католиками и протестантами опредѣленъ, пропасть между тѣми и другими разрослась; въ лонѣ же самой католической церкви стремленіе къ такимъ улучшеніямъ, которыя наложили бы руку на порочное дерево, надолго (навсегда, сказалъ бы теперь Вессенбергъ) ослабло и задержано».

Вѣдь еще въ Базелѣ на соборѣ хитрый Эней Сильвій воскликнулъ: «Вѣра уничтожена!» Что сталось съ тѣхъ поръ съ церковью? во что всегда обращаются всѣ устарѣвшія церкви — важный вопросъ. Это зналъ дипломатъ Пикколомини; Караффа, Павелъ III и іезуиты понимали это вполнѣ.

Германія теперь должна была показать, достаточно ли лютеранство сдѣлало для ожившихъ умовъ, довольно ли окрѣпъ народъ въ своемъ сознаніи, чтобъ противостоять свѣтски обдуманному, играющему наукой и нравственностью іезуитству.

Признаки были не особенно благопріятны. Еще въ послѣдніе годы жизни Лютера, особенно потомъ въ новооткрытой въ 1549 г. богословской школѣ въ Іенѣ, становились распространенными пустые схоластическіе споры, безотрадное буквоѣдство. Въ Виттенбергѣ заправлялъ спокойный Меланхтонъ, который былъ даже на сторонѣ императорскаго «Interim'a», а важнѣйшія вещи объявилъ «Adiaphora» т. е. безразличными, для чего онъ тѣмъ усерднѣе зачитывался Гомеромъ. Но еще противнѣе былъ іенскій схоластизмъ, постоянно клявшійся Лютеромъ, у котораго однако индивидуальность съ содержаніемъ вѣры служили исходнымъ пунктомъ. Споръ между Виттенбергомъ и Іеной велся крайне безтолково: въ первомъ придерживались Эразма (de libero arbitrio) и Контарини; по крайней мѣрѣ хорошія книги были хоть сколько-нибудь полезны; въ Іенѣ ихъ считали *вредными* для достиженія блаженства. Въ самой Іенѣ, которая принадлежала къ эрнестинской линіи Іоанна Фридриха, поднялась борьба между сторонниками и противниками главнаго ортодокса Истрія Флакція. При такихъ условіяхъ богословіе и проповѣдь обратились въ «пустынную степь». Образованіе молодаго поколѣнія вскорѣ сдѣлалось простымъ формализмомъ; вражда къ знанію здѣсь шла у лютеранъ на ряду съ пресмыкающимся раболѣпствомъ.

Такъ-называемый «гейдельбергскій катехизисъ» реформатовъ, совпавшій съ окончаніемъ собора въ 1563 г., при своемъ узкомъ доктринерствѣ также не въ состояніи былъ поддержать развитіе самосознанія въ средѣ вѣрующихъ. Взаимныя несогласія между лютеранами и кальвинистами перешли въ фанатическую ненависть. Наконецъ формула примиренія, которую велѣлъ со-

ставить тюбингенскимъ и виттенбергскимъ богословамъ въ 1574 г. курфирстъ Августъ Саксонскій, сынъ Морица, очень мало приводила къ Concordia, скорѣе она подливала масла въ огонь, а грубость, съ которой она приводилась въ исполненіе саксонскимъ правительствомъ, нагляднѣе всего доказала, какой цезаре-папизмъ успѣлъ уже привиться къ протестантской почвѣ.

Только тотъ, кто самъ былъ свидѣтелемъ этого смутнаго положенія, могъ вполнѣ понять проявленіе іезуитской реакціи въ Германіи. Ибо иначе было бы непостижимо, какъ быстро съ средины столѣтія повернули назадъ. Что должно было многимъ казаться невозможнымъ въ то время, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя являлось совершившимся фактомъ. Одно только насиліе, по скольку оно могло примѣняться и примѣнялось, не признавало поворота, совершившагося въ народномъ сознаніи. Итакъ, лучшимъ свидѣтелемъ всего этого былъ самый порядокъ вещей въ срединѣ 16 вѣка. Всѣ глумились, католики одинаково какъ и протестанты, надъ сказкой о чистилищѣ, этимъ золотымъ родникомъ церкви. Кто теперь отправлялся къ святымъ мѣстамъ? Да и вѣровалъ ли кто-нибудь въ святыню? Извѣстія венеціанскихъ пословъ, этихъ великихъ и поистинѣ принесшихъ пользу дипломатовъ, свидѣтельствовали около 1558 года, что въ Германіи католики составляли только 10-ю часть всего населенія. Даже въ средѣ духовнаго сословія не особенно церемонились. Дворяне и горожане въ Баваріи, Зальцбургѣ, на Рейнѣ, во Франціи и Вестфаліи, являлись сторонниками новаго ученія. Монахи оставляли монастыри и вступали въ бракъ; изъ 100 священниковъ едва можно было встрѣтить одного неженатаго. Въ Мюнстерѣ были «соборныя пробстихи». Въ Австріи всего *30-я* часть населенія была католической. Подобныя же извѣстія представляетъ намъ и Франція. Оказывается, что не было провинціи, которая бы свободна была отъ кальвинизма, $^3/_4$ страны переполнилось имъ, а именно: Бретань, Нормандія, Гасконія, Лангедокъ, Пуату, Турэнь, Провансъ, Дофинэ. Вездѣ богослуженіе совершалось по образцу Женевы, о королѣ никто не безпокоился.

Такъ было въ 1561 году.

Но уже подкопы открылись съ противоположной стороны. Въ 1550 появился первый іезуитъ на Аугсбургскомъ сеймѣ, его звали Ле Жай. Онъ склонилъ на свою сторону епископа Урбана Лайбахскаго. Въ 1551 году Ле Жай, Фаберъ и Бобадилла прибыли въ Вормсъ и Регенсбургъ, извѣстно зачѣмъ. Народъ въ Регенсбургѣ хотѣлъ Ле Жая бросить въ Дунай; но герцогъ Баварскій пригласилъ его профессоромъ въ Ингольштадтъ.

Въ томъ же 1551 году, въ то время какъ Морицъ Саксонскій

приводилъ въ дѣйствіе свою измѣну, 13 іезуитовъ явились въ Вѣну къ королю Фердинанду, съ которымъ Лойола вступилъ въ сношенія. Фердинандъ, отъ природы не злой, чего не слѣдуетъ забывать, воспитывался въ Испаніи и ни по-нѣмецки, ни по-латыни не говорилъ такъ бѣгло, какъ по-испански. Онъ вѣчно колебался между полумѣрами, слабыми попытками улучшеній и фактической реакціей. Іезуиты съумѣли поддѣлаться къ нему и опутать. Онъ имъ далъ помѣщеніе, пенсію, часовню и предоставилъ надзоръ. за университетомъ! Ученѣйшій между ними Петръ-де-Гондтъ, превосходно латинизированный въ Канизіуса составилъ извѣстный катехизисъ.

Въ 1556 г. отцы засѣли въ Кёльнѣ; въ томъ же году 18 изъ нихъ пріютились въ Ингольштадтѣ, который затѣмъ уже становится главнымъ городомъ іезуитизма, какъ Виттенбергъ у лютеранъ, Женева у кальвинистовъ. Въ 1566 году они прочно осѣли въ Богеміи, мѣстопребываніи гусситовъ, въ Тиролѣ, гдѣ безпрепятственно распространялся протестантизмъ, во Франціи, Швабіи, на Рейнѣ, въ нѣмецкой Австріи, Венгріи, Моравіи. Ихъ школы процвѣтали, они устроивали такіе восхитительные диспуты. Многіе протестанты отдавали своихъ дѣтей въ обученіе благочестивымъ отцамъ, какъ просвѣщенные люди въ Парижѣ отсылали своихъ дочерей въ монастыри, наконецъ какъ бельгійскіе масоны ввѣряли свое поколѣніе святому воспитанію благочестивыхъ отцевъ и участвующихъ съ ними «сестеръ». Дѣти научались тамъ послушанію и пріобрѣтали «прекрасныя манеры»: если онъ горбится, онъ слѣдуетъ и въ этомъ намъ.

Въ Кёльнѣ молодое поколѣніе посажено было на постъ; въ въ Трирѣ гнались за мощами, которые вплоть до 30 годовъ распространяли сильный страхъ. Франція въ 1568 г. была уже на обратномъ пути къ католицизму и Катерина Медичи могла смѣло объявить, что она не потерпитъ другой религіи!

Въ Италіи съ 1566 г. властвовалъ точный исполнитель Tridentinum, Пій V, позже причисленный къ святымъ. Онъ предоставилъ іезуитамъ гораздо болѣе привилегій, чѣмъ какому-либо изъ монашескихъ орденовъ, освободилъ ихъ отъ всѣхъ податей и всякаго контроля, дозволивъ въ то же время эксплоатировать въ свою пользу силу церкви. Пій V проклялъ Елисавету Англійскую, разрѣшивъ всѣхъ ея подданныхъ отъ присяги. Онъ приказывалъ истреблять трудолюбивыхъ вальденцевъ въ Калабріи, а когда вице-король Неаполитанскій не могъ найти ни одного палача, онъ заставилъ его простить всѣхъ бандитовъ, которые не отказались бы взять на себя этой, угодной Богу обязанности. Онъ раздувалъ преслѣдованія противъ гугенотовъ во Франціи и благословилъ герцога Альбу, который прославился тѣмъ, что въ пять лѣтъ успѣлъ покончить съ 18,000 ни-

дерландцами. Онъ угрожалъ императору Максимиліану II всевозможными церковными наказаніями, еслибы тотъ не согласился взять назадъ своего дозволенія австрійскимъ дворянамъ — вводить въ своихъ владѣніяхъ аугсбургское исповѣданіе.

А какими способами расправлялась инквизиція при этомъ когда-то бывшемъ великомъ инквизиторѣ! Карнесекки Пій V велѣлъ сжечь, венеціанцевъ принудилъ къ выдачѣ Гвидо Цанетти, Толедскаго архіепископа Карранца, который такъ много сдѣлалъ въ Англіи для искорененія ереси, онъ велѣлъ обезчестить приговоромъ священнаго судилища. Въ 1570 году Италія была отлично очищена. Въ буллѣ о причастіи святой Пій дошелъ до того, что даже Филиппъ II угрожалъ противодѣйствіемъ.

Вѣна и Ингольштадтъ между тѣмъ оказывали вліяніе на Германію. Герцогъ Альбертъ V Баварскій сдѣлался рѣшительнымъ оружіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Въ 1563 г. онъ не допустилъ въ сеймъ протестантскаго дворянства и изгналъ проповѣдниковъ изъ своей земли. Въ качествѣ опекуна молодаго маркграфа Базельскаго онъ очищалъ и эту страну отъ ереси. Тому же подвергались и три духовныя курфиршества, Майнцъ, Триръ, Кёльнъ, и епископства Оснабрюкъ и Вюрцбургъ. Въ 1569 г. іезуиты пришли въ Польшу, гдѣ до нихъ свободно дѣйствовали унитаристы, Социнъ и бывшій капуцинскій генералъ Оккино. Съ ихъ прибытіемъ, терпимости былъ положенъ конецъ. Спустя два столѣтія Польша была раздѣлена. Еслибы современные намъ поляки до сихъ поръ продолжали призывать Римъ противъ Москвы, то они лишились бы своего послѣдняго политическаго значенія; три части Польши безпощадно зарыты на кладбищѣ исторіи и настоящій finis Poloniae произнесенъ іезуитами и іезуитскимъ папой.

Въ Швеціи благочестивые отцы старались совратить одного только королевскаго сына, того самаго глупаго короля Польши, который такъ сильно покровительствовалъ имъ, за что и отстраненъ былъ отъ наслѣдственнаго престола въ Швеціи. Въ Англіи они господствовали при кровавой Маріи Тюдоръ; Елисавета разбила ихъ скипетръ и въ Армадѣ іезуитизмъ значительно пошатнулся.

Существенное значеніе для Австріи и для германской имперіи имѣли событія при Вѣнскомъ дворѣ. Мы уже видѣли, что въ реформаціонномъ движеніи Австрія не отступала отъ всей остальной Германіи. Заслуга этого тѣмъ скорѣе должна быть приписана населенію, что Карлъ V былъ рѣшительнымъ и непримиримымъ врагомъ всякихъ нововведеній, а Фердинандъ I въ лучшіе годы царствованія старался удержать старую церковь путемъ нѣкоторыхъ уступокъ. Когда соборъ выказалъ себя

упорствующимъ, онъ призвалъ въ свои земли іезуитовъ и такимъ образомъ личнымъ покровительствомъ очистилъ путь для контръ-реформаціи.

Нѣкоторое время казалось, что эрцгерцогъ *Максимиліанъ* оказывалъ благодѣтельное вліяніе на своего отца. Максимиліанъ былъ протестантомъ и слушалъ у своего придворнаго исповѣдника Псаузера толкованіе евангелія. Межъ тѣмъ уже въ 1552 г., когда въ Вѣнѣ появились іезуиты, его жизни угрожалъ ядъ. Послѣ аугсбургскаго перемирія протестанты добивались его присутствія на Вормскомъ сеймѣ; онъ же такъ писалъ къ своему другу дѣтства, Христофору Виртембергскому, который съ 1550 г. участвовалъ въ правленіи вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Ульрихомъ: «Еслибы я оказался настолько же папистомъ, насколько и другіе, то и тогда бы Его Величество не дозволили мнѣ отправиться». Итакъ онъ не могъ поѣхать.

Въ 1558 г. Фердинандъ принудилъ своего сына оставить придворнаго проповѣдника Псаузера. Максимиліанъ обратился къ Христофору Виртембергскому насчетъ вѣрнаго убѣжища — не могли же знать....

Въ 1560 г. кардиналъ Гозій сдѣлалъ попытку обратить Максимиліана, но ничего не достигъ; однако жъ въ слѣдующемъ году эрцгерцогъ разузнавалъ въ Пфальцѣ, Виртембергѣ и Гессенѣ о вѣрномъ слухѣ «еслибы его когда-нибудь стали преслѣдовать изъ-за религіи». Слѣдовательно онъ довѣрилъ своему отцу....

Въ 1563 г., за годъ до своей смерти, Фердинандъ высказалъ свое задушевное іезуитское мнѣніе: «только отцы общины Іисуса въ состояніи были бы немедленной помощью спасти Reliquia miserabilia католической вѣры». Во всякомъ случаѣ довольно «жалкіе» были эти «остатки»: осмотръ 122 монастырей въ Австріи, Штейермаркѣ, Каринтіи и Крайнѣ далъ слѣдующіе результаты: 436 монаховъ, 160 монахинь, 199 конкубинатствовавшихъ, 55 замужнихъ, 443 дѣтей! Такимъ образомъ оказывалось, что безбрачіе оставлено было въ сторонѣ, а введено даже отчасти мормонество.

Максимиліанъ II вступилъ на престолъ въ 1564 г. и умеръ въ 1576 г. Онъ долженъ былъ бы сдѣлаться своимъ дѣдомъ, чтобы достигнуть больше того, что онъ былъ въ силахъ сдѣлать Онъ былъ съ свѣтлой головой и образованнымъ человѣкомъ, обладалъ даже научнымъ знакомствомъ съ ботаникой и горнымъ дѣломъ. Ученыя путешествія его живо интересовали, какъ напримѣръ путешествія нидерландскаго оріенталиста Бусбека, который былъ ботаникомъ и зоологомъ и котораго онъ и его отецъ назначали посланникомъ. Въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ другимъ Максимиліанъ являлся любезнымъ, обходительнымъ и доступнымъ. Для новой музыки онъ устроилъ

въ Вѣнѣ особую капеллу. Онъ былъ искреннимъ протестантомъ, читалъ сочиненія Лютера и Меланхтона, смѣялся надъ постановленіями Тридентскаго собора и велѣлъ тщательно провѣрить славянскій переводъ Библіи. Его переписка съ Христофоромъ Виртембергскимъ представляетъ неопровержимое доказательство его евангелическаго образа мыслей; даже больше — переписка эта не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ вполнѣ понималъ политическую сторону вопроса.

Но Максимиліанъ выступилъ на сцену слишкомъ поздно, да и самыя его семейныя отношенія вездѣ мѣшали ему; чтобы пойти противъ того и другаго, нужно было обладать иниціативой героя, которой-то собственно и не было въ его крови. Его дядя Карлъ и отецъ Фердинандъ проложили путь реакціи; Филиппъ II былъ его двоюроднымъ братомъ; самъ же онъ женился на испанской принцессѣ, отъ которой имѣлъ 16 человѣкъ дѣтей. Когда онъ умеръ, супруга его возвратилась на родину, «чтобы не видѣть болѣе ни одного еретика». Одна изъ его дочерей вышла замужъ за ненасытнаго Филиппа II — то была принцесса Анна, единственная дама, къ которой донъ-Карлосъ питалъ склонность; другая же — за Карла IX французскаго. Это, конечно, не помѣшало ему въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осудить Парижскую кровавую свадьбу и написать своему полководцу Лацарусу Швенди: «Въ дѣлахъ религіи нельзя примѣнять меча, апостольскимъ мечомъ были ихъ слово, ученіе и доброе обращеніе». Онъ добивался посредничества и относительно Нидерландовъ.

Къ сожалѣнію, въ тѣ времена ни убѣжденія, ни посредничество нисколько не помогали. Порядокъ вещей былъ таковъ, что могли существовать или *Альбы*, или *Оранскіе*. Максимиліанъ старался защитить Нидерланды, возбуждалъ постоянно неудовольствіе въ папѣ, долженъ былъ слышать отъ Филиппа, что онъ служитъ виною того упорства, съ какимъ нидерландскіе бунтовщики возставали противъ алтаря и трона, и что въ результатѣ все-таки ничего не добился въ ихъ пользу.

Камнемъ преткновенія въ Германіи являлось двоякое толкованіе *религіознаго мира*: въ сеймовомъ рѣшеніи стояла оговорка о «вмѣшательствѣ духовенства», между тѣмъ какъ добавочное опредѣленіе обезпечивало дворянство, города, коммуны и подданныхъ въ примѣненіи Аугсбургскаго исповѣданія, причемъ опять-таки католики вставляли «вмѣшательство». Нерѣдко затѣмъ требовали отъ императора внести добавочное опредѣленіе въ главное; но Максимиліану приходилось заботиться о дняхъ своего правленія для дѣла.

Семейная связь съ Испаніей была причиной того, что императоръ все болѣе становился равнодушнымъ къ дѣлу реформа-

ціи; скоро онъ ограничивался лишь терпимостью, которая, однако, не безъ выгоды была и для іезуитовъ, а отъ такой терпимости было уже недалеко до недопущенія «недовольства» со стороны протестантовъ.

Порвать съ Римомъ и враждовать съ Испаніей — на это у него не хватало ни средствъ, ни мужества; братья же его Штейермаркскій и Тирольскій находились на противной сторонѣ. Въ Венгріи онъ принужденъ былъ вести войну съ Заполіемъ и турками, въ Седьмиградіи — признать Стефана Баторія. Польскую корону захватилъ у него противный Анжу и затѣмъ Стефанъ Баторій. Чеховъ, которые не довольствовались базельскими постановленіями и предоставленіемъ чаши, были частью лютеране, частью же кальвинисты, онъ угощалъ утѣшеніями. Точно также онъ былъ недоволенъ своими австрійскими сословіями, которыя послѣ его просьбы о денежной помощи противъ турокъ потребовали изгнанія іезуитовъ, но получили въ отвѣтъ, что они созваны относительно турокъ, а не іезуитовъ. Въ своей досадѣ онъ допускалъ и не дозволялъ религіозную свободу въ *княжескихъ, не сословныхъ* городахъ. Пастора при церкви Спасителя въ Вѣнѣ, Фрейунгера, онъ приказалъ лишить мѣста, такъ какъ онъ проявилъ недовольство; напрасно протестовалъ этому общинный совѣтъ столицы; благородное вино, которое депутація отъ него принесла съ собой въ Прагу, чтобы смѣлѣе развязать себѣ языкъ, выпили безъ всякаго дѣйствія придворные лизоблюды.

Что же заставляло при смерти Максимиліана писать къ Филиппу, что тотъ умеръ такимъ же, какимъ былъ при жизни, т. е. еретикомъ? Къ чему послужило, что въ 1576 г., годъ смерти императора, благородный Швенди довѣрчиво объяснялъ послѣднему, что дворянство во всей имперіи почти совершенно присоединилось къ новой религіи; даже въ средѣ духовенства замѣтны перемѣны, большая часть изъ нихъ относится равнодушно къ религіи, заботясь лишь о томъ, какъ-бы поживиться насчетъ своего прихода и получше провесть время. Обыкновенный смертный не долженъ переступать тѣхъ предѣловъ, какіе ставятся для него высшими надъ нимъ. По окончаніи проповѣди народъ долженъ уходить изъ церкви. Дома всѣ должны имѣть лютеранскія и евангелическія книги и сами учить другъ друга.

Значительная ошибка, какую сдѣлалъ Максимиліанъ, заключалась въ томъ, что онъ не издалъ ни для Богеміи, ни для Австріи *эдикта терпимости*, который оказалъ бы на страну хорошее вліяніе. Если уже было слишкомъ поздно *реформировать*, то можно было, по крайней мѣрѣ, обезпечить своихъ подданныхъ противъ *преслѣдованій*. Но онъ всегда желалъ, чтобы полагались на его «добрую волю». Послѣдняя исчезла,

похороненная вмѣстѣ съ 49 годами, а затѣмъ наступили времена *Рудольфа II и Фердинанда Штирійскаго.*

Императоръ Рудольфъ былъ воспитанъ въ Испаніи въ истинномъ духѣ іезуитизма; только его добросердечная натура, пока онъ былъ молодъ, отвращалась отъ тенденцій ихъ ученій. Однакожъ онъ не терпѣлъ даже воспоминанія о религіозномъ мирѣ, о декларацiи Фердинанда I совсѣмъ не упоминалось въ капитуляціи при избраніи. Онъ занимался астрологіей и алхиміей, устроилъ въ Прагѣ лазаретъ искусствъ (Kunstspital), гдѣ должны быть погребены остатки возрожденія, въ то время, какъ его братъ Матѳей отнималъ коронныя земли одну за другой. 36-лѣтнее правленіе этого императора (1576—1612) отняло всякую надежду на участіе Австріи въ движеніи XVI вѣка. Послѣдовавшій за нимъ Матѳей способствовалъ открытію 30-лѣтней войны.

Еще при императорѣ Рудольфѣ ясно было, куда все клонилось. Іезуиты примѣняли «реформаціонное право» въ обратномъ смыслѣ, коль скоро какой-нибудь лютеранскій князь снова обращался въ католицизмъ. Въ Богеміи, гдѣ Утраквисты, чешскіе братья и лютеране соединились въ «чешскомъ исповѣданіи», Рудольфъ сдѣлалъ обязательной процессію съ тѣломъ Христовымъ; свѣтскія наказанія преслѣдовали непослушныхъ. 4-й іезуитскій генералъ Аквавива вырабатывалъ тогда свою прославленную систему воспитанія. Недоставало пока энергическаго правителя, который бы дѣятельно взялся за реакцію. Послѣдній сказался въ личности *Фердинанда*, владѣтеля Штиріи, Каринтіи и Крайны. Что при Рудольфѣ совершалось само собой, то теперь всецѣло принадлежало иниціативѣ его двоюроднаго брата Фердинанда: онъ являлся исполнителемъ іезуитскихъ обвинительныхъ приговоровъ.

Матерью Фердинанда была сестра герцога Вильгельма Баварскаго, сынъ послѣдняго, Максиміліанъ, глава Лиги, — его двоюроднымъ братомъ. Фердинандъ былъ отосланъ въ университетъ столицы іезуитизма, Ингольштадта. Его дядя вмѣстѣ съ благочестивыми отцами подготовляли энергичнаго, религіознаго юношу къ миссіи возстановленія вѣры. Что нѣкогда высказывалъ папа Павелъ IV во время своихъ продолжительныхъ просиживаній за неаполитанскимъ виномъ, — безусловное господство старой вѣры, — то становилось теперь лозунгомъ будущаго императора Германіи. Горячая дружба связала съ тѣхъ поръ Фердинанда съ Максиміліаномъ въ преслѣдованіи одной и той же цѣли. Въ 1596 г. молодой эрцгерцогъ возвратился въ Грацъ съ твердыми намѣреніями. Положеніе протестантовъ — cujus regio, ejus religio, *религія князя опредѣляетъ религію подданныхъ* — онъ примѣнилъ въ пользу свою и новаго католицизма.

Еще въ 1571 г. въ Грацѣ только одинъ городской совѣтъ держался католицизма; въ 1596 г. Фердинандъ оказывался во всемъ городѣ однимъ, который причащался по католически. Въ 1598 г. онъ ѣздилъ въ Лоретто, гдѣ возобновилъ свои обѣты Пресвятой Дѣвѣ, затѣмъ былъ въ Римѣ, гдѣ жилъ у іезуитовъ и получалъ причастіе и благословеніе отъ папы Климента VIII. Въ сентябрѣ 1598 г. въ Грацѣ запрещено было *лютеранское богослуженіе*, проповѣдники и наставники должны были въ 14 дней удалиться изъ страны; но когда это не помогло, то послѣдовало повелѣніе «при солнечномъ блескѣ» очищать городъ въ теченіе 8 дней подъ угрозой тѣлеснаго наказанія и казни.

Вслѣдъ затѣмъ повелѣвалось всѣмъ возвратиться въ лоно католической церкви, если же не согласятся, то, продавъ свое имущество, отдать 10 % его стоимости и оставить страну. Висѣлицы и кровавая расправа угрожали упорнымъ; неповиновеніе однако ограничивалось исключительно выселеніемъ. Также великій Кеплеръ принужденъ былъ уйти оттуда. Не столь податливъ, какъ въ Штиріи, оказался народъ въ Верхней и Нижней Австріи; здѣсь взялись за оружіе; 15,000 человѣкъ заняли св. *Пёльтенъ*, на каменистомъ полѣ при Вильгельмсбургѣ они вступили въ битву. Протестанты пали, предводители ихъ были колесованы въ Вѣнѣ. Въ верхней Австріи Готтфридъ Штарембергскій стѣснилъ возставшихъ. Въ Тиролѣ, гдѣ между рудокопами — Лютеръ самъ былъ сынъ рудокопа—лютеранство сильно распространялось, «реформировали еще старательнѣе». Реформировать на тогдашнемъ языкѣ значило *уничтожать протестантскія церкви!* Въ капуцинской церкви, напротивъ, Фердинандъ представлялся Архангеломъ Михаиломъ, а Мартинъ Лютеръ ниспровергнутымъ сатаной. Фердинандъ до такой степени увѣровалъ въ свое призваніе, что называлъ себя сыномъ Маріи и іезуитовъ!

Фердинандъ деньги, собранныя для войны съ турками, обращалъ на борьбу съ еретиками; въ 1596 г. уже нигдѣ болѣе въ его земляхъ не совершалось протестантскаго богослуженія; въ 4 года іезуиты успѣли расплодить до 40,000 католиковъ. Этой политикѣ «реформаціи» подражалъ и Рудольфъ въ Верхней и Нижней Австріи, въ Венгріи и Богеміи.

Протестантскія имперскія сословія въ Германіи продолжали свою давнюю шмалькальденскую игру. Это высказалось при императорѣ Рудольфѣ во 2-мъ кельнскомъ дѣлѣ. Недолго спустя послѣ Германа Вида, курфиршество Кельнъ досталось *Гебарду Трухзецу*. Онъ былъ протестантскаго образа мыслей и думалъ вступить въ бракъ съ прекрасной Агнесой, дочерью Мансфельда. Напрасно онъ объявилъ, что не намѣренъ посредствомъ се-

куляризаціи основывать наслѣдственнаго княжества, что послѣ его смерти выборъ останется свободнымъ для думы. Императоръ, который долженъ былъ посовѣтоваться съ сословіями, нисколько не безпокоился этимъ. Папа собственной властью отставилъ кельнскаго курфирста. Тщетно Трухзецъ обращался къ коллегіи курфирстовъ, гдѣ, благодаря ему, большинство членовъ были протестанты. Въ рѣшительную минуту, когда еще можно было избѣжать одной изъ самыхъ ужаснѣйшихъ войнъ, никто кромѣ пфальцграфа Казиміра не выступалъ на сцену. Испанцы и баварцы стѣснили его. Въ 1590 г. Германія, казалось, снова пожелала сдѣлаться католической.

Жребій былъ брошенъ. Австрія и Баварія, руководимыя исключительными характерами, сдѣлались плодородной почвой для неокатолицизма. Герцогъ Максимиліанъ подъ ничтожнымъ предлогомъ конфисковалъ имперскій городъ Донаувертъ, чтобы наказать торжество силы. Протестанты твердо запомнили «страдательное послушаніе» Виттенберга, а чего не дѣлало послѣднее, къ тому привели борьба и недовѣріе въ средѣ князей. Наконецъ въ 1608 г. составилась евангелическая «Унія»; князь Христіанъ Ангальтъ воскликнулъ на рейхстагѣ, говоря объ императорѣ: «Онъ долженъ помнить о концѣ Цезаря!» Послѣдній же сидѣлъ себѣ въ Прагѣ, забавлялся съ своими живописцами и часовщиками, а тревожившимъ его бросалъ серебряные кубки въ голову. Его братъ Матѳей посредствомъ семейнаго заговора оттягалъ у него Австрію, Венгрію и Моравію. Только Чехія была спасена императорской граматой. Въ 1611 г. также и Богемія съ Силезіей и Лузитаніей попали въ руки интриговавшаго Матѳея. Въ одинъ годъ имперія Рудольфа была буквально «облуплена». Въ 1609 г. трескъ оружія служилъ отвѣтомъ католической «Лигѣ», служилъ отвѣтомъ на замыслы «Уніи». Въ 1611 г. курфиршество Саксонія отпала къ Лигѣ; съ Христіаномъ II такъ поступали, что онъ писалъ домой: «Императоръ доводитъ меня до того, что ни на одинъ часъ я не перестаю работать». Въ 1618 г. началась война; протестантскій принципъ поколебался при Бѣлой горѣ, нужно было искать помощи со стороны Христіана IV Датскаго, нужно было спасаться черезъ посредство Густава Адольфа Шведскаго и католической Франціи. Фердинандъ выставилъ всю свою силу, чтобы стѣснить свободу мысли, іезуитизмъ торжествовалъ побѣду въ половинѣ Германіи, и Австрія цѣлыхъ два столѣтія несла на себѣ ея тяжесть.

Къ концу столѣтія вспыхнуло еще разъ старое пламя гуманизма и гибеллинскій духъ. *Джіордано Бруно*, смѣлый пантеистъ, провозвѣстникъ всей новѣйшей философіи, излагавшій въ Оксфордѣ еще во время Елисаветы ученіе Коперника о движеніи земли, въ 1600 г. былъ сожженъ Климентомъ VIII. Солнце не

должно оставаться неподвижнымъ и одинъ духъ не долженъ внутренно проникать всю вселенную. По нѣсколькимъ ничтожнымъ причинамъ Павелъ V велѣлъ обезглавить бѣднаго писателя Пиччинарди; послѣдній собственно положилъ на налой «жизнь Климента VIII». Гораздо серьезнѣе противодѣйствіе Павелъ V нашелъ въ огибеллинѣвшейся Венеціи.

Паоло Сарпи, ученый знатокъ природы, хорошо знакомый съ оптикой и магнитизмомъ, а также одинъ изъ многихъ изслѣдователей кровообращенія, находившійся въ дружбѣ съ Галилеемъ, написалъ, воодушевленный духомъ критики, «Исторію Тридентскаго Собора», книгу, изъ которой противники папской непогрѣшимости почерпали для себя оружіе. Авторъ исторически разобралъ видоизмѣненіе въ устройствѣ соборовъ, которые вначалѣ собирались по инициативѣ свѣтской власти. Онъ доказывалъ, что при непогрѣшимости папы ни одно изъ государствъ не могло бы существовать. По его мнѣнію, папа можетъ вмѣшиваться въ дѣла государства настолько, насколько допускается это правительствомъ. Когда Леонардо Донато въ 1606 году сдѣлался дожемъ, Паоло Сарпи занялъ мѣсто въ государственномъ совѣтѣ, вступивъ въ борьбу противъ Рима и мѣропріятій Беллармина. Папа затѣялъ недолговременный процессъ съ республикой, требуя выдачи тѣхъ изъ среды непослушнаго духовенства, которыхъ онъ приговорилъ къ смерти. Сенатъ отвѣчалъ ему, что государственныя обязанности его не касаются и клиръ отвѣтственъ въ повиновеніи передъ свѣтской властью. Папа наложилъ проклятіе на Венецію, но ни у одного священника не хватило мужества прибить буллу; отправленіе богослуженія оставалось по прежнему неизмѣннымъ. Но республика была непреклонна, и все, чего добился папа, заключалось въ томъ, что она объявила третейскому суду Франціи и Испаніи, что «и впослѣдствіи также будетъ поступать съ обычнымъ благочестіемъ». Послѣ такой знаменитой уступчивости написты стали добиваться отмстить лично Паоло Сарпи.

Онъ видѣлъ себя окруженнымъ убійцами и 23 удара кинжаломъ должны были доказать ему «непогрѣшимость». Онъ остался въ живыхъ, но лишь крайняя осторожность и строжайшее уединеніе могли спасти его отъ повторенія такихъ же попытокъ, пока онъ не умеръ въ 1623 г.

Кто хочетъ познакомиться съ состояніемъ умовъ въ Германіи къ концу обозрѣваемаго столѣтія, тотъ пусть отправится въ верхній этажъ *Бельведера* въ Вѣнѣ. Въ самомъ началѣ движенія подвизались на поприщѣ живописи и рисованія Альбрехтъ Дюреръ и Гансъ Гольбейнъ въ качествѣ авангарда превосходнаго наступательнаго войска: въ культурно-историческомъ и эстетическомъ отношеніи они запечатлѣвали всѣ наличныя мы-

сли вѣка Renaissance, укрѣпляли убѣжденія, оживляли надежды и перемѣнили чары искусства на волны сокровенныхъ тайниковъ человѣческой души. Въ Бельведерѣ напротивъ замѣтенъ разрисованный упадокъ, раскрашенная деморализація.

Какъ въ *архитектурѣ* преобладалъ іезуитскій стиль, который, блистая массивностью и обманчиво поражая силой, въ сущности отличался красками и блескомъ, смѣсью разрисованной и пластичной всякой всячины, такъ и въ живописи выработался іезуитскій стиль, покровителемъ котораго въ Германіи былъ императоръ Рудольфъ. Произведенія такой іезуитской живописи позднѣе перешли изъ Праги въ Вѣну, они представляютъ собой печальный, но поучительный музей вырождавшагося Renaissance. Здѣсь проходятъ по лазарету искусства того коронованнаго трупа, который заражалъ имперію и подготовилъ вторичное несчастіе Чехіи. Эти призраки итальянизма, эти гальванизированные остатки будущей красоты собиралъ Іоаннъ Безземельный; тѣло безъ духа, матеріализмъ на полотнѣ.

Если хотятъ убѣдиться, что существовалъ такой періодъ, когда исчезла всякая иллюзія, линяли всѣ краски и искусство обращалось въ ханжество, то пусть только посмотрятъ на эти картины! Здѣсь блекнетъ идеалъ передъ умственнымъ глазомъ, какъ лейденская синева — передъ физическимъ. Нидерландцы и германцы раздѣлили между собою печальную честь схоронить искусство своего вѣка. Тутъ *Іодокусъ-ванъ-Винге:* идеализація красоты профанируется, это Афродита на оперномъ балу; здѣсь *Бартоломей Шпрангеръ* съ своимъ «Одиссеемъ у Цирцеи», «Марсомъ и Венерой, перегоняемыми Меркуріемъ», «Вулканомъ и Майей». Еслибы существовала техника безъ чувства, еслибы можно было *что-нибудь* сдѣлать, не дѣлая *ничего*, тогда бы только Шпрангеръ считался живописцемъ. *Гансъ-Ахенскій* вполнѣ подражалъ Шпрангеру. Его «Церера и Бахусъ», «Юпитеръ и Антіопа» доведены до бездушной наготы. *Іосифъ Гейнцъ*, въ свою очередь, ученикъ Ганса Ахенскаго, внукъ Misère. «Обнаженная Венера» считается главнымъ произведеніемъ этого блуднаго сына идеала. Какъ скромны, напротивъ, «Данаи» Корреджіо, какъ непороченъ веселый Джуліо Романо.

Тутъ же виситъ весьма кстати, впрочемъ порядочно нарисованный, самъ блѣдный Рудольфъ съ большими глазами и губами, съ страшнымъ подбородкомъ, въ черной папской одеждѣ, работы Іосифа Гейнца.

Таковъ былъ *finis*, но не *initium*. Напрасно протестовалъ Жанъ-Поль того времени, *Іоаннъ Фишартъ* Майнцскій, смѣясь, угрожая, злобно, весело, съ неисчерпаемымъ остроуміемъ, смѣсь Рабле и Филиппа Марникса, проникнутый реформаціонными идеями, истинный проповѣдникъ семейной жизни, наставникъ

въ воспитаніи дѣтей. Напрасно онъ направлялъ всѣ подкопы своего подвижнаго ума противъ «антихристовъ» (Jesuwider), учениковъ Игнатія «Лжеца» (Lügevoll), противъ всего «улья пчелиныхъ роевъ священной римской имперіи», его «шмелиныхъ ячеекъ, бременскихъ червей и жужжанія». Напрасно онъ издѣвался надъ астрологіей. Одной ногой онъ самъ былъ причастенъ наслѣдственнаго вѣковаго грѣха: онъ не былъ чуждъ ужаснѣйшаго изъ заблужденій — *вѣры въ колдовство.*

Таковъ былъ конецъ.

Kulturgeschichte des sechzehntes Jahrhunderts von Karl Grün. Leipzig, 1872, стр. 174—227, VI-ая глава.

2. ОРГАНИЗАЦІЯ ОРДЕНА.

Общая характеристика. — Принципы ордена. — Повиновеніе. — Тайныя предписанія. — Генералъ ордена. — Условія допущенія въ члены. — Неофиты (новобранцы), коадьюторы. — Дары благодати. — Четыре обѣта — Миссіонеры. — Нищенство. — Ректора. — Суперіоры и провинціалы. — Корреспонденція генерала ордена. — Конгрегаціи. — Прокураторы. — Шпіонство. — Доносъ. — Отреченіе отъ свѣта. — Одежда. — Порядокъ. — Внѣшность братія. — Инструкціи духовникамъ. — Забота о единствѣ ученія. — Искусство управленія. — Набожность и цѣломудріе.

При взглядѣ на организацію ордена іезуитовъ легко можетъ возникнуть увѣренность, что никакое внутреннее или внѣшнее вліяніе не въ силахъ подорвать учрежденія, подобнаго изъ гранита изваянному зданію. Сила этой организаціи зиждется столько же на строгой субординаціи, по которой всѣ члены общества подчиняются своему генералу, сколько и на неусыпномъ наблюденіи всего братства за дѣйствіями генерала и прочихъ высоко поставленныхъ лицъ. Здѣсь нѣтъ мѣста индивидуальной свободѣ: всякій характеръ изученъ до основанія, каждый шагъ контролируется, ничего не совершается безъ вѣдома братьевъ ордена. Только одинъ духъ «интересы общества» проникаетъ въ сердца тысячи его сообщниковъ: всякая самостоятельность сужденій, намѣреній, побужденій совѣсти — въ отдѣльности не имѣетъ смысла. Подобное единство, придавая громадную силу обществу извнѣ, тѣмъ вреднѣе дѣйствовало на внутреній духъ его: такимъ подавленіемъ индивидуальности положенъ былъ предѣлъ прирожденному человѣческой душѣ стремленію къ погрессу, и общество осталось на томъ умственномъ уровнѣ, который необходимо долженъ былъ понизиться по мѣрѣ развитія культуры. Когда-то іезуиты считались представителями всего образованнаго католическаго міра: великъ, хотя и не по заслугамъ, былъ ихъ научный авторитетъ; въ настоящее время они уже утратили это значеніе и должны искать себѣ сочувствія въ низшихъ слояхъ общества. И съ каж-

дымъ днемъ яснѣе должно становиться нравственное паденіе ордена, сообразно чему уменьшится и міровое его вліяніе. Безусловно преданные римской церкви, іезуиты съ самаго начала приносили всякое научное изслѣдованіе въ жертву интересамъ папства. Пока это дѣлалось въ силу искренняго признанія папы за непогрѣшимую главу спасительнаго христіанскаго ученія, заключающаго въ себѣ всю суть знанія, чистота намѣренія при всей несостоятельности сужденій — неоспорима; когда же обнаружилась неправильность подобныхъ воззрѣній, а по обѣтамъ ордена папскій авторитетъ требовалъ той же безусловной преданности, тогда о чести и совѣсти не могло быть и рѣчи. Та же медленная и вѣрная смерть, къ которой направляется католическая церковь, ожидаетъ и общество іезуитовъ: оба учрежденія представляются какъ-бы темницами для человѣческаго духа: они будутъ подобны гробамъ, заключающимъ въ себѣ вымершее поколѣніе и которыхъ живущіе не захотятъ признать своими. Хотя бы основы католической церкви и іезуитскаго ордена и представились намъ вѣчно неизмѣнимыми, въ концѣ концовъ онѣ все таки будутъ оставлены.

По отправленіямъ внутренней организаціи общество іезуитовъ носитъ на себѣ строго монархическій и воинственный характеръ; съ другой стороны въ немъ появляются проблески аристократизма, когда избраніе генерала и изданіе законовъ совершается общимъ собраніемъ знаменитѣйшихъ членовъ; наконецъ, оно даже и демократично въ томъ смыслѣ, что всякому изъ низшихъ открытъ путь къ достиженію высшихъ должностей. Изъ этого слѣдуетъ, что учрежденіе отличается чисто смѣшаннымъ характеромъ.

По мнѣнію Суареса [1]), оно представляетъ собою собраніе солдатъ. Во главѣ стоитъ генералъ, которому (въ силу того, что субординація является главнымъ двигателемъ военной дисциплины) принадлежитъ слѣпое и безусловное повиновеніе. «Вотъ почему, говорятъ, и придалъ Игнатій наибольшую важность повиновенію», а Орландини [2]) заключаетъ, что послушаніе, будучи существенной необходимостью для каждаго дѣйствующаго учрежденія (черезъ него мощный духъ идеи общества легко проникаетъ во всѣ члены организаціи), особенно нужно іезуитамъ, которые походятъ болѣе на войско въ полѣ сраженія, нежели на государство въ мирное время. Въ послѣднемъ каждый гражданинъ, подъ покровительствомъ закона, можетъ спокойно преслѣдовать личныя цѣли; на войнѣ все зависитъ отъ момента: солдатъ долженъ быть постоянно готовымъ къ немедленному испол-

---

[1]) Суаресъ, Францискъ, ученый испанскій іезуитъ (1548—1617. Профессоръ философіи и богословія.
[2]) Орландини 1554—1606, авторъ «Historia societatis Jesu».

ненію внезапныхъ приказаній; скорое повиновеніе почитается здѣсь главнымъ условіемъ успѣха, вслѣдствіе чего Игнатій и налегаетъ на такъ называемую слѣпую покорность: «солдатъ долженъ знать не знать и вѣдать не вѣдать». Въ знаменитомъ письмѣ Лойолы къ португальскимъ іезуитамъ въ «учрежденіяхъ» общества и въ циркулярахъ генераловъ сильнѣе всего упирается на это повиновеніе. «Пусть другія религіозныя братства, пишетъ Игнатій, превосходятъ насъ воздержаніемъ, бдѣніемъ и лишеніями въ пищѣ и одеждѣ; по безусловному повиновенію и отрѣшенію отъ собственной воли и сужденій братья нашего ордена далеко оставятъ другихъ за собою».

По собственнымъ указаніямъ Игнатія повиновеніе это вполнѣ обусловливается тремя ступенями. Первая и самая несовершенная форма та, по которой приказанія исполняются только на дѣлѣ, — такая покорность и не заслуживаетъ названія добродѣтели; далѣе, по изреченію, которое Маффей выдаетъ за мнѣніе Лойолы, члены, исполняющіе приказанія высшихъ только по формѣ и съ принужденіемъ, должны непремѣнно быть причислены къ продажнымъ рабамъ и даже животнымъ. Чтобы повиновеніе могло развиться до добродѣтели, подчиненный долженъ уподобить волю высшихъ своей собственной и не только наружно исполнить данное порученіе, но и внутренно согласиться съ его цѣлесообразностью. Кто же хочетъ совершенной жертвы Богу, тотъ обязанъ усваивать не только волю, но и идеи начальствующаго, какъ свои личныя, признавая въ то же время вѣрность и непреложность ихъ. Стѣсненіе является лишь кажущимся, когда самоотреченіе требуется при условіяхъ подчиненія разсудка волѣ, или при повиновеніи, не сопряженномъ съ тяжестью явнаго грѣха. Хотя съ прекращеніемъ свободы мысли исчезаетъ всякая возможность самоиспытанія (а отсюда-членъ ордена избавляется отъ личной отвѣтственности за проступки), Лойола все-таки сильно предостерегалъ послѣдователей своихъ отъ сомнѣнія въ цѣлесообразности и правдивости отдаваемыхъ старшими приказаній: при недовѣріи со стороны подчиненныхъ легко уничтожается и необходимая въ дѣлѣ скорость и рѣшительность, нерѣдко обнаруживается самая несостоятельность слѣпой покорности, даже исчезаетъ наконецъ увѣренность въ силу и достоинство этой добродѣтели. «Вы обязаны», говоритъ Игнатій далѣе, «слѣпо стремиться волей вашей къ цѣли, выставленной вамъ высшими, и допустить ихъ склонить васъ безъ всякаго сопротивленія, по примѣру Авраама, рѣшившагося безусловно принести сына своего въ жертву». Далѣе, въ перечнѣ всеобщихъ правилъ, которыя должны быть всегда въ памяти каждаго іезуита, говорится, что для полнѣйшаго убѣжденія себя въ правдивости приказаній высшихъ, должно подавить въ себѣ всякую

индивидуальность. Понятно, что подобныя изреченія встрѣчаются у литературныхъ представителей ордена, которые и стремятся всесторонне объяснить это отреченіе отъ разума и воли и представить его въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Вотъ что пишетъ Альфонсъ Родригэцъ: «Слѣдуетъ повиноваться слѣпо, т. е. не доискиваться, почему намъ дается извѣстное приказаніе, а исполнять его потому только, что этого требуетъ высшій и долгъ повиновенія предписываетъ подобное отношеніе къ дѣлу». Третья ступень повиновенія состоитъ въ совершенномъ уподобленіи своего разума уму лица начальствующаго и въ полномъ сліяніи съ нимъ во мнѣніяхъ и желаніяхъ, принимая за руководство лишь его сужденія и считая разумнымъ каждое изъ его приказаній. Если же ты при исполненіи обязанностей не отрекаешься отъ собственнаго разума и воли, то покорность твоя не можетъ считаться жертвой всесожженія, — она не совершенна, потому что ты не приносишь Богу важнѣйшей и благороднѣйшей части своего существа. Поэтому о тѣхъ, которые подчиняются волею, а не разсудкомъ, приказаніямъ высшихъ, Игнатій говоритъ, что они лишь одной ногой вступили въ общину іезуитовъ. «Несовершенное повиновеніе, продолжаетъ онъ, имѣетъ къ собственному несчастію два глаза, совершенное же слѣпо, но въ этой то слѣпотѣ и заключается мудрость его и достоинство.» Не слѣдуетъ повиноваться, если покорностью вызывается грѣхъ, но по необходимости должно пренебречь добрымъ дѣломъ. Алоисъ Беллецій еще строже формулируетъ обязанность повиновенія, когда объявляетъ, что истинная покорность пренебрегаетъ здоровьемъ, жизнью, честью, доброй славой, наукой, являясь въ такомъ случаѣ высшей добродѣтелью и прославленіемъ Бога: совершенный членъ общества повинуется даже и тогда, когда явная несправедливость, пристрастіе или вообще безнравственное начало управляютъ побужденіями начальника. Если присоединить къ этому вышеупомянутую привилегію орденскаго братства, по которой всякій членъ при угрызеніяхъ совѣсти можетъ и даже долженъ успокоиться рѣшеніемъ высшаго лица, то потеря чести явится ближайшимъ слѣдствіемъ такого отреченія отъ самостоятельной воли и мышленія.

Въ особѣ высшихъ, по объясненію Игнатія, слѣдуетъ видѣть самого Христа, высочайшую мудрость, неисчерпаемое добро и безконечную любовь, а не человѣка, подверженнаго слабостямъ и заблужденіямъ: его нельзя обмануть, онъ самъ не ошибается, почему и приказанія его должны приниматься какъ слова самого Спасителя. Какъ непогрѣшимый повелитель душъ, въ лицѣ котораго почитается передъ всѣми генералъ, представляющій собою волю и совѣсть цѣлаго общества, вслѣдствіе этого оно въ рукахъ его есть мертвое орудіе, немогущее противиться при-

казаніямъ и относящееся къ волѣ его, какъ къ Божіей, которой нельзя сопротивляться. Въ учрежденіяхъ около 500 разъ указывается на это значеніе генерала. «Да вѣдаетъ каждый, что желающій пребывать въ повиновеніи, долженъ уподобиться посоху въ рукахъ высшихъ, управляющихъ имъ подъ руководствомъ Божественнаго провидѣнія; или явиться трупомъ, которому произвольно можно придать любое направленіе». Еще Василій Великій и Бенедиктъ Нурція считали повиновеніе важнѣйшей обязанностью каждаго члена ордена. Первый уподоблялъ монаховъ топору въ рукахъ дровосѣка, а второй требовалъ немедленнаго повиновенія даже въ невозможныхъ случаяхъ. Картезіанцамъ предписано жертвовать волей подобно агнцу закланія, а у кармелитовъ сопротивленіе приказанію считается смертельнымъ грѣхомъ. Францискъ Ассизскій настоятельно напираетъ на то, чтобы духовные считали себя трупомъ, который принимаетъ жизнь отъ духа Божія, подчиняясь божественной волѣ. Въ томъ же духѣ выражается и Бонавентюра. Вѣроятно отъ Франциска Ассизскаго заимствовалъ Лойола многіе образы, наглядно выражающіе полную пассивность человѣка относительно Божественнаго провидѣнія. Равиньянъ старается объяснить повиновеніе іезуитовъ сравненіемъ съ военной дисциплиной, и съ трагичностью, свойственной французу, восклицаетъ: «Солдатъ, ты станешь на этотъ тетъ-де-понъ и останешься на немъ; ты умрешь, а мы будемъ переходить!» «Слушаю, генералъ». Это воинское повиновеніе — perinde ac cadaver. Солдатъ покоренъ даже до смерти, а потому и отечество не знаетъ ему цѣны и не находитъ достаточныхъ средствъ, чтобы достойно прославить его геройство. «Завтра ты отправишься въ Китай, тебя тамъ ожидаетъ преслѣдованіе, а можетъ быть и мученическая смерть». «Хорошо, отецъ мой». «Perinde ac cadaver» — тотъ же девизъ религіознаго повиновенія. Іезуитъ является апостоломъ, мученикомъ, благородной жертвой ради спасенія неизвѣстныхъ ему братьевъ. И церковь возжигаетъ ему алтари, устраиваетъ культы и празднества и слагаетъ въ честь его пѣснопѣнія.

Если мы признаемъ все мужество такой добровольной жертвы и справедливо отнесемся къ великимъ дѣяніямъ іезуитовъ на поприщѣ миссіонерства, то не предусмотримъ сразу тѣхъ роковыхъ послѣдствій, которыя сопряжены съ духовной смертью человѣка, необходимо вытекающей изъ того обстоятельства, по которому высшіе отцы іезуиты злоупотребляютъ слѣпой покорностью своей меньшей братіи, не желающей отступить отъ данныхъ обѣтовъ. Между Богомъ и совѣстью становится человѣкъ, способный заблуждаться и совершенно исказить внутреннюю жизнь низшихъ, вслѣдствіе того только, что подчиняетъ произволу и случайности религіозное обращеніе, которое отнюдь не

порабощаетъ людей, но даетъ имъ свободу. Духовный идивидуалитетъ обусловливается самостоятельностью воли и разума: все, что отрицаетъ её, считается непригоднымъ. Но воинская дисциплина существенно разнится отъ іезуитскаго требованія повиновенія: послѣднее дѣйствуетъ въ болѣе обширномъ смыслѣ, потому что завладѣваетъ всѣмъ человѣческимъ существомъ нераздѣльно и требуетъ не только внѣшняго исполненія, но еще жертвы и самой личности. Только по зрѣломъ размышленіи внесли въ статутъ Лойола и друзья его это правило о безусловномъ повиновеніи высшимъ властямъ.

Устройство іез. ордена изложено въ «учрежденіяхъ», цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы заставить, какъ общество въ совокупности, такъ и каждаго члена порознь, взаимно помогать другъ другу ради собственнаго благоустройства, ради славы Божіей и блага церкви.

Начертаніе статута принадлежитъ Лойолѣ, который могъ впрочемъ пользоваться совѣтами Лайнеца. Въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ, а именно въ добавочныхъ декларацiяхъ, статутъ является по преимуществу произведеніемъ Лайнеца и Сальмерона, — двухъ мужей, знаменитыхъ по своимъ политическимъ способностямъ. Далѣе произошли измѣненія и касательно собраній генераловъ. Особенную важность при устройствѣ ордена имѣло рѣшеніе генеральной конгрегаціи 1558 г., по которому за декларацiями было признано значеніе грамотъ, объясняющихъ «учрежденія». Такъ какъ Лайнецъ получилъ при-этомъ званіе генерала, то и дождался двойнаго тріумфа: идеи его предпочтительно всѣмъ прочимъ проникли въ самое устройство ордена.

Декларацiи обладаютъ по настоящему еще большимъ значеніемъ, нежели самыя учрежденія, потому что точно опредѣляютъ духъ послѣднихъ и обусловливаютъ практику. Замѣчено, что онѣ въ важныхъ пунктахъ ослабляютъ первоначальный смыслъ многихъ законовъ рядомъ новоизобрѣтенныхъ исключеній, напримѣръ, умышленно даютъ обѣту нищенства ложное толкованіе и настоятельно оправдываютъ деспотизмъ генерала. На томъ же собраніи провелъ Лойола важное постановленіе, по которому генералу исключительно принадлежитъ право предписывать правила.

При исполненіи обязанностей своихъ генералъ руководствуется закономъ, который даетъ ему право пожизненной и могущественной власти, пока онъ самъ ни помрачитъ своего достоинства. Генералъ указываетъ на существеннѣйшія изъ учрежденій, издаетъ общеобязательные ордонансы, предписываетъ примѣненіе правилъ ордена; опираясь на собственный авторитетъ, объясняетъ онъ двусмысленность нѣкоторыхъ учрежденій и объясненія его должны строго выполняться на практикѣ; генералъ опредѣляетъ льготы и ихъ употребленіе, позво-

ляя всякому изъ низшихъ примѣнять ихъ по усмотрѣнію. Онъ располагаетъ вступленіемъ въ орденъ и выходомъ изъ него: только для перехода въ Картезіанскую общину не требуется соглашенія генерала, да и то на первый разъ—вторичный выходъ не совершается безъ его вѣдома. Генералъ распоряжается всѣми должностями: назначаетъ служащихъ и удаляетъ ихъ по безусловно личному усмотрѣнію, расширяетъ или сокращаетъ функціи и власть подчиненныхъ своихъ, возвращаетъ исключенныхъ за проступки, самъ налагаетъ на нихъ испытанія, учреждаетъ новые университеты, коллегіи, дома, не имѣя однако права возстановить прежніе. Подъ его вѣдомомъ находится и имущество ордена; онъ ничего не можетъ продать или раздать изъ него (за исключеніемъ извѣстной части для пособія своимъ родственникамъ), иначе могли бы пострадать важнѣйшіе интересы ордена. Генералъ пользуется судебной властью, созываетъ по опредѣленнымъ постановленіямъ генеральную конгрегацію, предсѣдательствуетъ ею съ правомъ двойнаго голоса. На одрѣ смерти избираетъ онъ своего викарія, который долженъ исправлять обязанности умершаго до назначенія преемника. Рядъ другихъ постановленій требуетъ, чтобы общество наблюдало за дѣйствіями генерала въ виду собственныхъ интересовъ. При помощи провинціаловъ приставляетъ оно къ нему адмонитора и ассистентовъ, причемъ первый, соблюдая клятву, контролируетъ генерала, совѣтуетъ и напоминаетъ ему и предостерегаетъ его; другіе же (количествомъ 4) являются ходатаями націй и составляютъ его тайныхъ совѣтниковъ. На нихъ-то лежитъ обязанность по смерти или удаленіи генерала созвать конгрегацію. Въ слѣдующихъ случаяхъ лишается генералъ власти своей и достоинства: 1) смертный грѣхъ (нецѣломудріе въ особенности); 2) нанесеніе кому либо раны; 3) употребленіе коллегіальныхъ доходовъ на личные интересы, помимо цѣлей ордена; 4) продажа недвижимаго имущества—іезуитскихъ домовъ; наконецъ 5) приверженность генерала ложному ученію. Генералъ имѣетъ право распустить, но не смѣнить ассистентовъ. Далѣе, само общество назначаетъ ему духовника, которымъ бываетъ обыкновенно адмониторъ, предписываетъ генералу столъ, одежду, образъ жизни, издержки, даже мѣрило дѣятельности и количество благочестивыхъ упражненій, наконецъ приставляетъ къ нему адъюнкта или коадъютора. Римъ долженъ быть постояннымъ мѣстопребываніемъ генерала: даже на одну ночь не можетъ онъ удалится изъ него безъ ассистентовъ. Ему не дозволено произвольно слагать съ себя обязанности; безъ согласія общества не можетъ онъ принять на себя никакой свѣтской или духовной должности. Нѣкоторыя распоряженія его обусловливаются мнѣніемъ ассистентовъ, провинціаловъ и другихъ членовъ (напр. при

отрѣшеніи отъ 4 обѣтовъ). Въ крайнихъ случаяхъ генеральная конгрегація или провинціалы назначаютъ викарія, который, пользуясь своими правами, подлежитъ, однако, вышеупомянутымъ ограниченіямъ, а генералъ все-таки пожизненно сохраняетъ достоинство свое во всей силѣ.

Несмотря на ограниченія, при Аквавивѣ власть генерала достигла деспотическихъ размѣровъ. Въ письменныхъ донесеніяхъ іезуитовъ Клименту VIII слышится ропотъ, что генералъ дѣйствуетъ, какъ Господь господствующихъ; не сообразуясь съ законами умерщвляетъ, оживляетъ, унижаетъ и возвышаетъ по собственному благоусмотрѣнію, какъ еслибы онъ былъ Богомъ, свободнымъ отъ сомнѣній и заблужденій. Маріана особенно порицаетъ эти злоупотребленія. «По моему воззрѣнію, говоритъ онъ, монархія эта повергаетъ насъ въ прахъ, потому что она безгранична. Если монархическій принципъ не долженъ выродиться, она все же требуетъ контроля и не можетъ дѣлать отступленій подобно нашей, гдѣ насиліе и приказаніе теперь безусловны. И какъ относится генералъ къ учрежденіямъ, такъ дѣйствуютъ провинціалы и высшіе относительно низшихъ. Генералъ только и заботится о сохраненіи своего могущества, онъ хочетъ лучше подражать тиранамъ и избѣгаетъ тѣхъ учрежденій, по которымъ отъ него требуютъ отчета. Если бы онъ даже былъ безумнымъ или впалъ въ заблужденіе, то и тогда имѣлъ бы на сторонѣ своей большинство общества». Съ той же горечью выражается Маріана и о произволѣ при наказаніяхъ: «чтобы не распустить слуха о преступленіи и не поднимать о немъ толковъ, все полчище іезуитовъ всѣми силами старается скрыть его. Строгость сказывается надъ тѣми несчастными, которые неспособны къ противодѣйствію. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что добродѣтельные наказываются смертью за легкое преступленіе или часто безъ причины, — порокъ же торжествуетъ потому, что наводитъ ужасъ». Таковы жалобы и упреки одного изъ замѣчательныхъ членовъ общества.

Отъ генерала ордена требуются замѣчательныя, рѣдко въ одномъ лицѣ соединимыя, качества: онъ долженъ быть набоженъ, богобоязненъ, отличаться человѣколюбіемъ, смиреніемъ, всевозможными достоинствами и совершенно отказаться отъ порочныхъ наклонностей; въ рѣчь его не можетъ войти ни одного слова, неслужащаго для назиданія. Кротостью обязанъ онъ смягчать строгость и необходимыя требованія при правосудіи. Сколько мужества и великодушія нужно ему, чтобы переносить людскія слабости, непоколебимо пребывать въ служеніи Богу, твердо стремиться къ цѣли и не робѣть при сопротивленіи великихъ и сильныхъ міра сего. Ни просьбы, ни угрозы не могутъ заставить его отрѣшиться отъ требованій разума и слу-

женія Богу. Наконецъ всегда и во всемъ обязанъ онъ сохранять присутствіе духа: въ счастіи не превозноситься, въ несчастіи не унывать, но быть готовымъ даже на смерть ради Христа и блага общества. Если въ генералѣ желательно найти человѣка свѣдущаго, то для полнаго успѣха — врожденный умъ и вѣрный взглядъ на вещи еще необходимѣе научныхъ свѣдѣній. Далѣе — бдительность, неусыпное рвеніе, здоровье, сила, приличная наружность, уваженіе и добрая слава — вотъ нравственныя и физическія качества, которыя должны возвышать его надъ всѣми прочими членами. За недостаткомъ какого-либо изъ этихъ качествъ, онъ во всякомъ случаѣ долженъ отличаться честностью, любовью къ обществу и справедливостью.

Вступленію въ орденъ, хотя бы и въ первый внѣшній кругъ его, предшествуетъ двухлѣтній новиціатъ. По вышеупомянутымъ правиламъ, — характеръ, душевныя и тѣлесныя свойства, постороннія отношенія, даже вся прошлая жизнь домогающагося вступить въ общество, подвергаются строгой провѣркѣ. Еще Лойола искалъ включить въ число членовъ его людей даровитыхъ и высокопоставленныхъ; только способные принимались, прочихъ удаляли изъ общества. Внѣшность тоже пользовалась большимъ значеніемъ: іезуиты любили представительную наружность, здоровье, силу и даръ слова. Ересь или расколъ, убійство или безчестіе (какъ слѣдствіе преступленія), ношеніе одежды, неподходящей подъ правила ордена, хотя бы въ теченіе одного дня, брачное состояніе и рабство, наконецъ разстройство ума и тѣлесныя немощи были абсолютно нетерпимы въ обществѣ. По положеніямъ декларацій, непригодный членъ однако не тотчасъ удалялся изъ него, но подвергался испытанію высшаго начальника, который при этомъ старался открыть въ немъ малѣйшій проблескъ дарованія свыше. Что же касается 2-го пункта, то препятствіе представляетъ тутъ лишь явное безчестіе. Особенно на генералѣ лежитъ обязанность опредѣлить степень важности преступленія; такъ напр. при случаѣ убійства онъ ищетъ причинъ извиняющихъ или прикрывающихъ таковое. Папа имѣетъ власть уничтожить препятствіе къ вступленію въ орденъ; генералъ ходатайствуетъ за претендента, если замѣчаетъ въ немъ выдающійся талантъ. Наконецъ всегда можно найти средства для уничтоженія какого бы то ни было препятствія; при бракѣ, напр., если жена даетъ согласіе на разводъ. Потомки іудеевъ и магометанъ не принимались въ орденъ; но предписаніе это не строго соблюдалось, даже теперь встрѣчаются евреи, крещенные въ обществѣ.

Къ второстепеннымъ препятствіямъ относятся еще легче: на сопротивленія родственниковъ не обращалось вниманія еще въ

первыя времена, больше заботились о томъ, чтобы не принимать членовъ, состоящихъ должниками.

Законнымъ срокомъ для вступленія въ неофиты является возрастъ отъ 14 лѣтъ; впрочемъ, генералъ можетъ принимать ихъ и ранѣе, чтобы не дать юношамъ возможности поколебаться въ своемъ намѣреніи.

Неофиты готовятся въ свѣтскіе или духовные члены, или составляютъ такъ-называемое общество индиферентовъ, которые ищутъ чьего-либо ходатайства. Вслѣдствіе этого и тѣхъ и другихъ подвергаютъ испытанію: въ особенности же первыхъ, пригодныхъ для веденія дѣлъ частныхъ. Все въ новиціатѣ, даже до мелочей, подведено подъ извѣстныя правила. Испытаніе начинается съ упражненій и съ разбора прошлой жизни вступающаго; затѣмъ слѣдуютъ назначенія на срочныя службы въ госпитали, путешествія пѣшкомъ къ святымъ мѣстамъ и, въ качествѣ нищаго, подвиги трудные и унизительные, тяжелое подслуживанье подъ строгимъ надзоромъ; кромѣ того слѣдуетъ упомянуть объ аскетическомъ образѣ жизни, умерщвленіи плоти, соблюденіи обѣта молчанія во время отдыха, по средамъ и пятницамъ, передъ отходомъ ко сну, Ave Maria, долгія бичеванія и т. д.; рядомъ съ этимъ же идутъ и другія религіозныя упражненія, все это для утвержденія въ добродѣтели, покорности и достиженія духовнаго совершенства. Какъ Господь испытывалъ послушаніе Авраама, такъ и начальникъ неофитовъ долженъ испытывать силы каждаго питомца, чтобы тотъ могъ дать вѣрныя доказательства въ своей добродѣтели.

Тѣ неофиты, которые желаютъ сдѣлаться духовными членами, должны изучить начатки христіанскаго ученія и быть катехизированными; по вступленіи же въ духовный санъ, они проповѣдуютъ и священнодѣйствуютъ. Какъ уже сказано — новиціатъ долженъ продолжаться 2 года, но прежде истеченія срока неофиты положительно могутъ вступить въ общество, потому что тѣмъ удобнѣе произнесутъ тайный обѣтъ и другіе три.

Неофитамъ запрещено возвращеніе въ свѣтъ; письма, которыя они получаютъ или отсылаютъ, перехватываются; они могутъ говорить о родственникахъ своихъ, находящихся въ живыхъ, какъ о когда-то близкихъ имъ. Если неофитъ не обнаружитъ вскорѣ какого-либо прямаго призванія, но одаренъ приэтомъ большими талантами, то его не исключаютъ, а подвергаютъ иному испытанію.

Боде даетъ намъ полное изображеніе какъ внѣшняго устройства новиціата, такъ и того мрачнаго духа, того строго требуемаго самоотверженія, которыми проникнута вся точно распредѣленная дѣятельность іезуитовъ; день въ ихъ коллегіи начи-

наетъ съ 4-хъ ч. утра, продолжается 17 и отличается убійственнымъ однообразіемъ. На бичеванія ихъ смотритъ онъ какъ на забаву; бичъ ихъ неточно уподобляется орудію пытки древнихъ флагелантовъ. Онъ состоитъ изъ окрученыхъ нитокъ съ расщепленнымъ концомъ и не способенъ причинить боли, а только можетъ издавать звукъ при прикосновеніи имъ. Кёлеръ, въ своихъ донесеніяхъ въ Римъ, указываетъ на разнаго рода орудія для бичеванія: шнурки съ узелками на концахъ, съ свинцовыми шариками, острыми зубьями, колесиками, и т. п. По одному изъ исповѣдательныхъ псалмовъ видно, что бичующійся имѣлъ обыкновеніе становиться въ своей кельѣ на колѣни и наносить себѣ удары по обнаженной спинѣ; многіе отличались при - этомъ такимъ рвеніемъ, что оставляли на тѣлѣ красные, нерѣдко кровяные рубцы. Между прочими орудіями указываетъ Кёлеръ и на цѣпь изъ небольшихъ проволочныхъ дугъ съ закругленіемъ, обращеннымъ внутрь. Этой цѣпью опоясывались по обнаженному тѣлу и она оставляла на немъ кровавые слѣды, даже если висѣла слабо. Многіе, которые видѣли въ этомъ средство противъ дурныхъ вожделѣній, оставляли цѣпь на ночь, терзали себя и спали тревожно; противъ подобныхъ мнѣній возсталъ патеръ и запретилъ истязанія.

Чтеніе фантастическихъ разсказовъ съ ихъ необходимыми принадлежностями чудеснаго, сверхъестественными явленіями и діавольскими навожденіями сильно способствуютъ увеличенію умственнаго юродства молодаго новопосвящаемаго. Образцомъ механическаго произношенія молитвъ (такъ какъ уже одной устной молитвѣ придается большое значеніе) служитъ громогласная молитва объ отпущеніи грѣховъ. Кромѣ нѣкоторыхъ, прямо примѣненныхъ къ извѣстнымъ случаямъ (напр. посѣщенію провинціаловъ, дню вступленія въ новиціатъ, сложенія перваго обѣта, минуты смерти, отъѣзда въ миссію), получаетъ членъ ордена помощью предписанныхъ созерцаній и молитвъ 7 полныхъ отпущеній и ежедневно по отпущенію впродолженіе 16 лѣтъ и 40 дн. и еще отдѣльно въ теченіе 100 дней. Далѣе, ему частью по благоусмотрѣнію, частью по предписанію, необходимо добыть въ годъ до 20 полныхъ отпущеній, не принимая въ разсчетъ случая особыхъ соизволеній.

Сюда не причисляютъ молитвы по четкамъ, на которую должно употреблять около 1/4 часа; тутъ на каждую бусинку приходится по 100 дней отпущеній, слѣдовательно круглымъ числомъ ежедневно выигрывается 6,000 дней. Тотъ же писатель представляетъ намъ занятія новопосвящаемыхъ въ свободное время, причемъ упоминается объ игрѣ на билліардѣ и въ домино передъ произнесеніемъ Ave Maria. Тотъ, кто проигрываетъ, обязуется послѣ сыгранной партіи на колѣнахъ произнести Ave Maria за

выигравшаго. Деимъ чрезвычайно вѣрно замѣчаетъ, что дрессировка въ іезуитскихъ коллегіяхъ убиваетъ въ новопосвящаемомъ всякое стремленіе къ духовному развитію, укореняетъ въ немъ лѣнь и неспособность къ мышленію, надламываетъ необходимую для дѣятельности силу воли.

«Нравственная сила и вдохновеніе юноши, говоритъ онъ, у истаго іезуита замѣняются безразсуднымъ рабствомъ духа».

Что касается путешествій, предпринимаемыхъ для цѣлей нищенства, то они потеряли теперь прежнюю жестокость: новопосвящаемые, братья и отцы іезуиты могутъ останавливаться въ знакомыхъ домахъ и разговаривать съ друзьями.

Письмо одного изъ позднѣйшихъ философовъ, Карла Леонарда Рейнгольда, который хотѣлъ вступить въ орденъ іезуитовъ, но за уничтоженіемъ долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія, представляетъ собою образецъ душевнаго состоянія новопосвящаемаго по отношенію его ближайшихъ родственниковъ. Вотъ что писалъ онъ отцу своему (13 сент. 1773 г.) изъ новиціата св. Анны въ Вѣнѣ, когда дошла до него вѣсть объ уничтоженіи ордена: «Я доволенъ, что возвращаюсь къ любезнымъ родителямъ моимъ. Но какъ законъ любви, о которомъ непрестанно говорилъ намъ руководитель, еще напоминалъ мнѣ о святыхъ моихъ правилахъ, то я и не дерзалъ добровольно думать о васъ и о родительскомъ домѣ: подобная мысль дозволяется лишь въ молитвѣ за родителей и близкихъ. Будучи ревностнымъ христіаниномъ, вы, любезный отецъ мой, знаете такъ же хорошо, какъ и всякое духовное лицо, что существуютъ связи святѣе тѣхъ, которыя предписываются намъ грѣховной природой: человѣкъ, отрѣшившійся отъ плоти и живущій духомъ, не можетъ имѣть иного отца кромѣ Небеснаго, другой матери кромѣ святаго ордена; единственные родственники его — братья во Христѣ; одно у него отечество — отечество небесное. Привязанности плотскія, по единственному увѣренію духовныхъ учителей, уподобляются цѣпямъ, которыми на землѣ заковываетъ насъ сатана. Я выдержалъ, дѣйствительно, вчера вечеромъ, ночью и утромъ сегодня такую же почти борьбу съ этимъ врагомъ нашего совершенствованія, какъ и передъ вступленіемъ въ духовный санъ. Ежеминутно передъ духовными глазами моими рисовалъ онъ мнѣ отца, мать, братьевъ, сестеръ, дядей, тетокъ и даже прислужницу. Чтобы еще болѣе помучить нестерпимаго искусителя и заслужить себѣ похвалу повиновеніемъ, я отправился къ ректору въ комнату и просилъ его приказать мнѣ именемъ покорности послать домой письмо». Далѣе Рейнгольдъ проситъ отвести ему въ отцовскомъ домѣ комнату съ особымъ выходомъ въ переднюю, именно ту, гдѣ стояла когда-то старая домашняя утварь, и заявляетъ, чтобы она убиралась слугой;

ни сестры, ни горничная не должны входить въ нее. Любезной матери напоминаетъ онъ, что св. Алоисъ никогда не видался съ своею.

Всякій новопосвящаемый обязанъ тратить деньги свои на добрыя дѣла или отдавать ихъ на храненіе смотрителю дома. До того момента, когда сложеніемъ обѣта онъ возводится въ санъ коадъютора, форматуса или професса, удерживаетъ каждый право владѣнія собственностью, хотя бы она и находилась въ зависимости отъ провинціала. Учрежденія считаютъ подвигомъ совершенства и отрѣшеніемъ отъ себялюбія, если при вступленіи въ орденъ кто-либо отказываетъ въ пользу его часть или все имущество, а Суарэцъ не только одобряетъ это намѣреніе, но даже совѣтуетъ или при началѣ новиціата отказаться отъ имущества, или же послѣ перваго года испытанія обѣщаться отдать его въ распоряженіе генерала. Удерживая за собой имущество, можно было бы по сложеніи перваго обѣта добровольно нарушить обѣтъ нищенства, а потому высшіе и должны склонять новопосвящаемаго къ отрѣшенію отъ собственности. Въ Examen generale говорится, что оставляющій наслѣдство свое роднымъ внимаетъ голосу плоти, а не Христу, который говоритъ за бѣдныхъ. Если орденъ бѣдствуетъ, то уже по самому требованію любви необходимо предпочитать чужимъ тѣхъ, которые связаны съ нами узами нравственными; въ случаѣ сложенія кѣмъ либо обѣта нищенства, высшій все-таки удерживаетъ право давать инструкціи касательно употребленія его имущества. Общество никогда не возвращаетъ подареннаго, даже если само отвергаетъ даятеля. Новопосвящаемый, сдѣлавшій при вступленіи въ орденъ завѣщаніе въ пользу родственниковъ, по истеченіи перваго года испытанія (что и совѣтуетъ Молина) долженъ нарушить его и пожертвовать имуществомъ въ пользу добраго дѣла. Даренное не возвращается даже и въ такомъ случаѣ, когда кто-либо изъ имѣвшихъ въ виду интересы ордена при вступленіи отказывается отъ намѣренія вступить въ число членовъ его. Если годы испытанія выдержаны, и генералъ не высказываетъ болѣе никакихъ требованій, новопосвящаемый остается при простыхъ обѣтахъ, которые все же связываютъ его почти на всю жизнь. Онъ долженъ изучить статуты ордена; однако часто случалось, что полагали достаточнымъ дать такому члену коммендіумъ всего того, о чемъ онъ долженъ заботиться. Такимъ образомъ случалось, что многіе вступали въ орденъ, мало понимая духъ его и законы; другіе отказывали ему имущество, не подозрѣвая, что при выходѣ ничего не получатъ обратно.

Новопосвященные, выдержавшіе испытаніе на свѣтское служеніе, становятся свѣтскими коадъюторами, которые заботятся о физическихъ потребностяхъ общества въ качествѣ слугъ, пова-

ровъ, поденщиковъ или попечителей и смотрителей домовъ. Они не слагаютъ однако торжественно 3-хъ обѣтовъ (покорности, нищенства и цѣломудрія), не могутъ имѣть собственности, и до назначенія въ coadjutores formati, должны впродолженіе 3-хъ дней ходить сбирать милостыню.

Новопосвящаемые, предназначаемые для духовнаго служенія, приступаютъ къ испытанію уже со втораго года учебн. занятій, и въ противоположность внѣшнимъ ученикамъ коллегіи называются scholastici nostri.

По истеченіи годовъ испытанія они тоже допускаются до 3-хъ обѣтовъ, къ которымъ присоединяется еще спеціальное правило: по уставу его они обязуются остаться въ орденѣ и получаютъ названіе scholastici approbati. Хотя эти обѣты произносятся открыто, но ихъ не считаютъ торжественными, а видятъ въ нихъ обѣщанія Богу. Черезъ нихъ однако орденъ пользуется правомъ суда надъ членомъ; только по разрѣшенію генерала можетъ онъ возвратиться въ свѣтъ. Большою хитростью и сильнымъ стремленіемъ въ пользу интересовъ общества отличается то положеніе, по которому конгрегація генерала ограничиваетъ члену обѣтъ нищенства такими условіями, что онъ, въ виду полученія наслѣдства, удерживаетъ право сдѣлаться собственникомъ.

Scholastici approbati приготовляются къ обязанностямъ священника или наставника въ коллегіи подъ вѣдѣніемъ ректора, который направляетъ весь ходъ обученія, связывая его съ духовными упражненіями и обязуясь внушить питомцамъ страхъ Божій, знаніе и правила нравственности. Ректоръ назначаетъ надзирателей, наблюдающихъ за поведеніемъ учениковъ. По свидѣтельству Равиньяна 2 года, слѣдуемые послѣ новиціата, посвящены риторикѣ и литературѣ, затѣмъ идетъ изученіе философіи, физики и математики. Послѣ этого молодые люди проводятъ обыкновенно нѣсколько лѣтъ въ воспитательномъ домѣ или гимназіи и лѣтъ 28-ми приступаютъ къ изученію теологіи, впродолженіе 6 лѣтъ. Въ концѣ этого курса около 33 лѣтняго возраста они принимаютъ священническій санъ. Всякая высшая ступень получается посредствомъ экзамена. Схоластикъ, почти кончившій курсъ философіи и исполняющій извѣстныя обязанности, дѣлается духовнымъ коадьюторомъ (отъ 20 до 25 лѣтн. возр.) съ названіемъ scholasticus formatus; однако и это повышеніе зависитъ отъ расположенія генерала, которой можетъ задержать каждаго подчиненнаго въ scholastici approbati или даже низвести на степень слуги, какъ свѣтскаго коадьютора. До степени коадьютора получаютъ они еще названіе сочлена ордена. По окончаніи курса складываются въ присутствіи высшаго открытые, но все же не торжественные обѣты: прежде этого надо

нищенствовать впродолженіе 3 дней и отказаться отъ всѣхъ доходовъ. Къ тремъ обыкновеннымъ обѣтамъ члены эти въ силу покорности присоединяютъ еще и четвертый — посвященіе себя на обученіе юношества.

Духовные коадъюторы могутъ быть ректорами и прокураторами: они посвящаютъ себя нуждамъ церкви и всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ ордена въ качествѣ профессовъ (напр. на научно-литературныя занятія). За исключеніемъ случая выбора генераловъ, они являются депутатами съ правомъ голосованія на конгрегаціяхъ генераловъ. Высокія степени профессовъ 3 и 4 обѣтовъ становятся доступными имъ въ случаѣ принятія испытанія.

Выдержавши три искуса, съ которымъ все-таки соединяется обученіе юношества, дѣлаются они профессами 3 обѣтовъ: имъ выпадаютъ на долю тѣ же задачи, какъ и духовнымъ коадъюторамъ. Всѣ сочлены этого класса должны находиться въ орденѣ по крайней мѣрѣ 7 лѣтъ, знать дисциплину гуманистовъ и теологію; священническій санъ не всегда обязателенъ для нихъ. Ихъ отпускъ не зависитъ отъ генерала, который долженъ въ этомъ случаѣ согласоваться съ мнѣніемъ ассистентовъ и провинціаловъ.

Такъ какъ характеръ и задача профессовъ 3-хъ обѣтовъ кажется неопредѣленной, то возникаетъ мнѣніе, что въ этомъ классѣ «Affiliirte», которыхъ долженъ имѣть орденъ извнѣ, какъ мірянъ между лицами духовными. Іезуиты были вообще противъ ихъ существованія. Этотъ вопросъ былъ значительно разработанъ Монкларомъ и мы приводимъ теперь факты, имъ изслѣдованные. Что орденъ имѣлъ «Affiliirte», на то существуютъ непреложныя доказательства: напр. Францискъ Борджіа былъ такимъ членомъ въ бытность свою вице-королемъ Каталоніи (Historia Societ. Jesu. II, 3, 1); къ нимъ присоединяютъ еще и кардинала Роберта Нобеліуса. Въ учрежденіяхъ указаны средства, какъ пріобрѣтать себѣ такихъ членовъ, дабы имѣть возможность проводить въ обществѣ тенденціи ордена; неоцѣненными для него поэтому являлись министры и другія важныя должностныя лица, судьи, кардиналы и т. д., тайно принадлежавшіе ему и незамѣтно дѣйствовавшіе въ его интересахъ. Такими средствами являлись слѣдующія: званіе професса, которое до того времени могло быть принято только въ Римѣ, впослѣдствіи слагалось даже въ неіезуитскихъ домахъ съ разрѣшенія генерала и въ собственномъ домѣ. По свидѣтельству Суарэца такіе профессы могли быть освобождены отъ священническихъ обязанностей. Іезуиты не имѣли никакого особеннаго одѣянія, но носили свѣтское платье, а потому внѣшними знаками не обнаруживалась принадлежность ихъ къ ордену. Генералъ могъ сократить

срокъ повиціата и назначить испытаніе не въ орденскомъ домѣ. Хотя приготовленія къ общей исповѣди и должны были совершаться въ этихъ послѣднихъ, но ихъ можно было пройти тайно въ недѣлю. Что касается до 3-хъ обѣтовъ — нищенства, цѣломудрія и покорности, — то первое понималось сообразно извѣстному положенію члена въ обществѣ; «что же касается втораго, пишетъ Олива, генералъ имѣлъ право разсматривать его лишь по отношенію къ брачной жизни». Въ прибавленіяхъ говорится, что правила цѣломудрія касаются супружеской вѣрности и сословія духовнаго; придерживаться этихъ трехъ обѣтовъ нужно сообразно значенію, которое принимается въ обществѣ. Наконецъ, генералъ можетъ секуляризовать каждаго изъ своихъ подчиненныхъ; причемъ, отпуская ихъ въ свѣтъ, онъ высказываетъ имъ условія возвращенія ихъ въ орденъ.

Можно указать еще на членовъ ордена среди городскаго сословія, носившихъ свѣтскую одежду, жившихъ даже въ брачномъ состояніи и относительно тѣсной связи которыхъ съ обществомъ іезуитовъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Іезуиты хвалятся, что въ спискахъ ихъ были занесены имена владѣтельныхъ и значительныхъ духовныхъ лицъ (императоры: Фердинандъ III и IV, король Сигизмундъ III, Іоаннъ III Португальскій, курфирстъ Баварскій Максимиліанъ I, Людовикъ XIV, Климентъ IX. Изъ женщинъ — мать императора Рудольфа II и др.).

Къ этому побуждало свѣтскихъ лицъ обѣщаніе благодати, которая сообщалась всѣмъ принадлежащимъ ордену. Не только молитвы и обѣдни цѣлаго ордена обѣщали іезуиты въ память умершихъ, но они заманивали въ орденъ той привилегіей, по которой, говорили они, Іисусъ Христосъ по смерти каждаго изъ членовъ бралъ его къ себѣ и избавлялъ отъ вѣчнаго осужденія. Въ Imago primi saeculi подтверждается это обѣщаніе изображеніемъ видѣній и откровеній многихъ святыхъ, напр. св. Терезіи, о которой повѣствуетъ патеръ Эризаэль. Благодати откровенія удостоились нѣкоторые члены ордена: патеръ Адольфъ Родригецъ и генералъ Борджіа. По показаніямъ послѣдняго, Господь такъ любитъ орденъ, что во время первыхъ 300 лѣтъ его существованія никто изъ вѣрныхъ до смерти ордену не будетъ осужденъ. Іезуиты имѣли обыкновеніе выдавать друзьямъ своимъ дипломы на участіе въ дарахъ благодати.

Профессы 4 обѣтовъ составляютъ самый внутренній кругъ и основу общества: они являются настоящими, совершеннѣйшими іезуитами и въ противоположность профессамъ 3 обѣтовъ (Externi) называются Nostri (наши). По отношенію къ количеству другихъ іезуитовъ ихъ очень не много: на 100 человѣкъ ордена приходилось 2 професса 4-хъ обѣтовъ. По смерти Игнатія ихъ было 35. Допускаемые до этого класса должны были

имѣть по крайней мѣрѣ лѣтъ 45 отъ роду, отличаться добродѣтелью, ученостью и пройти еще 2-хъ лѣтнее испытаніе. Непосредственно передъ торжественнымъ принятіемъ профессовъ, они подвизались въ особенныхъ подвигахъ благочестія, нищенствовали около 3-хъ дней и представляли доказательство своихъ научныхъ занятій. 4-й обѣтъ обязывалъ особой покорностью папѣ въ дѣлахъ миссіи у невѣрующихъ и раскольниковъ. Когда папѣ необходимъ миссіонеръ, онъ обращается къ генералу, который справляется объ этомъ у провинціала. Иногда случается, что провинціалъ самъ отправляется въ миссію.

Миссіонеры должны во всемъ походить на апостоловъ и первыхъ поборниковъ вѣры, путешествовать пѣшкомъ и по-возможности по двое, строго нищенствовать, останавливаться въ домахъ, принадлежащихъ ордену и присылать точныя свѣдѣнія о результатѣ своей дѣятельности. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ поставленныхъ епископовъ, они уполномочены исполнять епископскія обязанности. Въ правилахъ для миссіонеровъ говорится, что они постоянно должны сохранять присутствіе духа: не отчаяваться при неудачахъ, не терять великодушія, религіозной терпимости и свободы духа. Если профессы составляютъ $^1/_{15}$ всего числа членовъ, входящихъ въ составъ ордена, то миссіонеры $^1/_{100}$. Профессы 4 обѣтовъ живутъ въ домахъ, гдѣ они должны строго соблюдать обѣтъ нищенства. Они не должны имѣть имущества, доходнаго духовнаго мѣста или получать наслѣдство, то же правило касается и дома их.

По мнѣнію Лойолы, обѣтъ совершеннаго нищенства имѣетъ глубокій смыслъ: онъ долженъ обозначать совершенную независимость внутренняго человѣка отъ внѣшнихъ благъ и полное равнодушіе къ имуществу. «Бѣдность, говоритъ Игнатій, можно уподобить столпу, который обнажается и покрывается рубищемъ ли, драгоцѣнными ли камнями безъ всякаго съ его стороны въ томъ участія; тоже и бѣдность—сама не имѣетъ ничего и ни къ чему не стремится». А Родригецъ поясняетъ: «Тотъ еще не нищъ духомъ, кто лишь наружно отказывается отъ имущества, не убивая въ себѣ стремленія къ нему, кто въ состояніи нищенства ищетъ удобства, дорожитъ бездѣлицей и привязывается къ ней сердцемъ своимъ». Но и подобныя воззрѣнія на нищенство не исключали возможности владѣнія имуществомъ. Іезуиты въ свѣтѣ не принуждены были, подобно другимъ нищенствующимъ орденамъ, отличаться цинизмомъ и нарушать господствующій строй своей жизни: они затруднили или сдѣлали бы невозможнымъ пребываніе свое при дворѣ и вліяніе на высшее общество. Нищенство іезуитовъ обусловливалось покорностью распоряженіямъ генерала: подчиненный долженъ былъ хладнокровно принимать или отдавать все, чего

у него требуютъ. Часто этотъ родъ нищенства является неощутительнымъ, если не влечетъ за собою лишенія въ необходимомъ. Именемъ покорности, генералъ, распоряжающійся средствами ордена, можетъ обезпечить физическое существованіе подчиненныхъ ради собственныхъ интересовъ. Лойола получилъ напр. отъ папы Юліана III бреве, по которому бѣднымъ и престарѣлымъ профессамъ доставлялся лучшій уходъ въ коллегіяхъ.

Въ предписаніяхъ выставлены требованія и касательно физической природы: тутъ, конечно, должно выдвинуться самоотверженіе, но не въ ущербъ силѣ и здоровью. Безъ этого обѣта нищенства и весь смыслъ іезуитства былъ бы лишь фикціей. Лойола стремился положить идею эту въ основу своего творенія и самъ послужилъ возвышеннымъ примѣромъ для своихъ послѣдователей, хотя и не могъ предупредить испытанныхъ и имъ злоупотребленій. «Такъ какъ нищенство есть бастіонъ нашего ордена, гласятъ учрежденія, то и для поддержанія и преуспѣянія братства необходимо избѣгать всякаго признака любостяжанія, не принимать доходовъ, гонорарій за проповѣдываніе слова Божія, за обученіе, службу, совершеніе таинствъ и др. священническихъ обязанностей и отнюдь не тратить на свои нужды доходовъ коллегій». Но орденъ, являясь нищенствующимъ, могъ въ общемъ смыслѣ все-таки пріобрѣтать собственность и находить средства къ обладанію большими богатствами.

Общество можетъ брать милостыню, тратить её на себя, не получая её однако за услуги, которыя оказываетъ; его коллегіи получаютъ извѣстный годовой доходъ, употребляемый на содержаніе этихъ заведеній, но отнюдь не на пользованіе цѣлаго ордена.

Кромѣ миссій, дѣятельность профессовъ 4 обѣтовъ простиралась на обученіе юношества, на наблюденіе за повсемѣстными занятіями общества, за исповѣдниками высшихъ лицъ и т. п. Всѣ высшія должности замѣщаются лицами изъ ихъ круга; выбранные депутатами провинцій въ конгрегаціи генераловъ, они имѣютъ право голоса тоже и при выборѣ генерала.

Слѣдовательно, все общество іезуитовъ раздѣлялось на 4 класса, которые составляли собою концентрическіе круги съ генераломъ въ центрѣ ихъ. Это—классы схоластиковъ, свѣтскихъ и духовныхъ коадъюторовъ, профессовъ 3-хъ и 4-хъ обѣтовъ. Члены легче исключаются изъ болѣе внѣшняго круга: относительно мѣры удаленія орденъ представлялъ себѣ такую свободу, что даже престарѣлые провинціалы и профессы 4 обѣтовъ изгонялись безъ возвращенія имъ внесеннаго ими имущества, причемъ никто и не думалъ о дальнѣйшемъ ихъ существованіи.

Отъ произвола начальника зависѣло, дать или не дать чего-либо увольняемому; никакого самовластія не допускалось въ этомъ случаѣ: даже могущество папы не могло уничтожить постановленіе ордена; въ примѣръ этого можно поставить исторію того португальскаго принца, котораго Симонъ Родригецъ склонилъ вступить въ общество іезуитовъ. Несмотря на требованія короля Іоанна III, его не хотѣли выдавать и выпустили только черезъ семь лѣтъ по приказанію Лойолы. Генералъ не долженъ легко отпускать даровитыхъ членовъ, а удерживать ихъ, пользуясь при-этомъ привилегіями, полученными имъ по преемству отъ апостоловъ.

Служебный порядокъ устраивался въ обществѣ слѣдующимъ образомъ: при вновь поступающихъ находился учитель, чтобы руководить ими въ упражненіяхъ, и еще синдикъ, который наблюдалъ за поведеніемъ. Управленіе коллегіей находилось въ рукахъ ректора, который имѣлъ помощника и чиновника. Хотя онъ и назначался генераломъ на 3 года, но господство его было ограничено: онъ не имѣлъ права смѣнять учителей, дѣлать реформы въ матеріалѣ и методѣ преподаванія или въ экономическомъ отношеніи безъ разрѣшенія провинціала. Его задача состояла преимущественно въ томъ, чтобы наблюдать за порядкомъ, налагать наказанія, кромѣ общаго орденскаго исповѣдника, котораго провинціалъ установлялъ, какъ своего товарища (Colleg), давать каждому члену особаго; тоже присылать точныхъ докладчиковъ, хотя-бы изъ лицъ, приближенныхъ провинціалу. Степень его власти зависѣла, впрочемъ, отъ благоусмотрѣнія генерала; ректоръ, имѣя право голоса, могъ явиться депутатомъ въ конгрегацію. Чтобы показать примѣръ смиренія и набожности всѣмъ учителямъ и ученикамъ коллегіи, долженъ онъ ежегодно совершать подвиги самоотверженія: отправлять, напр., самыя низкія службы по дому. Визитаторъ, мониторъ и консультаторы контролируютъ его дѣятельность и даютъ ему совѣты.

Профессами управляютъ начальники, которые назначаются непосредственно генераломъ изъ класса профессовъ 4-хъ обѣтовъ; они также подлежатъ вѣдѣнію провинціаловъ. Срокъ службы начальника подвергался измѣненіямъ: по мнѣнію Лойолы онъ совершенно зависѣлъ отъ генерала, тоже утверждаетъ и Григорій XIV. Профессы, по уставу, являются неимущими, но имъ подаютъ обыкновенно столь богатую милостыню, что они, пользуясь великолѣпной обстановкой, могутъ нерѣдко доставлять начальнику большія суммы, которыя идутъ на нужды общества. Помощниками начальника считались адмониторы, консультаторы, коадьюторы, надзиратели и прокураторы. Для всякаго случая онъ долженъ былъ имѣть точныхъ доносчиковъ; провинціалы являлись его высшей инстанціей.

Провинціалы, которые по правиламъ сохраняютъ званіе это только 3 года, считались людьми надежными, управлявшими и завѣдывавшими провинціями и принадлежащими ордену членами, домами и имуществомъ. Здѣсь они являлись тѣмъ же, чѣмъ генералъ для цѣлаго общества: наблюдали за исполненіемъ высшихъ приказовъ, докладывали о собственной дѣятельности и однажды въ годъ о состояніи всей провинціи, ежемѣсячно о текущихъ событіяхъ и кромѣ того о чрезвычайныхъ случаяхъ. «Никакой монархъ въ свѣтѣ, говоритъ Спиттлеръ, не можетъ имѣть такихъ свѣдѣній, какъ генералъ іезуитовъ. Число ежегодныхъ оффиціальныхъ доносовъ простиралось непосредственно передъ уничтоженіемъ ордена до 6,584, не считая частныхъ сообщеній 200 миссій и 24 профессовъ, рапортовъ ректоровъ объ учителяхъ коллегій и т. д. Ежемѣсячные рапорты отъ 37 провинціаловъ къ концу года возвышались до цыфры 444; отъ начальниковъ получалось по отчету каждые 3 мѣсяца, слѣд. отъ 612 начальниковъ коллегій 2448 отчетовъ, да отъ 340 начальниковъ резиденцій 1,360 граматъ; каждые 3 мѣсяца 59 начальниковъ новиціата доставляли болѣе 236 отчетовъ; наконецъ, по крайней мѣрѣ 2 раза въ годъ 1,048 консультаторовъ присылали 2,096 рапортовъ. Генералъ долженъ былъ знать о личныхъ качествахъ членовъ, о состояніи домовъ, коллегій и провинцій, какъ-бы они находились подъ непосредственнымъ его надзоромъ. Для безопасности ордена требуется заботиться о томъ, чтобы корреспондеція не попалась въ невѣрныя руки. Поэтому Вительки издалъ повелѣніе, чтобы по смерти каждаго іезуита самъ завѣдующій коллегіей или его довѣренное лицо сбирали и тайно сжигали бы всѣ письма генерала или провинціала къ покойному. Въ особенности требовалось, чтобы всѣ тайны передавались бы особымъ секретнымъ, назначеннымъ генераломъ, шрифтомъ, такъ чтобы перехваченныя письма не могли бы быть прочитаны.

Власть и преимущества провинціала тоже зависятъ отъ расположенія генерала: онъ назначаетъ ему адмонитора (Socius), который доноситъ на провинціала и консультаторовъ: ихъ совѣту онъ по-возможности долженъ слѣдовать постоянно. Адмониторъ имѣетъ задачею блюсти здоровье провинціала и въ случаѣ скоропостижной смерти послѣдняго хранить всѣ письма покойнаго. Провинціалы созываютъ провинціальныя когрегаціи и президируютъ на нихъ. По кончинѣ или удаленіи генерала собираютъ они общую конгрегацію, чтобы выбрать новаго, назначить ему адмонитора и ассистентовъ. На подобныхъ собраніяхъ могутъ тоже обсуждаться недостатки управленія орденомъ и средства для истребленія ихъ.

Правильныя и законныя собранія бываютъ 3-хъ родовъ:

прокураторскія, провинціальныя и генеральныя конгрегаціи. Первыя собираются каждые три года или провинціальными или общими; въ послѣднемъ случаѣ они собираются въ Римѣ по назначенію провинціальнаго конгресса. Вторыя созываются провинціаломъ черезъ каждые 3 года, а кромѣ того и въ чрезвычайныхъ случаяхъ: членами ихъ являются профессы 4-хъ обѣтовъ, ректоры и прокураторы провинцій. Наконецъ генеральныя конгрегаціи, которыя устраиваются генераломъ, его намѣстникомъ или въ особыхъ случаяхъ ассистентами и провинціалами, должны быть утверждены провинціалами и профессами 4-хъ обѣтовъ, ректорами и начальниками, которые присылаются депутатами отъ провинціальной конгрегаціи и равнымъ образомъ засѣдаютъ въ Римѣ. Опредѣленнаго срока для прекращенія этихъ засѣданій не назначено.

Важнѣйшимъ актомъ генеральной конгрегаціи, которая представляетъ высшій авторитетъ общества, считается выборъ генерала: онъ назначается только послѣ зрѣлаго обсужденія и семидневнаго приготовленія, причемъ избиратели запираются на хлѣбъ и на воду и не выпускаются до выполненія задачи. Каждый изъ нихъ клянется выбрать только того, кто покажется ему наиболѣе способнымъ для должности. Всякое искательство вредитъ дѣлу: въ случаѣ наказанія выбранный долженъ подвергнуться отлученію отъ св. таинствъ. Абсолютное большинство голосовъ необходимо. Кромѣ учителей новопосвящаемыхъ, ректоровъ, начальниковъ и провинціаловъ являются еще прокураторы, правитель свѣтскихъ дѣлъ и представитель свѣтскихъ коадьюторовъ. Между ними царствуетъ восходящій порядокъ, по которому опредѣляются прокураторы всякаго дома и цѣлой провинціи. Они избираются профессами обоихъ классовъ и ректорами провинцій, обыкновенно изъ числа испытанныхъ и вѣрныхъ эксъ-ректоровъ. Они избираются на провинціальной конгрегаціи, а для утвержденія ихъ долженъ быть избранъ генеральный конгрессъ. Таково предусмотрительное раздѣленіе труда и даже до мельчайшихъ подробностей постепенная организація всѣхъ должностей, проникнутыя строжайшей дисциплиной. Каждый начальникъ есть контролеръ своихъ подчиненныхъ, но окончательной надзоръ и власть надъ цѣлымъ обществомъ сосредоточивается въ рукахъ одного генерала. Въ каждомъ домѣ находится синдикъ и надсмотрщикъ, которые по установленнымъ указаніямъ доносятъ обо всемъ случающемся и передаютъ объ этомъ въ ближайшее высшее мѣсто. Каждый іезуитъ непремѣнно имѣетъ надсмотрщика, который извѣщаетъ начальника обо всѣхъ поступкахъ его: всѣ должны стремиться къ совершенствованію, терпѣливо сносить замѣчанія признавая полезнымъ всякое раскрытіе собственныхъ заблужденій. За гордость нала-

гается на члена (для возбужденія смиренія) низкія служебныя обязанности, напримѣръ участіе въ работахъ въ кухнѣ: при такихъ занятіяхъ, въ виду собственнаго усовершенствованія, онъ долженъ обращаться привѣтливо и покорно съ послѣднимъ изъ слугъ. Высшіе указываютъ подчиненнымъ духовника и если мѣняютъ его, то должны передъ новоназначеннымъ священникомъ повторить исповѣданіе. Новопосвящаемый начинаетъ испытанія свои общей исповѣдью, въ которой онъ обнаруживаетъ не только проступки прошлой жизни, но и самыя наклонности и слабости своей природы. Каждые шесть мѣсяцевъ долженъ онъ повторять это общее исповѣданіе, которому разъ въ мѣсяцъ подвергаются коадьюторы и профессы. Далѣе, отъ каждаго требуется причащаться св. таинствъ, хотя разъ въ мѣсяцъ. Прошлая жизнь и характеръ новопосвящаемаго открываются имъ самимъ начальнику или ректору: такое признаніе, по объясненію Аквавивы, является не таинствомъ исповѣди, а естественнымъ средствомъ для спасенія и пользы ордена. Передъ начальникомъ и генераломъ, который ведетъ списокъ членамъ и знаетъ внутреннюю жизнь ихъ, должна быть открыта совѣсть каждаго іезуита. Лишеніями въ пищѣ заставляютъ сопротивляющихся приступить къ исповѣди. При безпрестанномъ перемѣщеніи изъ одного мѣста въ другое, изъ одной провинціи въ другую, умственныя и нравственныя качества іезуитовъ узнаются съ большою точностью отъ различныхъ начальниковъ, которые открываютъ въ нихъ таланты и способности къ извѣстнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ новоназначенный генералъ можетъ тотчасъ добыть себѣ вѣрнаго члена для достиженія своихъ цѣлей. *Доносъ въ обществѣ іезуитовъ считается священнымъ долгомъ.* «Уставъ утвержденъ на цензурѣ и доносѣ», говоритъ Маріана, «отчего желчь разливается по всему тѣлу и производитъ повсемѣстную желтуху: никто не смѣетъ довѣрять собрату, изъ боязни, что тотъ выдастъ его, или домогаться на чужой счетъ милости начальника и генерала». Если архивы будутъ разсматриваться въ Римѣ, то не найдется ни одного достойнаго, особенно между тѣми, которые живутъ вдали отъ Рима и лично незнакомы генералу: всѣ они запятнаны доносами».

Вступающій въ орденъ умираетъ для отечества, ближайшихъ родственниковъ и друзей и любовью своей жертвуетъ великой цѣли, замѣняя всякую естественную склонность духовною привязанностью ко Христу, Который исключаетъ Собою родителей, братьевъ и т. д. Какъ уже извѣстно, іезуитъ обязанъ говорить о родственникахъ своихъ, находящихся въ живыхъ, какъ о лицахъ, когда-то близкихъ ему. Письма членовъ ордена отсылаютъ обратно или отбираютъ. Тотъ, которому довѣряется подобный контроль, вправѣ утаить или удержать ихъ, когда находитъ

нужнымъ поступить такъ во имя блага ордена и славы Божіей. Никто не смѣетъ безъ позволенія читать или имѣть у себя книги. При утайкѣ чего либо отъ ближайшаго начальника, членъ не можетъ уже войти съ просьбой къ высшимъ. Лишь съ согласія начальника можетъ онъ выходить изъ дому, въ сопровожденіи товарища, котораго тотъ назначаетъ. Тоже и дома позволяется разговаривать лишь съ тѣмъ, съ кѣмъ предписано. Мышленіе слѣдуетъ подводить подъ извѣстныя рамки, сужденія взвѣшивать, въ обращеніи соблюдать смиреніе и подавлять всякую тѣнь заносчивости и нетерпѣнія, отдавая преимущество другимъ, считая себя ниже всѣхъ и почитая каждаго сообразно его положенію.

Вся будничная обстановка распредѣлена до мельчайшихъ подробностей. Въ одеждѣ, напримѣръ, нужно соблюдать скромность и обычаи страны, избѣгать роскоши, которая запрещается обѣтомъ. Конечно при болѣзни и особыхъ случаяхъ допускаются исключенія. По словамъ Г. Вейса, одежда іезуитовъ не имѣла ничего общаго съ ужаснымъ покроемъ прежняго монашескаго одѣянія; мало отличаясь отъ одежды ученыхъ и евангелическихъ духовныхъ лицъ, она состояла или изъ чернаго платья съ длинной черной же, открытой спереди, верхней одежды съ цѣльными бѣлыми рукавами. Иногда вмѣсто этой верхней одежды на платье накидывалась черная мантія, застегнутая до-низу. Къ такому костюму надѣвалась 4-хъ угольная шапка или шляпа съ широкими плоскими полями, которыя къ концу XVI столѣтія обыкновенно загибались шнуркомъ съ правой и лѣвой стороны кверху. Платье шилось всегда только изъ сукна.

Что касается физическаго воспитанія, то въ учрежденіяхъ помѣщены на этотъ счетъ обстоятельныя указанія. «Хотя слишкомъ большая забота о физическихъ потребностяхъ достойна порицанія, отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать здоровьемъ и силой, предназначенными на пользу служенія Богу, поэтому, какъ скоро вы замѣтите, что вамъ не достаетъ чего-либо относительно одежды, пищи, жилища и т. п., вы обязаны обратить на это вниманіе высшихъ. Умерщвленіе не должно простираться до лишенія въ томъ, чѣмъ поддерживается наша физическая природа. Слѣдуетъ избѣгать обременительной работы: она, утомляя тѣло, вредно дѣйствуетъ и на духъ. Полезныя упражненія, поддерживающія физическую и духовную природу, обязательны для всѣхъ, даже и для исправляющихъ особыя духовныя обязательства. Непомѣрныя умерщвленія, бдѣнія, лишенія, труды, очищенія покаяніемъ и т. д. могутъ дурно повліять на все существо человѣка. Духовникъ долженъ знать объ этихъ упражненіяхъ отъ исповѣдника и въ крайнихъ случаяхъ обязанъ отослать его къ начальнику. Во всякомъ домѣ

находятся лица, наблюдающія за здоровьемъ и оказывающія необходимыя пособія въ болѣзняхъ».

Всякій іезуитъ, даже священникъ, если здоровъ и свободенъ, долженъ, вставая, самъ убирать постель и спальню свою по звону колокольчика. Онъ не долженъ запирать комнаты и вообще держать денегъ или чего-либо подъ замкомъ безъ позволенія начальника. Спать при открытомъ окнѣ непокрытому или выходить изъ комнаты не одѣвшись — строго воспрещается. До разсвѣта никто не можетъ уйти изъ дому безъ разрѣшенія; вечеромъ всѣ обязаны возвратиться. Ѣсть въ непоказанные часы запрещалось, а чистоплотность вмѣняется въ обязанность.

Кромѣ того встрѣчаются правила для разговора и поведенія на улицѣ. Нельзя было морщить лба и носа, чтобы веселая внѣшность могла служить доказательствомъ внутренняго спокойствія. При разговорѣ съ значительными лицами слѣдуетъ опускать глаза въ землю. Есть правила какъ держать руки и голову, какъ шевелить глазами и губами.

Короче — вся внутренняя и внѣшняя жизнь была подведена подъ мелочныя и однообразныя правила.

Кромѣ общихъ законовъ и предписаній существуютъ еще правила для служащихъ въ частности и для классовъ ордена вообще, начиная съ ассистентовъ и провинціаловъ и кончая служителями. Къ этому прибавляется еще длинный спеціальный рядъ правилъ, ордонансовъ и предписаній генераловъ для различныхъ служебныхъ частей и задачъ ордена. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи инструкціи Аквавивы, который старался даже мелочи подвести подъ законъ. *Интересными являются инструкціи относительно духовниковъ владѣтельныхъ лицъ, выработанныя шестымъ генеральнымъ собраніемъ.* Такой духовникъ считалъ себя подчиненнымъ ордену и, получивъ разрѣшеніе вести конфиденціальную переписку съ владѣтельнымъ лицомъ или его повѣренными, долженъ былъ наблюдать при этомъ извѣстныя правила. Если провинціалъ откроетъ злоупотребленіе, то можетъ приказать духовнику слѣдовать правиламъ ордена ad verbum, т. е. отдать корреспонденцію въ вѣдѣніе высшихъ іезуитовъ. Духовникъ не долженъ вмѣшиваться во внѣшнюю политику, а касаться дѣлъ совѣсти принца. Но почему же такъ, если по требованіямъ римской церкви вся государственная жизнь должна согласоваться съ ея интересами? Далѣе предписывалось духовнику избѣгать покровительства и не входить въ дѣла, касавшіяся министровъ; если предстоялъ случай и старшій іезуитъ одобрялъ намѣреніе духовника, ему слѣдовало склонить къ добру государя, совѣсть котораго была въ рукахъ его. Не долженъ онъ именемъ государя склонять къ

чему-либо придворныхъ и обязанъ искоренять мнѣніе о томъ, что руководитъ владѣтельнымъ лицомъ по своей волѣ: такое воззрѣніе можетъ повредить ордену. Если онъ дѣйствительно пользуется значеніемъ, то долженъ скрывать свое могущество. Государь терпѣливо и спокойно принимаетъ разрѣшеніе не только за собственные проступки, но и за тѣ недоумѣнія, которыя, возникая помимо воли его въ средѣ придворныхъ, все-таки падаютъ на совѣсть его. Въ сомнительныхъ случаяхъ духовникъ спрашиваетъ совѣта высшихъ и всегда стремится къ тому, чтобы расположить принца къ ордену вообще, а не къ своей личности въ частности; по приказу высшаго его тотчасъ же можно удалить отъ поста. Въ заключеніе этой инструкціи, образца фальши и лукавства, предписывается сообщать о ней всѣмъ государямъ, имѣющимъ духовникомъ іезуита.

Чтобы понять истинный смыслъ предписанія — обращаться въ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтомъ къ высшему — слѣдуетъ обратиться къ письму П. Коссена (бывшаго духовникомъ Лудовика XIII) къ генералу Вительски въ которомъ онъ жалуется на поведеніе высшихъ: они упрекали его въ отступленіи отъ извѣстныхъ предписаній. «Если бы насъ, говоритъ Коссенъ, стали принуждать разоблачать тайны исповѣди, кто бы сталъ еще обращаться къ намъ въ подобныхъ случаяхъ?»

Что касается до отношенія ордена къ вопросамъ политики, то тутъ опредѣлено всеобщее правило, по которому при раздорѣ христіанскихъ правителей іезуитамъ запрещалось примыкать къ партіямъ, но относиться съ равнымъ расположеніемъ ко всѣмъ націямъ въ лицѣ ихъ представителей. Тѣмъ же однообразіемъ отличались законы ордена относительно единства мысли, т. е. главнымъ образомъ устнаго и письменнаго выраженія ея. Мнѣнія ученыхъ не пропускались безъ согласія генерала и цензуры 3-хъ знающихъ лицъ ни въ проповѣдяхъ и публичныхъ чтеніяхъ, ни въ письменныхъ произведеніяхъ. Требовалось, чтобы общество высказывало свое мнѣніе при разногласіи католическихъ ученыхъ. Поэтому орденъ считался въ отвѣтственности за каждую книгу, которая печаталась съ одобренія высшихъ. Конечно подобное отношеніе къ дѣлу было тяжкимъ и обременительнымъ для тѣхъ іезуитовъ, которые требовали отъ ордена отчета за нападки на сочиненія ихъ любимыхъ мыслителей, и они искали себѣ выхода. Какъ ни слаба защита, стремленіе ихъ однако ясно обнаруживается въ отвѣтѣ П. Даніэля на письмо Паскаля. Онъ говоритъ, что генералъ не просматриваетъ всѣхъ книгъ, которыя издаются орденомъ, а отдаетъ ихъ цензурѣ провинціаловъ или особой коммиссіи, неосновывающей сужденій своихъ на мнѣніяхъ, принятыхъ въ школахъ и университетахъ. Даніэль, усиливая упрекъ подобнымъ аргументомъ, думаетъ вы-

вести изъ него то заключеніе, что книги, появляющіяся съ одобренія ордена, не всегда выражаютъ духъ его.

Организація общества іезуитовъ во всѣ времена находила себѣ поклонниковъ и дѣйствительно соотвѣтствовала цѣлямъ духовной борьбы противъ раскольниковъ, невѣрныхъ и господству іезуитовъ надъ міромъ въ интересахъ римской церкви. Все въ ней сводится къ тому, чтобы отнять самостоятельность у отдѣльныхъ членовъ и сдѣлать ихъ полезнымъ орудіемъ въ рукахъ ордена и выставить единодушную фалангу лицъ, готовыхъ на жертву во имя святаго рвенія и смѣлаго презрѣнія всѣхъ благъ жизни.

Благочестивыя и нравственныя правила, требуемыя іезуитами, ихъ политическая мудрость и законодательное искусство способствовали благоустройству ордена; организація его похожа на твердо-скованную кольчугу, которая дѣлаетъ неприкосновеннымъ того, кто носитъ её; будучи въ то же время эластичной, не препятствуетъ никакимъ движеніямъ. Условія этой организаціи доставляли съ одной стороны возможность освобождаться отъ ненужныхъ членовъ, съ другой—помогали удерживать противъ воли талантливыхъ и полезныхъ и распространять владычество ордена за его предѣлы. Такъ напр., членъ не можетъ безъ воли генерала принять духовный санъ, причемъ мотивомъ является положеніе — не допускать частнаго накопленія имущества. Если и встрѣчались исключенія, то тѣ іезуиты, которые предназначались къ высокимъ церковнымъ должностямъ, все-таки подчинялись ордену и должны были принести клятву передъ Богомъ, что всегда будутъ подчиняться совѣту генерала или его повѣреннаго. Право генерала призвать обратно выпущенныхъ членовъ гарантируетъ ихъ временное пребываніе въ свѣтѣ и секуляризацію: они постоянно находятся подъ юридикціей высшаго. Подобный образъ дѣйствія имѣлъ большое значеніе въ случаяхъ наслѣдства: видимой секуляризаціей іезуиты обезпечивали права членовъ, жившихъ въ свѣтѣ, которые повидимому не разрывали связей своихъ съ городскимъ сословіемъ; по введеніи ихъ во владѣніе, орденъ, соблюдая свои интересы, могъ захватить ихъ и имущество. Нерѣдко позволенію выбыть изъ ордена придавалось значеніе дѣла, полученнаго происками: выпущеннаго преслѣдовали и забирали обратно.

Великимъ міровымъ значеніемъ своимъ обязанъ орденъ іезуитовъ не столько организаціи и благопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, сколько дѣятельности своей во времена преслѣдованій. Такъ какъ дѣятельность эта отнюдь не сковывала дѣятелей, но вызывала и поддерживала ихъ, то при всесторонней оцѣнкѣ статута слѣдуетъ обратить вниманіе на то искусство въ управ-

ленiи, которое оно выработало въ виду собственныхъ интересовъ: вполнѣ извѣстно было оно лишь посвященнымъ въ него. Когда П. Миранда (дотолѣ провинцiалъ Кастилiи) былъ выбранъ въ 1736 г. ассистентомъ въ Испанiю, а потомъ перешелъ въ Римъ, писалъ онъ другу своему:

«До моего прибытiя сюда я не зналъ, что такое наше общество. Его внутреннее управленiе требуетъ особаго изученiя, которое не вполнѣ понято даже провинцiалами. Надо занимать мой постъ, чтобы найти ключъ къ пониманiю».

Смѣсь благочестiя, практичности, свѣтскости, аскетизма, разсчета, мистицизма, характеризовали Лойолу и были положены имъ въ основанiе орденскихъ предписанiй. Если кто станетъ выяснять хотя одну изъ этихъ сторонъ въ обществѣ Iисуса, тотъ совершенно затмитъ себѣ пониманiе его и не съумѣетъ найти значенiе его въ исторiи. Аскетизмъ, благочестiе, мистицизмъ давали ему возможность направлять все къ собственнымъ интересамъ, идти на встрѣчу опасности и противодѣйствовать внѣшнимъ напастямъ. Вотъ почему и повлiяли они на мiръ и прiобрѣли себѣ толпу друзей и послѣдователей. Требованiе, чтобы члены болѣе стремились къ твердымъ и совершеннымъ основамъ добродѣтели и придавали бы имъ большее значенiе, чѣмъ наукѣ и естественнымъ влеченiямъ человѣка, было совершенно серьезнымъ предписанiемъ. Лойола и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ генераловъ поддерживали и вызывали въ обществѣ духъ подвиговъ добродѣтели и истиннаго благочестiя. Первый уже въ 1547 г. утвердилъ 10 истинно золотыхъ правилъ, которыя, чистосердечно принятыя iезуитами, должны были послужить для нихъ руководствомъ. На первомъ планѣ въ правилахъ является любовь къ Богу, даются указанiя къ самоуничиженiю, кроткому обхожденiю съ ближними, что и является средствомъ къ обоюдному духовному спасенiю. Тутъ же встрѣчается предписанiе не дѣлать ничего такого, чего не рѣшились бы мы совершить передъ людьми или всевидящимъ окомъ Божiимъ, какъ бы незначительно ни было намѣренiе, никогда не исполнять его тотчасъ же, въ ожиданiи завтра сдѣлать его лучше.

Еще сильнѣе стремился Лойола найти средство къ поддержанiю цѣломудрiя въ орденѣ. Не только идея духовной жизни, но и самыя цѣли борьбы во имя духа требуютъ стойкости и неизнуреннаго организма. Лойола далъ цѣлый рядъ предписанiй, которыми можно было противодѣйствовать чувственнымъ стремленiямъ. Онъ требовалъ избѣжанiя праздности, усмотрительности въ сношенiяхъ со внѣшнимъ мiромъ, охраненiя ока и уха, подавленiя фантазiи серьезными мыслями, бичеванiя, тяжелой работы и т. п. Съ женщинами дозволялось говорить лишь въ неизбѣжныхъ случаяхъ, открыто на улицахъ, по-возможности ко-

ротко и съ опущенными глазами. Больныя женщины посѣщались въ сопровожденіи другаго брата ордена; исповѣдывали ихъ черезъ рѣшотку и скоро отпускали. Лойола предотвратилъ сообщеніе ордена съ женскими общинами.

Относительно несоблюденія правилъ цѣломудрія упоминается въ меморіалахъ провинціала Верхней Германіи Гоффеуса (къ концу XVI ст.). Въ меморіалѣ этомъ, адресованномъ мюнхенскимъ іезуитамъ, онъ горько жалуется на разныя бѣдствія и между прочимъ на роскошь, о которой не разъ говорили и духовники.

Эксъ-іезуитъ Ярриге, возвратившійся въ орденъ и сообщавшій впечатлѣнія свои, порицалъ поведеніе своихъ собратьевъ; однако произведеніе его скорѣе сплетня, содержаніе которой никого не поразитъ вособенности. Въ цѣломъ нельзя однако отнять отъ ордена того достоинства, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ крайне неблаговидныхъ случаевъ (знаменитая исторія П. Жирара съ Кадіэре въ 1728 г.), онъ не запятнанъ нецѣломудріемъ. Кёлеръ замѣчаетъ, что во время пребыванія его въ коллегіи Germanicum [1]) онъ не встрѣчалъ ни въ воспитателяхъ, ни въ іезуитахъ и тѣни безнравственности, а Боде говоритъ: «О нравственномъ поведеніи іезуитовъ долженъ я сказать, что они держатся правилъ гораздо строже другихъ орденовъ. Такое большое общество, какъ орденъ въ прежнее время, и въ настоящемъ случаѣ не могло бы существовать при шаткихъ правилахъ. Безусловная покорность не соединима съ легкомысленнымъ отношеніемъ къ поведенію въ жизни».

Злоупотребленія, какъ неизбѣжное послѣдствіе задачи, поставленной обществомъ, встрѣчаются въ немъ очень часто. Чтобы овладѣть міромъ и ограбить его въ интересахъ папства, орденъ долженъ былъ войти во всѣ общественныя отношенія, приспособить къ нимъ свою тактику, узнать духъ политическихъ разсчетовъ и своей интригой и насиліемъ внести въ него нравственную порчу. Эти злоупотребленія не могли скрыться отъ зоркихъ глазъ генерала; если онъ и ослаблялъ и держалъ ихъ въ тайнѣ, то самъ никогда не могъ въ нихъ сомнѣваться.

Лойола хотя и желалъ удалить членовъ ордена отъ вмѣшательства въ дѣла политическія, однако самъ назначалъ духовниковъ къ принцамъ, особенно тѣхъ, которые сами изъявляли къ тому желаніе. Пятая общая конгрегація особенно налегала на удаленіе іезуитовъ отъ дѣлъ государственныхъ и вообще свѣт-

---

[1]) *Collegium germanicum* основана Лойолою въ Римѣ какъ разсадникъ тѣхъ, которымъ впослѣдствіи предстояло стать во главѣ людей боровшихся въ Германіи за римскую церковь съ ересью.

скихъ: они должны были избѣгать сближенія съ принцами подъ страхомъ признанія ихъ неспособности къ другимъ служебнымъ достоинствамъ и прелатурѣ, лишенія ихъ активнаго и пассивнаго голоса на выборахъ. Если высшій замѣтитъ подобную склонность въ членѣ, онъ обязанъ увѣдомить провинціала, а тотъ удаляетъ обвиняемаго отъ мѣста, которое представляетъ удобство для такого вмѣшательства. Предостереженіе высшихъ тогда имѣло силу. «Отецъ нашъ Игнатій, говоритъ Гоффеусъ, своей святой прозорливостью угадалъ, что свѣтскія сношенія принесутъ много нечистаго въ общество. Они не только разсѣяваютъ насъ и мѣшаютъ намъ въ работахъ нашихъ, но дѣлаютъ насъ по большей части ненавистными и отнимаютъ у насъ ближайшіе плоды дѣятельности. Опытъ доказалъ намъ, что Богъ не съ нами въ такихъ дѣлахъ: когда только мы по просьбѣ потентатовъ и папы пускались въ нихъ, результаты принимали дурной характеръ и доставляли намъ лишь ненависть и поношеніе со стороны католиковъ и еретиковъ. Даже папа Урбанъ VIII, черезъ котораго по правой вѣрѣ Господь Іисусъ Христосъ говоритъ, какъ черезъ своего намѣстника, открыто упрекалъ насъ во вмѣшательствѣ въ политику и стремленіи управлять міромъ по собственному усмотрѣнію. Потому-то послѣдняя конгрегація посредствомъ строгихъ декретовъ старалась удержать іезуитовъ отъ подобныхъ стремленій. Если же мы не одумаемся, то подвергнемся, пожалуй, гнѣву Божьему».

Аквавива, который самъ поддерживалъ въ орденѣ политическія стремленія, нашелъ необходимымъ побороть ихъ въ обществѣ, уничтожить еще много зла и написалъ «Industriae ad curandos animae morbos», выставивъ то положеніе, что болѣзненное домогательство благосклонности двора сильно распространилось между іезуитами: подъ предлогомъ привлеченія князей, прелатовъ и магнатовъ для служенія Богу и ближнему, они ищутъ лишь выгоды и черезъ это сами дѣлаются свѣтскими. Карлъ Баромеусъ писалъ своему другу, что «общество іезуитовъ управляется больше политическимъ, чѣмъ религіознымъ рвеніемъ; оно настолько могущественно, что не можетъ уже сохранять необходимую скромность и воздержаніе; однимъ взглядомъ пріобрѣтаетъ оно себѣ друзей-фанатиковъ или непримиримыхъ враговъ, господствуетъ надъ королями и папою, желая владѣть временнымъ и духовнымъ; такой антирелигіозный духъ сильно повліялъ на благочестивое и полезное учрежденіе Лойолы, такъ что оно въ концѣ концевъ должно было быть подавленнымъ». Сильно осуждалъ и Климентъ VIII препровожденіе времени іезуитовъ. Онъ порицалъ ихъ ненависть ко всякому научному авторитету, ихъ интриги для достиженія цѣлей, высокомѣріе, злоупотребленіе исповѣдью, вмѣшательство въ тайны, желаніе

власти надъ князьями и домомъ ихъ, упорство, съ которымъ они защищаютъ свои пороки, вмѣсто того, чтобы исправляться, и говоритъ имъ слѣдующее: «Ваше стремленіе сдѣлаться духовниками королей и тѣмъ пріобрѣсти возможность вмѣшиваться въ дѣла государства противно духу вашего званія и навлекаетъ на васъ ненависть». Но еще гораздо раньше генералъ Фр. Борджіа въ посланіи своемъ высказывалъ опасеніе, что придетъ время, когда общество, вмѣсто того, чтобы стремиться къ добродѣтели, обратится къ честолюбію и гордости и не станетъ признавать никакого авторитета. «Еслибы опытъ еще прежде не разочаровалъ бы насъ», — прибавляетъ онъ. Такое посланіе было непріятно іезуитамъ; приведенныя выше мѣста открыто указывали на существованіе уже въ орденѣ подобныхъ злоупотребленій, а потому въ позднѣйшихъ изданіяхъ эти сочиненія были измѣнены и многое даже совсѣмъ пропущено.

Но ни предостереженіе, ни горькій опытъ не могли уничтожить вмѣшательства іезуитовъ въ политику: его призваніе, какъ милиціи воинствующей церкви, безпрестанно направляло его на этотъ путь.

Въ одной итальянской рукописи, находящейся въ Парижѣ, отъ времени генерала Аквавивы и озаглавленной «Instruttione ai Principi della maniera con la quale si governano li Padri Jesuiti», даетъ какой-то неизвѣстный, имѣвшій случай наблюдать за практической стороной іезуитской жизни, слѣдующее показаніе: Между доносчиками, посылаемыми провинціалами, находятся и такіе, которые предметомъ своимъ имѣютъ изученіе склонностей и намѣреній владѣтельныхъ лицъ; благодаря свѣдѣніямъ, сообщаемымъ ими, генералъ и коллегія въ Римѣ могутъ обсуждать и обозрѣвать политическое состояніе всего міра и примѣнить заранѣе поступки общества къ своимъ интересамъ. Исповѣдь, которая у католическихъ князей и дворянъ совершается іезуитами, есть средство пріобрѣсти ордену свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, свѣдѣнія, для которыхъ государи содержатъ пословъ и шпіоновъ, іезуитамъ же они не составляютъ болѣе почтоваго расхода. Такимъ же путемъ узнаютъ они, кто изъ князей расположенъ къ нимъ и кто нѣтъ. Есть классъ свѣтскихъ іезуитовъ обоихъ половъ, которые слѣпо подчиняются ордену, располагая всю свою дѣятельность по его совѣту. Такими являются по большей части знатные господа и дамы-вдовы, затѣмъ граждане или богатые купцы, съ которыхъ святые братья ордена собираютъ, какъ съ плодоносныхъ нивъ, обильную жатву золотомъ и серебромъ. Въ-особенности женщины стараются распространить повсемѣстное уваженіе къ іезуитамъ, получая отъ нихъ взамѣнъ

жемчугъ, дорогія матеріи, содержаніе, большія суммы денегъ. Другой родъ іезуитовъ состоитъ изъ клерикаловъ и свѣтскихъ членовъ, которые живутъ на счетъ ордена и получаютъ отъ него клерикальныя пенсіи (аббатства и т. п.). Они должны свято обѣщать носить по приказу генерала одежду ордена и называются потому іезуитами in voto. Ими пользуется орденъ чудеснымъ образомъ для устройства своей монархіи; они должны имѣть сношенія съ княжескими дворами и значительными лицами въ государствѣ и провинціяхъ и въ качествѣ шпіоновъ доставлять генералу точныя свѣдѣнія обо всемъ, что говорится на тайныхъ совѣтахъ. Въ Римѣ іезуиты дебоширствуютъ съ кардиналами, нунціями и прелатами, освѣдомляются обо всемъ, что происходитъ, и стараются обращать все для своихъ интересовъ; часто самыя важныя вещи принимаютъ, благодаря вмѣшательству іезуитовъ, совершенно другой видъ, нежели того желаютъ сами государи; большая часть дѣлъ въ христіанскихъ государствахъ проходитъ черезъ ихъ руки. Со времени Григорія XIII они устраивали такъ, что папа заставлялъ легатовъ и нунціевъ брать іезуитовъ въ товарищи и повѣренные. Чтобы пріобрѣсти расположеніе духовныхъ и свѣтскихъ властей, они старались представить имъ, что имѣютъ нужду въ ихъ милости. Іезуиты привлекали къ себѣ лучшихъ людей и изгоняли ихъ, если они оказывались неспособными или больными и даже въ такомъ случаѣ, когда можно было ожидать отъ нихъ наслѣдства. Они старались пріобрѣсти милости у князей и подчинить себѣ все, что окружаетъ ихъ. «Генералъ нашъ, говорили нѣкоторые изъ нихъ, имѣетъ болѣе власти, нежели папа»; другіе хвалились, что отъ нихъ зависитъ назначеніе кардиналовъ, нунціевъ, губернаторовъ и т. д. При дворѣ іезуиты благосклонно относились не къ достойнѣйшимъ, а къ тѣмъ, кто имъ служитъ, покровительствовали такимъ лицамъ и не терпѣли никакого противорѣчія. Они старались распространить всеобщее мнѣніе, что всѣ, пользующіеся благосклонностью государей, обязаны этимъ имъ, іезуитамъ, и располагали такимъ образомъ къ себѣ сердца подданныхъ сильнѣе, чѣмъ сами князья.

Они старались мѣшать намѣренію тѣхъ князей, о которыхъ думали, что власть ихъ вредна ордену. Іезуиты, вошедшіе въ довѣріе государя, въ важныхъ случаяхъ слѣдовали указаніямъ своего генерала, не принимая въ разсчетъ интересовъ государства. Всякій льститъ князю, при которомъ состоитъ, чтобы сильнѣе заслужить расположеніе ордена. Такъ Парзонсъ признавалъ за Шотландскимъ королемъ право наслѣдства на престолъ Англіи въ то время, какъ Критоніусъ и другіе іезуиты были противъ него; по этому случаю возникъ между ними раздоръ, возбужденный самимъ генераломъ изъ желанія во всякомъ слу-

чаѣ расположить въ пользу ордена наслѣдника этого престола. Наконецъ нужно упомянуть о противной церковнымъ законамъ торговлѣ іезуитовъ жемчугами, рубинами и алмазами, которые они привозятъ изъ Индіи и утверждаютъ, что большая часть драгоцѣнныхъ камней въ Венеціи идетъ отъ нихъ. Неизвѣстный писатель, которому Господь назначилъ служить для общаго блага, пишетъ, что благоденствіе государствъ будетъ упрочено только въ такомъ случаѣ, если государи и сподвижники ихъ не будутъ исповѣдываться у іезуитовъ. Еще, наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на такъ-называемое Monita secreta Societatis Jesu, въ которомъ встрѣчаются тайныя, только немногимъ членамъ подъ условіемъ строгаго молчанія сообщенныя инструкціи относительно важныхъ случаевъ дѣятельности въ пользу ордена. Первое изданіе этого сочиненія явилось уже въ 1612 г. въ Краковѣ, хотя и подъ заглавіемъ Monita privata Societatis Jesu, которое не только было вторично изложено, но даже въ XVII ст. снова издано; вслѣдствіе переработки нѣкоторыя главы поставлены въ иномъ порядкѣ, значительно распространены и исправлены. Полное изданіе, въ противоположность первоначальному краткому (Monita privata или aurea Monita и arcana Monita), называется Monita secreta. Показанія относительно открытія этихъ инструкцій разнятся одно отъ другаго: то говорятъ, что онѣ найдены у герцога Христіана Брауншвейгскаго въ іезуитской коллегіи въ Падерборнѣ, то отняты у іезуита въ Антверпенѣ и въ Падуѣ, то въ Прагѣ и наконецъ у какого-то остъ-индскаго путешественника. Генералъ ордена, Клавдій Аквавива, считается ихъ авторомъ. Іезуиты распространили объ этомъ сочиненіи невыгодное мнѣніе: Адамъ Теннеръ, Гретзеръ и Форетъ писали противъ него и старались выказать его какъ смѣлую ложь. Гретзеръ говоритъ въ предисловіи къ своей диссертаціи, что его орденъ никогда не признавалъ этого Monita privata и изъ тысячи членовъ никто не видалъ ни одного экземпляра этого сочиненія, ни копіи съ него. Гретзеръ признается однако, что авторъ его былъ не такъ несвѣдущъ, какъ, можетъ быть, полагаютъ; онъ вѣроятно принадлежитъ къ числу вышедшихъ изъ ордена, но никогда дѣйствительно не принадлежавшихъ къ нему: иначе онъ остался бы въ немъ. Гретзеръ заявляетъ, что іезуиты думаютъ, будто сочиненіе это написано изъ мести удаленнымъ эксъ-іезуитомъ. Такое предположеніе весьма правдоподобно: въ сочиненіи часто упоминается о правилахъ выключенія членовъ, о преслѣдованіи и разореніи ихъ. Оно является какъ важное обличеніе противъ самаго учрежденія: невѣроятно, чтобы существовало положеніе, по которому исключали бы испытанныхъ и посвященныхъ членовъ: такое правило могло бы обратиться такимъ образомъ противъ спод-

вижниковъ 4-хъ обѣтовъ. Но подобное мнѣніе прямо противорѣчитъ пресловутой мудрости іезуитовъ: члены, проводившіе подобныя инструкціи, заранѣе знали бы о всѣхъ дѣйствіяхъ ордена и легко нашли бы средство избѣжать преслѣдованія. Изъ сочиненія видно, что автору хорошо были знакомы учрежденія и практическая сторона дѣятельности іезуитовъ, хотя Гретзеръ и не говоритъ объ этомъ. Достовѣрно, что никто изъ іезуитовъ не видалъ ни копіи, ни печатнаго экземпляра Monita secreta. Въ собраніи рукописей Мюнхенской библіотеки находимъ 2 Кодекса Monita privata; одинъ изъ нихъ (C. M. L. 879) найденъ былъ въ монастырѣ Цистерцинцевъ, но писанъ рукою іезуита и ведетъ начало или отъ временъ генерала Г. Никеля (1662—1664), а можетъ быть съ конца XVI или начала XVII ст. Здѣсь въ заключеніи прибавлено: Per hoc non potest laudari Deus. Другая рукопись (C. M. L. 922) найдена была недавно въ потайномъ шкафѣ церкви св. Михаила въ Мюнхенѣ, которая нѣкогда принадлежала іезуитамъ. Она относится къ 1733 г. и не носитъ на себѣ слѣдовъ іезуитскаго письма. Существованіе обѣихъ этихъ Кодексовъ конечно не доказываетъ, что Monita возникло въ обществѣ іезуитовъ или служило имъ правильнымъ руководствомъ; оно могло быть пріобрѣтено ими, потому что они имѣли уже въ немъ нужду, съ цѣлью своей защиты. Намъ кажется, да тоже и полагаютъ протестантскіе историки церкви Гизелеръ и Дёллингеръ, что Monita поддѣльно и является сатирой на общество. Но конечно оно содержитъ въ себѣ изображеніе дѣятельности іезуитовъ и стремленіе ихъ привлечь къ себѣ свѣтскихъ и духовныхъ властей, подчинить своему вліянію, овладѣть богатствами вдовъ и дѣтей зажиточныхъ семействъ во имя интересовъ своего общества. Но іезуиты не нуждались въ письменномъ руководствѣ для подобнаго плутовства: въ рукахъ менѣе ловкихъ неточныя инструкціи могли бы лишь послужить поводомъ къ скандалу. Въ особенности въ «Monita secreta» нѣтъ недостатка въ сатирическомъ направленіи; напр. «Наши члены должны учреждать коллегіи только въ богатыхъ городахъ, ибо цѣль ордена — подражаніе Іисусу Христу, Который преимущественно держался въ Іерусалимѣ, проходя только по маленькимъ мѣстечкамъ». Далѣе: «Съ увеличеніемъ временныхъ благъ общества наступитъ и золотой вѣкъ его». Наконецъ должно вспомнить, что съ искренней набожностью тысячи членовъ общества іезуитовъ не можетъ быть соединимо изображеніе такой плутовской шайки, какое встрѣчается въ Monita. Всякое преувеличенное изображеніе безнравственности противника вредитъ нападающему, а потому и Monita послужило болѣе въ пользу, чѣмъ во вредъ іезуитамъ.

Der Jesuiten-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte characterisirt von Dr. Johannes Huber. Berlin, 1873. (стр. 42—108).

3. ТРИДЕНТСКІЙ СОБОРЪ.

Никогда еще потребность во вселенскомъ соборѣ не являлась столь ощутительной и всеобщей, какъ въ началѣ XVI в. Князья и народъ разсчитывали такимъ образомъ уничтожить съ одной стороны злоупотребленія, внѣдрившіяся въ церковь, а съ другой — положить предѣлъ быстрому и неудержимому распространенію новыхъ ученій. При *Климентѣ VII* созванію собора препятствовала война между Карломъ V и Францискомъ I, да и вообще, кажется, этотъ папа не былъ расположенъ къ нему; но его преемникъ *Павелъ III* при самомъ своемъ вступленіи тотчасъ же призналъ необходимость собора, назначивъ конгрегацію кардиналовъ, которая должна была заняться приготовленіями къ собору. Папская булла 1536 г. опредѣляла Мантую мѣстомъ собранія, а началомъ — май слѣдовавшаго года. Но протестанты отказались принять участіе въ соборѣ главнымъ образомъ потому, что Мантуа была для нихъ слишкомъ далекимъ и небезопаснымъ пунктомъ; кромѣ того, герцогъ Мантуи выставлялъ нѣкоторыя затрудненія, благодаря которымъ папа вынужденъ былъ отложить открытіе. Папскій легатъ на Шпейерскомъ сеймѣ 1542 г. предложилъ *Тріентъ*, городъ, принадлежавшій австрійскимъ землямъ и находившійся вблизи Германіи и Италіи. Католическіе князья согласились принять это, и 22 мая появилась булла, въ которой 1 ноября признавалось временемъ открытія собора и особенное вниманіе обращалось на необходимость присутствія на немъ нѣмецкихъ прелатовъ и князей. Но такъ какъ война между императоромъ Карломъ и королемъ Франціи возобновилась, то въ Тріентъ явилось небольшое число прелатовъ, которые снова должны были удалиться оттуда. Поэтому папѣ ничего не оставалось, какъ, созвавъ своихъ легатовъ, распустить соборъ, обѣщая открыть его, какъ только наступитъ болѣе благопріятное время. Но лишь только заключенъ былъ миръ въ Крепи, папа съ большимъ усердіемъ началъ хлопотать объ открытіи собора, который и былъ созванъ наконецъ 13 декабря 1545 г. Здѣсь, кромѣ 3 папскихъ легатовъ, присутствовали 4 архіепископа, 22 епископа, 5 генераловъ ордена и послы императора и римскаго короля. При этомъ принято было за правило, которое примѣнялось въ практикѣ прежнихъ соборовъ, чтобы каждому засѣданію предшествовало обсужденіе дѣлъ конгрегаціи; затѣмъ за отдѣльными конгрегаціями слѣдовала генеральная, въ которой постановлялось общее рѣшеніе, переносимое уже на засѣданіе собора. Далѣе признано

было необходимымъ, чтобы всѣ дѣла рѣшались не по націямъ, какъ въ Констанцѣ, но по числу голосовъ.

Установивъ въ третьемъ засѣданіи чтеніемъ никейскаго символа основной догматъ вѣры, который на будущее время могъ быть только развиваемъ догматическими толкованіями, въ четвертомъ засѣданіи уже въ присутствіи 5 кардиналовъ, 19 архіепископовъ и 42 епископовъ приняли два весьма важныхъ постановленія. Въ первомъ говорилось, что соборъ придаетъ *одинаковое* значеніе какъ всѣмъ книгамъ ветхаго и новаго завѣта, такъ и традиціоннымъ ученіямъ и обрядамъ, которые должны ненарушимо сохраняться церковью. Второй декретъ признавалъ подлиннымъ (т. е. не содержавшимъ ничего противнаго вѣрѣ и нравственности) для всѣхъ проповѣдей, диспутовъ и толкованій древній латинскій переводъ, сохраненный церковью подъ именемъ Вульгаты и въ силу этого никто ни подъ какимъ предлогомъ не могъ его отвергнуть. Въ 5-мъ засѣданіи разбирался догматъ о *наслѣдственномъ грѣхѣ*. Въ 6-мъ прочитано важное и подробное постановленіе *объ оправданіи*; 33 правилами его отвергались новыя ученія. Предметомъ 7 засѣданія служило ученіе о *таинствахъ* вообще и о *крещеніи* и *причащеніи* въ частности.

Между тѣмъ въ Тріентѣ распространился слухъ о заразительной болѣзни, признаки которой стали проявляться между жителями; доктора объявили, что въ болѣзни замѣчаются симптомы заразы и присутствіе отцевъ поэтому было небезопаснымъ. Легаты въ 8 засѣданіи предложили перенести соборъ въ *Болонью*; 36 епископовъ согласились на это, но кардиналъ *Пахеко* и 15 епископовъ, подвластныхъ императору, рѣшительно отвергли такое предложеніе, и въ то время, какъ остальные отправились въ Болонью, они, по приказанію своего монарха, остались въ Тріентѣ, впрочемъ не составляя никакихъ соборныхъ рѣшеній. Точно также собраніе въ Болоньѣ не предприняло ничего важнаго; здѣсь хотя и было 2 засѣданія, 9-е и 10-е, но всякія рѣшенія въ окончательной формѣ откладывались до присоединенія къ нимъ оставшихся. 1 мая 1551 г. соборъ снова открылъ свое 11-е засѣданіе въ Тріентѣ, но Генрихъ II французскій, вступившій въ войну съ папой и императоромъ за герцога Пармскаго, запретилъ своимъ епископамъ присутствовать на соборѣ и черезъ своего посланника *Аміота* въ 12 засѣданіи объявилъ, что не признаетъ его вселенскимъ. Несмотря на это, въ 13 засѣданіи прочитано было постановленіе и правила касательно евхаристіи. 14 засѣданіе посвящено было разбору таинствъ *покаянія* и *мѵропомазанія*.

Въ это время въ Тріентъ явились послы отъ герцога Виртембергскаго, курфирста Саксонскаго и нѣкоторыхъ протестант-

скихъ городовъ съ цѣлью добиться свободнаго доступа для своихъ теологовъ. Саксонскіе послы были допущены въ генеральную конгрегацію и, въ ожиданіи прибытія ихъ теологовъ, въ 15 засѣданіи прочитано было постановленіе, которымъ отвергались рѣшенія, принятыя относительно предметовъ, разсмотрѣнныхъ со времени послѣдняго засѣданія. Но протестанты не удовольствовались охранительными граматами; по ихъ мнѣнію, въ послѣднія нужно включить, что ихъ теологи пользуются правомъ рѣшающаго голоса, что принятыя постановленія должны быть снова пересмотрѣны, что только священное писаніе можетъ быть судьей въ дѣлахъ вѣры, что, наконецъ, папа подчиняется собору, а епископы освобождаются отъ данной ему присяги. Но дѣятельность собора вскорѣ должна была прекратиться; началась война между курфирстомъ Морицомъ и императоромъ; войска заняли тирольскіе проходы, многіе епископы, опасаясь нападенія, покинули Тріентъ, а въ 16 засѣданіи 21 апрѣля 1552 г. рѣшено закрытіе собора, несмотря на протестъ 12 испанскихъ епископовъ.

Этотъ перерывъ длился 9 лѣтъ; уже папа *Пій IV* снова созвалъ соборъ въ 1561 г. и 18 января 1562 г. послѣдній былъ открытъ въ третій разъ; въ 17 засѣданіи уже присутствовало 112 прелатовъ; но въ этомъ и въ 3 слѣдующихъ засѣданіяхъ не было предпринято ничего важнаго, такъ какъ все еще ожидали епископовъ другихъ націй.

Когда въ 4 слѣдующихъ засѣданіяхъ были разобраны ученія о причащеніи, возношеніи даровъ, посвященіи, бракѣ, а также разсмотрѣны важнѣйшія постановленія касательно церковной дисциплины, общее желаніе состояло въ томъ, чтобы соборъ, продолжавшійся 18 лѣтъ (съ перерывами), былъ закрытъ. Поэтому 25 засѣданіе приступило къ послѣднему своему рѣшенію объ ученіи объ очищеніи послѣ смерти, почитаніи святыхъ, отпущеніи грѣховъ и т. д. Изъ реформаціонныхъ постановленій, объявленныхъ въ томъ же засѣданіи, одно касалось монашескихъ орденовъ и монастырей, другое — церковнаго отлученія. Наконецъ еще разъ были прочитаны всѣ постановленія собора въ связи. Всѣ отцы, числомъ 255, подписали соборные акты, которые утвердилъ Пій IV въ 1564 г. Вселенскій соборъ въ Тріентѣ безспорно одно изъ важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ событій въ новѣйшей исторіи католической церкви. Мы обязаны ему рядомъ превосходныхъ распоряженій и благодѣтельныхъ постановленій, благодаря которымъ была возстановлена пришедшая въ упадокъ церковная дисциплина, были уничтожены многія злоупотребленія и введенъ лучшій порядокъ въ клиръ. Но онъ имѣлъ бы еще большее значеніе, если бы его предписанія приняты были большинствомъ и точнѣе соблюдались. Догматическія

опредѣленія составлены ясно, точно и толково; благодаря этому, католическая вѣра получала прочную основу. Если собору и не удалось возвратить въ лоно церкви отпавшихъ отъ вѣры, то въ этомъ отношеніи онъ не избѣжалъ только участи всѣхъ предшествовавшихъ соборовъ.

J. Döllinger, Handbuch der christlichen Kirchengeschichte. Изъ Сборника Пютца. Стр. 95—98, изд. 1864 года.

III.

1. ПОЛИТИЧЕСКО-РЕЛИГІОЗНАЯ БОРЬБА НИДЕРЛАНДОВЪ СЪ ИСПАНІЕЮ.

Географическое положеніе и историческое назначеніе Нидерландовъ. Предшествующая исторія ихъ до Карла V. — Филиппъ II и нидерландскій народъ. — Филиппъ въ Брюсселѣ. Отъѣздъ въ Испанію. Ауто-да-фэ въ Вальядолидѣ. Эскуріалъ. — Вильгельмъ Оранскій. — Гранвелла и реакція. — Графъ Эгмонтъ. — Маркизъ Бергенъ и баронъ Монтиньи. — Филиппъ Марниксъ. — Компромиссъ и Гёзы. — Реформаціонное движеніе. — Иконоборство. — Герцогъ Альба. — Кровавый совѣтъ. — Казнь Эгмонта и Горна. — Морскіе гёзы. — Голландія. — Регвезенсъ. — Донъ-Жуанъ Австрійскій. — Кальвинизмъ. — «Гентское возстановленіе мира». — «Вѣчный эдиктъ». — Послѣднія усилія юга. — «Утрехтская унія». — Республика. — Паденіе Антверпена. — Убіеніе Оранскаго. — Марниксъ. — Маркизъ Бергенъ. — Донъ-Карлосъ. Его личность и его судьба. — «Донъ-Карлосъ» Шиллера. — «Эгмондъ Гёте». — Судьба Бельгіи до возстановленія монархіи. — Голландія и конецъ Филиппа. — Филиппъ III и перемиріе. — Бельгія и Голландія, противоположность между ними и ея слѣдствія. — Живопись: Рубенсъ и Рембрандтъ. — Жанристы. — Сходство религіознаго, политическаго и эстетическаго развитія. — Волны нидерландскаго движенія. — Сѣверо-американцы: Прескотгъ и Мотлей. — Нравственный элементъ.

Въ одной части имперіи, которая лишь номинально принадлежала Германіи, въ бургундской области, реформаціонное движеніе не замерло, а скорѣе проявляло себя наиболѣе сильно и глубоко. Отъ силурійскаго Арденскаго хребта и древнихъ известковыхъ горъ Мааса тянется до Нѣмецкаго моря низменная страна новѣйшей теллурійской формаціи, въ то время занимавшая 1,300 кв. м., называемая Нидерландами. Здѣсь мы наглядно убѣждаемся, чего можетъ достигнуть человѣческое стараніе и терпѣніе, а также и въ томъ, что почва есть всецѣло дѣло рукъ человѣка. Идеалъ Фауста: «на свободной почвѣ жить свободнымъ народомъ» счастливо примѣнялся здѣсь въ теченіе столѣтій; черезъ всю исторію Нидерландовъ проходятъ два тузем-

ные генія-хранителя, постоянно смѣняя другъ друга: это *дѣятельность* и *свобода*. Рабство на такой почвѣ не могло долго существовать, ибо наслѣдственная часть нидерландцевъ—физическая и нравственная сила, или, какъ они сами называютъ на своемъ выразительномъ языкѣ: de Kracht en de Deugd.

Белги или Болги, волнующіеся на югѣ; Батавы, древнѣйшіе германскіе разбойники, и Фризы, рожденные на морѣ, на сѣверѣ, отдѣлялись между собой сѣверозападной береговой линіей. Еще въ І-мъ столѣтіи христіанской эры Батавы возставали противъ римскаго господства. Это было во времена Веспасіана и причиной послужилъ ненавистный тягостный трудъ на чужаго повелителя, принужденіе къ военной службѣ. Герой той эпохи, *Клавдій Цивилисъ*, по Тациту, держалъ слѣдующую рѣчь къ своимъ соотечественникамъ: «Снова приближается время набора солдатъ, чтобы навсегда отнять дѣтей у родителей, брата у брата и подвергать вашу цвѣтущую молодость вліянію римской порочности. Теперь, Батавы, ваша очередь! Никогда Римъ не былъ такъ обезсиленъ, какъ теперь. Не бойтесь имени ихъ легіоновъ, въ ихъ лагеряхъ только старики, да добыча. У насъ же есть пѣхота и конница, Германія за насъ, Галлія стремится сбросить съ себя тяжкое иго. Пусть имъ служитъ Сирія, Азія и Востокъ, если послѣднимъ нужны короли! Между нами еще есть такіе, которые жили прежде, чѣмъ платили дань римлянамъ. Боги всегда на сторонѣ храбрѣйшихъ!»

Чудесный зовъ, нашедшій себѣ откликъ въ XV столѣтіи и пробудившій втораго болѣе счастливаго Клавдія противъ чужеземнаго господства!

Около 300 года дошла очередь до галльскихъ Белговъ, самыхъ первыхъ земледѣльцевъ-воиновъ. На нѣкоторое время они овладѣли даже Британіей. А когда натискъ народовъ начался, когда разрушался камень за камнемъ въ постройкѣ всемірнаго господства Рима, откуда вышли *всѣ* мужи, завоевавшіе Галлію и оживившіе одряхлѣвшее тѣло запада притокомъ свѣжаго жизненнаго сока.

Изъ Нидерландовъ и изъ за Нижняго Рейна, *Токсандріи*, изъ Кампаньи вышли Франки.

Рано въ средніе вѣка, въ XI вѣкѣ, на фламандской почвѣ вплоть до теперешней сѣверной Франціи возникли Commoignes jurées—присяжныя общины, служившія значительнымъ противовѣсомъ духовному и свѣтскому феодализму. Еще въ XI вѣкѣ во Фландріи началось освобожденіе крестьянъ. На народномъ собраніи въ Oudenarde рѣшено было: крестьянинъ одинаково съ горожаниномъ освобождается отъ всякаго обвиненія 12 присяжными. Первый іерусалимскій король, Готфридъ Бульонскій, былъ бельгійскимъ рыцаремъ. Гражданами были тѣ ткачи и

сукновалы, которые служили Филиппу Красивому при Куртре въ 1302 г. фламандскими пиками и Goedendogs, такъ какъ они не хотѣли, чтобы съ ними поступали, какъ «съ французскими провинціями, гдѣ жители были *рабами*». Болото, гдѣ погибли французскіе рыцари, еще и до сихъ поръ называется «кровавымъ лугомъ»; 4,000 паръ шпоръ принесла съ собой домой гражданская милиція и украсила ими свои церкви. Битва же навсегда получила названіе шпорной.

Въ 100-лѣтней франко-англійской войнѣ за престолонаслѣдіе жители Гента и Брюгге находились на сторонѣ родственныхъ англо-саксовъ противъ французовъ. Іаковъ-ванъ-Артвельдъ, великій гражданинъ города Гента, принудилъ къ войнѣ графа Фландрскаго. 60,000 вооруженныхъ прогнали французовъ изъ Геннегау, а въ большой морской битвѣ при Слюй (1340 г.), когда Брюгге еще лежалъ при морѣ, фламандскіе матросы помогли англійскому флоту выиграть побѣду, разбивъ французскихъ моряковъ. Также при Креси (1346 г.) побѣда англійскаго Эдуарда имѣла такой блескъ только благодаря помощи фламандцевъ. Франція въ 1369 году должна была возвратить Фландріи Лиль, Дуэ, Бетинъ, Гесдэнь. Городъ Орлеанъ и король Карлъ обязаны своимъ спасеніемъ Орлеанской Дѣвѣ гораздо менѣе, чѣмъ удаленію бургундо-бельгійскихъ войскъ.

Огромный планъ обоихъ Артвельдовъ, Іакова и Филиппа, — составить изъ «присяжныхъ общинъ» *демократическую конфедерацію*, а слѣдовательно двумя столѣтіями раньше основать республику изъ соединенныхъ провинцій, не удался; дѣло соединенія выпало на долю бургундцевъ. Іоаннъ Безстрашный соединилъ въ своихъ рукахъ Бургундію, Фландрію и Артоа; Филиппъ Добрый прибавилъ къ нимъ въ 1428 году Голландію и Геннегау, въ 1429—Намуръ, въ 1430—Брабантъ, въ 1443—Люксембургъ. Карлъ Смѣлый одно время владѣлъ землями отъ области свободныхъ фризовъ до предѣловъ Швейцаріи. Утрехтъ находился подъ его покровительствомъ, Гельдернъ онъ завоевалъ; его Нидерланды включали въ себѣ Артоа, Камбрэ и Пикардію, Калэ, Булонь, Аббевиль, Аміенъ, С. Кентэнь; усмиренный Люттихъ былъ подъ его покровительствомъ, Люксембургъ принадлежалъ ему же; Лотарингія была имъ завоевана, герцогство и свободное графство Бургундія составляли его родовое наслѣдство; Эльзасъ находился въ его распоряженіи въ видѣ залога. Благодаря безтолковой страстности Карла, это междуцарствіе, счастливое обновленіе Лотарингіи, разбилось въ дребезги. Людовикъ XI, безбожный магъ изъ Франціи, воспользовался случаемъ и захватилъ себѣ герцогство Бургундію. Эрцгерцогъ Максиміліанъ Австрійскій женился на дочери Карла Смѣлаго, Маріи; ея сынъ въ 1494 г. сдѣлался владѣтелемъ собственно Нидерландовъ, ко-

торые въ 1506 г. перешли къ Карлу Гентскому. Между 17 провинціями тогда еще насчитывалось 6 французскихъ департаментовъ. Еще въ 1544 году, во время мира при Крепи, Францъ I долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ коронныхъ правъ на Артоа и обѣ Фландріи.

Здѣсь съ давнихъ поръ установилась государственная жизнь. Уже въ XIII столѣтіи герцоги Брабантскіе при Joyeuse Entrée торжественно клялись строго блюсти права страны. Сословія играли значительную роль въ правленіи, охраненіе личныхъ правъ находилось на прочномъ основаніи, слово было свободно. Также и Бургунды должны были подтверждать присягой старинныя привилегіи отдѣльныхъ провинцій.

Іоаннъ Безстрашный не касался фламандскаго языка и англійской торговли; онъ увеличилъ тягостные налоги. Столь же рано, какъ присяжныя общины и освобожденіе крестьянъ, въ Нидерландахъ началось мореплаваніе и торговля. Еще въ XI вѣкѣ фризскіе корабли ходили въ Левантъ, черезъ Бельтъ, даже до сѣверной оконечности Россіи. Не одни норманны были смѣлы. Фламандскія гавани, особенно Слюй (Sluys) при Брюгге, служили важнѣйшими складочными пунктами между сѣверомъ и югомъ, съ тѣхъ поръ какъ къ нимъ перешла всемірная торговля Италіи. Всѣ націи сходились здѣсь. Брюгге въ XIV и XV вѣкахъ являлся огромной ярмаркой для всего свѣта. Ганза принуждена была согласиться здѣсь же покупать; роскошь доходила до неслыханнаго. Бургундскій дворъ сдѣлался великолѣпнѣйшимъ на землѣ; послѣ Грансонской и Муртенской битвъ швейцарцамъ досталась огромная добыча, которой они, къ счастью, не съумѣли воспользоваться: они продавали серебро какъ олово, золото — какъ мѣдь. Изъ Бургундіи роскошь перешла къ французскому и австрійскому дворамъ; въ Брюсселѣ, казалось, дѣйствительно отыскано было «золотое руно». Это блестящее великолѣпіе въ обстановкѣ, эти переливы цвѣтовъ въ одеждѣ, золото и украшенія до сихъ поръ еще видны въ картинахъ Ванъ-Эйка, которыя нерѣдко наперекоръ своему предмету выставляютъ на показъ пріятный реализмъ.

Брюгге такъ возгордился, что насмѣхался надъ Филиппомъ Добрымъ и императоромъ Максимиліаномъ, въ спорѣ же съ послѣднимъ изъ-за опеки надъ его сыномъ Филиппомъ (въ 1488 г.) взялъ его подъ арестъ, въ которомъ онъ долженъ былъ просидѣть съ февраля по май. Только посредствомъ договора, заключеннаго за поручительствомъ трехъ дворянъ, римскій король добился своего освобожденія. Максиміліанъ отмстилъ разбойничьему городу. Антверпенъ и Остенде помогли Габсбургамъ запереть гавань Брюгге. Но какъ только сошелъ съ своей высоты Брюгге, къ концу XV столѣтія возвысился Антверпенъ.

Въ 1516 году Антверпенъ, несмотря на морской путь въ Остъ-Индію, сталъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ въ мірѣ; здѣсь испанцы покупали предметы нидерландскаго производства и вестъ-индскіе товары, итальянцы получали здѣсь произведенія восточной Азіи. Въ одинъ мѣсяцъ Антверпенъ производилъ такую торговлю, какую Венеція — въ два года. Ежедневно приходило и уходило до 500 кораблей; болѣе 200 каретъ выѣзжало изъ воротъ, до 2,000 фуръ отправлялось каждую недѣлю во внутрь страны, не считая при-этомъ 10,000 телѣгъ съ хлѣбомъ. Для войнъ съ Карломъ V одинъ только Антверпенъ доставилъ 40,000,000 золотыхъ гульденовъ. Итальянецъ Гвиччардини, продолжатель Макіавелли, былъ въ восторгѣ отъ города.

Онъ подтверждаетъ, что въ Нидерландахъ изобрѣтены были карманные и солнечные часы и улучшенъ компасъ. Всякому извѣстны великолѣпные ковры Арраса, называемые Arrazzi—удивительный результатъ туземной промышленности. По устройству городовъ Нидерланды въ извѣстномъ смыслѣ превосходили даже Италію, такъ какъ тамъ, при полной децентрализаціи страны, различіе между городомъ и деревней исчезало; здѣсь насчитывалось до 350 укрѣпленныхъ городовъ и болѣе 6,000 мѣстечекъ и деревень. Брюгге заключалъ въ себѣ въ XV в. 20,000 жителей. Гвиччардини утверждаетъ, что между простолюдинами было мало такихъ, которые не умѣли бы читать и писать. Точно также земледѣліе въ Нидерландахъ очень рано перестало слѣдовать рутинѣ; оно было возведено на степень промышленности, благодаря необыкновенно плодородной почвѣ.

Многое могли Нидерланды простить бургундскому дому и наслѣдственному княжеству. Одного уже совсѣмъ нельзя было извинить, что поражало жизнь этой страны прямо въ сердце: полное попираніе принципа. Эта благословенная страна перешла къ Карлу V, который въ 1555 г. уступилъ её загадочному чудовищу, флегматичному истребителю народа, безчеловѣчному Филиппу.

Внутреннее противорѣчіе такого положенія выступило уже при императорѣ Карлѣ: свободныя общины вдругъ вошли въ составъ всемірной монархіи. Что оставалось дѣлать этому самобытно сложившемуся, изолированному, организму съ абстрактнымъ универсальнымъ господствомъ?

Можно ли было допустить, чтобы его «свобода и привилегіи» сглажены были единообразнымъ планомъ Цезаря! Нидерланды— провинція, подчиненная искусственно созданному комплексу странъ! Это было задушевной мыслью Карла, но сердечнымъ страданіемъ для Нидерландовъ!

Трибуналъ въ Мехельнѣ внезапно подчинился королевскому совѣту въ Брюсселѣ, иностранцы заняли важнѣйшія должности, чужеземныя войска — страну; требованія податей болѣе уже не

прекращались. Ничто не было пощажено, кромѣ интересовъ торговли.

Ко всему этому новая вѣра. Нигдѣ новыя идеи не циркулируютъ такъ быстро, какъ на большой ярмаркѣ, онѣ пристаютъ къ купеческому кораблю. Купцы приносили реформацію въ Амстердамъ и Антверпенъ. Къ коммерческому воззрѣнію на рискъ и прибыль, на личную отвѣтственность за всякое предпріятіе особенно подходило понятіе, что каждый самъ за себя долженъ отвѣчать передъ небомъ. Недѣльная работа, отдыхъ по воскресеньямъ, уничтоженіе многихъ праздниковъ и вѣчныхъ обѣдней — всегда было дѣломъ по преимуществу коммерческаго и промышленнаго сословія, гораздо раньше протестантизма. Прелесть красокъ, музыки, все великолѣпіе старой церкви иначе занимало художественныя натуры: практическіе же люди не обходились безъ этого. Дворянство страны, стремившееся въ иностранные университеты и не всегда выносившее изъ нихъ такое убѣжденіе, какое поставилъ себѣ условіемъ г. Рехбергъ въ Тюбингенѣ, что «онъ не привезетъ съ собой ничего латинскаго» — дворянство это возвращалось на родину съ еретическими взглядами, особливо изъ Женевы. Праздностью монаховъ весь народъ былъ возмущенъ, реторическія общины «Rederycker» (Редерикеры) непрерывно распространяли пропаганду [1]) «братство общежитія» въ Девентерѣ имѣло особенно сильное вліяніе въ своей мѣстности. Съ сѣвера рвались перекрещенскія идеи, которыя отсюда уже пускали свои отпрыски въ Мюнстерѣ; Насколько учрежденія Нидерландовъ имѣли исключительно мѣстный характеръ, настолько же, напротивъ, космополитично складывалась самая жизнь въ ней, благодаря сообщенію, преслѣдованію, даже благодаря ненавистнымъ войскамъ. Здѣсь собирались нѣмецкіе лютеране, французскіе кальвинисты, 3,000 англійскихъ протестантовъ, убѣжавшіе отъ кровавой Маріи. Быть можетъ, Греція существовала бы до сихъ поръ, еслибы она не смотрѣла на каждаго чужеземца какъ на «варвара».

Подобнымъ состояніемъ соблазнялся Карлъ V. Устрашающіе эдикты, невозможные въ Германіи, онъ обнародывалъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ сначала въ 1530 г., потомъ возобновленные и изощренные въ 1550 г. Во всѣхъ провинціяхъ учреждались религіозные суды съ страшной неограниченной властью: распространеніе новаго ученія, тайная сходка, преслѣдовались смертью, мужчины истреблялись мечемъ, женщины погребались заживо.

---

[1]) *Редерикеры*, такъ называемые члены поэтич. общества, образовавшагося въ началѣ XV ст., подъ франц. вліяніемъ; оно имѣло вліяніе на распространеніе реформ. идей.

Отпавшіе отъ старой вѣры приносили покаяніе въ пламени. Ленныя владѣнія, вопреки всѣмъ правамъ, конфисковались. Только инквизиція — и это являлось послѣдней жалкой уступкой— *не называлась* испанской; иностранцы и доминиканцы не получали въ ней никакой должности. Но отъ 56 до 100,000 человѣкъ было истреблено въ это время. Однакожъ народъ не ограничивался однимъ сѣтованіемъ: онъ превзошелъ даже Ганзу въ Балтійскомъ морѣ. Карлъ былъ къ нему слишкомъ благосклоненъ, расположенъ, онъ постоянно увѣрялъ, что любитъ нидерландцевъ. Съ удовольствіемъ онъ называлъ себя «Карломъ Гентскимъ»; Брюссельскій музей еще и до настоящаго времени хранитъ его люльку. Небольшая страна доставляла почти столько же налоговъ, сколько Англіи давала конфискація церковныхъ имуществъ. Затѣмъ явился Филиппъ, совершенный испанецъ и монахъ — и Нидерланды взялись за оружіе.

Но какая разница даже въ личностяхъ и цѣляхъ. Здѣсь довольный, веселый народъ, настолько же трудолюбивый, насколько лукавый — говорятъ, что въ Бельгіи, въ тиши монастырей, большая половина *Рейнеке Фуксъ* составлена — тамъ ничтожный сухой автоматъ, никогда не оставлявшій своего кабинета и отсюда приводившій въ движеніе другихъ автоматовъ; молодой старикъ — ему еще не было 30 лѣтъ, когда отецъ оставилъ ему два свѣта, — для котораго церемонія составляла священнѣйшую важность,—этотъ самъ странствующая церемонія. Здѣсь широта на небольшомъ пространствѣ, самое пестрое разнообразіе, неудержимое развитіе всякой индивидуальности, эксплоатированіе всѣхъ поясовъ, куда только направлялось мореплаваніе — тамъ узкій умъ, имѣвшій притязаніе управлять по собственной волѣ Испаніей, Верхней и Нижней Италіей, Нидерландами, Ораніей, Тунисомъ и островами зеленаго мыса вмѣстѣ съ Канарскими и Филиппинскими и многими изъ большихъ Молукскихъ, Антильскихъ, Мексикой, Перу. Съ одной стороны учащійся, жаждущій знанія, мыслящій народъ, о которомъ одинъ испанецъ сказалъ, что «онъ посвящаетъ себя изученію наукъ и особенно гуманистическихъ, занимается различными языками, такъ что, не оставляя своихъ жилищъ, нидерландцы понимаютъ 3 или 4 изъ важнѣйшихъ нарѣчій», съ другой — кичливый Гидальго, посаженный въ человѣческую клѣтку, приковавшій взоры къ землѣ, сосущій конфекту и высиживающій погибель.

Сверхъ того до 1568 г. Филиппъ былъ супругомъ королевы Маріи Англійской. Своего дядю Фердинанда и двоюроднаго брата Максимиліана, германскихъ императоровъ, онъ считалъ вассалами.

Противъ такой силы небольшое населеніе Нидерландовъ вступило въ борьбу на жизнь и на смерть, борьбу, длившуюся въ теченіе 80 лѣтъ и окончившуюся тріумфомъ голландской сво-

боды. Маленькая страна побѣдила владѣтеля царства, въ которомъ не заходитъ солнце! «Маленькая страна» — фраза! Велики только духомъ и мужествомъ, велики только подъ эгидой свободы, подъ знаменемъ идеи, которую съ мечемъ въ рукахъ и неустрашимостью во взглядѣ, даже среди вихря пламени, осмѣливаются пронести черезъ дымящіяся развалины и кучи обнаженныхъ труповъ. Исполины овладѣваютъ глиняными глыбами, изъ которыхъ только творящій духъ лѣпитъ образы. «Солнце не заходило въ его царствѣ» — самая избитая фраза, такъ часто пережевываемая! Солнце никогда *не всходило* надъ этимъ монастыремъ, притворъ котораго служилъ казармами.

Къ церемоніи отреченія своего отца Филиппъ прибылъ изъ Англіи, гдѣ, будучи супругомъ королевы Маріи, напрасно ожидалъ потомства. Расположеніе къ важной болѣзни у его супруги, которая была на 11 лѣтъ старше его, являлось враждебнымъ рубежомъ между нимъ и его разсчетами на Англію, а отсюда между нимъ и всякимъ приличнымъ отношеніемъ къ королевѣ. Отсюда также измѣненіе въ ходѣ дѣлъ на континентѣ представлялось ему крайне желательнымъ.

Живописецъ Галлэ съ исторической точностью и полнотой своей кисти изобразилъ «отреченіе Карла V». Стоитъ рано состарѣвшійся императоръ, блѣдный, съ впалыми глазами и отвисшими губами, опершись на серьезно-смотрящаго, но окрѣпшаго молодаго человѣка; передъ нимъ на колѣняхъ другой молодой человѣкъ, топорный во всей своей посадкѣ, неловкій даже въ чертахъ лица. Кругомъ «коронованные вельможи». Первый изъ молодыхъ людей — *Вильгельмъ Оранскій*, второй — *Филиппъ*.

Карлъ внушалъ своему сыну долгъ благодарности за раннее отреченіе отъ такихъ прекрасныхъ владѣній, желая ему «никогда не быть вынужденнымъ отречься въ пользу своего сына». Оторопѣвшій Филиппъ отвѣчалъ, что онъ не въ состояніи отвѣчать, такъ какъ не понимаетъ ни по французски, ни по-фламандски, а чтобы за него говорилъ епископъ Арраскій. Свою благодарность онъ уже доказалъ: въ С. Юстѣ все еще не былъ готовъ домъ, который выпросилъ у него его отецъ уже въ 1553 году. Онъ не былъ готовъ и въ 1556 г. и даже въ слѣдующемъ году императору пришлось дожидаться 3 мѣсяца его окончанія. Когда императоръ въ 1558 г. умеръ, Филиппъ заарестовалъ всѣ его бумаги, драгоцѣнныя авто-біографическія замѣтки и затѣмъ велѣлъ ихъ сжечь.

До сихъ поръ онъ былъ дипломатомъ, теперь пришла очередь показать себя холоднымъ фанатикомъ. Въ Нидерландахъ Филиппъ дожилъ до великаго торжества надъ французско-папской коалиціей между Генрихомъ II и Павломъ IV. Филиппъ, также какъ и его отецъ, велъ войну противъ папы. И въ довершеніе

сумятицы въ папской арміи находилось множество протестантовъ, которые насмѣхались надъ изображеніями святыхъ и богослуженіемъ, нарушали посты и т. п. Герцогъ Альба стѣснилъ Римъ и продиктовалъ папѣ кроткій миръ, хотя папа уже подарилъ верхнюю и нижнюю Италію сыновьямъ французскаго короля. На сѣверной границѣ Нидерландовъ выигралъ битву Филибертъ Савойскій, а графъ Эгмонтъ — надъ французами.

Ламораль, графъ Эгмонтъ, или, какъ онъ себя любилъ называть, графъ Гаврскій, въ качествѣ предводителя конницы, рѣшилъ битву при С. Кентэнь и одержалъ побѣду при Гравелингенѣ. Освѣщенный бенгальскимъ огнемъ, герой явился передъ народомъ; Филиппъ же думалъ, что все сдѣлалъ св. Лаврентій.

По миру въ Шато-Камбрези, въ 1559 г. Генрихъ II отдалъ герцогство Савойю и взамѣнъ получилъ только Калэ, отнятый у англичанъ. Это было высшимъ пунктомъ счастья для Филиппа: отсюда же пошли неудачи. Морская битва при Лепанто въ 1571 году не принесла никакихъ результатовъ; завоеваніе Португаліи въ 1580 г. являлось обоюдной выгодой; 60-лѣтняго испанскаго господства достаточно было, чтобы удержать обѣ части Иберійскаго полуострова въ непримиримомъ отчужденіи одна отъ другой. Ни одна *династія* не соединитъ когда-либо Испанію и Португалію.

Ничтожному монарху не нравилось въ Брюсселѣ. Онъ сдѣлалъ свою побочную сестру Маргариту Пармскую, ученицу Лойолы и изобрѣтательницу знаменитаго омовенія ногъ, регентшей Нидерландовъ, поставилъ во главѣ государственнаго совѣта Гранвеллу, епископа Арраскаго, сына императорскаго канцлера, и ушелъ. Своего самаго опаснаго соперника онъ только еще учился узнать; это былъ Вильгельмъ Оранскій, послѣдняя опора императора.

Когда Гранвелла потребовалъ отъ генеральныхъ штатовъ въ Гентѣ новыхъ налоговъ, Вильгельмъ сталъ ходатайствовать за уменьшеніе тягостей, удаленіе испанскихъ войскъ, которыя занимали страну подъ начальствомъ герцога Феріа, и занятіе должностей уроженцами. Генеральные штаты вотировали эти желанія и жалобы. Филиппъ не измѣнился въ лицѣ: онъ обезпечилъ себѣ тайнымъ пунктомъ мирнаго договора при Шато-Камбрези помощь со стороны французовъ противъ вольностей нидерландцевъ. Онъ ушелъ.

Онъ, при отплытіи въ Испанію, едва-едва не подвергся бурѣ и погибели; 1,000 человѣкъ потонуло, его же «Богъ» спасъ. Въ Вальядолидѣ тотчасъ же устроили ауто-да-фэ. Въ присутствіи короля, его сестры Анны, донъ-Карлоса и всего двора, инквизиція потащила 30 еретиковъ на костеръ; 14 изъ нихъ было позволено «покаяться» и они навсегда отправились въ тюрьму; 14 другихъ

покаялись и были только гаротированы. Двое же изъ нихъ остались непреклонными. Имена ихъ представляютъ собой замѣчательную игру исторіи: одинъ былъ Доминго Рохасъ, доминиканецъ и сынъ *Маркиза Позы*; другой — *донъ-Карлосъ Сесо*, благородный флорентинецъ, раньше любимецъ Карла V, какъ и Вильгельмъ Оранскій.

Донъ-Карлосъ де Сесо приблизился къ королю: «Какъ, въ состояніи вы быть свидѣтелемъ моихъ мукъ и дозволить ихъ?» сказалъ онъ. На это Филиппъ отвѣчалъ: «я самъ-бы принесъ дровъ, *чтобъ сжечь собственнаго сына*, если бы онъ былъ такъ упоренъ, какъ вы». Сынъ сидѣлъ здѣсь же; немного раньше отецъ взялъ для него невѣсту въ Шато-Камбрези. Но другой донъ-Карлосъ и сынъ Маркиза Позы въ Санъ Бенито, въ одеждѣ еретика съ желтыми факелами и чертями, взошли на костеръ.

Филиппъ не покидалъ болѣе Испаніи. Вблизи Мадрида онъ приказалъ выстроить въ видѣ рѣшетки, въ честь св. Лаврентія, дворецъ, который въ одно и то же время былъ бы монастыремъ, церковью и могилой, назвавъ это эстетическое чудовище Эскуріалъ. Изъ Мадрида туда ведетъ пустынная дорога безъ тѣни. Одинъ или два раза въ годъ король позволялъ себя видѣть въ корридорѣ, который велъ въ капеллу; но и это со временемъ прекратилось и испанцы покланялись «неизвѣстному Богу». Изъ Эскуріала Филиппъ хотѣлъ управлять міромъ, находя, что послѣдній подчинился своему собственному ходу.

Его опаснѣйшимъ врагомъ мало-по-малу сдѣлался Вильгельмъ Оранскій, котораго Гранвелла называлъ Le Taciturne, Молчаливымъ. Дядя Вильгельма, Генрихъ Нассаускій, посредствомъ брака пріобрѣлъ княжество Оранжъ во Франціи — вотъ почему и самое названіе Нассау-Оранскій Вильгельмъ наслѣдовалъ дядѣ. Его отецъ, Вильгельмъ Нассаускій, имѣлъ своимъ мѣстопребываніемъ Дилленбургъ, гдѣ Молчаливый впервые увидѣлъ свѣтъ 14 апрѣля 1533 г. Въ Нидерландахъ, особенно въ Бредо, семейство весьма обогатилось. Карлъ V полюбилъ молодаго принца и отдалъ его на воспитаніе своей овдовѣвшей сестрѣ, Маріи Венгерской, правительницѣ Нидерландовъ. Благодаря этой просвѣщенной и доброй женщинѣ, Вильгельмъ нетолько сдѣлался вполнѣ нидерландцемъ, но и расположился къ лютеранству. Когда Филиппъ сдѣлалъ регентшей свою сестру Маргариту, надъ которой установилъ строжайшій надзоръ государственнаго совѣта, онъ старался вознаградить рыцарей Золотаго Руна, Оранскаго, Эгмонта и Горна, за ихъ ограниченное положеніе въ государственномъ совѣтѣ: Оранскій сдѣлался штатгальтеромъ Голландіи, Зеландіи, Фрисланда, Утрехта; Эгмонтъ — штатгальтеромъ Фландріи и Артоа; Горнъ — главнымъ адмираломъ.

Таковъ порядокъ вещей былъ въ то время, когда Филиппъ оставилъ Нидерланды, отозвавъ испанскихъ солдатъ. Реакція съ папой и Франціей была покончена. Гранвелла сдѣлался кардиналомъ; вмѣсто 4-хъ епископствъ выступила на сцену, Павломъ IV установленная, іерархія: 14 епископствъ, въ томъ числѣ 3 архіепископства; католическая школа въ Дуэ; при каждой епископской каѳедрѣ инквизиторскій судъ съ 2 инквизиторами; кардиналъ-архіепископъ въ Мехельнѣ — великій инквизиторъ. Всѣ эти чины содержались, конечно, на деньги страны.

Испанская инквизиція была такова: малѣйшій доносъ приводилъ къ казни, ничтожнѣйшіе люди-доносчики изъ-за личныхъ основаній были вознаграждаемы и никогда не выдавались; казни совершались въ огромномъ числѣ, но заключенные освобождались народомъ, новые вѣрующіе выростали изъ кроваваго сѣмени; народъ носилъ съ тріумфомъ евангелическихъ проповѣдниковъ.

Реакція отвѣчала неумолимостью, постановленія Тридентскаго собора проводимы были съ страшной жестокостью. Въ благодарность за такое торжественное утвержденіе Tridentinum папа предоставилъ королю право самому выбирать епископовъ; свободный выборъ уничтоженъ; связь нидерландской церкви съ нѣмецкой и французской разорвана. Преслѣдованіе распространилось по всей странѣ. Оранскій, Эгмонтъ и Горнъ отказались участвовать въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта; они возвратились въ свои штаттгальтерства, Эгмонтъ во Фландрію, Оранскій въ Голландію. Послѣдній съ особенной энергіей не допускалъ къ себѣ преслѣдователей.

Маргарита Пармская приняла наконецъ участіе въ нападеніи на Гранвеллу; кардиналъ — великій инквизиторъ былъ отозванъ, но испанскія креатуры, Барлэмонъ, Виглій и другіе, продолжали начатое имъ дѣло. Тогда Эгмонтъ въ 1565 г. отправился въ Мадридъ спеціально для того, чтобъ открыть королю глаза.

Графъ Эгмонтъ, принцъ Гаврскій, побѣдитель при С. Кентэнѣ и Гравелингенѣ, происходилъ отъ древнихъ фризскихъ королей, тоже что «швейцарскіе короли».

Онъ былъ пажемъ Карла V-го и принималъ участіе въ походѣ въ Варварійскія владѣнія, гдѣ онъ отличился на глазахъ Карла. Онъ женился на Сабинѣ Баварской, сестрѣ пфальцграфа, въ гор. Шпейерѣ, гдѣ эта свадьба праздновалась по княжески, цѣлую недѣлю. Онъ носилъ орденъ Золотаго Руна и былъ упоенъ своими успѣхами. Крайне взыскательный въ своихъ требованіяхъ, избалованный расположеніемъ народа, гордый генералъ кавалеріи игралъ революціей, чтобы измѣнить ей, когда ему это будетъ выгодно. Таковъ былъ человѣкъ, который отправлялся къ

королю Филиппу, чтобы сообщить ему о страданіяхъ и стонахъ униженнаго народа.

Мнѣніе Гранвеллы объ Эгмонтѣ было таково: «этотъ человѣкъ благонамѣренный и честный, но слабый, вѣтренный и податливый на лесть, его легко подбить на что-нибудь дурное». Оранскій выражался серіознѣе и строже: «онъ отуманенъ испанскими тонкостями; самолюбіе и тщеславіе ослѣпили его остроуміе; гоняясь за своей личной выгодою, онъ забылъ благо народа». Филиппъ очень упрекалъ его, выставлялъ на видъ 100,000 жизней людей, которыми онъ готовъ былъ жертвовать, велѣлъ ему выдать 50,000 дукатовъ для уплаты его долговъ и обѣщалъ выдать приданое его безчисленнымъ дочерямъ. Филиппу нечего было опасаться его, онъ не могъ повліять на нидерландскую политику Филиппа.

Въ слѣдующемъ году регентша послала въ Мадридъ двухъ другихъ дворянъ, съ цѣлью сообщить истинное положеніе вещей на этотъ разъ не совсѣмъ доступному Филиппу. Это были маркизъ Бергенъ и баронъ Монтиньи, братъ графа Горна. Монтиньи колебался, пока Филиппъ не поймалъ его въ свою ловушку льстивыми словами. Бергенъ и Монтиньи тотчасъ же очутились плѣнниками. Бергенъ заболѣлъ, доктора настаивали на его возвращеніи. Филиппъ сопротивлялся этому, и маркизъ умеръ въ 1567 году въ Мадридѣ. О Монтиньи мы скажемъ ниже.

Невозможно вполнѣ оцѣнить ничтожества нидерландскаго дворянства, особенно его высшаго круга; даже большинство мелкаго дворянства не пошло дальше компромисса и первыхъ вспышекъ революціи; многіе боялись демократическаго движенія и охотно мирились на полученіи должностей, чиновъ и привилегированныхъ званій. Въ массѣ Эгмонтъ былъ еще однимъ изъ лучшихъ, если и не по своимъ политическимъ принципамъ, то по натурѣ.

Исключимъ изъ бельгійскаго дворянства обоихъ Монморанси, графа Горна и барона Монтиньи, маркиза Бергенъ, пожалуй еще графа Эгмонта и Бредероде, и посмотримъ, что останется! Несомнѣнно одинъ достойнѣйшій изъ всѣхъ, не только относительно своего отечества, но и всего XVI-го вѣка, украшеніе человѣческаго рода: *Филиппъ Марниксъ де Ст. Альдегонде.*

Филиппъ Марниксъ былъ въ одно и то же время человѣкомъ дѣла и философомъ движенія, истинный ученый и администраторъ. Его оппозиція противъ дона Филиппа вытекала не изъ эгоизма, не изъ прихоти; онъ исходилъ изъ сословныхъ правъ, какъ каждый великій политикъ, но онъ добивался бо̀льшаго, чѣмъ сколько допускало рутинное доктринерство.

Онъ стоялъ на почвѣ новаго свободнаго духа, реформы и возрожденія; онъ глубоко понималъ требованія вѣка и сдѣлался

его сознательнымъ слугою. На высотѣ своего положенія онъ протянулъ руку Оранскому и въ доказательство его еще большаго безкорыстія можно сказать: Оранскій *заслуживалъ* быть его другомъ, и онъ былъ имъ.

Филиппъ Марниксъ въ 1565 г. учредилъ «общество» противъ инквизиціи и нарушенія государственныхъ законовъ; какъ послѣднее средство въ случаѣ безуспѣшности другихъ, предполагалось употребить въ дѣло вооруженную силу. Главными членами этого общества, устроившаго первоначально свои засѣданія въ домѣ г-на ф. Гаммесса, гросмейстера Золотаго Руна, были: Лудвигъ Нассаускій, братъ Оранскаго, графъ Бредероде добрый товарищъ, графъ Мансфельдъ, графъ Куйлембургъ, Іоаннъ ф. Марниксъ, г-нъ ф. Тулуза, братъ Филиппа. Число членовъ общества съ 9-ти скоро возрасло до 1000, къ нему присоединились даже священники и считавшіеся роялистами. Въ Куйлембургскомъ дворцѣ, въ Брюсселѣ, составленъ былъ знаменитый «компромиссъ» или просьба и жалоба къ регентшѣ, со времени подачи которой (1566) считается начало нидерландской революціи. 400 дворянъ подписались здѣсь и 5-го апрѣля лично представили его въ государственный совѣтъ. Регентша испугалась, увидя изъ окна это шествіе, но напыщенный Барлемонъ успокаивалъ ее: «Не бойтесь этихъ нищихъ; этихъ дармоѣдовъ и голодныхъ!» Многіе дѣйствительно дошли до этого сквернаго положенія подъ гнетомъ того времени, они же избрали это названіе своимъ почетнымъ титуломъ, надѣвали на себя сумы нищенствовавшихъ монаховъ или странниковъ и пили изъ деревянныхъ кубковъ. Вскорѣ Брюссель переполнился пепельносѣрыми платьями пилигримовъ, съ висѣвшими на нихъ деревянными чашками, обтянутыми листовымъ серебромъ; на шляпахъ они носили или кубки или ножи, на шеѣ нищенскій пфеннигъ съ надписью: «Вѣренъ королю до нищеты». Вотъ что стало изъ «человѣческой головы въ дурацкомъ колпакѣ», который, въ насмѣшку надъ кардиналомъ Гранвеллой, носили на модныхъ висячихъ рукавахъ: голову замѣнилъ кубокъ, дурацкій колпакъ — нищенская сума! Подобные эпитеты и протесты имъ находили себѣ мѣсто во всѣ времена; всѣ средніе вѣка оглашались боевымъ призывомъ: «то Вельфъ, то Вайблингъ!» Въ XIV столѣтіи бунтовавшіе крестьяне во Франціи назывались: «Jacques bonhome», «простофиля или бѣдный Яковъ»; въ Англіи «Lollarden» или «Levellers», громкими молельщиками или одноблузниками (Gleichfeger); въ XV столѣтіи появился «Союзный башмакъ» въ противоположность рыцарской обуви. Въ XVII-мъ столѣтіи въ Англіи враждовали «Круглоголовые и Кавалеры», въ XVIII столѣтіи въ Швеціи «Шапки и Шляпы». Кто не знаетъ «Взрывающихъ и воющихъ» 1848 года? Кто не слыхалъ объ

«Истопникахъ и тормозныхъ» въ Гессенѣ? Почетнымъ же титуломъ названіе Гёзовъ сдѣлалось только у голландскихъ морскихъ Гёзовъ. 5-го апрѣля 1566 г. вечеромъ, Бредероде угощалъ Гёзовъ въ Куйлембургскомъ дворцѣ; Оранскій, Эгмонтъ и Горнъ, проходя мимо, вошли во дворецъ — вотъ въ чемъ ихъ великое преступленіе.

Движеніе начиналось; выступали на сцену всѣ оттѣнки протестантизма: на югѣ, въ средѣ народа — кальвинизмъ, между дворянствомъ, которое подражало Германіи — лютеранизмъ, на сѣверѣ — кальвинизмъ и перекрещенство, послѣднее особенно въ землѣ фризовъ. Антверпенъ, гавань и торговый городъ, представлялся цѣлымъ адомъ. Проповѣдники говорили открытѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ когда-либо; они стали даже популярными. Такъ *Германъ Стриккеръ* изъ Оверисселя, бывшій монахъ, проповѣдывалъ 7000 чел.; Петръ Датенъ фонъ Поппенринге, Амброзіусъ Вилла раздавали полное причастіе въ большихъ евангелическихъ собраніяхъ. А народъ пѣлъ новыя церковныя пѣсни съ самымъ горячимъ воодушевленіемъ, что такъ прекрасно подмѣтилъ Гёте въ своемъ основательномъ реализмѣ.

Филиппъ нашелъ разумнымъ сдѣлать видъ, что онъ отступаетъ; онъ говорилъ объ «умѣренности» духовнаго эдикта; народъ перевелъ это по своему; т. е. изъ «Moderation» произвелъ Moorderation. Уничтоживъ папскую инквизицію, онъ ввелъ епископскую, — но иконоборство уже началось. Долго сдерживаемый ропотъ и возрастающее возбужденіе слѣдовали своему естественному психологическому ходу. Царская воля, особенно Филиппа, не могла удержать потока движенія, оно вышло изъ береговъ.

Разгромъ предметовъ папистской церкви, символовъ старой вѣры, начался въ Артуа и въ Западной Фландріи, въ Ст. Омерѣ и Ипернѣ. Съ дубинами, топорами, лѣстницами, все разбивая и надъ всѣмъ издѣваясь, ворвалась пестрая масса въ церкви. Прекрасный Антверпенскій соборъ былъ страшно опустошенъ. Народъ требовалъ, чтобы образъ Богоматери воскликнулъ: «Да здраствуютъ Гёзы», но такъ какъ онъ не сдѣлалъ того, то ему прокололи сердце и отсѣкли голову. Органъ разбили въ дребезги, св. причастіе разбросали по полу, пили изъ св. Чаши, мазали сапоги св. миромъ. Въ Брабантѣ и во Фландріи насчитывали 400 опустошенныхъ церквей и часовень. Амстердамъ, Лейденъ, Гаагъ и Утрехтъ подверглись той же участи. Въ общемъ югъ оказался мятежнѣе сѣвера, гдѣ во главѣ стоялъ Оранскій. Въ штаттгальтерствѣ Эгмонта вѣшали и наказывали плетьми. Умѣренные пришли въ ужасъ; жатва Филиппа распускалась. Что за дѣло было королю до того, что въ населеніи реакція шла въ полномъ разгарѣ, что всѣ протестантскія

церкви разрушены, всѣ дѣти дважды перекрещены, всѣ иноземные проповѣдники изгнаны, что въ Гентѣ изъ бревенъ евангелической церкви устроены висѣлицы, во всѣхъ городахъ погибали сотни жертвъ, словомъ, что усмирялись всѣ 17 провинцій? И что выигралъ графъ Эгмонтъ, жестокостью возстановивъ порядокъ въ своемъ намѣстничествѣ и прослывъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо за вѣрнаго слугу короля? Филиппъ жаждалъ крови.

Пока Оранскій ничего еще не предпринималъ, видимо оставался не рѣшительнымъ, сохраняя нейтралитетъ. Когда въ началѣ 1567 г. Гёзы начали борьбу и вознамѣрились завладѣть кальвиническимъ городомъ Антверпеномъ, Оранскій приказалъ запереть ворота. При-этомъ былъ убитъ Іоаннъ Марниксъ. Повидимому ближайшею цѣлью Оранскаго было удержать испанскія войска въ отдаленіи отъ Антверпена. Въ апрѣлѣ онъ отказался отъ своей должности и удалился въ Германію. 5-го мая герцогъ Альба отправился изъ Карѳагена въ Геную, намѣреваясь оттуда направиться по французской границѣ къ Люксембургу. Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ въ Байонѣ герцогъ сказалъ Екатеринѣ Медичи: «Постыднѣе всего для государя, если онъ позволяетъ своимъ подданнымъ жить по ихъ совѣсти».

Страхъ всюду преслѣдовалъ его точно волка, преслѣдующаго стадо: 100,000 лучшихъ гражданъ, купцовъ и ремесленниковъ поспѣшно эмигрировали, большинство въ Англію, подъ терпимый скипетръ Елисаветы. Альба прибылъ въ Брюссель; Эгмонтъ, Горнъ и еще 18 дворянъ были арестованы. Еще 200,000 гражданъ удалились; болѣе способные перешли въ гугенотскую армію во Францію. Герцогъ заявилъ, что онъ пришелъ защитить добрыхъ отъ злыхъ. Учрежденъ былъ Consejo de las Altercaciones или «Совѣтъ о мятежахъ» и переименованъ въ «Кровавый Совѣтъ» (Blutrath); о сколько-нибудь благоустроенномъ судѣ не могло быть и рѣчи. Испанцы Донъ Жуанъ де-Варгасъ, Луисъ дель-Ріо, Геронимъ де Рода получили право совѣщательнаго голоса; но высшею судебною инстанціею былъ одинъ Толедо. Онъ уничтожилъ союзъ дворянъ и наложилъ на всѣ Нидерланды отлученіе: всѣ жители обвинялись или въ ересяхъ, или въ сочувствіи имъ; кого не казнили, тотъ считалъ себя помилованнымъ или оставленнымъ про запасъ. Вѣшаніе, отсѣченіе головъ, четвертованіе распредѣлялось по порядку времени дня; въ Валансьеннѣ разомъ пало 55 головъ. Годовой конфискаціи насчитывали до 20.000,000 талеровъ. Собственности не существовало.

Въ началѣ 1568 г. регентша Маргарита скрылась. Тогда же Молчаливый пришелъ къ опредѣленному рѣшенію. Онъ вернулся въ свою страну и открыто перешелъ въ лютеран-

ство; до того времени онъ считался католикомъ. Онъ заключилъ тѣсный союзъ съ реформатскимъ Марниксомъ и предпринялъ неудачный походъ. Когда брюссельскій эшафотъ началъ дѣйствовать и для самыхъ знатныхъ, Оранскій вторично удалился въ Германію. Понятно, одинъ въ полѣ не воинъ, и онъ долженъ былъ найти себѣ войско и союзниковъ. Самымъ безумнымъ казалось ему—выдать себя, какъ беззаконную жертву, испанскому монаху; убѣдительно и во-время предостерегалъ онъ своихъ друзей, Эгмонта и Горна. Напрасно,—они погибли жертвами преданности своему «доброму дѣлу». При подобныхъ кризисахъ доброе дѣло исключительно на сторонѣ сильнаго.

Исполненіе предвидѣннаго приговора надъ двумя благородными графами состоялось 5 іюня 1568 г. на большой площади въ Брюсселѣ. Въ одномъ изъ оконъ готической ратуши стоялъ «съ впалыми глазами уроженецъ Толедо» и любовался представленіемъ. Эгмонтъ былъ до послѣдней минуты увѣренъ въ своемъ помилованіи, — вѣдь онъ былъ рыцаремъ Золотаго Руна! Когда же послѣдняя надежда оставила его, — онъ умеръ такъ же, какъ и сражался.

Регентша исчезла, Оранскій удалился, народъ былъ въ паникѣ, никто не трогался съ мѣста; ужасъ сковалъ всѣ члены, каждый съ трепетомъ ожидалъ, куда его причислятъ: къ измѣнникамъ или къ помилованнымъ; топоръ, висѣлица и конфискація могли миновать его, захвативъ лишь одного его сосѣда. Только тогда, когда герцогъ не обошелъ ни одного кармана, когда каждый почувствовалъ себя обиженнымъ, опять возникла оппозиція. Въ 1569 г. эдикты о податяхъ возбудили возстаніе въ Алкавалѣ: съ каждаго имущества полагалось брать 100-й пфеннигъ или 1 %; всякій разъ при продажѣ съ покупателя за недвижимое имущество полагался 20-й пфеннигъ или 5%, за движимое 10-й пфен. или 10%. Такимъ образомъ наполняли испанцы государственную кассу.

Лавки въ Брюсселѣ закрылись, но Альба выставилъ передъ домами висѣлицы, и лавки снова были открыты, поднялась всеобщая тревога; католики, забывъ иконоборство, вступали въ сношенія съ протестантами. Однако, несмотря на это, на югѣ не дошло до взрыва; но на морѣ, истинномъ элементѣ голландскаго населенія, поднялась буря.

Сѣверные Гёзы — рыбаки и прибрежные моряки, мелкій людъ, сроднившіеся съ водой, соединяясь со всевозможными бѣглецами, образовывали все болѣе и болѣе отважныя флотиліи и самыми скромными средствами положили основаніе морской силѣ, которая болѣе столѣтія господствовала надъ морями. 1-го апрѣля 1572 г., въ годъ «Кровавой Свадьбы, морскіе Гёзы съ большимъ

мужествомъ на маленькихъ лодкахъ взяли городъ Брилль на островѣ Фуренѣ, на берегу Зееланда.

«1-го апрѣля
«Герцогъ Альба лишился своего Брилля.»

«Am ersten April
«Da verlor Herzog Alba seinen Brill».

Такъ пѣлъ нижнегерманскій народъ. Флиссингенъ, Гаарлемъ и другіе города перешли на сторону «добраго дѣла» свободы. Оранскій нашелъ Архимедову точку; онъ вернулся изъ Германіи, и народъ провозгласилъ его штатгальтеромъ Голландіи, Зеландіи, Утрехта и Фрисландіи, которыми онъ правилъ именемъ короля».

Герцогъ Альба вынужденъ былъ приступить къ самымъ ужаснымъ осадамъ, а именно: къ осадѣ Гаарлема, которая продолжалась до іюля 1573 г., отличаясь упорствомъ съ обѣихъ сторонъ и ужасами осаждавшихъ. До осады Алькмаара не дошло. Громкій голосъ Европы услышанъ наконецъ въ Эскуріалѣ и «съ впалыми глазами уроженецъ Толедо» былъ отозванъ. И этотъ Альба съ самой спокойной совѣстью сошелъ со сцены и наконецъ покончилъ съ жизнью; передъ смертью онъ еще говорилъ, что не казнилъ ни одного невиннаго! Пора наконецъ появиться на его мѣстѣ личности, которая съумѣла бы залечить нанесенныя имъ раны!

Альбѣ наслѣдовалъ «донъ Луисъ де Реквезенсъ Цунига». Гёзы овладѣли Миддельбургомъ. Борьба продолжалась. Битва происходила 14-го апрѣля 1574 г. въ Мокской степи. Людвигъ и Генрихъ Нассау-Оранскіе, братья Вильгельма, были побѣждены и убиты. Гёзы имѣли успѣхъ только на морѣ. Затѣмъ послѣдовала страшная осада Лейдена; 6,000 человѣкъ умерли отъ голода и скудной пищи. Но Оранскій велѣлъ прорвать плотины и поднять море отъ Роттердама до Лейдена. Флотъ Гёзовъ прибылъ съ провіантомъ, а испанцы были отмыты потокомъ.

Король Максимиліанъ II неутомимо пытался примирить ихъ, и дѣйствительно въ Бредѣ велись уже переговоры, но напрасно! — девизомъ осталась-таки «война». Откуда бралась эта сила сопротивленія? Вѣдь испанское войско было первымъ въ мірѣ; школа Антоніо де Лейа и Гонзальво изъ Кордовы издала такую тактику, противъ которой не могли устоять ни французы, ни швейцарцы. Тогда какъ нидерландскія войска представляли собою пеструю смѣсь своихъ и чужихъ подъ предводительствомъ новыхъ вождей.

Можетъ быть все зависѣло отъ воодушевленія и воли? Оранскій, душа возмущенія, писалъ въ 1575 г: «Если нѣмецкіе князья

ни подъ какимъ видомъ не захотятъ выслушать нашей просьбы, мы предоставимъ наше дѣло Богу, съ твердымъ упованіемъ, что Онъ насъ не оставитъ, равно какъ и мы, съ своей стороны, рѣшились всѣ, до послѣдняго, не отступать отъ защиты Его слова и нашей свободы». Великій поборникъ народнаго дѣла, Филиппъ Марниксъ, еще раньше изложилъ это риѳмой въ военной пѣснѣ, носившей названіе пѣсни Вильгельма:

«Вильгельмъ Нассаускій,
«Во мнѣ нѣмецкая кровь,
«Я останусь вѣренъ отечеству
«До послѣдней минуты моей жизни».

„Wilhelms von Naßaue
„Bin ich von deutschem Blut,
„Dem Vaterland getreue
„Bleib ich bis an den Tod".

Въ XVI столѣтіи господствовалъ тотъ же элегическій назидательный тонъ, которымъ въ началѣ XIX столѣтія отличались пѣсни Кёрнера, Арндта, Шекендорфа и который въ 60-хъ годахъ нашелъ себѣ вѣрный отголосокъ въ сѣвероамериканской пѣснѣ Линкольна:

«Мы идемъ, отецъ Авраамъ,
»Числомъ болѣе 300,000».

„We are coming, father Abraham,
„Threehundred thousand more".

Реквезенсъ умеръ въ 1576 г. Во время междуцарствія Филиппъ передалъ правленіе государственному совѣту въ Брюсселѣ. Эта «доброта» льстила югу. Но государственный совѣтъ вооружилъ гражданъ противъ дерзкой испанской солдатчины, которая принялась за грабежъ. Вильгельмъ подлилъ въ огонь масло, созванъ былъ генеральный совѣтъ; Филиппъ Марниксъ именемъ Оранскаго заключилъ съ нимъ въ ноябрѣ «гентское возстановленіе мира». Взаимная защита и охрана сѣвера и юга и «терпимость» служили его девизомъ. Тогда на сцену выступилъ побочный братъ короля, донъ-Жуанъ Австрійскій.

Донъ-Жуанъ, побочный сынъ Карла V и одной бельгійской дамы, которую король снабдилъ 10,000 дукатовъ и мужемъ, былъ нидерландецъ и уже по этому одному могъ расчитывать на симпатію страны. За шесть лѣтъ до вступленія на штатгальтерство онъ обезсмертилъ себя въ войнѣ противъ турокъ.

Эти сельджукскіе пришельцы продолжали устрашать христіанъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. — Въ 1565 году Солиманъ II снарядилъ настоящую армаду противъ рыцарей мальтійскаго ордена, его адмиралъ паша Піали сильно стѣснилъ орденъ; грос-

мейстеръ Ла-Валетъ покрылъ себя славой; турки отступили послѣ страшныхъ разореній. Селимъ II, сдѣлавшись съ 1566 г. падишахомъ, особенно стремился завладѣть Кипромъ, принадлежавшимъ венеціанцамъ; Кипрское вино опьяняло его. Турки прибыли на островъ въ 1570 г.; въ августѣ 1571 г. Фамагуста, несмотря на храброе сопротивленіе, сдался на капитуляцію. Венеція не находила союзниковъ, кромѣ Филиппа II и папы Сикста V, который при-этомъ подумывалъ о завоеваніи вновь Св. земли. Такъ составилась св. лига; отправлены были 300 военныхъ кораблей съ 80,000 чел. гарнизона, и донъ-Жуанъ Австрійскій черезъ папское рѣшеніе получилъ высшее начальство надъ Севастіаномъ Веніеро, венеціанскимъ адмираломъ, и Маркомъ Антономъ Колонною, папскимъ адмираломъ. Ему было 24 года. 7-го октября донъ-Жуанъ вступилъ въ битву съ превосходными турецкими силами. Борьба возгорѣлась у Лепанто и колебалась успѣхомъ то въ ту, то въ другую сторону впродолженіе 5-ти часовъ. Донъ-Жуанъ и принцъ Пармскій Александръ Фарнезе неустрашимо бросились на непріятеля. 130 кораблей непріятеля были отняты; 25,000 турокъ пали, 5,000 взяты въ плѣнъ. Побѣдители потерпѣли горькія утраты; самъ донъ-Жуанъ былъ раненъ, вмѣстѣ съ нимъ и донъ-Мигуель Сервантесъ, великій поэтъ.

Побѣда не была забыта. Филиппъ отдалъ уже свое приказаніе заранѣе; венеціане заключили отдѣльный миръ (Separatfrieden), уступивъ Кипръ. Турки справедливо заявляли: «Мы отняли отъ васъ королевство, а вы выжгли намъ бороды». Но донъ-Жуанъ былъ безсмертенъ не на радость своему побочному брату Филиппу. Послѣдній поручилъ ему самое трудное и неблагородное предпріятіе — усмирить Нидерланды.

30-лѣтній герой выказалъ себя тонкимъ дипломатомъ; онъ для виду призналъ «Гентскій миръ», отмѣнивъ религіозный эдиктъ: къ удивленію всего свѣта, Филиппъ согласился на всеобщую амнистію и распущеніе солдатъ. Но втайнѣ донъ-Жуанъ раздувалъ пламя антагонизма между сѣверомъ и югомъ, между бельгійскимъ дворянствомъ и демократическимъ диктаторомъ Оранскимъ, между католицизмомъ и кальвинизмомъ. Долго шли различныя реформатскія направленія сообща и наряду одно съ другимъ противъ общаго врага, пока въ началѣ 70-хъ гг. кальвинизмъ въ Голландіи не одержалъ верха. Очевидно, сліяніе политической и церковной общинъ, какъ оно требовалось по строгимъ законамъ кальвинизма, являлось самымъ острымъ оружіемъ противъ испанскаго папскаго цезаризма. Кальвинистскій строй государства безусловно имѣлъ преимущество въ маленькихъ военныхъ союзахъ съ однороднымъ населеніемъ, тогда какъ въ большихъ государствахъ оно никогда не могло при-

виться въ своемъ настоящемъ видѣ. Такое кальвинистское устройство принято было со всѣми своими шероховатостями въ Дортрехтѣ въ 1574 г.; самъ Оранскій за годъ передъ этимъ оставилъ реформатское исповѣданіе. Это испугало бельгійцевъ, Брюссель рѣшительно сталъ на сторону католицизма. Такимъ образомъ порвана была всякая связь между католическимъ югомъ, который гордился привилегированнымъ сословіемъ дворянъ и блестящимъ дворомъ, и демократически-кальвинистскимъ сѣверомъ. «Гентскій миръ» донъ-Жуанъ замѣнилъ «Вѣчнымъ эдиктомъ» въ 1577 г., осуждавшимъ «поддержку католицизма». Брабантцы снова отпали; Оранскій возбудилъ въ народѣ зависть къ дворянству, которое хотѣло было передать крѣпости донъ-Жуану. Оранскій былъ провозглашенъ руваэртомъ или консуломъ Брабанта и въ томъ же году, окруженный всеобщимъ торжествомъ, вступилъ въ Брюссель.—Чтобы пощадить брабантцевъ, Вильгельмъ даже допустилъ главнымъ намѣстникомъ 20-лѣтняго эрцгерцога Матвѣя Австрійскаго; народъ же называлъ его только «писаремъ принца». Въ концѣ 1577 г. Вильгельмъ создалъ новую «унію» между сѣверомъ и югомъ, которая ставила своимъ принципомъ «свободу совѣсти». Матвѣй подтвердилъ присягой эту унію.

Но гармонія была лишь на поверхности; голландцы остались противниками католицизма, валлонцы протестовали лѣнивому Францу Анжуйскому, нѣсколько позже даже принцу Пармскому. Вильгельмъ Оранскій казался для юга слишкомъ пуританиномъ, слишкомъ демократомъ,—вѣдь онъ опирался на «бѣдный, простой людъ» и склонялся на сторону радикальныхъ жителей Гента!

Въ 1578 г., на 31 г. отъ роду, донъ-Жуанъ скончался отъ чумы; его кожа была какъ-будто спечена огнемъ, сердце его при вскрытіи нашли изсохшимъ. Очень понятно, что распространилось предположеніе объ его отравленіи. Отъ Филиппа всего можно было ожидать. Развѣ онъ не относился съ презрѣньемъ къ побѣдѣ при Лепанто, равно какъ и къ побѣдамъ при Ст.-Кентэнѣ и Гравелингенѣ? Теперь вдругъ пришло всѣмъ на память, какъ смѣлый адмиралъ мечталъ нѣкогда объ освобожденіи съ сосѣдняго острова прекрасной плѣнной королевы, о великой геройской миссіи. И не былъ ли онъ потомъ охлажденъ отъ этихъ мечтаній и посланъ Филиппомъ въ туманныя Нидерланды? — У короля Филиппа не было недостатка въ способныхъ помощникахъ; мѣсто донъ-Жуана занялъ *Александръ Фарнезе*, принцъ *Пармскій*, сынъ регентши — военный герой, какъ и его предшественникъ, и ловкій дипломатъ. Фарнезе превосходно воспользовался положеніемъ дѣлъ, удачно травилъ югъ и сѣверъ другъ на друга и желѣзной рукой уничтожилъ сопротивленіе.

Въ началѣ 1579 г. католическіе валлоны при рѣкѣ Маасѣ и въ Артезіи составили конфедерацію противъ «свободы совѣсти». Только Антверпенъ и Гентъ держали сторону сѣвера. Тогда Вильгельмъ съ 23 января 1579 г. *Утрехтской уніей* основалъ въ сѣв. Нидерландахъ республику. Но 29 іюня Фарнезе завладѣлъ Мастрихтомъ; Оранскій принужденъ былъ довольствоваться сѣверомъ. 15-го марта 1580 г. Филиппъ лишилъ его всѣхъ правъ и предлагалъ за его голову 25,000 червонцевъ. Отвѣтомъ Вильгельма была блестяще и горячо написанная «Апологія», въ которой онъ обнаружилъ оффиціальные и частные гнусные поступки Филиппа и назвалъ его убійцей инфанта Карлоса и королевы Елизаветы. Политика, не стѣснявшаяся въ средствахъ, привела Филиппа Марникса и Франца Анжу къ переговорамъ, поводомъ для которыхъ послужила потеря юга. 26-го іюня 1581 г. въ Гаагѣ испанской короной была признана независимость 9 провинцій: Брабанта, Гельдерна, Зютфена, Фландріи, Голландіи, Зеландіи, Фрисландіи, Оберъ-Исселя и Мехельна и формально объявлена война. Вильгельмъ долженъ былъ торжественно возложить на принца Анжу въ Брюсселѣ герцогскую мантію.

Въ 1582 г. было первое покушеніе на жизнь царственнаго республиканца. Убійцей явился испанецъ Жуанъ Жореги (Juan Jauregui). Въ томъ же году Анжу нарушилъ свою клятву и бѣжалъ заграницу. Въ 1584 г. Фарнезе двинулся на Антверпенъ.

Филиппъ Марниксъ былъ бургомистромъ и защитникомъ Антверпена. Онъ поѣхалъ въ Дельфтъ къ своему великому другу, съ цѣлью посовѣтоваться съ нимъ о необходимыхъ военныхъ мѣропріятіяхъ. Оранскій сильно настаивалъ на томъ, чтобы прорвать плотину; Марниксъ-же, послѣ своего возвращенія, не могъ дѣйствовать вопреки интересамъ мясниковъ, которые отстаивали свои права на пастбища. Въ этотъ же день, 10-го іюня 1584 г., когда Фарнезе взялъ штурмомъ крѣпость Ливенсгёкъ при Антверпенѣ, Вильгельмъ Оранскій былъ измѣннически убитъ. Бальтассаръ *Жераръ*, гехбургундецъ, получивъ вознагражденіе отъ дона Филиппа, по совѣту принца Пармскаго вошелъ въ довѣріе къ Вильгельму. Зарядивъ 2 пистолета тремя пулями, онъ убилъ основателя первой сознательной республики въ Европѣ. Вильгельмъ сдержалъ свой девизъ: «я поддержу себя» (je me maintiendrai). Осада Антверпена продолжалась. Одинъ итальянецъ Джіанибелли спустилъ противъ опаснаго моста кораблей Фарнезе цѣлую флотилію брандеровъ. Ударъ вышелъ незначительный: осаждаемые одновременно узнали о причиненномъ вредѣ и о возстановленіи моста. Гентъ въ это время сдался.

Мужество антверпенскихъ гражданъ истощилось, Марниксъ былъ вынужденъ вступить въ переговоры о мирѣ; 17-го августа городъ сдался на капитуляцію и былъ завоеванъ въ пользу

юга. Брабантъ и Фландрія,—все, кромѣ Остенде, было потеряно, и генія сѣвера, Вильгельма Оранскаго, не было уже на свѣтѣ. Казалось, принцъ Пармскій подавилъ возстаніе противъ церкви и престола. На самомъ же дѣлѣ, кромѣ Бельгіи, ничего не было потеряно. Зато потоки разгрома вынесли съ собой принципъ, до тѣхъ поръ неизвѣстный въ исторіи европейскихъ государствъ. 26-го іюня 1581 г. Утрехтская унія торжественно объявила правило: «князь поставленъ надъ подданными для того, чтобы защищать и охранять ихъ, не подданные существуютъ для князя, чтобы быть рабами ему, но князь существуетъ для подданныхъ. Его обязанность руководить ими справедливо и кротко. Не исполняя этого, онъ является уже не регентомъ, но тираномъ; подданные и ихъ представители въ правѣ призвать другаго князя для своей защиты» или не признавать «ни одного», какъ сдѣлали сѣверо-американцы. Здѣсь на первомъ планѣ выставлялась верховная власть, право самостоятельности націи безъ всякой примѣси іезуитизма, безъ заднихъ мыслей папства. Рядомъ съ этимъ блестящимъ наслѣдствомъ Вильгельмъ оставилъ своему народу своего сына Морица, счастливаго героя, не уступавшаго въ талантахъ Фарнезе.

Нерѣшительность и равнодушіе страны, особенно на югѣ, въ существованіи которыхъ онъ убѣдился еще въ 1571 г., когда они не имѣли мужества вызвать изъ Германіи Оранскаго, хотя и чувствовали въ немъ крайнюю надобность, охарактеризовалъ Филиппъ Марниксъ (авторъ Bykorf или «Пчелинаго улья») — въ одномъ сочиненіи на латинскомъ языкѣ — озаглавленномъ слѣдующимъ образомъ: «Belgicae liberandae ab Hispanis ὑποδειξις ad patrem patriae Guilelmum Nassowium, principem Aurantium anno 1571 exhibita», «Все тѣ-жъ! Насколько вышли они изъ своего клоака? Они ничѣмъ не жертвуютъ для своего предпріятія, ни своими деньгами, ни своими интересами; и если кто-либо сдѣлаетъ это, они его возненавидятъ, презираютъ, предадутъ и продадутъ. Тщеславные, любопытные, слабые, недовѣрчивые, сумасбродные, которые никого не слушаются, предатели тайнъ, пустые снотолкователи, считающіе свои выдумки пророчествомъ, безстыжіе узурпаторы отечества, всегда готовые бросить его на произволъ судьбы, если того требуетъ ихъ алчность, считающіе свое ничтожество выше всякой пріобрѣтенной славы! Когда приходится подавать голосъ, они тутъ какъ тутъ: кричатъ, бранятся, если же чего не понимаютъ,—клевещутъ. Упрямство и жадность — вотъ ихъ правдивость и вѣрность!»

Испанская политика при Филиппѣ II не походитъ на политику Австріи; при Филиппѣ убійство скорѣе служило средствомъ

къ управленію, являлось орудіемъ его политики. Тому же самому подвергся и братъ графа Горна, Флоренто де-Монморанси, баронъ Монтиньи, казненный вмѣстѣ съ Эгмонтомъ. Какъ извѣстно, въ 1566 онъ путешествовалъ изъ государства въ государство съ Маркизомъ фонъ-Бергеномъ съ чрезвычайнымъ посольствомъ въ Мадридъ и здѣсь вмѣстѣ со своимъ товарищемъ былъ арестованъ. Бергенъ умеръ въ 1567 г. Монтиньи былъ переведенъ изъ Мадрида и скрытъ въ Алказарѣ въ Сеговіи. Альба собственной властью приговорилъ его въ Брюсселѣ къ смерти, повелѣвъ казнить его всенародно. Но Филиппъ приказалъ доставить его въ Симанкасъ и казнить тайно 15 октября 1570 г. Его похоронили въ одеждѣ францисканца; затѣмъ распространили слухъ, что онъ умеръ естественной смертью. Чтобы сдѣлать слухъ этотъ болѣе вѣроятнымъ, Альба повторилъ смертный приговоръ, какъ будто желая тѣмъ показать, что Монтиньи умеръ слишкомъ почетною для него смертью. На періодъ между брюссельскимъ эшафотомъ — 5-го іюня 1568 г. — и Симанскою казнью — 15-го октября 1570 года падаетъ загадочная тѣнь, которой достаточно было бы одной, чтобы навсегда заклеймить Филиппа безчестіемъ: *смерть донъ-Карлоса, испанскаго инфанта.* Прямыхъ доказательствъ его насильственной смерти нѣтъ; архивы до сихъ поръ не даютъ на это никакихъ указаній; современники противорѣчатъ другъ другу; смерть принца окружена хаосомъ всевозможныхъ предположеній. Хуже всего было для Филиппа то, что, безъ малѣйшаго колебанія, его сочли способнымъ къ безбожному дѣтоубійству, что такое преступленіе считалось для него не только возможнымъ, но даже вполнѣ вѣроятнымъ.

И дѣйствительно, напрасно самая критика старалась ограничиться однимъ лишь сомнѣніемъ въ этомъ дѣлѣ. Въ сознаніи всего населенія Европы, еще по сіе время, непоколебимо живетъ мысль, что Филиппъ предалъ своего сына великому инквизитору, что во всякомъ случаѣ донъ-Карлосъ или былъ отравленъ, или обезглавленъ. Небезнаказанно обошлись Филиппу его слова, сказанныя донъ-Карлосу де Сесо въ 1559 г. въ Вальядолидѣ: «я бы своими руками принесъ дровъ, чтобы сжечь своего собственнаго сына, если бы онъ былъ такимъ же упрямымъ, какъ вы». Постараемся, на основаніи фактовъ, доискаться истины, сопоставимъ мнѣнія компетентныхъ людей, но прежде всего оставимъ въ сторонѣ всякій романтизмъ! 8 іюля 1545 г. донъ-Карлосъ родился отъ первой жены Филиппа — Маріи Португальской. Онъ былъ причиной смерти своей юной матери. Его дѣтство и ранняя юность не представляли ничего радостнаго.

Онъ былъ обжора, лѣнтяй, упрямецъ, имѣлъ кривое плечо и одну ногу короче другой; у него была впалая грудь, изъ спины

образовался горбъ; онъ говорилъ сиплымъ, слабымъ голосомъ, не выговарилъ буквъ р., л. Цвѣтъ лица его былъ блѣдный, глаза тусклые. Безпрестанно его мучили желчные и лихорадочные припадки. Французскій посланникъ Фуркёво писалъ о немъ во Францію: у него вся сила въ зубахъ. Когда король Филиппъ находился въ Брюсселѣ, гофмейстеръ принца писалъ ему: «Ничего съ нимъ (принцемъ) не подѣлаешь: онъ ничему не учится». На поляхъ одной депеши Филиппъ сдѣлалъ помѣтку: «Необходимо *поскорѣе* установить *церковные* обряды въ Нидерландахъ, такъ какъ сынъ мой врядъ ли *позаботится* объ этомъ». По возвращеніи короля въ Мадридъ, льстецы не замедлили нашептывать ему: «Надо стереть съ лица земли всѣхъ еретиковъ, не пощадивъ даже собственнаго сына». Во всякомъ случаѣ изъ одного невѣжества и лѣности принца слишкомъ смѣло было выводить заключеніе объ его сочувствіи ересямъ; но на комъ же лежитъ вина подобнаго заключенія, если не на самомъ донѣ Филиппѣ?

Въ 1556 г. одиннадцатилѣтній инфантъ по дипломатическому обычаю былъ помолвенъ съ *Елизаветой* Валуа, дочерью Катерины Медичи; три года спустя, въ Шато-Камбрези самъ Филиппъ взялъ себѣ невѣсту, такъ какъ Марія Тюдоръ за годъ до этого умерла. Можно и не придавать значенія тому, чувствовалъ ли принцъ раньше склонность къ своей мачихѣ или она явилась у него только впослѣдствіи. Елизавета обращалась съ своимъ сыномъ ласково и любезно, хотя и по порученію своей матери, которая охотно выдала бы за инфанта свою дочь Маргариту, впослѣдствіи невѣсту Бартоломео. Плѣненный обходительностью королевы, принцъ не безъ удовольствія просиживалъ въ ея покояхъ, кушалъ съ ней и во всякомъ случаѣ, по свидѣтельству одной придворной дамы въ Парижѣ: «принцъ особенно любилъ королеву, я допускаю даже, что онъ находился съ ней въ интимныхъ отношеніяхъ». Это единственное основаніе, на которомъ строится весь романъ.

Физическая слабость принца усилилась съ годами. Въ 1559 году онъ былъ слишкомъ страждущимъ, чтобы вынести тѣ церемоніи, которыя требовались для признанія его принцемъ Астурійскимъ. Въ 1561 г. для поправленія здоровья онъ взятъ былъ въ Алкалу. Но и тамъ, отдавая дань обжорству, однажды проглотилъ даже жемчужину. Въ 1562 ему упала на голову лѣстница. Онъ вѣсилъ тогда, въ 17 лѣтъ, 76 фунтовъ! Холерико-сангвиническаго темперамента, онъ всегда дурно обходился съ своими приближенными, билъ ихъ и отдѣлывался деньгами за нанесенные побои. Съ деньгами онъ совсѣмъ не умѣлъ обращаться; онъ тратилъ большія суммы, занималъ всюду, какъ угорѣлый, покупалъ самые дорогіе бриліанты, не имѣя ни одного

Maravedi [1]). Одного башмачника, который сдѣлалъ ему не въ пору башмаки, онъ заставлялъ ѣсть кожу, разрѣзанную на мелкіе кусочки. Въ фальстафьевомъ поясѣ онъ шатался по улицамъ Мадрида, приставалъ къ знатнѣйшимъ дамамъ и ругалъ ихъ *bogascia* (объ этомъ свидѣтельствуютъ итальянцы), сволочью. Что же въ сравненіи съ этимъ сцена въ павильонѣ съ принцессой Эболи? Что этотъ истерическій донъ-Карлосъ нисколько не обуздывалъ своего языка, это тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ былъ устраненъ отъ отца и съ малолѣтства привыкъ противорѣчить ему. Очень возможно, что онъ необдуманно жаловался на отнятіе у него его невѣсты. Когда началось нидерландское движеніе, заговорили о томъ, что только одинъ Филиппъ въ состояніи возстановить порядокъ; но Филиппъ былъ того мнѣнія, что предварительно уголовный судъ долженъ сдѣлать свое дѣло. Донъ-Карлосъ, не довольный своимъ участіемъ въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, не разъ въ качествѣ предсѣдателя желалъ отправиться въ Брюссель, хотя бы съ отцемъ; онъ устроилъ въ кортесахъ скандалъ и немилосердно шумѣлъ, чтобы ему передали регенство надъ Испаніей. Затѣмъ онъ съ оружіемъ напалъ на герцога Альбу; наконецъ задумалъ бѣжать въ Италію, оттуда — въ Германію и Нидерланды. Онъ потребовалъ отъ провинцій денегъ, написалъ къ европейскимъ дворамъ, оповѣщая ихъ о своемъ рѣшеніи вмѣстѣ съ побудительными къ нему причинами. Своего дядю донъ-Жуана онъ посвятилъ въ свою тайну, а тотъ выдалъ его королю. У пріора Атохи онъ добивался разрѣшенія на умерщвленіе одного высокопоставленнаго лица; наконецъ онъ объявилъ, что мѣтитъ на короля. 17-го января 1568 г. онъ вызвалъ своего дядю донъ-Жуана на дуэль; въ тотъ же день Филиппъ отправился изъ Эскуріала въ Мадридъ.

Принцъ изъ своихъ покоевъ сдѣлалъ что-то въ родѣ крѣпости. Оружіе лежало у него подъ подушкой; съ своей постели онъ могъ отворять и запирать замки въ дверяхъ. Здѣсь Филиппъ напалъ на него 18-го января 1568 г. въ 11 часовъ вечера съ толпою вооруженныхъ. Донъ-Карлосъ хотѣлъ броситься въ огонь, но когда ему помѣшали въ этомъ, онъ сказалъ королю: «Ваше Величество относитесь ко мнѣ такъ, что я принужденъ рѣшиться на самоубійство. Я не помѣшанный, но вы заставляете меня отчаяваться въ этомъ».

Принцъ теперь былъ арестованъ въ собственныхъ покояхъ; ни одно извѣстіе отъ него не могло миновать стражи, поставленной у его дверей. Филиппъ непроницаемой тайной покрывалъ свои намѣренія, ожидавшую принца участь, слѣдствіе и его ре-

---

[1]) *Мараведи* древне-испанская монета, отмѣненная въ 1848 г.

зультаты. Вся эта процедура можетъ быть изслѣдована лишь вкратцѣ, посмотримъ.

Итакъ передъ нами обиженный природой, совершенно невоспитанный, слабоумный, наконецъ сумасбродный принцъ, физіологическое порожденіе бабушки Анны и плодъ взрощенный Филиппомъ. Принцъ Эболи объявилъ французскому посланнику: принцъ душевно боленъ и неспособенъ управлять. Если бы все дѣло заключалось только въ этомъ, то вовсе не понадобилось бы облекать его въ тайну. Въ такомъ случаѣ всего удобнѣе было бы прямо устранить принца отъ престола, содержа его подъ надлежащимъ надзоромъ. Напротивъ, безусловная гласность изгладила бы всякій зародышъ подозрѣнія. Къ чему же тогда аресты ночью и во время тумана; къ чему же запрещеніе не допускать въ теченіе двухъ дней почты изъ Мадрида? Какъ же объяснить, что извѣстіе объ арестѣ произвело такой шумъ въ провинціяхъ, въ Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи, что оттуда многіе отправились въ Мадридъ съ цѣлью лично убѣдиться въ справедливости слуховъ? Почему наконецъ Филиппъ поспѣшилъ воротить ихъ съ дороги?

Тосканскій посланникъ писалъ на родину: «Принца подозрѣваютъ въ томъ, что онъ *неусердный католикъ*». Это однако вовсе не доказываетъ, чтобы онъ былъ на сторонѣ протестантизма, чтобы онъ чувствовалъ хотя бы малѣйшую склонность къ нему. Его послѣдняя воля выказываетъ въ немъ благочестиваго католика: онъ желалъ быть похороненнымъ въ *платьѣ францисканца*, отказалъ свои деньги для благочестивыхъ цѣлей; даже императорскій посланникъ Дитрихштейнъ такъ аттестуетъ его: «крайне благочестивъ, поборникъ справедливости и истины». Но, конечно, Филиппу нужно было энергически продолжать его собственное неокатолическое дѣло, опираясь на инквизицію и іезуитовъ, а такъ какъ донъ-Карлосъ не подавалъ надежды на это, то здѣсь уже и заключалось дѣйствительное побужденіе сжить его со свѣта. То же подтверждается и тѣми загадочными, часто недосказанными фразами во всѣхъ письмахъ короля, гдѣ только онъ ни касается своего арестованнаго сына.

Къ герцогу Альбукерку, намѣстнику Наварры: «Причины, приведшія меня къ подобному рѣшенію, были такого рода, что выборъ для меня являлся невозможнымъ. Мое рѣшеніе не вытекало вовсе изъ какого-либо проступка его противъ меня, за это онъ заслуживаетъ наказанія. Поведеніе и темпераментъ принца въ теченіе всей его жизни были странны. Его неумѣренныя стремленія достигли такой высоты, что я долженъ былъ вступить на этотъ путь по долгу королевству и народу».

Къ герцогу Альбѣ: «Мое рѣшеніе не есть слѣдствіе ошибокъ принца; еслибы причина лежала только въ нихъ, то мы посту-

пли бы иначе. Я имѣлъ въ виду умѣрить или уничтожить его сумасбродства, ибо опытъ учитъ насъ, что этого нельзя достигнуть никакими средствами, такъ какъ причины слишкомъ естественны и устойчивы. Наша цѣль — позаботиться о будущемъ и предупреждать зло, которое можетъ незамѣтно проникнуть въ жизнь при мнѣ или безъ меня. Я говорю вамъ это на тотъ конецъ, что по всей вѣроятности злоумышленники въ дѣлѣ религіи случившееся съ принцомъ могутъ приписать подозрѣнію, что онъ находится на ихъ сторонѣ. Вы должны постараться разсѣять такое мнѣніе, которое близко касается чести принца».

Къ королевѣ Португальской: «Основанія, въ силу которыхъ я рѣшился на такой шагъ, такого рода, что не могу ихъ изложить Вашему Величеству, не увеличивая нашего горя. Мое рѣшеніе вытекало не изъ непослушанія или недостатка уваженія, за это онъ заслуживаетъ наказанія. Но одно наказаніе имѣло бы свои границы. Еще я поступаю такъ въ надеждѣ такимъ способомъ уничтожить его крайности. Дѣло имѣетъ другой исходный пунктъ и не допускаетъ *никакихъ палліативныхъ средствъ*; въ этомъ случаѣ я долженъ былъ исполнить свою обязанность по отношенію къ *Богу* и своему народу».

Таковъ былъ пріемъ, употребляемый Филиппомъ на всѣ расспросы со стороны императора Максимиліана, дочь котораго отецъ удалилъ отъ сына, чтобы потомъ самому жениться на ней, даже со стороны папы Пія V — изъ «*обязанности относительно Бога* и въ интересахъ испанскаго народа».

Если и свалилось на голову Филиппа самое гнусное подозрѣніе, то его память могла сохранить его. Однакожъ современникъ Кабрера полагаетъ: «Князья завистливы къ своимъ наслѣдникамъ; имъ не нравится въ своихъ сыновьяхъ великій и благородный духъ».

Стоитъ ли теперь говорить о томъ, какъ заключенный принцъ перешелъ отъ жизни къ смерти. Если не ядъ, то достаточно было воспользоваться натурой принца вмѣстѣ съ его обжорливостью, чтобы привести его къ быстрому концу. Въ отчаяніи заключенный проглотилъ кольцо съ большимъ брилліантомъ. Когда это не подѣйствовало, онъ, казалось, покорился своей судьбѣ. Отъ полнаго воздержанія отъ пищи и питья онъ бросился въ противоположную крайность. Онъ поѣдалъ въ огромномъ количествѣ плоды — Оранскій утверждаетъ, что до 16 фунтовъ сразу — и пилъ днемъ и ночью воду изъ снѣгу, клалъ себѣ ледъ на постель, открывалъ окна, ходилъ босикомъ и почти нагимъ по только-что вымытому полу. Онъ во всемъ *терпѣлъ нужду*, это, конечно, *охотно* замѣчали. 24 іюля 1568 г. цѣль была достигнута. Донъ-Карлосъ умеръ.

Принцъ самъ себѣ приготовилъ ядъ, къ который вѣрятъ

испанцы и португальцы. Когда приближалась смерть, король вошелъ въ комнату, сталъ за спиной князя Эболи и главнаго пріора Антоніо Толедскаго, протянулъ руку къ сыну, сдѣлалъ знакъ креста и далъ ему благословеніе. «Послѣ чего», прибавляетъ Кабрера, «король возвратился въ свои покои, *опечаленный и менье озабоченный*». Это могъ только сказать Тацитъ.

Донъ-Карлосу было тогда 23 года и 16 дней. Въ октябрѣ того же года умерла королева Елизавета. Но 2 года спустя, прибыла въ Сантандеръ дочь императора Максимиліана, эрцгерцогиня Анна, портретомъ которой донъ-Карлосъ живо интересовался, когда-то предназначенная для принца, теперь сдѣлавшаяся четвертой супругой дона Филиппа. Оранскій утверждаетъ въ своей «Апологіи», что Карлосъ и Елизавета *были умерщвлены* Филиппомъ, такъ какъ они стояли ему на дорогѣ къ его четвертому браку. Умирающая Елизавета говорила французскому посланнику: «Никакое земное счастье не могло сравниться съ надеждой, что я приближусь къ своему создателю». Это и кое-что большее узналъ Оранскій въ Парижѣ.

Конечно, *Шиллеръ* сильно идеализировалъ матеріалъ для своего «Донъ Карлоса», поддавшись вліянію француза S. Réal'я. Филиппъ II въ дѣйствительности былъ гораздо ничтожнѣе и хуже, чѣмъ обрисовалъ его поэтъ; послѣдній долженъ былъ вдохнуть въ него нѣсколько человѣческихъ чертъ, прежде чѣмъ воспользоваться его личностью, чтобы не вышло изъ него отвлеченнаго чудовища, Франца Моора, Яго. Донъ-Карлосъ никогда не былъ идеальнымъ наслѣдственнымъ принцемъ, мечтавшимъ о свободѣ и вмѣстѣ съ своей матерью устремлявшимъ взоры на Нидерланды. Елизавета Валуа была не больше, какъ дипломатически сосватаннымъ ребенкомъ, и всегда дочерью своей матери, но не геніемъ-хранителемъ возмущенія. Маркизъ Поза, наконецъ великій мальтійскій философъ, который воспламенялся освобожденіемъ человѣчества и жаждалъ самопожертвованій: онъ всецѣло — созданіе поэтической фантазіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Одного духа XVI вѣка не достаточно, чтобы освятить эти сумасбродные образы; только XVIII столѣтіе допускало возможность такихъ идеаловъ. И все-таки нигдѣ, кромѣ этой драмы, не выступаетъ вѣрнѣе и полнѣе противоположность между іезуитской реакціей и свободой совѣсти, борьба между безжизненной церемоніей и живымъ чувствомъ. Никогда сердце человѣчества не билось сильнѣе, никогда не выяснялось блистательнѣе воодушевленіе успѣхомъ въ стремленіи къ благороднѣйшимъ цѣлямъ; никогда болѣе глубокія боли не заявляли о себѣ раздирательнѣе. Кому не нравится «Донъ-Карлосъ», у того нѣтъ впечатлительности.

Великій кризисъ разразился надъ Нидерландами съ умерщвленіемъ Оранскаго. Для испанцевъ его могъ замѣнить храбрѣйшій и умнѣйшій Александръ Фарнезе; его таланты, какъ полководца, были внѣ всякаго сомнѣнія, а его цѣлесообразное вѣроломство оказывалось полезнѣе кровожадности Альбы. Онъ имѣлъ сношенія съ Балтассаромъ Жераромъ. Въ одномъ письмѣ къ Филиппу онъ выражалъ сожалѣніе, что фанатическій бургундецъ долженъ понести свое законное наказаніе. Принцу Морицу Нассау-Оранскому было только 19 лѣтъ; но Нидерланды имѣли въ немъ государственнаго человѣка, который въ геніи Вильгельма управлялъ политическимъ рулемъ и исполнялъ Interim. Къ сожалѣнію, *Ольденбарневельдъ*, отцовскій совѣтникъ и другъ молодаго принца, впослѣдствіи былъ такъ дурно вознагражденъ.

На югѣ все продолжалось также, какъ и началось. Принцъ Кроа предоставилъ герцогу Пармскому Брюгге. Находясь въ нуждѣ, формально предлагали Нидерланды. Генрихъ не желалъ ихъ, Елизавета Англійская колебалась, однакожъ послала имъ свою лягавую собаку, Лейчестера, съ нѣсколькими вспомогательными войсками, который съ 1585—87 г. игралъ въ генералъштаттгальтера.

Въ 1587 г. была обезглавлена Марія Стюартъ, Армада 1588 года являлась двойнымъ отвѣтомъ со стороны Филиппа. Съ этого же года Морицъ Оранскій заявляетъ себя какъ человѣкъ и герой; 23 лѣтъ онъ одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ принцемъ Пармскимъ. Звѣзда Фарнезе померкла, Морицъ выигрывалъ одну побѣду за другой; въ 1592 г. умеръ его противникъ.

Бельгія созрѣла для отдѣльнаго княжескаго двора. Филиппъ посваталъ свою дочь Изабеллу-Клару-Евгенію за австрійскаго эрцгерцога Альбрехта. Альбрехтъ былъ даже кардиналомъ, хотя безъ всякаго посвященія; онъ также состоялъ въ близкомъ родствѣ съ своей невѣстой, но папа разрѣшилъ и въ 1598 году царственная чета вступила въ Брюссель. Воззваніе къ сѣвернымъ провинціямъ, подчиниться новому господству, осталось однако безъ всякаго отвѣта.

Въ 1604 г. передъ храбростью Спинолы и твердостью Изабеллы палъ послѣдній бельгійскій городъ Остенде. Связь между сѣверомъ и югомъ была порвана. Но голландцы перекрещивали всѣ моря, разбивали испанскій флотъ и задерживали испанскую торговлю.

Что на югѣ привязано было къ свободѣ и обладало духомъ предпріятія, то теперь выселялось на сѣверъ. Фландрія была богата ткацкой промышленностью; съ 1585 г. фламандскіе сукновалы направились въ Лейденъ, ткачи, въ Гаарлемъ и Амстердамъ. Когда послѣ паденія Гента жителямъ его предложи-

ли избирать между католичествомъ и выселеніемъ, почти всѣ, какіе только остались изъ нихъ, устремились на сѣверъ. Амстердамъ вытѣснилъ Антверпенъ, какъ въ свое время послѣдній вытѣснилъ Брюгге.

Въ 1580 г. Филиппъ запретилъ Нидерландамъ вывозить левантскіе товары изъ испанскихъ и португальскихъ портовъ; въ 1595 г. голландцы обогнули южную оконечность Африки; въ 1602 г. они прибыли въ Остъ-Индію. Остъ-Индская компанія основалась на капиталъ въ 6,500,000 гульденовъ.

Въ 1598 г., утомившись войной съ Франціей и заключивши миръ съ Генрихомъ IV, Филиппъ покончилъ страшной болѣзнью: въ его испорченномъ тѣлѣ развивались живые организмы. Онъ буквально «собрался гнить».

42 года длилось его правленіе, въ теченіе 42 лѣтъ онъ все хотѣлъ измѣнить по своему глупому убѣжденію. Богатства обѣихъ Индій онъ употреблялъ для осуществленія своихъ безтолковыхъ плановъ; ни передъ какимъ средствомъ, ни передъ какимъ преступленіемъ онъ не содрогался. И въ результатѣ? Онъ сошелъ со сцены, безконечно глубже обузданнымъ, чѣмъ его отецъ. Голландія была республикой, Бельгія сдѣлалась австрійской. Его коварные замыслы на Францію остались неосуществленными, Генрихъ IV прочно сидѣлъ на престолѣ. Изданіе Нантскаго эдикта совпало съ годомъ смерти Филиппа: великое преступленіе осуществилось, народу «позволено жить по собственной совѣсти». Елизавета стояла на стражѣ противъ папизма и іезуитизма.

Нидерландская война поглотила 564 милліона гульденовъ, что теперь составитъ около 3 милліардовъ. На прибытіе флотовъ съ серебромъ Испанія болѣе уже не могла разсчитывать; не получая же благороднаго металла, на что Испанія могла покупать? Собственная промышленность находилась въ упадкѣ. Всѣ произведенія ея были поглощены войной и преслѣдованіемъ еретиковъ.

Монахи должны были собирать милостыню изъ дома въ домъ въ послѣдніе годы жизни Филиппа, чтобы удержать ходъ государственнаго механизма; въ Кастиліи выжимались самые тягостные налоги для того только, чтобы покрыть государственный долгъ. *А повелитель той страны, гдѣ «не заходило солнце», гнилъ заживо.*

Какая Немезида проявила себя въ этой испанской наслѣдственности? Если отнять отъ Карла V полководца и дипломата, то останется флегматикъ съ idée fixe, т. е. Филиппъ II; отнявъ отъ Филиппа II холодную энергію извнѣ съ внутренно пламенѣвшимъ пожаромъ, получимъ Филиппа III, — католическій нуль съ скипетромъ и въ горностаѣ.

14 лѣтъ у него показались первые зубы. Невѣсту себѣ онъ не хотѣлъ самъ выбирать, такъ какъ вкусъ отца его былъ его личнымъ вкусомъ. Три были ему предложены, изъ нихъ 2 умерли, на третьей онъ женился. Онъ краснѣлъ передъ каждой женщиной; если она была красива, то онъ благодарилъ Бога за то, что Тотъ сотворилъ такое прекрасное созданіе.

Въ 1609 г. голландцы заключили съ Испаніей 12-лѣтнее перемиріе, послужившее для нихъ основой достигнутаго ими положенія въ свѣтѣ. Сынъ Филиппа II принужденъ былъ съ мятежниками обращаться на основахъ равенства «les tenant pour libres». Въ Остъ-Индіи они свободно приплывали въ теперешнее испанское владѣніе Альбукерка. Затѣмъ они направились на западъ. Въ 1621 г. составилась Вестъ-Индская компанія; голландцы постепенно захватили Бербикъ, Курасао, острова св. Мартина, св. Евстафія. Они даже владѣли отъ 1625—1638 г. португальской Бразиліей. Когда Португалія снова сдѣлалась самостоятельной, она заключила миръ съ республикой въ 1641 г., потерявъ при этомъ Цейлонъ, Малабарскій и Коромандельскій берега. Участіе республики въ 30-лѣтней войнѣ (отъ 1621 до 1648 г.) укрѣпило ея положеніе. Голландія черезъ Мастрихтъ завладѣла Маасомъ. Въ Европѣ возникло одно свободное государство, насколько успѣло тогда выработаться понятіе о свободѣ. Испанія между тѣмъ приходила въ упадокъ. Едва окончилось перемиріе съ Голландіей, какъ открылся крестовый походъ противъ Морисковъ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ Филиппъ III обезлюдивалъ и опустошалъ свою страну; 600,000 полезныхъ для государства тружениковъ были изгнаны и умерли въ Африкѣ, остатки же ихъ потомства объявлены были рабами. Съ того времени Испанія вычеркнута изъ исторіи.

Нидерланды раздѣлились на 2 части. На югѣ оставались господствующими старый католико-монархическій идеалъ, старая вѣра, старая традиція искусства; на сѣверѣ развивались испытующій разумъ, ученая критика, процвѣтаніе гуманистской науки, строго научное мышленіе и совершенно новый принципъ искусства. Здѣсь учили и подвизались великіе филологи: *Липсій*, *Скалигеръ*, *Фоссій*, *Гроновій*, *Гейнзій*, *Гемштерґюсъ*. Между ними *Гуго Гроцій* положилъ основаніе международному праву и *Спиноза* — своему геніальному пантеизму. Эльзевирское изданіе классиковъ соперничало съ предшествовавшимъ ему Альдинскимъ въ Венеціи.

Удовлетворенные сохраненіемъ части своихъ «привилегій и свободы» и привычнаго довольства, Бельгійцы съ тѣхъ поръ тянулись на буксирѣ испанско-габсбургской политики, удержи-

вая балластъ католическаго воспитанія и іезуитскаго вліянія до настоящихъ дней. Іосифъ II для нихъ былъ слишкомъ революціонеръ, и нѣкогда возставшіе за свободу совѣсти возмущались теперь противъ императорскихъ указовъ о просвѣщеніи. Многопрославленная и многоизвѣстная сентябрская революція 1830 г. была невозможна безъ руководства *клира*; радикалы здѣсь заключили постыдный союзъ; папистамъ досталась львиная доля.

Голландія не чужда была религіозныхъ неурядицъ; догматическіе раздоры смѣшивались здѣсь съ различными оттѣнками политическихъ партій. *Гомаръ*, строгій кальвинистъ, фанатикъ предопредѣленія, нападалъ на Арминія и его послѣдователей, которые склонялись на сторону спокойнаго цвингліанства. Мыслящіе люди, въ то же время поборники сословнаго республиканства, были арминіанцы; Морицъ, стремившійся къ цезарской демократіи, былъ на сторонѣ фанатика. Синодъ въ Дортрехтѣ въ 1618 г. высказался въ пользу человѣческаго осужденія и Морицъ, герой, запятналъ свою славу на вѣчныя времена нарушеніемъ правосудія! По самому безсмысленному доносу старый *Ольденбарневельдъ* попалъ подъ кровавый судъ, и въ слѣдующемъ году 74-лѣтній патріотъ съ спокойнымъ самоотверженіемъ сложилъ свою голову на плаху. Морицъ не оказалъ милости человѣку, которому, какъ своему мечу, онъ больше всего былъ обязанъ. Страшное противорѣчіе внутри самой демократической идеи уже тогда выставило свою голову Медузы.

Гуго Гроцій, классическій латинистъ, нидерландскій историкъ, основатель международнаго права, посаженъ былъ въ тюрьму, откуда его жена спасла въ ящикѣ съ книгами; только въ Швеціи онъ нашелъ для себя удобное пристанище.

Насколько, однако, значительными являлись вѣянія, настолько они были вѣяніемъ новаго времени, борьбы и проявленій болѣе высшаго развитія; мостъ, отдѣлявшій прошедшее, все болѣе и болѣе оставался позади. Напоръ фактовъ и страсть къ пріобрѣтенію все глубже протаптывали себѣ одинъ путь за другимъ; испанское владычество въ Остъ и Вестъ-Индіи приходило въ упадокъ, въ распоряженіи голландца теперь были всѣ произведенія дальняго Востока; онъ основалъ Батавію на Явѣ, завоевалъ Капскую землю, овладѣлъ на дальнемъ сѣверѣ ловлей китовъ и сельдей, собиралъ одно сокровище за другимъ. Но и это не безнаказанно. Къ разладу между оранскимъ демократизмомъ и гражданскимъ республиканствомъ присоединилась другая новая борьба. Немногіе «избранные» и многіе «призваные» образовали не только религіозныя, но и экономическія категоріи. Протестантизмъ строго логически раздѣлился на popolo grasso и popolo minuto. Неумолимо, какъ божественный приговоръ, выступала противоположность между высшими и низшими клас-

сами. Изъ Голландіи она овладѣла новѣйшимъ міромъ. Конца непрерывной борьбы и до сихъ поръ нельзя предусмотрѣть.

Типическое выраженіе различія между Бельгіей и Голландіей точно такъ, какъ и рубежъ обновленнаго преданія и смѣлаго самосознанія и торжества Renaissance, можно найти въ образовательномъ искусствѣ, особенно въ *живописи*.

Около именъ *Рубенса* и *Рембрандта* вращаются два міра; въ одномъ только Рубенсѣ бельгійскій міръ еще разъ распадается на 2 полушарія.

Петеръ Поль Рубенсъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ родился 29-го іюня 1575 года, за годъ до «Гентскаго возстановленія мира», этой тщетной попытки возсоединенія сѣвера и юга, и за 2 года до «Вѣчнаго Эдикта» донъ-Жуана Австрійскаго. Такъ какъ его родители принуждены были бѣжать, то онъ слѣдовательно явился въ свѣтъ на Оранской почвѣ; однакожъ всю свою жизнь онъ провелъ въ *Антверпенѣ*, и характеръ его дѣятельности всецѣло сложился подъ вліяніемъ этого посредствовавшаго пункта между югомъ и сѣверомъ, дворомъ и республикой, между Брюгге и Амстердамомъ.

Когда эрцгерцогъ Альбрехтъ въ 1596 г. впервые пришелъ въ Брюссель, Рубенсу было 21 годъ. 25-ти лѣтъ онъ отправился въ Италію, откуда въ самомъ источникѣ Renaissance, которое недостаточно открылъ ему учитель его Отто Веній, онъ могъ, почерпнувъ формы и цвѣта, развить въ себѣ самостоятельный бельгійскій геній.

Рубенсъ безспорно принадлежитъ по территоріи и направленію къ реставраціи; онъ столь же знатенъ, какъ консервативный патрицій, придворный джентльменъ. Не разъ онъ былъ посланникомъ и исполнялъ свои миссіи съ изящнымъ успѣхомъ. Онъ посѣтилъ Голландію, Испанію и Англію. Многія изъ его лучшихъ и прославленныхъ картинъ вращались въ сферѣ неокатолицизма. Онъ рисовалъ для іезуитовъ и новой церкви, у князей и вельможъ онъ декоратировалъ дворцы.

«Мадонна надѣваетъ на св. Ильдефонсо рясу», въ сторонѣ стоятъ Альбрехтъ Австрійскій и Изабелла Испанская съ своими духовниками. Какое церковное празднество и религіозное собраніе — въ Вѣнскомъ Бельведерѣ! — «Св. Тереза молится за освобожденіе душъ изъ чистилища» — какъ безстрастно антипротестантски — въ Антверпенской академіи! — «Успеніе Св. Дѣвы» — въ Вѣнскомъ Бельведерѣ.

«Воздвиженіе креста» и «Снятіе креста», въ Антверпенскомъ соборѣ, принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ изображеніямъ страданія; но уже здѣсь сильно сказывается элементъ человѣчности; мы находимъ здѣсь столько же историческаго, сколько и

страстнаго. Вскорѣ въ двойственномъ матеріалѣ рѣшительно выступаетъ историческій стиль, таковы: «Лойола, прогоняющій діавола» и «Св. Ксаверъ, оживляющій мертваго» (обѣ въ Бельведерѣ). Совсѣмъ незамысловатъ, даже по матеріалу, «Св. Амвросій», загораживающій убійцѣ Ѳеодосію входъ въ Миланскую церковь» (Бельведеръ).

Поистинѣ драматическую сцену представляетъ собой «Самсонъ и Далила» въ Мюнхенѣ; проникнута отчасти эпическимъ элементомъ тамошняя «Битва Амазонокъ»,—одно изъ величайшихъ произведеній живописи вообще. Какъ блаженно безпечно живутъ «Дочери Кекропса» (Лихтенштейнская галерея въ Вѣнѣ). А старая и новая миѳологія, языческое и христіанское—все имѣло одинаковую цѣну подъ кистью великаго творца. «Празднество Венеры на Цитеррѣ» въ Бельведерѣ, столь же глубоко прочувствовано, какъ и «Св. Дѣвы» съ своею свитой въ церкви Іакова и Августина въ Антверпенѣ.

Какой Шекспиръ проглядываетъ въ картинѣ «Децій Мусъ» въ Лихтенштейнской галереѣ! Какъ кипитъ здѣсь драматическая жизнь, какъ форма расширяетъ здѣсь скудное содержаніе! А какая галерея характерныхъ головокъ, живыхъ чертъ изъ жизни художника и вѣка нарисована рукой Рубенса! Кисть его тутъ становится рѣзцомъ. Кто не знаетъ его собственныхъ портретовъ или «Helene Fourment» въ Бельведерѣ или тріумвирата: Гуго Гроцій, Юстусъ Липсій и Рубенсъ во дворцѣ Пацци во Флоренціи! Міръ животныхъ великій художникъ представлялъ съ небывалымъ до тѣхъ поръ искусствомъ; четвероногія на «четырехъ рѣчныхъ богахъ» Бельведера заключаютъ въ себѣ этнографическія черты. Весь внѣшній міръ, земля, вода, воздухъ, небо, деревья, молнія, блескъ солнца и дождь, природа, какъ жизнь сама въ себѣ, какъ звучащая арфа ея голоса — даже его умѣлъ схватить Рубенсъ.

Конечно Рубенсъ подчинялся вліянію приверженцевъ реставраціи; но онъ вносилъ собственный духъ въ матеріалъ преданія и недоступную область собственныхъ воспріятій дѣлалъ всѣмъ понятной. Никогда художникъ не овладѣвалъ такъ формой, какъ онъ; никогда изъ подъ кисти не струилась такъ жизненная теплота, какъ у него — и однакожъ мягкій Гвидо Рени думалъ, что онъ долженъ былъ рисовать *кровью*!

Но свобода Рубенса все-таки лишь свобода формы; самый свободный духъ можетъ считать себя свободнымъ, охватывая новое содержаніе.

Поль Рембрандтъ родился въ 1606 году на вѣтряной мельницѣ въ Лейденѣ, за 3 года до 12-лѣтняго перемирія между Голландіей и Испаніей. Онъ происходилъ отъ республиканской

семьи; ребенкомъ онъ переживалъ катастрофу Ольденбарневельда; когда было ему 42 года, окончилась 30-лѣтняя война, и голландская республика была признана всей Европой. 80-ти лѣтняя борьба за высшія блага окончилась полнѣйшимъ тріумфомъ добраго дѣла. Какъ протестантскій республиканецъ, Рембрандтъ рисовалъ и гравировалъ. На основахъ анатоміи гражданская свобода: вотъ *новое* міровоззрѣніе, дававшее содержаніе мысли и творчеству. Съ этихъ поръ поэзія искусство вообще болѣе уже не считаетъ своимъ предметомъ область исключительнаго, трансцендентальнаго, она можетъ теперь «облагородить все, что только захочетъ». Чѣмъ занимается человѣкъ, что его радуетъ, печалитъ, окружаетъ, — все заслуживаетъ освѣщенія искусствомъ. — Условное сіяніе должно было разсѣяться, привилегіи всюду разрушены. И это именно выполнялъ Рембрандтъ, онъ нивеллировалъ, какъ никто; онъ опоэтизировалъ земное существованіе.

—

100 лѣтъ спустя отъ голландскаго берега отчалилъ правнукъ Вильгельма Оранскаго; на мачтѣ его адмиральскаго корабля развѣвался флагъ съ надписью: «За протестантскую религію и свободу Англіи!» наряду со вторымъ Вильгельмомъ стоялъ тогда величайшій мыслитель того времени, *Джонъ Локъ.* Они отправились въ Англію для похищенія короны, для спасенія свободы Европы и на погибель Версальскому коронованному комедіанту.

Еще 100 лѣтъ спустя свобода удалилась на заатлантическій континентъ, въ Ново-Англійскіе штаты, чтобы оттуда учредить федеративную республику. Эхо раздалось во Франціи и потрясло всю Европу.

Въ сѣвероамериканской печати встрѣчаются уже нѣсколько десятковъ лѣтъ значительныя и важныя повѣствовательныя и философскія историческія сочиненія. Мы упомянемъ только о 2-хъ, которыя касаются XVI столѣтія: Прескоттъ: «Исторія царствованія Филиппа II» и Лотропъ Мотлей: «Исторія возникновенія республики соединенныхъ провинцій». Первое оцѣниваетъ факты спокойно и осторожно и относясь болѣе чѣмъ справедливо къ отшельнику Эскуріала. Второе свѣжо и юно, какъ будто на него повѣяло Шиллеровскимъ духомъ. Что нужно этимъ янки на берегу Нѣмецкаго моря? что могутъ они отыскать въ архивахъ Брюсселя и Мадрида?

Чего они искали? Начала собственнаго величія и могущества колыбели собственной свободы, представляющей собой нѣчто иное, чѣмъ колыбель Карла V. Чего они хотѣли? — Почтительно привѣтствовать дюны Нѣмецкаго моря, съ которыхъ волны и до сихъ поръ доходятъ до ихъ берега, волны, достаточно сильныя, чтобы смыть черное клеймо великой республики.

Эдгаръ Кинэ, этическій политикъ, заключилъ одно изъ своихъ блестящихъ предисловій восклицаніемъ: «Дайте мнѣ атомъ нравственности, я пересоздамъ весь міръ!»

Нидерланды и были въ XVI столѣтіи этимъ атомомъ нравственности, посредствомъ котораго геній нашего племени въ теченіе трехъ столѣтій работаетъ надъ пересозданіемъ человѣчества......

Составлено по Kulturgeschichte des sechzehnten Jahrhunderts von Karl Grün, Leipzig. 1872 г. (Глава VII, стр. 228—283).

2. ОЦѢНКА ЛИЧНОСТИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЬГЕЛЬМА ОРАНСКАГО.

Жизнь и труды принца Оранскаго дали освобожденной странѣ прочныя основанія, но смерть его отняла всякую надежду на соединеніе всѣхъ Нидерландовъ въ одну республику. Усилія недовольныхъ дворянъ, религіозные раздоры, замѣчательныя политическія и военныя способности герцога Пармы, все соединилось вмѣстѣ съ невозвратимою смертью Вильгельма Молчаливаго, чтобы оторвать навсегда южныя и католическія провинціи отъ сѣверной конфедераціи. Пока принцъ жилъ, онъ былъ отцемъ всей страны. Нидерланды, за исключеніемъ только валлонскихъ провинцій, составляли одно цѣлое. Не смотря на раздоры и бѣдствія продолжительной гражданской войны, страна была все-таки объединена, существовало одно честное сердце, одинъ руководящій умъ, на которые возлагала надежду патріотическая партія всей страны. Филиппъ и Гранвелла не ошиблись, разсчитывая на выгоды, которыя доставитъ имъ смерть принца, разсчитывая на то, что рука убійцы окажется дѣйствительнѣе всѣхъ ковъ испанскихъ и италіанскихъ дипломатовъ, всѣхъ войскъ, которыя въ состояніи выслать Испанія или Италія. Выстрѣлъ ничтожнаго Жерара уничтожилъ для Нидерландовъ возможность объединенія, тогда какъ при жизни Вильгельма было единство въ политикѣ, единство въ исторіи страны.

На слѣдующій годъ Антверпенъ, бывшій до сихъ поръ центромъ, вокругъ котораго сосредоточивались народные интересы и историческія событія, палъ передъ усиліями герцога Пармскаго. Городъ, бывшій такъ долго самою свободною и самою богатою столицею Европы, навсегда упалъ на ступень провинціальнаго городка. Его паденіе въ связи съ другими обстоятельствами, говорить о которыхъ, въ настоящее время, мы считаемъ преждевременнымъ, довершило окончательное отдѣленіе Нидерландовъ. Голландія и Зеландія, со смертью Оранскаго, провозгласили себя независимыми. Страна, которую Вильгельмъ на-

всегда освободилъ отъ испанской тиранніи, продолжала существовать въ теченіе двухъ столѣтій слишкомъ, въ качествѣ большой и цвѣтущей республики, подъ послѣдовательнымъ управленіемъ его сыновей и потомковъ.

Жизнь его дала существованіе независимой странѣ, смерть опредѣлила ея границы. Еслибъ онъ прожилъ еще 20 лѣтъ, вмѣсто семи провинцій она состояла бы, можетъ быть, изъ семидесяти; имя испанцевъ было бы забыто въ Нижней Германіи и Кельтической Галліи. Хотя еще двумъ поколѣніямъ пришлось пережить всѣ ужасы войны до тѣхъ поръ, пока Испанія согласилась признать новое правительство, но и до этого признанія Соединенные штаты сдѣлались уже первою морскою державою и превратились въ одну изъ могущественнѣйшихъ республикъ въ мірѣ. Религіозную же и гражданскую свободу и политическую независимость страна пріобрѣла еще при жизни Вильгельма, иноземная тиранія была навѣки сломлена на его глазахъ. Республика существовала de facto, со времени провозглашенія отложенія въ 1581 г. Исторія развитія Нидерландской республики есть вмѣстѣ съ тѣмъ и біографія Вильгельма Молчаливаго. Разсказъ сохранилъ вслѣдствіе этого полнѣйшее единство, но вмѣстѣ съ тѣмъ подробное описаніе его характера становится излишнимъ. Жизнь его была благородною, христіанскою эпопеею, сначала и до конца проникнутою одной великой идеей; плодоносныя воды истекали изъ одного источника, сохраняя свою первоначальную чистоту. Въ видѣ заключенія, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать только нѣсколько общихъ замѣчаній. Принцъ Оранскій былъ высокаго роста, крѣпкаго и мускулистаго сложенія, довольно худощавъ. Глаза, волосы, борода были темные; цвѣтъ лица смуглый. Маленькая, симметрическая, сжатая, подвижная голова обличала воина, высокій лобъ, преждевременно изборожденный морщинами, — государственнаго человѣка и мудреца. Изъ нравственныхъ качествъ Оранскаго самымъ выдающимся была набожность. Онъ былъ въ высшей степени религіознымъ человѣкомъ. Упованіе на Бога поддерживало и утѣшало его въ наиболѣе тяжелыя минуты жизни. Безусловно полагаясь на благость и премудрость Всемогущаго, онъ съ улыбкою встрѣчалъ опасность и сохранялъ, при постоянныхъ трудахъ и испытаніяхъ, почти сверхъ естественную ясность духа. Но, несмотря на всю свою набожность, онъ былъ терпимъ къ заблужденіямъ другихъ. Искренно, сознательно преданный реформатской религіи, онъ, тѣмъ не менѣе, готовъ былъ предоставить свободу вѣроисповѣданія католикамъ, съ одной стороны, анабаптистамъ—съ другой, понимая, какъ нельзя лучше, что нѣтъ ничего гнуснѣе религіознаго реформатора, который становится гонителемъ въ свою очередь. Твердость его не усту-

пала набожности. Стойкость, съ которою онъ выносилъ на своихъ плечахъ все бремя неровной борьбы, вызвала удивленіе даже въ его врагахъ. Скала на океанѣ, спокойная среди бушующихъ волнъ, была любимою эмблемою, которою друзья изображали его стойкость.

Высокое званіе, почти царственное состояніе,—всѣмъ онъ пожертвовалъ для блага родины и сдѣлался почти нищимъ, былъ объявленъ внѣ законовъ. Спустя десять лѣтъ послѣ его смерти, счеты между его душеприкащиками и братомъ Іоанномъ доходили до милліона четырехъ сотъ тысячъ флориновъ. Деньги же были взяты имъ у графа подъ залогъ различнаго недвижимаго и движимаго имущества; эта цифра была принята за основаніе при окончательныхъ разсчетахъ. Кромѣ того, онъ задолжалъ и всѣмъ остальнымъ своимъ родственникамъ, такъ что имущество перешло къ его дѣтямъ, обремененное долгами. Расточая такимъ образомъ на служеніе странѣ огромныя суммы денегъ и рѣшительно отказываясь отъ заманчивыхъ предложеній королевскаго правительства, онъ, съ другой стороны, доказывалъ свое безкорыстіе, упрямо отстраняясь, изъ году въ годъ, отъ верховной власти надъ провинціями, и, принявъ передъ самою смертью, когда отказъ сдѣлался рѣшительно невозможнымъ, только ограниченную конституціонную власть надъ тою частью провинцій, которою въ настоящее время управляютъ его наслѣдники. Онъ жилъ и умеръ не для себя, а для своей страны; предсмертныя слова его были: «Боже, умилосердись надъ этимъ бѣднымъ народомъ!»

Умственныя способности его были развиты и многосторонни. Онъ обладалъ практическими способностями великаго полководца, и друзья его утверждаютъ, что во всей Европѣ не было равнаго ему по военному генію. Отзывъ этотъ, безъ сомнѣнія, преувеличенъ личною привязанностью, но самъ императоръ Карлъ былъ высокаго мнѣнія объ его военныхъ способностяхъ. Вѣчными памятниками блестящихъ военныхъ способностей принца Оранскаго останутся: его укрѣпленіе Филиппевиля и Шарлемонта въ виду непріятеля, переходъ черезъ Маасъ въ глазахъ Альбы, его неудачная, но превосходно задуманная, кампанія противъ этого полководца, великолѣпный планъ выручки города Лейдена, начертанный имъ и успѣшно приведенный въ исполненіе подъ его руководствомъ, въ то время какъ самъ онъ лежалъ больной въ постели. Болѣе, чѣмъ кто-либо, обладалъ онъ великими достоинствами солдата—стойкостью въ бѣдствіи, преданностью долгу, твердостью духа въ неудачѣ. Цѣлымъ рядомъ неудачъ онъ достигъ рѣшительной побѣды. Онъ основалъ свободную республику подъ баттареями инквизиціи, наперекоръ самой могущественной монархіи. Онъ былъ побѣдителемъ въ

самомъ высокомъ значеніи этого слова, потому что завоевалъ свободу и право на національное существованіе цѣлому народу. Борьба продолжалась долго, и принцъ палъ въ ней, но побѣда осталась за погибшимъ героемъ, а не за оставшимся въ живыхъ монархомъ. Не слѣдуетъ забывать, что ему приходилось бороться съ далеко не равными силами. Войска его состояли обыкновенно изъ наемниковъ, способныхъ къ возмущеніямъ наканунѣ сраженія, между тѣмъ какъ противниками онъ имѣлъ самыхъ лучшихъ ветерановъ Европы, предводительствуемыхъ первѣйшими полководцами того времени. Не имѣя при себѣ ни одного знающаго или опытнаго офицера, кромѣ своего брата Людовика, а со смертью его оставшись совершенно одинокимъ, Вильгельмъ Оранскій поборолъ Альбу, Реквезенса, дона Жуана и Александра Фарнезе — людей, имена которыхъ стоятъ въ ряду самыхъ громкихъ именъ военной исторіи. Это одно уже служитъ блестящимъ доказательствомъ его военныхъ способностей. Въ минуту его смерти только двѣ провинціи остались подъ властью Испаніи; только Артуа и Геннегау подчинялись Филиппу, остальныя же пятнадцать провинцій находились въ состояніи открытаго возмущенія и торжественно отложились отъ своего короля.

Его политическія способности стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ былъ положительно первымъ государственнымъ человѣкомъ своего времени. Быстрота соображенія соединялась въ немъ съ осмотрительностью, которая побуждала его зрѣло обдумывать послѣдствія своихъ наблюденій. Онъ былъ глубокимъ знатокомъ человѣческой природы. Онъ игралъ на страстяхъ и чувствахъ великой націи, какъ на инструментѣ, и рукѣ его рѣдко не удавалось извлечь гармонію изъ самыхъ дикихъ звуковъ. Мятежный Гентъ, не признававшій надъ собою никакой власти, котораго самъ гордый императоръ могъ только сокрушить, а не обуздать, покорно смирялся подъ рукою Оранскаго. Его прибытіе прогнало Имбиза и его шайку, разстроило замыслы Яна Казиміра, обратило въ ничто ковы принца Шимэ. При жизни Оранскаго, Гентъ былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ бы былъ навсегда остаться — оплотомъ народной свободы, какъ прежде былъ ея колыбелью. По смерти принца онъ сдѣлался ея могилою. Умѣнье Оранскаго управлять людьми проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Онъ былъ краснорѣчивъ и говорилъ иногда съ увлеченіемъ, но предпочиталъ холодную аргументацію и всегда былъ логиченъ. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ на своихъ слушателей, было безпримѣрно въ исторіи этой страны или эпохи, однакожъ онъ никогда не унижался до лести народу, не слѣдовалъ за нимъ, а направлялъ его на путь долга и чести и чаще громилъ пороки, чѣмъ поддѣлывался подъ стра-

сти своихъ слушателей. Скупость, зависть, своеволіе, измѣна, всегда подвергались имъ заслуженной карѣ. Онъ безстрашно являлся передъ штатами и народомъ въ минуту крайняго раздраженія ихъ и говорилъ имъ правду въ лицо. Суровый каратель общественныхъ пороковъ, слишкомъ честный для того, чтобы льстить, онъ обладалъ въ то же время краснорѣчіемъ, способнымъ увлекать и убѣждать. Онъ умѣлъ затрогивать умъ и сердце своихъ слушателей. Его рѣчи, импровизированныя или приготовленныя, его письменныя посланія къ генеральнымъ штатамъ, къ провинціальнымъ властямъ, къ городскимъ совѣтамъ, его частная переписка съ людьми всѣхъ сословій, начиная съ императоровъ и королей и кончая секретарями и даже дѣтьми— отличаются легкостью слога и полнотою мысли, силою выраженій, рѣдкою въ то время исторической эрудиціей, богатствомъ фантазіи, теплотою чувства, широтою взглядовъ, ясностью мысли — словомъ, всѣми достоинствами, которыя поставили бы его на ряду съ лучшими мыслителями его времени, еслибъ онъ не оставилъ по себѣ другихъ памятниковъ, кромѣ памятниковъ своего краснорѣчія. Плодовитость его въ этомъ отношеніи была замѣчательна. Самъ Филиппъ не могъ превзойти его трудолюбіемъ; самъ Гранвелла не могъ поспорить съ нимъ плодовитостью. Оранскій говорилъ и писалъ одинаково хорошо по французски, нѣмецки и фламандски; кромѣ того онъ зналъ испанскій, итальянскій и латинскій языки. Одной его переписки хватило бы на то, чтобы наполнить жизнь дюжиннаго человѣка. Цѣлые томы его рѣчей и писемъ напечатаны, и кромѣ того въ нидерландскихъ и германскихъ архивахъ хранится еще много документовъ, написанныхъ его рукою, которымъ вѣроятно никогда не суждено увидѣть свѣтъ.

Усилія, предпринятыя самымъ трудолюбивымъ и дѣятельнымъ изъ тирановъ на погибель Нидерландовъ, побороли дѣятельность самаго неутомимаго изъ патріотовъ. Трудно найти въ немъ какія-либо черты, заслуживающія серьезнаго порицанія, но враги его изобрѣли для этого весьма простой способъ: не будучи въ состояніи найти въ его характерѣ мелкихъ недостатковъ, они рѣшились очернить его цѣликомъ. Брилліантъ, подъ ихъ рукою, оказался поддѣльнымъ. Патріотизмъ его былъ лицемѣріемъ, самоотверженіе и великодушіе — лицемѣріемъ. Имъ руководило только честолюбіе, только стремленіе къ личному возвышенію. Они не пытались отрицать его талантовъ, его трудолюбія, его громадныхъ пожертвованій; они осмѣивали только мысль, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ безкорыстныхъ побужденій.

Одинъ Богъ знаетъ сердце человѣка; Онъ одинъ въ состояніи проникать въ запутанную сѣть человѣческихъ побужденій и

открывать тайныя побужденія человѣческихъ дѣйствій. Но тщательное изученіе неоспоримыхъ фактовъ и различныхъ оффиціальныхъ и частныхъ документовъ показываетъ, что, судя по всѣмъ видимостямъ, не было человѣка, не исключая самого Вашингтона, который бы дѣйствовалъ подъ вліяніемъ болѣе безкорыстнаго патріотизма.

Въ отвѣтъ на обвиненія въ тщеславіи и честолюбіи, мы можемъ указать только на картину, которую пытались нарисовать въ настоящемъ сочиненіи.

Тутъ всѣ слова, вся дѣятельность этого человѣка. Мы старались, по возможности, разоблачить сокровенныя движенія души, насколько они выразились въ его частной перепискѣ; словомъ, тотъ, кто взглянетъ на эту картину безъ предубѣжденія, найдетъ то, что желалъ бы найти.

Былъ ли принцъ Оранскій трусливъ отъ природы или нѣтъ, но до самой послѣдней минуты онъ выказывалъ удивительное мужество. При осадахъ и на полѣ битвы, въ смертоносной атмосферѣ зараженныхъ эпидеміею городовъ, при истощеніи ума и тѣла усиленными трудами и тревогами, среди постоянныхъ замысловъ убійцъ — онъ ежедневно подвергался смерти во всѣхъ ея видахъ. Впродолженіе двухъ лѣтъ было открыто пять покушеній на его жизнь. Знатность и богатство предлагались всякому злодѣю, который лишитъ его жизни. Разъ онъ получилъ почти смертельную рану въ голову. Даже и храбрый человѣкъ, поставленный въ такія условія, сталъ бы подозрѣвать ловушку на каждомъ шагу, кинжалъ въ каждой рукѣ, ядъ въ каждомъ сосудѣ. Оранскій же, напротивъ, былъ всегда веселъ и не принималъ никакихъ особыхъ мѣръ предосторожности. «Господь въ своей благости», говорилъ онъ съ безъискусственною простотою, «поддержитъ мою невинность и честь впродолженіе моей жизни и на будущіе вѣка; я давно уже посвятилъ свое состояніе и жизнь на служеніе Ему. Онъ поступитъ, какъ Ему будетъ угодно, для прославленія собственнаго имени и моего спасенія». Даже зловѣщая наружность Жерара, когда онъ въ первый разъ показался въ дверяхъ столовой, не возбудила его подозрѣній. Онъ посмѣялся пророческому страху жены при видѣ убійцы и до послѣдней минуты былъ веселъ, какъ всегда. Онъ обладалъ тѣмъ, что языческій философъ считалъ высшимъ благомъ — здоровымъ умомъ въ здоровомъ тѣлѣ. По смерти организмъ его былъ найденъ въ такомъ превосходномъ состояніи, что онъ прожилъ бы еще долго, несмотря на всѣ перенесенныя имъ испытанія. Отчаянная болѣзнь его въ 1574 г., страшная рана, нанесенная ему Жорегуа въ 1582 г. не оставили по себѣ слѣдовъ. Доктора нашли организмъ его въ совершенномъ порядкѣ. Онъ былъ веселаго темперамента. За столомъ, умѣренныя наслажденія котораго служили

ему единственнымъ отдыхомъ, онъ былъ всегда оживленъ и веселъ; эта веселость была частью естественная, частью притворная. Въ минуты самыхъ тяжелыхъ испытаній для страны онъ надѣвалъ на себя маску веселости, далеко не соотвѣтствовавшую его душевному настроенію, и эта кажущаяся веселость, въ критическія минуты, вызывала осужденіе со стороны тупоумныхъ глупцовъ, которые не въ состояніи были понять ея глубокаго смысла и не могли помириться съ легкомысліемъ Вильгельма Молчаливаго. Впродолженіе всей своей жизни онъ несъ съ улыбкою бремя народнаго бѣдствія. Имя этого народа было его послѣднимъ словомъ, за исключеніемъ простаго «Да», которымъ солдатъ, сражавшійся всю жизнь за правое дѣло, умирая предалъ душу «своему великому полководцу – Христу». Народъ относился къ нему съ любовью и признательностью, онъ довѣрялъ «отцу Вильгельму» и никакая черная клевета не въ состояніи была затмить предъ нимъ блескъ высокаго ума Оранскаго, отъ котораго народъ этотъ привыкъ ждать свѣта въ минуты самыхъ тяжелыхъ бѣдствій. Онъ былъ путеводною звѣздою доблестной націи и, когда онъ умеръ, дѣти на улицахъ плакали о немъ. Похвалы эти припишутъ быть можетъ увлеченію. Авторъ старался сохранять хладнокровіе и безпристрастіе, но трудно оставаться равнодушнымъ, изучая жизнь такого человѣка. Люди, которые серьезно вникнутъ въ его дѣятельность и труды, должны будутъ сознаться, что Вильгельмъ Оранскій былъ однимъ изъ немногихъ людей въ исторіи — высокодаровитымъ, великодушнымъ, преданнымъ принцемъ-патріотомъ.

Мотлей. Исторія Нидерландской революціи. Томъ III, стр. 529—536.

3. СВЯТѢЙШАЯ ИНКВИЗИЦІЯ.

Инквизиція. — Главная причина возстанія. — Три рода этого учрежденія — Испанская инквизиція. — Епископальная инквизиція въ Нидерландахъ. — Папская инквизиція, введенная въ Нидерланды Карломъ V. — Его инструкціи инквизиторамъ. — Филиппъ подтверждаетъ ихъ. — Инквизиторъ Тительманъ. — Примѣры его дѣятельности. — Сравненіе испанской и нидерландской инквизицій. — Поведеніе Гранвеллы. — Осужденіе Фаво и Малльяръ въ Валансіеннѣ.

Главною причиною возстанія, которому предстояло вспыхнуть черезъ нѣсколько лѣтъ въ Нидерландахъ, была инквизиція. Почти незачѣмъ доискиваться другихъ причинъ, когда на первомъ шагу встрѣчаемъ столь достаточный поводъ къ революціи. Во время войны религіозныя гоненія на время прекратились по причинамъ, на которыя мы уже указали. Но вернувшись въ Испа-

нію, Филиппъ составилъ подробный планъ искорененія религіозныхъ убѣжденій, уже заразившихъ большую часть его нидерландскихъ подданныхъ. Надъ провинціями вдали собиралась туча, пророчившая бѣдствія несравненно ужаснѣе всѣхъ, перенесенныхъ ими до той поры. Подобно тому, какъ на свѣтлыя долины Сициліи падаетъ громадная пирамидальная тѣнь Этны, грозный призракъ вѣчнаго врага, грозящаго огнемъ и разрушеніемъ, — такъ зарею царствованія Филиппа легла тѣнь инквизиціи на богатыя, веселыя нидерландскія провинціи, — призракъ, грозившій болѣе истребительнымъ огнемъ и разрушеніемъ, чѣмъ всѣ физическія силы природы.

Много было спора о разныхъ родахъ инквизицій. Разница, которую старались найти между папскою, епископальною и испанскою инквизиціями, не могла убѣдить въ XVI вѣкѣ людей, не зараженныхъ софизмами и не вѣрившихъ таинствамъ какой бы то ни было инквизиціи. Въ какомъ бы видѣ она ни являлась и какъ бы ни называлась, она всегда была средствомъ допытываться до самыхъ сокровенныхъ мыслей человѣка и жечь его, если открытіе неблагопріятно. Настоящая испанская инквизиція, т. е. позднѣйшая система инквизиціи, установленная папою Александромъ VI и Фердинандомъ Католическимъ, несомнѣнно представляетъ болѣе совершенное орудіе тираніи, нежели папская и епископальная инквизиціи, устроенныя менѣе искусно. Испанская инквизиція была изобрѣтена вначалѣ противъ евреевъ и мавровъ, которыхъ христіанство того вѣка не признавало людьми, но не могло изгнать изъ испанскихъ провинцій, не опустошивъ ихъ.

Но вскорѣ вмѣсто язычниковъ инквизиція принялась за еретиковъ. Доминиканецъ Торквемада былъ первый Молохъ, засѣвшій на этотъ престолъ огня и крови, и съ этихъ поръ «святѣйшая инквизиція» почти исключительно сосредоточилась въ рукахъ этого ордена. Въ теченіе восемнадцатилѣтняго управленія Торквемады было заживо сожжено десять тысячъ двѣсти двадцать человѣкъ и девяносто семь тысячъ триста двадцать одинъ наказаны лишеніемъ чести, конфискаціею имущества или пожизненнымъ заключеніемъ, такъ что общее число семействъ, уничтоженныхъ или осиротѣлыхъ, благодаря одному этому монаху, простирается до ста четырнадцати тысячъ четырехъ сотъ одного. Съ теченіемъ времени, вѣдомство инквизиціи было расширено. Она пріучила дикарей Индіи и Америки содрогаться при одномъ имени христіанства. Трепетъ, который она внушала, не позволялъ первымъ еретикамъ Италіи, Франціи и Германіи выходить изъ церкви. Судилище это не зависѣло ни отъ какой свѣтской власти, не признавало надъ собою никакого суда, — это былъ безапелляціонный судъ монаховъ, имѣв-

шій своихъ лазутчиковъ въ каждой семьѣ, знавшій тайны каждаго очага, судившій и выполнявшій свои страшные приговоры безъ всякой отвѣтственности. Инквизиція осуждала не только за поступки, но и за помыслы. Она проникала въ совѣсть людей и наказывала за преступленія, которыя будто бы открывала въ глубинѣ ея. Судопроизводство было доведено до ужасающей простоты. Она брала подъ арестъ по подозрѣнію, пытала до сознанія и потомъ казнила огнемъ. Достаточно было двухъ свидѣтелей, и то по двумъ разнымъ фактамъ, чтобы приговорить жертву къ возмутительному заточенію, гдѣ узника плохо кормили, запрещали ему говорить и даже пѣть,—къ чему, впрочемъ, едва ли у него являлась и охота; такимъ образомъ онъ сидѣлъ, пока голодъ и тоска не истощали его окончательно. Когда полагали, что онъ уже совершенно упалъ духомъ, его допрашивали. Если онъ сознавался и отрекался отъ ереси, даже и не будучи повиненъ въ ней, то могъ надѣть священную рубаху и отдѣлаться конфискаціею всего имущества. Если же упорствовалъ въ утвержденіи своей невинности, то двухъ свидѣтелей достаточно было, чтобы послать его на костеръ и одного, чтобы подвергнуть пыткѣ. Осужденному объявляли, въ чемъ онъ обвиняется, но никогда не давали очной ставки съ обвинителемъ. Этимъ обвинителемъ могъ быть сынъ, отецъ, жена, потому что всѣ были обязаны, подъ страхомъ смерти, доносить инквизиторамъ о всякомъ подозрительномъ словѣ, вырывавшемся изъ устъ даже ближайшихъ родственниковъ. Составивъ на этомъ основаніи обвинительный актъ, арестованнаго предавали пыткѣ. Судьями были орудія пытки; адвокатомъ осужденнаго—его мужество, потому что номинальный адвокатъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ заключеннымъ, не получалъ ни документовъ, ни права приводить свидѣтельства, словомъ, былъ не болѣе, какъ кукла, усиливавшая беззаконность дѣйствія пародіею законныхъ формъ. Пытка совершалась въ полночь, въ мрачной темницѣ, слабо освѣщенной факелами. Жертву, будь это мужчина, женщина или молодая дѣвушка, раздѣвали до-нага и клали на деревянную скамью. Вода, гири, огонь, блоки, винты, всевозможные аппараты, которыми можно напрягать мускулы, не давая имъ лопнуть, бить по костямъ, не разбивая ихъ, утонченно терзать тѣло, не изгоняя изъ него духъ, — все это употреблялось въ дѣйствіе. Палачъ, облеченный съ головы до ногъ въ черную одежду и глядѣвшій на жертву черезъ двѣ дыры въ капюшонѣ, закрывавшемъ ему лицо, пробовалъ по очереди всякія пытки, придуманныя дьявольскою изобрѣтательностью монаховъ. Воображеніе отказывается рисовать эту страшную дѣйствительность. Тѣ, кого интересуютъ подробности этой системы, легко могутъ удовлетворить въ настоящее время свое любопытство.

Яркій свѣтъ, разлившійся на эту эпоху, болѣе чѣмъ оправдываетъ ненависть къ инквизиціи и возстаніе нидерландцевъ. Не было закона, который опредѣлялъ бы срокъ, на который можно было ежедневно подвергать жертву пыткѣ. Она могла кончиться только сознаніемъ, такъ что эшафотъ былъ единственнымъ спасеніемъ отъ нея. Бывали примѣры, что людей пытали впродолженіе 15 лѣтъ и наконецъ сожигали.

За сознаніемъ слѣдовала казнь; но ее разрѣшалось откладывать, чтобы накопить больше жертвъ къ какому-нибудь великому празднику; ихъ всегда ознаменовывали торжественнымъ auto-da-fe! Это было самымъ пріятнымъ и вдохновляющимъ зрѣлищемъ для государя, высшихъ правительственныхъ лицъ, духовенства и черни. Въ день, назначенный для казни, жертву выводили утромъ изъ темницы. На нее надѣвали желтое платье съ рукавами, въ родѣ одежды герольдовъ, съ вышитыми по немъ фигурами дьяволовъ. На голову надѣвали высокую коническую митру изъ бумаги, съ изображеніемъ человѣка въ пламени, окруженнаго чертенятами. Ротъ забивали клиномъ такъ, что осужденный не могъ ни открывать, ни закрывать его. Снарядивъ его такимъ образомъ, ему подавали передъ выходомъ изъ тюрьмы самый изысканный завтракъ и насмѣшливо приглашали утолить голодъ. Вслѣдъ затѣмъ его выводили на площадь. Пышная процессія открывалась воспитанниками школъ, за которыми шли осужденные въ описанныхъ странныхъ и ужасныхъ костюмахъ. Потомъ слѣдовали правительственныя лица и дворяне, прелаты и другіе духовные чины. Инквизиторы со всѣмъ своимъ штатомъ и служителями ѣхали верхами, подъ краснымъ знаменемъ «Святѣйшей Инквизиціи», на которомъ были изображены, съ одной стороны, портретъ папы Александра, съ другой,—короля Фердинанда, этой достойной четы, придумавшей инквизицію. За процессіею бѣжала чернь. По прибытіи къ эшафоту, всѣ располагались въ должномъ порядкѣ, и толпа выслушивала проповѣдь, преисполненную похвалами инквизиціи и оскорбленіями осужденнымъ. Имъ читали, каждому особо, приговоры, потомъ духовенство затягивало пятьдесятъ пятый псаломъ, и вся толпа подтягивала ему въ ужасающемъ miserere. Если въ числѣ осужденныхъ находилось духовное лице, то съ него снимали носимое имъ облаченіе и скребли ему руки, губы и бритое темя кускомъ стекла въ знакъ того, что съ него стирается миропомазаніе, послѣ чего его присоединяли къ общему стаду. Прощенныхъ преступниковъ и тѣхъ, чья казнь была еще отложена, отдѣляли отъ обреченныхъ жертвъ. Послѣднихъ возводили на эшафотъ, гдѣ ихъ ожидалъ палачъ чтобы вести на костеръ. Инквизиторы сдавали ихъ ему на руки съ ироническимъ внушеніемъ обращаться съ ними крот-

ко, безъ кровопролитія и оскорбленій. Упорствовавшіе до конца, сжигались живьемъ, а открекавшіеся передъ смертью отъ заблужденій, удавливались предварительно веревкою.

Такова была испанская инквизиція. По словамъ біографа Филиппа II, это была «Небесная цѣлительница», ангелъ при дверяхъ рая, львиный ровъ, гдѣ Даніилъ и другіе праведники могли ничего не опасаться, но грѣшники терзались въ куски. Это было верховное, безапелляціонное судилище, не признававшее надъ собою никакихъ законовъ, никакой власти, ни земной, ни небесной. Никакое званіе, какъ бы они ни было высоко или низко, не спасало отъ его всемогущества. Оно не уважало ни королевскаго семейства, ни хижины бѣдняка. Самая смерть не ограждала отъ него. Святая инквизиція проникала во дворцы къ государямъ и въ убѣжище нищаго. Тѣла умершихъ еретиковъ изувѣчивались и сжигались. Инквизиторы опустошали гробы и оскверняли прахъ усопшихъ.

Инквизиція привѣтствовала пышнымъ торжествомъ возвращеніе Филиппа въ Испанію. Извѣстіе объ этихъ страшныхъ auto-da-fe, въ которыхъ погибло столько знаменитыхъ жертвъ, закланныхъ предъ глазами своего государя, пришло въ Нидерланды почти одновременно съ буллою о новыхъ эпархіяхъ. Королевскія забавы не могли расположить нидерландцевъ къ новымъ учрежденіямъ.

Испанская инквизиція привилась только за Пиренеями. Или можетъ быть король и Гранвелла были искренни, увѣряя, что никогда не имѣли намѣренія вводить ее въ Нидерландахъ, хотя трудно вѣрить словамъ такихъ людей. Дѣло въ томъ, что инквизиція уже издавна существовала въ этихъ провинціяхъ. Правительству оставалось только утвердить и расширить ее. Мы уже видѣли, что это было приведено въ исполненіе относительно епископальной инквизиціи посредствомъ умноженія числа епископовъ, изъ которыхъ каждый былъ главнымъ инквизиторомъ въ своей епархіи и имѣлъ двухъ подчиненныхъ ему официальныхъ инквизиторовъ. Казалось, такой системы и эдиктовъ было достаточно для подавленія ереси. Но этимъ не ограничились. Въ Нидерландахъ существовала и правильная папская инквизиція, бывшая, подобно эдиктамъ, даромъ Карла V. Необходимо сказать нѣсколько словъ объ ея учрежденіи, хотя бы даже читатель нашелъ, что мы слишкомъ распространяемся объ этомъ печальномъ предметѣ. Но невозможно составить себѣ вѣрнаго понятія о нидерландскомъ возстаніи, не вникнувъ въ его главную причину, — въ религіозное гоненіе, тяготѣвшее надъ страною впродолженіе полувѣка и которое, не случись возстанія, привело бы націю или къ истребленію, или къ совершенному отупѣнію. Событія немногихъ годовъ, которыя мы

просмотримъ въ этой и слѣдующей главахъ, покажутъ, какъ въ Нидерландахъ ежедневно возрастало броженіе умовъ отъ дѣйствія причинъ, которыя существовали уже давно, но получали новую силу, по мѣрѣ развитія политики новаго царствованія.

Можно сказать, что до вступленія на престолъ Карла V, инквизиція не существовала въ Нидерландахъ. Частные случаи, приводимые въ доказательство противнаго юристами Маргаритѣ Пармской, доказываютъ скорѣе отсутствіе, чѣмъ существованіе такой системы.

Въ царствованіе Филиппа Добраго, викарій генералъ-инквизитора осудилъ нѣсколькихъ еретиковъ, которые и были сожжены въ Лиллѣ, въ 1448 г. Якобинскій монахъ Петръ Труссаръ осудилъ на смерть въ 1459 г. многихъ вальденцевъ и нѣсколькихъ важнѣйшихъ гражданъ Артуа, по обвиненію въ ереси и колдовствѣ. Онъ дѣйствовалъ впрочемъ въ качествѣ инквизитора епископа арасскаго, такъ что казни эти были дѣломъ не папской, а епископальной инквизиціи. Вообще, когда въ Нидерландахъ являлась надобность въ инквизиторахъ, ихъ приходилось вызывать изъ Германіи или изъ Франціи. Возраставшее гоненіе потребовало домашняго штата, и тогда Карлъ V прибѣгнулъ, въ 1522 г., къ своему бывшему воспитателю, котораго возвелъ на папскій престолъ.

Впрочемъ, императоръ уже за годъ до этого назначилъ Франца Ванъ-деръ-Гульста генералъ-инквизиторомъ Нидерландовъ. Этотъ человѣкъ, котораго Эразмъ назвалъ «злѣйшимъ врагомъ науки», имѣлъ помощникомъ кармелитскаго монаха Николая ванъ Эгмонда, прозваннаго тѣмъ же Эразмомъ «умалишеннымъ, съ оружіемъ въ рукахъ». Генералъ-инквизиторъ получилъ право требовать къ суду, брать подъ арестъ, заключать въ тюрьму и пытать еретиковъ безъ соблюденія законныхъ формальностей; приговоры его были безапелляціонны. Впрочемъ, онъ могъ постановлять окончательный приговоръ не иначе, какъ по соглашенію съ Лауренсомъ, президентомъ мехельнскаго великаго совѣта, грубымъ, жестокимъ невѣждою, «ненавидѣвшимъ науку какою-то нечеловѣческою ненавистью»; на этого человѣка можно было смѣло положиться, что онъ будетъ утверждать самые жестокіе приговоры инквизитора. Папа Адріанъ утвердилъ Ванъ-деръ-Гульста въ званіи генералъ-инквизитора всѣхъ нидерландскихъ провинцій. Но его должность не отмѣняла, какъ было положительно сказано, инквизиторской должности епископовъ въ эпархіяхъ. Такимъ образомъ въ Нидерландахъ была введена папская инквизиція. Такая презрѣнная личность, какъ Ванъ-деръ-Гульстъ, не могъ примирить нидерландцевъ съ учрежденіемъ, ненавистнымъ по самой своей сущности. Впрочемъ, онъ

не усидѣлъ и двухъ лѣтъ на своемъ мѣстѣ: императоръ отставилъ его за фабрикацію фальшивыхъ документовъ. Въ 1525 г. Климентъ VII назначилъ на его мѣсто инквизиторами Бюденса, Гузо и Коппена. По смерти Коппена, въ 1537 г., папа Павелъ III назначилъ на его должность Рюварда Топпера и Михаила Друтіуса; прочіе двое остались на своихъ мѣстахъ. Власть папскихъ инквизиторовъ постепенно расширялась, такъ что съ 1545 г. они не только стали совершенно независимы отъ епископальной инквизиціи, но и пріобрѣли право суда надъ самими епископами и архіепископами, которыхъ они могли брать подъ арестъ и заключать въ тюрьму. Имъ предоставлено было также избирать себѣ, по собственному усмотрѣнію, намѣстниковъ или субъ-инквизиторовъ. Этимъ-то лицамъ и слѣдуетъ приписать большую часть дѣйствій инквизиціи; изъ нихъ наиболѣе знамениты: Барбье, Де-Монте, Тительманъ, Фабри, Кампо-де-Зонъ и Стріэнъ. Императоръ издалъ рядъ строгихъ инструкцій въ руководство папскимъ инквизиторамъ. Одинъ взглядъ на ихъ содержаніе даетъ понять, что это учрежденіе не было пустою формальностью.

Инквизиторамъ предоставлялось право преслѣдовать и наказывать всѣхъ еретиковъ и всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ ереси, а также ихъ покровителей. Они были обязаны собирать, съ помощью нотаріусовъ, по всѣмъ провинціямъ письменныя свѣдѣнія о лицахъ, «зараженныхъ ересью, или сильно заподозрѣнныхъ въ оной». Они имѣли право призывать въ свидѣтели подданныхъ его величества, какъ бы они высоко ни стояли по званію или положенію, и требовать отъ нихъ показаній противъ заподозрѣнныхъ лицъ. Тѣхъ, кто не подчинялся этимъ требованіямъ, предписывалось казнить. Императоръ повелѣлъ всѣмъ своимъ президентамъ, судьямъ, шерифамъ и другимъ должностнымъ лицамъ «оказывать всякое содѣйствіе инквизиторамъ и слугамъ ихъ въ святомъ дѣлѣ инквизиціи, когда бы они этого ни потребовали», подъ страхомъ, въ случаѣ ослушанія, наказанія, какъ бы за покровительство ереси, т. е. смертью. Инквизиторы имѣли право арестовать на мѣстѣ всякое лицо, уличенное въ ереси, предписавъ сдѣлать это мѣстному судьѣ или кому другому по своему усмотрѣнію. Ослушники наказывались смертью на кострѣ или на плахѣ. Если виновный былъ духовнаго званія, то инквизиторъ обязанъ былъ «дѣйствовать быстро, безъ шума и формальностей, предписавъ императорскому совѣтнику составить приговоръ или оправданіе». Если же подсудимый былъ свѣтскаго званія, то инквизиторъ поручалъ провинціальному совѣту постановить приговоръ на основаніи эдиктовъ. Въ случахъ, когда лица свѣтскаго званія были заподозрѣны, но не уличены въ ереси, инквизиторъ подвергалъ ихъ наказанію «по

соглашенію съ совѣтникомъ или съ какимъ-нибудь другимъ юристомъ». Въ заключеніе, императоръ предписываетъ инквизиторамъ «объявлять, что они исполняютъ не свое личное дѣло, а дѣло Христа, и стараться всѣхъ убѣдить въ этомъ». Но это предписаніе было вѣроятно трудно исполнять, такъ какъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сомнѣвался, что еслибы Христосъ снова воплотился, то немедленно былъ бы вторично распятъ или сожженъ заживо, гдѣ бы ни явился, во владѣніяхъ Карла или Филиппа. Богохульство, съ которымъ эти люди злоупотребляли именемъ Христа для своихъ безобразныхъ жестокостей, было не послѣднимъ изъ преступленій ихъ.

Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ 28 апрѣля 1550 г. было издано особое повелѣніе всѣмъ должностнымъ лицамъ оказывать, по первому требованію, всякое содѣйстіе инквизиторамъ, арестовать и задерживать всѣхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ ереси, сообразно съ инструкціями, данными инквизиторамъ; въ предписаніи было прибавлено, что все это должно исполняться, не взирая ни на какія льготы и хартіи. Словомъ, инквизиторы не были подчинены ни какимъ гражданскимъ властямъ, но всѣ гражданскія власти были подчинены имъ. Императорскій указъ уполномочивалъ ихъ наказывать, разжаловывать, доносить и выдавать еретиковъ свѣтскимъ судьямъ для наказанія; заключать въ тюрьму и брать подъ арестъ безъ всякаго обычнаго письменнаго акта, сообщая объ этомъ только одному совѣтнику, который обязанъ постановлять приговоръ «сообразно съ желаніемъ инквизитора и помимо обычныхъ судей».

Всѣ эти инструкціи инквизиторамъ были возобновлены и подтверждены Филиппомъ въ первый же мѣсяцъ его царствованія (28-го ноября 1555 г.). Гранвелла нашелъ, что и тутъ, какъ въ эдиктахъ, слѣдуетъ прибѣгнуть къ мнимой магической силѣ имени императора, чтобы освятить всю эту систему гоненій, бывшую въ страшной силѣ впродолженіе большей части царствованія Карла. Ослабленная во время французской войны, она была возобновлена потомъ съ усиленною жестокостью. Изъ инквизиторовъ наиболѣе славился Петръ Тительманъ, владычествовавшій въ этомъ званіи надъ Фландріею, Дуэ и Турнэ, т. е. самыми богатыми и населенными провинціями Нидерландовъ. Онъ исполнялъ свои гнусныя обязанности съ такою быстротою, ловкостью и даже игривостью, которыя кажутся почти невѣроятными. Этотъ человѣкъ отличался какимъ-то страшнымъ юморомъ. Современные лѣтописцы изображаютъ его въ видѣ какого-то уродливаго, но страшнаго бѣса. Разсказываютъ, будто онъ день и ночь разъѣзжалъ по странѣ совершенно одинъ, размозжалъ дубиною головы трепещущимъ поселянамъ, далеко распространялъ вокругъ себя ужасъ, хваталъ заподозрѣнныхъ

у домашняго очага или съ постели, бросалъ ихъ въ тюрьму, пыталъ, вѣшалъ, жегъ, безъ всякой тѣни слѣдствія, суда или письменнаго акта.

Однажды съ нимъ втрѣтился на дорогѣ свѣтскій судья, котораго народъ обыкновенно называлъ Краснымъ жезломъ, по знаку его достоинства; онъ съ удивленіемъ спросилъ Тительмана: «Какъ вы рѣшаетесь ѣздить одни, или въ сопровожденіи одного или двухъ человѣкъ, арестуя направо и налѣво? что до меня, то я не смѣю приступить къ исполненію моихъ обязанностей иначе, какъ съ вооруженнымъ конвоемъ, и то съ опасностью жизни»?

«Э? Красный жезлъ! отвѣчалъ шутливо Тительманъ, вамъ приходится имѣть дѣло съ дурнымъ народомъ, а мнѣ бояться нечего, я вѣдь хватаю только невинныхъ и безобидныхъ, которые не сопротивляются и даются какъ овечки».

«Прекрасно, сказалъ тотъ, но если вы будете арестовать всѣхъ хорошихъ людей, а я всѣхъ дурныхъ, то кто же наконецъ избѣжитъ наказанія»? Неизвѣстно, что отвѣчалъ инквизиторъ, но несомнѣнно, что, какъ человѣкъ твердый, онъ продолжалъ дѣлать свое дѣло.

Онъ былъ самымъ дѣятельнымъ агентомъ религіознаго гоненія въ описываемую эпоху и уже за-долго до того исправлялъ должность инквизитора. Нидерландская мартирологія полна кровью его жертвъ. Онъ жегъ людей за необдуманныя слова, за подозрительныя мысли, рѣдко выжидая дѣйствій, какъ онъ самъ наивно сознавался. Провѣдавъ, что одинъ школьный учитель, по имени Гелейнъ Мюллеръ, изъ Уденарде, «позволяетъ себѣ читать Библію», онъ призвалъ его и обвинилъ въ ереси. Учитель требовалъ, чтобы, если онъ виновенъ, его судили судьи его роднаго города. «Я васъ арестую, сказалъ Тительманъ; вы должны отвѣчать мнѣ, а не кому другому». Инквизиторъ принялся его допрашивать и вскорѣ убѣдившись въ его ереси, потребовалъ, чтобъ онъ немедленно отрекся отъ нея. Учитель отказался. «Развѣ вы не любите вашей жены и дѣтей? «спросилъ коварный Тительманъ. «Такъ люблю, отвѣчалъ еретикъ, что еслибы весь міръ былъ изъ золота и принадлежалъ мнѣ, то я отдалъ бы его за то, чтобы быть съ ними, хотя бы мнѣ пришлось жить въ тюрьмѣ на хлѣбѣ и на водѣ.» — «Для этого вамъ стоитъ только отречься отъ своихъ заблужденій», сказалъ инквизиторъ. «Ни для жены, ни для дѣтей, ни для чего въ мірѣ не отрекусь я отъ моего Бога и отъ истинной вѣры», отвѣчалъ подсудимый. Тительманъ приговорилъ его къ костру. Осужденнаго удавили и бросили въ пламя.

Около того же времени одинъ турнэйскій ткачъ, Томасъ Бальбергъ, попалъ подъ судъ къ тому же инквизитору и былъ

уличенъ въ списываніи гимновъ изъ книги, изданной въ Женевѣ. Его сожгли живымъ. Другое лицо, имя котораго не сохранилось, былъ убитъ семью ударами заржавленной сѣкиры въ присутствіи своей жены, которая тутъ же на мѣстѣ умерла отъ ужаса, прежде мужа. Преступленіе его состояло въ анабаптизмѣ, смертномъ грѣхѣ того времени. Въ томъ же году нѣкто Вальтеръ Копель былъ сожженъ за ересь. Это былъ человѣкъ съ состояніемъ, жившій въ Дикемуйде во Фландріи и любимый тамъ бѣднымъ народомъ, которому онъ помогалъ. Въ то время какъ помощники инквизитора привязывали его къ столбу на кострѣ, какой-то бѣдный идіотъ, котораго онъ часто кормилъ, закричалъ имъ: «Разбойники, кровопійцы! Этотъ человѣкъ не сдѣлалъ ничего дурнаго: онъ кормитъ меня».

Съ этими словами онъ бросился въ пламя, чтобы умереть вмѣстѣ съ своимъ благодѣтелемъ, и прислужники съ трудомъ вытащили его оттуда. Спустя день или два послѣ того, идіотъ пришелъ къ столбу, гдѣ еще оставался обгорѣлый скелетъ Вальтера Копеля и, взваливъ его себѣ на плечи, пронесъ по улицамъ къ дому бургомистра, гдѣ въ то время происходило засѣданіе нѣсколькихъ судей. Онъ ворвался въ присутствіе и положивъ свою ношу къ ногамъ судей воскликнулъ: «Вотъ вамъ, убійцы! Вы съѣли его тѣло, съѣшьте теперь его кости!» Неизвѣстно, отправилъ ли его Тительманъ на тотъ свѣтъ къ его другу; судьба такой скромной жертвы не могла сохраниться на страницахъ исторіи нидерландскихъ мучениковъ, переполненныхъ извѣстными именами.

Такія дѣла, повторяющіяся ежедневно, не могли расположить народа къ инквизиціи и къ высочайшимъ указамъ. Эта система, разумѣется, многихъ устрашала, но чаще всего она внушала благородное сопротивленіе деспотизму, въ особенности религіозному деспотизму, сопротивленіе которому составляетъ высшее достоинство человѣческой природы. Мужество, выказанное нѣкоторыми страдальцами передъ грозными инквизиторами, равнялось жестокости послѣднихъ.

Въ слѣдующемъ году Тительманъ велѣлъ арестовать въ Росселѣ, во Фландріи, Роберта Ожіе, съ женою и двумя сыновьями. Вина ихъ состояла въ томъ, что они не ходили къ обѣднѣ и молились по своему у себя дома. Они сознались въ этомъ, прибавивъ, что они не въ состояніи переносить оскверненія имени ихъ Искупителя идолопоклонскими обрядами. Ихъ спросили, какіе же обряды совершаютъ они дома, на что одинъ изъ мальчиковъ отвѣчалъ: «Мы становимся на колѣни и просимъ Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ сердца наши и отпустилъ намъ наши грѣхи. Мы молимъ Его за государя, чтобъ Онъ послалъ ему мирное и благополучное царствованіе, молимся за

всѣхъ нашихъ судей и начальниковъ, чтобъ Богъ сохранилъ и защитилъ ихъ всѣхъ». Простое краснорѣчіе мальчика вырвало слезы даже у судей, такъ какъ инквизиторъ отдалъ это дѣло на разсмотрѣніе гражданскаго суда. Тѣмъ неменѣе отецъ и старшій сынъ были приговорены къ сожженію. «Небесный Отецъ нашъ!», молился юноша на кострѣ, «прими въ жертву жизнь нашу во имя Твоего возлюбленнаго Сына!». «Лжешь, плутъ!», свирѣпо прервалъ монахъ, подкладывавшій огонь, «не Богъ, а дьяволъ отецъ вашъ!» Когда пламя окружило жертвы, мальчикъ снова воскликнулъ: «Смотри, отецъ, все небо открылось; милліоны ангеловъ ликуютъ надъ нами! Возрадуемся! мы умираемъ за истину!» — «Лжешь! лжешь!», снова крикнулъ на него монахъ, «это адъ открылся и милліоны демоновъ тащатъ васъ въ вѣчный огонь!». Спустя недѣлю, были сожжены жена и второй сынъ Ожіе, такъ что отъ этой семьи не осталось никого.

Таковы были способы дѣйствій въ одной части Нидерландовъ. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что инквизиторъ Тительманъ вполнѣ заслужилъ свою страшную славу. Его называли Сауломъ Гонителемъ; всѣ хорошо знали, что онъ самъ былъ зараженъ вначалѣ тою ересью, которую онъ потомъ столько лѣтъ неутомимо преслѣдовалъ. Въ изображаемую нами эпоху политика, заявленная правительствомъ, подстрекнула его рвеніе къ новымъ подвигамъ, которые должны были затмить всѣ его прошлыя дѣла. Однажды онъ ворвался въ одинъ частный домъ, въ Риссель, схватилъ тамъ Іоанна Сворма съ женою и четырьмя дѣтьми, двѣ новобрачныя четы и еще двухъ лицъ, обличилъ ихъ въ чтеніи Библіи и въ домашнихъ молитвахъ и всѣхъ немедленно присудилъ къ сожженію.

Намъ скажутъ, пожалуй, что мы приводимъ всѣ эти факты для того, чтобы поразить безплоднымъ ужасомъ; что страданія темныхъ личностей не достойны исторіи; что убійства и гоненія слѣдуетъ изображать абстрактно, не входя въ возмутительныя подробности. Мы отвѣтимъ, что въ такихъ фактахъ заключается вся сущность нидерландской исторіи той эпохи; что эти возмутительныя подробности послужили причинами революціи, сломившей деспотизмъ иноземцевъ и породившей великую республику; что, наконецъ, Гранвелла былъ смѣшенъ, увѣряя, что народъ не открылъ бы рта, еслибы не шумѣло дворянство. Поверхностные писатели объясняютъ движеніе тѣмъ, что высшее дворянство «заложило уже свою душу», что безпорядки могли помочь ему освободиться отъ долговъ и дать средства продолжать жизнь, состоявшую изъ ряда баловъ и маскарадовъ; они объясняютъ его честолюбіемъ принца Оранскаго, завистью Эгмонда къ кардиналу, и увѣряютъ, что безъ этого

«низкое, грубое животное — народъ» не сталъ бы возражать противъ системы, уже давно установившейся въ странѣ. Совершенно наперекоръ такому мнѣнію, движеніе это потому-то и заняло навсегда мѣсто въ ряду важнѣйшихъ историческихъ событій, что оно было религіознымъ и народнымъ. Важные документы, государственныя граматы, торжественные договоры стоятъ иногда не болѣе телячьей кожи, въ которую они переплетены; тогда какъ десятки тысячъ безвѣстныхъ жертвъ за дѣло свободы и религіи могутъ созидать великія государства и измѣнять видъ цѣлыхъ материковъ.

Дворянство, конечно, отличалось въ этомъ случаѣ; тутъ, какъ и при началѣ англійской свободы, мечъ и щитъ бароновъ были противопоставлены коронѣ и митрѣ. Еслибы нидерландское дворянство вмѣсто того, чтобы смѣло сопротивляться инквизиціи, стало на сторонѣ Филиппа и Гранвеллы, то дѣло истины и свободы было бы еще отчаяннѣе. Но тѣмъ не менѣе этимъ дворянствомъ управляла другая двигательная сила, менѣе громкая, но болѣе могущественная.

Къ тому же едва ли абстрактная фразеологія способна произвести достаточно сильное впечатлѣніе. Разсужденіе о свободѣ убѣжденій и религіозномъ деспотизмѣ дѣйствуетъ весьма слабо на нѣкоторые умы, тогда какъ ихъ можно поразить, напримѣръ, сухою, конкретною, циничною фразою изъ какого-нибудь оффиціальнаго отчета, въ-родѣ слѣдующихъ, которыя мы беремъ на удачу изъ отчета по муниципальнымъ расходамъ города Турнэ въ изображаемую нами эпоху:

«Мессиру Якову Барра, палачу, за то, что онъ дважды пыталъ Іоанна Ланнуа, десять су. Ему же за то, что онъ казнилъ на кострѣ означеннаго Ланнуа, шестьдесятъ су. За то, что бросилъ въ рѣку его прахъ — восемь су».

Тому же самому подвергались тысячи людей въ этихъ провинціяхъ. Мужчины, женщины, дѣти сожигались на кострахъ и прахъ ихъ бросался въ воду за непочтительные отзывы о Римѣ, произнесенные за нѣсколько лѣтъ до того, за молитвы въ своихъ домахъ, за непреклоненіе колѣнъ передъ св. дарами, за мысли, которыхъ они никогда не заявляли, но отъ которыхъ имѣли честность не отрекаться, когда ихъ допрашивали. При такомъ способѣ дѣйствій, продолжавшемся цѣлые года въ нидерландскихъ провинціяхъ и проявившемся съ удвоенною силою подъ управленіемъ человѣка, которому самая корона, казалось, дана была на то, чтобы онъ могъ удобнѣе мучить своихъ ближнихъ, нельзя удивляться возстанію людей, а надобно удивляться, какъ не возстали камни на улицахъ.

Мы видимъ изъ всего этого, насколько были искренни Филиппъ и Гранвелла въ своихъ увѣреніяхъ, что они никогда не

намѣревались вводить въ Нидерландахъ испанской инквизиціи, увѣреніяхъ, которымъ въ послѣднее время придается такое значеніе. Едва ли была нужна такая мѣра, при указахъ и нидерландской инквизиціи, въ томъ видѣ, какъ мы ее описали.

Единственная разница между двумя инквизиціями состояла въ томъ, что испанская инквизиція быстрѣе открывала тѣхъ, кто былъ расположенъ къ отреченію отъ католической церкви, и вначалѣ направлялась преимущественно противъ невѣрныхъ, болѣе трусливыхъ и менѣе добросовѣстныхъ, нерѣдко прятавшихся въ безвѣстныхъ мѣстахъ или только для вида отрекавшихся отъ своихъ заблужденій; испанская инквизиція имѣла цѣлую шайку хитрыхъ лазутчиковъ, втиравшихся въ каждый домъ, грѣвшихся у каждаго очага. Такимъ образомъ семейныя дѣла каждаго изъ подданныхъ были извѣстны инквизиціи и государю, и ни одинъ невѣрный, ни одинъ еретикъ не могъ укрыться. Въ Нидерландахъ не было особенной нужды въ подобной системѣ. Тамъ было сравнительно легче истреблять этихъ «гадовъ», — по выраженію одного современнаго валлонскаго историка; нужно было только держать въ исправности механизмъ, истреблявшій этихъ вредныхъ животныхъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ открывали. Нидерландскіе еретики собирались другъ у друга для совершенія обрядовъ, описанныхъ съ такою трогательною простотою Балдуиномъ Ожіе и навлекавшихъ такія страшныя наказанія въ силу указовъ. Испанская система инквизиціи была излишнею съ людьми столь мало осторожными и столь мало расположенными скрывать свои убѣжденія. «Смѣшно читать», пишетъ Гранвелла, случайно взглянувъ на инквизицію съ католической точки зрѣнія, «наставленія, какъ ловить еретиковъ, даваемыя намъ изъ Испаніи королемъ, какъ будто мы не знаемъ здѣсь цѣлыхъ тысячъ виновныхъ. Желалъ бы я имѣть столько дублоновъ въ карманѣ» прибавляетъ онъ, «сколько въ Нидерландахъ еретиковъ». Несомнѣнно, что въ глазахъ такихъ людей, какъ онъ, инквизиція была превосходнымъ учрежденіемъ. «Безпристрастно говоря», замѣчаетъ тотъ же валлонскій историкъ, «хорошая инквизиція — учрежденіе похвальное и не менѣе необходимое, какъ и всѣ другія духовныя и свѣтскія учрежденія епископовъ и римскихъ папъ». Для Нидерландовъ было достаточно папской епископальной инквизиціи съ содѣйствіемъ указовъ, при точномъ примѣненіи и полномъ развитіи этихъ учрежденій. Достаточно было даже однихъ указовъ. «Инквизиція и указы составляютъ одно и то же», замѣтилъ принцъ Оранскій. Если въ Нидерландахъ гражданскіе судьи не были такъ совершенно устранены, какъ въ Испаніи, то это составляетъ скорѣе различіе въ формѣ, чѣмъ въ фактѣ. Мы видѣли, что свѣтскіе судьи находились въ полномъ распоряженіи инкви-

зиторовъ. Шерифамъ, тюремщикамъ, судьямъ, палачамъ, — всѣмъ предписывалось подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній исполнять ихъ волю. Читателю уже извѣстно, что такое были указы; извѣстны ему также и инструкціи, данныя Карломъ и Филиппомъ папскимъ инквизиторамъ. Мы уже говорили, что Филиппъ, какъ лично, такъ и письменно, употребилъ всѣ усилія, въ концѣ своего пребыванія въ Нидерландахъ, къ тому, чтобы эти инструкціи примѣнялись во всей строгости. Четырнадцать новыхъ епископовъ, съ двумя оффиціальными инквизиторами при каждомъ, были назначены для осуществленія великаго плана, которому Филиппъ посвятилъ свою жизнь. Способъ, какимъ эти гонители еретиковъ исполняли свою обязанность, былъ бѣгло очерченъ нами при описаніи одного изъ нидерландскихъ инквизиторовъ, Петра Тительмана. Изъ этого способа видно, что Филиппу и его министрамъ незачѣмъ было пересаживать на нидерландскую почву экзотическаго растенія Пиренейскаго полуострова. Самъ Филиппъ, не имѣвшій таланта выражать много въ немногихъ словахъ, выразилъ въ этомъ случаѣ все дѣло въ одномъ замѣчаніи: «Для чего вводить испанскую инквизицію? сказалъ онъ, *нидерландская гораздо безпощаднѣе*». Такова была система религіознаго гоненія, начатая Карломъ и продолженная Филиппомъ. Честь изобрѣтенія принадлежала въ этомъ случаѣ императору, а не испанскому королю. Но этимъ ни мало не уменьшается отвѣтственность послѣдняго въ невыразимыхъ бѣдствіяхъ, причиненыхъ продолженіемъ императорскаго плана. Было время, въ которое вся эта система пришла въ относительное ослабленіе. Она была въ высшей степени противна нидерландскимъ обычаямъ и учрежденіямъ и возмущала даже католиковъ въ этихъ провинціяхъ. Первымъ возстало противъ нея высшее дворянство, принадлежавшее исключительно къ католической церкви. Онимъ словомъ, въ Нидерландахъ инквизиція была только терпима, но никогда не была введена въ Люксембургѣ и въ Гренингѣ. Въ Гельдерландѣ она не допускалась въ силу договора, по которому эта провинція была присоединена къ владѣніямъ императора, а Брабантъ постоянно и съ успѣхомъ сопротивлялся ей. Поэтому Филиппъ не можетъ быть оправданъ въ глазахъ исторіи, не взирая на то, что онъ, по хитрому совѣту Гранвеллы, прикрылся именемъ императора, подтвердивъ слово въ слово его указы и инструкціи.

Гранвелла, уже съ начала 1562, былъ крайне непопуляренъ въ Нидерландахъ. «Кардиналъ всѣмъ ненавистенъ», писалъ сиръ Томасъ Грисгемъ. Въ ту пору между нимъ и вліятельною знатью уже началась борьба. Народъ справедливо связывалъ его имя со всею возмутительною системою гоненій, которую онъ если и не изобрѣлъ, то избралъ цѣлью своихъ стремленій. Вилиусъ и Бар-

лемонъ были его креатурами. Съ остальными членами государственнаго совѣта онъ не удостоивалъ совѣщаться, по ихъ собственному торжественному увѣренію, о которыхъ мы уже говорили, хотя въ то же время онъ старался взвалить на нихъ отвѣтственность за правительственныя мѣры. Даже регентша жаловалась на то, что кардиналъ захватилъ почти всю власть и рѣшалъ безъ ея вѣдома многія важныя дѣла. Она даже заподозрила, что ей пришлось разыгрывать роль куклы; въ ней уже ослабѣла та почтительная привязанность къ Гранвеллѣ, которую она чувствовала въ то время, когда добивалась для него кардинальской шапки.

Но Гранвелла твердо рѣшился осуществить планъ своего государя. Мы уже видѣли, какъ настойчиво принялся онъ за учрежденіе новыхъ эпархій, вопреки общей ненависти и сопротивленіямъ. Онъ понуждалъ и поощрялъ инквизиторовъ всѣхъ провинцій въ исполненіи ихъ «святаго дѣла». Однако, несмотря на всѣ его усилія, ересь продолжала распространяться. Зараза была особенно сильна въ валлонскихъ провинціяхъ, гдѣ судьи и палачи были запуганы мятежными демонстраціями, вызывавшимися каждою казнью. Жертвамъ на пути къ эшафоту выражались всевозможные знаки сочувствія и одобренія. Гимны Моро пѣлись при инквизиторахъ. Особенное подозрѣніе навлекали на себя въ ту пору, въ Валансіеннѣ, два министра, Фаво и Малларъ. Губернаторъ этой провинціи, маркизъ Бергенъ, ненавидѣвшій всею душею систему гоненій, находился въ постоянной отлучкѣ. За его нерадѣніе Гранвелла постоянно писалъ на него тайные доносы королю. «Маркизъ явно говоритъ, сообщалъ кардиналъ, что никто не имѣетъ права проливать кровь за религіозныя убѣжденія. Можете себѣ представить, Ваше Величество, какъ успѣшно должно идти съ такими людьми наше дѣло». По мнѣнію Гранвеллы, необходимо надо было казнить валансіенскихъ министровъ. Они были явными еретиками и читали проповѣди, не будучи докторами богословія. Сверхъ того ихъ обвиняли, разумѣется совершенно нелѣпо, въ томъ, что они будто бы выдавали себя за чудотворцевъ. Разсказывали, будто они брались въ присутствіи многихъ свидѣтелей изгонять бѣсовъ; ихъ и арестовали на основаніи подобнаго обвиненія. Въ сущности, вина ихъ состояла въ чтеніи Библіи нѣкоторымъ изъ своихъ друзей. Гранвелла послалъ Филиберта изъ Брюсселя въ Валансіеннъ съ тѣмъ, чтобы немедленно осудить и казнить обоихъ проповѣдниковъ. Онъ понукалъ инквизиторовъ и судей и строго предписалъ маркизу Бергену вернуться, наконецъ, къ своему посту. Арестованные были осуждены осенью 1561, но судьи не рѣшались приводить въ исполненіе приговора. Гранвелла не переставалъ упрекать ихъ въ трусости и ежедневно писалъ письма, въ которыхъ

обвинялъ судей въ томъ, что они сами причиною пугавшихъ ихъ волненій. Однако съ народнымъ раздраженіемъ нельзя было шутить. Осужденные провели въ тюрьмѣ около полугода и, въ это время, народъ день и ночь толпился на улицахъ, съ угрожающими криками противъ властей, или тѣснился передъ окнами тюрьмы, поощряя своихъ любимыхъ проповѣдниковъ и обѣщая выручить ихъ, въ случаѣ еслибы покусились исполнить надъ ними приговоръ. Наконецъ Гранвелла прислалъ строгое предписаніе немедленно казнить осужденныхъ на кострѣ. 27-го апрѣля 1562, Фаво и Маллара вывели изъ тюрьмы на площадь, гдѣ были сдѣланы приготовленія къ казни. Симонъ Фаво вскричалъ, когда палачъ привязывалъ его къ столбу: «О! Отецъ Небесный!» Въ эту же минуту, какая-то женщина изъ толпы сняла башмакъ и бросила его въ костеръ. Это было условнымъ знакомъ. Толпа взволновалась и сильнымъ напоромъ сбила ограду, устроенную вокругъ костра. Одни растаскивали уже зажженныя дрова и разбрасывали ихъ по всѣмъ направленіямъ, другіе вырывали плиты изъ мостовой или ломали ограду. Палачей удержали отъ совершенія казни, но гвардіи удалось, благодаря быстротѣ и рѣшимости, увести осужденныхъ обратно въ тюрьму. Мѣстныя власти были въ страхѣ и нерѣшимости. Инквизиторы настаивали, чтобы проповѣдниковъ казнили въ тюрьмѣ и выбросили потомъ ихъ головы на улицу. Судьи совѣщались до самаго вечера. Народъ, между тѣмъ, ходилъ по городу, распѣвая Давыдовы псалмы и не зная, что ему предпринять; но наконецъ онъ рѣшился освободить осужденныхъ. Послѣ долгихъ колебаній, густая толпа подступила къ тюрьмѣ. «Нужно было видѣть эту подлую чернь», разсказываетъ одинъ очевидецъ, «она подходила, останавливалась, отступала, волновалась, какъ море подъ дѣйствіемъ противоположныхъ вѣтровъ». Напоръ былъ силенъ, а защита слаба, потому что городское начальство не ожидало такой бурной демонстраціи, несмотря на угрозы, которыя давно уже слышались въ народѣ. Осужденные были освобождены и успѣли скрыться изъ города. День этой неудачной казни былъ прозванъ «днемъ недосжоныхъ», (Journée des maubrûlés). Одинъ изъ проповѣдниковъ, Симонъ Фаво, не устрашенный этимъ висѣвшимъ надъ нимъ мученичествомъ, продолжалъ свою еретическую дѣятельность и былъ снова арестованъ, спустя нѣсколько лѣтъ. «На этотъ разъ, шутливо замѣчаетъ тотъ же лѣтописецъ, онъ былъ досжонъ», на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его спасли въ первый разъ.

Отчаянное сопротивленіе деспотизму имѣло минутную удачу, благодаря тому, что не взирая на ропотъ и угрозы, предшествовавшіе бурѣ, мѣстное начальство не вѣрило, чтобы народъ былъ способенъ дойти до такихъ крайностей. Еретики, по словамъ

Тительмана, уже много лѣтъ отдавались какъ овцы въ руки своихъ палачей. Страхъ судей смѣнился вскорѣ яростью. Брюссельское правительство пришло въ крайнее озлобленіе, узнавъ о случившемся; рѣшено было немедленно отомстить кровавымъ возмездіемъ за оскорбленіе инквизиціи. 29-го апрѣля въ Валансіеннъ были присланы отряды полковъ Боссю и Бергена и одна рота полка герцога Аршота. Тюрьмы тотчасъ переполнились мужщинами и женщинами, арестованными за дѣйствительное или мнимое участіе въ мятежѣ. Изъ столицы пришло предписаніе быстро судить и строго наказать всѣхъ виновныхъ. 16-го мая началась бойня, кого жгли, кого обезглавливали; число жертвъ было ужасно. «Правительство употребило всѣ средства къ исправленію и наказанію этого жалкаго народа», одобрительно замѣчаетъ одинъ очевидецъ. Судьи и палачи долго работали безъ отдыха. Надо полагать, что когда наконецъ рѣзня прекратилась, то за «день недосжоныхъ» было вполнѣ отмщено, и «жалкій народъ» получилъ достаточный урокъ.

Мотлей. Исторія Нидерландской революціи. Глава III. Т. I, стр. 338—361.

4. КАЗНЬ ГРАФОВЪ ЭГМОНДА И ГОРНА. (1568 г.)

Оба осужденные перевозятся въ Брюссель. — Помѣщаются въ Maison du Roi. — Приговоръ сообщается Эгмонду. — Его волненіе. — Приготовленія его къ смерти. — Письмо къ королю. — Послѣднія распоряженія. — Мѣсто казни. — Печальный видъ города. — Благородное поведеніе Эгмонда. — Роковой ударъ. — Ужасъ зрителей. — Горна ведутъ на эшафотъ. — Его казнь. Тѣла скрыты. — Характеръ Эгмонда. — Народное чувство.

2-го іюня 1568 г. отрядъ въ 3,000 человѣкъ былъ назначенъ для охранительной стражи графамъ Эгмонду и Горну, при ихъ переѣздѣ изъ Гента въ Брюссель, тогда какъ народомъ не было оказано никакого сопротивленія, хотя появленіе испанскихъ войскъ произвело значительное волненіе умовъ между жителями Гента. Они слишкомъ хорошо догадывались о судьбѣ, ожидавшей ихъ любимаго властителя.

Сопровождаемые каждый двумя офицерами, графы были посажены на двухъ отдѣльныхъ повозкахъ. 20 небольшихъ отрядовъ копейщиковъ и пищальниковъ окружали повозки, сверхъ того сильный отрядъ конныхъ копейщиковъ ѣхалъ въ авангардѣ и такой же замыкалъ шествіе. Среди такого многочисленнаго конвоя поѣздъ тихо подвигался къ Брюсселю.

Переночевавъ въ Дердермондѣ, 4 іюля къ вечеру отрядъ вступилъ въ столицу. По словамъ одного очевидца, этотъ похорон-

ный поѣздъ, медленно двигавшійся по брюссельскимъ улицамъ при звукахъ печальной музыки, трогалъ до глубины души самыхъ зачерствѣлыхъ зрителей. Осужденные были тотчасъ привезены въ Бродгаузъ, извѣстный теперь подъ именемъ maison du Roi. Тутъ имъ были отведены отдѣльныя комнаты, узкія, темныя, со всѣми неудобствами бѣднаго помѣщенія.

Почти весь отрядъ, сопровождавшій осужденныхъ въ Брюссель, былъ расположенъ на большой площади, чтобы отразить всякую попытку къ ихъ освобожденію. Однако подобной попытки не было сдѣлано. Ночь прошла безъ всякой тревоги. Слышался только стукъ работниковъ, воздвигавшихъ высокій эшафотъ для кровавой развязки слѣдующаго дня. 4-го числа, вечеромъ, герцогъ Альба послалъ за Мартиномъ Ритовіусомъ, епископомъ ипрскимъ, которому сообщилъ приговоръ графовъ и потребовалъ, чтобы прелатъ извѣстилъ обоихъ плѣнныхъ объ ихъ участи и приготовилъ къ ожидающей на слѣдующее утро казни. Епископъ, человѣкъ добрый, благоразумный и личный другъ Эгмонда, былъ пораженъ этими вѣстями. Онъ упалъ къ ногамъ Альбы, моля о пощадѣ плѣнниковъ, и если уже это невозможно, то, по крайней мѣрѣ, просилъ дать болѣе времени для приготовленія къ смерти.

Но Альба сурово отвергъ просьбы прелата, замѣтивъ, что онъ призванъ не смягчать дѣйствіе закона, но только облегчить для плѣнниковъ его исполненіе, приготовивъ ихъ къ христіанской кончинѣ. Находя всѣ свои просьбы безполезными, епископъ всталъ и отправился исполнять свою печальную обязанность.

Была уже полночь, когда онъ вошелъ въ комнату Эгмонда. Тамъ онъ увидѣлъ несчастнаго плѣнника, погруженнаго въ глубокій сонъ отъ изнеможенія и усталости. Говорятъ, что оба осужденные, прибывъ въ Брюссель, питали тщетную надежду, что имъ объявятъ объ окончаніи ихъ дѣла и объ освобожденіи ихъ.

Какъ бы то ни было, но казалось, что Эгмондъ былъ очень дурно приготовленъ къ полученію такой ужасной вѣсти, какую онъ услышалъ. При словахъ епископа, онъ поблѣднѣлъ и воскликнулъ съ большимъ жаромъ: «Это жестокій приговоръ! Никогда не воображалъ я, чтобы какой-нибудь изъ моихъ проступковъ противъ Бога или короля могъ заслужить подобное наказаніе! Я не смерти боюсь — смерть наша общая участь — но меня страшитъ безчестіе. Однакожъ я могу надѣяться, что мои страданія настолько загладятъ мои преступленія, что мое невинное семейство не погибнетъ вмѣстѣ со мною и мое имущество не будетъ конфисковано. Этого по крайней мѣрѣ я могу требовать въ вознагражденіе моихъ прежнихъ заслугъ». Потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ прибавилъ: «Съ той ми-

путы, какъ мнѣ смерть опредѣлена волею Бога и государя, я терпѣливо буду ожидать ее». Потомъ онъ спросилъ епископа, нѣтъ ли еще какой-либо надежды на спасеніе и, получивъ отрицательный отвѣтъ, началъ приготовляться къ ожидающему его переходу въ другой міръ.

Онъ быстро всталъ и началъ поспѣшно одѣваться, потомъ исповѣдался у прелата и пожелалъ отслужить обѣдню и причаститься. Его желаніе было исполнено: обѣдня была совершена съ большою торжественностью, и Эгмондъ получилъ причастіе съ глубокою набожностью, изъявляя искреннее раскаяніе въ своихъ грѣхахъ. Онъ спрашивалъ еще епископа, къ какой молитвѣ слѣдуетъ ему прибѣгнуть, чтобы перенести ему это послѣднее испытаніе: прелатъ предложилъ ему молитву, которую Спаситель далъ Своимъ ученикамъ. Это предложеніе понравилось графу, который придавалъ большую важность исповѣди.

Но цѣлый рой печальныхъ воспоминаній толпился въ его смущенномъ умѣ: нѣжные образы жены и дѣтей давали его мыслямъ другое направленіе, пока голосъ прелата не пробудилъ его къ грустной дѣйствительности. Эгмондъ спросилъ: можно ли сказать съ эшафота нѣсколько поучительныхъ словъ къ народу; но епископъ отговорилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что его голосъ не будетъ вполнѣ слышенъ и что народъ, при своемъ настоящемъ раздраженіи, можетъ легко перетолковать его слова въ дурную сторону, къ собственной же своей невыгодѣ.

Такъ кончивъ свои духовныя приготовленія, Эгмондъ спросилъ себѣ бумаги и перо и сталъ писать къ своей женѣ, которой онъ не видѣлъ во все время своего долгаго заключенія. Онъ нѣжно прощался съ ней. Потомъ набросалъ другое письмо, на французскомъ языкѣ, въ немногихъ короткихъ и трогательныхъ выраженіяхъ. Къ счастію оно дошло до насъ.

«Сегодня утромъ, говоритъ онъ — меня ознакомили съ участью, которую Ваше Величество благоволили мнѣ назначить, и хотя я никогда не имѣлъ въ намѣреніи что-нибудь сдѣлать противъ особы или службы Вашего Величества, или противъ нашей истинной древней и католической вѣры, но я принимаю съ терпѣніемъ то, что Богу угодно было послать мнѣ. Если въ теченіе этихъ волненій или совѣтомъ, или словомъ было сдѣлано мною что-либо дурно перетолкованное, и то сдѣлалъ я изъ одной ревности къ службѣ Бога, Вашего Величества и по требованіямъ времени. Вотъ почему я прошу Ваше Величество простить мнѣ это и, ради прошедшихъ моихъ услугъ, не оставить милостію мою бѣдную жену, моихъ бѣдныхъ дѣтей и моихъ слугъ. Въ довѣріи къ сему я вручаю себя милости Божіей». Письмо подписано: «Брюссель, за минуту до смерти, 5-го іюня 1568 года.

Имѣя еще нѣсколько свободнаго времени, графъ Эгмондъ переписалъ весьма отчетливо оба письма и отдалъ ихъ епископу, съ просьбою доставить ихъ по назначенію. При письмѣ къ королю онъ вручилъ еще прелату и свой перстень для того, чтобы отдать его монарху вмѣстѣ съ письмомъ. Перстень этотъ стоилъ очень дорого. Онъ былъ подаренъ самимъ же королемъ, во время послѣдняго пребыванія графа въ Мадридѣ, и видъ его могъ смягчить сердце Филиппа воспоминаніемъ о былыхъ, счастливыхъ дняхъ, когда несчастный осужденный былъ однимъ изъ любимцевъ короля. Окончивъ всѣ свои приготовленія, Эгмондъ сдѣлался нетерпѣливымъ, говорилъ, что, вѣроятно, не будетъ лишней проволочки.

Въ 10 часовъ явились солдаты, которые должны были вести его къ эшафоту. Они принесли съ собою веревки, ибо обыкновенно осужденнымъ связывались руки. Но Эгмондъ не согласился быть связаннымъ и для большаго убѣжденія показалъ стражѣ, что онъ собственноручно отрѣзалъ воротники отъ своего полукафтана и рубашки для облегченія удара палачу. Онъ сдѣлалъ это, чтобы показать, что онъ и не думалъ о сопротивленіи. Стража согласилась исполнить его желаніе, когда онъ повторилъ, что не окажетъ никакого сопротивленія, и его руки остались свободными.

Эгмондъ былъ одѣтъ въ пунцовый камчатный полукафтанъ, на который накинутъ испанскій плащъ съ золотою бахромой. Черную шелковую шляпу его украшали бѣлыя и черныя перья. Брюки были также черные шелковые. Въ рукѣ онъ держалъ бѣлый платокъ. Во время шествія къ мѣсту казни его сопровождали Юліанъ де-Ромеро, занимавшій должность начальника войскъ, капитанъ Салинасъ, комендантъ крѣпости Гента, и епископъ ипрскій. Во время медленнаго шествія процессіи, Эгмондъ повторялъ нѣкоторыя мѣста изъ 51 псалма: «Помилуй мя Боже!» и прелатъ вторилъ ему.

Въ центрѣ площади, на мѣстѣ, гдѣ пролилось такъ много благородной крови нидерландской, стоялъ эшафотъ, весь покрытый чернымъ сукномъ. На немъ лежали двѣ пунцовыя подушки съ небольшимъ, чернымъ налоемъ, на которомъ возвышалось серебряное распятіе. На углахъ платформы были два коническія возвышенія, обитыя сталью. Одинъ видъ ихъ уже объяснялъ ихъ назначеніе.

Прямо предъ эшафотомъ стоялъ всадникъ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ: то былъ префектъ суда. Палачъ стоялъ подъ платформой, закрытый такимъ образомъ отъ взоровъ осужденныхъ съ тою цѣлью, чтобы присутствіе его, прежде чѣмъ оно было нужно, не привело ихъ въ раздраженіе. Войска, всю ночь простоявшія подъ ружьемъ, были теперь расположены въ бое-

немъ порядкѣ вокругъ эшафота, и сильные отряды пищальниковъ были размѣщены у большихъ аллей, ведущихъ къ площади. Всѣ мѣста, незанятыя солдатами, быстро наполнены были толпами любопытныхъ зрителей. Крыши и окна всѣхъ окружающихъ зданій кишѣли жителями города. И теперь стоятъ еще нѣкоторыя изъ этихъ древнихъ строеній. Ихъ дряхлая вѣковая архитектура говоритъ намъ, что они были свидѣтелями печальнаго зрѣлища, о которомъ мы теперь разсказываемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, печальный то былъ день для Брюсселя, до тѣхъ поръ бывшаго мѣстопребываніемъ для этихъ двухъ вельможъ, гдѣ лица ихъ уже такъ сдѣлались знакомы и гдѣ они пользовались такою любовью и почетомъ, какъ и во всякомъ городѣ ихъ собственныхъ провинцій.

Всѣ дѣла въ городѣ были прекращены, лавки заперты. Во всѣхъ церквахъ гудѣли колокола. Какая то тяжелая атмосфера, будто предвѣстница большихъ несчастій, висѣла надъ городомъ. «Казалось, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ того времени, что день послѣдняго суда уже настаетъ».

Когда процессія стала тихо проходить сквозь ряды солдатъ, Эгмондъ кланялся офицерамъ, изъ которыхъ иные были его старыми товарищами. Долго помнили они потомъ его ясную и привѣтливую улыбку и ту гордую, величественную осанку, которую онъ сохранилъ до послѣдней минуты. Даже немногіе изъ испанцевъ могли удержаться отъ слезъ, когда въ послѣдній разъ взглянули на благороднаго плѣнника, осужденнаго на такую постыдную смерть.

Твердо взошелъ онъ на эшафотъ и, проходя по немъ, выразилъ тщетное желаніе умереть на службѣ королю и отечеству, а не такимъ постыднымъ образомъ. Но мысли его быстро перемѣнились, и онъ, ставъ на колѣни, горячо молился. Съ глазами, обращенными къ небу и полными неизъяснимой печали, Эгмондъ такъ усердно и громко молился, что всѣ предстоящіе могли слышать его молитву. Епископъ, находившійся подлѣ Эгмонта, глубоко тронутый, взялъ въ руки серебряное распятіе, которое графъ нѣсколько разъ поцѣловалъ, потомъ, получивъ въ послѣдній разъ разрѣшеніе отъ грѣховъ, онъ всталъ и подалъ знакъ епископу удалиться. Потомъ онъ скинулъ съ себя платье и, снова преклонившись, снялъ съ головы шапочку и, повторя слова: «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой», съ спокойнымъ видомъ ждалъ конца. Глухіе стоны, которые время отъ времени были слышны въ народѣ, замолкли, когда палачъ, явившись на платформѣ, однимъ ударомъ отдѣлилъ голову отъ туловища. Ужасный крикъ поднялся въ толпѣ, и нѣкоторые, движимые горемъ, бросились черезъ ряды солдатъ къ эшафоту, стараясь омочить свои платки въ крови, которая текла съ эшафота.

Платки эти, говоритъ лѣтописецъ, хранили они, какъ драгоцѣнные памятники любви и всебщаго единодушнаго раздраженія. Голова была положена на одинъ изъ столбовъ, находившихся въ концѣ платформы, между тѣмъ какъ мантія, брошенная на обезображенный трупъ, скрыла его отъ взора зрителей.

Было около полудня, когда данъ былъ приказъ привезти на мѣсто казни и прочихъ плѣнниковъ. Капеллану поручено было извѣстить графа Горна о его судьбѣ. Этотъ дворянинъ встрѣтилъ страшную вѣсть съ меньшимъ хладнокровіемъ, нежели его другъ: онъ излилъ все свое негодованіе на жестокость и несправедливость приговора. — Это плохое вознагражденіе, сказалъ онъ, за двадцати - восьми лѣтнюю вѣрную службу королю; однако, прибавилъ онъ, ему не жалко разстаться съ жизнью, полною такихъ тревогъ. — Нѣкоторое время онъ отказывался отъ исповѣди, говоря, что уже много разъ исповѣдывался; но когда его убѣдили не терять послѣднихъ минутъ, онъ согласился. Графъ былъ одѣтъ въ простое черное платье и на головѣ его была миланская шапка. Въ это время ему было около 50 лѣтъ. Съ высокимъ ростомъ и прекрасными чертами лица, онъ соединялъ повелительную наружность. Проходя твердыми шагами чрезъ ряды солдатъ на пути своемъ къ мѣсту казни, онъ привѣтствовалъ своихъ знакомыхъ, находившихся между зрителями. Въ глазахъ его видно было болѣе негодованія, нежели сожалѣнія, подобно человѣку, сознающему, что онъ несправедливо страдаетъ. Въ послѣдній часъ ему не суждено было вынести одну печаль, которая переполнила чашу Эгмонда, хотя, подобно ему, у него была жена: онъ не оставлялъ послѣ себя сиротъ, которыя бы его оплакивали.

Когда Горнъ взошелъ на эшафотъ, зрѣлище смерти, казалось, не дѣйствовало на него. Онъ все еще повторялъ слова, что «часто оскорблялъ Создателя, но никогда, сколько помнилъ, не совершилъ преступленія противъ короля». Когда глаза его упали на окровавленный покровъ, подъ которымъ былъ скрытъ трупъ Эгмонта, онъ спросилъ, не друга ли его тѣло, и, получивши утвердительный отвѣтъ, произнесъ нѣсколько невнятныхъ словъ на кастильскомъ языкѣ. Потомъ онъ нѣсколько минутъ молился, но такъ тихо, что окружавшіе не могли слышать ни одного слова, и, вставъ, попросилъ у нихъ прощенія, если кого-либо обидѣлъ и заклиналъ помолиться за него. Послѣ того вдругъ опустясь на колѣни и повторяя слова: «in manus tuas, Domine», Горнъ покорился своей судьбѣ.

Его окровавленная голова была помѣщена противъ головы, одинаково съ нимъ несчастнаго, его товарища. Впродолженіе трехъ часовъ эти трофеи смерти оставались предъ глазами толпы. Потомъ ихъ сняли и вмѣстѣ съ туловищами заключили въ

кожаные ящики. Трупъ Эгмонда былъ отправленъ въ монастырь св. Клары, а трупъ Горна — въ церковь св. Гудулы. Народъ бросился толпами по направленію къ этимъ церквамъ и особенно къ монастырю св. Клары. Толпа кидалась на гробъ, который орошали слезами, какъ будто гробъ какого-нибудь убитаго святаго. Между тѣмъ какъ другіе, не обращая вниманія на присутствіе полиціи, громко клялись отомстить, нѣкоторые клялись не брить бороды и не стричь волосъ до тѣхъ поръ, пока обѣтъ этотъ не будетъ исполненъ. Правительство, казалось, имѣло намѣреніе поступить благоразумно, не дѣлая вида, что оно замѣчаетъ этотъ взрывъ народныхъ ощущеній. Но похоронный покровъ, украшенный гербами Эгмонда, повѣшенный слугами на дверяхъ дома, правительство приказало тотчасъ снять: въ противномъ случаѣ подобнаго рода торжественность могла поддержать народное ожесточеніе. Тѣлъ не было дозволено долго оставлять на мѣстѣ, и они скоро были привезены на родину и положены рядомъ съ ихъ предками. Такимъ образомъ отъ руки общаго палача погибли два человѣка, которые, по своему общественному положенію, личному характеру и богатству, были самыми знаменитыми жертвами, какія только можно было выбрать въ Нидерландахъ. Оба они съ давняго времени заслужили благосклонность Карла V, имъ были ввѣрены самыя важныя должности въ государствѣ. Филиппъ Монморанси, графъ Горнъ, происходилъ отъ древняго французскаго дома Монморанси. Еще будучи нидерландскимъ адмираломъ, онъ былъ сдѣланъ правителемъ провинцій Гельдернъ и Цумпфенъ, былъ государственнымъ совѣтникомъ и потомъ включенъ въ число рыцарей Золотаго Руна. Онъ уступалъ по богатству Эгмонду; но тѣмъ не менѣе конфискація его имущества принесла значительные доходы убогому казначейству герцога Альбы.

Но, хотя во многихъ отношеніяхъ они оба пользовались равнымъ почетомъ, Горнъ былъ совершенно затемненъ военною славою своего друга. Ламеранъ, графъ Эгмондъ, наслѣдовалъ отъ своей матери, славившейся замѣчательною красотою, титулъ принца Гаврскаго (Гавръ — мѣстечко на Шельдѣ, недалеко отъ Гента). Онъ предпочиталъ однако скромное имя графа Эгмонда, которое досталось ему со стороны его отца, управлявшаго графствомъ Гельдернскимъ. Дарованія, которыя онъ выказывалъ, съ раннихъ поръ, обратили на него вниманіе императора Карла V, который въ 1544 г. удостоилъ своимъ посѣщеніемъ бракосочетаніе его съ Сабиною, графинею — палатиною Баварскою. Въ 1546 году, когда онъ едва достигъ 24 лѣтъ, былъ пожалованъ орденомъ Золотаго Руна, и, по странному совпаденію обстоятельствъ, въ тотъ же самый день это же самое достоинство было пожаловано его смертельному врагу, герцогу Альбѣ.

Филиппъ, при своемъ восшествіи на престолъ, возвысилъ Эгмонда въ достоинство государственнаго совѣтника и поручилъ ему управленіе важныхъ провинцій Артуа и Фландріи. Но всѣ эти почести затмѣвались двумя его побѣдами, положившими самое темное пятно на французскую армію, со времени сраженія при Павіи. «Я видѣлъ», говоритъ французскій посланникъ, бывшій свидѣтелемъ казни Эгмонда, «какъ пала голова, предъ которой дважды дрожала Франція». Но слава, доставшаяся ему за этотъ успѣхъ, не принесла счастія. Нанести непріятелю пораженіе нечаянное, быстрое, вслѣдствіе личной храбрости, совсѣмъ не то, что выиграть продолжительную компанію, во время которой нужно выказать весь военный геній и знаніе полководца. Однако и такого рода блескъ былъ въ состояніи вскружить голову человѣку менѣе надменному, нежели Эгмондъ. Побѣды поставили его на нѣкоторое время на видное положеніе въ странѣ, принуждая его поддерживать это положеніе, которое было выше его способностей. Когда возмущеніе распространилось, Эгмондъ соединился съ Вильгельмомъ Оранскимъ и сталъ въ ряды недовольныхъ. Къ этому онъ былъ побужденъ болѣе благороднымъ чувствомъ негодованія на несправедливости, оказанныя его соотечественникамъ, нежели какимъ - либо принципомъ. — Въ характерѣ и образѣ дѣйствія Эгмонда было много достойнаго глубокаго удивленія. «Не только во Франціи, но и въ Испаніи «говоритъ Брантомъ», — я не встрѣчалъ дворянина такъ высоко образованнаго и такого пріятнаго въ обращеніи. При этихъ качествахъ и при такой блестящей извѣстности, неудивительно, что Эгмондъ могъ быть украшеніемъ двора и идоломъ своихъ согражданъ. Въ своемъ ослѣпленіи они не могли понять, что преслѣдованіе Альбы было слѣдствіемъ не личнаго его чувства ненависти, но повиновенія своему повелителю. Они тщательно искали въ исторіи ихъ прежней жизни предлога къ личной ненависти. Во время перваго посѣщенія Нидерландовъ Альбою, Эгмондъ, тогда еще юноша, выигралъ у него значительную сумму въ карты. Неудовольствіе, возбужденное такимъ образомъ въ Альбѣ, было увеличено превосходствомъ Эгмонда въ стрѣльбѣ въ цѣль, каторое народъ считалъ національнымъ своимъ торжествомъ. Все это могло имѣть вліяніе на обидчиваго герцога. Всего болѣе питала зависть въ Альбѣ извѣстность военныхъ дарованій Эгмонда. Ибо хитрость Фабія, до сихъ поръ руководствовавшая всѣми движеніями Альбы, хотя и упрочила его заслуги, какъ полководца, но не могла выдержать сравненія съ блестящими подвигами, всегда такъ нравящимися толпѣ. Наконецъ, чувство ненависти въ груди Альбы было такъ сильно, что въ самый день казни его противника, онъ сталъ за одну изъ перегородокъ того самого строенія, въ

которомъ Эгмондъ былъ заключенъ, чтобы насладиться видомъ его смертной агоніи. Друзья же Альбы смотрятъ иначе на его поведеніе, и если вѣрить имъ, то, при концѣ эгмондова процесса, Альба заболѣлъ отъ тяжести возложеннаго на него мрачнаго порученія. Уже не разъ писалъ онъ будто-бы кастильскому двору объ облегченіи приговора, но получалъ такого рода отвѣты, что облегченіе было бы возможно, еслибъ оскорбленіе было нанесено одному королю; но оно было нанесено вѣрѣ. Говорили даже, будто герцогъ въ день казни плакалъ слезами величиною въ горошину: такъ онъ былъ растроганъ.

Альба былъ человѣкъ гордый, надменный, съ непреклонной волей и весьма узкій и ограниченный въ своихъ видахъ. Онъ, подобно Филиппу, въ дѣйствіяхъ своихъ руководился тѣмъ же правиломъ безусловной покорности. Движимый такимъ побужденіемъ, онъ презиралъ болѣе кроткія мѣры для оправданія или примиренія: только на силу, на одну грубую силу возлагалъ онъ надежды. Онъ воспитанъ былъ солдатомъ, рано привыкъ къ строгой дисциплинѣ лагеря. Единственный законъ, который онъ признавалъ, былъ законъ военный; его единственное доказательство — мечъ. Никакой агентъ не могъ бы лучше исполнить намѣренія деспотическаго государя. Его суровая, безстрастная натура не была способна подвергнуться вліянію тѣхъ сердечныхъ движеній, которыя иногда самыхъ загрубѣлыхъ людей отвращаютъ отъ исполненія ихъ плановъ. Также мало зналъ онъ страхъ, и никакая опасность не могла отклонить его отъ достиженія извѣстной цѣли. Ненависть къ нему нидерландцевъ была такова, что, какъ его предостерегали, ему опасно было выходить изъ дому въ темное время. По улицамъ Брюсселя развѣшены были афиши, угрожавшія ему смертью, если онъ не оставитъ преслѣдовать Эгмонда. Онъ такъ же мало обращалъ вниманія на эти угрозы, какъ и на просьбы графини и на доводы ея адвоката. Альба не руководствовался никакими личными соображеніями и никакая сила не могла отклонить его отъ того узкаго, избраннаго имъ, пути, на который онъ смотрѣлъ, какъ на исполненіе своего долга. Онъ шелъ къ цѣли вѣрнымъ, хотя и медленнымъ шагомъ, разрушая своею желѣзною волею всѣ препятствія, лежавшія на пути къ ея достиженію. Мы содрагаемся при созерцаніи такого характера, въ которомъ едва ли можно замѣтить хотя одну человѣческую черту.

В. Прескоттъ: Филиппъ II. Часть 2-я; Глава X, стр. 204.

5. АЛЬБА (1567).

Порядокъ въ Нидерландахъ. — Эмиграція запрещена. — Кровавый Совѣтъ. — Его устройство. — Метода судопроизводства. — Огромная власть. — Незаконный характеръ. — Слѣдствія и наказанія. — Всеобщій ужасъ. — Конфискаціи и изгнанія. — Немилосердіе Альбы. — Всеобщая печаль.

«Благодаря Бога», пишетъ герцогъ Альба къ своему государю отъ 24 октября, «въ Нидерландахъ все спокойно». То же самое высказалъ онъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ все было спокойно; тишина царствовала во всей странѣ. Однако такое состояніе говорило сердцу гораздо краснорѣчивѣе, нежели ропотъ неудовольствія или самый громкій шумъ возстанія. «Говорятъ, многіе оставляютъ страну», пишетъ Альба въ другомъ письмѣ. «Едва ли стоитъ ихъ удерживать. Спокойствіе страны нельзя возстановить, отсѣкая головы тѣхъ, которыхъ извратили другіе».

Но, не болѣе недѣли спустя, мы находимъ королевскій декретъ, объясняющій, что «такъ какъ Его Величеству противно употреблять жестокія мѣры противъ тѣхъ, которые участвовали въ послѣднемъ возмущеніи, и онъ охотнѣе готовъ поступить со всею кротостью и милосердіемъ, то воспрещается кому бы то ни было оставлять страну или отсылать свои имущества безъ разрѣшенія правительства, подъ страхомъ, что на него будутъ смотрѣть, какъ на участника послѣднихъ смутъ, и что съ нимъ поступлено будетъ по закону. Всѣ командиры и хозяева кораблей, которые будутъ помогать побѣгу такихъ людей, навлекутъ на себя тѣ же самыя наказанія». А наказаніями, о которыхъ возвѣщали въ такомъ духѣ кротости и милосердія, были смерть и конфискація имущества.

Что законъ этотъ не былъ мертвою буквою, доказательствомъ того служитъ вскорѣ послѣдовавшій арестъ десяти значительнѣйшихъ купцовъ турнебскихъ, которыхъ задержали въ то время, какъ они приготовлялись къ побѣгу въ чужія страны, и имѣнія ихъ были тотчасъ конфискованы. Но Альба старался увѣрить всѣхъ, что какъ онъ, такъ и государь его дѣйствуютъ только по внушенію чувства человѣколюбія. Вскорѣ послѣ того, какъ схвачены фламандскіе дворяне, онъ писалъ къ испанскому посланнику при римскомъ дворѣ: «Я могъ бы арестовать еще болѣе, но королю противно проливать кровь своего народа. Я имѣю то же расположеніе въ глубинѣ души моей. Меня заставляетъ необходимость употреблять такія мѣры».

Но теперь, когда знатные дворяне уже попались въ клѣтку, едва ли необходимо было продолжать притворство, и потому

вскорѣ онъ совершенно сбросилъ съ себя маску. Мечъ правосудія или, лучше, мщенія поднятъ былъ для пораженія всѣхъ, кто принималъ участіе въ послѣднихъ волненіяхъ.

Существовавшія судилища признаны несоотвѣтствующими этой цѣли. Правильныя формы слѣдственнаго процесса были слишкомъ продолжительны, и сами судьи едва-ли чувствовали себя способными удовлетворить вполнѣ намѣреніямъ Альбы. А потому онъ учредилъ новое судилище, уполномочивъ его чрезвычайною властью — изслѣдовать причины послѣднихъ безпорядковъ и привести виновныхъ къ наказанію. Судилище получило оригинальное названіе: «Совѣтъ Его Сіятельства», которое скоро перемѣнено было на другое — «Совѣтъ Волненій»; но въ исторіи судилище это было извѣстно подъ ужаснымъ названіемъ, даннымъ ему народомъ — «*Кроваваго Совѣта*».

Совѣтъ состоялъ изъ 12 судей, людей «ученѣйшихъ, честнѣйшихъ и самой безукоризненной жизни», по выраженію герцога, какіе только находились въ странѣ.

Какъ скоро «Совѣтъ Волненій» организовался, разосланы были агенты по провинціямъ, преслѣдовать подозрительныхъ людей. Проповѣдники или тѣ, которые давали имъ убѣжище или даже помощь, члены протестантскихъ консисторій, люди, присутствовавшіе при разрушеніи католическихъ церквей или помогавшіе при возведеніи протестантскихъ, подписавшіе компромиссъ — словомъ, всѣ, кто только принималъ участіе въ послѣднихъ безпорядкахъ, должны быть арестованы, какъ виновные въ измѣнѣ. Во время этого преслѣдованія доносы почерпались изъ всякаго рода источниковъ. Женъ побуждали свидѣтельствовать противъ мужей, дѣтей — противъ родителей. Скоро тюрьмы всѣ набились биткомъ, а провинціальные и мѣстные судьи дѣятельно занимались собираніемъ справокъ о различныхъ случаяхъ, которыя препровождались въ брюссельское судилище. Дѣло, которое почитали довольно важнымъ, поступало на дальнѣйшее разсмотрѣніе самаго Совѣта. Большею частію слѣдствія производились мѣстными властями или коммиссіею, присланною нарочно съ этою цѣлью и уполномоченною даже произносить судебные приговоры, которые она представляла, вмѣстѣ съ изложеніями хода дѣла и основаніями, на которыхъ постановленъ приговоръ, Совѣту Волненій. Тогда этотъ процессъ поступалъ на ревизію комитета, назначеннаго для разбирательства провинціальныхъ дѣлъ, который представлялъ результатъ своего изслѣдованія Варгасу и дель-Ріо. Послѣдніе были одни уполномочены давать свое мнѣніе, и ихъ приговоръ, приготовленный на бумагѣ, подавался герцогу, который сохранялъ для себя право окончательнаго рѣшенія. Это онъ дѣлалъ съ тѣмъ, какъ писалъ Филиппу, чтобы не быть слишкомъ зависимымъ отъ Со-

вѣта. «Вашему Величеству хорошо извѣстно», заключаетъ онъ, «что судьи не охотно рѣшаютъ дѣла, если нѣтъ явныхъ доказательствъ, между тѣмъ какъ дѣйствія государственной политики не должны подчиняться законамъ».

Можно было бы предполагать, что такой порядокъ судопроизводства, т. е. при нѣсколькихъ различныхъ судьяхъ, черезъ руки которыхъ постепенно переходило дѣло преступника, доставлялъ послѣднему больше шансовъ за его безопасность; но, совершенно напротивъ, это только усложняло его виновность. Когда провинціальный комитетъ подавалъ рапортъ Варгасу и дель-Ріо, къ которымъ впослѣдствіи присоединился испанскій юристъ Рода, бывшій аудиторъ Канцеляріи Вальядолидской, и, если провинціальный комитетъ предлагалъ смертный приговоръ, судьи эти объявляли, что приговоръ этотъ справедливъ и что не было необходимости разсматривать процесса. «Если же, напротивъ, онъ предлагалъ наказаніе болѣе легкое, достойные исполнители закона имѣли обыкновеніе возвращать дѣло, строго наказывая комитету разсмотрѣть его внимательнѣе».

Такъ какъ конфискація была однимъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе часто повторявшихся наказаній, которыя опредѣлялъ Кровавый Совѣтъ, то исполненіе этого наказанія по необходимости затруднялось многими условіями. Часто на конфискованныя имѣнія представлялись важныя претензіи, которыя переходили на разсмотрѣніе Совѣта. Всякій легко можетъ понять, какъ мало можно было надѣяться на справедливое рѣшеніе въ такомъ судилищѣ, гдѣ кредиторъ составлялъ одну партію, а корона — другую. Даже если дѣло кончалось опредѣленіемъ въ пользу кредитора, оно обыкновенно длилось такъ долго и сопровождалось такими разорительными издержками, что для кредитора было бы лучше вовсе не начинать дѣла.

Власть суда, въ предписанныхъ ему границахъ, совершенно равнялась пространству власти великаго суда въ Мехлинѣ, такъ же, какъ и всякаго другаго, провинціальнаго или муниципальнаго, во всей странѣ. Рѣшенія его были окончательныя. На основаніи закона туземнаго, утвержденнаго рядомъ королевскихъ партій, никто въ Нидерландахъ не могъ быть судимъ иначе, какъ природнымъ нидерландцемъ, но въ настоящемъ судилищѣ одинъ членъ былъ родомъ изъ Бургундіи и два испанца.

Можно было полагать, что судилище съ такою огромною властью, которая совершенно нарушала конституціонныя права и давно установленные обычаи націи, по крайней мѣрѣ получило нѣкоторую санкцію отъ короны. Но не только не было ничего подобнаго: судилище даже не имѣло письменнаго свидѣтельства герцога Альбы, человѣка, который создалъ его. Онъ однимъ своимъ голосомъ давалъ ему существованіе. Обрядъ вступ-

ленія въ должность новаго члена состоялъ въ томъ, что послѣдній, положивъ свои руки на руки герцога, клялся не измѣнить вѣрѣ, рѣшать всѣ дѣла согласно своему искреннему убѣжденію и, наконецъ, хранить всѣ дѣла Совѣта втайнѣ и обличать всякаго, кто открываетъ ихъ. Трибуналъ, облеченный такою неограниченной властью и дѣйствовавшій по плану, столь противному всѣмъ правиламъ справедливости, мало разнился, по своей жестокости, отъ инквизиціи, которой такъ боялись нидерландцы.

Чтобы удобнѣе постоянно присутствовать въ Совѣтѣ, Альба назначилъ мѣстомъ собранія свой собственный дворецъ. Сначала засѣданія были утромъ и вечеромъ и продолжались иногда по семи часовъ въ сутки. Тутъ собирались всѣ члены и герцогъ предсѣдательствовалъ лично. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ долженъ былъ уѣхать изъ города по болѣе важнымъ дѣламъ и мѣсто свое оставилъ Варгасу. Барлемонъ и Нуаркармъ, недовольные жестокимъ характеромъ судопроизводства, скоро сами удалились изъ Совѣта. Достойнѣйшіе изъ членовъ послѣдовали ихъ примѣру. Одинъ изъ нихъ, товарищъ Гранвеллы, родомъ бургундецъ, разсуждалъ о судопроизводствѣ нѣсколько свободно, и потому получилъ позволеніе удалиться въ свою провинцію, такъ что наконецъ остались только три или четыре совѣтника: Варгасъ, дель-Ріо, Гессельсъ и его товарищъ, на которыхъ пала вся тяжесть дѣлопроизводства. Нѣкоторые изъ процессовъ мы находимъ подписанными не болѣе, какъ только тремя именами. Герцогъ былъ столь же равнодушенъ къ формамъ, сколько и къ правамъ націи.

Скоро сдѣлалось явнымъ, что главный предметъ, на который направлено было преслѣдованіе, какъ и главная цѣль большей части изгнаній, составляли имущества. По крайней мѣрѣ, если это дѣйствительно и не составляло причины обвиненія, то много ему содѣйствовало. Агенты, посланные въ провинціи, получили письменныя инструкціи узнавать подробно объ имуществахъ, принадлежащихъ подозрительнымъ лицамъ. Издержки, необходимыя для содержанія такого множества чиновниковъ, а также и многочисленныя войска обременяли правительство и Альба скоро нашелъ необходимымъ просить помощи въ Мадридѣ. Напрасно старался онъ занять у купцовъ. «Они отказались», писалъ онъ, «дать *реалъ* подъ залогъ конфискованныхъ имуществъ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, какъ удастся намъ *игра*, которую мы затѣяли».

Такъ какъ слѣдствіе конфискацій, по вышеупомянутымъ причинамъ, не оправдывало ожиданій герцога, то онъ предложилъ, нѣсколько позже, взимать налогъ по одному проценту съ имущества, какое бы оно ни было. Но противъ этого нѣкоторые изъ

членовъ Совѣта осмѣлились возразить, какъ противъ мѣры, которая, вѣроятно, не будетъ одобрена штатами. «Это зависитъ оттого», сказалъ онъ, «какъ къ нимъ приступить». Альба также мало любилъ генеральные штаты, какъ и его государь, и обращаться къ нимъ съ просьбою за деньгами почиталъ нѣсколько унизительнымъ для короля. «Я обратился бы къ нимъ съ этою просьбой», сказалъ онъ, «какъ сдѣлалъ я, когда нуждался въ деньгахъ для сооруженія цитадели въ Антверпенѣ, но подъ такимъ только условіемъ, чтобы они не отказали».

Совершенное согласіе существовало, кажется, между королемъ и Альбою въ ихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ разрушенію свободы націи, столь совершенное, что оно могло быть результатомъ нѣкотораго, предварительно обдуманнаго плана, составленнаго, вѣроятно, еще въ бытность герцога въ Кастиліи. Возникавшія впослѣдствіи подробности его исполненія, безъ сомнѣнія, оставлены были на произволъ Альбы. Но онѣ получали такую полную санкцію королевскую, чему ясное доказательство видно въ ихъ перепискѣ, что Филиппъ всякое дѣйствіе своего полководца, можно сказать, почиталъ своимъ собственнымъ. И мы нерѣдко находимъ, что монархъ поправлялъ предложенія своего корреспондента, прибавляя къ нимъ еще свои собственныя мысли. Какія бы дѣйствія ни были слѣдствіемъ дурнаго правленія Альбы, отвѣтственность за мѣры лежитъ главнымъ образомъ все-таки на Филиппѣ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Совѣта было вызвать принца Оранскаго и всѣхъ благородныхъ изгнанниковъ его партіи въ Брюссель къ отвѣту на взводимыя на нихъ обвиненія. Въ вызовѣ, обращенномъ къ Вильгельму, послѣдній обвинялся въ томъ, что порождалъ духъ неудовольствія въ народѣ, возбуждалъ презрѣніе къ инквизиціи, благопріятствовалъ союзу дворянъ и открывалъ свой собственный дворецъ въ Бредѣ для ихъ совѣщаній; поощрялъ дѣйствія реформаторовъ въ Антверпенѣ; наконецъ, былъ виновникомъ всѣхъ смутъ, политическихъ и религіозныхъ, такъ долго волновавшихъ страну. Требовали, подъ страхомъ конфискаціи его имущества и вѣчной ссылки, чтобы онъ явился въ брюссельскій совѣтъ въ теченіе шести недѣль и отвѣчалъ на обвиненіе. Это требованіе было объявлено черезъ оффиціальнаго вѣстоваго, какъ въ Брюсселѣ, такъ и въ собственномъ его городѣ Бредѣ. Афиша прибита была даже къ дверямъ главной церкви въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ.

Въ началѣ 1568 года Филиппъ прибѣгнулъ къ чрезвычайной мѣрѣ для оправданія передъ свѣтомъ своихъ строгихъ дѣйствій противъ нидерландцевъ. Онъ представилъ дѣло на судъ

инквизиціи въ Мадридѣ, и это духовное судилище, по надлежащемъ разсмотрѣніи показаній короля и нидерландскихъ инквизиторовъ, пришло къ слѣдующему рѣшенію. Всѣ виновные въ ереси, отступничествѣ или возмущеніи и, сверхъ того, всѣ тѣ, которые, будучи хорошими католиками, не оказывали никакого сопротивленія еретикамъ, за исключеніемъ немногихъ, обвинялись въ величайшей измѣнѣ.

За этимъ поголовнымъ приговоромъ послѣдовалъ королевскій эдиктъ отъ того же самаго числа, 16 февраля, въ которомъ, по изложеніи содержанія рѣшенія инквизиторовъ, вся нація, за исключеніемъ вышеозначенныхъ, присуждалась къ уголовному наказанію за измѣну — смерти и конфискаціи имущества, и, притомъ, продолжалъ декретъ, «безъ всякой надежды на какую бы то ни было милость, дабы это могло служить примѣромъ и предостереженіемъ на будущее время».

Трудно повѣрить столь чудовищному разсказу, хотя повторенному цѣлымъ рядомъ историковъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія въ его справедливости. Что касается инквизиціи, то нѣтъ такого разсказа о ея чудовищныхъ дѣйствіяхъ, которому нельзя было бы повѣрить. Но нелегко повѣрить, чтобъ умный государь, каковъ былъ Филиппъ II, при всемъ желаніи скрыться подъ покровами инквизиціи, могъ рѣшиться на изданіе эдикта, столь же мало сообразнаго съ политикой, сколько и нелѣпаго, эдикта, который, смѣшивая невиннаго съ виновнымъ, увлекъ бы обоихъ къ отчаянію: невиннаго, изъ сознанія несправедливости, побудилъ бы принять участіе въ возмущеніи, потому что черезъ это онъ ничего бы не потерялъ, а виновному, такъ какъ ему не на что было надѣяться, послужилъ бы поводомъ оставаться мятежнымъ.

Вѣстникъ, привезшій Маргаритѣ королевское позволеніе оставить регентство, доставилъ Альбѣ назначеніе его правителемъ Нидерландовъ. Назначеніе это поставляло герцога, какъ писалъ къ нему Филиппъ, внѣ контроля финансоваго совѣта въ важномъ дѣлѣ конфискаціи. Оно ставило его въ самомъ дѣлѣ не только выше этого совѣта, но и всякаго другаго, какой только былъ въ Нидерландахъ. Оно облекало его властью не меньше власти самого государя. И Альба приготовлялся расширить ее до такихъ предѣловъ, до которыхъ не отваживался ни одинъ повелитель Нидерландовъ. Теперь пришло время привести въ исполненіе этотъ страшный замыселъ. Регентша, которая могла если не препятствовать ему, то по крайней мѣрѣ осуждать его дѣйствія, удалилась. Всѣ темницы были наполнены; слѣдствія кончились. Оставалось только обнародовать приговоры и приступить къ ихъ исполненію.

4 января 1568 года 84 человѣка были приговорены къ смер-

ти въ Валансьеннѣ, по обвиненію ихъ въ участіи въ послѣднихъ волненіяхъ, религіозныхъ или политическихъ. 20 февраля 95 человѣкъ призваны были въ Кровавый Совѣтъ, и 37 обвинены въ уголовномъ преступленіи. 20 марта осуждено еще 35. Шпіоны герцога разосланы были по всѣмъ направленіямъ. «Я слышалъ, что проповѣди продолжаются въ Антверпенѣ», писалъ онъ къ Филиппу, «и я послалъ туда моего собственнаго судью, потому что не могу полагаться на начальство. Онъ арестовалъ порядочное число еретиковъ, такъ что они впередъ не будутъ дѣлать такихъ собраній. Магистратъ жалуется на вмѣшательство судьи, нарушающее ихъ привилегіи; но онъ долженъ сносить это терпѣливо». Шутливый тонъ, въ которомъ герцогъ разсказываетъ своему государю о судьбѣ своихъ жертвъ, напоминаетъ одинъ изъ подобныхъ разговоровъ Пети-Андре съ Людовикомъ XI, въ Кентен-Дюрвардѣ.

По тому, что происходило въ Гентѣ, можно составить себѣ понятіе о ходѣ дѣлъ и въ другихъ городахъ. Въ столицу посланы были агенты выискивать подозрительныхъ людей. 107 человѣкъ призваны были въ брюссельскій совѣтъ. Имена ихъ провозглашались по улицамъ и прибиты были на афишахъ къ публичнымъ зданіямъ. Между ними было много благородныхъ и богатыхъ людей. Чиновникамъ особенно было предписано разузнавать состоянія подобныхъ лицъ. Большая часть обвиненныхъ старались уйдти. Они предпочитали побѣгъ невѣрному оправданію передъ кровавымъ судилищемъ, хотя побѣгъ велъ за собою изгнаніе и конфискацію имущества. Только 18 человѣкъ возвратились, по востребованію, въ Брюссель. Ихъ арестовали въ тотъ же день, въ ихъ квартирахъ, и безъ исключенія всѣхъ приговорили къ смерти! Пятеро или шестеро, болѣе значительныхъ, были обезглавлены; остальные всѣ погибли на висѣлицахъ.

Мучимый нетерпѣніемъ при видѣ такого медленнаго, какъ ему казалось, хода своей игры, герцогъ рѣшился ускорить дѣло быстрымъ, смѣлымъ движеніемъ. Онъ составилъ планъ, разомъ погубить огромное число жертвъ. Для приведенія его въ дѣйствіе онъ назначилъ среду первой недѣли великаго поста — время, когда люди, по прошествіи масляницы, собираются въ свои дома вести жизнь трезвую и воздержную. Полицейскіе чиновники вошли въ ихъ квартиры въ глубокую ночь, и около 5,000 гражданъ стащены были съ своихъ постелей и брошены въ тюрьму. Они всѣ приговорены къ смертной казни. «Я нѣсколько разъ возобновлялъ приговоры», писалъ Альба, «потому что они мучатъ меня разспросами, можно ли въ томъ или другомъ случаѣ замѣнить смертную казнь ссылкою». Онъ, однакожъ, не утомлялся своими кровавыми дѣяніями, и въ томъ же

письмѣ мы находимъ его признаніе, что болѣе 300 головъ должно пасть прежде, чѣмъ придетъ время говорить о всеобщемъ прощеніи.

Арестовать вдругъ, говоритъ одинъ старый лѣтописецъ, 30 или 40 человѣкъ было дѣломъ обыкновеннымъ. Богатѣйшимъ гражданамъ сковывали руки назадъ и на мѣсто казни тащили ихъ привязанными къ хвосту лошади. Люди же бѣднѣйшіе даже и не требовались къ суду въ Брюссель: дѣла ихъ рѣшались тотчасъ же на мѣстѣ, въ городахъ и селахъ, и несчастныхъ вѣшали немедленно.

Когда влекли въ темницу людей низшаго класса, ихъ подвергали часто жестокимъ пыткамъ, съ цѣлью вынудить признанія, обвиняющія ихъ самихъ или друзей ихъ. Роды смерти присуждались Кровавымъ Совѣтомъ различнаго рода. Однимъ отсѣкали мечомъ головы — почесть, которую оказывали, какъ кажется, людямъ высшаго сословія; другихъ приговаривали къ висѣлицѣ, иныхъ — къ эшафоту. Послѣднее наказаніе, самое ужасное изъ всѣхъ, опредѣлялось величайшимъ преступникамъ противъ религіи. Но многое, кажется, предоставлено было на произволъ судей, иногда даже грубыхъ солдатъ, наблюдавшихъ за исполненіемъ казней. По крайней мѣрѣ мы находимъ, что однажды испанскіе солдаты, въ пылу благочестиваго негодованія, бросили въ пламя одного несчастнаго протестантскаго проповѣдника, котораго судъ приговорилъ къ висѣлицѣ.

Бо̀льшая часть войска при Альбѣ состояла изъ ветерановъ, ходившихъ противъ протестантовъ при Карлѣ V, товарищей тѣхъ солдатъ, которые въ это самое время охотились на туземцевъ Новаго Свѣта, убивая ихъ тысячами во имя религіи. Благодаря имъ, сущность религіи превратилась въ слѣпое поклоненіе римской церкви и въ непримиримую ненависть къ еретикамъ. Жизнь еретика была самая пріятная жертва, какую только можно принести Богу. Съ сердцами, закаленными такимъ фанатизмомъ и окаменѣвшими отъ постоянной близости къ человѣческимъ страданіямъ, они были ревностными исполнителями приказаній такого повелителя, какъ герцогъ Альба.

Жестокость тирановъ встрѣчена была со стороны ихъ жертвъ съ непоколебимымъ мужествомъ. Бо̀льшая часть преступленій, тѣмъ или другимъ путемъ, была соединена съ религіею. Преступниками были или оказавшіе помощь и поощреніе проповѣдникамъ, или присутствовавшіе при ихъ богослуженіяхъ, или принимавшіе участіе въ ихъ собраніяхъ, или какимъ бы то ни было образомъ подававшіе поводы думать, что они приняли ученіе еретиковъ. Въ такихъ именно случаяхъ, когда заставляютъ людей страдать за свою совѣсть, бываютъ они готовы сносить все, даже умереть въ защиту своихъ убѣжденій. Жерт-

вою этой тиранiи были люди всѣхъ сословiй, мужчины и женщины, молодые, старые, слабые и безпомощные. Но чѣмъ слабѣе была партiя физически, тѣмъ сильнѣе пламенѣвшiй духъ въ ней поддерживалъ ее въ перенесенiи страданiй. Много трогательныхъ примѣровъ разсказываютъ о людяхъ, которые, безъ иной помощи, кромѣ надежды на небо, показывали въ высшей степени героическую твердость въ присутствiи своихъ инквизиторовъ и, судя по смѣлости, съ какою высказывали свои мнѣнiя, казалось, даже добивались вѣнца мученичества. Этотъ неустрашимый духъ не покидалъ ихъ и на эшафотѣ и на кострѣ, и свидѣтельства, представлявшiяся въ защиту дѣла, за которое они страдали, производили такое сильное дѣйствiе на окружавшихъ, что нашли необходимымъ заставить молчать осужденныхъ. Жестокiя средства выдумывали духовные судьи для успѣшнѣйшаго достиженiя этой цѣли: прижигали раскаленнымъ до-красна желѣзомъ кончикъ языка, а нѣкоторыя выпуклыя члены тѣла сдавливали между двумя металлическими пластинками, свинчивая ихъ плотно вмѣстѣ. Мучительно-дикiе стоны, которые издавали въ это время несчастные страдальцы, доставляли звѣрскую радость мучителямъ.

Но нѣтъ надобности останавливаться долѣе на несчастiяхъ, какiя терпѣлъ народъ нидерландскiй въ эту эпоху пытокъ. Если жестокости, совершавшiяся во имя религiи, съ одной стороны, были въ высшей степени унизительны для человѣчества, то съ другой — мы примиряемся съ ними за то, что они представили высочайшее зрѣлище, какое только можетъ представить человѣчество: именно зрѣлище мученика, приносящаго въ жертву на алтарь своего убѣжденiя свою собственную жизнь.

Трудно, судя по даннымъ, находящимся у меня подъ рукою, даже невозможно исчислить количество павшихъ отъ руки палача въ эту страшную эпоху. Число ихъ, въ сравненiи съ количествомъ населенiя страны, безъ сомнѣнiя, было не велико — меньше числа ежегодно падающихъ одиноко на полѣ жизненной борьбы. Когда формы законнаго судопроизводства соблюдаются, дѣйствiя правосудiя, если только можно тутъ употребить это слово, — совершаются сравнительно медленно. Только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, во время французской революцiи, когда тысячи валятся подъ громомъ пушекъ или несчастныя жертвы погружаются въ воду, смерть движется съ гигантскою быстротою чумы и войны.

Но сумму страданiй въ эпоху такого угнетенiя нельзя опредѣлять лишь по числу дѣйствительно потерпѣвшихъ смерть, когда страхъ смерти, подобно обнаженному мечу, висѣлъ надъ головою всякаго. Альба выразилъ Филиппу желанiе, чтобъ вся-

кій человѣкъ, ложась ночью спать, или вставая утромъ, «могъ думать, что домъ его ежечасно можетъ упасть и обрушиться на него!» Это гуманное желаніе приведено было въ исполненіе: избѣжавшіе смерти находились въ страхѣ едва ли менѣе ужасной участи — подвергнуться изгнанію и конфискаціи имущества. Дѣйствительно, преслѣдованіе очень скоро приняло это направленіе, а угнетеніе, побуждаемое любостяжаніемъ, бываетъ еще ужаснѣе, нежели когда проистекаетъ изъ фанатизма, который самъ по себѣ хотя и унизителенъ, однако является только вслѣдствіе искаженія основаній религіи.

Всѣ, оставившіе отечество, приговорены были къ вѣчной ссылкѣ и конфискаціи имущества. Даже мертвые не были пощажены. Это видно изъ процесса маркиза Бергена, заведеннаго съ цѣлью конфисковать его помѣстья по обвиненію въ измѣнѣ. Дворянинъ этотъ, какъ вѣроятно помнитъ читатель, посланъ былъ вмѣстѣ съ Монтиньи въ Мадридъ, гдѣ Монтиньи умеръ — болѣе счастливый, чѣмъ его товарищъ, который, оставшись въ живыхъ, подвергся худшей участи. Тайные агенты герцога всюду дѣятельно были заняты составленіемъ описей имуществъ подозрительныхъ лицъ. «Я занимаюсь арестованіемъ нѣкоторыхъ богатѣйшихъ и ужаснѣйшихъ преступниковъ», пишетъ Альба своему государю, «и подвергаю ихъ денежнымъ взысканіямъ». «Потомъ», говоритъ онъ, «займусь преступными городами. Такимъ путемъ привлечена будетъ въ сундуки Его Величества порядочная сумма». Число этихъ жертвъ было столь велико, что иногда въ одномъ приговорѣ Совѣта заключалось отъ 80 до 100 человѣкъ. Въ приговорѣ, лежащемъ передо мною и содержащемъ болѣе собственныхъ именъ, чѣмъ словъ всѣхъ прочихъ частей рѣчи, присуждается къ ссылкѣ и конфискаціи не менѣе 135 жителей Амстердама.

Легко представить вредъ, нанесенный такимъ поголовнымъ судомъ этой нѣкогда цвѣтущей странѣ, потому что, кромѣ лицъ, прямо прикосновенныхъ, здѣсь замѣшано было множество другихъ, случайно попавшихся, вдовъ и беззащитныхъ сиротъ: даже цѣлыя учрежденія, какъ госпитали и благотворительныя заведенія, приведены были въ крайность и лишены всякихъ средствъ къ существованію. Медленно и ненадежно должно было быть правосудіе, оказываемое такимъ безсильнымъ кліентамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они Кровавому Совѣту предпочитали свои собственныя судилища! Послѣдствія скоро сдѣлались видимыми въ упадкѣ торговли и въ быстромъ уменьшеніи населенія въ городахъ. Не обращая вниманія на страшныя наказанія, угрожавшія бѣглецамъ, множество народа, въ особенности изъ пограничныхъ штатовъ, покидали свое отечество. Сосѣднія области Германіи открыли свои объятія этимъ странникамъ, и большое

число изгнанниковъ изъ сѣверныхъ провинцій, пройдя по холоднымъ водамъ Зюдерзе, находили убѣжище въ гостепріимныхъ стѣнахъ Эмбдена. Даже въ городѣ, лежащемъ внутри страны, какъ Гентъ, если вѣрить историку, половина домовъ оставалась пустою. Не было въ немъ семейства — говоритъ онъ — нѣсколько членовъ котораго не вкусили бы горечи изгнанія или смерти. «Ярость угнетенія», пишетъ принцъ Оранскій, «распространила такой ужасъ во всемъ народѣ, что тысячи, и между ними было нѣсколько важныхъ папистовъ, покидали страну, гдѣ тиранія, кажется, направлена была противъ всего и гдѣ не обращали вниманія на различіе вѣры».

Однако въ финансовомъ отношеніи результаты не были согласны съ желаніями Альбы. Несмотря на огромное число конфискацій — жаловался онъ Филиппу — поглощалось денегъ такъ много на разные предметы, въ особенности вслѣдствіе кражи агентовъ, что онъ опасается, какъ бы расходы не превзошли доходовъ! Онъ также не былъ доволенъ поведеніемъ другихъ чиновниковъ. Посылаемые въ провинціи, они, вмѣсто того, чтобъ стараться открывать виновныхъ, скорѣе расположены были—говорилъ онъ — скрывать ихъ. Даже члены Совѣта Волненій обнаружили такую апатію къ своимъ обязанностямъ, что докучали еще больше, нежели самые преступники. Единственный человѣкъ, который показывалъ какую-либо ревность, былъ Варгасъ. Онъ стоилъ всѣхъ другихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Такъ объ одномъ изъ нихъ — адвокатѣ города Гента, Гессельсѣ,— разсказываютъ слѣдующее. Этотъ достойный совѣтникъ, говорятъ, засыпалъ иногда, сидя въ креслѣ, и, когда въ этомъ состояніи его вдругъ просили произнести судъ надъ преступникомъ, впросонкахъ и протирая глаза, онъ вскрикивалъ: «Ad patibulum! ad patibulum»! — «на висѣлицу! на висѣлицу»!

(Прескоттъ. Ист. Фил. II. Часть II, глава VIII, стр. 161—172).

6. ФИЛИППЪ II.

Филиппъ II, наслѣдовавшій Карлу V въ 1555 году, былъ дѣйствительно, по преимуществу, созданіемъ своего времени, и замѣчательнѣйшій изъ его біографовъ мѣтко называетъ его самымъ совершеннымъ типомъ національнаго характера. Его любимое правило, служащее ключемъ къ его политикѣ, было, «что лучше совсѣмъ не царствовать, чѣмъ царствовать надъ еретиками». Вооруженный верховною властью, онъ употребилъ всю свою энергію на приведеніе въ дѣйствіе этого принципа. Какъ только онъ услышалъ, что протестанты находятъ послѣдователей

въ Испаніи, то онъ устремилъ всѣ силы на уничтоженіе ереси, и общее расположеніе народа такъ удивительно помогало ему въ этомъ, что онъ могъ, безъ всякаго риска, подавить мнѣнія, волновавшія всѣ другія страны Европы. Въ Испаніи реформація, послѣ короткой борьбы, совершенно замерла, и впродолженіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ исчезъ и малѣйшій слѣдъ ея. Голландцы желали принять и, во многихъ случаяхъ, принимали преобразованное ученіе; поэтому Филиппъ пошелъ на нихъ жестокою войною, которая длилась 30 лѣтъ и которую онъ не прекращалъ до своей смерти, потому что рѣшился искоренить новую вѣру. Онъ приказалъ сожигать всякаго еретика, не хотѣвшаго отказаться отъ своей вѣры. Если же еретикъ отрекался отъ своихъ убѣжденій, то ему оказывалось нѣкоторое снисхожденіе, но такъ какъ онъ былъ все-таки оскверненъ, то умереть онъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ; поэтому, вмѣсто сожженія, его казнили отсѣченіемъ головы. О дѣйствительномъ числѣ лицъ, пострадавшихъ въ Нидерландахъ, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но Альба торжественно хвалился, что впродолженіе пяти или шести лѣтъ его управленія онъ казнилъ совершенно хладнокровно до 18,000 человѣкъ, не считая еще большаго числа убитыхъ на полѣ битвы. И такъ, даже за кратковременное владычество его можно насчитать около 40,000 такихъ жертвъ,—цыфра, вѣроятно, не особенно далекая отъ истины, такъ какъ намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, что въ одинъ годъ было казнено или сожжено болѣе 8,000 человѣкъ. Подобныя мѣры были результатомъ инструкцій, данныхъ Филиппомъ, и составляли существенную часть его общаго плана. Главнымъ душевнымъ желаніемъ его, желаніемъ, которому онъ жертвовалъ всѣми другими соображеніями, — было искорененіе новой вѣры и возстановленіе старой. Этому чувству подчинялось даже его непомѣрное честолюбіе и необыкновенная любовь къ власти; онъ стремился къ владычеству надъ Европой, потому желалъ возстановить авторитетъ церкви. Вся его политика, всѣ его переговоры, всѣ его войны стремились къ этой одной цѣли. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ онъ заключилъ постыдный договоръ съ папою, для того, чтобъ нельзя было сказать, что онъ поднялъ оружіе противъ главы христіанскаго міра. А его послѣднее великое предпріятіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, важнѣйшее изъ всѣхъ, состояло въ снаряженіи той знаменитой Армады, съ которою онъ надѣялся усмирить Англію и уничтожить ересь Европы въ самомъ ея зародышѣ, лишивъ протестантовъ ихъ главной поддержки и единственнаго пріюта, въ которомъ они легко могли найти безопасное и честное убѣжище.

Между тѣмъ какъ Филиппъ, слѣдуя по пути своихъ пред-

шественниковъ, расточалъ кровь и сокровища Испаніи, ради распространенія религіозныхъ мнѣній, народъ, вмѣсто того, чтобъ возстать противъ такой чудовищной системы, соглашался съ нею и освѣщалъ ее своимъ сочувствіемъ. Дѣйствительно, народъ не только одобрялъ эту систему, но почти обожалъ человѣка, который поддерживалъ её. Вѣроятно еще никогда не было государя, который, въ теченіе такого продолжительнаго періода и посреди столь многихъ превратностей судьбы, былъ бы такъ обожаемъ своими подданными, какъ Филиппъ II. Въ хорошихъ ли, въ дурныхъ ли обстоятельствахъ, испанцы всегда относились къ нему съ непоколебимою преданностью. Ихъ привязанность не могли ослабить ни его неудачи, ни его отталкивающее обращеніе, ни его жестокость, ни его тягостные поборы. Не взирая ни на что, они любили его до послѣдней минуты. Нелѣпая надменность его доходила до того, что онъ не позволялъ никому, даже самымъ могущественнымъ грандамъ, обращаться къ нему съ рѣчью иначе, какъ на колѣняхъ, и въ отвѣтахъ своихъ не все договаривалъ, предоставляя имъ угадывать остальное, но исполнять его повелѣнія какъ можно тщательнѣе. И они были всегда готовы повиноваться малѣйшимъ его желаніямъ. Одинъ современникъ Филиппа, пораженный этимъ всеобщимъ преклоненіемъ, говоритъ, что испанцы «не только любятъ, не только почитаютъ, но рѣшительно обожаютъ его и считаютъ его повелѣнія до такой степени священными, что ихъ невозможно было бы нарушить, не оскорбивъ самого Бога».

Что такой человѣкъ, какъ Филиппъ II, который никогда не имѣлъ друга, котораго обыкновенное обращеніе съ людьми было въ высшей степени возмутительно — суровый господинъ, безчувственный отецъ, кровожадный и безсовѣстный правитель, — что онъ былъ такъ почитаемъ народомъ, среди котораго жилъ и передъ глазами котораго были постоянно его дѣйствія, что все это было возможно — вотъ истинно одинъ изъ самыхъ удивительныхъ и, съ перваго взгляда, самыхъ необыкновенныхъ фактовъ въ исторіи. Король соединяетъ въ себѣ всѣ свойства, возбуждающія въ высшей степени ужасъ и отвращеніе, а между тѣмъ его гораздо болѣе любятъ, чѣмъ боятся; ему поклоняется весьма великій народъ, въ теченіе весьма долгаго періода времени.

Когда Филиппъ II умеръ въ 1598 году, то послѣ его смерти все стало приходить въ упадокъ съ изумительною быстротою. Съ 1598 по 1700 годъ на престолѣ смѣнились Филиппъ III, Филиппъ IV и Карлъ II. Между ними и ихъ предшественниками была самая разительная противоположность. Филиппъ III и

Филиппъ IV были лѣнивы, невѣжественны и нерѣшительны и проводили жизнь въ низкихъ и грязныхъ удовольствіяхъ. Карлъ II, послѣдній изъ той австрійской династіи, которая нѣкогда такъ отличалась, обладалъ почти всѣми недостатками, какіе могутъ сдѣлать человѣка смѣшнымъ и достойнымъ презрѣнія. Его умъ и его наружность были таковы, что въ любомъ народѣ, менѣе преданномъ своимъ королямъ, онъ сдѣлался бы всеобщимъ посмѣшищемъ. Хотя онъ умеръ еще во цвѣтѣ лѣтъ, но уже казался старымъ, изжившимся развратникомъ. Въ 35 лѣтъ онъ совершенно лишился волосъ на головѣ и на бровяхъ, былъ разбитъ параличемъ, страдалъ падучею болѣзнью и былъ замѣчательно немощенъ. Все въ его наружности было въ высшей степени отвратительно — онъ имѣлъ видъ слюняваго идіота. У него былъ огромный ротъ и нижняя челюсть такъ странно выдавалась впередъ, что зубы его не могли встрѣчаться, и онъ не былъ въ состояніи пережевывать пищу. Невѣжество его могло бы показаться невѣроятнымъ, еслибы не подтверждалось неопровержимыми доказательствами. Онъ не зналъ названій большихъ городовъ, ни даже провинцій въ своихъ владѣніяхъ; и во время войны съ Франціей слышали, какъ онъ выражалъ сожалѣніе объ Англіи по случаю утраты будто бы ею нѣкоторыхъ городовъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности города эти принадлежали къ его же собственной территоріи. Наконецъ онъ погрязъ въ самое грубое суевѣріе; ему казалось, что его постоянно искушаетъ дьяволъ, и онъ позволялъ отчитывать себя, какъ одержимаго злыми духами, и не иначе уходилъ спать, какъ въ сопровожденіи своего духовника и двухъ монаховъ, которые должны были лежать всю ночь возлѣ него.

Теперь-то люди могли бы ясно увидѣть, на какомъ зыбкомъ основаніи было построено величіе Испаніи. При способныхъ государяхъ страна благоденствовала, при слабыхъ — падала. Почти все, сдѣланное великими государями XVI столѣтія, было разрушено ничтожными государями XVII-го. Паденіе Испаніи было такъ быстро, что не болѣе какъ черезъ три царствованія послѣ смерти Филиппа II самая могущественная монархія въ свѣтѣ была доведена до крайней степени униженія, была безнаказанно оскорбляема другими народами, не разъ доходила до банкротства, лишилась самыхъ лучшихъ изъ своихъ владѣній, подвергалась публичному позору, стала любимою темою у школьниковъ и моралистовъ, декламирующихъ о шаткости дѣлъ человѣческихъ; наконецъ испытала жестокое униженіе — видѣть, что территорія ея разбита на части и подѣлена, по договору, въ которомъ сама она не принимала никакого участія, и на рѣшенія котораго она даже не въ состояніи была негодовать. Вотъ когда, дѣйствительно, испила она до дна чашу своего стыда. Слава

покинула ее — она была убита, унижена. Очень могъ бы испанецъ того времени, сравнивъ настоящее съ прошедшимъ, пожалѣть о своемъ отечествѣ, этомъ избранномъ мѣстопребыванiи рыцарства и романа, храбрости и вѣрности. Повелительница мiра, царица океана, гроза народовъ погибла; погибло ея могущество, погибло безвозвратно. Къ ней можно было бы примѣнить то горькое сѣтованiе, которое величайшiй изъ сыновъ человѣческихъ влагаетъ, въ менѣе важномъ случаѣ, въ уста умирающаго государственнаго мужа. Дѣйствительно, очень могъ опечаленный патрiотъ плакать безутѣшно надъ судьбою своей земли, своего государства, страны, гдѣ живутъ всѣ милые ему, своей дорогой любимой родины, которую онъ такъ долго любилъ за ея всемiрную славу и которая теперь была роздана по рукамъ, какъ какое-нибудь арендное имѣнiе или ферма.

Скучно и безполезно было бы разсказывать потери и неудачи Испанiи впродолженiе XVII ст. Непосредственная причина ихъ заключалась безспорно въ дурномъ управленiи и неспособности правителей; но настоящею и самою главною причиною, отъ которой зависѣлъ весь ходъ и характеръ событiй, было существованiе того духа раболѣпiя и угодничества, который заставлялъ испанскiй народъ подчиняться тому, что во всякой другой странѣ было бы отвергнуто, и, прiучивъ его слишкомъ полагаться на отдѣльныхъ лицъ, поставилъ страну въ то безвыходное положенiе, при которомъ нѣсколько неспособныхъ правителей должны были непремѣнно разрушить зданiе, воздвигнутое способными.

Усиленiе влiянiя испанскаго духовенства было первымъ и самымъ очевиднымъ послѣдствiемъ упадка энергiи испанскаго правительства. Такъ какъ раболѣпiе и суевѣрiе были главными составными частями нацiональнаго характера, а между тѣмъ и то и другое было плодомъ привычки къ слѣпому уваженiю, то и слѣдовало ожидать, что, если только не уменьшится это уваженiе, одна составная часть всегда будетъ увеличиваться на счетъ другой. Вотъ почему, какъ только испанское правительство впродолженiе XVII столѣтiя, вслѣдствiе своего крайняго безсилiя, утратило, несомнѣнно, часть той привязанности народа, которою оно прежде располагало, въ права его, естественнымъ образомъ, вступила церковь и, занявъ открывшееся мѣсто, прiобрѣла то, что растратила корона. Кромѣ того, слабость исполнительной власти поощряла притязанiя духовенства, которое осмѣливалось дѣлать такiе захваты, какихъ испанскiе государи XVI столѣтiя, при всемъ ихъ суевѣрiи, не допустили бы ни на одну минуту. Этимъ объясняется тотъ весьма поразительный фактъ, что въ то время, какъ въ другихъ важнѣйшихъ государствахъ, за исключенiемъ одной Шотландiи, власть

церкви уменьшалась въ XVII столѣтіи, въ Испаніи она увеличивалась. Послѣдствія этого вполнѣ достойны вниманія не только людей, занимающихся философіею исторіи, но и всякаго, кто заботится о благосостояніи своей страны, или кто принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи общественными дѣлами.

Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ послѣ смерти Филиппа на престолѣ Испаніи находился Филиппъ III, государь въ такой же мѣрѣ отличавшійся своею слабостью, въ какой предшественники его отличались дарованіями. Въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ испанцы привыкли исключительно руководствоваться волею своихъ королей, которые съ неутомимымъ трудолюбіемъ лично завѣдывали самыми важными дѣлами, а во всемъ остальномъ имѣли строжайшій надзоръ за своими министрами. Но Филиппъ III, нерадивый до безсмысленности, былъ неспособенъ къ подобному труду и вручилъ бразды правленія герцогу Лермѣ, который пользовался неограниченною властью въ теченіе 20 лѣтъ. У народа, до такой степени преданнаго своимъ королямъ, какъ испанцы, этотъ необыкновенный порядокъ вещей не могъ не ослабить вліянія исполнительной власти, такъ какъ, въ ихъ глазахъ, непосредственное и неизбѣжное вмѣшательство во все государя было существенно необходимо для управленія дѣлами и для благосостоянія націи. Лерма, зная это чувство, и сознавая, что его положеніе было весьма ненадежно, естественно желалъ подкрѣпить себя еще одною поддержкою, чтобы не исключительно зависѣть отъ милости короля. Поэтому онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ духовенствомъ, и отъ начала до конца своего продолжительнаго управленія дѣлалъ все, что могъ, для усиленія авторитета этого сословія. Такимъ образомъ, вліяніе, утраченное короною, перешло къ духовенству, совѣты котораго пріобрѣли большее значеніе, чѣмъ имѣли даже при суевѣрныхъ государяхъ XVI столѣтія. Въ этой сдѣлкѣ интересы народа были, конечно, забыты: благосостояніе его не входило въ общій планъ. Напротивъ, духовенство, признательное къ правительству за такое вниманіе къ его заслугамъ и за такое религіозное настроеніе, употребило все свое вліяніе въ его пользу, и, такимъ образомъ, ярмо двойнаго деспотизма сдавило крѣпче чѣмъ когда-либо шею того несчастнаго народа, которому приходилось теперь пожинать горькіе плоды своего продолжительнаго и постыднаго раболѣпія.

Усиленіе испанской церкви въ теченіе XVII столѣтія можетъ быть доказано всякаго рода свидѣтельствами. Монастыри и церкви размножались съ такою ужасающею быстротою и богатство ихъ доходило до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что даже Кортесы, при всемъ ихъ ничтожествѣ и смиреніи, рѣши-

лись на публичное предостереженіе. Въ 1626 году, только пять лѣтъ спустя послѣ смерти Филиппа III, они просили о принятіи какихъ-нибудь мѣръ къ предупрежденію, какъ говорили они, постоянныхъ захватовъ со стороны духовенства. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ Кортесы, собравшіеся въ Мадридѣ, объявили, что не проходитъ дня, чтобы міряне не лишались какой либо части своей собственности для обогащенія духовенства, и зло это, говорили они, дошло до такихъ размѣровъ, что въ Испаніи оказывается слишкомъ девять тысячъ монастырей, не считая женскихъ. Это замѣчательное показаніе не было, мнѣ кажется, никогда оспариваемо и достовѣрность его подтверждается многими другими обстоятельствами. Давила, жившій въ царствованіе Филиппа III, утверждаетъ, что въ 1623 году одни Доминиканскій и Францисканскій ордена уже заключали въ себѣ до тридцати двухъ тысячъ человѣкъ. Въ такой же пропорціи умножалось и остальное духовенство. Передъ смертью Филиппа III число священниковъ, служившихъ въ каѳедральномъ соборѣ Севильи, увеличилось до ста, а въ Севильской епархіи было четырнадцать тысячъ капеллановъ; въ Калаоррской же восемнадцать тысячъ. Казалось, не было никакой надежды выйти изъ этого ужаснаго положенія.

(Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Томъ II. Стр. 26 — 32 и 46 — 55).

7. МОРСКАЯ БИТВА ПРИ ЛЕПАНТО.

Фактъ, съ перваго взгляда не имѣющій исторической важности и въ то же время повидимому противорѣчащій религіознымъ догматамъ турокъ, однако же фактъ, установленный однимъ изъ ученѣйшихъ историковъ, что Кипрское вино было однимъ изъ поводовъ, которые побудили Селима II, сына и преемника Солимана Великолѣпнаго завоевать островъ Кипръ, одно изъ послѣднихъ укрѣпленій венеціанской республики на Архипелагѣ. Вопреки корану и строгому закону Солиманъ противъ употребленія вина османы XVI вѣка и особенно Селимъ II, заслужившій постыдное названіе *mest* (пьяница), питали особенное пристрастіе къ запрещенному напитку.

Срокъ мирнаго договора, заключеннаго въ 1540 г. между Венеціей и Портой, еще не окончился. Селиму II недоставало какого-либо важнаго повода нарушить его. Султанъ предложилъ великому муфтію вопросъ, дѣйствительно ли договоръ заставляетъ его сохранять миръ съ венеціанцами? Высшее духовное лицо отвѣтило, что халифъ только тогда можетъ заключить миръ съ невѣрны-

ми, когда онъ представляетъ выгоды для магометанъ. «Если эта цѣль не достигается», заключилъ фетва, «то законъ не признаетъ мира?»

Такимъ образомъ походъ противъ Кипра начался клятвонарушеніемъ и имъ окончился, когда въ августѣ 1571 года турки его завоевали. Послѣ осады Фамагосты, османскій повелитель не только нарушилъ данное имъ слово, но и поступилъ вопреки всякому международному и человѣческому праву. На островѣ только Фамагоста еще противостояла оружію врага; но наконецъ, принужденные голодомъ, жители Кипра должны были сдаться на капитуляцію, и предводитель турецкаго войска Лала Мустафа принялъ капитуляцію, подписавъ ее собственной рукой. Несмотря на это, онъ велѣлъ содрать кожу съ знаменитаго *Брагадино*, управителя Кипра, когда этотъ благородный венеціанецъ передалъ ему ключи отъ города! Онъ велѣлъ также обезглавить всю свиту Брагадино, состоявшую изъ 40 человѣкъ. Тогда османы стали обращаться съ Кипромъ, какъ съ завоеванной землей. 50 красивыхъ христіанскихъ дѣвицъ, потерявшихъ своихъ родныхъ, были уведены въ рабство на турецкихъ корабляхъ. Въ отчаніи плѣнницы поджигали пороховницы и, предпочитая смерть безчестію, вмѣстѣ съ развалинами горящаго корабля пропадали въ волнахъ.

Кипръ, послѣ годовой кровавой битвы, попалъ въ руки турокъ. Тогда же, благодаря стараніямъ *Пія V*, составлялась священная лига, которая, въ отплату за пролитую христіанскую кровь на Кипрѣ и въ другихъ мѣстахъ, нанесла смертельный ударъ Исламу при Лепантскомъ заливѣ.

25 сентября 1571 года изъ Мессины выступилъ флотъ изъ 230 кораблей, принадлежавшихъ папѣ, испанскому королю Филиппу II, венеціанской республикѣ, мальтійскому ордену и герцогу Савойскому, вооруженный 40,000 войскомъ подъ предводительствомъ *Донъ Жуана Австрійскаго*, незаконнорожденнаго сына Карла. Онъ отыскивалъ турецкій флотъ, состоявшій изъ 300 кораблей и 100,000 человѣкъ экипажа, который, узнавши о приготовленіяхъ христіанъ, крейсировалъ въ Средиземномъ морѣ. Союзники нашли турокъ въ Лепантскомъ заливѣ, гдѣ 16 вѣковъ раньше Октавіанъ Августъ и Маркъ Антоній боролись за господство надъ Римской Имперіей.

Благопріятный вѣтеръ вводитъ экипажъ въ заливъ, куда онъ входитъ съ распущенными парусами и развѣвающимися знаменами. Донъ Жуанъ располагаетъ свою эскадру по отдѣльнымъ линіямъ и ввѣряетъ команду надъ различными отрядами Доріи, папскому адмиралу Марку Антонію Колонно, венеціанскому адмиралу Веніеро, герцогу Пармскому, Александру Фарнезе, дядѣ Карла V по матери и начальнику Мальтійскаго ор-

дена въ Мессинѣ. Донъ Жуанъ въ качествѣ главнокомандующаго предводительствуетъ центромъ. Подобныя же распоряженія дѣлаетъ и капуданъ паша.

По данному сигналу христіанскіе борцы падаютъ на колѣна, произносятъ краткую молитву и поднимаются, снова увѣренные въ своемъ мужествѣ и защитѣ неба. Часъ пополудни 7-го октября 1571 года, и солнце открываетъ величественное зрѣлище, изливая потоки свѣта. Скрытое, торжественное ожиданіе воцаряется на обѣихъ эскадрахъ. Христіане и мусульмане съ оружіемъ въ рукахъ стоятъ на палубѣ, и повсюду можно замѣтить фитили тяжелой артиллеріи. Продолжительное и страшное молчаніе прерывается наконецъ холостымъ выстрѣломъ съ корабля капудана паши, какъ бы давая знать собою о вызовѣ христіанскому адмиралу. Донъ Жуанъ въ отвѣтъ посылаетъ тяжелое ядро. Затѣмъ начинается картечный градъ и ружейная пальба. Экипажи сбрасываютъ смерть съ боковъ, съ передней и задней части; далекое эхо Миссолунги, Патраса и Акціума отдаетъ громомъ тяжелой артиллеріи и дымъ пороху на нѣсколько мгновеній затемняетъ блескъ солнца.

Вскорѣ 530 экипажей становятся бокъ о бокъ и продолжаютъ сражаться только простымъ оружіемъ, корабль съ кораблемъ, человѣкъ съ человѣкомъ. Кровь течетъ въ море, которое оттого дѣлается краснымъ. Всякій христіанинъ является героемъ, каждый турокъ продаетъ свою жизнь слишкомъ дорого. Донъ-Жуанъ бросается на корабль турецкаго адмирала. Дважды прогнанный, онъ на третій разъ входитъ на абордажъ и завладѣваетъ кораблемъ. Его солдаты убиваютъ 500 янычаръ, защищавшихъ послѣдній. Капуданъ паша послѣ храбраго боя падаетъ. Венеціанскій матросъ отрѣзываетъ ему голову и приноситъ Донъ-Жуану, который съ отвращеніемъ отталкиваетъ ее, приказывая бросить ее въ море.

Сынъ Карла V въ блестящемъ вооруженіи держитъ копье въ одной рукѣ и, данное ему Піемъ V, знамя святаго Петра въ другой. Онъ водружаетъ знамя креста на непріятельскій корабль, ниспровергая полумѣсяцъ и восклицая: «Побѣда! Побѣда!» и всѣ его спутники повторяютъ тоже: «Побѣда! Побѣда!» Менѣе чѣмъ въ теченіе 5 часовъ остается 30,000 турокъ; 10,000 взяты въ плѣнъ, 15,000 христіанскихъ рабовъ получаютъ снова свободу, 55 турецкихъ кораблей сожжены или разбиты, 130 попало въ руки побѣдителей. Ночью на 8 октября Улудтъ-Али съ нѣсколькими разбитыми галерами, послѣдними остатками турецкаго могущества, тайно покидаетъ заливъ. Христіане потеряли только 15 галеръ и 8,000 человѣкъ. Въ числѣ раненыхъ западнаго флота находился Сервантесъ, творецъ Донъ-Кихота, которому непріятельское ядро отняло руку. «Этотъ не-

забвенный день», говоритъ онъ въ своемъ знаменитомъ романѣ, «сломилъ гордость османовъ и открылъ глаза міру, который турецкій флотъ считалъ непобѣдимымъ».

Донъ-Жуану австрійскому въ то время было 25 лѣтъ, теперь онъ сдѣлался героемъ всего христіанскаго міра, и Пій V примѣнялъ къ нему слова Евангелія: «И бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ!» Молодой полководецъ наружностью, геніемъ и энергіей походилъ на Карла V, но онъ владѣлъ еще и тѣмъ, чего не доставало его отцу, — честностью, добротой, открытымъ характеромъ и великодушіемъ. Онъ умеръ 33 лѣтъ отъ роду на пути къ побѣдѣ въ Нидерландахъ. Герой католицизма желалъ продолжать свою побѣду, 7 октября онъ желалъ направиться къ Константинополю и отнять у турокъ Кипръ и Родоссъ, что теперь уже не трудно было, такъ какъ непріятель не могъ оказать ему никакого сопротивленія. Но приказаніе испанскаго короля и происшедшій раздоръ между ранеными наложили оковы на его мужество, разстроивъ его завоевательные планы.

Съ перваго крестоваго похода и до похода 1571 года, бывшаго также крестовымъ, христіане рѣдко умѣли пользоваться своей побѣдой; они умѣли только побѣждать, повидимому довольствуясь этой славой. Флотъ Донъ Жуана раздѣлился, размѣстившись снова въ западныхъ гаваняхъ, и великій визирь Могамедъ Соколли, старый товарищъ Солимана и въ правленіе Селима II бывшій однимъ изъ столповъ османской монархіи, теперь могъ сказать венеціанскому консулу въ Константинополѣ: «Завоеваніемъ Кипра мы вамъ отрѣзали руку: вы же уничтоженіемъ нашего флота только обстригли намъ бороду; но отрѣзанная рука не выростетъ снова; межъ тѣмъ какъ обстриженная борода сдѣлается еще гуще».

Сравненіе настолько же оригинально, насколько и удачно; годъ спустя послѣ Лепантской битвы въ Золотомъ Рогу и Босфорѣ появился новый турецкій флотъ. Но если даже потеря людей и кораблей была скоро возстановлена, то все-таки Турція никогда не могла вполнѣ оправиться отъ понесеннаго ею удара при Лепанто. Здѣсь она потеряла свое моральное преобладаніе, которое около трехъ съ половиной вѣковъ служило для нея силой. Никакая побѣда ея не могла снять съ ея знаменъ того позора, какой доставилъ ей Донъ-Жуанъ австрійскій 7 октября 1571 года. Съ того дня и до настоящаго времени турецкая имперія постепенно падала и ея современныя попытки къ реформамъ не въ состояніи скрыть ея слабости.

(Dr. A. Schöppner. Charakterbilder der allgemeinen Geschichte, III. Theil; die neuere Geschichte, стр. 168).

8. ИЗГНАНІЕ МАВРОВЪ.

По смерти Филиппа II, на престолъ вступилъ сынъ его Филиппъ III. Это былъ флегматическій человѣкъ, неспобный заниматься правленіемъ и лѣнивый до невѣроятности. Онъ любилъ только пустой блескъ, былъ расточителенъ и дѣлалъ первыми министрами людей ничтожныхъ, лишь бы они умѣли забавлять его охотой, балами, праздниками и тому подобнымъ вздоромъ. Его министры, маркизъ Деніа, возведенный въ достоинство герцога Лермы, а потомъ сынъ его, герцогъ Уседа, были такъ же пусты, какъ и самъ король. Слѣдующіе два анекдота, за достовѣрность которыхъ мы впрочемъ не ручаемся, хорошо характеризуютъ неспособность и апатичность Филиппа III, какимъ его сдѣлало его придворно-монашеское воспитаніе. Разсказываютъ, что когда ему представили портреты двухъ французскихъ принцессъ, чтобы онъ выбралъ одну изъ нихъ себѣ въ жены, то онъ, боясь отца, не хотѣлъ выбирать самъ, предоставляя это отцу. Другой разъ онъ терпѣливо выдерживалъ очень долго удушливый жаръ жаровни, вслѣдствіе чего заболѣлъ и умеръ, не рѣшаясь ни самъ вынести ее, ни приказать кому-нибудь, пока не пришелъ придворный, которому по этикету слѣдовало выносить жаровни. Будь у него такой министръ, какъ Ришелье, онъ могъ бы управлять Испаніей, гдѣ нужна желѣзная рука и даже безъ бархатной перчатки, которую Бонапартъ находилъ нужной для Франціи. Но министры Филиппа были придворная сволочь, а не государственные люди. Герцогъ Лерма, которому Филиппъ III безусловно ввѣрилъ правленіе и самого себя, добивался кардинальства, которое въ случаѣ немилости могло оградить его отъ крайнихъ послѣдствій ея. Чтобы достигнуть этого званія, онъ послѣдовалъ убѣжденіямъ своего брата, великаго инквизитора, который склонялъ его поднять гоненіе на невѣрныхъ и насильно окрещенныхъ мавровъ, называемыхъ морисками. Это гоненіе началось какъ разъ въ то время, когда испанское правительство было вынуждено признать республику Соединенныхъ Нидерландовъ и готовилось вмѣшаться въ нѣмецкую войну.

Послѣ Филиппа II морисковъ оставили на время въ покоѣ, такъ какъ они приняли христіанство и крестились, оставаясь впрочемъ въ душѣ мусульманами. Однако взаимная ненависть между ними и христіанами не утихла, хотя они не думали ни возращаться къ исламу, ни затѣвать какихъ-нибудь смутъ, не имѣя ни сношеній съ своими единовѣрцами, ни тѣсной связи между собою. Ходили, правда, слухи о разныхъ замыслахъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ умовъ, о томъ, что они пытаются за-

вязать сношенія съ османами и маврами, такъ жестоко изгнанными изъ Испаніи Филиппомъ II; но все это были пустые толки. Дворянство и вообще землевладѣльцы считали для себя выгоднымъ щадить морисковъ, которые одни знали искусство орошенія земли, и пока испанскіе христіане праздновали свои безчисленные праздники, они прилежно трудились и были лучшими фермерами. Если бы мы не знали, что Филиппъ III былъ такъ неимовѣрно безпеченъ и лѣнивъ, что даже не хотѣлъ слушать словесныхъ докладовъ, то трудно было бы понять, какъ могъ онъ допустить такое варварское обращеніе съ важнѣйшей частью своихъ подданныхъ, преслѣдуемой по прихоти стараго попа, одурѣвшаго отъ схоластической учености, — какъ позволилъ онъ своему министру изгнать изъ Испаніи трудолюбивѣйшую часть населенія, особенно имѣя въ виду, что Испанія была и безъ того обезлюдена при Карлѣ V и Филиппѣ II эмиграціей въ Америку, войнами въ Индіи, безполезными походами въ Африку, Италію и Германію, нидерландской войной и изгнаніемъ мавровъ.

Судьба, постигшая мавровъ подъ управленіемъ герцога Лермы, позорнѣе самой Варѳоломеевской ночи для тѣхъ христіанъ, которые хотятъ возвысить религію на счетъ нравственности и здраваго смысла. Мы не можемъ пройти этого дѣла молчаніемъ, потому что только исторія трехъ послѣднихъ габсбургскихъ королей объясняетъ намъ, какимъ образомъ въ XVIII столѣтіи Испанія сдѣлалась игрушкой европейской дипломатіи, какъ нынче Турція. Въ ней, какъ теперь въ Турціи, прежняя жизнь замерла, и оставался только религіозный фанатизмъ, недопускавшій возможности разумнаго управленія. По точнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что больше всего пострадали провинціи Валенсія и Арагонія, именно тѣ, которыя благочестивый зачинщикъ этихъ злодѣйствъ хотѣлъ пощадить; это объясняется тѣмъ, что герцогъ Лерма, бывшій прежде намѣстникомъ Валенсіи, уже тогда принималъ тамъ жестокія мѣры.

Почти тотчасъ по смерти Филиппа II всѣмъ маврамъ, которые, несмотря на принятіе крещенія, придерживались еще мавританскихъ обычаевъ и религіозныхъ церемоній, было приказано въ теченіе года выѣхать изъ Испаніи. Въ іюнѣ 1599 великій инквизиторъ объявилъ маврамъ черезъ миссіонеровъ, разъѣзжавшихъ по всему государству, что папа по своему милосердію продлилъ этотъ срокъ до восемнадцати мѣсяцевъ. Однако и послѣ того правительство увидѣло, что невозможно возбуждать междоусобіе въ Испаніи, когда всѣ военныя и финансовыя средства государства нужны на войну въ Нидерландахъ. Поэтому распоряженіе оставалось безъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока его снова не поднялъ старый архіепископъ валенскій. Кар-

диналъ донъ-Хуанъ де Риберо, архіепископъ валенскій, номинальный патріархъ антіохійскій, считалъ сосѣдство людей не столь благочестивыхъ, какъ онъ, и одержимыхъ бѣсомъ до того, что они знать не хотятъ католическихъ догматовъ и обрядовъ, столь опаснымъ, что находилъ нужнымъ перерѣзать сотни тысячъ ихъ или по крайней мѣрѣ удалить отъ вѣрующихъ. Онъ представилъ королю Филиппу III записку, увѣщевая его Христовымъ именемъ поступить съ морисками безчеловѣчно. Впрочемъ для своихъ личныхъ выгодъ онъ хотѣлъ сдѣлать исключеніе. Имѣнія его церкви находились въ Валенсіи и Арагоніи; поэтому онъ не хотѣлъ, чтобы изгоняли тамошнихъ морисковъ, которые всего исправнѣе платили ему аренду. Въ запискѣ своей онъ объяснялъ, что мориски не такъ опасны тамъ, гдѣ они не смѣшаны съ христіанскимъ населеніемъ, а живутъ отдѣльно, какъ въ этихъ провинціяхъ, тогда какъ въ другихъ они состоятъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ вѣрующими и, слѣдовательно, заражаютъ ихъ своимъ невѣріемъ. Кромѣ того онъ увѣрялъ, будто далъ изъ доходовъ своего архіепископства значительную сумму на устройство коллегіи для мужчинъ и женщинъ изъ морисковъ, но что всѣ его старанія остались безплодными. Если даже онъ дѣйствительно далъ деньги, то сомнительно, чтобы онѣ были потрачены благоразумно.

Видя, что первая записка не произвела ни малѣйшаго дѣйствія, архіепископъ въ 1602 г. послалъ вторую. Къ чести испанской націи, и вторая записка осталась безъ послѣдствій, потому что два священника, имѣвшіе большое вліяніе на короля, не раздѣляли правовѣрнаго фанатизма кардинала де Риберо. То были духовникъ короля, Гаспаръ де Кордова, и кардиналъ Ксавьерра. На теологическіе доводы архіепископа они возражали столь же туманными и нелѣпыми разсужденіями. Мы скажемъ только, что возражали они фанатику съ политической и государственной точки зрѣнія. Эти доводы вполнѣ согласовались съ представленіями депутаціи валенскаго дворянства, которому грозила потеря всѣхъ доходовъ. Кардиналъ Ксавьерра и патеръ Кордова говорили, что страна обезлюдѣетъ, что фабрики, мануфактуры и рисовыя плантаціи погибнутъ, если послѣ всѣхъ потерь въ народонаселеніи, вслѣдствіе мавританской войны, преслѣдованій инквизиціи и переселеній въ Африку, Азію и Америку, будетъ изгнана самая дѣятельная и промышленная часть жителей Испаніи. Дѣйствительно, мориски трудились вмѣсто того, чтобы праздновать безпрестанно праздники, смотрѣть бой быковъ и молиться. Немудрено поэтому, что даже духовныя лица называли ихъ самой смирной и трудолюбивой частью населенія. Ксавьерра и духовникъ говорили прямо, что мориски— самые изобрѣтательные и искусные ремесленники Испаніи, и

что большая часть предметовъ внутренняго потребленія и вывоза, большинство фабрикъ и мануфактуръ только ими и держится; что, какъ всѣмъ извѣстно, безъ ихъ искусства и ихъ прилежанія большая часть земель подвергнется запущенію, и дворянство впадетъ въ страшную бѣдность, потому что живетъ только арендами съ своихъ имѣній.

Убѣжденія кардинала и духовника и просьбы дворянства Валенсіи побудили короля согласиться, по крайней мѣрѣ, на отсрочку. Но архіепископъ не унялся и прислалъ третью записку, доказывая необходимость силою удалить всѣхъ невѣрныхъ отъ вѣрующихъ. На этотъ разъ его поддерживалъ другой столь же благочестивый и основательно ученый богословъ, братъ всесильнаго министра Лермы, донъ Бернардо де Сандоваль, архіепископъ толедскій, великій инквизиторъ Испаніи, кардиналъ. Онъ взялъ у брата третью записку Риберо и воспользовался для своей цѣли тѣмъ обстоятельствомъ, что эмиссары англійскаго короля Іакова II и французскаго Генриха IV старались взволновать морисковъ. Архіепископъ окружилъ морисковъ шпіонами и подслушивателями, и нѣкоторые неосторожные поступки ихъ дали ему поводъ обвинить въ заговорѣ 400 человѣкъ; изъ числа этихъ арестованныхъ испанскій уголовный судъ осудилъ, кого хотѣлъ. Риберо, написавъ третью записку, согласился съ великимъ инквизиторомъ выпросить содѣйствія папы на изгнаніе морисковъ. Великій инквизиторъ самъ поѣхалъ въ Римъ, чтобы достать отъ Павла V бреве, которое должно было произвести рѣшительное дѣйствіе на такого государя, какъ Филиппъ III. Но благочестивые и высокопочтенные сановники весьма ошиблись въ разсчетѣ на папу. Павелъ не захотѣлъ брать на себя вину ихъ преступленія и не далъ бреве. Когда впослѣдствіи Бледа, разсказывающій эту исторію въ испанскомъ духѣ, вторично просилъ у него бреве, папа велѣлъ выслать его изъ Рима. Онъ сказалъ, что мориски по крещенію христіане, и что поэтому ихъ надо обучать и стараться примирить съ христіанскимъ богослуженіемъ, а не гнать.

По возвращеніи великаго инквизитора изъ Рима, преслѣдователи стали дѣйствовать уже по собственному усмотрѣнію. Такъ какъ папа указывалъ имъ на крещеніе морисковъ, то фанатики назначили коммиссію изъ богослововъ, которые должны были разсмотрѣть это дѣло. Это собраніе благочестивыхъ и ученыхъ богослововъ было названо хунтой Валенсіи. Окончивъ въ мартѣ 1607 свои совѣщанія, хунта снеслась съ исполнительной коммиссіей, которую король назначилъ въ Мадридѣ. Для нашей цѣли достаточно привести только окончательный выводъ, къ которому пришли эти богословы. Они вывели такое заключеніе: «Крещеніе мавровъ надо объявить недѣйствительнымъ; какъ послѣднюю

милость, можно сдѣлать еще попытку обратить ихъ, и если послѣ того они вновь не примутъ крещенія, то всѣхъ ихъ изгнать». Въ іюлѣ 1609 герцогъ Лерма доложилъ королю, что необходимо изгнать всѣхъ морисковъ. По словамъ Бледы, богобоязненнаго разсказщика безбожныхъ дѣлъ, король отвѣчалъ вполнѣ характеристично: «О, это великій переворотъ; ну, герцогъ, дѣйствуйте!» Августа 4 вышелъ королевскій приказъ объ изгнаніи морисковъ; въ немъ было сказано, чтобы изгнаніе началось съ Валенсіи.

Милиція Валенсіи, Леона и Кастиліи, легкая гвардейская кавалерія и тяжелая кастильская конница были двинуты къ границамъ Валенсіи; 63 галеры съ войсками прибыли изъ Майорки, и 14 галіотовъ крейсировали между Аликанте и Алжезирасомъ. Наконецъ изъ Антверпена былъ вызванъ донъ-Аугусто де Мехія, долго и храбро служившій генераломъ въ Нидерландахъ. Дѣло намѣревались вести по-военному. Августа 20 Мехія самъ пріѣхалъ въ Валенсію, чтобы переговорить съ вице-королемъ и архіепископомъ. Онъ былъ очень удивленъ, найдя вице-короля готовымъ на все, но архіепископа въ негодованіи на приказаніе начать дѣло съ Валенсіи, такъ какъ онъ и въ запискахъ своихъ просилъ объ исключеніи изъ гоненія Валенсіи и Арагоніи, гдѣ находились помѣстья его церкви. Архіепископъ протестовалъ и сталъ смотрѣть иначе на всю эту кашу, которую самъ заварилъ. Мехія не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на его протесты, такъ что онъ обратился съ жалобой къ министру и его брату, инквизитору. «И такъ, почтенные отцы, писалъ онъ имъ: — намъ придется теперь жить на хлѣбѣ и капустѣ и самимъ чинить себѣ башмаки!» Дворянство Валенсіи еще разъ пыталось исходатайствовать отмѣну разорительнаго распоряженія; но король твердо стоялъ на своемъ, и кончилось тѣмъ, что само дворянство дало еще денегъ на выполненіе этого распоряженія.

Съ 21 сентября 1609 до 1 марта 1610 приговоръ противъ морисковъ исполнялся во всей строгости, какъ противъ еретиковъ, отступниковъ, измѣнниковъ и преступниковъ, оскорбившихъ божеское и человѣческое величество и осужденныхъ на изгнаніе въ Африку. Имъ позволено было идти, куда угодно, брать изъ движимаго имущества, сколько могутъ унести на себѣ, а съ произведеній полей брать только необходимое для дороги. Имъ было строжайше запрещено что-либо зарывать, сжигать или портить, потому что все остающееся послѣ ихъ поступало въ собственность землевладѣльцевъ. О томъ, какъ выполнялся приговоръ, мы знаемъ только по пристрастнымъ разсказамъ Бледы и Фонсеки, писателей, считавшихъ всякое преслѣдованіе и истребленіе людей, невѣрующихъ въ обряды и догматы папизма,

дѣломъ полезнымъ и вполнѣ христіанскимъ. Судя по ихъ разсказамъ, владѣтели городовъ и помѣстій, жители которыхъ были безъ милосердія изгнаны, лишены всего имущества, выброшены на пустой и дикій берегъ по ту сторону моря, поступали великодушно и человѣколюбиво. Король, его министры и духовенство дѣйствовали грубо и тиранически, а народъ поступалъ варварски. Изгнанники были выселены изъ райскихъ окрестностей Валенсіи въ необитаемыя африканскія пустыни, такъ что завидовали тѣмъ изъ соплеменниковъ своихъ, которые погибли на родинѣ или на пути. Чтобы показать послѣдствія для Испаніи этой жестокой мѣры, называвшейся христіанскою, мы сообщимъ лишь нѣкоторыя цифры, придерживаясь самыхъ умѣренныхъ разсчетовъ. Множество морисковъ было изрублено и перебито на корабляхъ и выброшено въ море; но числа этихъ несчастныхъ опредѣлить невозможно, равно какъ и тѣхъ, которые укрылись въ горахъ и были тамъ истреблены. Мы скажемъ только, сколько изгнанниковъ было посажено на корабли, и замѣтимъ, что большая часть ихъ погибла въ морѣ отъ голода и нужды, другіе попались въ руки прибрежныхъ бедуиновъ, а остальные блуждали въ пустынѣ безъ всякихъ средствъ. Считается, что въ гаваняхъ Валенсіи сѣло на корабли около 150,000. Изъ нихъ едва двѣ трети достигли мѣста своего назначенія. Король бралъ всѣхъ, кто какъ-либо уклонялся отъ выселенія, и ссылалъ ихъ на галеры рабами. Беря общую сумму высланныхъ и убитыхъ, можно полагать, что Валенсія потеряла по крайней мѣрѣ 200,000 трудолюбивѣйшихъ жителей.

Послѣдствія этой военной мѣры, принятой для охраненія чистыхъ догматовъ христіанства, не замедлили оказаться въ Валенсіи. Несмотря на это, король и министры не побоялись изгнать такимъ же образомъ множество трудолюбивыхъ обитателей изъ Кастиліи, Андулузіи, Мурсіи, Каталоніи и Арагоніи. Въ этихъ провинціяхъ изгнаніе совершалось съ ноября 1609 до сентября 1610. Кастильскіе мориски до 2 января 1610, когда вышелъ декретъ и противъ нихъ, оставались равнодушными зрителями гоненія. Зато въ Андалузіи болѣе 20,000 морисковъ переѣхали въ Фецъ прежде, чѣмъ дѣло дошло до насилія. Чтобы имѣть предлогъ строже поступить съ морисками Андалузіи и Мурсіи, ихъ обвинили въ заговорѣ и приказали выѣхать изъ страны, запретивъ брать съ собой маленькихъ дѣтей. Тогда изъ Андалузіи, гдѣ все уже давно было готово, выѣхало 60,000 мусульманъ въ Севилью, откуда они переправлялись или въ Фецъ или въ прибрежные африканскіе города. Изъ одной Мурсіи донъ Луисъ де Фаярдо перевезъ въ Алжиръ 6,552 человѣка. Кастильскіе мавры продали все, что могли, и 20,000 изгнанниковъ выѣхали сухимъ путемъ; они дошли до границы Наварры, гдѣ

узнали, что французское правительство не хочетъ пропустить ихъ во Францію. Точно также было отказано и другому каравану мавровъ, шедшему изъ Арагоніи. При этомъ извѣстіи 44,000 каталонцевъ сѣло на корабли въ Пуэрто-де-лосъ-Альфакесъ и въ Ла-Рапита, а 64,000 арагонцевъ продолжали свой путь во Францію, и изнуренные и обнищавшіе достигли беарнской границы. Въ Беарнэ надъ ними сжалился намѣстникъ Наварры и Беарна, герцогъ де Ла Форсъ, протестантъ; онъ заключилъ съ маркизомъ Айтоной договоръ о переходѣ ихъ черезъ французскую границу, получивъ предварительно позволеніе регентши Маріи Медичи. Французы обращались съ изгнанниками, лишенными почти всего достоянія, едва ли не такъ же безжалостно, какъ испанцы. Несчастные мориски устроили у себя общую кассу, изъ которой каждому лицу выдавалось 10 реаловъ на путевые расходы. Такимъ образомъ они путешествовали по Франціи до Ажда, гдѣ садились на корабли. Пропустивъ арагонцевъ, нельзя было не пропустить кастильцевъ, ожидавшихъ у границы въ числѣ 150,000 душъ. Ихъ пропустили черезъ провинцію Лангедокъ, гдѣ управляющій д'Ожіе позволялъ себѣ противъ нихъ такія возмутительныя притѣсненія, что на него подали въ судъ жалобу, и парижскій парламентъ призналъ его виновнымъ.

Въ Испаніи преслѣдованіе продолжалось еще два года. Наконецъ было издано повелѣніе обращать въ рабство всѣхъ морисковъ, которые еще окажутся въ предѣлахъ государства. Общаго числа жителей, потерянныхъ Испаніей, опредѣлить невозможно. Болѣе другихъ заслуживаетъ довѣрія цифра, найденная графомъ де Сиркуромъ, который считаетъ эту потерю въ 600,000 душъ.

Всемірная Исторія Ф. Шлоссера, т. XIV, стр. 340—349.

9. Экономическія послѣдствія изгнанія мавровъ.

Въ 1602 году архіепископъ Валенсіи представилъ Филиппу III записку, направленную противъ морисковъ; найдя, что его взгляды дружно поддерживаются духовенствомъ и непріятны коронѣ, онъ повторилъ ударъ, пустивъ въ ходъ другую записку по тому же предмету. Говоря тономъ человѣка, имѣющаго авторитетъ, и будучи, по своему сану и положенію, естественнымъ представителемъ испанской церкви, архіепископъ увѣрилъ короля, что всѣ бѣдствія, постигшія монархію, были причинены присутствіемъ въ ней этихъ невѣрныхъ, которыхъ теперь необходимо искоренить, подобно тому какъ Давидъ сдѣлалъ съ филистимлянами, и Саулъ съ амалекитянами. Онъ объявилъ, что

Армада, высланная Филиппомъ II, въ 1588 году, противъ Англіи, погибла отъ того, что Богъ не хотѣлъ даровать успѣха даже этому благочестивому предпріятію, пока люди, участвовавшіе въ немъ, оставляли въ покоѣ еретиковъ у себя дома. По той же будто бы причинѣ не удалась и послѣдняя экспедиція въ Алжиръ; такъ какъ Богу было, очевидно, угодно, чтобы ничто не имѣло успѣха, пока въ Испаніи находятся еще отступники. Поэтому архіепископъ заклиналъ короля изгнать всѣхъ морисковъ, исключая такихъ, которыхъ можно было приговорить къ работамъ на галерахъ, или обратить въ рабовъ и заставить работать въ рудникахъ Америки. Это, прибавилъ онъ, сдѣлаетъ царствованіе Филиппа славнымъ въ глазахъ всего потомства и поставитъ его превыше всѣхъ его предшественниковъ, которые очевидно пренебрегали, въ этомъ дѣлѣ, своими прямыми обязанностями.

Эти увѣщанія, кромѣ того, что были согласны съ извѣстными взглядами испанской церкви, нашли горячую поддержку въ личномъ вліяніи архіепископа толедскаго, примаса Испаніи. Въ одномъ только отношеніи онъ не соглашался со взглядами, проводимыми архіепископомъ Валенсіи. Послѣдній полагалъ, что на дѣтей, моложе семи лѣтъ, не должно распространяться это общее изгнаніе, такъ какъ они могли, безъ всякой опасности для вѣры, быть разлучены съ родителями и оставлены въ Испаніи. Противъ этого сильно возсталъ архіепископъ толедскій. Онъ сказалъ, что не желаетъ подвергать чистую христіанскую кровь опасности смѣшенія съ кровью невѣрныхъ, и объявилъ, что онъ скорѣе согласился бы сразу предать мечу всѣхъ ихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ и дѣтей, чѣмъ оставить хоть одного изъ нихъ на соблазнъ всей страны.

Истребить всѣхъ морисковъ, вмѣсто того чтобы изгнать ихъ, было желаніемъ могущественной партіи въ церкви, которая думала, что такое примѣрное наказаніе произведетъ благое дѣйствіе, поразивъ ужасомъ еретиковъ во всѣхъ другихъ странахъ. Бледа, знаменитый доминиканецъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей своего времени, желалъ, чтобы это было выполнено и выполнено строго. Онъ сказалъ, что для примѣра слѣдуетъ перерѣзать всѣхъ морисковъ въ Испаніи, такъ какъ невозможно узнать, кто изъ нихъ христіанинъ въ душѣ; и что слѣдуетъ предоставить это дѣло Богу, который знаетъ своихъ вѣрныхъ слугъ и вознаградитъ въ будущей жизни тѣхъ изъ пострадавшихъ, которые были истинными католиками.

Становилось очевидно, что судьба несчастныхъ остатковъ нѣкогда славнаго народа была отнынѣ рѣшена. Религіозность Филиппа III не позволяла ему спорить съ церковью, а его министръ Лерма, не желая рисковать своимъ вліяніемъ, избѣгалъ и тѣни

оппозиціи. Въ 1609 году онъ объявилъ королю, что изгнаніе морисковъ сдѣлалось необходимымъ. «Рѣшеніе великое», отвѣчалъ Филиппъ, «да будетъ оно исполнено». И оно было исполнено со страшнымъ варварствомъ. Около милліона самыхъ трудолюбивыхъ жителей Испаніи были травимы, какъ дикіе звѣри потому только, что искренность ихъ религіозныхъ убѣжденій казалась сомнительною. Многіе были убиты, когда приблизились къ берегу; другихъ били и грабили, а большинство, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, отправилось въ Африку. Во время переѣзда экипажи многихъ судовъ возставали на нихъ, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ и бросали въ море дѣтей. Тѣ, которые избѣгли этой участи, высадились на варварійскій берегъ, гдѣ на нихъ напали бедуины и многіе изъ нихъ были убиты. Другіе пробрались въ пустыню и погибли съ голода. О числѣ дѣйствительно погибшихъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но говорятъ, на основаніи весьма достовѣрныхъ источниковъ, что въ одной изъ экспедицій, въ которой до 140,000 человѣкъ было отправлено въ Африку, болѣе 100,000 погибли самою ужасною смертью, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ своего изгнанія изъ Испаніи.

Теперь впервые церковь дѣйствительно торжествовала. Впервые не было видно ни одного еретика на всемъ пространствѣ отъ Пиренеевъ до Гибралтарскаго пролива. Всѣ были правовѣрны — всѣ были вѣрны королю. Всѣ жители этой обширной страны слушались церкви и боялись короля. Полагали, что слѣдствіемъ этой счастливой идеи будетъ благосостояніе и величіе Испаніи; что имя Филиппа сдѣлается безсмертно и что потомство не надивится этому геройскому подвигу, съ помощью котораго послѣдніе остатки невѣрнаго племени были изгнаны изъ Испаніи. Тѣ, которые хоть сколько-нибудь участвовали въ этомъ славномъ дѣяніи, ожидали себѣ въ награду самыхъ избранныхъ благъ. Сами они и ихъ семейства думали стать подъ непосредственное покровительство небесъ. Полагали, что земля будетъ приносить имъ больше плодовъ и деревья будутъ рукоплескать имъ. Вмѣсто терновника, возрастутъ смоковницы, вмѣсто шиповника — мирты. Теперь начнется, будто бы, новая эра, и Испанія, очищенная отъ ереси, будетъ наслаждаться довольствомъ, и люди, живя въ безопасности, будутъ спать подъ сѣнью своихъ собственныхъ виноградниковъ, мирно воздѣлывать свои сады и вкушать плоды посаженныхъ ими деревьевъ.

Вотъ что сулила церковь и чему вѣрилъ народъ. Наше дѣло разсмотрѣть, до какой степени ожиданія эти сбылись и каковы были послѣдствія образа дѣйствія, внушеннаго церковью и встрѣченнаго привѣтствіемъ народа и жаркимъ одобреніемъ величайшихъ изъ геніевъ, какихъ произвела Испанія.

Послѣдствія такого образа дѣйствія, для матеріальнаго благосостоянія Испаніи, могутъ быть изображены въ немногихъ словахъ. Почти каждая мѣстность въ ней лишалась цѣлой массы трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и искусныхъ ремесленниковъ. Лучшія изъ извѣстныхъ тогда системъ хозяйства примѣнялись морисками, которые обработывали и орошали почву съ неутомимымъ стараніемъ. Разведеніе риса, хлопка и сахарнаго тростника, производство шелка и бумаги находились почти исключительно въ ихъ рукахъ. Съ изгнаніемъ ихъ, все это вдругъ разстроилось, и большею частью разстроилось навсегда, потому что испанскіе христіане считали подобныя занятія ниже своего достоинства. По ихъ мнѣнію, война и религія представляли единственныя два поприща, на которыхъ стоило подвизаться. Сражаться за короля, или вступить въ духовное званіе считалось дѣломъ, достойнымъ уваженія, все же остальное было ничтожно и грязно. Поэтому, когда мориски были изгнаны изъ Испаніи, некому было занять ихъ мѣсто; ремесло и мануфактурное производство или упали, или совершенно исчезли, и обширныя пространства пахотной земли оставались необработанными. Нѣкоторыя изъ самыхъ богатыхъ мѣстностей Валенсіи и Гранады были такъ запущены, что недоставало продовольствія даже для того скуднаго населенія, какое тамъ оставалось. Цѣлые округи вдругъ опустѣли и до самаго нашего времени остались незаселенными. Эти пустыни дали убѣжище контрабандистамъ и разбойникамъ, которые смѣнили прежнихъ трудолюбивыхъ жителей; говорятъ даже, что время изгнанія морисковъ должно считать началомъ существованія тѣхъ правильно организованныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя сдѣлались съ тѣхъ поръ бичемъ Испаніи и которыхъ ни одно изъ послѣдующихъ правительствъ не было въ состояніи совершенно уничтожить.

Къ этимъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ присоединились другія, иного и, если можно, еще болѣе серіознаго свойства. Побѣда, одержанная духовенствомъ, увеличила какъ его могущество, такъ и его значеніе въ общественномъ мнѣніи. Впродолженіе остальныхъ годовъ XVII столѣтія, не только интересы духовенства ставились выше интересовъ мірянъ, но о послѣднихъ никто даже и не думалъ. Самые великіе люди, почти всѣ безъ исключенія, вступали въ духовное сословіе и всякія свѣтскія соображенія, всякія выгоды свѣтской политики были въ пренебреженіи и ни во что не ставились. Никто ничего не изслѣдовалъ, никто ни въ чемъ не сомнѣвался, никто не осмѣливался спросить, все-ли это такъ, какъ быть должно. Умы людей, обезсиленные, падали ницъ. Въ то время, какъ всѣ другія страны двигались впередъ, одна Испанія обращалась вспять. Всѣ другія страны дѣлали

какія-нибудь приращенія къ знанію, созидали какія-нибудь новыя искусства, или расширяли предѣлы какой-нибудь науки; Испанія же, погруженная въ какое-то оцѣпенѣніе, какъ-бы мертвая, околдованная, обвороженная проклятымъ суевѣріемъ, поглощавшимъ всѣ ея силы, — представляла Европѣ единственный примѣръ постояннаго упадка. Для нея не оставалось болѣе никакой надежды, и подъ конецъ XVII столѣтія весь вопросъ былъ только въ томъ, чьей рукой будетъ нанесенъ ударъ, который раздробитъ эту нѣкогда могущественную имперію, осѣнявшую собою весь міръ и въ самомъ даже разрушеніи своемъ поражавшую размѣрами своихъ обломковъ.

Указать различные моменты въ постепенномъ упадкѣ Испаніи почти невозможно, такъ какъ даже сами испанцы, подъ вліяніемъ слишкомъ поздно овладѣвшаго ими стыда, не рѣшались писать о томъ, что составило бы только исторію ихъ униженія; такъ что не сохранилось подробныхъ сказаній о злополучныхъ царствованіяхъ Филиппа IV и Карла II, обнимающихъ почти 80-лѣтній періодъ времени.

Нѣкоторые факты, однакожъ, я имѣлъ возможность собрать, и они весьма знаменательны. Въ началѣ XVII столѣтія народонаселеніе Мадрида доходило до 400,000 человѣкъ; въ началѣ же XVIII оно не составляло и 200,000. Севилья, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Испаніи, имѣла въ XVI столѣтіи болѣе 16,000 ткацкихъ станковъ, дававшихъ занятіе ста тридцати тысячамъ человѣкъ. Въ царствованіе Филиппа V это число станковъ сократилось до 300; а въ отчетѣ, представленномъ Кортесами Филиппу IV въ 1662 году, говорится, что городъ заключаетъ въ себѣ только четвертую часть прежняго населенія, и что даже оливковыя рощи и виноградники, разводимые въ его окрестностяхъ, и составлявшіе значительную часть его богатства, находятся теперь почти въ совершенномъ пренебреженіи. Толедо, въ половинѣ XVI столѣтія, имѣлъ болѣе пятидесяти шерстяныхъ мануфактуръ, а въ 1865 году ихъ было уже только тринадцать, — почти вся торговля прекратилась съ уходомъ морисковъ, которые перевели ее въ Тунисъ. По той же самой причинѣ, производство шелка, которымъ славился Толедо, совершенно прекратилось, и почти сорокъ тысячъ человѣкъ, находившихся въ зависимости отъ этого производства, лишились всякихъ средствъ къ существованію. Другія отрасли промышленности подверглись той же участи. Въ XVI столѣтіи и въ началѣ XVII Испанія славилась производствомъ перчатокъ, которыхъ выдѣлывалось огромное количество; ихъ вывозили въ разныя страны; особенно цѣнились онѣ въ Англіи и Франціи, и достигали даже Индіи. Но Мартинецъ де Мата, писавшій въ 1655 году, увѣряетъ насъ, что въ его время этотъ источникъ

богатства изсякъ, производство перчатокъ совершенно прекратилось, хотя прежде, добавляетъ онъ, оно существовало въ каждомъ городѣ Испаніи. Въ нѣкогда цвѣтущей провинціи Кастиліи все приходило въ разрушеніе, даже Сеговія лишилась своихъ мануфактуръ и сохранила только память о своемъ прежнемъ богатствѣ. Такъ же быстро падалъ и Бургосъ; торговля этого славнаго города погибла, и пустыя улицы и покинутые дома представляли такую картину запустѣнія, что одинъ современникъ, пораженный этимъ разрушеніемъ, торжественно объявилъ, что Бургосъ лишился всего, кромѣ своего имени. Въ другихъ округахъ результаты были столь же пагубны. Прекрасныя южныя провинціи, щедро одаренныя природою, были въ прежнее время такъ богаты, что въ плохіе годы сборомъ съ нихъ однѣхъ достаточно пополнялась государственная казна; теперь же онѣ такъ быстро обѣднѣли, что въ 1640 году оказалось почти невозможнымъ обложить ихъ такою податью, которая была бы производительна. Въ теченіе послѣдней половины XVII столѣтія дѣла стали еще хуже, и нищета и бѣдствіе народа превосходили всякое описаніе. Въ деревняхъ, близъ Мадрида, жители буквально голодали; и тѣ изъ фермеровъ, у которыхъ были запасы пищи, не хотѣли продавать её, какъ-бы ни нуждались въ деньгахъ, потому что боялись, чтобъ ихъ собственнымъ семействамъ не пришлось умереть съ голода. Вслѣдствіе этого столицѣ угрожала опасность голодной смерти, и какъ обыкновенныя угрозы не имѣли никакого дѣйствія, то въ 1664 году признано было необходимымъ, чтобъ президентъ Кастиліи, съ вооруженною силою и въ сопровожденіи палача, объѣзжалъ окрестныя деревни и принуждалъ жителей привозить припасы на рынки Мадрида. По всей Испаніи преобладало такое же лишеніе. Эта нѣкогда богатая и цвѣтущая страна была наводнена толпами монаховъ и другаго духовенства, ненасытная жадность которыхъ поглощала и тѣ скудные достатки, какіе еще можно было найти въ ней. Вотъ отчего правительство было почти безъ гроша и ни откуда не получало помощи. Сборщики податей, обязанные пополнить этотъ недостатокъ, прибѣгали къ самымъ отчаяннымъ средствамъ. Они не только захватывали весь домашній скарбъ, но и снимали кровли съ домовъ и продавали эти матеріалы за какую бы то ни было цѣну. Жители принуждены были бѣжать; поля оставались необработанными, массы людей умирали отъ нужды и всякихъ бѣдствій; цѣлыя деревни опустѣли, и во многихъ городахъ, подъ конецъ XVII столѣтія, болѣе двухъ третей домовъ пришли въ совершенное разрушеніе.

Посреди этихъ бѣдствій Испанія упала духомъ и потеряла всякую энергію. Во всемъ стало проявляться отсутствіе силы и

жизни. Испанскія войска были разбиты при Рокруа въ 1643 г., и сраженію этому нѣкоторые историки приписываютъ уничтоженіе военной славы Испаніи. Но въ сущности, пораженіе это было только однимъ изъ многихъ признаковъ ея ослабленія. Въ 1656 году предположено было снарядить небольшой флотъ; но прибрежное рыболовство было въ такомъ упадкѣ, что оказалось невозможнымъ найти достаточное число матросовъ даже для немногихъ кораблей. Составленныя, въ прежнее время, морскія карты были теперь или потеряны, или оставляемы безъ употребленія, и невѣжество испанскихъ лоцмановъ было такъ велико, что никто не хотѣлъ довѣряться имъ. Что же касается военной части, то въ одномъ разсказѣ объ Испаніи въ концѣ XVII столѣтія утверждаютъ, что большая часть войскъ покинули свои знамена, а немногія, оставшіяся вѣрными, были одѣты въ лохмотья, не получали жалованья и умирали съ голода. Въ другомъ разсказѣ, эта нѣкогда могущественная монархія представляется крайне беззащитною: пограничные города безъ гарнизона; укрѣпленія запущены и полуразрушены; магазины безъ провіанта; арсеналы пусты, мастерскія безъ употребленія и даже искусство кораблестроенія совершенно утрачено.

Въ то время какъ вся страна вообще томилась такимъ образомъ, какъ бы пораженная какимъ-нибудь смертельнымъ недугомъ, въ столицѣ, на глазахъ короля, происходили самыя ужасныя сцены. Жители Мадрида голодали, а произвольныя мѣры, принятыя для снабженія ихъ пищею, могли только принести временное облегченіе. Многія лица падали отъ изнеможенія на улицахъ и тутъ же умирали; иныхъ видѣли умирающими на большихъ дорогахъ, но никто не имѣлъ чѣмъ накормить ихъ. Наконецъ народъ пришелъ въ отчаяніе и сбросилъ всякую узду. Въ 1680 году, въ Мадридѣ не только рабочіе, но и огромное число торговцевъ, соединялись въ шайки, вламывались въ частные дома и среди бѣлаго дня грабили и убивали жителей. Въ теченіе остальныхъ 20 лѣтъ XVII столѣтія столица Испаніи была въ состояніи не возмущенія, а анархіи. Общество было распущено и повидимому разлагалось на составныя части. По искреннему выраженію одного современника, свобода и стѣсненіе были одинаково неизвѣстны. Обыкновенныя отправленія исполнительной власти были прерваны. Полиція Мадрида, не получая заслуженнаго жалованья, разошлась и предалась грабежу. Казалось, не было никакихъ средствъ исправить всѣ эти бѣдствія. Казначейство было пусто, и пополнить его не было возможности. Бѣдность двора доходила до того, что не было денегъ на уплату жалованья домашней прислугѣ короля и на ежедневныя хозяйственныя издержки. Въ 1693 г. прекращена была выдача всякихъ пожизненныхъ пенсій, и всѣмъ чиновни-

камъ и министрамъ короны уменьшено было жалованье на одну треть. Ничто, однако, не могло остановить зла. Голодъ и бѣдность продолжали увеличиваться. Въ 1699 году, Стэнгопъ, тогдашній англійскій посланникъ въ Мадридѣ, пишетъ, что не проходило ни одного дня, чтобы не случилось убійства въ дракѣ изъ-за хлѣба; что его собственный секретарь видѣлъ пять женщинъ, задушенныхъ толпою передъ пекарнею, и что къ довершенію всѣхъ несчастій недавно нагрянули еще въ столицу слишкомъ 20,000 нищихъ изъ деревень.

Еслибы подобный порядокъ вещей сохранился еще на одно поколѣніе, то произошла бы самая дикая анархія, и окончательно распался бы весь общественный строй. Одно, что оставалось для Испаніи, чтобы спастись отъ возвращенія къ первобытному варварству, это подпасть, и подпасть какъ можно скорѣе, подъ чужеземное владычество. Подобная перемѣна была необходима, но можно было опасаться, что она осуществится въ формѣ особенно ненавистной для народа. Въ концѣ XVII столѣтія Цейта была осаждаема магометанами; а какъ испанское правительство не имѣло ни войскъ, ни кораблей, то сильно боялись за судьбу этой важной крѣпости; между тѣмъ не было никакого сомнѣнія, что, въ случаѣ ея паденія, Испанія будетъ вновь наводнена невѣрными, которымъ по крайней мѣрѣ въ то время, не трудно было бы справиться съ народомъ, ослабленнымъ страданіями, полуголоднымъ и почти окончательно изнеможеннымъ.

(Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Томъ II, стр. 68—92).

IV.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ЭПОХУ СТЮАРТОВЪ.

1. ТРАГИЧЕСКАЯ УЧАСТЬ ЭТОЙ ДИНАСТІИ. — ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА, ОБЩІЯ ВСѢМЪ ЧЛЕНАМЪ ЕЯ. — СТРЕМЛЕНІЯ СТЮАРТОВЪ; ИХЪ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ.

Ровно за столѣтіе до французской революціи, въ Англіи послѣдовалъ конецъ другой революціи, не менѣе важной. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1688 года, среди ночи и густаго тумана, послѣдній король изъ дома Стюартовъ, Іаковъ II, оставилъ тайкомъ вайтгольскій дворецъ, сѣлъ на маленькую рыбачью барку и бѣжалъ въ сосѣднюю Францію, ища въ ней убѣжища и спасенія. Въ то время съ противоположной стороны вступали въ Лондонъ, одни за другими, шотландскіе и голландскіе полки и, вслѣдъ за ними, вошелъ въ столицу и самъ вождь ихъ — Вильгельмъ Оранскій, явившійся въ Англію по призыву націи. Въ другой разъ уже въ теченіе XVII столѣтія англійская нація разрывала связь съ Стюартами; но на этотъ разъ разрывъ былъ окончателенъ. Нѣтъ во всей исторіи другой династіи, участь которой была бы въ такой степени трагическая, которая испытала бы столько несчастій, столько внезапныхъ перемѣнъ судьбы, какъ Стюарты; но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣтъ другой династіи, которая возбуждала бы и меньше симпатіи и меньше сожалѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ они явились на сценѣ міра маленькими королями Шотландіи, до самой грустной кончины послѣдняго изъ нихъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, вся исторія этого дома — одна безпрерывная, ужасная драма. Рѣдкому изъ Стюартовъ удавалось умереть естественной смертью; многіе изъ нихъ проводили большую часть жизни или умирали въ изгнаніи. Перваго Іакова Стюарта страшнымъ образомъ зарѣзали въ его спальнѣ шотландскіе бароны. Тѣ же мятежные и необузданные бароны отравили всю жизнь Іакова

Втораго. Онъ вывелъ противъ замка одного непокорнаго подданнаго новыя еще тогда и неуклюжія пушки; одна изъ нихъ лопнула и осколкомъ положила его на мѣстѣ. Третій Іаковъ былъ убитъ въ открытомъ сраженіи съ возставшими баронами. Іаковъ Четвертый палъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ шотландскаго дворянства въ битвѣ съ англичанами. Неповиновеніе бароновъ свело съ ума Іакова Пятаго. Дочь его, блестящая Марія Стюартъ, была низложена и заключена въ тюрьму шотландскими пресвитеріанцами. Предавшись въ руки своей соперницы, она умерла смертью, какою короли не умираютъ. Сына ея, Іакова, долго держали въ плѣну шотландскіе фанатики. Этотъ Іаковъ кончилъ жизнь спокойно, но игралъ самую жалкую роль на англійскомъ престолѣ, а дочь его, Елизавета, вышедшая за несчастнаго богемскаго короля, пфальцграфа Фридриха, принуждена была скитаться въ изгнаніи. Сынъ Іакова, Карлъ I, былъ приговоренъ къ смертной казни своими подданными; онъ умеръ на плахѣ смертью политическаго преступника. Карлъ II половину жизни провелъ въ опалѣ и изгнаніи; исторія его странствованій, его опасностей и приключеній кажется баснословною. Іаковъ II, уже разъ бѣжавшій изъ Англіи по смерти отца, вторично былъ изгнанъ своею дочерью и своимъ зятемъ и провелъ остатокъ дней въ Сенъ-Жерменѣ, живя милостынею Людовика XIV. Судьба послѣднихъ Стюартовъ, обоихъ претендентовъ, о которыхъ намъ придется говорить много, была еще печальнѣе.

Причиною этого длиннаго ряда несчастій былъ прежде всего личный характеръ Стюартовъ. Всѣ государи этой династіи представляютъ собою одинъ и тотъ же типъ, всѣ отличаются одинаковыми свойствами и недостатками. Многіе изъ нихъ не лишены были дарованій, необходимыхъ для хорошаго правителя; у всѣхъ почти была отвага, рѣшительность, твердая воля. За исключеніемъ одного Іакова I, всѣ Стюарты отличались личною храбростью и рыцарскимъ духомъ; но въ то же время всѣмъ имъ одинаково были свойственны: узкій умъ, тупое упрямство, непреодолимая наклонность къ произволу; всѣ были одинаково притворны и фальшивы. Сознательное, систематическое вѣроломство было ихъ наслѣдственнымъ пятномъ, безмѣрная мстительность — ихъ сильнѣйшею страстью. Всѣ Стюарты поражаютъ насъ своею неблагодарностью. Никто скорѣе ихъ не забывалъ услугъ, никто дольше не помнилъ обидъ. За исключеніемъ одного Карла I, всѣ они отличались наклонностью къ порочной жизни, и всѣ безъ исключенія поддавались вліянію своихъ недостойныхъ любимцевъ. Въ характерѣ этой династіи соединялись черты, самыя антипатичныя англійскому народу. Завязка трагической участи Стюартовъ лежала въ томъ, что они всегда чужды были своей націи, чужды своимъ воспитаніемъ, своими понятіями,

всею своею природою. Угрюмымъ шотландскимъ пуританамъ чужда была Марія Стюартъ своимъ католицизмомъ и легкими французскими манерами. Чуждъ былъ англійской націи Іаковъ I своимъ шотландскимъ произношеніемъ и шотландскими привычками, своею трусостью и педантизмомъ. Чуждъ ей былъ Карлъ I своею бурбонскою женою и своими полуфранцузскими, полуиспанскими симпатіями. Чуждъ былъ Англіи Карлъ II своимъ изящно-безбожнымъ развратомъ и совершеннымъ отсутствіемъ патріотизма, этотъ Карлъ II, предавшій за деньги честь Англіи Людовику XIV. Въ высшей степени чуждъ былъ націи Іаковъ II своимъ католическимъ фанатизмомъ и іезуитскимъ духомъ. Но еще болѣе чужды были англичанамъ Стюарты всѣми своими стремленіями, цѣлями, которыя преслѣдовали, теоріями, которыя проповѣдывали. Ни одна династія не находилась въ такомъ постоянномъ, въ такомъ рѣшительномъ разладѣ съ своими подданными. Стюарты поставили себѣ задачу, неосуществимую въ Англіи: они желали водворить въ ней начала, въ высшей степени антипатичныя англійской націи, начала, совершенно несовмѣстныя съ ея духомъ, обычаями, понятіями и преданіями прошедшаго. И впродолженіе четырехъ поколѣній они стремились къ достиженію невозможной цѣли съ безпримѣрнымъ въ исторіи упорствомъ. Въ то время, когда въ Англіи духъ религіозной реформы возбудилъ и оживилъ также духъ политической свободы, въ то время, когда, вслѣдъ за ослабленіемъ феодальной аристократіи, до половины погибшей въ войнахъ Алой и Бѣлой розы, средніе классы готовились выступить на политическое поприще и потребовать для себя участія въ управленіи, въ то время первый изъ англійскихъ Стюартовъ, Іаковъ, сынъ Маріи, внесъ на престолъ чужеземную, возникшую тогда на континентѣ, теорію о божественномъ правѣ абсолютной монархіи. Онъ внесъ эту теорію въ страну, которая одна только въ Европѣ умѣла сохранить ненарушимо свои свободныя учрежденія и перенести ихъ изъ среднихъ вѣковъ въ новую исторію въ неповрежденномъ видѣ; и въ его мутномъ умѣ теорія начала абсолютной власти разрослась до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Онъ первый сталъ гласить англійскому народу, «что Всевышній смотритъ на наслѣдственную монархію съ особенною благосклонностью, какою не могутъ пользоваться другія формы правленія; что право наслѣдства по порядку первородства есть божественное учрежденіе, предшествующее христіанству и даже Моисееву закону; что никакая земная человѣческая власть, никакой законодательный парламентъ, никакая узурпація, хотя бы и длившаяся десять столѣтій, не можетъ лишить законнаго монарха свыше данныхъ ему правъ; что власть его необходима и всегда абсолютна, что за-

коны, которыми въ Англіи ограничивается прерогатива короны, есть ничто иное, какъ уступки, свободно и добровольно сдѣланныя монархомъ, и что онъ можетъ оставить или взять уступки эти во всякое время, по своему усмотрѣнію; что парламентъ обязанъ своими правами одной только милости королевской; что всякій договоръ, заключаемый монархомъ съ подданными, есть только объявленіе его одновременной воли, а не контрактъ, связывающій навсегда обѣ стороны, не контрактъ, исполненіе котораго можетъ быть требуемо во всякое время».

Твердя постоянно парламенту эту теорію и раздражая оппозицію своими неслыханными притязаніями, Іаковъ I не имѣлъ ни силъ, ни воли даже попытаться серьезно привести ихъ въ исполненіе. При малѣйшемъ сопротивленіи со стороны парламента, онъ сейчасъ же понижалъ тонъ и рабски подчинялся ему. Но преемники его усвоили себѣ эту теорію и рѣшились осуществить ее во чтобы то ни стало. Въ этомъ дѣлѣ они нашли себѣ полезнаго, надежнаго, преданнаго союзника. Союзникомъ этимъ была англиканская, епископальная, или такъ называемая *высокая церковь*. Высокая церковь, подобно многимъ другимъ явленіямъ англійской жизни, была слѣдствіемъ компромисса, сдѣлки между римскимъ католицизмомъ и реформаціоннымъ, протестантскимъ движеніемъ. Сдѣлку эту совершила корона. Высокая церковь была произведеніемъ короны; это была въ полномъ смыслѣ слова государственная церковь. Коронѣ она обязана была своимъ существованіемъ; корона надѣлила ее почестями и богатствами; корона оберегала её во время слабаго ея дѣтства, защищала её, съ одной стороны противъ папистовъ, съ другой — противъ тѣхъ, которые пошли дальше въ реформаціонномъ направленіи противъ пуританъ, противъ диссентеровъ; корона поддерживала высокую церковь противъ враждебныхъ парламентовъ; корона мстила тѣмъ, которые нападали на нее перомъ и словомъ. Такимъ образомъ благодарность, надежда, боязнь, общія симпатіи и общія непріязни привязывали высокую церковь къ престолу. Всѣ ея преданія, всѣ ея привычки были монархическія. Преданность престолу сдѣлалась ея отличительною чертою; и когда Стюарты вздумали водрузить въ англійскую почву абсолютную монархію, то они не могли найти лучшаго орудія для этого дѣла, какъ высокую церковь. Тогда-то заключенъ былъ союзъ, на долгое время роковой для англійской націи. Стюарты и высокая церковь взаимно нуждались другъ въ другѣ. Они обмѣнялись услугами и соединились для одной цѣли. Стюарты предали преслѣдованію высокой церкви папистовъ и диссентеровъ: высокая церковь предложила имъ въ услугу свои каѳедры и вліяніе духовнаго авторитета. Она сдѣлала теорію о божественномъ правѣ королей главнымъ

догматомъ своей вѣры. Забывъ о Евангеліи, она стала превозносить прерогативу короны и проповѣдывать ученіе о безграничной, неотъемлемой власти избранника неба, о священномъ долгѣ безусловнаго страдательнаго повиновенія, о беззаконности и безбожности всякаго сопротивленія волѣ королевской. Она потеряла совершенно характеръ религіознаго учрежденія и обратилась въ политическую партію. Теперь соединенными силами Стюарты и высокая церковь, абсолютизмъ и нетерпимость, начали борьбу противъ политической и религіозной свободы Англіи. Въ то время, когда на всемъ континентѣ восторжествовала основанная на постоянныхъ арміяхъ и финансахъ абсолютная монархія, Карлъ I Стюартъ рѣшился сдѣлать то же въ Англіи, въ странѣ, которая еще никогда не видала постоянной арміи и въ которой король не имѣлъ права взять съ подданныхъ ни одного гроша безъ ихъ собственнаго согласія. Карлъ I вошелъ въ борьбу на жизнь и смерть со своимъ парламентомъ. Борьба эта была не новая: ею наполнена вся англійская исторія, начиная съ Іоанна Безземельнаго. Но теперь борьба эта вступила въ свою послѣднюю рѣшительную фазу; теперь съ обѣихъ сторонъ выставлены были другъ противъ друга одинаково рѣзкія и одинаково широкія начала. Въ то же время союзница Карла, высокая церковь, принялась истреблять диссентеровъ. Исходъ извѣстенъ. Крайность, ожесточенность борьбы привела къ крайнимъ результатамъ. Наслѣдственные пороки Стюартовъ: вѣроломство, тупое упрямство, неуступчивость, были одною изъ главныхъ причинъ этой ожесточенности и этой крайности. Борьба кончилась уничтоженіемъ самой монархіи и уничтоженіемъ высокой церкви. Но восторжествовала и не свобода, и не терпимость. Революція вызвала наружу силу, доселѣ еще незнакомую англійской націи — силу регулярной арміи; и все покорилось этой силѣ. Англія подчинилась господству солдатъ и фанатическихъ сектантовъ. Ей угрожали длинные и тяжелые годы военнаго деспотизма; ей угрожало владычество цѣлаго ряда мелкихъ военныхъ тирановъ, возводимыхъ и низвергаемыхъ новыми преторіанцами. Тогда люди, раздѣленные многими годами вражды, подали руку другъ другу; приверженцы монархіи и высокой церкви и приверженцы республики и синодальнаго церковнаго устройства, *кавалеры* и *круглоголовые*, епископалы и пресвитеріанцы соединились вмѣстѣ и, чтобы спасти страну отъ владычества солдатской сабли, возстановили старую монархію, призвавъ назадъ Стюартовъ.

(Вызинскій. Англія въ XVIII стол. Ч. I, Стр. 2—7).

2. БРИТАНСКІЙ СОЛОМОНЪ.

Гэмптонкортскій дворецъ. — Пороховой заговоръ. — Король противъ палаты общинъ. — Божественное право. — Гью Миддльтонъ. — Смерть принца Генриха. — Любимцы. — Поѣздка въ Шотландію. — Послѣдніе дни Ралея. — Пфальцграфъ. — Фрэнсисъ лордъ Бэконъ. — Протестъ нижней палаты. — Поѣздка въ Мадридъ. — Генріетта Марія. — Смерть Іакова.

Когда Іаковъ Стюартъ, преемникъ Елизаветы, достигъ англійской столицы, вся Англія знала, что новый король почти что идіотъ. Возведенный на англійскій тронъ предпочтительно передъ другими живыми наслѣдниками Суффолькскаго дома [1]), благодаря національному чувству, которое видѣло въ такомъ выборѣ исцѣленіе отъ старинной вражды, — онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ, во время своего путешествія на югъ, снискать себѣ общее презрѣніе и отвращеніе. Онъ заставлялъ женщинъ становиться на колѣни передъ нимъ, публично бранилъ свою жену, дѣлалъ выговоры солдатамъ за то, что они оскорбляютъ его королевскія очи видомъ обнаженной стали, и осыпалъ грубою руганью тѣхъ преданныхъ поселянъ, которые подходили во время охоты посмотрѣть на Его Величество. Такое обращеніе со стороны человѣка, котораго слабыя колѣни и отвислыя губы самымъ нелѣпымъ образомъ соединялись съ царственной важностью, напускаемой имъ на себя, было жалкимъ вѣстникомъ благосостоянія государства.

Секретарь Сесиль, сынъ лорда Бэрлея, успѣлъ вдругъ войти въ великую милость у короля, къ большому огорченію Ралея и другихъ честолюбцевъ, которыхъ онъ опередилъ такимъ образомъ. Эти одураченные политики соединили нѣсколько недовольныхъ членовъ католической и пуританской партій въ два заговора, которые имѣли цѣлью захватить короля и посадить его въ тюрьму, пока не вынудятъ у него перемѣну министерства и установленіе терпимости. Шпіоны Сесиля зорко слѣдили за ходомъ дѣйствій, и онъ, выбравъ время, бросился на главныхъ заговорщиковъ. Цѣлое лѣто и осень моровая язва отсрочивала падающій ударъ. Ралей былъ преданъ суду въ ноябрѣ въ Уинчестеръ-Кастлѣ, обвиняемый въ измѣнническомъ заговорѣ противъ жизни короля, съ цѣлью возвести на тронъ Арабеллу Стюартъ. Слабое, нерѣшительное признаніе его вѣроломнаго друга

[1]) Напомнимъ, что Генрихъ VIII исполнилъ завѣщаніе, которое оставляло корону, въ случаѣ отсутствія его собственнаго потомства, наслѣдникамъ герцогини Суффолькъ, его младшей сестры, предпочтительно передъ наслѣдниками Маргариты, старшей его сестры.

Кобгэма составляло единственную улику противъ него. Эдуардъ Кокъ, знаменитый юристъ, который былъ тогда государственнымъ атторнеемъ (Attorney-General), излилъ всю злобу и бѣшенство, имѣвшіяся у него, на безстрашнаго плѣнника, который видѣлъ слишкомъ много морскихъ бурь и кровавыхъ битвъ, чтобы смутиться передъ словоизверженіями риторика. Защищаясь съ тѣмъ классическимъ краснорѣчіемъ, которое составляло не послѣднее изъ его блестящихъ дарованій, онъ отвергалъ обвинительный актъ, какъ достойный только испанской инквизиціи, и требовалъ очной ставки съ Кобгэмомъ. Злоупотребленіе было единственнымъ отвѣтомъ ему. Въ этотъ долгій день битвы Ралей вновь пріобрѣлъ народную любовь, которой стоило ему паденіе Эссекса. Трое изъ заговорщиковъ погибли — двое на висѣлицѣ, одинъ отъ руки палача; но Ралею дали отсрочку и отправили его въ Тоуэръ, гдѣ мы на время оставляемъ его съ перомъ и чернилами надъ его «Исторіей міра» (History of the World).

Іаковъ не чувствовалъ глубокой привязанности къ пуританамъ. Онъ слишкомъ живо ощущалъ смѣлую силу ихъ независимости въ своемъ сѣверномъ королевствѣ и теперь, найдя англійскихъ епископовъ мягкими какъ шелкъ подъ своимъ прикосновеніемъ къ нимъ, онъ рѣшилъ, что авторъ «Basilikon Doron» (Королевскаго дара) и воспитанникъ Джоржа Буханана долженъ поразить своею богословскою ученостью диссидентскихъ докторовъ Англіи. Въ январѣ 1604 года происходило въ Гэмптонскомъ дворцѣ знаменитое собраніе (conference), которое дало англичанамъ переводъ Библіи, употребляющійся и до сихъ поръ. Противъ четырехъ пуританскихъ священниковъ выступали король, десятка два епископовъ и толпа придворныхъ. Выслушавъ королевскую логику, Бэнкрофтъ, епископъ лондонскій, на колѣняхъ благодарилъ Бога за такого монарха. «Я задалъ имъ такую гонку», говорилъ бѣдный, высокомѣрный, слюнявый Іаковъ, что они бѣгали, какъ школьники, отъ одного довода къ другому».

Эта конференція сильно подорвала пуританскую привязанность, и когда въ слѣдующемъ мартѣ собрался первый парламентъ этого царствованія, густо усѣянный пуританскими членами, то вдругъ стали обнаруживаться симптомы великой борьбы. Нижняя палата первая начала борьбу по поводу Бэкингэмширскихъ выборовъ, отказываясь допустить придворнаго кандидата, и дѣло кончилось уступкой. Она также ухватилась за зло, вытекавшее изъ монополіи и системы продовольствія и, послѣ обычнаго голосованія таможенныхъ пошлинъ (tonnage and poundage) на содержаніе королю, не сказала ни слова о наличныхъ деньгахъ. А чтобы устранить всякое недоразумѣніе относительно положенія, принятаго ею при завязкѣ борьбы, комитетъ палаты

приготовилъ документъ (подъ заглавіемъ: «A Form of Apology and Satisfaction» — «форма апологіи и удовлетворенія»), въ которомъ рѣшительно и подробно излагались и защищались привилегіи и вольности Палаты Общинъ. Нѣсколько сомнительно, впрочемъ, чтобы эта апологія была когда-нибудь въ рукахъ короля Іакова.

Около этого времени парламенту и королю грозила опасность, окруженная такими романтическими и живописными обстоятельствами, какія любитъ вплетать историческій романистъ въ канву своего замысла. Тяжкія преслѣдованія, которымъ подвергались католики, пробудили духъ мщенія во многихъ сердцахъ, но зародышъ страшнаго пороховаго заговора впервые пустилъ корень въ сердцѣ Роберта Кетсби. Въ молодости ренегатъ католицизма, онъ въ болѣе зрѣлые годы старался свирѣпымъ рвеніемъ загладить свое временное отступничество отъ вѣры, къ которой онъ возвратился. Первымъ его соучастникомъ былъ дворянинъ изъ Вустершира, по имени Томасъ Уинтеръ. Но одного соучастника было недостаточно. Уинтеръ, старый солдатъ, повстрѣчался разъ въ Остенде съ товарищемъ, Гвидо Фоксомъ (Guido Fawkes), который отличался желѣзнымъ мужествомъ. Онъ взялъ этого отчаяннаго человѣка съ собою въ Лондонъ и познакомилъ его съ первымъ двигателемъ въ заговорѣ. Томасъ Перси, родомъ изъ Нортэмберлэнда, и его зять Джонъ Райтъ вскорѣ вступили въ эту беззаконную шайку, еще не зная, впрочемъ, о страшной идеѣ, закипающей въ мозгу Кэтсби. Въ уединенномъ домѣ, на поляхъ, за коллегіею Св. Климента, были вполнѣ раскрыты передъ собравшимися участниками всѣ ужасы заговора. Здѣсь они причастились изъ рукъ іезуита, по имени Джерарда, и дали торжественную клятву — никогда не выдавать тайны и не отступать, пока не будетъ достигнута цѣль заговора. Отъ имени Перси, который служилъ въ придворномъ караулѣ, они наняли домъ въ Вестминстерѣ, стѣна котораго примыкала къ помѣщенію парламента, и начали ломать отверстіе въ подвальной стѣнѣ. Другой домъ въ Ламбетѣ, по ту сторону Темзы, служилъ тайнымъ складомъ для ихъ запасовъ дровъ и пороха. Впродолженіе всего лѣта 1604 года они тревожились задуманнымъ ими преступленіемъ и только выборъ вестминстерскаго дома для помѣщенія шотландскихъ коммиссаровъ прервалъ на время ихъ работу. Число ихъ было теперь семь — къ заговору присоединились еще Кэ и Христофоръ Райтъ; и эти семеро, снабдивъ свой тайникъ сушеными припасами, взяли опять кирку и заступъ въ свои нѣжныя руки, привыкшія держать только рукоятку шпаги, и рѣшительно принялись снова ломать толстую стѣну. Фоксъ стоялъ на стражѣ, и когда показывался какой-нибудь прохожій, то по его знаку работа прекращалась, пока не миновала опас-

ность. Какая тайна скрывалась въ этомъ печальномъ домѣ, гдѣ съ затаеннымъ дыханіемъ было прошептано всего нѣсколько словъ, и отъ зари до зари едва ли слышался когда-нибудь звукъ, кромѣ глухаго стука копающихъ инструментовъ! Такъ работали они всю зиму, подготовляя все для своего преступнаго замысла и усиливши свои руки присоединеніемъ еще троихъ — Джона Гранта, Роберта Уинтера и Бэтса, слуги Кэтсби. Однажды надъ ихъ головами раздался какъ-бы громовый грохотъ. Они остановились и молча переглянулись; но страхъ скоро смѣнился радостью, когда Фоксъ сошелъ сказать, что торговецъ продалъ весь уголь, и что теперь подвалъ отдается въ наймы. Теперь ихъ работа была кончена. Перси нанялъ подвалъ; въ полночь тридцать шесть бочекъ пороха перебрались черезъ рѣку и были уложены въ этомъ удобномъ мѣстѣ, подъ прикрытіемъ изломанныхъ бревенъ и дровъ. Это было въ маѣ 1605 года. Наступила и миновала осень. Король Іаковъ, который любилъ охоту и терпѣть не могъ общественныхъ занятій въ охотничій сезонъ, отсрочилъ парламентъ съ 3-го октября до 5-го ноября; это обстоятельство на нѣкоторое время возбудило тревогу въ средѣ заговорщиковъ, число которыхъ теперь увеличилось отъ присоединенія сэра Эверарда, Дигби, Амброзія Руквуда и Фрэнсиса Трешэма. Но оказалось, что эта тревога была напрасна. Томасъ Уинтеръ былъ въ палатѣ лордовъ въ день отсрочки и видѣлъ, какъ пэры весело болтали и прохаживались почти на томъ самомъ мѣстѣ, подъ которымъ, отдѣленныя нѣсколькими футами извести и досокъ, лежали бочки съ темнымъ и смертоноснымъ зерномъ. Въ Уайтъ-Уэббсѣ близъ Энфильдъ-Чеза были проведены окончательные штрихи отчаяннаго плана. Самое дѣло, — выполнить которое должны были медленный фитиль и дорожка пороху, — было поручено смѣлой рукѣ Фокса. Въ случаѣ, еслибы принцъ Генри былъ взорванъ, и нельзя было бы захватить принца Карла, рѣшено было провозгласить королевой принцессу Елизавету, а до ея совершеннолѣтія назначить регента. Затѣмъ явилось важное затрудненіе, которое подъ конецъ погубило заговоръ. У всѣхъ почти были друзья, у многихъ близкіе родственники въ обреченномъ на гибель парламентѣ. Сердце Кэтсби было твердо, какъ кремень. «Еслибы они были», сказалъ этотъ закаленный человѣкъ: «также дороги мнѣ, какъ мой родной сынъ, ихъ должно взорвать». Трешэмъ, сдѣланный изъ болѣе мягкаго металла, послалъ предостереженіе своему зятю, лорду Монтиглю. Думаютъ, что и Дигби предостерегъ своихъ друзей. Монтигль сидѣлъ за ужиномъ, когда пажъ подалъ письмо, оставленное высокимъ человѣкомъ, который неузнаннымъ удалился въ темнотѣ. Въ письмѣ между прочимъ говорилось: *«я совѣтовалъ бы вамъ, если вы дорожите*

жизнью, выдумать какой-нибудь предлогъ, чтобы не присутствовать въ этомъ парламентѣ; потому что Богъ и человѣкъ соединили свои силы, чтобы наказать нечестіе этого времени... Этотъ парламентъ получитъ страшный ударъ, и не увидитъ, кто поражаетъ его». Это письмо, полученное 26-го октября, въ тотъ же вечеръ дошло до Сесиля. Король, охотясь за зайцами въ Ройстонѣ, не видалъ его до 1-го ноября. Между тѣмъ заговорщики знали о его передачѣ и содержаніи, но не отступали. Каждый день Фоксъ ходилъ смотрѣть за подваломъ. Все еще не тронуто, и всё, кажется, ничего не подозрѣваютъ. Хитрая уловка Сесиля и лорда Суффолька внушила Іакову мысль, что онъ *королевскимъ умомъ* первый проникъ въ скрытый смыслъ посланія. Рѣшивши, по совѣту Сесиля, ждать до послѣдняго дня, правительство ничего не дѣлало вплоть до 4-го. Тогда Суффолькъ и Монтигль отправились къ подвалу и нашли тамъ Фокса, смотрѣвшаго, какъ онъ сказалъ, за хозяйскимъ углемъ. Они оставили его и удалились, но въ ту же ночь, когда, вѣрный до конца своему дьявольскому посту, онъ вышелъ изъ подвальной двери посмотрѣть, нѣтъ ли какого-нибудь знака опасности, отрядъ солдатъ схватилъ его и связаннаго привелъ въ королевскую спальню, гдѣ его мужественная фигура и темное, закаленное лицо навели не малый страхъ. Онъ ни на минуту не упалъ духомъ во время этого допроса, жалѣя только, что его дѣло осталось невыполненнымъ. Какъ спокойно, мягко велъ себя этотъ человѣкъ, можно судить по его отвѣту одному шотландскому придворному на вопросъ, зачѣмъ было приготовлено такъ много пороху. «Единственно для того», сказалъ Фоксъ: «чтобы откинуть шотландцевъ назадъ въ Шотландію». Затѣмъ прибѣгли къ пыткѣ, въ самомъ жестокомъ видѣ ея, но добились немногаго отъ этого желѣзнаго человѣка, преданность котораго въ достойномъ дѣлѣ снискала бы ему не малую славу,

Частью набросаннаго плана было собраніе католиковъ въ Дэнчерчѣ, у сэра Эверарда Дигби, подъ предлогомъ большаго охотничьяго состязанія. Съ арестомъ Фокса всё почти заговорщики устремились къ этой сценѣ дѣйствія; но прибытіе одураченныхъ людей повело только къ тому, что поджидавшіе гости Дигби стали разсыпаться, увидя, что игра кончена. Нѣсколько главныхъ заговорщиковъ заняли домъ, подъ названіемъ Гольбичъ, на краю Страффордшира, и нѣкоторое время держались противъ нападенія Вустерширскаго шерифа, хотя взрывъ сушившагося пороха искалѣчилъ Кэтсби и сильно опалилъ многихъ другихъ. Одинъ и тотъ же выстрѣлъ положилъ на мѣстѣ Кэтсби и Томаса Уинтера, которые сражались спина о спину. Другія пули избавили отъ труда палача, убивъ Перси и Райтовъ. Трешэмъ умеръ въ темницѣ отъ болѣзни; а всѣ остальные встрѣ-

тили ту кровавую смерть, которую прежній англійскій законъ назначалъ измѣнникамъ. Изъ троихъ іезуитскихъ священниковъ, Гарнета, Гринуэ и Джерарда, которые были замѣшаны въ заговорѣ, хотя не зная, вѣроятно, всего ужаса задуманнаго преступленія, двое послѣдніе бѣжали на континентъ; на перваго, судившагося за измѣну, немилосердно обрушился Кокъ, и онъ, подобно остальнымъ, пошелъ на висѣлицу. Въ заключеніе этого очерка пороховаго заговора, справедливость требуетъ сказать, что католики Англіи, за исключеніемъ немногихъ упомянутыхъ безумцевъ, не принимали никакого участія въ этомъ гнусномъ заговорѣ и даже не сочувствовали ему.

Любимый проектъ короля Іакова, который онъ всѣми силами старался навязать парламенту, было полное формальное соединеніе Англіи и Шотландіи. Эта мѣра, встрѣченная скорѣе томительными отсрочками и проволочками, чѣмъ дѣятельной оппозиціей, не находила окончательнаго рѣшенія и служила пищей для споровъ между королемъ и палатой общинъ. Напрасно объявлялъ Іаковъ, что онъ будетъ поочередно жить въ обоихъ королевствахъ, или что онъ расположится съ своимъ дворомъ на полдорогѣ, въ Іоркѣ. Спокойно, но твердо держалась палата общинъ за свою почву и шла своей дорогой. Ловкому Сесилю, который въ 1605 г. сдѣлался графомъ Салисбэри, а спустя три года лордомъ-казначеемъ, пришлось долго и упорно торговаться съ этой группой рѣшительныхъ людей о назначеніи ежегодной суммы въ 200,000 фунтовъ, чтобы избавить короля отъ долговъ. И только предложивъ обратиться къ такимъ источникамъ доходовъ, какъ опека и продовольствіе, остатки феодальнаго времени, онъ могъ заставить ихъ выслушать все до конца. Палата общинъ желала отмѣны Верховной судебной коммисіи (High Commission Court), злоупотребленій королевскими прокламаціями, и другихъ золъ. Борьба была такая ожесточенная и такъ гибельна для общественныхъ дѣлъ, что не было утверждено ни одного закона во всю сессію, наполнившую зиму 1610—11 годовъ. Сесиль умеръ въ Батѣ въ 1612 году, не успѣвъ одолѣть упорства палаты общинъ, и съ его смертью Іаковъ потерялъ сильнѣйшую опору своего трона. За нѣсколько времени до этого (1610) сошелъ также въ могилу великій боецъ англиканской церкви противъ нововведеній пуританской партіи — Банкрафтъ, архіепископъ Кентербэрійскій. Въ 1605 году онъ представилъ въ Звѣздную камеру (Star Chamber) ту петицію, извѣстную подъ именемъ Articuli Cleri, въ которой дѣлались тяжкія жалобы на запретительныя постановленія судей въ тѣхъ случаяхъ, когда духовные суды превышали свою власть. Абсолютная власть короля для исправленія всѣхъ золъ въ церкви или государствѣ приводилась какъ основаніе, чтобы добиться независимости

церкви отъ закона. Это ученіе объ абсолютной власти, или божественномъ правѣ, проглядывало и между опредѣленіями юридическаго словаря или толкователя (Interpreter), изданнаго въ 1610 году докторомъ Кауэллемъ, человѣкомъ въ свое время замѣчательнымъ. Наглый «толкователь» поднялъ такую бурю, что для ея укрощенія понадобилась королевская прокламація.

Среди этихъ политическихъ передрягъ спокойно подвигалось къ окончанію великое созданіе инженернаго искусства. Гью Мидльтонъ, лондонскій гражданинъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, предпринялъ на свой собственный счетъ провести воду въ самое сердце Сити. Выбравши источники близъ Уэра, онъ принялся прокладывать, наполнять, снабжать мостами рѣчное русло, въ тридцать семь миль длиною и продолжалъ эту великую работу до тѣхъ поръ, пока его кошелекъ не опустѣлъ. Лондонъ не сдѣлалъ бы ничего; но король Іаковъ согласился принять на себя половину издержекъ, прошедшихъ и будущихъ, съ правомъ на половину барыша. Прошло пять лѣтъ и пять мѣсяцевъ съ той минуты, какъ былъ срытъ первый комъ земли, — и вотъ вода новой рѣки полилась въ бассейнъ, приготовленный для нея близъ Пентонвилля. Этотъ день — 29 сентября 1613 года — видѣлъ блестящую толпу важныхъ альдерменовъ, наслаждавшихся оконченнымъ произведеніемъ. Но Мидльтонъ истратилъ все свое состояніе на рѣку, которая стоила до 500.000 фунтовъ. Тогда онъ посвятилъ себя инженерному дѣлу, какъ профессіи, и, пожалованный за свой великій трудъ въ кавалеры (knight), сдѣлался въ 1622 году баронетомъ; прибавочными причинами для полученія этой высшей почести мы находимъ два другіе подвига инженернаго искусства. Онъ, кажется, оттягалъ у моря большое пространство земли въ Брэдингской гавани на островѣ Уайтѣ, съ большимъ искусствомъ оттѣснивши плотиной воду; а также нашелъ и успѣшно разработывалъ богатый серебряный рудникъ въ графствѣ Кэрдигэнъ. Мидльтонъ умеръ бѣднякомъ въ царствованіе Карла I, не оставивъ ничего своимъ дѣтямъ. Но его великій трудъ существуетъ, чтобы напоминать его славу, и говоритъ намъ о славномъ старомъ труженикѣ болѣе всякаго золотаго или мраморнаго монумента.

Въ 1612 году Іакова постигло великое горе. Онъ лишился старшаго сына. Принцъ Генри, которому было тогда восемнадцать лѣтъ, рано уже подавалъ большія надежды. По мѣрѣ того какъ онъ росъ, онъ обнаруживалъ большую склонность къ военнымъ упражненіямъ, особенно къ артиллерійскому дѣлу. Удивленію его передъ Ралеемъ не было границъ. Онъ говорилъ не ругаясь, молодая жизнь его была безпорочна. Эти качества, представлявшія сильный контрастъ со многими изъ выдающихся чертъ въ характерѣ и манерахъ его отца, привязывали къ

нему народъ. Но въ цвѣтѣ надежды, когда бракъ его становился великой политической задачей времени, его свалила гнилая горячка, и онъ умеръ.

Теперь пора удѣлить нѣсколько словъ любимцамъ Іакова, которые, какъ ни были недостойны сами по себѣ, получали нѣкоторое значеніе отъ положенія, занимаемаго ими въ глазахъ страны. Послѣ Джоржа Юма, графа Дэнбаръ — Филиппа Герберта, графа Монгомери и Пемброкъ — и Джемса Гэ, графа Карлейль, одинъ за другимъ пользовавшихся поочередно королевской милостью, обратилъ на себя вниманіе короля красивый, молодой шотландецъ, по имени Робертъ Карръ, и вскорѣ добрался до титула лорда виконта Рочестера и графа Сомерсета. Несчастный случай отравленія, въ которомъ онъ сдѣлался орудіемъ мщенія своей жены сэру Томасу Овербэри, прежнему другу, возбудилъ такое страшное отвращеніе къ нему, что, подвергнутый ради потѣхи чему-то въ родѣ суда, онъ вмѣстѣ съ преступной женой былъ удаленъ отъ двора. Затѣмъ Джоржъ Вильерсъ, самый блестящій изъ всѣхъ ихъ, поднялся подобно ракетѣ до позорной славы королевскаго любимца. Виконтъ Вильерсъ, графъ, маркизъ, герцогъ Бэкингэмъ — онъ, въ нѣсколько лѣтъ переносясь съ одной блестящей ступени къ другой, до конца сохранилъ свою власть надъ Іаковомъ, присоединяя къ этому, можетъ быть, еще сильнѣйшее вліяніе на молодаго Карла, прямаго наслѣдника трона.

Въ то время какъ Іаковъ все сильнѣе предавался страсти къ крѣпкимъ греческимъ винамъ и держалъ себя все грязнѣе и грубѣе, распря съ палатою общинъ все росла и росла. Нѣсколько низкопоклонниковъ, переманенныхъ Бэкономъ, которые, подъ именемъ предпринимателей (Undertakers), старались руководить палатой, какъ желалось королю, потерпѣли рѣшительную неудачу въ своемъ намѣреніи. Видя, что упорства парламента 1614 года не побѣдишь, король распустилъ его и вслѣдъ за этимъ арестовалъ и заключилъ въ тюрьму пятерыхъ главныхъ членовъ. Нужда въ деньгахъ заставила его тогда обратиться къ благотворительности или слабости своихъ подданныхъ и воскресить старый налогъ, называвшійся добровольными пожертвованіями (Benevolence).

Въ 1617 году Іаковъ посѣтилъ Шотландію. Тремя годами раньше, Джонъ Нэперъ изъ Мерчистона, тогда дряхлый шестидесяти-четырехлѣтній старикъ, далъ всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ зрѣлый плодъ жизни, посвященной наукѣ, въ своемъ знаменитомъ «Правилѣ логарифмовъ» (Canon of Logarithms) — изобрѣтеніе неоцѣнимой пользы для всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ длинными выкладками. Въ Шотландіи Іаковъ преимущественно занимался преобразованіемъ шотландской церкви, пресвитерьян-

ской до мозга костей, по формамъ англійскаго епископства. Ругаясь съ протестующимъ духовенствомъ, онъ отвѣчалъ презрѣніемъ, нѣсколькихъ заключивъ въ тюрьму, а одного изъ самыхъ смѣлыхъ отправивъ въ ссылку, и съ помощью нѣкоторыхъ угодливыхъ придворныхъ силою принудилъ націю подчинится его волѣ. И затѣмъ, послѣ прекраснаго посѣва драконовыхъ зубовъ, который въ слѣдующемъ поколѣніи взошелъ вооруженными людьми, онъ съ торжествомъ воротился въ Англію, упиваясь своимъ безумствомъ.

Старый славный Ралей все это время писалъ въ Тоуэрѣ для наставленія своего молодаго друга и поклонника, принца Генри. Со смертью этого много обѣщавшаго мальчика, работа потеряла свой интересъ для заключеннаго. Когда Бэкингэмъ достигъ власти, друзья Ралея начали толковать о золотомъ пріискѣ, который онъ открылъ во время своей поѣздки въ Гвіапу; и черезъ секретаря Уинвуда этотъ слухъ дошелъ до короля. Возраженія испанскаго посланника сначала тормозили дѣло, но подъ конецъ Ралей, выпущенный изъ тюрьмы, снова очутился на соленыхъ волнахъ во главѣ четырнадцати кораблей (28 марта 1618). Направившись къ Южной Америкѣ, онъ вошелъ въ Ориноко, напалъ на городъ Сентъ-Томасъ, гдѣ взялъ *два* золотые слитка и потерялъ своего сына, сраженнаго испанской шпагой. Такъ разсѣялись мечты о золотомъ пріискѣ, который въ сущности долженъ былъ обозначать испанскій корабль съ сокровищами, въ родѣ того, какимъ овладѣлъ Дрэкъ. Ярость Испаніи теперь не знала предѣловъ; и Ралей, тотчасъ же по возвращеніи арестованный въ Плимутѣ, съ палубы корабля отправился въ тюрьму и на эшафотъ. На дворѣ стараго дворца, въ Вестминстерѣ, онъ мужественно встрѣтилъ смерть, отвергая своими послѣдними словами всякое участіе въ крови Эссекса. Этотъ роковой день, запятнавшій благородною кровью царствованіе, на которомъ довольно густо лежали уже пятна безумія, было 29 октября 1618 года.

Около этого времени началась тридцатилѣтняя война. Бракъ пфальцграфа Фридриха, одного изъ кандидатовъ на богемскую корону, съ Елизаветою, дочерью англійскаго Іакова, лично заинтересовывалъ этого монарха въ исходѣ войны. Но съ этимъ личнымъ чувствомъ столкнулись различные политическіе интересы. Сильнѣйшимъ изъ нихъ было его желаніе женить своего сына Карла на испанской невѣстѣ съ большимъ приданымъ; Испанія же, разумѣется, ревностно поддерживала католическіе интересы въ этой войнѣ. Іаковъ по этому принялся опять за свои старыя уловки, сталъ увиваться и выжидать благопріятнаго случая. Вынужденный приступить къ дѣйствію, онъ послалъ черезъ море нѣсколько тысячъ людей на помощь зятю и

отправилъ посланниковъ къ различнымъ дворамъ, къ вящему удовольствiю — если только тутъ не преобладало отвращенiе — зоркихъ континентальныхъ политиковъ, которые слѣдили за каждымъ движенiемъ въ великой политически-религiозной борьбѣ, разыгравшейся тогда на окраинѣ Европы. Два раза дѣлалъ онъ эту слабую попытку. Между тѣмъ его дочь и ея мужъ, потерявши корону, за которую они ухватились было, потеряли также и Пфальцъ и жили бездомные въ Гагѣ. Но отъ человѣка, у котораго вели мать на плаху и онъ едва шевельнулъ пальцемъ, чего могла ожидать дочь?

Френсисъ Бэконъ сдѣлался теперь лордомъ, великимъ канцлеромъ Англiи. Ни на шагъ не отставая отъ своего великаго соперника, Эдуарда Кока, во всѣхъ превратностяхъ своего юридическаго поприща, великiй философъ и эссэистъ подъ конецъ перегналъ великаго комментатора. Съ того времени, какъ Эссексъ въ 1594 году старался доставить постъ генералъ-атторнея своему другу Бэкону, а Кокъ перебилъ призъ, соперничество не прекращалось. Бэконъ, который послѣ смерти Сесиля успѣлъ поглубже забраться въ милость у короля, получилъ печати въ 1616 году, въ качествѣ лорда-канцлера, и, всегда расточительный, сталъ тратить больше, чѣмъ когда-либо. Во время отлучки Iакова въ Шотландiю, онъ игралъ роль короля со всею пышностью, какая у него была въ распоряженiи, вызывая этимъ много саркастическихъ толковъ. Съ его характеромъ, человѣку едва ли было возможно избѣгнуть заразы подкупа, которая лежала на томъ вѣкѣ. Слабый, тщеславный, съ страстью къ внѣшнему блеску, съ постоянною течью въ кошелькѣ и съ безграничною возможностью продавать свои рѣшенiя, Бэконъ торговалъ правами президентскаго стула. Въ 1621 году Палата Общинъ, все не оставляя борьбы съ королемъ, нанесла тяжкiй ударъ одному изъ гигантскихъ золъ вѣка — монопольной системѣ. Сэръ Джайльсъ Момпессонъ, получившiй привилегiю на продажу золотыхъ и серебряныхъ нитокъ, за которыя онъ продавалъ мѣдную поддѣлку, и имѣвшiй также патентъ на открытiе питейныхъ домовъ, дорого поплатился бы за свой обманъ и притѣсненiя, еслибы не успѣлъ бѣжать за море. Его товарищъ или помощникъ отправился въ Тоуэръ. За этимъ послѣдовали другiя обвиненiя, въ которыхъ фигурировали епископъ и судья. Потомъ дошла очередь до Бэкона, и онъ стоялъ, оставленный тѣми, на которыхъ онъ всего больше надѣялся и передъ которыми низкопоклонничалъ. Король, принцъ, придворные, всѣ не сказали ни слова, когда онъ шелъ въ изгнанiе. На него было взведено передъ Палатою Лордовъ двадцать два обвиненiя по настоянiю Палаты Общинъ, — онъ сознался, сперва вообще, а потомъ, когда отъ него потребовали этого настойчиво,

сдѣлалъ и отдѣльныя признанія по частнымъ фактамъ и на одрѣ болѣзни услышалъ о тяжеломъ приговорѣ, которымъ его враги пустили въ его обезсилѣвшую голову. Онъ долженъ былъ заплатить пеню въ 40,000, просидѣть въ Тоуэрѣ, сколько прикажетъ король, совершенно удалиться отъ общественной жизни и не переступать разстоянія въ двѣнадцать миль отъ двора. Первыя двѣ части приговора оказались номинальными: Іаковъ простилъ пеню и выпустилъ его черезъ два дня. Но остальные пять лѣтъ его жизни представляютъ жалкое зрѣлище павшаго человѣка, великаго даже въ своемъ паденіи, хотя и не съ величіемъ доброты на челѣ, напрасно борющагося за нѣсколько скользкихъ ступеней той опасной крутизны, съ которой онъ былъ сброшенъ. Въ Горгэмбэри у него были свои книги и шары, въ рукѣ у него орлиное перо; его умъ только созрѣлъ съ лѣтами и не былъ разстроенъ или разбитъ при его паденіи. И зачѣмъ, вмѣсто того чтобы выпрашивать у короля мѣста начальника Итона или какой-нибудь другой должности, онъ не усѣлся рѣшительно выполнить по крайней мѣрѣ вторую часть колоссальнаго плана Justauratio? Мы могли бы простить кающемуся канцлеру многія изъ его растратъ, угодливому придворному — многія изъ его притворствъ и обмановъ, еслибы великій философъ бросилъ лучъ заката своего блестящаго генія на болѣе обширную область міра мысли.

Борьба между королемъ и Палатою Общинъ въ это время становилась все жарче. Переговоры, затѣянные тогда по поводу брака между принцемъ Карломъ и испанской инфантой, возбудили сильное опасеніе въ палатѣ за успѣшный исходъ всего дѣла протестантской реформаціи, если Испанія и Англія соединятся такимъ образомъ. Кокъ, теперь противникъ двора, внесъ петицію противъ этой ненавистной партіи; и буря преній поднялась между сторонниками Іакова и членами народной партіи. Король, у котораго была самая несчастная способность испортить дѣло, написалъ раздражительное письмо предсѣдателю (Speaker), приказывая палатѣ не вмѣшиваться въ его государственныя тайны и не говорить объ испанской партіи. Тѣ дѣлали представленія; онъ возражалъ; дѣло становилось хуже и хуже. Въ концѣ его возраженія, имѣвшаго въ виду успокоить ихъ нѣсколькими словами, въ родѣ слѣдующихъ: «Онъ даетъ имъ свое королевское ручательство, что, пока они будутъ держаться въ предѣлахъ своего долга, онъ также будетъ заботиться о сохраненіи ихъ законныхъ вольностей и привилегій, какъ и о своихъ собственныхъ правахъ; такъ что ихъ палата пусть не касается этихъ правъ, иначе онъ вынужденъ будетъ ограничить ихъ привилегіи». Настроеніе Палаты Общинъ было очень тревожно. И въ день, отмѣченный красными буквами въ нашей

конституціонной исторіи, она внесла въ свои журналы знаменитый «протестъ», который: 1) требовалъ ея привилегій и юрисдикцій, какъ стариннаго и неоспоримаго наслѣдія; 2) настаивалъ на ея правѣ обсуждать со всею свободою рѣчи всѣ политическіе вопросы, касающіеся короля, государства и церкви, и 3) требовалъ для одного только парламента права предавать суду или заключать въ тюрьму членовъ за парламентскія преступленія. Іаковъ въ ярости поскакалъ въ Лондонъ — отсрочилъ парламентъ — созвалъ совѣтъ и въ его присутствіи, своею собственною, трясущеюся рукою вычеркнулъ смѣлыя слова изъ книги протоколовъ. Затѣмъ, распустивъ парламентъ, онъ отправилъ въ тюрьму многихъ изъ главныхъ участниковъ въ протестѣ и въ числѣ ихъ Кока. Пламя охватило также и Палату Лордовъ, и одинъ или двое изъ нихъ тоже отправились въ Тоуэръ. Въ самый день распущенія внезапный ознобъ прохватилъ бѣшенство Іакова. Лошадь, оступившись, окунула его прямо головой въ холодныя воды Новой рѣки, такъ что глазамъ его свиты остались видны одни только его сапоги. Вытащенный своими спутниками, промокшій и бормочущій король пустился вскачь къ своему любимому гнѣзду въ Теобальдсѣ [1]), гдѣ онъ навѣрное постарся залѣчить ударъ, выдержанный его организмомъ, жидкостью, которая не такъ обыкновенна, какъ вода.

Въ добавокъ ко всему этому испанскій бракъ не состоялся. Малютка Карлъ (Baby Charles) и Стини [2]), какъ безумный монархъ называлъ своего сына и перваго министра, отправились въ Мадридъ, надѣвши фальшивыя бороды и назвавшись столь обыкновеннымъ именемъ Смитовъ. Затѣя имѣла свои опасности, какъ и прелести. Переѣхавъ Доверскій проливъ, они переряженные остановились на день или на два въ Парижѣ, гдѣ видѣли молодую королеву (сестру инфанты) и цѣлую стаю красивыхъ дѣвушекъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ была впослѣдствіи женою и роковымъ совѣтникомъ малютки Карла. Можетъ быть, въ этотъ день въ первый разъ взоры сверкнули молніей. Черезъ Францію до Байоны, по склонамъ Пиренеевъ, они то на мулахъ, то другимъ способомъ пробирались къ испанской столицѣ. Сначала, казалось, все шло хорошо. Надежды Рима поднялись высоко, потому что отъ этого испанскаго брака зависѣло многое. Карлъ, казалось, былъ въ восхищеніи отъ своей бѣлокурой донны, и она краснѣла, какъ роза, когда онъ встрѣчался съ нею на

---

[1]) Теобальдсъ въ Гертфордширѣ былъ выстроенъ лордомъ Бэрлеемъ и значительно улучшенъ его сыномъ графомъ Салисбэри, который и отдалъ его Іакову I въ обмѣнъ за Гэтфильдъ-Гоузъ.

[2]) Бэкингэмъ получилъ это имя отъ сходства его съ однимъ изображеніемъ мученика Стефана.

Прадо. Подарки дождемъ лились на Смитовъ, и изъ Англіи стекались придворные, чтобы составить свиту принца. Главный пунктъ, на который были устремлены всѣ силы испанскихъ государственныхъ людей, была полная терпимость католической вѣры въ Англіи; но относительно этого Іаковъ могъ дать только непрочное ручательство своего слова. Много причинъ соединилось вмѣстѣ, чтобы разстроить женитьбу. Англійскій временщикъ Бэкингэмъ и испанскій Оливаресъ терпѣть не могли другъ друга, такъ какъ чопорный идальго былъ не въ состояніи выносить вѣтренную наглость Стини. Папскій нунцій не полагался на этотъ хрупкій тростникъ — личное обѣщаніе короля Іакова. И Карлъ въ дѣйствительности не много безпокоился о румяной, съ полными губками, блондинкѣ. Но нужно было быть осторожнымъ, думалъ онъ, чтобы отказаться отъ женитьбы; потому что голова его была въ пасти льва. Вымышленныя вѣсти изъ дому дали ему предлогъ для возвращенія; и онъ оставилъ Испанію въ полной увѣренности, что свадьба должна имѣть мѣсто до Рождества. Съ марта по сентябрь болтался онъ при испанскомъ дворѣ. Безполезно было бы распространяться объ обманахъ и продѣлкахъ, которыя обезчестили англійскую корону въ этомъ дѣлѣ. Мы, подобно всѣмъ, радуемся неудачѣ замысловъ Іакова, но не можемъ удержаться отъ сожалѣнія, что англійскій король и принцъ такъ низко пали, выставляя лохмотья своего безчестія на показъ всей Европѣ.

Началась испанская война, на поддержаніе которой Палата Общинъ назначила 300,000 фунтовъ. И къ увеличенію разрыва съ Испаніей, въ Англіи было радушно принято предложеніе, выходившее изъ Франціи, относительно брака между Карломъ и Генріеттой, сестрой Людовика. Это поставило англійскаго монарха въ новое затрудненіе, такъ какъ Ришелье рѣшительно стоялъ за терпимость католической вѣры, а Іаковъ съ своимъ сыномъ, только шесть мѣсяцевъ тому назадъ, подъ вліяніемъ перваго стыда за разрывъ съ Испаніей, поклялись вмѣстѣ, что они никогда не согласятся на такую мѣру. Наконецъ трудность была устранена характеристическимъ образомъ, — тайнымъ обѣщаніемъ Іакова совершенно въ разрѣзъ публичной его клятвѣ. Послѣдній годъ этого безславнаго царствованія былъ запятнанъ обвиненіемъ и осужденіемъ за взяточничество графа Мидльсекса, лорда казначея, человѣка, правда, не чуждаго преступленію, въ которомъ онъ обвинялся, но заслуживающаго нѣкотораго снисхожденія, какъ жертва, принесенная для удовлетворенія тайной злобы Бэкингэма.

Іаковъ I умеръ въ Теобальдсѣ въ воскресенье 27 марта 1625 года. Пьянство и большой свѣтъ, кажется, ускорили его кончину; лихорадка и подагра подъ конецъ роковыми когтями впи-

лись въ его испорченный организмъ. Нѣтъ никакого повода вѣрить намеку, будто нѣкоторыя лѣкарства, данныя матерью Бэкингэма и употребленныя противъ воли докторовъ, содержали ядъ. Теперь корону сталъ носить самый упрямый и несчастный изъ англійскихъ государей.

The History of England D-r. William, Francis Collier, London, 1868, стр. 314—324.

3. ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОРЪ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

Положеніе католиковъ при Іаковѣ было гораздо лучше, нежели при королевѣ. Католическіе магнаты получили большую возможность покровительствовать своимъ единовѣрцамъ; законы, касавшіеся фальшивыхъ монетчиковъ, были отмѣнены, да и вообще наказанія по другаго рода преступленіямъ соблюдались не такъ строго. Народъ не только въ столицѣ во множествѣ посѣщалъ капеллы католическихъ нунціевъ, но даже въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, преимущественно въ Валлисѣ, дѣло дошло до того, что цѣлыя толпы стекались къ католическимъ священникамъ, открыто имъ проповѣдывавшихъ. Порой снова говорилось, что король склоненъ перейти въ католичество, но однако же онъ съ негодованіемъ опровергалъ этотъ слухъ, тогда какъ Елизавета не только постоянно питала симпатію къ папству, но даже открыто избѣгала англиканскаго богослуженія, имѣла сношенія съ папскимъ посломъ въ Парижѣ и получала отъ него различныя врачебныя средства и подарки. Папская грамата, изданная папою Климентомъ и гласившая о повиновеніи католиковъ новому правительству, во главѣ котораго будетъ стоять монархъ католическаго вѣроисповѣданія, была отмѣнена другими папами. Когда же англійскій посланникъ пожаловался въ Парижѣ папскому послу на участіе католическихъ священниковъ въ заговорѣ, составленномъ противъ короля, то тотъ въ свое оправданіе подалъ ему посланіе кардинала Непота Альдобрандино, въ которомъ папа, напротивъ, предписывалъ всѣмъ католикамъ безусловно повиноваться въ Англіи ихъ королю и молиться за него. Между тѣмъ въ положеніи короля Іакова съ одной стороны прямымъ расчетомъ было держаться протестантизма, такъ какъ, съ одной стороны, чтобы пользоваться авторитетомъ въ Англіи и Шотландіи, ему безспорно необходимо было быть самому протестантомъ, а съ другой стороны, онъ и не могъ явно враждебно относиться къ католикамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ вооружилъ бы противъ себя римскаго папу.

Очевидно, что подобное настроеніе, такъ рѣзко противорѣчившее законамъ Англіи, не могло быть продолжительно. Впрочемъ нѣкоторые благоразумные люди осуждали эту двойственность короля, говоря, что приверженцамъ папы слѣдовало бы или во всемъ отказывать, или во всемъ уступать. И дѣйствительно, когда католики вскорѣ потребовали себѣ открытаго богослуженія, которое разрѣшить имъ могъ только парламентъ, то у короля не хватало на столько храбрости, а у министровъ серьезнаго желанія, чтобы внести въ парламентъ ихъ предложеніе. Въ то же время король и его тайный совѣтъ, усмиряя протестантовъ, которые вслѣдствіе тайныхъ преслѣдованій, начали явно и энергично заявлять о своихъ желаніяхъ, принуждены были заявить о своихъ намѣреніяхъ примѣнять тѣ же самыя строгія мѣры и къ католикамъ. Іаковъ I всегда казался сильно оскорбленнымъ, какъ только ему выражали сомнѣніе въ его желаніи строго и совершенно одинаково держаться законовъ какъ относительно протестантовъ, такъ и относительно католиковъ. Но осенью 1605 г. долженъ былъ быть созванъ новый парламентъ, члены котораго были всѣ ревностными протестантами. Въ виду этого начались приводиться въ исполненіе законы противъ католиковъ безъ всякаго снисхожденія къ нимъ. Прежде всего преслѣдованіе началось съ духовенства и хотя священниковъ, близкихъ ко двору, не предавали смертной казни, но заключеніе ихъ въ темницы было почти равносильно тому, такъ какъ нерѣдко, вслѣдствіе нечеловѣческаго обращенія тюремщиковъ, имъ приходилось платиться своею жизнью. Міряне также много терпѣли отъ шпіоновъ, которые вторгались въ ихъ дома и значеніе которыхъ увеличивалось со дня на день. Такимъ образомъ положеніе католиковъ сдѣлалось чрезвычайно невыносимымъ. Никто изъ нихъ не былъ свободенъ отъ той мысли, что сегодня могутъ отнять у него имущество, завтра лишить его свободы, а послѣ завтра — самой жизни, и даже ни одинъ арендаторъ не соглашался снимать у нихъ земли. Неудивительно, что католики громко и горько жаловались на свое плачевное состояніе.

Изъ двухъ, давно уже образовавшихся между ними партій, изъ которыхъ одна избрала своимъ девизомъ — покоряться неизбѣжному, а другая — мужественно противустоять дѣйствительности, при болѣе и болѣе возрастающихъ притѣсненіяхъ, послѣдняя взяла перевѣсъ надъ первой. Эта партія мало льстила себя надеждой на то, что король приметъ католичество, и очень хорошо понимала, что если онъ и относился мягко къ католикамъ, такъ это для того, чтобы впослѣдствіи еще туже натянуть на нихъ узду, а что въ душѣ онъ былъ всегда полнѣйшимъ гугенотомъ. Хотя папская грамата и предписывала имъ

смиреніе и спокойствіе, но вѣдь даже и папа не могъ имъ повелѣвать жертвовать собою безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Въ это время нѣкоторые изъ самыхъ рѣшительныхъ католиковъ снова дѣлали попытку попрежнему обратиться за помощью къ испанскому двору; но ихъ просьба не могла имѣть желаемаго результата, такъ какъ испанскій дворъ не только заключилъ міръ съ англійскимъ, но еще сталъ надѣяться на возможность внутренняго сліянія между ними.

Въ эту эпоху бѣдствій и отчаяннаго положенія католиковъ, у одного или можетъ быть даже у двухъ смѣльчаковъ не только возникъ, но и созрѣлъ планъ заговора, характеръ дѣйствій котораго своею необузданностью и своимъ звѣрствомъ превосходилъ всѣ, бывшіе до него, мятежи.

Трешемы и Кетесби въ Нортгамптонѣ были извѣстны, какъ самыя зажиточныя и знатнѣйшія семейства этого графства. Когда католическіе миссіонеры прибыли въ Англію, они съ особенной энергіей обнадеживали ихъ въ удачномъ распространеніи здѣсь католицизма и въ свою очередь готовы были открыто признать католическую вѣру. Вслѣдствіе этого законы, изданные англійскимъ правительствомъ противъ католиковъ, особенно сильно затрогивали благосостояніе этихъ семействъ и семейство Уинтеровъ изъ Гуддингтона, которое состояло въ родствѣ съ ними и было такимъ же ревностнымъ поклонникомъ католицизма. Легко понять, что при такомъ настроеніи этихъ двухъ родственныхъ фамилій, подрастающее ихъ молодое поколѣніе, въ лицѣ Томаса Уинтера и Роберта Кетесби не могло признавать своего подданничества протестантскому правительству и, послѣ безуспѣшныхъ протестовъ и сопротивленій противъ тѣхъ угнетеній, которыя имъ приходилось испытывать съ его стороны, эти молодые люди въ свою очередь задумали дѣйствовать насиліемъ. Къ нимъ присоединились два брата, Джонъ и Христофоръ Врайтъ, родомъ изъ Іорка, оба твердаго, воинственнаго характера и одинаковаго съ ними образа мыслей. Всѣ они когда-то, преслѣдуя все ту же цѣль и желая достичь ниспроверженія настоящей власти, участвовали и въ заговорѣ графа Эссекса, послѣ котораго Робертъ Кетесби получилъ снова свободу только благодаря тяжелому денежному штрафу, заставившему его продать одно изъ самыхъ доходныхъ родовыхъ имѣній. Эти молодые люди были изъ числа тѣхъ, которые, во время послѣдней болѣзни королевы Елисаветы, настойчиво и громко заявляли о необходимости коренныхъ перемѣнъ, за что и были арестованы, а съ восшествіемъ на престолъ Іакова они требовали закона о вѣротерпимости и, не получивъ его, снова начали обдумывать планъ мятежа. Христофоръ Врайтъ вмѣстѣ со многими другими обращался къ Филиппу III за помощью католикамъ, а Томасъ Уинтеръ отнесся

съ такимъ же требованіемъ къ коннетаблю, когда тотъ прибылъ во Фландрію для водворенія тамъ спокойствія. Получивъ отказъ съ той и съ другой стороны, они неожиданно нашли сильную поддержку въ союзѣ, возникшемъ въ эрцгерцогскихъ Нидерландахъ и вполнѣ соотвѣтствующемъ ихъ образу мыслей. Этотъ союзъ составился вслѣдствіе набора, который шелъ въ той мѣстности и который, въ силу мира, былъ обязателенъ и для испанцевъ. Изъ этихъ новобранцевъ образовался вполнѣ самостоятельный англійскій полкъ въ 1,500 человѣкъ, въ которомъ іезуитскіе священники совершенно свободно отправляли богослуженіе и въ которомъ доступъ на службу открывался только офицерамъ, вполнѣ преданнымъ католицизму. Этотъ полкъ, въ которомъ самымъ сильнымъ значеніемъ пользовались англійскій іезуитъ Больдвинъ и, одинаковый съ нимъ по убѣжденіямъ, храбрый Овенъ, носилъ на себѣ характеръ какого-то воинственнаго духовнаго собранія, въ которомъ каждое дѣйствіе англійскаго правительства встрѣчало злобное противорѣчіе, возбуждало проклятія и служило поводомъ къ составленію враждебныхъ ему замысловъ. Относясь съ порицаніемъ даже къ папѣ Клименту за то, что онъ не отлучилъ отъ церкви короля Іакова, они открыто заявляли о необходимости дѣйствовать насильственными мѣрами, и ихъ пропаганда оказывала вліяніе и возбуждала броженіе не только въ Англіи, но и въ Парижѣ. Въ этомъ наборѣ принимали дѣятельное участіе въ особенности Робертъ Кетесби и одинъ изъ самыхъ отважныхъ офицеровъ этого полка Гай Фоксъ, который сопровождалъ Христофора Врайта въ его поѣздкѣ въ Испанію и о которомъ Овенъ относился какъ о человѣкѣ, обладающемъ замѣчательной рѣшимостью и готовомъ идти на самыя страшныя предпріятія. Трудно рѣшить, у кого перваго возникла мысль дѣйствовать прямо и безпощадно, но только намъ извѣстно, что Кетесби высказывалъ созрѣвшій у него планъ дѣйствій сначала одному, а затѣмъ и прочимъ своимъ сотоварищамъ. Къ этимъ извѣстнымъ уже намъ соумышленникамъ въ заговорѣ присоединился еще Томасъ Перси, дальній родственникъ герцога Нортумберландскаго, одной изъ самой знатной фамиліи англійской аристократіи. Состоя въ придворномъ штатѣ короля, онъ всѣми силами старался склонить Іакова въ пользу католиковъ и, видя безуспѣшность своихъ настояній, перешелъ на сторону заговорщиковъ.

Весною 1604 года, около времени заключенія мира между Испаніей и Англіей, не имѣвшаго для католиковъ никакого хорошаго результата, всѣ единомышленники собрались въ одномъ уединенномъ домѣ предмѣстья Св. Климента и прежде всего поклялись другъ другу свято и ненарушимо хранить тайну ихъ послѣдующихъ дѣйствій. Сначала они намѣревались еще разъ

войти въ парламентъ съ настоятельнымъ требованіемъ въ пользу католиковъ, но вскорѣ отказались отъ этого рода попытки, будучи убѣждены въ полной ея безуспѣшности.

Съ другой стороны, они принуждены были отказаться отъ мысли покушенія на жизнь короля и его министровъ, такъ какъ подобный смѣлый шагъ, даже въ случаѣ самаго удачнаго его исхода, не могъ привести къ желаемому результату, потому что ненавистный имъ парламентъ съ громаднымъ протестантскимъ большинствомъ все-таки бы остался и продолжалъ бы издавать и приводить въ исполненіе попрежнему противокатолическіе статуты. Тогда Кетесби раскрылъ имъ свой замыселъ, по которому, въ случаѣ успѣха, католики могли бы избавиться сразу отъ всѣхъ своихъ враговъ. *Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: когда король и его старшій сынъ, придворные и государственные чиновники, духовные и свѣтскіе лорды, депутаты нижней палаты, однимъ словомъ, когда весь парламентъ будетъ въ полномъ своемъ составѣ для открытія засѣданія, то воспользоваться этимъ мновеніемъ, чтобы взорвать ихъ всѣхъ на воздухъ вмѣстѣ съ той самой залой собранія, въ которой они занимались изданіемъ ненавистныхъ для католиковъ законовъ и, отмстивъ такимъ образомъ своимъ мучителямъ, тотчасъ же приступить къ водворенію новаго порядка въ церкви и въ государствѣ.*

Замыселъ этотъ, впрочемъ, нисколько не отличался новизной. Еще во времена Елисаветы недовольнымъ ея правленіемъ пришла въ голову смѣлая мысль — взорвать королеву вмѣстѣ съ ея парламентомъ на воздухъ и, отвергнувъ предложеніе — повторить надъ королевой Елисаветою то, что хотѣлъ совершить или совершилъ Ботвель надъ Генрихомъ Дарнлеемъ; тогда еще смотрѣли на эту мѣру, какъ на самую радикальную. Даже настоятель іезуитовъ, Генрихъ Гарнетъ, призналъ подобный образъ дѣйствій за совершенно законный и только совѣтовалъ щадить при этомъ, насколько возможно, невинныхъ. Такимъ образомъ, во время правленія Іакова I, недовольные, видя, что его восшествіе на престолъ не дало желаемой перемѣны, рѣшились осуществить надъ нимъ то же самое безчеловѣчное намѣреніе, которое зародилось у нихъ еще при Елисаветѣ. И этотъ разъ, изъ опасенія какъ бы не погубить многихъ католиковъ, обратились за совѣтомъ къ Гарнету, который, впрочемъ, вполнѣ одобрилъ ихъ планъ, говоря, что гибель нѣкоторыхъ невинныхъ, къ сожалѣнію, есть несчастная необходимость и останавливаться вслѣдствіе этого обстоятельства передъ выполненіемъ задуманнаго плана — невозможно, такъ какъ цѣль слишкомъ велика, чтобы думать о средствахъ. Вполнѣ присоединяясь къ этому соображенію Гарнета, Кетесби говорилъ, что о смерти этихъ невинныхъ нечего и безпокоиться, такъ какъ эти лорды

слишкомъ ничтожны и не были въ состояніи за все время проявить чѣмъ-нибудь свое существованіе.

Въ декабрѣ 1604 года заговорщики, не медля, приступили къ приготовленіямъ. Перси, числившійся еще въ придворномъ штатѣ, нанялъ домъ, примыкавшій къ зданію парламента, чтобы съ помощію подкопа взорвать стѣны, отдѣлявшія его отъ парламентскихъ строеній. Конечно, подобнаго рода намѣреніе гораздо болѣе свидѣтельствовало объ усердіи, нежели о здравомъ смыслѣ составителей и едва ли бы привело ихъ къ конечной цѣли предпріятія, еслибы по счастливому стеченію обстоятельствъ имъ не представился бы удобный случай нанять подвалъ, бывшій въ то время незанятымъ и находившійся непосредственно подъ Палатою Лордовъ. Они наполнили этотъ подвалъ несмѣтнымъ количествомъ бочекъ, содержащихъ въ себѣ до 9,000 фунтовъ пороху, и не сомнѣвались въ томъ, что 5-го ноября, — день, назначенный послѣ многихъ отсрочекъ, для торжественнаго открытія парламента, — послужитъ и для нихъ днемъ осуществленія катастрофы со всѣми ея ужасами. Послѣ гибели короля и принца Валлійскаго заговорщики намѣревались возвести на престолъ младшаго принца или принцессу, которыми они легко могли бы руководить, благодаря регентству съ протекторомъ во главѣ, долженствовавшему быть учрежденнымъ во время ихъ несовершеннолѣтія. Затѣмъ по ихъ плану должно было выступить въ походъ преданное имъ войско и въ Варвикширѣ, подъ знаменами своихъ главныхъ предводителей, которые отправятся туда подъ предлогомъ охоты въ Дюнкирхенѣ, соединиться съ англійскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Фландріи, который долженъ былъ также перейти сюда. Нѣтъ сомнѣнія, что Овенъ былъ вполнѣ посвященъ во всѣ эти планы, точно также какъ и нѣкоторые другіе, помогавшіе предпріятію своими денежными средствами. Одинъ изъ подобнаго рода людей былъ посланъ въ Римъ, чтобы убѣдить папу въ необходимости ихъ предпріятія и побудить его благосклонно отнестись къ нему.

Въ день Всѣхъ Святыхъ патеръ Гарнетъ къ обыкновенной молитвѣ присоединилъ еще гимнъ объ освобожденіи странъ вѣрующихъ отъ рода нечестивыхъ.

Однако англійское правительство получило изъ Парижа, гдѣ склонность къ католицизму выражалась еще болѣе смѣлымъ образомъ, нежели въ Лондонѣ, предостереженіе о заговорѣ, въ которомъ говорилось, «что королю предстоитъ разрушить нечестивое предпріятіе этихъ лицемѣровъ и отчаянныхъ головъ».

Трудно вообразить себѣ всю силу впечатлѣнія, произведеннаго на одного изъ католическихъ лордовъ, полученнымъ имъ анонимнымъ письмомъ съ таинственнымъ предостереженіемъ — не входить въ залу въ день открытія парламента.

Лордъ этотъ, по фамиліи Монтиглъ, въ прежнія времена придерживался направленія, одинаковаго съ теперешними заговорщиками, но съ нѣкотораго времени измѣнилъ свой образъ мыслей, вотъ почему онъ тотчасъ же показалъ это письмо министру.

Можетъ быть самъ король, вникнувши въ смыслъ одного слова, пришелъ къ мысли, что ему предстоитъ та же самая участь, какая постигла его отца, а можетъ быть и министры напали на слѣды готовившагося преступленія, но только вечеромъ наканунѣ дня открытія парламента, велѣно было осмотрѣть всѣ подвальныя мѣста, и въ извѣстномъ уже намъ подвалѣ, посреди кучи хвороста и дровъ, найдены были не только бочки съ порохомъ, но даже одинъ изъ заговорщиковъ, а именно Гай Фоксъ, занятый тамъ послѣдними приготовленіями къ совершенію преступленія. Съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ и даже съ улыбкою на лицѣ сознался онъ въ своемъ замыслѣ, на который смотрѣлъ, какъ на исполненіе одной изъ религіозныхъ обязанностей, такъ что ученый король поневолѣ вообразилъ, что видитъ передъ собою втораго фанатика — Муція Сцеволу.

Устрашенные открытіемъ, остальные заговорщики, бывшіе въ Лондонѣ, устремились къ Дюнкирхену, долженствовавшему служить для нихъ всѣхъ сборнымъ пунктомъ, но извѣстіе, принесенное ими туда, возбудило во всѣхъ паническій страхъ и нашлось не болѣе ста товарищей, съ которыми, бѣжавшіе изъ Лондона, порѣшили искать себѣ убѣжища и спасенія въ Валлиссѣ, гдѣ жила бо̀льшая часть католиковъ. Расчитывая на поддержку народа, какъ то разъ стороною они даже вздумали было увѣрять его, что дѣйствуютъ во имя Бога и страны, но получили самый благоразумный отвѣтъ, что слѣдуетъ дѣйствовать также и во имя короля. Мало по малу многіе изъ бѣглецовъ стали отставать и въ концѣ концовъ заговорщики были настигнуты отрядомъ вооруженныхъ солдатъ подъ предводительствомъ ихъ шерифа въ графствѣ Ворчестерѣ, въ Гольбахѣ, гдѣ между ними произошла свалка, въ которой Перси и Кетесби были убиты, точно также какъ и оба Врайта, а Томасъ Уинтеръ былъ захваченъ въ плѣнъ.

Изъ всего вышесказанаго мы видимъ, что правительственная власть, какъ въ этой оппозиціи, такъ и во всѣхъ ей подобныхъ, начиная со временъ Генриха VII брала постоянно перевѣсъ надъ дикой попыткой её сокрушить.

Точно также нельзя не замѣтить того явленія, что пороховой заговоръ былъ направленъ прежде всего на парламентъ, слѣдовательно онъ ни чуть не измѣнялъ характеру заговоровъ, бывшихъ до него, въ чемъ мы и убѣдимся припомнивши ихъ исторію.

Такъ во время междоусобной войны единственною и главною цѣлью сверженія съ престола владѣтельнаго князя было желаніе — создать новый парламентъ, точно какже какъ въ основаніи покушенія на жизнь королевы Елисаветы лежала надежда, благодаря ея смерти, придти къ тому же результату; но еще въ послѣдніе годы ея правленія убѣдились въ обманчивости этой надежды и тогда еще создалось убѣжденіе, что только свободные выборы позволятъ недовольнымъ пересоздать парламентъ.

Однако, къ великому горю католиковъ послѣ Елисаветы, при новомъ правительствѣ протестанты получили въ выборахъ большинство голосовъ, такъ что единственная возможность какой-либо перемѣны въ будущемъ заключалась въ уничтоженіи самаго парламента.

Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь шла не объ уничтоженіи парламента въ смыслѣ государственнаго учрежденія, а объ изгнаніи членовъ, составлявшихъ его и придававшихъ ему свой особый характеръ.

Въ то же время покушенія противъ парламентской власти доказываютъ ея силу и могущество, вѣдь мы уже говорили о томъ, что пороховой заговоръ былъ направленъ противъ особы короля, не какъ противъ монарха, но какъ противъ главы законодательной власти, которая, по мнѣнію заговорщиковъ, должна была быть уничтожена со всѣми ея составными частями, безъ всякой жалости и милости къ ней.

Однако неизбѣжнымъ слѣдствіемъ заговора было то, что парламентъ, открытіе котораго послѣдовало лишь въ январѣ 1606 года, постарался увеличить строгость своихъ и безъ того уже строгихъ законовъ, касавшихся одинаковымъ образомъ и католиковъ, не принимавшихъ никакого участія въ преступленіи, за то только, что оно возникло изъ ихъ же среды и расчитывало на ихъ помощь.

Снова старыя наказанія всею своею тяжестью легли на католиковъ: ихъ отстраняли отъ двора, изгоняли изъ столицы, лишали права на занятіе какой-бы то ни было судебной или правительственной должности, даже званія врача. Частные ихъ дома могли быть ежеминутно подвергнуты обыску, ихъ брачные обряды и крещеніе ихъ дѣтей должны были быть совершаемы только протестантскимъ священникомъ, кромѣ того, такъ какъ католики, подстрекаемые миссіонерами, ссылались на то господствовавшее между ними убѣжденіе — что нельзя имѣть никакихъ обязанностей относительно короля еретика, то парламентъ и счелъ необходимымъ заставить ихъ принять присягу, которая бы разрушала это религіозное ихъ убѣжденіе, такъ что, принося её, католики вмѣстѣ съ тѣмъ не только клятвенно обя-

зывались признавать короля своимъ законнымъ властителемъ и защищать противъ каждаго заговора и покушенія на его жизнь, даже еслибы оно было предпринято во имя религіи, но также отказывались отъ того ученія, которое гласило, что папа имѣетъ право отлучать короля отъ престола, разрѣшать его подданныхъ отъ клятвы ему въ вѣрности, и признавали безбожнымъ правило — что короли, отлученные папою отъ церкви, могли быть убиваемы ихъ подданными. Кромѣ того вниманіе парламента сосредоточилось на извѣстномъ уже намъ англійскомъ отрядѣ, бывшемъ на службѣ у эрцгерцога и казавшемся довольно подозрительнымъ, вслѣдствіе того, что онъ былъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ, которые, упражняясь здѣсь въ военномъ искусствѣ, могли со временемъ сдѣлаться опасными врагами правительства. Во избѣжаніе этого было постановлено, чтобы каждый, поступавшій въ иностранную службу, передъ отъѣздомъ давалъ клятву и представлялъ чье-либо поручительство въ томъ, что онъ не будетъ входить въ дружескія отношенія съ католиками.

Весною 1605 г. въ Англіи еще казалось возможнымъ примиреніе двухъ враждебныхъ между собою партій — католиковъ и протестантовъ; но уже весною 1606 г. борьба ихъ сдѣлалась вполнѣ очевидною и даже успѣла оказать снова свое вліяніе на католическія страны и на ихъ правительства. Такъ напр. въ Испаніи, гдѣ легче всего можно было возбудить чувство собственнаго достоинства католиковъ, строгія постановленія англійскаго парламента были встрѣчены энергическимъ протестомъ, который еще болѣе усилился, вслѣдствіе разсказовъ ирландскихъ бѣглецовъ, прибывшихъ сюда, о томъ, какъ немилосердно строго слѣдили за выполненіемъ этихъ законовъ въ Ирландіи.

Испанское, точно также какъ и нидерландское правительства почувствовали себя оскорбленными въ лицѣ своихъ единовѣрцевъ, что и выразилось въ ихъ отказѣ просьбамъ англійскаго короля выдать ему нѣкоторыхъ опасныхъ для него личностей, принимавшихъ главное участіе въ заговорѣ, какъ напр. Больдвина и Овена. (Обратились къ духовному завѣщанію королевы Маріи, въ которомъ она, во имя вѣрующихъ, передавала свое наслѣдное право на Англію, Францію, Ирландію и Шотландію испанскому дому въ томъ случаѣ, если сынъ ея не обратится на путь истинный.

Еще болѣе сильное оскорбленіе почувствовалъ римскій дворъ, когда до него дошла вѣсть о требуемой парламентомъ въ Англіи присягѣ съ католиковъ. Въ Римѣ въ то время былъ только что избранъ папа Павелъ V Боргезе, человѣкъ, самъ сильно проникнутый святостью и ненарушимостью папскихъ правъ и

умѣвшій то же самое убѣжденіе вкоренить въ умы ученыхъ и государственныхъ людей, окружавшихъ его и думавшихъ, что спасеніе всего міра зависитъ отъ неприкосновенности папской власти. Теперь легко понять, какъ сильно должна была оскорбиться священная гордость этихъ фанатиковъ, когда они узнали, что католики въ Англіи обязаны приносить парламенту клятву, которая, по ихъ мнѣнію, не только была унизительна для папы, но даже и еретична, и что, находясь совершенно во власти англійскаго короля, они поневолѣ должны были исполнять безпрекословно его волю. Но что всего болѣе возмущало ихъ, такъ это поступокъ новопоставленнаго папою Климентомъ VIII архіепископа Блэкуэля, который не только что самъ присягнулъ англійскому королю, но и другихъ своимъ собственнымъ примѣромъ склонилъ къ тому же, чѣмъ явно признавалъ надъ собою авторитетъ англійскаго короля и подрывалъ связь англійскихъ католиковъ съ папою.

Принявъ все это въ соображеніе, папа Павелъ V издалъ 1 сентября 1606 года грамату, въ которой пояснялъ католикамъ, что клятва, требуемая съ нихъ, содержитъ въ себѣ много противорѣчій ихъ религіознымъ убѣжденіямъ и сильно вредитъ спасенію ихъ души. Въ ней онъ выражалъ надежду на то, что англійскіе католики подтвердятъ теперь ту стойкость, которую они доказали еще во времена прежнихъ преслѣдованій, и скорѣе будутъ готовы перенести разнаго рода мученія и даже самую смерть, чѣмъ своимъ малодушіемъ оскорбить величіе Бога.

Когда же эта папская грамата была признана подложной, какъ англійскимъ архіепископомъ, такъ и нѣкоторыми умѣренными католиками, не видѣвшими въ клятвѣ, даваемой англійскому парламенту, нарушенія святости папы, то, въ подтвержденіе истиннаго ея существованія, появилось посланіе одного изъ знаменитыхъ защитниковъ папскаго престола — кардинала Беллармина, въ которомъ тотъ рѣзко замѣчалъ архіепископу, что апостольское значеніе папы не должно быть оскорбляемо ни въ одной іотѣ догматическихъ тонкостей, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, гдѣ затрогивается чрезвычайно важный вопросъ, а именно — кого считать главою церкви, преемника ли Генриха VIII или намѣстника Св. Петра.

Папская грамата и появившееся вскорѣ послѣ нея посланіе кардинала Беллармина заставили Якова I взяться за письменную защиту присяги, потребованной имъ съ католиковъ и имъ же самимъ формулированной. Всѣ доказательства въ своей защитѣ король старался основывать на постановленіяхъ прежнихъ соборовъ. Прежде всего онъ пояснилъ, что клятвенная присяга католиковъ нисколько не противорѣчила ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, а помогала только ему отличить поборниковъ преступ-

ленія въ пороховомъ заговорѣ отъ мирныхъ подданныхъ, исповѣдывавшихъ католическую вѣру. Затѣмъ онъ доказывалъ, что клятва эта не заключала въ себѣ ничего гибельнаго для спасенія ихъ души, а просто служила выраженіемъ ихъ покорности королю, и что папа, осудивши ее, тѣмъ самымъ заставилъ ихъ отречься отъ этого законнаго послушанія, такъ какъ многіе католики, слѣдуя примѣру архіепископа, уже успѣли снять съ себя клятвенную присягу, когда-то ими данную королю.

Въ концѣ своей защиты Іаковъ выражалъ удивленіе, что такой извѣстный защитникъ, какъ Беллярминъ, смѣшалъ значеніе присяги въ верховной власти государя съ простой присягой ему въ вѣрности.

Такимъ образомъ мы видимъ, что иногда и неудавшіеся заговоры противъ правительства могутъ имѣть обширное политическое значеніе.

Хотя Іаковъ I стремился къ мирной политикѣ, т. е. желалъ пользоваться повиновеніемъ своихъ подданныхъ различнаго рода вѣроисповѣданій и въ то же время поставить Великобританское королевство въ мирныя отношенія къ другимъ державамъ, но вслѣдствіе мѣръ, изданныхъ имъ для огражденія себя и страны отъ новыхъ заговоровъ и покушеній, онъ достигъ совершенно противоположнаго результата: затронувъ церковныя и національныя особенности, эти же самыя державы сильно возстановилъ противъ себя.

(Englische Geschichte, Ranke, viertes Buch, drittes Kapitel, 2-е изданіе).

4. КАРЛЪ I И РЕВОЛЮЦІЯ (1625—1649).

Когда Карлъ I вступилъ на престолъ, въ королевствѣ жило пятеро людей, которымъ суждено было играть главныя роли въ великой трагедіи этого царствованія.

Старше всѣхъ былъ епископъ Сентъ-Дэвида, — сынъ суконщика изъ Ридинга въ Беркширѣ — который имѣлъ тогда пятьдесятъ третій годъ. Этотъ человѣкъ, съ рѣзкими чертами лица, съ крысиными глазами и гаденькимъ видомъ, еще будучи оксфордскимъ студентомъ, отличался своими папистскими стремленіями. Вступивъ въ общественную жизнь подъ крыломъ Маунтджая, графа Девоншира, онъ достигъ до званія королевскаго капеллана и глостерскаго декана, ѣздилъ въ Шотландію съ королемъ Іаковомъ въ 1617, чтобы вырвать съ корнемъ пресвитеріанизмъ, еслибъ только это было возможно, и теперь четыре уже года носилъ митру. Онъ оставилъ намъ дневникъ, наполненный разсказами, какъ онъ видѣлъ во снѣ разжатые зубы,

епископовъ въ бѣломъ облаченіи, веселаго старика съ нахмуреннымъ лицомъ, лежащаго на землѣ, и тысячу другихъ глупостей. Имя этого человѣка было Вильямъ Лодъ. Онъ отличался строгостью нравовъ, простотою въ образѣ жизни; онъ былъ фанатическимъ защитникомъ власти, была ли она въ рукахъ у него самаго или у другихъ. Предписывать и наказывать, значило, по его мнѣнію, возстановлять порядокъ; а порядокъ онъ всегда принималъ за правосудіе. Дѣятельность его была неутомима, но зато узка, насильственна и жестока. Будучи равно неспособенъ щадить чужіе интересы и уважать права, онъ безъ разбору преслѣдовалъ и право, и злоупотребленіе, увлекаясь слѣпою ненавистью. Рѣзкій и сердитый съ придворными и съ гражданами, не заискивавшій ничьей дружбы, не предполагавшій и не терпѣвшій никакого сопротивленія, онъ былъ постоянною жертвою какой-нибудь исключительной мысли!

Двадцатью годами моложе его былъ Томасъ Уэнтуортъ, съ смуглымъ, надменнымъ лицемъ и безжалостными губами. Сынъ славнаго іоркширскаго дворянина, наслѣдникъ огромнаго состоянія, дважды женатый на графскихъ дочеряхъ, одаренный большимъ природнымъ краснорѣчіемъ, учившійся въ Кембриджѣ и воспитанный на усидчивомъ изученіи лучшихъ образцовъ, много путешествовавшій за границей и бывшій въ сношеніяхъ съ главными вожаками своего времени, онъ, кажется, съ самыхъ раннихъ поръ своей карьеры былъ отмѣченъ, какъ человѣкъ, которому придется играть видную роль въ политикѣ. Едва достигши зрѣлаго возраста, онъ былъ призванъ занять важный постъ, въ качествѣ члена отъ графства Іоркъ. Въ этомъ званіи онъ всегда до сихъ поръ подавалъ голосъ заодно съ партіей страны, въ противность двору.

Джонъ Гэмпденъ, дворянинъ изъ Бэкингэмшира, засѣдалъ въ первомъ парламентѣ Карла, какъ членъ отъ Уэндовера. Родившись въ 1594 году, онъ былъ теперь въ разцвѣтѣ своей жизни. Его лекціи въ Магдалинской коллегіи Оксфорда, занятія въ Иннеръ-Темплѣ, охота и рыбная ловля до сихъ поръ главнымъ образомъ занимали его умъ и время. Но въ будущемъ патріота ожидали болѣе крупные интересы.

Старше двухъ послѣднихъ былъ простой Джонъ Пимъ, знаменитый юристъ, который впродолженіе многихъ сессій засѣдалъ въ качествѣ члена отъ Тэвистока. Его прежняя жизнь не представляетъ ни одной важной черты, кромѣ того, что Пемброкская коллегія Оксфорда называетъ этого члена нижней палаты однимъ изъ своихъ величайшихъ alumni (питомцевъ). При вступленіи Карла Пиму былъ сорокъ одинъ годъ.

Послѣднему и величайшему изъ этихъ пяти (Кромвелю) должна быть отведена отдѣльная глава. Всѣ, за исключеніемъ од-

ного изъ этой группы знаменитостей, лежали въ холодной могилѣ, прежде чѣмъ поднялась на поверхность событій исполинская фигура Оливера Кромвеля, чтобы направить бурныя волны къ страшной цѣли. И для этого, пережившаго другихъ, старика точился уже роковой топоръ, прежде чѣмъ разсѣялся боевой дымъ Марстона.

Однимъ изъ первыхъ публичныхъ дѣлъ Карла было совершеніе французскаго брака. Въ Доверъ-Кастлѣ встрѣтилъ онъ свою француженку-жену, деспотическія стремленія которой впослѣдствіи дали такой густой колоритъ всему, что дѣлалъ ея супругъ. Немного спустя, онъ созвалъ первый свой парламентъ (съ 1-го по 12-е августа 1625), но предварительно далъ образчикъ своей политики, набирая войска и взимая деньги своей собственной властью. Безуспѣшная экспедиція противъ французскихъ гугенотовъ въ Рошелѣ и еще болѣе злополучная неудача при Кадиксѣ ясно показали неспособность Бэкингэма, какъ военнаго министра, или лучше какъ министра всякаго другаго рода. Отъ своего перваго недолговѣчнаго парламента Карлъ не получилъ ни копѣйки, потому что, когда въ нихъ пренія замѣшалось непріятное слово «жалобы» (grievancc), онъ съ внезапной поспѣшностью распустилъ засѣданіе.

Второй парламентъ собрался въ 1626, съ большею, чѣмъ когда-либо, рѣшимостью сурово разсчитаться съ ненавистнымъ временщикомъ. Эта великая задача наполняла всѣ умы. Сессія открылась 6-го февраля, и обвиненіе, при намекѣ на которое прежній парламентъ былъ распущенъ королемъ, сдѣлано было формальнымъ порядкомъ. Восемь обвинителей, между которыми были сэръ Джонъ Эліотъ, сэръ Додлей Дигсъ и Джонъ Пимъ, явились противъ Бэкингэма у рѣшетки Палаты Лордовъ по тринадцати различнымъ дѣламъ подкупа и взяточничества и требовали, чтобы онъ былъ отправленъ въ Тоуэръ. Дигсъ называлъ его «чудовищной кометой»; Эліотъ уподоблялъ его гнусному Сеяну. Король въ бѣшенствѣ заключилъ обоихъ ораторовъ въ тюрьму, въ которую они хотѣли засадить ненавистнаго герцога; но лучъ здраваго смысла или уколъ страха заставили его отворить тюрьму послѣ отказа нижней палаты отъ всякихъ занятій, пока не будетъ кончено это дѣло. Въ то же самое время безтолковый монархъ былъ въ сильной ссорѣ съ Палатой Лордовъ, изъ которыхъ двое, Арондель и Бристоль, были посажены имъ также въ Тоуэръ. При такомъ началѣ, нечего удивляться, что царствованіе кончилось возмущеніемъ и кровью. Парламентъ 1626 года продолжался немного больше четырехъ мѣсяцевъ (съ 6-го февраля по 15-е іюня).

Но деньги нужно было достать — если не отъ парламента, то какъ-нибудь иначе. Между другими незаконными средствами

для пополненія королевской казны является на сцену общій заемъ. Эта мѣра, слегка замаскированное старое «добровольное жертвованіе» (Benevolence), дала работу значительному числу коммисаровъ по всей странѣ, — чтобы получить со всякаго часть его дохода или собственности. Со всѣхъ, до послѣдняго торгаша, требовалась извѣстная сумма, которую обѣщали уплатить черезъ полтора года (обѣщаніе, обставленное многими *ежели*). Замѣчательнѣйшимъ изъ тѣхъ, кто воспротивился этому незаконному налогу, былъ сэръ Томасъ Уэнтуортъ, рвеніе котораго, какъ патріота, привело его въ маршальсійскую тюрьму, откуда шесть недѣль спустя онъ былъ отправленъ въ кентскую деревню Дартфордъ. Джонъ Гамбденъ тоже теперь сдѣлалъ свое первое общественное движеніе. Боясь, какъ онъ сказалъ, навлечь на себя проклятіе «Великой хартіи», онъ объявилъ, что не дастъ ни гроша, и былъ заключенъ въ Гэтъ-Гоузъ, а потомъ въ одну тюрьму въ Гэмпширѣ. Король Карлъ, поддерживаемый въ своей тираніи Лодомъ, который, нося теперь митру Бата и Уэльса, наполнялъ всѣ церковныя каѳедры увѣщаніями вносить деньги, не обращая вниманія на парламентскую власть, — король все глубже погружался въ этотъ потокъ беззаконнаго произвола, за который онъ поплатился короной и головой, носившей ее. Послышался вновь, громче прежняго, старый жаргонъ послѣдняго царствованія касательно божественнаго права и пассивнаго повиновенія.

Развратъ и наглость Бэкингэма вовлекли Англію во Французскую войну. Рошель, великій оплотъ французскаго протестанства, въ это время выдерживала тяжелую осаду подъ руководствомъ Ришелье. Англійскій герцогъ въ 1627 году вышелъ въ море съ большими военными силами, чтобы освободить осажденный городъ; но вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія военнаго таланта, попытка его захватить сосѣдній островъ Рэ [1]) потерпѣла жалкую и бѣдственную неудачу. Когда онъ воротился въ ноябрѣ — послѣднемъ въ своей жизни — теплый привѣтъ встрѣтилъ его со стороны его царственнаго друга, но громкія и грозныя проклятія поднялись изъ всѣхъ слоевъ народа. Хотя это и нарушаетъ порядокъ событій, я могу окончить теперь исторію этого блестящаго ничтожества. Рѣшившись на слѣдующее лѣто загладить рейское безчестіе, онъ снарядилъ флотъ и войско для помощи рошельцамъ и уже готовъ былъ сѣсть на корабль въ Портсмутѣ, когда ножъ Джона Фельтона, отставнаго лейтенанта, поразилъ его на-смерть въ залѣ его собственной квартиры

---

[1]) Островъ Рэ (Rhé или Ré) лежитъ въ миляхъ двухъ съ половиною отъ материка Нижней Шаранты, на западномъ берегу Франціи.

(23 августа, 1628 г.). Общественная ненависть къ этому человѣку была такъ сильна, что тѣло его тайно было предано землѣ, и только пустой гробъ среди жалкаго траура былъ парадно провезенъ по улицамъ, чтобы чернь не поднялась въ ярости и не разорвала трупа на части: Фельтонъ, который отдался тотчасъ же, былъ вздернутъ на висѣлицу недалеко отъ мѣста своего преступленія [1]).

17-го марта 1628 года собрался достопамятный парламентъ. Это былъ третій изъ созванныхъ королемъ. Въ видѣ подкупа или подарка, Карлъ незадолго до этого освободилъ семьдесятъ восемь человѣкъ, которые были отправлены въ тюрьму за отказъ сдѣлать взносы на королевскій заемъ. Многіе изъ нихъ явились теперь въ Вестминстеръ, глубоко уязвленные тѣми несправедливостями, которымъ они недавно подвергались. Но настроеніе Палаты Общинъ было еще очень холодно, и даже неумѣстныя угрозы тронной рѣчи подернули едва замѣтной рябью ея терпѣніе. Только сильная нужда въ деньгахъ, для продолженія войнъ и поддержанія своего хозяйства, заставили короля *созвать ихъ на сессію.* Они были не прочь дать денегъ; но они рѣшились добиться, какъ должнаго вознагражденія, какого-нибудь прочнаго обезпеченія на будущее время. Всѣ жалобы того времени, особенно новыя жалобы на постой солдатъ и на пренебреженіе постановленіями *habeas corpus*, слились вмѣстѣ и были выражены въ самой суровой формѣ. Уэнтуортъ и Кокъ явились сильными защитниками народнаго дѣла; у послѣдняго впрочемъ проглядывали нѣсколько роялистскія стремленія. Плодомъ этихъ великихъ преній была знаменитая *петиція о правахъ* Petition of Right — оплотъ англійскихъ вольностей, которая получила свое особенное названіе отъ того, что не была формально выражена въ видѣ парламентскаго акта. Четыре злоупотребленія лежатъ въ основѣ этого «деклараціоннаго статута» (declaratory statute). Именно: 1) сборъ денегъ подъ именемъ займовъ; 2) заключеніе тѣхъ, кто отказывался платить такимъ образомъ, безъ указанія причинъ для ареста; 3) постой солдатъ въ частныхъ домахъ; 4) коммиссіи для суда надъ военными преступниками по военному закону. Когда стали просить у короля согласія на петицію права, онъ по своему обыкновенію сперва отвѣтилъ съ дельфійскою двусмысленностью: «Король желаетъ,

---

[1]) Отразивши Бэкингэма при Рэ, Ришелье, какъ это извѣстно всякому знакомому съ французской исторіей, вывелъ насыпь, которая не позволяла рошельскому гарнизону получить припасы моремъ. Экспедицію, снаряженную Бэкингэмомъ, послѣ его смерти повелъ къ Рошели графъ Линдсэ. Но англичане ничего не могли сдѣлать для спасенія города, который палъ въ 1628 году.

чтобы правосудіе отправлялось по законамъ и обычаямъ государства и чтобы постановленія приводились въ должное исполненіе, чтобы его подданные не могли имѣть повода жаловаться на несправедливости и притѣсненія, несогласныя съ ихъ настоящими правами и вольностями, охранять которыя онъ считаетъ себя въ глубинѣ своей совѣсти обязаннымъ столько же, сколько и свое собственное право». Этотъ густой туманъ словъ былъ далеко не по вкусу Палатѣ Общинъ, и она, поддержанная верхней палатой, потребовала опредѣленнаго отвѣта на свою декларацію злоупотребленій. Карлъ наконецъ уступилъ, и 7-го іюня 1628 г. старинная французская формула: «Soit droit fait comme il est désiré», явилась знакомъ того, что петиція стала закономъ. Она вмѣстѣ съ великой хартіей и другими статутами, которые будутъ поименованы впослѣдствіи, высоко поднимается среди колоннадъ славной англійской конституціи. Въ вознагражденіе за этотъ вынужденный статутъ, Палата Общинъ приступила къ вотированію пяти субсидій, простиравшихся до 400,000 фунтовъ.

Въ слѣдующемъ мартѣ въ Палатѣ Общинъ произошла сцена, предвѣщавшая новый разрывъ, еще болѣе серьезный. Король, въ крайнемъ пренебреженіи къ петиціи права, продолжалъ беззаконно — то есть безъ утвержденія парламента — взимать таможенный налогъ (tax of tonnage and poundage), который Палата Общинъ рѣшила не вотировать, пока не будутъ удовлетворены вполнѣ жалобы. Солдаты тоже продолжали нарушать спокойствіе частныхъ домовъ. Возмущенная такимъ образомъ дѣйствій, Палата пришла въ самое враждебное настроеніе. Вниманіе ея раздѣлялось между религіозными предметами, особенно нововведеніями Лода въ установленную форму богослуженія, и вопросомъ о противозаконномъ налогѣ. Сэръ Джонъ Эліотъ, имя котораго мы слышали раньше, смѣло порицалъ дворъ по обоимъ вопросамъ. Сэръ Джонъ Финчъ, предсѣдатель, объявилъ желаніе короля, чтобы сессія была отсрочена. Ничто не было такъ далеко отъ цѣлей народной партіи, которая объявила, что вопросъ объ отсрочкѣ принадлежитъ имъ самимъ, и что имъ нужно сперва покончить нѣкоторыя дѣла. Эліотъ попросилъ президента прочитать бумагу, адресованную къ королю и осуждавшую сборъ таможеннаго налога. Финчъ отказался сдѣлать это, послѣ чего Джонъ Селденъ, великій юристъ, извѣстный въ англійской литературѣ своимъ удивительнымъ томомъ «Table-Talk», всталъ и обратился къ нему со строгимъ выговоромъ. Президентъ настаивалъ, что онъ имѣетъ отъ Его Величества приказаніе встать. Тогда началась суматоха. Голлисъ и Валентинъ толкнули президента назадъ на кресло и крѣпко держали его тамъ. Кто то заперъ дверь. Президентъ началъ кричать; тогда

родственникъ его, Сэръ Питеръ Гэменъ, первый напалъ на несчастнаго, а нѣкоторые изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ внесли три статьи, осуждающія, какъ главнаго врага государства, всякаго, кто захотѣлъ бы ввести папство или арминіанство, или способствовать взиманію ненавистнаго налога. Голлисъ прочелъ ихъ среди бури одобреній. Въ самый разгаръ суматохи прибылъ король и послалъ Блакъ-Рода позвать общины въ верхнюю палату. Блакъ-Родъ постучался въ дверь, но безуспѣшно. Подъ охраной замка члены продолжали проводить свои рѣшенія; и прежде чѣмъ король успѣлъ взломать дверь, Палата отсрочила засѣданіе и разошлась. Распущеніе этого мятежнаго парламента послѣдовало тотчасъ же, какъ естественный результатъ (10-го марта, 1629). Но распущеніе не утолило мести короля. Девять главныхъ виновниковъ въ этой мятежной сценѣ были призваны передъ тайный совѣтъ (Privy Council), и когда они объявили, что ни слова не скажутъ относительно своего поведенія въ Палатѣ, ихъ отправили въ Тоуэръ. Обѣ стороны теперь рѣшительно были вызваны на бой. Съ этихъ поръ идетъ открытая война между Карломъ Стюартомъ и его парламентомъ.

Теперь начался одиннадцатилѣтній періодъ, впродолженіе котораго никакого парламента не собиралось. Король совершенно отдался руководству двухъ своихъ совѣтниковъ — виконта Уэнтуорта и епископа Лода. Паденіе перваго произошло лѣтомъ 1628 года. Его сманили нѣкоторыя золотыя приманки, выставленныя Бэкингэмомъ, напр. пэрство, и этотъ великій ренегатъ съ народной стороны перенесъ свои таланты въ придворные ряды, которые сомкнулись вокругъ короля. На королевской сторонѣ не было большаго генія; и когда Бэкингэмъ умеръ, баронъ Уэнтуортъ сдѣлался виконтомъ и лордомъ президентомъ совѣта сѣвера въ признательность за его таланты и въ награду за услуги, которыхъ ожидала отъ него поруганная корона. Взявши за образецъ великаго французскаго кардинала, этотъ англійскій визирь задумалъ гигантскій планъ тираніи, на который онъ ссылался въ своихъ письмахъ подъ именемъ Thorough «на проломъ» и цѣлью котораго было стереть въ прахъ всѣ вольности англичанъ. Въ сѣверныхъ графствахъ, гдѣ онъ игралъ роль президента произвольной и противоконституціонной палаты, называвшейся іоркскимъ совѣтомъ, онъ далъ полный просторъ жестокости и деспотизму, прирожденнымъ его душѣ. Но великій опытъ его коренныхъ мѣръ (Thorough) былъ произведенъ въ Ирландіи, куда онъ былъ назначенъ намѣстникомъ (Lord Deputy) въ 1631 году. Здѣсь онъ такъ успѣшно давилъ судей и лелѣялъ своихъ солдатъ, что и кельты, и саксонцы присѣли подъ безпощадною рукою вице-короля. Онъ установлялъ монополіи

въ свою собственную пользу; назначалъ копейщиковъ своими сборщиками налоговъ, не терпѣлъ, чтобы кто-нибудь оставлялъ островъ безъ его позволенія; запретилъ шерстяную мануфактуру, издѣлія которой, равно какъ и соль, бѣдные ирландцы принуждены были покупать въ три-дорога у Британіи, и съ настойчивою и свирѣпою жестокостью преслѣдовалъ всякаго, кто осмѣливался обнаружить хотя малѣйшій слѣдъ независимаго духа. Такъ, онъ обольстилъ дочь великаго канцлера, и когда этотъ сановникъ не хотѣлъ повиноваться наглому приказу относительно распоряженія его имѣніемъ, онъ заключилъ его въ тюрьму. Одинъ лучъ свѣта, впрочемъ, золотитъ эти тучи, хотя онъ и выходитъ изъ эгоистическихъ разсчетовъ министра. Ввозомъ большаго количества хорошаго льнянаго сѣмени онъ положилъ основаніе полотняному производству, въ которомъ нѣкоторыя части Ирландіи до сихъ поръ не знаютъ соперниковъ. Товарищъ его, Лодъ, вступилъ между тѣмъ въ управленіе двумя главными орудіями тираніи, которыя находились въ центрѣ всѣхъ дѣйствій. Это были — Звѣздная камера. (Star Chamber) и Верховная судебная коммиссія (High Commission Court), на происхожденіе которыхъ я уже указывалъ. Одна политическій, другая церковный трибуналъ, онѣ держали народъ въ страшныхъ тискахъ, о которыхъ англичане нашего времени едва ли могутъ составить себѣ представленіе.

Въ 1633 году Карлъ въ сопровожденіи Лода, который снова заводилъ въ церквахъ разноцвѣтныя стекла, картины, полотняныя рукава и другія вещи, которыхъ терпѣть не могли пуритане, отправился въ Шотландію, чтобы обуздать тамъ пресвитеріанъ. Эдинбургъ встрѣтилъ Стюарта со всѣми знаками радости, — пріемъ, за который онъ милостиво заплатилъ, третируя шотландскій парламентъ, какъ скопище рабовъ, и вводя въ столичной капеллѣ Воздвиженія родъ богослуженія, освященный его любимцемъ; что послѣдній былъ ненавистенъ всему народу, онъ это хорошо зналъ. По возвращеніи двора въ Уайтголлъ, Лодъ перемѣнилъ свою митру лондонскаго епископа, которую онъ носилъ съ 1628 года, на примасство Англіи, вакантное по смерти Аббота. Въ самый день смерти его предшественника до новаго архіепископа достигло предложеніе кардинальской шапки изъ Рима, и это, кажется, ясно обнаруживаетъ, что хитрые люди на берегахъ Тибра съ тайною радостью слѣдили за его папистскими стремленіями и считали настоящій моментъ благопріятнымъ, чтобы закинуть удочку сыну портнаго (Лоду).

Если нужно доказательство безпощадной жестокости Лода, то мы находимъ его въ дѣлахъ Литона и Принна. Александръ Литонъ, отецъ знаменитаго архіепископа, издалъ книгу, подъ заглавіемъ «Аппеляція въ парламентъ, или дѣло Сіона съ пре-

латствомъ», гдѣ его рвеніе дѣйствительно взяло верхъ надъ благоразуміемъ. Призванный въ Звѣздную камеру и здѣсь осужденный (1630), онъ былъ высѣченъ, выставленъ къ позорному столбу, ему отрѣзали ухо, разсѣкли ноздрю и на щекѣ выжгли буквы S. S. (Sower of Sedition — сѣятель мятежей), и затѣмъ, послѣ недѣли страданій и лихорадки въ тюрьмѣ, его опять вывели и подвергли подобному изувѣченію съ другой стороны. Опаленный и окровавленный, онъ возвратился въ тюрьму, изъ которой онъ не выходилъ уже до тѣхъ поръ, пока тиранія, которая раздавила его, не пала передъ растущей силой пуританъ. За вину подобнаго же рода — изданіе книги противъ актеровъ, озаглавленной «Histria Mastix», надъ адвокатомъ Вильямомъ Принномъ былъ произнесенъ приговоръ также въ звѣздной камерѣ, и его такимъ же образомъ клеймили и уродовали, кромѣ того взяли съ него пеню въ 10,000 фунтовъ и бросили въ темницу.

И вотъ по Атлантическому океану плыветъ «Мафлоуеръ», унося въ жилища среди непроходимыхъ лѣсовъ тѣхъ странниковъ, которые предпочли быть подъ ножемъ краснокожихъ, чѣмъ подвергаться болѣе свирѣпымъ истязаніямъ со стороны преслѣдующаго ихъ духовенства. Третье десятилѣтіе этого бурнаго вѣка было свидѣтелемъ основанія почти всѣхъ штатовъ Новой Англіи на американскомъ берегу. Пуританская кровь потекла на западъ, ослабляя родную землю потерей ея здоровыхъ соковъ. Но недалека была еще бо̀льшая потеря силъ отъ болѣе жестокаго кровопусканія!

Настала осень 1634 года, когда безобразное слово «ship-money» (корабельный сборъ), которому предназначено было произвести такое зло въ странѣ, начало раздаваться въ предѣлахъ двора. Для полнаго развитія плановъ Уэнтуорта были необходимы средства на содержаніе постоянной арміи. Роясь въ государственныхъ бумагахъ прежняго времени, генералъ-атторней Пой, который по примѣру своего патрона оставилъ своихъ старыхъ политическихъ товарищей, нашелъ упоминаніе о томъ, что прибрежныя поселенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ были обязаны присоединяться къ приморскимъ городамъ при снаряженіи кораблей для защиты береговъ. Ухватившись за эту идею, онъ съ помощью главнаго судьи Финча переработалъ ее въ обширный планъ безконечнаго и чрезвычайно растяжимаго налога. Вмѣсто вполнѣ снаряженныхъ кораблей должна была выплачиваться деньгами ихъ стоимость — и это не только портами или даже приморскими областями, но также и внутренними графствами. Велико было бѣшенство и ужасъ англійскаго народа, когда появились приказы, и шерифы начали захватывать имущества тѣхъ, кто отказывался платить.

Джонъ Гамбденъ, котораго мы видѣли членомъ отъ Уэндовера въ трехъ парламентахъ настоящаго царствованія и который былъ здѣсь заодно съ вождями патріотической партіи, послѣ безпорядковъ 1629 г. удалился въ свое мирное помѣстье въ Бэкингэмширѣ. Здѣсь онъ лишился жены и отсюда онъ явился опять въ этотъ великій кризисъ, съ бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ когда-либо, въ общественныхъ глазахъ, для борьбы съ деспотомъ и орудіями его тиранніи. На Бэксъ, одно внутреннее графство, была наложена подать въ 4,500 фунтовъ. На долю Гамбдена выпало заплатить 20 шиллинговъ. Подкрѣпляемый мнѣніями величайшихъ юристовъ Англіи, онъ рѣшился воспротивиться несправедливому требованію. Въ Звѣздной палатѣ, передъ двѣнадцатью судьями страны, было назначено къ слушанію въ декабрѣ 1637 года дѣло, такъ глубоко затрогивающее принципъ національной свободы. Оливеръ Сентъ-Джонъ явился повѣреннымъ Гамбдена. Этотъ краснорѣчивый и проницательный юристъ твердо опирался на великую хартію, на славные статуты Эдуарда III, на тотъ фактъ, что Англія тогда не вела никакой войны [1]), и всего болѣе на петицію права, которая едва-ли успѣла даже пожелтѣть отъ времени. Генералъ-атторней и генералъ-прокуроръ говорили туманно *о граматахъ*, которыя поддерживали дѣло короля, но главнымъ образомъ они напирали на то, что король Англіи — абсолютный монархъ — не можетъ быть виновенъ. Послѣ значительной отсрочки судебная палата (Bench of Judges), въ которой предсѣдательствовалъ главный судья Финчъ, рѣшило дѣло въ пользу короля, за котораго было подано семь голосовъ, и пять за Гамбдена. Но симпатіи народа были всѣ на сторонѣ послѣдняго. Уэнтуортъ съ радостью, разумѣется, увидѣлъ бы его подъ плетьми; но сотни людей черпали мужество изъ этого великаго примѣра, чтобы воспротивиться налогу; и народъ выпускалъ деньги изъ рукъ съ такою скупостью и неохотою, какъ никогда во все царствованіе. Съ разстроеннымъ лѣтами здоровьемъ, Гамбденъ, приведенный въ отчаяніе своимъ пораженіемъ, пристально, говорятъ, всматривался черезъ океанъ въ тѣ маленькіе просѣки, гдѣ подъ тѣнью кленовъ кучками мелькали хижины пуританскихъ переселенцевъ. Исторія долго носилась съ романтическимъ разсказомъ о томъ, какъ Гамбденъ, его двоюродный братъ Кромвель и другъ Гезельригъ сѣли на корабль отправлявшійся въ Америку, и имъ помѣшалъ оставить Англію только указъ короля, запрещавшій отъѣздъ корабля. И спекулятивные умы забавлялись вопросами

---

[1]) Давленіе домашнихъ смутъ и недостатокъ въ деньгахъ заставили Карла только-что передъ тѣмъ заключить миръ съ Испаніей и Франціей. Да и Бэкингэмъ уже умеръ.

о томъ, чѣмъ могла бы быть послѣдующая исторія Англіи, еслибы тотъ корабль унесъ этихъ англичанъ на западъ. Почти жаль, что этотъ разсказъ долженъ присоединиться къ той вереницѣ живописныхъ приключеній, которую критическія изысканія новѣйшихъ писателей изгнали со страницъ исторіи. Корабль отплылъ, и всѣ пассажиры, послѣ нѣкоторой задержки, продолжали свой путь.

Прежде чѣмъ наступилъ процессъ Гамбдена, въ Шотландіи *была высѣчена искра, которая произвела сильное пламя.* Для Карла и Лода мало было навязывать епископовъ кальвинистамъ сѣвера, — они изготовили литургію, проникнутую духомъ папизма, и предписали употребленіе ея въ церквахъ Шотландіи. Въ одно іюльское утро Сентъ-Джайльзская церковь въ Эдинбургѣ была биткомъ набита народомъ. Судьи, прелаты, чиновники, всѣ были тутъ, чтобы участвовать въ богослуженіи по образцу, взлелѣянному Лодомъ. Но когда деканъ въ своей бѣлоснѣжной ризѣ раскрылъ ненавистную книгу, поднялся шумъ, и огородница изъ Тропа, по имени Дженни Джедсъ, пустила складнымъ стуломъ въ голову чтеца. Къ счастію онъ былъ брошенъ слишкомъ торопливо, но за нимъ дождемъ посыпались камни и грязь. Напрасно епископъ Эдинбурга, архіепископъ Сентъ-Эндрюса и другія высокопоставленныя лица старались унять безпорядокъ. Только силою можно было добиться удаленія мятежниковъ изъ церкви; двери заперли, и деканъ продолжалъ свое чтеніе, но отъ криковъ на улицѣ и грохота въ стѣны и двери едва можно было разслышать его слова. Нѣсколько мужественныхъ священниковъ сдѣлали довольно умѣренное представленіе противъ этихъ молитвъ, утверждая, что онѣ не получили санкціи ни парламента, ни собранія (Assembly). По окончаніи жатвы въ Эдинбургѣ пришла большая толпа народу, чтобы представить такую же умѣренную петицію противъ молитвъ. Карлъ встрѣтилъ эти движенія грубо и безразсудно. Онъ перенесъ центръ правленія изъ Эдинбурга въ Линлитго и издалъ указъ, наполненный жестокими угрозами противъ пресвитеріанъ, которые стекались къ столицѣ. Изъ этого кризиса выросло временное правительство, извѣстное подъ именемъ *Четырехъ Столовъ* (*Four Tables*). Каждый столъ, или коммиссія, представлялъ классъ — лордовъ, дворянства, духовенства, буржуазіи. Они засѣдали въ Эдинбургѣ, но имѣли отдѣленія во всѣхъ частяхъ королевства. А чтобы соединить все въ машину, годную къ дѣйствію, отъ каждаго стола были избраны члены, которые составили пятый столъ, съ верховною исполнительною властью. При такой организаціи, объединенные пресвитеріане начали дѣйствовать съ удивительной смѣлостью. Они потребовали отмѣны литургіи, правилъ и верховной судебной коммиссіи. А когда

лордъ казначей Такуайръ издалъ королевскій указъ, осуждающій эти движенія, вожди ихъ, лордъ Линдсэ и лордъ Юмъ, отвѣтили своимъ указомъ, который былъ прибитъ на рынкѣ въ Стерлингѣ. Затѣмъ великій *документъ*, извѣстный подъ именемъ національнаго *Ковенанта* (договора), сплотилъ шотландскихъ пресвитеріанъ, какъ ни одна изъ новѣйшихъ націй не была сплочена, въ одну массу, пылавшую торжественнымъ религіознымъ жаромъ. Составленный Александромъ Гендерсономъ, лькжарскимъ священникомъ и Арчибальдомъ Джонстономъ, великимъ юристомъ того времени, Ковенантъ былъ положенъ на надгробномъ камнѣ на кладбищѣ капуциновъ въ Эдинбургѣ и скрѣпленъ клятвами и подписями безчисленной толпы (1-го марта 1638 г.). Въ шесть недѣль имена почти всей Шотландіи выстроились густыми рядами, подобно поднятымъ копьямъ, подъ торжественными словами, которыя выражали вѣру и рѣшеніе поруганнаго народа. Это имѣло серьезный видъ. Маркизъ Гамильтонъ явился изъ Англіи, чтобы привести ковенантеровъ къ повиновенію; но задача была выше его силъ. Ни одинъ голосъ не привѣтствовалъ его, и онъ достигъ Эдинбурга, найдя такое сильное единодушіе, какъ никогда. Общее собраніе (General Assembly) и парламентъ одни только удовлетворили бы шотландцевъ. Карлъ уступилъ этому требованію, потому что онъ не былъ еще готовъ къ насилію. Но подъ мягкимъ согласіемъ лежала скрытая горечь войны. Общее собраніе имѣло мѣсто въ Глазго 23-го ноября 1638 года, причемъ Гамильтонъ игралъ роль королевскаго коммисара. Избравши Гендерсона предсѣдателемъ (Moderator), а Джонстона секретаремъ (Clerk-Register), оно приступило къ дѣлу. Вскорѣ оказалось, что старая высокая церковь Глазго должна была быть великимъ боевымъ полемъ для двора и ковенантеровъ. Допустивши, вопреки королевской волѣ, свѣтскихъ старшинъ въ собраніи, какъ существенную его часть, члены напали на епископовъ. Гамильтонъ, беря за образецъ своего господина въ обращеніи съ парламентомъ, объявилъ собраніе распущеннымъ; но собраніе не *хотѣло* расходиться. Подъ предсѣдательствомъ графа Арджайля оно продолжало засѣданія, пока отлученіе епископовъ и уничтоженіе прелатства не были приведены къ успѣшному исходу. Они обратили игрушку, назначенную милостивымъ монархомъ для ихъ забавы, въ могучее и побѣдоносное оружіе.

На слѣдующее лѣто король сдѣлалъ слабую попытку начать войну, и съ арміей достигъ береговъ Твида у Бервика. Но здѣсь, растерявшись передъ смѣлыми рядами ковенантеровъ, которые за нѣсколько миль оттуда показались подъ начальствомъ Лесли, и замѣчая духъ недовольства, который господствовалъ въ его собственномъ войскѣ, онъ вступилъ въ переговоры съ ковенан-

терами и заключилъ бервикскій миръ, главнымъ условіемъ котораго было немедленное распущеніе обѣихъ армій. Поведеніе Карла послѣ этого возбудило такое недовѣріе между ковенантерами, что они отказались сложить оружіе; и будь у короля необходимыя деньги, *междоусобное кровопролитіе,* безъ сомнѣнія, началось бы немедленно. Но къ счастію недостатокъ въ средствахъ связывалъ руки королю, и побудилъ его къ той мѣрѣ, которой онъ такъ долго избѣгалъ — еще разъ созвать парламентъ. Уэнтуортъ, вызванный изъ Ирландіи, гдѣ онъ занимался обученіемъ десяти тысячъ солдатъ для короля, предложилъ пополнить казну посредствомъ займовъ и новыхъ корабельныхъ сборовъ и, сдѣлавши сперва опытъ съ ирландскимъ парламентомъ, созвать палаты послѣ ихъ долгаго одинадцатилѣтняго сна. Великою ошибкою Уэнтуорта въ этомъ планѣ было предположеніе, что ирландскій парламентъ, придавленный и запуганный долгимъ рядомъ коренныхъ мѣръ (Thorough), и англійскій парламентъ, на скамьяхъ котораго навѣрное будутъ сидѣть Пимъ и Гэмпденъ, одинаково будутъ относиться къ политическимъ вопросамъ и совершенно одинаковымъ образомъ встрѣтятъ королевскія требованія. Король былъ въ такомъ восхищеніи отъ смѣлаго проекта Уэнтуорта, что онъ сдѣлалъ этого неустрашимаго заговорщика противъ англійской свободы графомъ Страффордъ и перемѣнилъ его титулъ лорда депутата на болѣе громкій — лорда лейтенанта Ирландіи.

Короткій парламентъ собрался 13-го апрѣля 1640 года. Онъ былъ распущенъ яростнымъ королемъ 5-го числа слѣдующаго мѣсяца. Зловѣщій, дѣйствительно, былъ списокъ именъ, собравшихся здѣсь изъ графствъ и городовъ Англіи. Гамбденъ, Пимъ, Голлисъ, Сентъ-Джонъ, Стродъ, Газельригъ, Кромвель засѣдали тутъ вмѣстѣ со многими другими, которые впослѣдствіи сражались въ славномъ бою за свободу. Впрочемъ настроеніе Палаты было спокойное. Карлъ принялъ спокойствіе за покорность и попытался достичь единственной цѣли, для которой онъ созвалъ парламентъ, обѣщаясь прекратить корабельный сборъ, еслибы ему назначили двѣнадцать субсидій. Желая давать деньги своему королю, но не желая откупаться отъ злоупотребленія, котораго никогда не должно было существовать, или признавать налогъ, законность котораго она отрицала, Палата Общинъ отложила отвѣтъ на королевское сообщеніе. Это поведеніе, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что нѣсколько дней спустя послѣ открытія засѣданій они обратили свое вниманіе на заключеніе Эліота (недавно умершаго въ Тоуэрѣ) и на процессъ Гамбдена по поводу корабельнаго сбора, привело короля въ бѣшенство, и онъ, въ послѣдній разъ, воспользовался своимъ правомъ распущенія. На слѣдующій день, какъ будто рѣшившись окончательно по-

давить терпѣніе народа, онъ заключилъ въ тюрьму многихъ изъ самыхъ энергическихъ членовъ парламента. Затѣмъ гнетъ налоговъ получилъ другой оборотъ. Мэръ и шерифы Лондона подверглись преслѣдованію за то, что не собирали корабельный налогъ съ достаточной строгостью. Страффордъ предложилъ повѣсить нѣсколько зажирѣвшихъ администраторовъ, ради примѣра другимъ. Солдаты безобразничали въ частныхъ домахъ и со шпагою въ рукахъ вымогали деньги. Собравши такимъ образомъ, путемъ насилія и обмана, жалкую сумму денегъ, король двинулся на сѣверъ, на встрѣчу мятежнымъ шотландцамъ. Въ тотъ самый день, какъ онъ оставилъ Лондонъ, Лесли, ободренный, какъ говорятъ, Гамбденомъ, перешелъ черезъ Твидъ и вторгся въ Англію. При Ньюбернѣ на Тайнѣ англійское войско бѣжало передъ нѣсколькими выстрѣлами изъ шотландскихъ орудій. Ньюкастль былъ очищенъ, и королевская армія отступила къ городу Іорку, между тѣмъ какъ ковенантеры завладѣли четырьмя сѣверными графствами Англіи. Въ Іоркѣ Карлъ, всегда стремившійся уничтожить конституцію, сдѣлалъ напрасную попытку созвать на сессію однихъ только лордовъ, безъ непокорной Палаты Общинъ. Но благоразуміе совѣта лордовъ разстроило и эту новую попытку обойти законы страны.

По опавшимъ листьямъ 1640 года, пришпоривая коней, скакали черезъ Англію рѣшительные люди, обращаясь къ избирателямъ въ графствахъ и городахъ и убѣждая ихъ возвратить надежныхъ членовъ въ приближавшійся парламентъ. Въ эти драгоцѣнные дни Гамбденъ почти не оставлялъ сѣдла. 3-го ноября, вмѣсто блестящей процессіи, какъ бывало, какъ-то грустно, печально подвезла шлюпка Карла въ Вестминстеру. Осеннія поѣздки не были безплодны. Скамьи Нижней Палаты занятыя суровыми лицами, представляли только одно или два, которыя были на сторонѣ двора. Карлъ произнесъ болѣе мягкую рѣчь, чѣмъ обыкновенно; но теперь на примиреніе не было надежды. Потокъ, который былъ запруженъ, долженъ теперь истощить всѣ свои силы, смывая громадныя злоупотребленія, которыя обременяли англійскую землю. Первыми на дорогѣ стояли двое людей: Страффордъ съ Лодомъ пали передъ долго сдерживавшимся гнѣвомъ раздраженнаго и попираемаго народа. Прежде всего Приннъ и его товарищи по страданію были освобождены изъ темницъ, въ которыхъ они уже цѣлые годы томились. Затѣмъ на голову ихъ преслѣдователя пало справедливое и быстрое возмездіе. Дензиль Голлисъ внесъ въ Палату Лордовъ противъ архіепископа обвиненіе Лода въ измѣнѣ и требованіе заключить его въ тюрьму. Это было сдѣлано. Онъ отправился въ Тоуэръ. Сильный духъ Страффорда, нѣсколько пострадавшій отъ болѣзни, обнаружилъ передъ этимъ знаки недовольства при

видѣ собравшихся вновь палатъ. Но король былъ слишкомъ слабъ, чтобы обойтись безъ этого суроваго совѣтника и безпощаднаго человѣка, и заставилъ его смѣнить безопасный Іоркъ на предательскій Лондонъ, давши королевское ручательство, что парламентъ не тронетъ волоса на его головѣ. Спустя день послѣ пріѣзда въ Лондонъ, Страффордъ отправился занять свое мѣсто между лордами; но едва онъ вошелъ въ палату, какъ суровый голосъ Пима, явившагося у рѣшетки отъ имени Палаты Общинъ, обвинилъ его въ государственной измѣнѣ и другихъ преступленіяхъ. Колѣни надменнаго человѣка подогнулись наконецъ, и Блэкъ-Родъ, потребовавъ шпагу, отвезъ его въ каретѣ въ Тоуэръ. Ни одной шапки не шевельнулось въ почтительномъ привѣтствіи, когда онъ, арестованный, проходилъ черезъ толпу, тѣснившуюся вокругъ дверей; но гнѣвные голоса повторяли крикъ «измѣна», когда онъ шелъ мимо. Финчъ и секретарь Уайндбенкъ тотчасъ же удалились на континентъ. Лишивъ такимъ образомъ Карла его совѣтниковъ и его орудій, Долгій парламентъ твердо пошелъ впередъ съ дѣломъ реформы. Онъ вотировалъ, что парламентъ долженъ собираться по крайней мѣрѣ каждые три года, приготовляя средства, съ помощью которыхъ, въ случаѣ нежеланія двора, народъ самъ могъ избирать членовъ при указахъ или безъ нихъ. И они ограничили тоже въ значительной степени ту власть распущенія, которою Карлъ такъ безумно злоупотреблялъ. Три учрежденія, имена которыхъ звучатъ тираніею, были сметены долой. Лѣсные приказы были улучшены.

Непоколебимый въ своемъ рѣшеніи свести Страффорда въ могилу, Пимъ продолжалъ работать надъ статьями обвиненія, пока, съ помощью тайной коммиссіи, не было все готово для процесса. Вестминстерская зала была наполнена лордами и членами Нижней Палаты 22-го марта. Дамы толпились въ галереяхъ; короля не было видно, — онъ сидѣлъ въ завѣшенной обоями ложѣ. Чтеніе двадцати восьми обвиненій и возраженія обвиняемаго заняли первый день. На другой день Пимъ, который былъ во главѣ обвиненія, долго и вѣско говорилъ въ отвѣтъ на возраженія. Онъ описывалъ страшную тиранію Уэнтуорта въ Ирландіи, приводя доказательства всего, что онъ говорилъ. Было прочитано также предложеніе (Remonstrance) отъ ирландскаго парламента, дышащее ненавистью къ вице-королю. Страффордъ попросилъ времени, чтобы приготовиться къ своей защитѣ, но отъ него потребовали немедленнаго отвѣта, и онъ, съ тѣмъ блестящимъ краснорѣчіемъ, которымъ такъ хорошо владѣлъ, всѣми силами старался доказать, что все зло, которое онъ сдѣлалъ, взятое вмѣстѣ, не можетъ назваться измѣной. Со дня на день откладывали процессъ, пока 12-го апрѣля не были представлены въ судъ противъ него отрывки рѣчи, произнесенной

обвиняемымъ въ одномъ тайномъ совѣтѣ. Этотъ документъ, найденный молодымъ Веномъ между отцовскими бумагами и показанный имъ Пиму, который сдѣлалъ съ него копію, содержалъ между прочимъ слѣдующія слова: «У васъ есть въ Ирландіи армія, которую вы можете употребить для приведенія этого королевства къ повиновенію.» Несмотря на представленіе, что слово «этого» могло относиться къ Шотландіи, этотъ лоскутокъ бумаги рѣшилъ участь Страффорда. Приговоръ прошелъ въ нижней палатѣ значительнымъ большинствомъ, а затѣмъ и въ Палатѣ Лордовъ, и великій преступникъ былъ осужденъ на плаху. Люди, дошедшіе до высочайшей степени нервнаго возбужденія, были исполнены странныхъ фантазій и тревогъ. Думали, что Страффордъ спасется бѣгствомъ. Дѣйствительно, Карлъ составлялъ разные планы, и Страффордъ предлагалъ царственное вознагражденіе за свободу; но Бальфуръ, лейтенантъ Тоуэра, ничего не хотѣлъ слышать. Въ серединѣ трагедіи, теперь приходившей къ концу, мелькнулъ лучъ комедіи, когда двое толстыхъ провинціальныхъ дворянъ, стоявшихъ на ветхомъ краю галереи въ Палатѣ Общинъ, своею тяжестью проломили полъ, а кто-то въ испугѣ вообразилъ себѣ всѣ ужасы новаго и удавшагося пороховаго заговора. Когда затрещали доски, блѣдные члены въ одинъ мигъ вскочили на ноги. Кто-то закричалъ: «Пахнетъ порохомъ!» Какъ стадо испуганныхъ овецъ, бросились они къ двери, и вслѣдъ затѣмъ толпы двинулись изъ передней, разнося тревогу по городу, который поднялся съ шумомъ и крикомъ и бросился къ мѣсту предполагаемаго разрушенія. Для завершенія дѣла Пима теперь оставалось только добиться согласія Карла. Страффордъ написалъ королю письмо, проникнутое чувствомъ спокойнаго мужества и покорности своей судьбѣ; здѣсь, какъ будто лучъ чистаго патріотизма пробился подъ конецъ сквозь густыя тучи двѣнадцатилѣтняго честолюбія, онъ умолялъ короля подписать приговоръ и такимъ образомъ избавить государство отъ зла. Король, послѣ слабаго обращенія за помощью къ своему совѣту, сдѣлалъ то, на что онъ, вѣроятно, рѣшился уже раньше, и написалъ роковыя буквы. На Тоуэръ-Гиллѣ стоялъ эшафотъ; послѣ нѣсколькихъ словъ, Страффордъ безропотно положилъ голову на плаху и умеръ (12-го мая, 1641). Потѣшные огни освѣщали въ ту ночь улицы Лондона, и люди скакали въ провинцію, махая своими шляпами и радостно крича: «Голова его слетѣла!»

Когда не стало Страффорда, король попытался привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ изъ народныхъ вожаковъ. Графъ Бедфордъ взялся составить правительство, въ которомъ Голлисъ долженъ былъ быть государственнымъ секретаремъ, а Пимъ канцлеромъ казначейства. Сентъ-Джонъ дѣлался генералъ-про-

куроромъ. Но смерть Бедфорда помѣшала даже сдѣлать опытъ. Карлъ много выигралъ бы, еслибы привлекъ къ себѣ Пима и сталъ слушаться совѣтовъ великаго юриста.

Во время осеннихъ вакацій Карлъ отправился въ Шотландію. Гамбденъ тоже поѣхалъ туда, съ тайнымъ порученіемъ отъ парламента слѣдить за переговорами между королемъ и ковенантерами, съ тѣмъ, чтобы нейтрализовать всякую попытку со стороны перваго отвлечь шотландцевъ отъ ихъ приверженности народному дѣлу въ Англіи. Въ это самое время весь островъ былъ наэлектризованъ извѣстіями о страшномъ возстаніи и избіеніи протестантовъ въ Ирландіи. Сэръ Фелимъ Онейль явился предводителемъ мятежниковъ въ Эльстерѣ. Заговоръ былъ искусно устроенъ, и Дублинъ навѣрное палъ бы, еслибы какой-то пьяный болтунъ не открылъ тайны одному протестанту. Пятьдесятъ тысячъ погибло, говорятъ, въ этой рѣзнѣ, которая зажгла пламя междоусобной войны, которое два года не переставало горѣть.

Когда парламентъ собрался вновь, въ Палатѣ Общинъ было двѣ различныхъ партіи. Король имѣлъ друзей въ Фоклэндѣ, Кэльпеперѣ и Гайдѣ—впослѣдствіи графъ Кларендонъ: Гамбденъ и Пимъ, разумѣется, стояли во главѣ оппозиціи. И когда въ достопамятный день — понедѣльникъ 22-го ноября 1641 г., начались пренія по поводу того документа, названнаго генеральною ремонстраціею (Grand Remonstrance), въ которомъ изображалось все дурное управленіе предыдущихъ шестнадцати лѣтъ, то борьба перешла на личную почву и сдѣлалась дотого жаркою, что только голосъ Гамбдена могъ предотвратить кровопролитіе. Предостереженіе прошло большинствомъ одиннадцати голосовъ и, представленное королю, впослѣдствіи было напечатано для распространенія въ государствѣ.

Квартира Пима въ Челси составляла центръ политической дѣятельности. Здѣсь противники двора часто собирались обѣдать и, проѣзжая затѣмъ по сосѣднимъ переулкамъ, разсуждали объ этихъ «другихъ готовящихся вещахъ», на которыя указывало грозно предостереженіе. Этотъ король людей, — народъ въ самомъ дѣлѣ обыкновенно называлъ его королемъ Пимомъ, занималъ умъ Карла болѣе всякаго другаго изъ его подданныхъ; и онъ съ радостью купилъ бы соперника-монарха. Государственному человѣку было предложено мѣсто канцлера казначейства, но онъ отказался. Тогда это мѣсто получилъ Кэльпеперъ.

Между тѣмъ показались разные симптомы наступающей бури. Во время рождественскихъ праздниковъ у подмастерьевъ и горожанъ, тѣснившихся къ Вестминстеру, дѣло дошло до драки съ королевскими солдатами, и изъ этого столкновенія

вышли смѣшныя прозвища — круглоголовыхъ и кавалеровъ. Передъ концомъ декабря десять епископовъ отправились по морозу и снѣгу въ заключеніе въ Тоуэръ, обвиненные въ покушеніи на существованіе парламента, потому что они послали въ Палату Лордовъ протестъ, объявлявшій, что они намѣрены держаться въ сторонѣ относительно мятежей, и настаивавшій на томъ, чтобы законы, прошедшіе въ ихъ отсутствіе, не имѣли силы.

Роковая мысль пришла между тѣмъ королю въ голову. Въ крайнемъ пренебреженіи къ законной формѣ, онъ поручилъ своему генералъ-атторнею обвинить пятерыхъ членовъ Палаты Общинъ и одного изъ лордовъ въ государственной измѣнѣ. Пунктовъ было семь: 1) общее обвиненіе въ попыткѣ ниспровергнуть правительство и законы; 2) составленіе великаго предостереженія; 3) сношенія съ арміей; 4) измѣнническія приглашенія шотландскихъ мятежниковъ вступить въ Англію; 5) старанія ниспровергнуть права и существованіе парламентовъ; 6 возбужденіе мятежей; 7) приготовленія къ настоящей войнѣ противъ трона. Обвиняемый пэръ, лордъ Кимбольтонъ, тотчасъ же всталъ и отвергъ обвиненія Дигби; наперсникъ Карла сперва не сказалъ ни слова, но затѣмъ счелъ удобнымъ сдѣлать открытое нападеніе. Это было 3 января 1642 г.

Въ тотъ же день слуга Пима вызвалъ его къ двери нижней палаты и сказалъ ему, что лица, присланные отъ короля, опечатали только-что его ящики, кабинетъ и камеру. Подобныя вѣсти получилъ въ то же время Голлисъ. Когда Пимъ сообщилъ фактъ, гнѣвная палата объявила, что и законъ, и привилегія были нарушены дѣйствіемъ, и стала требовать энергическаго сопротивленія, когда произошло еще худшее. Къ президенту пришелъ съ королевскимъ сообщеніемъ сержантъ, требуя выдачи пятерыхъ членовъ, имена которыхъ онъ отчетливо произнесъ — Дензиля Голлиса, сэра Артюра Газельрига, Джона Пима, Джона Гамбдена и Вильяма Строда, какъ виновныхъ въ государственной измѣнѣ. Палата спокойно выслала сержанта къ его жезлу, который онъ внести не осмѣлился, и назначила депутацію изъ четырехъ членовъ къ королю, съ порученіемъ принести назадъ отвѣтъ съ такою поспѣшностью, какую допускала важность дѣла, и передать, что члены готовы отвѣчать на всѣ *законныя* обвиненія. Затѣмъ президентъ приказалъ пятерымъ членамъ ежедневно присутствовать въ палатѣ до дальнѣйшаго указанія, а на слѣдующій день палата назначила торжественное засѣданіе для разсмотрѣнія королевскаго сообщенія. Съ закатомъ солнца былъ отданъ приказъ сломать печати въ домахъ обвиняемыхъ и взять подъ стражу тѣхъ, кто опечатывалъ. На слѣдующее утро Палата Общинъ собралась въ восемь часовъ,

какъ обыкновенно, и засѣдала до обѣденнаго времени, въ двѣнадцать. Пятеро членовъ говорили, защищаясь противъ пунктовъ обвиненія; но болѣе всѣхъ имѣла вѣсъ рѣчь Гамбдена. Въ двѣнадцать часовъ они встали и отсрочили засѣданіе на часъ. Въ этотъ часъ пятеро получили два предостереженія о приближающейся опасности. Одно предостереженіе пришло отъ лэди Карлейль прямо къ Пиму; другое отъ лорда каммергера Эссекса ко всѣмъ пятерымъ. Зная поэтому, что имѣетъ произойти, они послѣ полудня отправились на свои мѣста, повинуясь приказанію президента.

Король провелъ дома бурную ночь, и ему пришлось выслушать много жосткихъ словъ, трусъ, напримѣръ, изъ устъ своей возбужденной жены. Во время преній относительно того, какъ дѣйствовать пятерымъ, явился у двери одинъ французскій офицеръ, торопливо пробравшійся по крышамъ, и сказалъ, что король оставилъ Уайт-галль съ толпою вооруженныхъ людей и теперь уже близко. Пятеро поспѣшно спустились къ рѣкѣ— Строда увлекла дружеская рука — и еще не вошли въ лодку, ожидавшую тамъ, когда Карлъ и его свита со шпагами и пистолетами достигли палаты. Болѣе четырехъ сотъ лавокъ Вестминстера было заперто, когда безпорядочная толпа проходила мимо. Выстроившись двумя рядами въ Вестминстерской залѣ, они дали Карлу войти въ переднюю, куда вслѣдъ за нимъ бросилось около восьмидесяти. Сильный стукъ, — и король, въ сопровожденіи своего племянника, пфальцскаго принца, вошелъ въ отворенную силою дверь. За дверью, нетерпѣливо ожидая сигнала къ рѣзнѣ, стояла масса вооруженныхъ людей, которая не хотѣла позволить запереть дверь. Члены сняли шляпы; король сдѣлалъ тоже. Вездѣ на скамьяхъ были обнаженныя головы. Одинъ быстрый взглядъ на то мѣсто, которое всегда занималъ Пимъ, сказалъ Карлу, что «птицы улетѣли». Онъ не зналъ, что сказать, и долго стоялъ молча на ступенькѣ къ президентскому креслу, которое при его приближеніи было оставлено достойнымъ предсѣдателемъ. Вѣкомъ должны были показаться эти минуты безмолвія! Король заговорилъ, повторяя свое обвиненіе въ измѣнѣ и отрицая право измѣнниковъ находить убѣжище подъ охраной привилегій. Пробормотавъ нѣсколько отрывистыхъ сентенцій въ этомъ родѣ, онъ обратился съ вопросомъ: «Мистеръ Пимъ здѣсь»? но никакого отвѣта не было. Подобнымъ образомъ спросилъ онъ объ Голлисѣ. Президентъ Лентголлъ, въ большинствѣ случаевъ человѣкъ робкій, отвѣчалъ на королевскіе вопросы, что «глаза его видятъ и языкъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ только такъ, какъ угодно указать палатѣ». Одурачевый во всемъ, король повернулся къ выходу, къ великому неудовольствію своихъ тѣлохранителей, которые ворчали,

что, зайдя такъ далеко, отказываютъ имъ въ кровавой потѣхѣ, которой они искали. Когда онъ шелъ къ двери, бурный ропотъ раздался позади громкими криками «привилегія! привилегія»! Шесть дней спустя послѣ этого роковаго акта тираніи, онъ переѣхалъ изъ своего Уайтголла въ Гемптонкортскій дворецъ (10-го января, 1642); а 23-го числа слѣдующаго мѣсяца королева Генріетта и ея дочь, съ хорошимъ грузомъ драгоцѣнностей англійской короны и съ значительною суммою денегъ, отправились на кораблѣ ко двору Голландіи.

Ночь, послѣдовавшая за оскорбленіемъ, нанесеннымъ Палатѣ Общинъ, видѣла Лондонъ въ пламени возбужденія, которое перешло въ болѣе грозное бѣшенство, когда королевскій указъ потребовалъ запереть гавани, чтобы тѣ пятеро не могли убѣжать; а вскорѣ послѣдовалъ другой указъ, запрещавшій всякому давать имъ убѣжище. Лондонъ, оплотъ англійской свободы, оказался крѣпокъ какъ сталь въ этотъ кризисъ. Члены нашли безопасное убѣжище въ Кольмэнъ-Стритѣ; и хотя 5-го числа Карлъ отправился въ Гильдголлу черезъ толпы, пѣнившіяся подобно гнѣвному морю вокругъ его кареты, и здѣсь потребовалъ ихъ выдачи, они не были выданы. Зловѣщій крикъ, какъ и наканунѣ, — «привилегія, привилегія!» и еще болѣе дерзкій знакъ общественнаго чувства — слова: «Къ шатрамъ твоимъ, Израиль!» написанныя на лоскуткѣ бумаги и брошенныя въ карету — должны были заставить безумнаго монарха остановиться и подумать, пока было еще время. Въ тотъ же самый день въ Палатѣ Общинъ было внесено предложеніе, чтобы коммисія палаты засѣдала въ Гильдголлѣ, и согласно съ этимъ на слѣдующее утро она собралась здѣсь, но вскорѣ удалилась въ Гросерсъ Голлъ. Рѣшенія противъ оскорбленія и злоупотребленій короля — разсмотрѣніе свидѣтельствъ, относящихся къ насилію — во вторникъ, допущеніе пятерыхъ въ свою среду и приготовленія къ торжественному возвращенію въ Вестминстеръ были дѣломъ этой коммисіи.

Король бѣжалъ изъ Лондона въ понедѣльникъ 10-го. На другой день весь Лондонъ и весь Саутуоркъ высыпали на берега Темзы между мостомъ и Вестминстерской лѣстницей, чтобы видѣть возвращеніе пятерыхъ. Былъ яркій зимній день. Сѣвши у Трехъ Журавлей въ одинъ изъ великолѣпныхъ катеровъ Сити, они плыли среди шумныхъ криковъ и безпрерывнаго грома и треска ружей и пушекъ. Вездѣ на концахъ копій и на стволахъ ружей, на шляпахъ и на груди, мелькалъ парламентскій протестъ, разрѣзанный на небольшіе квадраты. Президентъ и члены, стоя, привѣтствовали пятерыхъ, которые нѣсколько минутъ сидѣли и затѣмъ встали, обнаживъ головы. Пимъ говорилъ отъ лица всѣхъ, благодаря граждан Лондона

за кровъ и гостепріимство. Такъ кончилась эта знаменательная недѣля — маленькій актъ, если судить по времени, въ драмѣ этого царствованія, но изъ него вышли самые могучіе результаты. Междоусобная война въ дѣйствительности началась въ тотъ роковой вторникъ, и предзнаменованія всей ея исторіи можно видѣть въ событіяхъ слѣдующихъ шести дней.

Семь мѣсяцевъ должны были еще пройти прежде, чѣмъ послышался ударъ настоящаго столкновенія. Отославши жену съ дочерью, король двигался отъ одного города къ другому съ тѣнью двора вокругъ себя. Отчаявшись въ столицѣ, онъ выбралъ Гулль, какъ удобный базисъ для военныхъ дѣйствій, къ которымъ онъ теперь приготовлялся. Удобное положеніе Гулля относительно Голландіи, гдѣ его жена собирала подкрѣпленія, увеличивало въ глазахъ короля его значеніе. Но когда онъ подскакалъ къ его воротамъ въ одинъ апрѣльскій день (23-го) съ тремя стами слишкомъ всадниковъ, губернаторъ, старый сэръ Джонъ Готамъ, отъ имени парламента отказался впустить его съ такимъ множествомъ людей. Во всѣ эти семь мѣсяцевъ тянулись переговоры съ парламентомъ; но всякое заявленіе съ одной стороны и отвѣтъ съ другой только приближали день битвы. Флотъ, озлобленный на Карла за презрительное прозвище водяныхъ крысъ, перешелъ на сторону парламента. Лондонъ доставилъ свою хорошо обученную милицію, не щадя своего наличнаго серебра, даже женскихъ наперстковъ. Дерзкіе члены забрали также въ свои руки и королевское ополченіе, и наборъ пошелъ съ силою дальше. Два противоположные указа — королевскій военный приказъ и парламентскій указъ о наборѣ милиціи выметаютъ изъ страны всѣхъ способныхъ сражаться на ту или на другую сторону. Король закладываетъ драгоцѣнности короны, и это даетъ ему нѣкоторыя средства для войны: для той же цѣли расплавляется серебро кавалеровъ. Гамбденъ, настолько же суровый, насколько прежде онъ былъ мягокъ, набираетъ полкъ бэкингэмширскихъ фермеровъ, одѣваетъ ихъ въ зеленое и, какъ полковникъ, становится во главѣ ихъ. Между парламентскими офицерами замѣчателенъ капитанъ Оливеръ Кромвель, изъ шестьдесятъ седьмаго эскадрона конницы графа Бедфорда; въ томъ же самомъ корпусѣ служитъ и его сынъ, корнетъ Оливеръ. Робертъ, графъ Эссексъ, стоитъ главнокомандующимъ надъ національной арміей.

Въ шесть часовъ вечера, 25-го августа, во время сильнаго вѣтра, на Кастль-гиллѣ Ноттингэма было поднято королевское знамя среди шума барабановъ и трубъ. Въ ту же самую ночь вѣтеръ сорвалъ древко съ флагомъ. Принцъ Рупрехтъ (или принцъ Роббертъ — разбойникъ — какъ окрестило его остроуміе англійскихъ клоуновъ), племянникъ Карла, грабя, бросился съ нѣ-

сколькими бандитами черезъ центральныя графства. Опъ потерпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ захватить Вустеръ.

Битвою при Кинтонѣ [1]) или Эджгиллѣ начались великія военныя дѣйствія. Въ долинѣ при подошвѣ Эджгилла, названной Доломъ Краснаго Коня (the Vale of the Red Horse), встрѣтились другъ съ другомъ Карлъ и Эссексъ 23-го октября, — на сторонѣ короля превосходство было въ конницѣ, у Эссекса — въ пушкахъ. Кажется, какъ будто сперва обѣ стороны отступили передъ кровавыми ужасами междоусобной войны. Долго мѣшкали и колебались; и только въ два часа пополудни ревъ парламентскихъ орудій возвѣстилъ, что дѣло началось. Часъ продолжалась канонада, затѣмъ порывисто скрестились копья, и круглоголовые подались назадъ. Рупрехтъ, какъ ракета, шелъ сквозь лѣвое крыло непріятеля, но нападеніе съ другаго крыла парламентской арміи разсѣяло королевскую артиллерію, и нѣсколько орудій было заклепано. Пѣхота вокругъ королевскаго знамени, атакованная съ фронту и съ тылу, была тогда сломлена, и графъ Линдсэ, номинальный командиръ королевскихъ войскъ, получилъ смертельную рану. Недостатокъ пороха помѣшалъ Эссексу довершить этотъ успѣхъ; ярость битвы мало по малу замерла съ наступленіемъ ночи. Хотя королевская потеря была значительнѣе, но обѣ стороны провозгласили сраженіе побѣдой.

Въ слѣдующій мѣсяцъ, выйдя съ Рупрехтомъ изъ своей главной квартиры въ преданномъ Оксфордѣ, Карлъ сквозь ноябрьскій туманъ ринулся къ Лондону и достигъ уже Брентфорда, когда приближеніе его задержано было полкомъ Голлиса. Весь Лондонъ вышелъ въ это воскресное утро къ Тэрнгэмъ-Грину; и еслибы Эссексъ — мѣшкотный, но благонамѣренный человѣкъ — не выказалъ излишней осторожности, къ великому огорченію Гамбдена и его зеленыхъ камзоловъ, Карлу можно было бы отрѣзать отступленіе. Эта осторожность позволила одураченному королю благополучно отступить къ Ридингу и затѣмъ къ Оксфорду.

Начало 1643 года было свидѣтелемъ новыхъ переговоровъ между королемъ и парламентомъ. Они кончились, какъ и прежде, ничѣмъ. Прошла большая часть года — все это время король провелъ въ Оксфордѣ, а Эссексъ, главнокомандующій (Lord-General), въ Виндзорѣ. На сѣверѣ, гдѣ центромъ военныхъ дѣйствій былъ Іоркширъ, графъ Ньюкестль, стоявшій на сторонѣ короля, то и дѣло вступалъ въ стычки съ лордомъ Ферфаксомъ, парламентскимъ вождемъ. Королева Генріетта, явившаяся

---

[1]) Эджгиллъ или Кинтонъ — маленькая деревня на южномъ краю Уорвикшира, въ семидесяти двухъ миляхъ къ сѣверо-западу отъ Лондона.

съ людьми и деньгами, которые были доставлены драгоцѣнностями короны, четыре мѣсяца пробыла въ Іоркширѣ и въ теченіе этого времени посылала ружья и порохъ своему мужу, который безъ дѣла лежалъ у Черуэля. За подобные поступки нижняя палата, черезъ своего посредника Пима, внесла противъ нея въ Палату Лордовъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Неутомимый Рупрехтъ нѣсколько вознаграждалъ за бездѣйствіе своего дяди, потому что онъ постоянно кидался изъ Оксфорда убивать, жечь, грабить, и потомъ отступалъ назадъ. Въ одну изъ этихъ жаркихъ вылазокъ, въ сѣрыя сумерки лѣтняго утра (іюня 18-го, 1643 г.) онъ напалъ на деревню Посткомбъ, перейдя Черуэль по Чизльгэмптонскому мосту. Легкая стычка отбросила назадъ эскадронъ круглоголовыхъ. Обратившись затѣмъ къ Чиннору, Рупрехтъ убилъ и взялъ въ плѣнъ болѣе двухсотъ человѣкъ. Почти съ восходомъ солнца на скатѣ сосѣдняго холма появился отрядъ парламентскихъ драгунъ, ѣдущихъ въ аттаку. Это былъ Джонъ Гамбденъ, государственный человѣкъ и солдатъ, который въ послѣдній разъ шелъ на поле битвы. Онъ предупредилъ уже Эссекса, что линія была слаба въ этомъ самомъ мѣстѣ, и, услыхавъ о движеніи Рупрехта, послалъ къ Эссексу письмо, настоятельно прося занять мостъ у Чизльгэмптона, по которому прошелъ грабитель. Чальгровъ Фильдъ [1]) волновался цѣлымъ моремъ слегка пожелтѣвшихъ колосьевъ, когда Рупрехтъ выстроилъ здѣсь двѣ тысячи своей конницы. Гамбденъ, который имѣлъ въ виду только не оставлять въ покоѣ врага, пока Эссексъ не займетъ моста, ринулся стремглавъ впередъ и съ ожесточеніемъ напалъ на правое крыло Рупрехта. Когда онъ скакалъ впередъ, двѣ пули попали ему въ плечо, раздробили кость и засѣли у него въ тѣлѣ. Голова его упала на гриву, и, къ удивленію всѣхъ, онъ тихо поѣхалъ съ поля. Недалеко оттуда изъ-за деревьевъ поднимался домъ, гдѣ судьба подарила ему невѣсту. Но непріятель загораживалъ дорогу, и онъ повернулъ къ Тэму, съ болью проѣзжая по землѣ, каждый дюймъ которой онъ зналъ наизусть. Перескочивъ съ трудомъ маленькій ручей, онъ направился къ дому Езекіиля Брауна въ Тэмѣ, гдѣ, спустя шесть дней, онъ умеръ со словами патріотической молитвы, застывшей на его устахъ. Черезъ нѣсколько времени зеленые кафтаны несли своего полковника къ его могилѣ въ Гэмпденской церкви, оглашая мягкій лѣтній воздухъ торжественною музыкою 90-го псалма. И тутъ они оставили, сраженнаго въ цвѣтѣ силы, величайшаго англичанина

[1]) Чальгрофъ-Фильдъ не далеко отъ Уатлингтона въ Оксфордширѣ, который лежитъ за пятнадцать миль къ юго-востоку отъ Оксфорда.

того времени, который, останься онъ въ живыхъ, въ близкомъ будущемъ сталъ бы навѣрное во главѣ армій парламента. Когда пришла страшная вѣсть изъ Чальгрова, національной партіи показалось, будто звѣзда ихъ предпріятія скатилась съ неба — и не оставила луча за собою.

Пораженіе ихъ при Аддертонъ-Мурѣ [1]) на сѣверѣ, гдѣ 30-го іюня Ньюкестль разбилъ Ферфакса, увеличило ихъ боязнь — можетъ быть, побудило ихъ обезглавить, что и произошло на Тоуэръ-Гиллѣ, Готгамовъ, отца и сына, обвиненныхъ въ измѣнническомъ предложеніи сдать Гулль королю. Едва ли нужно было старому сэру Джону запирать Беверлейскія ворота, еслибы онъ предвидѣлъ, что такъ окончитъ свое историческое поприще.

Безпорядочная борьба на сѣверѣ, благопріятная главнымъ образомъ королю, выдвигаетъ нѣсколько впередъ полковника Кромвеля. Побѣдоносная стычка близъ Грантгэма и выручка лорда Уиллогби, сильно стѣсненнаго при Гэнсборо, возвѣстили о занимающейся военной славѣ этого грубаго гэнтигдонскаго фермера, о которомъ подробнѣе говорится въ слѣдующей главѣ. Приливъ побѣды опять, впрочемъ, отбросилъ Гэнсборо и Линкольнъ въ руки роялистовъ. Но когда Кромвель, ошеломленный паденіемъ съ своего убитаго коня и въ то время, какъ онъ поднимался, сбитый съ ногъ человѣкомъ, наѣхавшимъ сзади, опять очутился въ сѣдлѣ и вихремъ понесся съ своими драгунами по Слэшингъ-Лэну въ деревнѣ Уинсби [2]) — Линкольнширъ былъ окончательно очищенъ отъ королевскихъ войскъ (11-го октября 1643 г.).

Королевскій генералъ Уильмотъ разбилъ сэра Уильяма Уоллера при Дивайзисѣ [3]). А Рупрехтъ страхомъ заставилъ Натаніэля Финна сдать Бристоль послѣ трехдневной осады, за что, тонко намекаетъ Приннъ, полковника слѣдовало бы разстрѣлять. Онъ былъ только разжалованъ. Боясь самаго худшаго, лондонцы, даже дамы со шпагою въ рукахъ, ревностно принялись работать на защиту своего города, который былъ вскорѣ обнесенъ окопомъ въ двѣнадцать миль. Вмѣсто того, чтобы двинуться на Лондонъ, король, получая помощь отъ жены, провелъ весь августъ въ осадѣ Глостера. Нѣкоторое время, казалось, будто дѣло свободы было похоронено въ могилѣ Гамбдена.

---

[1]) Аддертонъ-Муръ, или Адвальтонъ отмѣченъ деревушкой въ западномъ округѣ Іоркшира, за четыре мили къ юго-юго-востоку отъ Брэдфорда.

[2]) Уинсби — маленькая нагорная деревушка въ равнинѣ Линкольншира, почти за пять миль къ западу отъ Горнкаста.

[3]) Дивайзисъ, торговый городъ въ Уилтширѣ, въ двадцати двухъ миляхъ отъ Салисбэри. Битва происходила близъ Раундуэ-Гилля.

Но духъ народа поднимался въ уровень съ кризисомъ. Лондонская милиція добровольно предложила свои услуги и неповоротливый Эссексъ, насилу сбрасывая съ себя апатію, неуклонно двигался на западъ, ускользнулъ отъ летучихъ эскадроновъ Рупрехта и Уильмота и 5-го сентября зажегъ сторожевой огонь на Презбэри-Гиллѣ, который чрезъ дождливую мглу ночи свѣтилъ вѣстью объ освобожденіи осажденному и почти истощенному гарнизону Глостера. Король сжегъ лагерь и отступилъ, одураченный такимъ образомъ въ своей послѣдней значительной попыткѣ. На своемъ возвратномъ пути для прикрытія Лондона, Эссексъ долженъ былъ сразиться при Ньюбэри [1]) (сентября 20-го), гдѣ копья лондонской милиціи образовали непроницаемую стальную изгородь, на которую безуспѣшно кидалась доблестная кавалерія короля. Здѣсь ядро повалило лорда Фоклэнда, теперь государственнаго секретаря у короля — нѣкогда дорогаго друга Гамбдена, за которымъ онъ такъ скоро послѣдовалъ въ боевую могилу. Историкъ Кларендонъ передаетъ намъ, какъ тяжело нависло облако междоусобной войны надъ нѣкогда радостнымъ духомъ Фоклэнда, и съ какими глубокими и горькими вздохами взывалъ онъ о «мирѣ». Ньюбэрійское ядро было отвѣтомъ на его мольбу.

Черезъ два дня послѣ этой битвы происходила великая церемонія въ церкви Св. Маргариты, въ Вестминстерѣ, гдѣ собрались пуританскіе богословы и шотландскіе коммиссары, чтобы подписать торжественную лигу и ковенантъ. Это былъ національный ковенантъ, переименованный и слегка сдѣланный либеральнымъ, благодаря молодому Генри Вену, эдинбургскому коммиссару, и этотъ документъ связывалъ возставшихъ шотландцевъ и возставшихъ англичанъ вмѣстѣ въ ихъ великой борьбѣ съ королемъ, который сдѣлалъ несправедливость и тѣмъ, и другимъ. Въ тотъ самый день, когда церковь была наполнена поднятыми руками, дававшими согласіе на этотъ политико-религіозный союзъ, Эссексъ получилъ благодарность парламента за освобожденіе Глостера.

Изъ четырехъ именъ, которыя стоятъ въ заголовкѣ этой главы, два были вычеркнуты съ этихъ страницъ — Страффордъ топоромъ на Тоуэръ-Гиллѣ, Гамбденъ пулями при Чальгровѣ. Теперь долженъ умереть Пимъ, великій ораторъ и руководитель людей. Въ Дерби-Гоузѣ 8-го сентября его сразила тяжкая внутренняя болѣзнь, и останки его были положены, со всѣми почестями должными великому англійскому государствен-

---

[1]) Ньюбэри, торговый городъ въ Берклирѣ на Кеннетѣ, въ 17 миляхъ къ западо-юго-западу отъ Рэдинга.

ному человѣку, подъ славной кровлей Вестминстера. Такъ рано въ борьбѣ падаютъ великіе люди. Къ счастію Англіи, остается еще въ живыхъ величайшій, но не вполнѣ еще сознавшій свою силу и громадность того труда, который предстоялъ ему въ настоящее время, въ ботфортахъ и желтомъ камзолѣ, обучающій свои желѣзныя руки для Марстона и другихъ битвъ, которыя въ будущемъ ожидаютъ его.

Здѣсь я разстанусь съ архіепископомъ Лодомъ. Жалкій старикъ, просидѣвши долго въ Тоуэрѣ, былъ призванъ къ суду въ мартѣ 1644 г. Приннъ, его прежняя жертва, провелъ зиму, составляя дополнительныя статьи обвиненія и собирая доказательства для подкрѣпленія ихъ. Процессъ, возобновившійся осенью, былъ наконецъ прекращенъ, и, какъ и въ дѣлѣ Страффорда, примѣненъ былъ билль обвиненія въ государственной измѣнѣ. Этотъ билль, неохотно пропущенный лордами, которые должны были уступить, сдѣлалъ свое дѣло 1-го января 1645 года, когда лицо стараго прелата, багровое до послѣдней минуты, поблѣднѣло какъ полотно подъ ударомъ палача, опровергая такимъ образомъ клевету его враговъ, говорившихъ, что онъ нарумянилъ себѣ щеки, чтобы не выдать страха.

(History of England). Dr. Collier. London, 1868 г., стр. 324—344.

5. МОЛОДОСТЬ КРОМВЕЛЛЯ.

Старинная саксонская фамилія бароновъ Кромвеллей, которыхъ феодальное помѣстье находилось въ Таттерсаллѣ въ Линкольнширѣ, получила, повидимому, названіе свое отъ незначащей саксонской деревушки *Crumwell* или *Cromwell* (Кромскій-Колодецъ), находившейся на восточной границѣ Ноттингамшира. Въ царствованіе Эдуарда II одинъ баронъ Кромвелль засѣдалъ въ парламентѣ; начиная съ среднихъ вѣковъ и до начала XVII, многіе изъ Кромвеллей, богатые и бѣдные, дворяне и мѣщане, одни шерифы, другіе фермеры, разсѣяны по этимъ странамъ; но всѣ они держатся въ сторонѣ отъ движеній двора и Лондона, и никто изъ нихъ не роднится съ нормандскимъ племенемъ. Замѣтимъ саксонское и народное происхожденіе Оливера Кромвелля.

Генрихъ VIII, разгнѣванный папою, увлекаетъ саксонское народонаселеніе, мѣщанъ и земледѣльцевъ Англіи, въ революціонное движеніе, поднявшее сѣверъ противъ католицизма; этотъ дурной человѣкъ, понимавшій свое время и свое государство, заставляетъ вельможъ слѣдовать внушеніямъ про-

тестантизма и утѣшаетъ ихъ монастырскими помѣстьями; тогда одинъ изъ Кромвеллей является въ довольно ужасной роли на историческомъ поприщѣ. Онъ дѣлается раззорителемъ монастырей, *mallcus monachorum*, правою рукою Генриха VIII въ дѣлѣ разрушенія. Это Томасъ Кромвелль, впослѣдствіи графъ эссекскій. Отецъ его, говорятъ, имѣлъ въ Путнеѣ кузницу; а самъ онъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ членовъ многочисленной фамиліи Кромвеллей, какой-нибудь младшій сынъ, пріѣхавшій изъ Линкольншира, чтобъ найдти себѣ въ Лондонѣ средства для пропитанія. Томасъ Кромвелль былъ ревностнѣйшимъ поборникомъ папизма, — а подъ рукою его католики и монастыри падали какъ осенніе листья. Во многихъ графствахъ жители возмутились; Томасъ Кромвелль вооружилъ противъ мятежниковъ племянника своего, сэра Ричарда Кромвелля, дѣда протектора— племянникъ весьма усердно содѣйствовалъ своему дядѣ. Никто не подозрѣвалъ существованія этого Ричарда, племянника перваго министра, Томаса Кромвелля, до Карлэйля, приводящаго въ доказательство два письма, находящіяся въ собраніи коттоновскихъ манускриптовъ: въ нихъ ясно можно видѣть взаимныя отношенія дяди и племянника. Первый изъ нихъ одушевленъ настоящимъ бѣшенствомъ противъ папской власти и монашества, а другой носится изъ одного угла Англіи въ другой, изъ монастыря въ монастырь; преслѣдуетъ бѣдныхъ монаховъ; охотится за католическимъ духовенствомъ, во исполненіе приказаній своего дяди; наполняетъ тюрьмы игумнами; потомъ возвращается въ Лондонъ, чтобъ принять участіе въ турнирѣ, осчастливленномъ присутствіемъ его величества, и тамъ удостоивается весьма благосклоннаго пріема со стороны защитника вѣры и врага папы. Награжденный за свое усердіе нѣсколькими аббатствами, Ричардъ округляетъ и расширяетъ значительнымъ количествомъ духовныхъ помѣстій свои собственныя земли, такъ что у него образуется весьма порядочное имѣніе. Человѣкъ дѣйствующій и исполнительный, онъ требуетъ заключенія въ тюрьму сосѣда своего, какого-то сэра Джона Тимбльби, противящагося святому преобразованію церкви; совѣтуетъ своему дядѣ обезоруженіе всего графства; потомъ, переносится изъ Кембриджа въ Эли, изъ Эли въ Рамзей, оттуда въ Питерборо, смѣняетъ аббатовъ, выгоняетъ монахинь, поступаетъ довольно милостиво съ покорными игумнами, отрекающимися отъ папы, и неумолимо жестокъ съ ослушниками. Таковъ дѣдъ Оливера Кромвелля.

Отъ этого фанатически-протестантскаго племени, въ помѣстьѣ, составленномъ изъ смертныхъ останковъ величія католицизма, родился въ 1599 г. Оливеръ Кромвелль, который, слѣдовательно, не былъ ни сыномъ пивовара, ни потомкомъ мясника.

Шекспиръ былъ еще живъ; народъ обожалъ старую королеву Елизавету, ускорившую движенie протестантизма; весь сѣверъ Европы былъ въ броженiи, тогда какъ Англiя предчувствовала свое будущее величiе, котораго опорою будетъ возстанiе ея противъ Рима. Фамилiя Кромвеллей, приставшая къ новымъ идеямъ, которыя должны были произвести такiя огромныя событiя, сдѣлалась могущественною; Ричардъ, разоритель монастырей и главный сотрудникъ своего дяди Томаса, завѣщалъ сыну своему, сэру Генри Кромвеллю, извѣстному подъ названiемъ «золотаго кавалера», древнiй женскiй монастырь Гинчинбрукъ, находящiйся на лѣвомъ берегу Узы, рѣки, которой меланхолическiя воды катятся по ровному руслу между поросшими камышомъ берегами. Генри Кромвелль превратилъ монастырь въ прекрасный замокъ, и гостепрiимство Гинчинбрука прославилось во всей окрестности. Старшiй сынъ его, сэръ Оливеръ, поддерживавшiй эту репутацiю, продалъ свое наслѣдiе фамилiи Монтегю, члены которой сдѣлались впослѣдствiи графами сандвичскими; имъ принадлежитъ теперь замокъ, въ огромныхъ залахъ котораго и понынѣ висятъ старые портреты Кромвеллей; зеленые луга, наклоненные къ лѣнивому потоку, и длинныя ивовыя и вязовыя аллеи. Робертъ Кромвелль, отецъ протектора, поправилъ свои разстроенныя дѣла странною женитьбой. По сосѣдству отъ Кромвеллей была фамилiя Стюартъ (Stewart), сродни королевской. Одинъ изъ членовъ ея, католическiй прiоръ города Эли, рѣшился было сопротивляться реформѣ, Генриху VIII, Томасу и Ричарду Кромвеллямъ; сопротивленiе его не устояло, однако, противъ предложеннаго прiору титула протестантскаго декана собора и наслѣдственнаго владѣльца духовныхъ десятинъ, что обезпечивало его состоянiе. Мать Оливера Кромвелля, Елизавета Стюартъ, была правнучкой этого новообращеннаго прелата и внучатною сестрою англiйскаго короля Карла I; приданое ея состояло изъ помѣстiй и духовныхъ десятинъ, отнятыхъ у католиковъ. Католическое сопротивленiе держалось однимъ изъ Стюартовъ; протестантскiя гоненiя XVI вѣка нашли себѣ пламенныхъ дѣятелей въ лицѣ двухъ Кромвеллей; наконецъ, имѣнiе, проистекшее изъ этихъ двухъ источниковъ, революцiоннаго и теологическаго, досталось въ удѣлъ пуританскому диктатору Оливеру Кромвеллю, символу вооруженнаго протестантизма.

Имѣнiе это, почтенное для провинцiи, но слишкомъ незначительное для того, чтобъ усыпить честолюбiе, давало дохода около тридцати тысячъ нынѣшнихъ франковъ въ годъ. Оливеру было четыре года, и Гинчинбрукъ не былъ еще проданъ, какъ вдругъ шумъ охоты возвѣстилъ прибытiе Якова I, отправлявшагося изъ Шотландiи, чтобы возсѣсть на англiйскiй престолъ,

и вознамѣривавшагося почтить своимъ посѣщеніемъ родню мистриссъ Кромвелль, которая была изъ рода Стюартовъ, какъ мы выше сказали. Король проѣхалъ черезъ Бельвойръ, прекраснѣйшій феодальный замокъ въ цѣлой Англіи, и прибылъ въ Гинчинбрукъ, «не переставая охотиться», какъ говоритъ хроника. Маленькій Оливеръ, племянникъ гинчинбрукскаго владѣльца, сэра Оливера, могъ любоваться зрѣлищемъ царственнаго великолѣпія. Яковъ I провелъ двѣ ночи у Кромвеллей Стюартовъ, своихъ родственниковъ, возводилъ въ рыцарское достоинство въ большой залѣ замка, въ числѣ прочихъ, роднаго дядю протектора съ отцевой стороны, не забывая и своего собственнаго родственника, Томаса Стюарта, или Стюарта изъ Эли, брата матери молодаго Оливера. Послѣ этого король поѣхалъ въ Лондонъ, оставивъ состояніе сэра Оливера значительно разстроеннымъ своимъ посѣщеніемъ; нѣсколько лѣтъ спустя, возвращаясь въ Шотландію и удостоивъ его снова той же чести, монархъ былъ скромно угощенъ обѣднѣвшимъ владѣльцемъ Гинчинбрука. Въ 1627 году, сэръ Оливеръ нашелся вынужденнымъ уступить свой замокъ сэру Сиднею Монтегю за сумму, равняющуюся 75,000 франкамъ нашего времени, изъ которыхъ 32,500 сдѣлались добычею одного кредитора; потомъ онъ отправился въ болота Рамзей-Мира, гдѣ у него было маленькое имѣніе, чтобъ горевать на свободѣ о своемъ исчезнувшемъ блескѣ и скрыть тамъ свои огорченія и закоренѣлый свой роялизмъ. Племянникъ его, сдѣлавшійся главою пуританъ, посѣтилъ его впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, съ толпою богомоловъ въ кожанныхъ перевязяхъ.

Вотъ каково было положеніе фамиліи Кромвеллей, въ которой не являются ни пивовары, ни мясники, и второй членъ которой, отецъ протектора Оливера Кромвелля, разбогатѣвшій отъ женитьбы и жившій въ Гонтингдонѣ, вскорѣ затмилъ своего старшаго брата, возведеннаго королемъ въ званіе барона и скрывшагося въ своихъ болотахъ. Въ Гонтингдонѣ, между 1599 и 1620 годами, когда Испанія и Римъ вооружались за католицизмъ, а Шотландія, Англія, Саксонія и Скандинавія соединялись между собою противъ юга Европы, впродолженіе этого глухаго національнаго броженія, проникнувшаго во всѣ закоулки малѣйшихъ англо-саксонскихъ деревушекъ, — Робертъ Кромвелль воспитывалъ на берегахъ Узы свое многочисленное семейство. Въ такомъ суровомъ уединеніи, пятое дитя его, Оливеръ, не могъ не слышать весьма частыхъ разговоровъ о «гнусныхъ папистахъ», о «Вавилонской Развратницѣ» (какъ пуритане величали Римъ), о Равальякѣ, мнимомъ іезуитѣ, умертвившемъ Генриха IV, объ испанскомъ королѣ, очевидно тождественномъ антихристу, въ особенности о Лаудѣ, полу-католикѣ, который, будучи въ Гонтингдонѣ архидьякономъ, былъ, конечно, сыномъ самого Вель-

зевула: всѣ эти предметы живо занимали умы. О нихъ мечталъ маленькій Кромвелль, отправляясь охотиться въ болота, окружавшія Эли. Семейства его отца и матери вели жизнь суровую и набожную, какъ слѣдуетъ новымъ реформаторамъ; повидимому все клонится къ опроверженію преданій, разсказываемыхъ его врагами о буйныхъ подвигахъ молодаго Оливера въ тавернахъ и кабакахъ, объ обезьянѣ, преслѣдовавшей его по крышамъ, о его разгульныхъ привычкахъ и развратной молодости. Ничто не призывало его къ подобнаго рода увеселеніямъ.

Народонаселеніе этихъ сырыхъ странъ было всегда нерасположено ко всему, что отзывается сладострастіемъ и суетными удовольствіями. Окрестные виды, спокойнымъ и отчасти мертвеннымъ однообразіемъ своимъ, напоминаютъ нѣкоторые пейзажи Вувермана; на западѣ едва замѣтныя возвышенія покрыты густымъ дерномъ темнаго цвѣта, на которомъ мѣстами видны группы деревьевъ и кустарники; на востокѣ горизонтъ черенъ, и всѣмъ пространствомъ завладѣла обширная болотная равнина; тамъ блѣдныя ивы и бѣлолиственныя ольхи качаются отъ вѣтра, а по воздуху тяжело летаютъ водяныя птицы. Рѣка Уза, прежде чѣмъ входитъ въ эти страны, описываетъ множество изворотовъ и, перемѣняя цвѣтъ по мѣрѣ своего приближенія, превращается изъ желтой въ черную, отражая солнечные лучи въ своихъ свинцовыхъ водахъ, а потомъ теряется въ болотныхъ растеніяхъ, поростахъ, камышахъ и кувшинкахъ. Подобнаго рода мѣстность, оживленная только маленькими деревушками, не представляла Оливеру Кромвеллю случая предаваться вкусу къ оргіямъ, который ему приписываютъ. Откуда же взялись преданія, описывающія предковъ его людьми ничтожными, отца его бѣднымъ пивоваромъ, а его самого человѣкомъ, котораго молодость протекла въ грубомъ развратѣ? Изъ ненависти партій, ничего не щадящихъ для униженія своихъ враговъ, а также отъ мрака, покрывающаго неизвѣстностью первыя сорокъ лѣтъ его жизни. Семейство Кромвелля довольствовалось значеніемъ своимъ въ провинціи и не являлось на поприщѣ государственномъ; отецъ его обрабатывалъ свои земли, продавалъ свой хлѣбъ и, безъ сомнѣнія, по обычаю хорошихъ хозяевъ, откладывалъ часть его въ сторону, вываривая себѣ пиво для домашняго употребленія. Ручеекъ Гинчинбрукъ, протекающій черезъ дворъ его дома, существующаго еще и теперь, облегчалъ ему этотъ родъ заготовленія, въ которомъ, вѣроятно, помогала ему и мистриссъ Кромвелль, добрая мать и добрая хозяйка, не смотря на происхожденіе свое отъ дома Стюартовъ.

Дяди Оливера жили деревенскими дворянами отъ доходовъ

со своихъ земель, въ простомъ довольствѣ и не безъ уваженія въ своемъ околодкѣ: дочь одного вышла замужъ за Оливера Сент-Джона, республиканскаго адвоката; одна изъ тетокъ протектора, сестра Роберта Кромвелля, вышла за нѣкоего Гэмпдена и сдѣлалась матерью того Гэмпдена, который подалъ знакъ къ возмущенію, отказавшись заплатить королю требуемые двадцать шиллинговъ. Вся родня Кромвеллей имѣла такое же направленіе. Молодой Оливеръ росъ среди такихъ вліяній, которымъ былъ однако чуждъ глава фамиліи, разорившійся кавалеръ, добрый роялистъ и сомнительный протестантъ.

23 апрѣля 1616 года, въ самый день смерти Шекспира и десять дней спустя послѣ смерти Сервантеса, Кэмбриджскій Университетъ, находящійся въ двадцати миляхъ отъ Гонтингдона, записалъ молодаго Кромвелля въ число своихъ студентовъ или *gentlemen commoners*; тамъ онъ пробылъ одинъ только годъ. 23 іюня 1617 года умеръ его отецъ, и восемнадцатилѣтній юноша, оставя тотчасъ же Кэмбриджъ, возвратился домой, чтобъ пещись о своей матери и шести молоденькихъ сестрахъ. Развратная жизнь его, о которой преданія разсказываютъ столько назидательныхъ анекдотовъ, физически невозможна. Въ 1620 году, имѣя отъ роду 21 годъ, Оливеръ женится на дочери одного богатаго купца, Елизаветѣ Бурчьеръ, привозитъ ее къ своей матери и продолжаетъ жить въ Гонтингдонѣ помѣщикомъ, ведя этотъ свободный и дѣятельный родъ жизни, который такъ много способствуетъ размышленію и такъ мало распутству.

Десять лѣтъ уединенія лишаютъ возможности знать о тогдашнихъ дѣйствіяхъ Кромвелля, которому суждено было играть такую грозную роль. Извѣстно о немъ только, что, живя въ довольствѣ, любимый въ своемъ семейномъ кругу и уважаемый сосѣдями, онъ былъ часто подверженъ сильнымъ припадкамъ угрюмой меланхоліи. «Часто», говоритъ Варвикъ въ своихъ запискахъ, «онъ въ полночь посылалъ за докторомъ Симкоттомъ, городскимъ врачомъ, воображая себя близкимъ къ смерти; онъ говорилъ ему о своей ипохондріи и о *своихъ воображеніяхъ по случаю креста въ городѣ*». Этотъ папистскій крестъ мучилъ его. Кальвинистскіе проповѣдники бродили въ сосѣдствѣ; послушавъ ихъ поученій, онъ обыкновенно впадалъ въ мрачную хандру; тогда онъ отправлялся гулять по берегамъ описанной нами грустной рѣки, подъ тѣнью ивъ, подъ сырымъ и пасмурнымъ небомъ, мечтая о человѣкѣ и Богѣ, о жизни и смерти, въ особенности о догматѣ предназначенія. Весьма вѣроятно, что вечеромъ, погруженный въ ужасы этого вѣрованія, онъ посылалъ за Симкоттомъ и спрашивалъ у человѣческой науки лекарствъ противъ недуга, отъ котораго Гамлетъ не зналъ какъ исцѣлиться.

Съ тѣхъ поръ, какъ объявленный Генрихомъ VIII протестантизмъ вооружилъ Англію противъ Рима, расколъ развернулъ свои послѣдствія; католицизмъ былъ потрясенъ на сѣверѣ, единство церкви разрушено. То же сомнѣніе, которымъ великій поэтъ растерзалъ сердце своего Гамлета, гнело души. Реформа была начата, ее хотѣли довершить; переворотъ, совершенный королемъ, казался недостаточнымъ. Еще въ началѣ XVII вѣка было подано королю прошеніе, подписанное почти тысячью духовными, о радикальномъ уничтоженіи религіозныхъ церемоній и обрядовъ и о возвращеніи къ простотѣ первобытнаго христіанскаго богослуженія. Особенно возставали противъ пожалованія придворнымъ духовныхъ десятинъ и помѣстій, принадлежавшихъ монастырямъ: просители требовали, чтобъ хотя часть этихъ богатствъ была отдана проповѣдникамъ новой вѣры, распространителямъ кальвинизма. Радикализмъ реформы былъ естественнымъ слѣдствіемъ перваго удара, нанесеннаго старинному католическому единству вѣроисповѣданія. Религіозные демократы кричали: «Должно ниспровергнуть идолопоклонство, истребить ложь, возвратиться къ святому смыслу христіанизма, предаться истинѣ и свободѣ, не оставить слѣда рабства и обмана, искоренить чуждое иго и смерть души, возвыситься до созерцанія Бога и земной независимости!» Не намъ осуждать или одобрять это отреченіе; достаточно, если скажемъ, что таковы были мысли и страсти всего сѣвера Европы. Въ особенности вооруженіе Германіи считалось въ Римѣ самою ужасною ересью. Вольность возставала противъ власти, отреченіе противъ любви, будущность противъ прошедшаго, сѣверъ противъ юга. Я не сужу объ этомъ движеніи; я только объясняю его.

Такое движеніе умовъ должно было испугать какъ гражданскую, такъ и духовную власть — это необходимо. Старались поддержать немногія церемоніи, украшавшія еще богослуженіе, мѣшать проповѣдникамъ кальвинизма и противиться распространенію этого дикаго изувѣрства въ отдаленныхъ областяхъ Англіи; но протестанты съ своей стороны ниспровергли эти преграды и старались доставить пуританскимъ проповѣдникамъ часть прежнихъ духовныхъ десятинъ, захваченныхъ вельможами. Тогда зашевелился средній классъ народа, та часть общества, къ которой принадлежали и Кромвелли. Протестанты сложились, чтобъ доставить земной насущный хлѣбъ распространителямъ слова жизни; составились капиталы для содержанія странствующихъ миссіонеровъ (*running lecturers*), и другихъ, которымъ предназначалось постоянное мѣстопребываніе и которые должны были являться на площадяхъ и рынкахъ, во время ярмарокъ или послѣ церковной службы, чтобъ воспламенять ненависть народа къ Риму и гремѣть противъ ризъ, стихарей,

четокъ, крестнаго знаменія, распятій и деспотизма юга. Оливеръ Кромвелль былъ не изъ послѣднихъ, присоединившихся къ этой оппозиціи; доказательствомъ, что онъ былъ вѣрнымъ представителемъ духа своего околодка, можетъ служить то, что 17 марта 1627 года, когда имя его находилось въ спискѣ подписчиковъ пуританской складчины, его избрали въ члены парламента.

Этотъ провинціальный дворянинъ, молчаливый и незавидно-одѣтый, присутствовалъ не говоря ни слова, при бурныхъ засѣданіяхъ первыхъ парламентовъ царствованія Карла I; онъ слушалъ обвиненія противъ герцога Бэкингэма, пренія о биллѣ попилинъ, и былъ свидѣтелемъ странной сцены, когда Пимъ Кукъ и президентъ (*speaker*) *оплакивали* втроемъ горячими слезами упорство короля, защищавшаго своего любимца. Мечтатель береговъ Узы опасался больше всего, чтобъ его *lecturers* (проповѣдники) не были замѣнены папистами. Въ тотъ день, когда палата занялась этимъ предметомъ, онъ рѣшился говорить; рѣчь его была обдумана въ религіозномъ комитетѣ, составившемся для разсмотрѣнія злоупотребленій духовенства. Кромвелль, съ грубостью суроваго деревенскаго жителя, прямо обвинилъ четырехъ папистовъ: Лауда, Мэйнварннга, Нейля и Элебластера. Вотъ его слова.

«Докторъ Бирдъ (старый учитель его деревни) увѣдомилъ меня, что докторъ Элебластеръ проповѣдуетъ чистый папизмъ у креста св. Павла и дѣлаетъ это по приказанію епископа своего, доктора Нейля. А этотъ епископъ недавно далъ богатый приходъ тому самому Мэйнварингу, котораго палата справедливо осудила. Если по такимъ ступенямъ доходятъ до высокихъ духовныхъ званій, что же насъ ожидаетъ?»

Въ самомъ дѣлѣ, палата повиновалась гонтингдонскому члену и повелѣла произвести слѣдствіе надъ четырьмя обвиненными; слѣдствіе это было поручено «мистеру Кромвеллю». Возвратившись домой по распущеніи парламента, онъ не потерялъ высокаго мнѣнія своихъ сосѣдей, потому что, немедленно послѣ засѣданія его въ палатѣ, его и пуританскаго учителя его, того же самаго доктора Бирда, избираютъ въ мирные судьи. Честолюбіе Кромвелля не заносилось выше; земледѣліе и скотоводство казались единственными занятіями его жизненной дѣятельности; онъ продалъ тысячъ на пятьдесятъ франковъ земли, купилъ себѣ въ Сентъ-Айвзѣ, на пять миль ниже Гонтингдона, по той же рѣкѣ Узѣ, пространныя пастбища и переѣхалъ туда жить вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, въ самое унылое мѣстоположеніе.

Надобно видѣть городокъ Сентъ-Айвзъ, чтобы составить себѣ понятіе о его, наводящей сонъ и тоску, наружности: рыжіе до-

мики, угловатый мостъ, по которому три человѣка едва могутъ идти рядомъ; черноватые луга, окружающіе его со всѣхъ сторонъ и владычествующіе надъ нимъ, и, наконецъ, металлическаго цвѣта тина, которую проносятъ мимо полустоячія воды омывающей его Узы. Крыши домовъ такъ низки, что издали незамѣтно никакого слѣда обитаемости; остроконечный шпицъ колокольни выходитъ изъ купы плакучихъ ивъ и показываетъ путешественнику, удивленному такою встрѣчей, что тутъ есть городъ. Вокругъ него только и видны ивы да черный дернъ; все молчитъ; городъ кажется вѣчно спящимъ. Только въ дни продажи на рынкѣ звукъ звонковъ смѣшивается съ мычаніемъ рогатаго скота и блеяніемъ овецъ. Старинное названіе главнаго помѣстья въ околодкѣ, гдѣ Кромвелль нанялъ нѣкоторые участки, называется и теперь «Соннымъ-Замкомъ» (*Slepe-Hall*); на старыхъ документахъ онъ называется *Saint-Yves cum Slepa*. Туда-то отправился Оливеръ Кромвелль съ своими кальвинистскими идеями и мрачными думами; тамъ онъ угрюмо мечталъ цѣлыя пять лѣтъ, продавалъ своихъ быковъ, слушалъ проповѣди своихъ *lecturers*, съ упоеніемъ читалъ библію, благоденствовалъ въ качествѣ фермера и скотовода и, при помощи Елизаветы Бурчьеръ, доброй хозяйки, воспитывалъ шестерыхъ дѣтей. Дѣла, касающіяся вѣчной жизни, занимали его, однако, болѣе земныхъ предметовъ. Несмотря на всѣ усилія и преслѣдованія Лода, пытавшагося остановить потокъ пуританизма, подписки на содержаніе миссіонеровъ или *lecturers* продолжались втайнѣ, и одинъ изъ нихъ, Велльсъ, при содѣйствіи такого вспомоществованія, вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ Кромвелля и жителей Сент-Айвза. Чтобъ проповѣди не умолкали, надобно было, чтобъ продолжалась и подписка. Основателемъ этой миссіи въ Сент-Айвзѣ былъ кальвинистъ Стори, по-видимому, какой-нибудь богатый лондонскій купецъ; онъ какъ-то замѣшкался присылкою денегъ, предназначенныхъ на поддержаніе кальвинистскаго краснорѣчія, и получилъ тотчасъ же отъ мирнаго судьи и недавняго члена парламента, скрывшагося въ Сент-Айвзѣ для спасенія души своей, слѣдующее письмо, которое мы переведемъ съ самою рабскою точностью:

«Моему любезнѣйшему и доброму другу, мистеру Стори, подъ вывѣскою «Собаки» у Лондонской Биржи, передать прилагаемое:

Сент-Айвзъ, 11 января 1635.

«Мистеръ Стори!

«Въ спискѣ добрыхъ дѣлъ, свершенныхъ вами и вашими согражданами, а нашими соотечественниками, не послѣднимъ сочтется то, что они пекутся о пищѣ духовной. Воздвиженіе больницъ приноситъ пользу тѣлу человѣческому; строеніе веще-

ственныхъ храмовъ считается дѣломъ благочестивымъ; но тѣ, которые даютъ духовную пищу, которые строятъ храмы духовные, — тѣ истинно благочестивые люди. Подобнымъ дѣломъ было основаніе вами проповѣднической каѳедры, на которую вы помѣстили доктора Велльса, человѣка добраго, ревностнаго и способнаго къ добру всякаго рода; человѣка, который въ Англіи не уступаетъ никому въ этихъ качествахъ, сколько я знаю. И я убѣжденъ, что съ прибытія его, Господь сдѣлалъ намъ много благаго черезъ его посредство.

«Теперь остается только желать, чтобъ Тотъ, Кто подвигнулъ васъ къ началу этого дѣла, поддержалъ васъ и для продолженія его, слѣдственно, чтобъ довершилъ его. Вознеситесь къ Нему вашими сердцами. И, право, мистеръ Стори, жаль было бы видѣть паденіе слова въ рукахъ такихъ способныхъ и благочестивыхъ людей, какъ основатель этой каѳедры, въ чемъ я убѣжденъ; мы сегодня видимъ, что враги божественной истины ниспровергли ее съ поспѣшностью и насиліемъ. Мы далеки отъ того, чтобъ считать столько грѣха на вашихъ рукахъ. Вы, который живете въ городѣ, славномъ блестящимъ свѣтомъ Евангелія, вы знаете, мистеръ Стори, что остановить плату, значитъ уничтожить каѳедру, ибо кто пойдетъ воевать на свой счетъ? А потому я умоляю васъ, ради нѣдръ Іисуса Христа, дайте этому дѣлу хорошій ходъ, и пусть заплатятъ достойному человѣку. Души чадъ Божіихъ благословляютъ васъ, что сдѣлаю и я; оставаясь навсегда

«вашимъ вѣрнымъ другомъ о Господѣ

Оливеръ Кромвеллъ».

«Увѣрьте въ моей искренней дружбѣ мистера Бюсса и прочихъ добрыхъ друзей моихъ (*пуританъ*). Я было думалъ писать къ г. Бюссу; но мнѣ не хотѣлось безпокоить его длиннымъ письмомъ, и я боялся, что не получу отъ него отвѣта: а отъ васъ я жду отвѣта, лишь-только вы найдете удобнымъ это сдѣлать. *Vale.*»

Вотъ первое изъ дошедшихъ до насъ писемъ Кромвелля; человѣкъ, писавшій его, дюжій и угрюмый тридцати-шести-лѣтній фермеръ, не имѣлъ никакой причины прикидываться энтузіастомъ: онъ взялся за перо въ пользу поселившагося въ его странѣ миссіонера, и слѣдуетъ по пути, избранному имъ еще въ молодости, когда онъ подписался въ пользу дѣла пуританъ и обвинилъ въ парламентѣ папистовъ. Въ глуши своего болотнаго жилища, онъ представляетъ собою самую энергическую часть революціоннаго броженія. 11-го января 1635 года, въ тотъ самый день, когда онъ пишетъ это письмо, двоюрод-

ный братъ его, Джонъ Гэмпденъ, конюшій, отказывается, при собраніи цѣлаго прихода Большаго-Кимбля, заплатить королю тридцать-одинъ шиллингъ и шесть пенсовъ. Одновременность движенія была очень глубока и очень существенна.

Такимъ образомъ единодушно и согласно поднимался огромный протестантскій потокъ, долженствовавшій ниспровергнуть тронъ и епископовъ; то было движеніе религіозной и гражданской независимости, поддержанное мѣщанами, жителями деревень, основою стариннаго саксонскаго народонаселенія.

Ожесточенная сильнѣе и находящаяся далѣе къ сѣверу, Шотландія клялась со слезами и молитвами, что не покинетъ дѣла. Напрасно палачи отрѣзали уши и носы: кровь и непомѣрные налоги раздражали народъ до бѣшеной восторженности, а королевская казна оставалась въ самомъ жалкомъ положеніи. 6-го ноября 1637 года, когда дядя Кромвелля, Стюартъ-изъ-Эли, о которомъ было говорено выше, умиралъ въ этомъ городѣ, оставляя своему племяннику, Оливеру, въ наслѣдство папистскія десятины, въ это самое время Сент-Джонъ, республиканскій и кальвинистскій адвокатъ, женатый на одной изъ Кромвеллей, говорилъ публично противъ короля въ защиту Джона Гэмпдена. Впродолженіе трехъ дней его законовѣдческое краснорѣчіе старалось доказать, что Гэмпденъ не долженъ былъ платить двадцати шиллинговъ [1], и впродолженіе слѣдующихъ трехъ дней Гольборнъ, адвокатъ противной стороны, также настойчиво доказывалъ, что это неправда. Наконецъ, рѣшили тѣмъ, что Гэмпденъ долженъ былъ заплатить, и что король былъ правъ.

Кромвелль, окруженный пуританскими и революціонными семействами, занимался по прежнему своими домашними и судейскими дѣлами; онъ переѣхалъ въ Эли, въ домъ своего дяди, бывшаго собирателя духовной десятины. Домъ этотъ былъ такъ же печаленъ, какъ и всѣ жилища Кромвелля; онъ состоялъ изъ полутора этажей съ готическими каминами въ мрачныхъ залахъ, съ неправильными перилами, вообще имѣлъ какой-то угрюмо-величественный видъ. Теперь въ немъ гостинница, и его можно видѣть на углу площади этого стариннаго города. Эли и теперь еще центръ болотъ, занимавшихъ въ тѣ времена пространства больше тридцати квадратныхъ миль и къ изсушенію которыхъ было уже приступлено. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ прорыть каналъ для Узы и направить ея лѣнивыя воды по прямой линіи къ морю, защитивъ между тѣмъ насыпями сырую

---

[1]) Гэмпденъ отказался заплатить 20 шиллинговъ въ одномъ приходѣ и 31 шиллингъ 6 пенсовъ въ другомъ; но его потребовали къ суду только за первые 20 шиллинговъ.

страну; планъ этотъ, составленный еще въ средніе вѣка и покинутый нѣсколько разъ по равнодушію правительствъ, снова началъ приходить въ исполненіе при Елизаветѣ; но работы опять должны были остановиться вдругъ въ 1637 году, отъ совершеннаго безденежья въ казнѣ злополучнаго Карла I-го. Отъ рѣшенія вопроса объ изсушеніи болотъ зависѣло благосостояніе того края, и Кромвелль счелъ своимъ долгомъ требовать, чтобъ опять принялись за работы. Кальвинистскій фермеръ Сент-Айвза, суровый обитатель «Соннаго Замка», составилъ, предложилъ и подписалъ прошеніе своихъ земляковъ, послалъ его къ королю, созвалъ собраніе гонтингдонскихъ помѣщиковъ и фермеровъ и противопоставилъ себя открыто правительству, у котораго были еще палачи. Но Кромвелль побѣдилъ. Повелѣно было продолжать изсушеніе, и жители Линкольншира и Ноттингэмшира прозвали его «господиномъ болотъ» *(lord of the fens)*.

Этотъ эпизодъ, имѣющій свою важность въ ряду событій, приведшихъ Кромвелля къ верховной власти, былъ въ первый разъ поясненъ Карлэйлемъ. Сдѣлавшись первымъ лицомъ въ своей провинціи, этотъ суровый и задумчивый дворянинъ нисколько не перемѣняетъ своего образа жизни. Фанатическій мистицизмъ его усиливается. Молодость его кажется ему временемъ безпутныхъ страстей: онъ жилъ въ невѣдѣніи Бога; онъ проливаетъ слезы, какъ царь Давидъ, о часахъ, посвященныхъ имъ житейскимъ заботамъ; онъ думаетъ только объ уничтоженіи смертнаго *я* передъ вѣчностью. Этотъ обманщикъ, какимъ его выставляютъ, который былъ ни что иное, какъ восторженный символъ кальвинистскаго предопредѣленія, писалъ тогда слѣдующее письмо къ своей двоюродной сестрѣ, женѣ адвоката Сент-Джона, прозванной *глухимъ фонаремъ* республиканцевъ. Письмо это достаточно доказываетъ страшную глубину его энтузіазма:

«Моей любезнѣйшей сестрицѣ, мистриссъ Сент-Джонъ, у сэра Уильяма Мэшема, въ домѣ ея, Отзѣ, въ Эссексѣ.

«*Эли, 13 октября 1638*».

«Милая сестрица!

«Узнаю ваше доброе расположеніе и благодарю за вашу дружбу по этому случаю. Увы! слишкомъ высоко цѣните вы мои письма и мое общество. Я долженъ стыдиться отъ вашихъ выраженій, зная, какъ мало я полезенъ и какъ достоинства мои незначительны.

«Впрочемъ, чтобъ прославить Бога, говоря о томъ, что Онъ сдѣлалъ для моей души, я надѣюсь и хочу надѣяться. По ис-

тинѣ, вотъ что я нахожу: Онъ творитъ источники въ сухой и безплодной пустынѣ, гдѣ нѣтъ воды. Вы знаете, что я живу въ Мешекѣ, что означаетъ *продленіе*; въ Кедарѣ, что означаетъ *мракъ и черноту*, — однако Господь меня не покидаетъ. Хотя Онъ и длитъ, но, надѣюсь, приведетъ меня къ своей скиніи завѣта, къ своему мѣсту отдохновенія. Душа моя обрѣтается въ сообществѣ Первенца, сердце мое отдыхаетъ въ упованіи; и если я могу здѣсь прославить Бога дѣломъ или страданіемъ, то буду до крайности доволенъ.

«По истинѣ, нѣтъ человѣческой твари, которая имѣла бы больше моего причинъ подвизаться въ дѣлѣ своего Бога. Я получилъ отъ него впередъ дары изобильные, и увѣренъ, что никогда не буду въ силахъ уплатить малѣйшую частицу. Да приметъ меня Господь въ Сынѣ своемъ и да озаритъ свѣтомъ своимъ путь мой, потому что Онъ есть свѣтъ! Онъ просвѣтитъ нашу черноту, нашъ мракъ. Я не могу сказать, что Онъ отвращаетъ лицо свое отъ меня. Онъ допускаетъ меня видѣть свѣтъ въ Его свѣтѣ. Лучъ свѣта въ потемкахъ имѣетъ въ себѣ много освѣжительнаго; благословенно имя Его, что Онъ заглянулъ въ сердце, столь темное, какъ мое! Вы знаете, каковъ былъ образъ моей жизни. О! я любилъ тьму, я жилъ въ ней и ненавидѣлъ свѣтъ; я былъ главою грѣшниковъ. Это слишкомъ справедливо. Я ненавидѣлъ гласъ Божій, ненавидѣлъ святость; но Богъ умилосердился надо мною. О, сокровища милосердія! Хвалите Его за меня; молитесь за меня, чтобъ Онъ, начавшій великое дѣло, довершилъ его въ день Христа.

«Привѣтствуйте всѣхъ друзей моихъ того семейства, въ которомъ вы живете; я у нихъ весьма въ долгу за ихъ дружбу. Благословляю Господа за нихъ и за то, что, ихъ попеченіями, сыну моему такъ хорошо. Поминайте его въ вашихъ молитвахъ, давайте ему совѣты; молитесь также и обо мнѣ.

«Кланяйтесь отъ меня своему мужу и сестрѣ своей. Онъ не держитъ своего слова! — Онъ обѣщалъ написать по случаю г. Рата изъ Эппинга; но я до сихъ поръ не имѣю отъ него писемъ. — Попросите его, чтобъ онъ сдѣлалъ что нужно для бѣднаго родственника, о которомъ я его просилъ.

«Еще разъ прощайте и будьте здоровы. Да будетъ Господь съ вами; объ этомъ молится

«искренно-любящій васъ братъ»

«*Оливеръ Кромвелль*».

Очевидно, что самое пламенное убѣжденіе оживляло человѣка, забравшагося въ болота, исключительно занятаго своими любезными проповѣдниками и проливавшаго слезы о несчастныхъ

и грѣховныхъ дняхъ своей юности. Произносимыя имъ библейскія слова точь въ точь тѣ же, которыя и понынѣ поются въ пуританскомъ псалмѣ, въ дикихъ долинахъ Шотландіи:

«Woe's me that I in Mechec am,
A sojourner so long!
Or that I in the tents do dwell,
To Kedar that belong!

«Горе мнѣ, живущему такъ долго въ Мешекѣ! И что я обитаю шатры, принадлежащіе Кедару!»

Вотъ что поютъ въ носъ гнусливыми хорами препочтенные фермеры и предобрѣйшіе мѣщане средней руки, обитающіе въ шотландскихъ городахъ и мѣстечкахъ, люди, не погрѣшившіе ничѣмъ, кромѣ того, что они существуютъ; первородный грѣхъ, основаніе кальвинистскаго ученія, и вѣчная горесть предназначенныхъ дышатъ въ этихъ погребальныхъ напѣвахъ. Въ глазахъ людей, думающихъ такимъ образомъ, десница Божія вѣчно тяготѣетъ надъ этимъ грѣховнымъ міромъ. Долгъ нашъ состоитъ въ предапности волѣ Всевышняго; поставленные между двумя безднами вѣчности, въ невѣдѣніи о своей участи, исполненные презрѣнія къ жизни земной, мы не должны думать ни о чемъ, кромѣ освобожденія и достиженія странъ высокихъ и чистыхъ, гдѣ ждетъ насъ вѣчная свобода. Но есть ли что нибудь невозможное для людей, движимыхъ подобными пружинами? Вопросъ о томъ, довольствовался ли Кромвелль тѣмъ, что онъ управлялъ подобными побужденіями, презирая ихъ, перестаетъ быть загадкою: доказательствомъ тому письмо его къ двоюродной сестрѣ, гдѣ онъ говоритъ о «мрачной душѣ своей, озаряемой только Богомъ!» Безъ сомнѣнія, письмо это было прочитано въ большой залѣ замка Отза, за завтракомъ сэра Уильяма Мэшема, за которымъ сидѣли люди степенные, въ черныхъ камзолахъ, обшитыхъ кружевомъ, въ накрахмаленныхъ брыжжахъ, огромныхъ сапогахъ съ никогда не снимавшимися шпорами и въ широкихъ исподнихъ платьяхъ; присутствующіе, вѣроятно, разбирали, для собственнаго назиданія, посланіе дворянина-фермера: можно вообразить, сколько благочестиво-замысловатыхъ вещей было при этомъ сказано и представить себѣ все, что долженъ былъ внушить имъ мрачный характеръ англійскаго общества передъ 1645 годомъ!

Шотландцы, изгнавшіе католичку Марію Стюартъ, даютъ возмущенію первый толчокъ; черезъ нихъ осуществляются библейскія предвѣщанія: шатры Израиля развертываются, воины выходятъ изъ Мешека и Кедара. Демократія, фанатизмъ, народная ненависть — все это соединяется въ страшномъ воинствѣ, которому Карлъ I тщетно противоставитъ своихъ утом-

ленныхъ царедворцевъ и недовольныхъ епископовъ. Полководцами у возмутившихся — воины Густава Адольфа, эти старые богатыри протестантскаго сѣвера. Невольно представляется вопросъ: почему ни одинъ изъ англійскихъ историковъ не хотѣлъ видѣть этого воинственнаго похода сѣвера, идущаго мстить Риму, уничтожить пышность богослуженія, растерзать изящную роскошь искусствъ, возстановить простоту и наготу первобытнаго Евангелія и не оставить слѣда папской іерархіи?... Это движеніе отыскиваетъ въ глуши соннаго городка Сент-Айвза и въ маленькомъ домикѣ его въ Эли внучатнаго племянника гонителя католиковъ Томаса Кромвелля, Оливера Кромвелля.

Вскорѣ король очутился безъ денегъ; находясь въ необходимости требовать ихъ у парламента, онъ открылъ новое засѣданіе, въ которомъ присутствовалъ и Кромвелль. Шотландцы продолжали наступать; народъ кипѣлъ возрастающею яростью противъ украшеній богослуженія и стихарей; войско короля раздѣляло это демократическое негодованіе. Проходили ли солдаты его мимо дома какого-нибудь пуританина, они привѣтствовали хозяина троекратными «ура!»; но если на бѣду они узнавали жилище одного изъ проклятыхъ, облачавшихся въ праздникъ всѣхъ святыхъ въ ризу, то врывались къ нему, ломали его мебель и выбрасывали ее за окно. А между тѣмъ, шотландское ополченіе, предводительствуемое Давидомъ Лесли, переходило через Твидъ, напѣвая псалмы; каждый воинъ несъ съ собою ранчикъ съ мукой, всѣ были одѣты однообразно, въ сѣрое платье, въ синихъ шапкахъ, не позволяя себѣ никогда никакихъ клятвъ; они шли чинно и стройно, какъ подобаетъ воинамъ Господнимъ. Карлъ, покинутый большинствомъ своихъ подданныхъ, слабо вспомоществуемый своими кавалерами, не могъ вытѣснить изъ Нортомбэрланда и Дэргама этихъ шотландскихъ пуританъ, исполненныхъ братской любви, «кроткихъ какъ агнцы, грозныхъ какъ львы», которые держались тамъ впродолженіе цѣлаго года, призывая своихъ англійскихъ братій къ оружію противъ трона и епископовъ, противъ Рима и стихарей. Воззванія эти не оставались безъ дѣйствія: на Шотландцевъ смотрѣли какъ на спасителей и передовую стражу протестантизма. Когда, за недостаткомъ денегъ, нужно было еще разъ созвать парламентъ въ 1640 году, Оливеръ Кромвелль, засѣдавшій тамъ вмѣстѣ съ пуританиномъ Лоури, слышалъ гремѣвшую по улицамъ Лондона балладу, сохранившуюся до насъ:

«Благодаримъ, добрые Шотландцы,
«Вы спасаете Англію».

Народъ толпился вокругъ пѣвцовъ и благословлялъ своихъ шотландскихъ братій, вооружившихся за библію, за владыче-

ство праведниковъ на землѣ и за истребленіе митръ и епископскихъ посоховъ. Между тѣмъ является около церкви Св. Бригитты человѣкъ образованный, много путешествовавшій, знающій нѣсколько языковъ, задумчивый какъ Кромвелль и такой же пуританинъ; онъ приготовляетъ нѣсколько памфлетеровъ, а имя его Мильтонъ. Триста другихъ памфлетеровъ принимаютъ участіе въ той же битвѣ, которой результаты погребены въ томахъ Британскаго Музея. Изъ всѣхъ ихъ удержались въ памяти только писанные Мильтономъ.

Памфлеты, прошенія, баллады, стихи и проза — все это употреблено въ дѣйствіе кальвинистскою демократіей. 11 декабря пятнадцать тысячъ человѣкъ подписываютъ прошеніе въ парламентъ, въ которомъ засѣдаетъ Кромвелль, о смѣнѣ епископовъ и уничтоженіи стихарей, мощей, крестовъ и остатковъ папистскихъ церемоній. 23-го января слѣдующаго года семьсотъ проповѣдниковъ требуютъ того же. Шотландцы, какъ добрые братья, все еще тутъ; они продолжаютъ пѣть псалмы съ библіею въ карманѣ, съ фитилемъ на запалѣ пищали. Оливеръ Кромвелль внимательно слѣдитъ за всѣми преніями парламента и ревностно участвуетъ въ нихъ. Это доказывается маленькою подлинною и выразительною записочкой, которую отрылъ и предлагаетъ намъ Карлэйль. Виллингамъ, корреспондентъ, къ которому обращается будущій диктаторъ, очевидно пуританинъ, пользующійся значительною довѣренностью Шотландцевъ; наканунѣ, въ корридорахъ парламентскаго зданія, онъ, вѣроятно, показалъ Кромвеллю письменные аргументы, на которыхъ они основывали свои требованія оружія, денегъ и религіознаго однообразія; вотъ эта записка:

«Моему любезному другу, мистеру Виллингаму, въ домъ его на Свитинс-Ленѣ, это письмо.

Лондонъ, февраля 1640 года.

«Сэръ,

Прошу васъ прислать мнѣ аргументы Шотландцевъ, чтобъ поддержать ихъ требованія религіознаго однообразія, выраженныя въ восьмой статьѣ; я говорю о тѣхъ, которые вы мнѣ уже сообщили. Желаю прочитать ихъ передъ тѣмъ, какъ о нихъ начнется преніе, что будетъ скоро.

«Вашъ слуга

«Оливеръ Кромвелль».

Слуга Кромвелля отнесъ эту записку къ Виллингаму, на Свитинс-Ленъ (тамъ, гдѣ теперь живетъ банкиръ Ротшильдъ),

въ 1640 году, наканунѣ междоусобной войны; много другихъ заботъ, религіозныхъ и политическихъ, направленныхъ къ одной цѣли, занимало тогда Кромвелля, который все еще былъ не болѣе, какъ «господинъ болотъ».

Около Сент-Айвза разстилался тучный и болотистый лугъ. Бѣдные сосѣдніе поселяне пригоняли туда свои стада, и это было для нихъ большимъ пособіемъ. Королева Генріэтта, дочь Генриха IV, вздумала оградить этотъ общественный лугъ заборомъ и подарить его въ награду одному изъ своихъ служителей, который поспѣшилъ воспользоваться подаркомъ. Такимъ образомъ, пастбище это, проданное лорду Манчестеру, министру-хранителю печати, и знаменитому сыну его Мандевиллю, не могло уже даромъ кормить стада обывателей. Обиженный околодокъ протестовалъ противъ этого черезъ Кромвелля, который очутился черезъ то въ четвертый разъ въ войнѣ съ правительствомъ. До теперешняго случая онъ поддерживалъ кальвинистскихъ проповѣдниковъ своими деньгами и вліяніемъ; потомъ обвинилъ папистскихъ ораторовъ, потомъ боролся съ государственнымъ совѣтомъ въ дѣлѣ изсушенія болотъ: теперь онъ является снова защитникомъ мѣстныхъ и народныхъ выгодъ противъ могущественнаго Мандевилля и краснорѣчиваго Кларендона. Безъ сомнѣнія, голосъ его былъ суровъ и манеры грубы; но какъ бы то ни было, онъ требовалъ правосудія бѣднымъ обывателямъ и не былъ неправъ.

Описаніе этого дѣла можно прочесть въ запискахъ Кларендона; онѣ покажутъ Кромвелля уже готоваго въ великой борьбѣ. «Я былъ», говоритъ Кларендонъ: «президентомъ особаго комитета, собраннаго по случаю огороженія, безъ согласія фермеровъ, обширнаго пространства необработанныхъ земель, принадлежащихъ къ помѣстьямъ королевы. Мѣста эти были отданы королевою одному изъ ея довѣренныхъ слугъ, который тотчасъ же продалъ ихъ графу Манчестеру, лорду-хранителю печати, который, какъ и сынъ его Мандевилль, употребляли всѣ усилія, чтобъ поддержать загороды. Противъ нихъ возставали обыватели всѣхъ другихъ помѣстій, требовавшіе права пасти свои стада на общественныхъ лугахъ, также фермеры королевы изъ тѣхъ же мѣстъ; всѣ они громко жаловались на несправедливыя притѣсненія, поддерживаемыя правительствомъ.

«Комитетъ засѣдалъ на половинѣ королевы, и Оливеръ Кромвелль, одинъ изъ членовъ, повидимому сильно интересовался протестующими, которыхъ было много, равно какъ и свидѣтелей ихъ. Лордъ Мандевилль былъ тутъ же и, какъ участникъ, сидѣлъ, по требованію комитета, съ покрытою головою. Кромвелль, котораго я, по крайней мѣрѣ, никогда не слыхалъ говорящаго въ нижней палатѣ, наставлялъ свидѣтелей и челобит-

чиковъ во время производства ихъ дѣла; онъ съ большимъ жаромъ поддерживалъ и пояснялъ ихъ показанія; свидѣтели и прочія лица, замѣшанныя въ спорѣ, были люди грубые, съ шумомъ прерывавшіе адвоката и свидѣтелей противной стороны, когда они говорили что-нибудь не по ихъ вкусу, такъ-что я, въ качествѣ президента, долженъ былъ нѣсколько разъ обращаться къ нимъ съ строгими замѣчаніями и угрозами, чтобъ держать ихъ въ порядкѣ и быть въ состояніи продолжать изслѣдованіе. Кромвелль весьма дерзко упрекалъ меня въ пристрастіи и будто я хочу запугать свидѣтелей. Я обратился къ комитету, который одобрилъ мои поступки и объявилъ, что я исполнилъ свою обязанность. Это еще болѣе ожесточило Кромвелля и безъ того уже сильно раздраженнаго. Когда лордъ Мандевилль дѣлалъ свои возраженія съ большою умѣренностью, или кротко пояснялъ нѣкоторые факты, приводимые въ доказательство его свидѣтелями, то Кромвелль возражалъ такъ грубо и неприлично, употреблялъ такія оскорбительныя выраженія, что всѣ единодушно сознались, что манеры и свойства его и Мандевилля были также противоположны, какъ ихъ интересы въ этомъ дѣлѣ. Подъ конецъ, слова Кромвелля сдѣлались очень жестки и поведеніе его слишкомъ нагло, такъ что я увидѣлъ себя вынужденнымъ остановить его и объявить, что если онъ, мистеръ Кромвелль, будетъ вести себя такимъ образомъ, то я немедленно остановлю дѣйствіе комитета и завтра же подамъ на него жалобу въ парламентъ. Кромвелль не могъ мнѣ этого простить».

Этотъ жесткій и рѣзкій голосъ начиналъ уже говорить съ увѣренностью человѣка рѣшительнаго, который поражаетъ мѣтко и сильно. Въ это мгновеніе рисуется будто новое владычество, основанное на непреклонной волѣ и смѣлости, поддерживаемыхъ вѣрностью взгляда. Разнощикъ памфлетовъ противъ короля былъ пойманъ на дѣлѣ на самомъ дворѣ королевскаго дворца. То былъ самый запальчивый пуританскій фанатикъ, молодой Лильборнъ, секретарь того самого Принца, у котораго отрѣзали уши и разсѣкли носъ за клевету на актеровъ. Палачъ провлекъ Лильборна отъ Вестминстера къ флитской тюрьмѣ, и во время этого перехода ему отсчитали двѣсти ударовъ плетью. Кромвелль, 9-го ноября 1640 года, представилъ парламенту просьбу и оправданіе Лильборна; во все засѣданіе того дня читали подобнаго рода протесты, которымъ члены парламента внимали въ безмолвной ярости: «они были блѣдны», говорилъ сэръ Симмондъ Ювзъ, «какъ народъ во время исполненія наказанія». Если угодно знать, что дѣлаетъ въ это время «господинъ болотъ», засѣдавшій также въ парламентѣ, то стоитъ заглянуть въ записки одного молодаго человѣка, бывшаго тамъ. Молодой сотоварищъ

Кромвелля (хотя и не родственникъ его, какъ предполагали нѣкоторые), привыкшій носить на шляпѣ красное перо по испанской модѣ, украшать дорогимъ кружевомъ откидной воротникъ, упадавшій на бархатный камзолъ, и носить на плащѣ своемъ золотые галуны, онѣмѣлъ отъ изумленія, глядя на деревенскаго дворянина, защищавшаго Лильборна. «Тогда», говоритъ сэръ Филиппъ Варвикъ: «я видѣлъ его въ первый разъ, при самомъ открытіи парламента, происходившемъ въ ноябрѣ 1640 года. Я былъ членомъ за Радноръ и воображалъ себя образцомъ щеголеватости и благородныхъ пріемовъ, потому что мы, молодые придворные, тщеславились изяществомъ своихъ нарядовъ. Я вошелъ въ палату въ понедѣльникъ утромъ и былъ очень хорошо одѣтъ. Тамъ я увидѣлъ какого-то незнакомаго мнѣ господина, который говорилъ. Онъ былъ одѣтъ очень просто, въ суконномъ платьѣ, сшитомъ, по видимому, какимъ-нибудь дряннымъ деревенскимъ портнымъ; бѣлье на немъ было толстое и не отличалось свѣжестью; я припоминаю даже, что на воротникѣ его рубашки были капли двѣ крови. На шляпѣ его не было снурка. Онъ былъ довольно хорошаго роста, со шпагою при бедрѣ, съ краснымъ раздутымъ лицомъ, говорилъ рѣзкимъ, непріятнымъ и повелительнымъ голосомъ и выражался краснорѣчиво, съ жаромъ, потому что въ предметѣ его рѣчи было мало смысла: онъ защищалъ какого-то слугу Принца, который разносилъ по городу пасквили. Объявляю чистосердечно, что уваженіе мое къ этому собранію значительно уменьшилось: оно слушало съ большимъ вниманіемъ грубаго провинціала».

Вотъ каковъ былъ Кромвелль на сорокъ первомъ году своей жизни, въ то время, когда Англія готова была раздѣлиться на двѣ арміи — сѣверный протестантизмъ и рыцарственная монархія. Новые документы, служившіе намъ для разъясненія этой оставшейся неизвѣстною молодости, состоятъ во множествѣ мелочныхъ фактовъ, доказывавшихъ, что Кромвелль присоединялся по своему имѣнію, по предкамъ, роднѣ и характеру, къ самой жаркой части кальвинизма. Народный трибунъ и неумолимый реформаторъ обнаружилъ себя уже нѣсколько разъ. То былъ человѣкъ положительный, всегда успѣвавшій въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и умѣвшій пріобрѣсти себѣ личное вліяніе; семьянинъ, строго воспитывавшій дѣтей своихъ, заботившійся о своей матери и кроткій въ обращеніи съ женою; но это противникъ ужасный и необузданный, котораго львиная физіономія, пламенный взглядъ, грубыя и рѣзкія черты (какъ онъ изображенъ на портретѣ Купера) устрашаютъ уже министровъ и испугали историка Кларендона. Мы здѣсь не разбираемъ его дѣлъ, какъ моралиста, ни вѣрованій его, какъ христіанина: ясно только, что онъ представитель своего времени. Часы пылкой

меланхоліи и отчаянія, достойнаго Гамлета, проведенные имъ въ Сент-Айвзѣ, и которыхъ не могъ излечить докторъ Симкоттъ, достаточно доказываютъ непритворныя убѣжденія этого человѣка, котораго принято было считать обманщикомъ. Кромѣ глубокомыслія, хитрости и душевной силы, Оливеръ Кромвелль заключалъ въ самомъ себѣ великое условіе успѣховъ: онъ былъ убѣжденъ въ своемъ дѣлѣ.

Oliwer Cromwell's Letters and Speeches: with elucidations by Thomas Carlyle. 1861 г. (От. Зап. 1846—45).

6. ОЛИВЕРЪ КРОМВЕЛЛЬ.

Оливеръ Кромвелль происходилъ изъ древней саксонской фамиліи, отличавшейся искренней ненавистью къ норманскимъ завоевателямъ, а потомъ — ненавистью къ католицизму. Томасъ Кромвелль, канцлеръ Генриха VIII, былъ двоюродный дѣдъ Оливера, котораго отецъ принадлежалъ къ классу мелкопомѣстныхъ дворянъ (gentry) Линкольншира. Оливеръ родился въ Гэнтингдонѣ въ 1599 г. Семнадцатилѣтнимъ юношей онъ поступилъ въ Кэмбриджскій университетъ, гдѣ занимался преимущественно юриспруденціею. Смерть отца заставила его выйти изъ университета и принять на себя заботы о судьбѣ многочисленнаго семейства. Женившись на 21-мъ году, онъ ведетъ жизнь домовитаго помѣщика-хозяина. Уже тогда онъ отличался сумрачнымъ, меланхолическимъ остроуміемъ духа и рѣзкими пуританскими убѣжденіями.

Немного придется сказать и объ Оливерѣ Кромвеллѣ, эсквайрѣ, вступившемъ въ парламентъ членомъ отъ г. Гэнтингдона въ 1628 г. и встрѣтившемъ здѣсь людей — Уэнтуорта, Селдена, Гэмпдена, Пима, Голлиса, — которые рѣшились добиться отъ своего потерявшаго голову короля новой хартіи свободы, безпощадно попиравшейся. Оливеръ принималъ участіе въ движеніи противъ Бэкингэма и обнаружилъ свой глубоко затаенный пуританизмъ нападеніемъ на епископа Уинчестерскаго за «проповѣдываніе пустаго папизма». Распущеніе въ 1629 г. возвратило его въ Гэнтингдонъ, откуда, два года спустя, онъ переселился за пять миль, на Сентъ-Айвзскую ферму, — топкую мѣстность, пропитанную черным илом сосѣднихъ болотъ. Проходитъ пять лѣтъ въ уходѣ за скотомъ и сбиваніи масла, среди радостей и мелкихъ непріятностей домашней жизни; по временамъ овладѣваетъ имъ мракъ ипохондріи, но торжественный религіозный жаръ никогда не покидаетъ его. Въ 1636 г. смерть его дяди по матери, оставившаго ему свое имѣніе, переноситъ сцену его

жизни въ Илей. Отсюда этотъ «лордъ болотъ», какъ его прозвалъ народъ за царственное мужество, которое такъ ярко высказалось впослѣдствіи, отправился въ 1640 г. членомъ отъ города Кембриджа въ Короткій парламентъ, а въ слѣдующую зиму занялъ свое мѣсто въ вѣчно-памятномъ Долгомъ парламентѣ.

Здѣсь мы остановимся взглянуть на этого человѣка. Ему сорокъ одинъ годъ; хорошее сложеніе, пухлое и красноватое лицо, голосъ рѣзкій и неблагозвучный и полное жара краснорѣчіе; что касается одежды, то его простой костюмъ носилъ явные признаки деревенскихъ ножницъ, — бѣлье на немъ было просто и не совсѣмъ чисто, — шляпа безъ лентъ и шпага какъ будто приросла у него сбоку. Такова была внѣшность этого человѣка, и, окинувъ торопливо глазами, вы подумали бы — безобразный, грубый неряха; но вглядитесь пристальнѣе! вы чувствуете власть въ непоколебимомъ взорѣ и подъ шероховатыми звуками непріятнаго голоса. Люди уже почуяли ее, — посмотрите, какъ они притихли, окованные рѣчью этого фермера, на платьѣ котораго нѣтъ золотыхъ позументовъ, на отворотѣ нѣтъ брыжжей.

Пока были въ живыхъ Пимъ и Гэмпденъ, Оливеръ во всѣхъ великихъ событіяхъ дѣйствовалъ какъ ихъ союзникъ. Онъ слышалъ, какъ пробило два на часахъ Св. Маргариты въ то великое утро, когда въ Палатѣ Общинъ прошла ремонстрація, и упиваясь радостью побѣды, отправлялся домой спать [1]). Когда начала закипать война, онъ далъ парламенту 300 фунтовъ, набралъ въ Кембриджѣ корпусъ волонтеровъ, захватилъ тамошній арсеналъ и помогъ сохранить въ цѣлости университетское серебро (на 20,000 фун.). Учась повелѣвать въ школѣ повиновенія, подобно всѣмъ великимъ военачальникамъ,—капитанъ Кромвелль сражался при Эджгиллѣ и, подъ начальствомъ лорда Грея Іоркскаго, оказалъ большую услугу, удерживая союзныя графства — Норфолькъ, Суффолькъ, Эссексъ, Кембриджъ и Герцъ — противъ короля и его племянника. Съ того времени, какъ онъ приступилъ къ обученію своихъ кембриджскихъ волонтеровъ, началось его великое дѣло. Нужно было выковать великое оружіе, — оружіе, которое только во снѣ видѣли Страффордъ и Карлъ; Кромвелль сработалъ его и владѣлъ имъ съ исполинскою ловкостью и мощью, но подъ-конецъ оно стало не подъ силу и для его исполинской руки. Въ несокрушимомъ полку *желѣзныхъ рукъ* (Ironsides) мы видимъ зародышъ той единственной

---

[1]) Цѣлью ремонстраціи было выставить короля единственною причиною бѣдствій страны. Здѣсь подробно перечислены всѣ ошибки Карла I со времени его вступленія на престолъ.

непобѣдимой арміи, которая на-время опрокинула англійскій тронъ и съ псалмами и копьями разбила батальоны величайшей военной силы въ Европѣ.

Первый мѣсяцъ 1644 г. былъ свидѣтелемъ похода двадцати одной тысячи шотландцевъ подъ начальствомъ Лесли, теперь графа Льюэна, на югъ черезъ границу. Около того же времени въ Оксфордѣ собрался парламентъ, созванный королемъ въ противовѣсъ Вестминстерскому. Это королевское собраніе, или ублюдочный парламентъ (Mongrel Parliament), какъ называлъ его злобно, но не безъ основанія, Карлъ, состояло только изъ сорока трехъ перовъ и восемнадцати членовъ нижней палаты, которые почти ничего не дѣлали впродолженіе своей трехмѣсячной сессіи. Льюэна, встрѣченный сперва маркизомъ Ньюкестльскимъ, гналъ этого королевскаго генерала передъ собою до Іорка, осада котораго была предпринята тройною арміею: шотландцами подъ начальствомъ самого Льюэна, іоркширцами съ лордомъ Ферфаксомъ во главѣ и союзными войсками подъ начальствомъ Манчестера и Кромвелля, достигшаго теперь чина генералъ-лейтенанта. Паденіе Іорка должно было увлечь за собой весь сѣверъ: поэтому Рупрехтъ, племянникъ короля, двинулся черезъ возвышенности изъ опустошеннаго Ланкашира, опередилъ парламентскихъ генераловъ, перерѣзавъ Аузу, и, оставивъ ихъ выстроившимися на Лонгъ-Марстонъ-Мурѣ [1]), въ четырехъ миляхъ отъ города, куда они шли на встрѣчу съ нимъ, соединился съ осажденнымъ Ньюкестлемъ и приготовился къ страшному столкновенію.

Горячая кровь Рупрехта ускорила это несчастное сраженіе, рѣшительно противъ воли Ньюкестля. Въ то время, какъ одураченныя силы парламента начали отодвигаться къ Тодкастеру, нѣмецкіе застрѣльщики напали на ихъ арріергардъ. Трубный звукъ собралъ всю армію къ одному мѣсту, и когда началась перестрѣлка, преимущество было на сторонѣ парламентскихъ солдатъ, потому что за ними было большое ржаное поле съ подымающейся почвой, и имъ удалось прикрыть часть своего фронта глубокимъ рвомъ. Отъ трехъ до пяти часовъ прерывающійся огонь пробѣгалъ вдоль обѣихъ линій, и затѣмъ наступила внезапная тишина до семи; обѣ стороны ожидали, когда начнетъ противникъ. Пушечное ядро, вѣроятно одинъ изъ сдѣланныхъ наудачу выстрѣловъ, которые по временамъ нарушали тишину, раздробило ногу племяннику Оливера и положило его на мѣстѣ. Когда солнце закатывалось, большая часть считала сраженіе въ

---

[1]) Лонгъ-Марстонъ-Муръ лежитъ въ четырехъ или пяти миляхъ къ западу отъ г. Іорка.

тотъ день конченнымъ и Ньюкестль отправился спать въ свою карету; но кавалеристы Манчестера и Льюэна переѣхали ровъ и около семи часовъ очутились прямо передъ непріятелемъ. Конница въ этотъ лѣтній вечеръ вынесла труднѣйшую битву во ржи. Кромвелль и Рупрехтъ, каждый командуя лѣвымъ крыломъ и потому не сталкиваясь сперва другъ съ другомъ, сломили и разсѣяли врага, противъ котораго было направлено ихъ нападеніе. Вотъ они пускаются быстрою рысью, которая постепенно переходитъ въ потрясающій землю галопъ; приближаясь къ врагу, они обращаются въ настоящій вихръ, за нѣсколько аршинъ стрѣляютъ изъ своихъ пистолетовъ, швыряютъ ихъ въ головы людей, на которыхъ наѣхали, и, рубя направо и на лѣво сверкающей сталью, нападаютъ на колеблющійся строй, который въ нѣсколько секундъ расщепляется передъ яростью нападенія. До этого момента битвы Рупрехтъ и его эскадроны неудержимо носились повсюду, скашивая, какъ траву, ряды крѣпкихъ, мужественныхъ ополченцевъ. Но когда въ лѣтнихъ сумеркахъ произошло великое столкновеніе Оливера и Рупрехта, когда отрядъ непоколебимыхъ всадниковъ, одѣтыхъ въ стальные панцыри и извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ желѣзныхъ рукъ Кромвелля, напалъ прямо съ фронта на кавалерію нѣмецкаго принца и сбилъ непобѣдимые до той поры эскадроны, пошатнувшіеся въ безпорядкѣ съ поля битвы и истребляемые вдобавокъ шотландскими мушкетерами, линія которыхъ была оживлена непрерывнымъ огнемъ, — правая рука короля Карла, отъ которой главнымъ образомъ зависѣлъ его прежній успѣхъ, была сокрушена и раздроблена безвозвратно. Этотъ побѣдоносный натискъ рѣшилъ исходъ битвы. Въ десять часовъ ночи Рупрехтъ поворотилъ коня. Его пушки, порохъ и багажъ, его знамена, до сотни числомъ, — все было оставлено побѣдителямъ, и болѣе четырехъ тысячъ труповъ лежали на полуночномъ полѣ. Ньюкестль скрылъ свою голову на континентѣ. Іоркъ сдался 15-го іюля, а городъ Ньюкастль былъ взятъ шотландцами въ слѣдующемъ октябрѣ. Такъ потерялъ Карлъ сѣверъ.

Мимолетный лучъ успѣха озарилъ его дѣло на югѣ. Эссексъ и Уоллеръ, которые вели парламентскую армію изъ Лондона для покоренія запада, поссорились и раздѣлились. Уоллеръ встрѣтилъ короля на Кропредійскомъ мосту [1]), за три дня до Марстонской битвы, и провелъ весь день въ стычкахъ безъ большаго успѣха; а на безцѣльномъ пути къ Лондону солдаты сотнями стали покидать его знамя. У Эссекса дѣла шли еще хуже. Ибо король преслѣдовалъ его до Корнваллиса и тамъ такъ заперъ его среди

---

[1]) Кропредійскій мостъ — на границѣ Оксфордшира и Нортгамптоншира.

возвышенностей, что онъ сѣлъ на корабль въ Плимутѣ и оставилъ свою армію, большая часть которой подъ начальствомъ Скиппона, сдалась и была обезоружена 1-го сентября 1644 г.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ произошла вторая битва при Ньюбэри, получившая болѣе значенія отъ побочныхъ результатовъ, чѣмъ отъ прямыхъ своихъ слѣдствій. Манчестеръ и Уоллеръ, съ Кромвеллемъ подъ своимъ начальствомъ, устремились подстеречь короля, возвращавшагося побѣдителемъ въ Оксфордъ. Арміи встрѣтились въ воскресенье вечеромъ, 27-го октября 1644 г., и послѣ четырехъ-часоваго боя, частію при лунномъ свѣтѣ, король былъ разбитъ, но около десяти часовъ ему удалось прорваться и достичь Оксфорда. Кромвелль стоялъ за немедленное преслѣдованіе. Манчестеръ же все отставалъ. Отъ разногласія они перешли къ ссорѣ. Кромвелль, до мозга костей индепендентъ, сильный сознаніемъ своего превосходства и испытанный храбростью своихъ желѣзныхъ рукъ, уже и прежде употреблялъ нетерпѣливый и нѣсколько непокорный языкъ въ отношеніи къ своему колеблющемуся пресвитерьянскому командиру. Теперь онъ смѣло выпрямился и далъ выходъ скрытой грозѣ, которой былъ заряженъ парламентскій воздухъ, обвиняя графа въ полумѣрахъ и напрасной проволочкѣ войны.

Эта распря породила знаменитый «актъ добровольнаго отреченія», мѣру, предложенную въ Палатѣ Общинъ Зочемъ Тетомъ, членомъ отъ Нортгэмптона, и поддерживаемую сэромъ Генри Веномъ, однимъ изъ главныхъ сторонниковъ Кромвелля. Этотъ актъ, прошедшій въ Палатѣ Общинъ 19-го декабря 1644 г., былъ сперва отвергнутъ лордами, но прошелъ-таки черезъ верхнюю палату 3-го апрѣля 1645 г. Онъ устранялъ всѣхъ членовъ обѣихъ палатъ отъ командованія арміей, — и дѣйствительно былъ немедленно примѣненъ къ Эссексу, Манчестеру и Уоллеру. Несмотря на требованіе пресвитерьянскихъ вождей, между которыми въ особенности шотландцы не жалѣли горла, Кромвелль не былъ преданъ суду и раздавленъ, какъ «возмутитель». Рядомъ съ актомъ самоотреченія изданъ указъ объ организаціи арміи, по образцу полка Кромвелля; цифра ея опредѣлялась въ двадцать одну тысячу человѣкъ, подъ начальствомъ главнокомандующаго, генералъ-лейтенанта и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ. Сэръ Томасъ Ферфаксъ, назначенный главнокомандующимъ, взялся, съ помощью Скиппона, за преобразованіе арміи. На постъ генералъ-лейтенанта вступилъ Кромвелль, вскорѣ послѣ открытія новой кампаніи, ибо давленіе королевскихъ силъ, еще не совершенно сломленныхъ, показало, что народное дѣло не могло обойтись безъ головы и руки величайшаго воина въ странѣ. Такъ индепенденты осуществили свою волю посредствомъ этого замѣчательнаго указа, оказавшагося чрезвычайно

покладистымъ и эластичнымъ, послѣ того какъ были выгнаны медленные и нерадивые полководцы. Ферфаксъ стоялъ во главѣ арміи парламента; но Кромвелль управлялъ солдатами и выигрывалъ сраженія, въ которыя приходилось вступать при этой двойной междоусобной войнѣ.

Черезъ посредничество шотландскихъ коммиссаровъ, открылись переговоры въ Эксбриджѣ [1]) въ январѣ 1645 г., въ то время когда указъ прокладывалъ себѣ путь въ законодательство. Но ни по одному изъ трехъ великихъ спорныхъ пунктовъ — церкви, милиціи и положенію Ирландіи — борющіяся стороны не могли прійти къ соглашенію. Возобновленіе войны оставалось единственнымъ средствомъ выхода изъ національныхъ затрудненій.

Битва при Нэзби [2]) показала, изъ какого матеріала была сдѣлана армія новаго образца. Выстроившись на противоположныхъ холмахъ, раздѣленныхъ трясиною, кавалеры и круглоголовые стояли лицомъ къ лицу другъ противъ друга утромъ въ субботу 14 іюня 1645 г. Парламентскія силы велъ Ферфаксъ, поддерживаемый Кромвеллемъ, который ѣхалъ на правомъ крылѣ во главѣ шести кавалерійскихъ полковъ, и Айртономъ, который занималъ почти такое же мѣсто на лѣвомъ. Противъ нихъ стояли Рупрехтъ, Лангдель и самъ король. Какъ и при Марстонѣ, Рупрехтъ и Кромвелль сломили каждый крыло непріятеля передъ собою; но затѣмъ вышла разница. Рупрехтъ бросился грабить; Кромвелль остановился, чтобы побѣдить. Борьба между противными центрами была жаркая и смертельная, но разные резервы, приведенные Ферфаксомъ, наконецъ прорвали центральныя массы королевской арміи. Когда Рупрехтъ возвратился изъ безполезной погони, онъ нашелъ отъ пѣхоты короля одни обломки. Впродолженіе трех-часоваго боя надежды королевской партіи были разбиты окончательно; и она бѣжала, оставляя раненыхъ и мародеровъ, повозки и знамена, секретныя бумаги и плѣнниковъ числомъ до пяти тысячъ, изъ которыхъ очень многіе были офицеры высшаго ранга. Когда Карлъ безумно скакалъ въ Лейстеръ, онъ навѣрное чувствовалъ, что ударъ этотъ нанесъ неизлечимую рану его судьбѣ. Еще до сихъ поръ на болотистой мѣстности, покрытой хлѣбомъ, которая нѣкогда чувствовала, какъ раздирали ея поверхность копыта мчавшихся въ

---

[1]) Эксбриджъ — торговый городъ въ Миддльэссексѣ, на Кольнѣ, въ пятнадцати миляхъ отъ Лондона.

[2]) Нэзби—деревня на вершинѣ холма на сѣверо-западной границѣ Нортгамптоншира, въ семи или восьми миляхъ отъ Маркетъ-Гарбороу въ Лейстерширѣ: почти на полпути между этимъ городомъ и Дэвентри и на одной линіи съ ними.

аттаку эскадроновъ, впадины съ богатою, волнующеюся травою указываютъ, гдѣ гнили трупы Нэзбійскаго поля и обращались въ плодородный черноземъ.

Игра теперь была почти кончена. Карлъ устремилъ на Шотландію взоръ, въ которомъ свѣтилось еще немного надежды: тамъ ренегатъ ковенантеръ, маркизъ Монтрозъ, носился туда и сюда, какъ разрушительный метеоръ, выигрывая битву за битвой своему королю. Тиббермьюръ [1]), Олфордъ [2]), Килситъ [3]), всѣ были свидѣтелями свирѣпаго торжества Монтроза и его варварскихъ спутниковъ. Не при Филипсго [4]) наступило возмездіе, когда Дэвидъ Лесли напалъ на него врасплохъ и уничтожилъ его распущенную, недисциплинированную рать.

Пробѣжимъ наскоро остатокъ этой кровавой сумятицы. Несмотря на грозныя толпы, вооружившіяся дубинами въ Дорсетѣ и Уилцѣ, парламентскія войска съ небольшой потерей взяли Бристоль. Армія круглоголовыхъ, неудержимо подвигаясь впередъ, взяла приступомъ Бриджуотеръ и заперла сэра Ральфа Гоптона на Корнваллійскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ сдался слѣдующей весной. Бэзинггоузъ близъ Бэзингстока, большая королевская крѣпость, былъ бомбардированъ и взятъ приступомъ Кромвеллемъ. На Раутонъ-Гитѣ, близъ Честера, король сдѣлалъ послѣднее боевое усиліе съ арміей, или лучше, тѣнью ея, собранной въ Уэльсѣ. За сдачей Гоптона въ Корнваллисѣ немедленно послѣдовала сдача сэра Джакоба Астли при Стоу на равнинахъ Глостершира.

Вотъ мы съ трудомъ различаемъ троихъ всадниковъ, выѣзжающихъ рѣзкою рысью изъ Оксфорда по Магдаленскому мосту въ темнотѣ ранняго апрѣльскаго утра (28-го числа) въ 1646 г. Этотъ малый, съ остриженными волосами и бородой, къ таліи котораго ремнемъ пристегнутъ свернутый плащъ и который, какъ слуга, ѣдетъ за Ашбэрнгэмомъ, — Карлъ Стюартъ, король Англіи. Третій — Гудзонъ, королевскій капелланъ. Неувѣренно ѣдутъ они, колеся между Лондономъ и шотландскимъ лагеремъ и достигая одинъ разъ Гарроу, откуда только часъ проскакать до Св. Павла. Но послѣ девяти дней блужданія и растеряннаго лавированія между разными опасностями несчастный король присталъ наконецъ къ шотландскому лагерю въ Ньюаркѣ [5]).

---

[1]) Тиббермьюръ—поле почти за пять миль отъ Перта и на полпути между Митвеномъ и Пертомъ.

[2]) Олфордъ—разбросанная деревня на Донѣ въ Абердиширѣ.

[3]) Килситъ—городъ въ Стэрлингширѣ, въ тринадцати миляхъ къ юго-западу отъ Стэрлинга.

[4]) Филипсго. Сцена этой битвы лежитъ близъ Селькорка.

[5]) Ньюаркъ—торговый городъ на Трентѣ въ Ноттсѣ, въ двадцати миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Ноттингама.

Ферфаксъ стянулъ тогда свои силы къ Оксфорду, который сдался послѣ длившейся болѣе мѣсяца осады (20-го іюня, 1646 г). Съ бѣгствомъ короля и паденіемъ избранной имъ столицы, пламя междоусобной войны на время замерло, вспыхнувъ въ послѣдній разъ осадою замка Рагландъ [1]).

Послѣ многихъ безплодныхъ переговоровъ между королемъ и парламентомъ, — переговоровъ, тянувшихся многіе мѣсяцы, впродолженіе которыхъ король жилъ въ Ньюкестлѣ, — онъ перешелъ изъ рукъ шотландской арміи въ руки англійскаго парламента. Этотъ фактъ подвергался многимъ недоразумѣніямъ и искаженіямъ. Увѣряли, что шотландскій народъ продалъ за 200,000 фунтовъ несчастнаго короля, который прибѣгъ къ ихъ преданному гостепріимству. Карлъ отказался подписать договоръ (Covenant), послѣ чего ему невозможно было оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ ковенантерами. Онъ пожелалъ, чтобы его отправили въ какой-нибудь городъ близь Лондона, откуда онъ разсчитывалъ имѣть вліяніе на столицу и парламентъ. Шотландцы передали его не уравнителямъ (Levellers), которые уже начали поговаривать о мщеніи, но пресвитеріянамъ, которые никогда не помышляли о насиліи противъ его личности. Во всѣхъ переговорахъ шотландцами ставились точныя условія относительно безопасности короля. Что же касается денегъ, полученныхъ шотландцами, то это была только часть субсидіи, въ надеждѣ на которую они взялись поддерживать сторону англійскаго парламента. Скиппонъ, отправившійся на сѣверъ съ денежными повозками, выплатилъ шотландцамъ упомянутую сумму въ Ньюкестлѣ; а 30-го января (странное и трагическое совпаденіе чиселъ, какъ мы увидимъ ниже) король Карлъ сталъ плѣнникомъ англійскаго парламента. Въ то время, какъ шотландскіе солдаты переходили черезъ границу, Карлъ трясся въ своей каретѣ по дорогѣ къ опоясанной лѣсомъ усадьбѣ Гольмби или Гольденби въ Нортгэмптонширѣ. Пріѣхавъ туда 16-го февраля, онъ весь отдался спокойной жизни, которая ничѣмъ почти не разнообразилась, кромѣ игры въ шахматы или шары. Онъ рѣшительно не хотѣлъ ни слова слышать отъ пресвитеріянскихъ капеллановъ, духовныя наставленія которыхъ парламентъ настойчиво навязывалъ ему.

Около этого времени (7-го марта, 1647 г.) Палата Общинъ назначила генералу Кромвеллю 2,500 фунтовъ аренды въ годъ, кромѣ имѣнія маркиза Вустера. Для уплаты этой суммы обра-

---

[1]) Рагландъ-Кастль стоитъ въ развалинахъ на холмѣ, въ одной милѣ отъ деревни Рагландъ, которая находится въ Монмаутширѣ, въ семи миляхъ къ юго-западу отъ Монмаута.

тились было къ землямъ маркиза Уинчестера, но онѣ оказались недостаточными.

Все явно клонилось теперь къ какому-нибудь насилію. Соперничествующія партіи индепендентовъ и пресвитеріанъ, которыя всегда болѣе или менѣе вліяли на исторію Долгаго парламента, потрясая могучій корень, изъ зародышей разрослись теперь въ двѣ большія соперничествующія вѣтви. Армія, созданная индепендентомъ Оливеромъ, теперь смѣло наступала на пресвитеріанское большинство парламента, въ которомъ замѣтнымъ вожакомъ былъ Голлисъ. Довольно справедливо требуя выдачи жалованья, неуплаченнаго теперь за сорокъ три недѣли, и противясь принудительной службѣ въ Ирландіи съ новыми начальниками, солдаты назначили «свиданіе» на Кентфордъ-Гитѣ въ Ньюмаркетѣ для обсужденія положенія дѣлъ. Въ то время, какъ они собирались къ Гиту, расторопный корнетъ изъ конницы Уолли, по имени Джойсъ, прежде лондонскій портной, въ полночь отправился съ пятьюстами человѣкъ въ Гольмби-Гоузъ (3-го іюня) и, завладѣвъ королемъ не противъ его воли, привелъ его къ солдатамъ въ Ньюмэркетъ. Спустя нѣсколько дней, 10-го іюня, въ день молитвы и поста, вся масса въ двадцать одну тысячу человѣкъ собралась на большую сходку на Трипло-Гитѣ близъ Кембриджа. Здѣсь, въ этотъ лѣтній день, происходила возбуждающая сцена. Въ то время какъ Кромвелль, прискакавшій изъ Лондона на взмыленномъ конѣ, водитъ парламентскихъ коммисаровъ отъ полка къ полку, суровый крикъ: «справедливости! справедливости!» вырывается изъ окованныхъ сталью рядовъ, и никакое голосованіе въ Вестминстерѣ не въ состояніи потушить этого огня подъ желѣзными панцырями. Въ тотъ же вечеръ армія двинулась къ Сентъ-Альбансу, пославши передъ собою письмо, подписанное Кромвеллемъ и другими и адресованное лорду-мэру и корпораціи Лондона; въ этомъ письмѣ просто и рѣшительно излагались желанія солдатъ. Второй выстрѣлъ, прогремѣвшій изъ лагеря въ Сентъ-Альбансѣ, было требованіе предать разомъ суду одинадцать преступныхъ членовъ парламента. Эти одинадцать — между ними Голлисъ и Уоллеръ — благоразумно поспѣшили скрыться изъ палаты и страны. Одинъ за другимъ выдергиваются ряды пресвитеріанъ арміею, которая приближается или отступаетъ, смотря потому, успѣшно или вяло идутъ дѣла, но которая постоянно держитъ Лондонъ на привязи, готовой въ нѣсколько часовъ затянуться въ смертельную петлю. Подъ этимъ давленіемъ парламентъ дѣйствительно уступилъ: два предсѣдателя, съ жезломъ и многими лордами и членами нижней палаты, спѣшатъ встрѣтить армію на Гаунсло-Гитѣ. Послѣ нѣсколькихъ дней безпорядочнаго барабаннаго боя и приготовленій къ кровопролитію, котораго однако не послѣдовало, пресвитеріянская партія сдалась,

и армія вступила въ Лондонъ по Гайдъ-Паркской дорогѣ, по трое въ рядъ, съ лаврами на своихъ высокихъ шляпахъ. Король помѣщался въ Гэмптонскортскомъ дворцѣ, куда вскорѣ пришли нѣкоторые изъ офицеровъ съ цѣлымъ рядомъ «предложеній» (Proposals) для преобразованія государства и установленія широкой терпимости. Карлъ, довольно неблагоразумно встрѣтившій этихъ людей съ отталкивающей кичливостью, пустилъ въ ходъ свои старыя уловки, надѣясь перехитрить и провести ихъ. На самомъ дѣлѣ онъ вступилъ тогда въ тайную переписку съ пресвитеріянами и ирландскими католиками. И при этомъ онъ думалъ еще обдѣлать дѣла съ Айртономъ и Кромвелемъ. Бѣдный король! онъ разсчитывалъ, что изъ этого кажущагося хаоса выйдетъ что нибудь благопріятное для него; онъ тщетно надѣялся, что индепенденты и пресвитеріане размозжатъ другъ другу головы, и что онъ еще разъ безпрепятственно направится къ своему незанятому трону. Главная его надежда въ это время покоилась на вѣрномъ слугѣ, маркизѣ Ормондѣ, который отличился усмиреніемъ ирландскаго возстанія и пользовался всякою перемѣною борющихся партій, чтобы удержать за королемъ этотъ островъ. Но и эта надежда лопнула подобно прочимъ; и Ормондъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ нѣкоторое время онъ стоялъ во главѣ тѣхъ старыхъ роялистовъ, которыхъ никогда не могло оттолкнуть королевское безуміе.

Осень приближалась къ концу, когда все громче стали раздаваться голоса уравнителей или «красныхъ республиканцевъ». Слышались ихъ зловѣщіе разговоры о *главномъ виновникѣ* (Chief Delinquent), и эхо этого говора сильно смутило короля въ Гэмптонѣ. Одураченный во всѣхъ своихъ планахъ и перепуганный увеличивающеюся все болѣе и болѣе опасностью, онъ бѣжалъ изъ этого дворца сквозь вѣтеръ и дождь темной ноябрьской ночи (11-го числа), оставивши въ галереѣ свой плащъ и нѣсколько писемъ на столѣ въ гостиной. Достигши острова Уайта, онъ не видѣлъ передъ собою никакого дальнѣйшаго выхода и отдался полковнику Гаммонду, который, по донесеніи объ этомъ парламенту, получилъ приказъ заключить его подъ почетнымъ карауломъ въ Керисбрукъ-Кастль. Въ тотъ день, какъ пришло въ столицу донесеніе Гаммонда, на Коркбушскомъ полѣ былъ разстрѣлянъ Арнальдъ, мятежный уравнитель, по приказанію Кромвелля, который такимъ образомъ укротилъ на время неугомонный духъ этихъ радикаловъ.

Король, все еще лелѣя тщетныя надежды на побѣгъ, находился подъ стражей въ Кэрисбрукѣ, въ то время какъ тлѣющія головни войны начали опять разгораться. Въ самомъ началѣ года на совѣщаніи арміи, или, если угодно, на молитвенномъ митингѣ, происходившемъ въ Виндзорѣ, были произнесены страш-

ныя слова о призывѣ къ отвѣту Карла Стюарта, *этого человѣка крови*. Тогда въ сердцевинѣ Лондона слышно было шипѣніе смѣси роялистскаго и пресвитеріанскаго чувства, подымавшагося въ мелкихъ безпорядкахъ и демонстраціяхъ. Лѣтомъ показалось пламя. Въ Кентѣ, Эссексѣ, Уэльсѣ и Шотландіи оно съ силою вырвалось наружу. Ферфаксъ, теперь, со смертію отца, сдѣлавшійся лордомъ, усмирилъ первыя двѣ области, поразивъ кентскія силы на Блекгитѣ и затоптавъ пламя возстанія въ Медстонѣ, затѣмъ бросившись черезъ Темзу осадить лорда Горинга въ Кольчестерѣ, который онъ подъ конецъ взялъ. Оливеръ, стремясь въ Уэльсъ, весь дымящійся возмущеніемъ, встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны Пемброкъ-Кастля, и только недостатокъ пушекъ помѣшалъ ему стереть въ порошокъ это укрѣпленіе. Но оно сдалось наконецъ 11-го іюля, и тогда онъ кинулся черезъ центръ Англіи навстрѣчу арміи шотландскихъ пресвитеріанъ, которую собралъ маркизъ Гамильтонъ на границѣ для вторженія въ Англію. Въ четвергъ, 17-го августа, и въ слѣдующіе два дня происходила на Рибблѣ Престонская битва, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Гамильтона, армія котораго въ дѣйствительности была разрѣзана Кромвеллемъ на двѣ. Направляясь отсюда къ Эдинбургу по приглашенію ковенантера Арджайля, злѣйшаго врага Гамильтона, великій воинъ расположился лагеремъ въ Морей-Гоузѣ, въ Кэнонгетѣ, откуда онъ отправилъ донесеніе *шотландскому парламенту* (Committee of Estates). Этотъ документъ, перечисляя всѣхъ злоумышленниковъ въ обоихъ королевствахъ, требуетъ, чтобы они были лишены всякаго общественнаго довѣрія и занимаемыхъ ими должностей. Полная перестройка правленія была великимъ результатомъ шотландскаго похода Кромвелля.

Въ его отсутствіи пресвитеріане, которые еще разъ подняли голову, сдѣлали послѣднее усиліе — впродолженіе сорока дней — войти въ соглашеніе съ королемъ. Армія при Сентъ-Альбансѣ, какъ драконъ стоя на стражѣ, проворчала предостереженіе — и *«главный виновникъ»* опять прокатилось громовыми низкими нотами. Оливеръ, идя на югъ, постоянно со своимъ зятемъ Айртономъ позади, сдѣлалъ тогда два рѣшительные шага. По его приказанію, Юэръ (Ewer), назначенный губернаторомъ Уайта и прозванный вице-Гаммондомъ, перевезъ короля въ Гурстъ-Кастль [1]) въ Гампширѣ, пустынное и скучное мѣсто, которое онъ черезъ восемнадцать дней перемѣнилъ на Виндзоръ. Это былъ одинъ рѣшительный шагъ. Другой былъ сдѣланъ 6-го де-

[1]) Гурстъ-Кастль стоялъ на небольшомъ скалистомъ выступѣ въ Гампширѣ, противъ Уайта; кругомъ почти всего основанія пѣнилось море. Тамъ было только самое жалкое приспособленіе для небольшаго числа пушкарей.

кабря, когда драгуны Рича и копейщики Прайда, двухъ полковниковъ въ арміи, окружили палаты парламента, и послѣдній офицеръ схватывалъ пресвитеріанскихъ членовъ, во время ихъ прохода черезъ переднюю, и разсаживалъ ихъ въ различныя мѣста подъ стражу. Три дня продолжалось это очищеніе, послѣ чего было оставлено около пятидесяти членовъ-индепендентовъ, чтобы образовать *Rump* (охвостье), какъ назвалъ въ насмѣшку оставшихся какой-то неучтивый шутникъ. При первомъ открытіи засѣданій очищеннаго парламента Кромвеллю принесена была благодарность за его великія національныя услуги.

Теперь мрачное ворчаніе слилось въ явственный и страшный голосъ, требующій крови короля. Не разъ голова Кромвелля была въ опасности отъ свирѣпаго рвенія тѣхъ, въ глазахъ которыхъ его переговоры съ Карломъ были знакомъ измѣны народному дѣлу. Теперь ему не оставалось ничего больше, какъ стоять смирно и не загораживать пути разъяренному потоку, который уносилъ и его въ своемъ неудержимомъ стремленіи. Лорды отказались участвовать въ процессѣ короля, и маленькая кучка индепендентовъ, которая осталась отъ очищенной и разсѣянной палаты общинъ, образовала трибуналъ изъ ста тридцати пяти коммисаровъ, который, подъ названіемъ «верховнаго суда» (High Court of Justice), отъ имени англійскаго народа предалъ суду павшаго монарха, какъ измѣнника и главнаго двигателя войны. А въ это время онъ весело болталъ о разныхъ играхъ, еще предстоящихъ ему, и о надеждахъ, что Ормондъ окажетъ его дѣлу громадныя услуги въ Ирландіи. 8-го января пятьдесятъ три члена сошлись въ Разрисованной палатѣ (Painted Chamber). Ферфаксъ показался было въ этотъ день, но затѣмъ не являлся болѣе между судьями. На другой день барабанный бой и трубы возвѣстили приближеніе процесса. Каково было настроеніе нижней палаты, видно изъ того, что въ тотъ же самый день великая печать была разбита въ дребезги — внушительное предвѣстіе роковаго будущаго. Избравъ президентомъ своимъ Джона Брадшоу, первоклассный адвоката, а Стилля, Кока, Дорислоса и Аска представителями, въ видѣ совѣта англійской республики, коммисары 20-го января формально открыли процессъ въ верхнемъ концѣ Вестминстерской залы. Король, прибывшій на судъ въ носилкахъ, опустился, не дотрогиваясь до шляпы, на бархатное сидѣнье, приготовленное для него у рѣшетки. Между нимъ и судомъ стоялъ столъ, съ жезломъ и шпагой, положенными накрестъ. Надменно осматривалъ онъ судей и толпы народа, тѣснившагося въ галереяхъ. И жесткими взглядами отвѣчали ему со скамей коммисіи, всѣ члены которой тоже сидѣли въ шляпахъ. Брадшоу, произнося: «Карлъ Стюартъ, король Англіи», объявилъ первый, зачѣмъ Палата Об-

щинъ призвала его къ суду у этой рѣшетки. Кокъ, въ качествѣ генералъ-прокурора, всталъ, чтобы изложить обвиненіе, «Молчите!» сказалъ ему король, дотронувшись тростью до его плеча. Золотой набалдашникъ соскочилъ при этомъ — ничтожное, разумѣется, обстоятельство, но его довольно было, чтобы бросить въ суевѣрный ознобъ сердце короля, хотя у него и не вырвалось тогда никакого внѣшняго знака тревоги. Чтеніе обвиненія, которое на голову короля слагало весь позоръ и кровь междоусобной войны, исторгло горькій смѣхъ изъ королевскихъ устъ. И когда президентъ Брадшоу сказалъ ему, что судъ ждетъ его возраженія, то Карлъ, безъ всякихъ слѣдовъ болѣзненнаго заиканія, которое обыкновенно такъ затрудняло ему произношеніе, спросилъ, какою законною властью онъ приведенъ сюда. Брадшоу отвѣчалъ, что судъ получилъ власть отъ англійскаго народа, избраннымъ королемъ котораго онъ былъ самъ. Карлъ отрицалъ, что Англія избирательное королевство, и отказался подчиняться суду на томъ основаніи, что для состава парламента необходимы лорды и король, безъ чего не можетъ быть никакой истинной власти. На этомъ судъ прервалъ засѣданія, чтобы провести послѣдній, единственный уже воскресный день Карла Стюарта. Въ понедѣльникъ 22-го, продолжая говорить съ тѣмъ же надменнымъ презрѣніемъ, король получилъ язвительный выговоръ отъ Брадшоу, который сказалъ ему, что обвиняемый не можетъ разсуждать и спорить о власти суда. Въ четвергъ коммисары собрались предварительно въ Разрисованной палатѣ для совѣщанія, и затѣмъ вступили въ Вестминстерскую залу, гдѣ повторились сцены предыдущихъ дней: король протестовалъ и дерзко шелъ противъ обвиненія, которое, по его словамъ, онъ ставитъ ни во что; а Брадшоу сурово настаивалъ на достоинствѣ суда, власть котораго вытекала единственно изъ народа, по его увѣренію, или, по нашему мнѣнію, *изъ арміи*, которая завладѣла отправленіями народа. Среди этой сцены судебныхъ преній, достигъ предсѣдателя палаты протестъ отъ парламента и королевства шотландскаго противъ такого обращенія съ королемъ; но ему не удалось остановить быстро падающаго топора. Послѣ двухъ еще дней, ушедшихъ на разспросы свидѣтелей, смерть Карла была рѣшена; и въ послѣдній, седьмой день (27-го января) Брадшоу сбросилъ свое черное платье и явился въ ярко-красномъ, окруженный мрачными, нахмуренными людьми, нарядившимися какъ можно лучше, словно для какого-то страшнаго торжества. Карлу тотчасъ же бросилась въ глаза эта перемѣна, въ то время какъ онъ входилъ смѣло, со шляпою на головѣ; и въ первый разъ втеченіе процесса онъ упалъ духомъ. Изнемогающее его сердце поняло страшное значеніе кровавой мантіи и нарядныхъ камзоловъ.

Измѣнившимся голосомъ заговорилъ онъ въ свою защиту; но напрасно. Когда Брадшоу объявилъ опять, что народъ за тиранію предалъ своего короля суду, пронзительный женскій голосъ изъ толпы присутствующихъ закричалъ: «Нѣтъ! не весь народъ!» Это была лэди Ферфаксъ, мужъ которой, будучи пресвитеріаниномъ, удалился изъ среди цареубійцъ. Слабый доводъ гражданина Даунса, спросившаго: «Развѣ у насъ каменное сердце?», былъ поспѣшно отвергнутъ, и клеркъ, по приказанію Брадшоу, прочелъ смертный приговоръ. Карлъ былъ сломленъ окончательно: онъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ и затѣмъ удалился. Смертный приговоръ, помѣченный 29-мъ января, заключаетъ пятьдесятъ девять подписей, — Джонъ Брадшоу стоитъ первымъ, а Оливеръ Кромвелль третьимъ. На слѣдующій день въ десять часовъ Карлъ шелъ между епископомъ Джэксономъ и полковникомъ Томлинсономъ изъ Сентъ-Джемса черезъ паркъ къ Уайтголлу. Въ полдень ему подали стаканъ бордосскаго вина и кусокъ хлѣба, и затѣмъ черезъ банкетную залу онъ вышелъ къ обитому чернымъ сукномъ эшафоту, который былъ воздвигнутъ прямо напротивъ. Копейщики и карабинеры вооруженной оградой выстроились вокругъ эшафота; за ними стоялъ нѣмой и горестный народъ. Обращаясь къ тѣмъ, до кого могли долетѣть его слова, онъ сказалъ, что парламентъ началъ войну, требуя верховной власти надъ милиціей; что отъ дурныхъ исполнителей онъ потерялъ ихъ привязанность, что несправедливый приговоръ, которому онъ покорился, теперь роковымъ образомъ падаетъ на его голову, какъ заслуженное возмездіе (намекъ на смерть Страффорда); и что онъ умираетъ «мученикомъ народа». Мужество возвратилось къ нему, и жало смерти потеряло свою власть надъ нимъ. Утѣшаемый въ послѣднія свои минуты Джэксономъ и говоря съ спокойною увѣренностію о нетлѣнномъ вѣнцѣ, который ожидаетъ его за гробомъ, онъ снялъ съ себя плащъ, отдалъ своего Георга прелату, произнесъ слово «Remember» (помяни) и затѣмъ положилъ свою голову на плаху. Онъ протянулъ руки, — вслѣдъ за этимъ съ глухимъ, страшнымъ стукомъ мелькнулъ блестящій топоръ, и второй палачъ, замаскированный подобно своему товарищу, поднялъ окровавленную голову, все еще съ судорожными движеніями жизни, и закричалъ: «Вотъ голова измѣнника!» Глубокій и жалостный стонъ, вырвавшійся изъ простыхъ сердецъ зрителей, былъ единственнымъ отвѣтомъ. Никогда прежде не были англичане свидѣтелями такой сцены; страшный урокъ не лишенъ былъ своего смысла и пользы; но этотъ промахъ, если только преступленіе не болѣе подходящее здѣсь имя, оставилъ на томъ времени пятно, которое никогда не будетъ смыто.

Черезъ мѣсяцъ послѣ казни государственный совѣтъ принялъ бразды правленія, съ Брадшоу въ качествѣ президента; въ числѣ сорока однаго его члена были также Кромвелль, Сентъ-Джонъ, Ферфаксъ, Скиппонъ, Газельрихъ, Венъ и Людло. Однажды вечеромъ въ мартѣ двое господъ постучались у маленькаго домика въ Гольборнѣ и спросили Мильтона, который жилъ тамъ, не согласится ли онъ быть секретаремъ иностранныхъ языковъ въ совѣтѣ. Принявъ предлагаемое мѣсто, онъ, не медля, началъ свою дипломатическую корреспонденцію; и перо его еще не кончило своей работы на государственныхъ бумагахъ, какъ «Потерянрый рай» началъ раскрывать свои высокія сокровища. Армія попрежнему оставалась подъ начальствомъ Ферфакса и подъ контролемъ Кромвелля. Но флотъ пріобрѣлъ новаго и лучшаго главу въ лицѣ Роберта Блэка, полковника въ арміи и генерала на морѣ, на подвиги котораго, какъ величайшаго моряка того вѣка, вскорѣ придется обратить наше вниманіе. Блэкъ, сынъ купца изъ Бриджуотера въ Сомерсетширѣ, еще въ междоусобной войнѣ далъ славныя доказательства своего мужества и искусства, въ качествѣ губернатора Тонтона. Теперь въ зрѣломъ уже возрастѣ, на пятьдесятъ первомъ году, онъ вступалъ въ самый блестящій періодъ своей жизни.

Вотъ въ арміи послышался глухой зловѣщій ропотъ, исходившій отъ уравнителей, которые жаловались, что Англія только промѣняла свои старыя цѣпи на новыя, покрѣпче. Вожакомъ уравнителей былъ подполковникъ Джонъ Лильбёрнъ. Почти тотчасъ послѣ того, какъ герцогъ Гамильтонъ, графъ Голландъ и лордъ Кэпель, приговоренные другимъ верховнымъ судомъ, были обезглавлены (9-го марта) на дворцовой площади за приверженность къ королевскому дѣлу, эта опасность грозно повисла надъ Ферфаксомъ и Кромвеллемъ. Не будь теперь пламя потушено, армія безвозвратно сдѣлалась бы орудіемъ революціонной силы. Поэтому и главнокомандующій, и генералъ-лейтенантъ ускореннымъ маршемъ направляются къ Бэрфорду [1]) и здѣсь казнью одного корнета и двухъ капраловъ заливаютъ тлѣющее возстаніе.

Провозглашеніе молодаго Карла Стюарта королемъ Карломъ II, въ Шотландіи парламентомъ, въ Ирландіи маркизомъ Ормондомъ, показало необходимость суроваго образа дѣйствій съ этими форпостами республики. Буря вдругъ разразилась надъ Ирландіей.

Назначенный намѣстникомъ Ирландіи, съ генералами Джонсомъ и Айртономъ подъ своимъ начальствомъ, Кромвелль от-

---

[1]) Бэрфордъ — торговый городъ въ Оксфордширѣ, на Уинтрэшѣ, въ восемнадцати миляхъ къ сѣверо-западу отъ Оксфорда.

правился на «Джонѣ» изъ Мильфордской гавани въ Дублинъ, куда онъ благополучно прибылъ 15-го августа, приготовившись не шутя выкрасить свой избранный цвѣтъ (бѣлый) въ самый густой красный. Угрюмый Оливеръ видѣлъ передъ собою страшную задачу; ибо Ирландія, отъ зеленыхъ долинъ до ледяныхъ горныхъ вершинъ вся кишѣвшая воющими демонами политическихъ и религіозныхъ раздоровъ, подъ чарами Ормонда непонятнымъ образомъ слилась въ одно цѣлое и какъ одинъ человѣкъ поднялась за короля и королевство. У республики остались только Дублинъ и Дерри. Быстро принявши рѣшеніе и затѣмъ неутомимымъ шагомъ направляясь прямо къ осуществленію своей цѣли — въ чемъ главнымъ образомъ и заключалось величіе этого человѣка, — Оливеръ задумалъ дать Ирландіи урокъ, въ сравненіи съ которымъ коренныя мѣры Страффорда были бы сама мягкость. Для него не существовало «хирургіи съ розовой водицей». Отъ Дублина онъ двинулся къ Тредѣ [1]) и открылъ огонь своихъ баттарей по этому укрѣпленію; когда появились довольно большія бреши, онъ бросился туда съ своими солдатами и взялъ городъ 10-го сентября. Такъ какъ пренебрегли его приглашеніемъ сдаться, то онъ предалъ мечу почти всѣхъ изъ трехъ тысячъ, составлявшихъ гарнизонъ города. А затѣмъ, радуясь «чудесной, великой милости», онъ выступилъ къ Уэксфорду [2]), который скоро отдался въ его побѣдоносныя руки, — причемъ отъ безпощадной рѣзни защитниковъ морозъ ужаса пробѣжалъ по странѣ (11-го октября). Россъ на Барро сдался послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Коркъ и Кинсэль также уступили. И только ноябрскіе дожди спасли Уотерфордъ отъ потоковъ крови, принудивъ желѣзныя руки и ихъ желѣзнаго предводителя остановиться на зимовку въ Югалѣ и другихъ мѣстахъ. Двухмѣсячнымъ перерывомъ военныхъ дѣйствій Кромвелль воспользовался для устройства судовъ въ Дублинѣ, назначенія контрибуцій, и тому подобнаго. И едва февральская травка выглянула изъ размякшей земли, какъ онъ уже опять былъ въ сѣдлѣ, вылетая изъ Югала двумя отрядами по прекраснѣйшимъ полямъ Мюнстера; и замки, и крѣпости безпомощно падаютъ передъ его грознымъ приближеніемъ. 22-го марта передъ нимъ показались колокольни Кильке́нни [3]), гдѣ командовалъ гарнизономъ смѣлый и мужественный человѣкъ, сэръ Вальтеръ Бутлеръ. Черезъ пять

---

[1]) Треда или Дрогеда, главный городъ Лаута, на рѣкѣ Бойнѣ, въ двадцати весьми миляхъ къ сѣверо-западу отъ Дублина.

[2]) Уэксфордъ — городъ у Сланейской бухты, въ семидесями четырехъ миляхъ къ югу отъ Дублина.

[3]) Кильке́нни, на Норѣ, главный городъ графства Кильке́нни, въ восьмидесяти одной милѣ къ юго-юго-западу отъ Дублина.

дней пушки республики до того понизили тонъ осажденныхъ, что они рады были позволенію оставить городъ, съ условіемъ опорожнить за двѣ мили свои мѣшки съ ядрами и пулями и сложить оружіе. Кромвеллю оставалось увѣнчать свое кровавое, но дѣйствительное покореніе Ирландіи штурмомъ Клонмеля [1]); здѣсь произошелъ послѣдній и ожесточеннѣйшій бой, продолжавшійся въ бреши съ крючьями, ружьями и дубинами цѣлыхъ четыре часа на палящемъ солнцѣ жаркаго майскаго дня (четвергъ 9-го). Кромвелль послѣ того отправился въ Англію на фрегатѣ «Президентъ» и, осыпаемый благодарностями, вступилъ въ Лондонъ среди рева пушекъ и единодушныхъ овацій. Войну продолжалъ Айртонъ, пока горячка не похитила его въ Леймрикѣ въ 1651 году: тогда командованіе взялъ на себя Людло.

Молодой король, который впродолженіе этой ирландской войны кружился около Джерсея и другихъ мѣстъ, заключилъ въ Бредѣ съ шотландскими ковенантерами договоръ, которымъ онъ обязывался подписать и національный ковенантъ, и торжественную лигу и ковенантъ (Solemn League and Covenant), если они возьмутся за его дѣло. Эта сдѣлка не была еще окончена, какъ онъ отправилъ Монтроза къ Оркнею съ горстью солдатъ попытать другую игру, какъ выразился бы его отецъ. Но Монтрозъ былъ встрѣченъ Стрэчьномъ близъ Инверкарронскаго прохода и такъ страшно разбитъ, что принужденъ былъ бѣжать въ платьѣ крестьянина. Выданный человѣкомъ, у котораго въ домѣ онъ искалъ убѣжища, онъ былъ отвезенъ въ Эдинбургъ и тамъ повѣшенъ на висѣлицѣ въ тридцать футъ высотою. Почти мѣсяцъ спустя, Карлъ II высадился на берегу Кромарти-Фрита; и іюнь еще не пришелъ къ концу, когда генералъ-лордъ Кромвелль выступилъ къ сѣверу, сопровождаемый между прочими офицерами полковникомъ Монкомъ, угрюмымъ, сдержаннымъ, но, внутренно, рѣшительнымъ человѣкомъ, у котораго была склонность молчаливо жевать табакъ. Когда Кромвелль достигъ Бервика (22-го іюля), его армія разрослась до шестнадцати почти тысячъ человѣкъ. Лаутерскія и Ламмермурскія горы, казалось, вдругъ сдѣлались вулканическими отъ постоянныхъ сторожевыхъ огней, пылавшихъ на ихъ вершинахъ, какъ предостереженіе народу позади ихъ. Къ той части народа, которая собиралась теперь на южныхъ форпостахъ для охраны сердца своей страны, генералъ-лордъ уже отправилъ декларацію «всѣмъ тѣмъ, кто праведенъ», и прокламацію, обращенную вообще къ народу. Англійская армія двигалась отъ Бервика къ Мордииг-

---

[1]) Клонмель, городъ на Сьюрѣ въ Типперэри, въ ста четырехъ миляхъ отъ Дублина. Населеніе болѣе 12,000.

тону, отсюда по Кокбэрнской дорогѣ къ Дунбару, куда пришли корабли съ сухарями, и такъ далѣе до Гэддингтона. Стычка при Мэссельбургѣ была первымъ дѣломъ между соперничествующими пуританскими арміями. 30-го іюля видно было генерала Дэвида Лесли съ ковенантскою арміею, растянувшеюся отъ Литскаго берега до Кэльтонъ-Гилля и расположившею свои летучіе форпосты вокругъ основанія Артуре-Сита. Двигаясь къ селенію Браутону, онъ могъ всегда обращать вооруженное лицо къ приближающемуся врагу. Такъ простоялъ Лесли болѣе мѣсяца, въ то время какъ Оливеръ кружился въ тылу у него, между Мэссельбургомъ и Пентлэндами, а ковенантскія пушки съ грозными зѣвами всюду слѣдовали за движеніями англійской арміи. Нѣсколькими ядрами обмѣнялись при Гогэрѣ 27-го августа. Утомленный этимъ и видя распространеніе болѣзней въ войскѣ и недостатокъ запасовъ, Кромвелль сжегъ свои бараки отъ Брэда до Мэссельбурга и 31-го августа отступилъ къ Дунбару, неподалеку отъ своихъ кораблей. Теперь пришла пора Лесли. Устремившись вдоль извилистаго морскаго берега, онъ сталъ тѣснить крыло Оливера и, поворачивая внутрь, расположилъ свою двадцати - тысячную армію на степной возвышенности Дунъ-Гилля, который почти въ одной милѣ отъ моря замыкаетъ Ламмермуры. Оливеръ, у котораго было почти на половину меньше войска, стоялъ на полукругломъ берегу, съ Дунбарскою гаванью и своими кораблями позади. Таково было положеніе 2-го сентября.

Весь этотъ день, на вѣтру и сырости, Оливеръ выстраивалъ своихъ людей на лѣвомъ берегу Броксбэрна, который бѣжитъ изъ Ламмермуровъ къ морю по глубокой травянистой долинѣ. Точно также и Лесли сдвигалъ шотландскіе ряды все болѣе и болѣе вправо. Оливеръ упивается мрачной радостью, упоминая въ своей депешѣ объ этомъ сдвиганіи, цѣлью котораго было завладѣть проходомъ, гдѣ течетъ Броксбэрнъ. Онъ говоритъ объ этомъ со своими офицерами и спокойно готовится начать аттаку; ибо Лесли этимъ движеніемъ оставлялъ неприкрытымъ свое правое крыло и скучивалъ главныя силы между рѣкой и возвышенностью. Сквозь слякоть и бурю этой дикой ночи Оливеръ жадно ждалъ разсвѣта. И когда первая полоска зари всплыла надъ главою св. Аввы, загудѣли трубы, и мертвящій дымъ пушекъ смѣшался съ утренней мглой. Шотландскіе мушкетеры, вылѣзая изъ подъ мокрыхъ копенъ хлѣба, упобребляли всѣ усилія, чтобы разжечь свои фитили. Конница съ обѣихъ сторонъ съ яростью неслась въ битву. «Ковенантъ» было боевымъ крикомъ шотландцевъ; «Господь Силъ» — торжественнымъ лозунгомъ англичанъ. Хотя Кромвелль и собралъ въ строй своихъ солдатъ около четырехъ часовъ, но до шести нападенія не было сдѣлано. Сперва ковенантская конница нѣ-

сколько потѣснила англійскіе ряды; но успѣхъ былъ минутный. Тутъ опять выдвинулись желѣзныя руки, не привыкшіе подаваться, развѣ только для страшнаго отступленія, и не прошло часу, какъ потокъ шотландскихъ бѣглецовъ заструился разсѣянными ручейками къ Гэддингтону. Кромвелль между тѣмъ на полѣ побѣды пѣлъ сильнымъ, торжественнымъ голосомъ слова 117-го псалма, а конница собиралась въ погоню за бѣгущими толпами. Около девяти часовъ Лесли прискакалъ на дымящемся конѣ въ Эдинбургъ, оставивъ три тысячи своихъ солдатъ убитыми и десять тысячъ плѣнными. Послѣ сраженія весь слѣдующій день Кромвелль проводитъ за письмами, отправляя между прочимъ депеши къ президенту палаты Лентголлу и торопливыя, нѣжныя строки къ женѣ Елизаветѣ въ Кокпитъ.

Отъ Дэнбара Оливеръ пошелъ къ Эдинбургу, замокъ котораго, подъ управленіемъ Вальтера Дэндаса, противился нѣкоторое время ему, но наконецъ сдался 24-го декабря.

Новый годъ открылся коронованіемъ молодаго Карла въ Сконѣ; это былъ впрочемъ непостоянный король, который бѣжалъ уже въ Грампіаны отъ стѣснительныхъ узъ ковенантеровъ, но воротился назадъ, найдя торфяной дернъ не совсѣмъ пріятнымъ изголовьемъ. Въ то время какъ шотландская армія, наученная крайней осторожности своими потерями при Дэнбарѣ, лежала въ окопахъ близъ Стэрлинга, Кромвелль проводилъ очень нездоровую весну, страдая постоянными лихорадочными припадками. Въ промежуткахъ между своею болѣзнью и маневрами онъ три раза посѣтилъ Глазго.

Наконецъ, не въ состояніи сманить шотладскихъ вождей съ высотъ у Стэрлинга, Оливеръ рѣшился двинуть свою армію черезъ Фортъ и отрѣзать имъ сообщеніе съ сѣверомъ. Захвативъ проходъ въ двухъ пунктахъ, Инчгарви [1]) и Бэрнтайлэндѣ [2]), онъ занялъ Файфъ и затѣмъ внезапнымъ движеніемъ овладѣлъ Ст.-Джонстономъ, теперь болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Перта. Этотъ маневръ выбилъ съ позиціи шотландцевъ, которые предприняли тогда свою роковую экспедицію въ Англію.

Вступая черезъ Карляйль 6-го августа, они на своемъ отчаянномъ пути тщетно искали кругомъ тѣ рати роялистовъ-пресвитеріанъ, которыя въ ихъ разгоряченномъ воображеніи стекались отвсюду къ призрачному знамени. Кромвелль тяжелымъ рѣшительнымъ шагомъ шелъ слѣдомъ за ними. Ни одинъ городъ не встрѣтилъ ихъ съ растворенными воротами, когда

---

[1]) Инчгарви — маленькій островъ, лежащій на Фортскомъ Фритѣ, противъ Куинсферри въ Линлитгоширѣ.

[2]) Бэрнтайлэндъ — городъ въ Файфширѣ, на Фортскомъ Фритѣ, прямо противъ Лита. Ширина Фрита здѣсь около шести миль.

они проходили черезъ Ланкаширъ и Шропширъ. Въ Вустерѣ они сдѣлали привалъ, и король Карлъ развернулъ свое знамя въ эту роковую годовщину, 22-го августа. Здѣсь, при Вустерѣ, четырнадцать тысячъ встрѣтили свою смерть. Ибо желѣзныя руки, гоня передъ собою обломки силъ графа Дерби, разсѣянныхъ при Уиганѣ, темными надвигающимися массами показались 28-го числа въ количествѣ тридцати тысячъ; а 3-го сентября — въ день Дэнбарскаго сраженія — произошла рѣшительная битва при Вустерѣ, окончившаяся полнымъ пораженіемъ шотландской арміи.

За пять дней до битвы, нѣсколько драгунъ Ламберта пробрались черезъ изломанные своды Эптонскаго моста, въ нѣсколькихъ миляхъ ниже Вустера, и приготовили путь, по которому Флитвудъ провелъ значительныя силы 2-го сентября вечеромъ. Наведя черезъ Тимъ и Севернъ мосты на судахъ, этотъ дѣятельный вождь напалъ на Ст.-Джонстово предмѣстье, гоня шотландцевъ отъ одной изгороди къ другой. Кромвелль по мосту поспѣшилъ на помощь къ Флитвуду и затѣмъ кинулся назадъ прямо подъ выстрѣлы, градомъ сыплющіеся со стороны храбрыхъ шотладцевъ, въ то время какъ бой свирѣпствовалъ вокругъ Фортъ-Ройяля, — и шумныя, сдавленныя толпы черезъ Сэдбэрійскія ворота попятились назадъ въ тѣсныя улицы Вустера. Четыре или пять часовъ продолжалась эта вечерняя борьба, пока шотландцы не побѣжали, преслѣдуемые опустошительнымъ градомъ собственныхъ же орудій, теперь обращенныхъ на нихъ побѣдителями. Бѣгство Карла, разбитаго при Вустерѣ, носитъ на себѣ печать скорѣе сказки, чѣмъ трезвой исторіи. Цѣлыя недѣли блуждая переряженный среди опасностей, онъ 15-го октября достигъ Шоргама въ Сэссексѣ и былъ настолько счастливъ, что нашелъ тутъ угольное судно, которое и перевезло его въ Феканъ, въ Нормандію.

Теперь шпага Кромвелля была увита обагренными лаврами, его помощники Айртонъ и Монкъ довершили покореніе Ирландіи и Шотландіи, — и казалось бы естественнымъ для него протянуть свою мощную руку и схатить корону Англіи. Дѣйствительно, кажется, уже раньше этого подобная мысль носилась въ его неугомонной головѣ. На митингѣ, происходившемъ въ домѣ президента палаты въ Чэнсри-Лэнѣ, куда по приглашенію Оливера собралось нѣсколько вліятельныхъ англичанъ обсудить устройство государства, онъ, кажется, развѣдывалъ путь для подобнаго шага, подавая такое мнѣніе: «Если можно это сдѣлать съ цѣлостью и сохраненіемъ нашихъ правъ, какъ англичанъ и какъ христіанъ, то правленіе съ нѣсколько монархической властью было бы очень благотворно». Впослѣдствіи онъ говорилъ адвокату Уайтлоку, автору «записокъ» объ этомъ из-

мѣнчивомъ времени, *«что еслибъ кто-нибудь взялся быть королемъ!»*

Между тѣмъ какъ честолюбіе закипало такимъ образомъ въ головѣ Кромвелля, а ссоры арміи и парламента начали опять разсыпать сѣмена революціи, вспыхнула голландская война. Соперничество на морѣ поддерживало незаглаженными много старыхъ обидъ между Англіей и Голландіей. Особенно Амбоинская [1]) рѣзня взывала все еще о мщеніи. Презрѣніе, которымъ были проникнуты отношенія Голландіи къ новорожденной англійской республикѣ, глубоко уязвляло сердца островитянъ. Навигаціонный актъ, который отдавалъ торговлю Англіи и ея колоній исключительно въ руки англійскихъ кораблей, имѣлъ въ виду нанести тяжелый ударъ морскимъ интересамъ Голландіи. Тогда Оранскій домъ и домъ Стюартовъ были прочно скрѣплены брачными узами. Первые выстрѣлы этой морской войны прогремѣли надъ водами Даунса, когда адмиралъ Блэкъ зажегъ патронное судно подъ голландскимъ флагомъ, и такимъ образомъ завязалась битва, въ которой голландцы потеряли два корабля (19-го мая 1652 г.). Ровно черезъ два мѣсяца англійскій парламентъ формально объявилъ войну. Въ теченіе слѣдующихъ семи или восьми мѣсяцевъ Робертъ Блэкъ, поднявшійся воскресить, послѣ долгаго промежутка затмѣнія, славу, которая развѣвала англійскій флагъ при Дрэкѣ и Говардѣ, въ трехъ великихъ схваткахъ сразился съ голландскими адмиралами. 28 сентября Де-Рюйтеръ и Де-Виттъ, командуя вмѣсто Ванъ-Тромпа, напали на англійскаго адмирала и, послѣ долгой битвы, рады были удалиться въ темнотѣ, потерявъ много кораблей. 29-го ноября, когда Блэкъ стоялъ съ сорока только судами близъ Гудвинскихъ мелей, Ванъ-Тромпъ направился съ восьмидесятью кораблями къ англійскому берегу. Яростный Блэкъ не могъ устоять передъ этимъ заманчивымъ случаемъ сразиться, даже при такомъ страшномъ превосходствѣ врага. Онъ пошелъ неустрашимо противъ восьмидесяти кораблей. Сквозь сѣрый ноябрьскій день отдавался въ Кентѣ глухой громъ отдаленной канонады, и только съ наступленіемъ ночи Блэкъ счелъ необходимымъ искать спасенія и отдыха въ устьѣ Темзы. Шесть кораблей осталось назади, и все, что ушло съ нимъ, носило слѣды сильнаго погрома. Еще большое испытаніе силъ произошло 18-го февраля 1653 года, когда Блэкъ съ восьмидесятью кораблями преслѣдовалъ почти такой же флотъ подъ командою Ванъ-Тромпа отъ Портланда до Калэ и взялъ или уничтожилъ въ три дня

[1]) Амбоина, одинъ изъ Молуккскихъ острововъ, съ городомъ того же имени.

одиннадцать кораблей и тридцать купеческихъ судовъ, стоившихъ ему только одного корабля, но многихъ ранъ и труповъ. Въ іюнѣ онъ помогъ Дину и Монку разбить опять Ванъ-Тромпа. Но нездоровье помѣшало ему присутствовать при той послѣдней и величайшей битвѣ, начавшейся отъ устья Текселя въ пасмурное воскресное утро (31-го іюля), когда ядро поразило грудь храбраго голландца и распространило ужасъ во всемъ флотѣ, не только полагая конецъ войнамъ великаго адмирала, но и давая голландцамъ памятный урокъ британскаго превосходства на морѣ. Ядро, которое убило Ванъ-Тромпа, прекратило на время голландскую войну.

Послѣ многихъ неудачныхъ переговоровъ, рѣшеніе Кромвелля вырвалось наружу яркимъ, ослѣпительнымъ пламенемъ, которое могутъ всѣ видѣть. Онъ распустилъ презрѣнный остатокъ Долгаго парламента среди самыхъ его занятій. Въ этотъ памятный день генералъ-лордъ вышелъ изъ Уайтголла, одѣтый очень просто, по своему обыкновенію, — въ черномъ платьѣ и сѣрыхъ шерстяныхъ чулкахъ — и, войдя въ палату, опустился на свое обычное мѣсто. Нѣсколько времени онъ прислушивался къ преніямъ и затѣмъ, снявъ съ головы шляпу, всталъ сдѣлать *свое* заключеніе о дѣлахъ. Раздражаясь все болѣе и болѣе, онъ нахлобучилъ свою шляпу и зашагалъ по комнатѣ, объявляя, что члены (на лицо было только пятьдесятъ три) слишкомъ долго сидятъ тутъ. Пора имъ убираться. Вошло по его приказанію двадцать или тридцать мушкетеровъ, съ заряженными ружьями, и затѣмъ буря словъ разразилась со всей своей яростью. Осыпая членовъ, которые теперь всѣ вскочили на ноги, огненными словами и взглядами, онъ поднялъ жезлъ, эмблему священной власти нижней палаты, и, съ презрительнымъ словомъ «погремушка» (bauble), передалъ ее солдату. Президентъ Лентголлъ, заупрямившійся было сперва, оставилъ каѳедру, съ которой Гаррисонъ уже сбирался стащить его. Rump'a больше не существовало; а жезлъ и ключъ отъ запертой палаты отданы подъ охрану одному полковнику.

Король, лорды и Палата Общинъ теперь были сметены со сцены. Но Кромвелль, все еще только какъ военный диктаторъ, не мечталъ никогда править безъ всякаго парламента. Поэтому 4-го числа слѣдующаго іюля собрался такъ-называемый Малый парламентъ, въ насмѣшку прозванный кавалерами «скелетнымъ парламентомъ» (Barebone's Parliament). Богатый и благочестивый пуританинъ, торговавшій кожей на Флитъ-Стритѣ и носившій набожное имя Barbone, далъ свое неправильно написанное имя собранію, въ которомъ онъ засѣдалъ. Этотъ парламентъ, засѣдая до декабря, напалъ на Чэнсрійскій судъ, назначилъ предсѣдателями въ судахъ коммисаровъ, не имѣющихъ связи съ юри-

дическою профессіею, и выразилъ также рѣшеніе отмѣнить десятину — дѣйствія, которыя снискали ему ненависть юристовъ и духовенства. Послѣ продолжительныхъ жаркихъ преній, палата однажды утромъ, прежде чѣмъ собралась крайняя партія, вотировала собственное свое распущеніе и, поспѣшивъ къ Уайтголлу, вручила лордъ-генералу документъ изъ лоскутковъ запечатанной бумаги, передающій ея власть въ его руки. Это было въ понедѣльникъ 12-го декабря. Четыре дня спустя, документъ, извѣстный подъ именемъ Правительственнаго Акта (Instrument of Government) и состоящій изъ сорока двухъ статей, вручилъ верховную власть Оливеру Кромвеллю, съ титуломъ лорда-протектора республики Англіи, Шотландіи и Ирландіи.

Торжественна была сцена, происходившая въ пятницу, въ полдень, въ Чансери-Кортъ, въ Вестминстерѣ. Среди скамей, ярко пестрѣвшихъ гражданскимъ пурпуромъ, судейскимъ горностаемъ и воинскою сталью, стоялъ близъ государственнаго кресла Оливеръ, мужественная фигура, въ черномъ бархатномъ плащѣ и камзолѣ, съ широкою золотою лентою вокругъ своей высокой шляпы. Когда онъ такимъ образомъ стоялъ въ полномъ расцвѣтѣ своего славнаго поприща, величайшій историкъ-артистъ нашего времени набросалъ яркими штрихами его изображеніе.

«Скорѣе видная фигура, по моему. Ростомъ два съ половиной аршина или немного побольше; сильное, крѣпкое сложеніе, гордая, отчасти воинственная осанка; въ его выраженіи — доблесть и благоговѣніе, энергія и деликатность. Въ прошломъ апрѣлѣ ему исполнилось пятьдесятъ четыре года; лицо чистое, съ румянцемъ, но отъ трудовъ и лѣтъ съ бронзовымъ оттѣнкомъ; темнорусые волосы и усы съ пробивающейся сѣдиной. Фигура довольно внушительная; не совсѣмъ по вкусу модникамъ, да и безъ претензій на это. Массивное сложеніе: большая массивная голова, съ нѣсколько львинымъ видомъ, явно мастерская и скопище огромныхъ сокровищъ природныхъ способностей. Надъ правою бровью бородавка; носъ орлиный, значительныхъ размѣровъ; сжатыя, но полныя губы, въ которыхъ трепещетъ чувственность, а въ случаѣ нужды также суровость и жестокость; глубокіе ласковые глаза, — не то важные, не то строгіе, выглядывающіе изъ-подъ нависшихъ бровей, какъ-бы въ вѣчномъ горѣ, но это не горе, а только трудъ и усиліе — словомъ, благородное львиное и геройское лицо, довольно царственное на мой взглядъ».

Чтеніе и подписываніе Правительственнаго Акта составляло первую часть великой церемоніи принятія власти. Затѣмъ, обѣщавшись передъ лицомъ Бога строго держаться документа, который его рука только-что завершила, онъ сѣлъ, со шляпою на

головѣ, на государственное кресло, послѣ чего ему вручены были великая печать и гражданская шпага. Возвращая ихъ подавшимъ, протекторъ поднялся и отправился къ Уайтголлу среди криковъ народа и грохота пушекъ. Вступая въ опасности и заботы этого высокаго положенія, Кромвелль заручился помощью двухъ великихъ юристовъ, изъ которыхъ одному по крайней мѣрѣ онъ былъ обязанъ глубокимъ знакомствомъ съ внутренними разстройствами страны. Джонъ Тюрло сдѣлался государственнымъ секретаремъ, а сэръ Матью Гэль общественнымъ судьею (Judge of the Common Pleas). Главныя государства Европы поспѣшили на поклонъ къ Сентъ-Айвскому фермеру при вступленіи его на протекторское кресло. Договоры на благопріятныхъ условіяхъ были заключены съ Голландіей, Швеціей и Даніей.

Сознавая, что верховная власть не въ его рукахъ, а у парламента, пока у него нѣтъ veto по законамъ, составлявшимся этимъ послѣднимъ, Кромвелль все-таки разослалъ вызовы и собралъ свой первый парламентъ 3-го сентября 1654 г. Тутъ было всего четыреста членовъ, между ними тридцать шотландскихъ и тридцать ирландскихъ. До созванія парламента лордъ-протекторъ и его совѣтъ изъ пятнадцати человѣкъ заправляли общественными дѣлами съ помощью указовъ, которыхъ было издано шестьдесятъ. Два изъ нихъ относились къ религіи. Указъ, помѣченный 20-мъ марта 1654 года, избиралъ тридцать восемь знатныхъ пуританъ, на которыхъ, въ качествѣ испытателей (Triers), возглагалась обязанность слѣдить за годностью всѣхъ общественныхъ проповѣдниковъ. Другой указъ назначалъ очистителей (Expurgators), отъ пятнадцати до тридцати въ каждомъ графствѣ, для искорененія порочныхъ или неспособныхъ служителей изъ приходовъ страны.

Пренія перваго протекторскаго парламента почти всѣ вертѣлись около Правительственнаго Акта, сорокъ двѣ статьи котораго, а особенно относящуюся къ власти протектора, члены взялись пересмотрѣть и обсудить. И когда они рѣшили большинствомъ 200 голосовъ противъ 60, что протекторатъ долженъ быть избирательнымъ, а не наслѣдственнымъ, Оливеръ распустилъ собраніе безъ малѣйшихъ признаковъ недовольства (22-го января 1655 года).

Не мягокъ и не завиденъ былъ постъ лорда-протектора Кромвелля. Вокругъ его кресла постоянно съ шумомъ разбивался клокочущій океанъ смутъ. Уравнители, о которыхъ было уже говорено и которымъ нѣсколько сродни чартисты нашего времени, — приверженцы «Пятаго царства», которые вѣрили, что послѣ паденія Ассиріи, Персіи, Греціи и Рима наступило теперь время для устройства тысячелѣтняго царства Христа, —

квакеры, со своимъ одѣтымъ въ кожу Джорджемъ Фоксомъ и безумнымъ Джемсомъ Нэлеромъ, выдававшимъ себя за Спасителя, — всѣ они держали его въ постоянной тревогѣ. Не проходило недѣли безъ какой-нибудь новой фазы роялистскихъ заговоровъ, дома или заграницей, противъ его личности и власти. Въ февралѣ 1655 года былъ заключенъ въ замокъ Чепсто глава мятежныхъ анабаптистовъ, Уайльдмэнъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ были обезглавлены полковникъ Пенрэддокъ и маіоръ Гровъ за участіе въ роялистскомъ заговорѣ, который вспыхнулъ въ Салисбэри, и много замѣшанныхъ въ немъ было сослано на Барбадосъ.

Планъ, задуманный угрюмымъ Оливеромъ для ослабленія этихъ золъ, былъ достоинъ генія, выняньченнаго въ бурной колыбели революціи. Избравъ десять (потомъ двѣнадцать) человѣкъ, на которыхъ онъ могъ совершенно положиться, онъ сдѣлалъ ихъ генералъ-маіорами (Major-Generals) округовъ, на которые была раздѣлена имъ Англія. Вооруженный милиціею своихъ графствъ, а особенно сильнымъ корпусомъ хорошо дисциплинированной конницы, каждый такой сатрапъ стоялъ на готовѣ рубить и давить первые признаки возстанія, если оно покажетъ свою голову въ предѣлахъ его власти. Чтобы сдавить непріязненныхъ роялистовъ, Оливеръ приказалъ назначить и взыскивать десятипроцентный налогъ на доходъ. Тѣ платили и бранились при-этомъ; но рука протектора была слишкомъ сильна, и имъ оставалось только браниться и платить.

Въ то время какъ Англія лежала такимъ образомъ подъ тяжестью военныхъ законовъ, имя ея ярко блестѣло за ея предѣлами. Блэкъ, зайдя въ Тунисскую гавань и подъ самымъ жерломъ щетинистыхъ баттарей сжегши девять разбойничьихъ кораблей, заставилъ Тунисскаго бея и всѣхъ подобныхъ ему уважать англійскій флагъ и раскаяться въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ разбояхъ. А когда въ іюнѣ 1655 года пришло извѣстіе, что герцогъ Савойскій безчеловѣчно выгналъ протестантовъ-пастуховъ изъ Люцерна, Перозы и Сенъ-Мартена, долинъ въ верховьяхъ По, изъ-подъ крова ихъ горныхъ жилищъ, чтобы уморить среди альпійскихъ снѣговъ, обагренныхъ кровью тѣхъ, кого они любили, — протекторъ Англіи, вынуждая Францію присоединиться къ нему въ дѣлѣ справедливаго состраданія, страхомъ заставилъ герцога возвратить этихъ бѣдныхъ разсыпавшихся овецъ въ убѣжища, гдѣ нашли ихъ волки. Только послѣ этого заключилъ Кромвелль договоръ съ Франціей, котораго лукавый Мазарини добивался всѣми силами. Договоръ съ Франціей означалъ войну съ Испаніей, которая въ должной формѣ и была объявлена 23-го октября 1655 года. Британскій флотъ захватилъ уже у Испаніи островъ Ямайку, тогда пови-

димому бѣдную и не имѣвшую никакой цѣны добычу, но въ дѣйствительности необдѣланное сокровище, истинную цѣну котораго такъ ярко показали время и трудъ.

Домашнія тревоги все носились черными фантастическими тучами вокругъ Оливера. Покушенія на его жизнь преслѣдовали его по пятамъ. Онъ носилъ пистолеты для своей обороны. *Анабаптисты* и *тысячелѣтники* (Millenarians) безумствовали повсюду. Самый замѣчательный изъ всѣхъ, покушавшихся на эту великую жизнь, былъ Майльсъ Синдеркомбъ, «разжалованный квартирмейстеръ», изъ самыхъ ярыхъ уравнителей, который изобрѣталъ адскія машины и пытался поджечь Уайтголлъ, но безъ всякаго успѣха; наконецъ онъ дошелъ до того, что его обезумѣвшему мозгу не представлялось болѣе выхода, какъ принять ядъ и умереть въ тюрьмѣ, куда онъ былъ заключенъ.

Второй парламентъ Оливера собрался 17-го сентября 1656 г. Созывая его, протекторъ, однимъ смѣлымъ и капризнымъ взмахомъ пера, исключилъ почти сто членовъ, которыхъ республиканскій духъ и всегдашнее упрямство могли идти въ разрѣзъ съ его цѣлями и задерживать ходъ общественныхъ дѣлъ. Газельригъ, Скоттъ и Ашли Куперъ были главныя имена въ этой исключенной компаніи. Послѣ рѣчи въ расписной палатѣ всѣ столпились въ прихожей ея, гдѣ Ченсрійскій клеркъ выдавалъ свидѣтельства, съ помощью которыхъ только и можно было войти. Девять сотыхъ поэтому протестовали и на время удалились. Парламентъ принялся за рѣчи, мудро оставляя Оливеру дѣло правленія. Между тѣмъ какъ протекторъ занятъ дома этимъ дѣломъ, Блэкъ, другой великій труженикъ для славы Англіи, работаетъ на морѣ съ другими славными моряками, въ родѣ Монтэгю и Стэнера. У Кадикса послѣдній офицеръ, дѣйствуя подъ командою Блэка, взялъ и сжегъ восемь галіоновъ, шедшихъ съ грузомъ серебра изъ Индіи въ Испанію. Тридцать восемь возовъ чистаго серебра, которые со звономъ катились изъ Портсмута по лондонскимъ мостовымъ къ Тоуэру, были очень кстати для казны борющейся республики. Эта, попавшаяся во-время, добыча и укрощеніе упомянутыхъ выше генералъ-маіоровъ, сдѣланное парламентомъ по внушенію Его Высочества, привело націю въ очень хорошее и радужное расположеніе.

Исторія Нэлера, упомянутаго уже квакера, на дѣло котораго парламентъ потратилъ три драгоцѣнныхъ мѣсяца, представляетъ намъ живой образчикъ тѣхъ фантастическихъ отпрысковъ, которые пуританизмъ пускалъ впродолженіе этого замѣчательнаго періода. Въ Бристолѣ осенью 1655 года можно было видѣть маленькую вереницу изъ восьми человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ одни верхомъ, другіе пѣшкомъ тащились

сквозь слякоть и дождь по городскимъ улицамъ къ Гай-Кроссу. Въ серединѣ толпы, отдѣльно отъ другихъ, ѣдетъ сухопарый человѣкъ съ длинными, рѣдкими волосами, на которые надвинута шляпа, и съ массивными челюстями, которыя сжались въ угрюмомъ молчаніи, въ то время какъ онъ подвигается среди пискливыхъ «Осанна» двухъ женщинъ, идущихъ у его узды. Человѣкъ, котораго ведутъ такимъ образомъ, играетъ роль Христа, за котораго онъ выдаетъ себя. Въ слѣдующую зиму онъ ѣдетъ лицомъ къ хвосту, съ клеймомъ и пробуравленнымъ языкомъ, и отсылается щипать пеньку и жить на хлѣбѣ и водѣ за свои сумасбродства.

Въ февралѣ 1657 года Пакъ, одинъ изъ лондонскихъ альдерменовъ читаетъ въ палатѣ бумагу, которая, хотя и названная сперва «Увѣщаніемъ» (Remonstrance), мало по малу переходитъ въ *нижайшее прошеніе и мнѣніе* (Humble Petition and Advice), и восемнадцать статей образуютъ затѣмъ вторую хартію республики. Когда появились эти статьи на пергаментѣ, то обнаружилась *очень важная вещь*,—а именно лорду-протектору предлагалось принять титулъ *короля*. Большинство изъ бывшихъ генералъ-маіоровъ и военной партіи вообще тревожно поднялись на ноги при вѣсти объ этомъ. Юристы почти всѣ до одного стоятъ за предложеніе. Бунтъ Пятаго царства въ Майль-Эндѣ, руководимый бочаромъ Веннеромъ, прерываетъ вдругъ совѣщаніе между Оливеромъ и коммисіею девяноста девяти, которые улаживаютъ дѣло. Эскадронъ конницы прекращаетъ бунтъ, и «пятое царство заперто на замокъ». Затѣмъ опять всплываетъ дѣло о королевскомъ санѣ. Оливеръ, съ Тёрло, Брогхилемъ и немногими приближенными, за трубкой спокойно бесѣдуетъ въ какомъ нибудь уютномъ покоѣ Уайтголла о предложеніи, разнообразя случайными риѳмами свои рѣчи. Наконецъ онъ принимаетъ окончательное рѣшеніе, внутренно съ большимъ прискорбіемъ, какъ мы можемъ судить по разнымъ обстоятельствамъ, и отказывается отъ титула короля, принимая «прошеніе и совѣтъ» съ опущеніемъ одного этого пункта. Теперь должна явиться палата лордовъ, и главному магистрату предоставляется право назначить преемника Оливеру.

Великія вѣсти съ моря. Блэкъ былъ у Тенериффа въ погонѣ за испанскими кораблями съ серебромъ. Онъ нашелъ свою добычу въ бухтѣ Санта-Круца, гдѣ берегъ, имѣющій видъ подковы, былъ усаженъ пушками съ разинутыми зѣвами. Корабли стояли на якорѣ у входа и по изгибу бухты, сторожа какъ драконы серебро и готовые окатить смертельнымъ огнемъ врага, который осмѣлится довольно близко подойти къ нимъ. Блэкъ хладнокровно входитъ въ бухту, заставляетъ замолчать испанцевъ ревомъ своей англійской каннонады, купаетъ конусъ вул-

каническаго острова въ красномъ свѣтѣ горящихъ кораблей и торжественно удаляется съ добычей изъ гавани, усѣянной обломками (20-го апрѣля 1657 года). Это была послѣдняя и величайшая его побѣда. Водянка и цынга, усиленныя постоянными тревогами трехъ-лѣтней морской жизни, отмѣтили его, какъ свою добычу. И когда «Сентъ-Джоржъ» входилъ въ Плимутскій проливъ 7-го августа, величайшій морякъ своего вѣка, котораго сердце недавно такъ страдало тоскою по родинѣ и ногѣ котораго не придется уже болѣе ступить на родную землю, испустилъ послѣдній вздохъ своей доблестной жизни, которая такъ безстрашно и радостно была посвящена его странѣ. Умеръ Блэкъ, и Оливеру скоро тоже придется разстаться съ жизнью! Великія свѣточи пуританизма гаснутъ въ Англіи. Но вотъ передъ нами сѣдой старикъ, славный трудъ котораго будетъ еще длиться годы среди нужды и горя.

Второй разъ наслаждался Оливеръ почестями вступленія въ протекторатъ, теперь даже съ большей торжественностью, чѣмъ прежде. Въ блестящемъ присутствіи парламента, альдерменовъ, судей и посланниковъ, онъ принялъ мантію изъ пурпуроваго бархата, богато вызолоченную библію, шпагу и скипетръ изъ массивнаго золота. Рѣчи, трубы, молитвы и радостные крики закончили не менѣе пышную церемонію. Пятница, 26-го іюня 1657 года, была блестящимъ днемъ.

До совершенія этой церемоніи, шеститысячная армія подъ начальствомъ генерала Рейнольдса высадилась близъ Булони (23 и 14 мая), съ цѣлью содѣйствовать французамъ въ нападеніи на три испанскіе порта — Гравелинъ, Мардикъ и Дюнкирхенъ. Корабли Монтэгю съ тою же цѣлью крейсировали вдоль низменнаго берега. Сначала немного задерживаемыя увертками со стороны Мазарини, англійскія копья и пушки наконецъ серьезно принялись за дѣло.

Созданіе новой палаты лордовъ возвѣстило открытіе второй сессіи теперешняго парламента. Выбравши нѣкоторыхъ изъ палаты общинъ и сгребши всѣхъ пэровъ — только шестерыхъ — которые позволили сгрести себя, Оливеръ занесъ около шестидесяти трехъ именъ въ свою книгу пэровъ. Между ними стояли впереди его старые офицеры, маршалы протектората, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. башмачникъ Юсонъ (Hewson), теперь генералъ-маіоръ, вышли изъ низшихъ слоевъ народа. Созданіе этой палаты отвлекло лучшія силы отъ партіи протектора въ палатѣ общинъ.

Когда парламентъ собрался на вторую сессію 20-го января 1658 года, «исключенные члены», благодаря посредничеству «прошенія и совѣта», были допущены, подъ условіемъ присяги. Газельригъ, вызванный въ палату лордовъ, не соглашается

идти, а требуетъ принесенія присяги въ качествѣ члена нижней палаты. Это даетъ начало смутамъ. Подъ конецъ, палата общинъ не хочетъ признавать этой скороиспеченной верхней палаты, и протекторъ, упрекая сурово членовъ за раздоры въ то время, когда Карлъ Стюартъ готовъ высадиться съ арміей на берега Англіи, распускаетъ парламентъ 4-го февраля.

Съ этихъ поръ до той минуты, когда ознобъ смерти парализуетъ эту мощную руку, она управляетъ одна. Густыя тучи опасностей безпрерывно поднимались дома и собирались извнѣ, а Оливеръ безстрашно шелъ своей дорогой. 25-го мая верховный судъ, болѣе чѣмъ изъ ста тридцати членовъ, разбиралъ въ Вестминстерѣ дѣло двухъ роялистовъ, сэра Генри Слингсби, который покушался подкупить своихъ тюремщиковъ въ Гуллѣ, и доктора Гьюета, который произнесъ мятежную проповѣдь въ церкви Св. Григорія. Они были обезглавлены на Тоуэръ-Гиллѣ. Суровые уроки были необходимы, ибо шмелиное гнѣздо измѣнниковъ и убійцъ шумно и озлобленно жужжало вокругъ исполина-правителя, вонзая въ него свои жала, подобно той негодной книженкѣ, озаглавленной «Killing No Murder» (убійство не преступленіе), въ которой какой-то фанатикъ — Титусъ или Сэксби — объявлялъ, что убійство Оливера было бы справедливымъ и патріотическимъ дѣломъ. Но ни пороху, ни яду, ни стали не суждено было *прервать* нить этой жизни, теперь износившуюся до тончайшей паутинки.

Между тѣмъ песчаные холмы кругомъ Дюнкирхена были свидѣтелями тріумфа союзнаго оружія. Рейнольдсъ, потерпѣвшій крушеніе и утонувшій на Гудвинскихъ меляхъ, былъ замѣщенъ доблестнымъ Локгартомъ, который оказываетъ знаменитую помощь маршалу Тюренну при осадѣ приморскихъ городовъ Фландріи. Согласно договору, Дюнкирхенъ переданъ протектору, который получаетъ его ровно сто лѣтъ спустя послѣ окончательной потери Калэ англійской короной.

Между послѣдними бумагами общественной жизни Оливера находится ревностная защита преслѣдуемыхъ піемонтцевъ. Великій во всѣхъ своихъ дѣлахъ, онъ особенно является величественнымъ передъ нашими глазами въ тѣ минуты, когда отъ домашнихъ раздоровъ и иноземныхъ завоеваній онъ обращается, съ своими нѣжными сѣрыми глазами, искрящимися жалостью, прикрыть своею, болѣе чѣмъ королевской властью дрожащихъ и безпріютныхъ изгнанниковъ, которые вскормили пламя чистаго религіознаго чувства среди опоясанныхъ снѣгами долинъ Альпъ.

И это въ то время, когда глубокое горе разъѣдало его суровое, но чрезвычайно любящее сердце. Въ это самое время лежала при смерти Елизавета Клейполь, терзаемая самою тяжелою

болѣзнью, какая только можетъ поразить человѣка. 6-го августа она испустила послѣдній вздохъ въ Гэмитонскомъ дворцѣ, любимомъ жилищѣ своего отца. Ударъ нанесъ ему глубокую и смертельную рану. Боевые и кабинетные труды, бури революціи и неугомонныя жала тысячи мелкихъ враговъ разъѣли жизненную мощь до такой тонкой нити, что это несчастіе окончательно подорвало ее. Когда онъ переѣхалъ въ Уайтголлъ, ища лучшаго воздуха, доктора сказали, что онъ ложится на смертный одръ. Въ понедѣльникъ ночью, передъ его смертью, въ промежуткахъ между сильнымъ ревомъ вѣтра, который потрясалъ даже громаднѣйшія деревья Лондона, слышался слабый голосъ, торжественными звуками выходящій изъ постели больнаго. Умирая, Оливеръ молился за свой народъ, одинаково — и за цѣнившихъ его, и за тѣхъ, кто искалъ или желалъ его смерти. Въ исторіи нѣтъ картины болѣе торжественной и патетической. Англичанинъ, величайшій изъ всѣхъ видѣнныхъ съ тѣхъ поръ вѣками, достигъ берега той мрачной рѣки, которую переплыть придется намъ всѣмъ; и когда онъ скользитъ ужъ на краю смерти, мужественно и искусно выполнивши дѣло своей жизни, онъ не полагается ни на какія свои заслуги, чувствуя, что онъ, по его собственному выраженію, «бѣдный червякъ», но ищетъ успокоенія; у Того, чья воля всегда была его путеводной звѣздой. Такъ онъ заснулъ. Въ пятницу утромъ, 3-го сентября, лишившись языка, въ четыре часа вечеромъ онъ скончался. Дважды въ прежнее время это сентябрьское солнце заходило надъ Оливеромъ на полѣ побѣды; теперь оно смотрѣло сквозь окна Уайтголла на спокойную фигуру человѣка, вышедшаго побѣдителемъ изъ болѣе трудной борьбы.

(History of England. Dr. Collier. 1868, стр. 344—367).

7. ХАРАКТЕРИСТИКА КРОМВЕЛЛЯ.

Кромвелль провелъ свою юность и первую часть зрѣлаго возраста въ занятіяхъ гражданскихъ. Онъ не прежде сорока слишкомъ лѣтъ отъ роду увидѣлъ въ первый разъ войну. Онъ долженъ былъ сперва образовать себя, а потомъ образовать свои войска. Изъ необученныхъ рекрутъ онъ создалъ армію, самую храбрую и наилучше дисциплинированную, самую спокойную въ мирное и самую грозную въ военное время, какую когда-либо видѣла Европа. Онъ вызвалъ ее къ бытію, онъ водилъ ее къ побѣдамъ. Ему не случалось вступить въ бой и не одержать побѣды. Ему не случалось одержать побѣду и не уничто-

жить противную армію. Но его побѣды не составляли еще главнаго торжества его военной системы. Уваженіе, которое войска его оказывали собственности, ихъ привязанность къ законамъ и религіи своего отечества, ихъ покорность гражданской власти, ихъ умѣренность, разсудительность, трудолюбіе — ни съ чѣмъ не могутъ сравниться. Духъ, внушенный этому войску его великимъ предводителемъ, выказался особенно ярко послѣ Реставраціи. По приказанію установленнаго правительства, не имѣвшаго никакихъ средствъ принудить къ повиновенію 50,000 воиновъ, которыхъ тыла еще не видалъ никакой врагъ ни въ междоусобной, ни въ континентальной войнѣ, — сложили оружіе, возвратились въ массу народа и съ этого времени отличались отъ прочихъ членовъ спасенной ими общины только отмѣннымъ прилежаніемъ, воздержностью и порядкомъ въ мирныхъ занятіяхъ. Кромвелль былъ мужъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Онъ обладалъ въ высшей степени той мужескою и взрослою крѣпостью духа, тѣмъ равномѣрно распредѣленнымъ умственнымъ здоровьемъ, которое — если мы только не увлекаемся національнымъ пристрастіемъ — всегда особенно характеризовало великихъ людей Англіи. Не было еще до сихъ поръ правителя, такъ очевидно рожденнаго для верховной власти. Чаша, которая опьянила почти всѣхъ другихъ, его отрезвила. Духъ его, не знавшій покоя въ низшей сферѣ, вслѣдствіе постояннаго паренія кверху, отдохнулъ наконецъ въ величественномъ спокойствіи, лишь только достигъ свойственнаго ему уровня. У него не было ничего общаго съ многочисленнымъ классомъ людей, отличающихся въ низшихъ должностяхъ и явно обнаруживающихъ свою неспособность, лишь только общественный голосъ призываетъ ихъ стать во главѣ. Какъ ни быстро возрастало его значеніе, умъ его расширился еще быстрѣе. Не имѣя никакого значенія, какъ частный гражданинъ, онъ былъ великимъ полководцемъ и еще болѣе великимъ правителемъ. Наполеонъ имѣлъ театральную манеру, въ которой грубость революціонерной казармы смѣшивалась съ церемонностью Версальскаго двора. Кромвелль, по сознанію даже его враговъ, проявлялъ въ своемъ обращеніи простое и естественное благородство человѣка, который не стыдился своего происхожденія и не чванился своимъ возвышеніемъ, — человѣка, который нашелъ себѣ настоящее мѣсто въ обществѣ и чувствовалъ въ себѣ увѣренность, что способенъ занимать его. Невзыскательный до фамиліарности тамъ, гдѣ замѣшано было его личное достоинство, онъ былъ щекотливъ только за свое отечество. Онъ предоставлялъ свойствамъ своимъ говорить самимъ за себя; отдавалъ ихъ подъ защиту тѣхъ побѣдъ, которыя одержалъ на войнѣ, и тѣхъ преобразованій, которыя сдѣлалъ въ мирное время.

Но онъ былъ ревностный и неутомимый стражъ общественной чести. Онъ снесъ обиду отъ сумасшедшаго квакера въ галереѣ Вайтгольскаго дворца и отмстилъ ему только тѣмъ, что освободилъ его изъ тюрьмы и угостилъ обѣдомъ. Но для отмщенія за кровь всякаго англичанина, онъ готовъ былъ рѣшиться на всѣ случайности войны.

Никакой монархъ не приносилъ еще на престолъ такого множества лучшихъ свойствъ средняго сословія, такой сильной симпатіи къ чувствамъ и интересамъ своего народа. Онъ былъ иногда склоненъ прибѣгать къ произвольнымъ мѣрамъ, но имѣлъ возвышенное, прямое, честное англійское сердце. Отъ этого-то происходило, что онъ любилъ окружать престолъ свой такими людьми, какъ Гэль и Блэкъ. Отъ этого-то происходило, что онъ предоставлялъ своимъ подданнымъ такую обширную долю политической свободы, и что, даже въ то время, когда оппозиція, опасная для его власти и личности, почти принуждала его управлять посредствомъ меча, онъ заботился о томъ, чтобы оставить зародышъ, изъ котораго, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли бы развиться свободныя учрежденія. Мы твердо увѣрены, что, еслибы его первый парламентъ не открылъ своихъ засѣданій споромъ противъ его правъ, то правительство его отличалось бы столько же кротостью въ дѣлахъ внутренняго управленія, сколько энергіею и мудростью во внѣшнихъ отношеніяхъ. Онъ былъ воинъ; онъ возвысился посредствомъ войны. Еслибы честолюбіе его имѣло гнусный или эгоистическій характеръ, то ему легко было бы ввергнуть свою страну въ континентальныя войны и ослѣпить находившіяся подъ управленіемъ его безпокойныя партіи блескомъ своихъ побѣдъ. Нѣкоторые изъ его враговъ насмѣшливо замѣчали, что въ побѣдахъ, одержанныхъ во время его правленія, онъ не принималъ личнаго участія; какъ-будто человѣкъ, возвысившійся изъ ничтожества до власти единственно своими военными способностями, могъ бы имѣть какія-нибудь недостойныя причины уклоняться отъ участія въ войнѣ. Упрекъ этотъ составляетъ его величайшую славу. Въ успѣхахъ англійскаго флота онъ не могъ имѣть никакого личнаго интереса. Тріумфы флота ничего не прибавляли къ славѣ Кромвелля; увеличеніе флота не давало ему новыхъ средствъ держать въ страхѣ своихъ враговъ; великій предводитель флота не былъ ему другомъ. А между тѣмъ Кромвелль съ особеннымъ удовольствіемъ поощрялъ этотъ родъ службы, который изъ всѣхъ орудій, употреблявшихся въ дѣло англійскимъ правительствомъ, составляетъ самое безсильное въ дѣлѣ зла, и самое могущественное въ добромъ дѣлѣ. Управленіе Кромвелля было полно славы, но не простой славы. Это не былъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ па-

пряженныхъ, судорожныхъ усилій, за которымъ необходимо слѣдуетъ слабость и утомленіе. Энергія его была естественна, здрава и умѣрена. Онъ поставилъ Англію во главѣ протестантскихъ интересовъ и въ ряду первѣйшихъ христіанскихъ государствъ. Онъ научилъ всѣ націи цѣнить ея дружбу и страшиться ея вражды. Но онъ не расточалъ средствъ ея на тщеславныя попытки доставить ей то преобладаніе, котораго, при новѣйшей системѣ политики въ Европѣ, ни одно государство не можетъ безопасно добиваться или долго сохранить.

Эта благородная и умѣренная мудрость была должнымъ образомъ вознаграждена. Если онъ не вносилъ съ тріумфомъ знамена республики въ отдаленныя столицы; если онъ не украшалъ Уайтголля добычею, взятою изъ Ратуши и Лувра; если онъ не дѣлилъ Фландрію и Германію на княжества для своихъ родственниковъ и своихъ генераловъ, зато, съ другой стороны, онъ не видѣлъ страну свою наводненную арміями народовъ, выведенныхъ изъ терпѣнія его властолюбіемъ. Онъ не влачилъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни въ изгнаніи и заточеніи, въ нездоровомъ климатѣ и подъ надзоромъ невеликодушнаго стража, сгорая безплоднымъ желаніемъ мести и не разставаясь съ призраками улетѣвшей славы. Онъ сошелъ въ могилу во всей полнотѣ могущества и славы, оставивъ своему сыну такую власть, которую могъ бы сохранить всякій человѣкъ съ обыкновенною твердостью и благоразуміемъ.

Еслибъ не слабость этого глупаго Евсеея, то мнѣнія, которыя мы только что высказали, составляли бы теперь, мы полагаемъ, благочестивое вѣрованіе всякаго добраго англичанина. Мы, можетъ быть, писали бы теперь подъ правленіемъ Его Высочества Оливера V или Ричарда IV, Божіею милостію протектора республики Англійской, Шотландской и Ирландской и владѣній, къ ней принадлежащихъ. Изображеніе великаго основателя династіи на конѣ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ предводительствовалъ аттакою при Нэзби, или въ такомъ, какъ онъ былъ въ ту минуту, когда взялъ булаву со стола въ нижней палатѣ, — украшало бы теперь наши площади и смотрѣло бы съ высоты Чарингъ-Кроса на всѣ наши присутственныя мѣста, въ честь ему произносились бы, въ его счастливый день 3-го сентября, надлежащимъ образомъ, проповѣди придворными капелланами, не причастными къ дѣлу ношенія стихаря.

Но, несмотря на то, что память его не нашла защиты ни у одной партіи; несмотря на то, что всѣ средства были употреблены, чтобы очернить ее; несмотря на то, что хвалить его считалось долгое время преступленіемъ, подлежавшимъ наказанію, — все-таки истина и достоинство взяли верхъ. Трусы, прежде дрожавшіе при одномъ звукѣ его имени, клевреты правительствен-

ныхъ мѣстъ, которые прежде, подобно Доунингу, гордились бы честью сопровождать его карету, могли теперь оскорблять его въ вѣрноподданическихъ рѣчахъ и адресахъ. Продажные поэты могли переносить на короля тѣ же похвалы, только немного поношенныя, которыми они осыпали протектора. Вѣтренная толпа могла тѣсниться съ криками и насмѣшками вокругъ повѣшенныхъ на висѣлицѣ бренныхъ останковъ величайшаго правителя и воина того времени. Но когда голландская пушка поразила ужасомъ изнѣженнаго тирана въ собственномъ дворцѣ его; когда завоеванія, сдѣланныя войсками Кромвелля, были проданы, чтобы насытить блудницъ Карла; когда англичанъ послали сражаться подъ чужими знаменами противъ независимости Европы и противъ протестантской религіи, — не одно честное сердце втайнѣ обливалось кровью, при мысли о томъ, кто никому, не исключая самого себя, не дозволялъ никогда дурно обращаться съ своимъ отечествомъ. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, должно было быть всякому англичанину видѣть, какъ наемный французскій вицерой, въ самый рѣшительный переломъ его судьбы, шатался по гарему, зѣвалъ и болталъ вздоръ надъ полученною депешою или слюнилъ, въ припадкѣ пьяной нѣжности, своего брата и своихъ придворныхъ; трудно было смотрѣть на все это и не вспомнить съ уваженіемъ и любовію о томъ, предъ чьимъ геніемъ остановилась пристыженною юная гордость Людовика и опытная хитрость Мазарини, кто смирилъ Испанію на сухомъ пути и Голландію на морѣ, чей царственный голосъ остановилъ паруса ливійскихъ пиратовъ и огни преслѣдовавшаго Рима. Даже до настоящаго дня имя его, несмотря на постоянныя нападенія, противъ которыхъ едвали кто когда-либо защищалъ его, популярно въ значительномъ большинствѣ нашихъ соотечественниковъ.

Самымъ предосудительнымъ дѣломъ въ его жизни была смерть Карла. Мы уже произнесли нашъ строгій судъ надъ этимъ дѣйствіемъ, но мы нисколько не считаемъ его такимъ дѣломъ, которое налагало бы особенное клеймо на имена участвовавшихъ въ немъ. Это былъ несправедливый, безразсудный взрывъ неистоваго духа партіи; но это не была ни жестокая, ни коварная мѣра. Она имѣла всѣ свойства, какими отличаются заблужденія великодушнаго и безстрашнаго человѣка отъ низкихъ и злонамѣренныхъ преступленій.

(Маколей. Томъ I. Стр. 180—186).

8. ПРОЦЕССЪ И СМЕРТЬ КОРОЛЯ КАРЛА I.

Верховный судъ собирался въ тайныхъ засѣданіяхъ 8, 10, 12, 13, 15, 17, 18 и 19 января; предсѣдателемъ былъ Джонъ Брадшоу (John Bradschow), двоюродный братъ Мильтона, весьма уважаемый юрисконсультъ; онъ былъ важенъ и кротокъ въ обращеніи, но отличался узкимъ и грубымъ взглядомъ на вещи; онъ былъ фанатикъ по убѣжденію и въ то же время честолюбивъ, склоненъ къ корысти въ денежныхъ дѣлахъ, хотя и готовъ былъ положить душу за свои идеи. Общее смятеніе было такъ велико, что въ самомъ верховномъ судѣ обнаружилось неодолимое разъединеніе: никакими приказаніями, никакими усиліями невозможно было собрать на предварительныя совѣщанія больше 58 членовъ. Ферфаксъ былъ только на первомъ изъ нихъ и больше не являлся. Даже многіе изъ числа являвшихся приходили единственно затѣмъ, чтобъ объявить свое несогласіе; такъ поступилъ, между прочимъ, Алджернонъ Сидней, человѣкъ молодой еще, но имѣвшій уже большое вліяніе въ республиканской партіи; нѣсколько времени онъ жилъ уединенно въ замкѣ Пенсгурстъ, у отца своего лорда Лейстера; но, узнавъ о своемъ назначеніи въ члены верховнаго суда, немедленно отправился въ Лондонъ и, въ засѣданіяхъ 13, 15 и 19 января, хотя дѣло было уже окончательно рѣшено, сильно возставалъ противъ процесса. Онъ опасался преимущественно отвращенія, какое могъ получить народъ къ республикѣ вслѣдствіе этого процесса; даже боялся, что можетъ вспыхнуть внезапное возмущеніе, которое спасетъ короля и безвозвратно погубитъ республику. «Никто не пошевелится!» вскричалъ Кромвелль, выведенный изъ терпѣнія такими пророчествами. «Я говорю вамъ, мы отрубимъ ему голову, и съ короною». «Дѣлайте, что хотите», отвѣчалъ Сидней, «я не могу препятствовать вамъ, но навѣрное не стану участвовать въ этомъ дѣлѣ». Съ этими словами онъ вышелъ и не возвращался болѣе. Судъ, состоявшій, наконецъ, только изъ такихъ членовъ, которые согласились принять на себя это званіе, началъ заниматься установленіемъ формальностей процесса. Джонъ Кокъ, довольно извѣстный адвокатъ и близкій другъ Мильтона, былъ сдѣланъ генеральнымъ прокуроромъ и въ этомъ качествѣ долженъ былъ говорить именемъ общества какъ при начертаніи обвинительнаго акта, такъ и во время преній. Эльсингъ, бывшій до тѣхъ поръ секретаремъ нижней палаты, отказался отъ должности подъ предлогомъ болѣзни; Генри Скобелль былъ выбранъ на его мѣсто. Особенное вниманіе было обращено коммисіею на то, какіе полки и сколько ихъ должно быть на лицо въ теченіе процесса и гдѣ разставить караулы; они были

размѣщены даже на крышахъ; вездѣ, гдѣ изъ какого-нибудь окна можно было видѣть залу, устроили заставы, чтобъ отдѣлить народъ не только отъ судей, но и отъ солдатъ. Наконецъ назначили день (20-е января), въ который король долженъ былъ явиться предъ судилищемъ въ вестминстерской залѣ, а 17 числа, какъ-будто приговоръ уже былъ произнесенъ, палата нарядила особый комитетъ осмотрѣть всѣ дворцы, замки и резиденціи короля и составить подробную опись его движимости, поступавшей отнынѣ въ собственность парламента.

Когда полковникъ Уичкоттъ (Whitchcott), губернаторъ Виндзора, объявилъ королю, что черезъ нѣсколько дней онъ будетъ переведенъ въ Лондонъ, Карлъ отвѣчалъ ему: «Богъ вездѣсущъ и вездѣ равно благъ и всесиленъ». Тѣмъ не менѣе это извѣстіе поразило его сильнымъ, нежданнымъ безпокойствомъ. Онъ прожилъ три недѣли въ самой удивительной безпечности, не получая почти никакихъ извѣстій о рѣшеніяхъ палатъ и убаюкивая себя кой-какими вѣстями, приходившими изъ Ирландіи и обѣщавшими ему скорую помощь; уже давно онъ не былъ такъ самонадѣянъ и даже веселъ. «Черезъ шесть мѣсяцевъ», говорилъ онъ, «миръ будетъ возстановленъ въ Англіи; если же нѣтъ, то я получу довольно средствъ отъ Ирландіи, Даніи и другихъ королевствъ, чтобъ возстановить свои права.» Въ другой разъ онъ сказалъ: «У меня на рукахъ остается три карты, изъ которыхъ самая худшая способна возвратить мнѣ весь проигрышъ». Однакожъ, недавно одно обстоятельство смутило его: почти до послѣднихъ дней пребыванія его въ Виндзорѣ ему оказывали почетъ и служили по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета: онъ обѣдалъ съ большимъ обществомъ, въ парадной залѣ, подъ балдахиномъ; гофмаршалъ, форшнейдеръ, мундшенкъ и метръ д'отель исполняли свои обязанности съ обычными формальностями; подавая ему чашу, становились на колѣно; всѣ блюда приносились закрытыя и пробовались въ его присутствіи; онъ съ важностью наслаждался этими торжественными знаками почета. Вдругъ было получено какое-то письмо изъ главной квартиры, и весь порядокъ измѣнился: солдаты начали приносить блюда непокрытыми, кушанья никто не отвѣдывалъ, на колѣно никто не становился, и обычный этикетъ трона прекратился совершенно. Карлъ былъ глубоко огорченъ этимъ. «Знаками уваженія, въ которомъ мнѣ отказываютъ теперь», сказалъ онъ, «всегда пользовались не только государи, но даже подданные высшаго званія: можетъ ли что быть въ свѣтѣ презрѣннѣе государя, котораго унижаютъ?» Чтобы избѣгнуть этой обиды, онъ сталъ обѣдать одинъ, въ своей комнатѣ, выбирая самъ два или три блюда по картѣ, которую ему приносили.

Въ пятницу, 19 января, отрядъ конницы подъ начальствомъ

Гаррисона, прибылъ въ Виндзоръ, чтобъ увезти короля. На большомъ дворѣ замка ожидала его карета шестернею. Карлъ сѣлъ въ неё и черезъ нѣсколько часовъ снова находился въ Лондонѣ, въ сентъ-джемскомъ дворцѣ; со всѣхъ сторонъ окружала его стража; двое часовыхъ стояли у дверей его комнаты; одинъ Гербертъ былъ оставленъ при королѣ и спалъ возлѣ его постели.

На слѣдующій день, 20 января, около полудня, верховный судъ, собравшись сначала на тайное засѣданіе въ расписной палатѣ парламента, готовился привести въ порядокъ послѣднія подробности возложеннаго на него порученія. Только что окончили они общую молитву, какъ имъ объявили, что тотчасъ явится король, котораго принесли въ закрытыхъ носилкахъ между двумя шпалерами солдатъ. Кромвелль бросился къ окну, но тотчасъ же возвратился блѣдный, хотя и весьма оживленный. «Вотъ онъ, вотъ онъ, господа! Наступилъ часъ великаго дѣла. Рѣшите скорѣе, прошу васъ, что вы станете ему отвѣчать, ибо онъ прежде всего спроситъ васъ: «чьимъ именемъ и какою властью уполномочены вы судить его?» Всѣ молчали. «Именемъ нижней палаты, представляющей парламентъ, и всего добраго англійскаго народа», сказалъ, наконецъ, Генри Мартинъ. Никто не противорѣчилъ. Судъ торжественной процессіей отправился въ Вестминстеръ-Галль; впереди шелъ лордъ-президентъ Брадшоу; передъ нимъ несли мечъ и жезлъ; 16 офицеровъ, вооруженныхъ бердышами, шли передъ судьями. Президентъ сѣлъ въ кресло, обитое алымъ бархатомъ; у ногъ его распоряжался секретарь, у стола, покрытаго богатымъ турецкимъ ковромъ, на которомъ положены были жезлъ и мечъ; налѣво и направо члены суда на скамьяхъ, покрытыхъ пунцовымъ сукномъ; по обоимъ концамъ и нѣсколько выдаваясь передъ трибуналомъ — вооруженные люди. Какъ скоро члены суда заняли свои мѣста, всѣ двери были растворены; толпа хлынула въ залу; когда же возстановилась тишина, прочитали актъ нижней палаты, которымъ учреждался верховный судъ, и приступили къ поименной перекличкѣ: 69 членовъ было на лицо. «Сардженть!» сказалъ Брадшоу, «введите арестанта».

Король вошелъ въ сопровожденіи полковника Гэккера и тридцати-двухъ офицеровъ. У рѣшетки было для него приготовлено кресло, обитое алымъ бархатомъ; онъ дошелъ до него, устремилъ на членовъ судилища пристальный и строгій взглядъ, сѣлъ въ кресло, не снимая шляпы, потомъ снова всталъ, посмотрѣлъ назадъ, на свою стражу, поставленную по лѣвой сторонѣ, и на толпу зрителей, занимавшихъ правую сторону палаты; потомъ еще разъ обвелъ глазами своихъ судей и снова сѣлъ среди всеобщей тишины.

Вдругъ поднялся Брадшоу. «Карлъ Стюартъ, король англійскій»! сказалъ онъ, «нижняя палата англійская, въ качествѣ парламента, глубоко проникнутая чувствомъ бѣдствій, которымъ подвергался народъ, полагая, что вы были главнымъ виновникомъ ихъ, рѣшила преслѣдовать преступленіе судомъ; съ этимъ намѣреніемъ она учредила этотъ верховный судъ, передъ который вы нынѣ являетесь. Вы сейчасъ услышите обвиненія, которыя лежатъ на васъ».

Генеральный прокуроръ Кокъ всталъ было, чтобъ говорить. «Молчите»! сказалъ ему король, дотронувшись тростью до его плеча. Кокъ оборотился съ изумленіемъ и гнѣвомъ. Въ это время у короля упалъ съ трости набалдашникъ; онъ измѣнился въ лицѣ; никого изъ слугъ его не было довольно близко, чтобъ поднять набалдашникъ. Онъ наклонился самъ, поднялъ его, сѣлъ на мѣсто, и Кокъ сталъ читать обвинительный актъ, который, взводя на короля вину всѣхъ бѣдствій, причиненныхъ первоначально его тираніей, а потомъ войною, требовалъ, чтобъ онъ былъ преданъ суду, какъ тиранъ, какъ государственный преступникъ и убійца.

Во все время этого чтенія король продолжалъ сидѣть и спокойно смотрѣлъ то на судей, то на публику; на минуту онъ опять вставалъ, оборачивался спиною къ членамъ суда, чтобъ посмотрѣть назадъ, и снова садился. Лице его ничего не выражало, кромѣ равнодушнаго любопытства. Только, при словахъ: «Карлъ Стюартъ, тиранъ, государственный преступникъ и убійца», онъ началъ смѣяться, хотя и продолжалъ молчать.

Когда чтеніе кончилось, Брадшоу сказалъ королю: «Сэръ, вы слышали актъ, обвиняющій васъ: судъ ожидаетъ вашего отвѣта.

Король. — Я бы желалъ знать, какою властью призванъ я сюда. Недавно еще находился я на островѣ Уайтѣ, въ переговорахъ съ обѣими палатами парламента, обезпеченный общимъ ко мнѣ довѣріемъ. Мы почти рѣшили всѣ условія мира. Я желалъ бы знать, кто далъ вамъ власть — я разумѣю законную власть, потому что на свѣтѣ есть много незаконныхъ властей, напримѣръ власть воровъ и разбойниковъ на большихъ дорогахъ — я желалъ бы знать, говорю я, какою властью вырвали меня оттуда и водятъ съ мѣста на мѣсто, Богъ знаетъ, съ какимъ намѣреніемъ? Когда я узнаю эту законную власть, тогда буду отвѣчать.

Брадшоу. — Еслибъ вамъ угодно было обратить вниманіе на слова, сказанныя вамъ судомъ при вашемъ появленіи, вы знали бы, какая это власть: именемъ англійскаго народа, избравшаго васъ въ короли, требуетъ она, чтобъ вы отвѣчали.

Король. — Нѣтъ сэръ, я отвергаю это.

Брадшоу. — Если вы не признаете власти суда, онъ начнетъ противъ васъ процессъ.

Король. — Я говорю вамъ: никогда не была Англія избирательнымъ королевствомъ; уже около тысячи лѣтъ она есть королевство наслѣдственное. Скажите же мнѣ: какою властью призванъ я сюда? Вотъ подполковникъ Коббетъ: спросите его, развѣ онъ не насильно взялъ меня съ острова Уайта! Я готовъ поддерживать законныя привилегіи нижней палаты не меньше всякаго другаго. Гдѣ же лорды? Я не вижу здѣсь лордовъ, чтобъ составился парламентъ. Потомъ нуженъ былъ бы также и король. Развѣ такъ приводятъ короля къ парламенту...

Брадшоу. — Сэръ, судъ ожидаетъ отъ васъ опредѣленнаго отвѣта. Если сказанное нами о полномочіи нашемъ неудовлетворительно для васъ, то оно удовлетворительно для насъ: мы знаемъ, что оно основывается на волѣ Бога и королевства.

Король. — Ни мое мнѣніе, ни ваше не могутъ рѣшить этого.

Брадшоу. — Судъ слышалъ васъ. Съ вами будетъ поступлено по его приказаніямъ. Уведите арестанта, судъ отлагается до слѣдующаго понедѣльника. — Члены суда разошлись. Король вышелъ съ тѣмъ же конвоемъ, который привелъ его. Вставая, онъ увидѣлъ на столѣ обнаженный мечъ. «Я не боюсь этого» сказалъ онъ, указывая на него тростью. Когда онъ сходилъ съ лѣстницы, раздалось нѣсколько голосовъ, кричавшихъ: «Судить его! судить!» Но гораздо большее число людей кричало: «Да хранитъ Богъ короля! Богъ да хранитъ ваше величество!» Когда, на другой день, судъ снова открылъ свое засѣданіе, оказалось, по перекличкѣ, 62 члена на лицо. Судъ строжайшимъ образомъ предписалъ безусловное молчаніе, подъ угрозой заключенія въ тюрьму. Тѣмъ не менѣе король, при появленіи своемъ, былъ встрѣченъ громкими криками сочувствія. Снова начался прежній споръ, равно упрямый съ той и другой стороны. «Сэръ», сказалъ наконецъ Брадшоу: «мы не допустимъ ни васъ, ни кого другаго оспаривать судебную власть верховной коммисіи: она засѣдаетъ здѣсь по волѣ нижней палаты, предъ которой и вы и всѣ ваши предшественники обязаны отвѣтственностью».

Король.— Я отвергаю это. Покажите мнѣ примѣръ.

Брадшоу всталъ съ гнѣвомъ.

Брадшоу. — Сэръ, мы собрались здѣсь не для того, чтобъ отвѣчать на ваши вопросы: отвѣчайте на то, въ чемъ васъ обвиняютъ: «виноватъ или невиноватъ»!

Король. — Вы еще не выслушали моихъ резоновъ.

Брадшоу.—Сэръ, вы не можете представлять никакихъ резоновъ противъ высшаго изъ всѣхъ судилищъ.

Король. — Покажите мнѣ судебную власть, гдѣ не слушаютъ резоновъ.

Брадшоу. — Сэръ, мы показываемъ её вамъ здѣсь: это англійская нижняя палата. Сарджентъ! уведите арестанта!

Король быстро обернулся къ народу: «Помните» сказалъ онъ ему, «что король Англіи осужденъ, что ему не позволяютъ изложить своихъ резоновъ въ пользу свободы народа».

Раздался почти общій крикъ: «Боже, храни короля!» Засѣданіе слѣдующаго дня, 23-го января, подало поводъ къ подобнымъ же сценамъ. Сочувствіе народа къ королю съ каждымъ днемъ увеличивалось. Тщетно раздраженные офицеры и солдаты, въ свою очередь, кричали грозно: «Суда! казни!» Толпа робѣла и на время умолкала, но, при малѣйшемъ случаѣ, забывала страхъ, и снова раздавались крики: «Боже, храни короля!» Они раздавались даже въ рядахъ войска. Когда король, 33-го января, выходилъ изъ залы, одинъ гвардейскій солдатъ громко закричалъ: «Государь! да благословитъ васъ Господь!» Офицеръ ударилъ его палкой. «Милостивый государь», сказалъ король, удаляясь, «этотъ проступокъ не стоитъ такого наказанія». Въ то же время изъ заграницы получались представленія и дѣлались попытки, которыя хотя и были не довольно сильны и рѣшительны, но тѣмъ не менѣе поддерживали негодованіе народа. Французскій министръ передалъ нижней палатѣ (3-го января) письмо отъ королевы Генріетты Маріи, просившей дозволенія пріѣхать къ своему мужу, чтобъ убѣдить его уступить ихъ желаніямъ — утѣшить его своими ласками. Принцъ валлисскій писалъ къ Ферфаксу и къ совѣту офицеровъ, надѣясь пробудить въ ихъ серцахъ хотя искру вѣрноподданнической преданности. Шотландскіе коммиссары торжественно, отъ имени своего королевства, протестовали противъ всего происходившаго. Говорили о скоромъ прибытіи чрезвычайнаго посольства генеральныхъ штатовъ, которое должно было заступиться за короля. Даже Джонъ Кромвелль, офицеръ голландской службы и двоюродный братъ Оливера, находясь въ Лондонѣ, преслѣдовалъ генералъ-лейтенанта упреками, похожими на угрозы. Открыли и остановили печатаніе рукописи подъ заглавіемъ: *Королевскіе вздохи;* приписывали это сочиненіе самому королю и говорили, что онъ можетъ возбудить возстаніе въ пользу своего освобожденія. Со всѣхъ сторонъ, наконецъ, возникали препятствія, хотя и неважныя, или, по крайней мѣрѣ, новыя причины къ броженію умовъ, которыя должны были, какъ республиканцы надѣялись, исчезнуть, какъ скоро вопросъ будетъ рѣшенъ, но, пока онъ оставался нерѣшеннымъ, затрудняли дѣло съ каждымъ днемъ и увеличивали опасность. Поэтому они рѣшились выйти какъ можно скорѣе изъ этого положенія, сократить всѣ пренія и предоставить королю явиться предъ судомъ только для того, чтобъ выслушать приговоръ. Изъ нѣкотораго уваженія къ закон-

нымъ формамъ, или ради того, чтобъ дать новыя доказательства вѣроломства Карла при переговорахъ, верховный судъ употребилъ 24-е и 25-е января на отобраніе показаній отъ 32-хъ свидѣтелей. 25-го января, въ концѣ засѣданія, король былъ осужденъ, почти безъ всякаго пренія, какъ тиранъ, государственный преступникъ, убійца и врагъ отечества. Скоттъ, Мартинъ, Гаррисонъ, Лиль, Сей, Эйртонъ и Лавъ (Love), должны были составить приговоръ. Въ этотъ день было на лицо только 46 членовъ. 26-го числа присутствовало 62 члена и редакція приговора была въ тайномъ засѣданіи обсуждена и принята. Судъ отложилъ объявленіе его королю до слѣдующаго дня.

27-го января, въ полдень, послѣ двухчасоваго совѣщанія въ Расписной палатѣ, публичное засѣданіе, по обыкновенію, открылось поименною перекличкою. Когда назвали Ферфакса, женскій голосъ отвѣчалъ изъ галерей: «Онъ слишкомъ уменъ, чтобъ быть здѣсь». Послѣ минутнаго замѣшательства, перекличка продолжалась: 67 членовъ было на лицо. Когда король вошелъ въ залу, раздался громкій крикъ: «Казни! суда! казни!» Солдаты сильно шумѣли; нѣкоторые офицеры, въ особенности Акстелль, начальствовавшій надъ стражею, подстрекали ихъ; группы, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ залы, поддерживали эти крики; толпа молчала въ глубокомъ унынiи. «Сэръ», сказалъ король президенту, еще не садясь, «я попрошу позволенія сказать одно слово и, надѣюсь, не подамъ повода прерывать меня.

Брадшоу. — Вы можете отвѣчать, когда до васъ дойдетъ очередь. Выслушайте сперва судъ.

Король. — Сэръ, съ вашего позволенія, я желаю, чтобъ меня выслушали. Я скажу только одно слово. Непосредственный приговоръ....

Брадшоу. — Васъ выслушаютъ, когда будетъ время. Вы должны сперва выслушать судъ.

Король. — Сэръ, я желаю.... То, что я имѣю сказать, относится къ тому приговору, который судъ, какъ я думаю, произнесетъ. Не легко бываетъ, сэръ, брать назадъ приговоръ, произнесенный слишкомъ поспѣшно.

Брадшоу. — Вы будете выслушаны, сэръ, прежде, нежели произнесенъ будетъ приговоръ: до тѣхъ поръ вы должны воздержаться отъ разговоровъ.

При этомъ увѣреніи лицо короля нѣсколько прояснилось; онъ сѣлъ, и Брадшоу началъ снова говорить.

«Господа», сказалъ онъ, «всѣмъ хорошо извѣстно, что арестантъ, предстоящій предъ вами, уже нѣсколько разъ былъ приводимъ въ верховный судъ, чтобъ отвѣчать на обвиненіе въ государственной измѣнѣ и другихъ великихъ преступленіяхъ,

представленное противъ него во имя англійскаго народа...» «Половина народа не участвовала въ этомъ!» закричалъ тотъ же голосъ, который раздался въ залѣ, когда вызывали Ферфакса. «Гдѣ народъ? гдѣ его согласіе? Оливеръ Кромвелль измѣнникъ!»

Все собраніе вздрогнуло. Всѣ обратили глаза на галлерею. «Къ чорту этихъ крикуновъ!» закричалъ Акстелль. «Солдаты! стрѣляйте въ нихъ!»

Узнали леди Ферфаксъ. Всѣ зашумѣли въ залѣ. Солдаты, вездѣ разставленные грознымъ строемъ, едва могли остановить безпорядокъ. Когда, наконецъ, водворилось нѣкоторое спокойствіе, Брадшоу упомянулъ объ упорномъ сопротивленіи короля отвѣчать на обвиненія, о всеобщей извѣстности его преступленій, и объявилъ, что верховный судъ, уже постановившій приговоръ, тѣмъ не менѣе еще до его произнесенія согласенъ выслушать защиту арестанта, если только король не будетъ оспаривать его судебной власти.

«Я желалъ», сказалъ король, «чтобъ лорды и члены нижней палаты выслушали меня въ Расписной палатѣ: я хочу говорить объ одномъ предложеніи, которое гораздо важнѣе для мира королевства и для свободы моихъ подданныхъ, нежели для моего собственнаго спасенія».

Сильное волненіе распространилось по всей залѣ. Друзья и враги короля старались угадать, съ какою цѣлью онъ требуетъ этой конференціи съ палатами, и что онъ можетъ имъ предложить? Объ этомъ ходило множество разныхъ слуховъ. Большая часть предполагала, что онъ отречется отъ престола въ пользу сына своего. Но, какъ бы то ни было, члены суда чрезвычайно смутились; республиканцы, несмотря на свое торжество, должны были бояться потери времени и новыхъ опасностей; поколебались нѣсколько и судьи. Чтобъ отразить опасность, Брадшоу увѣрялъ, что просьба короля ничто иное, какъ уловка, чтобъ еще разъ избѣгнуть судебной власти коммисіи. Завязался долгій и мелочной споръ между судьями по этому предмету. Карлъ все сильнѣе и сильнѣе настаивалъ, чтобъ его выслушали; но съ каждымъ словомъ солдаты, окружавшіе его, становились шумнѣе и стали подвергать его разнымъ оскорбленіямъ. Одни закуривали трубки и пускали дымъ ему въ лице; другіе въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ ворчали на медленность судопроизводства; Акстелль громко смѣялся и острилъ. Нѣсколько разъ король обращался къ нимъ и старался, то движеніями, то словами, заставить ихъ быть внимательными, или, по крайней мѣрѣ, замолчать; ему отвѣчали криками: «суда! казни!» — «Выслушайте меня!...» но начались опять тѣ же крики, а между тѣмъ новое и неожиданное волненіе обнаружилось между чле-

нами суда. Одинъ изъ нихъ, полковникъ Доунсъ, хотѣлъ говорить съ мѣста; два его сосѣда, Коулей и полковникъ Уантонъ, старались удержать его. «Развѣ сердца наши изъ камня?» говорилъ онъ, «развѣ мы не люди? — «Вы погубите насъ и себя съ нами», отвѣчалъ Коулей. — «Нужды нѣтъ», возразилъ Доунсъ. «Еслибъ даже пришлось поплатиться жизнью, я долженъ это сдѣлать». При этихъ словахъ Кромвелль, сидѣвшій передъ нимъ, быстро обернулся. «Полковникъ!» сказалъ онъ, «въ своемъ ли вы умѣ? О чемъ вы думаете? Развѣ вы не можете сидѣть спокойно?» — «Нѣтъ», возразилъ Доунсъ, «я не могу сидѣть спокойно». Затѣмъ онъ всталъ и, обратившись къ президенту, сказалъ: «Милордъ! совѣсть моя еще не такъ просвѣщена, чтобъ позволить мнѣ отвергать просьбу арестанта. Я прошу, чтобъ судъ удалился для совѣщанія объ этомъ». Брадшоу съ важностью отвѣчалъ: «Такъ какъ одинъ изъ членовъ желаетъ этого, то судъ долженъ удалиться». И всѣ тотчасъ перешли въ сосѣднюю залу.

Какъ скоро они вошли туда, Кромвелль рѣзко сталъ порицать полковника, требуя у него отчета, почему онъ обезпокоилъ судъ и причинилъ безпорядокъ. Доунсъ защищался слабо, говоря, что, можетъ быть, предложенія короля были бы удовлетворительны; что, наконецъ, никто не желалъ и до сихъ поръ не желаетъ ничего, кромѣ вѣрныхъ и твердыхъ гарантій; что, не зная предложеній короля, нельзя и отвергать ихъ; что, наконецъ, должно было по крайней мѣрѣ выслушать его и показать уваженіе къ самымъ простымъ законамъ человѣческаго права. Кромвелль слушалъ его, грубо обнаруживая свое нетерпѣніе, и прерывалъ на каждомъ словѣ. «Наконецъ мы узнали», сказалъ онъ, «какія важныя причины побудили полковника обезпокоить насъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ, что имѣетъ дѣло съ самымъ непреклоннымъ смертнымъ на свѣтѣ. Статочное ли дѣло, чтобъ судъ позволялъ упрямству одного развлекать и останавливать дѣйствія суда? Мы хорошо видимъ, въ чемъ тутъ дѣло: ему хотѣлось бы спасти своего стараго господина. Полно! Лучше возвратимся на мѣста свои и будемъ исполнять свою обязанность». Старанія полковника Гарвея и нѣкоторыхъ другихъ поддержать желаніе Доунса были напрасны: ихъ скоро заставили замолчать. Черезъ полчаса судъ уже продолжалъ свое засѣданіе, и Брадшоу объявилъ королю, что его предложеніе отвергнуто.

Карлъ почувствовалъ, что дѣло проиграно; онъ настаивалъ еще на своемъ требованіи, но слабо. «Если вы не имѣете ничего больше сказать, то судъ приступитъ къ произнесенію приговора», сказалъ Брадшоу. «Я ничего не прибавлю», отвѣчалъ король, «и желалъ бы только, чтобъ мои слова были занесены

въ протоколъ». Не отвѣчая на это, Брадшоу объявилъ королю, что ему сейчасъ прочтется приговоръ. Прежде, чѣмъ приказать читать его, Брадшоу произнесъ длинную рѣчь, въ которой торжественно оправдывалъ поведеніе парламента, припоминалъ всѣ несправедливости короля и винилъ его одного во всѣхъ бѣдствіяхъ междоусобной войны, потому что, вслѣдствіе его тираніи, сопротивленіе стало не только необходимостью, но даже долгомъ. Языкъ оратора былъ жестокъ и желченъ, но въ то же время важенъ и почтителенъ; онъ не позволилъ себѣ ни одного оскорбленія, и видно было, что говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, хотя и не могъ скрыть нѣкотораго озлобленія. Король, не прерывая его, слушалъ рѣчь съ неизмѣняющеюся важностью; но когда она стала подходить къ концу, онъ видимо смутился. Когда Брадшоу кончилъ, онъ хотѣлъ было снова заговорить. Брадшоу воспротивился этому и велѣлъ секретарю читать приговоръ. Послѣ прочтенія его, Брадшоу сказалъ: «Вотъ мнѣніе, актъ и единогласный приговоръ верховнаго суда». И всѣ члены встали, въ знакъ своего согласія. «Сэръ», сказалъ внезапно король, «угодно ли вамъ выслушать мои слова?»

Брадшоу. — Сэръ, вы не можете говорить послѣ объявленія приговора.

Король. — Не могу, сэръ?

Брадшоу. — Нѣтъ, сэръ, съ вашего позволенія, сэръ. Солдаты! уведите арестанта.

Король. — Я могу говорить, когда приговоръ уже объявленъ... какъ вамъ угодно, сэръ, я все-таки могу говорить послѣ объявленія приговора... Позвольте.. Погодите... приговоръ, сэръ... Я говорю, сэръ, что... Мнѣ не даютъ говорить! Какого же правосудія могутъ ожидать другіе?»

Тутъ его окружили солдаты и, уведя отъ рѣшетки, силою повели къ тому мѣсту, гдѣ ожидали его носилки. Сходя съ лѣстницы, онъ долженъ былъ вытерпѣть самыя грубыя оскорбленія: одни бросали ему подъ ноги раскуренныя трубки, другіе пускали ему дымъ въ лицо; всѣ кричали ему въ уши: «суда! казни!» Но среди этихъ криковъ раздавались другія восклицанія народа: «Да сохранитъ Богъ ваше величество! Да освободитъ Господь ваше величество отъ рукъ враговъ вашихъ!» Пока онъ еще не сѣлъ въ носилки, носильщики стояли безъ шапокъ, хотя Акстелль сердился и даже билъ ихъ за это. Наконецъ его понесли въ Уайтголлъ. Войска занимали шпалерами обѣ стороны улицы; передъ лавками, у воротъ домовъ, у оконъ стояла несмѣтная толпа народа; одни молчали, другіе плакали, третьи молились вслухъ за короля. Солдаты безпрестанно возобновляли свои крики: «суда! суда! казни! казни!», ликуя свою побѣду. Но Карлъ уже перешелъ къ своему обычному спокойствію и, будучи слиш-

комъ гордъ, чтобъ вѣрить искренности ихъ ненависти, онъ сказалъ, выходя изъ носилокъ: «Бѣдные люди! они за шиллингъ готовы кричать то же самое противъ своихъ офицеровъ!»

Возвратившись въ Уайтголлъ, онъ сказалъ: «Слушайте, Гербертъ, племянникъ мой, принцъ-избиратель и нѣкоторые лорды, привязанные ко мнѣ, употребятъ всѣ усилія, чтобъ увидѣть меня: я имъ благодаренъ за это, но время мое коротко и дорого; я хочу позаботиться о душѣ и потому, надѣюсь, что они не обидятся, если приму только дѣтей. Самая большая услуга, какую они могутъ оказать мнѣ, состоитъ въ томъ, чтобъ помолиться обо мнѣ». Въ самомъ дѣлѣ, онъ велѣлъ призвать своихъ маленькихъ дѣтей, принцессу Елизавету и герцога глостерскаго, оставшихся подъ охраненіемъ парламента, и пригласилъ также къ себѣ лондонскаго епископа Джаксона (Jaxon), отъ котораго онъ уже нѣсколько разъ получалъ утѣшенія религіи при посредничествѣ Гуга Петерса. И то и другое было ему дозволено. На слѣдующій день, 28 января, епископъ пріѣхалъ въ Сент-Джемсъ, куда снова перевезли короля; приближаясь къ нему, онъ не могъ скрыть своей печали. «Полноте, милордъ», сказалъ ему Карлъ, «намъ некогда заниматься этимъ; подумаемъ о нашемъ великомъ дѣлѣ: я долженъ приготовиться предстать предъ Бога, которому скоро долженъ буду отдать отчетъ. Я надѣюсь, что совершу этотъ переходъ спокойно и что вы не откажетесь напутствовать меня. Не будемъ говорить объ этихъ несчастныхъ, у которыхъ я въ рукахъ: они жаждутъ моей крови и получатъ её — да будетъ воля Божія! Я благодаренъ Господу. Я прощаю всѣмъ отъ всего сердца... Но не будемъ больше говорить объ этомъ». Онъ провелъ остальную часть дня въ благочестивыхъ бесѣдахъ съ епископомъ. Съ трудомъ получили они позволеніе остаться одни въ комнатѣ, въ которую полковникъ Гэккеръ поставилъ было двухъ часовыхъ; а пока Джаксонъ былъ у короля, часовой, стоявшій у двери, отъ времени до времени отворялъ ее, чтобъ увѣриться, тутъ-ли король. Какъ онъ ожидалъ, принцъ-избиратель, племянникъ его, герцогъ Ричмондъ, маркизъ Гертфордъ, графы Соутэмптонъ, Линдсей и нѣкоторые изъ его старыхъ слугъ явились къ нему, но онъ не принялъ ихъ. Въ этотъ же день прибылъ изъ Гаги Сеймуръ, дворянинъ, состоявшій на службѣ у принца валлисскаго, съ письмомъ отъ принца. Король велѣлъ впустить его. Прочитавъ письмо, онъ бросилъ его въ огонь, далъ посланному отвѣтъ и тотчасъ отпустилъ его. На слѣдующій день, 29 января, епископъ пришелъ въ Сент-Джемсъ на самомъ разсвѣтѣ. Окончивъ утреннія молитвы, король велѣлъ подать себѣ ящичекъ, въ которомъ лежали изломанные кресты орденовъ Св. Георгія и Подвязки. «Вотъ», сказалъ онъ Джаксону и Герберту, «един-

ственное богатство, которое я могу оставить дѣтямъ». Ихъ привели къ королю. Увидя его, принцесса Елизавета, которой было 12 лѣтъ отъ роду, сильно расплакалась. Принцъ глостерскій, имѣвшій не болѣе 8 лѣтъ, тоже заплакалъ, глядя на сестру. Карлъ посадилъ ихъ на колѣни, раздѣлилъ между ними свои брильянты, утѣшалъ дочь свою, давалъ ей совѣтъ, что она должна читать, чтобъ утвердиться въ вѣрѣ противъ папизма, поручилъ ей сказать братьямъ, что онъ простилъ своимъ врагамъ, а матери, что никогда его мысли не отдалялись отъ нея и что до послѣдней минуты онъ будетъ любить ее, какъ любилъ въ первый день брака; потомъ обратился онъ къ маленькому герцогу и сказалъ ему: «Душенька мой! они отрубятъ голову твоему отцу». Ребенокъ пристально и серьезно смотрѣлъ на него. «Будь внимателенъ, дитя мое... Они отрубятъ мнѣ голову и, можетъ быть, захотятъ объявить тебя королемъ; но, слушай внимательно: ты не долженъ быть королемъ, пока твои братья, Карлъ и Яковъ, будутъ живы, потому что они отрубятъ головы братьямъ твоимъ, если поймаютъ ихъ, и наконецъ отрубятъ ее и тебѣ. Я приказываю тебѣ, не позволяй имъ дѣлать себя королемъ». — «Скорѣе я дамъ изрубить себя въ куски», отвѣчалъ растроганный ребенокъ. Король поцѣловалъ его съ восторгомъ, поставилъ его на полъ, поцѣловалъ дочь, благословилъ обоихъ и молилъ Бога, чтобъ и Онъ благословилъ ихъ. Потомъ, быстро вставая, сказалъ Джаксону: «Велите увести ихъ!» Дѣти рыдали; король стоялъ, прислонившись головой къ окну, и старался глотать слезы. Отворили дверь, дѣти хотѣли выйти; Карлъ поспѣшно бросился отъ окна, обнялъ ихъ еще разъ, благословилъ и, оторвавшись отъ ихъ объятій, упалъ на колѣни и началъ молиться съ епископомъ и Гербертомъ, которые были единственными свидѣтелями этого трогательнаго прощанія.

Въ это самое утро верховный судъ собрался и опредѣлилъ, что казнь должна быть исполнена во вторникъ, 30 января, между десятымъ и пятымъ часами дня. Когда нужно было подписать роковой приговоръ, съ трудомъ могли собрать коммисаровъ; двое или трое самыхъ ревностныхъ стояли у дверей, останавливая тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые проходили мимо ихъ въ залу нижней палаты, и требуя, чтобы они подписывались. Многіе изъ тѣхъ, которые прежде подали голосъ за преданіе короля казни, скрывались или прямо отказывались. Одинъ Кромвелль былъ веселъ, шумѣлъ и кричалъ; онъ предавался самымъ грубымъ выходкамъ своей обычной шутливости; подписавшись третьимъ подъ приговоромъ, онъ вымазалъ чернилами лицо Генри Мартину, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, который тотчасъ отплатилъ ему тѣмъ же. Полковникъ Ингольсби,

двоюродный братъ его, записанный въ числѣ судей, но не присутствовавшій во все время судопроизводства, случайно вошелъ въ залу. «На этотъ разъ», вскричалъ Кромвелль, «онъ не уйдетъ отъ насъ». Съ помощью нѣкоторыхъ другихъ членовъ, онъ, смѣясь, схватилъ его, вложилъ ему перо въ руки и, водя его рукой, заставилъ подписаться. Такимъ образомъ набрано было 59 подписей; нѣкоторые отъ страха, или нарочно, подписались такъ нечетко, что почти нельзя было разобрать ихъ именъ. На полковника Гэккера, полковника Ганкса (Hunchs) и подполковника Фейра (Phayre) было возложено исполненіе приговора. До сихъ поръ чрезвычайные посланники генеральныхъ штатовъ, Альбертъ Іоахимъ и Адріанъ фан-Пау, уже за пять дней передъ тѣмъ прибывшіе въ Лондонъ, напрасно просили палату объ аудіенціи: ни офиціальная просьба ихъ, ни визиты, сдѣланные Ферфаксу, Кромвеллю и нѣкоторымъ другимъ офицерамъ, не помогли. Вдругъ ихъ извѣстили, около 1-го часа, что они будутъ въ два часа приняты лордами, а въ три — нижнею палатою. Они поспѣшно явились и сообщили имъ возложенное на нихъ порученіе; лорды и нижняя палата обѣщали имъ дать отвѣтъ; но, возвращаясь въ свою квартиру, они увидѣли передъ Уайтголлемъ приготовленія къ казни. Посланники французскій и испанскій были у нихъ съ визитомъ, но не хотѣли принять участія въ ихъ представленіяхъ. Первый объявилъ имъ только, что уже давно предвидѣлъ этотъ ударъ и что сдѣлалъ все, чтобъ отвратить его; второй объявилъ, что не получалъ еще отъ двора своего никакихъ повелѣній касательно вмѣшательства, хотя и ожидалъ ихъ съ минуты на минуту. На слѣдующій день, 30-го января, около полудня, Ферфаксъ нѣсколько обнадежилъ голландскихъ пословъ на второмъ свиданіи, которое они имѣли съ нимъ въ домѣ его секретаря. Онъ былъ тронутъ ихъ представленіями и, повидимому, рѣшился выйти изъ своего бездѣйствія; онъ даже обѣщалъ отправиться въ парламентъ, чтобъ просить по крайней мѣрѣ объ отсрочкѣ казни; но, разставаясь съ нимъ, оба посла, предъ самымъ домомъ, гдѣ имѣли съ нимъ разговоръ, встрѣтили отрядъ конницы, который разгонялъ народъ съ площади; всѣ въѣзды къ Уайтголлю и всѣ сосѣднія улицы были тоже наполнены конницею; со всѣхъ сторонъ говорили, что все готово и что король не долго заставитъ ждать себя.

Рано утромъ, въ одной изъ комнатъ Уайтголля, у кровати, въ которой Эйртонъ и Гаррисонъ еще лежали вдвоемъ, собрались Кромвелль, Гэккеръ, Ганксъ, Акстелль и Фейръ, чтобъ заготовить и отправить послѣдній документъ этого страшнаго процесса, именно приказъ палачу. «Полковникъ!», сказалъ Кромвелль, «вамъ слѣдуетъ написать и подписать». Ганксъ упорно

отказывался. «Какой упрямый ворчунъ!», сказалъ Кромвелль. «Дѣйствительно, полковникъ», прибавилъ Акстелль, «вы стыдите меня. Корабль нашъ вступаетъ въ гавань, а вы хотите собрать паруса, не бросивъ якоря». Ганксъ продолжалъ отказываться. Кромвелль сѣлъ, ворча, написалъ собственноручно приказъ и подалъ его полковнику Гэккеру, который подписалъ его безъ возраженій.

Почти въ то же время, послѣ четырехчасоваго глубокаго сна, Карлъ вставалъ съ постели. «Мнѣ надобно кончить важное дѣло», сказалъ онъ Герберту, «нужно скорѣе встать». Онъ началъ одѣваться. Въ своемъ смущеніи, Гербертъ причесывалъ его не такъ тщательно, какъ обыкновенно. «Причешите меня также тщательно, я васъ прошу», сказалъ ему король, «какъ обыкновенно, хотя головѣ моей и недолго оставаться на плечахъ; я хочу нарядиться какъ женихъ». Одѣваясь, онъ велѣлъ подать еще другую рубашку. «Время теперь такое холодное», прибавилъ онъ, «что я, пожалуй, задрожу: люди припишутъ это страху; я не хочу, чтобъ про меня могли сдѣлать такое предположеніе». Еще не разсвѣло совсѣмъ, когда прибылъ епископъ и началъ читать молитвы; онъ читалъ 27 главу Евангелія отъ Матѳея, содержащую описаніе страданій Спасителя. «Милордъ», спросилъ его король, «вы, можетъ быть, выбрали эту главу потому, что она больше другихъ соотвѣтствуетъ моему положенію» — «Прошу, ваше величество, замѣтить, что это нынѣшнее Евангеліе, какъ можете убѣдиться изъ календаря», отвѣчалъ епископъ. Король былъ глубоко тронутъ и сталъ молиться еще усерднѣе. Около 10-ти часовъ кто-то тихонько постучался въ дверь, Гербертъ стоялъ неподвижно; постучались во второй разъ, хотя все еще тихо, но нѣсколько громче. «Посмотрите, кто тамъ», сказалъ король. Это былъ полковникъ Гэккеръ. «Впустите его», сказалъ онъ. «Ваше величество», сказалъ полковникъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ: «пора идти въ Уайтголлъ: вашему величеству еще можно отдохнуть тамъ больше часа». — «Сейчасъ», отвѣчалъ король, «оставьте меня». Гэккеръ вышелъ. Король помолился еще нѣсколько минутъ, потомъ, взявъ епископа за руку, сказалъ: «Пойдемте, Гербертъ, отворите дверь, Гэккеръ зоветъ меня уже второй разъ». И онъ вышелъ въ паркъ, черезъ который долженъ былъ пройти въ Уайтголлъ.

Нѣсколько ротъ пѣхоты ожидало его здѣсь, выстроившись въ два ряда съ каждой стороны; отрядъ алебардщиковъ шелъ впереди съ распущенными знаменами; билъ барабанъ; при грохотѣ его ничего нельзя было разслышать. По правую руку отъ короля шелъ епископъ, по лѣвую, съ обнаженной головой, полковникъ Томлинсонъ, начальникъ гвардіи, котораго Карлъ просилъ остаться съ нимъ до послѣдней минуты. Онъ разговари-

валъ съ нимъ во время дороги, говорилъ съ нимъ о своихъ похоронахъ и о томъ, кому должны быть поручены заботы о нихъ. Лицо короля было свѣтло, глаза ясны, походка тверда; онъ даже шелъ скорѣе солдатъ и удивлялся ихъ медленности. Какой-то офицеръ, надѣясь, вѣроятно, смутить короля, спросилъ его, не содѣйствовалъ ли онъ, вмѣстѣ съ покойнымъ герцогомъ букингэмскимъ, смерти короля, своего отца. «Другъ мой», отвѣчалъ король съ презрѣніемъ, но кротко: «еслибъ это былъ мой единственный грѣхъ, то, клянусь Богомъ, мнѣ не въ чемъ было бы просить у него прощенія. «Достигши Уайтголля, онъ скоро поднялся на лѣстницу и пошелъ чрезъ большую галерею въ свою спальню; здѣсь его оставили одного съ епископомъ, который готовился причастить его Св. Таинъ. Нѣсколько индепендентскихъ священниковъ, въ томъ числѣ Най (Nye) и Гудвинъ (Goodwin), постучались въ двери, предлагая королю свои услуги. «Король молится», отвѣчалъ имъ Джаксонъ. Они не отходили. «Такъ поблагодарите ихъ», сказалъ король епископу, «поблагодарите ихъ отъ меня за ихъ предложеніе, но скажите имъ прямо, что они очень часто безъ всякой причины молились Богу, чтобъ онъ наказалъ меня, и потому имъ не слѣдуетъ молиться со мною въ предсмертный мой часъ. Если хотятъ, они могутъ молиться за меня, я буду имъ благодаренъ». Когда они ушли, король, ставъ на колѣни, причастился Св. Таинъ и, вставая, съ живостью сказалъ: «Теперь пускай приходятъ эти шуты, я имъ простилъ отъ всего сердца; я приготовился ко всему, что со мной случится». Ему приготовили обѣдъ, но онъ не хотѣлъ кушать. «Ваше величество», сказалъ Джаксонъ, «вы ничего не кушали до сихъ поръ; нынче холодно; можетъ быть, на эшафотѣ, отъ слабости.....» — «Ваша правда», отвѣчалъ король, съѣлъ кусокъ хлѣба и выпилъ стаканъ вина. Былъ первый часъ. Гэккеръ постучался; Джаксонъ и Гербертъ пали на колѣни. «Встаньте, старый другъ», сказалъ король епископу, подавая ему руку. Гэккеръ постучался во второй разъ. Карлъ велѣлъ отперетъ дверь. «Идите», сказалъ онъ полковнику, «я слѣдую за вами». Онъ пошелъ черезъ пиршественную залу, гдѣ также стояли солдаты въ два ряда съ каждой стороны; толпа мужчинъ и женщинъ протѣснилась туда съ опасностью жизни и стояла неподвижно за солдатами, молясь за короля, когда онъ проходилъ; солдаты также молчали и не прогоняли ихъ. Въ концѣ залы былъ наканунѣ пробитъ въ стѣнѣ выходъ къ эшафоту, обитому чернымъ сукномъ; два человѣка, въ матроскомъ платьѣ и въ маскахъ, стояли у топора. Король вышелъ, гордо поднявъ голову и, осматриваясь на всѣ стороны, искалъ глазами народа, желая сказать ему нѣсколько словъ, но одни войска покрывали всю площадь. Онъ

обратился къ Джаксону и Томлинсону. «Вы одни можете слышать меня, поэтому я обращаюсь къ вамъ». Онъ сказалъ имъ небольшую рѣчь, заранѣе приготовленную; его слова были важны и спокойны, даже нѣсколько холодны; онъ единственно хотѣлъ подтвердить, что онъ былъ невиноватъ, что истинною причиною народныхъ бѣдствій было неуваженіе правъ государя, что народъ не долженъ участвовать въ управленіи государствомъ и что только при этомъ условіи въ государствѣ можетъ водвориться снова миръ и свобода. Когда онъ говорилъ, кто-то тронулъ сѣкиру; онъ поспѣшно оборотился и сказалъ: «Не портите ее: мнѣ будетъ больнѣе»... Когда онъ кончилъ рѣчь свою, опять кто-то приблизился къ сѣкирѣ. «Берегитесь! берегитесь»! повторилъ онъ съ испугомъ. Всѣ окружавшіе хранили глубокое молчаніе; онъ надѣлъ шелковую шапочку на голову и сказалъ, обращаясь къ палачу: «Не мѣшаютъ ли волосы»? — «Прошу ваше величество подобрать ихъ подъ шапочку», отвѣчалъ палачъ съ поклономъ. Король подобралъ ихъ, съ помощью епископа. «На моей сторонѣ», сказалъ онъ, занимаясь этимъ, правое дѣло и милосердый Богъ». — «Да, государь», отвѣчалъ Джаксонъ, «вамъ остается сдѣлать одинъ шагъ; онъ труденъ и тягостенъ, но не долгъ, а между тѣмъ вы дѣлаете этимъ шагомъ великій переходъ: онъ перенесетъ васъ съ земли на небо» — «Я перейду отъ тлѣннаго вѣнца къ нетлѣнному», отвѣчалъ король, «тамъ мнѣ не нужно опасаться никакихъ треволненій, никакихъ». Потомъ, обратясь къ палачу, онъ спросилъ его: «хорошо ли подобраны волосы»? Онъ снялъ плащъ и крестъ Св. Георгія, передалъ его епископу, прибавивъ: «помните»! снялъ верхнее платье, надѣлъ снова плащъ и, посмотрѣвъ на плаху, сказалъ палачу: «Поставьте её потверже». — «Она стоитъ твердо» отвѣчалъ тотъ. — «Я прочитаю небольшую молитву и когда протяну руки, тогда»... Онъ началъ молиться, прошепталъ про себя нѣсколько словъ, поднялъ глаза къ небу, сталъ на колѣни, положилъ голову на плаху: палачъ дотронулся до его волосъ, чтобъ подобрать ихъ больше подъ шапочку. Король подумалъ, что онъ хочетъ нанести ударъ. «Дожидайтесь знака», сказалъ онъ. — «Я буду ждать, сколько будетъ угодно вашему величеству». Чрезъ минуту король протянулъ руки; палачъ ударилъ — голова пала съ перваго удара. «Вотъ голова государственнаго измѣнника!» сказалъ палачъ, показывая её народу. Глубокій и глухой стонъ пронесся вокругъ Уайтголля; многіе бросились къ подножію эшафота, чтобъ омочить платки въ крови короля. Два отряда конницы, подвигаясь въ противоположныя стороны, медленно разгоняли толпу. Когда никого не осталось около эшафота, подняли тѣло и положили въ гробъ. Кромвелль захотѣлъ видѣть его, пристально посмотрѣлъ на него

и, приподнявъ руками голову, какъ бы для того, чтобъ увѣриться, дѣйствительно ли она отдѣлена отъ туловища, сказалъ: «хорошо сложено было это тѣло: оно обѣщало долгую жизнь».

Гробъ стоялъ семь дней въ Уайтоллѣ. Несмѣтная толпа тѣснилась у дверей, но немногіе получали позволеніе войти. 6-го февраля, по приказанію нижней палаты, онъ былъ переданъ Герберту и Мильдмею, которымъ было разрѣшено предать его землѣ въ виндзорскомъ дворцѣ, въ капеллѣ св. Георгія, гдѣ былъ уже похороненъ Генрихъ VIII. Перенесеніе тѣла совершилось безъ пышности, но пристойно: шесть лошадей, покрытыхъ трауромъ, везли гробъ; за нимъ слѣдовали четыре кареты, изъ которыхъ двѣ были обшиты черным сукномъ; въ нихъ сидѣли послѣдніе слуги короля, тѣ, которые были при немъ на островѣ Уайтѣ. На слѣдующій день, 8 февраля, прибыли въ Виндзоръ, съ дозволенія нижней палаты, герцогъ Ричмондъ, маркизъ Гертфордъ, графы Соутэмптонъ и Линдсей и епископъ Джаксонъ, чтобы присутствовать при погребеніи. Они велѣли вырѣзать на гробѣ только слѣдующія слова:

Король Карлъ
«1648».

Когда переносили тѣло изъ двора въ капеллу, небо, бывшее до того яснымъ и чистымъ, внезапно перемѣнилось, пошелъ густой снѣгъ; черный бархатный покровъ былъ совершенно засыпанъ имъ, и слуги короля находили въ этой неожиданной бѣлизнѣ покрова символъ невинности своего повелителя. Когда процессія достигла мѣста, назначеннаго для погребенія, епископъ Джаксонъ намѣревался служить по обрядамъ англиканской церкви; но губернаторъ замка, Уайтчкоттъ, воспротивился этому. «Служба, предписанная парламентомъ», сказалъ онъ, «обязательна для короля точно также, какъ и для всѣхъ». Ему повиновались и опустили гробъ безъ всякой церковной церемоніи. Когда гробъ былъ опущенъ въ склепъ, всѣ вышли изъ капеллы; губернаторъ заперъ двери. Нижняя палата велѣла представить счетъ издержкамъ, сдѣланнымъ на похороны, и выдала 500 фунтовъ на уплату ихъ. Въ самый день смерти короля, когда еще не успѣлъ выѣхать изъ Лондона ни одинъ курьеръ, палата объявила государственнымъ преступникомъ всякаго человѣка, «кто станетъ провозглашать его наслѣдникомъ, Карла Стюарта, его сына, обыкновенно называемаго принцемъ валлисскимъ, или какое-либо другое лицо, по какому бы то ни было предлогу». 6-го февраля, послѣ долгихъ преній, несмотря на сильную оппозицію 29 голосовъ противъ 44-хъ, та же нижняя палата совершенно уничтожила палату лордовъ. На слѣдующій день, 7-го числа, она приняла слѣдующій актъ: «Опы-

томъ доказано и, вслѣдствіе того, палатою объявляется, что королевское званіе въ этой залѣ безполезно, тягостно и опасно для свободы, безопасности и блага народнаго; поэтому отнынѣ оно уничтожается. Вырѣзали новую государственную печать, на которой съ одной стороны была изображена карта Англіи и Ирландіи съ гербами этихъ странъ, а на оборотѣ засѣданіе нижней палаты, съ надписью, предложенною Генри Мартиномъ: «Первый годъ свободы, возстановленной благословеніемъ Божіимъ, 1648».

Исторія Карла I. Гизо. Часть I, книга VIII. С. Петербургъ, 1859 г.

9. Общій обзоръ царствованія Карла II. (1650—1685 г.)

Послѣ того, какъ Ричардъ Кромвелль сложилъ съ себя санъ протектора, Англія находилась въ опасности подпасть подъ тиранію предводителей арміи. Мысль объ освобожденіи государства отъ насилій военнаго деспотизма была въ это время преобладающею мыслью всѣхъ пламенныхъ патріотовъ. Обстоятельства помогли этому дѣлу. Между генералами возникли раздоры, и приверженцы Стюартовъ хорошо воспользовались ими. Роялисты, епископалы и пресвитеріане, утомленные безпорядками, послали просить Карла о томъ, чтобы онъ возвратился въ свое государство и принялъ корону предковъ. Когда его корабли приблизились къ берегамъ Англіи, дуврскія скалы были покрыты толпами народа; многіе изъ зрителей плакали отъ радости. Каждый спѣшилъ привѣтствовать короля; гремѣла музыка и лился рѣкою эль, за здравье того, который приносилъ съ собою миръ, законъ и свободу.

Старое государственное устройство было возстановлено по общему согласію. Всѣ акты Долгаго Парламента, на которые согласился Карлъ I, приняли полную силу. Вновь прибывшій король сдѣлалъ въ гражданскомъ управленіи одну только уступку, да и та была болѣе нужна роялистамъ, чѣмъ ихъ противникамъ. Повинность землевладѣльцевъ нести воинскую службу въ старину доставляла государству войско; но съ теченіемъ времени все, что было полезно въ этомъ учрежденіи, исчезло и остались однѣ только церемоніи и безплодное обремененіе для помѣщиковъ. Владѣтель земли, считавшейся рыцарскою, долженъ былъ платить большую пошлину. Кромѣ того, онъ не могъ по своей волѣ продать ни одного акра земли. Когда онъ умиралъ и оставлялъ послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей, то король принималъ званіе опекуна и не только имѣлъ право на боль-

шую часть доходовъ, впродолженіе малолѣтія своихъ питомцевъ, но также могъ по своему усмотрѣнію заставлять ихъ вступать въ бракъ. Очень часто придворные льстецы получали отъ короля руку богатой наслѣдницы, состоявшей подъ государственною опекою. Эти злоупотребленія умерли вмѣстѣ съ монархіею; но при возобновленіи ея уже не ожили, что, впрочемъ, было согласно съ желаніемъ всѣхъ помѣщиковъ королевства. Они были уничтожены торжественнымъ статутомъ.

Войска были также распущены, и военная тиранія миновалась, оставивъ глубокіе слѣды въ умахъ общества. О постоянной арміи довольно долго говорили съ негодованіемъ, и замѣчательно, что это негодованіе рѣзче выражалось у роялистовъ, нежели у приверженцевъ Кромвелля, потому что по требованію арміи былъ казненъ Карлъ I, была провозглашена республика, арміею были разорены роялисты. Сто лѣтъ спустя послѣ смерти Кромвелля тори продолжали возставать противъ увеличенія числа солдатъ и допускали только одинъ родъ войскъ — національную милицію.

Карлъ II былъ встрѣченъ съ единодушнымъ восторгомъ, примирившимъ на время всѣ партіи; но вскорѣ возникли споры между круглоголовыми (такъ называлась партія, поддерживавшая Долгій Парламентъ въ войнѣ съ Карломъ I) и роялистами. Первые хотя и соглашались съ тѣмъ, что предшественникъ Карла II былъ государь добрый и благонамѣренный, и осуждали жестокость приговора, объявленнаго ему революціоннымъ трибуналомъ, однако, говорили, что управленіе его было во многихъ случаяхъ противозаконно и что Парламентъ, вооружившись на него, имѣлъ на своей сторонѣ справедливость. Монархія, по мнѣнію круглоголовыхъ, имѣла опасныхъ враговъ въ тѣхъ, которые осуждали всякую оппозицію и называли измѣнниками не только Кромвелля и Гаррисона, но также Пима и Гэмпдена. По мнѣнію круглоголовыхъ, король долженъ былъ ввѣриться имъ, потому что они возвратили ему отцовскій престолъ.

Мнѣніе роялистовъ было совершенно не таково. Они были всегда безпрекословными почитателями монархіи и въ теченіе 18 лѣтъ, несмотря на всѣ превратности, остались вѣрны королевскому дому. Будучи участниками бѣдствій короля, они были вправѣ раздѣлить съ нимъ торжество. Они негодовали, что не было сдѣлано различія между роялистомъ и человѣкомъ, который сражался противъ законнаго государя и присоединился къ Кромвеллю, и еслибы не желаніе избавиться отъ военной тираніи, то не сталъ бы содѣйствовать возвращенію Стюартовъ. Роялисты просили вознагражденія за то, что они потерпѣли, и требовали себѣ исключительнаго права на королевскія милости.

Вмѣстѣ съ раздоромъ политическимъ возникъ раздоръ церковный и обнаружилась народная ненависть къ пуританамъ. вслѣдствіе суровой жизни и необщительности этой секты. Пуритане во время своего могущества запрещали, подъ страхомъ строгаго наказанія, употребленіе молитвенника епископальной церкви (Book of Commen Proyer) не только въ церквахъ, но и въ частныхъ домахъ. Дѣтямъ вмѣнялось въ преступленіе, если они читали у изголовья больныхъ родителей эту книгу. Тысячи достойныхъ уваженія духовныхъ лицъ епископальной церкви не только лишались своихъ мѣстъ, но часто подвергались обидамъ фанатической толпы. Строгіе законы были направлены противъ пари. Было запрещено народное празднество Майской Березки (Maypole). Театры были закрыты, зрители подвергались штрафу, актеровъ сѣкли. Медвѣжьи травли — любимое развлеченіе всѣхъ классовъ общества, строго преслѣдовалъ гнѣвъ суровыхъ сектантовъ. Праздникъ Рождества съ незапамятныхъ временъ былъ самымъ уважаемымъ и любимымъ у англійскаго народа. Это было время веселыхъ домашнихъ пировъ, — время, когда дѣлалось незамѣтнымъ различіе между лордомъ и его вассаломъ, между слугою и господиномъ. Долгій Парламентъ въ 1644 году издалъ повелѣніе, чтобы праздникъ Рождества былъ проводимъ тихо, благоговѣйно, безъ всякихъ увеселеній, противныхъ, по мнѣнію пуританъ, христіанскому благочестію. Этотъ законъ народъ принялъ съ негодованіемъ. На слѣдующій годъ въ Рождество вспыхнулъ во многихъ мѣстахъ бунтъ; дома защитниковъ парламентскаго узаконенія разрушили и запрещенная епископальная обѣдня была торжественно совершена въ церквахъ.

Особенности пуританъ, ихъ взглядъ, костюмъ, языкъ и странная застѣнчивость, со временъ Елизаветы, служили любимымъ предметомъ насмѣшки. Во время гражданскихъ бѣдствій возникли нѣкоторыя секты, эксцентричность которыхъ превосходила все, что бывало подобнаго до сихъ поръ въ Англіи. Портной Людовикъ Мюггльтонъ странствовалъ отъ кабака къ кабаку и предвѣщалъ вѣчныя муки тѣмъ, которые не вѣрили ему, когда онъ говорилъ, что солнце отстоитъ отъ земли на четыре мили. Джорджъ Фоксъ проповѣдывалъ, что противно христіанской простотѣ употреблять мѣстоимѣніе множественнаго числа, обращаясь къ одному лицу, и что говорить о январѣ одно и то же, что воздавать языческую почесть Янусу и Одину. Во время Реставраціи секта квакеровъ считалась самою презрѣнною. Самые пуритане ихъ преслѣдовали жестоко; но народъ смѣшивалъ пуританъ съ квакерами, въ тѣхъ и другихъ видѣлъ схизматиковъ, ненавидящихъ епископальную іерархію и литургію. Ненависть къ пуританамъ была сильна, и они платили за нее ненавистью къ приверженцамъ епископальной церкви.

Карла II любили болѣе, чѣмъ кого-либо изъ его предшественниковъ. Несчастія его семейства, героическая смерть отца, собственныя бѣдствія и романическія приключенія дѣлали его предметомъ нѣжнаго любопытства. Прибытіе его освободило государство отъ невыносимыхъ смутъ. Онъ отъ природы получилъ прекрасныя дарованія и веселый характеръ. Воспитаніе должно бы было развить и дополнить эти качества, тѣмъ болѣе, что Карлъ испыталъ всю перемѣнчивость счастія и видѣлъ жизнь со всѣхъ ея сторонъ. Горькій опытъ показалъ ему, какъ много скрывается низости, вѣроломства и неблагодарности подъ лицемѣрными масками придворныхъ. Съ другой стороны, онъ нашелъ въ хижинахъ бѣдняковъ вѣрнѣйшихъ своихъ подданныхъ. Когда онъ былъ преслѣдуемъ войсками Кромвелля, поселяне цѣловали ему руки съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто бы онъ занималъ престолъ своихъ предковъ. Можно было ожидать, что молодой человѣкъ, пользовавшійся такою любовью, будетъ добрымъ и хорошимъ королемъ. Но Карлъ не воспользовался уроками, какіе дала ему жизнь. Онъ не былъ человѣкомъ съ великодушнымъ сердцемъ. Въ людей онъ не вѣрилъ; любовь къ Богу, любовь къ отечеству, любовь къ семейству и друзьямъ онъ считалъ однѣми фразами.

Честь и стыдъ были для него то же, что свѣтъ и мракъ для слѣпаго. Такъ было велико его отвращеніе къ трудамъ и невѣжество въ управленіи, что члены его совѣта не могли удерживаться отъ улыбки при его легкомысленныхъ замѣчаніяхъ и дѣтскомъ нетерпѣніи. Онъ желалъ быть королемъ, котораго ничто бы не безпокоило, и для этого желалъ получить деспотическую власть, еслибы только она могла быть получена безъ борьбы и риска. Религіозными спорами онъ ни мало не интересовался. Но, будучи веселаго характера, онъ ненавидѣлъ суровую секту пуританъ.

Братъ короля, Іаковъ, герцогъ Іоркскій, былъ, напротивъ, дѣятеленъ и жаждалъ власти. Умъ его былъ тяжелъ, характеръ отличался стойкостью, суровостью и неумышленностью. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на парламентскія учрежденія Англіи и на партію, приверженную къ этимъ учрежденіямъ. Хотя герцогъ назывался послѣдователемъ англійской церкви, однако, выказывалъ наклонность къ католицизму, которая печалила добрыхъ протестантовъ.

Лицо, на которомъ въ это время лежала вся тяжесть управленія, былъ Эдуардъ Гайдъ, канцлеръ королевства, получившій титулъ графа Кларендона, знаменитый авторъ «Записокъ» о временахъ Карла I и Долгаго Парламента».

Король, при возвращеніи, обѣщалъ своимъ подданнымъ свободу совѣсти. Но это обѣщаніе не было исполнено, епископы сдѣ-

лались опять членами Палаты Лордовъ. Старое церковное устройство и старая литургія были возстановлены безъ измѣненій, которыхъ съ нетерпѣніемъ ждали самые умѣренные пресвитеріане. Епископское рукоположеніе сдѣлалось необходимымъ для полученія духовнаго званія.

Вскорѣ началось и преслѣдованіе пуританъ. Было издано много узаконеній, стѣснительныхъ для этой секты. Епископальная церковь не оставалась неблагодарною за то покровительство, которое оказывало ей защиту отъ вліянія сектъ. Оно терпѣло съ домомъ Стюартовъ одни и тѣ же несчастія и вмѣстѣ съ нимъ восторжествовало. Общій интересъ связывалъ ее съ королевскимъ домомъ. Государь, епископы, деканы вмѣстѣ вступили во владѣніе конфискованными у нихъ помѣстьями и выгнали откупщиковъ.

Въ нравственности общества произошла, по возвращеніи Стюартовъ, замѣчательная перемѣна. Тѣ страсти и привычки, которыя были стѣснены подъ правленіемъ пуританъ, тотчасъ послѣ того, какъ разорвалась удерживавшая ихъ узда, приняли свой обычный характеръ. Съ большею жадностью, нежели когда нибудь, общество бросилось на игры и на удовольствія. Нація, которая помнила недавнюю тиранію правителей, строгихъ въ жизни, съ удовольствіемъ смотрѣла на веселые пороки. Реставрированная церковь возставала противъ преобладавшей безнравственности, но возставала очень слабо. Она считала необходимымъ для поддержанія достоинства своего увѣщевать заблудшихъ чадъ. Но этотъ долгъ она исполняла нѣсколько небрежно. Вся ея ревность была направлена къ проповѣдямъ о томъ, что пуритане вредны и что должно воздавать кесарево кесарю.

Люди, занимавшіеся политическими дѣлами, составляли едва ли не самую испорченную часть общества. Ихъ характеръ образовался среди частыхъ и жестокихъ революцій и контръ-революцій. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ они были свидѣтелями безпрестанныхъ переворотовъ, которымъ подвергалось церковное и гражданское устройство. Они видѣли, какъ епископальная церковь преслѣдовала пуританъ, а пуритане епископовъ, и наоборотъ. Они видѣли уничтоженіе и реставрацію наслѣдственной монархіи. Они видѣли, какъ Долгій Парламентъ три раза возвышался и три раза падалъ, сопровождаемый проклятіями и насмѣшками. У нихъ передъ глазами создавалась и разрушалась Палата Лордовъ. Твердость въ мнѣніяхъ и дружбѣ казалась имъ просто упрямствомъ.

При такихъ обстоятельствахъ правительство начинало терять народную любовь. Роялисты стали охуждать дворъ и другъ друга; а партія, которая была побѣждена, унижена и казалась уничтоженною, возстала и возобновила нескончаемую вражду.

Даже и въ томъ случаѣ, еслибы правительство не запятнало себя ошибками, энтузіазмъ, возбужденный возвращеніемъ короля и прекращеніемъ военной тираніи, не могъ быть постояннымъ, потому что, по самымъ законамъ природы, за сильнымъ напряженіемъ слѣдуетъ ослабленіе. Способъ, которымъ дворъ во зло употребилъ свои побѣды, ускорилъ и довершилъ ослабленіе. Каждаго умѣреннаго человѣка поражали жестокость и вѣроломство, съ которыми преслѣдовали диссидентовъ. Неудовольствіе обнаружилось легче, когда увидѣли, что дворъ не намѣренъ такъ поступать съ папистами, какъ онъ поступалъ съ пресвитеріанами. Многіе высказывали подозрѣніе на счетъ шаткости протестантскихъ убѣжденій короля и герцога. Даже безнравственные люди, которые не были совершенно лишены разсудительности, сожалѣли, что правительство смотритъ на серьезныя дѣла, какъ на пустяки, а изъ пустяковъ дѣлаетъ серьезныя дѣла. Король посвящалъ большую часть времени вину, остротамъ и красавицамъ; важныя дѣла оставались безъ вниманія, а финансы разстраивались. Самые роялисты съ неудовольствіемъ смотрѣли на возраставшую пышность и великолѣпіе уайтголльскаго двора, жаловались, что ихъ деньги переходятъ къ фаворитамъ короля.

Расположеніе умовъ было таково, что каждый публичный актъ возбуждалъ негодованіе. Карлъ вступилъ въ супружество съ Екатериною, принцессою португальскою. Бракъ этотъ не встрѣтилъ одобренія со стороны англичанъ. Дюнкирхенъ, отнятый у Испаніи Оливеромъ, былъ проданъ Людовику XIV. Торгъ этотъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе. Англичане начинали уже смотрѣть съ безпокойствомъ на постепенное усиленіе могущества французовъ. Продажа Дюнкирхена не нравилась и потому, что онъ былъ трофеемъ англійской храбрости и напоминалъ о временахъ ея славы.

Но этотъ ропотъ былъ слабъ въ сравненіи съ воплемъ, который поднялся повсюду, когда правительство, въ союзѣ съ ненавистной католической Франціей, объявило войну Голландіи, которой англичане сочувствовали, какъ странѣ протестантской. Негодованіе усилилось, когда англійское оружіе покрылось позоромъ. Придворные льстецы оказались неспособны бороться съ великими государственными мужами и адмиралами Голландіи, съ де-Виттомъ и де-Рюйтеромъ. Голландцы ворвались въ Темзу и сожгли корабли, расположенные у Чатама. Говорятъ, что король въ этотъ день пировалъ съ своими серальными лэди и ловилъ ночныхъ бабочекъ въ столовой комнатѣ. Уже столица начала ощущать бѣдствія блокады. Фортъ Тильбури былъ разрушенъ. Въ Совѣтѣ серьезно было предложено, что если непріятель приблизится, то Тоуеръ долженъ быть оставленъ. Множе-

ство народа толпилось по улицамъ, и всѣ кричали, что Англія продана. Правительство должно было ожидать или нападенія непріятелей, или возмущенія народнаго, — и съ Голландіею былъ заключенъ трактатъ, невыгодный для Англіи. Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ присоединилось еще одно — страшный пожаръ, опустошившій почти весь Лондонъ. Паденіе Кларендона было слѣдствіемъ этихъ ошибокъ и несчастій. Такъ какъ оффиціально онъ былъ главою правленія, то на него падала отвѣтственность даже и за тѣ дѣйствія, которымъ онъ упорно, но тщетно, противился въ Совѣтѣ. Пуритане смотрѣли на него, какъ на неумолимаго лицемѣра, какъ на втораго Лауда. Шотландскіе пресвитеріане приписывали ему паденіе своей церкви; паписты Ирландіи потерю своихъ земель ставили ему въ вину. Его справедливо упрекали въ продажѣ Дюнкирхена. Горячій характеръ Кларендона, его гордость, богатство, пріобрѣтенное имъ во время управленія, давали новое право осуждать его. Когда голландцы ворвались въ Темзу, гнѣвъ народа прямо былъ направленъ противъ канцлера. Наконецъ ненависть Нижней палаты и неудовольствія со стороны двора довершили паденіе Кларендона. У него взяли печать, и, видя нерасположеніе народа, которое ставило въ опасность самую жизнь его, онъ бѣжалъ изъ Англіи; тотчасъ же было сдѣлано опредѣленіе, въ силу котораго онъ осуждался на вѣчное изгнаніе.

Скоро по удаленіи Кларендона дѣла приняли еще худшее направленіе; но на нѣкоторое время всеобщее негодованіе принудило дворъ слѣдовать національной политикѣ и разорвать дружбу съ Франціей, могущество которой возбуждало опасеніе во всей Европѣ.

Хотя территорія Франціи въ царствованіе Людовика XIV не была такъ обширна, какъ теперь, но была плодородна, расположена въ хорошемъ климатѣ и населена храбрымъ, дѣятельнымъ и даровитымъ народомъ. Большіе лены, 300 лѣтъ тому назадъ независимые, теперь принадлежали къ короннымъ владѣніямъ. Оппозиція гугенотовъ, дворянства и парламента была уничтожена двумя кардиналами, которые въ теченіе сорока лѣтъ управляли народомъ. Деспотизмъ правленія умѣрялся придворнымъ этикетомъ и рыцарскими чувствами. Доходы короля были огромны; армія содержалась въ строгой дисциплинѣ, подъ начальствомъ храбрыхъ полководцевъ. Морскія силы Франціи были очень значительны.

Личныя качества французскаго короля увеличивали опасенія, внушаемыя Европѣ силою королевства. Ни одинъ изъ государей не могъ съ такимъ достоинствомъ, какъ онъ, быть представителемъ великаго государства. Онъ владѣлъ двумя талантами, необходимыми правителю: талантомъ избирать себѣ слугъ

и искусно располагать ихъ способностями. Въ дѣлахъ дипломатическихъ Людовикъ былъ иногда великодушенъ, но никогда не былъ справедливъ. Несчастнымъ союзникамъ, которые преклоняли предъ нимъ колѣна, онъ покровительствовалъ съ романическимъ безкорыстіемъ; но, не колеблясь, измѣнялъ своему слову и нарушалъ договоры, если въ томъ находилъ для себя выгоду или славу. Въ это время онъ еще не былъ одержимъ ханжествомъ, которое въ послѣдніе годы его царствованія превратило королевскій дворъ въ суровый монастырь. Но всегда былъ онъ искренній католикъ. Совѣсть и тщеславіе побуждали его употреблять свою власть на защиту и распространеніе истинной вѣры, по примѣру Хлодвига, Карла Великаго и Св. Людовика.

Англія не могла оставаться спокойною зрительницею возраставшей силы Франціи и подозрительно смотрѣла на сношенія своего правительства съ французскимъ дворомъ. Продажа Франціи Дюнкирхена произвела сильное впечатлѣніе на англичанъ. Приверженность къ Франціи была въ числѣ главныхъ обвиненій, возводимыхъ на Кларендона Нижнимъ парламентомъ.

Судьба Кларендона и возраставшее негодованіе парламента принудили совѣтниковъ короля сдѣлать неожиданную перемѣну политики, которая удивила и обрадовала народъ.

Англійскій президентъ въ Брюсселѣ, сэръ Уильямъ Темпль, опытный дипломатъ, часто предлагалъ двору заключить союзъ съ генеральными штатами для того, чтобы остановить успѣхи Франціи. Внушенія его, прежде неуваженныя, были приняты теперь благосклонно, и ему поручили вести переговоры съ Голландіею. Темпль отправился въ Гагу и вошелъ въ короткія сношенія съ де-Виттомъ. Швеція, прославленная подвигами Густава Адольфа, изъявила желаніе принять участіе въ союзѣ Англіи со штатами. Такимъ образомъ, составилась коалиція, извѣстная подъ именемъ Тройнаго Союза (Triple Alliance).

Союзъ этотъ льстилъ народной гордости и обѣщалъ уничиженіе могущественнаго и честолюбиваго сосѣда. Роялисты и круглоголовые одинаково радовались. Нижній парламентъ громко хвалилъ трактатъ, и суровые пуритане говорили, что союзъ съ Голландіею — единственный хорошій поступокъ, сдѣланный королемъ со времени вступленія на престолъ. Союзъ этотъ былъ вынужденъ у короля усиленіемъ такъ-называемой сельской партіи (Country Party), противившейся царедворцамъ и союзу съ Франціею. Членами этой партіи были какъ люди, преданные пуританизму и республиканскимъ началамъ, такъ и приверженцы епископальной церкви и наслѣдственной монархіи, которые перешли въ оппозицію изъ боязни папизма Франціи и по нерасположенію къ разврату и вѣроломству двора. Могущество этой

партіи постоянно увеличивалось. Карлу тяжела была конституціонная среда, и онъ искалъ средствъ освободиться отъ нея. Но какія средства надобно было употребить для достиженія этой цѣли? Для утвержденія неограниченной власти Карлу нужна была постоянная большая армія.

Не находя въ Англіи такой партіи, которая хотѣла бы помогать ему въ этомъ дѣлѣ, Карлъ нашелся вынужденнымъ искать помощи внѣ Англіи и вступить въ тайныя сношенія съ Людовикомъ XIV. Главною посредницею между дворами англійскимъ и французскимъ была прекрасная Генріетта, герцогиня Орлеанская, сестра Карла, невѣстка Людовика и любимица обоихъ королей. Король англійскій согласился объявить себя католикомъ, расторгнуть Тройной Союзъ и соединиться съ Франціею противъ Голландіи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Франція обязалась дать ему войска и денегъ столько, сколько было необходимо для освобожденія отъ зависимости парламента и учрежденія неограниченнаго правленія въ Англіи. Людовикъ принялъ охотно эти предложенія, но не намѣренъ былъ рисковать и думалъ отдать свою армію въ распоряженіе Карла только въ такомъ случаѣ, если успѣхъ предпріятія будетъ совершенно вѣренъ. Онъ не способенъ былъ поступать по примѣру своихъ предковъ, которые въ XII и XIII столѣтіяхъ погубили въ Сиріи и Египтѣ цвѣтъ французскаго рыцарства: онъ хорошо сознавалъ, что крестовый походъ противъ британскихъ протестантовъ будетъ пагубнѣе экспедиціи Людовика VII и Людовика IX. Кромѣ того, онъ не считалъ для себя выгоднымъ желать, чтобы Карлъ II сдѣлался неограниченнымъ государемъ. Онъ имѣлъ причины опасаться, чтобы его подданные не увлеклись любовью къ англійскимъ парламентскимъ учрежденіямъ. Бездна раздѣляла тогда національный духъ англичанъ и французовъ. Объ англійскихъ учрежденіяхъ въ Парижѣ столько же знали, какъ и въ Константинополѣ. Можно было сомнѣваться, имѣлъ ли хотя одинъ изъ сорока членовъ французской академіи англійскую книгу въ своей библіотекѣ или зналъ имена Шекспира, Джонсона и Спенсера. Одни только гугеноты имѣли нѣкоторое сочувствіе къ своимъ собратьямъ, англійскимъ протестантамъ; но гугеноты въ это время уже нимало не были опасны.

Людовику не было личнаго интереса въ томъ, какая форма правленія утвердится въ Англіи; однако, онъ согласился на предложеніе Карла II. Онъ видѣлъ, что можетъ изъ этого союза извлечь свою пользу. Желаніемъ его было унизить Голландію, завладѣть Бельгіею, Франш-Конте, Лотарингіею и вмѣшаться въ дѣла Испаніи. Ему нужно было въ этихъ предпріятіяхъ имѣть англійское правительство не противникомъ, а союзникомъ.

Тайный трактатъ между Англіей и Франціей былъ заключенъ въ Дуврѣ, въ маѣ 1670 года.

Этимъ договоромъ Карлъ обязывался объявить въ Англіи католицизмъ господствующею религіею, помогать Людовику въ войнѣ противъ Голландіи, и на сушѣ, и на морѣ поддерживать притязанія дома Бурбоновъ въ Испаніи. Людовикъ съ своей стороны обѣщался платить Карлу субсидіи и, въ случаѣ возмущенія въ Англіи, послать туда свое войско.

Обратимся теперь къ англійскому правительству того времени. Послѣ изгнанія Кларендона составилось новое министерство изъ любимцевъ Карла. Оно носило названіе Кабаль, потому что начальныя буквы пяти членовъ кабинета составляли это слово. Имена этихъ членовъ были: Клиффордъ, Арлингтонъ, Бокингэмъ, Ашлей и Лодердаль. Изъ нихъ особенно важную роль играли Бокингэмъ, Ашлей и Лодердаль. Всѣ трое они были такіе люди, въ которыхъ безнравственность, эпидемія политиковъ того времени, достигла величайшаго развитія. Бокингэмъ, пресытясь наслажденіями, обратился къ честолюбію, какъ къ забавѣ. Онъ пытался наслаждаться архитектурою, музыкою и разысканіями о философскомъ камнѣ, точно такъ, какъ теперь развлекался тайными переговорами и голландскою войною. То онъ являлся роялистомъ, то заводилъ связи съ республиканцами.

Ашлей былъ точно также непостояненъ: но непостоянство Ашлея было дѣйствіемъ не легкомыслія, а обдуманнаго эгоизма.

Лодердаль, брюзгливый и грубый, былъ едвали не самымъ безчестнымъ человѣкомъ изъ всего Кабаля.

При такомъ управленіи, очень естественно, что государство не могло избѣжать бѣдствій. Разстройство финансовъ приняло серьезный оборотъ. Предполагаемая война съ Голландіею требовала огромныхъ суммъ, а существующаго дохода было недостаточно даже въ мирное время. При этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Кабаль предложилъ мѣру, которую можно назвать чистымъ грабительствомъ. Лондонскіе золотыхъ дѣлъ мастера были въ то время нетолько продавцами дорогихъ металловъ, но и банкирами; они часто давали въ займы правительству большія суммы. Въ уплату долга они получали право на извѣстную часть государственнаго дохода. Во время описываемыхъ нами событій правительство сдѣлало, такимъ образомъ, заемъ въ 1,300,000 фунтовъ. Вдругъ было объявлено, что уплачивать всю сумму государство признаетъ невыгоднымъ, и что заимодавцы должны довольствоваться одними процентами. На биржѣ это извѣстіе было принято съ ужасомъ, нѣкоторые дома пали, бѣдность и страхъ проникли въ общество. Между

тѣмъ, правительство сдѣлало замѣтные шаги къ расширенію своей власти. Оно издало эдиктъ, дозволившій свободу вѣроисповѣданія. Этотъ эдиктъ имѣлъ цѣлью дать правительству возможность покровительствовать католикамъ, и только для того, чтобы настоящая цѣль не была понята, законы противъ протестантскихъ нонконформистовъ были смягчены.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого эдикта, была объявлена война Голландіи. На морѣ голландцы съ честью поддерживали борьбу, но на сушѣ сначала понесли неудачи. Огромная французская армія перешла за Рейнъ, и непріятель уже занялъ три провинціи изъ семи, составлявшихъ федерацію. Народная толпа, раздраженная несчастіями, возстала противъ правительства, осыпала оскорбленіями Рюйтера и растерзала де-Витта. Принцъ Орлеанскій, бывшій во враждѣ съ павшими чиновниками, сдѣлался главою государства. Онъ твердо рѣшился продолжать войну, предпочитая смерть безчестному плѣну. Національный духъ голландцевъ воспламенился. Они открыли плотины, и вся страна превратилась въ огромное озеро, на поверхности котораго, подобно островамъ, виднѣлись города. Непріятели спаслись быстрымъ отступленіемъ. Между тѣмъ, обѣ линіи австрійскаго дома, устрашенныя замыслами французскаго короля, начали военныя приготовленія. Испанія и Голландія, раздѣленныя воспоминаніями о старой враждѣ, примирились, при видѣ приближающейся опасности. Германскія арміи спѣшили къ Рейну. Англійское правительство опять впало въ затруднительное обстоятельство: деньги, отнятыя у государственныхъ кредиторовъ, почти всѣ были истрачены. Попытка возвысить налоги легко могла окончиться возмущеніемъ, и Людовикъ, будучи долженъ сражаться съ половиною Европы, не могъ бы удержать въ границахъ повиновенія англичанъ. Необходимо было созвать парламентъ.

Весною 1673 г. парламентъ собрался. Сельская партія тотчасъ начала атаку противъ политики Кабаля. Первымъ желаніемъ сельской партіи было уничтоженіе эдикта о свободѣ вѣроисповѣданія. Изъ всѣхъ поступковъ правительства, не нравившихся народу, объявленіе свободы вѣроисповѣданія была самымъ ненавистнымъ. Потомъ общины вынудили согласіе короля на извѣстный законъ, который существовалъ до царствованія Георга IV. Этотъ законъ, извѣстный подъ именемъ Test-Act, требовалъ, чтобы всѣ лица, находящіяся въ военной и гражданской службѣ, подписывали декларацію противъ догматовъ католической церкви. Кромѣ того, король долженъ былъ распустить Кабаль и заключить миръ съ Голландіею.

Главное управленіе дѣлами было теперь ввѣрено графу Денби. Мысль объ утвержденіи неограниченной власти, съ помощію

чужестранныхъ войскъ, не была раздѣляема новымъ министромъ. Планъ его былъ — собрать вокругъ престола тѣ классы, которые были твердыми союзниками его впродолженіе предшествовавшаго времени и негодовали на новыя преступленія и заблужденія двора. Онъ сожалѣлъ о бѣдственномъ состояніи, въ которомъ находилась Англія, и ненавидѣлъ французовъ. Онъ такъ мало старался скрывать свои убѣжденія, что на одномъ пиру, гдѣ присутствовали высшіе сановники государства и церкви, предложилъ тостъ на погибель всѣхъ тѣхъ, кто не желаетъ войны съ Франціею. Но совѣты его королю не имѣли дѣйствія: Карлъ былъ алченъ къ французскому золоту и не терялъ надежды, съ помощію французскаго короля, достигнуть неограниченной власти.

Такимъ образомъ, политика короля была діаметрально противоположна политикѣ перваго министра. Нижняя палата требовала войны съ Франціею; король, какъ бы уступая народному желанію, началъ собирать армію. Но Нижняя палата узнала, что войска эти будутъ употреблены Карломъ на другое предпріятіе, которое интересовало его болѣе, нежели защита Фландріи — на утвержденіе неограниченной власти въ Англіи, и палата увидѣла необходимость отказать королю въ субсидіяхъ на содержаніе войска и настаивала на томъ, чтобы онъ оставилъ свои приготовленія.

Эти опасенія были подсказаны французскимъ королемъ. Онъ долго держалъ Англію въ страдательномъ положеніи, своимъ обѣщаніемъ поддерживать тронъ противъ парламента. Теперь онъ, узнавъ, что патріотическіе совѣты Денби преобладаютъ въ кабинетѣ Карла, началъ возстановлять парламентъ противъ короля. Между Людовикомъ и сельскою партіею было только одно общее — глубокая недовѣрчивость къ Карлу. Еслибы сельская партія была увѣрена, что Карлъ намѣренъ объявить войну Франціи, она готова была бы его поддерживать. Также, еслибы и Людовикъ былъ увѣренъ въ томъ, что наборъ войска предпринятъ англійскимъ королемъ для борьбы съ парламентомъ, онъ не сдѣлалъ бы ни малѣйшей попытки препятствовать этому. Но непостоянство Карла и недовѣрчивость къ нему были такъ велики, что французское правительство и англійская оппозиція одинаково желали оставить короля безъ войска. Открылись сношенія между Барильономъ, посломъ Людовика при Карлѣ II, и англійскою оппозиціею.

Слѣдствіемъ этихъ интригъ было, что Англія оставалась бездѣйственною впродолженіе континентальной войны, которая кончилась Нимвегенскимъ трактатомъ, заключеннымъ въ 1678 году. Это унизительное бездѣйствіе и невыгодныя для Англіи условія нимвегенскаго мира вновь поколебали народную привер-

женность къ королю. Новые удары грозили правительству Карла II.

Французскій дворъ, который зналъ Денби, какъ заклятаго врага, изобрѣлъ искусное средство погубить его. Людовикъ, чрезъ посредничество Ральфа Монтегю, который въ то время былъ во Франціи англійскимъ посломъ, представилъ Нижнему парламенту доказательства, что первый министръ, за извѣстную сумму денегъ, соглашался помогать сдѣлкамъ дворовъ уайтголльскаго и версальскаго. Этотъ доносъ низвергъ Денби, и было удивительно, какъ уцѣлѣла его голова. Еще сильнѣе было волненіе, произведенное слухами о папистскомъ заговорѣ. Нѣкто Томъ Отсъ, священникъ англиканской церкви, своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ и еретическимъ ученіемъ навлекъ на себя гнѣвъ начальства: его лишили мѣста, и съ тѣхъ поръ онъ велъ бродяжническую жизнь. Онъ былъ нѣкогда католикомъ и провелъ нѣсколько времени на континентѣ, въ англійскихъ коллегіумахъ іезуитскаго ордена. Въ этихъ семинаріяхъ онъ слышалъ, какъ яростно говорили католическіе фанатики о средствахъ возвратить Англію на лоно истинной церкви. Изъ намековъ, такимъ образомъ собранныхъ, онъ создалъ страшный романъ, похожій скорѣе на сонъ больнаго, нежели на дѣла, могущія когда-нибудь произойти въ дѣйствительности: началъ распространять слухъ, что написты хотятъ сжечь Лондонъ, сжечь флотъ, перерѣзать всѣхъ протестантовъ, при помощи францзской арміи, которая будто-бы готовится къ высадкѣ въ Ирландію. Всѣмъ государственнымъ людямъ и духовенству — говорилъ онъ — готовилась смерть. Три или четыре плана, по его словамъ, были придуманы для умерщвленія короля. Общественный духъ былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, что эта ложь показалась народу чистою истиною. Два происшествія, случившіяся около того же времени, заставили даже мыслящихъ думать, что сказка Отса, очевидно преувеличенная, имѣла какое-нибудь основаніе.

Эдуардъ Кольманъ, хлопотливый и не слишкомъ честный католикъ, извѣстный интригантъ, былъ въ числѣ обвиненныхъ. Бумаги его правительство хотѣло захватить. Большую часть ихъ онъ успѣлъ истребить; но изъ темныхъ намековъ, оставшихся въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ, можно было выводить заключенія, подтверждающія свидѣтельство Отса.

Нѣсколько дней спустя, сэръ Эдмондсбери Годфри, судья, который принялъ показанія Отса противъ Кольмана, неожиданно исчезъ. Были сдѣланы розыски, и трупъ Годфри нашли на полѣ близъ Лондона. Ясно было, что онъ умеръ насильственною смертью. Происшествіе это произвело волненіе въ Лондонѣ. Тюрьмы наполнялись папистами. Лондонъ сдѣлался похожъ на

городъ, находящійся въ осадномъ положеніи. Милиція была поставлена на военную ногу, патрули ходили взадъ и впередъ по улицамъ; кругомъ Уайтголля стояли пушки. Всѣ лорды католики были лишены своихъ мѣстъ въ парламентѣ; паписты вообще подверглись всякаго рода притѣсненіямъ.

Положеніе короля было очень затруднительно. Онъ удалилъ въ Брюссель своего брата, одинъ видъ котораго воспламенялъ народъ до бѣшенства; но это не произвело никакого особенно благопріятнаго слѣдствія. Недовольство усиливалось.

Карлъ долженъ былъ измѣнить составъ министерства и принять въ число своихъ совѣтниковъ людей, любимыхъ народомъ.

Изъ нихъ виконтъ Галифаксъ долго сохранялъ довольно важное вліяніе на дѣла.

Между государственными людьми этого времени, Галифаксъ могъ считаться первымъ. Онъ обладалъ многостороннимъ умомъ и краснорѣчіемъ, приводившимъ въ восхищеніе Верхній парламентъ. Его политическія сочиненія даютъ ему право занять мѣсто между англійскими классиками. Но тѣ самыя качества ума, которыя придавали цѣну его сочиненіямъ, часто мѣшали ему дѣйствовать рѣшительно въ дѣлахъ дѣйствительной жизни. Онъ смотрѣлъ на событія не съ той точки зрѣнія, съ которой они представляются принимающему въ нихъ участіе: онъ смотрѣлъ на нихъ глазами историка - философа. Всѣ предразсудки и нелѣпыя выходки обѣихъ партій — роялистовъ и оппозиціи — равно возбуждали его гнѣвъ. Ему не нравились крики демагоговъ. Онъ еще болѣе ненавидѣлъ ученіе о безграничномъ повиновеніи. Все хорошее — говорилъ онъ — лежитъ между двумя крайностями: такъ, англійская конституція — между турецкимъ деспотизмомъ и польскою анархіею. Каждая партія, которая брала перевѣсъ и вдавалась въ крайности, подвергалась его осужденію; а побѣжденные и преслѣдуемые всегда находили въ немъ покровителя.

Оппозиціею своею онъ навлекъ гнѣвъ короля, такъ что король едва согласился принять его въ тайный совѣтъ. Но какъ скоро онъ поступилъ ко двору, изящество его манеръ очаровало всѣхъ и самого короля. Галифакса печалила ненависть народа къ правительству, и когда онъ увидѣлъ, что свобода имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ, а законная власть въ опасности, то онъ, согласно принятому имъ образу дѣйствій, присоединился къ слабой сторонѣ.

Нижняя палата настойчиво требовала, чтобы герцогъ Іоркскій, какъ приверженецъ католицизма, лишенъ былъ правъ на престолъ Англіи. Оппозиція хотѣла, чтобы наслѣдникомъ короля объявленъ былъ побочный сынъ его, герцогъ Монмуть, кото-

раго любилъ отецъ и не менѣе горячо полюбилъ народъ. Монмутъ жилъ во дворцѣ, какъ принцъ королевской крови, имѣлъ орденъ Подвязки, былъ начальникомъ гвардейской кавалеріи и канцлеромъ Кембриджскаго университета. Когда Карлъ и Людовикъ XIV вели войну съ Голландіею, Монмутъ командовалъ англійскими войсками и пріобрѣлъ репутацію хорошаго полководца. Почтеніе, которое ему оказывали, заставило его считать себя законнымъ принцемъ дома Стюартовъ. Слухи ходили, будто-бы Карлъ былъ въ тайномъ супружествѣ съ его матерью, Люси Вальтерсъ. Когда Монмутъ со славою возвратился изъ Нидерландовъ и когда герцогъ Іоркскій возбудилъ ненависть своею преданностью католичеству, эти, повидимому, пустые слухи получили важность. Монмута встрѣтили въ Лондонѣ съ восторгомъ: всѣ окна города были иллюминованы, церкви отворены, и радостные клики оглашали воздухъ. Все народонаселеніе Сити вышло къ нему на встрѣчу. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы выиграть расположеніе народа: крестилъ дѣтей у крестьянъ, вмѣшивался въ простонародныя забавы, боролся и игралъ въ палки.

Представители протестантской партіи въ Англіи два раза впадали въ ошибку, которая послужила ко вреду государства и протестантства. По смерти Эдуарда VI они хотѣли возвести на престолъ Іоанну Грей, лишая законныхъ правъ не только католичку Марію, но и протестантку Елизавету, единственную надежду Англіи и реформаціи. Такимъ же образомъ, 130 лѣтъ спустя, оппозиціонная партія, принявъ сторону Монмута, воспротивилась правамъ не только герцога Іоркскаго, но и правамъ принца и принцессы Оранскихъ, которые по своимъ личнымъ качествамъ и по положенію могли быть единственными защитниками свободы и всѣхъ реформатскихъ церквей.

Вопросъ объ исключеніи принца Іоркскаго отъ престолонаслѣдія взволновалъ общество. Одна сторона говорила, что государство и религія не будутъ безопасны подъ управленіемъ короля-паписта. Другая сторона защищала права законнаго наслѣдника на полученіе короны. Каждая деревня, каждый городокъ, каждое семейство были въ движеніи. Даже школьники раздѣлились на партіи. Лондонскіе граждане десятками тысячъ собирались жечь изображеніе папы. Правительство разставило кавалерію у Темпль-Бари и пушки кругомъ Уайтголля. Противники двора назывались бирмингамцами, исключителями. Державшіе сторону Іакова носили названіе антибирмингамцевъ и ненавистниковъ (abhorrers). Въ это время въ первый разъ явились два прозвища, которыя въ началѣ были даны въ бранномъ значеніи, но потомъ потеряли невыгодный смыслъ и остались до сихъ поръ названіями двухъ главнѣйшихъ англійскихъ

партій. Это — виги и тори. Одно изъ этихъ названій шотландскаго происхожденія, а другое — ирландскаго. Въ Шотландіи и Ирландіи, среди общаго волненія, образовались шайки отчаянныхъ людей, жестокость которыхъ увеличивалась народнымъ энтузіазмомъ. Въ Шотландіи нѣкоторые изъ преслѣдуемыхъ пресвитеріанъ подняли оружіе противъ правительства и брали перевѣсъ надъ войсками короля, пока Монмутъ не разбилъ ихъ у Ботвель-Бриджа. Эти изувѣры были довольно многочисленны, простой народъ прозвалъ ихъ вигами. Болота Ирландіи въ это же самое время давали убѣжище изгнаннымъ папистамъ: эти люди были прозваны тори.

Наконецъ, въ октябрѣ 1680 года, собрался парламентъ. Виговъ было такъ много въ Нижней палатѣ, что билль исключенія безпрепятственно прошелъ въ ней. Но когда этотъ билль былъ предложенъ Верхнему парламенту, дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Геній Галифакса уничтожилъ всю оппозицію. Оставленный самыми значительными лицами роялистской партіи изъ числа своихъ товарищей, окруженный толпою противниковъ, онъ защищалъ права герцога Іоркскаго съ блистательнымъ успѣхомъ, и билль былъ отвергнутъ большинствомъ.

Послѣ этого неудовольствіе виговъ еще болѣе возрасло. Когда собрался парламентъ въ Оксфордѣ, въ мартѣ 1681 года, виги явились, сопровождаемые толпою своихъ вооруженныхъ приверженцевъ, которые мѣнялись съ королевскою арміею взглядами, полными ненависти. Король согласился на всѣ требованія оппозиціи, кромѣ билля исключенія; но Нижній парламентъ непремѣнно требовалъ, чтобы этотъ билль былъ утвержденъ лордами и королемъ. Но король восторжествовалъ. Реакція, которая началась за нѣсколько мѣсяцевъ до собранія парламента въ Оксфордѣ, быстро усиливалась. Хладнокровнѣе обдумавъ исторію папистскаго заговора, народъ понялъ, что протестантская ревность завлекла его слишкомъ далеко, что нелѣпыя выдумки заставили его требовать крови людей невинныхъ.

Самый вѣрный приверженецъ Стюартовъ не могъ отрицать того, что управленіе Карла бывало часто достойно порицанія. Но договоръ, заключенный имъ съ Франціей и служащій теперь главнымъ обвиненіемъ противъ него, тогда не былъ еще извѣстенъ; многіе были возмущены жестокостью, съ какою возставали виги противъ короля, исчисляли уступки, сдѣланныя имъ парламенту, и говорили, что обѣщанія, имъ данныя, достаточно обезпечиваютъ государство отъ злоупотребленій власти. Король согласился на законъ, который воспрещалъ католикамъ вступленіе въ парламентъ, въ тайный совѣтъ и во всѣ гражданскія и военныя должности. Онъ издалъ актъ Habeas Corpus. Въ одномъ только король не согласился на требованія

своего народа: онъ не рѣшался отнять у брата правъ на наслѣдство престола; хотя самъ онъ гораздо болѣе былъ расположенъ къ Монмуту, но въ отношеніи брата дѣйствовалъ по чувству долга и чести. Эти соображенія склоняли общественное мнѣніе къ снисходительности относительно Карла. Къ тому присоединилось опасеніе, что, при дальнѣйшемъ сопротивленіи Карлу, можетъ вновь вспыхнуть междоусобная война, надѣлавшая столько бѣдствій всѣмъ партіямъ.

Большинство высшаго и средняго классовъ, раздѣлявшее эти мысли, спѣшило собраться вокругъ трона. Карлъ очень осторожно и благоразумно воспользовался благопріятными обстоятельствами: онъ рѣшился дѣйствовать сообразно съ законами, но дѣйствовать твердо и безпощадно. Онъ сталъ преслѣдовать виговъ судебнымъ порядкомъ, обвиняя то одного, то другаго изъ ихъ предводителей въ оскорбленіи величества. Судьи и присяжные были на его сторонѣ, обвиненія велись съ обдуманною умѣренностью, и каждый обвиняемый былъ осуждаемъ. Но виги не унывали духомъ: одушевленные воспоминаніемъ о своемъ недавнемъ торжествѣ и негодованіемъ противъ настоящаго своего стѣснительнаго положенія, они воспламенились ненавистью къ королю и рѣшились воспротивиться ему вооруженною силою. Составился заговоръ. Виги хотѣли произвести возстанія въ Лондонѣ, Бристолѣ и Ньюкестлѣ и вошли въ сношенія съ недовольными шотландскими пресвитеріанами. Предводители оппозиціи, сомнѣваясь въ успѣхѣ, медлили, однако же, приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но нѣкоторые фанатики, недовольные медленностью виговъ, думали дѣйствовать инымъ путемъ: имъ казалось, что умерщвленіе короля и его брата будетъ кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ торжеству протестантизма и англійской свободы. Эти толки были нѣсколько извѣстны Росселю и Монмуту, которые, однако, не соглашались на столь ненавистныя средства. Такимъ образомъ существовали два заговора. Цѣлью большаго заговора виговъ было вооружить народъ противъ правительства. Другой заговоръ, называемый обыкновенно Rye House Plot, въ которомъ участвовали очень немногіе изувѣры, имѣлъ цѣлью умерщвленіе короля и его будущаго наслѣдника. Но правительству легко было, открывъ тотъ и другой заговоръ, убѣдить народъ, что оба они составляютъ одно цѣлое, что всѣ виги участвуютъ въ законопреступныхъ намѣреніяхъ сообщниковъ райгоузскаго заговора. Справедливое негодованіе, возбужденное мыслью о цареубійствѣ, простерлось на всѣхъ виговъ. Король могъ теперь свободно отмстить за все время своего униженія. Монмутъ упалъ къ ногамъ отца и спасся, осудивъ себя на добровольное изгнаніе; Эссексъ самъ умертвилъ себя въ Тоуэрѣ; Россель и Сидней бы-

ли казнены. Многіе виги, столь же невинные въ райгоузскомъ преступленіи, кончили жизнь на висѣлицѣ. Многіе другіе покинули государство.

Пользуясь своимъ торжествомъ, правительство нарушило законы противъ католиковъ, чтобы возвысить герцога Іоркскаго и обезпечить ему престолонаслѣдіе. Этотъ принцъ, частью за религіозныя мнѣнія, частью за жесткость своего характера, до такой степени былъ нелюбимъ народомъ, что долженъ былъ выѣхать изъ Англіи и жить заграницею. Король возвратилъ его, назначилъ правителемъ Шотландіи, гдѣ его владычество ознаменовалось жестокими законами и варварскими наказаніями. Черезъ нѣсколько времени онъ прибылъ въ Англію и, несмотря на законъ, лишавшій католиковъ права занимать должности, занялъ мѣсто въ совѣтѣ и сдѣланъ былъ генералъ-адмираломъ.

Это нарушеніе законовъ возбудило ропотъ между умѣренными тори и не было одобряемо даже нѣкоторыми министрами короля. Галифаксъ, получившій уже титулъ маркиза, за то, что, при помощи его краснорѣчія, былъ отвергнутъ парламентомъ билль объ исключеніи Іакова отъ престолонаслѣдія, сталъ защищать теперь преслѣдуемыхъ виговъ: онъ убѣждалъ Верхній парламентъ не терять изъ виду той опасности, которая предстоитъ при вступленіи на престолъ герцога Іоркскаго, свободѣ и религіи народа, и совѣтовалъ брату отставить его отъ службы.

Умѣреннымъ и конституціоннымъ совѣтамъ Галифакса робко и слабо слѣдовали нѣкоторые другіе министры.

Въ числѣ противниковъ Галифакса находился Лауренсъ Гайдъ, получившій уже титулъ графа Рочестера. Онъ былъ самый неуступчивый и твердый изъ всѣхъ тори. Герцогъ Іоркскій любилъ его и постоянно во всемъ поддерживалъ.

Раздоръ министровъ держалъ дворъ въ постоянномъ безпокойствѣ. Галифаксъ неотступно просилъ короля созвать парламентъ, даровать всеобщую амнистію, лишить герцога Іоркскаго участія въ управленіи, вызвать Монмута изъ изгнанія, разорвать связи съ Людовикомъ и заключить съ Голландіею договоръ, на основаніяхъ Тройнаго Союза. Герцогъ Іоркскій, напротивъ, боялся собранія парламента, смотрѣлъ съ ненавистью на побѣжденныхъ виговъ, льстилъ себя мыслью, что можетъ осуществиться цѣль Дуврскаго трактата, и ежедневно говорилъ брату о томъ, что Галифаксъ, какъ республиканецъ, долженъ лишиться своего мѣста, которое совѣтовалъ онъ отдать графу Рочестеру.

Таково было общее состояніе дѣлъ, когда внезапная болѣзнь поразила Карла II и, по смерти брата, вступилъ на престолъ Іаковъ II.

(Маколей, Разсказы изъ исторіи Англіи. Стр. 1—18. «Современникъ» 1856 и 1857 гг.).

10. ВИЛЬГЕЛЬМЪ III И ЗНАЧЕНІЕ РЕВОЛЮЦІИ 1688 ГОДА.

Утромъ, въ пятницу 13-го февраля (1688 г.), окрестности Уайтголльскаго дворца и сосѣднія улицы наполнились народомъ. Великолѣпный большой залъ, диво архитектуры художника Иниго, украшенный безсмертными твореніями Рубенса, былъ приготовленъ къ торжественной церемоніи. По стѣнамъ выстроились войска пѣхотной гвардіи. У сѣверныхъ дверей, направо. собрались лорды, а налѣво члены Нижняго парламента, съ ихъ ораторомъ и герольдомъ. Южныя двери открылись: принцъ и принцесса Оранскіе вошли, держа другъ друга за руку, и заняли свои мѣста подъ навѣсомъ трона.

Обѣ палаты приблизились съ глубокими поклонами, Вильгельмъ и Марія выступили на нѣсколько шаговъ. Галифаксъ, на правой сторонѣ, и Пауль — на лѣвой, стали впереди членовъ Конвента, и Галифаксъ началъ рѣчь: «Конвентъ — сказалъ онъ — постановилъ рѣшеніе, которое проситъ ихъ высочества выслушать». Они изъявили согласіе. Клеркъ палаты лордовъ прочелъ громкимъ голосомъ декларацію права. По окончаніи этого Галифаксъ, отъ имени всѣхъ государственныхъ сословій, просилъ принца и принцессу принять корону.

Вильгельмъ, отъ себя и отъ имени своей супруги, отвѣчалъ, что корона, по ихъ мнѣнію, драгоцѣнна особенно какъ знакъ національнаго довѣрія. «Мы съ благодарностью принимаемъ — сказалъ онъ — то, что вы предложили намъ». Потомъ, отъ своего имени, онъ увѣрялъ, что законы Англіи, уже однажды имъ возстановленные, будутъ служить правилами его дѣйствій, что заботою его будетъ благоденствіе королевства и что относительно способовъ къ достиженію этой цѣли онъ постоянно будетъ обращаться къ совѣту парламентовъ и будетъ расположенъ полагаться болѣе на ихъ сужденіе, нежели на свое собственное мнѣніе. Эти слова были приняты радостнымъ кликомъ, который въ ту же минуту повторился многими тысячами голосовъ на улицахъ. Тогда лорды и члены Палаты Общинъ отправились изъ Большой Залы, въ процессіи, къ главному дворцовому выходу, гдѣ ихъ ожидали герольды и оруженосцы въ блестящихъ мундирахъ. Радостныя толпы волновались, какъ море, по всему пространству до Черингъ-Кросса: трубы и литавры загремѣли, и герольдъ ордена Подвязки, громкимъ голосомъ провозгласивъ принца и принцессу Оранскихъ королемъ и королевою Англіи, призывалъ всѣхъ англичанъ отнынѣ быть вѣрными и покорными подданными новымъ государямъ и молить Господа, явившаго уже великую милость

свою избавленіемъ церкви и націи, ниспослать Вильгельму и Маріи долгое и счастливое царствованіе.

Такъ совершилось воцареніе Вильгельма, извѣстное въ англійской исторіи подъ именемъ революціи. Сравнивая ее съ другими переворотами, нельзя не замѣтить особенностей ея характера. Причины этихъ особенностей очевидны, но ихъ не всегда, кажется, понимали какъ приверженцы, такъ и противники событій 1688 года.

Событія 1688 года имѣли характеръ не разрушительный, а чисто охранительный. Вильгельмъ и его приверженцы имѣли законность и національныя привычки на своей сторонѣ. Въ одной Англіи сохранились въ XVI — XVII вѣкахъ средневѣковыя парламентскія формы и въ дѣйствительности и въ понятіяхъ націи. Потому нація не ненавидѣла, а любила существовавшія формы государственнаго своего устройства.

Англичане не роптали на свои законы, напротивъ, любили ихъ, потому что законами этими дѣйствительно ограждались ихъ личность и ихъ благосостояніе. Виги и тори одинаково признавали благотворность основныхъ законовъ Англіи, и ни тѣ, ни другіе не желали ихъ уничтоженія. Но хотя не нуждалась нація въ измѣненіи основаній государственнаго устройства, однако же ошибки и злоупотребленія, существовавшія при Стюартахъ, доказывали, что оно имѣетъ недостатки. Исправить эти недостатки было обязанностью конвента. Основные законы Англіи были написаны въ такія времена, когда государственные люди не умѣли еще составлять точныхъ опредѣленій. Изъ неопредѣленности основныхъ законовъ мало по малу возникали аномаліи, несообразныя съ ихъ духомъ и грозившія даже ихъ существованію; долго эти аномаліи не наносили чувствительнаго вреда, но, постепенно усиливаясь, стали обнаруживать вредное вліяніе на спокойствіе и благосостояніе государства. И потому надлежало придать основнымъ законамъ Англіи такую опредѣлительность, которою отстранялись бы аномаліи, и положительно объявить, что существованіе этихъ аномалій было противно духу законовъ. Это было исполнено конвентомъ посредствомъ *декларацiи права*, передавшей корону Англіи Вильгельму.

Измѣненіе, произведенное этою декларацією въ государственномъ порядкѣ англійскаго королевства, повидимому не было велико. Всѣ права короны остались неприкосновенными, ни одно новое право не было дано народу. Все англійское законодательство осталось, по мнѣнію величайшихъ современныхъ юристовъ, Гольта и Треби, Менэрда и Сомерса, точно таково же послѣ восшествія на престолъ Вильгельма, какъ и прежде. Нѣкоторые темные пункты его были опредѣлены согласно истолкованію лучшихъ юристовъ и допущено было небольшое отступленіе въ

порядкѣ престолонаслѣдія. Этимъ ограничились всѣ измѣненія, и этого было достаточно.

Переворотъ, возведшій на престолъ Вильгельма, имѣлъ цѣлью огражденіе прежнихъ законовъ, потому и велся съ соблюденіемъ строгой законности. Конвентъ совѣщался по прежнимъ парламентскимъ правиламъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ обрядовъ. Если былъ о чемъ споръ въ конвентѣ, то только объ истинномъ смыслѣ прежнихъ законовъ. Основаніемъ всѣхъ рѣшеній представлялись всѣми партіями старые пергаменты.

И однакожъ, событія 1688 года, столь малозначительныя повидимому, должны считаться основаніемъ и залогомъ всѣхъ послѣдующихъ успѣховъ англійскаго законодательства; потому что восшествіемъ на престолъ Вильгельма и *декларацією права* непоколебимо утверждены были законы и учрежденія Англіи, во все продолженіе періода Стюартовъ подвергавшіеся опасности, при переходѣ средневѣковаго государства въ государство новыхъ вѣковъ. Эти законы и учрежденія давали возможность законнаго удовлетворенія всѣмъ вновь возникающимъ потребностямъ государственной жизни, возможность осуществленія всѣмъ идеямъ новой исторіи и заключали въ себѣ плодотворныя сѣмена всѣхъ послѣдующихъ реформъ въ англійской государственной жизни.

«Величайшая похвала, какую можно сказать о переворотѣ 1688 года (такъ заключаетъ Маколей свои размышленія объ этихъ событіяхъ), есть то, что революція 1688 г. была нашею послѣднею революціею. Вотъ уже въ теченіе многихъ поколѣній ни одинъ благоразумный и патріотическій англичанинъ не помышлялъ о сопротивленіи правительству. Въ каждомъ честномъ и мыслящемъ умѣ живетъ убѣжденіе, каждый день усиливаемое опытомъ, что средства ко всѣмъ улучшеніямъ, какихъ требуетъ наше государственное устройство, могутъ быть найдены въ самомъ этомъ устройствѣ.

«Теперь болѣе, нежели когда-нибудь, мы должны оцѣнить положеніе, данное Англіи воцареніемъ Вильгельма и *декларацією права* [1]). Вокругъ насъ Западная Европа потряслась, велико-

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя статьи «*деклараціи правъ*»: 1) Существующее будто бы право пріостанавливать дѣйствіе законовъ королевской властью, безъ согласія парламента, противно законамъ. 2) Существующее будто бы право королевской власти освобождать отъ дѣйствія законовъ или отъ исполненія ихъ, какъ допускалось и дѣлалось въ послѣднее время, противно законамъ. 3) Учрежденіе новаго духовнаго или всякаго другаго суда противно законамъ и зловредно. 4) Всякое взиманіе денегъ для надобностей короны подъ предлогомъ королевской прерогативы, безъ разрѣшенія парламента, также какъ и взиманіе на болѣе долгій срокъ, нежели было указано, и не тѣмъ способомъ, какой былъ указанъ, противны законамъ. 5) Подданные имѣютъ пра-

лѣпнѣйшія столицы Западной Европы были окровавлены междоусобными битвами. Между тѣмъ въ Англіи ни на одинъ день не было прервано нормальное дѣйствіе правительства. И еслибы насъ спросили, почему мы такъ отличаемся отъ другихъ? отвѣтъ былъ бы: мы никогда не теряли того, что другимъ такъ тяжело приходится возвращать себѣ. Потому что мы имѣли охранительную революцію въ XVIII вѣкѣ, мы не имѣли разрушительной революціи въ XIX вѣкѣ. За святость закона, за безопасность собственности, за миръ нашихъ улицъ, за счастіе нашего домашняго быта мы обязаны благодарностью, послѣ Того, который возвышаетъ и унижаетъ націи по Своей волѣ, Долгому Парламенту, конвенту и Вильгельму Оранскому.»

Въ моментъ совершенія революціи (1688) Вильгельму III было 38 лѣтъ. Но физически и умственно онъ казался старше людей одного съ нимъ возраста. Можно даже сказать, что онъ никогда не былъ молодъ. Его наружность почти также хорошо знакома намъ, какъ его современникамъ и друзьямъ. Скульпторы, живописцы и медальоры, изображая Вильгельма, употребили всѣ свои усилія, чтобы передать его черты отдаленному потомству; а черты эти были таковы, что артисту трудно не уловить, а зрителю — забыть ихъ, видя хоть разъ. При его имени, мы тотчасъ представляемъ себѣ худощавый и хилой станъ, высокій лобъ, носъ, загнутый на подобіе орлинаго клюва, глаза, въ блескѣ и проницательности не уступавшіе орлинымъ, задумчивый и нѣсколько угрюмый взглядъ, сжатыя губы съ холодною улыбкой, блѣдныя щеки, на которыхъ болѣзнь и забота провела глубокія морщины. Это задумчивое, холодное, и сдержанное выраженіе лица не могло принадлежать человѣку счастливому и ве-

---

во представлять королю прошенія, и всякое заключеніе въ тюрьму или другое преслѣдованіе по этому предмету противны законамъ. 6) Собирать или содержать армію въ королевствѣ, въ мирное время, безъ согласія парламента, есть дѣло противное законамъ. 7) Протестантскіе подданные могутъ имѣть при себѣ, сообразное съ своимъ положеніемъ, оружіе для защиты себя согласно съ тѣмъ, что дозволено законами. 8) Выборы депутатовъ въ парламентъ должны быть свободны. 9) Рѣчи, составленныя или произнесенныя въ парламентѣ, не могутъ быть преслѣдуемы или разбираемы ни въ какомъ судѣ или иномъ мѣстѣ, кромѣ самого парламента. 10) Не должно ни требовать чрезмѣрныхъ залоговъ, ни налагать несоразмѣрныхъ пеней, ни опредѣлять слишкомъ тяжелыхъ наказаній. 11) Присяжные должны быть избираемы безпристрастно. 12) Всякія уступки или обѣщанія передачи имуществъ, конфискованныхъ у обвиненныхъ лицъ, до осужденія ихъ, противны законамъ и пр.

(Ист. Контръ-революціи въ Англіи, Арманъ Каррель, стр. 367).

селому. Напротивъ, оно рѣзкимъ образомъ показывало въ немъ человѣка, способнаго привести къ успѣшному концу труднѣйшія предпріятія, человѣка съ мужествомъ, котораго не могутъ поколебать ни превратности счастія, ни опасности.

Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго государя, а воспитаніе развило эти качества до необыкновенной степени. Съ сильнымъ врожденнымъ чувствомъ, съ рѣдкою силою воли, онъ, въ то время, когда умъ его только что началъ развиваться, остался круглымъ сиротой, главою большой, но угнетенной до отчаянія партіи, наслѣдникомъ обширныхъ и неопредѣленныхъ фамильныхъ притязаній на власть, которыя возбуждали страхъ и отвращеніе олигархіи, господствовавшей тогда въ Голландіи.

Простой народъ, искренно привязанный втеченіе столѣтія къ его фамиліи, при всякой встрѣчѣ съ нимъ, весьма ясно показывалъ, что считаетъ его своимъ предводителемъ. Умные и опытные министры республики, смертельные враги его имени, ежедневно приходили къ нему свидѣтельствовать притворное попеченіе и наблюдать за развитіемъ его ума. Они подмѣчали первые порывы его честолюбія, записывали каждое сказанное имъ неосторожное слово. Онъ не имѣлъ при себѣ ни одного совѣтника, на прямодушіе котораго могъ бы положиться. Едва исполнилось ему 15 лѣтъ, какъ подозрительные олигархи удалили изъ его дома всѣхъ слугъ, привязанныхъ къ нему и пользовавшихся его довѣріемъ. Онъ протестовалъ противъ этого съ энергіей, необыкновенной въ его лѣта, — но протестовалъ тщетно. Внимательные наблюдатели не разъ замѣчали слезы на глазахъ молодаго государственнаго плѣнника. Его отъ природы слабое здоровье еще болѣе разстроивалось огорченіями, производимыми его печальнымъ положеніемъ. Положенія подобнаго рода запутываютъ и обезсиливаютъ слабыхъ, но укрѣпляютъ сильнаго и вызываютъ наружу всю энергію и всѣ его силы. Окруженный со всѣхъ сторонъ ловушками, въ которыхъ обыкновенный юноша непремѣнно бы погибъ, Вильгельмъ научился ступать осторожно и въ то же время твердо. Еще юношею, онъ умѣлъ уже хранить тайны, умѣлъ останавливать любопытство сухими и осторожными рѣчами, умѣлъ скрывать душевныя движенія подъ маской задумчиваго спокойствія. Въ свѣтскомъ и литературномъ образованіи онъ сдѣлалъ мало успѣховъ. Въ манерахъ голландскаго дворянства того времени не доставало граціи, которая развита была до совершенства между образованными французами, и которая, въ извѣстной степени, служила украшеніемъ англійскаго двора. Манеры Вильгельма были чисто голландскія, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Даже соотечественники называли его нелюбезнымъ; иностранцамъ же онъ

часто казался грубымъ. Въ своихъ сношеніяхъ со свѣтомъ вообще онъ обнаруживалъ незнаніе и пренебреженіе того искусства, которое придаетъ двойную цѣну милости и отнимаетъ горечь у отказа. Его мало занимали литература и науки. Драматическія представленія наводили на него скуку: ему пріятнѣе было отвернуться отъ сцены и поговорить о государственныхъ дѣлахъ, нежели смотрѣть, какъ Орестъ безумствуетъ или Тартюфъ жметъ руку Эльмирѣ. Но отъ природы онъ имѣлъ даръ сарказма, и нерѣдко возвышался до совершенно впрочемъ безсознательнаго краснорѣчія, не элегантнаго, правда, но сильнаго и оригинальнаго. Онъ не хотѣлъ казаться ни остроумнымъ собесѣдникомъ, ни ораторомъ. Его вниманіе было устремлено исключительно на тѣ знанія, которыя образуютъ искусныхъ и проницательныхъ дѣловыхъ людей. Съ дѣтскаго возраста онъ любилъ слушать бесѣды о дипломатіи, финансовыхъ и военныхъ дѣлахъ. Тактику онъ изучилъ настолько, насколько необходима она для умѣнья возвести равелинъ или бастіонъ. Языки, при помощи замѣчательно сильной памяти, онъ узналъ настолько, насколько они необходимы были ему для умѣнья понимать, безъ посторонней помощи, о чемъ съ нимъ говорили, отвѣчать на это и прочитывать получаемыя письма. Голландскій языкъ былъ его природнымъ и любимымъ языкомъ. Онъ понималъ по латыни, по итальянски и испански; говорилъ и писалъ по французски, по англійски и по нѣмецки, хотя не изящно и неправильно, но бѣгло и вразумительно. Это знаніе было очень важно для человѣка, вся жизнь котораго была проведена въ организаціи великихъ союзовъ и въ командованіи войсками, собранными изъ различныхъ государствъ.

Обстоятельства принудили Вильгельма обратить особенное вниманіе на одинъ разрядъ отвлеченныхъ вопросовъ, и, кажется, эти вопросы интересовали его болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по его общему характеру. Протестанты голландскіе, точно также, какъ протестанты англійскіе, раздѣлялись на двѣ сильныя религіозныя партіи, и это раздѣленіе почти совершенно совпадало съ двумя не менѣе сильными политическими партіями. Предводители муниципальной олигархіи были арминіане, которые большинству народа казались немногимъ лучше католиковъ. Принцы Оранскіе постоянно оказывали покровительство кальвинистскому духовенству и были отчасти обязаны своей популярностью тому рвенію, съ которымъ поддерживали строгій кальвинистскій догматъ. Вильгельмъ былъ съ дѣтскаго возраста воспитываемъ въ той богословской системѣ, которой держалась его фамилія и чтилъ эту систему даже болѣе, нежели обыкновенно чтутъ люди вѣру отцовъ своихъ. Въ строгой и непреклонной логикѣ женевской школы, Виль-

гельмъ находилъ нѣчто соотвѣтствующее характеру его мыслей и чувствъ, но никогда не подражалъ онъ примѣру нетерпимости, который подавали нѣкоторые изъ его предковъ. Ко всякаго рода гоненіямъ питалъ онъ глубокое отвращеніе и защищалъ терпимость не только тамъ, гдѣ было это полезно въ политическомъ отношеніи, но и тамъ, гдѣ скрывать сочувствіе къ свободѣ совѣсти было бы для него выгоднѣе. Его богословскія убѣжденія были, однакожъ, столь же тверды, какъ и убѣжденія его предковъ. За исключеніемъ только этого единственнаго дѣла, вся сила его обширнаго ума, съ самой ранней поры его жизни, обращена была только къ чисто практическимъ вопросамъ. Способности, необходимыя для веденія государственныхъ дѣлъ, созрѣли у него въ тотъ періодъ жизни, когда онѣ едва начинаютъ слабымъ образомъ обнаруживаться въ людяхъ обыкновенныхъ. Со временъ Августа, міръ не видѣлъ человѣка, въ такой ранней юности явившагося такимъ опытнымъ государственнымъ мужемъ. Искусные дипломаты съ изумленіемъ выслушивали мудрыя замѣчанія 17-лѣтняго принца о государственныхъ дѣлахъ и еще болѣе удивлялись, видя юношу, въ положеніяхъ, въ которыхъ трудно было удерживать душевные порывы, сохраняющимъ спокойствіе, столь же невозмутимое, какъ и они, сѣдые старики. На 19-мъ году онъ засѣдалъ между правителями республики, серьёзный, хранящій тайны и благоразумный, какъ самый старѣйшій изъ нихъ. На 22-мъ году онъ былъ поставленъ во главѣ администраціи. На 24-мъ онъ уже славился во всей Европѣ, какъ знаменитый воинъ и политикъ. Партіи своего отечества онъ уже подчинилъ своему владычеству, былъ душою могущественной коалиціи и съ честію противостоялъ на полѣ битвы знаменитѣйшимъ полководцамъ того времени.

Вильгельмъ имѣлъ наклонности скорѣе воина, чѣмъ государственнаго сановника; но, подобно прадѣду своему, Молчаливому принцу, основавшему Батавскую республику, — онъ занималъ несравненно высшее мѣсто между государственными людьми, чѣмъ между воинами. Успѣхъ сраженій не всегда можетъ служить безспорнымъ доказательствомъ способностей полководца; и было бы въ высшей степени несправедливо примѣнять это мѣрило въ отношеніи къ Вильгельму: его судьба была такова, что ему почти всегда приходилось сражаться съ геніальными полководцами и съ войсками, превосходившими въ дисциплинѣ его войска, — потому нельзя винить его въ недостаткѣ талантовъ за его неудачи на полѣ битвы; но тѣмъ не менѣе надобно все-таки признать, что онъ уступалъ военными талантами нѣкоторымъ полководцамъ, стоявшимъ далеко ниже его по умственнымъ способностямъ. Людямъ, которые пользовались его до-

вѣріемъ, онъ говорилъ объ этомъ съ благородною откровенностію человѣка, совершившаго великіе подвиги и откровенно сознавался въ нѣкоторыхъ промахахъ. Онъ говорилъ, что не имѣлъ времени приготовиться къ военному дѣлу; его еще мальчикомъ поставили во главѣ арміи. Между его подчиненными не было ни одного, который былъ бы способенъ учить его; уроками для него служили его собственныя ошибки и ихъ послѣдствія. «Я бы отдалъ, воскликнулъ онъ однажды, большую часть моихъ имѣній за то, чтобы послужить нѣсколько кампаній подъ начальствомъ принца Конде, прежде чѣмъ мнѣ самому пришлось сражаться противъ него». Но быть можетъ это обстоятельство, не дозволившее Вильгельму достичь совершенства въ стратегіи, благопріятствовало общему развитію его ума. Если его сраженія не обнаруживали въ немъ великаго полководца, зато они давали ему право на имя великаго человѣка. Никакое пораженіе не лишало его присутствія духа и полнаго самообладанія. Его потери на полѣ битвы вознаграждались его дѣятельностью съ такой изумительной быстротой, что прежде, нежели враги его кончали торжественное моленіе за побѣду, онъ готовъ былъ снова вступить въ бой. Несмотря на всѣ неудачи и пораженія, онъ постоянно пользовался уваженіемъ и довѣріемъ своихъ солдатъ. Этимъ уваженіемъ и довѣріемъ онъ много былъ обязанъ своей личной храбрости. Храбрость, въ той степени, которая нужна только для того, чтобы не безъ чести выйти изъ похода, имѣетъ, или, съ помощью нѣкоторой привычки, можетъ пріобрѣсть почти каждый. Но такую храбрость, какою обладалъ Вильгельмъ, можно по всей справедливости назвать рѣдкою. Онъ доказалъ ее во всѣхъ испытаніяхъ: сраженіе, раны, тяжелые и мучительные недуги, бурное море, постоянно угрожающая опасность отъ руки наемныхъ убійцъ — опасность, которая потрясала самые крѣпкіе нервы, которая потрясала непоколебимое мужество Кромвелля, — ничто не могло поколебать его неизмѣннаго мужества. Никто не могъ подмѣтить, чтобы принцъ Оранскій могъ устрашиться чего-нибудь, когда-нибудь. Его совѣтники съ трудомъ могли уговорить его принимать мѣры предосторожности противъ кинжаловъ и пистолетовъ тайныхъ убійцъ. Старые моряки изумлялись спокойствію, которое онъ сохранялъ среди ревущаго прибоя волнъ у опаснаго берега. Въ битвѣ его храбрость вызывала удивленіе между десятками тысячъ храбрыхъ воиновъ, вынуждала крики восторга отъ непріятельскихъ армій, и никогда не подвергалась сомнѣнію даже клеветниками его. Во время первыхъ кампаній онъ рисковалъ своею жизнью, какъ человѣкъ, ищущій смерти; всегда былъ первымъ при аттакѣ и послѣднимъ при отступленіи; дрался съ мечемъ въ рукѣ, врубался въ густыя массы; раненный пулею

въ руку и обливая своею кровью свою кирассу, онъ стоялъ на мѣстѣ и махалъ шляпой подъ самымъ жаркимъ огнемъ. Друзья умоляли его беречь жизнь, драгоцѣнную для отечества; его знаменитѣйшій противникъ, великій Конде, замѣтилъ, послѣ кровавой Сенефской битвы, что принцъ Оранскій велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ какъ старый генералъ, но заслуживаетъ порицанія за то, что подвергалъ себя опасности какъ молодой солдатъ. Вильгельмъ возражалъ на то, что его нельзя винить въ безразсудной храбрости. Онъ говорилъ, что чувство долга и холодный разсчетъ того, чего требовала общественная польза, велъ его на опаснѣйшія мѣста. Войска, которыми онъ командовалъ, были еще молоды и страшились столкновенія съ французскими ветеранами; поэтому, заключалъ онъ, предводителю ихъ необходимо лично показывать имъ, какъ выигрываются битвы. И, дѣйствительно, не разъ случалось, что битва, которая казалась проигранною, кончалась побѣдою, благодаря непреклонности, съ которою онъ собиралъ разстроенные батальоны и убивалъ своей рукой трусовъ, которые хотѣли бѣжать. Иногда, однакожъ, кажется, что онъ находилъ какое-то странное удовольствіе рисковать своей жизнью. Замѣчали, что его веселость никогда не была такъ свѣтла и его обращеніе никогда не было такъ любезно и свободно, какъ въ шумѣ и рѣзнѣ кровопролитной битвы. Даже въ своихъ забавахъ онъ любилъ душевныя волненія, возбуждаемыя опасностью. Карты, шахматы и бильярдъ не доставляли ему ни малѣйшаго удовольствія. Охота на дикихъ звѣрей была его любимымъ развлеченіемъ; онъ любилъ ее тѣмъ болѣе, чѣмъ больше опасности она обѣщала. На охотѣ онъ скакалъ иногда чрезъ такія опасныя мѣста, что самые отважные изъ его товарищей не рѣшались за нимъ слѣдовать. Самыя опасныя охоты Англіи не нравились ему, какъ слишкомъ мало имѣвшія въ себѣ риска, и въ Большомъ Виндзорскомъ паркѣ онъ съ грустью вспоминалъ объ охотѣ въ лѣсахъ Гельдерна на волковъ, на кабановъ, на огромныхъ оленей съ рогами о шестнадцати вѣтвяхъ.

Отважность его духа была тѣмъ болѣе замѣчательна, что его физическій организмъ былъ необыкновенно хилъ. Съ самаго дѣтства онъ былъ слабымъ и больнымъ человѣкомъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ его недуги были усилены слѣдствіями жестокой оспы. Онъ страдалъ одышкой и имѣлъ расположеніе къ чахоткѣ. Его слабая грудь постоянно изнемогала отъ сильнаго кашля. Онъ не иначе могъ спать, какъ подложивъ подъ голову множество подушекъ, и могъ дышать свободно только въ самомъ свѣжемъ воздухѣ. Жестокіе припадки головной боли часто мучили его; физическій трудъ скоро утомлялъ его. Доктора постоянно поддерживали надежду въ его врагахъ, назначая срокъ, далѣе кото-

раго, если сколько-нибудь надобно вѣрить медицинской наукѣ, невозможно было ожидать, что жизнь его продлится. И, однако же, втеченіе всей жизни, которая была одной продолжительной болѣзнью, сила воли неизмѣнно поддерживала страждущее и изнеможенное его тѣло.

Онъ получилъ отъ природы сильныя страсти и живую впечатлительность, но сила его душевныхъ ощущеній не была подмѣчена свѣтомъ. Его радость и его печаль, его привязанность и его досада прикрывались флегматическимъ спокойствіемъ, которое прославило его самымъ холоднымъ человѣкомъ. Тѣ, которые приносили ему добрыя вѣсти, рѣдко замѣчали въ немъ проявленіе удовольствія. Тѣ, которые видѣли его послѣ пораженія, тщетно искали на его лицѣ слѣдовъ огорченія. Онъ хвалилъ и дѣлалъ выговоры, награждалъ и наказывалъ съ суровымъ спокойствіемъ могикана; но люди, хорошо его знавшіе и имѣвшіе возможность видѣть его часто и близко, знали, что подъ этой ледяной оболочкой постоянно пылалъ могучій огонь. Рѣдко случалось, чтобы гнѣвъ отнималъ у него силу владѣть собою. Но когда онъ дѣйствительно приходилъ въ гнѣвъ, то первый порывъ этого чувства былъ ужасенъ. Опасно тогда было приближаться къ нему. Но въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ только онъ успокоивался, онъ немедленно предлагалъ такое полное извиненіе и вознагражденіе тѣмъ, которыхъ оскорбилъ, что въ нихъ невольнымъ образомъ возбуждалось желаніе, чтобы онъ снова разсердился. Его расположеніе отличалось такою же пылкостью, какъ и его гнѣвъ. Кого онъ любилъ, того любилъ со всею энергіею своего сильнаго характера. Когда смерть отнимала у него предметъ его любви, малочисленные свидѣтели его глубокой горести трепетали за его разсудокъ и за жизнь. Для весьма небольшаго числа задушевныхъ друзей, на преданность и скромность которыхъ Вильгельмъ могъ вполнѣ положиться, онъ вовсе не былъ тѣмъ безстрастнымъ станкомъ, котораго большинство считало лишеннымъ человѣческихъ чувствъ. Онъ былъ добръ, радушенъ, откровененъ, даже веселъ и шутливъ; любилъ просиживать съ друзьями нѣсколько часовъ за столомъ и принималъ живое участіе въ веселомъ разговорѣ. Болѣе всѣхъ друзей любилъ онъ джентельмена своей свиты, по имени Бентинка, который происходилъ отъ благородной голландской фамиліи и которому суждено было стать основателемъ одного изъ великихъ аристократическихъ домовъ Англіи.

Вильгельмъ въ теченіе долгаго времени внимательно слѣдилъ за борьбою между англійскими партіями, не чувствуя особеннаго расположенія къ той или другой изъ нихъ. Да и впослѣдствіи, до конца жизни, онъ не сдѣлался ни вигомъ, ни тори. Ему недоставало необходимѣйшаго условія къ такому

выбору — быть англичаниномъ. Онъ спасъ Англію, это правда; но никогда не чувствовалъ къ ней любви, какъ и она, въ свою очередь, — не чувствовала любви къ нему. Для него она всегда была страна изгнанія, посѣщаемая неохотно и оставляемая съ радостью. И въ то самое время, когда онъ оказывалъ ей тѣ услуги, благодѣтельныя послѣдствія которыхъ ощутительны даже и теперь, ея благоденствіе никогда не составляло главной его цѣли. Всѣ патріотическія чувства его были обращены на Голландію. Тамъ находились могилы великихъ политиковъ, отъ которыхъ онъ наслѣдовалъ кровь и имя, характеръ и геній. Тамъ фамильное имя его было чарующею силою, которая, въ теченіе трехъ поколѣній, возбуждала признательный энтузіазмъ поселянъ и ремесленниковъ. Голландскій языкъ былъ его роднымъ языкомъ. Изъ среды голландскаго дворянства онъ избралъ себѣ друзей юности; обычаи, архитектура и природа его родины плѣняли его сердце. Къ Голландіи онъ постоянно обращалъ свои взоры отъ гордой и прекрасной ея соперницы. Въ галереѣ Уайтголля онъ скучалъ по своемъ маломъ домѣ въ Гагѣ, и былъ вполнѣ счастливъ, когда, покидая великолѣпіе Виндзора, уѣзжалъ въ Лоо, свою скромную голландскую дачу. Въ то время, которое необходимость заставляла его проводить въ Англіи, онъ находилъ утѣшеніе созидать кругомъ себя изъ растеній и каналовъ сцену, которая напоминала бы ему чистенькія зданія изъ краснаго кирпича, длинные каналы и симетрическія куртины съ цвѣтами, между которыми проходила его молодость. Но даже и самая привязанность его къ отчизнѣ подчинялась другому чувству, которое рано сдѣлалась господствующимъ въ его душѣ, которое примѣшивалось ко всѣмъ его страстямъ, которое побуждало его къ дивнымъ предпріятіямъ, которое поддерживало его, когда онъ изнемогалъ подъ тяжестію огорченій, трудовъ и болѣзни, которое продолжало одушевлять его даже въ предсмертный часъ, когда надъ его одромъ читалась отходная молитва. Чувство это было вражда къ Франціи и къ великолѣпному королю, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ представителемъ Франціи и въ которомъ съ хорошими качествами, чисто французскими, соединялось то безпокойное, безсовѣстное и тщеславное честолюбіе, которое постоянно навлекало на Францію негодованіе Европы.

(Маколей, Разсказы изъ исторіи Англіи, «Современникъ» за 1857 г.).

11. МАЛЬБОРО.

Джонъ Чорчилль, впослѣдствіи лордъ и герцогъ Мальборо, не блисталъ особенною знаменитостью рода; отецъ его былъ

старый кавалеръ, который, разорившись въ войнѣ за Стюартовъ, промѣнялъ, подъ конецъ своей жизни, саблю на перо и написалъ 12 томовъ in-folio въ защиту монарховъ и монархіи, сочиненіе котораго, впрочемъ, не читалъ никто другой, кромѣ самого автора. Начало карьеры молодаго Чорчилля соотвѣтствовало дальнѣйшей его жизни, жизни, представляющей рѣдкую смѣсь славы и позора; онъ купилъ первые свои успѣхи безчестіемъ своей сестры. Арабелла Чорчилль принята была ко двору въ качествѣ фрейлены первой жены Іакова II, тогда герцога іоркскаго и наслѣдника престола; она обратила на себя вниманіе Іакова и скоро сдѣлалась его офиціальною любовницею. Замѣтимъ, что слѣдствіемъ этой связи былъ сынъ, знаменитый потомъ маршалъ Бервикъ, котораго придется намъ встрѣтить дальше. Возвышеніе Арабеллы доставило много выгодъ ея роднымъ и особенно ея старшему брату Джону. Джонъ Чорчилль, необыкновенно красивый молодой человѣкъ, принятъ былъ въ королевскую гвардію, шелъ быстро по службѣ и при дворѣ рано сталъ извѣстенъ, какъ человѣкъ съ изящными манерами и наклонностью къ удовольствіямъ. Въ такой школѣ разврата, какою былъ дворъ Карла II, онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ; уже съ молодыхъ лѣтъ онъ соединялъ съ красотою и чрезвычайною привѣтливостью такое внѣшнее достоинство, что самые отчаянные наглецы не позволяли себѣ въ отношеніи къ нему никакой невѣжливости; уже тогда онъ обнаруживалъ, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, удивительное самообладаніе и невозмутимое спокойствіе духа. Онъ не получилъ никакого воспитанія; но его проницательный и быстрый умъ вполнѣ замѣнялъ научное образованіе; онъ не былъ говоруномъ, но если ему случалось говорить публично, то природное краснорѣчіе его возбуждало зависть въ самыхъ записныхъ ораторахъ. Военное его поприще началось въ дни униженія для Англіи, въ то время, когда Карлъ II помогалъ за деньги Людовику XIV въ порабощеніи Голландіи. Чорчилль на 23-мъ году посланъ былъ съ полкомъ на континентъ для содѣйствія французскимъ войскамъ, воевавшимъ противъ Голландской республики. По странной игрѣ случая, будущій побѣдитель Бурбоновъ бралъ первые уроки военнаго искусства у величайшихъ полководцевъ французскаго монарха — у Конде, у Тюрення, у Вобана. Уже съ первой кампаніи онъ обнаружилъ блестящія качества; его холодная неустрашимость отличала его между тысячами храбрыхъ солдатъ. Самые заслуженные генералы удивлялись его ранней зрѣлости; онъ выслушивалъ неоднократно изъявленіе признательности въ виду цѣлой арміи и получалъ доказательства уваженія и довѣренности отъ Тюренния, который находился тогда въ апогеѣ военной славы.

По возвращеніи своемъ съ континента, полковникъ Чорчилль, молодой, прекрасный, любезный, краснорѣчивый и храбрый, сдѣлался идоломъ всего двора. Блестящая военная репутація возвысила еще болѣе его преимущества. Король оказывалъ ему чрезвычайную благосклонность; главный протекторъ его Іаковъ, герцогъ іоркскій, не могъ жить безъ него; первые вельможи страны спѣшили знакомиться съ нимъ и гордились его дружбою; онъ сталъ львомъ всего высшаго общества; всѣ смотрѣли на него, какъ на идеалъ самаго утонченнаго, самаго изящнаго и совершеннаго джентельмена; придворные франты наперерывъ подражали его манерамъ, одѣвались, какъ онъ и старались усвоить себѣ хотя частицу той граціи, съ которой онъ носилъ шпагу, укладывалъ свой парикъ и дѣлалъ легкій поклонъ. Нигдѣ, однако, молодой герой не имѣлъ такихъ успѣховъ, какъ между прекраснымъ поломъ; онъ вскружилъ голову всѣмъ придворнымъ красавицамъ. Первыя дамы соперничали между собою, чтобъ пріобрѣсть его расположеніе; конца не было то смѣлымъ, то робкимъ признаніямъ; но холодное сердце этого человѣка не было создано для любви. Уже тогда, въ молодости, онъ обнаруживалъ ту ненасытную жадность до денегъ, которая впослѣдствіи сдѣлалась его единственною, господствующею страстью. Деньги были дороже для него, чѣмъ всѣ любовныя признанія; онъ велъ по десяти интригъ вмѣстѣ и каждый день имѣлъ по нѣскольку свиданій, но не отъ одной только природной наклонности къ волокитству. Онъ извлекалъ выгоды изъ самыхъ пороковъ своихъ и собиралъ обильную дань съ женщинъ, которыя сгорали къ нему любовью. У одной онъ бралъ драгоцѣнное кольце съ ея пальца, у другой — золотую цѣпь съ ея шеи, у третьей — даже свитокъ съ гинеями.

Однакожъ, въ человѣческой природѣ бываютъ нерѣдко странныя аномаліи. Тотъ же самый Чорчилль, сердце котораго не было доступно никакому чувству, не знало ни любви, ни ненависти, ни болѣзни, ни состраданія, имѣлъ въ жизни своей одну привязанность, глубокую и искреннюю, и остался ей вѣренъ до самой могилы. Подъ конецъ царствованія Карла II при дворѣ находилась, между фрейлинами, одна молодая женщина, по имени Сара Дженнингсъ; она отличалась безукоризненною красотою, была очень стройна, лице имѣла чрезвычайно выразительное, а густые и длинные ея волосы, еще тогда необезображенные пудрою, приводили въ восхищеніе многочисленныхъ ея поклонниковъ. Въ ряду этихъ поклонниковъ находился полковникъ Чорчилль. Какъ ни странно это было съ его стороны, онъ влюбился не на шутку. Сара тоже не была къ нему равнодушна, и Чорчилль женился на ней, женился по страсти. Сара была бѣдна; ему предлагали невѣсту съ большимъ состояніемъ. Послѣ нѣко-

торой борьбы, любовь взяла верхъ надъ жадностью и женитьба только усилила его страсть. Странное явленіе! человѣкъ этотъ, который не подозрѣвалъ даже, что существуетъ вѣрность, преданность, дружба, котораго жизнь была рядомъ черныхъ измѣнъ, оставался вѣренъ до самой смерти одному существу — женѣ своей. Онъ продолжалъ любить ее по прежнему и въ то время, когда сталъ могущественнымъ человѣкомъ, лордомъ и герцогомъ, всесильнымъ министромъ и главнокомандующимъ. До самой старости чувство его сохранило, даже въ высшей степени, романтическій характеръ. Каждый разъ, какъ шестидесятилѣтній лордъ Мальборо отправлялся на континентъ для открытія новой кампаніи, между нимъ и женою его, которая тоже перешагнула пятый десятокъ, происходила раздирательная сцена прощанія. Молодые супруги не разставались никогда съ такимъ отчаяніемъ, какъ старый Мальборо съ своей женой. Съ поля битвы, вмѣстѣ съ депешами, сѣдой генералъ посылалъ въ Англію письма къ женѣ, исполненныя такихъ пламенныхъ изъявленій любви, что могъ бы завидовать ему молодой человѣкъ, пишущій къ своей невѣстѣ; но мало того, человѣкъ этотъ, на котораго никто не могъ имѣть ни малѣйшаго вліянія, подчинялся нерѣдко вліянію жены. Его храбрость, которая въ опаснѣйшія минуты битвъ, казалось, только крѣпнетъ, измѣняла ему, когда жена встрѣчала его со слезами и упреками, съ наморщенными бровями, покачивая головою. «Сара до послѣдней минуты его жизни гордилась и была счастлива тѣмъ, что была единственнымъ существомъ, которое могло управлять этимъ проницательнымъ и твердымъ умомъ, которое было любимо этимъ холоднымъ сердцемъ и котораго страшился этотъ неустрашимый духъ». И недаромъ она имѣла такое вліяніе на своего мужа. Лэди Мальборо была въ высшей степени замѣчательная женщина; она пережила мужа слишкомъ двадцатью годами и почти до самой половины XVIII столѣтія продолжала играть важную роль въ Англіи. Это была дама чрезвычайно энергическаго и рѣзкаго характера, одаренная большимъ умомъ, твердою волею и пылкими страстями. Смѣлость, гордость и безконечное честолюбіе были отличительными свойствами ея духа. Она жаждала власти и значенія для себя и для своего мужа, и готова была рѣшиться на все для достиженія ихъ. Манеры ея были надменны и повелительны; она не выносила никакого противорѣчія; съ лѣтами увеличивались ея капризы и неуживчивость; она раздѣляла съ мужемъ любовь къ деньгамъ, но, между тѣмъ, какъ онъ копилъ, она проматывала. Одною поразительною чертою она рѣзко отличалась отъ мужа: у ней были страсти, отъ которыхъ онъ былъ совершенно свободенъ. При всей своей глубокой безнравственности, Мальборо не былъ золъ по характеру, и вовсе не

зналъ ненависти. Въ женѣ его, напротивъ, злости было больше, чѣмъ всего другаго; ненависть пробуждалась въ ней легко, и она ненавидѣла всѣмъ сердцемъ, безгранично, непримиримо. Она ненавидѣла всякаго, кто становился на дорогѣ ея мужа и препятствовалъ его карьерѣ, а по смерти мужа — всякаго, кто только достигалъ величія, славы и значенія. Эта злость росла въ ней вмѣстѣ съ лѣтами. «Она дожила до того, что сдѣлалась самымъ несноснымъ и жалкимъ созданіемъ, и дряхлою старухою была во враждѣ съ цѣлымъ міромъ, даже съ родными, даже съ дѣтьми и внуками; достигнувъ величія и богатства, она дорожила ими преимущественно потому, что они доставляли ей возможность презирать общественное мнѣніе и развивать въ душѣ своей ненависть и къ живымъ, и къ мертвымъ». Лэди Мальборо умерла, оставивъ послѣ себя имя величайшей нанавистницы своего времени; но въ то время, когда на ней женился Чорчилль, характеръ ея еще не сложился; «она не была еще тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась впослѣдствіи, когда могущество и счастливая жизнь развили въ ней одинъ родъ пороковъ, а несчастія — другой; когда голова ея была вскружена успѣхами и лестью, когда ея сердце разрывалось отъ бѣдствій и огорченій...» «Подъ конецъ жизни Карла II и въ царствованіе Іакова она считалась просто прекрасной, умной, молодой женщиной, которая время отъ времени могла сердиться и самовластвовать, но порывы гнѣва которой можно было прощать изъ уваженія къ ея красотѣ».

Полковникъ Чорчилль былъ человѣкъ, родившійся подъ счастливою звѣздою. Онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ; но еслибъ онъ даже получилъ руку богатѣйшей наслѣдницы въ цѣлой Англіи, то это не доставило бы такихъ выгодъ его алчности и честолюбію, какъ бракъ съ Сарою Дженнингсъ. «Его жена, очень небогатая, принесла ему приданое, которое сдѣлало его герцогомъ Англіи, княземъ нѣмецкой имперіи, главою великой европейской коалиціи, посредникомъ между могущественными государями и, что было ему всего дороже — богатѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ». Съ самаго ранняго дѣтства Сара Дженнингсъ воспитывалась вмѣстѣ съ принцессою Анною, и между дѣвочками образовалась тѣсная дружба. Характерами онѣ очень мало походили другъ на друга. Анна была флегматична, неразвязна и молчалива. Сара, напротивъ, имѣла чрезвычайно живой темпераментъ и была бойкая говорунья. Анна охотно подчинялась тѣмъ, кого любила. Сара господствовала надъ всякимъ, кого удостоивала своимъ расположеніемъ. У Анны гнѣвъ принималъ видъ упрямой и безгласной пасмурности. У Сары гнѣвъ изливался цѣлымъ потокомъ слезъ, воплей, упрековъ и бранныхъ словъ. Анна была очень набожна и до биготизма привязана къ обрядамъ и формамъ Высокой церкви. Сара немного

заботилась о религіи и на святость не имѣла никакихъ притязаній. Давно уже замѣчено, что различіе вкусовъ, понятій и характеровъ вовсе не бываетъ препятствіемъ къ дружбѣ. Анна не только любила лэди Чорчилль, но, можно сказать, обожала её. Принцесса не могла жить безъ предмета своей романтической нѣжности. Простой народъ приписывалъ даже эту необыкновенную привязанность какому-нибудь талисману или волшебному элексиру. «Вышедши замужъ, Анна была вѣрною и даже любящею женою; но принцъ датскій не пріобрѣлъ надъ нею того вліянія, которое имѣла ея подруга и первая статсъ-дама. Скоро и онъ самъ съ тупымъ терпѣніемъ подчинился господству пылкаго и повелительнаго духа, управлявшаго его женой. Родились дѣти — и Анна была доброй матерью: но нѣжность, которую она чувствовала къ дѣтямъ, была слаба въ сравненіи съ преданностью подругѣ дѣтства. Этикетъ, стѣснявшій эту дружбу, сдѣлался для нея невыносимымъ; она не могла слышать такихъ словъ, какъ: «государыня, ея величество» отъ той, которая была для нея больше чѣмъ сестрою; эти слова были неизбѣжны въ пріемной залѣ, но въ спальнѣ и кабинетѣ совсѣмъ не употреблялись. Анна и ея фаворитка въ дружескихъ бесѣдахъ отлагали всякій этикетъ, всѣ титулы; Анна называлась просто мистриссъ Морли, а лэди Чорчилль — мистриссъ Фримонъ. Даже принцъ датскій, который заботился объ этикетѣ настолько, насколько могъ заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ ѣды и питья, соглашался быть просто мистеромъ Морли. Подъ этими именами въ теченіе 20 лѣтъ велась между подругами переписка, отъ которой впослѣдствіи зависѣла судьба министровъ и династій. Лэди Чорчилль хвалилась, что выбрала имя Фримонъ собственно потому, что оно соотвѣтствовало прямотѣ и откровенности ея характера; и надобно отдать ей справедливость: она пріобрѣла и долго сохранила деспотическую власть надъ слабымъ умомъ Анны вовсе не тѣми средствами, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ придворные. Въ ней было мало женскаго такта; по рѣзкости своего характера, она не могла ни льстить, ни притворяться. Но характеръ ея подруги былъ такого рода, что именно рѣшительная, неуступчивая воля производила на нее магическое дѣйствіе. Въ этой странной дружбѣ преданность, терпѣливость, самопожертвованіе было на сторонѣ госпожи; капризы, высокомѣріе, обидчивость на сторонѣ подчиненной.

При Карлѣ и Іаковѣ Анна, покамѣстъ, не имѣла еще никакой политической власти, но дружба ея была залогомъ величія Чорчиллей въ будущемъ; однакожъ даже и въ это время Чорчилль успѣлъ удовлетворять своей жадности къ деньгамъ, черезъ вліяніе своей жены. На расположеніе принцессы онъ смо-

трѣлъ, какъ на рудникъ. Анна отъ природы была склонна къ скупости, и даже, когда сдѣлалась королевой, ни столъ ея, ни экипажи не отличались роскошью; но фавориткѣ своей она не могла отказать ни въ чемъ, и была такъ щедра къ ней, что, несмотря на большіе доходы, нѣсколько разъ входила въ долги, которые каждый разъ уплачивалъ Іаковъ, и сердясь и удивляясь. Онъ и не подозрѣвалъ, на что тратитъ дочь его такія огромныя суммы. Между тѣмъ военная и придворная карьера полковника Чорчилля шла быстро. Іаковъ привязывался къ нему все болѣе и болѣе и почти не разставался съ нимъ. Послѣ вступленія своего на престолъ Іаковъ сейчасъ сдѣлалъ своего protégé генераломъ и шотландскимъ пэромъ и отправилъ его съ военными дипломатическими миссіями во Францію и Голландію. Когда вспыхнуло возстаніе Монмоута, Чорчиллю представился новый случай къ отличію. Его дѣятельности, его храбрости, его военнымъ дарованіямъ Іаковъ главнымъ образомъ обязанъ былъ подавленію этого возстанія. Взаимная связь ихъ укрѣпилась послѣ этого еще болѣе; казалось, ничто не будетъ въ состояніи расторгнуть ихъ дружбы. Іаковъ видѣлъ въ Чорчиллѣ самаго вѣрнаго, самаго надежнаго своего служителя. Чорчилль долженъ былъ видѣть въ Іаковѣ не только своего государя, но и личнаго своего благодѣтеля. Привязанность его къ Іакову должна была основываться не на одномъ только чувствѣ вѣрноподданства; Іакову онъ обязанъ былъ всѣмъ: Іаковъ вывелъ его въ люди; съ Іаковомъ должно было связывать его чувство военной чести, чувство личной благодарности и даже крѣпчайшія узы интереса. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали профаны. Но Чорчилль былъ выше всѣхъ такого рода соображеній. О благодарности онъ имѣлъ немного понятія и предоставлялъ это чувство недальновиднымъ, ограниченнымъ людямъ; но выгоды свои онъ понималъ отлично. Какъ скоро онъ замѣтилъ, что Іаковъ вступилъ на ложную дорогу и сталъ работать надъ собственною погибелью, сейчасъ же, не медля, онъ принялъ свои мѣры и первый между англичанами вступилъ въ тайныя сношенія съ Вильгельмомъ Оранскимъ; между тѣмъ жена его работала надъ принцессою Анною и приготовляла ея слабый умъ къ такому же поступку. Игра, которую теперь сталъ играть Чорчилль, не имѣетъ себѣ подобной въ исторіи. Предавшись принцу Оранскому, онъ все-таки остался при Іаковѣ, продолжалъ притворяться его преданнѣйшимъ слугою, всѣми силами поддерживалъ его опасную политику и нарочно внушалъ ему самыя безумныя мѣры, чтобъ тѣмъ скорѣе довести его до погибели. Іаковъ, никакъ не подозрѣвая его измѣны, во всемъ довѣрялъ ему слѣпо. Наконецъ наступилъ кризисъ. Принцъ Оранскій высадился и началъ медленно подвигаться къ Лон-

дону. Тогда Чорчилль совершилъ дѣло, въ сравненіи съ которымъ измѣна маршала Нея Людовику XVIII можетъ показаться величайшимъ подвигомъ античной доблести. Іаковъ поручилъ ему начальство надъ значительнымъ отрядомъ войска, которое должно было остановить на пути Вильгельма. Чорчилль привлекъ Іакова въ лагерь въ Сальсбери и настаивалъ на томъ, чтобъ какъ можно поскорѣе дать битву Вильгельму: на это у него были важныя причины. Онъ составилъ обширный заговоръ въ арміи и положилъ перейти со всѣмъ своимъ отрядомъ на сторону принца Оранскаго и передать ему въ руки Іакова, своего благодѣтеля. Непредвидѣнный случай помѣшалъ Чорчиллю исполнить эту послѣднюю часть задуманнаго плана. Онъ дезертировалъ ночью въ лагерь Вильгельма одинъ съ нѣсколькими офицерами; но еще въ тотъ же день вечеромъ онъ дружески ужиналъ съ Іаковомъ; лице его сохраняло свою обычную, любезную и невозмутимую ясность; съ лицемѣрнымъ энтузіазмомъ онъ разсыпался въ клятвахъ, что прольетъ послѣднюю каплю крови на службѣ своего милостиваго государя. На другой день послѣ бѣгства Чорчилля все войско Іакова или перешло къ непріятелю, или разбѣжалось

Вступленіе на престолъ Вильгельма и Маріи открыло Чорчиллю новый, блестящій горизонтъ. Вильгельмъ, награждая его услуги, произвелъ его въ англійскіе пэры съ титуломъ лорда Мальборо и поручилъ ему главное начальство англійскихъ силъ въ Нидерландахъ въ открывшейся войнѣ противъ Людовика XIV. Съ каждымъ годомъ увеличивалась его военная репутація; покрывшись славою въ Нидерландахъ, онъ пожиналъ новые лавры въ Ирландіи и нанесъ послѣдній ударъ тамошнему возстанію. Вмѣстѣ съ военною славою открылась для Мальборо новая и безграничная перспектива обогащенія. Принцесса Анна сдѣлалась теперь чрезвычайно важнымъ лицомъ въ государствѣ. Она должна была наслѣдовать корону послѣ Вильгельма. При такомъ положеніи дѣлъ, значеніе ея конфидентки, лэди Мальборо, возрасло необыкновенно. «Всѣ поступки принцессы во время революціи 88-го года показывали, что у ней самой нѣтъ ни воли, ни мнѣнія. Все это влагалось въ нее единственно внушеніями Чорчиллей. Для нихъ пожертвовала она узами родства, предразсудками, привычками, выгодами. Повинуясь имъ, она вошла въ заговоръ противъ отца, бѣжала изъ Уайтголля, передалась инсургентамъ, согласилась уступить свое мѣсто въ порядкѣ престолонаслѣдія принцу Оранскому. Теперь они съ удовольствіемъ увидѣли, что Анна, безусловно подчиненная ихъ вліянію, сама имѣетъ огромное вліяніе на другихъ. Едва совершился переворотъ, какъ многіе тори, равно не любя ни Іакова, ни Вильгельма, равно опасаясь и іезуитовъ, и диссентеровъ, обна-

ружили сильное расположеніе соединиться вокругъ Анны. Она непреклонно была привязана къ Высокой церкви... Эта непреклонность дала ей важность въ государствѣ... Она сдѣлалась идоломъ всей торійской партіи. Лордъ и лэди Мальборо понимали, что при-этомъ Анна можетъ быть опасна правительству, и рѣшились воспользоваться такимъ выгоднымъ положеніемъ, чтобы истребовать денегъ, на словахъ — для нея, на дѣлѣ — для себя.» Король Вильгельмъ продолжалъ выплачивать Аннѣ изъ своей liste civile доходъ, которымъ она пользовалась при Іаковѣ, именно 30,000 фунтовъ въ годъ. Этого было мало супругамъ Мальборо. Они посовѣтовали принцессѣ, не говоря ни слова королю, обратиться къ парламенту и потребовать, чтобъ доходы ея были увеличены парламентскимъ актомъ и притомъ сдѣланы независимыми отъ короны. Лэди Мальборо занялась этимъ дѣломъ. Она начала интриги съ торійскими членами Нижней палаты съ тѣмъ, чтобъ склонить ихъ сдѣлать предложеніе въ такомъ смыслѣ. Король Вильгельмъ былъ оскорбленъ этимъ поступкомъ. Онъ предложилъ Аннѣ, что добровольно увеличитъ изъ своей liste civile ея доходы до 50,000 фунтовъ, если она откажется дѣйствовать черезъ парламентъ. Но супруги Мальборо надѣялись получить отъ парламента сумму болѣе значительную: они желали никакъ не менѣе 70,000 и уговорили Анну настоять на своемъ требованіи. Однакожъ излишняя жадность повредила имъ. Нижняя палата нашла, что, при дурномъ состояніи финансовъ, 70,000 слишкомъ много, и что очень достаточно той суммы, которую предлагалъ король. Мало по малу съ обѣихъ сторонъ согласились на уступки. Принцесса должна была удовольствоваться 50,000, а Вильгельмъ согласился, чтобъ эта сумма была назначена ей не просто по волѣ короля изъ liste civile, а по парламентскому акту изъ однихъ государственныхъ доходовъ. Принцесса наградила лэди Мальборо пенсіею въ 1,000 фунтовъ; но это было, вѣроятно, только ничтожною частью выгодъ, полученныхъ обоими супругами отъ увеличенія доходовъ Анны. Слѣдствіемъ всего этого было, однакожъ, совершенное охлажденіе отношеній между Вильгельмомъ и Анною, которые и до этого не питали другъ къ другу особенной симпатіи. Время и новыя столкновенія увеличивали постоянно разладъ между ними, и причиною этого въ большой мѣрѣ была лэди Мальборо. Вильгельмъ не могъ выносить высокомѣрной дамы, которая путалась во все, хотѣла управлять дворомъ, интриговала съ членами парламента. Даже кроткая Марія, жена Вильгельма, чувствовала противъ лэди Мальборо досаду, насколько доступно было досадѣ ея доброе сердце. Съ своей стороны, лэди Мальборо ненавидѣла Вильгельма всею ненавистью, на какую только способна была ея злобная натура. Дошло до

того, что дерзкая статсъ-дама позволяла себѣ оскорблять публично короля и королеву. Вильгельмъ и Марія неоднократно жаловались Аннѣ; но Анна слѣпо стояла во всемъ за свою фаворитку. Наконецъ Вильгельмъ вышелъ изъ терпѣнія и потребовалъ, чтобъ лэди Мальборо немедленно оставила кенсингтонскій дворецъ. Анна залилась слезами и умоляла короля и королеву не настаивать на такой печальной для нея разлукѣ. «Нѣтъ такого бѣдствія», сказала она, котораго я не согласилась бы вытерпѣть скорѣе, чѣмъ одну мысль о разлукѣ съ моею возлюбленною Сарою.» Но Вильгельмъ былъ непреклоненъ. Единственнымъ его отвѣтомъ была бумага, присланная лэди Мальборо, въ которой она увольнялась отъ должности статсъ-дамы и получила приказаніе въ 24 часа удалиться изъ Кенсингтона. Тогда въ королевской семьѣ дошло до окончательнаго разрыва. Анна, скорѣе чѣмъ пожертвовать своею подругою, рѣшилась тоже оставить дворецъ. Она переѣхала въ Лондонъ, взявши съ собою всѣхъ дѣтей и принца датскаго, который немного заботился о перемѣнѣ мѣста и вездѣ чувствовалъ себя отлично. Съ тѣхъ поръ домъ Анны сдѣлался пристанищемъ всѣхъ недовольныхъ Вильгельмомъ и сборнымъ пунктомъ оппозиціи. Лэди Мальборо давала полный просторъ своей ненависти; отъ нея выходили самыя черныя клеветы на короля и королеву. Между тѣмъ Вильгельмъ давно уже охладѣлъ и къ ея мужу и имѣлъ для этого важныя причины. Лордъ Мальборо, какъ-будто не принимая никакого участія въ интригахъ своей жены, все время соблюдалъ обычное свое приличіе и свое неподражаемое достойное спокойствіе; но подъ рукою онъ развивалъ дѣятельность, которая была гораздо опаснѣе для Вильгельма, чѣмъ всѣ порывы, клеветы и дерзости гордой и мстительной лэди. Казалось, что человѣкъ этотъ, такимъ страшнымъ образомъ измѣнившій Іакову, будетъ преданнѣйшимъ слугою и опорой новой династіи. Казалось, что эта постыдная ночь, ночь сальсберійская, навсегда раздѣлила вѣроломнаго бѣглеца и государя, котораго онъ погубилъ. Дѣйствительно, у всѣхъ іакобитовъ имя Мальборо произносилось съ омерзеніемъ, и Іаковъ объявилъ, что никогда въ жизни не проститъ ему его черной неблагодарности. Въ случаѣ контръ-революціи, въ случаѣ возвращенія Стюартовъ, для Мальборо одно только представлялось въ перспективѣ: или висѣлица въ Товеръ-Гиллѣ, или бѣгство и жизнь въ изгнаніи, въ бѣдности, гдѣ нибудь на чердакѣ, въ Голландіи. Поэтому можно было ожидать, что онъ будетъ служить своему новому господину съ вѣрностью непреклонною, съ вѣрностью отчаянія. Но тѣ, которые думали такъ, мало знали Мальборо. Онъ видѣлъ, какъ престолъ Вильгельма былъ непроченъ; онъ видѣлъ, что опасно было бы связываться съ нимъ навсегда и безвоз-

вратно. Іаковъ, правда, грозилъ ему вѣчнымъ гнѣвомъ, но Мальборо не имѣлъ обыкновенія отчаяваться въ чемъ бы то ни было; онъ былъ увѣренъ въ своихъ силахъ; онъ былъ увѣренъ, что съумѣетъ повести свои дѣла такъ, что не висѣлица будетъ ожидать его на случай реставраціи, а прежнее величіе, богатство и значеніе. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ сальсберійской ночи, а уже Мальборо писалъ письмо за письмомъ въ С.-Жерменъ къ Іакову, изъявляя въ раздирающихъ выраженіяхъ свое глубокое раскаяніе, изображая страшными красками мученія своей совѣсти. «Мои преступленія», говорилъ онъ, «являются мнѣ теперь въ ихъ настоящемъ видѣ, и я содрогаюсь отъ ужаса при созерцаніи ихъ. Мысль о нихъ живетъ со мною день и ночь. Я сажусь за столъ, но кусокъ не идетъ въ мое горло; я кидаюсь на кровать, но сонъ бѣжитъ отъ меня. Я готовъ пожертвовать всѣмъ возможнымъ, пренебречь всѣмъ дорогимъ, обратить въ щепки мои богатства, лишь бы только избавиться отъ гнета больной души». Но въ то время, какъ онъ увѣрялъ Іакова, что сознаніе вины мѣшаетъ ему глотать пищу днемъ и отдыхать ночью, втайнѣ онъ насмѣхался надъ нимъ. Потеря полгинеи была больше способна испортить его аппетитъ и разстроить его сонъ, чѣмъ всѣ ужасы разстроенной совѣсти. Ему только хотѣлось исторгнуть изъ рукъ Іакова маленькій документъ, въ которомъ было бы написано только два слова, именно, что Іаковъ прощаетъ Мальборо. Этимъ документомъ можно было воспользоваться на случай реставраціи; этотъ документъ открылъ бы Мальборо дорогу къ новой карьерѣ при возстановленныхъ Стюартахъ. Но Іаковъ не могъ вѣрить архиизмѣннику; онъ требовалъ поруки, большой поруки, требовалъ доказательства въ его раскаяніи, доказательства самаго сильнаго и убѣдительнаго. Чтобы убѣдить Іакова, нужно было совершить Мальборо что-нибудь необыкновенное, блестящее, поразительно краснорѣчивое. Прежняя его измѣна, снабженная всѣмъ, что могло сдѣлать ее неподражаемою, поставила его въ то неловкое и затруднительное положеніе, въ которомъ находится всякій артистъ послѣ того, какъ создастъ свое chef d'oeuvre. Нужно было теперь Мальборо превзойти самого себя, затмить прежній блескъ новымъ, еще болѣе яркимъ. И дѣйствительно, второе его мастерское дѣло въ искусствѣ измѣны могло возбудить удивленіе даже въ тѣхъ, которые вполнѣ оцѣнивали достоинство перваго. Чтобъ почитатели его талантовъ не могли сказать, что во время революціи онъ измѣнилъ своему королю по другимъ, а не эгоистическимъ мотивамъ, онъ рѣшился измѣнить теперь своему отечеству. Онъ послалъ въ С.-Жерменъ планъ тайной экспедиціи, приготовляемый Вильгельмомъ противъ Бреста, и Іаковъ передалъ этотъ планъ Людовику XIV. Слѣдствіе было таково, что экспедиція получила печальный ис-

ходъ и болѣе тысячи англійскихъ солдатъ положили свои головы на французскомъ берегу для того, чтобъ удостовѣрить Іакова въ раскаяніи лорда Мальборо. Мальборо предлагалъ Іакову даже болѣе: онъ предлагалъ ему, конечно, не серьезно, повторить сальсберійское дѣло еще въ болѣе громадныхъ размѣрахъ, именно, перейти съ цѣлымъ корпусомъ своимъ къ французамъ въ Нидерландахъ. Король Вильгельмъ не зналъ въ точности всѣхъ подробностей измѣны Мальборо. Дѣло это разъяснилось и стало извѣстно только въ наше столѣтіе, когда открыты были всѣ тайныя бумаги Стюартовъ. Но до Вильгельма постоянно доходили слухи, намеки и даже положительныя указанія о сношеніяхъ Мальборо съ с.-жерменскимъ дворомъ. Вильгельмъ былъ человѣкъ рѣшительный; его нельзя было обольстить такъ, какъ Іакова; онъ видѣлъ, что никто для него не можетъ быть опаснѣе лорда Мальборо; онъ долго молчалъ, но наконецъ рѣшился покончить все однимъ внезапнымъ ударомъ. Въ одинъ день весь Лондонъ пораженъ былъ неожиданнымъ и для всѣхъ непонятнымъ событіемъ. Стало извѣстно, что лордъ Мальборо былъ отставленъ отъ всѣхъ своихъ должностей, арестованъ и посаженъ въ Товеръ. Вильгельмъ не имѣлъ, однако, въ рукахъ довольно положительныхъ доказательствъ, чтобъ можно было начать противъ него политическій процессъ, и черезъ нѣсколько времени Мальборо былъ выпущенъ изъ тюрьмы, но попалъ въ совершенную немилость у короля. Онъ остался безъ должности и повидимому жилъ въ строгомъ уединеніи, удаленный отъ всякаго участія въ политикѣ, но втайнѣ продолжалъ интриги съ с.-жерменскимъ дворомъ. Принцесса Анна утѣшила его въ несчастіи: дала ему мѣсто въ своемъ придворномъ штатѣ и наградила пенсіономъ въ тысячу фунтовъ. Между тѣмъ умерла королева Марія; Вильгельмъ и Анна помирились и это облегчило для Мальборо возвращеніе королевской милости и прежняго значенія. Затрудненія по испанскому наслѣдству указывали Вильгельму въ перспективѣ новую войну на континентѣ; а въ случаѣ войны, ему трудно было обойтись безъ таланта Мальборо. Мало по малу между ними возстановилось согласіе. Мальборо былъ назначенъ воспитателемъ молодаго принца глостерскаго, но должность эта была внезапно прервана смертью принца. Въ это время давно предвидѣнная война съ Людовикомъ XIV приблизилась. Вильгельмъ составилъ новую европейскую коалицію. Чувствуя слабость своихъ силъ, онъ думалъ назначить Мальборо главнокомандующимъ войскъ, посылаемыхъ противъ Франціи; но смерть остановила его среди военныхъ приготовленій. Тогда послѣдовало наконецъ событіе, котораго лордъ и лэди Мальборо ожидали съ нетерпѣніемъ, какъ манны съ неба. На престолъ вступила ихъ прин-

цесса и для нихъ открылась необозримая перспектива величія и всемогущества. Началось царствованіе собственно не Анны, а царствованіе супруговъ Мальборо. Такъ смотрѣли во всей Европѣ, но въ Европѣ не понимали хорошо взаимнаго отношенія этихъ трехъ личностей. За границею было извѣстно вообще, что Анною управляютъ Чорчилли. Извѣстно было также, что человѣкъ, пользовавшійся ея милостью, не только великій полководецъ и политикъ, но также одинъ изъ первыхъ красавцевъ своего времени: естественно было полагать, что онъ любовникъ Анны— такъ и называли его французскіе пасквили. Но въ Англіи этому никто никогда не вѣрилъ. Для Анны Мальборо былъ только мистеромъ Фриманомъ, мужемъ ея подруги. Онъ не имѣлъ прямой власти надъ королевой; онъ могъ управлять ею только посредствомъ своей жены; а его жена, какъ знаемъ, не была страдательнымъ орудіемъ его воли. Когда страсть возгоралась въ ней, она была готова даже забыть объ интересахъ, о величіи своего мужа, и ей суждено было, какъ увидимъ впослѣдствіи, сдѣлаться главною причиною его паденія. «Мало въ исторіи случаевъ болѣе интересныхъ, нежели тѣ отношенія, когда великій и умный человѣкъ, задумавъ обширные и глубокіе политическіе планы, могъ исполнять ихъ только тѣмъ, что уговаривалъ женщину, часто не принимавшую никакихъ убѣжденій, приказывать другой женщинѣ».

Теперь намъ становится ясно, что политика новаго правительства зависѣла отъ того, чего пожелаетъ лордъ Мальборо, и еще болѣе отъ того, чего пожелаетъ его жена. Тори не хотѣлось войны съ Франціей; торійскіе министры Анны охотно ограничились бы одними морскими дѣйствіями. Но другаго рода планы были въ головѣ супруговъ Мальборо. Могущественная лэди не любила тори и смѣялась надъ Высокой церковью. Особенную ненависть возбуждалъ въ ней дядя королевы, свирѣпый Рочестеръ, номинальный глава торійскаго кабинета; а надменность грандіознаго Ноттингема, который никакъ не думалъ преклоняться предъ властолюбивою дамой, раздражала ее въ высшей степени. Лэди Мальборо желала войны, самой энергичной, потому что не желали ея тори, и потому, что война открывала поприще для величія ея мужа. Лордъ Мальборо тоже желалъ войны, войны длинной и громадной, потому что видѣлъ въ ней лучшее средство обогащенія; притомъ въ немъ заиграло честолюбіе. Онъ чувствовалъ свои дарованія; онъ зналъ, что, по смерти Вильгельма, во главѣ европейской коалиціи онъ можетъ сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ Европѣ. Поэтому въ первомъ же совѣтѣ министровъ, созванномъ Анною, рѣшена была война и продолженіе политики Вильгельма. Торійскіе члены кабинета оказали весьма робкое сопротивленіе и уступили

твердо высказанной волѣ королевы. Даже принцъ датскій, бывшій членомъ министерства въ качествѣ великаго адмирала, воспламенился военнымъ энтузіазмомъ и, поддерживая лорда Мальборо, обнаружилъ необыкновенное краснорѣчіе. Принцъ датскій чувствовалъ къ Мальборо глубокое уваженіе. Они пивали вмѣстѣ и Мальборо, который умѣлъ ладить со всѣми и уживаться со всѣми, находилъ даже, что принцъ самый любезный человѣкъ въ мірѣ. Парламентъ, созванный еще Вильгельмомъ, и въ которомъ большинство имѣли виги, охотно далъ для войны большія денежныя субсидіи. Договоры, заключенные Вильгельмомъ съ Голландіею, императоромъ Леопольдомъ, Пруссіею, Швеціею и Даніею, были утверждены Анною. Въ половинѣ мая 1702 г. послѣдовало объявленіе войны противъ Франціи въ одинъ день и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Гагѣ. Англійскія войска отправились въ Нидерланды. Между супругами Мальборо произошла чувствительная сцена разлуки. Послѣ многихъ слезъ и нѣсколькихъ обмороковъ, лэди простилась съ мужемъ, и онъ отплылъ на континентъ вслѣдъ за арміею.

(Вызинскій. Англія въ XVIII ст. Часть первая. Стр. 77—91).

V.

ИЗЪ ЭПОХИ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

---

1. БИТВА ПРИ БѢЛОЙ ГОРѢ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Въ субботу, 7-го ноября 1620 года, богемцамъ удалось наконецъ сдѣлать вылазку и достигнуть Праги.

Сначала колебались, не ввести ли войско въ городъ, чтобы такимъ образомъ истребить враговъ во время самой осады; но изъ боязни быть окруженными со всѣхъ сторонъ и попасться въ плѣнъ вмѣстѣ съ королемъ, или видѣть, какъ многочисленные непослушные наемники будутъ грабить городъ, всѣ порѣшили на слѣдующемъ: расположить *Пражскій* лагерь на такъ называемой *Бѣлой горѣ* и укрѣпить его по возможности скорѣе и лучше. Князь Христіанъ Ангальтскій убѣдительно просилъ позаботиться объ этомъ короля, спѣшившаго въ Прагу, но, прибывъ на мѣсто въ часъ по полудни, не нашелъ ничего исполненнымъ: это произошло отчасти потому, что Фридрихъ не считалъ необходимою излишнюю поспѣшность, и главнымъ образомъ потому, что не было ни одного человѣка, который могъ бы ему что-либо посовѣтовать, а также и потому, что богемцы не повиновались получаемымъ приказамъ. До разсвѣта слѣдующаго дня (воскресенье 8-го ноября) не произошло ничего особеннаго, такъ какъ войско нуждалось въ отдыхѣ, но въ 9 часовъ, когда разсѣялся утренній туманъ, всѣ увидѣли непріятельскій авангардъ. Максимиліанъ, по соглашенію съ полководцемъ Тилли, намѣревался произвести нападеніе, прежде чѣмъ богемцы успѣютъ расположиться лагеремъ; Буккуа же, стоявшій еще дальше съ императорскими войсками, напротивъ, предостерегалъ отъ такой поспѣшности, предлагая оставить богемское войско и овладѣть Прагою; но большинство отвергло это предложеніе потому, что оно соединено было съ большими опасностями. Въ то время, какъ императорско-баварское войско составляло различные пла-

ны дѣйствій, богемцы, узнавъ, что Буккуа еще не прибылъ, находились въ полной увѣренности, что въ этотъ день на нихъ не нападутъ. Князь Ангальтскій сильно настаивалъ на томъ, чтобы аттаковать на мѣстѣ утомленныхъ баварцевъ до прибытія императорскихъ войскъ; но графъ Гогенлоэ считалъ неблагоразумнымъ, оставивъ укрѣпленіе, спуститься съ возвышенности въ невыгодную по положенію долину. Когда Тилли въ эту минуту переходилъ съ баварцами черезъ мостъ, князь Христіанъ сталъ съ новымъ жаромъ утверждать, что было бы непростительно не воспользоваться такою поспѣшностью и не уничтожить отрядъ, отрѣзанный отъ императорскихъ войскъ. Во время этого безразсуднаго спора потеряна была уже благопріятная минута; прибылъ Буккуа и расположилъ свое войско въ боевомъ порядкѣ на правомъ крылѣ, а Максимиліанъ и Тилли свои войска — на лѣвомъ. Но все еще они колебались, боясь, чтобы нападеніе на непріятеля, занявшаго выгодное положеніе на возвышенности, не было бы слишкомъ рискованнымъ, а іезуиты, которые сопровождали войско вмѣстѣ съ другими монахами, особенно настаивали на наступленіи; кромѣ того счастливымъ предзнаменованіемъ считали то, что на это воскресенье пришлись слова евангелія: *Воздадите Кесарево Кесареви.* Особенно же громадное вліяніе оказала рѣчь, произнесенная однимъ испанскимъ кармелитомъ Доминикомъ [1].

Въ первомъ часу дня началось сраженіе на томъ мѣстѣ, гдѣ богемцы впервые привѣтствовали Фридриха, какъ своего короля. Ихъ пушки, дурно направленныя сверху на осаждающихъ, причинили послѣднимъ мало вреда; когда же князь Христіанъ Младшій ринулся съ быстротой грома и молніи въ императорскую конницу, то послѣдняя поколебалась и лишилась трехъ знаменъ. Въ эту критическую минуту подоспѣла помощь съ баварскаго крыла; Христіанъ, раненый, упалъ на землю и взятъ въ плѣнъ; этотъ несчастный случай не былъ бы рѣшительнымъ, еслибы остальные союзники богемцевъ сколько-нибудь исполняли свою обязанность. Но 6,000 венгровъ, предводитель которыхъ Борнемисса лежалъ больнымъ въ Прагѣ, отвыкши отъ всякой дисциплины, обратились въ бѣгство, не выни-

[1]) О численности обоихъ войскъ ходятъ чрезвычайно разнообразныя свѣдѣнія. Богемское войско, по слухамъ, состояло изъ 18 тысячъ пѣхоты, 10 тысячъ кавалеріи и 6 тысячъ венгровъ; на самомъ же дѣлѣ было всего 20 тысячъ человѣкъ; другіе, по разсказамъ плѣнныхъ, насчитываютъ 25 тысячъ. Императорское же войско состояло изъ 12 тысячъ, включая сюда и баварцевъ (такъ какъ многіе посланы были отыскивать провіантъ), а по слухамъ, у нихъ было 25 тысячъ пѣхоты и 5 тысячъ конницы. Во всякомъ случаѣ оно было сильнѣе, хотя не втрое (какъ утверждаютъ нѣкоторые), богемскаго войска.

мая даже мечей изъ ноженъ; тогда на всѣхъ другихъ напалъ паническій страхъ, или, скажемъ болѣе, всѣ (за исключеніемъ смѣлыхъ моравовъ, подъ предводительствомъ графа Шлика) высказали такую трусость, что когда смѣлые предводители, графъ Христіанъ Старшій, графъ Турнъ и другіе, собравъ ихъ, выступили впередъ, то они убѣгали отъ нихъ, и ни Александръ, ни Юлій Цезарь, ни Карлъ Великій не могли бы удержать такого войска. Черезъ часъ побѣда была одержана вполнѣ. Число оставшихся въ живыхъ было, судя по разсказамъ, очень невелико; лагерь, оружіе, запасы, все было потеряно и отъ войска едва оставались нѣкоторые слѣды.

Фридрихъ V, такъ мало заботившійся объ укрѣпленіи лагеря и о подготовленіи необходимыхъ средствъ, безпечно слушалъ въ день битвы, въ воскресенье, придворнаго проповѣдника и затѣмъ спокойно готовился сѣсть за обѣденный столъ съ супругой и гостями; но уже за столомъ къ нему пришло извѣстіе о начавшемся сраженіи, и не успѣлъ онъ еще дойти до воротъ, какъ на встрѣчу къ нему бѣжалъ князь Христіанъ Старшій, безъ шляпы, съ извѣстіемъ, что все безусловно потеряно. Перемиріе, котораго домогался Фридрихъ на болѣе продолжительное время, было объявлено только на нѣсколько часовъ и поэтому нужно было немедленно на что-нибудь да рѣшиться. Нѣкоторые совѣтовали прежде всего защищать Прагу, и, собирая въ то же время новое войско, добиться помощи Уніи и протестантскихъ силъ; другіе же, напротивъ, утверждали, что находившіеся въ городѣ наемники считались мятежниками, католическіе бюргеры — врагами, а всѣ остальные — трусами, что образованіе новаго войска невозможно, и что король находился въ опасности попасться въ плѣнъ къ врагамъ.

Кромѣ того, смотря по тому, какъ пойдутъ дѣла, уступчивость скорѣе вела бы къ выгодному миру, чѣмъ упорное сопротивленіе. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня Фридрихъ съ своимъ семействомъ отправился, подъ прикрытіемъ небольшаго конвоя, въ Шлезвигъ, а отсюда черезъ Берлинъ, не встрѣчая нигдѣ никакихъ приготовленій къ возстановленію своей власти, въ Гаагу, куда и прибылъ 14-го апрѣля 1621 года. Графъ Турнъ, сынъ котораго былъ въ плѣну, спасся въ Венгрію.

Когда торги и споры о заслугахъ и прошлыхъ ошибкахъ возникли между имперцами и баварцами, то жалобы и обвиненія со стороны богемцевъ стали также сильнѣе и громче. Въ то время, какъ послѣдніе утверждали, что Фридрихъ не былъ ни великимъ человѣкомъ, ни искуснымъ полководцемъ, что вина всѣхъ несчастій падала только на него одного, и что онъ слишкомъ поспѣшно и противъ своего долга оставилъ ихъ (Богемцевъ), друзья его возражали: Фридрихъ сдѣлалъ болѣе, а бо-

гемцы менѣе, чѣмъ было обѣщано, но если они и не предвидѣли всѣхъ издержекъ войны, то должны были все же обдумать и то обстоятельство, что начинать войну, не приготовившись къ потерямъ, невозможно и безумно. Также нельзя обвинять короля и въ томъ, что Унія, Англія, Бетленъ Габоръ и другіе обманули всякія ожиданія, что католическіе богемцы забыли всякія государственныя цѣли изъ-за своей религіи, да и самые лютеране отказались отъ общаго дѣла. Нигдѣ (говоритъ одинъ англичанинъ, находившійся при королѣ) не было единодушія въ совѣщаніяхъ и энергіи въ дѣйствіяхъ, лучшіе планы дѣятельнаго и способнаго князя Ангальтскаго были отвергнуты, самые злые и дурные люди пользовались всегда громаднымъ вліяніемъ, и въ то время, когда опасность достигла высшей степени, все еще продолжались банкеты и увеселенія. Князь Христіанъ въ своемъ донесеніи жалуется на неспособность и честолюбіе офицеровъ и чиновниковъ, на недостатокъ въ войскѣ скрытности и усердія, на упадокъ уваженія къ королю, на перебѣжчиковъ, измѣнниковъ, неосновательныя надежды на постороннюю помощь, на отпаденіе Саксоніи, на болѣзни и всякаго рода нужды въ средѣ войска, на непослушаніе и воровство солдатъ, на индиферентное отношеніе большинства къ исходу дѣла и судьбѣ короля. Однимъ словомъ, заключаетъ онъ, недоставало пяти главныхъ основаній всякой силы: денегъ, оружія, ума, союзниковъ и счастья.

Въ противоположность всѣмъ этимъ жалобамъ, благонамѣренные имперцы радовались, говоря: Слава Богу, что это несправедливое и безумное возстаніе окончательно подавлено однимъ ударомъ и что, вмѣсто произвольно навязанной тираніи, наступитъ теперь отеческое правленіе наслѣдственнаго и свободно избраннаго короля. Теперь-то обнаружится, насколько были умышленны и несправедливы жалобы и какъ неосновательны были опасенія, которыми зачинщики старались прикрыть свое предпріятіе.

Всевозможныя насмѣшки встрѣтили побѣжденныхъ: такъ напримѣръ, Фридриха называли зимнимъ королемъ (по причинѣ его краткаго правленія) и у дома англійскаго посланника въ Вѣнѣ нашли слѣдующую записку: говорятъ, пропалъ король, кто его найдетъ, тотъ получитъ большое вознагражденіе. Вскорѣ однако же обнаружились болѣе серьезныя послѣдствія наступившей власти имперцевъ.

Три дня спустя послѣ сраженія, 11-го ноября, Прага приняла присягу, 13-го числа всѣ сословія отказались отъ всякаго другаго союза, признали свою виновность, просили прощенія и присягали Фердинанду, какъ наслѣдственному, коронованному и помазанному королю. Карлштейнъ, отлично укрѣпленный и съ большимъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ, сдался безъ со-

противленія гарнизону, состоявшему изъ 2,000 англичанъ и шотландцевъ. Одновременно съ этимъ въ Прагѣ бюргеры были обезоружены, и нетолько дома и имущества приверженцевъ Фридриха были разграблены, но также и многихъ католиковъ, стоявшихъ за короля (или среди бѣлаго дня публично снимали съ проходившихъ платье). И такому безчинству предавались не только низшіе классы, но, по свидѣтельству католическаго писателя, и многіе знатные люди, имена которыхъ онъ стыдится назвать. Гораздо откровеннѣе разсказывали французскіе посланники, что князь Лихтенштейнъ и Тилли позволяли себѣ въ Прагѣ кражи, не щадя даже священныхъ предметовъ.

Мы переживаемъ здѣсь (говорятъ они въ другомъ мѣстѣ, жалуясь на свое непріятное пребываніе въ Вѣнѣ) безчисленное множество жестокостей, которымъ нельзя повѣрить, пока лично не убѣдишься въ нихъ.

Болѣе всѣхъ возставали испанцы и іезуиты противъ всякихъ кроткихъ предложеній и требовали, чтобы, по праву побѣдителя, были уничтожены всѣ привилегіи и льготы. Вслѣдствіе этого же сословія должны были отказаться отъ императорскихъ и другихъ льготныхъ граматъ и всѣ пріобрѣтенныя церковныя имущества должны были отойти къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ. Несмотря на протестъ архіепископа Прагскаго Гарраха, іезуиты пріобрѣли право, принадлежавшее до сихъ поръ капитулу, университету и священникамъ, быть единственными руководителями школъ и вообще учебныхъ заведеній и достигли того, что всѣ кальвинистскіе священники были изгнаны изъ Праги, какъ зачинщики возстанія, а по приказу 13-го марта 1621 года — изъ всей Богеміи. Только изъ боязни саксонцевъ допускали еще лютеранское духовенство. Громче, чѣмъ когда-либо, учили и писали іезуиты: Никто не долженъ присоединяться къ религіозному миру, если онъ не подтвержденъ папою, не принятъ Тридентскимъ соборомъ, и никакая клятва не принимается въ оправданіе грѣховности.

О доходахъ, полученныхъ ими съ безчисленнаго множества конфискованныхъ имуществъ, они сами говорятъ въ своей служебной книгѣ: «Щедрость баварцевъ и австрійцевъ была такъ велика, что, не принимая въ соображеніе степень и силу набожности, могло казаться, что она перешла всякую мѣру. И хотя духовный отецъ Лемперманнъ, въ похвальномъ словѣ императору Фердинанду, сознается, что онъ былъ слишкомъ щедръ, даже до расточительности, а поэтому часто нуждался въ деньгахъ и дѣлалъ долги, однако же на ряду съ своими вліятельными сослуживцами, іезуитами — Вейнгертнеромъ и Пацманномъ, противорѣчитъ, хотя и съ трудомъ, этому ложному направленію, относительно выгоды, которую оно приносило ихъ ордену.

Все сильнѣе возрастало могущество императора, его смѣлость и счастіе. Въ концѣ 1620 года вся Богемія и Моравія находились въ его власти, и Бетленъ Габоръ былъ притѣсняемъ съ удвоенной силой. 22-го января 1621 года онъ приговорилъ къ изгнанію, по своему произволу, пфальцграфа Фридриха, графа Христіана Ангальтскаго, маркграфа Георга фонъ Эгерндорфа, графа Георга фонъ Гогенлоэ и исполненіе такого приказанія возложилъ на герцога Максимиліана Баварскаго, эрцгерцога Альберта Австрійскаго и на епископовъ Бамбергскаго и Вюрцбургскаго. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (февралѣ 1621 г.) императору подчинились Шлезвигъ и Глацъ. Они заплатили военныя издержки, распустили войска, отказались отъ союзовъ и обѣщали не безпокоить католиковъ. Курфюрстъ Іоаннъ Георгъ Саксонскій, принявшій на себя посредничество, обѣщалъ при этомъ, что онъ всегда будетъ заботиться объ охраненіи правъ всѣхъ, объ отмѣнѣ податей, какъ и о покровительствѣ, въ случаѣ если бы они преслѣдовались за неподложное лютеранское ученіе.

26-го марта Тилли завоевалъ Пильзенъ, а 2-го мая Буккуа овладѣлъ Пресбургомъ. Унія, приведенная въ ужасъ этими событіями, обратилась къ Людовику XIII и получила отъ него ободряющее увѣреніе, что, хотя онъ не хочетъ вести войны, но не допуститъ паденія ихъ привилегій, а будетъ содѣйствовать справедливому и честному уравненію ихъ. По этому поводу французскіе посланники въ Вѣнѣ справедливо замѣчали, что вѣжливыя слова не помогутъ противъ превосходства императорскихъ силъ, Унія падетъ и императоръ (если только не вмѣшаются Турки) введетъ въ Венгрію такое же громадное войско, какъ и въ Богемію и другія присоединенныя страны.

Хотя 9-го апрѣля 1621 г. двѣнадцатилѣтній миръ между Испаніей и Нидерландами приходилъ къ концу, тѣмъ не менѣе Унія заключила съ Спинолою договоръ, по которому она обязывалась отказаться отъ союза съ пфальцграфомъ, не продолжать и не возобновлять его, а подчиниться императору; Спинола же не долженъ былъ смотрѣть и обращаться съ нею, какъ съ непріятелемъ. Въ концѣ апрѣля состоялся послѣдній сеймъ въ Гейльброннѣ, на которомъ Унія не только лишилась силы и уваженія, но была заподозрѣна въ измѣнѣ и подкупѣ. Люди, надѣявшіеся нѣкогда преобразовать Европу, служили теперь поводомъ къ насмѣшкамъ и презрѣнію. Даже сложилась слѣдующая пѣсня:

Der Unirten Treu ging ganz verlor'n,
Kroch endlich in ein Jägerhorn,
Der Jäger blies sie in den Wind,
Das macht, daß man sie nirgends findt.

Освободившись отъ враговъ, императоръ, какъ думали многіе, не будетъ наказывать за прошлое; другіе же утверждали, что теперь онъ долженъ употребить справедливое наказаніе, котораго до сихъ поръ избѣгалъ изъ опасенія дурныхъ послѣдствій. Въ такой надеждѣ (п. ч. вначалѣ не обнаружилось преслѣдованіе за участіе въ войнѣ), собрались многіе Богемцы, не слушая предостереженій Тилли. Внезапно всѣ захваченные, они были арестованы, бѣжавшіе же вытребованы назадъ, нѣкоторые изъ нихъ заочно были приговорены къ смерти, имущества ихъ конфискованы, а имена выставлены на висѣлицахъ; наконецъ, 21-го іюня 1621 года, 27 изъ 43 осужденныхъ были обезглавлены и четвертованы, и въ числѣ ихъ находились богемскій главный судья, ландфохтъ и оберкаммергеръ графъ Шликъ, президентъ фонъ Будова, каммерпрезидентъ фонъ Герандтъ, бургграфъ Михаловичъ и многіе другіе. Подобныя же сцены повторились впослѣдствіи и въ Моравіи. Приговоренные къ смерти шли на казнь съ такимъ смѣлымъ и благороднымъ видомъ, что вызывали къ себѣ всеобщее сочувствіе. «Какъ можетъ императоръ, говорили многіе, наказывать такихъ прекрасныхъ людей и почтенныхъ старцевъ въ то время, когда ихъ нечего уже опасаться? Какъ могъ онъ забыть, что различные взгляды на государственные законы возможны и естественны, но они нисколько не преступленіе; какъ возможно, едва освободившись отъ страшныхъ бѣдствій, перейти къ такому произвольному дѣйствію и называть это справедливостью; какъ, послѣ кроваваго суда, объявить всеобщее прощеніе, сдѣлавъ при этомъ оговорку, что участники въ этой войнѣ должны явиться и подвергнуться денежному штрафу? Эта оговорка подала поводъ къ проявленію корыстолюбія, такъ какъ число изгоняемыхъ и обѣднѣвшихъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и скоро окажется, что нужда станетъ всеобщею и въ отчаяніи люди будутъ предпринимать все отчаянное».

Чѣмъ громче жалобы, возражали защитники всѣхъ этихъ принимаемыхъ мѣръ, тѣмъ лучше: онѣ только доказываютъ, что зло вкоренилось въ ихъ жизнь.

Всѣ мятежники и желавшіе нововведеній были казнены, изгнаны или заплатили контрибуцію. Порядокъ и повиновеніе снова водворились и путь былъ открытъ къ достиженію *«благороднѣйшей цѣли»:* къ возстановленію славнаго владычества императора и святой католической церкви!

(Geschichte Europas seit dem Ende des fünfzehnten Jahrhunderts. Von Friedrich von Raumer. Seite 409. Dritter Band. Leipzig, 1834).

2. ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Родъ Валленштейновъ принадлежалъ съ давнихъ временъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ въ своей странѣ и былъ, какъ показываетъ самое имя, нѣмецкаго происхожденія и уже въ XIII столѣтіи онъ принадлежалъ къ дворянскому сословію. Предки Альбрехта были евангелическаго исповѣданія и имѣли весьма значительныя поземельныя владѣнія.

15-го сентября 1583 года въ имѣніи Германикъ родился Альбрехтъ Валленштейнъ, младшій изъ трехъ сыновей Іоанна и Маргариты Валленштейнъ.

О его дѣтскихъ играхъ разсказываютъ, что онъ любилъ все, относящееся къ войнѣ и жизни солдатъ; онъ всегда назначалъ себя предводителемъ, а товарищи должны были подчиняться его приказаніямъ. Даже въ отношеніи къ родителямъ семилѣтній мальчикъ оказывалъ необыкновенное упрямство и разъ, когда мать его наказала, онъ вскричалъ; «Ахъ, какъ бы я хотѣлъ быть принцемъ, чтобы не получать ударовъ». Уже тогда онъ любилъ повелѣвать и когда дядя его, обербургграфъ Адамъ Вальдштейнъ, замѣтилъ ему по этому поводу недовольнымъ тономъ: «Э, э, племянничекъ, у тебя княжескія замашки», то мальчикъ отвѣчалъ ему: «Чтожъ такое, чего теперь нѣтъ, то можетъ еще быть»!

На десятомъ году жизни Альбрехтъ лишился матери (2-го іюля 1593 г.), а два года спустя — отца (24-го февраля 1595 г.); оба они погребены въ Германикѣ, гдѣ въ мѣстной церкви находятся ихъ надгробные памятники.

Рано осиротѣвшаго мальчика взялъ къ себѣ его дядя по матери, Альбрехтъ Славата, владѣтель замка Кошумберга, гдѣ въ школѣ Богемскихъ братій онъ получилъ образованіе, соотвѣтственно своему званію и потребностямъ времени.

Вскорѣ за тѣмъ мы встрѣчаемъ нашего Альбрехта въ дворянскомъ конвиктѣ *Іезуитовъ въ Ольмюцѣ,* куда помѣстилъ его уже другой дядя, Іоаннъ Кафка фонъ Рикамъ, который считается самымъ рьянымъ приверженцемъ общества Іисуса. Іезуиты, умѣвшіе оцѣнить способности молодаго Вальдштейна, старались обратить его въ католицизмъ и предоставили это патеру Пахта, который такъ искусно исполнилъ возложенное на него порученіе, что Вальдштейнъ привязался къ нему, какъ къ другу, въ благодарность за то, что онъ не утруждалъ его латынью и другими науками, и впослѣдствіи вспоминалъ о немъ всегда, какъ о своемъ благодѣтелѣ, которому онъ былъ всѣмъ обязанъ. Вскорѣ патеръ Пахта доказалъ совершенно преданному ему питомцу свое расположеніе тѣмъ, что доставилъ ему случай

совершить путешествіе по Европѣ въ обществѣ молодаго, богатаго дворянина, Адама Лео Лицека фонъ Ризенбургъ, съ которымъ онъ объѣхалъ южную и западную Германію, а также посѣтилъ значительнѣйшіе города Голландіи, Англіи, Франціи и Италіи.

Въ качествѣ ученаго компаньона съ молодыми дворянами путешествовалъ астрологъ и математикъ, Петръ Фердунгусъ изъ Франконіи, другъ Кеплера и, нѣтъ сомнѣнія, что онъ впервые внушилъ Валленштейну всѣмъ извѣстную склонность его къ астрологіи. Чтобы глубже проникнуть въ тѣ тайны, съ помощью которыхъ, какъ полагали, можно объяснить сидерическія вліянія какъ на мировыя событія, такъ и на судьбу каждаго человѣка, пробылъ Валленштейнъ долгое время въ Падуѣ, которая послѣ Болоньи считалось высшей школой того времени, и гдѣ профессоръ астрологіи, Арголи, посвятилъ его въ каббалистику и другія таинственныя науки о звѣздахъ. Валленштейнъ, обладавшій достаточною ловкостью и талантомъ, усвоилъ весьма легко обычаи и языкъ итальянцевъ, бывшій тогда въ употребленіи при дворахъ, какъ впослѣдствіи языкъ французскій; не имѣя особенной привязанности къ итальянцамъ, онъ однако многихъ изъ нихъ приблизилъ къ себѣ, но они дурно заплатили ему за его довѣрчивость.

Занимаясь астрологіей и математикой, онъ въ то же время изучалъ и военныя науки, которыя имѣли многихъ достойныхъ представителей въ Италіи и, вскорѣ по возвращеніи своемъ на родину, онъ сталъ искать болѣе широкаго поприща для своего предпріимчиваго ума на полѣ чести и опасности. Въ это время императоръ Рудольфъ ввѣрилъ управленіе Венгріею и Трансильваніею знаменитому итальянскому полководцу фарнезійской школы, Георгу Баста, пріобрѣвшему извѣстность какъ шпагой, такъ и перомъ. По рекомендаціи своего двоюроднаго брата, Адама Вальдштейна, императорскаго оберъ-шталмейстера, нашъ Альбрехтъ былъ зачисленъ въ полкъ офицеромъ, а послѣ многолѣтней безупречной службы во время осады Грана, произведенъ въ пѣхотные капитаны. Вскорѣ затѣмъ былъ заключенъ миръ, войска распущены, и Валленштейнъ возратился въ Богемію въ 1606 году.

Раздоръ между двумя братьями, Рудольфомъ и Матвѣемъ, грозилъ скоро разразиться во всей своей силѣ, и, вѣроятно, Валленштейну было очень тяжело оставаться, хотя и не долго, въ бездѣйствіи у своихъ родственниковъ въ Богеміи, потому что человѣкъ, съ такимъ характеромъ, въ подобномъ случаѣ непремѣнно принимаетъ сторону одной которой-нибудь партіи. Но въ выборѣ онъ не колебался: слабому и добродушному Рудольфу II Валленштейнъ не могъ служить. Для него больше выгоды представ-

лялъ предпріимчивый эрцгерцогъ Матвѣй и ему удалось познакомиться съ нимъ короче, благодаря своему шурину, барону Карлу фонъ Церотинъ, извѣстному сотоварищу въ войнѣ и личному другу Генриха IV Бурбона. Хотя шуринъ Альбрехта и просилъ для него у повѣреннаго эрц-герцога, барона Моларта, мѣста каммергера, но какъ только герцогъ согласился, онъ прибавилъ при-этомъ, что трудно будетъ удержать его въ палатѣ, когда онъ имѣетъ такую страсть къ воинскимъ подвигамъ, что только и думаетъ о томъ, какъ-бы присоединиться въ Нидерландахъ къ войску эрц-герцога Альберта. Какъ только Церотинъ получилъ благопріятный отвѣтъ отъ своего друга изъ Вѣны, онъ тотчасъ же посовѣтовалъ Альбрехту отправиться самому въ лагерь эрц-герцога и отрекомендоваться лично; впрочемъ, онъ далъ ему нѣсколько рекомендацій, которыя заслуживали довѣріе потому, что такой человѣкъ, какъ Церотинъ, не могъ представить недостойнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ открыто сознается, что хотя сужденія Валленштейна не достигли еще надлежащей зрѣлости, а духъ его — надлежащаго спокойствія, но это можно извинить молодостью. Онъ хвалитъ въ молодомъ Альбрехтѣ умѣренную сдержанность, говоря, что онъ не принадлежитъ къ такимъ личностямъ, которыя любятъ выставляться, чтобы быть замѣченными первыми, — а также и его склонность къ военной службѣ; вотъ двѣ особенно выдающіяся черты его характера, объясняющія его предыдущее поведеніе въ Вѣнѣ. Точно также рекомендуетъ Церотинъ своего шурина Оттавіо Корини, «Cavallerizzo Maggiore» эрц-герцога Матвѣя, выставляя самыя прекрасныя качества молодаго Валленштейна. Хотя до насъ не дошли свѣдѣнія, какъ принялъ Альбрехта эрцгерцогъ Матвѣй, но мы предполаемъ, что онъ не долго находился въ званіи каммергера (если онъ дѣйствительно достигъ его), потому что неровная земля лагеря была для него болѣе желаннымъ мѣстопребываніемъ, нежели гладкіе полы дворца, а грохотъ пушекъ и призывный звукъ трубы гораздо пріятнѣе дѣйствовалъ на его слухъ, нежели бальный оркестръ.

Границы, налагаемыя на біографа въ его сочиненіи, не дозволяютъ ему подробно изложить всеобщую исторію того времени, центромъ котораго была Богемія. Но чтобы изучить образъ мыслей и то опредѣленное направленіе, которому Альбрехтъ слѣдовалъ съ самаго родительскаго дома, мы должны очертить яснѣе тѣ духовныя силы, которыя боролись въ немъ на жизнь и на смерть. На одной сторонѣ была католическая церковь и деспотизмъ, имѣвшіе заступничество и поддержку въ лицѣ императора Фердинанда и его духовныхъ отцахъ — и находившіеся въ союзѣ съ іезуитами, Испаніей и инквизиціей. На другой сторонѣ стояла протестантская церковь и человѣческія права;

эта партія должна была завоевать себѣ землю и пріобрѣсти предводителя, который долженъ былъ стать во главѣ возставшей націи. Поэтому мы видимъ на сторонѣ императора сосредоточенную силу, согласіе въ исполненіи всѣхъ предписаній и мѣръ правительства, послѣдовательное и всецѣлое стремленіе къ одной опредѣленной цѣли, а именно: истребленіе церкви, отпавшей отъ папы и раззореніе государства, отпавшаго отъ императора.

На сторонѣ протестантовъ мы видимъ воодушевленіе, но ни малѣйшаго согласія, благороднѣйшія усилія безъ благопріятныхъ послѣдствій. Пока не явился одинъ человѣкъ, умѣвшій подчинить себѣ всѣхъ, до тѣхъ поръ не было у нихъ ни цѣли, ни опредѣленнаго направленія. Но нигдѣ протестантская партія не понимала яснѣе, какъ въ Богеміи, что свобода мысли будетъ имѣть только тогда подъ собою твердую почву, когда не только религіозная, но и политическая жизнь освободится отъ связующихъ ее оковъ; всѣ были увѣрены, что законная свобода государства не можетъ быть безъ разумной свободы церкви, и наоборотъ. Уже въ граматѣ Величества, вынужденной у короля Рудольфа, *свобода церкви* принималась во вниманіе совмѣстно *съ свободою государства.* Когда вслѣдъ за этимъ императоръ нарушилъ упомянутый законъ, то бунтъ поднялся не изъ среды шумной черни, не отъ волнующейся массы народной; но благонамѣренныя сословія королевства, защитники общественной свободы, лица, извѣстныя по своему происхожденію, образованію и богатству, оказали неповиновеніе клятвопреступному императору и вступили съ нимъ въ открытый бой.

Съ самаго начала возстанія мы видимъ Валленштейна на сторонѣ императора, деспотизма, іезуитовъ, со всею страстью, словомъ и дѣломъ возстающаго противъ мятежа и свободы и поэтому враждебно относящагося къ большей части богемскаго дворянства.

Прежде чѣмъ разсматривать дѣятельность нашего героя противъ революціонеровъ его отечества, послѣдуемъ за нимъ въ походъ, гдѣ онъ началъ свое военное поприще.

Въ то время, когда оба брата, Рудольфъ и Матвѣй, боролись за богемскую корону, Валленштейнъ (1617 г.) отправился съ небольшимъ отрядомъ изъ двухъ сотъ драгунъ, завербованнымъ и вооруженнымъ имъ на свой счетъ, въ Фріуль, гдѣ эрцгерцогъ Фердинандъ, тогда еще герцогъ Штирійскій, велъ войну съ венеціанской республикой. Въ начальникѣ войскъ, генералѣ Дампьеррѣ, онъ нашелъ отличнаго наставника, въ школѣ котораго ему скоро удалось выказать свой предпріимчивый умъ. Крѣпость Градиска была впродолженіе нѣскольких мѣсяцевъ окружена венеціанскими войсками и терпѣла такой сильный

недостатокъ въ провіантѣ, что хотѣла уже сдаться. Валленштейнъ взялся провести въ городъ, въ виду у осаждающихъ, съѣстные припасы и исполнилъ это съ необыкновенною ловкостью и рѣшительностью. Если этимъ геройскимъ поступкомъ онъ упрочилъ за собой славу смѣлаго и предпріимчиваго полководца, то открытымъ столомъ въ своей палаткѣ и постоянною заботою о хорошемъ продовольствіи пріобрѣлъ расположеніе офицеровъ и довѣріе солдатъ; его небольшой отрядъ обратился скоро въ цѣлый полкъ и ни у одной изъ частей императорскихъ войскъ не было такихъ хорошихъ лошадей и обмундировки, какъ у полка Валленштейна. Заслуги Валленштейна не остались безъизвѣстны эрцгерцогу Фердинанду; когда, по окончаніи похода, онъ возвратился въ Вѣну, то не разъ былъ отличаемъ при дворѣ. Онъ получилъ каммергерское званіе, графское достоинство, чинъ полковника и ему, по приказанію императора, дали полкъ въ Моравіи, гдѣ находились его имѣнія.

Вступивъ въ Вѣнѣ вторично въ бракъ съ Изабеллой Катериной, дочерью тайнаго совѣтника, графа Карла Гарраха, онъ вслѣдъ затѣмъ отправился въ Ольмюцъ и принялъ здѣсь начальство надъ ввѣреннымъ ему моравскими сословіями полкомъ. Зачинщики возстанія въ Прагѣ (1618 г.) старались склонить его на свою сторону, какъ смѣлаго офицера. Но Валленштейнъ съ самаго начала такъ рѣшительно объявилъ себя сторонникомъ императора, что сословные богемскіе правители жаловались на это правителямъ моравскимъ. Моравскія сословія, не вступая еще въ формальный союзъ съ богемскими, объявили себя, вслѣдствіе рѣшенія ландтага, нейтральными, чтобы отказать въ помощи императору. Валленштейнъ не обращалъ вниманія на рѣшеніе ландтага, хотя онъ и былъ назначенъ начальникомъ войска сословіями, а не императоромъ. Когда Турнъ отбилъ императорскія войска отъ Вѣны, то Альбрехтъ снабдилъ ихъ всевозможными припасами и обратился къ своимъ двоюроднымъ братьямъ, Вальдштейнамъ, съ такимъ привѣтствіемъ: «что за такой поступокъ онъ угоститъ ихъ палками и розгами»; кромѣ того онъ открыто говорилъ, что при первомъ удобномъ случаѣ присоединится къ императорской арміи. Предводители богемцевъ, Турнъ, Фельсъ и Гогенлоэ, обвинили Валленштейна за это выраженіе и въ нарушеніи нейтралитета передъ моравскими правителями, которымъ они предложили «отнять оружіе отъ этого врага богемцевъ и вполнѣ присоединиться къ послѣднимъ».

Когда впослѣдствіи этотъ союзъ состоялся, и моравскія сословія отправились изъ Цнайма въ Брюннъ, на ландтагъ, то Валленштейнъ скрылся съ своимъ полкомъ въ засадѣ, чтобы захватить сословныхъ депутатовъ и представить ихъ императору,

какъ мятежниковъ. Однако же, по предусмотрительности Турна, депутаты отправились подъ прикрытіемъ конвоя; нападеніе Валленштейна не удалось: онъ долженъ былъ отступить къ Ольмюцу, а такъ какъ его и здѣсь стѣснили, то онъ предоставилъ городъ графу Турну, взявъ съ собою только главную кассу, изъ которой онъ отдалъ императору въ Вѣнѣ до 100,000 рейхсталеровъ; послѣдній же удѣлилъ ему изъ этой суммы 12,000 талеровъ для сформированія полка кирассировъ, такъ какъ моравскіе солдаты не послѣдовали за нимъ, когда онъ оставилъ Ольмюцъ. Валленштейнъ, лишенный моравскими сословіями званія полковника, тѣмъ милостивѣе былъ принятъ императоромъ, который, какъ только полкъ былъ сформированъ, отослалъ его въ Будвейсъ, къ генералу Буккоа, который въ это время выступилъ противъ графа Мансфельда. Въ стычкахъ при Тейнѣ, 10 іюня 1619 г., Мансфельдъ, отступивъ за военные обозы, оказалъ упорное сопротивленіе противъ неоднократныхъ нападеній. Наконецъ ворвался въ укрѣпленіе полковникъ Валленштейнъ со своими кирассирами и рѣшилъ какъ это сраженіе, такъ и судьбу императора, который находился въ опасности въ своемъ императорскомъ дворцѣ. Графъ Турнъ, грозившій уже Вѣнѣ, былъ отозванъ для защиты Праги; однако же, едва императоръ освободился отъ этого врага, какъ другой, не менѣе опасный, подымался изъ Венгріи вверхъ по Дунаю. Бетленъ Габоръ, князь Трансильванскій, дѣйствовалъ за одно съ богемскими протестантами, чтобы завоевать своему отечеству свободу вѣроисповѣданія, а себѣ — корону венгерскую. Бетленъ Габоръ неудержимо подымался по Дунаю съ 50,000 войскомъ, состоявшимъ изъ неправильныхъ отрядовъ; опытный полководецъ, генералъ Буккоа, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, но долженъ былъ отступить на лѣвый берегъ Дуная, и враги были только тѣмъ удержаны отъ дальнѣйшаго преслѣдованія ихъ, что Валленштейнъ съ необыкновенною смѣлостью прикрылъ отступленіе Буккоа и, послѣ сраженія 26 октября 1618 года, велѣлъ сломать всѣ мосты на Дунаѣ позади отступающихъ императорскихъ войскъ. Въ то время, когда защита столицы была предоставлена суровой зимѣ и полноводью Дуная, Буккоа отправился въ Богемію, чтобы здѣсь, вмѣстѣ съ герцогомъ Максимиліаномъ Баварскимъ, возстановить владычество Фердинанда. Валленштейнъ, какъ особенно свѣдущій офицеръ, занялъ должность генералъ-квартирмейстера и заботился о снабженіи войска необходимымъ провіантомъ. Поэтому онъ не былъ при войскѣ въ день рѣшительнаго сраженія при Бѣлой горѣ (8 ноября 1620 г.), но кирассиры его позаботились, чтобы непріятель не забылъ грознаго для всѣхъ имени ихъ предводителя.

Герцогъ Максимиліанъ и Тилли остались въ Богеміи для подавленія и преслѣдованія жителей ея; Валленштейнъ принялъ на себя такое же порученіе относительно Моравіи, расположилъ въ Ольмюцѣ свою главную квартиру и съумѣлъ удовлетворить себя за причиненное ему оскорбленіе. Противъ Бетленъ Габора, который снова выступилъ въ походъ, несмотря на пораженіе своихъ союзниковъ, отправились Буккоа и Дампьерръ. Оба полководца, столько разъ побѣдоносно выносившіе австрійскія знамена изъ большихъ сраженій въ Германіи, Нидерландахъ, Италіи, Богеміи и Венгріи, были побѣждены въ незначительныхъ схваткахъ съ бродившими Венграми, которые нестройными толпами опустошительно подвигались къ Моравіи. Валленштейнъ поспѣшно собралъ войско и сталъ ожидать непріятеля при укрѣпленіи на весьма выгодной позиціи. Онъ отлично воспользовался преимуществомъ своей тяжелой кавалеріи надъ легкими отрядами Венгровъ и такъ стѣснилъ послѣднихъ, что 1,300 изъ нихъ было убито его кирассирами, а три штандарта онъ отправилъ съ побѣдоноснымъ извѣстіемъ въ Вѣну, къ императору. Этимъ сраженіемъ Бетленъ Габоръ былъ разъединенъ съ своимъ вѣрнымъ союзникомъ, маркграфомъ Іоанномъ Георгомъ Бранденбургъ-Гогерндорфскимъ, который отступилъ въ Силезію. Валленштейнъ настигъ его и разсѣялъ его войско въ кровопролитномъ сраженіи 18 октября 1621 г., въ которомъ маркграфъ лишился 4,000 человѣкъ. Послѣ такого урона Бетленъ былъ принужденъ отказаться отъ своихъ притязаній и надеждъ на венгерскую корону и подписалъ миръ, который онъ, впрочемъ, считалъ только перемиріемъ. И на этотъ разъ онъ снова поднялся въ 1623 г., послѣ непродолжительнаго отдыха, подстрекаемый и подкрѣпленный своими прежними союзниками, графомъ Турномъ и маркграфомъ Іоанномъ Георгомъ Гогерндорфскимъ. Императоръ выслалъ противъ нихъ войско подъ предводительствомъ неаполитанца Карафи ди-Монтенегро, причемъ Валленштейнъ получилъ также отрядъ. И теперь Валленштейнъ нашелъ случай отличиться очень удачными и мужественными дѣйствіями, когда Венгры совершенно окружили императорское войско въ Гёдингскомъ лагерѣ.

Съ оружіемъ въ рукахъ и безчисленными отважными предпріятіями въ открытыхъ сраженіяхъ сдѣлался Валленштейнъ извѣстнымъ какъ самый храбрый и искусный полковникъ въ императорскомъ войскѣ; своею преданностью дѣлу императора, онъ пріобрѣлъ его расположеніе и получилъ руку прекрасной Изабеллы Катерины, дочери тайнаго совѣтника, графа Гарраха. И такъ одновременно была пріобрѣтена честь, слава и любовь; но Валленштейнъ, отличавшійся практическимъ направленіемъ, во время позаботился о томъ, чтобы утвердить эти идеальныя

блага на твердой почвѣ поземельной собственности, на которой они только и могли получить значеніе и прочность.

Со смертью первой своей супруги (1614 г.) Лукреціи Ландэкъ, Валленштейнъ, получившій послѣ отца весьма небольшое наслѣдство, вступилъ во владѣніе многими имѣніями въ Богеміи и Моравіи. Такъ какъ послѣ побѣга его къ императору съ общественной кассой, его имѣнія были конфискованы и впродолженіе всей войны обременяемы сословными войсками, то Валленштейнъ не могъ извлечь изъ нихъ пользы. Но едва возстаніе было подавлено, какъ онъ нетолько снова вступилъ во владѣніе своими имѣніями во время своего начальства надъ войсками послѣ битвы при Бѣлой горѣ, но и сдѣлалъ значительныя покупки изъ конфискованныхъ имуществъ. Уже ранѣе было упомянуто, какіе строгіе указы обнародовалъ императоръ относительно конфискаціи имуществъ тѣхъ, которые принимали хотя бы малѣйшее участіе въ этомъ возстаніи; такимъ образомъ, къ 1622 году было конфисковано до 642 имѣній знатныхъ протестантовъ. Императорская казна и военныя кассы, находившіяся тогда въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, нуждались въ наличныхъ деньгахъ, и императоръ не замедлилъ продавать по дешевой цѣнѣ конфискованныя имущества. 14 сентября 1622 г. намѣстникъ Богеміи, князь Карлъ Лихтенштейнъ, получилъ приказъ: «взять въ Богеміи предварительно три милліона съ имуществъ мятежниковъ, а съ заимодавцами поступить со всею справедливостью». Императоръ сознается, что ему очень помогли бы подобныя ссуды при громадныхъ военныхъ издержкахъ и объясняетъ, что изъ предполагаемыхъ трехъ милліоновъ онъ рѣшился издержать одинъ на жалованье полкамъ, которые онъ думалъ распустить, второй — на содержаніе оставшихся на службѣ солдатъ и третій — на обезпеченіе вдовъ, сиротъ и кредиторовъ.

Валленштейнъ, который вооружилъ и содержалъ на собственный счетъ впродолженіе многихъ лѣтъ нѣсколько полковъ, вѣроятно предъявилъ императору порядочный счетъ, но этотъ послѣдній удовлетворилъ его тѣмъ, что по дарственной записи продалъ Альбрехту за извѣстную сумму «имѣнье Фридландъ съ присоединенными къ нему небольшими городами и деревнями, а именно, Рейхенбергъ съ окрестностями, и всѣ эти имѣнія расположены въ Богеміи, кромѣ того городокъ Рейхенбергъ въ Верхне-Лаузицкомъ маркграфствѣ». Покупная цѣна не была занесена въ грамату на дарственную запись, но позднѣе въ росписи нашли, что покупки Валленштейна за это время простирались на сумму 150,000 гульденовъ. Это имѣніе принадлежало прежде Христофору Редернъ, но императоръ отнялъ его у послѣдняго за то, что онъ принялъ участіе въ бунтѣ и былъ виновенъ въ

ужасномъ Criminis laesae Majestatis perduellionis et rebellionis. Въ грамат̀ѣ на ленныя владѣнія, данной въ Оденбургѣ 5-го іюня, Валленштейнъ называется: «Нашъ высокорожденный, любезный союзникъ, Альбрехтъ Венцеславъ Евсевій Вальдштейнъ, членъ военнаго совѣта, каммергеръ и полковникъ нѣсколькихъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ». Это имѣнье было передано ему въ полнѣйшее владѣніе, такъ что въ случаѣ, если, умирая, онъ не оставитъ по себѣ наслѣдника, то можетъ завѣщать и распорядиться имъ по собственному произволу.

Это имѣніе обошлось Валленштейну въ 150,000 гульденовъ; выставка же полковъ для императора стоила ему, вѣроятно, еще дороже, и этимъ только объясняется, какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ еще 60 изъ конфискованныхъ имѣній за 7,290,228 гульденовъ, такъ какъ хотя послѣ смерти его первой жены онъ получилъ значительныя владѣнія, но все же весьма затруднительно было выставить наличными деньгами такую сумму, хотя бы и плохой монетой. Однако же, принимая во вниманіе, что эти имѣнія, пріобрѣтеніе которыхъ считалось безчестнымъ, да и владѣніе которыми было непрочно, пріобрѣтались Валленштейномъ за пятую часть противъ настоящей ихъ стоимости, почти можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ обширны были имѣнія, составлявшія собственность Валленштейновъ.

Пріобрѣтеніе такихъ значительныхъ имѣній ясно показываетъ, что Валленштейнъ старался тогда поставить себя въ независимое и значительное положеніе какъ по отношенію къ императору, такъ и къ мятежникамъ. Онъ продолжалъ покупать и вымѣнивать съ одинаковой страстью имѣнія даже и тогда, когда пріобрѣлъ отъ императора многія герцогства и княжества. Императоръ покровительствовалъ покупкамъ Валленштейна, потому что ему были выгоднѣе имѣть въ Богеміи одного надежнаго, преданнаго вассала, вмѣсто многихъ мелкихъ мятежныхъ дворянъ. Бракъ съ графинею Гаррахъ послужилъ поводомъ къ возведенію Валленштейна въ графское достоинство; послѣ битвы при Бѣлой горѣ императоръ наименовалъ его пфальцграфомъ и далъ ему право возводить въ дворянское достоинство и жаловать гербомъ. Это былъ ближайшій шагъ къ княжескому титулу, полученному имъ въ концѣ 1623 года. О времени этого повышенія нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, но, сколько извѣстно, онъ подписывался не княземъ въ патентѣ на владѣніе Фридландомъ, полученнымъ имъ 9-го января 1623 года, а слѣдующимъ образомъ: «Альбрехтъ, глава дома Вальдштейновъ и Фридландовъ, членъ Военнаго Римско-Императорскаго Совѣта, каммергеръ и полковникъ». Въ грамат̀ѣ, выданной Валленштейну 5-го іюня 1622 г. на владѣніе Фридландомъ, онъ не разъ именуется графомъ. Первымъ свѣдѣніемъ, дошедшимъ до насъ, въ

которомъ его величаютъ «княземъ», есть приглашеніе графа Пассаускаго, Генриха Шлика, на крестины 31 декабря 1623 года. Надпись на этомъ письмѣ была слѣдующая: «Свѣтлѣйшему, высокорожденному князю и господину Альбрехту Венцеславу Евсевію, по милости Божіей, князю и главѣ дома Вальдштейновъ Фридландскихъ, члену Римско-императорскаго военнаго совѣта, каммергеру, полковнику въ Прагѣ и генералъ-фельдмаршалу». Что Валленштейнъ возведенъ въ княжеское достоинство только въ 1623 году, видно изъ того, что императоръ формально сообщилъ объ этомъ богемскому намѣстнику, князю Карлу Лихтенштейну, только въ августѣ 1624 года. Валленштейну необходимо было лично посѣтить свои имѣнья, чтобы принять на руки такія обширныя владѣнія, установить управленіе ими и раздѣлаться съ прежними ихъ владѣтелями, изъ которыхъ одни могли по произвольному рѣшенію императора удержать третью часть, а другіе половину своей собственности. Но, повидимому, ему былъ данъ императоромъ очень кратковременный отпускъ, такъ какъ въ ноябрѣ 1623 годами, какъ было уже упомянуто, видимъ его при войскѣ, съ которымъ онъ освободилъ императорское войско, находившееся въ большой опасности подъ начальствомъ Карафи ди-Монтенегро, окруженное со всѣхъ сторонъ въ Гёдингскомъ лагерѣ въ Моравіи Бетленъ Габоромъ, Турномъ и маркграфомъ Гогерндорфомъ. И на этотъ разъ зима была вѣрною союзницею императора и заставила Бетлена отступить со своими легкими конными отрядами. До насъ дошли маловѣроятныя извѣстія, будто бы намѣстникъ, князь Лихтенштейнъ, обвинилъ тогда Валленштейна предъ императоромъ въ медлительности, и тотъ долженъ былъ внести 12,000 дукатовъ въ высшій военный совѣтъ для полученія благопріятнаго приговора. Не думаемъ, чтобы Валленштейну такими средствами нужно было упрочить за собой благосклонность императора. И теперь продолжали слышаться жалобы на излишнюю щедрость Валленштейна въ издержкахъ, что видно изъ письма къ нему Фердинанда, въ которомъ послѣдній дѣлаетъ внушеніе относительно нарушенія дисциплины и неумѣстныхъ требованій полковъ, состоящихъ подъ его начальствомъ.

Однако же императоръ не могъ не оцѣнить заслугъ Валленштейна и въ 1624 году наименовалъ его герцогомъ Фридланскимъ.

Wallenstein. — Dr. Friedrich Förster, 1834.

3. ХАРАКТЕРИСТИКА ГУСТАВА АДОЛЬФА.

Густавъ видѣлъ всѣ препятствія и опасности, ожидавшія его предпріятіе; но онъ зналъ и средства, которыми надѣялся ихъ

одолѣть. Его войско было не велико, но хорошо устроено, закалено въ суровомъ климатѣ и въ продолжительныхъ походахъ, а польскою войною пріучено къ побѣдамъ. Швеція, хотя бѣдная деньгами и людьми и напряженная выше силъ восьми-лѣтнею войною, была восторженно предана своему королю, и эта преданность позволяла ему надѣяться на самую единодушную поддержку со стороны государственныхъ чиновъ. Въ Германіи ненавидѣли императора по крайней мѣрѣ столько же, сколько боялись. Протестантскіе князья, казалось, только ждали прибытія освободителя, чтобы свергнуть невыносимое иго тираніи и явно принять сторону короля шведскаго. Да и католическимъ чинамъ не могло быть непріятно появленіе противника, способнаго ограничить преобладающую власть императора. Первая побѣда, одержанная въ Германіи, должна была рѣшить дѣло въ его пользу, заставить дѣйствовать князей, еще колебавшихся, подкрѣпить мужество его приверженцевъ, увеличить его войско и открыть ему изобильные источники помощи для продолженія войны. Если большая часть нѣмецкихъ земель страшно потерпѣла отъ прежнихъ войнъ, то богатые ганзейскіе города оставались до сихъ поръ неприкосновенными и не могли не согласиться умѣренною добровольною жертвою отвратить общую гибель. Чѣмъ изъ большаго числа областей будутъ выгнаны императорскія войска, тѣмъ больше должны были они таять, потому что содержались единственно на счетъ земель, въ которыхъ располагались. Несвоевременное отправленіе войскъ въ Италію и Нидерланды и безъ того обезсилило императора. Испанія, ослабленная потерею своего американскаго флота съ серебромъ и занятая серьезною войною въ Нидерландахъ, не могла оказать ему большой помощи. Напротивъ того, Великобританія обнадеживала короля шведскаго въ значительномъ денежномъ пособіи, а Франція, примирившись тогда сама съ собой, дѣлала ему самыя выгодныя предложенія въ пользу его предпріятія.

Но вѣрнѣйшую поруку въ счастливомъ исходѣ своего предпріятія Густавъ Адольфъ находилъ въ самомъ себѣ. Благоразуміе требовало увѣриться во всѣхъ средствахъ внѣшней помощи и тѣмъ оградить свое предпріятіе отъ упрека въ дерзости; въ одномъ себѣ почерпалъ онъ увѣренность и мужество. Густавъ Адольфъ былъ, безъ сомнѣнія, первый полководецъ своего вѣка и храбрѣйшій солдатъ въ своемъ войскѣ, которое онъ самъ создалъ.

Будучи знакомъ съ тактикою грековъ и римлянъ, онъ былъ творцомъ лучшаго военнаго искусства, послужившаго образцомъ для величайшихъ полководцевъ послѣдующихъ временъ. Онъ убавилъ тяжелые, большіе эскадроны, чтобы придать движе-

ніямъ конницы болѣе легкости и проворства; съ тою же цѣлью онъ раздвигалъ батальоны на большое разстояніе одинъ отъ другаго. Онъ ставилъ свою армію во время боя не въ одну линію, какъ это обыкновенно дѣлали, а въ двѣ, такъ что, въ случаѣ отступленія первой линіи, могла наступать вторая. Недостатокъ въ конницѣ онъ умѣлъ замѣнить пѣхотою, разставленною между эскадронами, что весьма часто рѣшало побѣду: у него лишь научилась Европа значенію пѣхоты въ сраженіяхъ. Вся Германія удивлялась порядку, которымъ отличалось шведское войско въ первое время своего пребыванія въ нѣмецкой землѣ. Всякое распутство строго наказывалось, а всего строже богохульство, грабежъ и поединки. Умѣренность предписывалась шведскими военными законами; не видно было въ шведскомъ лагерѣ, не исключая и ставки королевской, не серебра, ни золота. Глазъ полководца наблюдалъ также старательно за нравственностью солдата, какъ и за его храбростью. Во время утренней и вечерней молитвы каждый полкъ долженъ былъ составить кругъ около своего священника и совершить свои молитвы подъ открытымъ небомъ. Во всемъ этомъ законодатель служилъ примѣромъ. Непритворная набожность возвышала его мужество, одушевлявшее его великое сердце. Равно свободный отъ грубаго невѣрія, снимающаго необходимую узду съ дикихъ страстей варвара, и ползающаго смиренія Фердинанда, унижавшагося предъ божествомъ, подобно червю, и съ презрѣніемъ попиравшаго человѣчество, Густавъ и въ упоеніи своего счастія оставался человѣкомъ и христіаниномъ, а въ благоговѣніи — героемъ и королемъ. Всѣ трудности войны переносилъ онъ наравнѣ съ послѣднимъ солдатомъ; въ самомъ страшномъ мракѣ битвы умъ его озарялся свѣтомъ; всюду присутствуя своимъ взглядомъ, онъ забывалъ про смерть, его окружавшую; его всегда видѣли на пути самой грозной опасности. Врожденная храбрость часто заставляла его забывать, чѣмъ онъ обязанъ былъ званію полководца — и эта царственная жизнь окончилась смертью рядоваго. Но за такимъ предводителемъ и робкій, и смѣлый шли къ побѣдѣ, и отъ его все-озарявшаго орлинаго взора не скрывался ни одинъ геройскій подвигъ, возбужденный его примѣромъ. Слава ихъ повелителя возбуждала въ народѣ одушевляющую самонадѣянность; гордясь такимъ королемъ, крестьянинъ Финляндіи или Готландіи съ радостью жертвовалъ своею бѣдностью, солдатъ съ радостью проливалъ кровь свою, и высокое направленіе, которое далъ націи духъ одного человѣка, далеко пережило своего виновника.

Какъ мало сомнѣвались въ необходимости войны, такъ много расходились въ мнѣніяхъ о способѣ, какъ ее должно вести. Наступательная война казалась даже мужественному канцлеру

Оксенштирну слишкомъ отважною, силы его бѣднаго и правдиваго короля слишкомъ неравными съ неисчерпаемыми средствами деспота, управлявшаго всею Германіею, какъ своею собственностью. Эти боязливыя недоумѣнія министра были опровергнуты дальновиднымъ благоразуміемъ героя.

«Если мы дождемся непріятеля въ Швеціи», говорилъ Густавъ, «и будемъ разбиты, то все потеряно; все выиграно, если первыя наши дѣйствія въ Германіи будутъ счастливы. Море велико, и въ Швеціи намъ придется охранять обширные берега. Если непріятельскій флотъ уйдетъ отъ насъ, или нашъ будетъ разбитъ, то было бы напрасно препятствовать высадкѣ непріятеля. Въ защитѣ Стральзунда заключается все. Пока эта гавань будетъ намъ открыта, до тѣхъ поръ мы будемъ владычествовать на Балтійскомъ морѣ и имѣть свободное сообщеніе съ Германіею. Но, чтобы защитить Стральзундъ, мы не можемъ укрываться въ Швеціи, а должны переправиться съ войскомъ въ Померанію. И такъ, не говорите мнѣ о войнѣ оборонительной, которая лишитъ насъ лучшихъ нашихъ выгодъ; Швеція не должна видѣть непріятельскаго знамени. Когда насъ побѣдятъ въ Германіи, тогда еще будетъ время послѣдовать вашему совѣту».

И такъ, положено было переправиться въ Германію и напасть на императора. Приготовленія дѣлались съ неимовѣрною поспѣшностью, и распоряженія Густава отличались такою же осторожностью, какъ предпріятіе — смѣлостью и величіемъ. Приступая къ такой отдаленной войнѣ, надо было прежде всего обезпечить самую Швецію отъ подозрительныхъ замысловъ ея сосѣдей. При свиданіи съ королемъ датскимъ при Маркаредѣ, Густавъ удостовѣрился въ дружбѣ этого монарха; со стороны Россіи границы были прикрыты; Польшу можно было держать въ страхѣ и находясь въ Германіи, еслибы она вздумала нарушить перемиріе. Шведскій агентъ фонъ-Фалкенбергъ, объѣзжавшій Голландію и нѣмецкіе дворы, обнадеживалъ своего государя самыми льстивыми обѣщаніями многихъ протестантскихъ князей, хотя ни у одного изъ нихъ еще не хватало мужества и рѣшимости вступать съ нимъ въ открытый союзъ. Города Любекъ и Гамбургъ выказывали готовность ссужать деньги и брать въ уплату шведскую мѣдь. Къ князю Трансильванскому также были отправлены довѣренныя особы, съ цѣлью вооружить этого непримиримаго врага Австріи противъ императора.

Между тѣмъ въ Нидерландахъ и Германіи явились шведскіе вербовщики, полки были укомплектованы, сформированы новые, добыты корабли, флотъ снаряженъ какъ слѣдуетъ, съѣстные припасы, военные снаряды и деньги, сколько возможно было

достать, собраны. Въ короткое время тридцать кораблей были готовы выйти въ море, пятнадцатитысячная армія находилась въ готовности и двѣсти транспортныхъ судовъ было назначено для ея перевозки. Густавъ Адольфъ не хотѣлъ переправляться въ Германію съ большою арміею, да и содержаніе ея въ такомъ случаѣ превзошло бы силы его государства. Но если эта армія была невелика, за то войска ея были вполнѣ отборныя по дисциплинѣ, храбрости и опытности и, достигнувъ Германіи и положивъ счатливое начало, могли послужить твердымъ зерномъ для гораздо большей военной силы. Оксенштирна, генералъ и канцлеръ вмѣстѣ, находился съ десятитысячнымъ корпусомъ въ Пруссіи для защиты этой области противъ поляковъ. Нѣсколько регулярныхъ войскъ и значительный корпусъ земскаго ополченія, служившій резервомъ для главной арміи, остались въ Швеціи, чтобы, въ случаѣ нечаяннаго нападенія, вѣроломный сосѣдъ не нашелъ королевство беззащитнымъ.

Такимъ образомъ безопасность государства была обезпечена. Не меньшую заботливость выказалъ Густавъ Адольфъ и по внутреннему устройству. Правленіе поручено было государственному совѣту, финансы — пфальцграфу Іоанну Казиміру, шурину короля; королева, какъ нѣжно ни любилъ ее Густавъ, была удалена отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ, какъ неспособная по своей ограниченности. Подобно умирающему, устроилъ онъ свой домъ. 20-го мая 1639 года, по окончаніи всѣхъ приготовленій къ отъѣзду, король прибылъ въ Стокгольмъ въ государственное собраніе, чтобы торжественно проститься съ чинами. Онъ взялъ на руки четырехлѣтнюю дочь Христину, назначенную еще въ колыбели его наслѣдницею, показалъ ее чинамъ, какъ будущую ихъ государыню, заставилъ ихъ, на случай, если онъ не возвратится, присягнуть ей снова и затѣмъ велѣлъ прочесть постановленія объ управленіи государствомъ во время его отсутствія или малолѣтства дочери. Все собраніе рыдало, и прошло нѣсколько времени, пока самъ король собрался съ духомъ, чтобы произнесть свою послѣднюю рѣчь къ чинамъ.

«Не изъ легкомысленныхъ видовъ», сказалъ онъ, «ввергаю я себя и васъ въ эту новую, опасную войну. Богъ свидѣтель, что я сражаюсь не изъ тщеславія. Императоръ жестоко оскорбилъ меня въ лицѣ моихъ пословъ; онъ помогалъ моимъ врагамъ, онъ преслѣдуетъ моихъ друзей и братій, попираетъ мою вѣру и простираетъ руку къ моей коронѣ. Угнетенные германскіе чины вопіютъ къ намъ о помощи и, если угодно Богу, мы имъ поможемъ.

«Я знаю, какимъ опасностямъ подвергается моя жизнь. Я никогда не избѣгалъ ихъ и едва ли когда-нибудь избавлюсь отъ нихъ совершенно. До сихъ поръ Провидѣніе чудесно хранило

меня, но все-таки мнѣ придется умереть, защищая отечество. Поручаю васъ покровительству неба; будьте правосудны, будьте честны, не удаляйтесь отъ пути добродѣтели — и мы встрѣтимся въ вѣчности.

«Къ вамъ первымъ обращаюсь я, государственные мои совѣтники! да просвѣтитъ васъ Богъ и умудритъ на совѣты, всегда благіе для моего государства. Васъ, храброе дворянство, поручаю покровительству Божію! Будьте всегда достойными потомками тѣхъ героевъ-готѳовъ, храбрость которыхъ низложила древній Римъ! Васъ, служители церкви, побуждаю къ миролюбію и согласію; будьте сами образцомъ добродѣтелей, которыя вы проповѣдываете, и не употребляйте во зло своей власти надъ сердцами моего народа. Вамъ, депутаты отъ мѣщанъ и крестьянъ, желаю благословенія небеснаго, вашему трудолюбію—радостной жатвы, изобилія вашимъ житницамъ, избытка во всѣхъ благахъ жизни. За всѣхъ васъ, отсутствующихъ и присутствующихъ, возсылаю къ небу искреннія мои молитвы. Прощаюсь нѣжно со всѣми вами; прощаюсь, быть можетъ, навсегда».

Въ Эльфенабэнѣ, гдѣ флотъ стоялъ на якорѣ, войска сѣли на суда; безчисленное множество народа стеклось полюбоваться этимъ столько же величественнымъ, какъ и трогательнымъ зрѣлищемъ. Разныя чувства волновали сердца зрителей, удивлявшихся то величію событія, то величію человѣка. Многіе изъ старшихъ офицеровъ, стоявшихъ во главѣ этого войска, какъ то: Густавъ Горнъ, рейнсграфъ Отто Людвигъ, графъ Матвѣй Турнъ, Ортенбургъ, Баудиссенъ, Баннеръ, Тейфель, Тоттъ, Мутсенфаль Фалькенбергъ, Книпгаузенъ и другіе, пріобрѣли себѣ блестящую славу. Флотъ, задержанный противными вѣтрами, только въ іюнѣ могъ выйти въ море и 24-го того же мѣсяца достигъ острова Рюгена у береговъ Помераніи.

Густавъ Адольфъ первый вышелъ на берегъ. Въ присутствіи свиты онъ преклонилъ колѣна на германской землѣ и возблагодарилъ Провидѣніе за сохраненіе своей арміи и флота. Войска высадилъ онъ на островахъ Воллинѣ и Узедомѣ; по приближеніи шведовъ, императорскіе гарнизоны тотчасъ оставили свои укрѣпленія и бѣжали. Съ быстротою молніи явился онъ передъ Штетиномъ, чтобы занять это важное мѣсто, пока императорскія войска его не предупредили. Богиславу XIV, герцогу померанскому, дряхлому и слабому принцу, уже давно наскучили притѣсненія, произведенныя и производимыя до сихъ поръ въ его земляхъ императорскими войсками; но слишкомъ слабый, чтобы имъ противиться, онъ съ тихимъ ропотомъ уступалъ превосходству силъ. Появленіе избавителей вмѣсто того, чтобы ободрить, наполнило сердце его страхомъ и сомнѣніемъ. Какъ зем-

ля его ни страдала отъ ранъ, нанесенныхъ ей императорскими войсками, при всемъ томъ этотъ князь не могъ рѣшиться открытымъ союзомъ съ Швеціею навлечь на себя мщеніе императора. Густавъ Адольфъ, ставъ лагеремъ подъ пушками Штетина, потребовалъ принятія въ городъ шведскаго гарнизона. Богиславъ самъ явился въ лагерь короля съ просьбою избавить городъ отъ постоя. «Я прихожу къ вамъ какъ другъ, а не какъ врагъ», отвѣчалъ Густавъ, «я веду войну не съ Помераніею, не съ Нѣмецкою имперіею, а только съ ея врагами. Въ моихъ рукахъ это герцогство сохранится свято, и *вѣрнѣе*, нежели отъ всякаго другаго, получите вы его отъ *меня* обратно по окончаніи войны. Взгляните на слѣды императорскихъ войскъ въ въ вашихъ земляхъ, взгляните на слѣды моихъ въ Уседомѣ и выбирайте, кого изъ насъ двоихъ, императора или меня, хотите имѣть другомъ. Чего ожидаете вы, если императоръ завладѣетъ вашею столицею? Или онъ милостивѣе обойдется съ нею, чѣмъ я? Или вы хотите положить предѣлы моимъ побѣдамъ? Дѣло очень важное, рѣшитесь и не заставьте меня прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ».

(Шиллеръ. Исторія 30-лѣтней войны. Т. VII, 2-е изданіе Н. В. Гербеля. С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 179—187.)

4. ГИБЕЛЬ МАГДЕБУРГА.

Богатымъ архіепископствомъ, столицею котораго былъ городъ Магдебургъ, уже давно владѣли евангелическіе принцы бранденбургскаго дома и ввели туда свою вѣру. Христіанъ Вильгельмъ, послѣдній администраторъ, лишенъ былъ покровительства законовъ за свою связь съ Даніею, вслѣдствіе чего капитулъ увидѣлъ себя вынужденнымъ лишить его сана, чтобы не навлечь на архіепископство мщенія императора. Вмѣсто его избрали они принца Іоанна Августа, втораго сына курфирста Саксонскаго, котораго, однако, императоръ не согласился утвердить, имѣя въ виду доставить это архіепископство своему сыну Леопольду. Курфирстъ Саксонскій обратился съ безсильными жалобами къ императорскому двору; Христіанъ Вильгельмъ Бранденбургскій принялъ мѣры болѣе дѣйствительныя. Увѣренный въ привязанности народа и магистрата въ Магдебургѣ и воспламененный несбыточными надеждами, онъ воображалъ, что въ состояніи преодолѣть всѣ препятствія, противопоставляемыя рѣшеніемъ капитула, соперничествомъ двухъ сильныхъ совмѣстниковъ и эдиктомъ о возвращеніи духовныхъ имуществъ. Онъ съѣздилъ въ Швецію и обѣщаніемъ сильной диверсіи въ Гер-

маніи старался обезпечить себѣ помощь Густава. Король отпустилъ его, обнадеживъ въ защитѣ, но совѣтовалъ поступать какъ можно осторожнѣе.

Едва Христіанъ Вильгельмъ узналъ о высадкѣ своего защитника въ Помераніи, какъ уже пробрался переодѣтый въ Магдебургъ. Онъ внезапно явился въ собраніи ратуши, напомнилъ магистрату о всѣхъ притѣсненіяхъ, причиненныхъ войсками императора городу и его округу, о гибельныхъ замыслахъ Фердинанда и объ опасности, угрожающей евангелической церкви. Послѣ этого вступленія онъ открылъ имъ, что настало время освобожденія и что Густавъ Адольфъ предлагаетъ имъ свой союзъ и всевозможную помощь. Магдебургъ, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Германіи, пользовался подъ управленіемъ своего магистрата республиканскою свободою, которая одушевляла геройскимъ мужествомъ его гражданъ. Они доказали это на опытѣ славною борьбою противъ Валленштейна. Привлеченный ихъ богатствомъ, онъ обратился къ нимъ съ неслыханными требованіями, и они мужественною обороною отстояли свои права. Хотя вся область испытала на себѣ разрушительную ярость его войскъ, но самъ Магдебургъ избѣгъ его мщенія. И такъ администратору не стоило большаго труда расположить въ свою пользу гражданъ, у которыхъ испытанныя притѣсненія еще были въ свѣжей памяти. Между городомъ и королемъ Шведскимъ состоялся союзъ, которымъ Магдебургъ предоставлялъ королю свободный проходъ чрезъ область и городъ и наборъ рекрутъ въ его округѣ, въ замѣнъ чего получилъ увѣреніе въ защитѣ своей вѣры и привилегій.

Администраторъ немедленно собралъ войско и началъ непріятельскія дѣйствія прежде, нежели Густавъ Адольфъ могъ приблизиться и подкрѣпить его своими войсками. Ему посчастливилось разбить въ окрестности нѣсколько императорскихъ отрядовъ, сдѣлать небольшія завоеванія и даже взять Галле. Но приближеніе императорской арміи вскорѣ заставило его отступить, быстро и не безъ потери, къ Магдебургу. Густавъ Адольфъ, хотя и недовольный его опрометчивостью, прислалъ ему, въ лицѣ Дитриха Фалькенберга, опытнаго офицера, чтобы руководить военными дѣйствіями и помогать администратору своими совѣтами. Магистратъ назначилъ Фалькенберга комендантомъ города на все время войны. Войско принца, умножаясь со дня на день охотниками изъ сосѣднихъ городовъ, успѣшно сражалось противъ императорскихъ войскъ, высылаемыхъ противъ нихъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ очень счастливо поддерживало малую войну.

Наконецъ графъ Паппенгеймъ, по окончаніи похода противъ герцога Саксенъ-Лауэнбургскаго, приблизился къ городу, выгналъ

въ короткое время войско администратора изъ всѣхъ окрестныхъ укрѣпленій, прервалъ тѣмъ всякое сообщеніе съ Саксоніею и сталъ серьезно готовиться къ осадѣ города. Вслѣдъ за нимъ прибылъ и Тилли. Въ грозномъ письмѣ къ администратору онъ приказывалъ ему не сопротивляться долѣе эдикту о возвращеніи духовныхъ имуществъ, покориться волѣ императора и сдать Магдебургъ. Отвѣтъ принца былъ пылокъ и смѣлъ и заставилъ императорскаго полководца серьезно взяться за оружіе.

Но успѣхи короля Шведскаго, отвлекшаго императорскаго полководца отъ города, пріостановили на время осаду, а несогласія между генералами, командовавшими въ его отсутствіе, спасли Магдебургъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, 30 марта 1631 года, Тилли возвратился и принялся усердно за осаду.

Въ короткое время взяты были всѣ внѣшнія укрѣпленія, и Фалькенбергъ, не видя другаго средства спасти гарнизоны, самъ призвалъ ихъ въ городъ и велѣлъ сломать мостъ чрезъ Эльбу. Когда же оказался недостатокъ въ войскѣ для защиты обширной крѣпости съ предмѣстьями, то и предмѣстья Зуденбургъ и Нейштадтъ были уступлены непріятелю, который тотчасъ же превратилъ ихъ въ пепелъ. Паппенгеймъ, отдѣлясь отъ Тилли, переправился черезъ Эльбу при Шёнбекѣ, чтобы осадить городъ съ другой стороны.

Гарнизонъ, ослабленный прежними сраженіями во внѣшнихъ укрѣпленіяхъ, едва простирался до 2,000 пѣхоты и нѣсколькихъ сотенъ кавалеріи — численность слишкомъ слабая для такой большой и притомъ неправильной крѣпости. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, вооружили горожанъ — средство отчаянное, сдѣлавшее болѣе вреда, чѣмъ пользы, Горожане, уже сами по себѣ весьма посредственные солдаты, своими несогласіями подвергли городъ гибели. Бѣдняку было больно, что его одного обременяли всѣми тягостями, одного его подвергали всѣмъ трудностямъ и опасностямъ, тогда какъ богачъ посылалъ за себя слугъ и жилъ въ свое удовольствіе. Негодованіе превратилось, наконецъ, въ общій ропотъ; равнодушіе смѣнило усердіе, скука и нерадѣніе къ службѣ — бдительную осторожность. Это разъединеніе защитниковъ вмѣстѣ съ возраставшею нуждою мало по малу дали мѣсто малодушнымъ размышленіямъ, такъ что многіе уже начали страшиться дерзости своего предпріятія и трепетать передъ могуществомъ императора, съ которымъ боролись. Но религіозный фанатизмъ, пламенная любовь къ свободѣ, непреодолимое отвращеніе къ имени императора и вѣроятность надежды на скорое освобожденіе удаляли всякую мысль о сдачѣ; и если расходились во всемъ другомъ, то всѣ были одного мнѣнія — защищаться до послѣдней крайности.

Надежда осажденныхъ на помощь была весьма вѣроятна. Они знали о вооруженіяхъ лейпцигскаго союза и о приближеніи Густава Адольфа; для обоихъ удержаніе за собой Магдебурга было одинаково важно, и нѣсколько дней похода могли привести короля Шведскаго къ ихъ стѣнамъ. Все это было не безъизвѣстно графу Тилли и потому онъ такъ спѣшилъ овладѣть Магдебургомъ, какимъ бы то ни было способомъ. Уже онъ посылалъ разъ трубача съ разными письмами, касательно сдачи, къ администратору, коменданту и магистрату, но получилъ въ отвѣтъ, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ сдадутся. Сильная вылазка горожанъ показала ему, что мужество осажденныхъ еще далеко не охладѣло, а прибытіе короля въ Потсдамъ и появленіе шведскихъ разъѣздовъ подъ самымъ Цербстомъ, должны были исполнить Тилли смятеніемъ, а жителей Магдебурга — радостными надеждами. Второй трубачъ, присланный имъ, и болѣе умѣренный тонъ его писемъ утвердилъ ихъ еще болѣе въ этой увѣренности — но только для того, чтобы сдѣлать ихъ еще безпечнѣе.

Между тѣмъ осаждавшіе дошли своими апрошами до самаго городскаго рва и сильно обстрѣливали съ заложенныхъ батарей валъ и башни. Одна изъ башенъ совершенно обрушилась, но не облегчила тѣмъ нападенія, такъ какъ она упала не въ ровъ, а на валъ. Несмотря на безпрерывное бомбардированіе, валъ пострадалъ немного, а дѣйствіе брандскугелей, которые должны были зажечь городъ, уничтожалось отличными мѣрами предосторожности. Но скоро запасъ пороху осажденныхъ пришелъ къ концу, и крѣпостныя орудія мало по малу переставали отвѣчать осаждавшимъ. До изготовленія новаго пороха Магдебургъ долженъ былъ получить помощь или погибнуть. Теперь надежды горожанъ достигли крайняго напряженія, и всѣ взоры, полные ожиданія, обращались въ ту сторону, откуда должны были показаться шведскія знамена. Густавъ Адольфъ находился достаточно близко, чтобы на третій день явиться передъ Магдебургомъ. Увѣренность растетъ съ надеждою, и все соединяется, чтобы усилить ее еще болѣе. 9-го мая, неожиданно, начинаетъ смолкать непріятельская канонада; съ нѣкоторыхъ батарей свозятъ орудія. Мертвая тишина въ императорскомъ лагерѣ. Все удостовѣряетъ осажденныхъ, что близокъ часъ ихъ освобожденія. Бо̀льшая часть мѣщанскихъ и солдатскихъ карауловъ оставляетъ рано утромъ свои посты на валахъ, чтобы, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, забыться сладкимъ сномъ; но дорого обошолся имъ этотъ сонъ и ужасно было пробужденье!

Наконецъ Тилли покинулъ надежду овладѣть городомъ путемъ осады до прибытія шведовъ. И такъ, онъ рѣшился снять осаду, но напередъ сдѣлать общій приступъ. Препятствія были

велики, такъ какъ бреши еще не пробили, а крѣпостные верки едва были повреждены. Но военный совѣтъ, собранный имъ, подалъ мнѣніе въ пользу приступа, причемъ ссылался на примѣръ Мастрихта, взятаго приступомъ рано поутру, когда граждане и солдаты спокойно спали. Нападеніе положено было сдѣлать съ четырехъ сторонъ разомъ; всю ночь съ 9-го на 10-е число провели въ необходимыхъ приготовленіяхъ. Все было въ готовности и ожидало, согласно условію, пушечнаго сигнальнаго выстрѣла въ пять часовъ утра. Но онъ послѣдовалъ двумя часами позже, въ теченіе которыхъ Тилли, все еще сомнѣвавшійся въ успѣхѣ, собралъ новый военный совѣтъ. Паппенгейму приказано было напасть на нейштадтскія укрѣпленія; отлогій валъ и сухой, не слишкомъ глубокій ровъ много помогли ему. Большая часть гражданъ и солдатъ оставила передъ тѣмъ валъ, а немногіе изъ оставшихся спали крѣпкимъ сномъ. Слѣдовательно, генералу этому не трудно было взойти первому на валъ.

Фалькенбергъ, испуганный ружейною пальбою, поспѣшилъ съ горстью людей изъ ратуши, гдѣ былъ занятъ отправленіемъ втораго трубача Тилли къ нейштадтскимъ воротамъ, уже занятымъ непріятелемъ. Отбитый здѣсь, этотъ храбрый генералъ бросается въ другую сторону, гдѣ другая непріятельская колонна готовится взойти на валъ. Напрасное сопротивленіе! Въ самомъ началѣ битвы онъ падаетъ, пораженный непріятельскими пулями. Сильный ружейный огонь, звонъ колоколовъ и возрастающій шумъ даютъ знать, наконецъ, проснувшимся горожанамъ о предстоящей опасности. Они поспѣшно одѣваются, хватаются за оружіе и, въ слѣпомъ безпамятствѣ, бросаются на встрѣчу непріятелю. Еще надежда не потеряна выгнать непріятеля, но комендантъ убитъ, нѣтъ плана въ нападеніи, нѣтъ конницы, чтобы ворваться въ его разстроенные ряды, наконецъ, нѣтъ пороху для поддержанія огня. Двое другихъ еще не взятыхъ воротъ покидаются своими защитниками для отвращенія еще большей опасности въ городѣ. Непріятель быстро пользуется происшедшимъ отъ того замѣшательствомъ, чтобы напасть и на эти посты. Сопротивленіе длится съ упорствомъ, пока, наконецъ, четыре императорскіе полка, завладѣвшіе валомъ, не заходятъ магдебургцамъ въ тылъ и тѣмъ не довершаютъ ихъ пораженія. Храбрый капитанъ, по имени Шмидтъ, который въ этомъ общемъ смятеніи ведетъ еще разъ горсть храбрѣйшихъ противъ непріятеля и счастливо прогоняетъ его до самыхъ воротъ, падаетъ, смертельно раненый, а съ нимъ и послѣдняя надежда Магдебурга. Еще до полудня непріятель овладѣваетъ послѣдними укрѣпленіями — и городъ въ его рукахъ.

Теперь штурмовавшіе отворяютъ двое воротъ для главной арміи, и Тилли приказываетъ вступить въ городъ части своей

пѣхоты. Она немедленно занимаетъ главныя улицы, а разставленныя по нимъ пушки прогоняютъ горожанъ въ ихъ дома, чтобы ожидать тамъ рѣшенія своей судьбы. Недолго оставляютъ ихъ въ недоумѣніи; два слова графа Тилли рѣшаютъ судьбу Магдебурга. И болѣе человѣколюбивый полководецъ напрасно бы приказывалъ *такимъ* войскамъ пощаду; Тилли не взялъ даже на себя труда испытать это средство. Солдатъ, поставленный безмолвіемъ полководца владыкою жизни всѣхъ горожанъ, вламывается въ дома, чтобы тамъ необузданно удовлетворить всѣмъ страстямъ своей скотской души. Молящая невинность еще находитъ въ иномъ нѣмецкомъ сердцѣ состраданіе, но ни въ одномъ дышущемъ злобой валлонцѣ изъ войскъ Паппенгейма. Едва началось это кровопролитіе, какъ всѣ остальныя ворота отворяются и вся кавалерія и буйныя шайки кроатовъ устремляются на несчастный городъ.

Тутъ открывается зрѣлище убійствъ, для описанія которыхъ исторія не имѣетъ словъ и поэзія кисти. Ни невинность дѣтства, ни безпомощность старости, ни молодость, ни полъ, ни званіе, ни красота не могутъ обезоружить ярости побѣдителя. Жены позорятся въ объятіяхъ мужей, дочери у ногъ отцовъ, и беззащитный полъ имѣетъ только преимущество — служить жертвою двойнаго неистовства. Ни одно самое сокровенное, ни одно самое священное убѣжище не могло спасти отъ всюду-проникавшей жадности. Въ одной церкви было найдено 53 женщины обезглавленными. Кроаты, для забавы, кидали дѣтей въ огонь, а валлонцы Паппенгейма прикалывали младенцевъ у груди матерей. Нѣкоторые офицеры Лиги, смущенные этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ, осмѣлились напомнить графу Тилли, что не пора ли прекратить кровопролитіе. «Приходите черезъ часъ», былъ отвѣтъ, «тогда я увижу, что дѣлать Солдатъ долженъ быть награжденъ за труды и опасности». Съ возрастающею яростью продолжаются эти ужасы, пока, наконецъ, дымъ и пламя не останавливаютъ грабежа. Чтобы увеличить смятеніе и сломить сопротивленіе горожанъ, подожгли еще вначалѣ городъ съ разныхъ сторонъ. Теперь поднялась буря, которая съ страшной быстротой разнесла пламя по всему городу и сдѣлала пожаръ общимъ. Страшно было видѣть, какъ тѣснились сквозь чадъ и трупы между сверкавшимъ оружіемъ, низвергавшимися развалинами и лившеюся кровью. Воздухъ накалился, и невыносимый жаръ заставилъ наконецъ самихъ убійцъ бѣжать въ лагерь. Менѣе чѣмъ въ 12 часовъ этотъ многолюдный, крѣпкій и обширный городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи, превращенъ былъ въ пепелъ, за исключеніемъ двухъ церквей и нѣсколькихъ хижинъ. Администраторъ Христіанъ Вильгельмъ и трое бургомистровъ, покрытые ранами, попались въ плѣнъ;

многіе храбрые офицеры и члены магистрата нашли завидную смерть въ бою. Жадность офицеровъ, въ надеждѣ на богатый выкупъ, спасла отъ смерти 400 богатѣйшихъ гражданъ. Да и эти офицеры, оказавшіе такое человѣколюбіе, большею частью были изъ арміи Лиги, и слѣпое звѣрство императорскихъ солдатъ заставляло смотрѣть на нихъ, какъ на ангеловъ-хранителей.

Едва уменьшилась ярость пламени, какъ толпы императорскихъ солдатъ возвратились съ новою жадностью, чтобы выкапывать свою добычу изъ-подъ пепла и развалинъ. Многихъ задушилъ дымъ; многіе обогатились, такъ какъ лучшія вещи были спрятаны въ погребахъ. Наконецъ, 13 мая, Тилли самъ прибылъ въ городъ послѣ того, какъ главныя улицы были очищены отъ развалинъ и труповъ. Ужасно и отвратительно было зрѣлище, представившееся теперь человѣчеству! Оставшіеся въ живыхъ выползали изъ-подъ труповъ, блуждавшія дѣти съ раздиравшими душу воплями искали своихъ родителей; младенцы сосали мертвыя груди своихъ матерей! Болѣе 6,000 труповъ пришлось бросить въ Эльбу, чтобы очистить улицы; несравненно большее количество живыхъ и мертвыхъ сгорѣло во время пожара; все число убитыхъ полагаютъ до 30,000.

Въѣздъ генерала, послѣдовавшій 14-го числа, положилъ конецъ безчинствамъ, и все, что спаслось до сихъ поръ, осталось въ живыхъ. Около тысячи человѣкъ было выведено изъ соборной церкви, гдѣ они три дня и три ночи провели безъ пищи и въ постоянномъ ожиданіи смерти. Тилли велѣлъ объявить имъ прощеніе и раздать хлѣба. На другой день въ той же соборной церкви совершилось торжественное молебствіе и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ было пропѣто «Te Deum». Императорскій генералъ проѣхалъ по улицамъ, чтобы донести своему государю, какъ очевидецъ, что со времени разрушенія Трои и Іерусалима не видано было такой побѣды. И въ этомъ донесеніи не было преувеличенія, если сравнить обширность, богатство и значеніе погибшаго города съ яростью его разрушителей.

Извѣстіе о несчастной судьбѣ Магдебурга несказанно обрадовало всю католическую и повергло въ ужасъ и страхъ всю протестантскую Германію. Всеобщая скорбь и негодованіе обвиняли короля Шведскаго, который, находясь такъ близко и съ такою силою, не подалъ помощи этому союзному городу. Самый умѣренный находилъ поведеніе короля необъяснимымъ, и Густавъ Адольфъ, боясь потерять невозвратно сердца народа, для освобожденія котораго пришелъ, принужденъ былъ особымъ манифестомъ оправдаться предъ свѣтомъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

(Шиллеръ. Исторія Тридцатилѣтней войны. Стр. 195—205.)

5. ОБЩЕСТВЕННЫЯ БѢДСТВІЯ ГЕРМАНІИ ВО ВРЕМЯ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

Впродолженіе всей войны Густавъ Адольфъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который съ необыкновеннымъ рвеніемъ слѣдилъ за дисциплиною и вообще за порядкомъ въ войскѣ; но и онъ уже во второй годъ войны имѣлъ причины высказывать жалобы на распущенность и злоупотребленія и установить строгія наказанія. По смерти его зло еще болѣе возрасло, и отдѣльныя мѣры, предпринимаемыя шведскими, французскими и императорскими полководцами, лишь весьма мало помогали при всеобщей безнравственности. Прежде всего солдаты по большей части набирались посредствомъ вербовки, для чего общины должны были вносить значительныя суммы; такъ, напримѣръ, Оксенштирнъ платилъ за вербованіе пѣхотинца 12 талеровъ, а за кавалериста — 18 талеровъ. Затѣмъ, завербованныхъ можно было удержать на мѣстѣ только за весьма значительную сумму; такъ, по императорскому военному приказу, лейтенантъ получалъ ежедневно два гульдена, а рядовой — до 4 грошей. Но и при такихъ условіяхъ обѣщанія вступившихъ на службу рѣдко выполнялись въ точности; и какъ избалованные высокою платой, такъ и ничего не получавшіе, которые зачастую находились въ страшной нуждѣ, одинаково хватались за всякое средство, лишь бы удовлетворить своимъ потребностямъ или страстямъ. Вмѣсто того, чтобы всячески противодѣйствовать этому злу, большинство полководцевъ сами весьма нерѣдко подавали къ тому дурной примѣръ. Войско Валленштейна, напримѣръ, крайне разоряло всѣхъ жителей. Самъ онъ привезъ съ собою въ Нюренбергъ неслыханное количество обозовъ и запасовъ; Бургъ утверждаетъ, что въ лагерѣ найдено было до 15,000 женщинъ. Мы уже говорили, какъ онъ тратилъ и бросалъ деньги, и всѣ, сколько могли, подражали ему въ этомъ. Альтрингеръ, напримѣръ, обладалъ громадными богатствами, состоявшими изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ и 800,000 кронъ въ банкахъ Генуи и Венеціи: каждый, получившій имѣніе въ подарокъ или овладѣвшій имъ силою, стоялъ внѣ закона относительно податей, правосудія, обязанностей, правъ подданныхъ, охоты, десятинъ и т. д. И хотя система грабежа научныхъ и художественныхъ сокровищъ лишь нѣсколько позже, черезъ посредство французовъ, получила болѣе широкое развитіе, однако же и въ это время гейдельбергская библіотека переселялась въ Римъ и шведы отсылали въ свое отечество книги, картины, церковную утварь, коллекціи монетъ и т. п. изъ Мюнхена, Вюрцбурга, Праги и другихъ завоеванныхъ городовъ.

Въ это время, вслѣдствіе усиленнаго обжорства и пьянства, нуждались въ пищѣ болѣе чѣмъ когда-либо; и подобнаго рода распущенность усиливала безпорядокъ и своеволіе до невѣроятныхъ размѣровъ. Генералъ Гётцъ былъ нѣсколько разъ такъ пьянъ, что не могъ выговорить даже лозунга, а французскій посланникъ, Борегардъ, имѣя важныя порученія къ Боннеру, не могъ добиться аудіенціи цѣлыхъ четыре дня, потому что послѣдній по цѣлымъ днямъ бывалъ пьянъ. То, чѣмъ сами не могли воспользоваться, несмотря на всеобщую невоздержность, грубо истреблялось, выбрасывалось или сжигалось, и вотъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ во многихъ странахъ Германіи начался страшный голодъ, который принесъ съ собой ужасныя бѣдствія и неотразимыя страданія.

Уже въ 1630 году въ Шлезвигѣ пекли хлѣбъ изъ желудей, конопли и кореньевъ, хотя не мало народу умирало съ голоду, и разсказываютъ, что родители сами лишали жизни своихъ дѣтей, не будучи въ состояніи ихъ прокормить. При осадѣ Аугсбурга въ 1635 году и Брейзаха въ 1639 г. обнаружились такія же бѣдствія. Мышь стоила здѣсь 1 гульденъ; четверть собаки — 7 гульденовъ; дѣтей старались заманивать куда-нибудь и тамъ убивали; въ тюрьмахъ трупы узниковъ разрывали зубами и поѣдали ихъ же товарищи.

Голодъ былъ такъ силенъ въ 1636 и 1637 годахъ во многихъ частяхъ Германіи, напримѣръ, въ Саксоніи, Фульдѣ, Гессенѣ, на Рейнѣ, въ Эльзасѣ, что не пренебрегали даже мясомъ изъ живодерни, уносили трупы изъ верховнаго суда, разрывали кладбища, пока, наконецъ, здѣсь не была поставлена стража для охраненія покойниковъ; братья пожирали своихъ умершихъ сестеръ, дочери — матерей, родители убивали своихъ дѣтей, а потомъ, приходя въ безуміе отъ преступленія, сами лишали себя жизни. Образовались цѣлыя шайки охотившихся за людьми, какъ за дикими звѣрями, и когда разъ въ Вормскомъ округѣ подобные преступники, сидѣвшіе вокругъ кипящаго котла, разбѣжались отъ страха, то въ немъ нашли человѣческія руки и ноги, приготовлявшіяся въ пищу. Одновременно съ голодомъ появилась страшная, заразительная чума, и солдаты, своеволіе которыхъ было главною причиной всѣхъ этихъ бѣдствій, первые заразились ею, такъ что одинъ очевидецъ говоритъ: «цѣлыя войска, не видя непріятеля, какъ-будто стирались и пропадали съ лица земли!»

Вмѣсто того, чтобы, испытавши голодъ, болѣзни и другія подобныя невзгоды, сдѣлаться осмотрительнѣе, умѣреннѣе и добродѣтельнѣе, грубость, злодѣянія и жестокость все только усиливались, даже и во время той борьбы, которую напрасно предприняли за право, добрые нравы и религію: ни одной за-

повѣди уже не слѣдовали и всякое чувство къ нимъ какъ будто изсякло.

Уже въ 1629 году кроатовъ обвиняли въ томъ, что они повсюду грабятъ, жгутъ и вообще жестоко обращаются съ жителями. Тѣ же самыя обвиненія относятся и къ императорскому войску при выступленіи его изъ Нюренберга. 1634 году принадлежитъ слѣдующее извѣстіе: послѣ потеряннаго сраженія при Лигницѣ, обезумѣвшіе австрійцы все предаютъ грабежу, жителей изгоняютъ и травятъ въ поляхъ, какъ дикихъ звѣрей. Несчастныхъ жарили на огнѣ и въ печахъ, выкалывали имъ глаза, вырѣзывали у живыхъ ремни изъ спины, отрѣзывали руки, ноги, уши, носы и груди, или вѣшали, положивъ подъ ногти смолу и сѣру, прятали въ скрытныхъ мѣстахъ и сжигали ихъ тамъ, завинчивали дуло пистолета большимъ пальцемъ, наливали въ горло помои и навозъ, срѣзали пятки и натирали ихъ солью, дѣтей вырывали изъ рукъ родителей, рубили на куски или разбивали объ стѣну.

Подобнымъ же образомъ поступали и кроаты въ Гогштадтѣ въ 1634 году. Они искалывали булавками самыя чуствительныя части тѣла, распиливали голени, растирали мясо на ногахъ до костей и даже жарили людей. Не лучше говорятъ намъ извѣстія о дѣйствіяхъ имперскихъ войскъ и шведовъ послѣ нордлигенскаго сраженія. Страны, которыя долгое время могли бы удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, были въ непродолжительное время доведены до крайнихъ страданій, какъ бы дѣйствіемъ молніи. По словамъ очевидца, Германія находилась одновременно съ этимъ въ весьма бѣдственномъ положеніи: жители ея были изгнаны, и иностранцы вторглись во внутрь страны, съ оставшимися же еще на мѣстѣ обращались тѣмъ ужаснѣе, что они рѣшились скорѣе претерпѣвать крайнюю нужду, чѣмъ видѣть паденіе своей родины. Съ одной стороны свирѣпствовали шведы, финны, лапландцы, ирландцы, съ другой — кроаты, казаки, поляки, гусары, испанцы, валлонцы и нельзя было различить, кто другъ кому, а кто врагъ. У кого были деньги, тотъ считался врагомъ, у кого же ихъ не было, того все же подозрѣвали въ богатствѣ и подвергали пыткѣ. Ничего не различалось: ни мѣсто, ни личность, ни святое, ни несвятое, ни освященное, ни неосвященное, и жители старались еще превзойти въ жестокости своихъ учителей. Никто не искалъ сердечнаго успокоенія, но каждый старался для себя; честолюбіе и корыстолюбіе служили мѣрою, которою измѣрялось все; и громадная толпа страдала, какъ неразумное стадо, позволяя себя бить и ни разу не взглянувъ на того, кто ее бьетъ.

Шведскій историкъ, Хемницъ, разсказываетъ осенью 1634 года о солдатахъ Бернгардта: «У нихъ не было никакой дисциц-

лины, напротивъ, они старались дѣйствовать такъ, чтобы и начальство и подчиненные дрожали передъ ними. Вообще они задавали пиры и попойки, выжимали послѣднія деньги, колотили, рубили, кололи, убивали и застрѣливали оробѣвшихъ и утомленныхъ жителей съ такимъ ожесточеніемъ, что подобнаго никогда еще не случалось видѣть въ другихъ войнахъ. Во Франкфуртѣ, въ особенности, стали требовать неслыханныхъ контрибуцій, вслѣдствіе чего вопли, плачъ и стоны огласили воздухъ этого города. Многихъ выгоняли изъ домовъ, а трактирщики, лавочники, ремесленники и многіе другіе такимъ гнуснымъ образомъ добывали деньги, что трудно себѣ представить, и въ то время какъ большинство становилось бѣднымъ, обогащались немногіе».

То же самое подтверждаетъ и Форстнеръ, прибавляя при этомъ, что солдаты Бернгардта до тѣхъ поръ лили людямъ въ горло холодную воду, пока, отъ давленія ногою въ животъ, она не выходила обратно, и эту воду они называли шведскимъ напиткомъ.

Въ 1635 году кроаты изъ гордости выжгли все на французскихъ границахъ, а жителей изрубили, не различая ни пола, ни возраста. Французы слѣдовали ихъ примѣру, пока страшная нужда не смягчила отчасти обѣ стороны.

Въ августѣ 1637 года жители Нижняго Гессена писали о кроатахъ и другихъ императорскихъ наемникахъ слѣдующее: «намъ обрѣзали языки, носы, уши, выкололи глаза, вколотили гвозди въ голову и ноги; влили въ насъ смолу, олово и свинецъ черезъ уши, ротъ и носъ, многихъ связали спина къ спинѣ, поставили въ рядъ въ открытомъ полѣ и стрѣляли по нимъ, дѣтей изрубили саблями, сажали на колъ, жарили въ печахъ и т. п. — При такихъ злодѣяніяхъ крестьяне старались по возможности поступать также, за что впослѣдствіи были обыкновенно строго наказываемы.»

Впослѣдствіи жалобы на французовъ особенно усилились, и мы приведемъ по этому поводу то, что Энгельзюсъ говоритъ въ своей исторіи этой войны: «Въ 1642 году французско-веймарское войско раздѣлилось на отдѣльные отряды, грабило, жгло, убивало, сколько и гдѣ могло, такъ что всѣми овладѣла печаль, какъ это бываетъ всегда, если ужасъ господствуетъ въ странѣ и нѣтъ ни откуда помощи».

Подобное же случилось вскорѣ послѣ этого и въ Баденѣ. «Французское войско», пишутъ въ 1644 году, «поступало вездѣ очень жестоко; никого не щадили, воровство и грабежъ ставилось ни во что, офицеры и рядовые старались только о томъ, какъ бы наполнить желудокъ, да кошелекъ. Кто не соглашался съ ихъ желаніемъ, у тѣхъ безбожный народъ бралъ невинныхъ дѣтей (не говоря о продолжительныхъ и печальныхъ притѣсне-

ніяхъ, благодаря которымъ пролито было такъ много кровавыхъ слезъ), бросали ихъ о землю или перебрасывали изъ одного дома въ другой, изъ одной улицы въ другую, желая какъ бы изъ мести уничтожить всѣхъ, у кого они находили все въ избыткѣ. Многіе женатые люди должны были оставить свой домъ, женъ, дѣтей и все, что было имъ дорого въ этой жизни, предоставляя ихъ нечестивымъ желаніямъ побѣдителей. Здѣсь также не было ни откуда помощи: офицеры предавались пьянству и другимъ удовольствіямъ, дѣлали мало, позволяли себя угощать и брали взятки. Они заботились не о томъ, какъ бы побить непріятеля, но думали только о возвращеніи во Францію и поступали гораздо хуже своихъ солдатъ или поступали точно также, какъ и эти послѣдніе, снисходя къ нимъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе они хотѣли оправдать свой безнравственный образъ жизни».

«Все, что находилось въ домахъ, принадлежало уже имъ, и невѣжи имѣли на это гораздо больше права, чѣмъ сами хозяева.»

Когда же стали угрожать имъ ихъ королемъ и королевой, то они, пренебрегая всякимъ подданническимъ уваженіемъ, презрительно отвѣчали:

Тоже происходитъ и во Франціи!

Вслѣдствіе этого нужно было извинять одинъ проступокъ другимъ, какъ будто все это было хорошо и справедливо, и мы въ Германіи были виновны и принуждены страдать отъ всего того, что происходило во Франціи, а они какъ будто не имѣли ни чести, ни ума, чтобы выказать ко всему отвращеніе, приняться за лучшій образъ дѣйствій. Мало того, историковъ, пользовавшихся всегда большимъ уваженіемъ, они стали остерегаться, боясь, чтобы не обнаружились ихъ злодѣйства, а потому они убивали писателей, оскорбляли ихъ, связывали, кололи.

Тогда многіе пришли въ отчаяніе и усумнились даже въ существованіи Бога, потому что еслибы Онъ существовалъ, то, по ихъ мнѣнію, поразилъ бы все на землѣ громомъ и молніею. Несчастныя женщины, обезумѣвшія отъ ужаса и печали, должны были охранять тѣло и жизнь своихъ мужей, удерживать отцевъ при дѣтяхъ, а грудныхъ предохранять отъ мученій и пытокъ, дома же отъ разграбленія и наконецъ дѣлать многое добровольно и открыто (вопреки чести и достоинству); каждый относился ко всему этому безучастно, какъ бы отъ горя, печали и безпредѣльной тоски, смѣясь и ожидая, что рука Всевышняго положитъ конецъ всему.

Что эти жалобы не преувеличены, видно изъ офиціальнаго распоряженія французскаго короля, въ которомъ говорится, напр., слѣдующее: «Такъ какъ я вижу, что распущенность господствуетъ почти всюду въ моемъ войскѣ и что существовавшая до сихъ поръ охрана дорогъ не могла обуздать ни дер-

зости, ни малодушія, то я считаю лучшимъ средствомъ поставить вокругъ войска конные пикеты, которые будутъ арестовывать дезертировъ», и т. д. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «это постановленіе касается не только солдатъ, но и ихъ начальниковъ, которые вмѣсто того, чтобы удерживать ихъ на службѣ, сами подаютъ имъ примѣръ дезертирства!»

Города и деревни пришли въ такое плачевное положеніе, въ сравненіи съ которымъ всякія бѣдствія нашихъ дней оказываются ничтожными. Такъ напр. изъ 400 жителей въ Фрейзингенѣ осталось только 20 человѣкъ, и имѣнья, стоившія 2,000 гульд., продавались за 70 и 80 гульд. Нѣкоторые священники дошли до такой нужды, что шили башмаки новобрачнымъ и играли, вмѣсто музыкантовъ, разные танцы. Въ Эйхштедтѣ сгорѣло съ 1634 г. при осадѣ шведовъ 7 церквей, 1 монастырь и 444 дома. Въ Аугсбургѣ изъ 80,000 жителей осталось 18,000; въ Гессенѣ преимущественно императорскіе солдаты разорили и сожгли 17 городовъ, 47 замковъ и 300 деревень, и отъ прежняго народонаселенія осталась только четвертая часть его. То же мы находимъ и въ Альтмаркѣ, Помераніи, Тюрингенѣ и Богеміи. Во многихъ мѣстахъ крестьяне по недостатку скота сами впрягались въ плугъ; о школахъ и учителяхъ почти не было и рѣчи. Въ Гёттингенѣ считалось въ 1642 году вмѣсто 1000 — только 500 человѣкъ; въ Нордгеймѣ опустѣло болѣе 300 домовъ, и въ городѣ едва ли осталось до 140 человѣкъ, изъ которыхъ только 40 могли платить подати; здѣсь было сломано болѣе 320 домовъ, а въ Геттингенѣ 150, и ихъ употребляли зимой на дрова. Въ Вюртембергѣ было сожжено 8 городовъ, 45 деревень, 158 священническихъ домовъ и школъ, 65 церквей и 36,086 домовъ. Погибло 57,721 разныхъ хозяйственныхъ строеній и убытки, нанесенные войною, простирались, по оцѣнкѣ, до 58,743,000 гульденовъ. То же самое произошло и въ Баваріи, гдѣ только въ 1646 г. французы сожгли болѣе ста деревень. Когда страна была опустошена, ограблена, обезлюдѣла, превратилась въ пустыню, годную для волковъ и дикихъ звѣрей, и тяжесть податей и долговъ стала еще чувствительнѣе, тогда главный зачинщикъ этой продолжительной войны, Максиміліанъ, утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ боролся во имя Бога, что теперь не осталось въ странѣ ни одного еретика и вѣра стала совершенно чиста! Онъ много постился и сильно бичевалъ себя, чтобы заглушить боязнь, которая такъ часто нападаетъ на суевѣрныхъ. Черепа Козьмы и Демьяна, перенесеные изъ Бремена въ Мюнхенъ, могли, по его мнѣнію, вознаградить неисчислимую потерю. При всемъ томъ нравственность сильно упала и этому должны были помочь хожденіе въ церковь, ношеніе освященныхъ ризъ и т. д. Танцы, музыка и удовольствія были запрещены.

Изъ боязни ввести въ употребленіе запрещенныя или неизвѣстныя книги, стали обыскивать даже тюки непечатной бумаги и оберточныхъ листовъ!

Не менѣе, чѣмъ изъ подобныхъ свидѣтельствъ, состояніе того времени можно изучить изъ описаній жизни солдатъ Мошерола или напр. Филандера фонъ Зиттенвальдена. Солдаты, говоритъ онъ, образуютъ хищныя шайки, ловятъ бюргеровъ и крестьянъ и жестоко мучатъ ихъ. Такъ напримѣръ связываютъ ихъ руки на спинѣ, продѣваютъ сквозь языкъ съ помощью шила конскій волосъ, дергаютъ его взадъ и впередъ съ ужасной болью и за каждый крикъ награждаютъ множествомъ ударовъ плетью по икрамъ. Пальцы ввинчивали, такъ что мясо сдиралось до костей. Людей разстрѣливали, по ихъ выраженію, очень просто и безъ боли: имъ пускали въ одно колѣно три пули и затѣмъ вертѣли ногу, какъ мотовило. Повсюду распространились лазутчики, которые, подобно трактирщикамъ, развѣдывали о путешественникахъ и богатствахъ. Въ простонародьи стали всякое совершенное злодѣяніе называть добрымъ дѣломъ, а въ дѣйствительности все доброе — дьявольскимъ навожденіемъ.

Точно также Романъ Симплицимусъ говоритъ о безграничномъ одичаніи той эпохи, о всеобщей распущенности нравовъ, о страсти къ злодѣяніямъ и насмѣшкѣ надъ всякимъ добрымъ дѣломъ. Солдаты наливали крестьянамъ въ горло нечистоты, заставляли козъ слизывать имъ съ пятокъ соль и т. д.; все это кажется шуткою сравнительно съ тѣми неслыханными ужасами, о которыхъ писатель отказывается говорить вслѣдствіе отвращенія. При сравненіи мирной Швейцаріи съ Германіей, говоритъ Симплицимусъ, мы видимъ рѣзкое различіе: страна эта, послѣ Германіи, была мнѣ такъ чужда, какъ будто я находился въ Бразиліи или Китаѣ! Тамъ я увидѣлъ, что люди живутъ совершенно спокойно, хлѣвы заставлены скотомъ, крестьянскіе дворы полны гусей, куръ и утокъ, улицы заняты путешественниками, въ гостинницахъ много веселаго люда; тамъ не боялись непріятелей, не остерегались грабежа и не страшились лишиться имущества или жизни. Каждый жилъ спокойно подъ своимъ виноградникомъ и смоковницей и, конечно, сравнительно съ нѣмецкими землями, здѣсь жили въ удовольствіи и радости.

Также и поэты тогдашняго времени, Опицъ, Флеммингъ, Логау, справедливо негодовали на нескончаемыя страданія своего отечества.

Такъ бѣдственно было положеніе Германіи, пишетъ Пфаннеръ, что ей съ одинаковымъ горемъ доставались и побѣды и пораженія, *потому что какая бы сторона ни побѣждала, или ни проигрывала, Германіи все же приходилось терпѣть потерю, такъ какъ къ войнѣ присоединялись и внутреннія междоусобицы. Все*

счастье было на сторонѣ иностранцевъ, которые находили свою честь и выгоду въ стыдѣ благороднаго народа.

Враги господствовали (жалуется Лотихій) вмѣсто соотечественниковъ, и многіе убѣгали въ чужія страны, чтобы не видать такихъ бѣдствій. Что особенно придаетъ цѣну отечеству, всѣ его стада, плодородныя пашни, богатые луга, сады, друзья и родственники, все радостное прошедшаго и ободряющее настоящаго, все это исчезло и уничтожено! Даже бѣднякамъ и обѣднѣвшимъ не было покоя: ихъ мучили, принуждая указывать богатства другихъ, или просто изъ жестокости. Религія, добродѣтель, набожность, стыдъ, заслуга, ставились ни во что; предавались только наслажденіямъ и порокамъ, и Германія наконецъ стала свирѣпствовать противъ самой же себя. Большинство такъ отвыкло отъ мира и порядка, что чувствовало себя хорошо только въ войнѣ, мятежахъ и непослушаніи, и цѣль его состояла только въ томъ, чтобы обращать жизнь въ шутку. Прежде обыкновенно собирались общины для обсужденія текущихъ дѣлъ, теперь же было разрушено все: государство, церковь, семья, искусство, наука, торговля, промышленность и уничтожено то, что создавалось и созидалось столѣтіями. Даже духовенство, которое должно было доставлять нравственное утѣшеніе, судьи, доставляющіе гарантіи правосудія, являлись жестокими и корыстолюбивыми, и такимъ образомъ высшее начальство открыто предавалось преступленіямъ.

То же пишетъ и Форстнеръ: «въ войскѣ не существуетъ порядка ни между начальниками, ни между солдатами; многіе думаютъ, что только своеволіемъ можетъ держаться войско и продолжаться война. Поэтому и не упоминается о правильныхъ лагеряхъ и продовольствіи; всѣ земли считаются непріятельскими и опустошаются; ни свѣтское, ни духовное не остается неприкосновеннымъ, и въ одинъ день разрушается то, что составляло заботы многихъ лѣтъ. Цѣлыя страны лежатъ, какъ бездыханные трупы; жители истребляются голодомъ, нуждою и бѣдствіями всякаго рода; гдѣ нѣкогда тѣснилась веселая толпа, теперь представляются нашимъ взорамъ мертвыя пустыни и, вмѣсто великолѣпныхъ жатвъ, тамъ и сямъ торчитъ жалкая сорная трава. Всѣ дороги заняты разбойниками: купецъ или путешественникъ не осмѣливается болѣе переходить съ одного мѣста на другое. И эту бѣдность, опустошеніе и разрушеніе нанесли мы сами же Германіи и заслужили наказаніе отъ Бога прежде всего за лицемѣріе: мы дѣлали видъ, что почитали Его, а въ сущности же старались только обмануть Его. Такъ остріе меча обращается противъ насъ, и за наши пороки и грѣхи насъ преслѣдуютъ фуріи, пламень, месть всякаго рода, паническій страхъ и все, что только можетъ считаться несчастьемъ и бѣд-

ствіемъ. Кто выказываетъ склонность къ миру, того считаютъ измѣнникомъ, такъ что почти признается за правило, *служить и быть рабомъ австрійцамъ, или вообще иностранцамъ, и даже всякому, у кого только есть сила»*.

Geschichte Europas seit dem Ende des funfzehnten Jahrhunderts. Von Friedrich Raumer, dritter Band. Leipzig, 1834. (Seite 596).

6. ВЕСТФАЛЬСКІЙ МИРЪ.

Посольскій праздникъ въ Нюренбергѣ. — Празднество въ одной тюрингенской деревнѣ. — Положеніе страны послѣ войны. — Ея опустошеніе. — Политическое положеніе Германіи послѣ войны. — Послѣдствія для австрійскихъ провинцій.

Тридцатилѣтняя война кончилась; Вестфальскій миръ былъ заключенъ императоромъ со шведами и протестантскими имперскими чинами 6-го августа 1648 г. въ Оснабрюкѣ, съ французами — въ Мюнстерѣ, 17-го сентября. Оба договора были подписаны 24-го октября, въ мюнстерской ратушѣ уполномоченными всѣхъ воюющихъ державъ.

По всѣмъ улицамъ разъѣзжали трубачи, возвѣщая радостное событіе. Въ Нюренбергѣ итальянцы и шведы устроили великолѣпное празднество по этому случаю въ залѣ ратуши.

Огромная со сводами галерея ратуши была ярко освѣщена, между люстрами висѣли гирлянды изъ самыхъ разнообразныхъ живыхъ цвѣтовъ и плодовъ, перевитыя золотыми нитями; четыре хора музыки играли во все время пира. На столѣ стояли два огромныя блюда. На одномъ изображенъ былъ вѣстникъ побѣды, на другомъ — шестигранная пирамида, покрытая миѳологическими и аллегорическими фигурами и нѣмецкими и латинскими символическими изреченіями. За самыми изысканными и разнообразными кушаньями слѣдовали фрукты на серебряныхъ блюдахъ и на настоящихъ небольшихъ деревьяхъ, которыми уставлены были столы. Послѣ этого, верхнія доски со столовъ были сняты, столы снова покрыты и усыпаны цвѣтами; потомъ слѣдовали конфекты, и наконецъ огромные марципаны на серебряныхъ блюдахъ, изъ которыхъ каждое вѣсило по десяти фунтовъ. Когда пили за здоровье императора и короля Шведскаго и за продолженіе мира, тогда въ замкѣ стрѣляли изъ 15 большихъ и малыхъ орудій. Празднество продолжалось до вечера. Наконецъ присутствовавшіе на немъ полководцы и генералы захотѣли на прощанье устроить послѣднее воинское упражненіе: они велѣли принести себѣ въ залу оружіе, избрали

главнокомандующими обоихъ посланниковъ: шведскаго генералиссимуса Карла Густава, пфальцграфа рейнскаго, который былъ впослѣдствіи королемъ шведскимъ, и генерала Пикколомини, а капраломъ—фельдмаршала Врангеля; всѣ генералы, полковники, капитаны изображали солдатъ. Сперва маршировали они вокругъ стола, потомъ въ величайшемъ порядкѣ отправились къ замку; тамъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ. На обратномъ пути полковникъ Крафтъ шутя отблагодарилъ ихъ и распустилъ, сказавъ, что теперь они не нужны, потому что война кончилась и миръ заключенъ. Для бѣдныхъ убито было два быка, роздано много хлѣба и на городской площади выставленъ левъ, изъ пасти котораго, впродолженіе шести часовъ, лилось красное и бѣлое вино.

Подобно тому, какъ праздновали заключеніе мира посланники, праздновали это радостное событіе въ каждомъ городѣ, въ каждой полуразоренной деревнѣ. Необыковенно радостное, благотворное дѣйствіе производило извѣстіе о мирѣ на остатки германскаго народа: старикамъ казалось, что снова возвратится ихъ молодость, снова увидятъ они богатыя жатвы, густонаселенныя деревни, веселые воскресные дни подъ тѣнью деревенской липы, прекрасныя и нескончаемыя бесѣды съ убитыми или погибшими товарищами дѣтства. Юноши чувствовали приближеніе новаго чуднаго времени, времени, когда всѣ поля будутъ покрыты тучною жатвою, когда въ каждой конюшнѣ будетъ корова, въ каждомъ хлѣву будетъ круглая свинка, когда самъ пахарь съ двумя лошадьми, весело пощелкивая бичемъ, выѣдетъ на свое поле, и онъ можетъ быть спокоенъ, что ни одинъ непріятельскій воинъ не оскорбитъ его сестру или жену непрошенными ласками; когда имъ не нужно будетъ съ вилами и заржавленными ружьями подстерегать въ кустахъ мародеровъ; когда они не должны будутъ, какъ бѣглецы, скрываться на могилахъ убитыхъ друзей и родственниковъ; когда въ деревнѣ не будетъ содранныхъ крышъ, на дворахъ не будетъ разрушенныхъ житницъ, не слышенъ будетъ у самыхъ воротъ каждую ночь вой волковъ, когда церковь ихъ снова будетъ стоять во всемъ блескѣ и красѣ, съ цѣльными стеклами, новою колокольнею, когда въ алтарѣ будетъ новая шелковая завѣса, а на престолѣ серебряное распятіе и золотая чаша; когда счастливые юноши поведутъ къ этому алтарю своихъ прекрасныхъ, блистающихъ молодостью и счастіемъ, невѣстъ. Страстная болѣзненная радость наполняла всѣ сердца. Сами суровые правители, государи и ихъ посланники чувствовали, что этотъ миръ спасъ Германію отъ конечнаго бѣдствія. Торжественно и со всѣмъ усердіемъ праздновалъ народъ эту великую радость. Изъ того же источника, изъ котораго заимствовано описаніе праздника,

устроеннаго посланниками, взято и слѣдующее описаніе деревенскаго праздника.

Дельштедтъ, хорошенькое село въ герцогствѣ Готскомъ, много пострадало во время войны. Въ 1636 году напалъ корпусъ Гацфельда на это мѣстечко и оно было совершенно опустошено, церковь разорена, лѣсъ вырубленъ и сожженъ. Все исполнилось такъ, какъ предсказывалъ это пасторъ Декнеръ. И съ каѳедры обращался онъ къ своей паствѣ, призывая ее обратиться къ Богу и молить Его объ отвращеніи грядущаго бѣдствія, и даже за нѣсколько минутъ передъ смертію, съ трудомъ приподнимая съ подушки ослабѣвшую голову, обратилъ онъ въ послѣдній разъ угасающій взоръ къ дорогой его сердцу церкви и прошепталъ: «о бѣдная, бѣдная церковь, что будетъ съ тобою послѣ моей смерти! Мерзость и запустѣніе будутъ на мѣстѣ святомъ!»

Предсказаніе его сбылось: въ 1636 году село это должно было выплатить 5,000 гульд. контрибуціи, а всего съ 1627 г. по 1637 г. 29,595 гульденовъ, такъ что жители всѣ разошлись оттуда и мѣсто дѣйствительно опустѣло; въ 1636 году оставались въ селѣ еще двѣ семьи, а въ 1637 году, послѣ того какъ побылъ тамъ Боннеръ, а послѣ него зимовали французы, осталось на лицо только четыре человѣка и засѣянной земли было одна половина десятины.

Ревностныя заботы герцога готскаго, Эрнеста Благочестиваго, много способствовали тому, что покинутыя мѣстности стали мало по малу заселяться. Въ 1650 г. и въ Дельштедтѣ уже торжественно праздновали заключеніе мира. Праздникъ этотъ описанъ въ церковной книгѣ пасторомъ Трюннеромъ, преемникомъ пастора Декнера.

«19-го августа, въ 4 часа утра, — пишетъ онъ, — взошелъ я съ моими помощниками на колокольню для утренней молитвы; въ половинѣ шестаго ударили во всѣ колокола и благовѣстили впродолженіе четверти часа, въ половинѣ восьмаго опять; между тѣмъ весь народъ, мужчины и женщины, старый и малый, всѣ вышли за ворота и размѣстились: 1) женщины по одну сторону, и передъ ними молодая дѣвушка, олицетворявшая миръ, въ прекрасномъ зеленомъ шолковомъ платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ и съ зеленой вѣткой въ рукахъ; 2) по другую сторону, лицомъ къ деревнѣ, мужчины, а передъ ними *правосудіе*, въ бѣлой рубашкѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, съ обнаженнымъ мечомъ въ одной и вѣсами въ другой рукѣ; 3) лицомъ къ намъ, по эту сторону, стояли молодые люди съ ружьями, а нѣкоторые съ обнаженными мечами, и передъ ними Марсъ, одѣтый солдатомъ, съ лукомъ въ рукахъ; 4) посерединѣ стояли ученики школы и я съ моими помощниками. Я напомнилъ при-

сутствующимъ, сколько разъ бѣжали мы за эти ворота, спасая свое имущество, и съ какою радостью возвращались мы снова, несмотря на то, что находили все разореннымъ и разграбленнымъ; теперь мы вышли за эти ворота, славя и хваля Бога, и войдемъ въ нихъ, благодаря Его благость за дарованіе намъ желаннаго мира; и всѣ собравшіеся единодушно запѣли: «Allein Gott in der Höh sei Ehr!» 5) Во время этого пѣнія миръ и правосудіе все болѣе и болѣе приближались другъ къ другу и, при словахъ: «All Fehd hat nun ein Ende», меченосцы вложили свои мечи въ ножны, тѣ же, у которыхъ были ружья, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и опустили ружья. По данному знаку, нѣсколько юношей окружили Марса и, не смотря на его сопротивленіе, отняли у него лукъ и переломили его; миръ и правосудіе подошли другъ къ другу и поцѣловались; 6) затѣмъ начатое пѣніе продолжалось, и шествіе тронулось по направленію къ церкви. По окончаніи службы и проповѣди, отправились въ точно такомъ же порядкѣ изъ церкви на площадь; тамъ я благодарилъ присутствующихъ за то, что они всѣ собрались такъ охотно, всѣ, и бѣдные и богатые, и знатные и незнатные, для общей молитвы; послѣ того раздали дѣтямъ булки и яблоки, и всѣ счастливые и радостные разошлись по домамъ.

Но великій этотъ миръ установился не вдругъ, а очень медленно, какъ выздоровленіе послѣ смертельной болѣзни. Время отъ 1648 до 1650 г., т. е. отъ заключенія мира до празднованія его, было самымъ тяжелымъ для народа.

Вопервыхъ, нужно было платить непомѣрно большія контрибуціи, вовторыхъ, содержаніе войскъ лежало на крестьянахъ. Къ этому присоединились и бѣдствія другаго рода: вся страна была переполнена разною безначальною сволочью; отпущенные солдаты, толпы нищихъ, шайки разбойниковъ врывались въ деревни, въ которыхъ были еще жители, и поселялись въ опустѣвшихъ домахъ; и сами крестьяне, отвыкшіе отъ работы, часто находили болѣе удобнымъ грабить, нежели обработывать землю, и дѣлали тайные набѣги на сосѣднія территоріи; даже цыгане въ большомъ числѣ и съ неслыханною смѣлостью располагались таборомъ на деревенскихъ площадяхъ, вокругъ каменныхъ бассейновъ, въ своемъ фантастическомъ нарядѣ, съ высоко нагруженными телѣгами, крадеными лошадьми и нагими дѣтьми. Тамъ, гдѣ были дѣятельные и энергическіе правители, по возможности защищались отъ такихъ нашествій. Крестьяне въ герцогствѣ готскомъ, еще въ 1649 году, разставляли караулъ вокругъ церквей, охраняли мосты и переправы черезъ рѣки и подымали тревогу, какъ только завидятъ издали толпу людей. Правительство принимало самыя дѣятельныя мѣры для водворенія порядка. Кто хотѣлъ поселяться, тѣмъ давали къ тому

средства; кто уже былъ на мѣстѣ, долженъ былъ объявлять, сколько у него обработанной земли, имѣется ли скотъ, въ какомъ состояніи дворъ и домъ. Заведены были новыя поземельныя книги, составлены новыя народныя переписи, назначены новыя подати деньгами и натурою, и крестьянъ силою принуждали къ работѣ. Деревни мало по малу населялись. Многія семейства, бѣжавшія во время войны въ города и горы, возвращались, поправляли свои дома и поселялись въ нихъ; кромѣ того, отпущенные послѣ войны солдаты на остатки своей добычи покупали земли и покинутые дома.

Но истощеніе народа было ужасное; земля, остававшаяся много лѣтъ невоздѣланною, безъ удобренія, плохо обрабатывалась; очень большая часть ея вовсе не засѣвалась, поростала кустарникомъ и травою и обращалась въ пастбища. Много лѣтъ спустя послѣ войны видъ деревень былъ еще очень жалкій.

Какъ самую эту войну, такъ и послѣдствія ея нельзя сравнить ни съ какою другою войною, ни съ какимъ пораженіемъ другихъ образованныхъ народовъ. Конечно, во время переселенія народовъ многія государства Европы были опустошены, и въ средніе вѣка вымирали отъ чумы цѣлые большіе города, но такія бѣдствія были или мѣстныя, или случались въ такое время, когда народы еще не прочно укоренились въ своихъ земляхъ и, подобно песку морскому, легко переносились съ мѣста на мѣсто. Здѣсь же совсѣмъ другое; великая образованная нація, со многими сотнями прекрасныхъ городовъ, многими тысячами деревень съ пашнями, которыя обрабатывались болѣе чѣмъ тридцатью поколѣніями одного и того же рода, была такъ разорена, что образовались пустыни, покрытыя терніемъ и населенныя дикими звѣрями. Еслибы подобное бѣдствіе постигло народъ внезапно, то нѣтъ сомнѣнія, что уцѣлѣвшіе не были бы въ состояніи образовать народъ; они погибли бы отъ отчаянія; но здѣсь разореніе приходило постепенно и обратилось въ привычку; цѣлое поколѣніе выросло во время войны и не знало другаго состоянія, кромѣ насилія, проклятія, разоренія городовъ и деревень; только тѣ, которые были въ зрѣломъ возрастѣ, помнили, каковы были деревни до войны: сколько паръ танцовало по воскресеньямъ подъ липами, какъ велико было стадо, сколько денегъ собиралось по воскресеньямъ въ церковную кружку. Много было написано объ опустошеніяхъ, произведенныхъ этою войной, но все это были только статистическія свѣдѣнія изъ отдѣльныхъ мѣстностей; для того, чтобы получить точное понятіе объ этомъ ужасномъ времени, слѣдовало бы всѣ эти отдѣльныя показанія соединить въ одну общую таблицу, и какъ ни великъ этотъ трудъ, но его слѣдовало бы предпринять.

Тюрингія и Франконія сравнительно съ другими государствами Германіи меньше потерпѣли во время войны; и по мѣстному положенію онѣ были въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ; жителямъ было удобно скрываться отъ непріятеля со своимъ имуществомъ въ лѣсахъ Тюрингервальда; и началась война здѣсь позже, нежели въ другихъ мѣстахъ; въ 1633 году, когда Померанія, Силезія, Богемія, страны при Сѣверномъ морѣ и на западѣ Германіи претерпѣвали уже всѣ ужасы войны, здѣсь наслаждались еще миромъ; кончилась война здѣсь тоже ранѣе, благодаря нейтральной политикѣ своего правителя, Эрнеста Благочестиваго. Изъ этой мѣстности имѣются статистическія показанія о числѣ семействъ и домовъ, какъ въ началѣ самаго тяжелаго военнаго времени отъ 1631 и 1634 годовъ, такъ и въ концѣ войны, отъ 1649 и 1652 годовъ. Изъ этихъ показаній видно, что страна потеряла во время войны 75 процентовъ семействъ, 66 процентовъ жилищъ; въ какомъ положеніи были оставшіеся въ живыхъ люди и уцѣлѣвшіе дома, объ этомъ трудно составить себѣ понятіе; большая часть жилищъ были кое-какъ сколоченныя лачужки.

Убыль лошадей простиралось до 83°, коровъ — 82°, козъ — болѣе 83°; поля и луга совершенно опустошены и большею частію поросли кустарникомъ; овцы совершенно уничтожены. Кровавую исторію разсказываютъ эти цифры. Болѣе трехъ четвертей народа погибло и гораздо болѣе 4/5 имущества. Еще худшую участь испытали другія мѣстности. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи народонаселеніе и домашній скотъ достигли того же числа, до котораго доходили до тридцатилѣтней войны; а число домовъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще и въ 1849 году было менѣе, нежели въ 1634 г., хотя и въ настоящее время дома малы, а всѣ, даже самые бѣдные, хлопочутъ о томъ, чтобы имѣть свой уголокъ. Вообще изъ всѣхъ статистическихъ данныхъ мы должны заключить, что Германія впродолженіе двухъ сотъ лѣтъ едва оправилась отъ этой войны.

Культура страны до тридцалѣтней войны и самое отношеніе цѣны хлѣба къ цѣнѣ серебра въ такое время, когда вывозъ хлѣба производился только изъ нѣкоторыхъ мѣстностей, приводятъ насъ къ тому же заключенію.

Конечно въ послѣдніе 200 лѣтъ промышленность страны подъ могущественнымъ вліяніемъ сосѣднихъ державъ развилась совсѣмъ иначе. Теперь крестьяне разводятъ Hackfrüchte, сѣютъ клеверъ и другія кормовыя травы, которыхъ не знали до войны; а сельско-хозяйственная промышленность при томъ же числѣ людей теперь производительнѣе, чѣмъ прежде; можетъ быть до войны жили бѣднѣе чѣмъ теперь и меньше тратили. Овцеводство до войны производилось въ такихъ же размѣрахъ, какъ и

теперь; число же лошадей съ 1634 г. уменьшилось на три четверти; это можно развѣ объяснить только тѣмъ, что средневѣковыя рыцарскія преданія еще имѣли вліяніе на тогдашнихъ сельскихъ хозяевъ и заставляли ихъ обращать особенное вниманіе на эту часть своего хозяйства. Козъ и коровъ теперь болѣе, чѣмъ до войны, и въ средней и нижней Германіи коровы крупнѣе и лучшей породы, чѣмъ въ 1634 г.

Если къ этому присоединить еще убытки отъ потери движимаго имущества, то сумма будетъ ужасная. Къ сожалѣнію, убытки эти можно исчислить только приблизительно, потому что были года, отъ которыхъ нѣтъ вовсе никакихъ показаній. Болѣе точныя свѣдѣнія имѣются изъ Тюрингіи, и изъ нихъ оказывается, что деревенскія общины потерпѣли убытка отъ 30 до 100,000 гульденовъ.

По причинѣ этой войны Германія отстала на два столѣтія отъ своихъ счастливыхъ сосѣдей: нидерландцевъ и англичанъ.

Еще большее вліяніе имѣла война на нравственную жизнь народа, особенно крестьянъ. Многіе старинные обычаи исчезли, жизнь сдѣлалась безотрадною, горестною; прекрасная домашняя утварь, изящныя церковныя чаши и роскошныя купели, вообще вся роскошь церквей исчезла; деревенскія церкви и до сихъ поръ невзрачны и бѣдны. Болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ войны прозябалъ крестьянинъ въ невѣжествѣ и нищетѣ, и жизнь его мало чѣмъ отличалась отъ жизни его домашней скотины. Пасторъ удерживалъ его въ повиновеніи страхомъ ада, а помѣщикъ обиралъ его. Цѣны на хлѣбъ, при незначительномъ населеніи, черезъ 15 лѣтъ послѣ войны были гораздо ниже прежняго, а между тѣмъ подати и налоги до того увеличились, что поле, домъ и дворъ отдавались за самую ничтожную плату, иногда совершенно даромъ *только за выплачиваніе повинностей*. Болѣе всего бѣдствовали славянскія земли, въ которыхъ дворяне преобладали надъ крестьянами. Много потерпѣло образованіе въ разоренныхъ городахъ и замкахъ; кромѣ того явилась роскошь, страсть къ наслажденіямъ и грубый развратъ; не было сочувствія къ общественнымъ интересамъ, не было сознанія собственнаго достоинства, развилось раболѣпство передъ высшими, высокомѣріе и безсердечность къ низшимъ; такъ мрачна и безотрадна была жизнь, что самоубійства сдѣлались весьма частыми. Страшный кризисъ перенесла Германія, и миръ былъ купленъ дорогою цѣною; но самое главное было спасено, именно: нераздѣльность германскаго развитія и продолженіе всякаго высокаго внутренняго процесса, помощію котораго германскій народъ могъ опять подняться на высоту.

Эта тридцатилѣтняя война съ политической точки зрѣнія была оборонительною войною протестантской партіи противъ

нетерпимости старой вѣры и превышенія императорской власти. Эта оборона началась очень неудачнымъ наступательнымъ движеніемъ въ Богемію, и государь Габсбургскаго дома былъ совершенно правъ, пока онъ только отражалъ это нападеніе; но съ того дня, когда онъ воспользовался своею побѣдою для того, чтобы съ помощью іезуитовъ и войска подавить власть нѣмецкихъ князей и старинныя права городовъ, онъ дѣлается уже политическимъ преступникомъ.

Еще возмутительнѣе дѣйствія Фердинанда II. Династія Карла V, съ небольшими исключеніями, употребляла всѣ средства, чтобы подавить послѣдній источникъ новой жизни — самостоятельность мысли и вѣры; впродолженіе ста лѣтъ, съ небольшими промежутками, была она постояннымъ врагомъ національной нѣмецкой жизни; она употребляла испанскихъ и итальянскихъ союзниковъ и римскихъ іезуитовъ для борьбы съ единоплеменниками, надѣясь этими средствами возвыситься въ Германіи. А потому императоры дадутъ отвѣтъ за эту неслыханную войну, а не нѣмецкіе князья, и не народъ.

Заключеніемъ мира германскіе князья достигли цѣли своей оборонительной борьбы: высокомѣрные планы императорскаго дома были разрушены. Германія была свободна! Да, свободна, но обезсиленная, разоренная, на западной границѣ беззащитная со стороны Франціи. Много униженія и позора должна была она еще перенести! Но не Вестфальскій миръ былъ виноватъ въ томъ, что было его послѣдствіемъ, т. е. разореніе Пфальца, отпаденіе Страсбурга, потеря Эльзаса и Лотарингіи; эти земли еще задолго до тридцатилѣтней войны были обременены долгами, и потерю ихъ многіе предвидѣли. Напротивъ, Вестфальскимъ миромъ законно утверждена была самостоятельность князей и отдѣльныхъ государствъ.

Кто считаетъ 1813 годъ славнымъ, кто оцѣнилъ строго нравственное ученіе Канта и его послѣдователей, кто наслаждался красотами новѣйшей германской поэзіи, кто принималъ дѣятельное участіе въ свободномъ развитіи наукъ и искусствъ, въ могучемъ развитіи промышленности и земледѣлія, тотъ долженъ подумать, что договоры въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ дали прочное политическое основаніе этому развитію.

А все-таки тридцатилѣтняя война имѣла одно послѣдствіе, о которомъ и теперь глубоко сожалѣютъ: треть Германіи была долгое время отстранена отъ общественной духовной жизни. Еще въ самой Германіи отчужденіе между протестантами и католиками мало по малу ослабѣло и наконецъ совершенно изгладилось. Нельзя не сознаться, что долгое время протестантскія государства были первенствующими въ развитіи, но мало по малу послѣдовали и староверы общему стремленію, и такъ какъ

у протестантовъ и католиковъ, несмотря ни на что, радость и горе были общія, политическія нужды и желанія одни и тѣ же, то и чувство духовнаго единства стало мало по малу живѣе.

Совсѣмъ не то было въ дальнихъ государствахъ, которыя Фердинандъ оставилъ своимъ преемникамъ. Потери Германіи были велики, потери Австріи — еще больше. Образованіе, развивавшееся впродолженіи ста лѣтъ, несмотря ни на какія препятствія, совершенно уничтожено. Масса народа осталась, но его предводители, богатые землевладѣльцы, дворяне, мужественные патріоты, ученые, духовенство — были изгнаны. Никто не считалъ изгнанниковъ и погибшихъ на войнѣ и отъ голода; поселившихся на чужбинѣ, можно тоже сосчитать только приблизительно; въ общей сложности ихъ можно считать сотнями тысячъ. Гессенъ-Кассель обязанъ богемскимъ изгнанникамъ тѣмъ, что потеря людей и имущества тамъ пополнилась скорѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Погибшіе за вѣру и свои политическія убѣжденія составляли силу народа, это были его предводители, представители народнаго образованія; а милліоны оставшихся были совершенно разбиты нравственно. Побуждаемые силою, разными низкими мотивами и ожиданіемъ земныхъ благъ къ переходу изъ одной вѣры въ другую, они дошли наконецъ до того, что потеряли, свойственное даже каждому человѣку, сознаніе, что есть въ насъ нѣчто, что подкупить нельзя. Во всей Германіи въ самое тяжелое время были тысячи людей, готовыхъ до послѣдней капли крови защищать свои вѣрованія. Въ австрійскихъ земляхъ это одушевленіе встрѣчалось очень рѣдко. Почти полтора столѣтія пребывали племена германскія и богемскія какъ въ тяжеломъ снѣ. Жители Вѣны и Ольмюца привыкли говорить о Германіи какъ о чужой странѣ, мало заботились о необходимости образованія; поздно только узнали, что Шиллеръ — нѣмецкій писатель.

(Bilder aus dem Jahrhundert des grossen Krieges. — Gustav Freitag. (Seite 220—244.) Leipzig, 1872.)

7. ЖИЗНЬ НИЗШАГО ДВОРЯНСТВА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Остатки прежней страсти къ грабежу въ 1600 году. — Дуэли. — Страсть къ путешествіямъ. — Пріобрѣтеніе придворнаго значенія. — Зажиточный дворянинъ 1650—1700 годовъ. — Жалованное дворянство. — Городское дворянство. — Новопожалованные купцы 1650—1700 годовъ. — Описаніе ихъ жизни. — Провинціальное дворянство. — Бѣдные дворяне 1650—1700 гг. — Описаніе послѣднихъ по «Edelmann» Павла Винклера.

Судьбы германскаго крестьянства и дворянства были тѣсно связаны между собой; страданія одного болѣзненно отзывались

на другомъ; въ одномъ способности, образованіе и значеніе для государства умалялись рабствомъ, въ другомъ — преимуществами привилегированнаго положенія. До сихъ поръ еще существуетъ между ними это различіе.

Низшее германское дворянство находилось до начала тридцатилѣтней войны въ переходномъ состояніи; съ одной стороны оно уже было готово забыть средневѣковыя традиціи, съ другой же — стремилось пріобрѣсти при дворѣ новое значеніе. Хищные юнкера обратились, безъ всякой подготовки къ тому, въ задорныхъ кутилъ помѣщиковъ.

Но въ началѣ XVI столѣтія потомкамъ прежнихъ хищниковъ все еще трудно было поддерживать миролюбивое настроеніе страны. Съ одной стороны, интригуя путемъ полемики и суда, они старались, съ другой, отмстить насиліемъ, и не только безпокойные рыцари во Франконіи, Швабіи и на Рейнѣ, но и ленники могущественныхъ имперскихъ князей, при строгихъ законахъ. Даже тамъ, гдѣ они были правы, они съ охотой употребляли въ дѣло насиліе, гордясь собственнымъ могуществомъ. Такъ Георгъ Беръ Дюфельсдорфскій въ Помераніи собралъ вооруженную шайку, незадолго до того, какъ буря тридцатилѣтной войны разразилась и въ его владѣніяхъ, пытаясь примѣнить кулачное право къ частному спору; и онъ же, пользуясь въ своихъ владѣніяхъ правомъ высшаго суда, приказалъ немедленно повѣсить въ 1628 году прежняго секретаря своего за поддѣлку имъ печати и выставленіе фальшивыхъ обязательствъ, лаконично передавъ о всемъ этомъ при случаѣ своему герцогу. Точно также и въ обыденной жизни провинціальныхъ дворянъ послѣ 1600 года оставалось многое изъ прежней склонности къ буйству; они все еще охотно заводили ссоры подъ липами и въ трактирахъ. Молодежь носила подъ вышитой одеждой кольчуги, въ шляпахъ желѣзные обручи или низкія каски и, кромѣ того, длинныя рапиры и стилеты, а въ восточныхъ пограничныхъ странахъ — венгерскіе топоры. Такимъ образомъ они отправлялись толпою на народные праздники и на свадьбы, особенно если послѣднія устраивались бюргерами. Здѣсь заводили они споры съ народомъ и гостями, обращались со всѣми презрительно и безчинствовали, напримѣръ, выламывали двери въ комнатахъ женщинъ, а также въ погребахъ хозяина. Не всегда легко было найти правосудіе противъ этихъ буяновъ, но въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ жалобы стали раздаваться такъ громко, что, напримѣръ, въ императорскихъ наслѣдственныхъ земляхъ появилось множество предписаній, обязывавшихъ выдавать подобныхъ мошенниковъ. Больше добивались того, чтобы бродягъ, расходившихся по разнымъ мѣстамъ страны, въ критическихъ

обстоятельствахъ заставлять на собственный счетъ служить противъ непримиримаго врага.

Съ такимъ-то трудомъ искореняли прежнія ненормальности. Но ссоры, которыя вели между собою провинціальные дворяне, были нескончаемы. Напрасно владѣтельные князья издавали противъ нихъ строгія постановленія, напрасно объясняли они, что вызванный на дуэль не долженъ непремѣнно являться на поединокъ. Языкъ юнкеровъ былъ переполненъ неприличными выраженіями, между которыми иныя считались непростительнымъ оскорбленіемъ. Съ прекращеніемъ турнировъ только теперь впервые пріобрѣли большое значеніе гербы и предки, и брачные союзы съ женщинами простаго званія стали гораздо рѣже, всѣ старались разрисовывать щиты и родословное дерево и доказать свое прямое происхожденіе отъ родовитыхъ предковъ, что нерѣдко представлялось затруднительнымъ по недостатку церковныхъ книгъ и документовъ. Поэтому кому хотѣлось поссориться съ кѣмъ-нибудь, тому стоило только унизить происхожденіе другаго, его рыцарское имя, гербъ и усомниться въ его предкахъ. Такое оскорбленіе могло быть искуплено только кровью. Для уничтоженія подобнаго безчинства незадолго до тридцатилѣтней войны были учреждены *суды по дѣламъ объ оскорбленіи чести*. Предсѣдательствовалъ владѣтельный князь, помѣщикъ же и знатные дворяне составляли *почетный столъ*. Партіи избирали трехъ сотрудниковъ, которые были обязаны слѣдить за всѣми призывными и исполнительными повѣстками; чтобы облегчить всѣ эти тонкости тѣмъ, которые мало знакомы были съ дѣлопроизводствомъ, точно предписывалась самая форма подобныхъ повѣстокъ.

Межъ тѣмъ какъ бѣдные люди боролись въ своемъ отечествѣ съ новыми порядками, богатые стремились заграницу, увлекаемые давнишнею страстью къ путешествіямъ. Кромѣ того молодые дворяне охотно шли въ походъ и до 1618 года не рѣдкость услышать жалобы на то, что вездѣ въ войскѣ отдается предпочтеніе дворянамъ и какъ трудно изъ народа, хотя-бы и способному человѣку, попасть въ полкъ. Такъ въ XV и XVI столѣтіяхъ наслѣдники богатыхъ фамилій путешествовали по Франціи съ цѣлью получить тамъ образованіе и ознакомиться съ языкомъ и военнымъ искусствомъ. Не только въ Парижѣ, но и въ другихъ большихъ городахъ Франціи число ихъ было почти такъ же велико, какъ теперь число праздныхъ русскихъ и англичанъ; они старались заводить съ французами дуэли и прослыли еще до тридцатилѣтней войны за очень неумѣлыхъ подражателей чужимъ обычаямъ. Многіе изъ западно-германскихъ дворовъ еще передъ 1618 годомъ въ такой мѣрѣ подчинялись французскимъ обычаямъ, что французскій языкъ сталъ

общеупотребительнымъ какъ въ разговорѣ, такъ и въ письмахъ; къ этому времени относится и придворный штатъ несчастнаго Фридриха Пфальцскаго, «зимняго короля» Богеміи.

Вообще передъ войной придворное значеніе дворянства значительно увеличилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось и угнетеніе подвластныхъ имъ крестьянъ; но вмѣстѣ съ этимъ, даже несмотря на такой гнетъ, сила націи стала неудержимо развиваться. Съ новымъ образованіемъ временъ реформаціи, распространяемымъ здѣсь теологами и школьными учителями, не стали уже обращать вниманія на грубости юнкеровъ. Дѣла князей и ихъ территорій, мѣста въ высшемъ судѣ, аудиторіи въ университетахъ, однимъ словомъ почти вся юстиція и администрація вышла уже изъ вѣдѣнія дворянства. Благосостояніе и спокойствіе увеличилось въ городахъ, благодаря торговлѣ и ремесламъ. Такимъ образомъ уже къ 1618 году народъ былъ близокъ къ перевѣсу надъ эгоистичными средневѣковыми юнкерами и къ ослабленію ихъ всякаго рода притязаній, несовмѣстныхъ съ новымъ образомъ жизни.

Но пагубное слѣдствіе войны и состояло именно въ томъ, что даже послѣднее случилось иначе. Могущество бюргеровъ было вполнѣ подорвано войною, а значеніе слабыхъ дворянъ усилилось въ ущербъ цѣлому, благодаря покровительству вновь учрежденнаго князьями полка солдатъ и особенно императорскаго двора. Какъ ни ограничены были доходы землевладѣльца, онъ прежде всего старался извлечь выгоду изъ труда подвластнаго ему крестьянина. Точно также семейства дворянъ подвергались децимированію, а вмѣсто нихъ при дворѣ готовы были за деньги создать новое дворянство. Во время войны начальникъ войска охотно покупалъ у побѣжденныхъ грамату на дворянство и опустошенныя помѣстья. По заключеніи мира число жалованныхъ дворянъ увеличилось. Въ городскихъ жителяхъ появилась какая-то дѣтская набожность, заискиваніе, страсть къ титуламъ и другимъ внѣшнимъ отличіямъ. Наименѣе страдали отъ этого торговые города по Нѣмецкому морю, наиболѣе же — земли, непосредственно зависѣвшія отъ двора. Въ Вѣнѣ тогда вошло въ обыкновеніе называть дворяниномъ всякаго, кто, казалось, имѣлъ право на общественныя преимущества.

Въ массѣ привилегированныхъ лицъ, образовавшихъ особое господствующее сословіе, была огромная разница въ образованіи и способностяхъ; но, отдавая полную справедливость памяти многихъ достопочтенныхъ и нѣкоторыхъ замѣчательныхъ лицъ, нужно сознаться, что періодъ времени между 1650 и 1750 годами, когда дворянство имѣло наибольшее значеніе, былъ самымъ худшимъ періодомъ во всей новой исторіи Германіи.

Безъ сомнѣнія, богатые потомки старинныхъ фамилій вели во все время, начиная съ 1648 года, спокойную жизнь, называя своею собственностью громадныя имѣнія и поддерживая связи съ лицами вліятельными и даже съ царственными особами. Сыновья ихъ пріобрѣтали доходныя должности при дворѣ или же высшія офицерскія мѣста, а дочери, отлично пристроиваясь, увеличивали кружокъ ихъ «друзей». Помѣщикъ обыкновенно сначала служилъ въ военной службѣ, затѣмъ совершалъ путешествіе во Францію или въ Голландію, откуда привозилъ множество рѣдкостей, какъ-то: оружіе, раскрашенную утварь азіатскихъ народовъ, страусовое яйцо, полированныя раковины, искусно выточенныя косточки вишни, разрисованные горшки, или куски мрамора, вырытые въ Италіи. Онъ иногда снисходилъ даже до знакомства гдѣ-нибудь съ ученымъ и отъ времени до времени получалъ отъ него обширное юридическое изслѣдованіе или цѣлый томъ стихотвореній съ почтительнымъ посвященіемъ. Во время своихъ путешествій онъ посѣщалъ дворъ Ангальтскій или Веймарскій и получалъ милостивый патентъ на званіе поэта и писателя; тогда онъ становится членомъ полезнаго общества, у него сохраняется прекрасный медальонъ, въ которомъ изображенъ его гербъ: шалфей или мята душистая, если же онъ недоволенъ на дворъ, то можетъ быть и рѣдька. Тогда онъ носитъ прозвище «потрясающій», утѣшаясь поговоркой «питательный при кусаніи»; въ такомъ случаѣ онъ пишетъ иногда объ очищеніи нѣмецкаго языка, къ сожалѣнію перемѣшивая свою рѣчь французскими выраженіями. Такъ какъ ему не подобаетъ читать только «обыкновенную безосновательную пачкотню» печатныхъ газетъ, то вмѣстѣ съ другими благовоспитанными кавалерами получаетъ онъ за дорогую цѣну для назиданія писанную газету, которую какой-нибудь превосходно образованный человѣкъ высылаетъ изъ столицы своимъ достаточнымъ покупателямъ. Онъ говоритъ немного по-французски, даже, можетъ быть, по-итальянски, а прежде, когда онъ былъ въ университетѣ, что встрѣчалось не слишкомъ часто, онъ занимался латынью. Въ такомъ случаѣ онъ, навѣрное, коммиссарій герцога, сановникъ своей общины; ему нѣтъ недостатка ни въ поѣздкахъ по дѣламъ службы, ни въ случайныхъ засѣданіяхъ, а все ввѣренное ему онъ старается выполнить съ помощью своихъ секретарей. Онъ вѣжливъ даже съ тѣми, кто ниже его, а съ бюргерами онъ умѣетъ отлично справляться. Съ чувствомъ собственнаго достоинства смотритъ онъ на народъ: самъ онъ, дѣйствительно, отлично воспитанъ и знаетъ очень хорошо, что его дворянство не украшено многими титулами и не имѣетъ герба; поэтому онъ смѣется надъ львами, медвѣдями, головами турокъ и дикими, изображенными на щитахъ, которые раздаются въ

Вѣнѣ. Онъ съ гордостью смотритъ на дворянство французовъ, которое, благодаря парижскимъ купцамъ и итальянскимъ авантюристамъ, набралось слишкомъ много иностранной крови, — на венгровъ, которые были пожалованы дворянствомъ за льстивое поклоненіе палатину, — на датчанъ, которые торговлю скотомъ обратили въ монополію, — на итальянцевъ, между которыми происходила неслыханная вражда. Также и въ средѣ многихъ его германскихъ сотоварищей его возмущаетъ знатность; ибо даже на общинныхъ сходкахъ нерѣдко завязывался споръ о преимуществѣ передъ государственнымъ совѣтомъ, члены котораго, хотя и не были дворянами, но все же придавали вѣсъ привилегіямъ своего ранга. Если въ этихъ сходкахъ участвуютъ бюргерскіе и дворянскіе совѣты, то преимущество всегда отдается дворянину: ему предоставляется первое мѣсто и старшинство во всѣхъ засѣданіяхъ, а также, въ силу императорскаго рѣшенія, дворянинъ занимаетъ главное мѣсто на пирахъ и всякаго рода торжествахъ. Его обыкновенная жалоба — на то, что дворяне сами присвоили себѣ титулы и гербы или пріобрѣли ихъ заграницею; кто получалъ изъ императорской канцеляріи титулъ графа или барона, тотъ непремѣнно хотѣлъ пользоваться всѣми преимуществами этого званія и самъ ходатайствовалъ за себя въ государственномъ совѣтѣ. Въ достопочтенномъ дворянинѣ сохранились еще остатки традицій рыцарства: такъ онъ съ уваженіемъ обращается съ храбрымъ офицеромъ, высоко цѣня оружіе и лошадей. Лучшимъ украшеніемъ комнатъ его прочнаго жилища служитъ, наравнѣ съ фамильными портретами, хорошее оружіе, пистолеты, охотничьи ножи и разныя охотничьи принадлежности. Къ садамъ цвѣточнымъ, овощнымъ и фруктовымъ примыкаетъ манежъ: въ немъ устраиваются карусели, а также *квинтаны*, т. е. выточенныя изъ дерева фигуры для упражненій въ метаніи копій. Его лошади имѣютъ итальянскія или французскія имена: Furiosa, Bellarina, Stella, Lisette, Amormio, потому что англійская порода не привилась еще здѣсь; разводятъ же преимущественно неаполитанскихъ и венгерскихъ лошадей; турецкіе клеперы были въ такомъ же употребленіи, какъ теперь пони; за лошадей хорошей породы платили дороже чѣмъ теперь, такъ какъ продолжительная война подорвала во всей Европѣ разведеніе лошадей. На псарнѣ у него довольно собакъ; тутъ и бульдоги, и гончія, и лягавыя, и барсучьи. И этимъ важнымъ въ его жизни спутникамъ онъ даетъ благозвучныя имена: Favor, Rumor, Nero, Delphin, Mocerta, Primerl, Visperl. Хотя высокая охота составляетъ право только помѣщиковъ, но изъ Франціи уже давно проникъ въ страну ненавистный обычай ловить дичь. Усердно идетъ онъ съ своими собаками по слѣдамъ зайца или лисицы или же сопровождаетъ на охоту за оленемъ своего гер-

цога, онъ радушно принимаетъ у себя придворнаго чиновника, въ вѣдѣніи котораго находится сокольничій дворъ, и при случаѣ устраиваетъ соколиную охоту. Въ октябрѣ онъ не пренебрегаетъ и ловлею жаворонковъ и самъ наблюдаетъ за тенетами. По правилу, день его всегда начинается степенно, оканчивается же удовольствіями; онъ дѣлаетъ все регулярно: принимаетъ слабительное, пускаетъ себѣ кровь, ходитъ въ церковь; еженедѣльно происходятъ засѣданія для выслушанія дѣлъ и для допросовъ; въ свободные дни, послѣ обычныхъ утреннихъ привѣтствій семейства, онъ велитъ сѣдлать лошадей и ѣдетъ въ поле наблюдать за жнецами и управляющимъ. Большая часть времени уходитъ у него на визиты къ сосѣдямъ или на занятіе съ гостями. На обѣдахъ, которые начинаются немного позже полудня, главную роль играетъ дичь; когда приглашенъ кто-нибудь изъ постороннихъ, то подаютъ отъ семи до восьми перемѣнъ. Если разговоръ переходитъ на важные предметы, то при-этомъ весьма осторожно касаются политики, неохотно — религіи и прекрасныхъ сентенцій и правилъ, даже у свѣтскихъ людей; большою вѣжливостью считается умѣнье прочесть безъ всякаго педантизма что-нибудь изъ древнихъ писателей или изящныхъ французовъ; очень охотно разсуждаютъ объ особенностяхъ иностранцевъ, о любопытныхъ явленіяхъ въ естественной исторіи настолько, насколько все это извѣстно изъ чтенія и личныхъ наблюденій. При-этомъ признакъ хорошаго тона — спрашивать мнѣніе каждаго изъ присутствующихъ поочередно. Такой разговоръ, между какими бы ни были благовоспитанными кавалерами, намъ показался бы иногда гораздо болѣе педантичнымъ и неловкимъ, чѣмъ теперь въ обществѣ какого-нибудь бѣднаго учителя; но изъ ихъ бесѣдъ, которыхъ нѣсколько образчиковъ дошли до насъ, можно заключить, несмотря на узкій кругозоръ и множество суевѣрій, о борьбѣ времени по объясненію и понятіямъ свѣта. По правиламъ, разговоръ долженъ касаться семейныхъ исторій, любезностей, анекдотовъ сомнительнаго свойства и грубыхъ шутокъ. При всемъ этомъ очень много пили и только утонченные люди избѣгали попоекъ.

Иногда устраивались собранія, при участіи дамъ, въ гостинницѣ или почтовомъ домѣ; каждая дама припасала кушанья, а мужчины заботились о винѣ и музыкѣ; если по близости была купальня, то неохотно отказывались не побывать въ ней; также устраивали стрѣльбу въ цѣль и опредѣляли награды; «лучшею» считался быкъ или баранъ; мужчины стрѣляли или съ простолюдинами или же между собою. — Одежда помѣщика отличалась великолѣпіемъ и уже издали можно было узнать, къ какому сословію онъ принадлежалъ, потому что тогда руководствовались еще старинными узаконеніями объ одеждѣ, а мужчины

и женщины придавали такое большое значеніе гардеробу, какое мы едва можемъ себѣ представить. Передъ войной значительная часть имущества состояла въ бархатныхъ и шитыхъ золотомъ матеріяхъ, въ кольцахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ; но большей части всего этого богатства дворяне лишились во время войны, а осталось только воспоминаніе о немъ, и долго еще существенную часть приданаго ихъ дочерей составляли украшенія.

При многочисленности членовъ его семейства было множество и прислуги, въ средѣ которой встрѣчаются оригинальныя личности. Кромѣ домашняго учителя найдется еще пожалуй какой-нибудь старый, спившійся ветеранъ временъ великой войны, который умѣетъ разсказывать о Forstenson или Jean de Werth.

Онъ учитъ сыновей дворянина фехтованію, владѣть пикой и «играть» знаменемъ. Нерѣдко въ домѣ живетъ какой-нибудь обанкротившійся родственникъ семейства, получившій теперь надзоръ надъ псарнею подъ именемъ «егермейстера» (начальника охоты); онъ умѣетъ искусно скликать дичь и кажется ближе знакомъ съ адскимъ ночнымъ охотникомъ, чѣмъ съ мѣстнымъ священникомъ. Его держатъ въ домѣ за вѣрность, какъ старую мебель, и онъ, не задумываясь, спокойно позволилъ бы убить себя за своихъ родныхъ изъ рыцарской самоотверженности; но онъ въ то же время не стѣсняется брать съ крестьянъ, съ которыми онъ вмѣстѣ бражничаетъ въ кабакѣ, больше дровъ, чѣмъ слѣдуетъ, и помѣщикъ долженъ смотрѣть сквозь пальцы, если онъ оправитъ свой охотничій ножъ въ серебро весьма сомнительнаго происхожденія.

Такъ протекала жизнь зажиточнаго помѣщика между 1650 и 1700 годами. Она, можетъ быть, не такъ привлекательна, какою должна бы быть, но зато она передаетъ ближайшему потомству хорошіе семейные нравы и добродушіе. Однакожъ слѣдуетъ замѣтить, что лишь незначительное меньшинство германскаго дворянства въ XVII столѣтіи находилось въ такомъ привилегированномъ положеніи.

Кто хотѣлъ искать счастья заграницей, вдали отъ своей семьи, тому угрожали другія опасности, которыхъ избѣгали только самые сильные. Войны въ Венгріи и Польшѣ, постыдная борьба съ Франціей, продолжительное пребываніе въ Парижѣ конечно не имѣли своимъ результатомъ сохраненіе чистыхъ нравовъ; напротивъ, благодаря имъ, пороки востока и испорченнаго французскаго двора перешли и въ Германію. Прежняя страсть къ кутежамъ нисколько не ослабѣла вслѣдствіе дуэлей офицеровъ, а дурное поведеніе съ крестьянками и легкомысленными дворянками становилось еще хуже, благодаря ночнымъ оргіямъ офицеровъ, на которыхъ (оргіяхъ) послѣдніе изображали собою миѳологическія существа праздничныхъ процессій, — маскировались

лѣсными богами, — а дамы одѣвались Венерой и нимфами. Также старинныя игры въ ландскнехтъ и кости были одинаково въ ходу, какъ и новая — азартъ, которая преобладала при дворѣ и на водахъ, увлекая не только мѣстныхъ искателей приключеній, но и иностранцевъ.

Но болѣе странными и забавными представляются намъ два, одинаково многочисленныхъ и враждебныхъ между собою, класса дворянъ того времени. Они подраздѣлялись тогда на городское и сельское дворянство и обоюдную антипатію свою выражали весьма распространенной бранью: перечный мѣшокъ, бѣдный дворянчикъ и пр.

Кто въ городахъ, отличаясь тщеславіемъ, добивался возвышенія, тотъ пріобрѣталъ грамату на дворянство. Эти граматы служили съ давнихъ временъ любимымъ источникомъ дохода для нуждавшихся германскихъ императоровъ. Уже Венцеславъ и Сигизмундъ безъ разбора жаловали дворянствомъ лавочниковъ, разныхъ сомнительныхъ личностей и вообще всѣхъ, кто былъ готовъ заплатить нѣсколько золотыхъ гульденовъ. Противъ этого еще въ 1416 году на Констанцскомъ соборѣ возстали князья и дворяне прирейнскіе, саксонскіе, швабскіе и баварскіе, требуя, чтобъ въ ихъ округахъ была произведена ревизія и безправные лишились дворянскаго достоинства. Но граматы императора не потеряли отъ этого своего значенія; про самого Карла V, который не разъ выказывалъ иронію относительно германскихъ дворянъ, охотно давая доходъ своему канцлеру и секретарямъ, распускали непріятные слухи, будто онъ «велитъ возводить въ дворянство за нѣсколько дукатовъ каждаго солевара». При Фердинандѣ II и его преемникѣ положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи сдѣлалось еще хуже, такъ какъ съ начала тридцатилѣтней войны дворянствомъ жаловали не только живыхъ, но и кости ихъ предковъ. Наконецъ послѣ 1648 года это дѣло приняло такіе обширные размѣры при императорскомъ дворѣ, что князья и сословія стали протестовать какъ при закрытіи рейхстага, такъ и сто лѣтъ спустя, при избраніи Карла VII, противъ ущерба, наносимаго подобными привилегіями ихъ личнымъ правамъ и доходамъ. Новопожалованное дворянство не должно было, по ихъ требованію, быть освобождаемо отъ гражданскихъ повинностей, а владѣтель подверженнаго налогу помѣстья пользоваться привилегіями родоваго помѣстья. Напрасно грозилъ императорскій дворъ наказаніемъ тѣмъ, которые не хотѣли признать купленныхъ привилегій жалованнаго дворянства. Даже тѣ, кто былъ объявленъ правоспособнымъ, не допускались въ рыцарскіе ордена, или въ какое-либо учрежденіе, или старинныя дворянскія общины. Основатели послѣднихъ вообще не брали никакихъ граматъ въ доказательство своего благороднаго

происхожденія, и только старинныя дворянскія фамиліи, не имѣвшія никакихъ граматъ, выбирались въ члены. Только въ исключительныхъ случаяхъ эти корпораціи выступали съ защитой. Даже придворные чиновники, каммергеры, каммеръ-юнкеры, пажи происходили отъ старинныхъ дворянъ. Жалуемыя граматы никогда не переставали восхвалять добродѣтели и заслуги новопожалованнаго, какъ графа такъ и простолюдина; но одинъ яростный защитникъ старинааго дворянства жалуется на то, что дворянское званіе пріобрѣталось вообще только «Macherlohn» (заработная плата).

Въ большихъ городахъ, которые не служили резиденціей князьямъ, положеніе дворянства было различно. Такъ въ Гамбургѣ, Любекѣ, Бременѣ, оно потеряло всякое политическое значеніе, напротивъ того, въ Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Аугсбургѣ и Ульмѣ, старинныя дворянскія фамиліи свысока относились къ бюргерамъ. Всего сильнѣе это обнаружилось въ Нюрнбергѣ, гдѣ дворяне считали чуть ли не безчестнымъ заниматься торговлей. Старо-Лимбургскій домъ, принимая у себя членовъ обоихъ дворянскихъ обществъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, требовалъ, чтобъ каждый изъ нихъ зарекомендовалъ себя восьмью предками и занимался бы торговлей; другое общество— домъ Фрауенштейновъ, состояло преимущественно изъ новопожалованныхъ «знатныхъ» купцовъ. Въ Аугсбургѣ старинный патриціатъ относился нѣсколько снисходительнѣе къ купцамъ; здѣсь дворянское достоинство могло быть пріобрѣтено посредствомъ брака. Изъ остальныхъ извѣстныхъ торговыхъ городовъ наиболѣе новопожалованныхъ купцовъ было въ Прагѣ и Бреславлѣ. Горько сѣтовали на то, что при императорѣ Леопольдѣ за небольшую сумму получали дворянство даже трубочисты, ремесло которыхъ считалось тогда не особенно почетнымъ, и что часто встрѣчали лавочниковъ, которые, нося при себѣ императорскія граматы, завертывали своимъ покупателямъ селедки въ старую бумагу. Послѣ тридцатилѣтней войны дворянства стали домогаться, — за исключеніемъ офицеровъ, которые награждались имъ за заслуги, — чиновники и члены городскихъ управленій въ большихъ городахъ.

Въ томъ же и послѣдующемъ столѣтіи жалованное дворянство проникло и въ нашу литературу при посредствѣ нѣкоторыхъ фамилій, принимавшихъ участіе въ ученомъ и поэтическомъ образованіи того времени. Многіе писатели, вышедшіе изъ поэтической школы, какъ-то: Лейбницъ, Вольфъ, Галлеръ, стояли на ряду съ привилегированными, благодаря жалованнымъ граматамъ, пріобрѣтеннымъ или ими самими, или ихъ отцами. Кромѣ нихъ въ составъ привилегированнаго сословія входили богатые купцы.

Въ Германіи оптовые торговцы не пользовались любовью и уваженіемъ привилегированныхъ сословій и народа, какъ на то давали право высокіе интересы, представителями которыхъ они нерѣдко являлись. Недовѣріе и отчужденность существовали здѣсь изстари и, можетъ быть, они вели свое начало съ того времени, когда лукавые римляне промѣнивали простодушнымъ дѣтямъ Туиско чужеземныя серебряныя монеты на первыя произведенія страны. Такому пренебреженію способствовала вся феодальная система среднихъ вѣковъ, а также и вѣра крестоносцевъ, которая повелѣвала презирать всякія земныя блага и богатымъ давала лишь весьма слабую надежду на царство небесное. Со временъ Гогенштауфеновъ, когда дворянство признано было привилегированнымъ сословіемъ, стали обнаруживаться все сильнѣе и сильнѣе непріязненныя отношенія между богатыми людьми въ городахъ и алчными воинами въ селеніяхъ. Конечно, на сѣверѣ, въ ганзейскихъ городахъ, воинственный купецъ наводилъ страхъ своими вооруженными кораблями и чрезъ то пріобрѣталъ господство даже и въ отдаленныхъ странахъ. Но даже богатые и высокообразованные люди въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ были менѣе опасны для народа, нежели для князей и дворянъ, которые хищничествомъ ограждали границы своихъ владѣній; къ нимъ принадлежали не одни только Фуггеры, которыхъ реформаторы обвиняли въ лихоимствѣ и въ противогерманскомъ направленіи. Послѣ тридцатилѣтней войны эта вражда усилилась, и легко понять, что богатый купецъ представлялъ достаточно поводовъ для поддержки ея. Никакая отрасль человѣческой дѣятельности не нуждается такъ сильно въ свободной конкуренціи и безпрепятственныхъ сношеніяхъ, какъ торговля. Все направленіе древнихъ вѣковъ межъ тѣмъ стремилось къ тому, чтобы оградиться извнѣ и защитить личность привилегіями. Такое направленіе времени должно было ненарушимо упрочить эгоизмъ купца и его стремленіе получить монополію, обойти безразсудный законъ относительно процентовъ; все это давало народу право предполагать, что выгода купца строится на притѣсненіи имъ другихъ. Такое убѣжденіе особенно господствовало послѣ тридцатилѣтней войны. Въ то время, какъ въ Голландіи и Англіи бюргерство усиливалось благодаря обширнымъ торговымъ сношеніямъ, правильное развитіе германской союзной торговли, исключая большихъ приморскихъ городовъ, находило себѣ препятствіе въ многочисленныхъ территоріяхъ, произвольныхъ пошлинахъ, невѣрной уплатѣ векселей и, наконецъ, въ бѣдности народа, и возникли всякаго рода вексельныя дѣла. Разнообразіе германской монеты и безсовѣстность монетчиковъ благопріятствовали безконечному обрѣзыванію ея: выгодно скупить хорошія монеты, обрѣзать полно-

вѣсное золото и замѣнить ихъ болѣе легкими — являлось самымъ выгоднымъ ремесломъ. Какъ теперь барышничество акціями, такъ въ то время незаконная торговля монетнымъ металломъ подрывала коммерческіе рынки. Этого нельзя было уничтожить. Когда же скандалъ получалъ слишкомъ громкую огласку, то мѣстныя власти, хотя и вмѣшивались въ дѣло, но приговоръ былъ пристрастенъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ обрѣзываніе дукатовъ вошло въ такое употребленіе, что изъ Вѣны была отправлена спеціальная коммисія въ свободный имперскій городъ; евреи были главными торговцами, а христіанскіе торговые дома, многія фирмы которыхъ существуютъ еще и до сихъ поръ, — главными должниками. Изъ этого вышло только то, что императорскіе коммисары большую часть безчестной прибыли положили себѣ въ карманъ.

Такое богатство, быстро и незаконно нажитое, не шло въ прокъ: оно рѣдко доходило до третьяго поколѣнія. Должники часто становились мотами и только искали удовольствій, а ихъ высокомѣріе, недостатокъ образованія, напыщенность особенно бросались въ глаза ихъ согражданамъ. Къ подобнымъ личностямъ принадлежали преимущественно новопожалованные дворяне, и неудивительно, что многія изъ дворянскихъ фамилій снова лишились этого достоинства.

Новопожалованный изъ такого кружка удерживалъ свое настоящее имя только въ фирмѣ, между же своими согражданами онъ старался соблюсти всѣ привилегіи своего новаго званія. Съ охотой приказывалъ онъ изваять изъ камня свой гербъ на внѣшней сторонѣ дома и богато разукрасить золотомъ, но камень все-таки не могъ быть порукой въ долговременномъ владѣніи домомъ. Въ Бреславлѣ случалось, что дома подобнаго рода, принадлежавшіе почти всѣ новопожалованному дворянству, перешли къ другимъ владѣтелямъ. Внутреннее убранство дома бросалось въ глаза необыкновенною роскошью, что въ это бѣдственное время было еще тяжелѣе для народа. Комнаты украшались дорогими коврами, венеціанскими трюмо, шолковыми обоями и стѣнными коврами, которые въ праздничные дни развѣшивались по стѣнамъ съ помощью особыхъ станковъ, а затѣмъ опять снимались. Женщины пришивали къ своимъ башмакамъ брилліантовыя застежки и не хотѣли носить никакихъ другихъ кружевъ, кромѣ венеціанскихъ и парижскихъ, которыя стоили не менѣе двадцати талеровъ локоть. При большомъ числѣ лакеевъ, экипажи обыкновенно богато разукрашивались золотомъ, и кучеръ правилъ съ высокихъ козелъ иногда четырьмя лошадьми, которыхъ запрягали тогда всѣхъ въ рядъ; но когда такой блестящій экипажъ катился по улицамъ, прохожіе насмѣшливо кричали: «Горшокъ все еще пахнетъ старымъ супомъ».

Богатый человѣкъ могъ держать хорошихъ лошадей, такъ какъ при-этомъ онъ велъ ими торговлю, а лакеями одѣвали работниковъ: дворниковъ, дровосѣковъ, учениковъ, но пажъ, обыкновенно сопровождавшій госпожу, брался изъ школы для бѣдныхъ. Въ такихъ домахъ и столъ всегда отличался большою роскошью. Приглашенный гость принимался съ нѣкоторыми формальностями, что считалось тогда признакомъ образованости: хозяинъ выходилъ къ нему на встрѣчу на лѣстницу, если же знатный гость, то и до выхода; затѣмъ слѣдовали любезности относительно того, кому войти первому, и о почетномъ мѣстѣ за столомъ, причемъ особенно добивались занять не слишкомъ низкое мѣсто. Какъ только всѣ садились за столъ, отворялся буфетъ, въ которомъ стояло множество цѣнныхъ серебряныхъ вещей. Блюда должны были отличаться особенной величиной, кушанья — обиліемъ, независимо отъ числа гостей; все самое дорогое было приготовлено къ столу съ необыкновенной утонченностью вкуса, которая до сихъ поръ насъ изумляетъ: огромные паштеты изъ различной дичи, рябчики, щучьи печени, итальянскій салатъ. За пару откормленныхъ фазановъ и куропатокъ иногда платили дукатъ. Нѣкоторые ужасались, что эти моты платили за селедку по гульдену, а за сотню устрицъ — отъ восьми до десяти талеровъ. При-этомъ подавались самыя дорогія вина XVII столѣтія: токайское, канаризектъ, марценинъ, фронтиньякъ, мускатъ и наконецъ ливанское; къ дессерту было въ обычаѣ подавать уже не марципаны, а лимонныя корки. Женщины отлично одѣвались и сидѣли все время молча. Главною заботою ихъ было, — какъ жалуются, — узнать еще при избраніи жениха, насколько знатенъ ихъ будущій супругъ, чтобы на свадьбахъ занимать первыя мѣста, а на похоронахъ идти какъ можно ближе къ гробу. Въ послѣднихъ случаяхъ, споря о первенствѣ, онѣ не рѣдко прибѣгали и къ пощечинамъ. Спѣсь этого круга доходила до того, что всякій, кому дворянство пожаловано было 10-ю годами раньше, чѣмъ другому, считалъ себя гораздо лучше этого послѣдняго; подобнымъ образомъ дворяне эти вовсе не считали новопожалованнаго себѣ равнымъ. Новопожалованный назывался только «wohledel» — «благородный»; кто же владѣлъ уже нѣсколько времени граматой, того называли «hoch или edelgeborne Gestrengigkeit» — «высоко- или благородно рожденная милость». Сверхъ того, всѣ они стремились пріобрѣсти значеніе въ средѣ городскихъ сословій или какой-нибудь титулъ.

Сыновей такихъ фамилій опредѣляли также и въ военную службу; какой-нибудь негодяй, не видавшій никогда поля битвы, расхаживалъ днемъ по городу съ палкой, обитой толстымъ слоемъ серебра и съ оруженосцами позади, чтобы рисоваться передъ другими, получая честь отъ стражи.

Отъ него требовали только одного: чтобы онъ умѣлъ владѣть шпагою, такъ какъ дуэли всецѣло принадлежали къ занятіямъ дворянина. Ему было пріятно, хотя бы только посредствомъ «карточки» получить вызовъ. Тогда онъ отправлялся съ своими секундантами въ ближайшую деревню, снималъ гдѣ-нибудь за заборомъ свои верховые сапоги, надѣвалъ легкіе фехтовальные, пряталъ свои длинные, завитые волосы подъ ночной колпакъ, снималъ верхнее платье и выбиралъ себѣ оружіе. Начинался поединокъ и при благополучномъ его окончаніи слѣдовало примиреніе. Его геройскіе поступки получали огласку.

Таковы были тѣ «Pfeffersäcke», которыхъ грубое сельское дворянство называло также «Häringsnasen» — «селедочными носами». Совсѣмъ иными представляется масса сельскихъ дворянъ.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ эти семейства были въ деревняхъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Кромѣ дворянскихъ помѣстій, въ ихъ рукахъ находились также дома и небольшія пашни въ деревняхъ; иногда какой-нибудь родъ распложался такъ сильно, что вблизи стариннаго родоваго имѣнья многія деревни были заселены родственниками; но чаще всего въ одной деревнѣ жили семейства различныхъ родовъ. Еще въ нашемъ вѣкѣ были деревни, окружавшія десять, двѣнадцать или болѣе дворянскихъ помѣстьевъ; въ такихъ мѣстахъ каждый мелкій деспотъ простиралъ свое господство надъ бѣдными поселянами и свое дворянское право — на часть нивъ; бѣдные же лишены были права на землю и нерѣдко шли въ наемъ. Такъ было почти во всѣхъ областяхъ Германіи, преимущественно на востокѣ отъ Эльбы, въ славянскихъ колоніяхъ, а также во Франконіи, Швабіи и Тюрингенѣ. Многіе юнкера отличались отъ другихъ поселянъ только разными претензіями и презрѣніемъ къ полевой работѣ. Уже передъ войной число ихъ уменьшилось, а поздній миръ нашелъ ихъ еще въ худшемъ положеніи. Оружіе и заразительныя болѣзни уничтожили многихъ изъ нихъ, да и оставшимся въ живыхъ жилось не лучше. Сильные люди поступали въ военную службу солдатами или партизанами и часто весьма мало отличались отъ уличныхъ разбойниковъ. Съ помощью пріобрѣтенной добычи они еще во время войны снова обзаводились имѣньемъ, гдѣ вели безпокойную жизнь. Такіе счастливцы принимали часто у себя старинныхъ товарищей и иногда совершали съ ними поѣздки, не обходившіяся безъ кровопролитій. Послѣ войны они хотя и перестали предаваться грабежамъ, но ближайшимъ потомкамъ ихъ осталась какая-то одичалость, потребность въ возстаніяхъ, безпокойныя поѣздки, склонности къ безпутному пьянству и ссорамъ. Они образовали большое общество, которое, несмотря на безконечные кутежи, твердо держалось, подобно взбитой травѣ надъ болотомъ, и эта

фамильная связь была даже для лучшихъ изъ нихъ заразой, несчастіемъ всего сословія, потому что она болѣе всякаго другаго зла преграждала путь къ образованію и благосостоянію помѣщиковъ-дворянъ въ будущемъ столѣтіи. Даже жизнь личностей, имѣвшихъ кое-какія средства, проходила какъ-бы въ отлученіи, отъ котораго имъ трудно было освободиться.

Верховой ѣздѣ, танцамъ и фехтованью, а иногда и начаткамъ латыни, сыновья подобныхъ небогатыхъ помѣщиковъ учились у какого-нибудь бѣднаго кандидата; затѣмъ, если ихъ отецъ имѣлъ связи, они поступали на службу въ качествѣ пажей при небольшомъ дворѣ или къ знатному дворянину, гдѣ учились хорошимъ манерамъ, или, вѣрнѣе, — слабостямъ и порокамъ знати. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ дворянской службѣ, они, по старинному обычаю, получали отъ своего господина оружіе и отпускались въ званіи юнкеровъ съ милостивою пощечиною. Теперь они возвращались въ имѣніе отца, или же родные продавали все, безъ чего могли обойтись, чтобы доставить имъ приличное вооруженіе и отослать къ императорскому войску въ качествѣ претендентовъ на мѣсто субалтерна. Только немногимъ посчастливилось въ безславныхъ войнахъ того времени; большинство же возвращалось послѣ нѣсколькихъ походовъ на родину безъ почестей и добычи, чтобы раздѣлить съ своими сестрами отцовское наслѣдство. Вскорѣ они очень мало стали отличаться отъ родственниковъ, остававшихся дома.

Помѣщикъ жилъ въ глиняномъ зданіи, крытомъ соломою или брусьями; до насъ дошло достаточно описаній и изображеній такихъ зданій — на крышѣ возвышалась большая труба, парадный и черный входы сѣней запирались на ночь желѣзными засовами; въ нижнемъ этажѣ находилась большая комната, близь нея обширная кухня, далѣе теплое помѣщеніе для прислуги; рядомъ съ комнатой — каменная кладовая съ желѣзными задвижками на окнахъ, защищенная отъ воровъ и пожара, насколько возможно, желѣзными дверями: въ ней сохранялось все, что только было самаго цѣннаго у помѣщика; если здѣсь хранилась извѣстная сумма денегъ, то къ дому приставлялся особый сторожъ. Надъ этой кладовой, въ верхнемъ этажѣ, находилась спальня хозяина дома, гдѣ стояло брачное ложе; здѣсь также въ стѣнѣ или подъ поломъ было потаенное мѣсто, гдѣ сохранялись нѣкоторыя серебряныя вещи и драгоцѣнности хозяйки дома. Дѣти, домашній учитель и ключница спали въ комнатахъ, которыя никогда не отапливались. Иногда къ верхнему этажу пристраивали деревянную галерею «Lustgänglein», гдѣ сушили бѣлье, наблюдали за дворомъ и производилась всякая женская работа. Домъ находился подъ особымъ присмотромъ стараго ветерана или бѣднаго родственника, который, въ ка-

чествѣ сторожа. спалъ внутри дома; на дворѣ и вокругъ дома ночью бѣгали злыя собаки, предназначавшіяся для нападенія особенно на нищихъ и чужестранцевъ. Но всѣ эти мѣры предосторожности не могли, однако, совершенно предохранить отъ нападеній вооруженныхъ шаекъ. Даже владѣніе небольшимъ имѣніемъ приносило немного радости; большинство помѣщиковъ было кругомъ въ долгахъ; безобразные процессы, часто даже предшествовавшіе войнѣ, наводняли Шорнштейнъ и Грензехюгель. Хозяйство, находившееся въ вѣдѣніи какого-нибудь бѣднаго родственника или ненадежнаго управителя, было запущено, строенія были плохи и разрушены, для новой постройки не было ни денегъ, ни хорошаго лѣса, такъ какъ лѣса много пострадали отъ войны. При первой возможности иноземные начальники приказывали вырубать большіе лѣса и продавали ихъ; вблизи же укрѣпленныхъ мѣстностей деревья шли на крѣпостныя работы, на которыя тогда истреблялась цѣлая масса лѣса, а по заключеніи мира много деревьевъ срубалось на необходимую постройку деревень и предмѣстьевъ. Для полной обстановки не доставало не только орудій, но, главнымъ образомъ, рабочихъ рукъ оброчныхъ крестьянъ; цѣны на хлѣбъ такъ понизились послѣ войны, что едва окупали издержки на посѣвъ; скотоводство было неудовлетворительно. Новые капиталы пріобрѣсти было еще трудно, такъ какъ деньги вздорожали, а закладныя на дворянскія имѣнія не считались выгодными. Конечно, онѣ служили надежнымъ обезпеченіемъ, но проценты съ нихъ часто платились неправильно и на возвращеніе отданнаго капитала сполна трудно было разсчитывать; пріобрѣтеніе кредиторомъ заложеннаго имѣнія — при весьма разнообразныхъ законахъ — было возможно только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, иногда оно было даже опасно, такъ какъ новому владѣльцу грозила ненависть друзей и сосѣдей должника. Въ восточныхъ, пограничныхъ странахъ неудовлетворенные кредиторы старались продать долговыя обязательства польскимъ дворянамъ. Послѣдніе мстили уѣзжавшимъ изъ ихъ округа должникамъ тѣмъ, что у перваго попавшагося отбирали извѣстную сумму. Это случалось еще передъ великой войной, и повторявшіяся запрещенія помѣстьевъ доказали, какъ много страдали торговыя сношенія отъ такихъ насилій. При такихъ условіяхъ даже дальновидный владѣлецъ попадалъ въ безвыходное положеніе. Неурожай, падежъ скота, конечно, могли его разорить. Но главное зло заключалось въ томъ, что большинство нисколько не заботилось о хозяйствѣ и не умѣло ограничить свои расходы сообразно съ вѣрными доходами. Отсюда лишь весьма немногіе жили въ довольствѣ. Большинство же испытывало постоянную нужду, заводило процессы и впутывалось въ неоплатные долги; даже многіе изъ тѣхъ,

которые съ лучшими надеждами вступали во владѣніе своими помѣстьями, въ концѣ концовъ дѣлались тѣмъ же, чѣмъ была большая часть ихъ товарищей по сословію, членами великаго цеха, слывшаго въ народѣ подъ именемъ бѣдныхъ дворянчиковъ, лизоблюдовъ, чурбановъ, барановъ.

Такіе бѣдняки ѣздили «скопами» изъ дома въ домъ и появлялись докучливыми прихлебателями въ сосѣднихъ помѣстьяхъ, гдѣ давался какой-нибудь праздникъ, опустошая здѣсь запасы на кухнѣ и въ погребахъ.

Горе новому знакомцу: они были готовы не разставаться съ нимъ хоть цѣлую недѣлю. Если они куда-нибудь пріѣзжали, выпроводить ихъ оттуда стоило огромнаго труда. Неразборчивые на знакомство, они напивались вмѣстѣ съ мужиками въ кабакахъ, а охмелѣвши, оказывали бюргеру съ толстымъ карманомъ честь, приглашая его на брудершафтъ, который они пили, стоя на колѣняхъ съ разбитыми бутылками и стаканами и клянясь душою и тѣломъ въ вѣчной вѣрности; и всякій, кто не выдерживалъ такой неразрывной дружбы, публично объявлялся подлецомъ.

Подобный брудершафтъ во всякомъ случаѣ нисколько не препятствовалъ схваткамъ тотчасъ же по его заключеніи. Но какъ бы они ни казались въ такихъ случаяхъ нетребовательными, они никогда не забывали, что принадлежатъ къ «древнимъ дикимъ благороднымъ». Бюргеръ или всякій, имѣвшій отъ императора жалованную грамату, могъ, конечно, быть ихъ братомъ, но чрезъ это довѣріе онъ все же не получалъ титулъ «дяди» или «родича», хотя бы породнился съ нимъ посредствомъ брака; въ ихъ «дружбу» принимались только лица стариннаго рода. Дѣти ихъ ходили въ лохмотьяхъ, а жены нерѣдко побирались у родственниковъ; сами же они разъѣзжали по полямъ въ поношенныхъ сюртукахъ на своихъ косматыхъ лошаденкахъ, вмѣсто пистолета имѣя при себѣ обточенную деревяшку. Сборнымъ пунктомъ для нихъ служили кабаки, пріѣхавъ же въ городъ, они останавливались на самыхъ дурныхъ квартирахъ; языкъ ихъ былъ грубъ и переполненъ ругательствами и проклятіями; вообще, въ ихъ рѣчь и привычки перешло много подозрительнаго, напоминавшаго мошенниковъ. Они ходили въ лохмотьяхъ и, при всей своей страсти къ буйствамъ, не отличались особеннымъ мужествомъ; ихъ вообще считали язвой страны, а пострадавшіе отъ нихъ сравнивали ихъ съ мясными мухами. Не разъ владѣтельные князья и даже императоръ преслѣдовали ихъ строгими декретами, но при всемъ этомъ они оставались надменными и съ претензіями на аристократизмъ. Родословное древо, гербъ и фамильныя связи составляли для нихъ высшее въ этомъ мірѣ. Они смотрѣли съ большимъ пре-

зрѣніемъ и ненавистью на богатаго горожанина и были всегда готовы завести ссору съ новопожалованнымъ, если онъ величалъ ихъ неполнымъ титуломъ или присвоивалъ себѣ гербъ, похожій на ихъ собственный.

Приводимое нами сообщеніе ближе знакомитъ съ этими людьми и ихъ поведеніемъ. Оно переноситъ насъ въ уголокъ Германіи, гдѣ обѣднѣвшее дворянство отличалось наибольшей испорченностью, именно на правый берегъ Одера, въ Шлезвигъ. По одной древней легендѣ именно здѣсь, когда дьяволъ хотѣлъ выпустить на волю нѣсколькихъ бѣдныхъ дворянъ, мѣшокъ у него прорвался и онъ выронилъ всю эту ветошь.

Слѣдующее описаніе взято изъ разсказа «Der Edelmann», сочиненнаго Павломъ Винклеромъ, уроженцемъ Шлезвига, политическимъ агентомъ и совѣтникомъ великаго курфюрста въ Бреславлѣ. Винклеръ, какъ человѣкъ образованный, хорошо знавшій людей, юристъ, извѣстный своими многочисленными путешествіями, связями и близкимъ знакомствомъ съ тѣми условіями, въ какихъ находились тогдашнія германскія помѣстья, можетъ высказать, конечно, наиболѣе вѣрный приговоръ. Къ тому же онъ обладалъ качествами, присущими каждому жителю Шлезвига: въ обществѣ онъ былъ находчивымъ, веселымъ собесѣдникомъ, тонкимъ наблюдателемъ и отличнымъ разсказчикомъ. Будучи сочленомъ одного общества, онъ, по всей вѣроятности, потому не только интересовался нѣмецкой литературой, но даже и самъ принималъ въ ней скромное участіе. Однако же, этотъ умный человѣкъ съ презрѣніемъ относился къ педантизму своихъ сотоварищей, входившихъ въ составъ этого общества, которые старались помочь нѣмецкой поэзіи. «Они сидятъ за парнасской кухней, — говорилъ онъ, — и насыщаются запахомъ жаркого». Имѣя уже 50 лѣтъ отъ-роду и не выходя изъ дому по болѣзни, онъ написалъ разсказъ, съ цѣлью наглядно показать, каковъ долженъ быть настоящій дворянинъ, потому что судьба его сложилась такъ, что онъ всю жизнь свою находился въ личныхъ сношеніяхъ по дѣламъ службы съ дворянами различныхъ мѣстностей; его жена происходила изъ рода поэта Логау, а самъ онъ приходился племянникомъ Андрею Грифіусу. Онъ отлично умѣлъ подмѣчать, благодаря опыту, смѣшныя стороны привилегированныхъ лицъ, но онъ былъ сынъ своего вѣка и въ сердцѣ своемъ питалъ глубокое уваженіе къ дворянству. Поэтому его разсказъ вовсе не сатира, какъ его обыкновенно называютъ, а его описанія производятъ на читателя такое же впечатлѣніе, какъ наиболѣе похожій портретъ. Конечно, и онъ не избѣжалъ того, что обыкновенно мѣшаетъ молодымъ писателямъ съ моральными тенденціями, но онъ совершенно наглядно представилъ, какими не должны быть дворяне; въ изо-

браженіяхъ дѣйствующихъ лицъ ему не достаетъ смѣлыхъ контуровъ и красокъ, и они, кромѣ того, скучны, такъ какъ онъ въ очень длинныхъ описаніяхъ объясняетъ ихъ образованіе и основныя положенія. Его разсказъ сравниваютъ съ романами Симплицисимуса. Въ немъ чрезвычайно мало творческой силы фантазіи и подробностей, но зато съ гораздо бòльшимъ поэтическимъ талантомъ авторъ иногда соединяетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ негодованіе съ наклонностью ко всему необычайному и фантастическому, что напоминаетъ намъ методу романтиковъ, самый же разсказъ дѣлаетъ не вполнѣ вѣрной картиною времени. Для Винклера все это ничего не значитъ: онъ живо и свободно ведетъ разсказъ о томъ, что самъ видѣлъ, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, но все изложено простымъ и яснымъ языкомъ.

Содержаніе разсказа самое обыкновенное для того времени. Богатый молодой голландецъ – въ нѣмецкомъ обществѣ голландцы занимали тогда почти такое же положеніе, какъ впослѣдствіи англичане, значеніе ихъ націи было почти равносильно жалованной грамотѣ — пріѣзжаетъ въ Бреславль, становится свидѣтелемъ дуэли между однимъ новопожалованнымъ и юнкеромъ, затѣмъ выслушиваетъ отъ трактирщика описаніе провинціальной жизни, посѣщаетъ домъ одного расточительнаго, бѣднаго дворянина, получаетъ приглашеніе отъ молодаго фонъ К..., прежняго знакомаго, ѣхать въ его помѣстье, ближе сталкивается при этомъ съ разорившимися дворянами, слышитъ о разныхъ приключеніяхъ, какія испыталъ одинъ житель Шлезвига въ качествѣ англійскаго офицера, а остальное время проводитъ въ долгихъ бесѣдахъ, которыя авторъ наполнилъ личными своими воззрѣніями и научными познаніями; такъ, онъ разсуждаетъ объ образованіи солдатъ, о родовомъ и жалованномъ дворянствѣ, о политикѣ, о культурѣ древнихъ въ сравненіи съ настоящимъ временемъ и т. д. На обратномъ пути въ Бреславль онъ узнаетъ, что тотъ богатый купецъ, который приглашалъ его на обѣдъ, теперь обанкротился и скрылся тайнымъ образомъ. Затѣмъ описывается жизнь послѣдняго, и герой оставляетъ Бреславль.

Такимъ образомъ весь этотъ длинный разсказъ едва ли заключаетъ и пять описаній, изъ которыхъ намъ интересно привести здѣсь только два. Отдѣльныя рѣзкія выраженія въ немъ смягчены, языкъ приближенъ къ нашему нѣмецкому настолько, насколько это казалось необходимымъ. Сперва трактирщикъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ, сынъ портнаго, учился, какъ потомъ женился на зажиточной трактирщицѣ и послѣ ея смерти, стремясь къ повышенію, купилъ дворянскую грамату, съ цѣлью поселиться въ деревнѣ. Затѣмъ онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Одинъ изъ моихъ не особенно близкихъ друзей далъ мнѣ роспись этого участка земли, гдѣ дворянскія помѣстья были, правда, не дороги, но и приносили небольшой доходъ; хотя другой добрый другъ и отсовѣтовывалъ мнѣ покупку, доказывая, сколько непріятностей мнѣ придется терпѣть отъ сосѣднихъ бѣдныхъ дворянчиковъ, но до меня это не касалось, такъ какъ я отлично съумѣлъ бы справиться съ ними при посредствѣ шпаги и я оставилъ всякую мысль о предосторожности. Вскорѣ затѣмъ я купилъ имѣнье за 6,000 телеровъ и увидѣлъ, что попалъ, какъ говорится, изъ огня да въ полымя, и что мой добрый другъ мѣтко попалъ въ цѣль своимъ пророчествомъ. Едва я мало по малу устроился, какъ юнкеръ Фогельбахъ съ двумя такими же господами «завернулъ» ко мнѣ, какъ они называли это. Онъ жилъ въ полмили отъ меня; ни тогда, ни теперь у него не было своего помѣстья, а нанималъ онъ деревенскую гостинницу, которая едва ли стоила нѣсколько сотъ рейхсталеровъ, и проводилъ время, какъ и всѣ ему подобные, въ обществѣ бѣдныхъ дворянъ. Чѣмъ онъ содержалъ свою жену и дѣтей, я не знаю, но я часто видѣлъ ее съ ними у зажиточныхъ дворянъ, гдѣ она собирала въ свою телѣжку муку, хлѣбъ, сыръ, масло и т. п. За подобнымъ же подаяніемъ она являлась и ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Этотъ Фогельбахъ, какъ я уже сказалъ, первый явился ко мнѣ съ своими товарищами. Въ первые два визита они вели себя довольно скромно, и я угостилъ ихъ всѣмъ, чѣмъ только могъ. По ихъ мнѣнію, честь благороднаго брудершафта, заключеннаго ими со мной, ставила насъ уже въ слишкомъ равное положеніе, и они, наконецъ, не могли долѣе сдерживать своей грубости. «Это до тебя касается, трактирщикъ», началъ было однажды Фогельбахъ, пропьянствовавъ цѣлый день. Но за эти слова я угостилъ его такой неожиданной пощечиной, что добрый малый вылетѣлъ со своимъ стуломъ почти на середину комнаты. Видя это, мой конюхъ, сильный отставной солдатъ, котораго я держалъ спеціально для защиты въ случаѣ надобности, схватилъ за воротъ другаго юнкера В., такъ что тотъ не могъ двинуться съ мѣста. «Какъ, бездѣльники», сказалъ онъ, «вамъ не довольно, что васъ и вашихъ тощихъ клячъ всегда кормятъ, сколько бы разъ вы не пріѣзжали? Такъ то вы хотите отблагодарить моего господина»? «Мы не касаемся этой ссоры», отвѣчали двое: «братъ Фогельбахъ началъ ее, онъ же съумѣетъ и окончить ее, какъ истинный дворянинъ». Послѣдній вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ было взяться за шпагу. «Оставь твое бѣдное оружіе», сказалъ я, «или я тебя отколочу ножкой отъ скамейки, если ты еще не удовлетворенъ». Онъ замолчалъ и вышелъ вонъ съ подбитыми глазами въ сопровожденіи своихъ сотоварищей. Они сѣли на лошадей и выѣхали за

ворота. Какъ только всѣ трое считали себя внѣ опасности, они разразились бранью; сотни разъ называли они меня трактирнымъ слугой, и одинъ старался выстрѣлить даже изъ пистолета, но безуспѣшно, потому, конечно, что въ немъ не было курка. Наконецъ они замѣтили, что я сбирался нагрянуть на нихъ съ полдюжиной мужиковъ, и поспѣшили удалиться. Недѣли черезъ двѣ они всѣ трое прислали мнѣ вызовъ на дуэль, думая, что я никогда не откажусь бороться съ ними въ открытомъ полѣ; но они ошиблись. Такъ какъ я опасался, чтобы цѣлый рой бродячихъ дворянъ не напалъ на меня и не поколотилъ меня, то я пригласилъ къ себѣ шестерыхъ солдатъ, стоявшихъ тогда въ селѣ и въ первомъ выходѣ такъ ловко ударилъ Фогельбаха по плечу, что онъ выронилъ шпагу и не могъ болѣе владѣть рукой. Благодаря этому В. потерялъ мужество и во второмъ выходѣ просилъ мира. Лучше всѣхъ держалъ себя юнкеръ Михаилъ ф. С., котораго я раньше считалъ самымъ трусливымъ. Онъ довольно ловко дѣйствовалъ, пока эта тройная дуэль не кончилась примиреніемъ остальныхъ со мной. Фогельбахъ выговорилъ себѣ право сразиться на лошадяхъ, какъ только поправится его рука, но и до сихъ поръ онъ не исполнилъ этого.

Такимъ образомъ я обезпечилъ себя если не отъ набѣговъ бѣдныхъ дворянъ, въ которыхъ никогда не было недостатка, то отъ ссоръ съ ними; вскорѣ однако мнѣ пришлось испытать непріятность гораздо бо̀льшую и притомъ стоившую мнѣ очень дорого. Мой продавщикъ не только торопилъ меня покупкой помѣстья, но даже умолчалъ о значительной выкупной платѣ и кромѣ того не сдержалъ выговоренныхъ условій. Такимъ образомъ я долженъ былъ на него жаловаться и нанять для этого адвоката. Прошло много времени, пока я могъ вполнѣ уличить моего противника, который выдумывалъ одну уловку за другой; кромѣ того мнѣ казалось, что на жалобу мою мало обращали вниманія. Мой адвокатъ, который отлично зналъ, чего именно недоставало, посовѣтовалъ мнѣ задобрить канцлера. Я легко понялъ, на что онъ намекалъ, и послалъ на кухню канцлера свинью, купленную въ Польшѣ, и двѣ бочки масла, которыя такъ отлично вытянули изъ болота колесо правосудія, что моему противнику велѣно было представить свои доводы въ установленный срокъ. Сначала я долженъ былъ удовольствоваться этимъ, но вскорѣ увидѣлъ, что дичина и масло были уничтожены еще до окончанія назначеннаго срока, а мнѣ не присылали ни отвѣта, ни приглашенія. Поэтому я повторилъ приношеніе, а такъ какъ супруга канцлера сказала, что масло такъ сильно понравилось ея мужу, что съ тѣхъ поръ онъ не хочетъ ѣсть никакого другаго, то я и отправилъ по

старой дорогѣ еще двѣ бочки, куль овса и отличнаго козла. Вскорѣ затѣмъ вышелъ новый приказъ, но противная сторона до тѣхъ поръ не являлась, пока, наконецъ, не былъ посланъ куль хлѣба, который хотя и закончилъ собою приношенія, но завелъ дѣло такъ далеко, что моему противнику было прочитано обвиненіе и приказъ оправдаться въ теченіе извѣстнаго срока. Этотъ срокъ тянулся со всѣми переговорами болѣе двухъ лѣтъ, пока не кончилось дѣло. Такъ какъ въ это время канцлеру особенно нравилось все даренное, а не купленное, то я долженъ былъ посылать ему то то, то другое. Такъ, онъ зналъ, что у меня была пара прекрасныхъ штуцеровъ, которые онъ вытянулъ отъ меня слѣдующимъ образомъ. Онъ неожиданно пріѣхалъ ко мнѣ самъ и сталъ просить позволенія переночевать, какъ будто ему была небходимость. Я долженъ былъ цѣнить его пріѣздъ какъ особенную честь и угостилъ его, какъ нельзя лучше. Между прочимъ, онъ осматривалъ мое оружіе, похвалилъ штуцера, прибавивъ, что онъ большой охотникъ до такихъ вещей, и просилъ уступить ему ихъ за наличныя деньги, если они только назначены для продажи, или же заказать ему пару точно такихъ же. Хорошо понимая, на что онъ мѣтилъ и покоряясь необходимости, я долженъ былъ отдать ему не только ихъ, въ надеждѣ на благопріятное рѣшеніе, но, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и прекрасные серебряные часы, которые онъ случайно примѣтилъ на стѣнѣ. Серебряная вызолоченная бутылка, вѣсомъ въ 4 марки, перешла также къ нему. Наконецъ вышелъ приговоръ, по которому назначалась коммисія съ цѣлью произвести слѣдствіе, поладили ли мы относительно имѣнья, и покончить съ этимъ длиннымъ, непріятнымъ для правительства, процессомъ. Насколько это мнѣ было пріятно, можно понять; я проклялъ часъ, въ который вздумалъ жить въ деревнѣ, и помирился съ противникомъ раньше прибытія коммисіи. Изъ 1600 талеровъ, которыхъ я могъ по праву отъ него требовать, я взялъ только 500 и то едва покрылъ мои издержки. При-этомъ противникъ признался мнѣ чистосердечно, что и ему подобный же подкупъ обошелся не менѣе 300 талеровъ. Такимъ образомъ намъ лучше было бы помириться вначалѣ.

«Между тѣмъ меня постигла новая непріятность, терзавшая мою душу болѣе, чѣмъ самый процессъ. Вскорѣ послѣ покупки имѣнья я породнился бракомъ съ старинными дворянами въ сосѣдствѣ, и это дѣло мнѣ вполнѣ неудалось. Сперва я желалъ взять изъ хорошаго семейства городскую дѣвушку съ нѣсколькими тысячами талеровъ и поправить этимъ свое хозяйство. Но другъ, уговорившій меня купить имѣніе, совѣтовалъ мнѣ жениться не иначе, какъ на дѣвушкѣ изъ старинной дворянской фамиліи, жившей по сосѣдству со мной. «Вмѣстѣ съ тѣмъ еще

неизвѣстно» — говорилъ онъ — «можно ли даже дворянину составить себѣ выгодную партію въ Бреславлѣ. Далѣе, подобныя городскія дамы такъ мало понимаютъ въ хозяйствѣ, что не могутъ отличить корову отъ быка, сыръ отъ творогу. Для хозяйства же нужна хозяйка, которая была бы пріучена къ этому съ малолѣтства; такой бракъ есть единственное средство сдѣлать изъ своихъ будущихъ дѣтей честныхъ дворянъ». Въ заключеніе онъ обратилъ мое вниманіе на одну дѣвицу и даже взялся быть сватомъ. «Она хороша собой, отличная хозяйка, со средствами и изъ стариннаго рода; горожанкѣ невозможно совмѣстить всѣхъ этихъ достоинствъ». Когда же я его спросилъ, какъ велики ея средства, онъ отвѣчалъ, — 2000 талеровъ. Хотя я и въ то время сомнѣвался въ этомъ, потому что 2000 талеровъ въ деревнѣ составляютъ такое значительное приданое, что даже владѣтельные господа гоняются за нимъ, но я все же сдался на доводы друга, такъ какъ эта дѣвица была недурно образована, а новое дворянство вытѣснило изъ моей головы всякій здравый разумъ. Вскорѣ я нашелъ, что 2000 талеровъ уменьшились до 400, да и полученіе послѣднихъ зависѣло отъ исхода весьма сомнительнаго процесса, по окончаніи котораго ихъ хватило бы только на покрытіе всѣхъ судебныхъ издержекъ или издержекъ на свадьбу, приличную моему званію. Несмотря на все это, я сначала такъ полюбилъ ея хорошенькое личико, что не думалъ ни о чемъ. Когда же она не принесла въ приданое ни украшеній, ни платьевъ, ни драгоцѣнностей, то я спросилъ однажды мою тещу, гдѣ тѣ цѣпочки, кольца и тафтяныя платья, которыя я видѣлъ на моей невѣстѣ. Но она съ презрительнымъ смѣхомъ отвѣтила мнѣ, что еслибы я взялъ ея дочь даже въ одной рубашкѣ, то все же долженъ былъ бы удовольствоваться ея стариннымъ происхожденіемъ и ребенкомъ, котораго я имѣлъ отъ нея; моей женѣ пришлось, по ея словамъ, перенести много непріятностей отъ друзей, которые ни какъ не хотѣли этого брака. Что же касается платьевъ и нарядовъ, то я долженъ былъ знать, что у нея еще нѣсколько дочерей, о которыхъ она должна также подумать. Также въ странѣ есть обычай дѣлать одно платье и нарядъ разомъ для трехъ дочерей; когда одна изъ нихъ нарядится, другая въ это время занимается хозяйствомъ, если же пріѣзжаютъ гости, то она ложится въ постель и представляется больной, пока не настанетъ ея недѣля или очередь. Этимъ я долженъ былъ удовольствоваться и, чтобы не краснѣть передъ другими, сдѣлалъ моей невѣстѣ на собственныя деньги полный дворянскій нарядъ съ разными украшеніями. Я истратилъ, такимъ образомъ, всѣ наличныя деньги, такъ какъ свадьба стоила мнѣ очень дорого, потому что почти всѣ окружные жители сидѣли у меня на шеѣ болѣе

двухъ недѣль со своими женами, дѣтьми, слугами и лошадьми и ихъ нельзя было выпроводить, пока въ кухнѣ и погребѣ оставалось еще что-нибудь. Но что бы я ни дѣлалъ для своей жены, ей и ея матери всегда казалось недостаточно богатымъ и цѣннымъ, всегда онѣ умѣли найти въ этомъ недостатки и хотѣли имѣть болѣе.

«Конечно, я превозмогъ себя и не щадилъ издержекъ, чтобы заслужить хотя малѣйшую благодарность; но я чувствовалъ, — а это мнѣ было всего больнѣе, — что жена и родные очень мало меня уважали. Моя любезная теща была злая, высокомѣрная, лживая женщина, а такъ какъ листья, какъ и корень одинаково принадлежатъ одному дереву, то и къ женѣ моей перешелъ ея прекрасный нравъ. И когда я вслѣдствіе этого не могъ быть съ нею ласковъ, то мой конюхъ чаще чѣмъ я встрѣчалъ ея дружелюбные взгляды. — Вообще я не могъ жаловаться, что родня не посѣщала мой домъ чаще, нежели я этого желалъ, и поѣдала у меня дома все, что только находила. Они думали, что я ихъ чаще буду приглашать, если они станутъ называть меня зятемъ или дядей, теща же старалась, особенно при чужихъ, величать меня «сыномъ». Но лучше всего имъ было вмѣстѣ, когда я уѣзжалъ въ Бреславль или еще куда-нибудь; тогда всей роднѣ представляется удобный случай повеселиться на мой счетъ, и нѣсколько бутылокъ вина, которыя я обыкновенно держалъ въ своемъ погребцѣ для себя и для жены, по возвращеніи домой находилъ совершенно опустошенными. Но и это бы еще ничего, еслибы не взяли у меня безъ моего вѣдома не только хлѣбъ, но коровъ и телятъ. Но кто получаетъ четыре талера, а проживаетъ шесть, тому нечего заботиться о кошелькѣ. Такимъ образомъ я легко могъ разсчитать, что въ короткое время я стану такимъ же обнищавшимъ дворяниномъ, какъ и мои сосѣди.

«Тогда Богу угодно было избавить меня отъ этой опасности смертью моей жены. И въ этомъ случаѣ мнѣ пришлось выдержать страшную бурю со стороны противной тещи. Она страшно вопила о смерти дочери, увѣряя всѣхъ, что добрая женщина умерла съ тоски, потому что вышла замужъ несоотвѣтственно своему званію и что на нее, мать, падаетъ вся вина. Я выслушивалъ ея глупости, въ надеждѣ, что такая комедія когда-нибудь да должна же кончиться, до тѣхъ поръ, пока она не зашла далѣе, требуя для своихъ дочерей купленныя мною украшенія, наряды и все, что жена держала у себя подъ замкомъ. Я бросилъ ей къ ногамъ нѣсколько тряпокъ изъ приданаго и прилично похоронилъ жену въ фамильномъ склепѣ, не пригласивъ ни тещу, ни родныхъ. И я далъ себѣ слово продать имѣнье первому желающему и переселиться опять въ городъ.

«Разъ вечеромъ, сидя въ глубокомъ раздумьѣ у окна и наблюдая за работою прислуги, я увидѣлъ, что кто-то съ обнаженной шпагой защищается у воротъ отъ набѣжавшихъ собакъ. Я закричалъ слугѣ, чтобъ онъ удержалъ собакъ, и ко мнѣ подошелъ хорошо одѣтый и весьма любезный господинъ. «Дядюшка, сказалъ онъ, конечно не отнесется неблагосклонно къ тому, что я, какъ дворянинъ, считаю за честь себѣ попросить ночлега, чтобы при-этомъ имѣть удовольствіе познакомиться съ нимъ».— «Нисколько», отвѣчалъ я ему на это, «если господинъ только не взыщетъ». Я пригласилъ его войти, а такъ какъ онъ не скупился на родственныя титулованія, то я легко угадалъ, что онъ не сосѣдъ. Вскорѣ онъ разсказалъ, что онъ свободный дворянинъ изъ Эльзаса, но французы такъ разорили его, что онъ рѣшился скорѣе оставить свои сожженныя имѣнья, чѣмъ подчиниться ихъ власти; теперь же онъ отправляется къ императорскому двору, чтобы вступить въ военную службу. Я отлично угадалъ его хвастовство, потому что онъ не зналъ ни одной дворянской фамиліи, съ которыми я познакомился раньше, въ бытность свою въ Эльзасѣ. Поэтому я весьма осторожно обходился съ этимъ молодцомъ, и любезный господинъ и братъ долженъ былъ удовольствоваться просто соломой и матрацомъ. Когда же я всталъ на слѣдующее утро, то не нашелъ ни юнкера, ни постельнаго бѣлья, а также шпаги и пистолетовъ, оставленныхъ мною въ комнатѣ. Поспѣшно велѣлъ я моимъ конюхамъ сѣсть съ дубинами на лошадей и, если попадется имъ бездѣльникъ, то получше отколотить его и прогнать, отобравъ мои вещи. Я легко могъ представить себѣ, что неизвѣстный человѣкъ былъ мошенникъ и что я, схвативъ его, добился бы только того, что заплатилъ бы еще за одинъ процессъ и, наконецъ, за его смерть. Конюхи настигли его съ добычей въ ближайшемъ лѣсу и въ точности исполнили мое приказаніе. Они возвратили мнѣ вещи, которыя обошлись впрочемъ мнѣ очень дорого. Такъ какъ дня четыре спустя безъ сомнѣнія этотъ шельма поджегъ мое имѣнье, и я едва успѣлъ спасти жилыя строенія, а амбары съ хлѣбомъ и хлѣвы со скотомъ сгорѣли до тла.

«Черезъ это несчастіе деревенская жизнь такъ опротивѣла мнѣ, что я выстроилъ вновь только нѣсколько стойлъ для скота и въ скоромъ времени продалъ за 4000 талеровъ имѣнье, стоившее мнѣ 6000. Затѣмъ опять поселился въ городѣ».

Такъ разсказывалъ трактирщикъ молодому голландцу. Нѣсколько дней спустя иностранцу представился случай лично познакомиться съ жизнью обѣднѣвшаго провинціальнаго дворянства въ той же странѣ. Молодой фонъ К., весьма образованный господинъ, пригласилъ его въ имѣнье своихъ почтенныхъ родителей, прося его оттуда вмѣстѣ съ нимъ проѣхать въ сосѣднее

помѣстье, гдѣ праздновались крестины. Фонъ К. просилъ нашего героя выдать себя за оберъ-вахтмистра голландской службы, чтобы пріобрѣсти всеобщее расположеніе; «я знаю», говорилъ онъ, «что иначе эти мужики не задумаются предоставить вамъ послѣднее мѣсто и не обратятъ на васъ ни малѣйшаго вниманія, несмотря на ваше образованіе и на то, что вы, имѣя средства, въ состояніи заплатить за всѣ ихъ имѣнья». Все видѣнное голландецъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ.

«Обѣдъ былъ такъ обильно обставленъ, что столу грозила опасность сломаться подъ тяжестью блюдъ: здѣсь было блюдо рыбы въ желтомъ луковомъ соусѣ, всѣ части теленка, цѣлая свинья, пара гусей и пара зайцевъ, кромѣ того, красное водянистое вино, такъ что отъ времени до времени прибѣгали къ водкѣ не лучшей доброты. Общество, состоявшее изъ двадцати человѣкъ, было очень весело, а дамская комната разукрашена лучше любой купчихи городскаго дворянства. По окончаніи обѣда, когда одни кавалеры весело танцовали подъ звуки двухъ скрипокъ, а другіе курили, госпожа фонъ К. сказала: «Мнѣ очень нравится этотъ иностранный кавалеръ, и я надѣюсь, что мой сынъ, офицеръ, также мило и съ достоинствомъ будетъ держать себя въ чужомъ мѣстѣ». — «Я совершенно другаго мнѣнія, любезная сестрица», возразила госпожа Ильза фонъ Б., «я никогда не могла бы такъ жестоко поступить со своими дѣтьми, отдавъ ихъ въ военную службу, потому что я знаю, что ихъ иногда очень дурно кормятъ, что много ночей имъ не приходится спать въ теплой постели и кромѣ того некому имъ нагрѣть пива или принести стаканъ водки. Еслибы я услышала, что моего сына съѣлъ длинношеій татаринъ, портретъ котораго я видѣла, то это горе убило бы меня на мѣстѣ. Поэтому я разсудила содержать его у себя въ имѣньѣ, насколько мнѣ позволяютъ средства, хотя сознаюсь, онъ стоилъ мнѣ довольно дорого; когда я дала ему приличную экипировку, то продала своихъ двухъ лучшихъ коровъ, и до сихъ поръ не могла еще замѣнить ихъ новыми. Но что же дѣлать, я радуюсь, что онъ умѣетъ вести себя какъ настоящій дворянинъ. Посмотрите, милая сестрица, развѣ онъ не такъ ловко танцуетъ или вертитъ даму, какъ это слѣдовало бы? Онъ никому не откажетъ въ стаканѣ пива или водки, табакъ составляетъ для него все, онъ такъ пріятенъ во всѣхъ обществахъ, что едва въ три недѣли разъ заглянетъ домой и нерѣдко съ подбитыми глазами. Поэтому я могу разсчитывать, что онъ долженъ будетъ сражаться и оказывать сопротивленіе, какъ настоящій дворянинъ. Таковымъ будетъ и мой юнкеръ Мартинъ Андрей». Стоявшій здѣсь юнкеръ скрылъ свое лицо на груди милой матери. «Плутишка знаетъ уже, что онъ юнкеръ, поэтому онъ не хочетъ

ничему учиться, а охотнѣе разъѣзжаетъ по полямъ и вѣроятно не разъ подумывалъ о шпагѣ. Это причиняетъ мнѣ новую печаль, потому что я не могу спокойно вспомнить о томъ, что будетъ стоить его лошадь, и если Богъ не поможетъ чудеснымъ образомъ, то надо будетъ продать пару коровъ. Но я должна буду все же купить ему азбуку, такъ какъ его отецъ желалъ, чтобы онъ былъ такимъ же ученымъ, какъ и онъ самъ. Да, еслибы это ничего не стоило, а ученые люди не нуждались бы въ такихъ дорогихъ книгахъ! Въ немъ замѣтна склонность къ книгамъ, а у меня слезы навертываются, когда я вспоминаю, какъ прекрасно мой мужъ говорилъ благодарственныя рѣчи послѣ угощенія; какъ онъ разъ долженъ былъ говорить князю цѣлый часъ по латыни, не знаю о чемъ. Одно мнѣ очень нравится въ моемъ Мартинѣ Андреѣ, именно, что онъ хитеръ и разсудителенъ. Онъ даже предложилъ мнѣ помогать ему иногда деньгами, предоставивъ ему право брать выкупъ съ чужаго скота, который будетъ пойманъ на моей пашнѣ. Онъ такъ охотно принялся за это дѣло, что проводилъ цѣлые дни въ полѣ, чтобы поймать пару свиней или другихъ животныхъ, чѣмъ онъ нажилъ себѣ уже полталера. Несмотря на это, еслибы я только знала, что моему Гансу Христофору также посчастливится въ военной службѣ, какъ вашему сыну, любезная сестрица, то я пожертвовала бы годъ и побробовала бы уговорить его, — конечно въ такомъ лишь случаѣ, еслибы онъ сталъ начальникомъ (командиромъ) или женился на богатой; послѣдняя же должна происходить изъ стариннаго дворянскаго рода, потому что иначе, клянусь, она не должна будетъ показываться мнѣ на глаза, хоть будь она вся усыпана золотомъ. И какъ знать, милая сестрица, я на своемъ вѣку слыхала, что въ другихъ странахъ нѣтъ такихъ дворянъ, какъ у насъ, и что въ Голландіи, откуда прибылъ этотъ офицеръ, женщинъ, какъ коровъ, водятъ на рынокъ совсѣмъ нагихъ, въ чемъ Богъ создалъ. Моей покойной тетушкѣ, Гретѣ фонъ Т., пришлось пережить, что ея сына попуталъ чортъ ввести въ свой домъ такую дикую женщину. Тетушка сильно сокрушалась и ее не могли уговорить хоть разъ увидѣть эту женщину. Но, возвращаюсь опять къ моему сыну юнкеру Гансу Христофору, еслибы ему не пришлось ѣхать въ страну татаръ или стоять на часахъ, то я уговорила бы мою старую служанку, которая его выростила, чтобы она поѣхала съ нимъ на годъ и походила бы за нимъ, иногда помыла бы ему голову, а также бѣлье, а я засѣяла бы ей осьмину льна».

«Госпожа фонъ Р., вѣроятно, стала бы отвѣчать на эту откровенную рѣчь, еслибы господинъ фонъ К. не увелъ ее танцовать. Она оставила старуху одну, къ которой тотчасъ же

присосѣдился юнкеръ Фогельбахъ съ длинною трубкою въ зубахъ и началъ такъ разговоръ: «Какъ поживаете? какъ идутъ ваши дѣла, моя любезная тетушка? Я замѣчаю, что вы радуетесь, какъ веселится вашъ Гансъ Христофоръ. Онъ отличный малый, и я жалѣю, что онъ не былъ при мнѣ въ тѣ славные дни, когда я дрался въ Бреславлѣ съ однимъ дворянчикомъ (Pfeffersack); онъ удивился бы, какъ я справился съ молодцомъ; послѣдній принужденъ былъ просить помилованія и затѣмъ устроить для меня и моихъ секундантовъ приличную пирушку, на которой мы такъ веселились, что лучшее вино текло у насъ по всей комнатѣ». Но старая госпожа фонъ Б. отвѣчала на это: «Вамъ дѣлаетъ честь, что вы послѣ одного глотка вина съ бюргерами, вполнѣ сходитесь съ ними. И это особенно васъ касается, юнкеръ Мартинъ Генрихъ, потому что вы всегда жаждете вина; если вы пронюхаете гдѣ-либо пару стакановъ вина, то пьете на ты со всѣми, будь то бюргеры или дворяне. Вы даже называете, какъ мнѣ говорили, всѣхъ дворянчиковъ дядями или двоюродными братьями. Знай я это навѣрное, то клянусь, никогда въ жизни не назвала бы васъ племянникомъ. Скажите, что у васъ опять за шрамъ на лбу? Безъ сомнѣнія, вы получили его въ какой-нибудь новой дракѣ, это бы еще ничего, еслибъ вы имѣли дѣло не съ бюргерами».

«Считаете вы меня дуракомъ, что ли», сказалъ юнкеръ Фогельбахъ, «чтобъ я сталъ называть этихъ мужиковъ дядями и двоюродными братьями, хотя бы императоръ далъ имъ еще такую же грамату? Братомъ назвать еще можно, пока они охотно даютъ вина».

«Между тѣмъ гости развеселились отъ разговоровъ, табаку и вина, причемъ голландецъ замѣтилъ, что изъ двухъ, недурно образованныхъ, дочерей хозяина въ танцахъ участвовала постоянно одна изъ нихъ и притомъ обѣ были одѣты совершенно одинаково; изъ этого гость могъ заключить, что у добрыхъ дѣвушекъ было только одно платье, и что въ то время какъ одна танцовала въ комнатѣ, другая, раздѣвшись, терпѣливо должна была ожидать своей очереди. «Не милыя ли это дѣти, говорила ихъ мать, подсаживаясь съ другими дамами къ госпожѣ фонъ Б., онѣ умѣютъ такъ благородно держать себя, и мое сердце радуется, какъ къ нимъ все идетъ. И еслибы Pfeffersäcke въ городахъ навѣшали на себя еще столько украшеній, то бюргеръ все же былъ бы видѣнъ». «Не безъ того», сказала другая дама, «у меня сердце разрывалось, когда я видѣла въ городѣ этихъ людей, богато одѣтыхъ и разъѣзжающихъ въ великолѣпныхъ каретахъ. Блестите, подумала я, сколько хотите, и еслибы вы вмѣсто лучшаго вина пили каждый день жемчугъ, то все же вы бюргеры, останетесь ими всегда и никогда не сравняетесь съ нами».

«При такой болтовнѣ женщинъ, смѣхѣ, ликованіи, танцахъ, наступила ночь, и такъ какъ фонъ К. могъ угадать, что этотъ пиръ окончится обычными бранью и ссорами, то онъ сдѣлалъ знакъ голландцу и пошелъ съ нимъ къ знакомому крестьянину, у котораго они и переночевали на соломѣ. На слѣдующее утро ихъ разбудилъ конюхъ фонъ К., отъ нихъ требовали, чтобы они были въ качествѣ свидѣтелей дуэли, причемъ главнымъ зачинщикомъ былъ Фогельбахъ; они поспѣшно встали и направились къ польской границѣ близь деревни. Но наши не имѣли къ этому ни малѣйшаго желанія; фонъ К., который стыдился глупыхъ поступковъ своихъ земляковъ, сдѣлалъ своему конюху знакъ молчать, затѣмъ они сѣли на лошадей и, пріятно бесѣдуя, поѣхали своимъ путемъ».

Таковъ разсказъ Павла Винклера. Въ 1700 году нравы провинціальнаго дворянства немного смягчились, жизнь улучшилась, а шайки бѣдныхъ дворянъ стали рѣже. Но все еще нѣкоторые пытались оказывать сопротивленіе слабымъ мѣстнымъ законамъ, а правительства усердно ратовали противъ хитрости и насилія нѣкоторыхъ, завладѣвавшихъ имѣніями умершихъ, не имѣя на это права. Все еще страдало большинство провинціальнаго дворянства отъ денежныхъ займовъ и громче всего жаловалось оно на то, какъ легкомысленно давались и снова покупались ипотечныя бумаги и какъ вошло въ обычай обманывать закладными документами, которые значительно превышали покупную цѣну имѣнія. Въ такихъ случаяхъ назначался аукціонъ вездѣ, гдѣ ему не препятствовали ленныя отношенія или фамильныя постановленія, все еще горѣли восковыя свѣчи, которыя по старинному обычаю зажигались утромъ въ день аукціона, указывая время, когда покупатели должны были заявлять свои желанія.

Въ большей части германскихъ земель пріобрѣтеніе дворянскаго помѣстья зависѣло отъ дворянскаго права, господствовавшаго въ данной мѣстности; конечно, его опредѣленіе не имѣло вездѣ законной силы, но почти вездѣ помѣщики-дворяне составляли сильную корпорацію и исключали изъ своихъ собраній всѣхъ неблагородныхъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ недворяне получали ленъ, какъ напримѣръ, въ Тюрингенѣ и Мейзенѣ, они владѣли имъ съ ограниченіями. Обыкновенно только бюргеры нѣкоторыхъ привилегированныхъ городовъ имѣли право пріобрѣтать дворянскія помѣстья, но и они лишались его, коль скоро имъ приходилось составлять предѣлы благопріятствовавшаго города. Также иногда допускались исключенія въ бюргерскихъ совѣтахъ и между сочленами университета. По правилу, недворянинъ могъ взять помѣстье только подъ залогъ, но не владѣть имъ какъ своею собственностью. Даже пожалованный дворянинъ

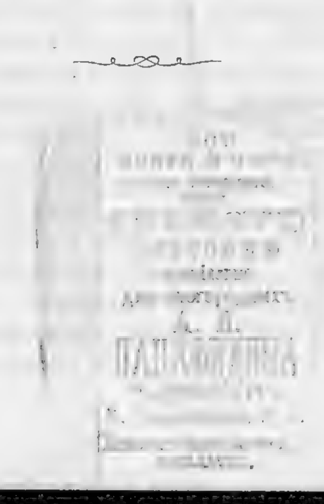
не могъ свободно пріобрѣсти дворянскаго имѣнья; для этого нужно было особое согласіе владѣтельнаго господина или дворянской общины; въ императорскихъ наслѣдственныхъ земляхъ это право получали только тѣ дворяне, которые были возводимы въ это званіе, и даже тогда во всякомъ случаѣ нужно было покупать такое право у владѣтельнаго господина и обезпечивать его бумагой. Даже отъ старинныхъ фамилій императоръ старался добыть денегъ, приказывая имъ покупать снова это право для своихъ сочленовъ.

Еще и другія ограниченія налагалъ императорскій дворъ, который до позднѣйшаго времени дѣлилъ свое дворянство на благородныхъ, господъ и дворянъ. Кто изъ бюргерства былъ возводимъ въ дворянство, но продолжалъ вести прежній образъ жизни, тотъ не могъ быть похороненъ съ приличною своему званію погребальною процессіею. Императорскій приказъ простирался и на дворянокъ, которымъ въ 1716 году было запрещено выходить замужъ за лютеранскихъ священниковъ, такъ какъ это считалось непристойнымъ для дворянства.

Какъ у крестьянъ, такъ и въ жизни нѣмецкаго дворянства почти съ 1700 года ясно обнаруживается наступленіе новаго времени.

Aus dem Leben des niedern Adels. Bilder aus der deutschen Vergangenheit von Gustav Freitag. S. 297—350. Leipzig, 1872 г.

Конецъ втораго тома.



ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
7	(въ примѣч.)		внука дочери Франциска I	внука Франциска I
9	св.	7	Союзу	Лигѣ
11	св.	6	женщихъ	женщинъ
—	св.	22	переправилась	переправилась
12	св.	4	умалились	умалилась
24	св.	21	На слѣдующей	На слѣдующій
25	сн.	14	Союза	Лиги
27	св.	19	гарнизонимъ	гарнизономъ
34	сн.	9	инстпктомъ	инстинктомъ
37	сн.	11	внѣ	на внѣшнее
40	сн.	1	зачислять	заносить
41	сн.	19	оставившихся	остававшихся
44	сн.	13	печатей	печати
45	сн.	7	права	налоги
56	сн.	11	разоблачали	разоблачало
59	св.	6	Европы	Европы,
60	св.	11	(деталей)	деталей
61	сн.	10	брошенныя	брошенныя
71	св.	10	догла	долга
—	сн.	10	по обыковенію	по обыкновенію
76	св.	6	Государственный долгъ не могъ, всецѣло	Государственный долгъ не могъ всецѣло
77	сн.	20	объѣздъ провинціи	объѣздъ провинцій
78	св.	15	обличить	облегчить
79	св.	17	измѣнить	отмѣнить
107	св.	7	надѣятся	надѣяться
118	св.	9	прелагавшійся	предлагавшійся
119	св.	5	революціоннему	революціонному
123	сн.	8	это перемѣна	эта перемѣна
141	св.	9	дѣлалались	дѣлались
143	сн.	9	д'Эффа	д'Эффіа
144	сн.	20	способамъ	способомъ
160	св.	4	де Лоневилль	де Лонгвилль
162	св.	14	де ла Мелльера	де ла Мелльере
173	(въ огл.)		убійство	убійства
183	сн.	19	въ сочиненія:	въ сочиненіи
185	сн.	9	въ Трастсверѣ	въ Трастеверѣ
192	св.	13	за собой удерживали собственно,	настаивали собственно на томъ,
202	сн.	11	св. Тереза буквально	св. Тереза будто бы.

Стр.		Строка.		
205	св.	28	и Италія	и Италію
209	св.	16	оружіемъ	орудіемъ
224	св.	17	предсѣдательствуетъ сю	предсѣдательствуетъ въ ней
228	сн.	16	сложенія	принятія
230	св.	6	сложеніемъ	принятіемъ
—	св.	16	по сложеніи	по принятіи
231	св.	2	не слагаютъ	не принимаютъ
232	сн.	7	слагалось	принималось
245	св.	14	вособенности	въ особенности
250	св.	18	обѣихъ	обоихъ
255	(въ огл.)		Регвезенсъ	Реквезенсъ
260	сн.	20	пропаганду [1])	пропаганду [1]);
—	сн.	17	въ Мюнстерѣ; Насколько	въ Мюнстерѣ; насколько
261	сн.	16	островами зеленаго мыса	островами Зеленаго мыса
263	сн.	18	учился узнать	старался узнать
264	св.	13	въ Санъ-Бенито	въ санъ бенито
270	сн.	18	въ Алкавалѣ	въ Алкалѣ
275	сн.	13	Жераръ гехбургундецъ	Жераръ гохбургундецъ
281	сн.	1	къ который	въ который
287	сн.	4	Снятіе креста	Снятіе со креста
300	сн.	4	причину	причину
312	св.	8	мужщинами	мужчинами
321	сн.	12	турнебскихъ	турнейскихъ
323	сн.	14	въ Мехлинѣ	въ Мехельнѣ
337	сн.	10	Солиманъ	Солимана
338	св.	2	то законъ не признаетъ мира ?»	то законъ не признаетъ мира».
340	сн.	18	Семима	Селима
343	сн.	1	изорѣтательные	изобрѣтательные
344	св.	14	Испаніи, кардиналъ	Испаніи и кардиналъ
365	сн.	15	такъ гибельна	такая гибельная
368	св.	5	подчинится	подчиниться
370	сн.	2	привилегіи». Настроеніе	привилегіи», настроеніе
373	сн.	2	вооружилъ б	вооружилъ бы
—	сн.	24	проповѣдывавшихъ	проповѣдывавшимъ
378	св.	11	представился бы	представился
381	сн.	10	(Обратились	Обратились,
387	св.	12	вносы	взносы
393	сн.	16	Эдинбургѣ	Эдинбургъ
478	св.	11	1650—1685	1660—1685 г.
500	св.	6	до необыкновен	до необыкновенной
507	св.	4	сочиненіе которагo,	сочиненіи, котораго,

Приложеніе къ опечаткамъ I тома.

Стр.		Строка.		
302	св.	19	ножницы	рѣзецъ
306	св.	4	нарисовалъ святую Марію della Pace	нарисовалъ сивиллъ въ церкви св. Маріи della Pace
719	св.	1	секретаря лорда у	секретаря у лорда

10 000 z

4 руб